

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА

МАТЕРИАЛЫ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
28 февраля — 1 марта 2019 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2019

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

ISBN 978-5-288-05977-3

УДК 330
ББК 65

Редакционная коллегия:

*О. Л. Маргания, С. А. Белозёров, Д. И. Артемова, С. А. Калайда, О. А. Канаева,
Р. В. Карапетян, А. Г. Коваль, Д. Н. Колесов, Ю. В. Крылова, А. Н. Лякин,
В. Н. Лукашов, А. И. Погорлецкий, Б. И. Соколов, Е. В. Соколовская, С. И. Шаныгин*

Ответственные редакторы:

С. А. Белозеров, Д. Н. Колесов, А. Н. Лякин

Рецензенты:

*А. Г. Алтунян, А. Ф. Борисов, С. А. Вавилов, Ю. Н. Гузов, В. В. Иванов,
Д. Н. Колесов, Е. М. Коростышевская, В. Ю. Пашкус, Г. В. Чернова*

(6,2 Мб) **Устойчивое развитие: общество и экономика:** материалы VI Международной научно-практической конференции, 28 февраля — 01 марта 2019 г.

Сборник материалов издан по результатам VI Международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие: общество и экономика», состоявшейся в рамках Международного форума труда — 2019, организованного Правительством Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургским государственным университетом 28 февраля — 01 марта 2019 г.

Сборник материалов предназначен для студентов, бакалавриантов, магистрантов, аспирантов и преподавателей экономических специальностей вузов, научных и практических работников.

Подписано к использованию 30.10.2019
Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс +7(812) 328-44-22
E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ЗАНЯТОСТЬ В РОССИИ

<i>Алпатов Г. Е.</i>	
Экономический рост: потерянные причины	15
<i>Батистова О. И.</i>	
Деофшоризация как фактор экономического роста	19
<i>Васильев В. П.</i>	
Цели и индикаторы устойчивого развития.....	23
<i>Дегтярева И. В., Шалина О. И., Неучева М. Ю.</i>	
Эффективность ТОР как драйверов экономического роста в России.....	27
<i>Дементьев В. В.</i>	
Хозяйственный порядок, промышленная революция и экономическая власть.....	31
<i>Лякин А. Н.</i>	
Затухание экономического роста в России	35
<i>Максимов С. Н.</i>	
Программы реновации городских территорий и проблема джентрификации в российских городах	39
<i>Нуреев Р. М.</i>	
Экономические санкции против России: четыре года спустя.....	43
<i>Романова Е. В.</i>	
Проблемы конкурентоспособности субъектов малого предпринимательства в современной России.....	48
<i>Румянцев М. А.</i>	
Инфраструктурные мегапроекты и экономическое развитие	52
<i>Румянцева С. Ю.</i>	
Смена длинных волн в экономике и институциональные ограничения производительности труда: препятствия для новых технологий	56
<i>Фенин К. В.</i>	
Взаимодействие урбанизации, разделения труда и экономического роста	60

Черемисинов Г. А.

Концепции и практика социальноориентированного экономического развития.....	64
--	----

Шевелев А. А.

Институциональные ограничения экономического роста в современной России.....	68
---	----

Базжина В. А., Драгомирова Е. А.

Четвертая промышленная революция и занятость: экономические и правовые проблемы	72
--	----

Благих И. А.

Модель социального государства: теория и практика для современной России.....	75
--	----

Борисов Г. В.

Межпоколенная корреляция образования в России: предварительные результаты	79
--	----

Вередюк О. В.

Адаптационная динамика занятости в России: интенсивный и экстенсивный компоненты	82
---	----

Вишняков М. А.

Инклюзивный зеленый рост и цифровизация экономики: Современные вызовы для рынка труда и формирования человеческого капитала	86
---	----

Дроздов О. А.

Социальная политика в России: идеологические основы и результаты.....	90
---	----

Дубянский А. Н.

Трудовые отношения в контексте разрушения социального государства	94
---	----

Рязанов В. Т.

Новая технологическая революция и проблемы занятости.....	97
---	----

Санкова Л. В.

Устойчивое развитие и занятость в цифровой экономике.....	101
---	-----

Ушанков В. А.

Отечественный вариант модернизации экономической теории, предложенный на рубеже XIX и XX веков	105
---	-----

Яковлева Е. Б.

Эффективность использования иностранной рабочей силы в российской экономике	109
--	-----

Раздел 2

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Батаева Б. С.

Развитие форм собственности работников как фактор преодоления социального неравенства	113
--	-----

Белоусов К. Ю.

Трансформация рынка труда в процессе перехода к цифровой экономике как новый вызов устойчивости бизнеса	116
--	-----

Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Бартлин Е. А.

Масштабы неустойчивой занятости в Российской Федерации	120
--	-----

Вайнгорт В. Л.

Трансформация характера труда при переходе к постиндустриальной экономике и ее социальные последствия на примере Эстонии	124
--	-----

Голубев К. И.

О некоторых проблемах гуманизации управления трудом в рамках концепции новых человеческих отношений	128
--	-----

Канаева О. А., Спиридонова Н. В.

Социальные цели устойчивого развития ООН: практика российских компаний.....	132
--	-----

Мутаев У. К.

Некоторые аспекты российской миграционной политики и их влияние на рынок труда	136
---	-----

Никоноров С. М., Кириллов С. Н., Пакина А. А.

Регулирование конфликтов природопользования как фактор социальной политики на байкальской природной территории	140
---	-----

Одинцова Е. В.

Положение работников в сфере занятости в России: проблемы и перспективы формирования средних классов	143
---	-----

Смирнов А. В., Мисько О. Н.

Социальная политика Р. Рейгана	147
--------------------------------------	-----

Соловей Т. Н., Новиков А. Ю.

Поколение Z на рынке труда	151
----------------------------------	-----

Соловьева О. А.

Экономико-правовые аспекты государственного регулирования национального рынка труда	154
--	-----

Судова Т. Л.

Старение населения: возможные проблемы на рынке труда 158

Чекмарев О. П.

Гибкие формы занятости на рынке труда 162

Раздел 3**ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА
И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ НА РЫНОК ТРУДА**

Борисов Г. В., Попова Л. В., Сутырин С. Ф.

Совершенствование структуры внешнеторговых связей России
как условие роста производительности труда 166

Избиенова Т. А.

Участие работников в управлении организацией
как механизм повышения производительности труда
в условиях цифровой экономики (на примере ФРГ и РФ) 169

Лубочкин М. М.

Проблемы и перспективы повышения производительности труда
в сфере маркетинга в российской и мировой экономике 173

Максимова Т. Г., Попова И. Н.

Измерение производительности труда по данным официальной статистики
и тематических онлайн-запросов 177

Подоба З. С.

Динамика и структура товарооборота ЕАЭС и Республики Корея 181

Шаныгин С. И., Зуга Е. И.

Производительность труда в России: региональный аспект 185

Белов А. В.

Развитие человеческого потенциала в литературе об инициативе
«Один пояс — один путь» 188

Говорова Н. В.

Бедность и неравенство в странах Европейского союза 191

Долинина Т. Н.

Неравенство доходов в Республике Беларусь 195

Земскова О. В.

Неравенство и рынки труда в России: методологические проблемы
исследования 199

Родионова Н. В.

Институт социальной ответственности как инструмент
сглаживания проблемы неравенства доходов 203

Раздел 4

ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: КОМПЕТЕНЦИИ И АДАПТАЦИЯ

Антипина Е. В.

Кризис теории в эпоху цифровой революции 207

Барановский А. Д., Нейжмак Е. Ю.

Трудовые ресурсы в цифровой экономике: проблемы и перспективы 211

Болдырева Н. Б., Решетникова Л. Г.

Финансовая грамотность в контексте цифровых компетенций 215

Войкина Е. А., Шубенкова Е. В.

Развитие образовательных программ по подготовке кадров
для цифровой экономики: российский и международный опыт 219

Калабина Е. Г.

Компетентностный подход в политике
профессионального развития персонала
(случай крупной промышленной компании) 223

Креховец Е. В.

Роль социальных связей в адаптации выпускников вузов на рынке труда 227

Крылова Ю. В., Крылова В. Т.

Трансформация деловой инфраструктуры города
в условиях цифровой экономики 231

Лезина Т. А., Вьюненко Л. Ф., Иванова В. В., Стоянова О. В.

Цифровые компетенции как основа цифровой культуры 235

Малаховская М. В., Кобзева Л. В.

Устойчивость трудовых практик в процессах трансформаций
хозяйственной системы 239

Маничев С. А.

Софт-скиллз: проактивное поведение в современных моделях
дизайна работы 242

Попова О. В.

Социальная сфера как фактор устойчивого развития арктических
и северных регионов (на примере Республики Саха (Якутия)) 246

Терешко Е. К., Гутман С. С.

Разработка рекомендаций по совершенствованию системы образования
в арктическом регионе 249

Флек М. Б., Угнич Е. А.

Профессионально-образовательная экосистема
в условиях цифровой трансформации 253

*Янгирова А. И., Орлова Н. С.*Решения, направленные на повышение доступности финансовых продуктов
и услуг для маломобильных групп населения 258*Никитина Т. В., Дембинская В. С.*

Роль поведенческой экономики в финансовом просвещении 262

Евневич М. А.

Customer centric тренды в цифровой экономике..... 265

*Бабынина Л. С.*Развитие цифровых компетенций населения для преодоления
технологического отставания страны..... 269**Раздел 5****ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ГРАНИЦЫ ОБЩЕСТВА ТРУДА***Васильева Е. А.*Трансформация содержания труда государственных служащих:
от администрирования к управлению 273*Войтенко С. С., Гадасина Л. В.*Гибкие умения (softskills) как существенный фактор повышения
конкурентоспособности молодых специалистов
на современном рынке труда 277*Гретченко А. И., Гретченко А. А.*Развитие трудового и технологического потенциала
высокотехнологичного предприятия с учетом тенденций формирования
цифровой экономики..... 281*Евсеев Е. А.*

Доверие и риски цифровой экономики 285

Олехнович Г. И., Елацков С. Ю.

Цифровые технологии в земледелии: состояние и перспективы 289

*Меньшикова Г. А., Евстратчик С. В., Пруель Н. А., Савин С. Д.*Коррупция как фактор, влияющий на социально-трудовую жизнь
(по материалам уличного опроса) 293*Забелина О. В., Мирзабалаева Ф. И.*Основные факторы изменений в сфере занятости
в условиях цифровизации российской экономики 297*Кляуззе В. П.*Обеспечение социальной защиты фрилансеров в условиях цифровой
экономики 301

Красильников О. Ю.

Проблемы изменения структуры рынка труда в условиях становления цифровой экономики в России	305
--	-----

Никифорова О. А.

Бренд Петербурга в формировании мотивов к академической мобильности	309
--	-----

Сошнев А. Н., Сошнева Е. Б.

Цифровизация как триггер сферы труда	312
--	-----

Юссуф А. А.

Особенности развития цифровой экономики на региональном уровне	316
---	-----

Токарева Г. Ф., Багаутдинова И. В.

Современные тенденции в регулировании налогообложения цифровой экономики	320
---	-----

Хаджаев Х. С.

Роль и значение цифровой экономики в Узбекистане	324
--	-----

Раздел 6

СТРАХОВАНИЕ И ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Базанов А. Н.

Пенсионное обеспечение или пенсионное страхование	328
---	-----

Домнина О. Л., Тукмакова Д. А.

Реформирование обязательного пенсионного страхования: анализ причин и возможных последствий	331
--	-----

Калайда С. А., Фаизова А. А., Солопенко Е. В.

Добровольное пенсионное страхование и негосударственное пенсионное обеспечение в РФ	335
--	-----

Козьминых О. В.

Оппортунистическое поведение медицинских организаций в добровольном медицинском страховании	340
--	-----

Лобанова М. Е., Ховменец В. В.

Роль страхования в условиях пенсионной реформы	345
--	-----

Писаренко Ж. В., Кузнецова Н. П.

Институциональные инвесторы в контексте устойчивого развития	350
--	-----

Соловьев А. К.

Перспективы реализации солидарно-страховых принципов государственной пенсионной системы	353
--	-----

Цветкова Л. И.

Преимущества региональных страховых компаний в использовании инструмента добровольного пенсионного страхования как дополнительного финансового обеспечения в условиях пенсионной реформы.....	358
--	-----

Шипицына С. Е.

Социально-экономические последствия повышения пенсионного возраста в российских регионах	362
---	-----

Яковлева А. В.

Развитие системы страхования от безработицы в условиях цифровой экономики.....	366
---	-----

Раздел 7**ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА***Голикова А. С.*

Исходные данные для оценки бюджетной эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов.....	369
---	-----

Гугучкин В. А.

Совершенствование жилищно-накопительной системы в Казахстане	373
---	-----

Канаев А. В., Канаева О. А.

Финансовые приоритеты «Группы двадцати» и инициативы центральных банков в области устойчивых финансов	376
--	-----

Кочергин Д. А.

Ключевые аспекты выпуска цифровых валют центральных банков.....	380
---	-----

Львова Н. А., Воронова Н. С.

Вызовы финансового стимулирования экономики в условиях формирующегося рынка.....	385
---	-----

Теляк О. А.

Долларизация в стране с малой открытой экономикой: факты и вызовы	389
--	-----

Уразгалиев В. Ш.

Международные резервы финансовой безопасности России.....	393
---	-----

Белозёров С. А.

Налоговые риски цифровой экономики, возникающие при налогообложении доходов корпораций	398
---	-----

Вишневский В. П., Вишневская Е. Н.

Новые тенденции в налогообложении в контексте
четвертой промышленной революции 402

Иванов Ю. Б.

Регулятивный потенциал налогов на труд в цифровой экономике 406

Колесов А. С.

Налоговая политика: региональный и местный аспекты 409

Кольцова А. А.

Необходимость налогового стимулирования частных индивидуальных
инвестиций в образование 412

Погорлецкий А. И.

Развитие международного налогового контроля в цифровую эпоху 416

Соколовская Е. В.

Особенности налогообложения компаний цифрового сектора экономики 420

Коцопана Т. В.

Множественность функций цены и многофакторная природа инфляции
в современной экономике 424

Протасов А. Ю.

Денежно-кредитное регулирование инфляции в России:
возможности и ограничения 428

Раздел 8

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО, ИННОВАЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ТРУДА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Артемова Д. И.

Инновационная инфраструктура современного университета 432

Галай Н. И.

Современные подходы поведенческой экономики
в разрезе потребления банковских услуг 436

Давыденко Е. А.

Разработка модели диджитал-платформы бренда
и модели анализа потребительского поведения 440

Заболоцкая В. В.

Лучшие мировые модели государственной поддержки
инновационной деятельности малых и средних предприятий:
взгляд из России 444

<i>Капусткина Е. В., Меньшикова Г. А.</i> Стратегия достижения целей устойчивого развития в российском бизнесе	448
<i>Киварина М. В.</i> Социализация института предпринимательства в условиях цифровой экономики	452
<i>Куклина Е. А.</i> Участие в глобальных цепочках стоимости как фактор экономического роста и повышения занятости населения России	456
<i>Кухто Ю. Ю., Грузд М. Ю.</i> Технологии «блокчейн» и «смарт контракт» как новый этап функционирования учетно-аналитических систем	460
<i>Лукашов В. Н., Лукашов Н. В.</i> Построение адекватного рискам резервного фонда при формировании сметы затрат на этапе поисковых НИР в рамках инновационного проекта полного цикла	464
<i>Молчанов Н. Н., Рыбакова Ю. В.</i> Клиентоориентированные инновации в концепции совместного создания ценности	468
<i>Молчанов Н. Н., Муравьева О. С., Макарова М. С.</i> Анализ влияния на потребителей инструментов цифрового маркетинга (на основе их самооценки)	472
<i>Полюга М. С.</i> Особенности цифровизации экономики в Калининградской области	476
<i>Смирнов С. А., Дудин К. И.</i> Управление надежностью в цепях поставок	480
<i>Федорова И. С.</i> Цифровая трансформация банка: особенности новой корпоративной культуры	484
<i>Анохина Е. М., Мелякова Е. В.</i> Влияние структуры бизнеса и эффективности управленческих технологий на развитие депрессивных регионов России	488
<i>Жигалов В. М.</i> Качество управления как стратегический индикатор устойчивости регионов России	492
<i>Кульчицкая Е. В., Маслова Е. В.</i> Управление талантами в цифровой экономике	495

Маленков Ю. А.

Влияние цифровизации экономики на функции управления и изменение компетенций управленческого персонала	499
---	-----

Минина В. Н., Зубенко Н. С.

Компетенции эффективного линейного руководителя	503
---	-----

Михеева Д. Г.

Цифровые технологии как фактор развития телевидения.....	507
--	-----

Омельянович Л. А.

Взаимодействие между работодателями и образовательными организациями высшего профессионального образования	511
---	-----

Сотников Н. З.

Формализация стратегии деловой карьеры в соответствии с методологией balanced scorecard (BSC).....	515
---	-----

Сотникова С. И.

Смена парадигмы рабочего времени: вызовы цифровой экономики	519
---	-----

Раздел 9

ПРИМЕНЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ МЕТОДОВ В ЭКОНОМИКЕ

Алипов А. С.

Нерешенные проблемы применения математических методов в экономике природопользования в условиях современной России	523
---	-----

Воронцовский А. В.

Современные направления развития макрэкономического моделирования	527
--	-----

Вымятина Ю. В., Антонова Д. В., Артемова М. В.

Финансовые циклы в странах Евразийского экономического союза	531
--	-----

Дружинин П. В.

Моделирование влияния экономического развития на состояние окружающей среды	536
--	-----

Козловская Н. В.

Модель управления запасами при производстве товара, состоящего из модулей	540
--	-----

Колесов Д. Н.

Влияние инфляции и процентных ставок на реальный сектор.....	545
--	-----

Кучаков Р. К., Раскина Ю. В., Подкорытова О. А.

Гетерогенность самооценок здоровья россиян	549
--	-----

<i>Смирнов Р. О.</i>	
Построение модельной функции распределения доходов.....	554
<i>Соколов М. В.</i>	
Как измерить средний темп роста?	558
<i>Цыбатов В. А.</i>	
Энергоэффективное развитие региона: модели и информационные технологии.....	563
<i>Халин В. Г., Чернова Г. В.</i>	
Подготовка кадров для цифровой экономики России: состояние, проблемы и перспективы.....	568
<i>Кузнецова А. С.</i>	
Оценка влияния информационных технологий на качество образования	573
<i>Михайлов М. В.</i>	
К вопросу измерения качества подготовки специалистов в системе высшего профессионального образования.....	576
<i>Егорова И. Е.</i>	
Методика формирования рабочих групп на основе их комплексной оценки по социально-психологическим и профессиональным критериям.....	580

Раздел 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ЗАНЯТОСТЬ В РОССИИ

Алпатов Г. Е.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
g.alpatov@spbggu.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ПОТЕРЯННЫЕ ПРИЧИНЫ

Аннотация: Решение проблемы стагнации экономики России рассматривается с позиции факторов, влияющих на рост инвестиций в кейнсианском ключе. Инвестиционная активность определяется уровнем спроса, а спрос — доходом. Спрос домохозяйств непосредственно определяет поставку неторгуемых товаров и индуцирует инвестиции для производства товаров и услуг для населения. Поэтому среди факторов возврата к экономическому росту наиболее релевантным является рост доходов низко- и среднеоплачиваемых слоев населения, которые составляют 96 % домохозяйств. В докладе анализируется стратегия налогово-бюджетной политики Правительства РФ, которая заключается в изъятии доходов населения для целей финансирования крупных государственных проектов. Делается вывод, что более эффективной стратегией мог бы стать рост доходов домохозяйств за счет сокращения доходной и расходной частей государственного бюджета и, как следствие, улучшение рыночной конъюнктуры, индуцирующее новые инвестиции и экономический рост.

Ключевые слова: экономический рост, доходы домохозяйств, налогово-бюджетная политика, совокупный спрос.

Alpatov G. E.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

ECONOMIC GROWTH: LOST CAUSES

Abstract: The solution to the problem of the stagnation of Russian economy is considered from the position of factors affecting investment growth in the Keynesian key. Investment activity is determined by the level of demand, and demand — by income. Household demand directly determines the supply of non-tradable goods and induces investments to produce goods and services for the population. Therefore, among the factors of a return to economic growth, the most relevant is the growth of incomes of low and middle-paid segments of the population, which constitute 96 % of households. The report analyzes the strategy of the fiscal policy of the Government, which is to withdraw the income of the population for the purpose of financing large state projects. It is concluded that a more effective strategy would be to increase household incomes by reducing the revenue and expenditure parts of the state budget, and as a result, improved market conditions, which in turn induce new investments and economic growth.

Keywords: economic growth, household income, fiscal policy, aggregate demand.

Первый тип кризиса — кризис со стороны производства. Кризис — это болезнь экономики в острой фазе, стагнация — ее хроническая стадия. Основным симптом — падение спроса (плохая конъюнктура). Но падение спроса — это относительный параметр. Предложение росло быстрее роста спроса, или спрос падал при прежних объемах предложения. В обоих случаях мы говорим о болезни экономики, но с разных сторон. Первый тип кризиса — сокращение производства при отстающем от предложения, но растущем спросе. Такая конъюнктура сложилась в первые годы перестройки после снятия ограничений для внешней торговли. Предпочтение импорта вызвало относительное перепроизводство отечественных товаров, что привело к сокращению их производства, неполной загрузке мощностей, росту безработицы и сокращению доходов и спроса домохозяйств. Цикличность потребления домохозяйствами товаров длительного пользования обычно нарушается появлением новых товаров и спроса на

них. Но для российского потребителя это был уникальный случай прорванной дамбы и хлынувшего потока неизвестного импорта. Начался период массовой замены населением товаров длительного пользования на новые. Последующее перемещение зарубежных предприятий на территорию страны в 2000-е годы восстановило занятость и доходы, что вместе с сокращением налогов и сокращением темпов инфляции существенно повысило темпы роста экономики. Массовость замены означала и массовость остановки этого процесса примерно к 2010-м годам вследствие насыщения потребности в них. К этому добавилась стагнация годового потока покупок продовольственных товаров. Рост физического объема производства прекратился. Выход из такой стагнации заключается, как известно, в предложении новых товаров (моральный износ прежнего) или в ожидании, когда купленное будет изношено (физический износ) и появится спрос на обновление. Смена фазы массовой закупки новых для российского потребителя товаров в постсоветский период на фазу длительного потребления купленного повлияла на снижение темпов экономического роста, но не была основной причиной снижения с 8 до 1–2 % ВВП. Излишек и сокращение предложения вследствие переключения спроса может быть компенсировано ростом других составляющих совокупного спроса. Без такой поддержки болезнь из острой фазы сокращения спроса может перерасти в хроническую фазу стагнации спроса и ответной стагнации инвестиций.

Другой тип кризиса — кризис со стороны спроса, когда при некоторых темпах производства вдруг заметно начинает падать еще недавно соответствующий предложению совокупный спрос. Это начало хронической болезни вялотекущей стагнации, и ее причина: изъятие дохода через инфляционный налог или в доход государственного бюджета. Потеря населением как части текущего дохода, так и своих сбережений привела домохозяйства с низкими доходами к невозможности придерживаться стратегии перманентного дохода, а правительству поддерживать пенсионные выплаты за счет взносов населения. Домохозяйств, потерявших доход, в России большинство. В 2017 г. недостаточный для простого воспроизводства рабочей силы подушевой доход в 15 тыс. руб., превышал на 47 % прожиточный минимум. Людей с таким доходом было 27,6 %. В 2012 г. на 47 % выше прожиточного минимума 2012 г. получали доход 21 %*. Следовательно, бедность за 6 лет выросла с 21 до 27,6 %, хотя номинальные величины показывают ее существенное сокращение. Она сузила внутренний рынок прежде всего для неторгуемых товаров. Согласно исследованию «Риа рейтинг», в 2018 г. в России лишь 4,4 % работников имели зарплату более 100 тыс. рублей в месяц. Сразу в 22 регионах страны доля людей, получающих 15 тыс. рублей и менее, превышала 33 % [1]. На фоне практически прекратившегося роста реальных доходов населения росла его закредитованность. В августе 2018 г. совокупные долги населения перед банками составили 13,5 трлн рублей, увеличившись с начала года на 10,7 % [2].

Средний показатель роста зарплат или роста реальных доходов при сильной дифференциации доходов камуфлирует реальное сокращение массового спроса за счет перетока средств в пользу верхнего дециля. Показатель розничных покупок имеет здесь преимущество, поскольку учитывает реализованный спрос. По данным исследования Romir [3], индекс среднего чека снижался начиная с 2014. В 2018 г. к 2014 он потерял 13 % (октябрь к октябрю). На пиках продаж (декабрь к декабрю), когда тратится и часть сбережений, сокращение с 670 до 586 руб. на чек, или на 12,5 %.

Для **долгосрочного устойчивого роста** необходимо выяснить, куда исчезают деньги от предыдущего раунда продаж. И почему их не хватает на покупку факторов производства для следующего раунда. Причины как бы вдруг возникшей массовой бедности — это как раз случай потерянных в научных дискуссиях настоящих, а не сопутствующих причин рецессии 2014–2016 гг. и последующей стагнации. Именно правительство изъяло деньги у населения и увеличивает изъятие сейчас, сокращая совокупный спрос домохозяйств. В России в дополнение к реализации внутренней денежно-кредитной политики и неожиданным конъюнктурным сдвигам в последние шесть лет наблюдался перелив денег через госбюджет, существенно сокра-

* Пересчитаны данные ФСС с учетом соотношения дохода и прожиточного минимума в соответствующем году. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/ (дата обращения: 10.12.2018).

щавший доходы домохозяйств. Иммануил Кант писал: «Критерий всего того, что принимается как закон для того или иного народа, заключается в вопросе: принял бы сам народ для себя такой закон?» [4]. После 2012 г. произошли изменения, не гармонирующие с критерием Э. Канта. Увеличены налоги и акцизы, введены новые сборы и повышены штрафы. Особенно агрессивная оптимизация социальной сферы началась в 2018 г. Оптимизация здравоохранения и образования — их сокращение. Пенсионная реформа есть сокращение пенсионных выплат. Не повышавшееся девять лет пособие по безработице было повышено в 2018 г. почти вдвое с 850 до 1500 руб, и достигло 4 % от средней зарплаты. Бенефициаром перечисленных изменений является государственный бюджет. Правительство концентрирует средства путем сокращения бюджетов домохозяйств для 12 мегапроектов стоимостью 16 трлн руб. и на Государственную программу вооружений. Действующая программа 2011–2020 гг. стоила 19,3 трлн рублей. Новая программа ГПВ-2027 будет стоить столько же. Кроме усилий правительства и инфляционного налога, к изъятию дохода можно отнести и экспроприирующие треть дохода 80 % жителей городов, растущие быстрее инфляции цены за ЖКУ при снижающемся качестве услуг.

Выбор стратегии. Отдать доходы бюджета населению или сконцентрировать их для осуществления мегапроектов? Инвестиции есть следствие двух причин — автономных, т. е. новое воплощение знания, и индуцированных спросом. Первые есть главное лекарство от рецессий, порожденных насыщением потребности, какие описаны выше. Появление вторых означало бы, что мы нашли лекарство от хронической стагнации. Импульс к инвестированию от спроса домохозяйств на рынке благ — это естественная функциональная зависимость, отражающая логику рыночной экономики. Инвестировать в то, что можно продать, на что есть спрос. Есть другая логика. Это логика построения системы общественного производства. Цель производства — благосостояние населения. Для этого развитие производительных сил. Для этого инвестиции в них. Другими словами, инвестиции есть цель и причина благосостояния. Вложив средства в инвестиции, получим рост благосостояния. Именно эту стратегическую логику (без учета наличия дополнительного спроса) реформ предлагает для России Всемирный банк. Она, на взгляд авторов их доклада, принесет удвоение темпов экономического роста по сравнению с ожидаемыми 1,3 % за 10 лет: «...пенсионная реформа, увеличение притока мигрантов, рост инвестиций и постепенное ускорение роста СФП [совокупной факторной производительности] могут увеличить потенциальный рост российской экономики до 3 % в 2028 году <...> соответственно 0,4 п. п., 0,2 п. п., 0,6 п. п. и 0,3 п. п.» [5].

Однако именно в этом взгляде кроется опасность вложения без последующей возможности продажи созданного или продажи за счет потери спроса на другие товары и сокращения их производства и инвестиций в них. Инвестиции без излишка спроса ведут к эффекту замещения одного предложения другим без суммарного экономического роста. Утверждение о первичности инвестиций для экономического роста основано, хотя это и не осознается говорящим, на как бы достигнутом необходимом условии, а именно на наличии некоего излишка ликвидности у покупателей. В отличие от плановой логики советского хозяйства, в рыночной динамике причинно-следственная цепь становится обратной. Потребность в инвестициях выступает следствием, зависимой переменной от динамики спроса и от имеющегося у покупателя запаса благ. Прежде чем инвестировать, нужно создать некоторый излишек потенциального спроса, для чего поднять покупательную способность населения. Стратегия — инвестиции, при сокращении доходов в ожидании затем роста благосостояния ведет к сужению спроса в частном секторе. Может показаться, что есть исключение из сказанного. Это инвестиции в инфраструктуру, т. е. такие, которые не требуют покупки товаров. Но и в этом случае домохозяйства покупают мосты и дороги через уплату налогов, что сокращает их спрос на другие товары и услуги. Предпочтительная стратегия заключается в многоканальном повышении текущих доходов домохозяйств со средними и низкими доходами, а затем индуцированные доходом инвестиции. Направления и объемы инвестирования в этом случае определяются голосованием рублем потребителя, а не в кабинетах. Это стратегия постоянно улучшающейся рыночной конъюнктуры вместо стратегии изъятия доходов домохозяйств для инвестиций в государственные мегапроекты. Есть еще один аргумент против изъятия денег у эффективных собственников и их передачи государству. Опыт предыдущих мегапроектов показал ожидаемый перерасход средств. Ког-

да запланированные деньги истрачены, оказывается, что цели достигнуты частично. Так будет и сейчас. Не лучше ли сменить стратегию налогово-бюджетной политики, ориентированную на рост налогов и сокращение зарплат и социальных выплат, и оставить деньги у перечисленных слоев населения?

Выводы. Долгосрочным источником роста благосостояния населения, ключевым средством выхода из хронической стагнации являются частные инвестиции, индуцированные спросом домохозяйств. Правительству для выхода из рецессии нужно начинать не с роста бюджетных расходов в инвестиции. Деньги будут истрачены неэффективно, а доходы перераспределены группам интересов. Стратегически верно начинать с использования инструментов бюджета и институциональных инструментов роста доходов населения, что приведет к росту спроса домохозяйств и потребности в инвестициях. Обнищавшее население не способно обеспечить стабильный экономический рост.

Библиографический список

1. Уровень и распределение зарплат в регионах России. РИА Рейтинг — 2018. URL: <http://riarating.ru/infografika/20181203/630113417.html> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Бахвалова М. Всадники Апокалипсиса. 9 сигналов тревоги для российской экономики. Banki.ru. URL: <http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10760887> (дата обращения: 11.12.2018).
3. Romir Scan Panel. URL: <https://romir.ru/indexes> (дата обращения: 10.12.2018).
4. Кант Иммануил. 1994. Ответ на вопрос: Что такое просвещение // Собр. соч. в 8 т. М.: Чоро. Т.8. С. 33.
5. Экономика России: как обеспечить сохранение стабильности, удвоение темпов роста и сокращение бедности вдвое? Доклад об экономике России № 40 // Группа всемирного банка. Декабрь 2018. С. 65.

Батистова О. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
o.batistova@spbu.ru

ДЕОФШОРИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению процесса деофшоризации как фактора экономического роста и обеспечения национальной экономики инвестиционными ресурсами. Проанализированы масштабы и динамика оттока капитала из РФ, а также меры, направленные на противодействие оффшоризации, включая законодательные акты и соглашения о международном сотрудничестве в сфере борьбы с агрессивными налоговыми практиками.

Ключевые слова: деофшоризация, экономический рост, отток капитала, план «BEPS», амнистия капиталов.

Batistova O. I.

Saint Petersburg State University
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034,
Russian Federation

DEOFFSHORIZATION AS A FACTOR OF ECONOMIC GROWTH

Abstract: The article is devoted to the consideration of the process of deoffshorization as a factor of economic growth and providing the national economy with investment resources. The extent and dynamics of capital outflow from Russia, as well as measures aimed at combating offshorization, including legislative acts and agreements on international cooperation in the fight against aggressive tax practices are analyzed.

Keywords: deoffshorization, economic growth, capital outflow, BEPS plan, capital amnesty.

Стимулирование экономического роста и поддержание устойчивых его темпов является ключевым фактором наиболее полного использования ресурсного потенциала, усиления конкурентоспособности отдельных предприятий и экономики страны в целом, повышения уровня и качества жизни населения. Перед Россией стоит комплексная задача: с одной стороны, сохранить и поддержать уже существующие темпы роста, а с другой — выявить новые его источники в условиях формирования шестого технологического уклада, четвертой промышленной революции и усиления глобальной конкуренции.

Согласно информации, представленной в аналитическом докладе МВФ «World Economic Outlook 2018», темпы роста мировой экономики в 2018 г. и 2019 г. ожидаются на уровне 3,7 %. По оценкам аналитиков, ВВП развитых стран будет расти в среднем на 2,3 %, ВВП развивающихся стран и стран с формирующимися рынками увеличится на 4,7 %, в то время как прогнозируемый рост ВВП РФ составит 1,8 %. Несмотря на то что прогноз Минэкономразвития на период 2019–2020 гг. более оптимистичен (ожидаемый рост ВВП к 2020 г. в базовом и целевом сценариях составит 2,3 % и 3,1 % соответственно, а темы роста общемирового ВВП замедлятся до 2,8 %), сохранение подобной динамики с малой долей вероятности позволит национальной экономике укрепить и расширить конкурентные позиции на мировых рынках [1, с. 5].

Как отмечает министр финансов РФ, А. Силуанов, по доле инвестиций в ВВП Россия отстает от государств, демонстрирующих высокие темпы экономического роста. В РФ данный показатель составляет 21,5 % ВВП, а для обеспечения роста экономики на 3 % в год доля инвестиций в ВВП должна составлять как минимум 25 %. Снижение цен на нефть и санкции в отношении России привели к тому, что инвестиции в основной капитал, по данным Росстата, в 2014, 2015 и 2016 гг. сократились на 1,5 %, 10 % и 0,2 % соответственно. С 2017 г. этот параметр приобрел положительную динамику, увеличившись на 4,4 % по сравнению с 2016 годом [2].

Поэтому одной из главных задач органов законодательной и исполнительной власти является обеспечение национальной экономики инвестиционными ресурсами.

Эффективным механизмом подпитки экономики финансовыми средствами, на наш взгляд, является политика деофшоризации, поскольку экономика РФ имеет офшоризированный характер, что связано с длительной практикой использования офшоров национальными бизнес-структурами. С 1991 г. отток капитала из РФ происходит как законными, так и незаконными путями. Масштабы и динамика легального оттока частного капитала отражена в статистике Центрального банка о чистом ввозе/вывозе капитала частным сектором.

Продолжительная политическая и экономическая нестабильность, низкий уровень доверия к институтам государства и власти привели к тому, что за период с 1994 по 2017 г. чистый вывоз капитала из РФ составил 694,7 млрд долл. США. В 2008 г., во время мирового экономического кризиса, отток капитала за рубеж достиг 133,6 млрд долл. США. В 2009–2013 гг. ситуация относительно стабилизировалась благодаря действиям Центрального банка, направленным на ограничение возможности свободной конвертации национальной валюты в иностранную. Однако рекордная величина вывоза капитала наблюдалась в 2014 г. — 152,1 млрд долл. США, когда страны Европейского Союза и США ввели санкции против отдельных российских должностных лиц и ряда российских финансовых и нефинансовых организаций в связи с событиями на Украине.

В 2015–2017 гг. зафиксировано снижение оттока капитала, что связано прежде всего с реализацией мер, направленных на деофшоризацию российской экономики, ограничением доступа к рынкам капитала ЕС и США российских государственных банков, а также с тем фактом, что большая часть долговых обязательств корпоративного сектора была отдана в 2013 г. и 2014 г., а новые кредиты не были получены ввиду санкций [3, с. 40].

В январе — октябре 2018 г. чистый отток капитала из РФ увеличился в три раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, составив 42,2 млрд долл. США. Центральный банк объясняет такую динамику операциями по погашению внешних обязательств и приобретением активов за рубежом [4]. На наш взгляд, значительную роль в активизации данного процесса играет и угроза новых санкций.

Большая часть легального оттока капитала из России, по данным «World Investment Report 2016», по состоянию на 2015 г. была направлена в государства, относящиеся к офшорным и низконалоговым юрисдикциям. Так, объем накопленных прямых иностранных инвестиций из РФ на Кипре составил 92 млрд долл. США, в Нидерландах — 36 млрд долл. США, на Багамских и Бермудских островах — 21 и 14 млрд долл. США соответственно. Британские Виргинские острова также вошли в первую десятку стран — реципиентов иностранных инвестиций из России (10 млрд долл. США). Масштабы нелегального вывоза капитала оценить сложнее. В отчете международной исследовательской организации «Global Financial Integrity» отмечается, что за 2004–2013 гг. объем незаконных финансовых потоков из развивающихся стран составил 7 847,9 трлн долл. США, а из РФ — 1,05 трлн долл. США. Подавляющая часть средств (87 %) выводилась путем искажения задекларированной стоимости товаров и услуг, т.е. торговой дезинформации. Манипулируя объемом, ценой, качеством товара или услуги в таможенной декларации, бизнес перемещал через государственные границы значительные финансовые ресурсы, которые впоследствии оседали на счетах офшорных юрисдикций.

По мнению советника Президента РФ С.Глазьева, выступавшего с докладом на «World Blockchain and Cryptocurrency Summit 2018», за тридцать лет Россия подарила мировой финансовой системе более 1 трлн долл. США в виде утечки капитала. Примерно половина указанной суммы циркулирует между офшорами и российской экономикой, в то время как вторая половина бесследно исчезла. Согласно оценкам аналитиков Национального бюро экономических исследований США (NBER), капиталы, выведенные гражданами РФ в офшоры с 1990 по 2015 г., составили около $\frac{3}{4}$ национального дохода страны.

Значительные объемы законного и незаконного вывоза финансовых средств и злоупотребление офшорами потребовали принятия ряда мер, нацеленных на деофшоризацию. До 2011 г. противодействие оттоку капитала из национальной экономики было несистемным. Оно проявлялось в форме отдельных указаний Центрального банка, определяющих перечень государств со льготным налоговым режимом, приказов Минфина, выделяющих список юрисдикций, сделки с компаниями которых контролируются и подлежат декларированию, публикаций ФНС «черного списка» государств, которые не обмениваются налоговой информацией с РФ [3, с. 42].

Последующий период характеризуется более комплексным подходом к решению данной проблемы. В 2012 г. вступили в силу изменения в Налоговый кодекс РФ, который был дополнен новым разделом, регулирующим механизм установления трансфертных цен между взаимозависимыми лицами. Федеральный закон № 227-ФЗ конкретизировал и расширил перечень контролируемых сделок, в частности сделки резидентов РФ с компаниями, зарегистрированными в офшорных зонах, стали подвергаться тщательному надзору.

В 2013 г. вступили в силу изменения в Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». В законодательство было введено понятие «бенефициарный владелец», под которым понимается физическое лицо прямо или косвенно владеющее юридическим лицом, либо имеющее возможность контролировать его действия. Юридические лица, в свою очередь, обязаны располагать информацией о своих бенефициарных владельцах и предоставлять ее по запросу уполномоченным или налоговым органам.

Важнейшим шагом в области деофшоризации было принятие Государственной Думой Федерального закона № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)» от 24.11.2014 г., на основании которого был создан механизм налогообложения прибыли зарубежных, в том числе офшорных, компаний, а на физических и юридических лиц возложена ответственность уведомлять ФНС об участии в капитале иностранных компаний.

В 2015 г. были внесены существенные поправки в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 227-ФЗ и установлен запрет на проведение государственных закупок у компаний, местом регистрации которых является офшорное государство. В уголовном законодательстве произошло ужесточение ответственности за регистрацию фирм-однодневок и расширено понятие «подставное лицо». С целью увеличения налогооблагаемой базы и привлечения дополнительных средств в государственный бюджет, в РФ с 2015 г. проводится амнистия нелегального имущества и капиталов, первый этап которой пришелся на период с 2015 по 2016 г., а второй этап продлится до конца февраля 2019 г., стартовав 1 марта 2018 г. Амнистия капиталов является эффективным инструментом легализации имущества и денег в международной практике, освобождая резидентов от уголовной ответственности за совершенные нарушения. В репатриации капиталов на первом этапе приняли участие 7,2 тысячи человек, однако, по оценкам экспертов, второй этап будет более эффективным в связи с возможной заморозкой западных счетов россиян и необходимостью подтверждения законности полученных доходов.

Согласно данным главы ФНС М. Мишустина, за последние три года, с учетом информации, полученной из-за границы, за время проверок было доначислено более 60 млрд рублей, а также 24,6 млрд руб. в виде налога, уплаченного с прибыли контролируемых иностранных компаний [5], что может являться дополнительным финансовым ресурсом для стимулирования экономического роста в России.

Россия в 2016 г. подписала «Многостороннее соглашение компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией» и имплементировала в национальное законодательство единые стандарты отчетности, разработанные ОЭСР с целью борьбы с офшоризацией на международном уровне. С 2018 г. РФ начала автоматический обмен информацией о налогоплательщиках с уполномоченными органами 89 юрисдикций, в том числе с Кипром, Люксембургом, Британскими Виргинскими и Сейшельскими островами и уже получила данные от ряда стран. Важнейшим событием 2017 г. стало присоединение России к плану «BEPS» и «Многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения». Основная задача Конвенции состоит в ревизии и устранении пробелов в соглашениях об избежании двойного налогообложения. В плане «BEPS» предусмотрено выполнение 15 шагов, направленных на устранение практик уклонения от уплаты налогов, в том числе решение проблем в области налогообложения цифровой экономики.

Таким образом, деофшоризация может быть эффективным инструментом стимулирования экономического роста. Борьба с офшоризацией должна иметь комплексный характер: сочетать как экономические, так и административные методы.

В этой связи, на наш взгляд, целесообразно продолжить работу, нацеленную на активизацию противодействия офшоризации и, как следствие, поиска и обеспечения внутренних источников экономического роста, по следующим направлениям:

- 1) установить более тесные контакты Федеральной налоговой службы, Федеральной таможенной службы и правоохранительных органов для активизации взаимного обмена информацией;
- 2) усовершенствовать правила трансфертного ценообразования, в особенности в отношении сделок с нематериальными активами;
- 3) активизировать сотрудничество с иностранными юрисдикциями в рамках плана BEPS;
- 4) наращивать сотрудничество с другими странами в рамках «Многостороннего соглашения компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией»;
- 5) совершенствовать нормы в сфере защиты права собственности;
- 6) улучшать инвестиционный климат.

Библиографический список

1. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. Москва: Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/2e83e62b-ebc6-4570-9d7b-ae0beba79f63/prognoz2018_2020.pdf?MOD=AJPERES (дата обращения: 14.12.18).
2. Федеральная служба государственной статистики. 2018. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/ (дата обращения: 14.12.18).
3. Батистова О. И. 2017. Основные направления деофшоризации российской экономики // Экономика и предпринимательство. № 2 (ч. 2). С. 38–45.
4. ЦБ: Чистый отток капитала из России вырос втрое. 2018 // Российская Газета RG.RU. URL: <https://rg.ru/2018/11/12/cb-chistyj-ottok-kapitala-iz-rossii-vyros-vtroe.html> (дата обращения: 12.12.18).
5. ФНС завершает первую отчетную кампанию по автообмену налоговой информацией. 2018. (21 ноября) // РИА НОВОСТИ. URL: https://ria.ru/20181121/1533197839.html?fbclid=IwAR0DdHJdzJYKeP9aK1cHDahwzoWOTkkWnbEoJE930KCC1mZJY3lZ_IpqR5E (дата обращения: 10.12.18).

Васильев В. П.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1
vasvp15@gmail.com

ЦЕЛИ И ИНДИКАТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: Новые подходы к целеполаганию устойчивого развития трансформируют задачи экономического роста в проблемы устойчивости благосостояния и охраны окружающей среды. Основными индикаторами развития становятся ряд синтетических показателей. Представлена система международных рейтингов и их показателей, включающих наряду с экономическими параметрами ряд социо-экологических индикаторов. Вместе с тем показано, что значение показателя ВВП не исчерпано для целеполагания социально-экономической динамики. Экономический рост в высокотехнологических отраслях не сопровождается рисками для окружающей среды и выступает фактором улучшения благосостояния. ВВП как показатель экономического роста сохраняет свое значение и служит аналитическим инструментом для анализа. Определены проблемы неустойчивости развития российского бизнеса, среди которых деформированность рынка труда и устаревшая материально-техническая база.

Ключевые слова: устойчивое развитие, валовый внутренний продукт, индекс человеческого развития, индекс скорректированных чистых накоплений.

Vasiliev V. P.

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

GOALS AND INDICATORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract: New approaches to goal setting for sustainable development transform the objectives of economic growth into problems of sustainable well-being and environmental protection. The main indicators of development are a number of synthetic indicators. A system of international ratings and their indicators is presented, including, along with economic parameters, a number of socio-ecological indicators. At the same time, it is shown that the value of the GDP indicator is not exhausted for the goal-setting of socio-economic dynamics. Economic growth in high-tech industries is not accompanied by risks for the environment and is a factor in improving well-being. GDP as an indicator of economic growth retains its value and serves as an analytical tool for analysis. The problems of instability in the development of Russian business are identified, including the deformed labor market and an outdated material and technical base.

Keywords: Sustainable development, gross domestic product, human development index, adjusted net savings index.

В 2015 г. Генеральная Ассамблея приняла Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 г., в которой содержатся около двух десятков стратегических целей по обеспечению устойчивого развития в интересах человечества, служащих универсальным ориентиром для действий правительств в области развития на период до 2030 г. [1]. Выделено три главных направления: благосостояние, ликвидация нищеты, охрана окружающей среды. Новизна подхода заключается в том, что поставлен вопрос о комплексировании подходов к структурным элементам программы, взаимосвязанности существующих проблем, отказ от индикатора ВВП как единственной цели социально-экономической динамики. Такой подход не является попыткой лишь замены одного интегрального показателя на другой, хотя экономисты и экологи разрабатывают иные статистические показатели роста и устойчивости. По мнению ряда авторов, концепция устойчивого развития выступает парадигмой мирового развития XXI в. [2], что предполагает действия на основе нового социоэкономического мышления, изменения ряда сложившихся взглядов на структурные элементы устойчивого развития и их взаимосвязанность.

Новая парадигма складывалась на протяжении ряда десятилетий. Теоретические исследования были развернуты Римским клубом, в рамках первых докладов которого на основе экономико-математического моделирования глобальных социоэкономических процессов был по-

ставлен вопрос о выживании человечества, структурированы глобальные проблемы, показана их взаимосвязанность и обусловленность.

Вместе с тем в теоретических исследованиях устойчивое развитие трактуется довольно широко, нередко преувеличивается роль одной из структур развития. Во многих случаях рост ВВП рассматривается как некая иллюзия, не имеющая никакого значения как для теории, так и для практики применения оценочных показателей развития и нестабильности.

Исследования Римского клуба показали необходимость «нулевого» или «сбалансированного роста» для сохранения среды обитания человечества [3]. Последовавшие исследования глобализации и структурирования глобальных проблем современности привлекли внимание ученых и политиков к проблемам социального неравенства и бедности населения. Впервые с научных позиций была поставлена под сомнение основная цель макроэкономического развития — рост ВВП или его производных показателей, так как эта цель не совпадает с долгосрочной задачей обеспечения природной среды и часто не тождественна одной из главных проблем общества — оптимизации экономического неравенства.

В научной среде сложился консенсус о пределах экономического роста и необходимости государств и бизнеса защищать невоспроизводимые ресурсы и снижать вредные выбросы в окружающую среду. Однако это не означает сдерживание роста любого промышленного производства и роста добавленной стоимости в отраслях сферы обслуживания. Развитие высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики значительно расширяет границы «пределов роста» и ставит вопрос не о его сбалансированности, а о качестве структуры ВВП. Современные тенденции научно-технического прогресса, основывающегося на цифровых, нано- и биотехнологиях, обозначают новые тренды экономического роста. Бизнес-структуры многих стран мира демонстрируют значительную инновационную активность в добывающих, обрабатывающих отраслях и сфере услуг.

В минувшее десятилетие государства и бизнес нарастили вложения в инновационную деятельность. Затраты на исследования и разработки в таких странах, как Республика Корея, Япония, Германия, Швеция, Австрия, Дания, Финляндия, США, составляют порядка 3–4 % ВВП, что служит основанием для создания в долгосрочном периоде новой материально-технической базы промышленности и сферы услуг, не наносящих ущерба окружающей среде.

Вместе с тем новое качество экономического роста на основе научно-технического прогресса генерирует социальные риски. Это структурная безработица, девальвация человеческого капитала из-за отставания образования от уровня новых технологий, вымывание с рынка труда спроса на ряд традиционных профессий.

В социальных практиках появляется новая задача — адаптация к новым условиям. Высокие темпы экономического роста не всегда решают проблему сокращения неравенства по доходам. Основой этого явления стал рост доходов на капитал [4]. Практика 2000-х годов показал, что устойчиво высокие темпы экономического роста в ряде стран не привели к снижению расслоения населения по доходам.

ВВП как действующий показатель экономической динамики не теряет своей актуальности. Он констатирует цикличные и нецикличные колебания и выступает индикатором для действий бизнеса и государственной власти в условиях рецессий и кризисов. Это было актуально и в период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., в последующие годы, когда экономика многих развитых стран не показывала устойчивого роста.

Как и многие статистические показатели, ВВП имеет ряд ограничений и свою методологию расчетов. Поэтому и экономисты, и ученые других научных школ выступают с критикой этого интегрального показателя развития всех секторов экономики [5]. В основном нигилизм связан с тем, что показатель ВВП не аккумулирует и не отражает проблемы благосостояния, а также не учитывает качество продукции, свободное время как благо для человека и др. К этому, исходя из концепции устойчивого развития, добавляются «неохваченные» проблемы экологии и эффективного использования природных ресурсов.

ВВП в рамках экономической теории выполняет ряд важных функций. Во-первых, он дает интегральный итог экономической деятельности основных субъектов рынка — бизнеса, домохозяйств и государства, включая внешнеэкономическую деятельность этих секторов. Методы

расчета ВВП в Системе национальных счетов представляют серьезную аналитическую базу для исследования не только экономики, но и непосредственно связанных с ней социальных процессов. Так, метод исчисления ВВП по добавленной стоимости ранжирует отрасли, где по величине трудовых затрат и начисленной амортизации основных фондов дает представление о развитости высокотехнологических отраслей. Метод исчисления ВВП по расходам позволяет анализировать соотношение потребительского спроса, инвестиций, государственного предпринимательства и доходов от внешнеэкономической деятельности (чистый экспорт). Метод исчисления ВВП по доходам дает картину соотношения оплаты труда и прибыли.

Дискуссия идет по пути дополнения ВВП или его производных (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности). Предложения сводятся к добавлению к вариантам ВВП либо экологически значимых индексов, либо индексов благосостояния (счастья). Получили известность и используются в качестве международных сопоставлений такие показатели, как Индекс человеческого развития, Индекс счастья, Индекс скорректированных чистых накоплений.

Индекс человеческого развития выступает некоторой базой для других международных индексов, агрегирован на основе индексов продолжительности предстоящей жизни, уровня образования и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, элиминирующего национальные конъюнктуры валютных бирж. Приняты одинаковые весовые значения для каждого из трех параметров. ВВП здесь присутствует в расчете на душу населения и отражает потенциальные возможности социального развития и производительность факторов производства. Индекс счастья, варианты которого называют индексом благополучия, расширяя Индекс человеческого развития, включает наличие гражданских свобод, чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне, стабильность семей, гарантии занятости, уровень коррупции, а также косвенные показатели состояния общества, такие как уровень доверия, великодушные и щедрость. При всей внешней привлекательности ряд позиций индекса не подлежит точному измерению или носит субъективный характер, основанный на опросах граждан разных стран.

В рамках концепции устойчивого развития прорабатывается ряд индексов, направленных на экологические проблемы и эффективность использования природных ресурсов. Перспективным является подход, принятый при создании Индекса устойчивого развития, который представляет собой также значительное расширение Индекса человеческого развития и включает показатели индекса скорректированных чистых накоплений (разработан Всемирным банком); индекса человеческого развития, а также индикаторы истощения природных ресурсов, потребления пресной воды, выбросы парниковых газов и др. Индикаторами, полученными на основе социологических опросов, могут быть общая удовлетворенность жизнью, удовлетворенность действиями властей и т. д.

Расширенные индексы для практического использования крайне полезны для структурирования мер социально-экономической политики и мониторинга их реализации. Однако точность их окончательного интегрирования затруднена определением весовых соотношений, субъективностью оценок социологических опросов респондентами разных стран, сориентированных на национальные традиции и восприятие явлений общественной жизни. В большей степени названные показатели полезны как сравнительные с системой отдельных показателей и их групп, сложившихся в довольно широком диапазоне в национальных статистических системах.

Устойчивое развитие в России, его цели и индикаторы сформированы в системе стратегического планирования, охватывающего комплекс управленческих задач: прогнозирование стратегических направлений развития, формирование знаковых целей, разработка государственных программ отраслей и межотраслевой направленности, включение бизнес-структур в качестве соинвесторов, разработка экономических проектов пространственного развития и деятельности муниципальных образований.

Устойчивость развития России по всей цепочке благосостояние — социальное развитие и экология представлены в 9 национальных целях развития и 12 национальных проектах, в которых определены соответствующие количественные параметры развития до 2024 г.

В целом система национальных целей и проектов на предстоящие шесть лет охватывает многообразие целей устойчивого развития, определенных ООН на многосторонней основе,

учитывая особенности российских социально-экономических практик. Однако стоит задача неограничения экономического роста в поисках факторов его прироста. Реализация социальной и экологической компоненты национальных целей, устойчивости социально-экономического развития обуславливают не столько рост показателя ВВП в международных рейтингах, сколько рост доходов населения, бизнеса и государства. Представляется, что основными драйверами роста могут стать формирование цифровой экономики и пространственное развитие на основе крупных, прежде всего транспортных, проектов.

Устойчивость или неустойчивость бизнеса и в целом экономики проявляется в состоянии и динамике рынка труда: рецессия всегда ассоциируется с ростом безработицы, в 2016–2018 гг. наблюдается стабилизация уровня безработицы, что является позитивным фактором развития бизнеса. Вместе с тем наметилась настораживающая тенденция в структуре этого рынка. Устойчиво происходит перемещение занятости населения из отраслей реального сектора экономики в сферу торговли и финансового посредничества.

Очевидно, что это обстоятельство сокращает возможности экстенсивного экономического роста промышленного и сельскохозяйственного производства. На фоне стагнирующей динамики производительности труда изменение структуры рынка труда выступило фактором неустойчивости, затухания темпов промышленного производства.

Библиографический список

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН, 2015.
2. Бобылев С. 2017. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61, № 3. С. 107–113.
3. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. 2009. The Measurement of Economic Performance and Social Progress revisited: Reflections and Overview. Paris: Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/rapport_anglais.pdf.
4. Пукетти Т. 2015. Капитал в XXI веке. Ад Маргинем.
5. Meadows D., Meadows D., Randers J. 1972. The Limits to Growth: A Report to the Club of Rome. New York, Universe Book. 211 p.

Дегтярева И. В., Шалина О. И.

*Уфимский государственный авиационный технический университет,
Российская Федерация, Уфа, ул. Карла Маркса, 12
idegtjareva57@mail.ru; olenkash@bk.ru*

Неучева М. Ю.

*Башкирская академия государственной службы при Главе Республики Башкортостан,
Российская Федерация, Уфа, ул. З. Валиди, 40
neucheva@mail.ru*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТОР КАК ДРАЙВЕРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ*

Аннотация: В статье рассматриваются территории опережающего социально-экономического развития в России. Показаны цели развития ТОР и их конкурентные преимущества, в числе которых налоговые льготы, режим свободной таможенной зоны, предоставление особых услуг государства и др. Проведен анализ динамики числа ТОР, количества их резидентов, объема привлеченных в них инвестиций и созданных рабочих мест за период с 2015 по 2017 г. Приведены направления совершенствования развития ТОР в России, к числу которых в первую очередь относятся доработка существующей нормативно-правовой базы и разработка методики оценки эффективности функционирования ТОР.

Ключевые слова: территория опережающего социально-экономического развития, нормативно-правовая база, инвестиции, налоговые преференции, эффективность.

Degtyareva Irina, Shalina Olga

*Ufa State Aviation Technical University,
12, Karl Marx str., Ufa, Russian Federation*

Neucheva Milana

*Bashkir State Academy of Public Administration and
Management Under the Head of Republic of Bashkortostan,
40, Validi str., Ufa, Russian Federation*

EFFICIENCY OF TERRITORIES OF ADVANCED SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT AS DRIVERS OF ECONOMIC GROWTH IN RUSSIA

Abstract: The article deals with the territory of advanced socio-economic development in Russia. The objectives of the development of TASD and their competitive advantages, including tax benefits, the regime of the free customs zone, the provision of special services of the state, etc. are shown. The dynamics of the number of TOP, the number of their residents, the volume of investments attracted to them and jobs created for the period from 2015 to 2017 are analyzed. The directions of improving the development of TOP in Russia, which, first of all, include the revision of the existing legal framework and the development of methods for assessing the effectiveness of the territory of advanced socio-economic development functioning are given.

Keywords: territory of advanced socio-economic development, regulatory framework, investments, tax preferences, efficiency.

Для Российской Федерации характерен неравномерный уровень социально-экономического развития регионов. В традиционно худшем положении находятся регионы, лежащие в азиатской части, в частности Дальний Восток. Однако и в европейской части России также есть территории с серьезными экономическими проблемами и рисками, к которым прежде всего относятся моногорода, например, такие как Набережные Челны в Республике Татарстан или Белебей в Республике Башкортостан.

* Публикация подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ «Имплантация конкурентных технологий и финансово-экономических механизмов в ТОР как драйверы регионального развития (на примере Республики Башкортостан)» (проект № 18-410-020024).

С 2015 г. на территории Дальнего Востока, а с 2016 г. на территориях моногородов появилась возможность устанавливать новый правовой режим ведения бизнеса, получивший название Территория опережающего социально-экономического развития (ТОР) [1]. Данный правовой режим ведения бизнеса создан в целях ускорения развития отдельных регионов путем формирования благоприятной среды для привлечения инвестиций и создания новых рабочих мест.

В данной работе исследуется влияние территорий опережающего социально-экономического развития на уровень экономического состояния и индустриализацию регионов России, проблемы и направления совершенствования их развития.

ТОР — это часть территории субъекта РФ, включающая в себя административно-территориальное образование закрытого типа, на которой установлен специальный правовой режим ведения предпринимательской деятельности, предусматривающий ряд налоговых льгот и административных преференций для резидентов данной территории.

Все налоговые льготы и преференции распространяются только на резидентов ТОР, к которым относятся предприниматели и/или коммерческие юридические лица, прошедшие государственную регистрацию и составившие соглашения, в соответствии с нормами законов об осуществлении строго регламентированной деятельности на созданной территории опережающего развития. Резиденты ТОР заключают с управляющей компанией соглашения, предмет и ключевые условия которых регулируются ст. 14 ФЗ № 473.

В общем случае конкурентоспособность территорий опережающего развития определяется комплексом следующих преимуществ:

- спецификой и льготами налогообложения, в том числе ставкой налога на прибыль от 0 до 5 %, нулевой ставкой налога на имущество в течение первых пяти лет и пр.;
- ограниченными ценами на покупку имущества резидентами у управляющей компании (цена не может превышать его кадастровую стоимость) и льготными ставками по арендной плате;
- предоставлением особых услуг от государства и их сокращенными сроками (время получения разрешения на строительство не может превышать 40 дней, экологическая экспертиза 45 дней);
- таможенными процедурами, применяющимися как в свободной таможенной зоне;
- исключительными правами привлекать к деятельности персонал из других стран (без специального разрешения и учета квот);
- особой процедурой проведения муниципального надзора и государственного контроля (для резидентов предусмотрено ограничение по количеству и продолжительности проверок их деятельности);
- особым порядком пользования землей [2];
- использованием технических и санитарных регламентов по примеру стран ОЭСР, в которых успешно действуют подобные зоны;
- финансированием со стороны государства объектов строительства и поддержания инфраструктуры и льготным режимом при подключении к объектам инфраструктуры ТОР;
- возможностью в границах ТОР создавать индустриальные (промышленные) парки [3].

Изначально территории опережающего развития создавались как инструмент развития Дальневосточного федерального округа, ориентированный на подъем его конкурентоспособности и сближение в развитии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Поэтому в первый год со дня принятия ФЗ № 473 ТОР могли создаваться только на территории Дальнего Востока.

По состоянию на июль 2018 года на Дальнем Востоке создано 19 ТОР с общим количеством резидентов 272. На сайте Министерства РФ по развитию Дальнего Востока указано, что благодаря реализации механизма ТОР планируется создать около 43 тыс. рабочих мест и привлечь в регион более 2,2 трлн руб. инвестиций.

Динамика развития ТОР в этом регионе является положительной, за 2017 г. количество резидентов практически удвоилось, в 4,5 раза возрос объем привлеченных инвестиций.

С 2015 по 2017 г. на получение статуса резидента в ТОР в ДФО было подано 390 заявок с заявленным общим объемом инвестиций на сумму более 2,4 трлн руб., из них 204 получили статус резидентов. На сегодняшний момент уже запущен целый ряд новых производств, в том числе трубный завод и завод по выпуску теплоизоляции в Хабаровском крае, цементный и маслоэкстракционный заводы в Амурской области, тепличные комплексы по производству овощей по японским технологиям на Сахалине и в Якутии, логистические центры, спортивно-туристический парк, центр по производству бриллиантов в Приморье, животноводческий комплекс и аквапарк на Камчатке.

В то же время необходимо отметить, что многие проекты резидентов ТОР в ДФО относятся к сфере добывающей и перерабатывающей промышленности и подразумевают разработку и добычу полезных ископаемых зарубежными компаниями и последующий их экспорт. Так, австралийская компания Tigers Realm Coal Ltd. осваивает крупное месторождение каменного угля «Фандюшкинское поле» на Чукотке, а индийская компания Tata Power — Крутогоровское месторождение на Камчатке. Годовая добыча угля на каждом месторождении составит в перспективе 10–12 млн т.

С 2016 г. на основании Постановления Правительства РФ № 614 от 22.06.2015 г. «Об особенностях создания территорий социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации» появилась возможность создавать ТОР в моногородах [4].

В отличие от обычных ТОР территории опережающего развития в моногородах создаются на срок 10 лет, с возможностью продления на 5 лет, и исключают производство подакцизных товаров (за исключением легковых автомобилей и мотоциклов), а также занятие такими видами деятельности, как добыча, переработка, транспортировка нефти и газа, лесозаготовка, оптовая и розничная торговля.

Что касается моногородов, то по состоянию на июль 2018 г. в РФ создано 33 ТОР на территории моногородов с общим числом резидентов 154. Лидирующее количество резидентов приходится на ТОР Тольятти, Набережные Челны, Кумертау и Гуково.

Оценивая количество заявок на получение статуса резидента ТОР, выгоды функционирования предприятий на территории ТОР для бизнеса очевидны. Однако, несмотря на положительные в целом трехлетние итоги функционирования ТОР в части оживления экономической ситуации в регионах и моногородах в связи с появлением/строительством новых видов производств и объектов инфраструктуры, остается открытым вопрос об эффективности учреждения и функционирования ТОР в рамках государства в целом.

За период с 2016 по 2020 г. на развитие ТОР запланировано выделить из бюджетов всех уровней 56,1 млрд руб., а за 2021–2025 гг. — еще 111,2 млрд руб. На сегодняшний момент в создание инфраструктуры ТОР уже вложено более 5 млрд руб. федеральных средств; кроме того, бюджеты всех уровней и ГВБФ недополучили доходы в форме выпадающих налогов и социальных отчислений. Соотношение между бюджетными вложениями и частными инвестициями на сегодняшний момент составляет 1 к 7, но значение данного показателя сильно неоднородно по территориям. Очевидна неэффективность вложения государством средств в ТОР с незначительным числом резидентов. Кроме того, при реализации точечной стратегии подъема отдельных территорий было бы целесообразно оценивать уровень их участия в цепочке формирования добавочной стоимости: отходить от рентной составляющей в пользу более высокотехнологичных и/или социально значимых товаров и услуг.

Для повышения конкурентоспособности ТОР правительству и региональным органам власти следует внести определенные корректировки и доработки в существующую нормативно-правовую базу:

- в Федеральный закон № 473 от 29.12.2014 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» в части введения ответственности управляющих компаний за действия/бездействие или злоупотребление своими полно-

мочиями, в части реформирования системы управления ТОР путем введения представителей крупных резидентов в состав наблюдательного совета [5];

- в Трудовой кодекс РФ в части установления квот на привлечение низкоквалифицированных иностранных граждан на работу в ТОР;
- в Налоговый кодекс РФ в части установления льготных ставок по упрощенной системе налогообложения;
- в Постановления об открытии ТОР в моногородах путем снижения минимальных требований по объему привлеченных инвестиций и количеству рабочих мест.

Кроме того, целесообразно, опираясь на накопленный опыт оценки эффективности показателей работы особых экономических зон, разработать и утвердить обоснованную методику определения эффективности функционирования ТОР, включающую:

- показатели социальной эффективности;
- показатели экономической эффективности;
- показатели геополитической эффективности и экономической безопасности.

Библиографический список

1. Федеральный закон № 473 от 29.12.2014 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962.
2. Приказ Минвостокразвития России от 27.02.2015 № 21 «Об утверждении примерной формы договора аренды имущества, расположенного в границах территории опережающего социально-экономического развития, заключаемого с резидентом территории опережающего социально-экономического развития, и методики расчета арендной платы по такому договору» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.05.2015 N 37204). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179520.
3. Дегтярева И. В., Шалина О. И., Токарева Г. Ф., Неучева М. Ю. 2018. Особенности и проблемы территорий опережающего социально-экономического развития в России // Вестник УГНТУ. № 3 (25). С. 25–30.
4. Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 № 614 (ред. от 26.04.2017) «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181759.
5. Тасалов Ф. 2015. Территории опережающего развития: зачем и кому они нужны. URL: https://zakon.ru/blog/2015/1/20/territorii_operezhayushhego_razvitiya_zachem_i_komu_oni_nuzhny.

Дементьев В. В.

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский пр., 49
dementyevvv@mail.ru

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК, ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Аннотация: Анализируется влияние хозяйственного порядка и экономической власти на состояние научно-технического прогресса. Хозяйственный порядок является результатом мотивации экономического поведения. Доминирующую роль в структуре стимулов играет экономическая прибыль. Экономическая прибыль возникает или как следствие создания преимуществ в эффективности использования ресурсов или как результат асимметрии в распределении власти. Показано, что в российской экономике доминирующим условием создания предпринимательского дохода является обладание экономической властью. Итогом инвестиций во власть является формирование «экономики власти». Раскрывается отрицательное влияние экономики власти на стимулы к инновационной деятельности. Показан кризис доминирующей модели хозяйственного порядка. Новая промышленная революция должна сопровождаться сменой структуры экономической власти. Условием новой промышленной революции является создание нового хозяйственного порядка, где любая власть была бы ограничена, рынок конкурентным, отсутствовал произвол частной государственной и экономической власти, свобода инноваций стала приоритетом, а инновации стали доминирующим источником создания и присвоения доходов.

Ключевые слова: инновации, прибыль, доминирующий доход, хозяйственный порядок, экономическая власть, рента власти, промышленная революция.

Dementyev V. V.

Financial University under the Government of Russian Federation,
49, Leningradskiy av., Moscow, 125993, Russian Federation

ECONOMIC ORDER, INDUSTRIAL REVOLUTION AND ECONOMIC POWER

Abstract: The influence of economic order and economic power on the state of technological progress is analyzed. Economic order is the result of motivating economic behavior. Economic profit plays a major role in the incentive structure. Economic profits arise either as a result of the creation of advantages in the efficient use of resources or as a result of asymmetries in the distribution of power. It is shown that in the Russian economy the dominant condition for the creation of entrepreneurial income is the possession of economic power. The result of investments in power is the formation of the “economy of power”. The author reveals the negative impact of the government economy on the incentives for innovation. The crisis of the dominant model of economic order is shown. The new industrial revolution must be accompanied by a change in the structure of economic power. The condition of the new industrial revolution is the creation of a new economic order, where any power would be limited, the market competitive, there was no arbitrariness of private state and economic power, freedom of innovation has become a priority, and innovation has become the dominant source of creation and appropriation of income.

Keywords: innovation, profit, dominant income, economic order, economic power, power rent, industrial revolution.

Главная проблема для национальной экономики России — обеспечить устойчивое и долгосрочное развитие на основе роста инновационной активности и перехода к новым технологиям.

Состояние экономической системы: технический прогресс, возможности экономического роста, наличие (или же отсутствие) инноваций, восприимчивость к техническому прогрессу, хозяйственный порядок (преднамеренный и спонтанный и пр.) и пр. — представляет собой результат экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Цели и содержание экономической деятельности есть результат структуры стимулов. Отсюда значение прибыли — как доминирующей формы денежного дохода — для понимания мотивов, содержания и результатов экономического поведения, в частности наличия или же

отсутствия инноваций. Базовым условием возникновения инновационного спроса на новые технологии, разработки, исследования, создание и копирование инноваций является тот факт, что данные инвестиции будут более прибыльными по сравнению с альтернативными формами максимизации дохода.

В состоянии долгосрочного равновесия экономическая прибыль отсутствует: «...оплата каждого фактора, включая нанимателя труда, равна денежному выражению его предельного продукта; предпринимателю не остается никакого остатка, и прибыль равна нулю» [1, с. 424].

Каковы же причины возникновения экономической прибыли, или «предпринимательского дохода»? Й. Шумпетер отвечает на этот вопрос так: «Предпринимательский доход вне зависимости от его природы... всегда в той или иной степени связан с монополистическим ценообразованием. Источник этого дохода, каков бы он ни был, обязательно является чем-то таким, что конкуренты не могут скопировать, так как если бы они это сделали, не возникло бы никакого избытка над издержками» [2, с. 1184]. Причина возникновения прибыли — неравенство между фирмами и экономическими агентами. Данное неравенство создает преимущества, которые нарушают конкурентное равновесие и реализуются в виде прибыли.

Судьба технического прогресса и инновационной активности зависит от того какие преимущества создают возможность для получения предпринимательского дохода в данной институциональной среде, которые стремятся приобрести фирмы и собственники активов?

В зависимости от того, какими преимуществами обладают фирмы, можно выделить различные модели создания прибыли.

В рыночной системе (если исключить влияние внешних обстоятельств в виде благоприятной конъюнктуры рынка) возможны следующие преимущества, обладание которыми позволяет увеличить доходы и получить экономическую прибыль.

Первое. Экономическая прибыль возникает как результат создания преимуществ в эффективности использования ресурсов. Имеется в виду производительность факторов производства, а также эффективность распределения ресурсов. Источник данных преимуществ: технологические и продуктовые инновации; преимущества в организации бизнеса, в основе которых организационные инновации; преимущества в качестве человеческого капитала; предпринимательская активность.

Второе. Экономическая прибыль возникает как следствие асимметрии или неравенства в распределении власти.

Преимущества в доступе к ресурсам и правам экономической власти создает для его носителя «избыток власти», который может быть использован в частных целях — для принуждения поставщиков ресурсов и экономических агентов принять те условия сделок, которые навязаны субъектом власти. Имеется в виду административный, экономический и государственный контроль над ценами продаж, ценами используемых производственных ресурсов, ограничение входа на рынки и контроль над объемами продаж и пр.

Отношение экономических агентов к техническому прогрессу и особенности инвестиционного спроса на инновации определяются тем, какая модель создания прибыли или, более широко, какой режим накопления доминирует в экономической системе.

Доминирующий режим накопления (доминирующий доход) есть результат выбора, который совершают экономические агенты. Вопрос заключается в том, какую модель или какой способ влияния на издержки и цены выбирает инвестор?

Принимая во внимание, во-первых, низкую долю предприятий, занимающихся инновациями; во-вторых, высокую степень монополизации национальной экономики; в-третьих, уровень коррупции во взаимоотношениях бизнеса и государства; в-четвертых, значение криминального фактора при ведении бизнеса, — можно утверждать, что формировались институциональные условия, при которых доминирующим условием создания экономической прибыли стало искусственное занижение относительных издержек ведения бизнеса, а основным конкурентным преимуществом является власть (ее избыток или недостаток): рыночная власть в ее различных видах, административная власть, денежная власть, доступ к источникам политической и правоохранительной власти, криминальная власть, корпоративное мошенничество и пр.

Основная причина такой ситуации в том, что доступ к избытку власти (частная экономическая власть) является для рыночного агента сравнительно более доступным, дешевым и эффективным (прибыльным) экономическим благом, нежели новые технологии.

В этих условиях самый важный актив для предприятия — это власть. Доступ к власти является базовым условием для доступа к собственности, защиты от произвола и получения доходов и пр. Именно обладание властью превращает активы собственника в капитал, т. е. придает им способность приносить денежный доход.

Совершенствование технологии и организации производства не является здесь доминирующим условием создания прибыли. Источник экономической прибыли — это власть, а технологии представляют собой лишь внешнее ограничение, которое навязано состоянием рынка.

В результате — возникновение мотивации к инвестициям во власть и снижение мотивации к инвестициям в инновационные разработки.

Результатом инвестиций во власть является формирование системы экономических институтов или хозяйственного порядка как совокупности устойчивых отношений и форм хозяйствования, посредством которых создается и присваивается экономическая прибыль: распределение прав собственности, отношения бизнеса с государством, структуры отраслевых рынков, модели корпоративного управления.

Данную совокупность хозяйственных форм можно обозначить как «экономику власти», основа которой — отношения доминирования и власти, которые складываются между предприятиями, внутри корпораций, а также между бизнесом и государством.

В условиях, когда рента власти выступает как доминирующая форма дохода, именно экономика власти выступает как доминирующая в экономической системе форма хозяйственного порядка или как доминирующая экономика, вытесняющая альтернативные формы ведения хозяйства и альтернативные возможности максимизации доходов.

В результате инвестиций в расширение частной экономической власти возникает хозяйственный порядок, который отторгает новые технологии и инновации. Этот порядок создает такие дополнительные институциональные ограничения, которые ослабляют мотивацию к инновационной деятельности. Наличие данных препятствий и является причиной отторжения инноваций в российском бизнесе и ограничения инвестиционного спроса на новые технологии: наличие альтернативных источников дохода, высокий уровень транзакционных издержек инновационной деятельности, кадровое сопротивление, ограниченность временного горизонта хозяйственного планирования.

Таким образом, основное препятствие новой промышленной революции — не отсутствие средств или «институтов развития», а прежде всего «экономика власти»: структура хозяйственного порядка, в основе которого неравенство в распределении экономической власти и, далее, избыток частной экономической, административной и политической власти.

Проблема создания эффективного инновационного спроса на новые технологии со стороны предприятий — это прежде всего проблема трансформации хозяйственного порядка и присущих ему институтов.

Даже если бизнес и государство осознают необходимость перехода к инновационному пути создания экономической прибыли и даже если экономические и государственные агенты желают заниматься внедрением новых технологий, то их возможности на этом пути ограничены. Они попадают в институциональную ловушку: мешает действующий (при непосредственном участии последних) хозяйственный порядок.

Отсюда, в частности, «шизофреническая раздвоенность» российского бизнеса и структур власти: с одной стороны, желание получить экономическую ренту за счет эксплуатации ресурсов, что подрывает эффективность экономики, а с другой стороны, намерение обладать конкурентным и современным производством, что противоречит интересу к извлечению ренты власти.

Технический прогресс предполагает создание таких институциональных условий или такого хозяйственного порядка, где именно инновации и новые технологии выступают основным источником максимизации персональных и функциональных доходов.

Центральной проблемой экономической, и прежде всего институциональной, политики должно стать преодоление «экономики власти». Без этого невозможно обеспечить мотивацию к использованию новых технологий и создать условия для долгосрочного и устойчивого экономического роста. Как утверждает К. Херрман-Пиллат, «Главная сила, противостоящая рыночной экономике, — власть как экономическая, так и политическая. Поэтому защита рыночной экономики от власти — важнейшая цель ее политической составляющей» [3, с.49].

Необходима такая трансформация структуры экономической власти и ее связи с политической властью, которая сделает возможным устранение или ограничение использования частной экономической власти как основного фактора получения экономической ренты. Решение указанных проблем предполагает изменения в системе экономической власти общества: во внутрифирменных отношениях, властных отношениях между фирмами и взаимоотношениях между государством и бизнесом.

Переход к новой экономике предполагает создание нового (по Э. Тоффлеру) общественно необходимого порядка власти [4, р. 477].

Каждая промышленная революция сопровождается сменой структуры экономической власти. Этот касается отношения власти и контроля внутри фирмы, отношений между фирмами, государства и бизнеса. Данная революция во властных отношениях является не только результатом изменений в технологиях, но и условием проведения изменений в технической основе производства.

Условием новой промышленной революции является создание нового хозяйственного порядка, где любая власть была бы ограничена, рынок конкурентным, отсутствовал произвол частной государственной и экономической власти, свобода инноваций стала приоритетом, а инновации стали доминирующим источником создания и присвоения доходов.

Причина возникновения прибыли — неравенство между фирмами и экономическими агентами. Данное неравенство создает преимущества, которые нарушают конкурентное равновесие и реализуются в виде прибыли.

Судьба технического прогресса и инновационной активности зависит от того, какие преимущества создают возможность для получения.

Библиографический список

1. Блауг М. 1994. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД.
2. Шумпетер Й. 2001. История экономического анализа: в 3 т. Т. 3. СПб.: Экономическая школа.
3. Херрман-Пиллат К. 1999. Социальная рыночная экономика как форма цивилизации // Вопросы экономики. № 12. С. 47–55.
4. Toffler A. 1984. Powershift: knowledge, wealth and violence at the edge of the 21st century. New York: Bantam Books.

Лякин А. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.lyakin@spbu.ru

ЗАТУХАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ*

Аннотация: В данном исследовании анализируются причины перехода российской экономики к стагнации, более пологой траектории экономического роста. В докладе дается обзор концепций, объясняющих затухание роста: ловушка среднего дохода, вековая стагнация, ресурсное проклятие, ресурсные ограничения роста, рецессия балансов, геополитические ограничения. Рассматриваются варианты мер экономической политики, направленной на ускорение темпов роста и изменение отраслевой структуры и потенциальные угрозы, связанные с мерами стимулирования роста.

Ключевые слова: системный кризис, стагнация, рецессия балансов, денежно-кредитная политика, налогово-бюджетная политика.

Lyakin A. N.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

DAMPING ECONOMIC GROWTH IN RUSSIA*

Abstract: this paper analyzes the reasons for the movement of the Russian economy to stagnation. The report provides an overview of the concepts explaining growth damping: the middle income trap, secular stagnation, resource curse, resource growth limitations, recession balances, geopolitical constraints. The report examined policy options for accelerating growth and changing industry structure and potential threats associated with growth-promoting measures.

Keywords: systemic crisis, stagnation, balance sheets recession, monetary policy, fiscal policy.

Быстрые темпы восстановительного роста, характерные для российской экономики после завершения трансформационного спада, резко замедлились в предыдущий экономический цикл 2009–2014 гг., и в очередном цикле экономика перешла в режим стагнации. Переломы трендов происходили после шоков циклических спадов и вместе с тем сопровождались ухудшением качества экономического роста. Текущая ситуация, в своих существенных чертах, аналогична стагнации советской экономики в предперестроечный период. Сокращение доли инвестиций в основной капитал в ВВП, наряду со снижающейся численностью экономически активного населения, не создают условий для ускорения роста. По темпам роста Российская Федерация начинает отставать не только от развивающихся стран, но последовательно пропускает перед собой страны с доходом выше среднего и даже страны развитые. Такого рода периоды длительной стагнации хорошо известны в мировой практике и могут длиться в течение десятилетий.

Устойчивое отставание в темпах роста от стран с аналогичным или более высоким уровнем экономического развития может рассматриваться как показатель разворачивающегося в экономике системного кризиса. Каковы бы ни были непосредственные причины стагнации, замедление все равно связано с институциональными причинами. Дефицит ресурсов, труда или капитала может преодолеваться либо за счет привлечения их извне, ввоз капитала и миграция рабочей силы, либо через замещение дефицитного ресурса путем изменения технологий. Если в экономике этого не происходит, то либо существующее положение консервируется, поскольку выгодно определенным группам экономических агентов, либо проблему не позволяет решать проводимая государством экономическая политика. И в том и в другом случае речь идет

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ проект № 18-010-00145 «Природа российского кризиса 2014–2016 годов: циклический, структурный или системный».

* The article was prepared with support of the grant of RFBR (Russian Foundation for Basic Research), project No. 18-010-00145 — Russian Crisis of 2014–2016: Cyclical, Structural or Systemic.

об институциональных причинах кризисных процессов. Разрешение кризиса, которое должно проявиться в ускорении темпов экономического роста, может осуществляться через изменение институциональных форм, и прежде всего изменение действующих механизмов государственного регулирования, разработки и реализации экономической политики. Наконец, если в основе замедления роста лежат структурные проблемы, период стагнации может протекать до тех пор, пока соответствующие изменения не будут реализованы. На сегодняшний день существует ряд гипотез, объясняющих замедление экономического роста, в большей или меньшей степени адекватных российской действительности.

Стагнация как результат институциональных ловушек. Непосредственное увязка темпов экономического роста с определенными институциональными особенностями имеет длительную историю в экономической теории. В тоже время эконометрические модели не дают убедительного подтверждения зависимости роста от различных институциональных параметров — доля государственной собственности в занятости и выпуске, тип правовой системы, доля государственных расходов в ВВП и т. д. Панельные данные для межстрановых сопоставлений не могут учитывать многообразие иных, неучтенных параметров при оценке соответствующих зависимостей. Этим, в частности, объясняется «вечность» вопросов об эффективности государственной собственности, влиянии коррупции на экономическое развитие, связи между протекционистскими мерами и экономическим ростом и т. д. Работы по этим проблемам появляются регулярно. Особое место в оценке влияния институциональной системы на рост занимает оценка инвестиционного климата, проводимая в рамках программы Мирового банка «Doing business». Набор критериев, характеризующих проблемы инвестора при реализации бизнес-проекта, должен был бы иметь тесную связь с объемом инвестиций, а соответственно и потенциал роста. Однако при всей полезности набора мероприятий по повышению рейтинга, позволяющих в первую очередь улучшать деловой климат, между изменением места в рейтинге, снижением расстояния до лучшей практики и темпами роста прямую связь обнаружить не удалось.

Применительно к российской экономике к числу длительное время удерживающихся устойчиво неэффективных состояний обычно относят высокую долю государственной собственности в предпринимательском секторе, его расширение на сферы, традиционно не охватываемые государственным предпринимательством, низкий уровень защиты прав собственности, неэффективность государственного регулирования и правовой системы, коррупцию. В то же время необходимо отметить наличие как прямых, так и обратных связей между ростом и институтами — институты легче поддаются изменениям в условиях быстрого роста.

Ловушка среднего дохода. Этот подход к объяснению перехода экономики к стагнации учитывает как институциональные проблемы, так и структурные особенности перехода экономики к состоянию среднего уровня дохода [1]. По широкой панели, включающей страны, приближающиеся или достигшие верхней границы среднего дохода (в 2018 г. Мировой банк определял ее как 12 235 долларов национального дохода на душу населения), было установлено, что при приближении к этой границе, как правило, происходило замедление темпов экономического роста и страны сталкивались с более или менее продолжительным периодом стагнации. В основе этого торможения лежат ошибки в экономической политике, не учитывающей необходимость обеспечения структурных реформ и изменения отраслевой структуры экономики по мере исчерпания потенциала догоняющего роста.

Переход к новой модели экономического роста требует значимых изменений в структуре экономики, начиная от развития социальной сферы — образования, медицины и т. д. — и заканчивая ростом затрат на создание новых технологий, защиту интеллектуальной собственности, повышение квалификации работников и т. д. Ускорение роста становится возможным по мере создания условий для новой модели развития, и далеко не всегда этого удается достичь. Понятно, что соответствующие изменения в отраслевой структуре экономики, методах регулирования, стимулах для экономических агентов требуют учета их интересов и ведет к перераспределению выгод. Такая ситуация порождает возможность появления институциональных ловушек, закрепления неэффективных форм производства и, соответственно, появления той самой ловушки среднего дохода.

Ситуация, складывающаяся в российской экономике во многом сходна с описанной ловушкой, при этом ситуация усложняется сырьевой экспортной специализацией. Прежде всего это касается устойчивости исчерпавшей свои возможности модели роста. Несмотря на осознание опасности монопродуктовой структуры экспорта и высокой зависимости бюджета от нефтяных доходов, характеризующихся высокой волатильностью, заметных на макроэкономическом уровне сдвигов в отраслевой структуре не происходит. В целом последний кризис показал существенно меньшие отраслевые сдвиги, нежели в 2008–2009 гг. Госсектор начинает экспансию в отрасли, традиционно развиваемые частным капиталом. Инвестиции частного сектора сокращаются. Очевидно, что выход из ловушки среднего дохода требует мер по стимулированию инвестиций частного сектора, снижения рисков для новых проектов, формирование ясных ориентиров и в то же время создание институтов развития [2].

Вековая стагнация. Идея вековой стагнации, применительно к российской экономике интересна не в интерпретации неравновесия на финансовых рынках [3], которая, как правило, связывается с этим термином, а как изменение долгосрочных темпов экономического роста при выполнении предположения об отсутствии компенсирующего восстановительного роста [4]. Анализ данных по большому массиву стран позволил авторам подтвердить гипотезу, что восстановительный рост не компенсирует потери экономик во время спада соответственно, чем чаще происходят рецессии, тем медленнее оказывается долгосрочный рост. Следовательно, стабилизационная политика способствует ускорению роста в долгосрочной перспективе, и наоборот: частые рецессии ведут к снижению долгосрочных темпов экономического роста. Российская экономика за последние двадцать лет пережила три рецессии различной глубины и продолжительности. При этом в двух последних случаях восстановительный рост не компенсировал кризисных потерь. Более того, в ходе рецессии происходило изменение тренда, и оба последних кризиса повлекли за собой понижение темпов роста в следующем цикле. Даже если будет реализована амбициозная цель достижения 3 %-ного роста в течение последующих трех лет, этого явно недостаточно для стабилизации уровня жизни. Помимо всего прочего, пониженные темпы роста ведут к усилению социальной напряженности в обществе, нарастание пессимистических оценок.

Рецессия балансов. Рецессия балансов возникает в ситуации, когда взрыв рыночного пузыря обесценивает активы корпораций, которые в этой ситуации ориентируются не на максимизацию прибыли, а на снижение задолженности до уровня, обеспечивающего устойчивость компании. Снижение процентной ставки в этом случае не стимулирует кредитную активность, что ведет к сжатию совокупного спроса. Эта ситуация создает особого рода ловушку ликвидности, при которой денежно-кредитная политика перестает играть значимую роль при расширении совокупного спроса. Положительные чистые сбережения частного сектора при сбалансированном платежном балансе должны вести к сокращению экономической активности. Этот механизм применительно к японской экономике детально раскрыт в монографии Ричарда Ку [5]. В российской экономике рыночный пузырь не достигал значимых размеров и, соответственно, подобный механизм не мог повлечь за собой снижение совокупного спроса. С другой стороны, основной причиной, препятствующей росту производства более половины опрошенных Росстатом предприятий обрабатывающей промышленности назвали дефицит спроса. На ресурсные ограничения — нехватку труда и производственных мощностей — указывали менее 25 % опрошенных. За посткризисный период, при быстром расширении кредитов населению, размеры кредитной задолженности предприятий реального сектора, в постоянных ценах 2015 г., сократились. При этом если рублевая задолженность медленно возрастала, валютная задолженность в рублевом измерении устойчиво снижалась. Складывающаяся ситуация свидетельствует о двух неблагоприятных тенденциях. Во-первых, модель роста на основе расширения потребительского спроса устойчиво воспроизводится в российской экономике, во-вторых, стремление к снижению валютной задолженности, обусловленное учетом курсовых и геополитических рисков, не компенсируется предложением рублевых кредитов, сопоставимых по цене и несущих меньший риск для заемщика. Слабость российской финансовой системы, препятствовавшая проведению стабилизационной политики, препятствует и быстрому восстановительному росту.

Выводы. Затухание роста российской экономики обусловлено целым рядом институциональных проблем, включая низкую эффективность экономической политики. При избыточном регулировании текущей деятельности бизнеса российское государство не умеет проводить селективную политику стимулирования, ориентации бизнеса на решение долгосрочных задач. Необходимо восстановление определенных компонентов общенационального планирования, предполагающих поддержание инвестиционного процесса частных предприятий реального бизнеса, создание инвестиционного спроса, массового обновления основного капитала. Наряду с решением инфраструктурных задач и обеспечением государственных инвестиций, необходимо расширение кредитного финансирования инвестиций частного бизнеса через инструменты промышленной политики, приоритеты которой обусловлены стратегическим планом.

Библиографический список

1. *Eichengreen B., Park D., Shin K.* 2013. Growth Slowdowns Redux: New Evidence on the Middle-Income Trap // NBER Working Paper No. 18673. January.
2. *Полтерович В.М.* 2018. О формировании системы национального планирования в России // Журнал НЭА. № 3 (39). С. 146–154.
3. *Summers L. A.* 2014. US economic prospects: secular stagnation, hysteresis, and the zero lower bound // Business Economics. Vol. 49 (2). P. 65–73.
4. *Martin R., Munyan T., Wilson B. A.* 2015. Potential Output and Recessions: Are We Fooling Ourselves? // International Finance Discussion Papers 1145. URL: <http://dx.doi.org/10.17016/IFDP.2015.1145>
5. *Ричард Ку.* 2014. Священный Грааль макроэкономики. Уроки великой рецессии в Японии. М.: Мысль. 440 с.

Максимов С. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
s.maksimov@spbu.ru

ПРОГРАММЫ РЕНОВАЦИИ ГОРОДСКИХ ТЕРРИТОРИЙ И ПРОБЛЕМА ДЖЕНТРИФИКАЦИИ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

Аннотация: В данном исследовании анализируются взаимосвязи между формирующимися в стране программами массовой реновации жилищного фонда и проблемой джентрификации в российских городах, под которой понимается процесс формирования территориального расслоения населения города в зависимости от уровня их доходов и социального статуса. В ходе исследования выявлено, что применяемые в настоящее время методы проведения реновации содержат в себе потенциальную возможность возникновения социальных противоречий и конфликтов между лицами с различными уровнями доходов, проживающих на одной локальной территории и даже в одних и тех же домах. В работе показано, что в интересах минимизации социальных конфликтов и гармонического развития городов необходима разработка и внедрения жилищных стандартов. Жилищные стандарты должны интегрировать в себе параметры жилищного фонда, уровень коммунальных и жилищных услуг, благоустройства территорий, доступности транспортной и социальной инфраструктуры, окружающей среды в целом, включая экологическую составляющую.

Ключевые слова: реновация, жилищный фонд, джентрификация, пространственное расселение, жилищные стандарты.

Maksimov S. N.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE PROGRAM OF RENOVATION OF URBAN AREAS AND THE PROBLEM OF GENTRIFICATION IN RUSSIAN CITIES

Abstract: This study analyzes the relationship between the emerging programs of mass housing renovation in the country and the problem of gentrification in Russian cities, which refers to the process of formation of territorial stratification of the city population depending on their income and social status. The study revealed that the currently used methods of renovation contain the potential for social contradictions and conflicts between people with different income levels living in the same local area and even in the same houses. It is shown that, in the interests of minimizing social conflicts, and the harmonious development of cities required the development and implementation of housing standards. Housing standards should integrate the parameters of the housing stock, the level of utilities and housing services, landscaping, accessibility of transport and social infrastructure, the environment in General, including the environmental component.

Keywords: renovation, housing stock, gentrification, spatial resettlement, housing standards.

Реализация масштабных программ реновации городских территорий, прежде всего занятых жилищным фондом, — одно из новых направлений в градостроительном развитии российских городов. В настоящее время главное внимание приковано к московской программе реновации, стартовавшей в 2018 г. В настоящее время в программу включен 5171 дом (около 350 тыс. квартир) общей площадью 16,3 млн квадратных метров, в которых проживает более 1 млн жителей. Общий объем инвестиций в снос существующих домов и строительство на их месте новых 30 млн кв. м жилья оценивается в 3–3,5 трлн руб. [1]. Пример Москвы предполагается распространить и на другие российские города. В настоящее время в Государственную Думу РФ уже внесен законопроект «О реновации в РФ», где излагаются основные подходы к формированию региональных и муниципальных программ реновации жилищного фонда, прежде всего домов так называемого «первого периода массового индустриального домостроения. При этом масштаб проблемы колоссален. Точных его оценок в настоящее время еще нет, но наиболее достоверными представляются следующие данные: «Всего в период с 1959 по 1985 г. в России было

построено около 290 млн кв. м общей площади домов первых массовых серий — «хрущевок», что составляет порядка 10 % всего жилого фонда страны. В Ленинграде «хрущевки» строились на протяжении более 10 лет: с 1958 по 1970 г. За этот период было возведено 2400 зданий общей площадью около 9 млн кв. м, что составляет почти 190 тыс. квартир (10 процентов всего жилищного фонда города), в которых проживает 12 % городского населения» [2]. Для многих городов проблема реновации затрагивает и дома, построенные задолго до начала массового индустриального домостроения (деревянные, шлакоблочные и др.), начиная примерно с 1920 г. Естественно, что реализация такой глобальной задачи требует широкого профессионального обсуждения. В настоящее время такая дискуссия ведется в стране. Множество материалов, размещенных в научных и массовых изданиях, на сайтах посвящены таким экономическим вопросам как реалистичность решения проблемы, необходимый объем ресурсов (производственных, финансовых), роль государства и бизнеса в реализации программ реновации и т. д. В профессиональной среде также широко дебатировались технико-экономические аспекты реновации: целесообразность использования только одного метода реновации через снос существующих и строительство новых домов, проблемы повышения антропогенной нагрузки на окружающую среду, пропорциональность между модернизацией жилищного фонда и совершенствованием инженерной и транспортной инфраструктуры и т. п.

На этом фоне существенно меньшее внимание уделяется проблемам социально-экономическим, имеющим, на наш взгляд, стратегически важное для развития российских городов, да и России в целом, значение. Первая из этих проблем — проблема соотношения частных и публичных интересов при реализации программ. До настоящего времени эта проблема не получила удовлетворительного разрешения, о чем автор настоящей статьи уже указывал в своих публикациях [3; 4]. Вторая проблема, пока практически не нашедшая своего отражения в научных дискуссиях — проблема так называемой джентрификации, под которой понимается процесс вытеснения состоятельными горожанами их менее состоявшихся соплеменников в результате обновления жилищного фонда и городской среды и формирования более дорогих и престижных городских районов. В немногих публикациях, посвященных этой проблеме и размещенных в основном в Интернете, как правило, в качестве примера рассматриваются города наиболее развитых стран: США, Западной Европы. Что же касается России, то джентрификация рассматривается скорее как формирующееся, но еще не приобретшее существенных масштабов явление. Сегодня это действительно так. Даже в крупнейших столичных городах России можно говорить лишь о формировании относительно незначительных масштабов анклавов на территории города, существенно отличающихся по стоимости, качеству жилья и комфортности среды проживания.

Однако, несмотря на пока еще незначительные масштабы, процесс джентрификации (а если отойти от англоязычной терминологии, что было бы правильно) — процесс формирования территориального расслоения населения города в зависимости от уровня их доходов и социального статуса, — несомненно, будет набирать обороты. Скорость этого процесса, безусловно, зависит от степени развитости рыночных механизмов и роли цены недвижимости и ее содержания как фактора формирования социальной однородности сначала на уровне отдельных зданий и комплексов, а затем и целых территорий. Надо заметить, что при этом процесс вытеснения менее состоятельных горожан более состоятельными — процесс не быстрый и содержит в себя множество подпроцессов: сначала появляются один-два объекта с более высокими потребительскими качествами и имеющими, естественно, более высокую цену, чем жилье в окружающих домах. Постепенно, хотя и не быстро, они заселяются (в том числе не быстро и из-за окружения), затем к ним присоединяются другие новые объекты. Происходит постепенное изменение социальной структуры населения территории, вслед за этим изменяется состав и класс инфраструктуры, идущей за своими потребителями. Как район, так и проживание в нем становится более дорогим, что приводит к постепенному «исходу» старожилов. Процесс обладает серьезной инерцией и может занять не только не один год, но и не один десяток лет. Однако рыночные механизмы — это не единственные силы, способствующие территориальному отражению имущественной дифференциации городского населения.

Государство тоже не остается в стороне от этого процесса, довольно активно способствуя развитию пространственной дифференциации. Стоит заметить, что такая дифференциация, пусть и в малых масштабах, существовала и в советский период. Кроме знаменитого «Дома на набережной» примером могут быть, например, районы Москвы, получившие довольно символическое название «царские дачи»: комплексы жилых домов повышенной комфортности, расположенные в Кунцево, Новых Черемушках, позднее на ул. Удальцова и в некоторых других районах города. Они были предназначены для работников правительственных органов, партийной и профсоюзной номенклатуры. «В цеховском доме двухкомнатная квартира занимает площадь 90 кв. м, гостиная — 24 кв. м, спальня — 16 кв. м, кухня — 14 кв. м, в квартире два санузла» [5]. Комплексы были обнесены заборами и попасть туда было непросто. Так что и в те времена «все звери были равны, но некоторые все же равнее».

Примеры такого «специального» девелопмента присутствуют и сегодня, но не они, конечно, «делают погоду» в городе. Гораздо более массовыми механизмами, ускоряющими процессы пространственного расслоения горожан, являются другие. Во-первых, таковым является система налогообложения, в первую очередь переход к исчислению имущественных налогов на базе кадастровой стоимости недвижимости. По мере переоценки недвижимости и повышения удельного веса кадастровой оценки налогообложения величина налога на имущество возрастает в разы, а то и десятки раз, что делает его сильным инструментом пространственной дифференциации городского населения.

Не менее серьезным и мощным механизмом, ускоряющим процессы вытеснения «старожилов», являются и программы массовой реновации жилищного фонда. Как известно, реализация программы реновации в Москве предполагает снос физически и морально устаревших домов и строительство на их месте новых, соответствующих современным технологическим и потребительским требованиям; использование принципа «волнового переселения», т. е. переселение жителей из сносимых домов во вновь построенные в пределах одного и того же административного округа, в непосредственной близости от снесенного дома; учреждение единого «оператора» программы и, по существу, единственного застройщика, в виде Московского фонда реновации — некоммерческой организации, учрежденной Правительством Москвы. Программа предполагает предоставление жителям сносимых домов «равнозначных» жилых помещений в домах повышенной комфортности. При этом, однако, большая часть построенных квартир будет выставлена на открытый рынок. Таким образом, в одном и том же доме будут проживать и семьи, ранее занимавшие квартиры в домах типа «хрущевок», а это, как правило, семьи с низкими доходами, и семьи, приобретшие жилье по современным рыночным ценам. Очевидно, что они принадлежат к разным социальным слоям городского населения, что создает потенциальную возможность для возникновения социальных конфликтов. Как известно, содержание современных высокотехнологичных домов требует существенных затрат. Для лиц, приобретающих такое жилье, это является вполне естественным, чего нельзя сказать о лицах, получивших его в порядке переселения. Современная городская практика показывает, с какими сложностями и конфликтами, например, идет формирование в городах фондов капитального ремонта, вызывающее дополнительные платежи с населения.

В этой связи возникает вопрос: насколько целесообразно такое заселение вновь построенных домов? Довольно часто можно встретить утверждение, что такой подход, наряду с льготами по оплате жилья некоторым категориям граждан целесообразен, поскольку является инструментом, сдерживающим процессы пространственного расслоения городского населения. Однако, на наш взгляд, он лишь загоняет проблему создания комфортной городской среды для всех жителей городов «вглубь», но не является ее решением. Очевидно, что с течением времени неизбежно возникнет дилемма: либо согласиться с тем, что рыночные отношения являются основным механизмом распределения земли и недвижимости в городах, либо вовсе попытаться запретить их системой государственного регулирования. По-видимому, при таком «лобовом» столкновении решение задачи создания благоприятной жилищной и в целом городской среды невозможно. Более правильным представляется иной путь: не препятствовать действию рыночных механизмов в жилищной сфере, но создать равный базовый уровень количества и качества жилищных и иных социальных услуг через разработку и внедрения стандартов жилищных и социальных услуг, которые определяют тот их уровень, который государство будет

гарантировать всем жителям городов (впрочем, это касается не только городского населения), независимо от их социального статуса. В настоящее время отчасти такая работа уже ведется. Так, в декабре 2017 г. был принят Федеральный закон РФ «О внесении изменений в Федеральный закон “О содействии развитию жилищного строительства” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым было введено понятие «стандартное жилье». Министерству строительства и жилищно-коммунального хозяйства было поручена разработка соответствующего стандарта окружающей среды, включая экологическую составляющую, который должен был появиться еще в первом квартале 2018 г.. Именно о таком документе, интегрирующем в себе требования к жилищу, к зданиям, к окружающей территории, к уровню социальных услуг, и должна, по нашему мнению, идти речь. Только в этом случае пространственное социальное расслоение перестанет быть препятствием для гармоничного развития городов. Однако, во-первых, эта работа до настоящего времени еще не завершена. К тому же разрабатываемый стандарт затрагивает, насколько можно судить по информации Минстроя, только проектные и технико-экономические параметры собственно жилищного фонда: минимальные размеры помещений, высота потолков, параметры кухонь, требования к входной группе и пр. Но стандарт жилища — это лишь одна из составляющих жилой среды. Не меньшее значение имеет и состав и качество жилищных и коммунальных услуг, и уровень благоустройства территории, и в целом качество.

Библиографический список

1. Сергей Левкин: «Программа реновации — самый масштабный проект в истории столицы». 01.10.2018. URL: <https://stroi.mos.ru/interviews/sierghiei-liovkin-proghramma-rienovatsii-samyi-masshtabnyi-proiekt-v-istorii-stolitsy?from=cl><https://stroi.mos.ru/interviews/sierghiei-liovkin-proghramma-rienovatsii-samyi-masshtabnyi-proiekt-v-istorii-stolitsy?from=cl> (дата обращения: 23.12.2018).
2. Санкт-Петербург. Город на пороге решения проблемы «хрущевок». Регион.ру. URL: <http://regions.ru/news/1268602/> (дата обращения: 23.12.2018).
3. Максимов С. Н. 2017. Программы реновации как зеркало отношений собственности // Евразийский юридический журнал. № 8.
4. Максимов С. Н. 2018. Реновация городских территорий: как разрешить конфликт общих и частных интересов? // Недвижимость: экономика и управление. № 4.
5. Живой журнал. Номенклатурные дома в Москве. URL: <https://moya-moskva.livejournal.com/1968277.html> (дата обращения: 23.12.2018).

Нуреев Р. М.

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский пр., 49
nureev@hse.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ ПРОТИВ РОССИИ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

Аннотация: Настоящий доклад является продолжением монографии «Экономические санкции против России: ожидание и реальность», выпущенной издательством КНОРУС в 2017 г. Он подготовлен в рамках НИР по государственному заданию Финуниверситета на 2017 год (утверждено Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации 07.03.2017 г. № 1508п-П17) по теме «Экономические санкции против России: пути минимизации ущерба и преодоления автаркии» (ВТК-ГЗ-23–17). В докладе рассматривается история санкций с экономической и юридической точек зрения. Особое внимание уделено анализу издержек и выгод как страны, вводящей санкции, так и страны-мишени. Исторический подход к анализу проблемы позволяет выделить общее и особенное в экономических санкциях против России и российских антисанкциях. Особое внимание уделено влиянию экономических санкций на экономический рост и занятость. Рассматривается влияние санкций на функционирование российской финансовой системы, нефтяной и газовой промышленности, оборонно-промышленного и аграрного комплекса.

Ключевые слова: экономические санкции, импортозамещение, индустриализация, институциональный механизм.

Nureev R. M.

Financial University under the Government of Russian Federation,
49, Leningrad av., 125993, Moscow, Russian Federation

ECONOMIC SANCTIONS AGAINST RUSSIA: FOUR YEARS LATER

Abstract: The sanctions history from economic and law point of view is considered in this report. The main attention was given to the costs and profits of both countries: the one who imposed sanctions and the sanctions-target country as well. Historical method of analysis allows us to highlight common and specific features in economic sanctions against Russia and Russian anti-sanctions. The influence of economic sanctions on the economic growth and employment was emphasized. Sanctions influence on the work of Russian financial system, oil & gas industry, defense industry complex and agrarian complex is considered in this report.

Keywords: economic sanctions, import substitution, industrialization, institutional mechanism.

Объект исследования: санкции, введенные против России и российские контрсанкции.

Предмет исследования: социально-экономические последствия антироссийских экономических санкций.

Цель доклада: систематический анализ последствий от международных экономических санкций, введенных против России, для определения социально-экономического ущерба, выявления конкретных путей минимизации данного ущерба и автаркических тенденций в рамках российской общественно-экономической модели и выработки практических рекомендаций в области институционального проектирования в данной сфере.

Методология исследования основана на общих и специальных методах научного познания: классификации, экспертных оценках, сравнительном и динамическом анализе, эконометрических и статистических методах анализа данных.

Ключевые результаты работы:

1. Комплексные выводы о влиянии санкций на нефтяную, газовую, оборонно-промышленный комплекс, агропромышленный комплекс России.
2. Аналитическое заключение об устойчивости финансово-банковской сферы в условиях ограничения зарубежного финансирования, роста просроченной задолженности и уменьшения международных резервов России.

3. Практические рекомендации по минимизации издержек антисанкций, обращению последствий долгосрочного экономического бойкота, снижению автаркических тенденций и внесение предложений по совершенствованию формальных институтов и институциональной среды в целом в контексте ситуации с санкциями в Российской Федерации.
4. Прогнозы и предложения, необходимые для внесения в документы стратегического планирования Российской Федерации, в части минимизации ущерба от санкций и сохранения открытости российской экономики.
5. Проект аналитической записки в органы государственного управления и власти.

В докладе рассматривается история санкций с экономической и юридической точек зрения. Особое внимание уделено анализу издержек и выгод как страны, вводящей санкции, так и страны-мишени. Исторический подход к анализу проблемы позволяет выделить общее и особенное в экономических санкциях против России и российских антисанкциях. Рассматривается влияние санкций на функционирование российской финансовой системы, нефтяной и газовой промышленности, оборонно-промышленного и аграрного комплекса.

Цель работы: рассмотреть международные экономические санкции, введенные против России, для определения социально-экономического ущерба, выявления конкретных путей минимизации данного ущерба в рамках российской общественно-экономической модели. Детально рассматривается влияние санкций на функционирование российской финансовой системы, нефтяной и газовой промышленности, оборонно-промышленного и аграрного комплекса.

Исследование санкций выполняется с помощью комплексного подхода, объединяющего в себе экономическую и юридическую точки зрения. Проведенный анализ носит двойственный характер: внимание уделяется не только анализу издержек и выгод страны-мишени, но и страны, вводящей санкции. Исторический подход к анализу проблемы позволяет выделить общее и особенное в экономических санкциях против России и российских антисанкциях. При сценарном прогнозировании используется экспертно-статистический байесовский подход.

Результаты работы и их новизна:

- в ходе исследования выяснено, что в большей степени от санкций (с экономической точки зрения) страдают те страны, против которых было введено торговое эмбарго со стороны развитых стран. Введение санкций негативно сказывается на экспорте и импорте этих стран, на прямых иностранных инвестициях и в целом на ВВП [1]. Негативные эффекты от санкционной политики находят свое отражение в экономических показателях и если не ухудшают экономическую конъюнктуру, то являются значительным якорем в развитии;
- в результате анализа правовых актов Российской Федерации, связанных с примененными в ответ на западные экономические санкции специальными экономическими мерами, был получен вывод об отсутствии достаточного обоснования их введения. Недостаточно краткого указания на цель — «защита национальных интересов» — применительно к акту, который затрагивает интересы всего народа Российской Федерации. Необходимо более тщательное обоснование введения специальных экономических мер [2];
- качественная и количественная оценка последствий от введения санкций и антисанкций, затрагивающая как реальный, так и финансовый сектор российской экономики:
 - 1) банковский сектор России испытывает сразу три негативных шока: перекрытие денежного финансирования на Западе; рост просроченной задолженности; политика Центрального банка. Определено негативное влияние введения санкций, падения курса рубля, а также снижения цен на нефть. Определены перспективы развития банковского сектора в условиях сохранения сложившейся ситуации на международной арене;
 - 2) нефтегазовая отрасль продолжает играть значительную роль в формировании доходной базы федерального бюджета Российской Федерации. В результате введения санкций экспорт западного оборудования в Россию был запрещен, что может стать

серьезным ударом для отрасли, который раскроется полностью в течение следующих 3–5 лет. В краткосрочном периоде действия санкций Россия понесла существенные, но не чрезвычайно большие потери. Среднесрочная перспектива может оказать более острое влияние. С учетом возникающих под влиянием санкций проблем для крупнейших производителей разработаны сценарии развития нефтехимической отрасли: импортозамещение, консервативный и стагнирующий [3]. Посредством спецификации экспертно-статистического байесовского подхода разработан инструментарий прогнозирования объемов производства в условиях неопределенности макроэкономической и геополитической ситуации.

- 3) в целом санкции оказали благоприятное воздействие на отрасль ОПК. Однако в ходе анализа выяснилось, что российские предприятия ОПК убыточны или же малорентабельны и у них нет стабильности в финансовых показателях, так как они сильно зависят от государственного заказа [4].
- 4) в аграрном секторе наблюдаются определенные улучшения — рост объемов выпускаемой продукции, снижение количества банкротств в данном сегменте. В пищевом секторе есть потенциал роста, но его ограничивают отсутствие четких границ по периоду действия санкций и снижающаяся покупательная способность. Выявлен риск, что российские компании в условиях отсутствия конкуренции могут перестать вкладывать средства в собственное развитие, что может привести к неконкурентоспособности российского пищевого сектора. Произведена оценка условия импортозамещения на рынках мяса и оценка условия индустриализации мясной отрасли в Российской Федерации в период действия продовольственного эмбарго. Определены возможности институционального проектирования и контроля качества пищевых продуктов. Предложена система показателей, которая учитывает не только происходящий процесс замещения импортных товаров российскими, но и учитывает влияние изменения цен на отечественную продукцию и инвестиционную составляющую.

По итогу секторального анализа выявлена необходимость коренных преобразований в экономике и промышленности РФ, которые позволят ступить на инновационный путь развития, что в дальнейшем приведет к увеличению темпов экономического роста. Для этого необходимо разрешить один из самых неоднозначных вопросов в российской экономике, связанный с изменением экспортно ориентированной модели экономики, которая существует на текущий момент [5].

Рекомендации по практическому использованию полученных результатов:

- 1) необходима более тщательная проработка обоснования введения специальных экономических мер в федеральных законах «О безопасности» и «О специальных экономических мерах»;
- 2) необходим пересмотр текущей политики ЦБ, поскольку при ней инвестиции в Российскую Федерацию существенно снизились, а резкое повышение ключевой ставки привело к сокращению государственного бюджета и снижению предпринимательской активности, что негативно сказалось на российском обществе в целом;
- 3) необходимы энергичные шаги по импортозамещению и модернизации добычи и переработки нефти и газа. Политика импортозамещения должна возродить отечественное производство нефтегазового оборудования, но должна проводиться таким образом, чтобы предприятия могли преодолеть значительный технологический разрыв и отставание от иностранных разработок. Рекомендуются переориентация экспорта нефти и газа в страны Юго-Восточной Азии, Японию, Китай и Индию, так как экономики этих стран обладают большим экономическим потенциалом. Это также может послужить драйвером роста для Сибири и Дальнего Востока;
- 4) государству целесообразно провести модернизацию предприятий ОПК с целью повышения роли рыночных механизмов, которые станут стимулом к развитию НИОКР, так как

в рамках современных условий конкуренции на любом рынке инновации представляют исключительное преимущество для процветания предприятий;

- 5) несмотря на положительные тенденции развития российского агропромышленного комплекса, он должен ориентироваться на политику разумного импортозамещения, которая не приведет к ущербу ни для потребителей, ни для конкурентоспособности российских компаний на мировом рынке. Одним из основных препятствий росту инновационной активности в российском агропромышленном комплексе является «слабое взаимодействие между бизнесом, образованием и наукой». Необходимо способствовать развитию связей между бизнесом и наукой и решать существующие задачи предприятий совместно с учеными из той или иной сферы в рамках грантов и консалтинговых услуг. Целесообразно предложить институциональные альтернативы продовольственного эмбарго, основываясь на обязательных условиях продовольственной независимости и раннее проведенных исследованиях в области технического регулирования;
- 6) основной задачей российской политики импортозамещения является стимулирование инноваций с тем, чтобы реализовать в полной мере российские сравнительные преимущества. При этом необходимо осуществлять мониторинг процессов, происходящих на внутреннем рынке, чтобы сокращение конкуренции не привело к монополизации или олигополизации отдельных сегментов экономики, а также не стало причиной картельных сговоров.

Область применения. Полученные результаты могут быть использованы следующим образом:

Во-первых, для обобщения опыта экономических санкций в XX в., формирования новых положений и практических рекомендаций, затрагивающих санкционную и антисанкционную политику.

Во-вторых, при подготовке и разработке фискальной и монетарной политики для формирования благоприятных условий развития национальной экономики и стимулирования отечественного предпринимательства в рамках импортозамещения.

В-третьих, с целью обеспечения академической и университетской науки новым информационным массивом для поддержания исследовательских и образовательных процессов.

Практическая значимость работы заключается в исследовании последствий от введения санкций и контрсанкций, результаты которого могут быть учтены при формировании стратегии социально-экономического развития РФ, совершенствовании существующих нормативных правовых актов относительно международных санкций, а также при решении вопросов национальной безопасности.

Прогнозные предположения о развитии объекта исследования. Исследование санкций будет требовать дальнейшего рассмотрения в связи с меняющейся глобальной политической конъюнктурой. В особенности важным будет отношение к этому вопросу нового президента США Дональда Трампа. За его инаугурацией может последовать различное количество возможных сценариев — от смягчения санкций до их ужесточения. Также будущее исследование санкций перспективно по причине вероятности пересмотра некоторыми из западных стран своих взглядов насчет санкций, то есть фактор множественности стран, вводящих санкции против другой страны.

Библиографический список

1. Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. 2016. Экономические санкции запада и российские антисанкции: успех или провал? // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 8, № 4. С. 6–27.
2. Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. 2017. Экономические санкции: издержки и выгоды конфронтации // Terra Economicus. Т. 15, № 3. С. 56–74.

3. Нуреев Р.М., Бусыгин Е.Г. 2017. Экономические санкции против России: краткосрочные и среднесрочные последствия для нефтяной и газовой промышленности // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). Т. 8, № 3. С. 6–22.
4. Нуреев Р.М., Бусыгин Е.Г. 2017. Экономические санкции как фактор модернизации оборонно-промышленного комплекса России // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 9, № 3. С. 97–118.
5. Экономические санкции против России и российские антисанкции; издержки и выгоды конфронтации. 2018 / под ред. Р.М. Нуреева М.: КНОРУС.

Романова Е. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
fullin@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматриваются трудности и препятствия на пути становления и развития российского малого предпринимательства.

Ключевые слова: малое предпринимательство, конкурентные преимущества, поддержка субъектов МСП, санкции, государственная инновационная политика.

Romanova E. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

PROBLEMS OF COMPETITIVENESS OF SMALL BUSINESSES IN MODERN RUSSIA

Abstract: The article examines the difficulties and obstacles on the way to the formation and development of Russian small business.

Keywords: small business, competitive advantages, support of SMB, sanctions, state innovation policy.

Возможность эффективного функционирования малых форм производства определяется рядом их преимуществ по сравнению с крупным производством: близость к местным рынкам и приспособление к запросам клиентуры; производство малыми партиями, что невыгодно крупным фирмам; исключение лишних звеньев управления; мобильность в реакции на изменения рынка и т. д. Малому производству способствует дифференциация и индивидуализация спроса в сфере производственного и личного потребления.

Развитие мелкого и среднего производства создает благоприятные условия для оздоровления экономики. Большое значение имеет способность малых предприятий расширять сферу приложения труда, создавать новые возможности не только для трудоустройства, но прежде всего для самозанятости и предпринимательской деятельности населения, развертывания его творческих сил и использования свободных производственных мощностей.

В текущих рыночных условиях сложно поддерживать существование независимого малого предприятия. Одним из факторов краха организации является низкая конкурентоспособность при рассредоточении рынка. С одной стороны, предприниматель, даже будучи новатором, не способен долго удерживать высокую концентрацию покупателей из-за быстрого заимствования креативных идей и распределения по рынку, а с другой — предприятие малой формы не может самостоятельно обеспечить объем, необходимый рынку. В данной статье рассмотрены проблемы конкурентоспособности малого бизнеса, формы и проблемы сотрудничества малого с крупным предприятием и государством.

Специфика малых предприятий и их роль в экономике. Любая экономическая система не идеальна и на практике приходится иметь дело с несовершенной конкуренцией: крупные компании стремятся монополизировать рынок, установить над ним контроль, а малый бизнес в то же время имеет ряд преимуществ по сравнению с крупным производством. К выделенным достоинствам относятся:

- малые предприятия более ориентированы на локальных рынках;
- мобильность при выполнении работ, связанных с внедрением новой техники, изобретений;
- малые предприятия требуют меньше капиталовложений;

- сравнительно более низкие издержки управления;
- работники малого предпринимательства имеют высокий уровень мотивации в достижении успеха, а также возможности реализовать свои идеи, проявить свои способности;
- повышенная скорость обращения капитала.

Развитие сферы малого предпринимательства, таким образом, способствует решению многих социально-экономических проблем: создание среднего класса, снижение безработицы, формирование рациональной структуры экономики, рост доходной части бюджетов всех уровней и др. Чем больше сектор гибких и подвижных малых предприятий и чем выше количество занятых в малом бизнесе, тем выше стабильность экономики.

Связь малого и крупного бизнеса. Как правило, в России крупные предприятия оплетены сетью мелких, контролируемых директором фирм, через которые проходят главные финансовые потоки. Вокруг крупных и средних предприятий сформировалась особая интеграционная нерыночная структура. Крупные предприятия привлекают узкоспециализированные мелкие фирмы, производящие для них отдельные детали и узлы. Вокруг монополий, особенно в отраслях машиностроения, электронной промышленности, группируются обычно по несколько десятков тысяч мелких предприятий, которые пользуются финансовой и технической помощью монополий.

Кооперационные связи очень важны для российских предпринимателей. И эта взаимосвязь перспективна, если создать экономические условия, гарантирующие безопасность такого сотрудничества.

Существует несколько форм и механизмов продуктивного взаимодействия малого и крупного предпринимательства: система субподряда, лизинг, франчайзинг, создание предпринимательских сетей, технопарки и т. д. Однако, в отличие от западных стран, в России на первый план выходит не формирование производственных субподрядных связей малого и крупного бизнеса, а включение торгово-посреднических малых предприятий в общие снабженческо-сбытовые, маркетинговые схемы работы соответствующих подразделений крупных предприятий.

Проблемы становления и развития независимого малого предпринимательства в России. Существенно затрудняет создание и развитие предпринимательства производственного направления отсутствие в политике протекционизма четкой ориентации на поддержку именно производственного вида деятельности. Политика поддержки предпринимательства в целом, а не базовых отраслей приводит к серьезным перекосам в структуре его развития, не обеспечивает максимально возможных результатов.

Одна из причин формирования в России деформированного типа рынка — некритическое осмысление и непродуманное перенесение опыта западных стран в отечественную практику. Использование мирового опыта, безусловно, важно, но при обязательном учете собственных условий и возможностей, что в большей степени может обеспечить отечественная наука.

Очевидно, что сформировать средний класс в России не удалось, т. е. в стране складывается ситуация, когда большинство населения располагает ограниченной покупательской способностью.

Отметим два обстоятельства, отрицательно влияющих на покупательскую способность населения и понижающих мотивацию труда производителей:

- рост потребительских цен опережает повышение оплаты труда;
- уровень разрыва доходов между полярными группами населения. Индекс Джинни в 2018 г. в России = 4,4.

Сдерживающий фактор развития промышленного предпринимательства — сужение внутреннего потребительского рынка, который обусловлен сокращением общей платежеспособности населения, приобретающим все более осязаемый характер.

В условиях свертывания внутреннего рынка отечественный производитель промышленных товаров вынужден ориентироваться на экспорт. Но пробиться на мировой рынок со своей продукцией из-за ее слабой конкурентоспособности и насыщенности рынка нелегко. И это еще один фактор, отрицательно влияющий на развитие отечественного производственного пред-

принимательства. Усугубляет ситуацию, на фоне снижения платежеспособности населения, неплатежеспособность промышленных предприятий.

Налоговая политика, в большей степени носящая фискальный, а не стимулирующий характер, обеспечивает интерес заниматься любым видом деятельности, кроме производственной.

Главные ее недостатки:

- чрезмерно высокий уровень налогов, которые препятствуют росту производства, что в условиях его падения необходимо;
- нестабильность налоговой системы;
- множественность налогов, в которых предприниматель просто теряет ориентиры, поэтому производством конкретных товаров заниматься невыгодно.

Серьезная проблема законодательной сферы создает стимул для развития теневого сектора экономики. В настоящее время в России не регистрируются до половины малых фирм, в основном — самозанятые ремесленники, а реальная занятость в малом бизнесе выше официальной, примерно на 70 %, реальный фонд заработной платы превышает официальные показатели на 60 %, а оборот занижается в среднем на 70 %. Многие существующие законодательные акты, предоставляющие налоговые льготы малым предприятиям не до конца проработаны и имеют множество слабых мест. По этой причине даже некоторые официальные лица называют действующий налоговый кодекс «враждебным» по отношению к предпринимательству.

Вполне очевидно, что пока в стране существуют источники обогащения вне сферы производства, дающие огромные прибыли на вложенный капитал, — инвестиций в отечественное производство не будет.

Серьезный фактор, тормозящий развитие предпринимательской деятельности — отсутствие необходимой достоверной и лаконичной информации, дающей возможность осуществлять глубокий анализ деятельности предпринимательских структур.

Отчетность предприятий малого бизнеса далека от полной достоверности из-за желания смягчить удушающую силу налогов и боязни раскрыть производственную или коммерческую тайну.

Ограниченная информация не дает полного представления о предприятии, усложняет взаимный выбор нужных партнеров и установление между ними эффективных связей.

Информационное поле сейчас представлено следующими уровнями:

- общегосударственным — сбором информации занимается Госкомстат России, Росинформресурс, Роскоминформ, ФАПСИ и др.;
- ведомственным — сбором информации занимаются отраслевые министерства, налоговые службы, регистрационные ведомства (Росфинмониторинг, ЕГАИС лес);
- местным, где действуют информационные службы областных местных администраций;
- коммерческими информационными системами в виде возможных агентств, предпринимательских структур, реализующих информацию на основе коммерческого спроса.

Из-за разнотипности применяемых информационных систем, информация этих ведомств не стыкуется, что затрудняет ее использование.

До настоящего времени не выработаны морально-этические нормы и правила, обеспечивающие доверительные, партнерские отношения. Пока таковые отсутствуют и не сформирована четкая система информационного обеспечения, предпринимателям во взаимоотношениях и при обмене информацией приходится полагаться на собственную интуицию.

Несмотря на увеличение общего числа малых предприятий в стране, а на конец третьего квартала 2018 г. — почти шесть миллионов субъектов (5 958 421), малый бизнес в России поставлен в трудные условия существования, сопряженные с множеством проблем, которые заставляют малые фирмы уходить в тень (чаще — даже не регистрировать предприятие), действовать за рамками законодательства, либо провоцируют к разорению и банкротству.

Проблема российских малых предприятий, возникающая со стороны государства, — неоправданные административные барьеры. Они создаются государственными ведомствами

в сфере регулирования предпринимательской деятельности, лицензирования и сертификации. Усугубляет положение избыточный контроль со стороны многочисленных, ранее — государственных, а в 2018 г. — банковских, органов финмониторинга. В настоящий момент для создания собственного дела необходимо получение огромного количества различных регистрационных документов, к этому процессу подключено множество инстанций (налоговая, нотариус, коммерческий банк, ПФР, ФСС, удостоверяющие центры).

К числу не менее значимых проблем следует отнести финансово-кредитное обеспечение малого бизнеса. Следует отметить нерешенность вопросов кредитно-финансовой поддержки малого бизнеса, кроме разве что сельскохозяйственного сектора. Отсутствие соответствующих ассигнований из федерального бюджета, без которых не могут быть реализованы прогрессивные посткризисные финансово-кредитные схемы и технологии, позволяющие использовать заемные ресурсы.

Самая очевидная, чисто российская проблема сферы кредитования малого бизнеса — отсутствие достоверной информации о финансовых показателях работы предприятия. Пробелы нормативно-правового регулирования налогового законодательства провоцируют массовый уход субъектов малого предпринимательства в сектор теневой экономики, заставляет их занижать реальные показатели своей работы. Банки, особенно крупнейшие, при выдаче кредитов руководствуются главным образом именно показателями постоянной стабильности оборота, и эти показатели необходимо демонстрировать, что могут сделать далеко не все малые предприятия. Как следствие — отказ банка в выдаче займов.

С начала 1990-х в России стали появляться такие важные элементы инфраструктуры поддержки малого бизнеса, как агентства развития предпринимательства, учебно-деловые центры, бизнес-инкубаторы, технопарки и инновационно-технологические центры. В области поддержки инновационной активности малого бизнеса помимо них большую роль играют федеральные и региональные фонды, формируемые за счет как бюджетных, так и внебюджетных источников финансирования, осуществляющие отбор и финансирование на возвратной основе инновационных проектов. Крупнейшими из них являются Российский фонд технологического развития (РФТР) и Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, созданные по инициативе и при непосредственном участии Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ в начале 90-х годов.

Инновационно-производственная деятельность является одним из факторов повышения эффективности российской экономики и конкурентоспособности отечественных предприятий, создания условий нормального функционирования промышленности в целом, реструктуризации отраслей и реформирования предприятий.

Особенность текущей ситуации состоит в наличии научно-производственной базы, значительного объема фундаментальных и технологических заделов, высококвалифицированных кадров в сочетании с недостаточной реализацией конкретных инноваций в связи с отсутствием собственных средств у предприятий, ограниченностью централизованных источников финансирования, заемных и привлеченных средств, низким спросом на научно-техническую продукцию.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изменениями от 28 декабря 2013 г.) // СПС Консультант Плюс.
2. Информационно-внедренческий центр «Маркетинг». 2009. С. 128–129.
3. Гамза В. А. 2011. О системе финансирования среднего и малого бизнеса // Финансы и кредит. № 12. С. 2–4.

Румянцев М. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
m.rumyantsev@spbu.ru

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ МЕГАПРОЕКТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация: Автор исходит из того, что инфраструктурные мегапроекты обладают значительным синергетическим потенциалом в экономике, который может сформировать движущие силы экономического роста и занятости в России. В докладе исследована ключевая роль инфраструктурных мегапроектов в качестве особого блага в современной экономике. Раскрыто влияние инфраструктурных проектов на ускорение торговых оборотов, рост занятости, инновационное и территориальное развитие и реализацию власти инфраструктурных государств посредством логистических связей. Дан перечень рисков, присущих инфраструктурным проектам. Показано, что большие инфраструктурные проекты как особое рукотворное благо обладают не только прямой рыночной эффективностью, но и долгосрочной косвенной эффективностью. Делается вывод о том, что долгосрочная народнохозяйственная эффективность инфраструктурных проектов проявляется в создании логистических хабов, технологических цепочек, промышленных и инновационных кластеров предприятий, новых рабочих мест, в стимулировании частных инвестиций и занятости в сферах строительства и торговли, в преодолении отсталости малозаселенных и неразвитых территорий.

Ключевые слова: инфраструктура, неоднородность пространства, инфраструктурные проекты, инновации, инфраструктурное государство.

Rumyantsev M. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

INFRASTRUCTURE MEGA-PROJECTS AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract: The author proceeds from the fact that infrastructure mega-projects have a significant synergetic potential in the economy, which can form the driving forces of economic growth in Russia. The report examines the key role of infrastructure mega-projects as a special benefit in modern economic development. The influence of infrastructure projects on the acceleration of trade turnover, innovation and technological development, territorial development and implementation of the power of infrastructure States through logistics links. The list of risks inherent in infrastructure projects is given. It is shown that Large infrastructure projects as a special man-made benefit have not only direct market efficiency, but also long-term indirect efficiency. It is concluded that the long-term economic efficiency of infrastructure projects is in the creation of logistics hubs, technological chains, industrial and innovative clusters of enterprises, in stimulating private investment in the construction and trade, in overcoming the backwardness of sparsely populated and undeveloped territories.

Keywords: infrastructure, heterogeneity of space, infrastructure mega-projects, innovations, technologies, infrastructure state, efficiency.

Цель доклада состоит в том, чтобы раскрыть синергетический потенциал инфраструктурных проектов во всей полноте их влияния на экономическое развитие, в том числе в сферах инвестиций и занятости. При наличии значительного массива исследований в области макроэкономики и институциональной теории, проблемы инфраструктуры не столь полно освещены в экономической литературе. Как правило, значение транспортной инфраструктуры связывается с ее влиянием на развитие торговли вследствие снижения стоимости торговых перевозок и сокращения времени торговых операций. Значение инфраструктуры в экономическом развитии не сводится только к влиянию качества транспортных коммуникаций на национальную и мировую торговлю.

Инновационно-технологический аспект инфраструктуры выявлен в работах К. Перес, С. Ю. Глазьева, М. Хироока. В теориях К. Перес и С. Ю. Глазьева транспортная инфраструктура выполняет двойственную миссию: она выступает в качестве одного из лидирующих инноваци-

онных секторов и ускоряет диффузию нововведений благодаря системной связанности с другими отраслями, и, с другой стороны, инфраструктура воспринимает инновации и капиталовложения из новых, пионерных секторов экономики.

М. Хироока ввел в научный оборот понятие «trunk-innovations» — магистральные (стволовые) инновации. В понятие «магистральные инновации» японский исследователь включил энергетику, ресурсы, двигатели, транспорт, информатику и коммуникации. Магистральные инновации формируют инфраструктуру и иницируют институциональные перемены. Магистральные инновации не только способствуют созданию новых рынков и инфраструктурных сетей, но и ведут к обогащению и качественному улучшению существующих технологий. Магистральные инновации могут изменяться под влиянием улучшающих инноваций из других секторов, а также в результате получения синергетического эффекта при взаимодействии со смежными отраслями. Магистральные инновации могут быть движущими силами долговременного экономического развития, стимулами базисных инноваций и синергетических эффектов в экономике, создавать новые квалифицированные рабочие места.

Не менее важен *пространственный аспект* инфраструктуры. Совершенно ясно, что анализ проблем транспортной инфраструктуры не может базироваться на принципе однородного пространства, принятого в мейнстриме экономической теории. Транспортные коммуникации соединяют разнородные по уровню социально-экономического развития территории, которые могут находиться в разных природно-климатических зонах, что нельзя не учитывать при разработке и реализации инфраструктурных проектов. В экономической науке феномены неоднородности пространственно-временных структур в хозяйственной эволюции зафиксировали Р. Барр, Дж. Й. Линь, Э. Райнерт, российские евразийцы. Принцип неоднородности пространства есть необходимое условие для результативного исследования транспортной инфраструктуры.

Неоднородность пространства проявляется в различиях между политическим и социально-экономическим Центром и периферией. Центральные и периферийные регионы различаются по жизненным стандартам, хозяйственным укладам, качеству институтов и уровню технологического развития. Л. Г. Бадалян и В. Ф. Криворотов выдвинули и обосновали перспективную гипотезу о роли периферийных территорий в экономической динамике. Проведенное ими исследование показало решающую роль периферийных территорий при смене моделей экономического развития. При падении предельной производительности ключевых энергетических и производственных факторов встает вопрос о смене доминирующей модели в экономике. В этих условиях на периферийных территориях образуются зоны для внедрения пакетов радикальных инноваций и новых источников энергии, формируются эффективные транспортные коммуникации. В результате в мировом хозяйстве рождается новая доминантная модель развития с новыми центрами экономической гегемонии [1].

Другой важный аспект транспортной инфраструктуры — это *аспект пространственной власти*. Для исследования экономических процессов, разворачивающихся на больших пространствах России и северо-восточной Евразии важным оказывается проведенное Дж. Арриги разделение «капитализма» и «территориализма» как противоположных способов правления или логик власти. В отличие от капиталистических государств, «территориалистические правители отождествляют свою власть с протяженностью и населенностью своих владений и считают богатство / капитал средством или побочным продуктом стремления к территориальной экспансии» [2]. Хозяйствование в России происходит, как правило, в условиях избыточных неосвоенных пространств и дефицита капиталов, что требует накопления власти, редистрибуций и мобилизации трудовых ресурсов.

Логика территориального развития за счет перераспределения ресурсов формирует особую ценность или благо — большие инфраструктурные проекты развития территорий, которые преобразуют сложившуюся систему кооперации и разделения труда, объединяют разнородные евразийские территории и хозяйственные уклады в единую общественно-государственную систему. В этом отношении интерес представляет концепция инфраструктурного государства М. Манна. По его мысли, инфраструктурное государство проникает сквозь структуру общественных отношений и создает необходимые логистические связи для реализации своей вла-

сти. «Инфраструктурная власть — это институциональная возможность централизованного государства, деспотического или нет, реализовывать свои решения в пределах собственного пространства. Это коллективная власть, «власть сквозь» общество, координирующая общественную жизнь через государственную инфраструктуру» [3]. Освоение больших пространств Евразии путем инфраструктурных проектов формирует логистические связи, увеличивает торгово-промышленные обороты, ликвидирует территориальные дисбалансы в уровне жизни населения и укрепляет власть государства.

Российский опыт показывает, что когда очередная модель хозяйственного устройства исчерпывает себя, в России происходит изменение территориальных направлений развития. Новый центр проводит долговременные стратегии — большие инфраструктурные проекты, в которых хозяйственное обустройство новых земель становится целью, а государственный контроль над движением денег и капиталов подчиняет экономику этой хозяйственной сверхзадаче. Бенефициаром таких проектов в кратковременном периоде являются новые элиты, экспроприрующие активы прежних элит и присваивающие прибавочный и, частично, необходимый продукт. Однако в долговременном периоде главным выгодополучателем оказывается российский народ. В итоге история России предстает перед нами как периодическая смена территорий ускоренного развития, приводящая к введению новых технологических принципов и новых базовых институтов экономики. Примерами коммуникационных проектов, связывающих воедино российские пространства, являются Транссибирская магистраль и Байкало-Амурская магистраль, план электрификации России ГОЭРЛО, советские и российские энергетические коммуникации [4].

Большие инфраструктурные проекты представляют собой *особое рукотворное экономическое благо*. Такие проекты может инициировать и продвигать только государство, поскольку создание инфраструктурных отраслей является капиталоемким процессом, предполагающим чрезмерные для частных компаний риски и сроки окупаемости инвестиций, которые относятся к «длинным деньгам». Частный сектор становится участником больших проектов через институты государственно-частного партнерства. Движущей силой и координатором создания инфраструктурных сетей является воля государства, принимающего решения о выборе и поддержке больших проектов. Важную роль в формировании инфраструктурных коммуникаций играют группы государств и межгосударственные объединения.

Большие инфраструктурные проекты представляют собой обмен наличных ресурсов в настоящем времени на выгоды от развития в будущем. За счет налогообложения населения финансируются приоритетные сегменты хозяйства и осваиваются новые территории, обладающие потенциалом долговременного социально-экономического воспроизводства общества.

Большие инфраструктурные проекты производят положительные долгосрочные эффекты для всего общества: использование новых сырьевых ресурсов, ускорение торговых оборотов, создание новых рынков сбыта, хозяйственное и культурное развитие территорий, устойчивый рост занятости и вложений капитала в результате роста взаимных заказов в смежных отраслях [5]. Для экономики больших пространств Евразии ключевое значение имеет эффективная система транспортных коммуникаций, связывающая воедино локальные рынки и ускоряющая экономические обороты. Необходимо минимизировать риски реализации больших проектов: территориальные и отраслевые дисбалансы, распределительные конфликты между бенефициарами и донорами проектов, некупаемость масштабных капиталовложений.

Таким образом, большие инфраструктурные проекты как особое рукотворное благо обладают прямой рыночной эффективностью, которая заключается в снижении издержек компаний — пользователей транспортных сетей, а также в окупаемости перевозок через определенные сроки. Долговременная косвенная народнохозяйственная эффективность инфраструктурных проектов проявляется в создании новых рабочих мест, логистических хабов, технологических цепочек, промышленных и инновационных кластеров предприятий, в стимулировании частных инвестиций в сферах строительства и торговли, в преодолении отсталости малозаселенных территорий, в росте занятости и уровня жизни на периферии. В этом отношении большим потенциалом обладают Арктический проект России и строительство высокоскоростной магистрали «Евразия».

Библиографический список

1. Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. 2012. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее / под ред. и с предисл. Г. Г. Малинецкого. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком».
2. Арриги Дж. 2006. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Издательский дом «Территория будущего».
3. Манн, Майкл (социолог): биография. Постоянные типы (функции) государственных действий по Майклу Манну. 2016. URL: [http://www. peoplelife.ru>179936](http://www.peoplelife.ru>179936) (дата обращения: 30.09. 2018).
4. Дубянский А. Н., Румянцев М. А. 2017. Институциональные аспекты интеграции Российской империи в XIX веке // Journal of Institutional Studies. Vol. 9 (3). P. 133–146.
5. Тавровский Ю. В. 2017. Новый шелковый путь. М.: Эксмо.

Румянцева С. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
s.pumyantseva@spbu.ru

СМЕНА ДЛИННЫХ ВОЛН В ЭКОНОМИКЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА: ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ*

Аннотация: В статье рассматриваются в рамках длинноволновой перспективы изменения в производительности труда в России, где имеются, по причине ее низких показателей, препятствия для внедрения технологий шестого технологического уклада. Отмечается, что шестая технико-экономическая парадигма должна была бы отличаться высокой энергоэффективностью. Но этому мешает такой институциональный фактор, как финансово-нефтяной мультипликатор, затрагивающий интересы олигархических кланов. Выделяется лидирующий сектор в экономике страны, поддержка которого способна отчасти решить проблему перехода к технологиям шестого уклада, прежде всего энерго-сберегающим и биотехнологиям.

Ключевые слова: длинные волны, производительность труда, энергоносители, технологические уклады.

Rumyantseva S. Yu.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE CHANGE OF LONG WAVES IN THE ECONOMY AND INSTITUTIONAL LIMITS OF LABOUR PRODUCTIVITY: BARRIERS FOR NEW TECHNOLOGIES*

Abstract: The article devoted to the measurement of labour productivity in the long wave perspective in Russia, considering the implementation of six technological order technologies. The six techno-economic paradigm could has high enrgoefficiency. But institutional factor such as so called finance-oil multiplier, connected with the world broad money movement, and interests of world oil oligarchs are inhibits the stimulus for technological progress. Nevertheless we finf the leading sector in Russian economy that could absorb the potential of six economic order.

Keywords: long waves, labour productivity, energy resource, technological orders.

В настоящее время происходит переход от пятой длинной волны к шестой, что в экономической литературе многими авторами, такими как С. Ю. Глазьев, Б. Н. Кузык и Ю. В. Яковец, Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев и другими, связывается с распространением NBIC технологий, медицинских технологий, о которых писал еще Л. Нефедов в 1998 году как об основе шестой длинной волны, выработки солнечной энергии и распространением фотогальванических элементов, использованием LED-освещения, дисплеев на основе органических светодиодов, переходом к другим воспроизводимым источникам энергии. При этом, по нашим оценкам, продолжается устойчивый рост динамики объема продаж компаний полупроводниковой промышленности, в основном в США и Китае, который по показателю расходов на НИОКР в этой области к 2020 году должен приблизиться к США [1].

В. Г. Клинов в своем исследовании пишет, что соотношение между конструкторской ветвью НТП (собственно технологические разработки и внедрение базисных инноваций, как можно выразить этот процесс) и технологической ветвью (когда усовершенствуются уже внедренные

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ проект № 17-02-00171 «Инновационное развитие России и инструменты его стимулирования в контексте теории циклов и эволюционной экономики».

* The article was prepared with support of the grant of RFBR (Russian Foundation for Basic Research), project No. 17-02-00171 — Innovation development of Russia and instruments of its stimulation in the context of the theory of cycles and evolutional economy.

технологии) в восходящей волне пятого кондратьевского цикла изменилось в пользу технологической ветви. Это означает некоторое замедление НТП и продолжение старой парадигмы развития, о чем свидетельствует тот уже упомянутый выше факт, что только отрасль производства полупроводников демонстрирует устойчивый рост.

В. Г. Клинов отмечает, что в 1996–2015 гг. среднегодовые темпы прироста производительности труда (предпринимательского сектора экономики) США составил 2,2 % против 1,7 % в 1974–1995 гг. [2, с. 143]. Период 1974–1995 гг. был периодом понижательной фазы четвертой длинной волны, период же 1996–2015 включает две разные фазы, повышательную — до 2008 г., и понижательную после 2008 г., причем, по данным *Bloomberg*, в 2015 и 2016 годах, по крайней мере в России, рост уходил в отрицательные значения.

О понижательной волне в экономике США с 2008 г. свидетельствует тот факт, что на протяжении 1981–2014 гг. был период 2007–2008 гг., когда темпы прироста ВВП не превышали 1 %, тогда как в последние годы — 2011–2014 гг. они колеблются вокруг отметки в 3 %, что не сравнимо с 5 % повышательной фазы пятой длинной волны и тем более с 6–8 % повышательной фазы четвертой длинной волны. При этом темпы прироста М4 с 2014 г., по данным *Center for Financial Stability Bloomberg*, отрицательны. Такого не наблюдалось в понижательной фазе четвертой длинной волны, когда темп прироста низколиквидных денежных агрегатов лишь слегка замедлился, но уж никак не показывал отрицательных значений, чреватых дефляцией.

В Германии темпы прироста экономического роста колеблются около 0 в 2012–2014 гг., в Канаде в 2014–2016 гг. уходит в отрицательные значения около –4 %. Низкий экономический рост, уходящий в 2012–2016 гг. в отрицательные значения, можно наблюдать и в других старых индустриальных странах, таких как Швеция, Франция, Канада, динамика которых и породила длинные волны*.

Более низкий экономический рост в пятой длинной волне связан с нисходящей фазой цикла Модельски, а также с тем обстоятельством, что, как утверждают Л. Е. Гринин и А. Л. Гринин [3], на начало четвертой длинной волны пришлось начало кибернетической революции, которая и задала темп бурного роста, сейчас в текущей пятой длинной волне мы наблюдаем лишь отголоски этого роста, что делает ее менее интенсивной по степени радикальности внедряемых инноваций и по темпам роста, да и ведущей отраслью, на наш взгляд, остается все та же незаменимая для цифровой экономики отрасль производства полупроводников, на которой все и основывается.

О понижательной фазе длинной волны свидетельствует рост безработицы. По расчетам В. Г. Клинова, в 2008–2015 гг. среднегодовой темп прироста численности занятых в США снизился до 0,2 %. В 1996–2007 гг. он составлял 1,3 %. Он отмечает, что прирост производительности труда отмечался только в сервисных отраслях, связанных с ИКТ, в остальных же сферах применения труда «синих воротничков» производительность труда не менялась, а безработица росла. Это свидетельствует о том небезызвестном факте, что обрабатывающие производства были выведены за рубеж, что начиная с 10-х годов XX века породило необходимость неоиндустриализации. Норма безработицы в США растет, достигнув к 2012–2015 гг. в среднем 6 % [2, с. 147].

Но это прежде всего говорит о том, что ИКТ, как базисная инновация пятой длинной волны, не сумели проникнуть во все сферы и отрасли экономики, послужить затратосбережению, улучшению качества стандартной промышленной продукции, что обычно происходит при распространении технико-экономической парадигмы виширь в ходе длинной волны.

А. А. Абалкин и Д. Е. Сорокин еще в начале XXI в., отталкиваясь от марксистской традиции, предупреждали, что низкий уровень производительности труда и низкие зарплаты действуют как заколдованный круг: низкая производительность труда не позволяет поднимать заработную плату, а низкая заработная плата компенсирует низкую производительность труда и низ-

* Расчеты по разным странам с 1981 г. осуществлялись на основе данных А. Мэддисона (университет Гронингена) в рамках курса «Теория экономических циклов» у направления подготовки бакалавриата IV курса «экономика, политика, право» совместно со студентами Шумовой А. И. (США), Прошунинской Е. Р. (Канада), Андрюшиной Е. А. (Германия), Бородиным И. О. (Швеция), Титовой А. С. (Франция), Пимашиним А. А. (Дания), Холмовым Н. В. (Норвегия).

кую капиталоотдачу, что не вызывает у предпринимателей стремления внедрять новые технологии.

Тем более внедрение ИКТ как базисной инновации пятой длинной волны на пороге 90-х в России не привело к росту производительности труда по всем отраслям экономики, имея точечно-офисный и потребительский характер, улучшая лишь средства связи. Причиной этому была как недостаточная сила этой инновации, так и разбалансировка отраслевой структуры экономики России, тенденции ее деиндустриализации, потери системной связности в рамках воспроизводственных цепочек. Производство остается архаичным, а офисный сектор высоко ИТ-зированным, цифровым. Поэтому всерьез говорить в России о переходе к цифровой экономике пока не приходится. Об этом свидетельствуют тенденции изменения производительности труда по отраслям экономики Российской Федерации.

Уровень производительности труда в РФ за весь период с 2005 (конец подъема длинной волны) по 2015 г. вырос с 19 до 23 %, тогда как в странах G7 он вырос с 50 до почти 55 %, в ЕС и ОЭСР — с 45 до 47 % [4]. В расчете на одного работника производительность труда также отстает от ЕС и G7 вчетверо, при этом минимальные значения этого показателя наблюдались в 2008 г. В процентном отношении индекс производительности труда демонстрирует нисходящую ветвь пятой длинной волны, замедляясь во всех группах стран к 2015 г., в России же этот показатель упал до отрицательных значений в 2008 и 2015 гг., говоря о том, что производственные системы страны работают уже себе в убыток и если бы не рентно-сырьевая ориентация экономики страны, нераспространение достижений и базисных инноваций по всем секторам и отраслям российской экономики в пятой волне привела бы к производственному коллапсу.

Индексы реального ВВП, реальной начисленной заработной платы, производительности труда в постоянных ценах в экономике России в 2005–2015 гг. в % демонстрируют две волны — 2005–2009 и 2009–2015 гг. С учетом того, что в цитируемом источнике данные взяты с середины фазы подъема длинной волны, можно предположить, что в 1989–1994 гг. — периоде длинноволновой депрессии — ситуация была хуже.

В целом по экономике индекс производительности труда снизился со 105,5 в 2005 до 97,8 в 2015 г. Наибольшее падение демонстрируют операции с недвижимостью (вследствие перепроизводства в рамках цикла Кузнецца), кафе и рестораны (в связи со снижением уровня располагаемого дохода населения) и обрабатывающие производства (в связи с замедлением обновления оборудования).

Снижение производительности труда, как уже было показано выше, создает препятствия для дальнейшего обновления оборудования, особенно на базе цифровых технологий. Выросла производительность труда только в сельском хозяйстве — как раз за счет интенсивной работы по обновлению парка оборудования и за счет обратного эффекта санкций, выраженного в предпочтении потребителем продукции отечественного производства и недоступности импортного — с 101,8 до 104,9 %. Сельское хозяйство по этой причине можно считать нашим лидирующим сектором.

По характеристике производственных процессов (биотехнологии, возможность выращивания культур для производства альтернативных экологически чистых видов топлива на пустующих землях, широкие возможности сбыта) это та отрасль, которую можно оснастить всеми недостающими технологиями пятого технологического уклада и гармонично влиться в шестой. Таким образом, у России есть потенциал для развития нового технологического уклада (шестого) и добавления необходимых элементов пятого к лидирующему сектору экономики — сельскому хозяйству, превращению его в отрасль высокотехнологического производства, которое к тому же будет на случай неблагоприятного развития геополитической ситуации обеспечивать национальную продовольственную безопасность страны. Именно в этом секторе, даже в небогатых солнцем регионах, как показывает экспериментальное хозяйство Валаама, возможно развитие альтернативной энергетики и начало производства альтернативных дружелюбных к окружающей природной среде видов топлива.

Однако на этом пути есть свои препятствия, которые необходимо преодолевать.

Во-первых, наше исследование природно-ресурсного фактора-тенденции длинных волн, продолженное после 2003 г., показало, что концепция Н. Накиценовича [5] о смене ведущих

энергоносителей вслед за сменой длинных волн, даже с учетом предполагаемого 15-летнего лага запаздывания, не совсем адекватно отражает реальность. Так, тренд добычи каменного угля, который, согласно его концепции, должен был пойти на спад в США начиная с 1930–1940 гг. и выйти в ноль в качестве доли в совокупном использовании энергии, на практике в США показал три пика, примерно соответствующих трем длинным волнам — в 1920, 1980 и до 2000 г. продолжался его бурный рост. Далее сопоставимых данных нет. Это динамика производства и потребления угля. Что же касается нефти, относительно которой Н. Накиценович предполагал верхнюю поворотную точку ее жизненного цикла как ведущего энергоносителя, то она должна была приходиться на 1980-е годы с дальнейшим снижением. Природный газ как ключевой мировой энергоноситель должен был начать свой жизненный цикл вместе с нефтью в 1860-м и достигнуть пика к 2000 г., когда нефть начинает сходиться со сцены, да и сам тренд потребления природного газа должен был в окрестности миллениума переломиться вниз, уступая место альтернативным источникам энергии.

Этого не произошло. По прогнозам ОЭСР, только к 2025 г. доля альтернативных источников энергии достигнет 6 % в совокупном энергопотреблении, а доля угля и природного газа останется на уровне 20–22 %. Остальные примерно 52 % и к 2025 г. будет занимать нефть, пережившая с 1860 г. уже три длинные волны. Новые технологии и энергоносители, им соответствующие, появляются, замещения не происходит!

В чем причина? Есть предложение называть это финансово-нефтяным мультипликатором. Вслед за ростом цен на нефть, как правило, растет мировой запас денежной массы в широком понимании — именно мировой М3 и М4 (L, если угодно). Недаром США больше не публикуют в своих отчетах данные о М3 и L, эти данные доступны только на достаточно коротких интервалах в Bloomberg.

Нефть является не обычным энергоносителем — это ключевой биржевой товар, с помощью которого ведутся экономические войны. Рост цен на нефть является первым толчком к раздуванию финансовых пузырей, поскольку порождает новые контракты на продажу долгосрочного характера. И даже США отказались от ренты Хотеллинга при открытии сланцевых месторождений, чтобы войти заново наряду со странами ОПЕК в нефтяную биржевую игру.

Игры нефтяных олигархов с нефтяными котировками — основное препятствие для внедрения новых энергоносителей, а следовательно, и ключевых технологий шестой длинной волны, заточенных под цели зеленой экономики.

Таким образом, в России имеется задел повышения производительности труда в рамках наступающей шестой длинной волны, с учетом использования новейших технологий шестого технологического уклада в лидирующем секторе экономики. Однако институциональные препятствия в виде мирового финансово-нефтяного мультипликатора пока в рамках доминирующей технико-экономической парадигмы выступают тормозом подобного развития, не пуская новые технологии к широкой реализации.

Библиографический список

1. Ичкиитидзе Ю. Р., Румянцева С. Ю. 2016. Тренды инновационного развития: мировой опыт государственной поддержки новых отраслей. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация университетов России.
2. Клинов В. Г. 2016. Причины и последствия модификации большого цикла мирового хозяйства // Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, Р. С. Гринберга. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». 368 с. URL: https://www.socionauki.ru/book/%d0%barizisy_i_proгноzy_v_sвете_теории_длинных_волн/ (дата обращения: 11.12.2018).
3. Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2017. О шестом технологическом укладе // Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М.: Ж Моск. ред. изд-ва «Учитель».
4. Производительность труда в Российской Федерации. Июнь 2017. № 09. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13612.pdf> (дата обращения: 11.12.2018).
5. Nakicenovic N. 1987. Technological Substitution and Long Waves in the USA // The Long-Wave Debate. Ed. by T. Vasko. Berlin: Springer-Verlag.

Фенин К. В.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012, Саратов, Астраханская, 83
fenin.kir@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УРБАНИЗАЦИИ, РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Аннотация: В проведенном исследовании на основе анализа теоретико-экономических концепций, историко-фактологического и статистического материала показано взаимное влияние урбанизации, развития общественного разделения труда и роста экономики.

Ключевые слова: урбанизация, разделение труда, социальное неравенство, экономический рост.

Fenin C. V.

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russian Federation

INTERACTION OF URBANIZATION, DIVISION OF LABOR AND ECONOMIC GROWTH

Abstract: This research, based on an analysis of theoretical and economic concepts, historical, factual and statistical material, confirms the mutual influence of urbanization, the development of the social division of labor and economic growth.

Keywords: urbanization, large-scale division of labor, social inequality, economic growth.

Современная экономика — это экономика городов, в которых проживает свыше 50 % мирового населения и производится около 80 % мирового ВВП. Поэтому в научно-теоретическом или прикладном исследовании и при прогнозировании экономического развития должно учитывать процесс урбанизации — формирования городских поселений — как фактор изменения хозяйственных систем.

Воздействие урбанизации на экономику проявляется в динамике общественного разделения труда. Город — это не только очаг экономического развития, но и самая древняя форма эволюции процесса разделения труда. Со времен городских общин, полисов классической Греции и до наших дней все поворотные моменты социального прогресса выражались во взрыве урбанизации [1]. Возникновение экономической науки было непосредственно связано с анализом функционирования греческих городов-полисов. Ксенофонт (444–356 гг. до н. э.), Платон (430–347 гг. до н. э.) и Аристотель (384–322 гг. до н. э.) высказались о том, что возникший крупный полис способен поддерживать свою самодостаточность за счет последовательного разделения труда, способствующего росту различных видов занятости и снижению торговых издержек [2].

Традиция изучения развития «идеальных» общественных и экономических систем в географических рамках городов была продолжена спустя много столетий в работах известных мыслителей: Т. Мора (1478–1535 гг.), Т. Кампанеллы (1568–1639 гг.) и Ф. Бэкона (1561–1626 гг.). Но наиболее значимым и глубоким теоретическим и практическим исследованием воздействия городского разделения труда на экономический рост стал «Краткий трактат» А. Серра (середина XVI — начало XVII в.). Итальянский ученый, изучая хозяйственную практику города-государства Венеции, в которой уже в XV в. существовала патентная система, открыл намного раньше А. Смита закон возрастающей отдачи в промышленности, продукция которой может многократно увеличиваться с пропорционально снижающимися издержками. А. Серра объяснил влияние на благополучие города или государства нескольких причин: высокой плотности населения, многочисленности и развитости ремесел, масштабной внешней торговли и политики правителей — каждая из которых усиливала другую [3].

Идея об активном участии городов в эволюции разделения труда зародилась в классической экономической школе. А. Смит (1723–1790 гг.) высказал мысль о том, что большой город порождает профессии, которыми можно заниматься только в нем, а сельская местность остается узким поприщем для многих городских видов хозяйственной деятельности.

И. Г. фон Тюнен (1783–1850 гг.) на основании многолетних эмпирических наблюдений предложил модель разделения труда между одним центральным городом, локализовавшим самые передовые виды деятельности, и сельскохозяйственной местностью. Ф. Лист (1789–1846 гг.) высказал оригинальную мысль о том, что государство, достигшее идеальной организации разделения труда, представленной земледельческим, промышленным и коммерческим секторами, уподобляется городу. А. Вебер (1868–1958 гг.), исследуя процесс выделения промышленности из сельского хозяйства, отметил его пространственный характер: чем больше промышленность отрывается от сельского хозяйства, тем больше она сосредотачивается в городах. В. Кристаллер (1893–1969 гг.) в теории «центральных мест» доказал, что с увеличением размера городов растет набор видов производства, который они способны вмещать в себя.

Уникальные свойства городов связаны с их участием в формировании системы разделения труда. Города вбирают в себя и изобретают «шумпетеровы» (инновационные) виды деятельности или профессии «сектора Солоу» с растущей отдачей от масштаба, которые лежат за пределами «мальтузианского» сектора, где отдача от труда падает. Локализация экономических агентов: отдельных работников, предприятий, административных учреждений — в городских населенных пунктах может быть объяснена действием эффекта возрастающей отдачи. В городских поселениях с ростом занятости удельные издержки производства снижаются, а совокупный объем производства возрастает. А. Маршалл (1842–1924 гг.) в процессе толкования миграции трудовых ресурсов шел в обратном направлении и считал, что переселение народов происходило в результате убывающей отдачи от «мальтусовых» видов деятельности: плотность населения территории возрастала, а количество доступных ресурсов и уровень технологий не менялся [3].

Городские рынки характеризуются несовершенной конкуренцией, асимметрией информации, способностью к генерированию инноваций и созданию крупных синергетических эффектов. Специфические свойства городского поселения как механизма развития экономики отразил подход Г. Гирша (1921–2010 гг.), предложившего синтез модели И. Тюнена и концепции «созидательного разрушения» Й. Шумпетера (1883–1950 гг.). Процесс урбанизации тесно коррелирует с научно-технологическим прогрессом, ростом производства на душу населения и социально-экономическим развитием. Совершенствование технологий и рост производительности были результатами урбанизации. В развитых странах высокий уровень доходов достигался на этапе индустриализации и быстрой урбанизации. «Урбанистическая» модель экономического развития может быть верифицирована при помощи статистического и историко-фактологического материала [4].

Подтверждает приведенные теоретические тезисы анализ взаимосвязи урбанизации, трансформации системы разделения труда и долгосрочного экономического роста России. Так, население России в 1897–2018 гг. увеличилось более чем в 2 раза (с 67,5 — до 146,9 млн человек). Численность городского населения выросла в 11 раз (с 9,9 — до 109 млн человек), а численность сельского населения сократилась в 1,5 раза (с 57,6 — до 37,6 млн человек) [5].

Процесс урбанизации в России был тесно связан с кардинальными изменениями в структуре разделения труда. Если в начале XX столетия в сельском хозяйстве трудились более 80 % населения, то в настоящее время численность работников сельского, лесного и рыбного хозяйств не превышает 8 % от общей численности занятых в экономике. Численность занятых в несельскохозяйственных секторах возросла в 1923/24–2016 г. в 11,5 раз (с 5843 — до 67 407 млн человек) [5].

Точная и достоверная оценка результатов экономического развития России за длительный период осложняется либо отсутствием данных, либо проблемой их сопоставимости вследствие постоянного изменения методики расчетов. Согласно располагаемой статистике, в течение XX в. рост основных макроэкономических показателей в России был значительным: произведенный национальный доход в 1922–1980 гг. увеличился в 167 раз, в 1980–1990 гг. — в 1,5 раза (данные за 1980–1990 гг. в целом по СССР). ВВП Российской Федерации в 1990–2017 гг. увели-

чился в 3 раза (в текущих ценах рассчитаны в долл. по данным Всемирного банка). В постоянных ценах 2010 г. в долл. ВВП РФ за 1990–2017 гг. увеличился в 1,2 раза.

Интерес представляет анализ структуры роста экономики России. Требованиям вторичного сектора удовлетворяет промышленность — множество производств с возрастающей отдачей, требованиям первичного сектора — сельское хозяйство. Промышленный сектор в РСФСР с 1922 — по 1980 г. вырос в 465 раз. В 1980–1990 гг. объем промышленной продукции вырос в 1,35 раза. Объем промышленного производства, включая строительство, в 1990–2017 гг. вырос в 2 раза. Аналогичный показатель, рассчитанный в постоянных ценах 2010 г. в долл., продемонстрировал падение на 16 %. Сектор сельского хозяйства продемонстрировал более скромные результаты: валовая продукция сельского хозяйства РСФСР в 1922–1980 гг. увеличилась в 4,3 раза, в 1980–1990 гг. — в 1,18 раза. В 1990–2017 гг. добавленная стоимость сельского и лесного хозяйств, а также рыбных промыслов снизилась на 21 %. Аналогичный показатель, рассчитанный в постоянных ценах 2010 г. в долл., продемонстрировал рост на 1,5 %.

Приведенные макроэкономические данные могут быть спорными из-за использования устаревшей методики расчета; в некоторых отраслях промышленности, например в автомобилестроении, колоссальный рост может быть результатом эффекта низкой базы. Но явный масштабный экономический и промышленный рост в России демонстрирует наличие взаимодействия урбанизации и изменения структуры разделения труда. Процесс урбанизации способствовал росту численности работников в отраслях с возрастающей отдачей, производительности труда и благосостояния населения.

Развитие промышленности интенсифицировало и стимулировало развитие сельского хозяйства, повысило его производительность, содействовало частичному нивелированию неравенства в доходах населения. Согласно концепции С. Кузнеця (1901–1985 гг.), для резкого роста дифференциации в доходах достаточно изменения отраслевой структуры экономики и увеличения доли городского населения: трудиться во вторичных городских секторах выгоднее из-за эффекта возрастающей отдачи, чем в первичных, природоэксплуатирующих секторах. Рост доходов горожан намного обгоняет рост доходов селян и вызывает рост социальной дифференциации. Неравенство в обществе замедлялось и начинало спадать, когда удельный вес городского населения в стране превышал отметку 50 % [4]. В России урбанизация не сопровождалась резким ростом неравенства населения, хотя заработная плата в промышленности в среднем в 2 раза превышала заработную плату в сельскохозяйственном секторе в 1926–1963 гг. Длительный тренд сокращения дифференциации заработных плат между работниками сельского хозяйства, промышленности и всех отраслей экономики возник в 1959 г., когда доля городского населения России превысила 52 %, и продлился до 1990 г. [5].

Оценивать изменения социально-экономического неравенства за длительный период в России только лишь на основе вариации заработных плат по отраслям не совсем корректно. До начала массовой коллективизации в 1928 г. большая часть сельских жителей существовала за счет собственного подсобного хозяйства. После создания системы колхозов оплата труда селянам долгое время производилась по системе «трудодней». Уровень социальной дифференциации сглаживало потребление в натуральной форме.

Завершение тренда снижения экономического неравенства в России совпало со стагнацией урбанизации. С 1990 г. по настоящее время доля городского населения в России неизменно составляет примерно 74 %, и наблюдается значительный рост неравенства. В Российской Федерации в 1990–2017 гг. индекс Джини вырос в 1,8 раза, а коэффициент фондов в 1992–2017 гг. — в 2 раза. Тенденция к увеличению дифференциации доходов населения прослеживается с конца 1970-х — начала 1980-х годов во многих развитых и развивающихся странах, усиливаясь по мере деиндустриализации их экономик. Урбанизация начала принимать иные формы и по-новому влиять на экономическое развитие. Работники стали мигрировать из вторичного (индустриального) сектора в третичный сектор (услуг и нематериального производства) с низкими темпами роста производительности труда. Концентрация ресурсов в крупных городах увеличилась, но их реальный вклад в экономическое развитие уменьшился.

В современной России крупные города и агломерации, поддерживают высокий уровень занятости и доходов населения, но в малой степени генерируют стимулы экономического

развития. Уровень безработицы в 1992–2017 гг. в Москве и Санкт-Петербурге был в среднем в 4 и 2,4 раза ниже, чем в целом по России. Средняя заработная плата в Москве и Санкт-Петербурге в 1990–2016 гг. была больше минимального размера оплаты труда в 14 и 10 раз соответственно. Качественное изменение процесса урбанизации может быть описано как эволюция от «городов — очагов прогресса» до «городов-паразитов», которые выкачивают ресурсы из окружающих территорий, используя их как средство для собственного роста.

«Дигитализация» экономики, провозглашенная в принятой в 2017 г. программе «Цифровая экономика Российской Федерации», вряд ли сможет в скором времени оказать значительное влияние на функционирование российского рынка труда. В условиях неоднозначного воздействия ИТ-технологий на совокупную производительность факторов производства трудно перезапустить режим функционирования городских населенных пунктов, вновь превратив их в очаги развития всего экономического пространства России.

Библиографический список

1. Бродель Ф. 1986. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс.
2. Мальцев Ал. А. 2011. К вопросу о релятивистском подходе в экономической науке // Известия УрГЭУ. Т. 2(34). С. 4–10.
3. Райнерт Э. 2011. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики.
4. Атлер Дж., Богарт Д., Бродберри Ст. и др. 2014. Т. 1. 1700–1870. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. М.: Изд-во Института Гайдара.
5. Федеральная служба государственной статистики. Росстат. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.12.2018).

Черемисинов Г. А.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012, Саратов, Астраханская, 83
Cheremisinov@inbox.ru

КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: В проведенном исследовании на основе анализа концепции неравномерного экономического развития Г. Мюрдаля и концепции догоняющего экономического развития «полета гусей» К. Акамацу в интерпретации Т. Озавы выявлены условия и причины успешной практики социально ориентированного развития экономики Швеции и Японии во второй половине XX в.

Ключевые слова: теория экономического развития, экономика Швеции, экономика Японии.

Cheremisinov G. A.

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russian Federation

CONCEPTS AND PRACTICES OF SOCIALLY-ORIENTED ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract: the study based on the analysis of the concept of uneven economic development of G. Myrdal and the concept of catching up economic development “Flying geese” K. Akamatsu in the interpretation of T. Ozawa revealed the conditions and reasons for the successful practice of socio-oriented development of the economy of Sweden and Japan in the second half of the 20th century.

Keywords: theory of economic development, Swedish economy, Japanese economy.

Современная стандартная экономическая наука в качестве одной из фундаментальных предпосылок формулирует неизбежную социально-экономическую дифференциацию населения и неравномерный экономический рост регионов и стран в условиях неконтролируемой рыночной конкуренции. Такое концептуальное видение соответствует доктрине Вашингтонского консенсуса и усиливающейся поляризации мировой экономики на центр и периферию, усиливающейся социальной дифференциации во многих странах. Однако есть исторические примеры концепций и успешного опыта социально ориентированного экономического развития, проявления объективной тенденции справедливости и социального равенства. Эффективность эгалитарного экономического развития подтверждают научные исследования достижений Швеции и Японии во второй половине XX в.

Разработка альтернативной концепции неравномерного экономического развития позволила Г. Мюрдалю объяснить механизм прогрессивно нараставших позитивных изменений шведской экономики. По мнению ученого, совместный выбор государства и общества определяет вектор национального экономического развития. Один подход — государственная политика создания благоприятных условий для крупного бизнеса и игнорирования интересов широких слоев населения, эволюция в направлении большего социального расслоения. Другой подход — государственная политика преодоления социально-экономического неравенства, порождаемого конкурентно-рыночными отношениями, эволюция в направлении большего равенства и солидарности.

Шведский экономист доказал эффективность социальных и экономических реформ в развитых странах, завершившихся «созданной гармонией» интересов хозяйствующих субъектов. Социальные реформы повышали потенциал использования производительных сил населения, национальную производительность и качество факторов производства, обеспечивали ресурсы для продолжения преобразования общества. Система государственного регулирования не позволяла отстать в развитии регионам, отраслям и социальным группам. Политика нацио-

нальной солидарности опиралась социальную силу идеалов свободы и равенства. Устойчивый экономический рост и большее равенство условий поддерживали друг друга. Увеличение производства минимизировало конфликты распределения. В эгалитарном обществе все регионы и группы признавали главные цели правительства — сохранение полной занятости и стимулирование экономического роста. Политика национальной интеграции стала более высоким этапом кумулятивного социально-экономического развития, охватила эволюцию рыночных сил, участие государства и весь политический процесс. Подход развитых стран к гармонии индивидуальных интересов отличался от порожденной стихией рынка старой гармонии в теории экономического равновесия, утилитаризма и естественного права. Созданная организованным обществом гармония регулировала и компенсировала действие рыночных сил, вызывавших дисгармонию [1, р. 58–60]. Расширение социальной политики превратило развитые страны в государства всеобщего благосостояния.

Успешность реформ в Швеции в XX в. Г. Мюрдаль объяснял кумулятивным процессом укрепления справедливости и социально-экономической солидарности, расширением равенства людей. Десятилетия ускорявшихся реформ в направлении государства всеобщего благоденствия делали проблему равенства все более актуальной. Технологические и институциональные перемены сопровождалась новыми неравенствами и обостряли старые, и ранее достигнутые успехи поощряли стремление к дальнейшим реформам. В Швеции сложились относительно равные высокие доходы, организация рынка труда, которая минимизирует трудовые конфликты, рациональные политические отношения между экономическими и социальными группами. Ради улучшения и увеличения получаемых государственных услуг нация была готова сокращать свой спрос на частное потребление. Признание правомерности большего равенства смягчало стремление к росту доходов и облегчало широкое урегулирование между интересами всех групп. Введение прогрессивной системы налогообложения сопровождалось перераспределительным эффектом и повышением обременения среднего класса. Социальные реформы не снижали темпы роста национальной экономики. Проблема равенства охватывала все социальные отношения и была взаимосвязана с производительностью экономики. Перераспределение доходов в пользу малообеспеченных и многодетных семей было производительным, особенно если социальные блага предоставлялись в натуральной форме [2, р. 13–14, 30–31, 41–43].

Специфику модели «шведского социализма» определил перенос акцента реформирования с производства на распределение и потребление, сосредоточение государства на макроэкономическом регулировании. Вопреки старой социалистической доктрине, предлагавшей социализацию финансов и крупной промышленности, в развитых государствах всеобщего благоденствия происходила социализация потребления. Шведские социал-демократы провели масштабные социальные реформы, расширили контроль, защищающий общественные интересы в развитии экономики, но не национализировали промышленность и торговлю. В Швеции бизнес остался в частных руках больше, чем в США, с их непоколебимой верой в частное предпринимательство [2, р. 42].

Результаты эгалитарного социально-экономического развития Швеции в условиях социалистического реформирования Г. Мюрдаль оценивал высоко. Сорок лет ускорявшихся социальных реформ в Швеции не остановили экономический рост и ознаменовались экономическими успехами. Впечатляющему экономическому развитию способствовали и другие факторы — политика полной занятости и свободной торговли, идеальная организация рынка труда и прочие условия, события и удаchi. Замечательный экономический прогресс подтвердил новую теорию о том, что комплексные социальные реформы были продуктивными, не препятствовали экономическому росту. В снижении темпов роста шведской экономики были виноваты не социальные реформы. Неудачи макроэкономической политики в условиях «стагфляции» мировой экономической конъюнктуры стали причиной возникновения тенденции к стагнации, которая настигла Швецию [2, р. 9, 42–43].

Впечатляющим примером социально ориентированного экономического развития может служить концепция «полета гусей» и успехи японской экономики второй половины XX в. Теоретическую модель экономического развития с необычным названием «полет диких гусей» (Wild-Geese-Flying, FG-модель) разработал японский экономист К. Акамацу. Автор пояснил

метафору — название модели экономического роста «полет диких гусей» (Wild-Geese-Flying Pattern of Economic Growth). Траектории пересекающихся графиков статистических показателей развития внешней торговли, отраслей национальной экономики напоминают картину полета диких гусей, стаи которых летают осенью из Сибири в Японию и весной обратно в форме перевернутой буквы V и частично перемежаются между собой [3, p. 205–206]. Модель полета диких гусей метафорически обозначала три кривые временных рядов — импорта, внутреннего производства и экспорта промышленных товаров развивающихся стран [4, p. 11].

Одну из современных версий концепции FG (модели, парадигмы догоняющего экономического развития) предложил Т. Озава в исследовании государственной политики и институциональной социально-экономической организации Японии. По мнению ученого, институциональное измерение воздействует на изменение экономических показателей. Набор экономических институтов — институциональная матрица — формирует систему ценностей и стимулов общества. Режим экономического развития Японии соответствовал социально-экономическим условиям послевоенного периода, сочетал формальные нормы с традиционными «азиатскими ценностями». Догоняющую стратегию FG отраслевой модернизации японской экономики обеспечивали элементы институциональной матрицы: регулируемое государством банковское финансирование; образование финансово-промышленных групп; государственное предпринимательство в социальном секторе; неявный социальный договор «приоритета занятости над эффективностью» [5, p. 6].

Национальный дирижизм ограничивал прямые иностранные инвестиции, защищал отечественную промышленность, был основой японской стратегии догоняющего развития. Государственная экономическая политика обеспечивала: модернизацию отраслей — переход из низкопроизводительных отраслей (с низкой добавленной стоимостью) в высокопроизводительные отрасли (с высокой добавленной стоимостью); переход от политики импортозамещения к стимулированию экспорта; перевод невыгодных отраслей за границу и развитие в своей стране высокодоходных отраслей. На основе перекрестного владения акциями дирижистский капитализм создал финансово-промышленные группы «кейрецу», наладил их сотрудничество с правительством, организовал вложения государственного капитала в инвестиционные проекты, координировал совместные инвестиции, увеличивал потенциал их отдачи и снижал риски, регулировал динамику предложения и спроса. Японский дирижизм успешно решал социальные проблемы, обеспечивал занятость и рост доходов населения, поддерживал отрасли, ориентированные на удовлетворение внутреннего спроса, финансировал социальный сектор [5, p. 3, 10].

Социально ориентированный дирижизм макроэкономического уровня соответствовал японским эгалитарным ценностям и институтам, формировавшим на микроэкономическом уровне образцы трудовой этики, предпринимательского поведения, организации хозяйственной деятельности предприятий и корпоративных структур. Реализацию социальных ценностей на японском рынке труда обеспечивал неявный общественный договор (социальный контракт) о соблюдении принципа «приоритета занятости над эффективностью» [5, p. 17]. Трудовые отношения Японии стали оригинальным воплощением «созданной гармонии» Г. Мюрдаля [2, p. 36–39]. Возникшая из послевоенного экономического хаоса гармоничная социально ориентированная модель использования наемного труда и ведения бизнеса создала «японское чудо» успешного и стремительного развития.

Акцент на развитие человеческого ресурса обусловил уникальность японской модели производственных отношений, названную «человеческий капитализм» или «гуманистическая система предпринимательства (предприятия)». Антропоцентризм японской модели смешанной экономики характеризуется «пожизненной занятостью», системой оплаты и продвижения по службе в соответствии с трудовым стажем, корпоративной солидарностью, небольшим разрывом в доходах руководителей и работников [5, p. 18].

Основу японской системы «человеческого капитализма» составляют тезисы гуманистической экономической философии: человеческий ресурс — важнейший фактор производства и создания рыночной стоимости товаров; люди способны думать, изобретать и внедрять инновации, обрабатывать информацию для создания богатства; производительность людей зависит от мотивации их условиями труда. В японском эгалитарном обществе бизнесмены традицион-

но относятся лояльно и ответственно к своим сотрудникам. Японская компания воспринимается как структура, реализующая совместные интересы работников, кредиторов, поставщиков, акционеров. В докладе Всемирного банка (1993), посвященном изучению «Восточноазиатского чуда», в японской хозяйственной практике выделена «модель заинтересованных сторон» и отмечена парадигма «совместного (общего) роста» [5, p. 18–19].

Эгалитарная экономическая система Японии доказала свое преимущество в конкуренции с экономикой США, ориентированной на получение прибыли и социально-экономическую дифференциацию. Гуманистическая ориентация японской системы способствовала созданию парадигмы гибкого производства «Тойотаизма» («Toyotaism»), противоположной американской системе «Фордизма-Тейлоризма». Парадигма «гибкого производства» активизировала интеллектуальные возможности работников, в отличие от рабочих, лишь исполняющих приказы при фордизме-тейлоризме [5, p. 19].

Несмотря на колебания мировой хозяйственной конъюнктуры, практика социально ориентированного развития Японии в рамках концепции FG показала свою международную конкурентоспособность и эффективность, общественную стабильность и инновационность. Эволюционировавшие трудовые отношения Японии внесли весомый вклад в беспрецедентный рост производительности труда. Они стали институтом, национальным активом и не могут быть просто демонтированы ради благоприятного краткосрочного «итогового результата» за счет снижения заработной платы в угоду инвесторам фондового рынка. В силу культурных особенностей или «системы убеждений» японцы не могут поставить интересы трудящихся, обеспечение средств их существования, после денежных интересов рантье и финансистов [5, p. 19].

Таким образом, социально ориентированные концепции и историко-экономическая практика Швеции и Японии показали свое превосходство над концептуальным обоснованием и практикой реализации парадигмы Вашингтонского консенсуса.

Библиографический список

1. Myrdal G. 1966. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. Bombay: Vora&Co. Publishers Private LTD. 3 Round Building.
2. Myrdal G. 1973. *Against the Stream. Critical Essays on Economics*. Stockholm: Bokforlaget Prisma.
3. Akamatsu K. 1961. A Theory of Unbalanced Growth in the World Economy // *Weltwirtschaftliches Archiv*. Vol. 86. P. 196–217.
4. Akamatsu K. 1962. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries. *The Developing Economies* // Preliminary. Vol. 1. P. 3–25.
5. Ozawa T. 2001. The “Hidden” Side of the “Flying-Geese” Model Catch-Up Growth: Japan’s Dirigiste Institutional Setup and a Deepening Financial Morass // *East-West Center Working Papers. Economics Series* 20 (June 2001). URL: <https://www.researchgate.net/publication/5021305> (дата обращения: 14.12.2018).

Шевелев А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.shevelev@spbu.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: В докладе анализируются институциональные ограничения, препятствующие динамичному экономическому росту в современной России. Эти ограничения обусловлены рентным характером экономики, рентоориентированным поведением бюрократической буржуазии, системой власти-собственности. Обосновывается положение о том, что неформальная институционализация сформировавшегося социального порядка определяет специфику отношений и форм собственности.

Ключевые слова: экономический рост, бюрократическая буржуазия, рентная экономика, рентоориентированное поведение, система власти-собственности, неформальная институционализация.

Shevelev A. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

INSTITUTIONAL CONSTRAINTS OF ECONOMIC GROWTH IN MODERN RUSSIA

Abstract: The report analyzes the institutional constraints that impede dynamic economic growth in modern Russia. These restrictions are due to the rental nature of the economy, rent-oriented behavior of the bureaucratic bourgeoisie, the system of power-property. It substantiates the proposition that the informal institutionalization of the established social order determines the specifics of relations and forms of ownership.

Keywords: economic growth, bureaucratic bourgeoisie, rental economy, rent-oriented behavior, power-property system, informal institutionalization.

Введение. По мнению Д. Асемоглу, «многие важные идеи об экономическом росте следуют из политической экономии» [1]. Устойчиво низкие темпы экономического роста в современной России (в 2009–2017 гг. среднегодовой рост ВВП в России составил 0,7 %. Оптимистичный прогноз на ближайшие годы обещает рост экономики не более 1,5–2 % в год) и явная неспособность институциональной системы, как целостного комплекса взаимосвязанных экономических, социальных и политических институтов, обеспечить сколько-нибудь существенное их повышение вновь заставляет обратиться к теме институциональных ограничений и ловушек, не только затрудняющих, но и в ряде случаев блокирующих динамичный экономический рост. Все эти явления в конечном счете обусловлены рентным характером экономики, структурным преобладанием экспортно-сырьевого сектора (а также сфер торгового и финансового посредничества), во многом архаичной системой власти-собственности и неэффективностью бюрократии всех уровней. Первопричина застоя — неконкурентный социальный порядок ограниченного доступа [2], в условиях которого рост доходов от продажи нефти фактически изымается из экономики, а не результируется в росте народного благосостояния и экономики в целом.

Обуржуазивание элиты и создание рентной экономики. Главный и определяющий процесс 90-х и «нулевых» годов — обуржуазивание госэлиты, создание крупных личных состояний с помощью властного ресурса (в той или иной форме). В этой связи важно дать правильную оценку буржуазной природе госэлиты в России. Она обусловлена не обладанием традиционной собственностью на средства производства или высоким качеством человеческого капитала, а проистекает из той специфической роли, которую управленческий класс играет в организации разного рода трансакций (сделок). Речь идет о своего рода трансакционно-управленческой буржуазии, извлекающей рентные доходы из обладания собственностью на государственную организацию и административный ресурс [3]. Рентоориентированное поведение трансформи-

рует потенциальные источники развития в способы неконтролируемого обогащения узкого социального слоя.

Государственные активы в условиях бюрократического капитализма превращаются в разновидность частной собственности, государственное присвоение становится фиктивным, трансформируясь в фактически частное под воздействием групповых интересов бюрократической буржуазии. Формируются благоприятные возможности для регулярного присвоения коррупционной ренты и капитализации коррупционных доходов, инвестируемых в доходные активы. Часть последних представлена семейным бизнесом чиновников, который ограждается от конкурентов с помощью административного (и силового) ресурса. Таким образом, низкий новаторский и модернизационный потенциал госбуржуазии объясняется тем, что в ее деятельности возобладала не столько созидательная, сколько организационно-посредническая мотивация, господствующим стало рентоориентированное поведение. Обуржуазившаяся госэлита отринула не только этические стандарты, но и принятые в цивилизованном мире нормы самоограничения. Возникнув на сломе эпох, она так и не смогла обрести то, что А. Смит назвал «нравственными чувствами», а Д. Макклоски — буржуазными добродетелями [4]. Нелегальные доходы давно стали основным элементом и источником воспроизводства руководящей и паразитирующей на ресурсах страны общности (бюрократической буржуазии). Эти доходы органично дополняет вполне легальная статусная рента (сверхвысокие бонусы топ-менеджеров госкомпаний, растущие даже в условиях стагнации зарплаты, и обособленная система пенсионного обеспечения чиновников, депутатов и представителей силовых структур, предоставляющие им эксклюзивные права-привилегии). Как результат, сложившийся социальный порядок ограниченного доступа не только порождает чудовищные разрывы в уровнях доходов, накопленного богатства и качестве потребления, характерные для разных социальных групп в современной России, но и делает в принципе невозможным устойчивый экономический рост в слабодиверсифицированной и чрезмерно зависимой от экспорта сырьевых ресурсов рентной экономике.

Система власти-собственности и ее неформальная институционализация. Система власти-собственности характеризуется сращенностью власти и собственности, господством номенклатуры (административной власти) на так называемом бюрократическом рынке. Номенклатура (бюрократия всех разновидностей) использовала госсобственность в своих частных и групповых интересах уже в условиях советской системы. На ее закате (в конце 1980-х годов) процесс нелегального присвоения госсобственности заметно активизировался в ходе создания кооперативов при государственных предприятиях. Номенклатурная приватизация 1990-х годов легализовала частную собственность, позволив представителям власти присвоить наиболее доходные активы, ранее находящиеся в госсобственности. В настоящее время элита или правящая группа общества контролирует в системе власти-собственности основные, стратегически значимые экономические и финансовые активы, сконцентрированные в госкомпаниях, госкорпорациях и госбанках, а также ресурсы государственного бюджета. Таковы реалии системы власти в современной России, в рамках которой власть в сфере экономики и власть в сфере политики неразрывно связаны друг с другом, а взаимоотношения ключевых акторов всегда персонифицированы и неформальны. В этой связи государственный статус нефтегазовых гигантов зачастую выступает как чисто номинальный, что находит свое выражение в огромных бонусах топ-менеджеров (конвертируемых в суперэлитную недвижимость), в отказе выплачивать государству причитающиеся ему дивиденды, а последнее время — в открытом манипулировании рынком моторного топлива (вопреки установкам правительства на его стабилизацию). Важно упомянуть тот факт, что контрольным пакетом акций «Роснефти» (50,00000001 %), в деятельности которой отмеченные характеристики проявляются наиболее ярко, владеет АО «Роснефтегаз», которое находится в 100 %-ной федеральной собственности. В действительности же в условиях системы власти-собственности за формально-юридической формой скрывается специфически российское содержание, характеризующее во многом фиктивным характером государственного присвоения, неспособностью государства эффективно регулировать деятельность крупных игроков (госмонополистов), обеспечивать нормативный порядок в экономике. Поэтому было бы ошибкой, исходя из количественно определенной доли государства в совокупных активах, судить об уровне фактического государственного контро-

ля в экономике, в действительности замещенного квазигосударственной формой деятельности частного капитала, организованного в своего рода клановую систему.

Моделируя «рынок» институтов нельзя игнорировать то обстоятельство, что в процессе установления и перераспределения прав собственности решающую роль играют социальные отношения, в которые встроены как рыночные, так и нерыночные трансакции. Выбор тех или иных институциональных альтернатив (в том числе вариантов перераспределения прав собственности) определяется не только и часто не столько по критерию минимизации издержек трансакций, но и господствующими социальными отношениями. Так, сильные социальные и политические позиции бюрократии (доминирующей распределительной коалиции) при неразвитости гражданского общества и демократических институтов обуславливают перераспределение собственности в ее пользу и такую «настройку» политических правил игры, которая гарантированно обеспечивает ее интересы. Соображения экономической эффективности, необходимость создания институциональных механизмов стимулирования экономического роста при этом либо отступают на второй план, либо вообще не принимаются в расчет. Отметим, что административный ресурс в системе власти-собственности — явление политико-экономическое, так как формируется комплексом взаимодействующих политических и экономических факторов. Так, возможность политического влияния, обусловленная позицией того или иного субъекта во властной иерархии, способствует формированию экономического монополизма подконтрольных бизнес-структур. Монополизм последних обеспечивает укрепление финансовой базы политико-административной «крыши», то есть, в свою очередь, формирует административный ресурс. Такова природа социального порядка ограниченного доступа в российском воплощении.

Структура экономики и специфика институциональной системы России. Как свидетельствует ежегодный рейтинг пятиста крупнейших компаний России по версии РБК, в 2018 г. на первое место по числу участников в рейтинге вышел сектор «торговля» (53 компании), оттеснив с этой позиции прежнего лидера — финансовый сектор, количество представителей которого в РБК 500 снизилось с 54 до 51. В денежном выражении лидерство удержал сектор «нефть и газ»: 49 компаний из этой отрасли принесли 32 % совокупной выручки участников рейтинга. В целом сумма выручки двух крупнейших по этому показателю отраслей — «нефть и газ» и «финансы» — превышает половину суммарной выручки всех участников рейтинга РБК 500. На совокупную выручку первой сотни компаний приходится 75 % всей выручки рейтинга, первых десяти — 38 % (Газпром, Лукойл, Роснефть, Сбербанк России, Российские железные дороги, Ростех, ВТБ, X5 Retail Group, Сургутнефтегаз, Магнит, Российские сети) [5]. Иначе говоря, приватизация госактивов в России не привела к созданию прогрессивной отраслевой структуры экономики посредством диверсификации, продуманной промышленной политики, что обуславливает высокий уровень ее уязвимости в отношении внешних ценовых шоков (в первую очередь цен на нефть). Структурное доминирование принадлежит экспортно-сырьевому сектору, а также сферам торгового и финансового посредничества. Российская «экономика трубы» не отличилась прорывными инновациями и их успешной коммерциализацией, отстает от других стран в области роботизации производства, производит недостаточное количество высокотехнологичной и наукоемкой продукции, но активно торгует импортными товарами и кредитует домохозяйства. При отсутствии роста инвестиций в производственные секторы экономики (и крайне низкой норме накопления по отношению к ВВП) не создается необходимое количество высокопроизводительных рабочих мест, однако даже в условиях стагнации и снижения реальных доходов населения происходит неизменное обогащение узкого социального слоя выгодоприобретателей, обусловленное присвоением сырьевой и финансовой ренты. Очевидно, что сложившаяся институциональная система России, равно как доминирующие группы особых интересов, производны от структуры экономики. Существует и обратная зависимость: неэффективная институциональная система, характеризующаяся рентоориентированным поведением элиты, отсутствием стратегического планирования и «инвестиционной близорукостью», уже в течении десятилетий тормозит прогрессивные структурные изменения в экономике, способные обеспечить предпосылки для устойчивого экономического роста. Таков порочный круг или системная институциональная ловушка, в которую попала Россия.

В современной России вплоть до настоящего времени так и не удалось создать эффективную конкурентно-рыночную систему, равно как сформировать институциональные механизмы регулирования госкомпаний, ориентирующие их на реализацию общественных, а не частных интересов. По-прежнему сохраняется инерционный (давно исчерпавший себя) сценарий госполитики. Достаточно очевидно, что нежелание целенаправленно и активно развивать инвестиционную составляющую финансовой системы, которая на сегодняшний день не способна реализовать базовую функцию трансформации сбережений в инвестиции и практически не обеспечивает развитие малого и среднего бизнеса, жесткие и явным образом прокризисные монетарная и фискальная политики, сжатие потребительского спроса и «вымывание» среднего класса, присвоение малокомпетентной бюрократией (всех уровней) избыточной власти серьезно усугубляют ситуацию в экономике. Доминирующей стала перераспределительная стратегия воспроизводства, ориентированная на поиск и захват ренты, обогащающая монополистов и агентов транзакционного сектора: административных и торговых посредников, игроков финансовых рынков (занявших господствующие позиции в поле экономики). На ближайшие годы, вопреки экономической логике и здравому смыслу, планируется обеспечить профицитный госбюджет при одновременном накоплении финансовых госрезервов. Таким образом, к санкционному давлению извне добавляется внутренняя блокировка экономического роста, искусственно созданная российским правительством.

Выводы. Форсированное обуржуазивание госэлиты в России не способствовало, а препятствовало повышению ее совокупного качества и управленческой эффективности. Не сформировались профессиональный политический класс, конкурентная политическая система с прозрачным представительством интересов и механизмом принятия решений. Обуржуазивание бюрократии неразрывно связано с частичным замещением ее общественных функций скрытой, полутеневой и всегда неформальной деятельностью, направленной на поиск и присвоение административно-политической и коррупционной рент. Таков простой механизм формирования «госэлиты регресса». Проведение масштабной и комплексной модернизации, реализация структурной политики в российских условиях невозможны без активного вмешательства государства в экономические процессы, безсоздания системы стратегического планирования и осуществления социализации финансов. При этом речь должна идти не просто об улучшении экономической политики государства, а об изменении самой его природы. Иными словами, из властного бенефициара-рентополучателя оно должно превратиться в институт развития. Рентная экономика с неприемлемо высокими уровнями имущественного неравенства и бедности, рентоориентированным поведением правящего класса должна трансформироваться в социально-экономический порядок, ориентированный на интересы большинства. Лишь тогда будет обеспечен устойчивый экономический рост и динамичное социально-экономическое развитие.

Библиографический список

1. *Acemoglu Daron*. 2009. Introduction to Modern Economic Growth. Princeton University Press. 874 p.
2. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* 2011. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
3. *Shevelev Aleksandr*. 2018. Structure in Bourdieu's Fields and Realities of Contemporary Russia // Re-Examining the History of the Russian Economy: A New Analytic Tool from Field Theory / ed. by Jeffrey K. Hass. Palgrave Macmillan. 354 p.
4. *Макклоски Д.* 2018. Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. С. 620–621.
5. РБК. № 10 (144). 2018.

Базжина В. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
v.bazzhina@spbu.ru

Драгомирова Е. А.

Российский государственный университет правосудия,
Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, 5
lizu@mail.ru

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАНЯТОСТЬ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: В данном исследовании рассматривается влияние четвертой промышленной революции на занятость населения, а также варианты развития сферы профессиональной деятельности и досуга в Российской Федерации в связи с внедрением прорывных технологий в производственный процесс.

Ключевые слова: дизруптивные технологии, занятость, самозанятость, досуг.

Bazzhina V. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Dragomirova E. A.

Russian state University of justice,
5, Aleksandrovsky park, St. Peterburg, 197046, Russian Federation

FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION AND EMPLOYMENT: ECONOMIC AND LEGAL PROBLEMS

Abstract: This study examines the impact of the fourth industrial revolution on employment, as well as options for the development of the sphere of professional activity and leisure in the Russian Federation in connection with the introduction of breakthrough technologies in the production process.

Keywords: disruptive technologies, employment, self-employment, leisure.

Введение. Четвертая промышленная революция, связанная с появлениями новых дизруптивных технологий, оказывает влияние не только на производственный процесс, но и на роли участников общественного производства. Границы между производителем и потребителем начинают в некоторых случаях соединяться. Выражается данный тренд в непосредственном активном участии потребителя в производственном процессе. Еще Тоффлер указывал на появление просьюмеризма [1], который проявляется в современном мире, например, в случаях 3D-печати потребительских товаров или создания контента при помощи wiki-технологий. Описанный процесс назван А.Брансом термином «produsage», подразумевающим под собой ситуацию, когда индивидуум не только влияет своим потребительским поведением на производство, но и активно участвует в создании блага, которым потом он и пользуется [2]. В данном докладе отражены основные тренды в области занятости и досуга населения в связи с внедрением и развитием новых технологий в производственные и бытовые условия жизнедеятельности человека.

Технологии, оказывающие дизруптивное воздействие на производство и потребление. В качестве технологий, оказывающих разрывающее привычный ход развития воздействие, рассматриваются следующие: искусственный интеллект, аддитивные технологии, Интернет вещей, виртуальная и дополненная реальности, Big Data, блокчейн, генетическое секвенирование, синтетическая биология, ксенотрансплантация, биопечать, нейротехнологии, беспилотный транспорт. Перечисленные технологии стимулируют эволюционный ход развития благодаря своим прорывным свойствам.

Технологии и образ в жизни в целом. Во-первых, новые технологии способствуют внедрению автоматизации и роботизации в производство. Рутинные операции, ранее выполняемые человеком, заменены на автоматизированные. Искусственный интеллект и Интернет вещей позволяет упростить жизнь человеку не только в области профессиональной деятельности, но и в быту. Вполне естественным становится сокращение рабочего времени и увеличение времени досуга. В первой половине прошлого века Кейнс писал о том, что наступит время, когда человеку будет достаточно трех рабочих часов в день, то есть 15-часовой рабочей недели, для удовлетворения своих трудовых амбиций при значительном времени досуга [3].

Во-вторых, новые технологии позволяют потреблять некоторые блага не индивидуально, а коллективно. Появление понятий «коллаборативная экономика», «экономика по требованию» [4] отражает изменение отношения потребителей к накоплению и потреблению. Зачастую совместное потребление становится более выгодным, чем единоличное владение теми или иными благами, к тому же дает ощущение большей свободы (аренда квартиры в любом районе вместо ипотеки и привязки к одному месту, каршеринг вместо владения личным автомобилем и т. д.).

В-третьих, за счет новых технологий происходят прорывы в здравоохранении (диагностика, раннее обнаружение заболеваний, профилактика), которые положительно влияют на продолжительность жизни, увеличивая при этом долю населения пенсионного возраста, что, в свою очередь, трансформирует и потребительские потребности.

В-четвертых, изменения в характере занятости приводят к трансформации досуга, которого становится все больше. Здоровый образ жизни, духовное развитие, хобби творческого характера, путешествия (в том числе ретриты), поиск смыслов становятся новым трендом. Люди за счет изменения потребностей меняют и свое потребительское поведение. Изменения в мотивации проведения досуга вызвано уменьшением эволюционной борьбы за выживание и, как следствие, ростом количества времени на осмысление. Люди не только пытаются осмыслить содержание своей профессиональной деятельности и свободного времени, но и переосмыслить подходы к управлению. В частности, появляются бирюзовые организации и наблюдается более тесное взаимное сотрудничество между людьми [5] не только во время досуга, но и во время производственной деятельности.

Технологии и занятость. В экономической литературе распространены два мнения: первое заключается в том, что роботизация и автоматизация производства приведут к всплеску безработицы (большее количество публикаций), а второе — к снижению количества рабочего времени в связи с повышением производительности труда. Эволюционный характер изменений в сфере занятости позволяет с уверенностью предполагать, что адаптационный характер поведения занятых и безработных на рынке труда приведет к поиску оптимальных вариантов баланса спроса и предложения труда. Например, в последнее десятилетие появление и развитие нестандартных форм занятости является трендом в связи с распространением цифровых технологий. Занятые стремятся самостоятельно выбирать соотношение времени трудовой деятельности и досуга, а также предпочитают иметь возможность выбора территориального расположения во время работы. Естественным, что стандартная занятость для многих является до сих пор предпочтительной формой, однако официальная статистика не позволяет отслеживать гибкий график работы, а только официальное трудоустройство занятых. На 2018 г. по данным Росстата, эта тенденция находит отражение в показателях численности работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя, по соглашению между работником и работодателем, а также тех работников, кто имел отпуск без сохранения заработной платы по заявлению работника*.

В связи с внедрением и развитием новых технологий растет структурная безработица, включая технологическую, тем самым стимулируя рост предложений по подготовке и переподготовке специалистов нового уровня. В связи со снижением спроса на труд по ряду позиций

* По данным Росстата, с 2016 по 2018 г. первые два показателя изменились незначительно, а доля работников, имевших отпуска без сохранения заработной платы, выросла с 7,4 до 9 % из списочной численности.

(рабочие места низкой и средней квалификации) растет самозанятость. Преимущества данной формы занятости для граждан заключаются в свободном графике, самостоятельном выборе вида деятельности и форм взаимодействия с потенциальными потребителями товара или услуги, предлагаемых самозанятыми, а также в установлении цен на свое усмотрение.

Экономические и нормативно-правовые решения. Развитие самозанятости как способа снижения структурной безработицы и повышения продуктивности занятости за счет расширения возможностей самореализации способствуют появлению ряда экономических и нормативно-правовых проблем. Так, самозанятость в том виде, в котором она развивается сейчас в Российской Федерации, приводит к невыплате отчислений в пользу государства, так как у самозанятых есть возможность «уйти в тень». Не все готовы легализовать свою деятельность в качестве индивидуального предпринимателя или открывая микропредприятия. В СССР, например, на законодательном уровне была определена индивидуальная трудовая деятельность, включающая более 30 видов производства товаров и оказания услуг в частном порядке*. После того как закон утратил силу в 1991 г., индивидуальная трудовая деятельность (а потом самозанятость) не имела нормативно-правовой базы. Однако после оживленных дискуссий в профессиональных экономических и юридических кругах в 2018 г. был принят так называемый закон о самозанятых** в качестве попытки найти компромисс в сборе налогов с официально нетрудоустроенных граждан. Пока он носит экспериментальный характер, распространяется на четыре региона Российской Федерации и ограничен сроком с 2018 по 2028 г. Согласно данному закону, в четырех регионах будет применяться специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»***, подразумевающий выплату 4 % для лиц, которые осуществляют профессиональную деятельность, не являясь наемными работниками и не привлекая наемных работников по трудовым договорам, оказывают услуги или продают товары физическим лицам, а также 6 % для тех же лиц, но имеющих в качестве клиентов юридические лица. Попадающие под этот закон лица освобождаются от налога на доходы физических лиц (13 %), что является, по мнению законодателей, весомой причиной осуществлять профессиональную деятельность легально.

Заключение. Новые прорывные технологии вызывают трансформацию занятости как в количественном, так и в качественном смысле. Количественно роботизация и автоматизация могут влиять на рост безработицы, но в то же время появляются новые потребности людей как в плане потребления, так и в области занятости и досуга. Самозанятость — один из вариантов снижения уровня безработицы, а также возможности самореализации и профессиональной самоидентификации граждан.

Библиографический список

1. Тоффлер Э. 2004. Третья волна. М.: АСТ.
2. Bruns A. 2013. Research Blog. URL: <http://snurb.info/> (дата обращения: 20.09.2018).
3. Кейнс Дж. М. 1931. Экономические возможности наших внуков. Опыты во убеждение / пер. с англ. Д. Шестакова. URL: <http://institutiones.com/personalities/1198-ekonomicheskie-vozmozhnosti-nashih-vnukov.html> (дата обращения: 08.01.2019).
4. Шваб К. 2016. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо.
5. Laloux F. 2017. Reinventing Organization. Published by Nelson Parker.

* Закон № 6050-XI «Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР» был принят 19 ноября 1986 г. и утратил силу на основании Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» с 1 января 1991 г.

** Закон №551845-7 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» принят в третьем чтении 15 ноября 2018 г. и подписан Президентом РФ Владимиром Путиным 27 ноября.

*** Там же. Ст. 2, 10.

Благих И. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
ivan-blagikh@yandex.ru

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы формирования теории и практики социального государства в современной России. Обращается внимание на то, что модель социального государства с рыночной экономикой, реализация которого декларирована в Конституции РФ, должна быть в большей мере сориентирована на всемерное развитие общественного сектора, который не только служит демпфером при социальной напряженности, но и в значительной степени гуманизирует рыночную экономику, ликвидируя так называемые «провалы рынка». Доказывается, что социальная деятельность государства (государственное финансирование НИОКР и образования, создание рабочих мест, сохранение и развитие культуры, охрана окружающей среды и т.д.), также как и социальная ответственность бизнеса, создает социодинамический мультипликатор экономического роста.

Ключевые слова: социальное государство, общественный сектор, социальная сфера, социальный капитал, социальные услуги, социодинамический мультипликатор.

Blagikh Ivan A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE MODEL OF THE WELFARE STATE: THEORY AND PRACTICE FOR MODERN RUSSIA

Abstract: The article deals with the formation of the theory and practice of the social state in modern Russia. Attention is drawn to the fact that the model of a social state with a market economy, the implementation of which is declared in the Constitution of the Russian Federation, should be more focused on the full development of the public sector, which not only serves as a damper under social tension, but also largely humanizes the market economy, eliminating the so-called “market failures”. It is proved that the social activities of the state (state financing of R&D and education, job creation, preservation and development of culture, environmental protection, etc.) as well as the social responsibility of business, create a socio-dynamic multiplier of economic growth.

Keywords: social state, public sector, social sphere, social capital, social services, sociodynamic multiplier.

Социальная сфера является одной из наименее разработанных проблем теоретической экономики. Сложности в научной унификации и выработке общих подходов к социальной сфере как народнохозяйственного сектора начинаются с ее определения в качестве производственной либо непроизводственной отрасли экономики [1]. Она включает в себя отношения, которые определяются в таких терминах как «образ жизни», «качество жизни», т.е. отношения «воспроизводящиеся», которые зависят не столько от волевых решений, сколько от достигнутой степени цивилизованности общества, от уровня развития производительных сил и производственных отношений. Коллективистская или индивидуалистическая структура экономики воспроизводит и социальные отношения, соответствующую коммуникативную среду, при которой возникают отношения сотрудничества и взаимопомощи или же, наоборот, индивидуализма и конкуренции [2].

Социальная сфера является одновременно объектом и субъектом социальной политики. Как объект она представляет собой граждан, производящих и потребляющих в различной степени социальные блага и услуги. Как субъект социальная сфера представлена различными социальными институтами, предназначенными для «выравнивания» уровней производства и потребления социальных благ и услуг в пределах национальной экономики и даже за ее пределами, если речь идет о соотечественниках, оказавшихся в ближнем зарубежье после распада СССР [3].

Особенность субъект-объектных отношений социальной сферы заключается также и в том, что граждане, являющиеся носителями суверенитета и источником власти, имеют возможность перераспределять имеющиеся ресурсы в пользу социальной сферы, но эти возможности в каждый данный момент ограничены сферой экономики и ростом производительности труда самих граждан в сфере материального производства [4].

Наконец, социальная сфера представлена уровнем, определение которого проникло в отечественный лексикон с Запада. Это так называемый «уровень сервиса». При этом речь идет не только о качестве благ и услуг, но и об их количестве, т. е. о масштабе и спектре услуг, предоставляемых различными учреждениями социальной сферы [5]. Масштабность и спектр социальных услуг определяются не только социально-экономическим строем общества. Они представляют собой «социальные завоевания» народа той или иной страны и имеют национальную специфику и историческое происхождение.

В условиях социализма в СССР социальные фонды формировались за счет союзного и республиканского бюджетов и фондов, формируемых из прибыли государственных предприятий. Финансирование нематериальной сферы за счет сферы материального производства было возможно в условиях общенародной или государственной собственности. Подобные перераспределительные отношения не нарушали права коллективных собственников, определенные законами.

Совершенно по-иному функционирует механизм финансирования социальной сферы в условиях приватизированной и частной собственности. Государство и общество вынуждены, при этих условиях, обязывать или же убеждать собственника оказывать помощь нуждающимся, стимулировать его участие в социальных проектах.

С проведением приватизации и разгосударствлением собственности возможности российского государства в производстве и распределении социальных благ, оказании социальных услуг резко ограничились. Для формирования новой модели финансирования социальной сферы из стабильных источников потребуются не только время, но и теоретическое обоснование, и практический поиск наиболее эффективных решений в социально-экономической политике.

Согласно Конституции, Российская Федерация является социальным государством с рыночной экономикой. Это означает, что меры социальной защиты и поддержки населения осуществляются государством на основе рыночных механизмов. Необходимость учета в социальной политике рыночных условий обусловлена целым рядом обстоятельств. Среди них следует отметить наличие социальных рисков, к которым относят риски потери жизни, трудоспособности, дохода вследствие заболевания, производственной травмы, старости, безработицы, потери кормильца и т. д. При этом рыночная экономика не только не уменьшает социальные и экономические риски, но, напротив, усиливает их, так как в условиях ее динамизма, социально-экономической неопределенности, обусловленных «провалами рынка» и асимметричностью информации, вероятность возникновения различного рода непредвиденных обстоятельств (кризисов, банкротств, сокращений, увольнений и т. д.) значительно возрастает.

В современной России сложилась негативная оценка существовавшей ранее, в условиях социализма, модели распределения социальных благ и услуг. Однако если придерживаться критериев объективности, следует признать, что в переходный период многие положения о государственных социальных гарантиях вошли в современное российское законодательство благодаря тому, что крайне либеральное реформаторское крыло во властных структурах боялось их отменить.

Это одна из заслуг советского прошлого. Но вместе с тем понятно, что в рыночных условиях должна быть совершенно иная модель социальных гарантий со стороны государства. При ее разработке необходимо учитывать как собственный предшествующий опыт, так модели и механизмы предоставления социальных услуг, доказавшие свою эффективность в странах с рыночной экономикой. Факты свидетельствуют, что многие страны с развитой рыночной экономикой шли своим путем, но тем не менее стали социально ориентированными государствами [4]. Однако в государствах, не прошедших того долгого пути, который прошли государства с развитой экономикой, пропагандируется либеральная модель как наиболее «просто» и быстро реализуемая. В частности, это происходит в современной России [3].

Хотелось бы привести ряд возражений относительно данной модели, хотя автор осознает, что ее критика может и не найти единодушной поддержки. Сторонники либеральной модели, как известно, считают, что экономические стимулы реализуются в результате снижения налоговой нагрузки и сокращения социальных расходов. Однако, и в этом состоит первое возражение, в любом случае — и в либеральной, и в социально ориентированной модели — социальные расходы в конечном счете финансируются за счет работника. Различие заключается лишь в форме — будет ли это вычет части доходов в виде налога либо в виде вынужденно-добровольной платы за услуги образования, здравоохранения и т. д.

Точка зрения автора состоит в следующем. Надо сравнивать либеральную и социально ориентированную модель социальной политики государства по другому критерию — по возможности обеспечить такую форму организации и финансирования социальной сферы, которая позволяет сделать доступным удовлетворение базовых социальных потребностей населения. Человека следует рассматривать не только как субъекта экономики, но и общества.

В перспективе, как мы полагаем, должна быть выработана модель социогуманитарного государства. В нем главным богатством станут способности граждан, а экономика будет подчинена интересам гармоничного развития человека. Критерием успешного развития экономики станет рост человеческого капитала. Исходя из этого, экономистам следует, на наш взгляд, больше внимания уделять не только проблемам микроэкономики — финансовой аналитики, рискам, бюджетированию, хеджированию и другим актуальным, но частным проблемам, — но и макроэкономической составляющей, основу которой составляет общественный сектор экономики.

Кроме того, представляется, что в современных условиях, как никогда, обостряется противоречие между государственными и рыночными регуляторами производства и распределения общественных благ. Эти противоречия в разных странах разрешаются по-разному, но решение их за счет человека, без учета менталитета страны, контрпродуктивно. В период перехода от командно-административной экономики к рыночной в России не была найдена форма разрешения противоречия между интересами человека, общества и государства, обострилась проблема социальной справедливости. В российском обществе, и это следует признать открыто, произошел социальный раскол.

Социальное расслоение, которое негласно существовало и ранее, дополнилось откровенной и грубой дифференциацией, основанной на частной собственности и рыночных отношениях. В современной России богатые составляют 1–2 %, средний класс — 15–20 %, промежуточный слой между средним классом и бедными — 60–65 %, бедные — 15–20 %, социальное дно — 5–7 % [3]. Поляризация опасна для общества не только сама по себе. Люди, чьи доходы сокращаются, отчетливо осознают противоречие между своими интересами и интересами государства. Так, по данным социологических обследований, 43,5 % опрошенных отмечали, что государство в целом и лично Президент РФ В.В. Путин больше всего беспокоятся об экономических интересах богатых, а не всех граждан, 28,5 % — что социально-экономическая политика государства отражает интересы руководства («начальства» как такового), 16,0 % — что она защищает интересы крупного бизнеса. Только 7,0 % отметили, что проводимая политика направлена на защиту интересов всех граждан, и 2,0 % — что она отражает интересы простых людей [2]. Эти данные свидетельствуют, что расслоение и поляризация общества усиливают недоверие людей к государству и властным структурам, проводящим социальную политику не в интересах большинства граждан.

Кроме того, следует иметь в виду, что социально-экономическая деятельность государства (финансирование детских садов и школ, различного вида обучения и образования, высшей школы и научно-исследовательской деятельности, создание рабочих мест, сохранение и развитие культуры, охрана окружающей среды и т. д.), так же как и социальная ответственность бизнеса, создает социодинамический мультипликатор экономического роста — импульс к самовозрастанию совокупного потребительского результата. Социодинамический мультипликатор определяется взаимодействием трех составляющих: социальным эффектом, склонностью индивидов к созиданию и институтами гражданского общества.

В заключение следует отметить: дальнейшее социальное и экономическое развитие России зависит от повышения уровня и качества жизни человека, социальной справедливости, доступности для всех социальных и территориальных групп населения главных базовых вещей — действенного механизма реализации основных гражданских прав и свобод и неуклонного роста минимального потребительского набора.

Библиографический список

1. *Korhonen I., Lyakin A. N.* 2017. Problems and prospects of Russia's Economic Growth // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 33, № 1. С. 36–50. URL: <https://doi.org/10.1023/A:1012436900>
2. *Алиев Ш. И., Благих Ю. И., Булах Е. В.* 2013. Модели и тенденции государственно-частного партнерства в социальной сфере // Проблемы современной экономики. № 3. С. 226.
3. *Клейнер Г. Б.* 2012. Эволюция экономических институтов в России. М.: Наука.
4. *Kelly K.* 2008. New Rules for the New Economy. Ten Radical Strategies for a Connected World. N. Y.: University of New York in Prague.
5. *Porat M., Rubin M.* 2007. The Information Economy: User's Guide to the Complete Database (on Magnetic Tape). Washington: Office of Telecommunications.

Борисов Г. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
g.borisov@spbu.ru

МЕЖПОКОЛЕННАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

Аннотация: Используя данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ за 1994–2016 гг., были определены все уникальные пары родитель-ребенок в возрасте 30–65 лет, присутствующие в данных, и оценена корреляция между числом лет их образования. Корреляция между числом лет обучения родителей и детей обоего пола составляет 0,386, что соответствует средним значениям данного показателя в зарубежных странах. Были обнаружены гендерные различия в межпоколенной корреляции, которые согласуются с результатами исследований по межпоколенной мобильности, представленными в литературе. Корреляция между образованием родителей и сыновей, а также родителей и дочерей равняется 0,416 и 0,360 соответственно. Было также обнаружено, что динамика межпоколенной корреляции во времени зависит от пола ребенка. Корреляция между образованием родителей и сыновей в постсоветской России (0,445) увеличилась по сравнению со значением данного показателя в СССР (0,409). Степень ассоциации между образованием родителей и дочерей в постсоветской России (0,375) уменьшилась по сравнению со значением аналогичного показателя в СССР (0,394).

Ключевые слова: межпоколенная мобильность, образование, Россия, человеческий капитал.

Borisov G. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

INTERGENERATIONAL CORRELATION OF EDUCATION IN RUSSIA: PRELIMINARY RESULTS

Abstract: Using data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey — HSE for 1994–2016, all unique parent-child pairs aged 30–65 years were identified and the correlation between years of their schooling was estimated. The correlation between years of education of parents and children of both sexes is 0.386. I also discover gender differences in the intergenerational correlation. The correlations between years of schooling of parents and sons, as well as of parents and daughters are 0.416 and 0.360, respectively. It was also found that changes in intergenerational correlation over time depend on the sex of the child. The correlation between schooling of parents and sons in post-Soviet Russia (0.445) increased compared with the value of this indicator in the USSR (0.409). The degree of association between schooling of parents and daughters in post-Soviet Russia (0.375) has decreased compared with the value of a similar indicator in the USSR (0.394).

Keywords: education, human capital, intergenerational mobility, Russia.

Человек принимает решение об уровне своего образования под влиянием многих факторов. Большую роль в этом вопросе играют выгоды и затраты, связанные с приобретением образования, характеристики семьи и индивидуума, внешнее окружение, демография и др.

В мировой научной литературе изучение спроса на образование с позиции рассмотрения выгод и затрат, связанных с его приобретением, характерен для теории человеческого капитала, в которой считается, что образование увеличивает объем навыков, используемых работником для получения дохода. Взаимосвязь между социально-экономическими статусами родителей и их детей активно изучается в контексте проблемы межпоколенной мобильности, теоретические основы которой были сформулированы Г. Беккером и Н. Тоумсом [1].

Начало эмпирического изучения корреляции уровня образования родителей и детей относится к 1960–1970 гг. Начиная с 1980-х годов эмпирическое изучение межпоколенной корреляции

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Структурные изменения в экономике России: роль человеческого капитала и инвестиций» № 18-010-01185.

ляции образовательных статусов велось с позиции идей, сформулированных Беккером и Тоумсом, эта тенденция не изменилась в последующие годы (см. обзор литературы в: [2]).

Полученные результаты говорят о том, что корреляция образовательных статусов родителей и детей является положительной во всех странах, где проводились такие исследования. Величина корреляции в подавляющем большинстве стран находится в диапазоне 0,3–0,6. Наиболее высокая корреляция наблюдается в странах Латинской Америки. Скандинавские страны и Великобритания характеризуются значением корреляции, близким к нижней границе указанного диапазона, в то время как в США данный параметр равняется 0,46.

Единой позиции о том, какое значение межпоколенной корреляции является оптимальным, не существует. С одной стороны, большая величина показателя свидетельствует о присутствии барьеров для образовательной мобильности и предпосылок для возникновения социальной стратификации, имеющей негативные последствия. С другой стороны, причиной высокой корреляции могут быть большие семейные инвестиции в образование детей, которые способствуют накоплению человеческого капитала. Содержательная интерпретация значения межпоколенной корреляции затрудняется также и тем фактом, что различные механизмы могут опосредовать передачу образовательного статуса от родителя к детям. Значительное число эмпирических работ в этой области, сделанных на протяжении последних двух десятилетий, было посвящено оценке роли механизмов, опосредующих межпоколенную передачу человеческого капитала.

Передача социоэкономического статуса от родителей к детям активно изучается с использованием российских данных. Общим выводом, который присутствует в ряде работ по межпоколенной мобильности в постсоветской России, является заключение о том, что для женщин более характерен восходящий тип профессиональной и образовательной мобильности, тогда как мужчины скорее характеризуются нисходящей мобильностью.

Ученые получили разные оценки степени ассоциации между статусами родителей и детей. Так, ряд ученых пришел к выводу о наличии достаточно сильной межпоколенной корреляции, в то время как другие отмечали факт значительной мобильности населения (см.: [3; 4]). Исследователи также отмечают уменьшение межпоколенной мобильности с течением времени по сравнению со значениями, имевшими место либо в советский период, либо в начале 1990-х годов [5, с. 405–407]. Однако некоторые результаты говорят о том, что степень ассоциации между социально-экономическими статусами родителей и детей оставалась приблизительно одинаковой во времени.

Межстрановые сопоставления оценок межпоколенной корреляции показали, что ее величина в России сравнима со значениями, которые получены исследователями, использующими зарубежные данные. Например, согласно результатам, полученным А. Бессудновым, корреляция между профессиональными категориями, к которым относятся родитель и ребенок, составляет в России 0,28, что сопоставимо с другими европейскими странами [3]. Результаты О. И. Шкаратана и Г. А. Ястребова показывают, что межпоколенная корреляция уровней образования сильно зависит от социального статуса респондента, принимая значение в диапазоне от 0,15 до 0,87 [5, с. 405].

В данной работе были использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭПЗН)* — национального лонгитюдного опроса домашних хозяйств, который проводится ежегодно с 1992 г., за исключением 1997 и 1999 гг. В работе используются данные о мужчинах и женщинах в возрасте 30–65 лет, опрошенных в 1994–2016 гг.

В ходе каждого ежегодного раунда опроса респонденты РМЭПЗН указывают продолжительность образования, а также факт обучения и завершения учебы в школе и учреждениях профессионального образования различного уровня. На основе информации об образовании, содержащейся в каждом из раундов, были созданы переменные совокупного числа лет обуче-

* РМЭПЗН проводится Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>; <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>

ния индивидуума*. Если респондент опрашивался два или более раз в течение опроса, то число лет обучения для него рассчитывалось столько раз, сколько он участвовал в опросе. На основе анализа оценок продолжительности обучения индивидуума, рассчитанных по данным разных лет, была определена наиболее вероятная продолжительность обучения каждого индивидуума.

С помощью переменных, показывающих родственные связи между каждым из членов домашнего хозяйства, были выявлены все уникальные пары родитель — ребенок, содержащиеся во всех раундах опроса. Затем к данным каждого индивидуума были присоединены характеристики его родителей, в случае если сведения о них присутствовали хотя бы в одном из раундов РМЭПЗН. Если у индивидуума были обнаружены оба родителя, то рассчитывалось среднее для обоих родителей число лет образования, которое потом использовалось в анализе.

В ходе исследования были оценены корреляции между числом лет обучения ребенка и родителей. Величина корреляции для всей совокупности детей составила 0,386, что близко к середине диапазона значений этого показателя в зарубежных странах. Также были обнаружены гендерные различия в межпоколенной корреляции. Корреляция между образованием родителей и сыновей оказалась больше, чем корреляция между образованием родителей и дочерей, равняясь 0,416 и 0,360 соответственно.

Чтобы изучить, как менялось значение этого показателя с течением времени, совокупность всех детей была разделена на две группы лиц, рожденных до 1973 г. включительно и после 1973 г. Основанием для такого деления явилось то, что первая группа принимала решение о продолжении обучения после завершения обязательного образования, проживая в СССР, вторая — в постсоветской России. Коэффициенты корреляции между числом лет обучения родителей и детей обоего пола, рожденных в указанные периоды, составили 0,405 и 0,396 соответственно. Эти цифры говорят о примерно равной корреляции между образованием детей и родителей в СССР и постсоветской России. Однако коэффициенты корреляции между образованием родителей и сыновей, рожденных до 1973 г. включительно и после 1973 г. равны 0,409, и 0,445 соответственно. Степень ассоциации между образованием родителей и дочерей, рожденных в указанные годы, составляет 0,394 и 0,357. Таким образом, с течением времени образовательные предпочтения сыновей стремятся к ориентирам родителей, тогда как для дочерей характерен обратный процесс.

Этот результат согласуется с полученным исследователями выводом о преобладании восходящей образовательной мобильности среди женщин. Согласно исследованиям, образование у дочерей в России, как правило, существенно выше, чем у родителей. В то же время для сыновей в России характерен, как правило, меньший уровень образования, чем для дочерей. Это способствует меньшему значению корреляции между числом лет обучения дочерей и родителей по сравнению с величиной корреляции между образованием сыновей и родителей.

Библиографический список

1. *Becker G. S., Tomes N.* 1979. An Equilibrium Theory of the Distribution of Income and Intergenerational Mobility // *Journal of Political Economy*. Vol. 87. P. 1153–1158.
2. *Haveman R., Wolfe B.* 1995. The Determinants of Children's Attainments: A Review of Methods and Findings // *Journal of Economic Literature*. Vol. 33. P. 1829–1878.
3. *Bessudnov A.* 2016. The effects of parental social background on labour market outcomes in Russia // *Education, Occupation and Social Origin: A Comparative Analysis of the Transmission of Socio-Economic Inequalities* / eds F. Bernardi and G. Ballarino. Edward Elgar. P. 150–167.
4. *Козырева П. М.* 2013. Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // *Социологическая наука и социальная практика*. № 1. С. 60–73.
5. *Шкаратан О. И.* 2009. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп».

* В 1994 г. респонденты РМЭПЗН не сообщали данные о продолжительности послешкольного образования. В этом раунде совокупное число лет обучения определялось как сумма числа лет обучения в школе и средневыборочной продолжительности учебы в тех учреждениях профессионального образования, которые окончил респондент.

Вередюк О. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
o.veredyuk@spbu.ru

АДАПТАЦИОННАЯ ДИНАМИКА ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ: ИНТЕНСИВНЫЙ И ЭКСТЕНСИВНЫЙ КОМПОНЕНТЫ*

Аннотация: В докладе представлены результаты эмпирического анализа характера и закономерностей адаптационной динамики занятости в России в 1995–2016 гг. Занятость рассмотрена с точки зрения общих часов работы в экономике. Это позволило разложить ее адаптацию на два компонента, а именно: экстенсивный (численность занятых) и интенсивный (количество часов работы на одного занятого). Исследованию количественной оценки вклада двух указанных компонентов в адаптацию занятости и посвящен данный доклад. Для расчетов были использованы агрегированные годовые данные Росстата и ОЭСР. Результаты проведенной автором декомпозиции показывают доминирование экстенсивного компонента в циклических колебаниях занятости в России. Обнаружено, что начиная с 2000-х годов реакция рынка труда со стороны анализируемых компонентов на негативные экономические шоки оказывалась сильнее, чем на позитивные.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, адаптация, интенсивный компонент, экстенсивный компонент, часы работы, Россия.

Veredyuk O. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

EMPLOYMENT ADJUSTMENT IN RUSSIA: EXTENSIVE AND INTENSIVE MARGINS

Abstract: In this report I deliver the results of the analysis of the adjustment of employment in Russia since its transformation to a market economy. Employment is considered in terms of total hours of work in the economy. This allows to decompose the adjustment into two components: extensive margin (the number of people employed) and intensive margin (the number of hours per employed worker). The task is to estimate the contribution of both margins of employment adjustment. The Rosstat and the OECD aggregate annual data of 1995–2016 are used. The results of the decomposition show that fluctuations on extensive margin are a lot more important for cyclical fluctuations in the total hours of work. Since the early 2000s, the labour market is more responsive to negative shocks rather than positive ones. The results obtained are new to research area of the Russian labour market.

Keywords: employment, labor market, adaptation, intensive component, extensive component, working hours, Russia.

Введение. В России рынок труда характеризуется во многом уникальной реакцией на бизнес-циклы. В качестве одной из ключевых особенностей уже традиционно принято считать, что здесь адаптация рынка труда происходит не столько за счет изменений в занятости, сколько путем ценовой подстройки со стороны заработной платы. Занятость при этом характеризуется как относительно стабильная.

Цель данного исследования состоит в выявлении характера и закономерностей адаптационной динамики занятости в России за период экономических преобразований с 1995 по 2016 г. Занятость рассмотрена с точки зрения общих часов работы в экономике. Это позволило разложить ее адаптацию на два компонента, а именно: *экстенсивный компонент* (численность занятых) и *интенсивный компонент* (количество часов работы на одного занятого). Основная исследовательская задача заключается в количественной оценке вклада указанных компонентов в адаптацию занятости к колебаниям экономической конъюнктуры.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Структурные изменения в экономике России: роль человеческого капитала и инвестиций» № 18-010-01185.

Статистические данные, методы и результаты исследования. Оценка адаптационных составляющих динамики занятости в проведенном исследовании основана на макроданных Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Для осуществления анализа за основу взяты показатели среднегодовой численности занятых и количества фактически отработанных часов в среднем одним занятым за год. Общие часы работы в экономике за год получены путем соответствующего перемножения двух указанных величин. Был выбран максимально доступный на момент исследования временной ряд с 1995 по 2016 г.

Центральная часть исследования — *количественная оценка* вклада интенсивного и экстенсивного компонентов в изменение общих часов работы. Для этого используем подход, предложенный в [1–3].

Применяемый подход основан на разложении количества общих часов работы в экономике (T) на численность занятых (N) и количество часов работы на одного занятого (H), что можно записать следующим образом:

$$T = N \times H. \quad (1)$$

Для упрощения анализа, а именно перехода от операции умножения к сложению, переведем переменные уравнения (1) в логарифмическую форму, т. е. $t = \ln T$, $n = \ln N$ и $h = \ln H$. В итоге получаем

$$t = n + h. \quad (2)$$

Теперь можно разложить вклад в вариацию (дисперсию) общих часов работы в экономике на изменение, относящееся, во-первых, к численности занятых и, во-вторых, к количеству часов работы на одного занятого, а именно так:

$$\begin{aligned} \text{var}(t) &= \text{var}(n + h) = \text{var}(n) + \text{var}(h) + 2\text{cov}(n, h) = \\ &= \text{cov}(n, n) + \text{cov}(h, h) + \text{cov}(n, h) + \text{cov}(h, n) = \text{cov}(t, n) + \text{cov}(t, h). \end{aligned} \quad (3)$$

Здесь слагаемые $\text{cov}(t, n)$ и $\text{cov}(t, h)$ представляют собой величины, характеризующие изменения в t , которые происходят в результате совместной изменчивости как t и n , так и t и h . Разделив уравнение (3) на $\text{var}(t)$, получаем долю вклада каждого из слагаемых в общее изменение t , что дает соответствующее выражение для экстенсивного (β_{EXT}) и интенсивного (β_{INT}) компонентов занятости:

$$\beta_{\text{EXT}} = \frac{\text{cov}(t, n)}{\text{var}(t)}. \quad (4)$$

$$\beta_{\text{INT}} = \frac{\text{cov}(t, h)}{\text{var}(t)}. \quad (5)$$

Из уравнения (3) получаем

$$\beta_{\text{EXT}} + \beta_{\text{INT}} = 1. \quad (6)$$

Параметры β раскладывают дисперсию общих часов работы в экономике на два отдельных компонента, которые проистекают из колебаний экстенсивного (β_{EXT}) и интенсивного (β_{INT}) компонентов занятости.

Оценки параметров β основаны на данных по России за период с 1995 по 2016 г. о среднегодовой численности занятых, количестве фактически отработанных часов в среднем одним занятым за год и количестве общих часов работы в экономике. Все три переменные преобразованы в логарифмическую форму, после чего проведена процедура их детрендринга с применением фильтра Ходрика — Прескотта (с рекомендуемым для годовых данных параметром сглаживания $\lambda = 100$). Дальнейшие расчеты проводились с циклической составляющей (т. е. тем, что осталось после удаления тренда). Результаты расчетов значений параметров β для России таковы:

$$\beta_{EXT} = 0,96,$$

$$\beta_{INT} = 0,04.$$

Полученные результаты показывают численное превосходство вклада экстенсивного компонента (т. е. численности занятых) над интенсивным (т. е. часами работы на одного занятого) в колебания общих часов работы в экономике, представляющих, как уже отмечалось выше, занятость.

Схожий характер адаптации обнаружен автором на соответствующих данных ОЭСР по Германии и США. На примере интенсивного компонента расчеты показали, что в период с 1995 по 2016 г. его значение составило в Германии — 0,36, а в США — 0,16.

Во всех рассмотренных случаях экстенсивный компонент преобладает над интенсивным в адаптации занятости. На языке статистики такое преобладание означает, что отклонение численности занятых от ее среднего значения более выражено, чем отклонение часов работы на одного занятого от их среднего значения. Отметим, что из-за отличий в методиках сбора данных, в том числе размещаемых ОЭСР, было бы неверно сравнивать абсолютные значения компонентов по трем странам. Как бы то ни было, доминирующая роль экстенсивного компонента имеет место в каждой из разобранных стран, несмотря на разницу в действующих в них институтах.

Как можно объяснить указанное преобладание экстенсивного компонента адаптации? На протяжении 1995–2016 гг. отмечается, с одной стороны, более сильная волатильность численности занятых относительно волатильности часов работы на одного занятого, с другой — более высокая корреляционная связь общих часов работы с численностью занятых, чем с часами работы на одного занятого. Получается, что роль часов работы на занятого — одного из двух рассматриваемых компонентов адаптации занятости — действительно сравнительно мала. Однако в 2010–2016 гг. корреляционная связь последних с общими часами работы в экономике возросла и стала заметной ($r = 0,69$, $p < 0,10$) по сравнению с периодом 1995–2016 гг. в целом. Уже это обстоятельство делает часы работы на одного занятого перспективным объектом для анализа адаптационной динамики затрат труда. Часам работы на одного занятого в научных публикациях по России не уделялось достаточного внимания, несмотря на безусловную важность их анализа для полноты представлений о процессах адаптации рынка труда.

На основе анализа данных можно предположить, что снижение волатильности часов работы на одного занятого, с одной стороны, и более существенное сокращение волатильности численности занятых, с другой стороны, должны привести к некоторому снижению роли экстенсивного компонента адаптации относительно интенсивного после 2008–2009 гг. Действительно, расчеты автора (уравнения (3)–(5)) показывают, что в количественном выражении значение интенсивного и экстенсивного компонентов в России составило в 1995–2008 гг. 0,02 и 0,98, а в 2010–2016 гг. — 0,31 и 0,69 соответственно. Другими словами, колебания в часах работы на одного занятого стали несколько более выраженными, но произошло это главным образом по причине затухания волатильности численности занятых после кризиса 2008–2009 гг.

Чем можно объяснить снижение волатильности численности занятых? Во-первых, наблюдался рост дефицита рабочей силы. На фоне высокого уровня экономической активности с 2012 г. отмечается сокращение предложения на рынке труда [4] как в силу смены более представительных по численности поколений менее представительными на рынке труда, так и по причине резкого оттока трудовых мигрантов с 2014 г.

Во-вторых, имело место распространение таких форм оптимизации деятельности фирм, как аутсорсинг и аутстаффинг персонала, не требующих изменений численности собственных сотрудников.

В-третьих, произошла замена ЕСН на страховые взносы с 2010 г., что повысило затраты фирм на труд. Она сопровождалась введением по сути регрессивной эффективной ставки страховых взносов на фонд оплаты труда (ФОТ), которая существенно ниже в случае, когда заработная плата превышает установленную базовую величину. В результате для фирм стало более выгодным не нанимать новых работников, а расширять внутреннее совместительство, предлагать совмещение должностей или профессий для имеющихся сотрудников.

И наконец, все это происходит в период 2010–2016 гг., который, как было отмечено, характеризуется длительным снижением и без того невысоких темпов роста, чего до сих пор не наблюдалось в отечественной экономике. В таких условиях отсутствуют стимулы к резким изменениям поведения в отношении затрат труда со стороны работодателей.

Для того чтобы увидеть причинно-следственные связи за представленной эмпирической оценкой относительного вклада экстенсивного и интенсивного компонентов в адаптацию занятости, необходимо поместить ее в рамки конкретной теоретической модели рынка труда. В данной работе такая задача не стояла, однако ее можно попытаться реализовать в дальнейших исследованиях.

Заключение. В докладе представлена эмпирическая оценка адаптационной динамики занятости в период экономических преобразований с 1995 по 2016 г. в России. Этот исследовательский вопрос до настоящего времени оставался без должного внимания в отечественной научной литературе по рынку труда, что во многом объясняется повышенным интересом к более интенсивным процессам его подстройки, происходящим на стороне заработной платы.

Занятость населения рассмотрена с позиции общих часов работы в экономике. Выделены два компонента ее адаптации, а именно: экстенсивный (численность занятых) и интенсивный (количество часов работы на одного занятого). Анализ показал преобладание экстенсивного компонента. Именно колебания численности занятых оказываются наиболее важными для циклических колебаний общих часов работы, объясняя большую часть изменчивости последних. Несмотря на разницу в институтах, доминирование экстенсивного компонента в адаптации занятости наблюдается и в таких странах, как Германия и США.

В 2010–2016 гг. отмечается некоторое уменьшение роли экстенсивного компонента в России. Главным образом это связано с затуханием волатильности численности занятых. Общим фоном таких изменений в адаптации занятости служит длительный период снижения темпов экономического роста, чего до сих пор не наблюдалось в отечественной экономике.

Результатом исследования также стало обнаружение того, что реакция рынка труда со стороны анализируемых компонентов на негативные экономические шоки (кризисные) была сильнее, чем на позитивные (посткризисные).

Элементом новизны работы стало построение массива данных о количестве фактически отработанных часов в среднем одним занятым за год в России в 1995–2016 гг.

Проведенный анализ волатильности и корреляционный анализ позволяют рекомендовать использовать численность занятых как наиболее адекватную проху в исследованиях поведения затрат труда в экономике России.

Выявленная доминирующая роль экстенсивного компонента в адаптации занятости служит основанием для его дальнейших исследований с целью включения в модели экономического роста.

Библиографический список

1. Fujita Sh., Ramey G. 2009. The Cyclicalities of Separation and Job Finding Rates // *International Economic Review*. Vol. 50, iss. 2. P. 415–430.
2. Hansen G. D. 1985. Indivisible Labor and the Business Cycle // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 16. P. 309–327.
3. Merkl Ch., Wesselbaum D. 2011. Extensive versus Intensive Margin in Germany and the United States: Any Differences? // *Applied Economics Letters*. Vol. 18, iss. 9. P. 805–808.
4. Всемирный банк. Доклад об экономике России: Сложность адаптации и трансформации экономики. No. 34, сентябрь 2015 г. World bank group. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/136351443562971021/rer34-rus.pdf> (дата обращения: 15.05.18).

Вишняков М. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
makh-vishnyakov2011@yandex.ru

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ЗЕЛЕНый РОСТ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РЫНКА ТРУДА И ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация: Инклюзивный зеленый рост является частью (оперативной программой) реализации концепции устойчивого развития. В статье анализируется сущность данного типа роста, его значение для формирования и развития современного рынка труда. В данной статье рассматривается развитие рынка труда и человеческого капитала в условиях реализации концепции инклюзивного зеленого роста с учетом концепций технологического детерминизма и влияния институтов на экономический рост и развитие. Данный вопрос исследуется при учете современного феномена цифровизации экономики, которая ставит новые задачи перед научным сообществом, бизнесом и государством. Анализируется неоднозначность феноменов автоматизации рабочих мест ввиду возникновения риска повышения уровня безработицы и наступления ряда иных негативных последствий. Предлагается ряд мер для снижения рисков роста безработицы при роботизации.

Ключевые слова: инклюзивный зеленый рост, рынок труда, безработица, инновации, цифровизация

Vishnyakov M. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

INCLUSIVE GREEN GROWTH AND DIGITALIZATION OF THE ECONOMY: CURRENT CHALLENGES FOR THE LABOR MARKET AND HUMAN CAPITAL FORMATION

Abstract: Inclusive green growth is part of the (operational program) implementation of the concept of sustainable development. The article analyzes the essence of this type of growth, its importance for the formation and development of the modern labor market. This article discusses the development of the labor market and human capital in the context of the implementation of the concept of inclusive green growth, taking into account the concepts of technological determinism and the impact of institutions on economic growth and development. This issue is being studied when taking into account the modern phenomenon of digitalization of the economy, which poses new challenges for the scientific community, business and government. The ambiguity of the phenomena of automation of workplaces is analyzed in view of the risk of rising unemployment and the occurrence of a number of other negative consequences. A number of measures are proposed to reduce the risks of rising unemployment during robotization.

Keywords: inclusive green growth, labor market, unemployment, innovation, digitalization.

Актуальность решения социально-экономических и экологических проблем на международном и национальном уровнях побудила мировое научное и политическое сообщество разрабатывать новые программы реализации концепции устойчивого развития. Концепция устойчивого развития по своему характеру является долгосрочной и в наиболее обобщенном и распространенном понимании данного феномена включает три аспекта: экономика, экология и социальная сфера. В научной литературе существует большое количество определений концепции «устойчивое развитие». Представляется целесообразным под данным явлением понимать тип долгосрочного социально-экономического развития, при котором удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений происходит одновременно с решением социально-экономических проблем, с сохранением природной основы существования человеческой цивилизации. Для реализации концепции устойчивого развития научным сообществом были предложены концепции инклюзивного зеленого роста и зеленой экономики, которые в дальнейшем представлены на международном политическом уровне. На Конференции РИО 20+

(2012 г.). Инклюзивный рост по своему характеру является всеобъемлющим и имеет антидискриминационную направленность. Этот тип роста нацелен на повышение качества и уровня жизни наиболее широких слоев общества, на решение экологических проблем [1, с. 16].

В настоящее время идея инклюзивного устойчивого роста закреплена во многих программных документах ООН, Всемирного Банка, ОЭСР. Данный тип роста распространяется на все сектора экономики. Этот тип роста создает равные возможности для получения необходимых благ и услуг широкими слоями населения, а также для максимального использования трудового потенциала. Многие исследователи отмечают нацеленность инклюзивного роста прежде всего на развитие человеческого капитала, решение проблем безработицы, неравенства, бедности. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о создании равных возможностей, которыми могут воспользоваться и социально незащищенные слои населения для своей самореализации. Существенной частью инклюзивного роста является бережное отношение к экологическим благам. Концепция инклюзивного устойчивого роста предполагает долговременное поддержание экономического роста создания высококачественных рабочих мест, что предполагает наращивание инвестиций в создание новых отраслей шестого технологического уклада (преимущественно с нано-, биотехнологии и информационными технологиями) и в модернизацию традиционных для определенной экономики и конкурентоспособных в мировой системе разделения труда отраслей. Инвестиционная активность должна быть сопряжена с активизацией инновационной деятельности (в том числе с развитием инновационного малого и среднего предпринимательства). Инклюзивный зеленый рост предполагает обеспечение государством благоприятной конкурентной среды. Эти меры способствуют созданию высокотехнологичных рабочих мест, повышению качества человеческого капитала. Инвестиции в создание новых производств и в обновление некоторых старых отраслей на основе новых технологий позволяют повысить производительность труда и улучшить качество жизни людей, снизив экологические риски.

Необходимо отметить, что концепция инклюзивного зеленого роста не противоречит целям модели реиндустриализации, которая также предполагает повышение доли промышленного сектора экономики путем предоставления недорогих кредитов малым и средним предприятиям, увеличения численности работников в сфере НИОКР, широкого развития информационных технологий. Таким образом, инклюзивный зеленый рост (как и реиндустриализация) невозможен без инновационной активности, активной промышленной политики и использования достижений научно-технического прогресса. Инклюзивный рост направлен на всеобъемлющую реализацию социально-экономических параметров с учетом экологического фактора. Многие исследователи (С. Глазьев, В. Дементьев и ряд других) в объяснении причин циклического экономического развития и кризисов в экономике (соответственно, в объяснении функционирования рынка труда) опираются на теории циклов и технологических укладов. Тем не менее, по мнению Д. Фролова, технологический детерминизм слишком упрощает понимание природы экономического кризиса (в том числе состояние рынка труда), не учитывая многих институциональных факторов и причинно-следственные связи между реальной и финансовой сферами экономики. Смена технологических укладов, по мнению Д. Фролова, это процесс конкуренции экономических институтов [2, с. 27]. К. А. Писсаридес рассматривает экономический рост сквозь призму функционирования рынка труда, института образования и проблемы высокого неравенства по доходам в корпоративном секторе. Он также отмечает важность для устойчивого экономического роста объединений между университетами и промышленными предприятиями, подчеркивает роль высокой географической мобильности и снижение информационной асимметрии на рынке труда [3, с. 39].

О необходимости формирования благоприятной институциональной среды для формирования качественного человеческого капитала говорит В. Гимпельсон. Проблемой является, то, что корпоративный сектор не всегда стремится инвестировать в повышение квалификации и в переподготовку персонала. В Российской Федерации со стороны бизнеса такие расходы не превышают 1 % всех расходов в рабочую силу, в то время как в странах Евросоюза подобные расходы достигают 3 % [4, с. 132, 138]. В мировой практике реализация инклюзивного зеленого роста и цифровизация экономики осуществляется при взаимодействии государства и бизнеса.

В данном случае необходимо отметить институт корпоративной социальной ответственности (КСО). Мировой объем инвестиций бизнеса в развитие зеленой экономики составляет в среднем 900 млрд долл. в год, и с 2014 по 2020 г. эти инвестиции возрастут до 5,7 трлн долл. в год. Дискуссионными проблемами является и то, что не все компании в состоянии инвестировать в модернизацию своего производства, не всегда можно прекратить деятельность предприятия, негативно влияющего на экологию, так как необходимо учитывать социальную сторону проблемы (рост безработицы, бедности). Данный вопрос особенно актуален для моногородов с одним градообразующим предприятием. В настоящее время для российского бизнеса актуальным вопросом является постепенный переход на принципы наилучших доступных технологий (НДТ), предполагающие модернизацию производства и, соответственно, структурные преобразования рабочих мест в условиях ограниченности финансовых ресурсов. Как правило, в частном секторе создание новых рабочих мест происходит в 1,5–2 раза интенсивнее, чем в государственном, при этом частный сектор более склонен к сокращению рабочих мест. По мнению В. Гимпельсона и ряда других исследователей, именно реаллокация рабочих мест внутри частного сектора является важнейшим фактором повышения производительности российской экономики [4, с. 112].

Представляется целесообразным рассматривать концепцию инклюзивного зеленого роста во взаимосвязи с формирующейся цифровой экономикой и Индустрией 4.0. Цифровизация экономики сопряжена с активизацией инновационной деятельности с развитием цифровых технологий, с процессами автоматизации и роботизации производства. С одной стороны, активное внедрение цифровых технологий должно влиять на рынок труда и развитие человеческого капитала позитивно. С. Земцов в своем исследовании отмечает, что нет однозначного подтверждения негативного влияния новых технологий на социальную сферу: как правило, в долгосрочной перспективе технический прогресс приводил к увеличению рабочих мест [5, с. 153, 154]. В таком случае реализация инклюзивного зеленого роста станет невозможной. Несмотря на ряд преимуществ цифровизации, среди экспертов существуют опасения, что именно роботизация может нести риск массовой безработицы. С появлением систем «робот — робот», искусственного интеллекта увеличивается вероятность потенциальной безработицы. 50 % занятых в добывающих отраслях стран ОЭСР к 2020 г. могут потерять работу из-за роботов, дронов, роботов-автомобилей. В России роботизация может привести к росту безработицы до 20–25 %. 50 % рабочих мест во всем мире могут быть автоматизированы, так как являются рутинными. В российской экономике до 22 млн трудящихся могут быть уволены из-за роботизации [4, с. 143–148, 149].

Общепризнанно, что технологический прогресс должен привести к улучшению качества рабочих мест, снижению востребованности на низкоквалифицированный труд. С другой стороны, при увеличении числа «хороших» рабочих мест может увеличиться количество «плохих» рабочих мест, не требующих высокой квалификации, не являющихся рутинными. И в данном случае может возникнуть феномен поляризации рабочих мест, в результате которой в экономике возникают в основном «хорошие» и «плохие» рабочие места. Эта поляризация является негативным явлением и способствует усилению неравенства.

Данные дискуссионные вопросы актуальны и в связи с увеличением пенсионного возраста, по поводу которого среди исследователей также не сложилось однозначного мнения. В настоящее время во многих развитых и развивающихся странах растет продолжительность жизни. Инвестирование в человеческий капитал (здравоохранение, образование, производственное обучение) позволит и дальше повышать качество и продолжительность жизни в развитых и развивающихся странах. На данный момент Россия является страной с высоким индексом человеческого развития. Увеличивается продолжительность жизни, высоко оцениваются уровень образования и его доступность. В течение 1990 г. ИЧР в Российской Федерации снижался, но в 2000-е годы и в настоящее время наблюдается его устойчивый рост (колеблется в пределах 0,8).

В Российской Федерации для снижения рисков автоматизации (роботизации производства) целесообразно создавать на региональном и местном уровнях благоприятный инвестиционный климат, благоприятную институциональную среду, повышать предпринимательскую

активность среди малого и среднего бизнеса. Цифровизация экономики делает необходимым увеличение инвестиций в образование, переподготовку и повышение квалификации. Необходимо предоставить малому бизнесу наиболее доступное кредитование. Анализ исследований по данной тематике позволяет утверждать, что феномен цифровизации экономики во взаимосвязи с концепцией инклюзивного зеленого роста на данный момент исследован в недостаточной степени. Осложняет исследование цифровизации экономики наличие неформальной занятости, которая в российской экономике составляет по разным оценкам 20–30 %.

Библиографический список

1. Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Малышков Г.Б. 2014. Инклюзивный устойчивый рост: приоритеты, индикаторы, международный опыт, потенциал согласования с моделью реиндустриализации // Проблемы современной экономики. № 3 (51). С. 15–24.
2. Фролов Д. 2011. Теория кризисов после кризиса: технология versus институты // Вопросы экономики. № 7. С. 17–33.
3. *Pissarides C. A.* 2015. Socially sustainable economic growth // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Вып. 2. С. 34–46.
4. Гимпельсон В., Жихарева О., Капелюшников Р. 2014. Движение рабочих мест: что говорит российская статистика // Вопросы экономики. № 7. С. 93–126.
5. Земцов С. 2017. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. № 7. С. 142–157.

Дроздов О. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
o.drozdov@spbu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация: В данном исследовании анализируются идеологические основы и ключевые результаты социальной политики в современной России. По мнению автора, социальная политика в России базируется прежде всего на отождествлении достойной жизни (качества жизни) и материального благосостояния, «принципе просачивания», теории человеческого капитала. Аргументировано, что проводимая в России социальная политика не способна обеспечить существенное повышение качества жизни широких слоев населения, так как устойчиво воспроизводит высокий уровень нищеты, углубляет неравенство доходов и распределения богатства. Автор считает, что теоретическим основанием совершенствования социальной политики в России могла бы стать концепция развития человека.

Ключевые слова: социальная политика, качество жизни, неравенство доходов и богатства.

Drozdov O. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

SOCIAL POLICY IN RUSSIA: IDEOLOGICAL BASES AND RESULTS

Abstract: This study analyzes the ideological foundations and key results of social policy in modern Russia. According to the author, the social policy in Russia is based primarily on the identification of a decent life (quality of life) and material well-being, the “percolation principle”, the theory of human capital. It is argued that the social policy pursued in Russia is not capable of providing a significant improvement in the quality of life of wide sections of the population, since it consistently reproduces a high level of poverty, deepens income inequality and distribution of wealth. The author believes that the theoretical basis for improving social policy in Russia could be the concept of human development.

Keywords: social policy, quality of life, income and wealth inequality.

Общим местом в современной науке и экономической практике передовых государств стало признание главной целью социальной политики обеспечение достойной жизни и свободного развития людей. Однако идеологические основы социальной политики в России в значительной мере не согласуются с достижениями современной экономической науки и практики. Среди этих основ — в первую очередь упрощенное понимание достойной жизни (качества жизни) как растущего уровня материального благосостояния. Соответственно, обобщающим показателем уровня жизни является валовой внутренний продукт на душу населения по паритету покупательной способности. Поэтому лица, разрабатывающие и проводящие социальную политику, считают, что, сохраняя в неприкосновенности социально-экономический тип общественного устройства и реализовав совокупность национальных проектов, возможно оптимизировать структуру экономики страны. Это создаст условия для устойчивого экономического роста и — в соответствии с «принципом просачивания»^{*} — более высокий (по сравнению со стартовыми условиями) уровень качества жизни населения. Таким образом, одним из императивов социальной политики в России стала мысль об экономическом росте как ключевом факторе и средстве повышения материального благосостояния, роста изобилия экономических благ, удовлетворения возрастающих потребностей и, соответственно, повышения уровня качества жизни населения страны. Одновременно последовательно реализуемая коммерциализация сектора

^{*} Положение, в соответствии с которым поощрение экономического роста влечет ускоренное повышение уровня национального дохода и «просачивание» последнего в бедные слои общества в результате увеличения числа рабочих мест и повышения реального уровня заработной платы.

социальных услуг (развитие сектора на принципах частно-государственного партнерства) сформирует потенциал для роста эффективности оказания указанных услуг и снизит нагрузку на бюджеты всех уровней. При этом адресная (иными словами — избирательная) социальная поддержка населения защитит наименее обеспеченные и наиболее уязвимые социальные слои общества. Теоретическим фундаментом социальной политики является и индивидуалистическая теория человеческого капитала, которая провозглашает именно человеческий капитал основным фактором экономического роста, а инвестиции в человеческий капитал — главным инструментом перераспределения доходов («великим уравниателем» доходов).

Все указанное выше является устаревшими неоклассическими догмами. Достаточно здесь указать на то, что даже Всемирный банк (традиционный оплот неоклассики!) уже давно признал, что «экономический рост по-прежнему является необходимым, хотя и недостаточным условием для сокращения масштабов бедности. Странам необходимо дополнить усилия, направленные на ускорение экономического роста, мерами политики, обеспечивающими распределение большего объема ресурсов в пользу людей, живущих в крайней бедности» [1]. Многочисленные исследования показывают, что экономический рост, не сопровождаемый деятельностью по минимизации неравенства доходов и богатства не способен существенно улучшить материальное благосостояние большей части населения. В действительности экономический рост далеко не одинаково отражается на благополучии членов общества (в первую очередь из-за неравномерного распределения доходов, богатства и ресурсов). Более того, с 1980-х годов в условиях экономического роста неравенство доходов в большинстве стран, в том числе во многих промышленно развитых странах, стало углубляться (в частности, к 2005 г. в Финляндии, Великобритании, Северной Ирландии коэффициент Джини возрос более чем на 10 пунктов).

Нельзя не подчеркнуть, что понятия «достойная жизнь» и «качество жизни населения» являются по-прежнему дискуссионными. Однако безусловно архаична идея о том, что качество жизни и достойная жизнь населения — понятия одного порядка, а их показателями являются количественные показатели материального благосостояния (величина среднедушевого ВВП, величина реальных располагаемых доходов и пр.). В настоящее время, при всех нюансах, под качеством жизни подразумевается всесторонняя характеристика благосостояния, свобод, социального и духовного развития человека, расширяющих возможности реализации человеческого потенциала. Соответственно, уровень качества жизни населения оценивается совокупностью множества количественных и качественных, в том числе неэкономических, показателей (трудовой жизни; развития способностей людей; семейной жизни; быта и поддержания здоровья; жизни нетрудоспособных членов общества; досуга; окружающей среды и пр.).

Однако даже если мы используем указанный выше узкий и устаревший подход к пониманию достойной жизни (как растущего уровня материального благосостояния), то окажется, что современная российская социальная политика не способна повысить уровень жизни большинства членов нашего общества. В частности, за последние 4 года уровень жизни в стране (реальные доходы населения страны) снизился на 11 %. В 2017 г. эти доходы снизились на 1,7 % ВВП. 19,3 млн человек (т. е. 13,2 % населения России) имеют доход ниже прожиточного минимума [2]. Социальная политика в современной России по своей природе не способна обеспечить существенное повышение качества жизни *широких слоев* населения, так как устойчиво воспроизводит высокий уровень нищеты и углубляет неравенство доходов. Так, по официальным данным, в 2010 г. в России 12,5 % от общей численности населения имели денежный доход ниже величины прожиточного минимума [3]. А в январе — сентябре 2018 г. 13,3 % от общей численности населения РФ (т. е. 19,6 млн человек!) имели денежный доход ниже величины прожиточного минимума [4]. Существенно не сокращается количество малоимущего населения среди работающих: в период с 2013 по 2016 г. доля малоимущих среди занятых в экономике устойчиво превышала 30 %*.

* Работающие бедные — социальная проблема, характерная не только для России. Так, в 2012 г. в Европейском союзе проблема работающих бедных затрагивала 9,1 % населения трудоспособного возраста. Однако в России эта проблема стоит особенно остро.

Но все это — официальные статистические сведения, существенно занижающие действительные масштабы бедности в России. Они сформированы на основе устаревшего теоретического представления о нищете — на базе концепции абсолютной бедности. Более реалистичным, хотя и не самым современным подходом к оценке масштабов бедности населения является концепция относительной бедности. В современных же представлениях нищета трактуется как многофакторный феномен, характеристиками которого являются не только уровень дохода человека, но и совокупность неэкономических показателей (оценивающих прежде всего различного рода лишения, ограничения, недоступность — в медицинской помощи, в получении образования, в мобильности и пр.). Это так называемый «депривационный подход» к анализу бедности. Применение депривационного метода оценки нищеты, использованного Росстатом в экспериментальном порядке, привело специалистов Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы к выводу о том, что в первой половине 2018 г. уровень бедности в России составляет порядка 24,8–25,2 % (около 36 млн человек) [5].

В современной России, одновременно с устойчивым воспроизведением нищеты населения, остается чрезмерным неравенство доходов: в 2017 г. децильный коэффициент фондов составил 15,3 раз, коэффициент Джини — 0,410. 20 % населения России сосредоточили в своих руках 46,8 % общего объема денежных доходов [6]. По сути, Россия находится в зоне социальной нестабильности — ведь в соответствии с мировой практикой страна попадает в указанную зону в том случае, когда соотношение доходов наиболее и наименее обеспеченных групп населения превышает 10:1.

Современная Россия — страна с самой вопиющей поляризацией богатства. Всемирный банк резюмирует по этому поводу, что «доля богатства, которое находится у 1 % самых состоятельных людей в России, самая большая среди всех стран в мире, где проводились оценки. Один процент населения владеет 66,2 % богатства страны». Для нашей страны характерны ярко выраженные неравенства возможностей: доступа к рабочим местам с полной занятостью, поддержания человеческого капитала на протяжении всей жизни, доступа к качественному образованию и медицинской помощи и пр.

Как мы видим, социальная политика в России, вместо повышения уровня качества жизни, создает условия для устойчивого воспроизведения высокого уровня нищеты и не снижает дифференциацию доходов и богатства населения, не решает множество других проблем, поляризующих общество и провоцирующих его социальный разлом. Однако предложения ученых и ряда политиков хотя бы о формировании более справедливой системы налогообложения (использовании прогрессивной шкалы налогообложения) под различными предлогами отвергаются исполнительной властью страны. Между тем результаты исследований, в том числе проведенных в 2002–2006 гг. в Латинской Америке, говорят о том, что даже незначительное перераспределение доходов через прогрессивное налогообложение в совокупности с целевыми социальными программами в гораздо большей степени снижает уровень бедности, нежели длительный и стабильный экономический рост.

Таким образом, социальная политика в РФ не отвечает достижениям современной науки и передовым экономическим практикам. Социальная политика в России наконец должна стать деятельностью по достижению положительных результатов в социальной сфере (уменьшение масштабов неравенства возможностей, доходов и богатства; ликвидация нищеты и пр.). Теоретическим базисом социальной политики в РФ могла бы стать концепция человеческого развития, обозначающая методологию обеспечения социально ориентированного устойчивого развития общества.

Библиографический список

1. Согласно ГВБ, одного лишь роста недостаточно для того, чтобы покончить с бедностью. URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2014/04/10/ending-poverty-requires-more-than-growth-says-wbg> (дата обращения: 10.12.2018).

2. Выступление Председателя Счетной палаты А. Л. Кудрина на пленарном заседании Государственной Думы по вопросу «О проекте федерального закона № 514334–7 “Об исполнении федерального бюджета за 2017 год”». URL: http://audit.gov.ru/structure/kudrin-aleksey-leonidovich/speeches/34590/?sphrase_id=9349749 (дата обращения: 11.12.2018).
3. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tabl/2–3.doc (дата обращения: 11.12.2018).
4. О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в III квартале 2018 года. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/240.htm (дата обращения: 11.12.2018).
5. Бедность в России: десятки миллионов за чертой. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/05/09/11745109.shtml?updated> (дата обращения: 11.12.2018).
6. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.doc (дата обращения: 11.12.2018).

Дубянский А. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.dubianskii@spbu.ru

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗРУШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: В статье речь идет о проблемах, которые вызывает разрушение социального государства и о потере трудящимися многих завоеваний последних десятилетий.

Ключевые слова: социальное государство, прекариат, средний класс, корпорации.

Dubyansky A. N.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

LABOUR RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE DESTRUCTION OF THE SOCIAL STATE

Abstract: The article deals with the problems that cause the destruction of the social state and the loss of many achievements of workers in recent decades.

Keywords: social state, precariat, middle class, corporations.

Социальное государство, которое является, пожалуй, главным завоеванием трудящихся за последнее столетие, испытывает серьезный кризис и постепенно разрушается. Его основные характеристики, которые можно свести к следующим понятиям: стабильная занятость, социальные гарантии, инвестиции в человеческий капитал в первую очередь в образование и здравоохранение, профессиональный рост — быстро отмирают.

Исчезновение государства всеобщего благоденствия (Welfare State) происходит в первую очередь в развитых странах, где оно сформировалось после Второй мировой войны. В странах, менее развитых оно так и не было построено, но и там происходят негативные явления, характерные больше для конца XIX — начала XX в.

Начало этому процессу было положено в сентябре 2013 г., когда король Нидерландов Виллем-Александр в своей тронной речи объявил, что на смену традиционному социальному государству приходит государство всеобщего участия (State of Universal Participation). В государстве всеобщего участия граждане будут побуждаться различными способами к самостоятельности в распоряжении своими социальными гарантиями. Государство в этом случае будет более эффективно использовать бюджетные средства. В ряде западных стран, таких как Канада, Финляндия, Швейцария, стала распространяться концепция базового дохода, представляющая собой удобную переходную модель от традиционного социального государства к государству всеобщего участия. По мнению западных экономистов, базовый доход — удобная переходная модель, в рамках которой должна произойти смена социального мышления, побуждающая граждан самостоятельно распоряжаться своими социальными гарантиями.

Однако представляется, что главная цель концепции безусловного основного дохода состоит не в рационализации бюджетных расходов, а в том, чтобы отказаться от социальных функций государства в отношении своих граждан. В случае принятия модели безусловного основного дохода государство просто передает своим гражданам определенные денежные средства, устранившись при этом от выполнения не только своих социальных функций, но и перераспределительных функций.

Наиболее тревожным симптомом является постепенное исчезновение среднего класса, выступая на Давосском форуме директор-распорядитель Международного валютного фонда (МВФ) К. Лагард заявила, что доля среднего класса в развитых странах снижается все послед-

ние десятилетия. Кроме того, большинство создаваемых новых рабочих мест не способны обеспечить доход, к которому привыкли жители развитых стран. Так, например, в США, самой развитой стране мира, реальная заработная плата перестала расти с 1970-х годов [1]. Парадокс возникающей в настоящее время цифровой экономики состоит в том, что новые рабочие места создаются для работников не обладающих высокой квалификацией, а именно: курьеров, водителей, работников сферы общественного питания, гостиничного бизнеса и др. В результате этих процессов происходит быстрое сокращение среднего класса.

Французский экономист Т. Пикетти показал, что капиталистическое общество за последние десятилетия не стало более справедливым, как можно было предполагать, по сравнению с периодом конца XIX — начала XX в., характеризовавшимся наибольшей степенью неравенства. Именно в этот период разрыв в доходах между наиболее богатой частью общества и оставшимся большинством был наибольшим. Этот разрыв, как показывает Пикетти, не только не сократился, но и заметно вырос, несмотря на три «счастливых» десятилетия в 1940–1970-е годы, когда вся мировая экономика динамично развивалась. Доходы широких слоев населения в это время за счет высоких темпов экономического роста серьезно увеличились, что привело к перераспределению части национального дохода в пользу менее обеспеченных слоев населения. Именно в этот период в большинстве развитых стран сформировался многочисленный средний класс [2].

Деградация среднего класса на Западе и растущая в связи с этим степень расслоения общества с неизбежностью будут приводить к проявлению социального недовольства в различных формах и проявлениях. Социальный протест во Франции проявивший себя в виде движения «желтых жилетов» поддержали практически все слои французского общества, которые таким образом проявляли свое недовольство разрушением социального государства. Однако протест против растущего неравенства в обществе может проявляться и в других формах. В частности, П. Турчин полагает, что существует четкая корреляция между обеднением населения и такой формой протеста, как немотивированные массовые убийства, которые с пугающей частотой происходят в США и других странах. По мнению американского автора, эти массовые убийства обусловлены растущим неравенством в США и являются бессознательной формой протеста против неравенства.

На рынке труда появился новый быстро растущий класс, который по аналогии с пролетариатом, а вернее, в противовес называют прекариатом [3]. Под ним понимают совокупность работников, имеющих временную или частичную трудовую занятость, при этом их занятость носит постоянный и устойчивый характер. Другими словами, прекариат имеет «устойчиво неустойчивую занятость», в отличие от пролетариата, который характеризовался и пока характеризуется гарантированной занятостью и социальными гарантиями. При этом Стэндинг призывает не путать прекариат с «ущемленным средним классом» (*squeezed middle*), «низшим классом» (*underclass*) и «беднейшим рабочим классом» (*lower working class*). Увеличивается число так называемых поденщиков, т. е. людей, работающих только определенное время, обычно, день или какое-то количество дней. К сожалению, к числу работников с таким характером занятости относится все больше людей с высшим образованием, в первую очередь это касается специалистов гуманитарных специальностей. Подобный характер занятости делает прекариат, как это следует из его названия, действительно опасным классом, который в дальнейшем может полностью дестабилизировать капиталистическую формацию.

Параллельно с разрушением государства происходит усиление власти корпораций, которые частично берут на себя ряд социальных функций, присущих государству, правда в сильно урезанном виде. «Корпоративный капитализм отнял все завоевания пролетариата почти за 200 лет. Все, что было достигнуто со времени восстания силезских ткачей, которые вдохновили К. Маркса, вплоть до стачечного движения начала XX в. и социалистических завоеваний времен холодной войны» [4].

Для того, что защитить капитализм от разрушения требуется отказаться от социального государства. Или заставить функционировать институты социального государства — образование, науку, культуру — по принципу корпораций, что по сути одно и то же. В этом случае уничтожается социальное время в структуре рабочего, свободного и социального. Социальное

время является важнейшим ресурсом для саморазвития, коммуникации, приобщения к культуре, а также выражения солидарности. Например, в сфере высшего образования, т. е. в корпорациях (университетах) работники заняты постоянной разработкой очередных УМК, КОУП, РПУД и т. д. В результате социальное время сжимается как шагреновая кожа.

Естественно, что демонтаж социального государства привел к резкому росту неравенства, которое достигло уровня начала XX в. Для сохранения завоеваний трудящихся, достигнутых ими в XX в., в качестве первоочередной меры представляется необходимым сохранение социального государства, в первую очередь для противодействия корпорациям.

Библиографический список

1. Турчин П. 2016. Канарейка в угольной шахте. Почему США переживают эпидемию неизбирательных массовых убийств. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Kanareika-v-ugolnoi-shakhte-18563> (дата обращения: 17.12.2018).
2. Piketty T. 2013. Le capital au XXI e siècle. Éditions du Seuil. 976 p.
3. Стэндинг Г. 2014. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
4. Просандеева Н. 2016. Глобальное производство стресса, или о страхе в корпорациях // Expert Online. 01.05 2016. URL: <http://expert.ru/2016/05/1/o-straxe-v-korporatsiyah/> (дата обращения: 17.12.2018).

Рязанов В. Т.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
v.ryazanov@spbu.ru

НОВАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ

Аннотация: В докладе исследуется влияние новой технологической революции на изменения в сфере занятости. Анализируются главные особенности этой революции и особое внимание обращается на развертывание процесса широкого использования в производственной деятельности промышленных роботов. Данный процесс основан на внедрении искусственного интеллекта, который создает беспрецедентные возможности экономии труда в сфере производства. Приводятся расчеты и прогнозы по сокращению занятости, которое обусловлено развертыванием роботизации производства. Рассматриваются возможности и предлагаемые способы решения проблемы занятости в новых технико-технологических условиях.

Ключевые слова: новая технологическая революция и ее характеристики, сфера занятости, роботизация производства и ее последствия, тенденции в сфере занятости, возможности и перспективы занятости на современном этапе.

Ryazanov V. T.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE NEW TECHNOLOGICAL REVOLUTION AND EMPLOYMENT PROBLEMS

Abstract: The report examines the impact of the new technological revolution on employment changes. Analyses the main features of this revolution and focuses on the deployment process of widespread use in the production of industrial robots. This process is based on the introduction of artificial intelligence, which creates unprecedented opportunities for saving labour in production. Provides calculations and projections for a decline in employment, which is attributable to the deployment of robotization of production. Discuss features and proposed ways to address the problem of employment in the new technical and technological conditions.

Keywords: the new technological revolution and its characteristics, scope of employment, robotization of production and its implications, trends in employment, opportunities and prospects of employment at the present stage.

Цель доклада состоит в том, чтобы раскрыть характер влияния новой технологической революции на сферу занятости. Проблема занятости является ключевой темой для капитализма, начиная с его зарождения и далее — на всех последующих стадиях. Особое внимание она привлекает при изучении использования машин и технологических нововведений с развитием производства. К данной проблеме у экономистов всегда существовало два подхода, отражающие оптимистические и пессимистические оценки последствий научно-технического прогресса. До последнего периода оптимизм преобладал и подтверждался реальными результатами, которыми завершались очередные волны его внедрения и которые меняли облик производства, но при этом создавали новые рынки и обеспечивали рост производительности труда.

Проблема занятости также достаточно успешно решалась за счет перемещения рабочей силы вначале из аграрной сферы в сферу промышленного производства, а затем и в сферу услуг. Причем важно подчеркнуть, что такое перемещение позволяло обеспечить перекалфикацию работников и в конечном счете привело к образованию среднего класса как защитной подушки, уберігающий капиталистическое общество от серьезных социальных потрясений.

Собственно говоря, вопрос, который возникает в связи с занятостью, касается того, куда может перемещаться высвобождаемые работники по мере создания индустрии 4.0 как результата развертывания новой промышленной революции. Оптимистический ответ такой: как

и ранее, технологические нововведения будут по-прежнему создавать новые продукты, новые рынки, а значит, новые области занятости.

Прежде всего стоит разобраться с особенностями новой технологической революции, которая разворачивается на современном этапе. Ее главными чертами считается переход ко всеобщей автоматизации во всех основных сферах хозяйственной деятельности на основе создания технологии искусственного интеллекта, что позволит обеспечить непосредственную взаимосвязь между людьми и машинами, преодолевая ограничения в пространстве и во времени. Как считает, например, К. Шваб, основными чертами новой промышленной революции становятся «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины [1]. Внедрение новой технологической революции нацелено на алгоритмизацию общества на основе его оцифровки.

Для сферы занятости последствия развертывание четвертой технологической революции не столь однозначны, и на это обстоятельство в социально-экономической литературе обращается особое внимание. Проведенные обследования показывают, что инновации в информационных и других прорывных технологических направлениях, способствуя повышению производительности за счет вытеснения живого труда, не в состоянии в должном объеме компенсировать создание дополнительной занятости в новых сферах труда. К тому же следует учитывать появление дополнительных факторов, обостряющих ситуацию на рынке труда:

- 1) существенно возросшую скорость технического прогресса, что снижает возможность своевременной переадаптации сферы занятости;
- 2) наличие гигантских технологических корпораций (таких как Microsoft, Amazon и т. д.), которые располагают огромными возможностями стремительного распространения инноваций по всему глобальному пространству;
- 3) перемещение процесса трудоустройства за счет действия НТП из сферы производства в сферу услуг.

В качестве иллюстрации ограничусь приведением данных о наращивании процесса роботизации как одного из главных направлений новой промышленной революции, базирующейся на внедрении технологии искусственного интеллекта. Приведу несколько цифр, касающихся наращивания процесса роботизации, а для него все более характерным становится широкое использование «умных роботов». Всего их в мире уже насчитывается свыше 1,6 млн изделий, а их ежегодный рост прогнозируется с темпом в 12–15%. В лидирующих странах, к примеру в Южной Корее, на 100 работников уже приходится 5,3 промышленных роботов.

Что касается отраслевого среза в использовании роботов, то это прежде всего автомобилестроение (38%) и электроника (25%). Так, в автомобилестроении США при производстве автомобиля 80% работы выполняется роботами. Как показывает практика, внедрение одного промышленного робота приводит к сокращению не менее 4 рабочих мест.

Если в прошедшем периоде главной областью внедрения роботов и сокращения занятости была промышленность, то уже в последние годы они начинают все более широко внедряться в сервисной сфере. Например, использование банкоматов в США привело к сокращению операционистов в банках.

Или сфера розничной торговли. Бурное развитие интернет-торговли приводит к массовым сокращениям в этой отрасли, которая отличается наибольшей занятостью в частнопредпринимательском секторе. Аналитики, которые изучали статистику американского рынка труда, сделали прогноз о скором крахе отрасли «классической» розничной торговли. Существующие торговые площади в три раза превышают необходимые сегодня. Интернет-торговля уже забрала из розницы не менее 40% реального оборота. При этом онлайн-товары в среднем на 30% дешевле, чем в самом супермаркете.

Глобальным институтом Маккинси (McKinsey Global Institute) подготовлен доклад «Будущее, которое работает: автоматизация, занятость и производительность труда», в котором проведен обстоятельный анализ беспрецедентных возможностей, создаваемых новыми технологиями в развитии производства, и вместе с тем обращено особое внимание на их роль в изменении ситуации в сфере занятости [2]. Так, в докладе отмечается, что автоматизация потен-

циально может вызвать рост производительности труда во всем мире от 0,8 до 1,4 % ежегодно, что особенно важно в условиях усиления действия тенденции сокращения трудоспособного населения.

Что касается общих прогнозов по занятости на ближайшие десятилетия, то, согласно сделанным оценкам, почти *половина трудовой деятельности* в глобальном масштабе может быть автоматизирована с использованием уже имеющихся технологий и техники. Причем трудосберегающие технологии получают самое широкое распространение в сфере услуг, и это принципиально новая ситуация для современного рынка труда.

Важно выделить и такую деталь: только за счет использования роботов можно будет сэкономить, по оценке McKinsey Global Institute, до 15 трлн долл. затрат на зарплату и, соответственно, обеспечить рост прибылей, ведь, скажем, час труда промышленного рабочего в Германии стоит 49 долл., в США — 36 долл., а час работы робота обходится всего в 4 долл. Получается так, что главным выгодополучателем от внедрения роботизации становится капитал — фактически за счет ущемления интересов наемного персонала. Если не прямая эксплуатация живого труда, так его экономия становится главным ресурсом для получения прибылей в безлюдно организованном производстве.

Есть еще один пока недостаточно понятный результат развертывания роботизации, который имеет как теоретическое, так и практическое значение. Речь идет о том, что переход к «безлюдной технологии» на основе массового распространения «умных роботов» ставит вопрос об изменении природы экономических отношений. При таком развитии событий можно прогнозировать постепенное вытеснение из системы экономических отношений на периферию такого их звена, как отношения по поводу производства благ, а может быть, даже и их исчезновение. Это означает, что новая система экономических отношений будет включать в свой состав в качестве основных отношения обмена, распределения и потребления.

Поставленные вопросы важны для понимания общего контекста назревающих общих перемен в экономике, а также для характеристики перспектив разрешения проблемы занятости как наиболее острой в составе практических проблем функционирования нынешней хозяйственной системы. Ситуация на рынках труда в перспективе может резко обостриться, способна подвести их к масштабному кризису и даже угрожать самому их существованию. Не случайно, что опасность «возвышения роботов» сегодня обсуждается не только писателями-фантастами, но об этом уже пишут экономисты.

Какие сегодня выдвигаются способы решения проблемы незанятости?

Самый оптимистический вариант связан с расчетом на то, что рынок, как и ранее, создаст новые рабочие места благодаря появлению новых продуктов и, соответственно, рынков и сфер занятости. В подтверждение обычно приводится оценка последствий внедрения новых технологий в последние десятилетия: одно освобождаемое рабочее место в сфере материального производства развитых стран сопровождалось созданием трех дополнительных 3 рабочих мест в производстве развивающихся стран и в обслуживающих сферах. Кроме того, считается, что многоотраслевой состав сферы услуг имеет еще не до конца использованные возможности по перемещению работников внутри нее*.

Заслуживает внимания прогноз Дж. М. Кейнса, который он сделал в 1931 г., в разгар Великой депрессии. Английский экономист прогнозировал, что должно произойти в экономике через 100 лет, т. е. к 2030 г. [3]. Важно подчеркнуть, что в этой статье он особое внимание обратил на трудосберегающий характер НТП. Хотя использование его достижений способно разрешить все проблемы с материальной обеспеченностью населения, но одновременно он неминуемо будет и дальше обострять проблему занятости. Тем не менее Кейнс доказывал, что ее можно будет разрешить, если рабочий день будет сокращен до 3 часов, а рабочая неделя — до 15 часов. Такое сокращение будет возможно, поскольку развившееся производство на основе НТП окажется способным удовлетворить потребности всех людей. Тем самым за счет такого сокращения мож-

* Более подробно о возможностях и вариантах решения проблемы занятости в условиях новой индустриальной революции см. [4].

но будет решить две проблемы: сохранить занятость и переориентировать людей на свободное время как условие их более гармоничного развития.

Казалось бы, что такое сокращение рабочего дня способно по крайней мере смягчить остроту проблемы занятости. Не случайно в ряде стран проводятся соответствующие эксперименты. Так, в Швеция проверяется вариант с переходом на 30-часовую рабочую неделю, в США выдвигается предложение о введении для всех работников двухмесячного оплачиваемого отпуска. Однако при всей полезности сокращения рабочего времени в интересах сохранения рабочих мест важно учитывать такое обстоятельство. Дело в том, что в современной капиталистической экономике свободное время как безусловное благо для обеспечения гармоничного развития человека превратилось в такую же область монетизации и потребительского манипулирования со стороны «индустрии потребления». Произошло то, чего не предвидел Кейнс.

Таким образом, разрешение проблемы «незанятости» в конечном счете заключается в том, в какой системе экономических отношений она будет решаться. Будет ли она подчинена интересам извлечения прибыли или возобладают иные интересы и цели?

Библиографический список

1. Шваб К. 2016. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо.
2. A future that works: automation, employment, and productivity. McKinsey Global Institute. 2017. URL: <http://www.mckinsey.com/global-themes/digital-disruption/harnessing-automation-for-a-uture-that-works> (дата обращения: 12.12.2018).
3. Кейнс Дж. М. 2009. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. № 6. С. 60–69.
4. Рязанов В. Т. 2019. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя.

Санкова Л. В.

Саратовский государственный технический университет
имени Ю. А. Гагарина,
Российская Федерация, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, 77
sankovalv@sstu.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ЗАНЯТОСТЬ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические, методологические и практические аспекты устойчивого развития и занятости с позиций требований и изменений, детерминированных цифровой трансформацией современной экономики. Анализируются проблемы формирования нового формата «устойчивость — неустойчивость» в сфере труда; цифровых компетенций работников; безработицы, незащищенной занятости; новые подходы к определению эффективности политики занятости. Показано, что параметры занятости и достойного труда в условиях цифровой экономики будут зависеть от выбора стратегий достижения целей устойчивого развития и институтов рынка труда. Автором предлагаются направления сокращения рисков неустойчивой занятости.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, устойчивое развитие, цифровая экономика, неравенство, прекаризация.

Sankova L. V.

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
77, Politechnicheskaya str., Saratov, 410054, Russian Federation

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND EMPLOYMENT IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract: The article discusses the theoretical, methodological and practical aspects of sustainable development and employment in terms of the requirements and changes determined by the digital transformation of the modern economy. The problems of the digital competencies formation for employees are analyzed; the new format “sustainability-instability” in the world of work; unemployment, unprotected employment; new approaches to determine the effectiveness of employment policies. It is shown that the parameters of employment and decent work in a digital economy will depend on the choice of strategies to achieve sustainable development goals and labor market institutions. The author proposes ways to reduce the risks of precarious employment.

Keywords: employment, labor market, sustainable development, digital economy, inequality, precarization.

Определение стратегий развития занятости в цифровой экономике невозможно без анализа ее во взаимосвязи со сбалансированным решением экономических, социальных и экологических проблем. Принятие императивов устойчивого развития в сфере качественного и непрерывного образования, достойного труда, сокращения неравенства, решения экологических проблем, обеспечения гендерного равенства, формирования и продвижения рациональных моделей производства и потребления затрагивает непосредственным образом предметное поле занятости и предполагает совершенствование политики обеспечения устойчивости занятости. Ключевой категорией будущего становится «устойчивость»: устойчивое развитие, устойчивый экономический рост, устойчивая занятость.

Цифровая экономика порождает различные эффекты для ее субъектов с точки зрения устойчивости. Меняется качество человеческих ресурсов, рабочих мест, трудовых процессов, механизмов коллаборации субъектов трудовых отношений, усиливается взаимосвязь политики занятости с макроэкономической политикой и ситуаций в целом. Для работодателей она создает возможность увеличения прибыльности компаний и роста эффективности использования человеческих ресурсов за счет использования новейших интернет-технологий и компьютерных технологий. Работники получают новые возможности трудоустройства в быстро развивающихся секторах экономики, большую гибкость занятости, рост объема информации в сфере профессиональной деятельности. Вместе с тем цифровая трансформация производственных

процессов и бизнес-процессов способна породить новые риски для традиционных трудовых процессов и ценности общего и специфического человеческого капитала. С одной стороны, цифровизация позволяет преодолеть ограничения стандартных трудовых отношений, с другой — порождает неустойчивость в системе занятости, ограничивая доступ работников к социальному страхованию, коллективным переговорам и защите занятости; рост структурной безработицы, риски формирования новых форм «цифровой эксклюзии»; усиление сегментации рынков труда по цифровым критериям и устойчивости; дисбаланс «коллективного и индивидуального» в сфере труда; приводит к неэффективности традиционных налоговых систем и т. д. Формируются риски неэффективности институтов рынка труда (традиционных, создаваемых и/или импортируемых) в условиях его цифровизации, растут риски прекаризации занятости. Согласно исследованиям, цифровые платформы в сфере занятости зачастую сопровождаются заменой традиционных трудовых контрактов на независимые договоры подряда, что, в свою очередь, имеет значительные последствия с точки зрения заработной платы, безопасности рабочих мест и других условий труда.

В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [1] определены уровни влияния цифровизации на жизнь граждан и общества в целом:

- рынки и отрасли экономики;
- платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики;
- среда, в рамках которой формируются условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики.

Каждый из указанных уровней непосредственным образом связан с качеством занятости, необходимостью повышения ее инновационной составляющей, с одной стороны, и обеспечением устойчивости и защищенности — с другой.

Процесс достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой экономики, анализируемый в аспекте экономической, социальной, экологической и институциональной составляющих, определяет дальнейшее развитие новых видов и форм занятости, расширение ее профессионального пространства, рост количества «зеленых рабочих мест», появление новых сегментов рынка труда в различных сферах. Закономерным становится вопрос о том, какие эффекты будет иметь цифровая трансформация экономики и общества для институтов рынка труда, долгосрочной производительности труда, заработной платы, безработицы, неравенства.

Оценивая современное состояние занятости в мире, отметим прежде всего тренд роста нестабильной занятости с высокой дифференциацией по странам и регионам мировой экономики. Так, в докладе МОТ «Перспективы занятости и социальной защиты в мире в 2018 году» акцентируется внимание на значимости данной тенденции. Если в 2017 г. 1,4 млрд работников были охвачены нестабильной занятостью, то к 2019 г. их число увеличится в мире на 35 млн. Относительно систем социальной защиты, лишь 29 % населения мира имеют возможность получения полного спектра социальных пособий, а 71 % полностью или практически лишены защиты [2].

Как показывает практика, внедрение цифровых технологий не снимает, а в некоторых случаях даже усугубляет проблематику нового неравенства в сфере занятости и на национальных рынках труда в целом в связи с различными скоростями движения национальных систем занятости к конфигурации, определяемой как трендами социально-экономического, «цифрового» развития, так и соответствующей императивам целей устойчивого развития ООН.

В докладе Европейского фонда отмечается, что последствия «цифровизации» занятости могут варьироваться от массового изменения численности и секторального состава рабочих мест до радикальной переориентации организации труда [3]. В этих условиях особую актуальность приобретают необходимость изучения классификации рабочих мест и разработка критериев выделения их новых типов, систематизация профессиональных навыков и предпосылок формирования новых компетенций в условиях цифровой экономики, определение влияния роботизации и автоматизации на формирование востребованных компетенций.

В зарубежных исследованиях отмечаются следующие аспекты дизайна рынка труда в условиях цифровизации:

- 1) цифровые платформы позволяют обеспечить стандартизацию и достоверность информации, возможность ее проверки;
- 2) возможность алгоритмического решения многих задач, связанных с форматом трудовых контрактов, требуемых компетенций, систем стимулирования работников;
- 3) обеспечение большей прозрачности и возможности получения большей информации о рабочих местах и их соискателях;
- 4) низкая стоимость приложений;
- 5) возможность быстрого обеспечения соответствия спроса и предложения труда во временном и пространственном континууме [4].

Названные характеристики позволяют снизить транзакционные издержки на рынке труда, однако они не гарантируют рост устойчивости занятости.

В цифровой экономике устойчивость занятости и экономический рост во многом зависят от сформированных цифровых компетенций работников. В 2016 г. среди специалистов по ИКТ, занятых в экономике, преобладали специалисты высшего уровня квалификации (79 %, среди которых разработчики и аналитики программного обеспечения составляли 57,4 %). Что касается цифровых навыков, то в 2016 г. имеющие навыки работы с текстовым редактором составляли 41,5 % населения в возрасте от 15 до 72 лет, навыки самостоятельного написания программного обеспечения с использованием языков программирования — лишь 1 % [5]. Обладание универсальными и специфическими цифровыми компетенциями позволяет работнику обеспечить конкурентоспособность на рынке труда и устойчивость занятости.

Все вышеизложенное позволяет констатировать необходимость формирования новой парадигмы в области экономики — устойчивого труда с соответствующими стандартами исследования, мерами регулирования.

В цифровую эпоху баланс гибкости и защищенности занятости определяет также дизайн институтов рынка труда. Обеспечение устойчивой занятости как необходимого элемента концепции устойчивого развития и инклюзивного экономического роста предполагает не только совершенствование нормативно-правовой базы регулирования занятости в цифровую эпоху, но и привлечение социальных партнеров в сферу принятия решений по вопросам сокращения неустойчивой занятости, построение и налаживание системы государственно-частного партнерства при реализации политики занятости.

Одной из мер повышения устойчивости развития системы занятости является усиление взаимосвязей между мерами по поддержке доходов бедных слоев населения и активной политики содействия занятости. Как показывают зарубежные исследования, в условиях быстрых качественных изменений на рынках труда или при наличии сложностей в трудоустройстве сами по себе изолированные меры, ориентированные на поддержку дохода, не приводят к устойчивой занятости или улучшению социального положения групп населения. Представляется, что в условиях цифровой экономики в долгосрочном периоде более эффективна будет политика, ориентированная на развитие адекватных компетенций и навыков, позволяющей субъектам рынка труда управлять своими доходами и обеспечивать достойное качество жизни.

Таким образом, рассмотрение проблем занятости в условиях цифровой экономики позволяет выделить следующие аспекты, соответствующие целям устойчивого развития:

- обеспечение доступа к рабочим местам, устойчивости занятости, достойного уровня заработной платы способствуют сокращению бедности, повышению уровня жизни;
- цифровая экономика позволяет решать проблему обеспечения качественного образования, формировать стратегии непрерывного обучения; способствует накоплению человеческого капитала и повышает устойчивость занятости;
- гендерное равенство в плане доступа к рабочим местам, выбору занятости, продвижению по карьерной лестнице, контрактации и т. д. будет определяться уровнем и качеством компетенций работников, востребованных цифровой экономикой;

- цифровая трансформация способна обеспечить рост производительности труда и экономический рост. Вместе с тем возрастают риски неустойчивой занятости в рамках ее новых форм;
- индустриализация и внедрение инноваций (адекватных цифровой экономике) позволяют создавать качественные рабочие места в «новых секторах» экономики, которые могут характеризоваться различным сочетанием устойчивой и неустойчивой занятости; позволяют совершенствовать условия труда и гарантии безопасности труда, снизить травматизм и профзаболеваемость, а инновации, кроме того, могут приводить к необходимости обеспечения гарантий занятости через поиск новых форм взаимодействия работников с работодателями;
- важным направлением выступает разработка механизмов, сокращающих неравенство в обществе и позволяющих более равномерно распределить выгоды от цифровизации.

В качестве новых направлений исследования влияния цифровой экономики на устойчивое развитие и занятость населения можно выделить следующие: распределение занятости и доходов в межстрановом, страновом и региональном масштабах; описание «цифровых профилей» достойного труда; модернизация систем социальной защиты в «цифровом мире»; обеспечение устойчивости гендерного равенства в сфере занятости; новый баланс в системе отношений «работник — работодатель».

Библиографический список

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». 2017. URL: <http://docs.cntd.ru/document/436754837> (дата обращения: 24.11.2018).
2. World Social Protection Report 2017–19. 2017. Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals. Geneva: ILO.
3. Non-standard forms of employment: recent trends and future prospect. 2017. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions // Background paper for Estonian Presidency Conference 'Future of Work: Making It e-Easy', 13–14 September.
4. Agrawal A., Horton J., Lacetera N., Lyons E. 2015. Digitization and the Contract Labor Market: A Research Agenda // Economic Analysis of the Digital Economy / eds A. Goldfarb, Sh. M. Greenstein, and C. E. Tucker. URL: <http://www.nber.org/chapters/c12988> (дата обращения: 24.11.2018).
5. Цифровая экономика: краткий статистический сборник. 2018. Москва, НИУ ВШЭ.

Ушанков В. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
v.ushankov@spbu.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ВАРИАНТ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВЕКОВ

Аннотация: В данном исследовании излагается мысль о том, что российская экономическая мысль, вопреки распространенным утверждениям, на рубеже XIX и XX столетий могла занимать значительное место в мировой науке. Обладая методологической самостоятельностью, отечественная наука на рубеже XX в. смогла предложить свой, отличный от европейского, неоклассического, вариант модификации экономической теории. Отечественными экономистами была предложена объединительная теория ценности, объединявшей в себе субъективистское и объективистское начала.

Ключевые слова: теория ценности, объединительная концепция, теория синтеза, классическая политическая экономия, субъективистское направление в науке, русская экономическая школа.

Ushankov V. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

DOMESTIC VARIANCE OF ECONOMIC THEORY MODERNIZATION PROPOSED AT THE TURN OF THE XIX AND THE XX TH CENTURIES

Abstract: This study expresses the idea that Russian economic thought, contrary to popular claims, at the turn of the 19th and 20th centuries, could occupy a significant place in world science. Possessing methodological independence, domestic science at the turn of the 20th century, was able to offer its own, different from European, neoclassical, version of the modification of economic theory. Domestic economists have proposed a unifying theory of value, which combined in itself the subjectivist and objectivist principles.

Keywords: value theory, unifying concept, synthesis theory, classical political economy, subjectivist trend in science, Russian economic school.

Одним из путей преодоления современного кризиса теоретической экономической науки, о котором пишут многие авторы, может быть обращение к фундаментальным основаниям самой науки. Фундаментальные вопросы экономической науки продолжают быть той сферой, в которой может быть обнаружен живительный источник ее модернизации.

Фундаментальным вопросом экономической науки всегда была и остается теория ценности. Очевидно, что большинство явлений хозяйственной жизни и науки о ней имеет ценностное или стоимостное содержание. Результат оценки вещей (ценность), выраженный количественно в деньгах, — это то принципиальное, что вообще отличает экономическую науку от других сфер жизнедеятельности человека. Соответственно, от того, как складываются теоретические представления о ценности, зависит само строение экономической науки.

Исторически постсмитовский период развития экономической науки, вплоть до конца XIX и XX столетий, представляет собой развитие двух конкурирующих между собой фундаментальных направлений. Два научных направления — две принципиальные позиции в отношении природы и содержания ценности, две фундаментальные экономические теории. В одном направлении в основу теоретической конструкции кладется субъективистская трактовка ценности, определяемая со стороны субъективистских оценок полезности благ (маржинализм). В другом, классическом направлении науки кладется объективистское представление о природе ценности. Отличительной особенностью объективистского подхода к результату оценки полезности вещей (ценность) выступает то, что здесь при определении ценности вещей обязательно присутствует учет общественного фактора. Издержки или затраты так или иначе предполагают их рассмотрение как части общественных затрат. Иными словами, ценность и ее

денежное выражение — цена органически увязываются с общественным процессом производства. Это последнее (объективистское) направление в экономической науке получило название классического направления.

Итак, постсмитовский период развития экономической науки предстает как два развивающихся теоретических направления, каждое из которых исходит из своего представления о природе и содержании явления ценности. Это две принципиальные теории ценности, в которых оценка полезности благ происходит либо с субъективистских, либо с объективистских позиций. Очевидно, что дальнейший путь развития экономической науки не мог не пойти по пути сближения субъективистских и объективистских начал в определении ценности.

1. *Неоклассический вариант.* В современной литературе сложилось устойчивое представление о том, что модернизация экономической в направлении объединения двух начал в теории ценности имеет единственное решение — неоклассический анализ. Предложенная А. Маршаллом модель взаимодействия спроса, предъявляемого со стороны субъекта, и предложения, имеющего «объективное» основание, действительно решает проблему синтеза двух начал в теории ценности (цены). Отличительной особенностью неоклассического варианта решения проблемы объединения субъективных и объективных начал служит то, что объединение это исходит из признания примата субъективизма в оценках полезности вещей. «Объективность» оценок здесь условна. Оценки ценности ресурсов со стороны производителя на самом деле имеют субъективистскую природу.

2. *Марксистский вариант.* Одновременно с неоклассическим синтезом в конце XIX столетия проявился марксистский вариант объединения субъективизма и объективизма в теории ценности. Марксизм, как продолжатель классической традиции в экономической науке, решает проблему синтеза исключительно на основе объективистской теории трудовой стоимости. Марксизм с его абсолютизацией объективного трудового начала в определении ценности (стоимости) принципиально исключил возможность учета так называемого психологического фактора в определении ценности. Это принципиальная позиция марксизма, несмотря на то, что превращенная форма ценности — цена производства, допускает «психологизм». Цена производства в обществе определяется как итог двух видов конкуренции. В результате внутриотраслевой конкуренции складывается рыночная цена товара. В результате межотраслевой конкуренции складывается общественная цена, или «цена производства».

3. *Отечественный вариант модернизации.* Практически сразу же наряду с неоклассическим и марксистским вариантами синтеза субъективного и объективного начал в теории ценности появился еще один, менее известный, вариант ее модернизации. Речь идет о варианте модернизации, предложенном отечественными экономистами.

Ярчайшим представителем новаторского направления в экономической науке, заслужившим мировой известности, стал русский экономист М. И. Туган-Барановский. Он был первым кто предложил теорию объединения субъективных оснований оценки предельной полезности благ с объективными основаниями ценности — издержками труда.

В статье, вышедшей в 1890 г., «Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причина их ценности» Туган-Барановский сформулировал теорему, согласно которой при оптимальном распределении ресурсов устанавливается количественное соотношение трудовых затрат на производство вещи и результата ее субъективной оценки [1]. Согласно этой теореме, результат оценки полезности вещи находится в зависимости от ее количества, само же это количество находится в прямой зависимости от объема затраченного труда на ее производство. Теорема Туган-Барановского распадается на две части. Одна часть теоремы гласит о том, что субъективная оценка полезности блага (субъективизм) находится в зависимости от его количества (предельный анализ). Вторая часть теоремы Туган-Барановского ставит количество, от которого зависит субъективная оценка блага, в зависимость от объема затраченного труда на его производство (объективность).

Таким образом, открытый Туган-Барановским закон пропорциональности трудовых затрат и предельных полезностей воспроизводимых благ, по существу, представляет собой отличный от неоклассического вариант синтеза трудовой и предельной ценности. В этом варианте синтеза, осуществленного на классических (объективистских) основаниях, решающим фактором

оценки ценности вещей выступает общественное производство. Так называемые субъективистские, или, в терминологии русской школы, «психологические», оценки полезности благ предстают лишь как дополнение к объективно-общественному, затратному подходу в определении ценности. Вариант объединительной теории, предложенный Туган-Барановским, отличается также от марксистского, так как у него субъективное и объективное начала выступают самостоятельными равноценными факторами ценности.

Подобного подхода к пониманию теории ценности, объединяющей субъективные и объективные начала, придерживалось большинство отечественных экономистов (С. Франк, М. И. Туган-Барановский, В. Дмитриев, В. П. Струве, П. Маслов и др.). Одним из первых кто воспринял и поддержал теорию синтеза Туган-Барановского, был русский экономист Н. Дмитриев, который в «Экономических очерках» предложил математическую интерпретацию «органического синтеза» теории предельной полезности и теории издержек производства. В 1902 году теория синтеза, сформулированная Туган-Барановским, дополняется ее математическим обоснованием Н. Столяровым [2].

Были и критики этой концепции. Так, Н. И. Бухарин в приложении к книге «Политическая экономия рантье», имеющем название «Теоретическое примиренчество (Теория ценности г. Тугана-Барановского)», вышедшей в 1919 г., в качестве критических замечаний к теореме Туган-Барановского замечает, что Туган в своей теории не учитывает того, что трудовая стоимость может быть представлена только как *общественная* категория, а не как отдельного хозяйства [3].

На самом деле эти критические замечания Бухарина не имеют под собой оснований. Как показало дальнейшее развитие теоремы Туган-Барановского в отечественной экономической литературе, на это замечание был дан ответ. Его дал замечательный русский экономист Петр Павлович Маслов.

Концепция Маслова занимает особое место в объединительной концепции, примеряющих субъективные и объективные начала в теории ценности и цены. В его концепции особенно ярко проявилась методологическая особенность, отличающая отечественную экономическую науку — «классическое» понимание хозяйства, взятого в целом. У Маслова объединительная концепция теорий ценности, рассматривается как органическое взаимодействие труда и субъективной оценки полезности, но с существенным добавлением: это взаимодействие происходит на уровне действия законов общественного производства, распределения и перераспределения.

Критикуя австрийскую школу маржинализма, Маслов указывает, на то, что эта школа «при анализе экономических явлений встала на точку зрения лавочника и, вместо того чтобы анализировать общественное хозяйство, общественное производство, рассматривает экономические явления с частнохозяйственной точки зрения. Это привело ее к бесплодной попытке определять ценность продуктов настоятельностью потребностей или предельной полезностью» [4]. Да, пишет далее, Маслов, принцип настоятельности потребностей или предельной полезности имеет важное значение в распределении производительных сил хозяйства между различными отраслями труда. Но все же относительная ценность различных продуктов по отношению друг к другу (ценность) определяется затратами труда на их производство. Иными словами, степень удовлетворения каждой потребности (субъективизм) определяется не только настоятельностью в вещи, т. е. предельной полезностью, но также и наличными производительными силами, или теми затратами труда, которые требуются для производства продуктов.

Значительное место в ряду сторонников объединительной теории или теории синтеза, осуществляемого на основе классических традиций, занимает Петр Бенгардович Струве. В своих изысканиях в книге «Хозяйство и цена» Струве доводит идею синтеза до выражения ее в конкретном механизме. Цена, определяемая эмпирическим путем в рыночной ситуации обмена, есть выражение ценности вещей, а не наоборот. В этой идее, не получившей должного внимания в отечественной экономической науке, на самом деле выражается одна из идей, раскрывающих суть современного анализа ценности и цены. Суть состоит в том, что современная цена представляет собой общественный норматив меновых отношений. Норматив, вбирающий в себя все многообразие нерыночных обстоятельств установления цены.

В заключение следует заметить, что, к сожалению, отечественный вариант модернизации экономической теории — объединения субъективистских и объективистских оснований на основе «классической» традиции, в силу идеологических причин не получил своего должного развития. В России господствующим направлением в экономической науке стал марксизм, — социологическая версия классического направления в науке.

Библиографический список

1. *Туган-Барановский М. И.* 1890. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причина их ценности // Юридический вестник. Т. 6, кн. 2.
2. *Столяров Н. А.* 1902. Аналитическое доказательство предложенной г. Туган-Барановским политико-экономической формулы: предельные полезности свободно производимых продуктов пропорциональны их трудовым стоимостям. Киев.
3. *Бухарин Н. И.* Приложение. 1988. Теоретическое примиренчество (Теория ценности г. Тугана-Барановского) // Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. 4-е изд., стер. М.: Орбита.
4. *Маслов П.* 1910. Теория развития народного хозяйства. Введение в социологию и политическую экономию. СПб. С. 125.

Яковлева Е. Б.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.b.yakovleva@spbu.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: Задачей данного исследования является определение роли массовой трудовой миграции в экономическом развитии национальной экономики на примере Российской Федерации. Ключевой проблемой является оценка экономического эффекта привлечения трудовых мигрантов для экономики стран-реципиентов, определение доли ВВП, создаваемой мигрантами. Раскрывается влияние легальной и нелегальной миграции на формирование доходов и расходов консолидированного государственного бюджета, а также уклонение от установленных платежей частью иностранной рабочей силы, представляющей теневую экономику. Отрицательным фактором являются массовые переводы денежных средств в страны основного пребывания мигрантов, что снижает эффективность использования ВВП внутри национальной экономики. Показаны причины низкой эффективности использования труда мигрантов, отмечена пассивная роль государства в регулировании потоков мигрантов. Предложены направления работы, устраняющей перечисленные недостатки.

Ключевые слова: экономические следствия миграции, доходы и расходы бюджета, издержки привлечения миграции, теневой сектор.

Yakovleva E. B.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE EFFECTIVENESS OF THE USE OF FOREIGN LABOR IN THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract: The purpose of this study is to determine the role of mass labor migration in the economic development of a recipient country using the example of the Russian Federation. The key issue is the assessment of the economic effect of attracting labor migrants for the economies of the recipient countries, determining the share of GDP created by migrants. It reveals the impact of legal and illegal migration on the formation of revenues and expenditures of the consolidated state budget, as well as evasion from established payments by a part of foreign labor representing the shadow economy. A negative factor is the massive transfer of funds to the main countries of residence of migrants, which reduces the efficiency of the use of GDP within the national economy. The reasons for the low efficiency in the use of migrant labor are identified, and the passive role of the state in regulating migrant flows is noted. Proposed areas of work, eliminating the listed disadvantages.

Keywords: economic consequences of migration, budget revenues and expenditures, costs of attracting migration, the shadow sector.

Использование труда иностранной рабочей силы в российской экономике вызвано несколькими объективными причинами: во-первых, в результате сложной демографической обстановки, резкого снижения рождаемости в 1990-е годы, значительно снизилась численность работающих: с 75 325 млн (1990 г.) до 72 065 млн чел. в 2016 г., т. е. на 3,2 млн чел. [1; 2]. Во-вторых, происходит старение населения, следовательно, за счет увеличения на 10 млн численности лиц пенсионного возраста возросла необходимость их пенсионного обеспечения в старости. В-третьих, в некоторых отраслях экономики сохранились преимущественно экстенсивные формы производства, которые требуют «дополнительных рук» с низким уровнем квалификации, и соответствующим уровнем оплаты труда, на которые российские граждане идут неохотно. Технологический прорыв осуществляется только в некоторых, наиболее перспективных отраслях, а в большинстве направлений увеличение объемов производства продукции происходит за счет увеличения численности занятых. В-четвертых, приток дополнительной рабочей силы возможен в основном за счет привлечения мигрантов из республик Центральной Азии, Белору-

си, Молдовы и Украины. Это вызывает определенную социальную напряженность в обществе, но, в тоже время бизнес охотно идет на наем таких работников — в силу, с одной стороны, их дешевизны, с другой стороны, их юридического бесправия и экономической зависимости от работодателя.

Сложившаяся система экономических отношений создает определенное противоречие между микро- и макроэкономическими интересами в экономике. На уровне первичного звена, бизнеса, существует стремление к снижению затрат за счет более дешевой рабочей силы. В то же время это приводит к снижению качества продукции и, как следствие, к снижению ее конкурентоспособности из-за низкого технического уровня производства. В масштабах всей экономики, на макроуровне, это отрицательно отражается на технико-технологическом уровне отдельных предприятий, приводит к низкой производительности труда и эффективности производства, а также к недостаточному внедрению инноваций в масштабах всей экономической системы. Кроме того, миграционный приток рабочей силы в Россию индуцирует возникновение множественных макроэкономических дисфункций: 1) бурный расцвет теневой экономики; 2) потери бюджетных средств всех уровней из-за того, что нелегальные мигранты не покупают патенты, не перечисляют налоги в доходную часть бюджетов; 3) значительный отток финансовых ресурсов из страны в качестве переводов мигрантов (т.е. реальная потеря части ВВП в результате межстрановых переводов) и пр.

Данные противоречия негативно отражаются на общей эффективности функционирования экономики, что проявляется в частности, в недостаточном росте производительности труда и доли ВВП, производимой одним работающим. Кризисная ситуация в российской экономике и ужесточение миграционных правил регистрации (покупка патентов, сдача экзаменов по некоторым предметам, необходимость получения медицинской справки) усложняет возможность легального пребывания мигрантов на территории нашей страны, и их численность убывает. Так, в 2015 г. было оформлено 214,5 тыс. разрешений на работу, а в 2016 г. — всего 149,0 тыс. таких разрешений, в 2015 г. оформлено 1788,2 тыс. патентов, а в 2016 г. — 1510,3 тыс. [3]. Если учесть, что в 2016 г. ВВП в российской экономике (в рыночных ценах) составил 86 044 млрд руб. при среднегодовой численности занятых в 68 430 тыс. чел., при этом если численность мигрантов, занятых официально экономической деятельностью составляет 2,46 % от общей численности занятых, то доля ВВП, производимая легальными мигрантами, составляет 2 116,68 млрд рублей.

В данном случае учитываются объемы ВВП, произведенные только официально занятыми мигрантами. Проблема состоит в том, что основная часть иностранной рабочей силы трудится нелегально и определить ее численность весьма проблематично. Оценки общей численности нелегальных мигрантов варьируют от 1,5 до 15 млн. Наибольшее доверие в данном вопросе вызывает мнение К. Ромодановского (возглавлявшего Федеральную миграционную службу до 2017 г.). Он оценивал в 3 млн чел. численность нелегальных мигрантов. В таком случае численность легальных и нелегальных мигрантов составит 4687,3 тыс. чел., доля работающих мигрантов в общей численности занятых будет равна 6,5 %. Исходя из того, что ВВП в 2016 г. составил 86 044 млрд руб., за счет использования иностранной рабочей силы было получено дополнительно 5592,8 млрд руб., что составляет 6,5 % от всего ВВП России.

Необходимо отметить, что существует ряд негативных моментов, которые значительно уменьшают роль иностранной рабочей силы в создании ВВП России.

Во-первых, это трансграничные переводы работающих мигрантов в страны своего исхода. Если преобразовать трансграничные переводы [4] из долларового в рублевое измерение (по среднегодовому курсу 2016 г.: один руб. — 67,03 доллара), то получится 493 млрд рублей, что составляет 0,57 % от ВВП страны. В данном случае учитываются только официально произведенные переводы денежных средств, но не подлежат статистическому учету вывозимые наличными денежные средства. Поскольку дальнейшие расчеты мы ведем относительно основной массы мигрантов приезжающих из стран СНГ и работающих по патентам, то и переводы следует учитывать в страны ближнего зарубежья, которые составляют 76 % от общей суммы перечислений. В таком случае рублевый эквивалент перемещения денежных средств будет равен

375 млрд руб., что составляет 0,43 % ВВП. Это достаточно серьезная утечка денежных средств, влияющая отрицательно на внутреннее потребление.

Во-вторых, в результате правонарушений, часть мигрантов высылается в страны своего исхода. В 2016 г. из России было выдворено 60 042 тыс. иностранных граждан. По мнению К. Ромадановского, депортация одного мигранта обходится в 1000 долл., т. е. в 67 030 тыс. руб. (по курсу 2016 г.) Общая сумма ущерба в таком случае составляет более 4033,6 млн руб., т. е. 0,03 % от суммы доходной части госбюджета, так как расходы на высылку незаконопослушных граждан вынуждено брать на себя государство через свои исполнительные органы.

В-третьих, определенный ущерб бюджетам различных уровней наносят нелегальные мигранты, которые не приобретают патенты и не платят никаких налогов. Данные потери можно назвать потенциальными, но это, безусловно, наносит экономический ущерб государству. Стоимость патента отличается по различным регионам России. Она колеблется от 1948 руб. до 8762 руб. Так, например, в Москве и Московской обл. патент стоит 4000,05 руб., в Санкт-Петербурге и Ленинградской обл. — 3000,04 руб., в Ямало-Ненецком АО — 6634,33 руб. [5]. Его средняя величина составляет примерно 3000 руб., так как большая часть иностранной рабочей силы сосредоточена в центральной части страны, где более умеренная плата за приобретение патента, чем в районах крайнего Севера. Доходы бюджетов региональных уровней (которые входят в консолидированный бюджет), составляют 4630 млн руб., а потери — 9000 млн руб., что составляет потенциальные потери, равные 0,06 % от суммы доходов консолидированного бюджета.

В-четвертых, мигранты, работающие легально, должны ежемесячно выплачивать налог на доходы физических лиц в виде фиксированных авансовых платежей с доходов. Сумма таких платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации поступила на сумму 45,9 млн руб. [6], т. е. 0,00016 % от консолидированного бюджета РФ, доходная часть которого в 2016 г. составила 28 182 млрд руб. В таком случае на один патент налоговые выплаты составят в среднем 29747 руб. в год. Учитывая количество нелегальных мигрантов, потенциальные потери консолидированного бюджета равны в 2016 г. 89,25 млрд руб., или 0,31 % доходной части данного бюджета.

Приведенные расчеты показывают, что эффективность использования внешней трудовой миграции в отечественной экономике крайне низка. Помимо социальной напряженности в обществе, возникают отрицательные экономические эффекты в виде утечки части ВВП посредством трансграничных переводов иностранными работниками, формирование части теневой экономики (в ряде случаев с криминальным характером), уменьшаются выплаты в государственный и местные бюджеты в результате использования нелегальных мигрантов, что отрицательно сказывается на финансовых возможностях национальной экономики.

Анализ данных по видам экономической деятельности, в которых существуют вакантные рабочие места, и по сферам реального применения труда мигрантов наглядно показывает имеющиеся диспропорции. Например, в 2016 г. на заявленные в строительстве 15,0 тыс. свободных рабочих мест, нашли работу 163,3 тыс. мигрантов, в оптовой и розничной торговле требуется 38,7 тыс. работников, трудоустроились 352,6 тыс. приезжих. Подобные диспропорции характерны для многих отраслей экономики. Причиной сложившегося положения является отсутствие своевременной информации у большинства мигрантов, в результате чего их трудоустройство идет стихийно, что существенно снижает эффективность их использования.

Решение данных проблем заключается в том, что государство практически самоустранилось от какого-либо регулирования дополнительной рабочей силы, поступающей на рынок труда. Проблема с нелегальной трудовой миграцией, заключается в том, что значительная часть приезжих не может разобраться в постоянно изменяющихся законах, регулирующих данную сферу деятельности. Сдача экзаменов, предусмотренная законом, покупка патента и ежемесячная выплата налогов, становятся для них чрезвычайно обременительными, им проще «уйти» в теневой бизнес. Продуманное регулирование данной сферы деятельности могло бы значительно повысить ее эффективность.

Библиографический список

1. Российский статистический ежегодник. 2016. М.: Росстат. С. 31. URL: http://www.geosnews.ru/doc/2016_RF_Statistic.pdf (дата обращения: 10.09.2018).
2. Российский статистический ежегодник. 2017. М.: Росстат. С. 49. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (дата обращения: 10.09.2018).
3. Статистика ФМС за 2016 и 2015 гг. по миграционной ситуации в России. URL: <https://yamigrant.ru/svodka-po-migratsionnoj-situatsii-v-rossii-za-2016-god.html> (дата обращения: 09.10.2018).
4. Данные ЦБ по переводам трудовых мигрантов. www.cbr.ru URL: <http://www.cbr.ru/statistics/Default.aspx?Prtid=tg> (дата обращения: 09.10.2018).
5. Размеры фиксированных авансовых платежей по НДФЛ для мигрантов в 2016 г. по регионам. URL: <http://legallabor.ru/sobytiya-i-informatsiya/40-razmery-fiksirovannogo-avansovogo-platezha-po-ndfl-ezhemesyachnaya-plata-za-patent-dlya-inostrannykh-rabotnikov-v-2016-godu> (дата обращения: 13.12.2018).
6. Начисление и поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет России (Форма № 1-нм) 1nm010117.xls. URL: https://www.nalog.ru/rn08/related_activities/statistics_and_analytics/forms/6772396 (дата обращения: 01.10.2017).

Раздел 2

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Батаева Б. С.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский пр., 49
BBataeva@fa.ru*

РАЗВИТИЕ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Аннотация: В статье рассматривается использование наделения акциями работников в российских компаниях. Приводится сравнение российской практики с зарубежным опытом в сфере демократизации акционерной собственности. Доказана недооценка значения участия работников в капитале и в управлении как инструмента мотивации работников в российской практике. Предложено использовать зарубежный опыт участия менеджеров среднего звена и рядовых работников в капитале компаний.

Ключевые слова: корпоративное управление, участие работников в капитале, участие в прибыли, акционерная собственность работников, долгосрочные программы мотивации работников.

Bataeva B. S.

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993,
Russian Federation*

DEVELOPMENT OF EMPLOYEE FORMS OF OWNERSHIP AS A FACTOR OF OVERCOMING SOCIAL INEQUALITY

Abstract: In this article the usage of shares allocation to employees is considered. The comparison of the Russian practice to the international experience in the sphere of democratization of joint-stock ownership is conducted. The underestimation of value of employee participation in the company's capital and governance as a tool of motivation in Russian practice is proved. The proposal to use the international experience of middle management and ordinary workers participation in the company's capital is presented.

Keywords: corporate governance, Employee Financial Participation, Employee Stock Ownership Plans, long-term employee motivation programs.

В последние годы в стране наблюдается устойчивый рост расслоения населения. На фоне ухудшения экономической ситуации, во многом связанном с западными санкциями, растет социальная напряженность в обществе. В стране высока доля бюджетной сферы, в которой задействована большая часть трудоспособного населения страны. Работники общественного сектора в России получают в среднем на $\frac{1}{3}$ меньше, чем в коммерческом секторе. Президент поставил задачу правительству повысить уровень доходов бюджетной сферы, однако с учетом инфляции их доходы остались на уровне 2012 г. Еще одной проблемой является эффективность расходования ресурсов в сферах, связанных с предоставлением общественных благ. В погоне за повышением эффективности расходования бюджетных ресурсов в сфере образования и здравоохранения, культуры и спорта, в этих отраслях социальной сферы произошло снижение объема и качества услуг, предоставляемых государственными учреждениями.

Другой важной проблемой, которая недостаточно активно обсуждается отечественным экспертным сообществом, является развитие отношений собственности. Она связана с решением проблемы социализации экономики (перехода от экономических критериев оценки развития

к качественным), повышения эффективности работника наемного труда, снижения конфликта между трудом и капиталом.

В настоящее время наделение акциями и опционами руководящих работников компаний в рамках долгосрочных программ мотивации используется активно в российской практике. Однако вопросам участия работников в акционерном капитале не уделяется достаточно внимания как на практике, так и в научных публикациях.

За рубежом развитие собственности работников имело несколько целей. Политическая цель — развитие коллективных форм хозяйствования с целью снижения дисбаланса в распределении материальных благ, грозящих социальными потрясениями. Создание предприятий с собственностью работников повышало разнообразие присутствующих форм собственности в экономике и позволяло проводить деконцентрацию капитала с выгодой как для работников, так для собственников бизнеса и государства. Экономическая цель, которую также преследовали авторы первых программ участия работников в собственности, заключалась в повышении производительности труда за счет участия работников в собственности. Одними из авторов, первыми разработавшими и применившими планы создания акционерной собственности работников (ИСОП, ESOP), считают американцев Келсо Луиса и его жену Патрицию. Их работы увидели свет в 50-х и 60-х годах XX в. [1]. А в 1970 г. ими была создана компания для по консультированию предприятий, применяющих ИСОП. В настоящее время различают три способа участия работников в управлении компанией: система консультаций; участие в принятии решений (кодeterminация) и участие в капитале [2].

По некоторым оценкам собственность работников распространена более чем в 70 странах. На этом фоне Россия выглядит весьма скромно. Возможно, отчасти по причине того, что в современной истории капитал еще не имел серьезных конфликтов и не расценивал труд как угрозу своей безопасности.

Еще одним из современных инструментов снижения конфликта между трудом и капиталом является идея (концепция) корпоративной социальной ответственности, которая появилась примерно в те же годы. Согласно этой концепции компании принимают на себя повышенные обязательства сверх законодательных в социальной и экологической сферах, с целью решения проблем общества. Данная концепция прочно вошла в практику не только зарубежных, но и российских компаний. Большинство крупных российских компаний выстраивают свою деятельность в соответствии с международным стандартом в области социальной ответственности ISO 26000 и его отечественным аналогом ГОСТ Р ИСО 26000. Однако демократизация собственности как один из инструментов социальной ответственности бизнеса практически не обсуждается.

Участие работников в капитале в настоящее время развито в Европе, США, азиатских странах. Самое проработанное законодательство участия работников в управлении действует в Германии с 1952 г. Совет Европы, основываясь на опыте Германии, выпустил несколько рекомендаций членам Евросоюза о содействии планам участия работников в капитале и в управлении [3]. В США в настоящее время число компаний с участием работников в акционерном капитале превышает 9 тыс., из них 700 компаний полностью принадлежат работникам. Это преимущественно небольшие и средние корпорации, их доля составляет 85 % от всех компаний, использующих ИСОП.

Аналогичная ИСОП программа «Машикабукай» используется в Японии. Доля участия работников в капитале японских компаний составляет не более 15 %, а охват достигает 50 % работников [4, с. 72]. В Китае также распространено владения коллективами сотрудников полностью или частично акционерным капиталом фабрик и заводов. Это было начато Дэн Сяо Пином на XVI съезде коммунистической партии. При сохранении контроля над стратегически важными предприятиями, большая доля малых и средних предприятий была приватизирована, из них многие акционированы с помощью работников. Модель экономики, построенная в Китае, называется «рыночный социализм». Распространена собственность работников и в Южной Корее. И хотя собственность работников не панацея, тем не менее зарубежный опыт доказывает целесообразность ее использования для отдельных компаний.

В России участие работников в управлении представлено значительно слабее. Но процесс переоценки роли человека поднимает вопрос использования участия работников в капитале и в управлении как важного фактора повышения мотивации работника. Правительство ставит задачу уйти от экономики бюджетников. Однако оно не способствует развитию собственности работников. Инсайдерская модель корпоративного управления, сложившаяся в стране и представляющая собой объединение интересов менеджеров и ключевых акционеров, приводит к конфликту интересов работников. Это выливается в неравномерное распределение доходов акционерных частных и государственных компаний. Разница доходов руководства и рядовых работников превышает 100 раз. Опыт народных предприятий, существовавших в организационно-правовой форме ЗАО, не востребован. А сами они поставлены вне закона с принятием поправок в ГК РФ от 01.09.2014.

Развивается наделение акциями в российской практике, как правило, по отношению к топ-менеджменту. Исключение составляют несколько передовых российских компаний и дочерние структуры западных компаний, банков. Среди российских компаний ПАО «МТС» применяет квазиказначейские акции в опционных программах. Если раньше программа вознаграждения включала исключительно топ-менеджмент, то сейчас затрагивает более пятисот сотрудников. АФК «Система» использует опционные программы не только для топ-менеджмента, но и для менеджеров среднего звена, включая менеджеров дочерних компаний. Яндекс использует опционную программу для талантливых сотрудников. Под нее было зарезервировано 10 % акций компании, программа распространяется на 17 % сотрудников от общего штата корпорации. Переход на новую поощрительную систему планирует и Mail.ru Group. В целом в России программы участия работников в собственности используются преимущественно в технологическом секторе. По данным исследований Минкомсвязи, из 100 российских компаний, принявших участие в опросе, 22 % предоставляют сотрудникам акции и опционы (не проводилось разграничение топ-менеджмента и рядовых сотрудников). Для сравнения, в США, по данным обзора CompStudy 2012, более 90 % непубличных технологических компаний вознаграждают своих сотрудников акциями/опционами [5].

Заключение. Таким образом, наделение работников акциями постепенно входит в российскую практику. Развивается вовлечение работников в капитал компаний путем наделения их акциями. В этом вопросе страна существенно отстает от развитых стран и стран с развивающимися экономиками. Их опыт, в частности Китая, требует серьезного изучения. Возможно, что кризисные явления в экономике будут способствовать проявлению политической воли для решения вопроса привлечения работников к управлению и к участию в акционерном капитале компаний.

Библиографический список

1. Келсо Л. О., Келсо П. Х. 2007. Демократия и экономическая власть. Сан-Франциско: Институт Келсо по изучению экономических систем.
2. Батаева Б. С. 2016. Перспективы участия работников в корпоративном управлении и капитале российских компаний // Экономические системы. № 4. С. 67–71.
3. Чувелева Е. А. 2016. Анализ зарубежного опыта социализации капитала // Журнал экономической теории. № 4.
4. Васильев О. В. 2011. Особенности участия работников в управлении прибылью корпорации в России и за рубежом // Вестник Челябинского государственного университета. № 32 (247). С. 65–74.
5. Программы вознаграждения сотрудников акциями/опционами в российской технологической индустрии. 2014. Rusbase, Ernst & Young, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-esop-report-2014-rus/\\$FILE/EY-esop-report-2014-rus.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-esop-report-2014-rus/$FILE/EY-esop-report-2014-rus.pdf) (дата обращения: 22.12.2018).

Белоусов К. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
k.belousov@spbu.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ КАК НОВЫЙ ВЫЗОВ УСТОЙЧИВОСТИ БИЗНЕСА

Аннотация: В статье рассматривается переход к цифровой экономике, а также те трансформации рынка труда, которые он вызовет. Приводятся статистические данные относительно состояния рынка труда России в 2018 г. Делаются выводы о его устойчивости, стабильности и инертности. Исследуется проблема определения понятия «цифровая экономика». Автором рассматриваются новации, которые характерны для эпохи цифровой экономики и четверной индустриальной революции (Industry 4.0). Также в статье приводятся положительные и отрицательные тенденции, которыми будет характеризоваться рынок труда цифровой экономики. Автором делаются выводы относительно того, какие корпоративные риски устойчивости бизнеса могут возникнуть в результате перехода к цифровой экономике.

Ключевые слова: рынок труда, цифровая экономика, корпоративная устойчивость, цифровая корпорация, цифровая революция.

Belousov K. Yu.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE LABOR MARKET TRANSFORMATION IN THE PROCESS OF TRANSITION TO THE DIGITAL ECONOMY AS A NEW BUSINESS SUSTAINABILITY CHALLENGE

Abstract: The article discusses the transition to a digital economy, as well as the transformation of the labor market that it will cause. The article shows statistical data of the Russian labor market in 2018. The author makes conclusions about the stability and inertia of the Russian labor market. The article explores the term “digital economy”. The author considers the trends that are typical for the era of digital economy and The Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0). The article also provides positive and negative trends that will characterize the digital economy’s labor market. The author draws conclusions which corporate risks of business sustainability may arise as a result of the digital economy transition.

Keywords: labor market, digital economy, corporate sustainability, digital corporation, digital revolution.

Изменения, происходящие в современной экономике, ее цифровизация и глобализация оказывают существенное влияние на изменение рынка труда, приводя к его глубокой трансформации. Переформатирование рынка труда не ограничивается тем, что технологическая и структурная безработица сменяется появлением новых профессий, оно носит широкий характер: меняется сам уклад трудовых и социально-экономических отношений, изменяются понимание времени и расстояния.

Важным аспектом современной экономической науки является осознание самой природы цифровой экономики, не только формулирование общепринятого определения данного термина (что еще не было сделано), но и понимание ее сущности — как нового технологического уклада, как только приходящей (или давно пришедшей) социально-экономической парадигмы, как постиндустриальной информационной революции, затрагивающей (или уже затронувшей) все области человеческой жизни и взаимоотношений, неотъемлемой частью которых являются экономика и труд.

В настоящее время, согласно последнему докладу Всемирного Банка по России, рынок труда страны можно охарактеризовать следующими особенностями и трендами, определяющими его относительную устойчивость. Прежде всего, следует отметить тот факт, что уровень занятости остается на высоком уровне, в то время как безработица близка к минимально возможной. В период с сентября 2017 по сентябрь 2018 г. численность занятых увеличилась на 200 тыс.

человек и составила 73,2 млн. Согласно результатам исследования, высокий уровень занятости в сочетании с продолжающимся сокращением численности населения трудоспособного возраста привел к снижению уровня безработицы. За год она сократилась с 5,2 % до 4,6 %. При этом структура безработицы осталась прежней. Гендерные различия безработицы не изменились: безработица среди женщин примерно на 0,3 % ниже, чем среди мужчин. Существенная часть безработицы по-прежнему носит долгосрочный характер: 30 % безработных ищут работу год и более. При этом соотношение вакансий к общему количеству рабочих мест выросло с 2,7 до 3 % [1].

Из этого можно сделать вывод о том, что рынок труда в Российской Федерации достаточно устойчив, стабилен и инерционен. Незначительное число новых вакансий не позволяет говорить о структурной перестройке экономики в пользу «цифровых» специальностей, а рост занятости — о наличии явной технологической безработицы. Высокий уровень занятости обусловлен падением реальных доходов населения и девальвацией рубля, который с 2014 по конец 2018 г. подешевел в два раза. Резко подорожавший импорт оказал существенное влияние на инфляционную картину 2015 г., существенно изменив сложившиеся отношения доходов и расходов населения. Возникшая экономическая ситуация в больших городах уничтожила класс рантье и дауншифтеров, заставив их выйти на работу в поисках дополнительных заработков. С тех пор радикальных изменений на рынке труда не происходило.

Если рассматривать долгосрочный период, то можно сделать предположение, что экономика России в целом становится все менее промышленно ориентированной. Санкт-Петербург, если брать его как пример, за последние тридцать лет лишился большого числа промышленных предприятий. Многие из них были доведены до состояния банкротства (Петербургский трамвайно-механический завод, Вагоностроительный завод им. И. Е. Егорова и т. д.), в отношении ряда других высказывались предложения о переносе их в Ленинградскую область. Мотиватором этих процессов чаще всего становилось расположение производств и возможность использования их территории для строительства жилых домов и организации торговых площадей. На данный момент ведущая роль промышленности в экономике Санкт-Петербурга утрачена. Пальма первенства сегодня принадлежит оптовой и розничной торговле, операциям с недвижимым имуществом (включая аренду), строительству, транспортным и телекоммуникационным услугам. Санкт-Петербург сегодня — это постиндустриальный город.

Является ли это началом цифровой революции или последствием перехода к развитой рыночной экономике с присущим ей превалированием сектора услуг? К сожалению, нет. Переход к цифровой экономике не обязательно повлечет за собой обвальную деиндустриализацию — возможно, совсем наоборот. Цифровая экономика, несмотря на всю размытость этого понятия, имеет три очевидные отличительные черты: глобализм, высокая доля нематериальных активов и сетевой характер [2].

Первое определение цифровой экономики в 1995 г. дал профессор Массачусетского технологического университета Николас Негропonte. Он полагал, что это процесс перехода от оперирования атомами, из которых состоит мир вокруг нас, к оперированию битами, из которых состоит мир внутри электронно-вычислительной машины. Материальные товары несовершенны: у них есть вес, объем, срок годности, им необходимы ресурсы — как для непосредственного производства, так и для хранения, транспортировки и даже потребления. Цифровая экономика и ее товары, с точки зрения Негропonte, были полностью лишены этих и многих других недостатков: вес занял объем данных, издержки на производство электронных товаров стремились к минимально возможному, хранение ограничивалось электронными носителями, а перемещение товаров через сеть Интернет оказывалось глобальным и мгновенным [3, с. 182].

В каком-то смысле расширил понимание цифровой экономики новый подход, получивший название «Интернет Вещей» (Internet of things; IoT), благодаря которому цифровая экономика перестала быть чем-то сугубо виртуальным. Основные его положения и первое определение были сформулированы в Массачусетском технологическом институте основателем исследовательского центра Auto-ID Квином Эштоном. Основой IoT становилось практически повсеместное внедрение радиочастотных меток с последующим объединением устройств и вещей в единую вычислительную сеть на базе постоянного Интернет-соединения.

В 2011 г. на Ганноверской ярмарке был популяризирован подход «Индустрия 4.0» (Industry 4.0; I4), состоящий из ряда рекомендаций федеральному правительству Германии по внедрению систем автоматизации в промышленности. «Умные фабрики» способны контролировать производственные процессы, создавать виртуальные копии окружающего их пространства и самостоятельно принимать децентрализованные решения. Данный подход расширил концепцию цифровой экономики на промышленные предприятия.

Современное понимание цифровой экономики стало более широким и одновременно размытым. Помимо электронных товаров Николоса Негропonte, умного интернет-дома Кевина Эштона и немецких фабрик четвертого поколения, в это понятие все чаще включаются и смежные рыночные сегменты, хоть сколько-нибудь связанные с цифровым пространством. Реальный сектор экономики, который раньше (сознательно или неосознанно) исключался, теперь рассматривается как один из основных драйверов цифровой трансформации. Предприятия торговли, перевозок, туризма и даже общественного питания все больше становятся интернет-компаниями. При этом цифровая трансформация не меняет сути конечных услуг. Вчерашние таксопарки превратились в Uber, Lyft, Gett и «Яндекс.Такси». Услуги их не изменились, но изменилась форма взаимодействия, оплаты, контроля и вовлеченности, менеджмента и формирования предприятий. Таким образом, сегодня в определение цифровой экономики оказываются включены практически все направления бизнеса, в основе которых лежат информационные технологии и телекоммуникации, независимо от отрасли [4].

Существующие социально-экономические отношения будут вынуждены подвергнуться существенной трансформации в процессе перехода к цифровой экономике. Необходимость изменений обуславливается характерными для эпохи цифровой экономики и четвертой индустриальной революции (Industry 4.0) тенденциями и новациями:

- Цифровые технологии в области блокчейн (blockchain), квантовых вычислений (quantum computing), 3D-печати, обработки сверхбольших массивов данных (big data), интернета вещей (internet of things или IoT), нейронных сетей (artificial neural networks) и т.д.
- Стремящаяся к абсолютной прозрачность бизнеса для общества.
- Превалирование мобильного трафика и мобильных приложений в области формирования информационных потоков.
- Распространение технологий виртуальной (virtual reality) и дополненной реальности (augmented reality).
- Автоматизация процессов.
- Качественный рост принимаемых бизнес-решений.
- Облачные (Cloud Computing) и туманные вычисления (Fog Computing).
- Переход к технологиям мобильности (SoLoMo: Social+Local+Mobile).
- Рост рациональности (логистики, использования экономических ресурсов и т.д.)
- Индивидуализация и кастомизация товаров и услуг.
- Абсолютизация роли гражданского общества.
- Устойчивое развитие и зеленая экономика как мировой приоритет.

Переход к цифровой экономике может привести к существенной трансформации рынка труда, поскольку, предположительно, будет характеризоваться следующими положительными и отрицательными тенденциями:

- Ростом роли фриланса и неформализованных трудовых отношений.
- Глобальной конкуренцией за рабочие места.
- Ростом человеческого капитала «цифровых» работников.
- Снижением заработной платы для дистанционных работников.
- Практически полным сокращением маятниковой миграции в больших городах.

- Повышением качества продукции и снижением издержек производства для компаний-нанимателей.
- Ускорением и глобализацией бизнес-процессов.
- Исчезновением большинства офисных профессий и самих офисов в современном понимании этого слова.
- Автоматизацией и адаптивностью процессов (например, логистики или системы умных контрактов).

Исходя из утвержденной в конце июля 2017 г. «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», можно сделать вывод о том, что Россию в ближайшие годы ждет цифровая революция. Стратегия предусматривает стимулирование развития восьми инновационных направлений, обладающих потенциалом трансформации экономики: госрегулирования, информационной инфраструктуры, исследования и разработок, кадров и образования, информационной безопасности, госуправления, умных городов и цифрового здравоохранения [5]. Интернет-пространство, онлайн-коммерция и реальный сектор экономики, социальные сети и гражданский контроль синергетически объединятся и перейдут в состояние цифрового общества. Эта трансформация по силе своих изменений будет сравнима с переходом от Web 1.0 к Web 2.0. Возможно, именно она станет воплощением того, что Тим О’Рейли (автор термина «Web 2.0») и имел ввиду под новой формацией «взаимодействия физического мира и Интернета» — глобальным переходом к Web 3.0.

Переход к цифровой экономике, формирование электронного гражданского общества, максимизация скорости и минимизация стоимости распространения информации, повышение прозрачности основной деятельности — все это формирует новые корпоративные риски устойчивости бизнеса. Ответом на них может стать прагматичный характер корпоративной стратегии управления, проявляющийся в повышении устойчивости бизнеса, его способности противостоять рискам и неожиданным изменениям, а также превентивная цифровизация собственного бизнеса. Компания, руководствующаяся этими принципами, получит конкурентное преимущество за счет аккумуляции нематериальных активов — репутационного, социального, и интеллектуального капиталов. Цифровая корпорация, исповедующая информационную открытость в области трудовых отношений, минимизирует риски, связанные с формированием лояльности бренду (brand loyalty), современного имиджа и положительных информационных потоков, увеличит капитализацию и улучшит свое восприятие среди заинтересованных лиц.

Библиографический список

1. Russia’s Economy: Preserving Stability, Doubling Growth, Halving Poverty — How? 40th issue of the Russia Economic Report (December 4, 2018). URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en /673631543924406524/RER-40-English.pdf> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Серяков А. В. 2012. Роль сетевого взаимодействия заинтересованных лиц в повышении корпоративной социальной ответственности // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. № 1. С. 12. URL: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2012/2012–1/18/18.htm>
3. Юмаев Е. А. 2017. Инновационно-промышленная политика в свете перехода к индустрии 4.0: Зарубежные тенденции и вызовы для России // Журнал экономической теории. № 2. С. 181–185.
4. Глоссарий цифровой экономики. Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/brandvoice/sap/356277-glossariy-cifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 12.12.2018).
5. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>

Бобков В. Н.

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32;
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36
bobkovvn@mail.ru

Одинцова Е. В., Бартлин Е. А.

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32
odin_ev@mail.ru; sicur@yandex.ru

МАСШТАБЫ НЕУСТОЙЧИВОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Неустойчивая занятость (precarious employment) представляет собой *вынужденную занятость*, сопровождающуюся утратой работником стандартных трудовых отношений, основанных на бессрочном трудовом договоре с полной рабочей неделей (стандартная занятость), включающую элементы незащищенной, в том числе неформальной, занятости (занятые в неформальном секторе) в формальной экономике, элементы незащищенной занятости в неформальном производстве, незащищенной занятости в скрытом производстве и незаконную деятельность, а также временную незанятость (безработицу). Государственной статистикой не проводится специальных обследований, касающихся неустойчивой занятости. Есть лишь отдельные показатели и индикаторы, позволяющие судить о ее масштабах в разрезе отдельных проявлений прекаризации: неформальная занятость, занятость по различным формам трудового договора и т. д. Авторами разработано несколько способов оценивания численности неустойчиво занятого населения, что позволило с разных сторон оценить масштабы данного явления и представить соответствующие расчеты по России.

Ключевые слова: стандартная занятость, организации формальной экономики, основная занятость, трудовой договор, неустойчивая занятость, прекаризация занятости, неформальная занятость, статистические и социологические обследования.

Bobkov V. N.

Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences,
32, Nakhimovsky av., Moscow, 117218, Russian Federation;
Plekhanov Russian University of Economics,
36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation
bobkovvn@mail.ru

Odintsova E. V., Bartlin E. A.

Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences,
32, Nakhimovsky av., Moscow, 117218, Russian Federation
odin_ev@mail.ru; sicur@yandex.ru

THE PRECARIOUS EMPLOYMENT ASSESMENT LEVEL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: Unstable employment (precarious employment) is a forced employment, accompanied by the loss of a standard employment relationship by an employee, based on an indefinite employment contract with a full working week (standard occupancy), comprising elements of unprotected, including informal employment (occupied in the informal sector) in the formal economy, elements of unprotected employment in informal production in general, unprotected employment in clandestine production and illegal Activities, as well as temporary unemployment (unemployment). State statistics do not have special surveys on unsustainable employment. There are only some indicators and indicators, which allow to measure its scale in the context of separate manifestations of precarization: informal employment, employment on various forms of employment contract, etc. The authors of this report have developed several ways of estimating the number of the unsustainably employed population, which allowed to assess the scale of this phenomenon from different sides and to present the corresponding calculations in Russia.

Keywords: standard employment, the subjects of formal economics, standard occupancy, employment contract, precarious employment, precarity of employment, informal employment, statistical and sociological surveys.

Способы количественного оценивая неустойчивой занятости и их результаты. Результаты оценивания неустойчивой занятости зависят от применения объективного или субъективного подходов к ее выявлению, характера их сочетания, а также от содержания и числа вовлеченных показателей и индикаторов, описывающих это сложное явление, характеризующее современную сферу занятости с учетом ее особенностей в России.

В статье приведены три способа оценивания масштабов неустойчивой занятости: 1) на основе статистических выборочных обследований в организациях; 2) на основе социологического обследования и 3) на основе экспертно установленной связи неформальной и неустойчивой занятости (сочетания статистических и социологических подходов).

Ниже представлена характеристика и результаты, полученные при оценивании неустойчивой занятости каждым из способов.

Способ 1. Обработка данных статистических выборочных обследований в организациях [1]. Неустойчивой занятостью на основной работе в организациях формальной экономики охвачены 56,6 % занятых, в неформальном секторе — 19,2 % занятых, лишь 24,1 % являются занятыми, не имеющими признаков неустойчивости. Неустойчивая занятость преимущественно локализуется в организациях формального сектора. Среди неустойчиво занятых более 74,6 % заняты в организациях, а около четверти заняты в неформальном (в том числе теневом) секторе. Численность неустойчиво занятых формируется прежде всего за счет работников, которые работают неофициально или имеют прекаризованные условия занятости при наличии официальной занятости — таковых 56,5 % от общей численности занятых. Структура неустойчивой занятости характеризуется нижеследующим.

Занятые в формальном секторе:

- наиболее массовая группа — наемные работники, занятые официально, но условия их занятости при этом являются прекаризованными по одному и более параметру. Таковых около 50 % от общей численности занятых;
- работники, не имеющие трудового договора, составляют чуть более 6 % от численности занятых. Почти все из них имеют прекаризованные условия занятости;
- самая малочисленная группа неустойчиво занятых — занятые не по найму в организациях, имеющие прекаризованные условия занятости (менее 1 % от общей численности занятых).

Занятые в неформальном (включая теневой) секторе (19,2 % от общей численности занятых), в том числе:

- занятые с прекаризованными условиями занятости (16 % от общей численности занятых);
- занятые, у которых не было выявлено соответствующих неустойчивым параметрам условий занятости (3,2 % от общей численности занятых) [1; 2].

В структуре неустойчиво занятых, преимущественно представлены наемные работники, имеющие официальную занятость в организациях при наличии одного и более параметров прекаризованных условий занятости. Они насчитывают более 60 % от численности неустойчиво занятых.

Существенной является доля занятых в неформальном секторе, условия занятости которых можно определить как прекаризованные (*по одному и более параметру*). В структуре неустойчиво занятых они составляют более 20 %. Остальные группы занятых в меньшей степени представлены в структуре неустойчиво занятых, насчитывая совокупно менее 15 % от их общего числа. Максимальные размеры неустойчивой занятости в России, определенные по одному и более индикаторам форм занятости и условий труда, в 2016 г. составляли 75,8 % или 54 873,9 тыс. чел. в общей численности занятых в российской экономике (в 2016 г. — 72 393 тыс. чел., 100,0 %).

Способ 2. На основе социологической оценки численности неустойчиво занятых [3, 4]*.

Выборочная совокупность респондентов составляла 1002 человека. Из них 678 работников — те, кто трудоустроен официально по найму (в том числе временно отсутствует на работе из-за болезни, отпуска), а также те, кто работали официально и неофициально на себя. Оказалось, что:

- 34 % из них оценили низко степень защиты своих прав действующим трудовым договором, а 38 % посчитали, что работодатель в той или иной степени не соблюдает условия трудового договора (защищенность трудовым договором);
- от 4 % до 34 % работников сталкивались с ситуациями, представляющими собой реальные или потенциальные формы лишения доступа к трудовым правам и гарантиям. Среди них наиболее распространенными были неофициальная работа, не оплачиваемые больничные листы и отпуска;
- 34 % работников сталкивались с получением всей суммы заработной платы наличными; 24 % — с выплатой зарплаты из наличной выручки; 21 % — с временной работой без оформления трудовых отношений;
- 17,7 % трудоустроенных лиц находились в крайне низких позициях по самооценке благосостояния (у них либо не хватало денег на продукты, либо на продукты денег хватало, но покупка одежды была уже затруднительна);
- 35 % трудоустроенных сталкивались с превышением стандартной рабочей недели (41 час и более), а 22 % — с сокращением (30 часов и менее);
- 21 % от общего числа трудоустроенных работников, кроме основных рабочих мест, имели дополнительные рабочие места.

Опрошенные работники были разделены на пять профилей по мере возрастания уровня неустойчивости занятости в зависимости от типа контрактных соглашений:

1. Работники со стандартной занятостью — 29,5 %. Они, как правило, были в основном удовлетворены своей занятостью по официальным прямым бессрочным контрактам и срочным контрактам со стажем от 1 года и более.
2. Работники, имеющие официальные контракты, но неудовлетворенные занятостью, — 40,3 %. Причины их неудовлетворенности были связаны с недостаточной защитой трудовым договором их прав и/или с не соблюдением работодателем условий трудового договора.
3. Нестабильно занятые работники — 28,3 %. Они по официальным контрактам работали на условиях фиктивной самозанятости, по субподряду, по агентскому контракту и т. п., т. е. состояли с работодателем в нестабильных контрактных отношениях.
4. Неформально занятые работники — 15 %. Работали на условиях неофициального (теневое) договора с работодателем или являлись незарегистрированными индивидуальными предпринимателями.
5. Низкодоходные занятые — 18,6 %. Этот профиль был сформирован, независимо от характера контрактных отношений. Доход этих работников был ниже $\frac{2}{3}$ медианы среднего дохода по России на период опроса.

В результате проведенной социологической оценки числа неустойчиво занятых сделаны следующие выводы.

Рост неустойчивости занятости связан с нарушением трудовых прав работников, заключивших официальные контракты. Прекаризация занятости растет у нестабильно занятых ра-

* Основания для оценки: массовый опрос, проведенный в сентябре 2016 г. по специальной анкете. Характеристики опроса: генеральная совокупность — население России в возрасте от 15 до 72 лет; выборка квотирована по полу, возрасту, региону проживания и положению на рынке труда. Первичная обработка данных проведена В. Г. Квачевым.

ботников. Их положение в сфере занятости по ряду индикаторов даже хуже, чем у неформально занятых работников. У значительной части работников неустойчивая занятость связана с низкими доходами.

Способ 3. На основе экспертно установленной связи неформальной и неустойчивой занятости. Численность неформальной занятости и ее динамика выявляются Росстатом РФ. В 2001–2017 гг. неформальная занятость выросла с 14,1 % (8,1 %) от общей численности занятого населения до 21,2 % (15,3 млн чел.) [5].

Экспертно полученные значения коэффициента неустойчивой занятости в формальном секторе российской экономики по отношению к размерам занятости в неформальном секторе определялись с учетом вышеприведенных данных социологического опроса и составили 2,35. Этот алгоритм дает нижнюю границу оценки коэффициента неустойчивой занятости. Таким образом, минимальные оценки масштабов неустойчивой занятости в России в 2016 году составляли $(15,3 \text{ млн чел.} \times 2,35) = 35 \text{ 955 тыс. чел.}$

Выводы. Минимальные размеры неустойчивой занятости, определенные по экспертно установленной связи неформальной и неустойчивой занятости с применением коэффициентов, рассчитанных с использованием результатов социологического опроса, составили в 2016 г. 49,7 % или 35 955 тыс. чел., а максимальные размеры неустойчивой занятости, определенные по одному или двум индикаторам форм занятости и условий труда, составили 75,8 % или 54 873 тыс. чел. в общей численности занятых в Российской Федерации (в 2016 г. это 72 393 тыс. чел. или 100 %).

Библиографический список

1. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.
2. Обследование рабочей силы. Росстат. 2016. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_114009703876 (дата обращения: 12.12.2018).
3. Бобков В.Н., Квачев В.Г., Новикова И.В. 2018. Неустойчивая занятость в регионах Российской Федерации: результаты социологического исследования // Экономика региона. Т. 14, вып. 2. С. 366–379.
4. Бобков В.Н. 2018. Характеристики неустойчивости стандартной и нестандартной занятости в современной России // Мир новой экономики. № 3. С. 128–139.
5. Индикаторы достойного труда. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/ind-dtr.xlsx (дата обращения: 12.12.2018).

Вайнгорт В. Л.

Консалтинг «Кардис»,
Эстония, 10131, Таллин, Пярнуское шоссе, 82–101
kardis@kardis.ee

ТРАНСФОРМАЦИЯ ХАРАКТЕРА ТРУДА ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ ЭСТОНИИ

Аннотация: Эстония в силу небольших ее размеров, обуславливающих быстроту социально-экономических изменений, может рассматриваться как модель постсоветского развития, в том числе в отношении трансформаций характера труда. Развал советского планово-распределительного хозяйственного механизма 1991–1995 гг. разрушил сферу формализованных трудовых отношений, превратив советских ИТР и квалифицированных рабочих в акторов латентной экономики. Следующий этап (1996–2000 гг.) привел к реиндустриализации экономики в результате приватизации основных фондов за счет притока инвестиций, технологий и перехода финансовой системы под контроль шведских и финских банков, обеспечивших ипотечное кредитование (под 4–6 % годовых). Около 20 % трудоспособного населения сменили характер труда. Кризис 2010–2011 гг. в Эстонии привел к падению ВВП на 25 % и обусловил вторичную и окончательную деиндустриализацию, а также прекариатизацию возникающего до кризиса среднего класса. После 2016 г. эстонское общество развивается в условиях перехода к новой постиндустриальной экономике.

Ключевые слова: этапы постсоветской трансформации труда, переход к постиндустриальной экономике, новое индустриальное общество в Эстонии.

Vaingort V. L.

Kardis Consulting,
Pärnu road, 82–101, Tallinn, 10131, Estonia

THE TRANSFORMATION OF NATURE OF LABOR IN THE TRANSITION TO A POSTINDUSTRIAL ECONOMY AND ITS SOCIAL CONSEQUENCES ON THE EXAMPLE OF ESTONIA

Abstract: Estonia, due to its small size, which determines the speed of social and economic changes, can be considered as a model of post-Soviet development, including in relation to the transformations of the labor's nature. The collapse of the Soviet planning and distribution economic mechanism of 1991–1995 destroyed the sphere of formalized labor relations, turning Soviet engineers and technicians and skilled workers into actors of the latent economy. The next stage (1996–2000) led to the re-industrialization of the economy as a result of the privatization of fixed assets due to the inflow of investments, technologies and the transfer of the financial system to the control of Swedish and Finnish banks that provided mortgage lending (at 4–6 % per annum). About 20 % of the working-age population changed the nature of work. The crisis of 2010–2011 in Estonia led to a 25 % drop in GDP and led to secondary and final deindustrialization, as well as precariatization of the rising middle class before the crisis. After 2016, Estonian society is developing in the conditions of transition to a new post-industrial economy.

Keywords: stages of the post-Soviet transformation of labor, the transition to a post-industrial economy, the new industrial society in Estonia.

Эстония к 1990 году была наиболее индустриально развитой республикой СССР и сохранила первенство в постсоветском социально-экономическом развитии. Опыт Эстонии интересен, поскольку в ее небольшой хозяйственной системе все процессы идут быстрее и становление институтов прозрачнее.

Несколько цифр, характеризующих глубину изменений с 1990 по 2017 г. ВВП на душу населения вырос за эти годы на 519 % (с 3589 \$ до 17 782 \$) [1]. По этому показателю Эстония переместилась с 74-го на 55-е место в мире. Структура экономики за те же годы изменилась радикально. В 1990 г. соотношение отраслей выводило на первое место промышленность (39,6 %), на

второе — сельское хозяйство (15,7 %) и только на третье — услуги (23,1 %). В 2016 г. услуги вышли на первое место (42,6 %), промышленность — с большим отрывом — на второе (20,9 %), сельское хозяйство замыкает расчет — 2,6 % (падение в 6 раз) [1]. Структурным изменениям соответствовали социальные. У Эстонии в 2017 г. самый высокий «возраст дожития», а средняя брутто-зарплата превышает 1300 евро, при почти нулевой безработице.

После 1991 г. Эстония прошла несколько хорошо заметных этапов, каждый из которых отмечен изменениями характера труда.

Начальный этап трансформации трудовой сферы с момента выхода Эстонии из СССР (с 1991 и до 1995 г.) представлял собой полную деиндустриализацию и декооперацию в сельском хозяйстве. Глубину экономического спада определила высокая степень включенности производственно-хозяйственного комплекса Эстонии в цепочки межреспубликанских связей советской планово-распределительной системы. К 1990 г. отношение экспорта Эстонии в другие республики Союза составляло 51 % к ее ВВП, а импорта — 62 % [2]. За пределы СССР экспорт Эстонии с 1980 по 1990 г. не превышал 2–3 % [2]. Массовое закрытие производств привело к исчезновению рабочих мест, которое носило тотальный характер, а размер среднемесячной брутто-зарплаты в 1992 г. составил 35,09 евро, в 1993 г. — 68,13 евро [2]. При этом уровень жизни населения упал незначительно, поскольку уже к середине 1992 г. была обеспечена абсолютная свобода предпринимательства, включая внешнеэкономическую деятельность, что привело, например, к выходу Эстонии в первые ряды экспортеров меди в мире (!), поскольку через нее пошел поток цветных металлов, леса, удобрений и т. п. ресурсов из бывших республик Союза (включая Россию), а также поток военного имущества застрявших в Прибалтике частей Советской армии. Эстонские «челноки» обеспечивали товарное наполнение не только эстонских розничных рынков, но и рынков Северо-Запада РФ, а кроме того, экономических туристов из Финляндии.

В Эстонии реализовался отмеченный Д. Нортон принцип: «В любом построенном на идеологической основе обществе наступает время разложения формальных правил и нарастает роль латентных отношений, ориентированных на иные ценности» [3]. Теневая экономика стала реальной экономикой страны.

В ходе быстротечного предстартового этапа произошло превращение *Homo sovieticus* в *Homo economicus* с индивидуализацией труда и полной личной ответственностью за собственное благосостояние. Первая радикальная метаморфоза труда состояла в том, что трудовой потенциал ИТР и квалифицированных рабочих высокотехнологичных производств оказался не востребован. Необходимой стала способность к посредническому труду и принятию быстрых решений в сфере «купи-продай». Практика показала, что творческое неординарное мышление и умение быстро перестраивать трудовые навыки оказались свойственны большинству персонала советских предприятий. Уже через два-три года возникшее в Эстонии бизнес-сообщество не уступало в умении вести дело бизнес-сообществу стран с традиционной рыночной экономикой. Сложившийся в кризисные годы предпринимательский слой оказался максимально востребован на первом этапе развития экономики в условиях рыночного хозяйства.

Первый этап реиндустриализации и радикальной смены характера труда пришелся на пятилетие с 1995 по 2000 г. Его содержанием стало повышение эффективности факторов производства на основе притока иностранных инвестиций и передачи передовых технологий, обеспечивших реструктуризацию экономики и высокий уровень реэкспорта. В эти годы из 450 крупных предприятий Эстонской Республики было приватизировано 430. Иностранные инвесторы приобрели 25 % всего приватизационного имущества [4]. Конкурентоспособность реиндустриализации обеспечивалась прежде всего низкой стоимостью квалифицированной рабочей силы, но уровень зарплат рос быстро: средняя месячная брутто-зарплата 1994 г. составляла 110,82 евро, но уже в 1995 г. — 151,79 евро; в 1996 г. — 190,78; в 1997 г. — 228,36 [2]. Менее востребованы были инженерные кадры. В дефиците оказались квалифицированные рабочие высокотехнологичных производств и малоквалифицированные старательные работники предприятий «отверточной сборки».

Второй этап реиндустриализации начался в 2000 г., после перехода финансовой системы Эстонии под власть двух шведских банков, развернувших неограниченную ипотеку под 4–6 %

годовых. Жилищное строительство и потребление предметов домоустройства на основе кредитования обусловило строительный бум с острым дефицитом рабочей силы и соответствующим ростом зарплат. Средняя брутто-зарплата в 2001 г. составляла 352,15 евро [2].

В результате к 2004 г. в Эстонии произошло самое крупное из всех восточноевропейских стран межотраслевое перемещение работников. Из-за смены характера производства сменили отрасль и специальность 20 % от числа всех работающих [4].

К 2000 г. заметно снизилась доля теневого сектора в экономике, чему способствовала отмена подоходного налога на прибыль юридических лиц. С 2000 г. подоходный налог сохранился только на уплаченные дивиденды.

Третий этап реструктуризации экономики и трансформации характера труда начался в 2005 г., после вступления Эстонии в Евросоюз. Открытие рынка труда стран с высокими зарплатами подтолкнул рост оплаты труда в Эстонии. Медианная брутто-зарплата в IV квартале 2004 г. составляла 349 евро, а через год (IV квартал 2005 г.) — 399 евро; еще через год (IV квартал 2006 г.) — 479 евро. А дальше за тот же период в 2007 г. — 594 евро; в 2008 г. — 648 евро.

В 2010 и 2011 гг. в результате безудержного кредитования жилищного строительства Эстония более других стран ЕС пострадала от экономического кризиса. На этот период пришлось сворачивание сборочных производств, поскольку исчезло главное конкурентное преимущество Эстонии — низкая зарплата относительно квалифицированной рабочей силы. Это произошло практически одновременно с полным крахом строительной отрасли. В социальной сфере разразился кризис только-только образовавшегося среднего класса. Кризис привел эстонскую экономику ко второй деиндустриализации (очевидно, окончательной). В период кризиса креативная хорошо образованная молодежь из Эстонии массово мигрировала в страны Евросоюза. Устояли в Эстонии коммерческие структуры, связанные с ИТ, а также образованием, медицинской и некоторыми другими формами интеллектуальной деятельности.

Четвертый этап трансформации труда, начавшийся после 2011 г. и продолжающийся сейчас, является первым этапом укоренения элементов нового индустриального общества (НИО.2). НИО.2 употребляется здесь в трактовке «Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте». С. Д. Бодрунов определяет основу экономики НИО.2 с технологической точки зрения как экономику «постоянно интенсифицируемого уровня знаний в технологиях», принципиально меняющих характер труда [5]. Он же пишет: «рассматривая тренды развития современного материального производства, мы приходим к выводу, что базовым для них является накопление, увеличение доли знаний во всех его компонентах и, соответственно, в продукте» [5]. При этом совершенно не обязательно, чтобы новые знания возникали в том же месте, где они реализуются, и даже необязательно, что то и другое происходит в одной стране.

Хорошим (хотя и локальным) примером такой экономики является разработанный в Эстонии и реализуемый во многих странах метод передачи информации *Skype*. В рейтинге среднемесячных зарплат по Эстонии за 2017 г. на 9-м месте (средняя брутто-зарплата 4419 евро) находится крупная по эстонским меркам фирма с 287 работниками — *Skype Technologies OÜ*, разрабатывающая программное обеспечение *Skype*. А на 1-м месте, со средней брутто-зарплатой в 8212 евро, — фирма *Microsoft Estonia OÜ* с 22 работниками, внедряющими программные продукты *Microsoft*. Среди 200 первых фирм этого рейтинга, с брутто-зарплатой от 8212 евро до 2988 в первой сотне и от 2988 до 2651 евро второй сотни, преобладают структуры от 20 до 50 работников, занимающиеся интеллектуальными видами труда, персонал которых укомплектован не менее, чем на 85 % людьми с магистерским образованием. Это в полном смысле слова знаниеемкое производство.

НИО.2 предусматривает реализацию четырех основополагающих принципов:

1. Высокий уровень технологических знаний, позволяющий продуцировать новые технологические решения.
2. Высокий уровень общей культуры, обеспечивающий креативность мышления носителей технологических знаний.
3. Высокий уровень личной свободы, обеспечивающий самореализацию в любой сфере, и отсутствие страха при нарушении любых традиций.

4. Высокий уровень благосостояния общества в целом, снимающий ресентимент из-за боязни свалиться в нищету.

Обратим внимание на четвертый фактор, поскольку его реализация должна возникать не как следствие, а как условие развития.

В Эстонии понимание этого условия пришло после преодоления последствий экономического кризиса 2010–2011 гг. Реализация данного принципа проявляется в двух формах.

Первая. Развитие общественных фондов потребления, примерами чего являются:

1. Бесплатный городской общественный транспорт в Таллине и других крупных городах.
2. Бесплатное не только среднее, но и высшее образование во всех государственных учебных заведениях (включая университетское — магистерское образование и докторантуру).
3. Реально бесплатное медицинское обслуживание (в Эстонии практически отсутствует платная медицина для резидентов страны).
4. Развитие общественных пространств, включая карнавализацию их заполнения.
5. Развитие социального жилья и бесплатных хосписов для пожилых людей.
6. Бесплатное квалифицированное переобучение.

Второе. Ликвидация бедности путем повышения законодательно установленной минимальной оплаты труда, а также роста необлагаемого подоходным налогом минимума. На 2018 г. обе эти величины — 500 евро. При этом необлагаемый налогом минимум по сравнению с 2017 г. вырос почти в 3 раза (500 против 170).

В результате этих мер растет медианная зарплата. В IV квартале 2012-го — первого после кризисного года она составляла 696 евро. А через пять лет — в IV квартале 2017 г. — 991 евро. В III квартале 2018 г. — 1000 евро (!). Всего число получателей зарплаты в IV квартале 2012 г. — 544 449 человек. В III квартале 2018 г. — 580 670.

Для небольшой экономической системы (эстонской), в условиях утраты традиционного рынка сбыта (российского) и жесткой конкуренции на рынках Евросоюза, борьба с бедностью (означающая рост внутреннего спроса) является существенным фактором экономического роста и увеличения занятости. Такой механизм работает, если основная масса трудоспособного населения осознает себя в двух ипостасях: работника-профессионала, предлагающего свои услуги на рынке труда, и актора социального резерва, готового менять профессию и умеющего быстро повышать профессиональный уровень. То и другое реализуется при наличии системы, обеспечивающей участников рынка труда необходимыми знаниями и умениями.

Библиографический список

1. Экономика Эстонии, 1990–2016. 2018. Институт экономики и права Ивана Кушнера. URL: <http://be5.biz/makroekonomika/profile/ee.html> (дата обращения: 30.11.2018).
2. Estonian economy. 2018. Eesti Instituut. URL: <https://estinst.ee/> (дата обращения: 04.12.2018).
3. Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».
4. Цвалина П. 2012. Как возникли различия в экономическом росте между Эстонией и Словенией? // Загадки экономического роста. Движущие силы и кризисы — сравнительный анализ. М.: Мысль. С. 211–240.
5. Бодрунов С.Д. 2016. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте.

Голубев К. И.

Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, 220070, Минск, Партизанский проспект, 26
kon.golubev@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ГУМАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОМ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ НОВЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: В данном исследовании показаны особенности рассмотрения персонала организации в виде трилистника в теории управления Чарльза Хэнди. Продемонстрированы последствия разделения рабочей силы на три группы, различающиеся контрактными обязательствами. Особое внимание обращается на проблемы гуманизации труда в современной организации.

Ключевые слова: Труд, организация, контракт, безработица, персонал, работник.

Golubev K. I.

Belarus State Economic University,
26, Partizanski av., Minsk, 220070, Republic of Belarus

ABOUT SOME PROBLEMS OF HUMANIZATION OF LABOR MANAGEMENT IN THE FRAMEWORK OF THE CONCEPT FOR NEW HUMAN RELATIONS

Abstract: This study shows the peculiarities of treating of the organization's personnel in the form of a trefoil in the management theory of Charles Handy. Demonstrated the consequences of the division of labor into three groups with different contractual obligations. Special attention is paid to the problems of humanization of labor in a modern organization.

Keywords: Labor, organization, contract, unemployment, personnel, employee.

Одним из наиболее интересных современных представителей школы новых человеческих отношений является Чарльз Хэнди. Среди его идей необходимо обратить внимание на подход к персоналу организации, при котором она рассматривается в виде организации-трилистника, имеющей трехчастную структуру. По мнению Ч. Хэнди, структура в виде трилистника характеризуется тем, что в ней стержень и держащийся на нем листок из основных менеджеров и сотрудников дополняется работающими по договору контракторами и работниками, занятыми неполный рабочий день. Это означает коренное изменение таких понятий, как работа, занятость, рабочее место. Происходит разделение единой рабочей силы на три группы, различающиеся контрактными обязательствами перед организацией, степенью вовлеченности в ее деятельность, ожиданиями, с нею связанными. Управлять ими необходимо по-разному.

В этой модели центральный лист (профессиональный стержень) объединяет стержневых работников организации, квалифицированных профессионалов и менеджеров. Именно их знания делают организацию отличной от других, так что потеря любого из этих сотрудников может иметь самые непредсказуемые последствия. Они становятся очень немногочисленной и дорогостоящей группой. Предполагается, что взамен организации получают усердную работу (зачастую сверхурочную). Организации очевидно стремятся крепче привязать таких работников к себе. А их оплата все больше зависит от успешности предприятия. Этот профессиональный стержень сохраняется в любой успешной организации, несмотря на текучесть кадров, которая может быть достаточно большой [1, с. 105–110].

Вторую часть этой модели составляют сотрудники, работающие по контракту. В ряде компаний стоимость конечного товара или услуги до 80 % составляет стоимость, добавленная работающими вне организации людьми. Хотя этот факт осознается далеко не всегда, практика субконтрактов прочно вошла в нашу жизнь. В этом смысле интересен пример экспортирующих свои товары японских компаний, которые ранее в значительной степени зависели от эффективности крупных контрактных организаций. Система «точно вовремя» означает, что теперь уже

субконтракторы берут на себя бремя запасов, все риски колебаний спроса. Соответственно, изготовитель конечной продукции имеет возможность избавиться от неопределенности, передав ее своим поставщикам. В результате известной системой пожизненного найма в стержневой части организации могут воспользоваться только 20 % японских рабочих. Так называемая контрактная «бахрома» должна получать достойные деньги за выполненную работу, ибо в этом случае невозможно полагаться на верность компании, обещающей защитить от невзгод. Ч. Хэнди предупреждает, что без хорошего вознаграждения работа данного звена перестанет быть хорошей работой. Изменение модели управления по отношению к этой группе работников практически означает настоящую революцию в менеджменте. Дело в том, что субконтракторам платят за результат, а не за время, проведенное на работе, не постоянный оклад, а заработанные деньги (центральная организация контролирует только результаты, а не методы исполнения).

Достаточно быстро растет число тех, кого Ч. Хэнди относит к третьему листу трилистника, т. е. временных работников и работающих неполный рабочий день. В значительной мере это связано с переключением спроса на услуги. Нереально, что гибкая рабочая сила будет иметь такие же амбиции и заинтересованность как стержневые сотрудники. В основном эту категорию работников интересует хорошая зарплата, уважение и приличные условия труда. Получить необходимую отдачу от временных и работающих неполный день сотрудников является одной из задач организации. Путем к ее решению может быть отношение к гибкой рабочей силе как ценной части организации, осуществление инвестиций в ее обучение, стремление к тому, чтобы работники повысили квалификацию, получили определенный статус и привилегии (включая оплачиваемые отпуска и больничные листы) [1, с. 106–107, 113–115].

Очевидно, что в основе перемен лежат экономические интересы организаций. Таким образом изменения неизбежны. В этих условиях человек вынужден или жить, подгоняя себя под требования работы, или реорганизовать труд, чтобы он максимально соответствовал желаемому образу жизни, используя неизбежные изменения, превратив их в возможности. Непременными спутниками возможностей являются разнообразные риски. Расширение выбора означает обязательства и ответственность. Большая свобода может быть чревата злоупотреблениями низким качеством труда, мошенничеством или ленью. Организации, увеличив гибкость, смогут злоупотреблять эксплуатацией внешних работников, аутсайдеров, навязывая им условия выполнения рабочих заданий и ограничивая вознаграждение.

Описанный подход означает коренное изменение таких понятий, как работа и занятость. Практически ставится вопрос об упразднении самих традиционных понятий о наемных работниках и занятости. Таким образом актуальным становится портфельный подход к трудовой деятельности. Так, согласно предложенной классификации, в портфеле могут содержаться работы пяти основных категорий: работа за оклад или работа за контрактное вознаграждение (обе категории являются формами оплачиваемого труда); домашняя работа, бесплатная работа и работа по приобретению знаний. Три последние категории относятся к неоплачиваемым формам труда. Общий принцип изменения структуры организации в концепции Ч. Хэнди представляется следующим уравнением: если вдвое меньшее число сотрудников будут получать вдвое более высокую зарплату, эффективность их труда повысится в три раза [1, с. 163, 197].

Направление изменений мира внутри и вне организаций зависит от осознания обязанностей и ответственности. Наступает, по замечанию Ч. Хэнди, время неопределенности и абсурда, а общество все больше напоминает лягушку, брошенную в холодную воду, которую начали медленно подогревать. Если в этих условиях не реагировать на происходящие вокруг радикальные изменения, а адаптироваться к ситуации, можно уподобиться лягушке, позволившей сварить себя живьем. В книге «Время безрассудства» автор позиционирует себя как оптимиста, убежденного, что человечество обучаемо и, соответственно, ему не грозит участь упоминаемой выше лягушки. Однако в книге «Пустой плащ» («The Empty Raincoat»), по справедливому замечанию Р. Коха, Ч. Хэнди, продолжая рассмотрение тем, которым была посвящена работа «Время безрассудства», становится более пессимистичным. Автор снова обращается к формуле $1/2 \times 2 \times 3$ (если компания сокращает численность своих работников в два раза и увеличивает зарплату оставшихся тоже в два раза, то выпуск продукции увеличивается в три раза). Но теперь ему становятся все виднее не ее преимущества (рост заработка и производительности труда), а от-

рицательные последствия для личности и общества [2, с. 420]. На первое место выходят такие проблемы, как увеличение длительности рабочего дня и ущербный стиль жизни стержневых работников, трудности с трудоустройством молодежи и рост безработицы («правительство недоуменно пожимает плечами, когда каждый следующий период оживления деловой активности впитывает в себя все меньшее число безработных», а «организации научились увеличивать производство без увеличения числа работников»). Опять же и главные герои книги «Время безрассудства», бывшие штатные работники, успешно вырвавшись на свободу, со своим портфелем работ по совместительству, оказываются «невольниками свободы».

В работе «По ту сторону уверенности: изменяющийся мир организаций» («Beyond Certainty: The Changing World of Organizations») Ч. Хэнди продолжает рассматривать проблемы современного этапа экономического развития и становится более самокритичным. Он напоминает, что западный мир на индивидуальном уровне фактически культивировал алчность (под более утонченным видом личных достижений или накопления состояния), а внешней задачей считалось отражение угрозы коммунизма, как в военном, так и в экономическом смысле. То было время уверенности, которая, как известно, обольщает. Фактически это было безрассудное время. Итогом же стала ситуация, которую сам автор характеризует, как «не то, к чему все мы стремились». Характерно, что среди знаковых слов, контентный анализ выделяет в этой книге Ч. Хэнди «неуверенность» и «страх» [3, с. 12, 22–23]. Хотя реальные изменения во многом имеют направление, намеченное самим ученым, однако действительность превзошла все ожидания. Уяснив, что люди являются активами, организации стремятся их эффективно эксплуатировать. При этом используются наиболее эффективные методы. Обнаружилось, что люди хотят жить и работать в организации, которая ближе к ним по духу, человечнее. Люди стремятся к деревне (т.е. к общинной жизни), даже если это деревня посреди большого города. С учетом этого организации стремятся создавать внимательные, заботливые сообщества на работе, переиначивая на западный лад японские традиции. При этом продолжительность рабочей недели в Японии значительно выше, чем в Европе, а оплачиваемый отпуск в среднем составляет 8 дней. Не удивительно, что в Японии появилось особое слово — «кароши», означающее смерть от перенапряжения на работе. Соответственно, исследование, проведенное в Британии, показало, что половина директоров и председателей советов компаний страдает от стресса, вызванного сверхурочной работой. Исследователи из Массачусетского технологического института пришли к выводу, что депрессия на рабочих местах обходится США в 47 млрд долларов (почти столько же, сколько стоят сердечно-сосудистые заболевания) [3, с. 12, 33–34, 215–216]. Таким образом, пока общество рассматривало организации, как инструмент создания благосостояния, работники, в свою очередь, стали инструментами организаций, используемыми или увольняемыми по необходимости. Результат всех усилий людей Ч. Хэнди выносит в название одной из глав книги «По ту сторону уверенности» — «Суетливая жизнь, богатая смерть». Особого внимания заслуживает предостережение Ч. Хэнди на основе анализа сложившейся социально-экономической ситуации о том, что «свобода выбора для всех легко может обернуться нищетой для большинства» [3, с. 12, 212].

Еще в книге «Время безрассудства» Ч. Хэнди выражал беспокойство, что все большее число людей предоставляются самим себе, а формирующийся новый мир становится миром эгоизма и себялюбия. Он предполагал, что общество, посвятившее себя самообогащению и самосовершенствованию, выживет и будет преуспевать только в том случае, если доминирующей в нем моралью будет поддержка и поощрение других, а разумный эгоизм будет подпитываться отсутствием эгоизма. Возможность изменить мир вне организаций Ч. Хэнди прежде всего видел у индивидов, занимающих высокие должности и наделенных властью. В книге «Пустой плащ» Ч. Хэнди отстаивает право человека жить собственной жизнью, а не служить колесиком чужей огромной машины. Он считает недопустимым последствием экономического прогресса ситуацию, когда человек становится лишь исполнителем заданной роли, сырьем для экономики, статистическим материалом. В работе «По ту сторону уверенности» автор уже констатирует исчезновение уверенности в мире людей. Наконец, в книге «Алчущий дух. За гранью капитализма: поиск цели в современном мире» [4] содержится обращение не только к элите, но подчеркивается необходимость коллективной воли большинства, чтобы справиться со стихией капитализма.

Библиографический список

1. Хэнди Ч. 2002. Время безрассудства. СПб.: Питер. 288 с.
2. Кох Р. 1999. Менеджмент и финансы от А до Я. СПб.: Питер. 496 с.
3. Хэнди Ч. 2002. По ту сторону уверенности: изменяющийся мир организаций. СПб.: Питер. 224 с.
4. Хэнди Ч. 1999. Алчущий дух. За гранью капитализма: поиск цели в современном мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia. С. 163–184.

Канаева О. А., Спиридонова Н. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
o.kanaeva@spbu.ru, n.spiridonova@spbu.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН: ПРАКТИКА РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Аннотация: В докладе представлены результаты анализа социальных практик российских компаний в области устойчивого развития. Целью стала оценка соответствия социальных корпоративных практик российских компаний социальным целям устойчивого развития ООН-2030, адаптированным с учетом социально-экономической ситуации в России; оценка достижений в социальной сфере и приоритетов социальной политики государства.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социальные цели устойчивого развития, корпоративные социальные практики.

Kanaeva O. A., Spiridonova N. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

UN SOCIAL SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: RUSSIAN COMPANIES' PRACTICE

Abstract: The report presents the results of an analysis of the social practices of Russian companies in the field of sustainable development. The purpose of the analysis is to assess the compliance of the social corporate practices of Russian companies with the social sustainable development goals of the UN-2030 adapted both to the social and economic situation in Russia, to social achievements and to the priorities of the social policy of the state as a whole.

Keywords: sustainable development, social goals of sustainable development, corporate social practices.

Введение. Заметный рост интереса к проблематике устойчивого развития (УР) со стороны бизнес-сообщества стал наблюдаться в связи с принятием ООН в 2015 г. «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В документе были сформулированы 17 целей устойчивого развития на период до 2030 г. (ЦУР-2030), 169 релевантных задач и 230 индикаторов в экономической, экологической и социальной областях. Указанные цели, задачи и индикаторы определили сферы и ключевые направления деятельности мирового сообщества, государств, бизнеса в области УР. В документе подчеркивалось, что бизнес должен «...задействовать свой творческий и инновационный потенциал для решения задач в области устойчивого развития» [1].

За прошедшие три года был проведен ряд международных исследований, направленных на оценку степени осведомленности компаний о ЦУР ООН, их вовлеченности в процесс перехода к УР, степени соответствия корпоративных практик указанным целям, а также на выявление подходов к УР, реализуемых компаниями на практике, приоритетных направлений их деятельности в области УР. Объектом исследований стали крупные международные компании, декларирующие свою приверженность идеям и принципам УР, публикующие корпоративные нефинансовые отчеты по УР [2].

Результаты исследований показали, что бизнес-сообщество, так же как и общество в целом, ведущую роль в переходе к УР отводит государству, вместе с тем все большее число руководителей компаний признают, что бизнес способен внести существенный вклад в обеспечение устойчивого развития. Так, более 75 % бизнес-лидеров, опрошенных в ходе исследования ООН «Бизнес решения для устойчивого развития», считают содействие УР стратегически важным направлением [3]. Многие компании подчеркивают, что речь идет о трансформации их бизнес-моделей, необходимости перехода к реализации модели устойчивого, инклюзивного развития.

Вместе с тем исследования показали, что компании по-разному оценивают возможный вклад бизнеса в УР, приоритетность реализации тех или иных целей УР, а степень их интеграции в бизнес-стратегию заметно различается. Исследования позволили также выявить области и направления деятельности, в которых, по оценке компаний-респондентов, их вклад в УР наиболее значим. Подавляющее большинство компаний в качестве таких областей, отмечают обеспечение экономического роста, занятости и достойной работы; содействие повышению уровня здоровья и благополучия, доступности и качества образования; обеспечение равных прав; ответственное производство и потребление. Интересно отметить, что среди социальных целей УР наименьшую поддержку получили ЦУР-2 (ликвидация голода) и ЦУР-1 (ликвидация нищеты) [4].

Увеличение числа компаний, демонстрирующих приверженность идеям и принципам УР, становится общемировым трендом, и Россия не является исключением. Отражением этого является динамика корпоративных отчетов по УР, появление соответствующих разделов на корпоративных веб-сайтах, обсуждение вопросов устойчивого развития компаний на национальных бизнес-форумах. По данным Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), 43 % опрошенных в 2017 г. членов этой организации заявили о своей осведомленности о ЦУР ООН. При этом в качестве направлений их деятельности, наиболее способствующих достижению ЦУР, бизнес-лидеры отметили внедрение инноваций и новых энерго- и ресурсосберегающих технологий; устойчивый экономический рост и рост занятости; ответственное потребление и производство; поддержку достойного образа жизни работников и членов их семей; вклад в УР территорий присутствия, улучшение социального климата, снижение негативного экологического воздействия и влияния на изменение климата [5].

Постановка проблемы. В настоящее время российскими компаниями накоплен определенный опыт деятельности в области УР, публикуются соответствующие материалы компаний, результаты первых исследований корпоративных практик в области УР [5].

Результаты исследований свидетельствуют о том, что крупные российские компании осознают необходимость перехода к УР, выстраивания корпоративных стратегий с учетом ЦУР. В профессиональном и научном сообществах намечаются общие подходы к пониманию устойчивого развития, его принципов, целей и механизмов. Вместе с тем они подтверждают и наличие определенных противоречий в проявлении отмеченных тенденций, указывают на существование достаточно серьезных барьеров и ограничений.

Актуальность. В связи с этим научный и практический интерес представляют: выявление подходов к УР, реализуемых российскими компаниями на практике, приоритетных направлений их деятельности в рассматриваемой области; оценка степени вовлеченности российских компаний в содействие устойчивому развитию, соответствия их корпоративных практик глобальным ЦУР, а также целям, сформулированным с учетом характерных для России вызовов, рисков и проблем.

Важнейшей **методологической основой** исследования проблем УР является триединый подход к его трактовке, в основе которого лежит представление о трех его основаниях (трех измерениях): экономическом, экологическом и социальном. Традиционно основное внимание исследователей направлено на экологическую составляющую УР, в то время как его социальные аспекты изучены в меньшей степени. Вместе с тем об оценке остроты тех или иных социальных рисков и проблем можно судить в том числе и по тому, что из 17 ЦУР 9 *целей* являются *социальными*, достижение остальных (экономических и экологических), очевидно, также будет способствовать достижению целей социальных [1].

Целью проведенного анализа стала оценка соответствия корпоративных *социальных* практик российских компаний *социальным* ЦУР ООН-2030, адаптированным с учетом социально-экономической ситуации в России; достижений в социальной сфере и приоритетов социальной политики государства.

Объектом анализа послужили 20 российских компаний различной отраслевой принадлежности, публично представившие свои практики в области УР. **Предметом** — *корпоративные социальные практики* (социальные политики, программы и проекты), отражающие вклад компании в УР. В качестве источников эмпирических данных были использованы материалы ком-

паний, размещенные в Сборнике корпоративных практик «Российский бизнес и устойчивое развитие» [5].

Методика проведения анализа предполагала определение системы параметров, позволяющих оценить соответствие корпоративных социальных практик российских компаний социальным ЦУР ООН-2030, адаптированным с учетом российских реалий. Качественный анализ социальных практик компаний, позиционируемых ими как практики в области УР, предполагал оценку возможного вклада бизнеса в достижение той или иной цели, определение направлений (существенных тем, аспектов) деятельности компании, релевантных им задач в области УР, в решение которых компании могут внести значительный вклад, а также оценку соответствия реализуемых компанией социальных политик, проектов и программ указанным задачам.

Полученные результаты:

1. Несмотря на положительную динамику числа российских компаний, декларирующих свою приверженность принципам УР, переход к устойчивому развитию идет неоправданно медленно. Попытки интеграции принципов УР в основную деятельность и стратегию компании в первую очередь предпринимают крупные публичные компании, работающие в условиях жесткой конкуренции и высоких нефинансовых рисков, деятельность которых выходит за национальные границы.

2. В настоящее время сформировалась группа компаний-лидеров в области КСО и УР, которые интегрируют принципы КСО и УР в основную деятельность и корпоративные стратегии, выстраивая их с ориентацией на ЦУР-2030 ООН, внедряют корпоративные системы управления релевантными процессами (качеством продукции, рисками, развитием персонала; системы энергетического и экологического менеджмента, стейкхолдер-менеджмент и т.д.), что позволяет сделать вывод о постепенном переходе к особой бизнес-модели — модели устойчивого развития.

3. Анализ отраслевой принадлежности компаний показывает, что наибольшую заинтересованность в переходе к УР демонстрируют компании энергетического, нефтегазового, металлургического, горнодобывающего и химического секторов.

4. Компании, демонстрирующие приверженность идеям и принципам УР, в целом придерживаются триединого подхода к трактовке УР, осуществляя деятельность и оценивая ее результативность в трех сферах (экономической, экологической и социальной). Вместе с тем анализ показал, что, как правило, компании традиционно большое внимание уделяют социальной сфере, рассматривая персонал, местное сообщество в качестве ключевых заинтересованных сторон, а решение социальных проблем в качестве существенного вопроса (направления) деятельности.

5. Все компании, включенные в выборку, осуществляют нефинансовую отчетность в области УР; в целом следуют рекомендациям Международного стандарта отчетности в области УР (G4 Sustainability Reporting Guidelines).

6. Более половины компаний, включенных в выборку (15 компаний из 20), продекларировали свою приверженность ЦУР ООН. Вместе с тем только 4 компании четко изложили свою позицию в отношении целей и направлений деятельности компании в области УР.

7. В основном корпоративные цели в социальной сфере, позиционируемые компаниями как цели в области УР, соответствуют социальным ЦУР ООН, адаптированным к реалиям России и приоритетным целям экономической и социальной политики государства (обеспечение экономического роста, занятости и достойной работы, содействие повышению уровня здоровья и благополучия, доступности и качества образования).

8. В качестве приоритетных социальных целей в области УР, в достижение которых компания способна внести существенный вклад и приоритетных направлений деятельности рассматриваются: содействие экономическому росту, полной занятости и обеспечению достойной работой (ЦУР-8); содействие повышению уровня здоровья и благосостояния (ЦУР-3); содействие повышению качества и доступности образования (ЦУР-4). Это в общем соответствует практике международных компаний. Обращает на себя внимание то, что компании не рассматривают в качестве приоритетных такие социальные цели, как ликвидация нищеты (ЦУР-1), ликвидация голода (ЦУР-2), гендерное равенство (ЦУР-5). С одной стороны, это связано с тем, что ука-

занные проблемы не являются для России актуальными. В то же время следует учитывать, что ЦУР-2, предполагает решение широкого круга задач, таких как обеспечение продовольственной безопасности, улучшение качества питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства, решение которых в России имеет большое значение. Одной из приоритетных задач социальной политики в России, как известно, является преодоление бедности. Очевидно, что компании способны внести существенный вклад в их решение.

9. Следует отметить, что в большинстве компаний, включенных в выборку (около 70 %), определены те или иные ключевые показатели эффективности (КПЭ) в области УР, что свидетельствует о реализации требования измеримости результатов деятельности. К направлениям деятельности, применительно к которым компании определяют КПЭ, относятся: повышения квалификации сотрудников (84,6 % компаний), промышленная безопасность и охрана труда (80,8 % компаний), здоровье работников (53,8 %), укрепление трудового потенциала (46,2 %).

Полученные результаты позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Подходы к трактовке целей и содержания УР, к оценке возможного вклада в их достижение, которых придерживаются российские компании на практике, отличаются большим разнообразием, что свидетельствует о незавершенности процесса формирования общепринятой системы взглядов на устойчивое развитие; в ряде случаев наблюдается не всегда обоснованная подмена риторики и отчетности в области КСО, риторикой и отчетностью по УР, при этом изменений принципиального характера в деятельности компаний не наблюдается.

2. К наиболее очевидным итогам периода, который можно назвать периодом погружения в проблематику УР, осмысления его основополагающих принципов, следует отнести: расширение круга российских компаний, демонстрирующих приверженность идеям УР; наметившуюся тенденцию при формулировании целей устойчивого развития компании ориентироваться на ЦУР-2030 ООН; рост разнообразия корпоративных социальных практик; развитие и повышение качества нефинансовой отчетности по УР.

Библиографический список

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. 2015. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 01.12.2018).
2. Устойчивое развитие. Роль России. Доклад Российской национальной сети Глобального договора ООН. 2018. URL: http://www.globalcompact.ru/upload/iblock/d41/UN-Global-Compact-Digest-_2_-2018.pdf (дата обращения: 10.12.2018).
3. United Nations global compact progress report: Business solutions to Sustainable development. <https://www.unglobalcompact.org>; Sustainability in Europe — Top trends 2017. URL: <https://www.aktuellhallbarhet.se> (дата обращения: 10.12.2018).
4. Основная цель развития до 2030 года: успешный бизнес и стабильное будущее. Deloitte. 2017. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/risk/articles/2017/sustainable-development-goals.html> (дата обращения: 15.11.2018).
5. Российский бизнес и цели устойчивого развития. Сборник корпоративных практик. 2018 / Е.Н. Феоктистова и др. URL: <http://media.rspp.ru>; Национальный регистр корпоративных нефинансовых отчетов. URL: <http://rspp.ru> (дата обращения: 10.12.2018).

Мутаев У. К.

Ивановский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова,
Российская Федерация, 153025, Иваново, ул. Дзержинского, 53
ulmut@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЫНОК ТРУДА

Аннотация: Статья раскрывает некоторые значимые аспекты реализации инструментов миграционной политики и их влияние на российский рынок труда. Указывает на слабые стороны миграционного учета, который часто приводит к противоположным результатам, а именно: к нежеланию или к невозможности иммигрантов регистрироваться и соответственно приобретать патенты, к различным способам обогащения на правовой неграмотности иммигрантов со стороны работодателей и криминала. Кроме того, описываются некоторые особенности правового положения трудовых мигрантов в российском обществе, а также такой перспективный инструмент миграционной политики, как оргнабор.

Ключевые слова: миграционная политика, рынок труда, иммигранты.

Mutaev U. K.

Ivanovo branch Plekhanov Russian University of Economics,
53, Dzerzhinsky str., Ivanovo, 153025, Russian Federation

SOME ASPECTS OF THE RUSSIAN MIGRATION POLICY AND THEIR IMPACT ON THE LABOUR MARKET

Abstract: The Article reveals some important aspects of the implementation of migration policy instruments and their impact on the Russian labor market. Points to the weaknesses of migration records, which often lead to opposite results, namely the reluctance or inability of immigrants to register and therefore acquire patents. To various ways of enriching the legal illiteracy of immigrants by employers and crime. In addition, some features of the legal status of migrant workers in the Russian society, as well as such a promising tool of migration policy as orgnabor are described.

Keywords: migration policy, labor market, immigrants.

Миграционная политика — это система принципов и действий, при помощи которых государство регулирует потоки переселенцев. Это часть государственной политики, ее назначение, с одной стороны, уменьшать негативные последствия миграции, с другой — раскрывать конструктивный потенциал притока иностранцев на российский рынок труда. Актуальность данной тематики связана с целым рядом факторов: во-первых, демографическая ситуация в стране требует возмещения естественной убыли населения в основном за счет приема рабочей силы извне; во-вторых, иммигранты готовы восполнить нехватку рабочих рук, особенно в малопrestижных профессиях; в-третьих, уровень жизни в России является достаточно высоким по сравнению с большинством стран-соседей, что является привлекающим миграцию фактором. В этой ситуации прозрачность норм и процедур иммиграции сами по себе способны снизить ее возможные негативные последствия, сделать понятным и предсказуемым российский рынок труда.

В Россию приезжают люди из разных государств — это страны ЦА, Украина, Молдова, государства Закавказья и другие, при этом стоит отметить, что представители стран ЦА составляют около половины всех мигрантов [1]. Любой иностранный гражданин, въехавший в Российскую Федерацию, обязан зарегистрироваться по месту своего пребывания в течение трех рабочих дней со дня прибытия. Регистрация производится, если иностранный гражданин предъявил для регистрации миграционную карту, имеющую отметку пограничного контроля о въезде в Российскую Федерацию, и документ, удостоверяющий личность [2]. Нельзя сказать, что все мигранты добросовестно встают на учет в специальных органах, значительная их часть предпочитает избежать этого. Это связано сразу с несколькими причинами: во-первых, для мигранта

довольно сложно арендовать подходящее жилье, чтобы арендодатель составил договор аренды и позволил зарегистрироваться. Здесь срабатывают предрассудки, мигрантофобия местного населения, кроме того, сама процедура регистрации мигранта на собственной жилплощади хлопотна для арендодателя, поэтому многие пытаются ее избежать, в результате чего мигрант живет в одном месте, а зарегистрирован в другом [3].

Во-вторых, в рамках описанной выше сложившейся ситуации оказание услуг по регистрации в принимающем регионе обычно берут на себя бывшие мигранты, получившие гражданство. Они берут деньги с мигрантов за регистрацию в своих домах или квартирах. При этом на одной жилплощади оказываются зарегистрированы десятки человек, наряду с теми, кто непосредственно там проживает. Правоохранительным органам известны такие «бизнесмены», поэтому в таких квартирах и домах регулярно проходят облавы и задержания с последующим наложением штрафов и выдворением из страны, понятно, что это не способствует желанию легализоваться [4].

В-третьих, это проблема нелегалов, работающих на крупные компании, например, в сфере строительства, они живут и работают на частной территории без возможности контакта с местным населением до истечения контракта. Хотя надо признать ужесточение законодательства в отношении юридических лиц привело к тому, что кампании стали значительно меньше привлекать нелегалов [5].

Сегодня основной проблемой миграционного учета в РФ является сложность этой процедуры и, как следствие, ее криминализация. Именно по этой причине доля нелегальных мигрантов на протяжении последних лет остается довольно значительной.

Большие надежды и со стороны контролирующих органов, и со стороны самих мигрантов были связаны с введением системы патентов на работу в РФ, но ее реализация в итоге привела к противоречивым результатам. За последние три года количество оформленных патентов сократилось по России в целом в 1,6 раза, а по Москве более чем в 2 раза [3]. В связи с ростом стоимости доллара выгода заработков в России для мигрантов резко упала, но так как поиск других перспектив заработка требует времени, многие мигранты по инерции работают в РФ, значительно сократив свои расходы при этом, возможно патент стал одной из жертв подобной экономики.

Одним из перспективных инструментов контроля над иммиграцией сегодня принято считать оргнабор, т.е. организованное привлечение иностранной рабочей силы в соответствии с потребностями российских предприятий. Такая организация трудовой миграции подразумевает взаимодействие стран привлечения и стран происхождения мигрантов на уровне государственных и частных посреднических структур.

Существующий опыт апробации оргнабора, который реализуется рядом государственных и негосударственных структур, в том числе и в Санкт-Петербурге и в Москве фондом «Миграция XXI век» совместно с ООО «ТУТЖДУТ СЕРВИС», неуспешным назвать уже нельзя. Имеющиеся подвижки в данном вопросе, как показывает практика, позволяют существенно улучшить ситуацию на рынке труда и правовую защиту мигрантов [3]. Возможно, безальтернативный вариант реализации этого инструмента миграционной политики по всей России позволит эффективно отладить миграционный учет и избавиться от большей части существующих проблем в этой сфере. В частности, ослабит дискриминацию и будет способствовать защите прав иностранных рабочих на российском рынке труда.

Наряду с миграционным учетом, на правовое положение иностранных граждан в РФ оказывает влияние фактор взаимодействия иностранцев с правоохранительными органами, фактор гражданско-правовых отношений с работодателем, а также фактор отношения к трудовым мигрантам, т.е. уровень ксенофобии и межнациональной напряженности в принимающем социуме.

Формат взаимодействие иностранцев с полицией зачастую зависит от страны выхода мигрантов. Выходцы из «дальнего» зарубежья (Европы, Америки) представлены в РФ ограничено, поэтому нарушения их прав происходит крайне редко. Другое дело, иммигранты из стран ближнего зарубежья (Центральной Азии, Закавказья, Молдовы, Украины и т.п.), здесь нарушения прав иностранцев происходят регулярно [3].

Следующий немаловажный аспект положения иностранных граждан — это взаимоотношения с работодателями. Существует регламентация порядка приема на работу иностранцев, которая имеет отношение к обязанностям работодателя. Работодатели, желающие привлечь к труду иностранных работников, должны получить специальное разрешение на каждого работника. При этом на работодателя возлагается и ряд других обязанностей. В итоге обязанности, возникающие у работодателей в связи с принятием на работу иностранных граждан, с одной стороны, направлены на усиление контроля за деятельностью указанных работников, с другой стороны, существенно замедляют процесс трудоустройства этих лиц. Исследователи отмечают распространенность совершения в отношении трудовых мигрантов следующих преступных посягательств: 1) трудовые формы эксплуатации (принуждение работать сверхурочно без оплаты; задержка заработной платы и т. п.); 2) физическое и психологическое насилие, шантаж, угрозы и т. п.; 4) ограничение свободы передвижения.

Многим трудовым мигрантам не удастся официально устроиться на работу, т. е. заключить трудовой или гражданско-трудовой договор. Даже при условии заключения такого договора, как показывает практика, зачастую он не гарантирует мигрантам полностью законных трудовых отношений и не имеет юридической силы, поскольку работодатель не информирует о нем миграционную службу и не ставит мигрантов на учет в налоговых органах. Пока он работает у работодателя, заказчика работ (услуг), тот может нещадно эксплуатировать его труд, предоставляя работу в самых неблагоприятных условиях труда и с низкой заработной платой. При задержке или невыплате зарплаты мигранты, имеющие патент и работающие легально, не имеют возможности оплатить фиксированный налог за его продление, и, таким образом, они лишаются патента и становятся нелегалами, что грозит им выдворением из России [3].

Правовое положение иммигрантов в РФ складывается из того, легальный мигрант или нелегальный. В первом случае иностранец находится под защитой принимающего государства, все его права защищены законами РФ. Во втором случае иностранец находится в абсолютно незащищенном состоянии: с одной стороны, его могут выдворить из страны за нарушение режима пребывания, с другой — он может стать жертвой трудовой эксплуатации, физического и психологического насилия со стороны недобросовестного работодателя или криминальных элементов.

Уровень мигрантофобии в обществе в целом и в правоохранительных органах в частности также имеет существенное значение. Если общество нетерпимо к иностранцам, то в правовом смысле отношение к мигрантам со стороны правоохранительных органов может быть более суровым и менее гибким, чем в отношении к местному населению, что, по сути, является легальной дискриминацией.

Таким образом, среди основных негативных аспектов реализуемых сегодня инструментов миграционной политики можно выделить: 1) отсутствие доступного арендного жилья с возможностью регистрации для мигрантов; 2) сложность процедуры оформления миграционных документов (патента, миграционной карты и т. п.) и происходящие из этого криминальная и коррупционная составляющие в виде «резиновых квартир», поддельных документов, взяток за экзамены по русскому языку и т. п.; 3) отсутствие практической реализации оргнабора как перспективного инструмента миграционной политики; 4) абсолютная бесправность и уязвимость нелегальных мигрантов для трудовой эксплуатации, произвол со стороны работодателя, криминала или правоохранительных органов; 5) относительно высокий уровень мигрантофобии в обществе.

Перспектива эффективного участия трудовых иммигрантов в российском рынке труда лежит либо в устранении недостатков существующей патентной системы, либо в более интенсивном использовании опыта оргнабора, где относительная сложность процедуры согласования должна компенсироваться высокой степенью контроля над трудовой миграцией в Россию.

Библиографический список

1. Что знают о настоящем и будущем миграции российский и французский антропологи? Сергей Абашин и Чоура Макареми — О миграции как экономическом, юридическом и экзистенциальном

- вызове современности // сайт COLTA.RU. URL: [HTTPS://WWW.COLTA.RU/ARTICLES/SOCIETY/17698](https://www.colta.ru/articles/society/17698) (дата обращения: 3.04.2018).
2. Галушкин А. А., Каса И. 2013. Актуальные вопросы правового положения иностранных граждан в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pravovogo-polozeniya-inostrannyh-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 07.04.2018).
 3. Поставнин В., Власова Н. 2017. Правовое положение мигрантов и его влияние на российский рынок труда // Демографическое обозрение. № 1. С. 196–202. URL: <https://demreview.hse.ru/2017-1/206924354.html> (дата обращения: 07.04.18).
 4. Урда М. Н. 2017. Уголовно-правовые средства борьбы с фиктивной постановкой на миграционный учет: законодательные и правоприменительные проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России. № 1 (64). С. 8–14.
 5. Сергиенко Д. В. 2013. Миграционный учет в г. Москве: процедура регулирования миграционных процессов // Социальная политика и социология. № 3, т. 1. С. 154–162.

Никоноров С. М., Кириллов С. Н., Пакина А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1
nico.73@mail.ru; eco-msu@mail.ru; allapa@yandex.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА БАЙКАЛЬСКОЙ ПРИРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация: Экономика субъектов Российской Федерации, расположенных в пределах Байкальской природной территории, развивается в условиях жестких экологических ограничений, увеличивающих социально-экономические риски. Нацеленные на обеспечение устойчивого развития территории ограничения природопользования провоцируют конфликты интересов природопользователей и не способствуют повышению уровня жизни местного населения. На примере районов Бурятии, расположенных в Центральной экологической зоне Байкальской природной территории рассмотрены социально-экономические последствия ограничений природопользования. На основании результатов соцопросов в регионе исследования обоснована необходимость разработки механизмов регулирования природопользования с учетом природоохранных задач и интересов местного населения.

Ключевые слова: социальная политика, конфликты природопользования, Байкальская природная территория.

Nikonorov S. M., Kirillov S. N., Pakina A. A.

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

REGULATION OF NATURE USE CONFLICTS AS A FACTOR OF SOCIAL POLICY IN THE BAIKAL NATURAL AREA

Abstract: The economy of the subjects of the Russian Federation, located within the Baikal natural territory, is developing under severe environmental restrictions that increase social and economic risks. Restrictions on the natural resources use, aimed at sustainable development of the territory, provoke conflicts of interests and do not contribute to improving the living standards of the local population. On the example of Buryatia regions located in the Central ecological zone of the Baikal natural territory, the socio-economic consequences of environmental restrictions are considered. The need to develop mechanisms of environmental management, taking into account environmental objectives and the interests of the local population is based on the results of social surveys in the region of the study.

Keywords: social policy, conflicts of nature use, Baikal natural area.

Особый статус Байкальской природной территории (БПТ) как объекта Всемирного природного наследия определяет необходимость специального регулирования природопользования в ее границах. Основу современной правовой базы управления природопользованием на БПТ формирует Федеральный закон «Об охране озера Байкал» (1999), однако первые документы, касающиеся комплексного использования природных ресурсов бассейна озера Байкал, были приняты еще в 1965 году. К настоящему времени перечень таких документов федерального и регионального уровней приближается к пятидесяти [1], а сложившийся режим использования природных ресурсов связан со значительными ограничениями. Федеральный закон «Об охране озера Байкал» (ст. 5, 6) регулирует особый режим хозяйственной и иной деятельности на БПТ, осуществляемой в соответствии с экологическими принципами. Наиболее сложной задачей в реализации закона является достижение баланса между социально-экономическим развитием и целями охраны байкальской экосистемы. Сегодня большинство экспертов признает, что решение экологических проблем БПТ не может проходить в отрыве от задачи экономического роста.

Важнейшим инструментом достижения устойчивости БПТ является зонирование: на территории выделены центральная экологическая зона (ЦЭЗ), буферная экологическая зона, а также экологическая зона атмосферного влияния. В центральной экологической зоне установлены

строгие ограничения к природопользованию в части земле-, лесо- и водопользования, а также предельно допустимых норм нагрузок на окружающую среду при организации рекреационного и других видов природопользования. В то же время реально работают лишь механизмы запретительного и ограничительного характера.

Множество противоречивых ситуаций в природопользовании и организации хозяйственной деятельности породило утверждение в 2015 г. новых границ водоохранной зоны Байкала (Распоряжение Правительства от 5 марта 2015 г. № 368-р), которая была увеличена до 60–80 км и практически совпала с границами ЦЭЗ. Вследствие этого, безусловно благого, намерения, имеющего целью улучшение экологической ситуации и повышение уровня жизни населения, под запрет попали не только опасные для ценной природной территории виды деятельности (такие как различные виды производств, добыча нефти и газа, сброс сточных вод без очистки до нормативного качества и т. п.), но и такие необходимые для нормальной жизнедеятельности населения виды «воздействия» на среду, как регистрация прав на земельные участки, строительство зданий и сооружений, функционирование которых не связано с созданием и развитием особо охраняемых природных территорий федерального значения и особых экономических зон туристско-рекреационного типа, заготовка древесины (за исключением заготовки для собственных нужд), проведение сплошных рубок лесных насаждений и т. п.

При этом все ограничения распространялись на население, проживающее в пределах водоохранной зоны Байкала, где на момент принятия постановления располагались 159 населенных пунктов с населением около 130 тыс. человек, 167 объектов социальной и инженерной инфраструктуры, 40 мест размещения твердых коммунальных отходов, 28 автозаправочных станций [2]. В 2018 г. под давлением общественности водоохранная зона была сокращена практически в 10 раз — с 57,2 тыс. км² до 6 тыс. км² при ширине образуемой зоны в 4–5 км. Эти изменения, к сожалению, не могут восприниматься однозначно: наряду с увеличением возможностей организации хозяйственной деятельности, они, к сожалению, могут вызвать и вполне предсказуемый рост нагрузки на экосистемы БПТ.

Причиной многих экологических проблем на БПТ является ведомственная и территориальная разобщенность органов власти, занимающихся регулированием функционирования этой территории. Так, регулирование лесопользования осуществляется по отдельности для лесов особо охраняемых природных территорий (ООПТ), лесов Министерства обороны, муниципальных лесов и т. п. В результате существенно осложняется управление лесами, в особенности в случае возникновения пожаров, что влечет за собой ухудшение экологической ситуации и социально-экономического развития.

Однако едва ли не самым существенным фактором природопользования является отчуждение населения, проживающего в границах БПТ, от природной среды, воспринимаемой местным населением, согласно Гумилеву Л. Н., как «кормящий ландшафт». Вне зависимости от организационной формы природопользования на той или иной территории разрыв естественных связей населения со средой, обеспечивающей поддержание устоявшегося образа жизни, практически всегда ведет к разрушению и традиционного образа жизни населения, и самого ландшафта. В результате избыточных ограничений и запретов на использование ресурсов и возникающих правовых коллизий местное население вынуждено заниматься браконьерством — как в отношении рыбных ресурсов, так и древесных и недревесных ресурсов леса — при отсутствии какой-либо адекватной альтернативы этим видам деятельности. В качестве более или менее равноценной замены этим видам занятости может рассматриваться, пожалуй, лишь рекреационная сфера, которая также обременена множественными ограничениями и имеет сезонный характер.

Согласно результатам исследования структуры природопользования (ПП), основными его видами в районах Республики Бурятия, расположенных в границах БПТ, являются лесохозяйственное, рекреационное и природоохранное природопользование. Основными характеристиками этих видов является приуроченность к природным комплексам с высокими значениями биологической продуктивности, что неизбежно приводит к столкновению интересов природопользователей и формированию конфликтных ситуаций [3].

В ходе полевых исследований 2018 г. были проведены социологические опросы основных категорий граждан, деятельность которых определяет интенсивность ПП на исследуемой территории: жителей населенных пунктов в границах БПТ; рекреантов (организованных и неорганизованных); лиц, принимающих решения (представителей администраций населенных пунктов Гремячинск и Турка). Исследования проводились на территории Кабанского, Прибайкальского и Баргузинского районов Республики Бурятия. Основу природно-ресурсного потенциала, обеспечивающего развитие экономики районов, составляют лесные ресурсы, формирующие базис развития не только лесного хозяйства, но также рекреации и туризма.

Согласно опросам местного населения, практически 100 % из них не имеют возможности заготавливать недревесные ресурсы леса (ягоды, грибы) в связи с природоохранным статусом окружающих земель, такая же ситуация сложилась в сфере заготовки рыбы и дичи. При этом большинство опрошенных поддерживают идею охраны природных комплексов, однако высказываются за более разумные ограничения и закрепление приоритетных прав на использование ресурсов для личных нужд по отношению к местному населению: практически 100 % опрошенных представителей местного населения согласны, что на БПТ необходимо сохранять природоохранный режим, однако регулировать его в соответствии с их нуждами, обусловленными необходимостью поддержания достойного уровня жизни.

Рассматриваемая как альтернативное направление развития экономики и занятости населения БПТ сфера туризма в последние годы показывает рост, обеспечиваемый рекламой как в России, так и в странах-соседах, прежде всего в Монголии и Китае. За период 2010–2014 гг. произошло почти двукратное увеличение потока туристов на Байкал [4]. В 2015 г. Иркутскую область и Республику Бурятия посетили около 2,5 млн только официально зарегистрированных туристов, а в 2018 г. турпоток оценивается в 3 млн человек в год (2 млн — на Иркутском побережье и около 1 млн — в Бурятии). В то же время развитие рекреации и туризма на Байкале вызывает недовольство у местных жителей: 94 % респондентов высказывают обеспокоенность загрязнением Байкала туристами, 83 % — строительством нелегальных гостиниц, 79 % — ростом числа туристов и бизнесменов из Китая; 59 % опрошенных полагают, что поток туристов из Китая нужно ограничить [2].

Таким образом, существующие в границах БПТ ограничения природопользования, нацеленные на устойчивое развитие территории и сохранение уникальных экосистем, необходимо корректировать с учетом интересов местного населения. Несмотря на существующие ограничения, современная структура природопользования не обеспечивает разрешение конфликтов природопользования, не способствует повышению занятости и уровня жизни населения. В связи с этим можно сделать вывод, что ограничения природопользования существенно увеличивают экономические риски развития региона, в связи с чем разработка механизмов регулирования ПП должна рассматриваться как важнейший фактор социальной политики и экономического роста, необходимого для повышения благосостояния населения.

Библиографический список

1. Тулохонов А. К., Бешенцев А. Н. 2017. Байкальская проблема: история и современность (к 25-летию организации Правительственной комиссии по Байкалу) // География и природные ресурсы. № 4. С. 68–75.
2. Ховавко И. Ю. 2018. О проблемах Байкальского региона в контексте современной российской экологической политики // Государственное управление. Электронный вестник. № 69. С. 358–380.
3. Никоноров С. М., Кириллов С. Н., Пакина А. А. 2018. Эколого-экономическое развитие Байкальской природной территории // Менеджмент и бизнес-администрирование. № 4. С. 15–24.
4. Евстропьева О. В. 2016. Развитие туристической системы на Байкальской природной территории // География и природные ресурсы. № 5. С. 189.

Одинцова Е. В.

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский просп., 32
odin_ev@mail.ru

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНИХ КЛАССОВ

Аннотация: В статье представлены результаты проведенного исследования потенциала российских средних классов, связанного с оцениванием положения в сфере занятости работников совместно с уровнем образования на основе социальных стандартов. Идентифицированы масштабы потенциала средних классов среди занятого населения, определяемого положением в сфере занятости работников и уровнем образования. Выявлены проблемы формирования средних классов из числа занятых, связанные со структурой занятого населения, образовательным потенциалом формирования средних классов среди занятых по найму и не по найму, соответствием/несоответствием работников необходимым для их выявления требованиям к положению в сфере занятости и образованию. Обозначены перспективы формирования данного потенциала средних классов, связанные с положением в сфере занятости работников.

Ключевые слова: средние классы, социальные стандарты, положение в сфере занятости, образование, наемные работники, предприниматели, работодатели, самозанятые.

Odintsova E. V.

Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences,
32, Nakhimovsky av., Moscow, 117218, Russian Federation

THE POSITION IN EMPLOYMENT: PROBLEMS AND PERSPECTIVE OF FORMATION OF THE MIDDLE CLASSES IN RUSSIA

Abstract: The article presents the results of the study of the potential of the Russian middle classes among the employed population associated with the assessment of the position in employment together with the level of education on the basis of social standards. The scale of the potential of the middle classes among the employed population determined by the position in employment and the level of education is identified. The problems of the formation of the middle classes of the number of employed associated with the structure of the employed population, the educational potential of the formation of the middle classes among employees and self-employed, compliance/non-compliance of employed necessary for their identification requirements for position in employment and education. The perspective of the formation of this potential of the middle classes associated with the position in employment.

Keywords: middle classes, social standards, employment situation, employees, entrepreneurs, employers, self-employed.

Исследование положения в сфере занятости российских работников, занятых по найму и не по найму [1–2], показало, что потенциально к средним классам могут быть отнесены около 40 % занятых (2016 г.). При этом современная структура занятых, определяемая статусом занятых, характеристиками положения в сфере занятости и уровнем образования, обуславливает существенное занижение потенциальных масштабов российских средних классов, а также доминирование в составе их потенциала наемных работников при небольшой доле занятых не по найму.

Методологические основания и эмпирическая база для проведения исследования. Идентификация средних классов проводится нами на основе нормативного подхода с отнесением к ним тех, кто удовлетворяет требованиям социальных стандартов, характеризующих различные аспекты уровня и качества жизни представителей средних классов. Определение масштабов средних классов осуществляется на основе многокритериальной идентификации, а применение каких-либо отдельных критериев и соответствующих им социальных стандартов позволяет выявлять потенциал для формирования средних классов [1–3]. При выявлении сред-

них классов среди занятого населения положение в сфере занятости и социальные стандарты, аккумулирующие требования к нему для установления принадлежности к средним классам, используются в качестве приоритетных. Во взаимосвязи с рассмотрением уровня образования занятых они позволяют определить потенциал для формирования российских средних классов [1]. Для выявления данного потенциала применяются следующие разработанные социальные стандарты, взаимосвязанно учитывающие параметры занятости и уровень образования.

На основе критерия образования к средним классам могут быть причислены занятые, имеющие образование не ниже 1) среднего профессионального (социальный стандарт первого уровня, определяющий минимальные требования) и 2) высшего (социальный стандарт второго уровня, позволяющий выявить ядро потенциала средних классов) [1; 2].

Положение в сфере занятости, на основе которого идентифицируются представители средних классов из числа работающих по найму, определяется соответствием следующим требованиям: наличие занятости по найму, для которой требуется образование не ниже среднего профессионального (специалисты среднего уровня квалификации; военнослужащие не офицерского состава) — на минимально необходимом уровне (социальный стандарт первого уровня); наличие занятости по найму, для которой требуется образование не ниже высшего (руководители; специалисты высшего уровня квалификации; офицеры действительной военной службы) (социальный стандарт второго уровня, позволяющий выявить ядро потенциала средних классов). Из числа работающих не по найму на основе их положения в сфере занятости к средним классам относятся: индивидуальные предприниматели и самостоятельно занятые (социальный стандарт первого, минимального уровня); занятые не по найму, у которых есть наемные работники (работодатели) (социальный стандарт второго уровня, позволяющий выявить ядро потенциала средних классов) [1; 2].

Эмпирическую базу исследования составили данные Росстата [4] и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ [5] (25 волна).

Основные проблемы и перспективы формирования российских средних классов, определяемые положением в сфере занятости работников, выявленные по результатам исследования. Проведенное исследование [1; 2] с применением указанных выше стандартов выявило, что потенциал средних классов в России, определяемый положением в сфере занятости и уровнем образования работников, может достигать более 43 % от числа занятых (2016 г.). Данный потенциал может быть структурирован на ядро, верхнюю и нижнюю группу периферии.

К ядру потенциала средних классов среди работающих по найму могут быть отнесены соответствующие требованиям стандартов второго уровня к положению в сфере занятости и образованию, а именно: руководители, специалисты высшего уровня квалификации, офицеры действительной военной службы, имеющие образование не ниже высшего. Среди работающих не по найму к ядру потенциала средних классов, также соответствуя стандартам второго уровня по положению в сфере занятости и образованию, причисляются работодатели, имеющие образование не ниже высшего. Совокупно ядро потенциала средних классов составляет 17,7 % среди занятых в целом.

Верхнюю группу периферии потенциала средних классов составляют занятые, соответствующие стандартам второго уровня или на основе положения в сфере занятости, или на основе образования*. Это: 1) специалисты высшего уровня квалификации, руководители, а также офицеры действительной военной службы, у которых имеется среднее профессиональное образование; 2) специалисты среднего уровня квалификации, военнослужащие не офицерского состава, имеющие образование не ниже высшего — среди работающих по найму; 3) работодатели, имеющие среднее профессиональное образование; 4) самозанятые и предприниматели (не относящиеся к работодателям), у которых образование не ниже высшего — среди работающих не по найму. Данная группа потенциала совокупно насчитывает 13,1 % от занятых в целом.

* То есть имеют положение в сфере занятости, которое соответствуют требованиям стандарта второго уровня, при образовании, отвечающем требованиям стандарта первого (минимального) уровня; или имеют образование, которое соответствуют требованиям стандарта второго уровня, при положении в сфере занятости, отвечающем требованиям стандарта первого (минимального) уровня.

Нижняя группа периферии потенциала средних классов, формируемая работающими по найму, представлена теми из них, у кого и положение в сфере занятости, и образование отвечают стандартам первого (минимального) уровня. Это имеющие среднее профессиональное образование военнослужащие неофицерского состава и специалисты среднего уровня квалификации. Среди работающих не по найму в нижнюю группу периферии отнесены: 1) самозанятые и предприниматели, которые не являются работодателями и имеют среднее профессиональное образование и ниже, 2) работодатели с образованием ниже среднего профессионального. Совокупно нижняя группа периферии потенциала средних классов достигает 12,5 % от занятых в целом.

Анализ состава потенциала средних классов из числа занятых, определяемого положением в сфере занятости в увязке с уровнем образования, показал, что он идентифицируется более чем на 80 % наемными работниками, удовлетворяющими требованиям соответствующих стандартов, и только менее чем на 20 % — занятыми не по найму. Данная структура и масштабы потенциала средних классов, как показало исследование, определяются следующими проблемами, связанными с современными особенностями положения занятых и их отдельных групп.

Во-первых, имеющейся структурой занятого населения, в которой доминируют именно работающие по найму: они составляют более 90 %, а занятые не по найму насчитывают менее 10 % от общей численности занятых. То есть базовый потенциал формирования средних классов из числа работающих не по найму (7,5 % от численности занятых) более чем в 12 раз ниже по сравнению с наемными работниками (92,5 % от численности занятых)*. На данном этапе небольшое представительство этой группы среди занятого населения не позволяет ей существенно влиять на внутреннюю структуру средних классов, формируемых из числа занятых в целом.

Во-вторых, образовательным потенциалом формирования средних классов среди занятых с учетом их статуса, или распределением работающих по найму и не по найму по уровню образования с учетом соответствия стандартам, идентифицирующим средние классы. Проведенное оценивание показало, что совокупно, а также с учетом соответствия требованиям к образованию стандартов первого и второго уровня образовательный потенциал среди занятых по найму выше, чем среди занятых не по найму.

В-третьих, несоответствие положения в сфере занятости имеющемуся у работников уровню образования и наоборот в контексте выявления средних классов с применением соответствующих стандартов. То есть наличие избыточного образовательного потенциала относительно имеющегося положения в сфере занятости (уровень образования не ниже минимальных требований при положении в сфере занятости, которое не достигает минимальных требований для выявления средних классов). Или, напротив, наличие соответствующего необходимым требованиям положения в сфере занятости при образовании, которое не достигает требований первого (минимального) стандарта для выявления средних классов. Обозначенные несоответствия приводят к тому, что вне границ потенциала средних классов остаются таким образом около четверти занятых. Данная группа занятых может быть идентифицирована в качестве резерва для роста средних классов.

Перспективы формирования средних классов в части обеспечения увеличения масштабов их потенциала, связанного с положением в сфере занятости работников, определяются необходимостью реализации недоиспользованного образовательного потенциала работников, которые заняты на рабочих местах, для которых он избыточен, за счет создания новых и модернизации уже имеющихся рабочих мест. Также необходимо развитие предпринимательства и самозанятости для обеспечения расширения базы для формирования средних классов из числа работающих не по найму и увеличения их доли в структуре средних классов.

Библиографический список

1. Бобков В. Н., Одинцова Е. В. и др. 2018. Средние классы в капиталистической России: научная монография. М.: КНОРУС.

* Рассчитано на основе данных Росстата [4].

2. Бобков В. Н., Одицова Е. В. 2017. Потенциал российских средних классов по образованию и положению в сфере занятости: идентификация и оценка масштабов // Уровень жизни населения регионов России. Т. 4. С. 80–87.
3. Bobkov V. N., Kolmakov I. B., Odintsova E. V. 2018. Distribution of the Russian Population in Terms of Housing Provision and Guidelines for Public Policy // International Journal of Civil Engineering and Technology. Vol. 9(7). P. 1764–1773.
4. Обследование рабочей силы. 2016. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 13.08.2018).
5. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.crc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.

Смирнов А. В., Мисько О. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.smirnov@spbu.ru; o.misko@spbu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА Р. РЕЙГАНА

Аннотация: В данной работе раскрывается социальная политика, проводимая правительством Р. Рейгана. Программа восстановления экономики США Р. Рейгана включала в себя в том числе политику по сокращению «ненужных» социальных программ. И за счет этого построение более эффективной экономической модели. По мнению ряда проправительственных экономистов, сокращение социальных расходов федерального правительства, помимо прочего, должно было дать толчок для роста экономических показателей. Расходы на человеческий капитал ложились на региональные власти. Авторы ставят задачу рассмотреть положительные и отрицательные стороны данного экономико-социального курса.

Ключевые слова: социальные программы, экономическая политика, новый федерализм, снижение расходов.

Smirnov A. V., Mis'ko O. N.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

R. REAGAN'S SOCIAL POLICY

Abstract: this paper reveals the social policy pursued by the government of R. Reagan. U.S. economic recovery program R. Reagan included, including policies to reduce the “unnecessary” social programs. In addition, due to this, the construction of a more effective economic model. According to a number of Pro-government economists, the reduction of social spending by the Federal government, among other things, should have given impetus to the growth of economic indicators. The cost of human capital is laid down on the regional authorities. The authors set the task to consider the positive and negative aspects of this economic and social course.

Keywords: social programs, economic policy, new federalism, cost reduction.

Рональд Рейган стал сороковым президентом США. Будучи губернатором штата Калифорния, он выступил против социальной политики, направленной на борьбу с бедностью Л. Джонсона.

Во время своего губернаторства Р. Рейган тесно сотрудничал с серьезными экономистами того времени: М. Фридменом, М. Андерсоном, М. Фельдстайном, А. Лаффером. Став президентом США, Р. Рейган создал экономический совет под председательством М. Фельдстайна. Члены совета были представителями и проводниками неоклассической и монетаристской экономической теории. Экономические советники Рейгана были сторонниками дерегулирования экономики, противниками большого правительства и чрезмерных государственных расходов. Совет пытался совместить трудносовместимое: снизить налоговое бремя, повысить расходы на оборону и бороться с бюджетным дефицитом. Экономисты не учли, что уменьшение налогового бремени, рост расходов на оборону становится причиной дефицита бюджета и провоцирует увеличение инфляции. Данные постулаты неоклассицизма получили название «рейганомики».

Программа экономического восстановления Рейгана включала реформы по таким направлениям:

- уменьшение расходов федерального бюджета;
- создание новых рабочих мест;
- дерегулирование экономики на долгосрочной основе;
- осуществление монетаристской политики вместе с ФРС для восстановления стабильности обращения денежных средств и укрепления рынка финансов.

После прихода к власти Рональд Рейган стал внедрять «Программу восстановления экономики». По мнению Рейгана, для устойчивого роста экономики нужно наличие стабильных условий, в которых будет развиваться частный сектор. Президент сформулировал принципы нового курса:

- регулирование налоговой сферы посредством снижения налогового бремени;
- снижение инфляционного давления на экономику;
- сокращение размера сектора управления путем уменьшения объема правительства.

Рейган отошел от общепринятого подхода, который предусматривал, что государственные расходы — это стимул для экономического роста. Президент настаивал на пересмотре программ таких государственных расходов и выяснении того, какие именно из них эффективны.

Президент и его администрация взяли курс на беспрецедентное снижение федеральных расходов в течение первых пяти лет внедрения нового экономического курса. Рейган столкнулся с трудностью, которая заключалась в том, что федеральные расходы увеличивались быстрее, чем уровень инфляции. Задачей президентского кабинета стала разработка сбалансированного бюджета и борьба с излишним налогообложением как бизнеса, так и физических лиц.

Рейган связывал причины экономического спада в США в 1980-х годах с непомерным налоговым бременем: подоходный налог с доходов еще 20 лет назад достигал 70 %. С приходом Рейгана налоговая ситуация изменилась: ставки подоходного налога, несмотря на существенную критику его оппонентов, были снижены на 25 % [1]. Рейган понимал, что снижение налогового бремени значительно подстегнет предпринимательство — двигатель экономического роста.

Основными результатами экономического курса Рейгана К. Мак, автор экономического доклада «Экономическое наследие президента Рейгана. Большое влияние», считает вселение веры и гордости в народ США, передача им осознания того, что они — представители великой нации [2]. Благодаря экономической политике, проведенной Рейганом, произошло существенное снижение налогового бремени, уровня инфляции и безработицы.

Военные программы Пентагона были для Рейгана приоритетными. Это заставляло изыскивать значительные средства. Решение проблемы президент видел в борьбе с необеспеченными бедными гражданами путем сокращения государственных расходов на велфэр. По мнению президента, государственная помощь должна предоставляться только тем гражданам, кто работать не может по состоянию здоровья. Если индивид работать может, но не делает этого по каким-либо причинам, государство не обязано поднимать его жизненный уровень. В то время пятая часть населения страны находилась за чертой бедности, а экономические советники президента Р. Рейгана считали их лицами, не желающими работать и попрошайками.

Президентская администрация не хотела тратить средства на улучшение уровня образования и охраны здоровья в стране, считая их пустой тратой. Рейган внес в Конгресс предложение об уменьшении субсидий беднякам на 40 %, однако демократы не дали этого провести. В результате такая помощь была сокращена на 20 %. Социальные расходы были уменьшены по следующим позициям:

- помощь матерям-одиночкам;
- сокращение на питание детей в школах.

Рейган считается реформатором системы велфэра. Реформирование происходило в несколько этапов. В 1981 г. были существенно сокращены социальные расходы (на 36 млрд долл.). Это самое большое сокращение за всю историю США. В принятом законе о бюджете существенно сокращены расходы по программам «Помощь семьям с иждивенцами-детьми» и «Продовольственные талоны». 408 американских семей в одночасье лишились помощи, еще 229 тыс. семей получили существенно урезанные выплаты. Экономия федерального бюджета только за счет вышеперечисленных статей в 1982 г. составила 1,2 млрд долл. Продовольственные талоны перестали получать 1 млн американцев, что дало экономии бюджету 6 млрд долл. Так происходило в последующие 6 лет.

Рейган ликвидировал программу «Отрицательный подоходный налог», по которой люди после устройства на работу еще какое-то время получали государственную помощь. Рейган всячески защищал социальную программу «Налоговая скидка на заработанные доходы», целью которой была поддержка американских семей, имеющих низкие доходы. Вторая половина 80-х годов принесла даже расширение и реформирование данной программы. Причиной успеха социальных реформ стала прежде всего вера народа Америки, что урезание социальных программ — это необходимая мера, так как такие расходы — причина повышенной инфляции.

Наибольшее урезание коснулось программы поддержки детского питания, которая была сокращена на 27,7 % [3]. Величина велфэра в федеральном бюджете составляла в 1984 г. 241 долл., снизившись по сравнению с 1981 г. на 34 долл. В 1981–1983 гг. социальные реформы столкнулись с противостоянием. Несмотря на давление общества и конфликты между республиканцами и консерваторами, Рейган не свернул со своего курса. Проблема бюджетного дефицита 1983 г. должна была быть решена, по его мнению, посредством уменьшения социальных расходов. Рейган демонстрировал общественности, что пытается достичь национального обновления. В частности, в бюджете 1984 г. также были сокращены социальные расходы: на 8,5 % сократились расходы на осуществление программы «Продовольственные талоны». Избавив бюджет от значительного объема социального бремени, Рейган решил возложить часть его на частный бизнес и призвал его бороться с бедностью.

На второй президентский срок Рейган пришел с беспроигрышными лозунгами «налоги, экономика, внешняя политика». В 1986 г. был принят «Закон о налоговой реформе». Шесть миллионов американцев, которые имели низкие доходы, были освобождены от уплаты подоходного налога. В 1988 г. Рейганом был подписан «Закон о поддержке семьи», который потребовал выделения 3,3 млрд долл. из федерального бюджета на протяжении пяти лет.

Деятельность Рейгана в социальной сфере была направлена на сокращение велфэра Л. Джонсона, который был значительным по своей величине. Рейган писал, что его целью является уничтожение «Великого общества». Рейган не менял свою позицию по социальным вопросам на протяжении всего срока президентства.

Рейган отстаивал в своем экономическом курсе консервативные идеи, постоянно поднимая вопрос в политических кругах о снижении налогового бремени, урезании многих неэффективных, с его точки зрения, правительственных программ, упразднении госрегулирования. Измерение успеха деятельности Рейганом производилось, исходя из консервативных принципов и установок.

Политика Р. Рейгана оказала воздействие на последующие решения других президентов этой страны. После него реформами в социальной сфере занимались и другие президенты. В частности, Б. Клинтон и вовсе упразднил федеральные выплаты.

Рональду Рейгану не удалось осуществить все задуманное, однако он внес свой вклад в развитие абстрактного «государства всеобщего благоденствия». Темп роста социальных расходов был замедлен под действием механизмов рынка. Государство «всеобщего благоденствия» при его содействии приняло консервативные черты. Эволюция в данном направлении продолжилась и впоследствии.

Элементом социальной политики Р. Рейгана была программа нового федерализма, в соответствии с которой произошло разделение функций федеральной власти, власти штатов и местных органов власти по реализации социальных программ. Федеральное правительство должно было финансировать медицинскую помощь бедным. Все остальные социальные программы должны были реализовывать правительства штатов. Был создан федеральный фонд, средства которого направлялись на реализацию социальных программ в течение 4 лет. «Новый федерализм» Рейгана подразумевал, что местные органы власти и штаты должны получить полномочия, связанные с финансированием социальной сферы. Это было направлено на перераспределение финансирования, направление значительной величины средств на военные цели и сокращение дефицита бюджета.

Новый федерализм предусматривал всяческую поддержку бедного населения. Причем эта обязанность возлагалась на частный сектор. Рейган полагал, что бизнес должен принимать непосредственное участие в решении социальных проблем. Борьба с бедностью стала приоритет-

ной для нового правительства. По мнению Р. Рейгана, ключ к благосостоянию американского народа находится в руках частного сектора, а не правительства.

Многие исследователи полагают, что достижением Рейгана стало рекордное создание новых рабочих мест (18,7 млн мест) с годовой оплатой труда свыше 20 тыс. долл. Общая занятость достигла 119,5 млн чел. Удалось достичь самого низкого уровня безработицы за последние 15 лет.

Наследие, оставленное Рональдом Рейганом, довольно неоднозначно. Его экономическая политика принесла как позитивные, так и негативные результаты. Наиболее положительными результатами рейганомии можно назвать незначительную инфляцию, экономический рост в долгосрочном периоде, коренное изменение ситуации на рынке труда, формирование новых рабочих мест, уменьшение налогового бремени, отход от протекционизма и стимулирование иностранного инвестирования, реформа госаппарата, повышение качества жизни. Несмотря на это, новый курс привел к тому, что дефицит бюджета и государственный долг росли безостановочно, продукция не была достаточно конкурентоспособной по сравнению с товарами из других стран, внешнеторговый дефицит сохранился, бедное население еще больше обеднело, а богатые граждане стали еще богаче.

Библиографический список

1. Мотылев В. В., Моттл В. Б. 2006. Программы президентов США: очерки экономической политики, 1933–2004 гг. Сан-Франциско: [б. и.]. С. 54.
2. President Reagan's Economic Legacy: The Great Expansion Joint Economic Committee Staff Report Office of the Chairman, Connie Mack October 2000. P. 42.
3. Золотых В. Р. 2013. «Консервативная волна» и социальная политика Р. Рейгана. (США в 1970–80-е гг.): учеб. пос. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». С. 34.

Соловей Т. Н., Новиков А. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
t.solovey@spbu.ru; novikov.alexey.96@gmail.com

ПОКОЛЕНИЕ Z НА РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация: В данном докладе систематизированы основные тенденции в работе кадровых служб в рамках цифровой экономики, а также выявлены особенности поколения Z и перспективы его вовлечения на рынок труда в Российской Федерации. В первой части обобщены результаты отчетов ведущих консалтинговых компаний (Deloitte, EY) о трендах в работе кадровых служб. К современным трендам можно отнести постоянное обучение, тренд организационных изменений, активное привлечение талантов, новый подход к определению опыта сотрудников, социальная интеграция и использование дополнительной аналитики. Во второй части систематизированы особенности поколения Z, такие как социальная толерантность, озадаченность экологическими проблемами, сложность в реальном общении, активное использование социальных сетей. В заключительной части представлен макроэкономический прогноз вовлеченности поколения Z на рынок труда, уже к 2025 году на рынке труда будет более 15 миллионов представителей поколения Z, и их роль в компаниях в дальнейшем будет только увеличиваться.

Ключевые слова: теория поколений, цифровая экономика, поколение Z, компетенции.

Solovey T. N., Novikov A. Ju.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

GENERATION Z IN THE LABOR MARKET

Abstract: In this report, the main trends in the work of personnel within the digital economy are systematized. Features of the Z generation and prospects for its involvement in the labor market in the Russian Federation are identified. The first part summarizes the results of reports of leading consulting companies (Deloitte, EY, KPMG) on trends in the work of HR-departments. Current trends include nonstop training, organizational changes, the active attraction of talent, a new approach to determining employee experience, social integration and the use of additional HR analytics. In the second part, features of the Z generation are systematized, such as social tolerance, perplexity with environmental problems, difficulty in real communication, and active use of social networks. The final part presents the macroeconomic forecast of the involvement of generation Z in the labor market, by 2025 more than 15 million representatives of generation Z will be in the labor market and their role in companies will only increase in the future.

Keywords: generation theory, digital economy, generation Z, competencies.

«Мы можем столкнуться с ситуацией, когда
у нас будет одновременно и безработица,
и нехватка квалифицированных людей»

К. Варламов, ПМЭФ 2017

На рынке труда в текущий момент происходят глобальные изменения, оказывающие влияние как на компании, так и на их потенциальных сотрудников. Неоспоримым является факт, что технологии (искусственный интеллект, мобильные платформы и т. д.) развиваются сверхбыстрыми темпами — производительность бизнеса отстает от технологического прогресса [1]. Основная проблема состоит в том, что увеличивается разница между современными технологиями и возможностями сотрудников их использовать в процессе трудовой деятельности [1, с. 256]. Как результат этого разрыва — компаниям не получается достичь целевого уровня производительности труда, что в долгосрочном периоде негативно сказывается на конкурентоспособности организации. В дальнейшем это может не просто привести данную компанию к застою, но и потенциально может привести к краху из-за проигрыша конкуренции другим компаниям на рынке.

Учитывая текущие тенденции, возрастает роль кадровой службы в компании. Ведь именно благодаря ней можно помочь сотрудникам фирмы адаптироваться к новым технологиям, новым моделям работы, а также помочь компании адаптироваться к изменениям. В результате опубликованных исследований компании Deloitte (2016) можно сформулировать основные тренды в работе кадровой службы со стороны организаций на основе опроса более 150 ведущих работодателей в России:

- 1) организационные изменения;
- 2) постоянное обучение;
- 3) активное привлечение талантов;
- 4) новый подход к определению опыта сотрудника;
- 5) новые лидеры и руководители;
- 6) цифровизация и продвинутая аналитика отдела кадровой службы (HR);
- 7) социальная интеграция;
- 8) расширение форм рабочей силы.

Совокупность всех трендов говорит о том, что компании действительно стараются трансформироваться, адаптируясь к изменениям внешней среды, которые вызваны цифровой экономикой. Однако некоторые из тенденций связаны с цифровой экономикой лишь от части и направлены в первую очередь на взаимодействие с людьми как вне организации, так и внутри. К таким пунктам можно отнести борьбу за привлечение талантов и социальную интеграцию. Это говорит нам о том, что не только цифровизация влияет на компании и их политику в области отбора и взаимодействия с персоналом. Это утверждение справедливо, поскольку общество меняется под влиянием людей, которые в нем живут.

Исследование общества, проведенное еще в 1990-х годах американскими экономистами Н. Хоувом и У. Штраусом [2], посвящено «теории поколений». Хоув и Штраус сделали вывод, что примерно каждые 20 лет появляется новое поколение людей, которое отличается от предыдущего поколения своими основными ценностями, своим мировоззрением, своими установками [2, р. 174–179]. Под термином «поколение» исследователи подразумевали группы людей, рожденных в определенный временной промежуток, которые обладают схожей системой ценностей, формирование которых происходило под влиянием мировых тенденций.

Группа российских исследователей под руководством Е. Шамиса в рамках проекта RuGenerations решила адаптировать уже имеющуюся теоретическую основу под российскую действительность [3]. В своей работе ученые использовали идентичную классификацию поколений, однако скорректировали периодизацию с учетом специфики исторического развития — серьезные людские потери во время войны, слабые изменения в институте семьи, особенности политического устройства СССР.

К самому первому, молчаливому поколению относятся люди 1927–1939 гг. рождения. Ценности этого поколения формировались под влиянием Великой Отечественной войны, сталинских репрессий, разрушения и восстановления страны.

Далее идет поколение беби-бумеров. Свое название поколение получило из-за высокого уровня рождаемости, который был вызван победой в Великой Отечественной войне и последующим развитием Советского Союза.

После поколения беби-бумеров идет поколение X. К нему относятся люди, которые родились в период с 1954 по 1984 г. Этому поколению характерна техническая грамотность, глобальная информированность, тяга к знаниям и к новой информации.

После поколения X идут люди поколения Y. Люди этого поколения родились в период с 1984 по 1999 г. — это время бурного развития коммуникаций, цифровых технологий, распада СССР.

Поколение Z — первое поколение XXI в. — в настоящее время формируется в мире рисков и угроз [4]. Представители этого поколения родились в период глобального терроризма, великой рецессии, социальных перемен, изменений климата и очень часто живут в неполных семьях. Их совокупный опыт сделал их финансово консервативными, социально толерантными,

беспокоящимися об экологии. Поколение Z часто испытывает сложности в реальном общении, не представляет жизни без мобильных телефонов и электронных девайсов, опирается на мнение не только друзей и родителей, но и мнения миллионов людей из социальных сетей, около 60 % поколения Z хотят открыть свой собственный бизнес, интересуются здоровым образом жизни, технологиями, научными исследованиями и искусством.

Как видно из временных промежутков, самыми активными на рынке труда являются люди поколения X (от 35 до 54 лет) и Y (от 19 до 34 лет), а в ближайшие годы неизбежно будет проходить постепенная смена поколения на рынке труда — все большую долю будут занимать люди поколения Z. В связи с этими происходящими изменениями для компании возникает необходимость в понимании различий между этими поколениями и их карьерными предпочтениями, их поведением внутри фирмы. Из-за этих отличий компаниям необходимо использовать разные приемы и при поиске талантов на вакантные рабочие места, и при интеграции в компанию, и при взаимодействии в рабочем процессе. Поскольку поколение Z только входит на рынок труда и будет набирать активность в ближайшие годы, актуальных исследований по их поведению на рабочем месте в РФ на данный момент не имеется. Однако в этом преуспели зарубежные исследователи и различные консалтинговые компании, например EY.

Наиболее предсказуемым и понятным поведением для работодателя обладают люди поколения X. Они не любят менять место работы, готовы к карьерному продвижению внутри одной компании, ответственны и готовы адаптироваться к корпоративной культуре компании. В случае поколения Y картина серьезно меняется — люди этого поколения уже не столь лояльны к компании, ценят баланс между работой и жизнью, предпочитают гибкий график работы, готовы к смене компании в случае необходимости, обучаемы к нуждам компании. Поколение Z на этом фоне продолжает тенденцию поколения X к низкой лояльности к организации, они хотят сразу интересных задач и работы. Люди этого поколения понимают ценность образования, но они не одобряют текущие формы обучения — обучаться им нравится через практику, а не через теоретические основы. Заниматься они стараются лишь тем, что им действительно по душе — поэтому даже устройство на работу не гарантирует того, что они там надолго останутся. Из больших плюсов — это поколение максимально мобильно, могут узнавать обо всех актуальных новостях с помощью социальных сетей. Анализируя данные Росстата, можно сделать вывод, что количество людей поколения Z в перспективе до 2025 г. увеличится почти в 3 раза — до 15 млн человек согласно целевому прогнозу [5].

Обобщая полученные результаты анализа текущих тенденций в области управления человеческим капиталом можно с уверенностью сказать, что на компании оказывают влияние как минимум 2 тенденции — переход к информационному обществу и смена поколений на рынке труда. Обе тенденции тесно связаны между собой и идут параллельно, поскольку невозможно перейти к новому типу общества новых людей и наоборот, новые ценности поколения невозможно сформировать без обновленного типа общества. Для компании это означает необходимость перемен, причем как внешних (например, известность брэнда), так и внутренних (например, корпоративное обучение). Для этого современной конкурентоспособной компании необходимо не только внедрять новые технологии, но и учитывать специфику их сотрудников — как потенциальных, так и уже работающих.

Библиографический список

1. Кононенко А. А. 2017. Глобальные тенденции в области человеческого капитала при переходе к цифровой экономике // Синергия наук. Т. 1, № 18. С. 382.
2. Howe N., Strauss W. 2012. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. New York: William Morrow and Co. P. 174–179.
3. Никонов Е., Шамис Е. 2016. Теория поколений. Необыкновенный Икс. М.: Синергия. С. 9.
4. Стиллман Д., Стиллман И. 2018. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер. С. 195.
5. Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2018 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_111/Main.htm (дата обращения: 23.12.2018).

Соловьева О. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
o.solovyeva@spbu.ru

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению новых государственных инициатив в сфере занятости населения. Автором предложен многоаспектный подход к модернизации основных экономико-правовых аспектов регулирования национального рынка труда, затрагивающий актуальные ключевые понятия: «граждане предпенсионного возраста», «молодой специалист», «омбудсмен по трудовым правам граждан России». Изложенная позиция автора основана на уже действующем и еще проектном законодательстве.

Ключевые слова: кадровый менеджмент, государство, развитие правовой среды, национальные проекты.

Solovyeva O. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS OF THE STATE REGULATION OF THE NATIONAL LABOR MARKET

Abstract: The article is devoted to the consideration of new state initiatives in the field of employment. The author proposed a multidimensional approach to the modernization of the main economic and legal aspects of the regulation of the national labor market, affecting the relevant key concepts: "citizens of pre-retirement age", "young specialist", "Ombudsman on labor rights of Russian citizens". The stated position of the author is based on the existing and still project legislation.

Keywords: Personnel management, government, development of the legal environment, national projects.

Задача ускорения социально-экономического развития страны требует сдвигов, прежде всего в сфере труда и производственных отношений. Необходимо осуществить переход к экономике высшей организации с всесторонне развитыми производительными силами на основе повышения производительности труда. Переход на рельсы интенсификации предусматривает структурную новизну в развитии общественного производства, которая призвана через повышение эффективности капитальных вложений и рациональное размещение производительных сил, обеспечить комплексное развитие каждого региона страны. Необходимо восстановить программы по развитию территориально-производственных комплексов и хозяйственных связей на базе малых и средних городов, возобновив размещение в них специализированных производств. Предстоит осуществить комплекс социальных и правовых мер, обеспечивающих полную занятость населения, предоставление всем работоспособным гражданам возможности трудиться в избранной сфере деятельности согласно призванию, образованию, профессиональной подготовке с учетом социально-экономических потребностей. Интенсификация, рационализация производств и повышение уровня производительности труда в перспективе откроют возможности роста реальных доходов трудящихся и дальнейшего подъема благосостояния всех слоев социума в соответствии с экономическими возможностями страны.

Согласно Указу Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в сентябре 2018 г. Правительство РФ объявило о начале работы над реализацией новых Национальных проектов [1]. Один из 12 Национальных проектов посвящен разрешению проблем в сфере «производительности труда и поддержки занятости», то есть совершенствованию экономико-правовой деятельности институтов государственного управления в рамках рынка труда. В частности, в Концепции рас-

смаатриваемого Национального проекта Президентом РФ было заявлено «сокращение нормативно-правовых и административных ограничений, препятствующих росту производительности труда, а также замещение устаревших и непроизводительных рабочих мест».

Как показывает практика, перспективы формирования трудовых ресурсов находятся в зависимости от уровня инфраструктурного обеспечения регионов — как фактора, оказывающего влияние на инвестиционную политику и промышленную эволюцию. Следует обозначить значимость институционально-правовой инфраструктуры, которая устанавливает юридические основы и правовые нормы хозяйственной деятельности частных структур и государственных институтов. Институционально-правовая инфраструктура формирует правовую среду, которая позволяет субъектам хозяйственной и трудовой деятельности оптимально функционировать в местах приложения своих усилий. Дифференциация регионов России по состоянию рынка труда определяет необходимость адаптивного подхода в применении системы мер государственного регулирования. Поэтому функционирование Национального проекта в сфере «производительности труда и поддержки занятости» должно представлять комплекс мер на основе системного подхода и не нарушать права «человека труда» на всей территории России.

В ст. 5 п. 2 Закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» государственная политика в области содействия занятости населения направлена в том числе на «осуществление мероприятий, способствующих занятости несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет, испытывающих трудности в поиске работы». Отметим, что Федеральная служба государственной статистики (Росстат) аккумулирует статистические данные, о трудоспособном населении начиная с возраста 15 лет, а не с 14 лет, как это декларирует закон. Службы занятости населения регионов РФ занимаются трудоустройством несовершеннолетних граждан, начиная с 15 лет, а не с 14 лет, что не соответствует основам Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которому несовершеннолетний гражданин может реализовать свое право на труд с 14 лет (на особых, определенных законодателем условиях, ст. 20 ТК РФ).

В целях устранения выше обозначенных несоответствий автор предлагает внести изменения в Методологические положения по проведению выборочных обследований населения по проблемам занятости (обследований рабочей силы), утвержденные приказом Росстата от 21.11.2010 г. № 452. В разделе «Единицы и объекты наблюдения» п. 1.3. толковать в следующей редакции: «Единицами наблюдения являются частные домохозяйства; объектами наблюдения — лица в возрасте от 14 до 72 лет, члены этих домашних хозяйств».

Расширение границы трудовой деятельности лиц формирует качественные изменения во взаимодействии предпринимательского сообщества и государственных структур в направлении поиска обоюдовыгодных инструментов, содействующих реализации Национального проекта в сфере «производительности труда и поддержки занятости».

Автор предлагает в рамках рынка труда сформировать институт — «Омбудсмен по трудовым правам граждан России». Необходимость создания данного формата деятельности обусловлена отсутствием разветвленной инфраструктуры профсоюзного движения в Российской Федерации и нарушениями работодателей трудовых прав граждан.

В целях формирования эффективной экономико-правовой среды на рынке труда, автор предлагает:

1. Внести изменения в Проект Федерального закона «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации» [2].

Модифицировать возрастной критерий при рассмотрении категорий «молодежь», «молодой специалист» и «молодой ученый» в РФ:

- под «молодежью» (молодыми гражданами) следует понимать лиц в возрасте от 14 до 40 лет (в Проекте ФЗ установлен возраст от 14 до 35 лет);
- под «молодым специалистом» следует понимать «молодого гражданина, имеющего среднее профессиональное или высшее образование, принятого на работу по трудовому договору в соответствии с уровнем профессионального образования и квалификацией» в возрасте до 40 лет;

- под «молодым ученым» следует понимать работника образовательной или научной организации в возрасте до 40 лет (в Проекте ФЗ — возраст до 35 лет), имеющего ученую степень кандидата наук, или в возрасте до 45 лет (в Проекте ФЗ — возраст до 40 лет), имеющего ученую степень доктора наук.

Изменение возрастного порога в сторону увеличения на 5 лет (до 40 лет) при анализе категорий «молодежь», «молодой специалист» и «молодой ученый» в РФ обосновано необходимостью установления возрастного паритета в рамках новой «пенсионной реформы». По законодательству РФ продолжительность трудоспособного возраста гражданина в рамках новой «пенсионной реформы» повышена на 5 лет. Возрастную категорию «молодой специалист» до 40 лет следует применять как унификацию в федеральных и региональных программах по поддержке молодых специалистов разных отраслей и секторов экономики.

2. Ввести уголовную ответственность за отказ работодателя заключать трудовой договор с «молодым специалистом» без опыта работы или за незаконное его увольнение (сокращение).

Данное направление в Уголовном кодексе Российской Федерации предлагается проработать по аналогии со ст. 144.1 «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста» [3].

Проект статьи 144.2. УК РФ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение (сокращение) молодого специалиста»

Необоснованный отказ в приеме на работу молодого специалиста по мотивам отсутствия у него опыта работы, а также необоснованное увольнение с работы (сокращение) такого лица наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов.

Примечание. Для целей настоящей статьи под молодым специалистом понимается человек в возрасте до 40 лет имеющий среднее профессиональное или высшее профессиональное образование (ступень образования: магистратура): — принятый на работу по трудовому договору с целью осуществления трудовой деятельности по профилю своего образования в соответствии с профессиональным стандартом утвержденным законодательством РФ; — или не имеющий опыта работы по профилю своего образования в соответствии с профессиональным стандартом утвержденным законодательством РФ.

3. Расширить перечень лиц, имеющих возможность получать «повышенное пособие по безработице».

В Постановление Правительства Российской Федерации от 15.11.2018 № 1375 «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2019 год» рекомендуется внести следующие изменения:

- «установить максимальную величину пособия по безработице в размере 11280 руб. для граждан (молодых специалистов) в возрасте до 40 лет, имеющих оконченное среднее профессиональное или высшее профессиональное образование».

Данное уточнение необходимо для сохранения баланса интересов на рынке труда граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию (потеря рабочего места), а также соблюдения их конституционных прав. Отсутствие паритета между двумя категориями «молодой специалист» и «граждане предпенсионного возраста» ведет к дестабилизации и возникновению социальной напряженности в обществе. Предложенное изменение необходимо реализовать с целью недопущения нарушения нормативных основ уже действующего в России правового поля.

Реализация предложенных автором направлений в рамках рассматриваемого Национального проекта в сфере «производительности труда и поддержки занятости»:

- простимулирует миграцию рабочей силы в лице «молодых специалистов», так как статус «молодого специалиста» будет унифицирован и закреплен во всех региональных программах на территории Российской Федерации;

- активизирует потенциал «молодых ученых» в рамках грантовой, патентной и иной научно-исследовательской деятельности, результаты которой необходимы для экономического роста в стране (роста всех макроэкономических показателей, в том числе ВВП);
- позволит объективно систематизировать данные о трудоспособном населении (поскольку неучтенные несовершеннолетние 14-летние лица, при соблюдении установленных Налоговым кодексом Российской Федерации условий, уже могут заниматься предпринимательской деятельностью под ответственностью их законных представителей);
- разрешит проблему взаимодействия «потенциальных работодателей» с высшими и средними профессиональными образовательными учреждениями;
- сформирует для «молодого специалиста» «конечную точку опоры» в разрешении своих трудовых проблем на федеральном уровне, что необходимо для снижения «неофициальной» занятости и получения неучтенных трудовых доходов.

Именно комплексный подход и соблюдение паритета прав и свобод всех «специфических трудовых групп населения», дифференцированных в экономико-правовом поле законодателем, будет способствовать сохранению и непоколебимости постулатов Конституционной экономики (в частности, ст. 37 ч. 3 Конституции Российской Федерации), а также разрешению проблем в сфере «производительности труда и поддержки занятости» в стране.

Список источников

1. Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru>
2. Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru>
3. Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>

Судова Т.Л.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
t.sudova@spbu.ru

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация: В данном исследовании выявлены проблемы, возникающие на рынке труда в связи процессами старения населения и рабочей силы, показаны возможные пути их решения.

Ключевые слова: старение населения, старение рабочей силы, неравенство, человеческий капитал.

Sudova T.L.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

AN AGING POPULATION: POSSIBLE PROBLEMS IN THE LABOUR MARKET

Abstract: This study identifies the problems arising in the labor market due to the aging of the population and the labor force, possible solutions are shown.

Keywords: population ageing, labor force ageing, inequality, human capital.

Демографические изменения и быстрое старение населения требуют неотложного внимания в контексте устойчивого развития. Увеличение продолжительности жизни и снижение рождаемости являются ключевыми факторами социально-экономического развития. На глобальном уровне средняя продолжительность жизни составляла 47 лет в 1950 г., в 2045–2050 гг., как ожидается, достигнет 75 лет. Общая рождаемость снизилась с 5,0 (1950–1955 гг.) до 2,6 (2000–2005 гг.) ребенка на одну женщину. Ожидается, что в 2045–2050 гг. этот показатель достигнет 2,0 и, таким образом, окажется ниже требуемого уровня для воспроизводства населения в долгосрочной перспективе [1].

Возрастная структура важна для национальной социально-экономической политики и распределения ресурсов. Страны с относительно высокой рождаемостью и положительной демографической нагрузкой сталкиваются с трудностями при инвестировании в человеческий капитал молодежи. Если такие инвестиции будут сделаны, эти страны получают возможность воспользоваться выгодами экономического роста образованного населения трудоспособного возраста. Страны с высокой численностью пожилых людей также должны решать различные проблемы. Они должны планировать растущие расходы на медицинское обслуживание пожилых людей, поддержку достойного уровня доходов и долгосрочные потребности в уходе.

Мировая тенденция последних лет — повышение пенсионной нагрузки на экономику. В обозримом будущем доля людей в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения существенно возрастет. По прогнозам, во всем мире доля населения старше 65 лет составит 11,7% всего населения в 2030 г. и 15,8% в 2050 г. (по сравнению с 9,3% в 2017 г.) [2]. К 2030 г. численность населения в возрасте 65 лет и старше в Европе составит 55% от численности рабочей силы (в 2017 г. — 42%). В Российской Федерации наблюдается и прогнозируется разнонаправленная динамика численности рабочей силы и лиц старше трудоспособного возраста. По данным Росстата, с 2015 до 2030 г. численность населения трудоспособного возраста сократится с 84,1 млн чел. до 78,6 млн чел., а старше трудоспособного возраста — вырастет 34,5 до 40,3 млн чел. [3].

Поскольку грядущие изменения в возрастной структуре населения понятны, постольку ответные меры могут приниматься заблаговременно, с тем чтобы облегчить адаптацию к этим долгосрочным демографическим изменениям. Старение населения неизбежно, однако последствия зависят от мер, разработанных для решения возникающих в связи с этим проблем.

Старение — это отражение успеха процесса развития человека, который проявляется в более низкой смертности (в сочетании со снижением рождаемости) и большей продолжительности жизни. Старение открывает новые возможности, связанные с активным участием старших поколений в экономике, и одновременно порождает ряд проблем. Старение населения может повлиять на экономику различными способами: сокращение рабочей силы; изменение модели сбережений и потребления вследствие сокращения доходов; давление на государственные социальные расходы и необходимость повышения устойчивости пенсионных систем.

Быстрое старение населения может привести к негативным экономическим и социальным шокам, поэтому многие страны усиливают стимулы для поощрения работы в пожилом возрасте, пользуясь накопленным опытом и навыками старших поколений. Люди работают после наступления пенсионного возраста по ряду причин. Они более здоровы и имеют большую продолжительность жизни, чем предыдущие поколения. Они лучше образованны, что повышает вероятность остаться в составе рабочей силы. Кроме того, изменения в системах социальной поддержки и пенсионного обеспечения, наряду с необходимостью больше откладывать на пенсию, создают стимулы для продолжения работы. Однако важно иметь в виду, что для большой доли пожилых людей, особенно в развивающихся странах, продолжение трудовой деятельности — это не выбор, а его отсутствие, в большинстве случаев — единственный способ избежать бедности. Такая ситуация типична для многих стран с низким уровнем дохода.

Важным следствием старения населения является увеличение среднего возраст лиц, занятых на рынке труда. В мире средний возраст рабочей силы возрастет с почти 40 в 2017 г. до чуть более 41 в 2030 г., в Европе — до 42,6 лет [2, р. 47]. На первый взгляд, ожидаемое увеличение среднего возраста рабочей силы может показаться несущественным и не оказывающим заметного влияния на динамику рынка труда. Тем не менее стареющая рабочая сила сама по себе может породить ряд последствий для рынков труда. Во-первых, более высокий средний возраст рабочей силы частично отражает тот факт, что пожилые работники будут представлять растущую долю занятых или ищущих работу людей и тем самым усиливать конкуренцию на рынке труда. Во-вторых, участие пожилых работников как в формальном образовании, так и в профессиональной подготовке без отрыва от производства оказывается значительно ниже, чем у молодых работников, — главным образом потому, что работодатели неохотно несут расходы на обучение для работников, которые, как ожидается, останутся на работе в течение более короткого периода. Это, в свою очередь, еще больше снижает вероятность того, что пожилые работники изменят род занятий или сферу деятельности что создает проблемы в процессе структурных преобразований, неизбежных в быстроразвивающейся современной экономике. Человеческий капитал быстро устаревает в процессе постоянных инноваций, что может препятствовать росту производительности. Этот негативный эффект может быть лишь частично компенсирован накопленным опытом. Наконец, при более полной оценке последствий старения рабочей силы необходимо учитывать, что пожилые работники менее мобильны и в меньшей степени способны адаптироваться к новым требованиям к квалификации.

Несоответствие новым требованиям может привести к увеличению числа людей, которые будут вынуждены покинуть рынок труда до достижения пенсионного возраста; возникнет риск дополнительного давления на пенсионную систему. Поэтому старение рабочей силы требует активизации усилий по поддержанию и обновлению навыков пожилых работников с целью обеспечения их профессиональной мобильности в условиях структурных изменений на рынке труда. Стратегический подход к управлению предполагает реализацию мер, направленных на удовлетворение потребностей в найме и удержании пожилых работников. Особое значение имеют медико-санитарные мероприятия или профилактические меры, более гибкий график, механизмы противодействия дискриминационной практике.

Законодательство гарантирует справедливое отношение к работникам всех возрастов, но любой бизнес, который хочет быть инклюзивным и успешным, должен гарантировать, что он делает все возможное для своих пожилых сотрудников и обеспечивает сбор всей информации и знаний, которыми они обладают, чтобы помочь будущим работникам. Многие инженерные, технические и специализированные фирмы имеют многолетний опыт, сконцентрированный в человеческом капитале нескольких специалистов. Соответственно, компании сталкиваются

с проблемой поиска подходящей замены, чтобы заполнить рабочие места, когда они становятся свободными. Это может привести к удержанию работников старших возрастных групп и ограничению найма молодежи, особенно когда речь идет о персонале, использующем устаревшее оборудование или технологию.

Стареющая рабочая сила обладает определенными преимуществами. Как правило, пожилые работники квалифицированы, надежны, хорошо обучены и склонны передавать свои знания и опыт другим. Это может помочь создать базу навыков для всего бизнеса. В гибкой рабочей обстановке пожилые работники могут взять на обучение новых работников, что обеспечивает более стабильный, грамотный и целенаправленный трансфер знаний в компании. Сохранение знаний и навыков является ключевой частью долгосрочной стратегии бизнеса, и, поскольку люди не могут работать бесконечно долго, сбор такой информации является важной задачей, решение которой позволяет HR-службам планировать замену в период выхода на пенсию пожилых работников. Для решения проблем старения рабочей силы на уровне компании для решения проблем старения рабочей силы необходимо обеспечение инклюзивной практики найма, повышение способности линейных руководителей управлять разновозрастной рабочей силой, инвестирование в обучение и развитие, основанное на потенциале, а не на возрасте, поддержка здоровья и благополучия сотрудников, использование преимуществ гибкой работы для привлечения и удержания талантов.

Обеспечение стареющей рабочей силы возможностями идти в ногу с темпами инноваций и трансформаций рынка труда станет возможностью для будущего развития. Усилия по обучению в течение всей жизни будут играть важную роль в содействии трудоустройству работников всех возрастов. Например, целенаправленные усилия по поощрению пожилых работников участвовать в программах профессиональной подготовки и повышения квалификации способствовало бы увеличению доли старших возрастов в составе рабочей силы. Накопленный человеческий капитал работников старшего возраста может при грамотном управлении принести все возможные выгоды работодателю. Однако человеческий капитал — это не только знания и навыки, но и здоровье человека, которое неизбежно ухудшается с течением времени. Разумно было бы ограничить время занятости такого работника 2–3 днями в неделю, что позволит ему установить оптимальный баланс работы и свободного времени.

С наступлением пенсионного возраста изменяется структура личных доходов — основным доходом становится пенсия, которая опционально дополняется государственными и частными трансфертами, финансовыми и реальными активами. Пенсионные доходы и государственные трансферты привязаны к макроэкономической ситуации, что ведет к угрозе неравенства и нищеты в старости. Например, снижение реальных трудовых доходов в сочетании с ослаблением социальной защищенности уменьшает способность людей откладывать на пенсию и способствует неустойчивости доходов в пожилом возрасте. В особо невыгодном положении оказываются занятые неквалифицированным трудом, люди с непродолжительным или дискретным стажем. В наиболее уязвимом положении оказываются женщины, поскольку именно они, принимая на себя непропорционально большую долю семейных обязанностей (по данным Oxfam, женщины выполняют в 2–10 раз больше неоплачиваемой домашней работы, чем мужчины, их ежегодный труд можно оценить в 10 трлн долл.), испытывают риски работы в условиях нестабильной и неформальной занятости. В результате эти различия существенно сказываются как на их заработной плате, так и на доступе к пенсионной системе. В целом диспропорции на рынке труда и неравномерность доступа к социальному обеспечению может усугубить возрастное неравенство не только в доходах, но и в доступе к здравоохранению и качественному жилью.

Влияние старения населения на рынок труда может приобретать самые разные формы. Теоретически, сокращение трудоспособного населения может привести к дефициту рабочей силы и росту спроса на труд, а, следовательно, и заработной платы, особенно если производительность труда дополняется повышением уровня технической оснащенности. Однако не во всех секторах будет наблюдаться значительный рост производительности в связи с роботизацией. Кроме того, изменение структуры потребления, сопровождающее старение населения, также приведет к секторальному перераспределению рабочей силы в сектор медицинских услуг и ухода, что создаст новые возможности занятости.

Решение проблемы старения населения потребует политических усилий. В комплекс мер могут войти обеспечение достойных условий жизни путем решения проблем дефицита достойной работы и гендерной дискриминации, обеспечение адекватной социальной защиты, снижение степени доходного и имущественного неравенства.

Библиографический список

1. World Economic and Social Survey. 2007. Development in an Ageing World http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess.pdf p. V (дата обращения 05.12.2018).
2. International Labour Office (ILO). 2018. World Employment and Social Outlook: Trends 2018 — (Geneva). P. 4–5. URL: https://ilo.org/wcmsp5/groups/public/--dgreports/--dcomm/--publ/documents/publication/wcms_615594.pdf (дата обращения 13.12.2018).
3. Демографический ежегодник России — 2013. Статистический сборник. 2013. М.: Росстат. С. 520.

Чекмарев О. П.

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
Российская Федерация, 196601, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 2
admin@motivtrud.ru

ГИБКИЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация: В данном исследовании анализируются понятие и виды гибких форм занятости, исследуется их значение для решения проблем современного рынка труда и социально-экономических отношений в целом, анализируется распространенность гибких форм занятости в современной России на основе данных официальной статистики и инициативного полевого исследования занятых на рынке труда Санкт-Петербурга. Изучаются вопросы графиков работы, свободы действий работников при выполнении ими трудовых функций, формы привлечения к частичной и дополнительной занятости.

Ключевые слова: гибкие формы занятости, условия труда, мотивация, график работы.

Chekmarev O. P.

Saint Petersburg State Agrarian University,
2, Petersburg road, Pushkin, St. Petersburg, 196601, Russian Federation

FLEXIBLE FORMS OF EMPLOYMENT IN THE LABOR MARKET

Abstract: this study analyzes the concept and types of flexible forms of employment, explores their importance for solving problems of the modern labor market and socio-economic relations in general, analyzes the prevalence of flexible forms of employment in modern Russia based on official statistics and initiative field research of people employed in the labor market St. Petersburg. We study the issues of work schedules, freedom of action of workers in the performance of their labor functions, forms of attraction to partial and additional employment.

Keywords: flexible forms of employment, working conditions, motivation, work schedule.

Понятие гибких форм занятости до сих пор является достаточно размытым и включает в себя широкую гамму «нестандартных» конфигураций способов организации труда и рабочего времени, причем не только в отношении наемных работников, но и в тех случаях, когда к выполнению по сути трудовых обязанности привлекаются и предприниматели, самозанятое население.

Классифицируя гибкие формы занятости, необходимо уделить внимание по крайней мере трем основополагающим факторам:

1. Уровень свободы исполнителя (наемного работника или самозанятого) в выборе графика выполнения работы, определении периода и/или объема рабочего времени.
2. Место выполнения трудовых функций.
3. Количество прямых заказчиков, в интересах которых выполняется работа исполнителя.

Гибкие формы занятости могут быть представлены в рамках стандартных трудовых отношений, когда работника нанимают на условиях работы на долю ставки, неполного рабочего дня, сокращенной рабочей недели, гибкого графика работы и других аналогичных формах трудоустройства, а также в рамках выполнения дополнительной работы (работа по совместительству, выполнение работ по договорам возмездного оказания услуг в дополнение к стандартному трудовому договору и пр.). Здесь свобода исполнителя ограничивается или может ограничиваться строгими рамками режимов рабочего времени, но отличных от стандартных графиков основного или управленческого персонала. В других случаях (свободный график работы, удаленная занятость, надомный труд и пр.) рабочее время определяется работником в большей степени самостоятельно (хотя и не всегда). При нестандартных трудовых отношениях (договор возмездного оказания услуг, заключаемый с внешним для заказчика исполнителем, договор подряда и пр.) графики работы, режим рабочего времени может выбираться исполнителем самостоятельно или является предметом взаимных договоренностей.

По месту выполняемой работы можно выделить гибкие формы занятости, предполагающие работу в офисе (на территории, производстве) заказчика; в специальных местах работы, организованных для множества фрилансеров, выполняющих работу для разных заказчиков (коворкинг); надомную занятость различного рода, когда трудовые функции исполняются частично или полностью по месту жительства исполнителя; выполнение трудовых функций, при которых задания и результаты работы передаются или сама работа осуществляется с использованием коммуникационного оборудования, интернета (телеработа), при этом место работы исполнителя перестает иметь значение.

Гибкие формы занятости могут присутствовать как в условиях, когда исполнитель (наемный работник) работает только на одного работодателя на условиях долгосрочных отношений, так и в ситуациях, когда исполнитель (наемный работник, предприниматель, самозанятый) может одновременно или периодически выполнять работы по заявкам и соглашениям с разными работодателями. Обратим внимание, что в последнем случае, когда у исполнителя может быть несколько заказчиков, функции, исполняемые им, все больше приобретают характер предпринимательских. Трудовая функция начинает объединяться с функциями, характерными для предпринимательской деятельности (принятие на себя рисков и неопределенности, поиск заказчиков и пр.).

Таким образом, можно рассматривать гибкие формы занятости как разнообразные формы занятости, характеризующиеся относительной свободой исполнителя либо в выборе времени и графика работы, либо в определении места осуществления трудовых функций, либо в количестве заказчиков, в интересах которых исполнитель осуществляет свою деятельность. При этом хотя бы одна из характеристик организации труда должна быть отличной от стандартных условий, сводящихся к трем элементам: работа на полную ставку, по утвержденному и неизменному графику работы; рабочее место исполнителя находится у заказчика (работодателя); работа осуществляется в интересах одного заказчика.

Общей причиной применения гибких форм занятости заказчиками (работодателями) является стремление к эффективности деятельности в широком смысле этого слова, и прежде всего за счет сокращения транзакционных и иногда производственных издержек. Однако объективными базовыми причинами развития гибких форм занятости в последние десятилетия, на наш взгляд, являются процессы специализации и разделения труда, сопровождающиеся усложнением социально-экономических отношений. Объяснением стремительного распространения гибких форм занятости в развитых странах в последние годы [1] явились основанные на этих процессах успехи, достигнутые в совершенствовании коммуникационных и информационных технологий [2], «выдавливание» работников из сферы производства товаров в сферу оказания услуг [3] в ходе роботизации хозяйственной деятельности и глобализация экономики [4].

Специализация и усложнение социально-экономических отношений приводит к росту транзакционных издержек организации труда, так как повышаются требования к работодателю в сфере обладания специфическими знаниями по широкому спектру исполняемых и усложняющихся функций производственных процессов, а также необходимости контроля всех технологических процессов, в том числе и процессов контроля за специфичными видами труда. Кроме того, при повышении уровня специализации труда сам рынок труда приобретает черты дефицитного, так как найти работника с требуемым уровнем компетенций для выполнения узкоспецифической работы становится все более сложным и дорогостоящим занятием. Узкоспециализированный труд поднимает и проблему загрузки работника. Часто организация не может полностью обеспечить занятость исполнителя, так как потребность в специфическом труде ограничена объемами производства и спроса на конечную продукцию [5], что также толкает работодателей к необходимости частичного задействования работника и создает дополнительные условия для развития гибких форм занятости.

Гибкие формы занятости обладают преимуществами не только для работодателей (заказчиков), но и для самих работников (исполнителей). Многие авторы отмечают такие преимущества гибких форм занятости, как относительная свобода выбора времени работы, повышение возможностей самореализации за счет специализации труда, более простое раскрытие предпринимательских способностей в отличие от необходимости официальной регистрации человека

в качестве предпринимателя или владельца бизнеса, повышение независимости работника от работодателя, расширение потенциального рынка предложений труда без необходимости физической миграции и пр.

Вместе с тем, как и любое другое экономическое явление, гибкие формы занятости обладают и отрицательными чертами, как для работодателя, так и для наемного работника, о чем также имеется достаточно много исследований.

Как отмечалось, в развитых странах развитие гибких форм занятости идет достаточно быстрыми темпами. Рассмотрим, каково состояние данного явления на российском рынке труда.

Современная официальная статистика не позволяет четко определить фактическую распространенность в стране всех форм гибкой занятости. Тем не менее некоторые данные о частичной и вторичной занятости о форме заключения трудовых соглашений являются ежегодно собираемой информацией. Под данным Росстата, дополнительной занятостью за период 2010–2017 гг. охвачено в России от 2,2 до 3,3 % занятых. Вместе с тем запрос на вторичную занятость гораздо выше и колебался в данный период от 7,1 до 9,7 % занятых. Понятно, что потребность во вторичной занятости во многом определяется высоким уровнем недооцененности труда в России, когда на одном рабочем месте невозможно получать достойный уровень заработной платы. Однако нельзя недооценивать и другой фактор — желание работника снизить зависимость своего материального положения от единственного работодателя.

Фактическая распространенность частичной занятости (с продолжительностью работы менее 30 часов в неделю) также достаточно мала и варьируется в 2010–2017 гг. в пределах от 4,7 до 6,3 % занятых, с тенденцией к понижению. Данный факт связан, с одной стороны, с дефицитом на рынке труда в современной России (средний уровень безработицы в 5,2–5,6 % свидетельствует, по сути, о наличии явления сверхзанятости, особенно в крупных городах, где безработица нередко составляет 1,4–1,8 % экономически активного населения), а с другой стороны в настороженном отношении российских работодателей к частично занятым в связи с меньшей зависимостью последних от первых и снижением возможностей контроля, особенно когда частичная занятость совмещается с другой работой. Рост частично занятых может быть связан и с кризисными явлениями в экономике, когда преобладает вынужденная частичная занятость работников. Кроме того, частичная занятость может быть сигналом наличия в отрасли сезонных перепадов объемов работ. Не случайно при общем низком уровне данного показателя в России в целом, в области сельского хозяйства уровень частичной занятости достигает 23,7–32,7 %.

Показателем, характеризующим гибкие формы занятости, является также и работа за рамками нормальной продолжительности рабочей недели (более 40 часов в неделю). По информации Росстата, таких работников от 6 до 6,8 % всех занятых. Как уже отмечалось, увеличение времени работы является чаще всего индикатором недооцененности труда. Но сама возможность подобной работы зачастую помогает работникам либо просто иметь работу, либо увеличить свои доходы и в связи с этим может рассматриваться как важная часть гибких форм занятости, во всяком случае в краткосрочной перспективе.

Для более детального исследования гибких форм занятости в консалтинговом центре ФГБОУ ВО СПбГАУ проводятся ежегодные инициативные опросы населения Санкт-Петербурга. Опрос проводился методом квотируемой выборки на торгово-развлекательных площадках и улицах города. Критерии квотирования: возраст, пол, отношение к занятости. Выборка составляет около 400 анкет на опрос.

Результаты данного исследования за ряд лет свидетельствуют о том, что уровень о распространения гибких форм занятости в Санкт-Петербурге превышает уровни, регистрируемые Росстатом. Так, в 2018 г. (январь) по основному месту работы неполная занятость была характерна для 21,5 % занятых, принявших участие в опросе. Дополнительная занятость на основном месте работы характерна для 8,3 % опрошенных. При этом более 35 % респондентов отмечали, что график их работы относится к более-менее свободному (не является жестким или гибким сменным), и у 22 % работников более 30 % рабочего времени определяется ими самими. Несмотря на наличие графиков работы, 48,7 % опрошенных заявляют, что они могут менять время своей работы по мере необходимости (отпроситься пораньше, изменить день выхода на работу

и пр.). Все это свидетельствует о наличии достаточно гибких условий занятости у значительной части опрошенных даже по основному месту работы. Конечно, рынок труда Санкт-Петербурга невозможно сопоставить напрямую с рынком труда в России в целом, но эти данные говорят о наличии реальных и потенциальных возможностей распространения гибких форм занятости в стране.

В отношении надомной работы результаты опроса показывают следующее. Не берут работу на дом 68 % респондентов, еще 20 % работают на дому в диапазоне 10–30 % времени работы, а 5 % работают на дому более 90 % рабочего времени.

Вторичная занятость присутствует у 10,6 % опрошенных. Причем у 92 % из них есть только одно место дополнительной работы, а для 30 % — это внутреннее совместительство. 15,2 % респондентов дополнительным местом работы рассматривают свою предпринимательскую деятельность, а 38,4 % подрабатывают случайными заработками.

С точки зрения времени, отработанного в неделю, ответы респондентов показывают следующее: менее 15 часов в неделю работает 4,3 % опрошенных, от 15 до 30 часов в неделю — 17,2 %, а от 31 до 40 часов — 42,2 % занятых. Таким образом, частичная занятость (менее 30 часов в неделю) характерна для 21,5 % респондентов. Соответственно, сверхзанятость (более 40 часов в неделю) распространена у 36,3 % опрошенных. Последнее, с одной стороны, вызывает беспокойство и свидетельствует о напряжении на рынке труда, но, с другой стороны, говорит о принципиальной возможности увеличения времени работы в условиях дефицитного рынка труда.

Таким образом, несмотря на недостаточный уровень воздействия факторов, способствующих формированию гибких форм занятости в России, в городах, которые более подвержены процессам распространения информационных технологий и глобализации экономических отношений, наблюдается следование общемировым тенденциям увеличения уровня распространения гибкости отношений между работодателями и наемными работниками в области организации рабочих мест и графиков работы.

Библиографический список

1. Rossiya i strany mira. 2016: Stat. sb. / Rosstat. М. 379 с.
2. Кастельс М. 2000. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.
3. Лукичев П. М., Москалев М. В. 2018. Дискриминация на национальных рынках труда: современные тенденции и проблемы // VI Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: материалы международной научной конференции. С. 208–213.
4. Чекмарев О. П. 2017. Трудовая теория стоимости и роботизация экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. № 2 (47). С. 188–196. URL: <https://motivtrud.ru/PCost/research.html razdel5> (дата обращения 12.12.2018).
5. Смит А. 1962. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз. 684 с.

Раздел 3

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ НА РЫНОК ТРУДА

Борисов Г. В., Попова Л. В., Сутырин С. Ф.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
g.borosiv@spbu.ru; l.v.popova@spbu.ru; s.sutyurin@hotmail.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ КАК УСЛОВИЕ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Аннотация: С использованием данных Comtrade, Trade Map и UNCTAD-Eora Global Value Chain Database за период 2001–2017 гг. в работе оценены показатели участия России в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦС) и внутриотраслевой торговле. Особое внимание уделяется развитию двусторонней торговли России с Китаем и Беларусью. Полученные результаты свидетельствуют о различном характере торгового обмена между названными странами. В последние годы отмечается тенденция усиления внутриотраслевой специализации в новых для стран сферах торгового обмена, таких как торговля сельскохозяйственной продукцией, продуктами питания, транспортными средствами, а также повышение уровня участия России в ГЦС.

Ключевые слова: Беларусь, внутриотраслевая торговля, глобальные цепочки создания стоимости, Китай, Россия.

Borisov G. V., Popova L. V., Sutyurin S. F.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

STRUCTURAL IMPROVEMENT OF RUSSIAN FOREIGN TRADE AS A CONDITION FOR LABOR PRODUCTIVITY GROWTH

Abstract: Using data from the Comtrade, Trade Map and the UNCTAD-Eora Global Value Chain Database for the period 2001–2017, the paper assesses Russia's participation in global value chains (GVCs) and intra-industry trade. Particular attention is paid to the development of bilateral trade between Russia, China and Belarus. The results confirm different trade pattern between Russia and these countries. Recent years has seen the growth of intra-industry trade between the countries in such new industries as agricultural products, food, transport vehicles, as well as an increase in Russia's participation in the GVCs.

Keywords: Belarus, China, intra-industry trade, global value chains, Russia.

Начиная с кризиса 2009 г. темпы роста производительности труда в России непрерывно снижались, стабилизовавшись в последние годы на уровне нулевых значений. Задача повышения производительности труда является одной из наиболее актуальных в настоящее время. Важным каналом решения этой проблемы является внешняя торговля. Результаты исследований показывают, что существует положительная связь между ростом внешней торговли и производительности труда, при этом наиболее очевидное воздействие на повышение данного показателя оказывает торговля, предполагающая международную интеграцию производственных процессов в форме участия в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦС) и внутриотраслевом обмене.

За последние несколько десятилетий международная торговля претерпела два важных события. Во-первых, произошла глобализация производства, которая выразилась в форме появления ГЦС. Во-вторых, значительно выросли масштабы торговли дифференцированными продуктами. Торговля дифференцированными товарами часто носит внутриотраслевой характер, когда страна экспортирует и импортирует товар или услугу той же отраслевой группы.

В литературе выделяется ряд причин, объясняющих более высокую производительность труда в тех отраслях, продукция которых используется в ГЦС. Первой причиной является углубление разделения труда и специализации отдельных фирм на выполнении тех задач, которые они могут выполнить с наибольшей эффективностью. Второй причиной роста производительности является доступ к более дешевому капиталу, труду и промежуточным товарам других стран. В-третьих, исследователи отмечают факт распространения передовых технологий в отраслях, которые участвуют в ГЦС. В-четвертых, участие в ГЦС позволяет получать малым и средним предприятиям экономию от масштабов, не проводя больших инвестиций в расширение производства (см. обзор литературы в [1]). Исследования показывают, что существует корреляция между производительностью труда и уровнем развития внутриотраслевой торговли [2].

Одной из общих мер участия страны в глобальном создании ценности является объем импорта и экспорта товаров производственного назначения (*intermediate goods*). Основы анализа ГЦС заложены Хаммелсом с соавторами [3], которые предложили две меры вертикальной специализации страны. Количество импортированных промежуточных продуктов, которые были использованы для создания экспортированных страной товаров, измеряет *обратное участие* в вертикальной специализации (*backward participation*). *Прямое участие* (*forward participation*) в вертикальной специализации показывает величину экспортированных страной промежуточных товаров, которые были использованы странами-партнерами в процессе производства товаров, входящих в их собственный экспорт.

Предложенные Хаммелсом с соавторами меры участия в вертикальной специализации лежат в основе различных показателей, характеризующих уровень вовлеченности страны в ГЦС. Так, характеристикой обратного участия страны в ГЦС является доля иностранной добавленной стоимости (импортированных промежуточных продуктов, которые были использованы для создания экспортированных страной товаров) в валовом экспорте страны. Значительная величина указанной доли говорит о нахождении страны в середине или в конце цепочки добавленной стоимости. Сумма промежуточных товаров, представляющих обратное и прямое участие, деленная на величину валового экспорта, называется коэффициентом участия страны в ГЦС.

Для оценки степени развитости внутриотраслевой торговли используются различные показатели, которые делятся на две группы. Первая из них включает индексы, которые сформулированы в абсолютных значениях экспорта и импорта, как, например, популярный индекс Грубела-Ллойда. Этот показатель измеряет внутриотраслевую торговлю как долю сбалансированной торговли, при которой экспорт равен импорту в общей торговле страны. Другая группа показателей включает маржинальные индексы, сформулированные в терминах изменений экспорта и импорта во времени. Они более адекватно отображают динамические изменения в торговых потоках в условиях высокой волатильности внешней торговли. Одним из наиболее популярных в эмпирических исследованиях является индекс маржинальной внутриотраслевой торговли, предложенный М. Брулхартом.

Ряд исследователей изучали развитость внутриотраслевой компоненты во внешней торговле России. Общим выводом ученых является то, что вовлечение России в международное разделение труда основывается главным образом на межотраслевой специализации (см., например, [4]). Особенности участия России в международной торговле, а также перспективы более глубокой интеграции страны в ГЦС проанализированы С. Ф. Сутырином с соавторами [5].

В настоящем исследовании мы использовали статистические данные COMTRADE, Trade Map, UNCTAD-Eora Global Value Chain Database за период 2001–2017 гг. В целях группирования товаров по группам применялась Международная стандартная торговая классификация SITC (2-й пересмотренный вариант).

Доля промежуточных товаров в экспорте России в 2001–2016 гг. находится в диапазоне 15–20 %. В торговле с Беларусью величина показателя составляет 18,3 % в 2016 г., тогда как в экспорте в Китай в рассматриваемый период доля промежуточных товаров сократилась более чем в два раза (с 36,8 до 15,5 %). В российском импорте удельный вес промежуточных товаров в целом уменьшился (с 21,2 до 16,3 %), при этом в импорте из Германии и Беларуси этот показатель выше, чем для России в целом (18 и 21 % соответственно), тогда как в импорте из Китая он

практически не меняется с 2005 г. и находится на уровне 12 %*. Наиболее высокую долю промежуточные товары занимают в российской торговле с Украиной и Казахстаном.

Доля иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте РФ оставалась достаточно стабильной на протяжении 2001–2014 гг., находясь в диапазоне 6–7 %. В то же время коэффициент участия России в ГЦС увеличилось с 35 до 49 %. Достаточно малая величина обратного участия при высокой величине общего участия в ГЦС характерна для крупных стран, экономика которых ориентирована на экспорт сырьевых товаров и находится в начале глобальных цепочек создания стоимости. После 2014 г. показатели участия России в ГЦС возросли. В 2017 г. коэффициент участия по прогнозным значениям достигнет 60 %, а доля иностранной добавленной стоимости в экспорте — 10 %**.

В соответствии с исследованием Всемирного Банка, доля российской добавленной стоимости в совокупной добавленной иностранной стоимости в китайском экспорте составляет 3 %. В основном это продукция добывающей и металлургической отраслей промышленности. Доля китайской добавленной стоимости в совокупной добавленной иностранной стоимости в российском экспорте достигает 10 %. Это также связано в первую очередь с первичными отраслями, такими как базовые металлы и химическая продукция, что является отражением специфики структуры российского экспорта.

Маржинальный индекс в общероссийской торговле, и особенно в торговле с Беларусью, выше, чем в торговле с Китаем. В отраслевом разрезе развитие внутриотраслевой торговли России с отдельными странами обнаруживает определенную специфику. В частности, в торговле с Беларусью высокий уровень развития внутриотраслевой кооперации наблюдается по таким товарным группам, как готовые пищевые продукты, химические товары, продукция машиностроения, транспортные средства и металлы.

Торговля России с Китаем осуществляется главным образом на межотраслевой основе. Наиболее высокий уровень внутриотраслевой специализации в российско-китайской торговле традиционно характерен для торговли химическими товарами и металлами. На современном этапе в силу изменений во внешнеэкономическом курсе России и ряда других факторов в двусторонней торговле отмечаются тенденции усиления внутриотраслевой специализации в новых для двух стран сферах деятельности. В частности, это касается сельскохозяйственной продукции и продуктов питания, а также торговли транспортными средствами.

Таким образом, изучение показателей участия России в ГЦС и внутриотраслевой торговли позволяет утверждать, что существуют большие возможности для улучшения структуры внешней торговли страны, которые будут способствовать росту производительности отечественной экономики.

Библиографический список

1. Criscuolo C., Timmis J. 2017. The Relationship between Global Value Chains and Productivity // International Productivity Monitor. Vol. 32. P. 61–83.
2. Kaitila V. 2008. Marginal Intra Industry Trade Expansion and Productivity Growth // The Research Institute of the Finnish Economy Discussion Papers Series. No. 1164.
3. Hummels B., Ishii J., Yi K.-M. 2001. The nature and growth of vertical specialization in world trade // Journal of International Economics. Vol. 54. P. 75–96.
4. Gusev M. 2007. Russia's intra-industry trade in international exchange: major trends and growth potential // Studies on Russian Economic Development. Vol. 18, no. 2. P. 196–205.
5. Sutyurin S., Koval A., Trofimenko O. 2014. Integrating into the multilateral trading system and global value chains: the case of Russia // Connecting to global markets. Challenges and opportunities: case studies presented by WTO chair-holders / eds M. Jansen, M. Sandi Jallab and M. Smeets. WTO Publications. Geneva. P. 103–115. URL: http://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/cmark_chap7_e.pdf

* Доля промежуточных товаров в экспорте и импорте взяты из Comtrade.

** Коэффициенты участия и доли иностранной добавленной стоимости в экспорте России для всех лет рассчитаны авторами с использованием данных Trademap и UNCTAD-Eora Global Value Chain Database.

Избиенова Т. А.

Марийский государственный университет,
Российская Федерация, 423038, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1
nfnf1978@yandex.ru

УЧАСТИЕ РАБОТНИКОВ В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФРГ И РФ)

Аннотация: В данном исследовании рассмотрены вопросы использования механизма участия работников в управлении организацией (формы социального партнерства) для мотивации персонала и повышения производительности труда. Отмечено, что российское трудовое законодательство содержит декларативные нормы, посвященные участию работников в управлении. Выявлены положительные стороны германской модели участия работников в управлении производством. Сделаны выводы о целесообразности комплексного изменения норм российского гражданского и трудового права для развития данной формы социального партнерства, наличие которой является предпосылкой формирования цифровой экономики.

Ключевые слова: производственный совет, экономическая функция трудового права, коллективное трудовое право.

Izbienova T. A.

Mari State University,
1, Lenina sq., Yoshkar-Ola, 424038, Russian Federation

PARTICIPATION OF WORKERS IN MANAGEMENT OF THE ORGANIZATION AS THE MECHANISM OF INCREASE IN LABOUR PRODUCTIVITY IN THE CONDITIONS OF DIGITAL ECONOMY (ON EXAMPLES OF GERMANY AND THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract: In this research questions of use of the mechanism of participation of workers in management of the organization (forms of social partnership) for motivation of personnel and increase in labor productivity are considered. It is noted that the Russian labor law contains the declarative norms devoted to participation of workers in management. Positive sides of the German model of participation of workers in production management are revealed. Conclusions are drawn on expediency of complex change of standards of the Russian civil and labor law for development of this form of social partnership which existence is a prerequisite of formation of digital economy.

Keywords: production council, economic function of the labor law, collective labor law.

Трудовое право, наряду с социальной и регулятивной функциями, играет роль в рациональном использовании трудовых ресурсов, стимулировании качественной и производительной работы и др., то есть выполняет производственную (экономическую) функцию, которая выражается в воздействии его норм и положений на ту группу трудовых отношений, которые связаны с производством материальных благ, ростом производительности труда, повышением эффективности производства и улучшением качества работы [1].

В течение последних лет после принятия «майских указов» Президента РФ в исследованиях ученых активно обсуждается вопрос о повышении роли производственной функции трудового права, о перспективах и возможностях ее реализации в России по европейской модели «участия работников в управлении предприятием» как механизме создания максимально благоприятных условий для развития экономики и повышения производительности труда [2; 3]. Значение производительности труда как экономической характеристики, которая отражает количество продукции, произведенной за единицу времени, сложно переоценить, поскольку данный показатель, показывает экономическое и социальное положение субъектов на макроуровне.

Однако, по данным государственных структур и аналитических агентств, в том числе Минэкономразвития России, Федерального министерства финансов Германии, Forbs и др., в последнее десятилетие состояние экономик практически всех развитых стран характеризует замедление производительности труда, что объясняется последствиями финансово-экономического кризиса. Не обошла данное явление отечественная экономика. Но если в странах Западной Европы такой спад обусловлен оттоком кадров в такие страны, как Германия, Великобритания, Италия, во время рецессии; сокращением отработанных часов и выражается замедлением роста производительности труда лишь в ряде отраслей экономики (темпы снижения роста в этих странах составляли в среднем от 1,9 % в период с 2000 по 2005 г. до 0,9 % в период с 2010 по 2015 г.), то в РФ ситуация менее оптимистична. Проведенный в 2017 г. анализ имеющихся в открытом доступе статистических данных, показал, что в 2005–2015 гг. в РФ сохранялся значительно более низкий (больше чем в два раза) уровень производительности труда по сравнению с группами стран ЕС, «Большой семерки». Причем в динамике этот разрыв практически не сокращался. При этом динамика индекса производительности труда в РФ в сочетании с сохранением ее низкого уровня представляет собой достаточно опасное явление с точки зрения, устойчивости экономического роста и обеспечения повышения уровня и качества жизни населения.

Решение данной проблемы определено в качестве одной из основных целей развития России, поставленных перед Правительством на период до 2024 г.

Согласно распространенным в экономической теории подходам, на уровень производительности труда влияют три основных фактора: факторы производственно-технической базы; человеческий (социальный) фактор; организационно-экономические факторы. Для того чтобы достичь максимальных показателей производительности труда, следует откорректировать дефекты по каждой группе факторов. Российский топ-менеджмент, акцентируя внимание на модернизации основных средств, как правило, не вкладывает ресурсов в организационный и человеческий факторы, поскольку они не являются очевидными при беглом изучении деятельности коммерческих организаций.

Социальные факторы преимущественно сводятся к повышению мотивации труда посредством профессиональных лифтов, организации труда и системы ответственности. К организационно-экономическим факторам повышения производительности труда относят систему совершенствования организации труда и управления, рациональный подбор и расстановку кадров, повышение их квалификации, внедрение рациональных режимов труда и отдыха и т. п., реализация которых осуществляется и через систему правовых норм, посвященных регулированию трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Правовая обоснованность необходимости регулирования данного вопроса нормами трудового права обусловлена частью 2 статьи 1 ТК РФ, в соответствии с которой основными задачами трудового законодательства являются создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства, а также правовое регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений по организации труда и управлению трудом. Если же обратиться к трудовому инструментарию решения данного вопроса, то можно увидеть следующее.

ТК РФ содержит ряд норм, которые, по мнению законодателя, направлены на повышение производительности труда: во-первых, достижению таких целей способно содействовать создание работодателем производственных советов, поскольку этому совещательному органу, образуемому на добровольной основе из числа работников данного работодателя, предоставлено полномочие по подготовке предложений по повышению производительности труда и квалификации работников (статья 22 ТК РФ); во-вторых, участие работников в управлении организацией в формах, предусмотренных статьей 53 ТК РФ (в частности, посредством обсуждения с работодателем вопросов о работе организации, внесение предложений по ее совершенствованию; обсуждения представительным органом работников планов социально-экономического развития организации); использование инструментов статьи 53.1 ТК РФ.

Согласно позиции законодателя, реализация данных норм может оказать некое позитивное воздействие на рост производительности труда конкретного работодателя. Однако даже самый беглый анализ указанных статей, позволяет согласиться с позицией большинства исследовате-

лей в сфере трудового права о декларативном характере норм, посвященных созданию производственных советов в России и участию работников в управлении. Данные нормы фактически явились «имитацией заимствования немецкой системы производственных советов в России» [2; 3], целью которых было не развитие реальных инструментов воздействия работников на степень эффективности работы, а формализованное исполнение Указа Президента РФ от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

Обращение к германскому законодательству об участии работников в управлении, в частности к Закону об участии представителей наемных работников в управлении (MitbestG) от 04.05.1976, который содержит положения о представительстве работников в наблюдательных советах акционерных обществ, коммандитных товариществ на акциях, обществ с ограниченной ответственностью и в других товариществах с численностью работников более чем 2000 человек и Закону об участии работников в управлении организацией (BetrVG) от 15.01.1972, согласно которому сотрудники компании, где работают не менее пяти постоянных работников, имеющих право голоса, наделены правом избирать данный орган, позволяет сделать вывод о наличии инструментов косвенного воздействия работников на вопросы производительности труда.

В соответствии с § 80 BetrVG перед производственным советом ставятся отдельные, носящие социально-экономический характер задачи содействие эффективному осуществлению гендерного равенства, особенно в сфере найма, занятости, образования, профессиональной подготовки и продвижения по службе; содействие примирению семьи и трудовой жизни, то есть фактически соблюдение баланса рабочего времени и времени отдыха, охрана частной жизни работника и другие.

Например, к совместному решению производственного совета и работодателя отнесены вопросы установления внутреннего трудового распорядка, начала и окончания рабочего дня, включая перерывы, временное сокращение или продление нормального рабочего времени; время, место и способ выплаты заработной платы; установление принципов оплаты труда, внедрение и применение новых методов оплаты и их модификация и другие.

Немаловажно, что в соответствии с § 96–98 BetrVG, работодатель и производственный совет взаимодействуют по вопросу профессионального обучения работников, оказывающему, как было отмечено ранее, важнейшее влияние на рост производительности труда. Например, работодатель обязан проводить с производственным советом совместные консультации по организации корпоративного профессионального обучения.

Работодатель и производственный совет при решении вопросов об обучении должны принимать во внимание потребности работников в корпоративном или внекорпоративном обучении. При обучении особо должны быть учтены потребности пожилых работников, работников, занятых неполный рабочий день, и работников с семейными обязанностями (абзац 2 ст. 96 BetrVG). Если работодатель планирует или реализует проведение производственных мероприятий, в результате которых имеющихся профессиональных знаний, навыков работников будет недостаточно для выполнения их трудовых обязанностей, то производственный совет имеет право предложить работодателю совместно решить вопрос о реализации мер по профессиональному обучению (абзац 2 ст. 97 BetrVG). Более того, производственный совет может возражать против назначения работодателем лица, на которое возлагаются обязанности корпоративного профессионального обучения, или требовать его освобождения от должности, если ответственное лицо не имеет личной или профессиональной, в частности профессионально-педагогической пригодности в смысле закона о профессиональном образовании (Berufsbildungsgesetz) или небрежно относится к своим обязанностям (абзац 2 ст. 98 BetrVG).

Совместному решению подлежит вопрос заключения между работодателем и производственным советом так называемого социального плана, содержание которого заключается в компенсации или смягчении экономических недостатков, которые могут быть причинены работникам в результате запланированной смены бизнеса (например, фундаментальной переориентации производства, ограничения производства) (§ 112 (1) BetrVG). Согласно (§ 111 (1) BetrVG), в компаниях с более чем двадцатью работниками, имеющими право голоса при избрании членов производственного совета, работодатель должен своевременно и всесто-

ронне информировать производственный совет по вопросам об ограничении или закрытии всего производства или существенных производственных частей, о слиянии с другими производствами или о его разделении, об изменении организации труда, производственной цели или производственных установок, о внедрении принципиально новых методов работы и технологий и другим.

Такое совместное участие, по мнению германских исследователей, оказывает положительное влияние на производительность труда. Так, например, экономический анализ деятельности предприятий с производственными советами показывает что, эффект совместного участия выражается через так называемое право голоса, при котором представительство работников служит неким рупором, посредством которого они могут обращать внимание работодателей на условия труда [4]. Кроме того, совместное управление облегчает поток информации и в противоположном направлении, то есть от менеджмента к персоналу, поскольку производственные советы способны доступно передавать политику работодателя персоналу, а также создать картину наличия «справедливого управления предприятием». Таким образом, производственные советы и совместное управление служат гарантией обеспечения социальной справедливости при решении вопросов управления персоналом, наличие которой способно оказать влияние на производительность труда [5].

Безусловно, имеются недостатки такой процедуры, которые иногда заключаются в бюрократизации процедур принятия управленческих решений и локальных актов, потенциальной возможности возникновения конфликтов между членами производственных советов и менеджментом. Однако, не смотря на некоторые дефекты совместного управления, избранный германским законодателем подход к регулированию коллективных трудовых отношений, представляющий из себя «основанное на принуждении к компромиссу» партнерство для упорядочения социально-экономических процессов на производстве посредством комплексного применения норм корпоративного и трудового права, дает определенный экономический эффект.

Библиографический список

1. *Сойфер В. Г.* 2011. Производственная функция трудового права // Кадровик. № 4. С. 36.
2. *Куренной А. М.* 2015. Социальное государство и социальное партнерство: как соединить усилия // Трудовое право в России и за рубежом. № 4. С. 3–7.
3. *Люттов Н. Л.* 2014. Производственные советы в России: баланс экономических и социальных прав // Журнал российского права. № 5. С. 95–104.
4. *Müller S.* 2011. Betriebsräte und betriebliche Produktivität // Journal of Contextual Economics — Schmollers Jahrbuch. Vol. 131, iss. 1. P. 73–89.
5. *Линец А. А.* 2018. «Трудовое право и поведенческая экономика» как сфера исследования (часть 2) // Трудовое право в России и за рубежом. № 3. С. 18–21.

Лубочкин М. М.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
m.m.lubochkin@spbu.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СФЕРЕ МАРКЕТИНГА В РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: В настоящей статье исследованы вопросы повышения производительности деятельности маркетинговых подразделений организаций в современных условиях. Выявлены основные проблемы, препятствующие на практике повышению производительности труда в рамках заявленной проблематики, определены перспективы их решения, сформулирован базовый прогноз развития средств повышения производительности труда в сфере маркетинга.

Ключевые слова: мировая экономика, производительность труда, экономика труда, экономика предприятия, высокие технологии, маркетинг.

Loubochkin M. M.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LABOR PRODUCTIVITY INCREASE IN MARKETING IN THE RUSSIAN AND WORLD ECONOMY

Abstract: The present article researches the matters of increasing the productivity of companies' marketing branches in the contemporary environment. Major problems which in practice impede the increase in labor productivity as per the stated agenda are determined, prospects for finding their solutions are defined, a basic forecast of marketing labor productivity amplification tools development is offered.

Keywords: world economy, labor productivity, labor economy, enterprise economy, high tech, marketing.

Одной из важных и динамично развивающихся в настоящее время областей деятельности всевозможных предприятий в современной мировой экономике является деятельность в сфере маркетинга и продаж. Рабочие процессы в данной области претерпели и продолжают претерпевать существенные изменения вследствие цифровой трансформации. Например, задачи, которые десятилетие назад решать было невозможно или нецелесообразно с экономической точки зрения, на сегодняшний день успешно выполняются в рамках повседневной деятельности предприятий — от малых до крупных — по всему миру. К таким задачам относится обработка и анализ больших данных, реализация которой возможна только в рамках автоматизированных решений, где роль человека ограничивается лишь разработкой данных решений, их настройкой и поддержанием их исправной работы.

Очевидным представляется, что дальнейшее развитие новых технологий, алгоритмов и вычислительных мощностей продолжит и в будущем изменять маркетинг организаций. При этом приходится учитывать, что на практике подобные изменения связаны не только с возможностью выполнения новых, ранее невыполнимых задач и общим повышением производительности труда маркетологов, но также с определенными издержками и проблемами. Далеко не всегда окупаются затраты на внедрение и поддержание многих современных систем. Этим обусловлена актуальность изучаемой в настоящей работе проблематики.

С учетом вышесказанного целью исследования является выявление основных направлений развития решений, повышающих производительность труда в сфере маркетинга в отечественной и мировой экономике. Данной цели соответствуют следующие задачи:

- выработать основной подход к определению проблем, связанных с повышением производительности труда в области маркетинга в современных условиях;

- определить перспективы развития средств повышения производительности труда в рамках указанной проблематики;
- сформировать прогноз характера и динамики развития средств повышения производительности труда для маркетинговой деятельности компаний.

Для решения поставленных задач следует прежде всего разделить маркетинговую деятельность на две связанных друг с другом, но при этом в целом различных составляющих: на цифровой и традиционный маркетинг. Цифровой маркетинг происходит в цифровом пространстве, прежде всего в сети Интернет и на мобильных устройствах. Часто он подразумевает объединение разных цифровых каналов продвижения (например, поисковых систем и контекстно-медийных сетей) в рамках одного решения. Традиционный маркетинг происходит преимущественно в офлайн-пространстве, при этом в нем также активно может использоваться программное обеспечение и компьютерные сервисы для решения тех или иных конкретных задач.

Согласно определению ОЭСР, под производительностью труда следует понимать «соотношение объема выпуска (результата) к объему вложений» [1]. Другие определения указанного термина по сути совпадают с приведенным [2]. Целью маркетинговой деятельности, совместно с деятельностью по продажам, является увеличение объема продаж, в идеальном случае — его максимизация с учетом возможностей предприятия по выпуску продукции или услуг. В более широком смысле ее конечной целью можно обозначить максимизацию прибыли предприятия, однако, во-первых, строго говоря, почти все подразделения коммерческой организации нацелены на максимизацию ее прибыли, по крайней мере в долгосрочной перспективе, а во-вторых, прибыль зависит не только от маркетингового отдела, но от деятельности всех подразделений. Поэтому говорить следует все-таки о маркетинговом отделе как об обособленном структурном подразделении.

Относительно вложений также возможны различные интерпретации, в зависимости от проблематики, поставленной в конкретном исследовании. Например, речь может идти о временных вложениях работников компании. В контексте данной работы наиболее корректно будет говорить, однако, непосредственно о финансовых вложениях в маркетинговую деятельность в широком понимании — от зарплат специалистам и затрат на содержание их рабочих мест до бюджетов на маркетинг и продвижение. Таким образом, в контексте маркетинговой деятельности предприятий производительность труда можно определить как соотношение объема продаж к затратам на их обеспечение. Отсюда очевидно, что для увеличения производительности труда в сфере маркетинга должен либо быть увеличен объем продаж, либо уменьшены затраты.

Основными средствами решения указанных задач на сегодняшний день являются:

- структуризация маркетинговой деятельности;
- внедрение решений по автоматизации.

Структуризация маркетинговой деятельности предполагает упорядочивание методологии маркетинга, применяемой в компании, оптимизацию человеческих ресурсов и рабочих процессов. Решения по автоматизации, как правило, ориентированы на следующие направления: повышение продаж, уменьшение затрат, формирование новых маркетинговых каналов, аналитика маркетинговой деятельности, работа с большими данными. Для каждого из указанных средств характерны свои проблемы и, соответственно, способы их решения [3].

Относительно структуризации деятельности следует сказать, что данная проблематика, хотя и изучается давно, разработана недостаточно. Объясняется данный факт как ее комплексностью в целом, так и огромным разнообразием всевозможных ситуаций, возможных для каждой отдельной фирмы в конкретной экономической, социальной и политической реальности. В маркетинге существуют общие рекомендации и руководства по увеличению его эффективности, однако, несмотря на это, существенной его частью на практике остаются опыт и навыки специалистов, способных подстраиваться под изменяющиеся условия [4].

К существующим мерам структуризации маркетинговой деятельности с целью повышения производительности труда занимающихся ею специалистов можно отнести использование известной и описанной как в научных, так и в прикладных работах методологии ее выстраивания и ведения, в том числе лучших практик других компаний, разработка собственных методов работы, постоянный мониторинг и анализ результатов проводимых кампаний, документация используемой в организации методологии, следующая из нее стандартизация процессов и обучение сотрудников в соответствии с разрабатываемой документацией. Помимо работы с процессами и методиками, сюда также относится работа с людьми: постановка KPI, направленных на максимизацию прибыли с учетом деятельности других подразделений компании, мониторинг деятельности и эффективности работы маркетингового персонала, его оптимизация — сокращение лишних работников и найм на ключевые позиции опытных маркетологов, имеющих опыт достижения поставленных целей и опыт руководства командой.

Понимая вышесказанное, можно определить проблемы, связанные с повышением эффективности труда в сфере маркетинга указанными способами. Их можно в целом подразделить на две составляющие: объективную (несовершенство существующих методологий и их недостаточная универсальность) и субъективную (несовершенство деятельности конкретной организации). Как правило, деятельность компаний, особенно крупных, сопряжена со множеством конфликтов интересов, конфликтов внутри коллективов, присутствием в команде слабых звеньев. Поэтому существующие методы и лучшие практики ведения маркетинговой деятельности не используются или используются неэффективно, недостаточное внимание уделяется анализу результатов, собственная методология не фиксируется, а существует только отрывочно в головах наиболее опытных сотрудников, обучение неэффективно или отсутствует, KPI не стимулируют работников к максимизации пользы для компании, управление человеческими ресурсами происходит неоптимально.

Если подытожить сказанное, на практике маркетинговая деятельность в большинстве организаций ведется и анализируется на умозрительном уровне, часто эффективность мероприятий определяется методом проб и ошибок, а их результаты не документируются и со временем забываются; системный подход отсутствует полностью. Сюда можно также добавить фактор, характерный для России и многих развивающихся стран, — нацеленность компаний на краткосрочный результат и отсутствие внятных стратегических планов [5]. Учитывая, что указанный круг проблем является традиционным и довольно старым, вряд ли стоит ожидать каких-либо серьезных прорывов в их решении в обозримом будущем.

Что касается решений по автоматизации маркетинговой деятельности, данная проблематика является сравнительно новой и в значительной мере окружена множеством мифов, зачастую старательно поддерживаемых продавцами автоматизированных решений. Вкратце их можно подразделить на две большие категории: решения, позволяющие делать то, что раньше делать было невозможно, и решения, улучшающие существующие процессы. Все они, по крайней мере в теории и в рекламных проспектах, направлены либо на увеличение продаж, либо на снижение издержек.

К недавно появившимся решениям, позволяющим реализовывать недоступные ранее виды деятельности, можно отнести: создание новых рекламных каналов (поисковое продвижение, контекстная и поисковая реклама, таргетированная реклама, тизерные и баннерные сети, продвижение на видеохостингах, брендинг ресурсов в сети Интернет); работа с большими данными; автоматизация конкретных действий, например массовое автоматическое создание объявлений для контекстной рекламы [3]. Основные решения, позволяющие совершенствовать имеющиеся процессы, относятся, как правило, к двум сферам: аналитика и автоматизация рутинного, низкоквалифицированного труда. Компании, ведущие активную маркетинговую деятельность, обычно используют как сторонние решения, так и разработанные самостоятельно или под заказ.

К базовым проблемам развития продуктов для автоматизации можно отнести опять же ряд объективных и субъективных факторов. Объективными факторами являются недостаточно быстрое развитие вычислительных мощностей, а также алгоритмов. Субъективными — нежелание и неспособность персонала осваивать новые методы работы, недостаточное понимание

руководством предприятий возможностей и недостатков предлагаемых на рынке решений, финансовая незаинтересованность менеджмента не внедрять новые технологии, неспособность и нежелание разработчиков создавать понятные интерфейсы и качественную документацию.

Развитие вычислительных мощностей и алгоритмов будет происходить в целом, вероятнее всего, в рамках уже установившихся темпов и тенденций под воздействием рыночной среды в мировой экономике. Указанные же субъективные проблемы связаны в основном либо с недостатком достоверной (и обилием недостоверной) информации, либо с неэффективно выстроенными бизнес-процессами на предприятии. Приходится констатировать, что поставщики решений напрямую заинтересованы в раздувании информационных поводов, в особенности преувеличенных и недостоверных, а руководители, сотрудники и даже владельцы компаний руководствуются, как правило, не рациональными экономическими, а субъективными человеческими мотивами.

Вряд ли можно ожидать изменения данной ситуации. По этой причине в части, касающейся повышения производительности труда в сфере маркетинга за счет новых технологий, нельзя ожидать в обозримом будущем каких-либо революционных изменений, а к информации, транслируемой как СМИ, так и профильными специалистами, имеет смысл относиться с существенной долей скепсиса. Следует ожидать медленного, достаточно устойчивого технологического развития, с постепенным ростом производительности труда, на фоне регулярно раздувающихся и лопающихся информационных и финансовых пузырей вокруг тех или иных технологий.

Библиографический список

1. OECD Manual — Measuring Productivity: Measurement of Aggregate and Industry-Level Productivity Growth. OECD (2001). URL: <https://www1.oecd.org/sdd/productivity-stats/2352458.pdf> (дата обращения: 28.11.2018).
2. McGrattan E. R., Prescott E. C. 2012. The Labor Productivity Puzzle. Federal Reserve Bank of Minneapolis, Research Department (May 2012). URL: <https://www.minneapolisfed.org/research/wp/wp694.pdf> (дата обращения: 28.11.2018).
3. Kotler P., Kartajaya H., Setiawan I. 2016. Marketing 4.0: Moving from Traditional to Digital. Hoboken: Wiley. 208 с.
4. Ялунер Е. В. 2017. Тенденции развития предпринимательства // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях. Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. С. 12–14.
5. Погорлецкий А. И., Сутырин С. Ф. 2010. Перспективы становления системы глобального налогового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. № 2. С. 47–59.

Максимова Т. Г., Попова И. Н.

Университет ИТМО,
Российская Федерация, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49
maximovatg@gmail.com; instats@ya.ru

ИЗМЕРЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА ПО ДАННЫМ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ И ТЕМАТИЧЕСКИХ ОНЛАЙН-ЗАПРОСОВ

Аннотация: Развитие информационных и коммуникационных технологий приводит к формированию новых организационных структур. Одновременно происходит развитие цифрового рынка, которое включает в себя в том числе улучшение доступа предприятий и потребителей к онлайн-товарам и услугам, создание условий для дальнейшего развития цифровых сетей и услуг. Вместе с тем цифровизация экономики рассматривается как новый толчок для роста эффективности экономической деятельности. В настоящее время особый интерес к измерению производительности обусловлен новым этапом технологического развития. Цель исследования состояла в том, чтобы оценить рынок труда в регионе по данным о тематической онлайн-активности населения и официальным статистическим данным, выделить субъекты, в которых наблюдается повышение производительности труда и конкурентоспособности промышленности за счет интеграции информационных и коммуникационных технологий в производственные процессы. Установлено, что официальная статистика предоставляет лишь показатели динамики производительности труда в регионах РФ. Оценить и сопоставить уровни производительности труда в разных субъектах РФ не представляется возможным. В то же время уровень онлайн-активности населения демонстрирует сезонную активность населения в поисках новых вакансий и удаленной работы. Развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры российских регионов способствует развитию удаленных форм работы и дистанционного обучения. Разработка методов интеграции официальных статистических данных и данных, получаемых в результате анализа онлайн-запросов, является перспективным направлением исследований.

Ключевые слова: производительность труда, регионы РФ, информационно-коммуникационные технологии, онлайн-активность, цифровая экономика.

Maximova T. G., Popova I. N.

ITMO University,
49, Kronverskyi av., Saint Petersburg, 197101, Russian Federation

MEASUREMENT OF LABOR PRODUCTIVITY ACCORDING TO OFFICIAL STATISTICS AND THEMATIC ONLINE QUERIES

Abstract: The development of information and communication technologies leads to the formation of new organizational structures. At the same time, the digital market is developing, which includes improving the access of enterprises and consumers to online goods and services, creating conditions for the further development of digital networks and services. At the same time, digitization of the economy is seen as a new impetus for the growth of the efficiency of economic activity. Currently, a particular interest in measuring performance is due to a new stage of technological development. The purpose of the study was to assess the labor market in the region based on data on thematic online activity of the population and official statistics, to identify subjects in which there is an increase in labor productivity and industry competitiveness through the integration of information and communication technologies in production processes. It is established that official statistics provides only indicators of labor productivity in the regions of the Russian Federation. It is not possible to assess and compare the levels of labor productivity in different regions of the Russian Federation. At the same time, the level of online activity of the population demonstrates seasonal activity of the population in search of new vacancies and remote work. The development of information and communication infrastructure of the Russian regions contributes to the development of remote forms of work and distance learning. The development of methods for integrating official statistical data and data obtained as a result of analyzing online queries is a promising area of research.

Keywords: labor productivity, regions of the Russian Federation, information and communication technologies, online activity, digital economy.

Введение. Происходящее повсеместно развитие информационных и коммуникационных технологий приводит к формированию новых организационных структур. Одновременно про-

исходит развитие цифрового рынка, которое включает в себя в том числе улучшение доступа предприятий и потребителей к онлайн-товарам и услугам, создание условий для дальнейшего развития цифровых сетей и услуг. Вместе с тем цифровизация экономики рассматривается как новый толчок для роста эффективности экономической деятельности.

Исследовательские задачи. В настоящее время особый интерес к измерению производительности обусловлен новым этапом технологического развития. Какие оценки производительности труда предоставляет официальная статистика? Можно ли по ним сопоставлять регионы по данному показателю? Наблюдается ли влияние уровня развития информационно-коммуникационных технологий региона на уровень производительности труда в нем? Можно ли оценить развитие рынка труда по данным о тематической онлайн-активности населения?

Обзор литературы. При обсуждении технологических новшеств, их влияния на экономические процессы возникают вопросы адекватных измерителей таких воздействий. Среди прочих рассматривается показатель эффективности деятельности — уровень производительности труда. По мнению специалистов Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, «Выработка государственной политики и нормативно-правового регулирования в отношении производительности труда не определена в качестве задачи ни за одним федеральным органом исполнительной власти. Несовершенны практика прогнозирования производительности труда, методические подходы к ее измерению; отмечается дефицит информации для анализа, оценки и мониторинга производительности труда» [1].

Вторым большим направлением в обсуждении научным сообществом является тема разработки конкретных измерителей, как для оценки состояния цифровой экономики, так и для измерения ее эффективности. Что касается рассматриваемого показателя, то в международной практике есть несколько действующих подходов к измерению производительности труда. Методология ОЭСР предусматривает расчет производительности труда как соотношение объема валового внутреннего продукта в постоянных ценах к совокупным затратам труда в эквиваленте полной занятости за анализируемый год. Методология МОТ определяет уровень производительности труда как количество продукции, произведенное за определенный период в расчете на одного работника, т. е. соотношение валового внутреннего продукта в постоянных ценах и общей численности занятых.

О цифровизации экономики многие специалисты высказываются однозначно: «в настоящее время наблюдается крайне малый масштаб информации, которая помогает количественно оценить экономические, социальные и экологические последствия данного явления» [2].

Описание данных и методы исследования. В рамках исследования для анализа использовался экономико-статистический инструментарий.

Данные включают официальную статистику Росстата по регионам РФ, а также данные, полученные с помощью анализа поисковых запросов в Интернете.

Эмпирический анализ. *Анализ уровня развития ИКТ по регионам РФ.* Для оценки степени распространенности информационно-коммуникационных технологий в стране в официальной статистике за 2016 г. Росстатом представляются данные главным образом по долевым показателям. Это удельный вес организаций из числа обследуемых, использующих персональные компьютеры, серверы, локальные вычислительные сети и глобальные информационные сети; использующих Интернет, в том числе широкополосный доступ; имевших веб-сайт, специальные программные средства, использовавших системы электронного документооборота; а также число персональных компьютеров на 100 работников, в том числе с доступом к сети Интернет, и затраты на информационные и коммуникационные технологии.

За последние 10 лет темпы роста этих индикаторов по регионам стремительно растут. Лидером по росту показателя «удельный вес организаций, использовавших Интернет», стала Республика Тыва, чей показатель вырос более чем в 4,5 раза (с 19,2 до 87,4 %). Второе место в рейтинге заняла Республика Ингушетия, в которой последние два года этот показатель составляет 100 % (рост по сравнению с 2006 годом — 2,8 раза). Низкие темпы роста наблюдались у регионов, где уже в 2006 г. значения показателя были высокими.

В 2016 г. отмечается существенный размах значений в регионах. По числу персональных компьютеров на 100 работников от 35 до 77, в том числе имеющих доступ в интернет от 21 до 58.

По удельному весу организаций, использующих персональные компьютеры, серверы, локальные вычислительные сети и глобальные информационные сети: от 62,6 до 100; от 30,2 до 79,1; от 36,6 до 80,3; от 61,8 до 100 %. Сопоставление рейтингов субъектов РФ по данным показателям показывает, что в лидерах чаще других оказываются Москва и Санкт-Петербург. Среди других регионов высокие позиции по отдельным показателям имеет Ингушетия (использование ПК, глобальные информационные сети по 100 %, системы электронного документооборота — 99,1 %, веб-сайты — 64,2 %). При этом значения других показателей республики одни из самых низких: количество ПК на 100 работников — 40, с доступом в интернет — 25. Трудно объяснить представляется и тот факт, что спектр регионов, попавших в топ лучших очень широк. Конкретный регион может иметь один высокий показатель, а по остальным иметь умеренные или даже низкие значения. Например, Республика Алтай имеет высокие значения долей организаций, использующих ПК, глобальные информационные сети, имеющих системы электронного документооборота: 97, 95,3 и 80,6 % соответственно. Количество ПК на 100 работников — 55, а с доступом в интернет только 37.

Анализ уровня производительности труда в регионах РФ по данным официальной статистики. Уровень производительности труда в РФ в целом на протяжении 2006–2016 гг. ежегодно увеличивался, что привело к его росту за весь период на 18,8 %. Исключениями стали 2009, 2015 и 2016 гг. При этом ожидаемо динамика данного показателя в отдельных регионах существенно различается. По итоговому росту показателя определились два лидера — Республика Адыгея и Белгородская область (рост 84,6 и 82,1 % соответственно). Следует обратить внимание на то, что в этих регионах в течение 10 лет не было снижений. Всего 20 субъектам РФ удалось увеличить производительность труда за 10 лет более чем в 1,5 раза (Калужская область, Тамбовская область, Республика Марий Эл, Воронежская область, Брянская область, Чукотский автономный округ, Тульская область, Сахалинская область, Республика Мордовия, Иркутская область, Республика Дагестан, Пензенская область, Астраханская область, Новгородская область, Республика Башкортостан, Республика Ингушетия, Курская область, Саратовская область). Для 9 регионов снижение наблюдалось в 2009 г. Также в 2015 в большинстве данных регионов РФ рост составлял 1–3 %, а в 2016 г. в шести из них наблюдалось уменьшение производительности труда. Только двум регионам из этого списка удалось избежать сокращений и сохранить рост показателя на протяжении этого периода: Новгородская область (прирост за период — 51,7 %) и Республика Башкортостан (51,5 %). Завершают рейтинг с ростом производительности труда меньше 10 % Волгоградская область (9,4 %), Москва и Мурманская область (7,7 %), Кемеровская область (7,1 %), Вологодская область (6,9 %), Республика Бурятия (6,3 %), Тюменская область (4,3 %). В Ивановской области шесть лет из десяти происходило снижение производительности труда, что в итоге привело к ее сокращению на 1,3 %.

Анализ уровня активности рынка труда в регионах РФ по поисковым запросам. В рамках исследования был проведен анализ распространенности поисковых запросов по ключевым словам, связанным с рынком труда и ИКТ, по данным сервиса Яндекс WordStat. Данный подход не является дублированием официальных данных, в то же время он может дополнить имеющуюся картину или подтвердить возникшие сомнения при анализе официальной статистики. Как показано в наших работах [3; 4], онлайн-активность населения может служить отражением процессов трансформации социального пространства и рынка труда. Оценка ее региональной дифференциации, среднесрочных тенденций развития будет полезна для понимания состояния рынка труда и выработки корректирующих воздействий. Региональные данные о распространенности поисковых запросов с ключевыми словами «Работа», «Технологии», «Электронная документация», «Программное обеспечение» и другие были проанализированы по регионам и городам РФ. В отличие от результатов официальных данных, лидерами стали Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Удмуртская Республика. Причем онлайн-активность в этих регионах продемонстрирована как в отношении запросов о рынке труда, так и о ИКТ. Динамика запросов с ключевыми словами «работа вакансии» демонстрирует выраженную сезонность с пиками активности в январе, апреле и октябре-ноябре. При этом пиковые абсолютные значения числа запросов достаточно стабильны в 2017–2018 гг. — около 6,5 млн. Спад активности наблюдается в летние месяцы и период новогодних праздников. Динамика

запросов с ключевыми словами «удаленная работа», «работа в интернет» также подвержена сезонности. В 2018 г. наблюдается рост количества максимального числа показов по сравнению с 2017 г. на 20 %, однако абсолютное максимальное за период количество запросов составляет около 150 тыс. В отличие от уровня онлайн-активности, относительная популярность тем в киберпространстве зависит в основном от потребностей и привычек населения регионов.

Выводы. В результате проведенного исследования установлено, что из-за отсутствия данных об уровне производительности труда в регионах РФ оценить и сопоставить величины этого показателя в разных субъектах РФ не представляется возможным. Следовательно, нельзя и установить влияние развития ИКТ на уровень производительности труда. Выдвинутые исходно гипотезы о влиянии динамики уровня ИКТ на динамику уровня производительности труда были опровергнуты, так как были получены незначимые коэффициенты корреляции. В тоже время уровень онлайн-активности населения демонстрирует сезонную активность населения в поисках новых вакансий и удаленной работы. Развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры российских регионов способствует развитию удаленных форм работы и дистанционного обучения. Результаты анализа данных о тематической онлайн-активности населения регионов и выводов, сделанных по данным официальной статистики, противоречивы. Разработка методов интеграции официальных статистических данных и данных, получаемых в результате анализа онлайн-запросов, является перспективным направлением исследований.

Библиографический список

1. Производительность труда в Российской Федерации. 2017. Социальный бюллетень. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13612.pdf> (дата обращения: 12.12.2018).
2. Минашкин В. Г., Прохоров П. Э. 2018. Статистический анализ использования цифровых технологий в организациях: региональный аспект // Статистика и экономика (№ 5). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36657263> (дата обращения 12.12.2018).
3. Верзилин Д. Н., Максимова Т. Г., Антохин Ю. Н., Горовых Э. И. 2017. Цифровая трансформация социального пространства регионов России: подходы к оцениванию // Новые подходы и методы управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов: материалы Всероссийской научно-практической конференции (СПб, 24–25 октября 2017 г.). С. 190–196.
4. Verzilin D., Maximova T., Sokolova I. 2017. Online Socioeconomic Activity in Russia: Patterns of Dynamics and Regional Diversity // Communications in Computer and Information Science. Vol. 745. P. 55–69. doi: 10.1007/978-3-319-69784-0_5.

Подоба З. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
z.podoba@spbu.ru

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ТОВАРООБОРОТА ЕАЭС И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация: Цель исследования состоит в определении особенностей динамики и структуры товарооборота ЕАЭС и Республики Корея до и после образования союза в свете обсуждения вопроса о создании ЗСТ. Анализ динамики двусторонней внешней торговли показал, что Республика Корея входит в десятку наиболее значимых партнеров ЕАЭС (7-е место, доля — 3,3 % в 2017 г.). На Россию приходится 92 % (2017 г.) объемов торговли. Для союза в целом торговые отношения с Республикой Корея складываются с положительным сальдо. В товарной структуре экспорта ЕАЭС в Республику Корея более 70 % приходится на минеральные продукты, в структуре импорта — 50 % занимают средства наземного транспорта и машины и оборудование. Для оценки внешнеторгового сотрудничества ЕАЭС и Республики Корея были рассчитаны показатели индекса интенсивности торговли как для ЕАЭС в целом, так и для каждой страны-участницы.

Ключевые слова: ЕАЭС, Республика Корея, товарооборот.

Podoba Z. S.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

DYNAMICS AND STRUCTURE OF THE EEU — SOUTH KOREA TRADE

Abstract: The study aims to determine the features of trade dynamics and structure between the EEU and the Republic of Korea before and after the formation of the union in the light of the discussion on the FTA creation. An analysis of the dynamics of bilateral trade shows that the Republic of Korea is one of the ten most significant partners of the EEU (7th place, share — 3.3 % in 2017). Russia accounts for 92 % of the trade (2017). The union has trade surplus with South Korea. Mineral products dominate in the EEU's export to South Korea, while its imports from Korea mostly comprise motor vehicles and machinery. The trade intensity index was calculated for both the EAEU as a whole, and for each participating country.

Keywords: EAEU, Republic of Korea, trade.

Внешнеэкономические устремления стран ЕАЭС как единого рынка в условиях напряженных отношений с западными партнерами постепенно разворачиваются в сторону стран Азии. Ведущую роль в активизации экономического партнерства постсоветского пространства со странами Восточной Азии, бесспорно, играет Китай, однако у Республики Корея также есть достаточно опыта и возможностей по привлечению заинтересованных сторон к совместным усилиям по экономической интеграции.

Республика Корея за последние десятилетия продемонстрировала невероятные успехи в экономическом развитии, став одной из ведущих индустриальных экономик мира. Республика Корея придерживается экспортно ориентированной стратегии и специализируется на поставках на мировой рынок товаров с высокой добавленной стоимостью [1].

Республика Корея активно участвует в региональных интеграционных процессах и создании зон свободной торговли (ЗСТ): на 2018 г. в силу вступили 15 соглашений с 52 странами [2]. В 2013 г. руководство Республики Корея выдвинуло идею «Евразийской инициативы» — масштабного проекта, подразумевающего соединение экономических, энергетических и транспортных комплексов стран Евразии, с перспективой формирования единого пространства, простирающегося от Западной Европы до Северо-Восточной Азии. Для Республики Корея Евразийская инициатива представляет возможное решение проблемы преодоления двойной зависимости: от США как от военно-политического союзника и от Китая как от основного экономического партнера — на фоне растущего американо-китайского соперничества [3]. Этот проект во многом созвучен с китайской концепцией «Один пояс — один путь» и российской

идеями о Большом евразийском партнерстве. Все упомянутые концепции имеют общую конечную цель — активизацию внутрирегиональной торговли и инвестиций. Несмотря на то что реализация корейской стратегии сталкивается с рядом сложностей и далека от достижения поставленных целей, само существование подобной инициативы свидетельствует о наличии потребности в интенсификации сотрудничества стран региона.

ЕАЭС поступательно включается в региональные интеграционные процессы со странами Азии. Так, в 2015 г. завершился процесс создания зоны свободной торговли (ЗСТ) ЕАЭС и Вьетнама. В 2018 г. подписано Временное соглашение, ведущее к образованию ЗСТ между ЕАЭС и Ираном. Ведутся переговоры о подписании соглашений с Индией, Сингапуром, Израилем.

В 2016–2017 гг. страны АТЭС обогнали страны Евросоюза по объему экспортируемых в ЕАЭС товаров [4]. Несмотря на то что основным торговым партнером ЕАЭС в Северо-Восточной Азии является Китай, активное обсуждение создания ЗСТ ведется именно с Республикой Корея. Администрация корейского президента Мун Чжэина в 2017 г. заявила о намерении удвоить объем торговли со странами ЕАЭС к 2020 г.

Цель исследования состоит в определении особенностей динамики и структуры товарооборота ЕАЭС и Республики Корея до и после образования союза в свете обсуждения вопроса о создании ЗСТ. Для оценки имеющейся базы для углубления взаимодействия проведен количественный анализ торговли с Республикой Корея как ЕАЭС в целом, так и с каждой из стран-участниц. Для расчетов использованы статистические данные ITC Trademap, WITS Worldbank.

Объем торговли между ЕАЭС и Р. Корея является сравнительно небольшим для обоих торговых партнеров и в 2017 г. составил 20,6 млрд долл. [4]. До создания ЕАЭС за период 2002–2008 гг. объемы торговли Кореи и пяти будущих участников союза поступательно росли со среднегодовым темпом около 30 % (3,4 млрд долл. в 2002 г., 18,9 млрд долл. в 2008 г.). Во время мирового финансового кризиса объемы товарооборота снизились на 44 %, но уже к 2010 г. товарооборот вернулся практически к докризисному уровню (+72 %). В 2011–2014 гг., после создания Таможенного союза, темпы роста торговли замедлились и в среднем составляли около 11 %. В 2015–2016 гг. ввиду проблем в экономике России, введения санкционного режима и снижения цен на нефть произошел заметный спад взаимной торговли. Положительная динамика (+45,4 %) наметилась в 2017 г. На ЕАЭС приходится 1–2,5 % внешней торговли Республики Корея. Аналогичный показатель для Кореи во внешней торговле ЕАЭС составляет чуть более 3 %, что позволяет сделать вывод о том, что для ЕАЭС Республика Корея является более значимым торговым партнером, чем для Республики Корея ЕАЭС.

Анализ динамики торговли по странам — участницам ЕАЭС показывает, что рост совокупного товарооборота не является одинаковым для каждой из стран. Общую динамику ЕАЭС повторяет Россия, достаточно близко — Беларусь, а вот темп роста объема торговли Республики Корея с Арменией и Киргизией является волатильным ввиду небольших объемов торговли. Примечательно, что до создания ЕАЭС динамика товарооборота с Республикой Корея небольших экономик — Армении, Беларуси и Киргизии — являлась достаточно скачкообразной: в 2002–2009 гг. товарооборот мог как увеличиваться, так и снижаться в 5–20 раз, однако после создания союза изменения товарооборота всех стран носит более устойчивый характер.

Для союза в целом торговые отношения с Республикой Корея складываются с положительным сальдо, которое в 2017 г. составило 5,2 млрд долл. Республика Корея для ЕАЭС является шестым по величине партнером по экспорту товаров и седьмым — по импорту. Для Республики Корея ЕАЭС также входит в десятку крупнейших рынков сбыта, но в импорте занимает лишь 21-е место. Стабильно положительное сальдо в торговле с Республикой Корея имеет Россия, в то время как внешнеторговое сальдо Армении и Киргизии с корейской стороной является стабильно отрицательным. Казахстан получил положительный торговый баланс в 2017 г. впервые с 2011 г. Республика Беларусь по итогам 2016–2017 г. также имела положительное сальдо.

Вклад Армении и Киргизии в экспорт ЕАЭС является незначительным (менее 0,01 %). Не велика и доля Республики Беларусь, на которую приходится всего 0,3 % экспорта союза. Наибольший процент экспорта в Корею принадлежит России (92,0 % в 2017 г.). На втором месте, значительно уступая лидеру, находится Казахстан (7,6 %). В импорте устойчиво небольшими

остаются товаропотоки из Кореи в Армению и Беларусь (0,1 и 0,4 % соответственно), Киргизия импортирует более 1,0 % продукции. Россия и Казахстан занимают примерно те же позиции, что и в экспорте.

Для анализа оценки внешнеторгового сотрудничества ЕАЭС и Республики Корея были рассчитаны показатели индекса интенсивности торговли как для ЕАЭС в целом, там и для каждой страны-участницы. Согласно проведенным расчетам, после создания Таможенного союза и далее ЕАЭС произошла активизация торговли с Республикой Корея. В 2015–2016 гг. значение индекса превысило 100. С другой стороны, оценка интенсивности сотрудничества по странам показала, что только для России индекс интенсивности торговли превышает пороговый уровень, начиная с 2010 г. Именно взаимодействие России и Республики Корея определяет высокую значимость этого азиатского партнера для союза, так как интенсивность торговли Киргизии, Армении и Беларуси с Республикой Корея близка к 0.

Расчет индексов интенсивности торговли в противоположном направлении показал, что значение индекса в паре РК-ЕАЭС ниже, чем у Республики Корея с другими странами мира в целом (исключения составили 2007–2008 гг., 2013 г.). Интенсивность торговли для Республики Корея со странами ЕАЭС была наибольшей в период роста цен на нефть перед мировым финансовым кризисом. Что касается странового разреза, то превышающее пороговое значение индекса в торговле с Россией наблюдалось в 2010–2014 гг. В связи с тем что Республика Корея является экспортно ориентированной страной, интенсивность товаропотоков с Арменией, Казахстаном и Киргизией у нее выше, чем в обратном направлении.

В товарной структуре экспорта ЕАЭС в Республику Корея по итогам 2017 г. 72,5 % приходится на минеральные продукты. При этом свою роль в увеличении этой доли играет не только Россия, но и Казахстан. Создание общего рынка с ЕАЭС позволило Казахстану развивать потенциал энергетической отрасли, не только увеличивая поставки нефти и газа в рамках союза, но и укрепить свои позиции на международном рынке. До 2013 г. Казахстан практически не осуществлял поставки энергоносителей в Р. Корея, но с 2014 г. начал развивать это направление экспорта. По итогам 2017 г. доля нефти в экспорте Казахстана в Республику Корея увеличилась на 30 %.

Второй крупнейшей позицией в экспорте ЕАЭС в 2017 г. является товарная категория «Рыба и морепродукты» (с долей в 6,6 %; полностью поставляется российскими производителями).

Примечательно, что основу экспорта стран — участниц ЕАЭС, занимающих малую долю в торговле, составляют другие товарные группы: 75 % экспорта Армении — это одежда, 80 % экспорта Беларуси — удобрения, около 70 % экспорта Киргизии — продукты питания.

Если рассматривать товарную структуру импорта, то его половина приходится на две товарные категории — средства наземного транспорта и машины и оборудование, что связано с высоким качеством корейской продукции и конкурентной ценой. По данным Аналитического агентства «АВТОСТАТ», в 2018 г. доля корейских легковых автомобилей (по объему продаж) на рынке России составила 23 %, Казахстана — 15 %.

Таким образом, анализ динамики товарооборота между странами ЕАЭС и Республикой Корея позволяет сделать следующие выводы. Взаимная торговля отличается динамичностью развития. Основу сотрудничества определяет торговля с Россией и частично с Казахстаном, доли остальных стран очень малы. К значительному увеличению торговли с Республикой Корея создание союза не привело. Исключение составляет Казахстан. У каждой из стран после присоединения к ЕАЭС стабилизировался темп роста торговли с Республикой Корея.

Торговля между ЕАЭС и Республикой Корея базируется на комплиментарности структуры экспорта партнеров. Актуальным становится не простая закупка у корейских товаров, необходимых для развития промышленности на территории стран ЕАЭС, а осуществление стратегического партнерства, в том числе путем совместной разработки технологий и включению ЕАЭС, благодаря Республике Корея, в глобальные цепочки поставок. Пока торговля представляет собой обмен энергоресурсов на промышленную продукцию. Неменяющаяся товарная структура оказывает влияние и на умеренный рост товарооборота между странами.

Согласно расчетам индекса интенсивности торговли, сотрудничество для ЕАЭС с Республикой Корея является более интенсивным, чем сотрудничество Республики Корея с ЕАЭС.

Библиографический список

1. Подоба З.С., Титова А.М. 2018. Чеболь как основа экспортно ориентированной экономики Республики Корея // Азия и Африка сегодня. № 3. С. 33–40.
2. Korea Customs Service. Current status of FTAs. URL: http://www.customs.go.kr/kcshome/main/content/ContentView.do?contentId=CONTENT_ID_000001323& layoutMenuNo=21039 (дата обращения: 15.01.2019).
3. Лукин А., Коротич С. 2016. Евразийская инициатива после Пак Кын Хе: развитие, современное состояние и перспективы южнокорейских интеграционных проектов // Известия Восточного института. Т. 4 (32). С. 102–112.
4. Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/> (дата обращения: 15.01.2019).

Шаныгин С. И., Зуга Е. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
s.shanygin@spbu.ru; e.zuga@spbu.ru

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: Проанализирована динамика производительности труда (ПТ) в субъектах России в период 2000–2016 гг. На федеральном и региональном уровнях выполнены сопоставления ПТ. Выявлены отдельные общероссийские тенденции, рассмотрена детализация их по округам и регионам. Проанализированы частотные распределения и вариация производительности труда по областям, краям, республикам РФ, выделены регионы — лидеры и аутсайдеры. Сделаны предположения о влиянии уровня индустриализации регионов на величину ПТ (в стоимостном выражении).

Ключевые слова: производительность труда, региональная статистика, валовый региональный продукт, численность занятых.

Shanygin S. I., Zuga E. I.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

LABOR PRODUCTIVITY IN RUSSIA: REGIONAL ASPECT

Abstract: The dynamics of labor productivity in the subjects of Russia were analyzed during the period 2000–2016. Labor productivity comparisons were made at the federal and regional levels. Specific all-Russian trends were identified, and their details by Federal districts and regions were considered. Frequency distributions and variations in labor productivity across regions, territories, and republics of the Russian Federation were analyzed, and leaders and outsiders among them were highlighted. Assumptions about the influence of the industrialization level of the regions on the labor productivity (in terms of value) were made.

Keywords: labor productivity, regional statistics, gross regional product, employment.

Анализ производительности труда (ПТ) является неотъемлемой составной частью большинства программ международных сопоставлений. Традиционно исходные данные по ПТ на Росстате представляются в индексной форме. Сравнение темпов роста с другими макроэкономическими показателями позволяет прогнозировать тенденции развития национальных экономик, перспективы улучшения качества жизни населения [1]. При анализе ПТ в абсолютном виде значения показателя оказываются существенно зависимыми от состояния основных фондов и эффективности их использования. По этой причине считается, что сравнение регионов по данному показателю нецелесообразно. Однако представляется, что в рыночных условиях допустимы такие оценки, и в том числе проведение сопоставительного анализа. В макроэкономических исследованиях производительность труда обычно определяется как отношение ВВП к численности занятых, для сопоставления регионов страны между собой возможно использовать ВРП [2; 3]. Рассмотрим основные закономерности вариации ПТ во времени и пространстве, характерные для России в 2000–2016 гг. (за более поздние годы официальная информация [4] пока отсутствует).

При региональном анализе субъекты с аномальными значениями статистических показателей обычно исключаются из рассмотрения. Но такими регионами являются самые лучшие и самые худшие по данному показателю, и последующее выполнение анализа без них приводит к искусственной похожести всех регионов страны. При этом часть статистических показателей, например коэффициент вариации, коэффициенты асимметрии и эксцесса распределений регионов оказываются искаженными и не только упрощают объективно существующие в стране закономерности, но и искусственно искажают их, способствуя формированию неадекватных оценок ситуации. Применение достаточно результативных методов структурного анализа ока-

зывается нецелесообразным, выявление достоинств и недостатков существующих внутриэкономических механизмов и проверенных практикой направлений совершенствования оказывается затруднительным. По этим причинам особенностью проведенного исследования являлось неисключение регионов со статистически аномальными значениями показателя ПТ.

Средняя ПТ в нашей стране на протяжении всего периода медленно и неуклонно росла (в постоянных ценах 2000 г.) со среднегодовым приростом примерно 4%, однако до 2008 г. он составлял 6,0%, а далее только 1,8%, что предположительно обусловлено влиянием мирового финансового кризиса. Минимальное среди регионов значение ПТ до 2008 г. росло примерно также (6,1%), но в последующие годы оставалось в среднем почти неизменным, что подтверждает зависимость части регионов от ситуации на мировом рынке. Модальное и медианное значения ПТ имели похожие тенденции, были всегда меньше среднего значения, при этом с 2003 г. мода была всегда меньше медианы (кроме 2015 г.), что соответствует классической правосторонней асимметрии распределения субъектов и свидетельствует о преобладании регионов с низкой производительностью труда. Средний по всем ФО коэффициент внутрирегиональной вариации ПТ в рассматриваемом периоде уменьшался с 47,4% до 41,8%, незначительно колеблясь при этом, предположительно, вследствие реализации в стране государственных программ [5], в частности по импортозамещению в 2015 г. Можно сделать вывод, что регионы РФ становятся по уровню ПТ более похожими, что в сочетании с увеличением минимума в постоянных ценах свидетельствует о достаточно положительной для страны тенденции.

С другой стороны, анализ графиков частотных распределений ПТ (по регионам РФ, отдельно для каждого года рассматриваемого периода через 1–2 года) выявил следующее. Для распределений всех лет до 2013 г. (по 8 интервалов) было характерно сосредоточение большинства регионов в первом и втором интервалах при стабильном увеличении минимума в постоянных ценах, при этом количество регионов в других интервалах было относительно незначительным. В следующие годы характер распределений изменился: резко сократилось число регионов в первом интервале, существенно увеличилось во втором и третьем, незначительно — в остальных. Можно предположить, что для экономик многих регионов РФ до 2013 г. был более характерен относительно экстенсивный путь развития, базирующийся на устаревающих со времен СССР основных фондах, но в условиях достаточно высоких мировых цен на ископаемые энергоресурсы. С началом санкционного периода и развития программы импортозамещения в значительной части регионов произошло хотя бы частичное переоснащение производства, во многих регионах выросла и производительность труда. При этом на протяжении большинства лет в качестве аутсайдеров были в основном одни и те же субъекты: Ивановская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Чеченская Республика; аналогично в качестве лидеров: г. Москва, Сахалинская область, Тюменская область, Чукотский автономный округ. Однако лидерство части регионов возможно обусловлено только особенностями статистического учета — при применении вахтовых методов работы, при формальной регистрации части организаций в одном городе и фактической деятельности в других и т. п.; аутсайдерство — при неполном учете результатов деятельности индивидуальных (семейных) хозяйств и др.

Сравнение динамики ПТ по федеральным округам (без Республики Крым и г. Севастополя) выявило интересные закономерности. На протяжении всего периода во всех из них производительность труда росла в постоянных ценах, при этом взаимное соотношение ФО оказалось неизменным на протяжении 17 лет (в порядке убывания): Уральский (243,6 тыс. руб. на 1 занятого в 2016 г.), Центральный, Дальневосточный, Северо-Западный, Сибирский, Приволжский, Южный, Северо-Кавказский (70,2 тыс. руб. на 1 занятого в 2016 г.). Соответственно среднегодовые темпы роста ПТ в ФО оказались почти одинаковыми (103–104%). Но обращают на себя внимание тенденции динамики ПТ трех ФО: с 2003 по 2009 г. наблюдается интенсивный рост ПТ в Уральском и Центральном округах с последующим возвращением к своим долговременным трендам, а также в Дальневосточном, краткий (2–3 года) интенсивный рост в котором пришелся на послекризисный (2007–2008 гг.) период, но с дальнейшим ростом с прежним темпом на новом уровне. Нормирование производительности труда округов по среднероссийскому уровню позволило сгруппировать ФО: выше общероссийского уровня в течение всего перио-

да — Уральский, Центральный, Дальневосточный; примерно на общероссийском — Северо-Западный; ниже — остальные. Причем, ПТ в Уральском ФО составляла в среднем за период 1,7 от общероссийской, а в Северо-Кавказском — 0,46. Такой рейтинг ФО обратно соответствует возможному увеличению доли сельского хозяйства в их экономике.

Анализ ПТ по субъектам (автономным округам, краям, областям, республикам) РФ позволил констатировать следующее. Практически во всех из них значение показателя относительно медленно росло (в постоянных ценах 2000 г.) в диапазоне от 29,5–377,2 тыс. руб. на 1 занятого в 2000 г. до 49,7–500,3 в 2016 г. с относительно небольшими колебаниями в отдельных регионах в отдельные годы. При этом рейтингование субъектов по среднему за период значению ПТ показало, что в верхней части рейтинга — в основном северные регионы, ближе к средней и нижней частям — преимущественно регионы южной и центральной России. Среднероссийский уровень 104,1 тыс. руб. на 1 занятого в год преодолели только 25 субъектов из 80 (без Республики Крым и г. Севастополя), замыкает рейтинг Ивановская обл. (46,8 тыс. руб.). Среднегодовые темпы роста ПТ оказались больше 100 % почти во всех регионах (до 108,2 % в Сахалинской области), кроме Чеченской Республики (95 %). При этом регионов, отличающихся от среднероссийского уровня одновременно и по абсолютному значению, и по темпам его роста, оказалось только девять: Архангельская область, Белгородская область, Ленинградская область, Магаданская область, Московская область, Санкт-Петербург, Сахалинская область, Свердловская область, Чукотский автономный округ. В целом можно констатировать, что в большинстве субъектов РФ производительность труда медленно растет примерно одинаково, выделяются при этом ряд регионов на протяжении всего периода существенно опережающие другие, но и колеблемость показателя в которых также выше чем в остальных: Москва, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Тюменская область, Чукотский автономный округ. Часто данные регионы исследователи считают статистически аномальными, однако их отсутствие искажает реальную ситуацию в России.

Можно сделать вывод, что в России в среднем ПТ относительно выше в более индустриальных регионах, чем в аграрных. Соответственно следует предположить, что-либо сельскохозяйственное производство еще недостаточно развито почти во всех регионах нашей страны, либо требуется совершенствование статистических методик учета результатов деятельности в этой сфере. Косвенно данный факт более проявляется в субъектах, предприятия которых исторически ориентированы на выполнение госзаказов. Также наблюдается медленное расхождение ФО при примерно одной общей тенденции, что может свидетельствовать о постепенном частичном отказе от общих административных принципов регулирования экономики, но еще несформированности индивидуальных рыночных механизмов в каждом из них.

Библиографический список

1. Korhonen I., Lyakin A. N. 2017. Problems and prospects of Russia's Economic Growth. Вестник Санкт-Петербургского университета // Экономика. Т. 33 (1). С. 36–50. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2017.103>
2. Kuzmar S. 2014. Economic structure and regional labor productivity differential in Poland. AD ALTA // Journal of interdisciplinary research. Vol. 4 (2). P. 18–21.
3. Михеева Н. Н. 2015. Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах // Регион: экономика и социология. Т. 2 (86). С. 86–112.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (дата обращения: 15.11.2018).
5. Соболева Г. В., Попова И. Н. 2014. Стимулирование экономического развития регионов средствами бюджетной и налоговой политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Вып. 1. С. 5–26.

Белов А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
abelov@fpu.ac.jp

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ЛИТЕРАТУРЕ ОБ ИНИЦИАТИВЕ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»

Аннотация: В данном исследовании приводится обзор вопросов, связанных с развитием человеческого потенциала в научной литературе по тематике «Один пояс — один путь» из баз данных Econlit и Web of Sciences (WoS). Установлено, что данные проблемы пока слабо отражены в публикациях, посвященных анализу китайских инициатив. Тем не менее внимание ученых привлекают вопросы здоровья населения, сохранения местных культурных особенностей и охраны окружающей среды в зонах развития. Анализ имеющихся публикаций говорит о важности учета факторов здоровья, культуры и экологии при планировании новых инфраструктурных объектов. Другие вопросы повышения человеческого потенциала (динамика доходов, неравенство, социальная инфраструктура и т. п.) можно выделить в качестве перспективных направлений для будущих исследований.

Ключевые слова: человеческий потенциал, инициатива *Один пояс — один путь*, обзор литературы.

Belov A. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

HUMAN DEVELOPMENT ISSUES IN “BELT AND ROAD INITIATIVE” LITERATURE

Abstract: This study provides an overview of human development problems in scientific literature on the “Belt and Road Initiative” from the Econlit and Web of Sciences (WoS) databases for 2013–2018. Human development topics are relatively scarce in the relevant publications. The available papers focus on public health, preservation of local cultures and environmental protection in development zones. The textual analysis of existing publications suggests the importance of health, culture and ecology variables in the planning of new infrastructure facilities. Other human development issues (income dynamics, inequality, social infrastructure, etc.) can be regarded as promising areas for future research.

Keywords: human development, *Belt and Road Initiative*, literature review.

Последовательно объявленные Китаем в 2013 г. инициативы создания Экономического пояса шелкового пути и Морского шелкового пути XXI в. (Belt and Road Initiative, «Один пояс — один путь», или Инициатива Пояса и Пути, далее — ИПП) справедливо привлекают большое внимание ученых. Причины этого связаны с гигантскими масштабами и мощной государственной поддержкой, быстрым организационным оформлением и появлением механизмов финансирования, формированием обширных планов и достижением первых практических успехов, что уже превратило ИПП в одну из главных перспектив развития интеграционных процессов восточноазиатских стран. Рост Китая сопровождается расширением нового типа международного разделения труда, основанного на технологической фрагментации процесса производства. Соответственно изменяются и производство, и внешняя торговля, и издержки включения в них новых участников. Появляется основа для экспорта указанной модели промышленного развития и международной интеграции. Множество развивающихся стран оказываются вовлечены в стремительно развивающийся процесс новой китайской индустриализации, что становится важнейшим направлением их экономического прогресса.

С точки зрения России, важность китайских инициатив усиливается существованием Евразийского экономического союза (ЕАЭС). ИПП несет для ЕАЭС множество новых возможностей в виде развития транспортной и социальной инфраструктуры и расширения международных связей, но одновременно бросает и сложные вызовы. Дело в том, что на территории ЕАЭС и прилегающих стран Центральной Азии фактически разворачивается конкуренция нескольких интеграционных группировок и инициатив. ЕАЭС, ЕС и Китай, в сущности, пред-

ставляют три модели интеграции (постсоветскую, европейскую и восточноазиатскую с Китаем в центре). Россия в данном случае играет роль промежуточной, или транзитной страны. Закономерно встает вопрос о том, какой может быть оптимальная стратегия подобных государств. Независимо от ответа уже сейчас очевидно, что поиск путей взаимовыгодного сотрудничества с Китаем представляет собой важнейшую задачу российской политики международного сотрудничества и регионального развития на долгие годы вперед.

Все это позволяет понять, почему исследованиям ИПП посвящено большое число научных статей. После объявления ИПП в 2013 г. в научных базах данных Econlit и WoS было зарегистрировано 506 соответствующих статей и других документов (дата исследования: 16 августа 2018 г.; ключевые слова: OBOR, belt+road+initiative; Econlit: 61 документ, из них 54 журнальных статьи; WoS: 465 документов, из них 264 журнальных статьи). Более 95 % источников опубликовано на английском языке в 2016–2018 гг. Анализ текстов публикаций, имеющих в открытом доступе показал, что в большинстве своем исследование новых возможностей, открывающихся в связи с осуществлением ИПП, преобладает над анализом возникающих проблем. Следовательно, несмотря на звучащие критические голоса, в целом ИПП положительно воспринимается в мировом академическом сообществе [1]. Тем не менее одна из важнейших составляющих устойчивого развития — повышение человеческого потенциала — в существующих публикациях отражена пока лишь фрагментарно. Проведенный библиографический поиск позволил обнаружить лишь 11 статей на указанную тематику. При этом все они ориентированы на исследование лишь трех аспектов данной проблемы, связанных с традиционной культурой, состоянием экологии и вопросами здоровья, встающими в ходе создания новой транспортной инфраструктуры и расширения международного сотрудничества. Попытаемся проанализировать наиболее представительные из данных статей и показать, как именно ведется исследование перечисленных аспектов развития человеческого потенциала в связи с изучением ИПП.

Анализ проблем, связанных со здоровьем населения, как правило, начинается с указания на их глобальный характер [2]. Неудивительно, что появляется все большее число свидетельств влияния распространяющихся в Китае болезней на соседние страны (SARS в 2003 г., птичий грипп H7N9 в 2014 г.). В свою очередь, Китай подвергается влиянию зарубежных эпидемий (вспышка полиомиелита в 2011 г., Зика-вирус в 2016 г.). Протекционизм и закрытие границ в современном мире вряд ли возможно, поэтому борьба за здоровье населения требует применения намного более сложных и сбалансированных методов. Теоретическую базу для международного сотрудничества в этой области составляют представления о взаимосвязи экономического развития и состояния здоровья населения страны. Китай доказал существование подобной взаимосвязи на собственном опыте, продемонстрировав значительный прогресс в области здоровья по мере повышения уровня дохода на душу населения. За последние 30 лет в Китае удалось осуществить целый ряд мероприятий, связанных с передачей опыта на местный уровень, обеспечением населения медикаментами и соответствующими услугами, строительством медицинских учреждений и т.п. Накопленный в Китае опыт заслуживает высокой оценки и вполне может быть использован в других странах. В этой связи ИПП предоставляет большие возможности, поскольку позволяет создать общую платформу для распространения информации, обмена опытом превентивных и интервенционистских процедур, а также обучения персонала и проведения других необходимых мероприятий. Китай уже заявил о готовности предоставлять странам — партнерам по ИПП необходимую медицинскую помощь и способствовать развитию региональной кооперации в обеспечении здоровья матерей и детей, расширению реабилитационных программ, предотвращении опасных инфекционных заболеваний, таких как СПИД, туберкулез, малярия и др. Все это позволяет рассматривать ИПП как действенный механизм для обсуждения имеющихся проблем, выработки планов коллективных действий и мониторинга достигаемых результатов в области улучшения здоровья населения.

Анализ культурных аспектов ИПП показывает, что распространенные в Китае конфуцианство, даосизм и буддизм могут стать философской основой для превращения осуществляемого экономического проекта в арену духовного сотрудничества азиатских и европейских народов с целью решения острых глобальных проблем [3]. Этому способствуют такие внутренние принципы названных учений, как невозможность культурного доминирования одной из цивилиза-

ций, неприемлемость улучшения собственного благополучия за счет других, неприятие насилия и подчинения в межличностных, общественных и международных отношениях. Практические аспекты реализации перечисленных принципов пока не вполне ясны, однако, по мнению специалистов, духовный аспект сотрудничества стран в зоне нового Шелкового пути может принести не меньшие результаты, чем улучшение физической инфраструктуры или экономическое развитие.

Экологические аспекты ИПП пути привлекают, пожалуй, наибольшее внимание после экономических и политических. Это неудивительно, поскольку затрагиваемые территории представляют собой очаги биологического разнообразия, которые находятся у истоков снабжения водой наиболее населенных районов мира [4]. За последние 30 лет Китай приобрел немалый опыт в решении экологических проблем, особенно в регионе Тибетского плато, сравнимого по природным условиям со странами Средней Азии. Прежде всего, это касается сохранения традиционных укладов жизни местного населения, создания и охраны заповедных зон, а также использования преимуществ многообразия сложившихся в регионах экосистем. Новые инициативы территориального развития, включая такие крупные, как ИПП, призваны стать площадками для распространения и умножения накопленного опыта. От успешности решения данных проблем будет зависеть международная реакция на долгосрочные и амбициозные планы Китая [5].

Краткий обзор направлений изучения вопросов здоровья, культуры и экологии в литературе, посвященной ИПП, показывает, что важнейшие аспекты развития человеческого потенциала уже получают отражение в соответствующих научных исследованиях. Тем не менее многие взаимосвязанные вопросы пока остаются за пределами анализа. Это позволяет отметить необходимость углубленного научного поиска в таких еще незатронутых областях, как перспективы повышения доходов, возможности сокращения неравенства, направления улучшения образования и усиления социальной защиты и многих других сферах, в которых осуществление китайских инициатив может принести существенные социальные результаты.

Библиографический список

1. Белов А. В. 2019. «Один пояс — один путь»: обзор литературы // Азия и Африка сегодня. № 6. С. 12–18.
2. Hu R., Liu R., Hu N. 2017. China's Belt and Road Initiative from a global health perspective // The Lancet. Vol. 5, no. 3. P. 12–15.
3. Dellios R. 2017. Silk Roads of the Twenty-first Century: The Cultural Dimension // Asia&The Pacific Policy Studies. Vol. 4, no. 2. P. 225–236.
4. Foggin M. 2018. Environmental Conservation in the Tibetan Plateau Region: Lessons for China's Belt and Road Initiative in the Mountains of Central Asia // Land. Vol. 7, no. 52. P. 1–34.
5. Глазырина И. П. 2018. Экономический пояс шелкового пути: экологические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62, № 1. С. 34–42.

Говорова Н. В.

Институт Европы Российской академии наук,
Российская Федерация, 125009, Москва, Моховая ул., 11/3
n_govorova@mail.ru

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация: Уровень бедности и социальной исключенности — ключевой индикатор стратегии «Европа 2020», а снижение доли населения, подвергающегося риску бедности после социальных выплат (бедность по доходам), испытывающих серьезные материальные лишения или живущих в домохозяйствах с крайне низкой интенсивностью труда — одна из основных ее целей. Статья посвящена рассмотрению проблем неравенства и бедности по доходам в Европейском союзе, в том числе среди занятых лиц. Дается оценка взаимосвязи положения на рынке труда и материальной уязвимости европейцев. Анализ проведен как в целом по Евросоюзу, так и по отдельным странам объединения, для различных групп населения, а также в контексте выполнения целей устойчивого развития ООН применительно к региону. Сделаны выводы о существенной разнице уровней бедности и неравенства как между странами ЕС, так и внутри них, обусловленной типом трудового контракта и интенсивностью участия в рынке труда.

Ключевые слова: Европейский союз (ЕС), неравенство, бедность, цели устойчивого развития ООН, рынок труда, безработица, работающие бедные.

Govorova N. V.

Institute of Europe RAS,
11/3, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation

POVERTY AND INEQUALITY IN THE EUROPEAN UNION

Abstract: The article is devoted to the problems of income inequality and poverty in the European Union, including employed and with regard to people at risk of poverty or social exclusion (Headline Indicator for Europe 2020): persons who are at-risk-of-poverty or severely materially deprived or living in households with very low work intensity as a share of the total population. An assessment of the relationship of the position of the individual in the labor market and material deprivation is given. The analysis is carried out for both the EU-28 and the member states, as well as for various population groups in the context of the implementation of the UN Sustainable Development Goals for the region. Conclusions are made about a significant difference in the levels of poverty and inequality both between EU countries and within them, due to the type of labor contract and work intensity.

Keywords: European Union (EU), inequality, poverty, UN Sustainable Development Goals, labor market, unemployment, working poor.

Экономика и рынок труда Европейского союза (ЕС) испытывают разнонаправленное влияние таких факторов как глобализация, автоматизация, компьютеризация, нанотехнологии, изменение климата и демографической структуры населения, наследие финансово-экономического кризиса. Для анализа бедности и неравенства проведем мониторинг целей по обеспечению устойчивого развития (ЦУР) ООН [1] как основы европейской политики в экономической, экологической, инновационной и социально-трудовой сферах, включенных в секторальную политику и основные проекты и инициативы ЕС. Евросоюз демонстрирует прогресс в достижении почти всех 17 целей, однако происходит это с различной динамикой. Рассмотрим ЦУР ООН, имеющие прямое отношение к социальной политике и рынку труда — ЦУР 1 «Ликвидация нищеты», ЦУР 8 «Достойный труд и экономический рост» и ЦУР 10 «Сокращение неравенства».

ЕС добился умеренного прогресса в областях, охватываемых индикаторами ЦУР 8 и ЦУР 1 за счет устойчивого экономического роста и улучшения ситуации на рынке труда за последние несколько лет. Однако не все страны и граждане в равной степени выигрывают от этих улучшений, например, женщины, низкоквалифицированные работники, молодежь, безработные. Безработные наиболее уязвимы с точки зрения бедности, неравенства и социального отчужде-

ния. По данным Статистической службы ЕС (Евростат), уровень безработицы в октябре 2018 г. составил в еврозоне (ЕС-19) — 8,1 %; в ЕС-28 — 6,7 %. В ЕС-19 не имело работы 13 172 млн чел., в ЕС-28 — 16 626 млн чел. В течение года безработица уменьшилась во всех странах Евросоюза, более всего в Хорватии, Испании и Португалии; низка она в Чехии (2,2 %) и Германии (3,3 %), а высока в Греции (18,9 %) и Испании (14,8 %). В целом в ЕС насчитывалось 3468 млн безработных в возрасте до 25 лет (15,3 %) из них 2503 млн — в еврозоне (17,3 %). Минимум по этому параметру наблюдался в Чехии, Германии и Нидерландах (до 7,2 %), максимум — в Греции, Испании и Италии (более 32 %). За последние 10 лет доля безработных, подверженных риску нищеты, постоянно росла. Почти половина (48,7 %) безработных в возрасте 16–64 лет в ЕС подвергается риску бедности после социальных трансфертов, это в пять раз превышает данный показатель для занятых лиц. Наибольшая их доля в Германии и Литве, наименьшая — на Кипре и в Финляндии.

Риску бедности подвержены не только безработные, но и так называемые работающие бедные (*in-work at-risk-of-poverty*)*, к которым в 2016 г. можно было отнести почти каждого десятого жителя Евросоюза в возрасте старше 18 лет. В странах ЕС доли занятых лиц, подверженных риску бедности, были самыми высокими в Румынии (18,9 %), Греции (14,1 %), Испании (13,1 %), Люксембурге (12,0 %), Италии (11,7 %), Болгарии (11,4 %), Португалии (10,9 %) и Польше (10,8 %). На противоположном конце шкалы менее 5 % безработных подвергались риску бедности в Финляндии (3,1 %), Чехии (3,8 %), Бельгии (4,7 %) и Ирландии (4,8 %). Этот показатель значительно снижается при повышении интенсивности труда** и в значительной степени зависит от типа трудового контракта: риск денежной бедности в два раза выше для тех, кто работает неполный рабочий день (15,8 %), чем для тех, кто работает в обычном режиме (7,8 %), и почти в три раза больше для сотрудников с временными рабочими местами (16,2 %), чем для лиц с постоянной работой (5,8 %). Гендерная разница была зафиксирована повсюду кроме Германии, Чехии, Кипра и Венгрии, отчетливей всего в Румынии, на Мальте, в Болгарии, Италии и Греции. По сравнению с 2010 г. доля занятых лиц, подверженных риску бедности, увеличилась в большинстве государств-членов. Наибольший рост был зафиксирован в Венгрии, Болгарии, Эстонии, Германии, Италии и Испании, Великобритании. Сокращение этого показателя наблюдалось в девяти государствах-членах, особенно в Литве, Дании, Латвии и Швеции [2].

В ЕС все меньше людей сталкивается с проблемами, связанными с жильем (перенаселение, ветхие строения, антисанитарные условия). Снижается и число европейцев, испытывающих тяжелые материальные лишения и живущих в семьях с очень низкой интенсивностью работы. Тем не менее число людей, подвергающихся риску бедности после социальных трансфертов увеличивается. В совокупности это означает, что, несмотря на недавние улучшения, Евросоюз все еще далек от того, чтобы достичь своей цели по уменьшению к 2020 г. как минимум на 20 млн числа людей, подверженных риску бедности и социальной изоляции (в соответствии со стратегией «Европа 2020») [3].

В отношении ЦУР 10 «Снижение неравенства» показатели указывают на уменьшение неравенства между странами и его увеличение внутри государств ЕС. Что касается неравенства между странами, то и ВВП и валовой располагаемый доход домохозяйств на душу населения показывают сближение за последние несколько лет. С другой стороны, различие внутри стран, измеряемое с точки зрения неравенства по доходам, в последнее время в целом увеличилось. Растет оно между самыми богатыми и беднейшими группами общества, при этом доля доходов нижних децилей населения уменьшается. Наряду с увеличением числа европейцев, получающих доход ниже порога бедности, увеличилось среднее расстояние от порога бедности для тех,

* Работающие бедные — доля занятых лиц в возрасте 18 лет и старше с располагаемым доходом ниже порога риска бедности, который установлен на уровне 60 % от национального медианного дохода (после социальных трансфертов).

** Показатель рассчитывается для лиц в возрасте 0–59 лет, проживающих в домохозяйствах, взрослые члены которых работали менее 20 % от своего общего рабочего потенциала в течение прошедшего года. Низкая интенсивность работы 20–45 %, средняя — 45–55 %, высокая — 55–85 %, очень высокая — 85–100 %.

чьи доходы ниже него, что затрудняет для этих людей выход из сложных материальных обстоятельств [4].

Коэффициент Джини (Gini coefficient, GC) является основным индикатором, который используется для измерения неравенства доходов*. В 2016 г. он по ЕС-28 составлял 30,8 (после выплаты социальных трансфертов). Наибольшие различия в доходах (GC не менее 35,0) были зафиксированы в Болгарии и Литве. Вторая группа стран с GC выше среднеевропейского значения (31,0–34,9) включала Румынию, Испанию, Латвию, Грецию, Португалию, Эстонию, Италию, Кипр и Великобританию. На другом конце диапазона — Нидерланды, Бельгия, Финляндия, Чешская Республика, Словения и Словакия (GC менее 27,0). Вклад европейских систем социального обеспечения в решение проблемы неравенства доходов может быть продемонстрирован путем сравнения коэффициентов Джини до и после выплаты социальных трансфертов. В 2016 г. социальные трансферты привели к снижению неравенства в доходах: GC для доходов (включая пенсии) составлял до социальных трансфертов 51,6 и снизился более чем в полтора раза после их учета. Влияние пенсий и других социальных трансфертов на неравенство доходов было особенно значительным в Швеции, Германии, Греции и Португалии, где коэффициент Джини упал на 26–30 п. п.

Для учета различий в размере и составе домашних хозяйств в ЕС используется концепция эквивалентного располагаемого дохода**. В 2016 г. средний эквивалентный чистый доход значительно разнился: от 4720 евро в Румынии до 29 285 евро в Люксембурге, средний показатель ЕС-28 составлял 16 468 евро (по ППС). Медианный располагаемый доход*** в реальном выражении понизился в 4 из 25 государств — членов ЕС, по которым имеются данные в 2016 г. (данные для Ирландии, Италии, Люксембурга отсутствуют) — это Болгария, Финляндия, Греция и Мальта. Наивысшие уровни медианного располагаемого дохода обычно регистрируются в западных и северных государствах — членах (исключение — Мальта). Напротив, они, как правило, ниже в южной Европе, а самые низкие показатели были зарегистрированы в Восточной Европе и балтийских странах. Неравенство в доходах внутри стран может быть проиллюстрировано с помощью соотношения между доходами, полученными населением из верхнего и нижнего квантилей, свидетельствующего о значительном различии в распределении доходов между различными группами населения. В 2016 г. для ЕС-28 это соотношение равнялось 5,2; это означает, что в среднем суммы, полученные 20 % граждан с самыми высокими доходами, были более чем в пять раз больше средств 20 % граждан с самыми низкими доходами. Этот показатель составил от 3,5 в Чехии и 3,6 в Финляндии, Словакии и Словении до 6,0–7,0 в Латвии, Испании и Греции, 7,1 в Литве, 7,2 в Румынии и 7,9 в Болгарии. При этом распределение доходов было наиболее справедливыми среди старшего поколения (65 лет и старше) — 4,1. Эта схема более справедливого распределения доходов среди пожилых людей (по сравнению с общей численностью населения) отмечена в подавляющем большинстве государств — членов ЕС, за исключением Франции и Словении [5].

Неравномерность социально-экономического развития на просторах ЕС оказывает отрицательное воздействие на уровень и качество жизни населения. Существенная региональная разница наблюдается по параметрам бедности, неравенства и социальной исключенности, занятости и безработицы. По результатам проведенного анализа можно сделать выводы о серьезных диспропорциях уровня — а значит в большинстве случаев и качества жизни в странах и регионах Евросоюза, — а также о влиянии на них уровня образования населения. Ввиду таких проблем на рынке труда, как хроническая безработица и неполная занятость, распространенность

* GC может варьироваться от 0, что соответствует совершенному равенству (доход равномерно распределяется между всеми членами общества) до 100, что соответствует совершенному неравенству (доход получен одним человеком); таким образом, более низкий коэффициент Джини отражает более справедливое распределение доходов.

** Общий доход домохозяйства, после уплаты налогов и других вычетов, который доступен для целей расходования или сбережения, деленный на количество членов домохозяйства с учетом возраста.

*** Медианный доход — статистический показатель; уровень, выше и ниже которого получают доход одинаковое количество работников или населения.

нестабильной и неформальной занятости и, кроме того, рост числа малоимущих работников, системы социальной защиты являются важными составляющими политики, направленной на обеспечение достаточной стабильности доходов и достойного труда и, следовательно, более устойчивого развития европейской экономики.

Библиографический список

1. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год. 2016. Краткая версия под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 44 с.
2. Eurostat. Newsrelease. Euroindicators. 184/2018 — 30 November 2018. Euro area unemployment at 8.1 %. EU28 at 6.7 %. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/9422707/3-30112018-BP-EN.pdf/fb7929e7-5e59-4a28-ba16-46a0beb188dc>; Eurostat. Almost half the unemployed at risk of monetary poverty in the EU. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/DDN-20180226-1?inheritRedirect=true&redirect=%2Feurostat%2Fnews%2Fwhats-new>; Eurostat. In-work poverty in the EU. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-eurostat-news/-/DDN-20180316-1> (дата обращения: 12.12.2018).
3. Communication from the Commission Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Brussels, 3.3.2010 COM (2010) 2020 final.
4. Sustainable development in the European Union. Monitoring report on progress towards the SDGs in an EU context. 2018 edition. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. P. 9–46, 151–166, 183–198. doi: 10.2785/221211.
5. Eurostat. Statistical books. Living conditions in Europe — 2018 edition. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. P. 7–52. doi: 10.2785/39876.

Долинина Т. Н.

Белорусский государственный технологический университет,
Республика Беларусь, 220050, Минск, ул. Свердлова, 13а
tdolinina@mail.ru

НЕРАВЕНСТВО ДОХОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: Дана оценка неравенства доходов в Республике Беларусь. Рассмотрены особенности экономической стратификации и бедность населения как следствие неэффективной занятости.

Ключевые слова: неравенство, стратификация, бедность, заработная плата, занятость, труд, эффективность.

Dolinina T. N.

Belarusian State Technological University,
13a, Sverdlov st., Minsk, 220050, Republic of Belarus

INCOME INEQUALITY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract: An assessment of income inequality in the Republic of Belarus is given. The features of economic stratification and poverty of the population as a result of inefficient employment are considered.

Keywords: inequality, stratification, poverty, wages, employment, labor, efficiency.

В мире давно идет дискуссия по вопросам неравенства, актуализировавшаяся в последние годы. Отечественные экономисты долго оставались в стороне от нее — в советские времена тема неравенства была «неудобной, но сегодня ее игнорировать уже невозможно.

«Беларусь во многих отношениях представляет собой своеобразный и уникальный феномен среди европейских стран вообще и европейских постсоциалистических стран в частности. Развитие белорусской экономики и социальной сферы в постсоветский период отличалось от соседних стран и мировых тенденций в очень многих измерениях» [1, с. 95]. Государственная политика на рынке труда, направленная на сохранение максимальной занятости, продолжительный период позволяла избежать проблемы абсолютной бедности и высокого неравенства.

На протяжении более двух десятков лет неравенство доходов в белорусском обществе принципиально не менялось, оставаясь примерно на одинаковом уровне. Стабильным остается соотношение доходов 20 % наиболее и 20 % наименее обеспеченного населения, которое колебалось в диапазоне от 3,8 в 1995 г. до 4,0 в 2017 г. При этом на 60 % наименее обеспеченных приходится около 40 % располагаемых денежных ресурсов населения, а беднейшие 40 % получают более 20 % от них. Соотношение величины доходов, приходящихся на долю 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения, являющееся одним из важнейших параметров экономической безопасности страны, также много лет изменяется в небольшом диапазоне (5,4–6,3 раз).

Синтетическим показателем, позволяющим сравнивать страны по степени дифференциации доходов, является коэффициент Джини. В Беларуси он близок к оптимальному, варьирует в относительно узком диапазоне и в последние пять лет демонстрирует тенденцию к снижению, сократившись с 0,285 в 2012 г. до 0,270 в 2017 г. Значения коэффициента Джини в Беларуси ниже, чем во многих постсоциалистических странах, они соответствуют показателям наиболее благополучных стран Европы. Логично было бы заключить, что Беларусь с достаточно развитой социальной сферой и невысокой социально-экономической дифференциацией доходов имеет ряд преимуществ, которые при их верном использовании могут выступать в качестве факторов инклюзивного развития. Однако подобный вывод основывается на допущении об одинаковой природе этой дифференциации, ввиду чего ее эффект в разных странах должен быть схожим.

Невысокий уровень социально-экономического расслоения населения, рассматриваемый в качестве условия успешного экономического и социального развития современного общества, означает прежде всего равенство возможностей и шансов для достижения индивидуального жизненного успеха. По-видимому, это действительно так для общества со сравнительно длительным

и успешным опытом развития в условиях рыночной экономики. Однако вовсе не обязательно, что это работает также в обществах с меньшим опытом развития в условиях рынка [1, с. 96].

Дифференциация доходов населения отражает социальные различия по категориям населения, которые неизбежны и зависят от их роли в системе общественного производства и образа жизни. При этом она формирует экономическую стратификацию общества, стимулы трудовой и предпринимательской деятельности. Последние могут быть недостаточными при незначительной разнице в доходах или, наоборот, обрываться при значительной их дифференциации, когда человеку очевидно, что, несмотря на любые усилия, он не может получить столь высоких доходов как иные индивиды при том же объеме усилий.

Социологические исследования свидетельствуют, что в Республике Беларусь «нижний слой со среднедушевым доходом до бюджета прожиточного минимума (5 %) обладает низким деятельным потенциалом и не способен адаптироваться к жестким социально-экономическим условиям переходного периода. Средний слой с доходом от 1 до 2 БПМ* (30 %) объединяет социально-профессиональные группы, которые могут адаптироваться к новой ситуации ценой снижения социального и профессионального статусов. Сюда входят работники массовых профессий сферы услуг, рабочие низкой квалификации, крестьяне и др. Слой выше среднего с доходом от 2 до 4 БПМ (51 %) сложился из групп массовой интеллигенции (инженеры, учителя, врачи и др.), служащих, квалифицированных рабочих, частных предпринимателей, среднего звена бюрократии. Представители данного слоя обладают традиционными профессионально-квалификационными навыками и направляют основные усилия не на преобразование социальной реальности, а на адаптацию к ней и, зачастую, поиск путей выживания... В рамках данной стратификации верхним слоем — свыше 4 БПМ — назван относительно узкий контингент (14 %), обладающий наиболее высоким экономическим, статусным и властным потенциалом (верхнее звено бюрократии, наемные работники, занятые в новых производствах, крупные и средние предприниматели, директора предприятий и др.). Группы, входящие в него, нередко имеют разные интересы и преследуют разные цели. Но их объединяет возможность оказывать прямое влияние на процессы модернизации общества» [2, с. 39].

Таким образом треть населения Беларуси, находясь в режиме простого воспроизводства человеческих ресурсов, обладает традиционным (консервативным) мышлением и вынужденным типом экономического поведения. Базовым слоем, формирующим социальную платформу общества, выступает слой со среднедушевым доходом в диапазоне от 2 до 4 БПМ. Он выполняет «функцию стабилизации общества: в плане материальных ресурсов — по «уровню равенства в бедности», а в аспекте нематериальных ресурсов — на основе сохранения традиционных ценностей в экономической и социальной сферах» [2, с. 37]. Абсолютное большинство населения неактивно и ориентировано лишь на приспособление к меняющимся условиям, для того чтобы выжить, сохранить достигнутый статус и семейный доход.

В рассуждениях о дифференциации доходов необходимо учитывать уровень минимальных доходов населения. Уровень доходов наименее обеспеченных граждан не менее важен, чем величина разрыва в доходах. Именно он определяет социальное здоровье нации.

Социальная политика белорусского государства долгое время была направлена преимущественно на защиту тех, кто не в состоянии работать, а социально ориентированная экономика реально обеспечивала процесс улучшения материального положения малообеспеченных слоев населения. Происходило это как за счет повышения доходов населения, так и за счет их перераспределения. В Беларуси, как и в большинстве стран СНГ, для определения числа лиц, нуждающихся в социальной поддержке, традиционно применяется концепция абсолютной бедности. В русле этой концепции к малообеспеченному населению относятся лица со среднедушевыми доходами ниже установленной границы (черты бедности). В качестве черты бедности, как правило, рассматривается прожиточный минимум.

В 2017 г. располагаемые ресурсы 5,9 % населения Беларуси не достигали величины прожиточного минимума, что на фоне 41,9 % малообеспеченного населения в 2000 г. выглядит достаточно оптимистично. Однако положительная динамика сокращения бедности до 2014 г. в по-

* БПМ — бюджет прожиточного минимума.

следние три года сменилась тенденцией ее нарастания. При этом доля малообеспеченных среди лиц трудоспособного возраста выше, чем среди лиц пенсионного возраста, т.е. в стране, помимо традиционной социальной, существует экономическая бедность, когда трудоспособные граждане получают за свой труд столь низкий заработок, что не могут обеспечить себе и своим семьям социально приемлемый уровень жизни.

Выход за официальную черту бедности еще не означает автоматического перехода граждан в средний класс. Они остаются в слое малообеспеченных людей — тех, кто вновь скатывается в бедность при любом изменении своего экономического положения, будь то рождение ребенка в семье или всплеск инфляции в стране. Чтобы определить группу риска обычно используют пороговое значение, равное двум размерам бюджета прожиточного минимума [3, с. 111]. В 2017 г. 52 % населения Беларуси имели уровень среднедушевых располагаемых ресурсов, не превышающий двух бюджетов прожиточного минимума.

В развитых странах мира используется концепция относительной бедности. Относительная бедность является сравнительной категорией. Она определяется как разрыв между социальными стандартами и материальной способностью придерживаться их. Соответственно, бедными являются граждане, уровень жизни которых существенно отклоняется от сложившихся в данной стране стандартов, если средства, которыми они располагают, не позволяют им вести образ жизни, принятый в обществе, в котором они живут. По методике ОЭСР бедными считаются граждане с доходами менее 60 % медианного дохода по стране, Европейское статистическое агентство за точку отсчета берет долю населения с доходами менее 50 % среднедушевого дохода по стране [4, с. 180].

В статистике Республики Беларусь дополнительно отражается и относительная бедность, характеризующая долей домашних хозяйств со среднедушевыми располагаемыми доходами ниже 60 % от медианы среднедушевых располагаемых ресурсов. Уровень относительной малообеспеченности в Беларуси в 2010–2016 г. составлял 12–14 %.

Категоризация бедности может осуществляться и с субъективных позиций. Этот подход базируется на оценках собственного положения людьми по личным социально-психологическим ощущениям. В Беларуси доля домохозяйств, указавших на неудовлетворительный уровень своих денежных доходов, в 2010–2017 гг. колебалась в диапазоне от 14 до 20 %.

Следует отметить близость оценок относительной и субъективной бедности в более стабильные периоды функционирования белорусской экономики (к примеру, в 2012–2013 гг.), тогда как в кризисные периоды они заметно разнятся. В целом же расхождения в оценках бедности на основе различных подходов достигает двух- — трехкратной величины, а то обстоятельство, что бедность при ее измерении по европейским стандартам касается почти 12 % населения страны свидетельствует об остроте этой проблемы: бедность в Беларуси — это проблема более миллиона человек. Остроту этой проблемы подтверждает и самый объективный показатель уровня жизни населения, каковым является доля расходов на питание в структуре потребления домашних хозяйств. В середине 1980-х на питание приходилась треть расходов белорусов, в 2000 г. их доля составляла 60 % в потребительских расходов домашних хозяйств. С тех пор в Беларуси расходы на питание значительно сократилась — почти на треть, однако статистика все еще констатирует высокую долю расходов на питание в потребительском бюджете населения — более 40 % в сравнении с 30 % в России, 25 % в Польше, 20 % в Чехии, 12 % в Норвегии. При этом энергетическая ценность рациона питания населения в Беларуси в 2005–2017 гг. варьировала в диапазоне 2500–2700 ккал, что ниже порогового значения в 3000 ккал, требуемого для поддержания нормальной жизнедеятельности человека*.

Преодоление бедности невозможно без понимания факторов ее формирования. Денежные доходы населения складываются из различных источников. Для большинства занятого населения основным источником дохода является заработная плата, для многих других категорий населения — привязанные к ней пенсии и пособия. На долю заработной платы и социальных выплат (трансфертов) населению в 2000–2017 гг. приходилось 80–87 % денежных доходов населения,

* Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2018. С. 123.

непосредственно на оплату труда 60–65 %, притом что доля наемных работников в составе занятого населения составляет 96 %. Очевидно, что в основе дифференциации доходов населения в первую очередь лежат различия в оплате труда, поскольку пенсионные выплаты тяготеют к уравнительности, а доходы от предпринимательской деятельности и собственности доступны ограниченным группам населения. Отсюда: основные причины бедности концентрируются в сфере занятости и оплаты труда, поскольку объем социальных трансфертов в макроэкономическом измерении есть функция заработной платы, а заработная плата — функция производительности труда.

Динамика занятости населения в Беларуси формируется разнонаправленными тенденциями, определяемыми демографическими изменениями численности трудоспособного населения, ситуацией в экономике, политикой государства. Начиная с 1990-х годов спрос на труд в стране сокращается быстрее, чем снижается численность населения. Отсутствие до недавнего времени проблемы занятости в Беларуси не свидетельствовало о наличии условий для полной реализации потенциала работников, то есть существовании достаточного числа рабочих мест высокого качества с достойной оплатой труда. Продолжительный период кадровая политика в стране была направлена на сохранение персонала, недопущение массового высвобождения работников путем перевода их в режим неполного рабочего времени и предоставления административных отпусков. В результате для сферы занятости в стране был типичен высокий уровень вовлеченности трудовых ресурсов с низким эффектом фактического их использования.

Политика сохранения неэффективной занятости до поры до времени устраивала все группы интересов. Сформировался своего рода консенсус: власть такой ценой поддерживала политическую стабильность, бизнес перекладывал издержки на государство, которое финансировало искусственную занятость, а население полагало, что нужно потерпеть, и неконкурентоспособные предприятия вновь заработают. Однако с конца 2014 г. проблема безработицы встала в ряд проблем первостепенной значимости в экономике Беларуси, что в значительной степени было связано со сжатием российского рынка труда.

В белорусской экономике около 40 % работников заняты в государственном секторе, еще четверть — на частных предприятиях со смешанной формой собственности, т. е. с участием государства. Рост безработицы стал следствием оптимизации численности занятых и расходов организаций в условиях неблагоприятной рыночной конъюнктуры, обусловившей рост числа убыточных организаций. Если в 2010 г., по данным статистики, в Республике Беларусь каждое двадцатое предприятие было убыточным, то в 2017 г. — каждое шестое, а в промышленности и строительстве — каждое четвертое, что и объясняет невысокий уровень доходов населения.

Ловушку белорусского равенства в бедности захлопывает низкий уровень мотивации к труду. Действующие механизмы управления персоналом ставят во главу критерии, далекие от деловых и профессиональных, вследствие чего отторгают профессионалов и обеспечивают продвижение тех, кто адаптировался к спросу на лояльность. Это находит отражение в том, что работники зачастую не видят возможности повышения своего благосостояния и положения в обществе на основе роста трудовой активности. У них присутствует убежденность в том, что добросовестный труд и богатство не связаны между собой, а благосостояние граждан по большому счету определяется личными связями и волею случая [5, с. 440].

Библиографический список

1. Аламтеев О. А. 2018. Особенности экономической дифференциации и традиционный эгалитаризм: вызовы модернизации для белорусского общества // Социально-гуманитарные знания. № 1. С. 90–100.
2. Соколова Г. Н. 2017. Социальные аспекты вступления Республики Беларусь в Евразийский экономический союз // Социологический альманах. № 8. С. 32–48.
3. Алиев Т. 2015. Бедность в Казахстане // Мировая экономика и международные отношения. Т. 59, № 12. С. 105–115.
4. Богданов И. Я. 2015. Бедность как образ жизни. М.: Норма.
5. Таранова Е. В. 2015. Факторы трудовой мотивации белорусов // Социологический альманах. № 6. С. 436–444.

Земскова О. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1
o-zem@mail.ru

НЕРАВЕНСТВО И РЫНКИ ТРУДА В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается проблема неравенства в России и методологические проблемы сравнительных исследований неравенства. Анализируется неравенство в отношении разных источников доходов населения, включая как денежный доход, так и доход, предоставляемый в виде социальных льгот, а также неравенство в различных правах и возможностях, как прямо, так и косвенно связанных с социальным положением. Дается характеристика процесса развития неравенства и его возможных последствий.

Ключевые слова: неравенство, распределение доходов, бедность, социальное обеспечение, социальное страхование, экономический рост, рынок труда.

Zemskova O. V.

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

INEQUALITY AND LABOR MARKET IN RUSSIA: METHODOLOGICAL PROBLEMS OF INVESTIGATION

Abstract: The paper is devoted to the problem of inequality in Russia and the methodological problems of its estimation. The inequality in various income sources of population is analyzed, including the cash income as well as one in the form of social benefits. Also the inequality in various rights and possibilities directly or indirectly related to the social position is discussed. The characteristic is given for inequality evolution process and its possible consequences.

Keywords: inequality, income distribution, poverty, social security, social insurance, economic growth.

В 2018 г. был опубликован доклад о неравенстве в мире «World Inequality Report», подготовленный международным коллективом авторов Всемирной лаборатории экономического неравенства (World Inequality Lab) под руководством Тома Пикетти и Эммануэля Саеза. Согласно этому докладу, уровень экономического неравенства в современной России сопоставим с показателями 1905 г. Доход, приходящийся в среднем на одного взрослого россиянина, в 2016 г. составил € 23,2 тыс. за год, что, по методологии авторов, соответствует около 55 тыс. руб. в месяц. При этом доходы распределены крайне неравномерно: 50 % населения (57,5 млн человек) получили в среднем только по € 7,8 тыс., а наиболее обеспеченные 10 % граждан располагали средним доходом в € 105,5 тыс. [1].

Основное внимание в докладе уделено проблемам неравенства доходов и имущества. Авторы пришли к выводу, что рост неравенства наблюдается в большинстве регионов мира, но с очень разными величинами. Другим принципиальным выводом является невозможность достоверной оценки уровня и эволюции глобального распределения богатства на основе имеющихся на современном этапе источников данных [1]. Неравенство доходов и имущества, при всей важности этих составляющих, не исчерпывают собой все виды неравенства.

Неравенство может быть не только экономическим. Оно имеет и субъективную составляющую, зависящую от исследуемого общества и от отношения к проблеме внутри последнего.

Проблема учета социальных льгот. Во всех странах существует разница между доходами на рынке и реальными доходами. К реальным доходам, в частности, относятся льготы, предоставляемые государством (медицина, образование и пр.). В значительной степени неравенство зависит от эффективности механизмов социальной защиты.

Впервые механизмы социальной защиты в систематизированном виде были реализованы в Германии в 1890-е годы по инициативе канцлера О. Бисмарка и базировались на принципах социального страхования, основанных на профессионально-трудовой социальной солидарности. Система предусматривала способы покрытия дефицита средств путем образования необходимых резервов и перестрахования рисков [2].

Альтернативной моделью социальной защиты стала доктрина социальной солидарности У. Бевериджа, основанная на предоставлении государственных гарантий оказания социальной помощи, и отказ от проверки нуждаемости при предоставлении соответствующих услуг. При этом социальное страхование рассматривалось как элемент комплексной социальной политики, направленной на достижение социального прогресса. Предлагалось установить некий минимальный стандарт благосостояния, который должен был при необходимости поддерживать государство, в случаях когда сами граждане были не в состоянии его себе обеспечить [3].

В дальнейшем эти две модели легли в основу большинства современных систем социальной защиты в различных странах. Разница между этими моделями принципиальна, поскольку первая основана на общности профессиональных групп, а вторая — на общности по принципу гражданства.

Система социальной защиты в Российской Федерации до настоящего времени не устоялась. В последнее время наблюдается тенденция к преобладанию принципов социального страхования, хотя она и не является таковой в полном смысле слова, поскольку отсутствует четкая взаимосвязь между страховыми взносами и социальными выплатами, а распределение расходов страховых фондов не имеет определенно целевого характера.

В то же время оценка доходов, образуемых социальными льготами, представляет значительные трудности. В частности, если говорить о медицинской помощи, недостаточно учесть только факт ее предоставления. Необходимо сравнивать перечни предоставляемых медицинских услуг, частоту их гарантированного предоставления, доступность и, что наиболее сложно — качество этих услуг. То же касается и образования. Формально бесплатное образование может не быть доступным для всех граждан, либо его качество может не соответствовать имеющимся потребностям общества. В последнем случае возникает необходимость дополнения бесплатного образования платной составляющей: помощью репетиторов, услугами различных платных курсов — подготовительных к поступлению в университеты, языковых, курсов повышения квалификации и пр. В итоге фактическая стоимость образования может принципиально отличаться от декларируемой. Открытым остается вопрос о доступе к услугам более высокого качества различных категорий граждан.

Таким образом, показатели денежного неравенства оказываются ненадежными, и их использование может привести к смещению оценок при сопоставлении этих показателей во времени или между обществами. Например, попытка оценить лишь в денежном выражении неравенство в России XIX в. является чрезмерным упрощением, поскольку не учитывает в достаточной степени распространенного в то время неравенства в личном статусе и основных правах, включая право на мобильность. Такой подход не может быть достаточно объективен в применении к обществу со сложным набором отношений господства и подчинения. То же справедливо и для советского периода — при относительно небольшой разнице в денежных доходах граждан советская административная элита имела существенно лучший доступ к товарам и услугам более высокого качества и прочим возможностям, таким как доступ к специальным магазинам и финансируемым за счет государства рекреационным учреждениям, а также более высокую мобильность. Учет подобных обстоятельств необходим для объективной оценки неравенства в любом обществе.

Существенную роль в оценке неравенства играет учет детоваризации — замещения принципа рыночного распределения товаров государственным социальным обеспечением. То есть государство обеспечивает гражданам удовлетворение определенного набора базовых потребностей в случаях, когда возможности и способности человека недостаточны для их оплаты продажей своего труда на рынке. О детоваризации можно говорить, когда какая-либо услуга предоставляется человеку как право, данное по факту гражданства, или когда ему предоставляется возможность поддержать уровень своего благосостояния независимо от степени включенно-

сти в рыночные отношения. В товаризованном обществе у человека нет другой возможности выжить, кроме как продавать свой труд и откладывать деньги. Таким образом, при сравнении уровней неравенства различных обществ степень детоваризации также должна учитываться. Задачей современного государства является обеспечение возможности для своих граждан сохранять автономию по отношению к рынку.

Эффект смены экономической модели после 1990 г. Переход России от социализма к капиталистической экономической модели после 1989 г. привел к быстрому росту неравенства доходов и резкому изменению характера эволюции частного и общественного благосостояния. Доля национального дохода, приходящаяся на наименее обеспеченные 50 % населения, в 1989 г. составляла 30 %, а к 2016 г. сократилась до 20 %, в то время как доля наиболее обеспеченных 1 % увеличилась с 25 % до более 45 % национального дохода.

Рост неравенства доходов после распада Советского Союза был колоссальным как с количественной точки зрения, так и с точки зрения скорости этих изменений. Приватизация государственных предприятий на основе ваучеров привела к перераспределению национального богатства из государственного сектора в частный.

Преобразование рынка труда от государственного к рыночному привело к увеличению неравенства в доходах за счет более высокого неравенства в доходах от труда. В Советском Союзе безработицы практически не существовало и наблюдалась небольшая разница в заработной плате, которая отражала различия в затратах труда и его квалификации. При переходе к рыночным отношениям возникла безработица. Занятость упала в связи с закрытием многих государственных и частных предприятий, в то время как ведение жесткой бюджетной политики создало неблагоприятные условия для инвестиций и найма и резко сократило возможности поддержки для тех, кто остался без работы.

Следует отметить, что уровень официальных финансовых активов, которыми владеют российские домохозяйства, является необычайно низким и составляет около 70–80 % национального дохода за период 1990–2015 гг. Это говорит о том, что приватизация российских компаний не привела к значительному долгосрочному росту стоимости финансовых активов домашних хозяйств. Тем не менее расхождения в российском платежном балансе позволили исследователям оценить, что 70 % национального дохода в 2015 г. составляли активы в офшорной зоне, принадлежащие небольшому количеству российских граждан, что привело к удвоению официальной стоимости финансовых активов. Предполагается, что это является результатом утечки капитала, что стало возможным благодаря слабости российской правовой и статистической системы [4].

Неравенство населения России осложняется неравенством регионов. Городское население России составляет 3/4 от всего населения, ввиду чего существенное значение приобретает то обстоятельство, что некоторые города, сформировавшиеся на основе крупных предприятий, при прекращении работы последних пребывают в перманентном упадке. Эта проблема могла бы быть отчасти сглажена миграцией населения в более экономически благополучные города, однако существующие темпы экономического роста зачастую недостаточны для трудоустройства рабочей силы из кризисных регионов. Кроме того, трудовой миграции препятствуют проблемы ликвидности жилой недвижимости. В свою очередь, избыточная миграция в крупные и крупнейшие города с наиболее высоким экономическим потенциалом (главным образом в города-миллионники) способствует появлению в этих городах проблем экологического и инфраструктурного свойства [5].

Социальные эффекты неравенства. По подсчетам Всероссийского центра уровня жизни (ВЦИУЖ), доля россиян с доходами ниже среднего составляет 83 %, если принимать за средний уровень доход, равный семи прожиточным минимумам на занятого. В 2015 г. 13,3 % российских семей имели доходы ниже 10 тыс. рублей, 49,7 % населения имело душевые доходы от 10 до 30 тыс., 29,6 % — от 30 до 70 тыс., 5,4 % — до 110 тыс. рублей. И только 2 % имели доход более 110 тыс. на члена семьи. Из семей с доходами ниже прожиточного минимума примерно 50 % — семьи, где есть работающие люди.

Помимо бедности как таковой, низкий уровень доходов населения имеет также более глобальные последствия. Домохозяйства с доходом на уровне прожиточного минимума не могут

обеспечить платежеспособный спрос на подавляющее большинство товаров и услуг, в силу чего не создаются условия для развития множества отраслей народного хозяйства. Другим следствием этого является постепенное уменьшение на рынке труда числа высококвалифицированных кадров, к которым относятся работники в сфере медицины, образования, науки и культуры, а также инженеры всех отраслей. В результате постепенно снижается мотивация к занятию интеллектуальным трудом, что выражается в выборе специалистом профессии существенно ниже его квалификации или к необходимости эмигрировать в страны, где интеллектуальный труд более востребован. Снижается мотивация к получению образования. Результатом этих явлений становится снижение интеллектуального потенциала экономики страны, возможностей для технологического развития.

Некоторые исследователи полагают, что главная опасность неравенства заключается в потере качества человеческого потенциала, что негативно скажется на экономическом развитии. В России наблюдается самый низкий на пространстве БРИКС, за исключением ЮАР, за 25 лет рост индекса развития человеческого потенциала с учетом уровня неравенств (IHDI). Индекс IHDI увеличился с 1990 г. в России всего в 1,08 раза, тогда как в Китае — в 1,41, в Индии — в 1,35. Высоким считается увеличение этого индекса в 1,56 раза.

Быстрое обеднение населения России приводит к тому, что большинство граждан считает сложившуюся разницу доходов нелегитимной, как не обусловленную объективной разницей трудовых усилий между наиболее преуспевающей и наименее преуспевающей частями общества. Недовольство населения растущим расслоением общества может повлечь рост социальной напряженности.

Таким образом, проблема неравенства в современной России требует дальнейшего изучения, направленного на выработку рекомендаций по предотвращению бедности населения и связанных с этим глобальных долгосрочных негативных последствий для экономики страны. Для выхода из стагнации и роста доходов малообеспеченной части населения необходимым условием является возможно более равный доступ к образованию и достаточно высокая оплата труда, соответствующая квалификации сотрудника.

Библиографический список

1. Доклад о мировом неравенстве. 2018. URL: <https://wir2018.wid.world> (дата обращения: 09.01.2019).
2. Германия. Факты. 1996. Под ред. К. Зонтхаймера. Франкфурт-на-Майне.
3. Бабич А. М., Егоров Е. В., Жильцов Е. Н. 1998. Социальное страхование в России и за рубежом: учеб. пос. М.: РАГС.
4. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. 2017. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016. Cambridge, National Bureau of Economic Research. Working Paper 23712.
5. Папенов К. В., Никонов С. М., Земскова О. В. 2015. Социо-эколого-экономические проблемы крупных мегаполисов // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 119–126.

Родионова Н. В.

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Российская Федерация, 600000, Владимир, ул. Горького, 87
rodionova777@yandex.ru

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СГЛАЖИВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ

Аннотация: Обосновывается отрицательное влияние проблемы неравенства доходов на устойчивое развитие. Дается оценка остроты этой проблемы, рассматриваются ее причины и пути решения на основе инклюзивной институционализации. Задача инклюзивных институтов состоит в обеспечении консенсуса соотношений принципов рациональности, институциональности и осознанности выбора. Ее наиболее эффективно решает социальный контекст. В качестве инклюзивного института, способного формировать социальные контексты, рассматривается институт социальной ответственности. Однако на практике этот институт вместо этического заказа социума вырабатывает правила ренто-ориентированной игры для власти. Главным инструментом в этой игре является консенсус. «Игра в консенсус» подменила требование морального закона о добродетелях. Это привело к падению доверия общества данному институту. Предлагается изменить роль института социальной ответственности и воспринимать его как дизайнера этической мотивации, наделенного соответствующим функционалом, обоснованным С. Боулзом. Рекомендованы направления практической реализации этого института в его новой роли и обоснованы: 1) необходимость рассмотрения применяемых критериев эффективности в этическом контексте; 2) взаимосвязи экономики и религии, которые позволят устранить противоречия между качеством и смыслом жизни.

Ключевые слова: инклюзивная институционализация, социальный контекст, *игра в консенсус*, этическая мотивация.

Rodionova N. V.

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs,
87, Gorkiy str., Vladimir, 600000, Russian Federation

SOCIAL RESPONSIBILITY INSTITUTE AS USE THE SMOOTHING TOOL TO THE INCOME INEQUALITY PROBLEM

Abstract: The negative impact of income inequality on sustainable development is substantiated. The author assesses the severity of this problem, considers its causes and solutions on the basis of inclusive institutionalization. The task of inclusive institutions is to ensure consensus on the relationship between the principles of rationality, institutionality and awareness of choice. It is most effectively solved by the social context. The social responsibility institution is considered as an inclusive institution capable of forming social contexts. However, in practice, this institution, instead of the ethical order of society, develops the rules of rent-oriented game for the authorities. The main tool in this game is consensus. "The game of consensus" has replaced the requirement of the moral law of virtues. This led to a drop in public confidence in this institution. It is proposed to change the role of the social responsibility Institute and perceive it as a designer of ethical motivation, endowed with appropriate functionality, justified by S. Bowles. The directions of practical implementation of this Institute in its new role are recommended and justified: 1) the need to consider the criteria of efficiency in the ethical context; 2) the relationship of Economics and religion, which will eliminate the contradictions between quality and meaning of life.

Keywords: inclusive institutionalization, social context, *consensus play*, ethical motivation.

Одной из наиболее острых проблем современности является неравенство доходов. «Средний гражданин США в 7 раз богаче среднего мексиканца, в 10 раз — среднего жителя Перу или Центральной Америки, в 20 раз — среднего жителя тропической Африки, в 40 раз жителей беднейших стран Африки, таких как Мали, Эфиопия, Сьерра-Леоне» [1, с. 62–63]. Обостряющаяся проблема экономического неравенства стала камнем преткновения на пути устойчивого развития, поскольку усиливается социальная несправедливость и нарастает социальная напряженность, достигшая на современном этапе пиковых отметок и проявляющаяся в терроризме и военных конфликтах. Учитывая, что численность населения на Земле достигла небывалого

уровня, 7,6 млрд человек, и растет пропасть между уровнями жизни богатого меньшинства и бедного большинства, исследователи указывают на увеличение критической массы неудовлетворенности и предупреждают об опасности социального взрыва. Действующие программы международной помощи и индустриализации отдельных секторов неразвитых стран не дают ожидаемых эффектов. «Люди хотят экономической защищенности — они требуют высокой нормы занятости или щедрых пособий по безработице. Политические элиты не справились со своей работой и провалились по всем линиям» [2, с. 369]. В свою очередь, и «рынок, который работает так, как этого требует теория невидимой руки, [оказался] неблагоприятной средой для усвоения социальных норм». В модели рынка мотивация поведения Homo economicus сужена до желания максимизации собственного богатства (полезности). В экономике не учитываются этические и альтруистические мотивы человека, хотя эти мотивы существуют и их эффекты не аддитивны по отношению к экономическим эффектам. Поэтому в экономике незнакомцев оказывается слишком мало любви, чтобы «двигать миром» [3, с. 113, 237–238, 297].

В этих условиях в науке актуализируются исследования причин и последствий неравенства доходов, ведутся поиски путей стабилизации социальной жизни, а также новых моделей социально-экономических отношений.

Указываются различные причины неравенства доходов [1, с. 63–64, 71–72, 78, 82–83, 92, 106]:

- разное географическое расположение с богатым и бедным сельским хозяйством;
- политическая диктатура, при которой политики используют власть, вверенную им обществом, для собственного обогащения и проведения политики, которая выгодна только им, но совершенно невыгодна избирателям;
- разная компетентность государственного регулирования в условиях частых сбоев рыночного механизма;
- неравномерное распределение и использование прогрессивных технологий;
- разные уровни доверия в обществе и склонности членов этого общества к кооперации друг с другом;
- разные экономические институты, которые создают гражданам разные экономические стимулы для получения образования, инвестиций и инноваций;
- разные возможности заниматься предпринимательством и степени защищенности прав собственности;
- разные усердие в работе и способности рационально способствовать росту производительности.

В данном перечне корневую причину экономического неравенства исследователи усматривают в типе политического регулирования рыночных отношений: «экономический успех той или иной страны зависит от институтов — правил, по которым работает ее экономика, — и стимулов, которые получают ее граждане». «Понимание того, как работает политическая система, является ключом к тому, чтобы объяснить мировое экономическое неравенство» [1, с. 92, 104].

Предлагается различать инклюзивное и экстрактивное политическое регулирование рынка. *Инклюзивные институты* имеют беспристрастную систему правосудия, обеспечивают свободный выход на рынок новых компаний и свободный выбор профессий и карьеры для всех граждан, защищенные права частной собственности и равное участие всех граждан в экономической активности, стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, наилучшим образом используют их таланты и навыки. При этом у человека остается право выбора, где именно работать и что именно покупать. Инклюзивные институты распределяют доходы и активы среди более широкого круга лиц, что обеспечивает устойчивость этих институтов [1, с. 105, 116].

Экстрактивные институты сосредоточены на том, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части. Такие институты концентрируют власть в руках элиты и не ограничивают ее в том, как и на что эта власть может употребляться. Элита конструирует экстрактивные институты, которые позволя-

ют ей эксплуатировать остальное население. Когда инвестиции делает только элита, экономика немного вырастает, но такой экономический рост всегда обогащает только элиту и разочаровывает большинство населения [1, с. 56, 114].

Следовательно, решение проблемы неравенства доходов связывается с развитием государственного регулирования рынка на основе инклюзивной институционализации. В этом усматривается путь устойчивого развития, поскольку основное предназначение (миссия) инклюзивных институтов состоит в обеспечении консенсуса соотношений принципов рациональности бизнеса, институциональности государства и осознанности выбора общества. По мнению Э. Коломбатто, такое соотношение способно поддерживать равновесие и стабильность социально-экономической системы. Взаимосвязи этих принципов обеспечивают социальный контекст, этически оправдывающий индивидуальные выгоды бизнеса, власти и человека. Под выгодами власти Коломбатто понимает бюрократическую ренту. Социальный контекст — легитимный инструмент управления, потому что «человек ищет и находит свое вдохновение в социальном контексте, среди других людей — обмениваясь, осуществляя коммуникацию, сотрудничая и развивая общую систему личных и безличных отношений» [2, с. 357].

Социальные контексты может формировать институт социальной ответственности — разновидность инклюзивных институтов. Современному миру он важен, потому что социальная ответственность необходима всем. Бизнес воспринимает ее как инструмент расширения рынка за счет социальных PR-кампаний, источник дополнительных ресурсов от социального сотрудничества и ресурс деловой репутации; власть — как возможность расширения поля консенсуса, необходимого для ее укрепления; общество либо как стену плача и надежду на помощь для неуспешных, либо как возможность приобретения добродетелей для людей, имеющих экономический успех.

Теоретически концепция социальной ответственности гениальна, однако на практике институт социальной ответственности вместо этического заказа социума стал вырабатывать правила рентоориентированной игры для власти, согласно которым требование обслуживания социального контекста, гарантируемого назначенными правителями, становится тождественным требованию личной ответственности. Индивиды воспринимают социальную ответственность так, что они живут в окружении, которое предоставляет им возможности. Но так как эти возможности неравные, принципы социальной ответственности вступают в противоречие с принципами экономической справедливости, которые ценятся как необходимое условие гарантированного консенсуса и стабильности. Противоречие устраняется с помощью законодательства, которое воспринимается как акт, реализующий некую полупринудительную коллективную справедливость в отношении тех, кто не виноват в своих неудачах. Консенсус считается главным инструментом поддержания равновесия. Этот инструмент обеспечивает заинтересованность активных к политическому предпринимательству, а пассивных — к получению подачек от бюрократической ренты. От власти требуется регулярно выдавать «корм» получателям бюрократической ренты, контролируя игру, и одновременно поддерживать достаточное благосостояние, чтобы соответствовать ожиданиям [2, с. 161–164]. Так «игра в консенсус» подменила требование морального закона о добродетелях. Поэтому доверие общества институту социальной ответственности падает. Причину его деградации объясняют результаты эмпирических исследований. Так, по оценкам С. Боулза, наличие экономического стимула снижает готовность помочь на 27 % по сравнению с ситуацией без стимула. Это явление называется категорическим вытеснением [3, с. 97].

Исследования показывают, что альтруистическое поведение может быть широко распространено в рыночных обществах. Например, люди готовы пожертвовать собственным материальным благополучием, чтобы наказать тех, кто нарушает социальные нормы справедливости. Такое поведение развито в странах с большей вовлеченностью в рынок. Однако спонтанная этическая мотивация непостоянна. Исследователям удалось выявить эффект морального отчуждения — люди могут включать и выключать свою мораль. Не использующийся этический мотив может быть утрачен. Забвение навыков морального суждения происходит потому, что их не тренируют [3, с. 130, 181–182, 191].

Опираясь на результаты этих исследований, мы пришли к выводу о необходимости изменения роли института социальной ответственности в обществе: вместо игрока в консенсус предлагается роль дизайнера этической мотивации. Для этого предлагается включить в состав его функций те, которые обосновывает С. Боулз, а именно:

- 1) создание и популяризация мотивов действий, от которых выигрывают другие, даже если гражданин потеряет, совершая эти действия;
- 2) побуждение людей совершать затратные действия ради общего блага и формирование готовности жертвовать личными выгодами для поддержания общественных норм;
- 3) разработка политических мер, которые позволят стимулам и ограничениям синергетически работать с этическими и альтруистическими склонностями людей;
- 4) создание дизайна правил, которые позволят определять итоговый результат гражданственно ориентированными, а не эгоистическими агентами;
- 5) создание механизмов стимулирования гражданских действий, апеллирующих как к материальным интересам, так и к нравственным чувствам, чтобы стимулы и чувства усиливали друг друга, а не работали друг против друга [3, с. 76, 182, 206, 296].

Для развития института социальной ответственности в роли дизайнера этической мотивации могут быть использованы следующие результаты исследований проблемы неравенства доходов, выполненных автором:

- 1) концепция взаимосвязи показателей эффективности и справедливости в системах управления [4]. Обоснована необходимость изменения применяемых критериев эффективности. Эффективность, измеряемая прибылью, ВВП и т. п. не годится на роль регулятора, потому что нечувствительна к этическим принципам;
- 2) обоснованные взаимосвязи экономики и религии, которые позволят устранить противоречия между качеством и смыслом жизни, чтобы качество жизни не стало «золотым тельцом» [5];
- 3) нам представляются следующие первоочередные направления практической реализации института социальной ответственности в роли дизайнера этической мотивации, которые будут сглаживать экономическое неравенство:
 - развитие социального предпринимательства как нового социального сегмента рынка, доступного для всех желающих научиться работать, делая первые шаги в социальных проектах;
 - сделать открытыми социальные проекты для общественности, особенно для студентов и выпускников вузов. На наш взгляд, целесообразно после окончания института в качестве практики предусмотреть участие выпускников в социальных проектах на волонтерских условиях, чтобы получить рекомендацию на очередную работу;
 - расширить функцию институции (установление порядков) государства в интересах наименее доходных и уязвимых слоев общества.

Библиографический список

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. 2018. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождения власти, процветания и нищеты. М.: Изд-во АСТ.
2. Коломбатто Э. 2016. Рынки, мораль и экономическая политика: новый подход к защите экономики свободного рынка М.: Мысль.
3. Боулз С. (Сэмюэль). 2017. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. М.: Изд-во института Гайдара.
4. Родионова Н. В. 2017. Теория и методология исследования взаимосвязи экономических и социальных показателей в системах управления предприятиями: монография. М.: ИНФРА-М.
5. Родионова Н. В. 2018. Симфония взаимоотношений социальной ответственности в цепи «церковь — государство — бизнес — общество»: сб. статей. Beau Bassin (Mauritius): LAP LAMBERT Academic Publishing RU.

Раздел 4

ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: КОМПЕТЕНЦИИ И АДАПТАЦИЯ

Антипина Е. В.

Российский экономический университета имени Г. В. Плеханова,
Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., 36
donskikh@yandex.ru

КРИЗИС ТЕОРИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация: В данном исследовании представлена история развития экономической мысли в области циклических колебаний с середины XX в. до настоящего времени. Автор исходит из основных ориентиров выделения циклов. Главная идея статьи — это обоснование теории циклических колебаний в современных условиях глобальной цифровизации. В рамках теории мультициклическости процесс обновления основных производственных фондов и связанные с этим колебания инвестиционной активности описываются промышленными циклами разной длины. Появление цифровой экономики требует изучения ее природы и родовой основы с привлечением нового методологического инструментария. При всеобъемлющей и всепроникающей цифровой революции вещей и людей наиболее актуально стоит вопрос разработки эконометрической модели современных концепций, необходимых для адаптации в новой интеллектуальной среде. Несмотря на серьезное расширение разнообразия методов изучения экономики, произошедшее в последние десятилетия, проблематика влияния технологических факторов на развитие экономической науки нуждается в дополнительной проработке.

Ключевые слова: цикличность, теории циклов, технологические факторы, Харрод, Хансен, Кузнец.

Antipina E. V.

Plekhanov's Russian University of Economics,
36, Stremyannyi lane, Moscow, 117997, Russian Federation

A CRISIS OF THEORY AT DIGITAL ECONOMY

Abstract: The research provides largely investigated the historical and methodological bases of cyclical fluctuations from the mid of the 20th century to the present. The author proposed the main reference points for the allocation of cycles from K. Marx and F. Engels to F. Kydland and P. Romer. The main idea of the article is the substantiation of the theory of cyclic fluctuations in the current conditions of global digitalization. Within the multirecurrence theory the process of updating the fixed production assets and fluctuations of investment activity connected with it are described by industrial cycles of different length. The emergence of the digital economy requires the study of this nature and generic basis with the involvement of the methodological tools of the carrier of modern technologies as a new paradigm of views on the world. With a comprehensive and all-pervasive digital revolution of things and people, the most actual issue is the development of econometric model of modern concepts needed for adaptation in a new intellectual environment. Despite the serious expansion of the variety of methods for studying the economy that have occurred in recent decades, the problem of the influence of technological factors on the development of economic science needs further study.

Keywords: Cycles; cycling theories; technological factors; Harrod, Hansen, Kuznets.

В конце XX в. после глобального финансового кризиса 1998 г. проблема долгосрочного экономического роста все более привлекала внимание экономистов, поскольку именно в этот период вскрывается теоретический и идейный вакуум.

Если говорить о развитии западной цивилизации, то на протяжении всего лишь 3–5 поколений промышленное общество перешло в стадию постиндустриальной цивилизации. На стыке веков началось бурное производство микроэлектронных компонентов, образование ин-

тегральных схем и усиление функциональной сложности. Появились микропроцессоры, волоконно-оптический способ передачи информации и промышленные роботы, произошел скачок в развитии.

Цифровая революция сформировала необходимые социально-экономические условия ускоренного развития общественного производства. В этот период времени появляются новые направления исследований в изучении как глобальных процессов, так и национальных экономик ведущих стран мира. Новый этап технологических процессов актуализировал теорию длинных волн. Как писал А. Г. Худокормов, она «является основным теоретическим ключом к пониманию истории мировой экономической мысли XX столетия» [1].

Теоретические споры о циклических колебаниях производства имеют длительную предысторию. В числе первых на них обратили внимание Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Авторы «Манифеста Коммунистической партии» связали регулярные кризисы с внутренними конфликтами капиталистической экономики.

Поворотным пунктом в развитии теории экономического роста стала модель Харрода—Домара. Его знаменитое уравнение $S/Y = I/Y = K/Y$ выражает условие динамического равновесия и указывает на то, что всегда существует некоторая норма инвестиций, для того чтобы произвести продукцию дополнительно, благодаря инвестициям предыдущего периода. S в уравнении означает сбережения, I — инвестиции, Y — национальный доход, а K — доля инвестиций, вызванных изменением дохода того же года.

В самых простых словах это уравнение означает, что инвестиции и сбережения обладают эквивалентностью. Это две формы одного явления: инвестиции — это освобожденные сбережения; сбережения — это инвестиции, ожидающие своего часа. Поскольку Y (национальный доход, обозначающий, что рассматривается доля инвестиций и сбережений) — это на самом деле огромное число, формула показывает, что в любых сбережениях есть равная доля инвестиций.

Можно не считать себя хорошим инвестором, но если вы просто взрослый человек с обычным доходом, то ваши сбережения будут оборачиваться не меньшей долей инвестиций. При этом важно учитывать именно долю сбережений в национальном доходе, а не уровень сбережений в абсолютном выражении.

В результате своего анализа Харрод приходит к выводу о существовании такой линии развития, как линия динамического равновесия, придерживаясь которой происходят колебания фактического темпа роста. Харрод пишет: «Идея, согласно которой можно проводить совершенную политику, своего рода “тонкую настройку”, способную, с одной стороны, предотвратить рост безработицы, а с другой — не вызывать повышения инфляции спроса, не согласуется с экономической теорией» [2]. Двадцать три года спустя, пытаясь восстановить первое и второе подразделения общественного производства Маркса, Джоан Робинсон с Николасом Калдором разработали более сложную модель роста, в которой говорилось об инвестиционных и потребительских товарах.

Между созданием экономической модели Харрода—Домара и ее усовершенствованием Дж. Робинсон и Н. Калдором произошло еще очень важное для развития теории экономического роста событие. Элвин Хансен опубликовал монографию «Экономические циклы и национальный доход», где соотношение нормы прибыли и нормы процента определяют изменения в объемах инвестиций. Работа посвящена экономическим циклам, национальному доходу, современным теориям занятости и развитию соответствующих областей экономической мысли и определяет экономический цикл как колебание наиболее важных макровеличин: занятости, объема продукции и уровня цен.

«Экономические циклы и национальный доход» — одна из самых удивительных научных публикаций, так как в ней точка зрения кейнсианца Хансена отличается от позиции самого Кейнса. Хансен сделал акцент на механизме инвестиционных колебаний: как научно-технический прогресс может быть причиной автономных инвестиций. Этим же объяснялось, каким образом при наличии свободной рабочей силы и дополнительных мощностей инвестиции в какой-либо одной из отраслей могут вызывать прирост дохода не только в данной отрасли, но и во всех сопряженных с нею отраслях. Простой формулой акселератора Хансен подарил

экономистам возможность оперировать расчетом экономического роста. Его может и не быть, если прибыль от автономных инвестиций направляется на потребление. Теория экономических циклов помогает нам решить трудную проблему превращения современного общественного устройства в слаженную и работоспособную систему. И, что также далеко не случайно, она дает возможность прогнозировать развитие рыночной системы и тем самым усилить ее адаптивность, амортизируя будущие потрясения. Если Кейнсом дан мультипликатор, то Хансен — акселератор, который раскрывает поведение инвестиций.

Наряду с разработкой кейнсианских моделей цикла в монографии Джона Хикса, посвященной теории экономического цикла, был предложен вариант синтеза неоклассического и кейнсианского подходов. Для современных денежных теорий процента и цикла путь открыт. А до неокейнсианских исследований Кузнецца интерес к проблеме роста несколько снизился.

В России работа Льва Мендельсона, посвященная теории и истории экономических циклов, во многом производила впечатление решения, подгоняемого под заранее известный ответ.

К началу 70-х годов XX в. потенциал роста послевоенного периода был исчерпан. В это время мейнстримом экономической мысли становится количественный подход в формировании теории экономического роста, ярким представителем которого является Нобелевский лауреат Саймон Кузнец. Мир должен был вступить в век целостной макроэкономической науки, в которой «многие темы экономической теории имели большое сходство» [3]. Ученые вскоре обнаружат, что ключевая роль в формировании теории экономического роста закладывалась представителями количественного подхода, и прежде всего С. Кузнецом. По Кузнецу, «главное заключается именно в использовании [науки], причем это касается не только результативного экономического роста, а в такой же мере и эффекта обратной связи относительно развития самой науки; получается нечто похожее на самостимуляцию экономического роста» [4].

Кузнец писал о проблеме импульса роста, то есть о том, каким образом превратить потенциал технологического прогресса в изменение институциональной структуры. Это была действительно новая концепция, к тому же очень удачная. Вскоре она поможет решить проблему сравнительного анализа экономического роста. А в более отдаленной перспективе она станет фундаментом современной теории экономического роста. Во всяком случае, это были три показателя, которые определяют принадлежность к современной экономике:

- темп прироста дохода на душу населения;
- распределение рабочей силы по отраслям;
- размещение населения по территории.

Дальнейшее развитие теория роста получила стараниями Роберта Солоу. Новизна в том, что главный фактор экономического роста — технический прогресс — является эндогенным. Мы изначально рассматриваем нововведения как источник роста; мы привыкли, что пропорции между капиталом и трудом должны быть переменными. На деле же, согласно Солоу, их определяют производители, которые минимизируют затраты в зависимости от цен на эти факторы. Они даже имеют формулу: $Y = F(K, L)$.

Но кардинальная смена методологии анализа цикла, да и не только цикла, больше всего заметна в современных экономических теориях. Что такое капитал-доход, обычно объясняют кредиторы, предлагая представить, что они отказываются от текущего потребления (жертвуют им) и вправе рассчитывать на определенную компенсацию за указанную жертву, за воздержание от текущего потребления. Под воздействием технологического шока возрастает совокупная производительность факторов производства. Это увеличивает заработную плату, что вызывает увеличение предложения труда в данный период времени и капиталоотдачи. Теперь, если экономика находится в состоянии равновесия, но не соответствует «золотому правилу», правительству предстоит определить политику роста, разработать программу максимального душевого потребления. Это возможно в двух вариантах: экономика располагает запасом капитала большим или меньшим, чем это необходимо, чтобы соответствовать «золотому правилу».

В момент снижения нормы сбережения получаем, что даже в течение перехода к новому стационарному состоянию экономика в каждый момент времени имеет более высокое потребление на душу населения, чем исходный уровень. Так что если поддерживать одинаковый уро-

вень потребления для всех живущих ныне и для всех будущих поколений, то есть если поступать с будущими поколениями так, как хотели бы, чтобы они поступали с нами, то максимальный уровень стационарного потребления на душу населения определен. Кривая Филлипса (соотношение между безработицей и инфляцией) с точки зрения межвременного выбора не столько универсальная модель, сколько свойство безработицы.

Анализируя возможные последствия снижения налога на труд (известного у нас как ЕСН), Фелпс в соавторстве с Лоуренсом Саммерсом обосновал неэффективность такого шага для снижения безработицы, по-прежнему очень высокой во многих развитых странах. Во всяком случае, можно просчитывать все побочные последствия налоговых новаций.

Значителен вклад Финна Кидланда и Эдварда Прескотта в изучение влияния фактора времени на экономическую политику и в исследования движущих сил деловых циклов. Среди много другого время проникает во все аспекты социальной жизни и влияет на все продукты цивилизации.

Ромер первым обнаружил эффект экономических факторов в изучении инновационной активности фирм и осознал их эндогенное значение для понимания роста в экономике. Шведская королевская академия наук 8 октября 2018 г. присудила ученому из США премию по экономике памяти Альфреда Нобеля.

Подытоживая обсуждение проблематики циклов, можно сделать некоторые выводы и дать рекомендации.

Тенденция экономики к росту является естественной тенденцией самосберегающей системы, которая быстро приспосабливается к равновесному устойчивому состоянию, максимизирующему благосостояние. В условиях развитых стран четверть мирового ВВП тратится на обеспечение будущего экономического роста. Если прирост ВВП будет ниже 4% — не будет развития промышленности и повышения качества жизни.

Из любого экономического кризиса экономика выходит на уровень выше докризисного. Одно из предсказаний Председателя Счетной палаты А. Л. Кудрина заключается в том, что страна стала медленно, но уверенно выходить из кризиса. Однако экономистам и политикам недостаточно просто ждать этого выхода. Поэтому шанс на появление синтетической, исчерпывающей теории делового цикла все-таки есть, будь то неоклассические синтетические теории или кейнс-шумпетерианские эконометрические модели.

Библиографический список

1. Худокормов А. Г. 2012. Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке). М.: Изд-во Института экономики.
2. Harrod R. 1973. *Economic Dynamics*. London; New York.
3. Salerno J. 1999. The Place of “Human Action” in the Development of Modern Economic Thought // *The Quarterly Journal of Austrian Economics*. Vol. 2, no. 1 (Spring). URL: <https://mises.org/library/place-human-action-development-modern-economic-thought-1> (дата обращения 99.12.2018).
4. Kuznets S. 1966. *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. New Heaven. URL: http://eh.net/book_reviews/modern-economic-growth-rate-structure-and-spread/ (дата обращения: 09.12.2018).

Барановский А. Д., Нейжмак Е. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
anton-baranovski@live.ru, ekaterina.neizhmak@gmail.com

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В данной статье рассматриваются подходы к оценке влияния цифровой трансформации и распространения когнитивных технологий на рынок трудовых ресурсов. Цель исследования — сформировать представление о перспективах занятости в цифровой экономике. Практическая значимость исследования заключается в формировании актуальной картины автоматизации и высвобождения рабочей силы при внедрении новых технологий. В результате были определены основные тенденции рынка труда под влиянием цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, инновации, искусственный интеллект, когнитивные технологии, рынок труда, трудовые ресурсы.

Baranovskii A. D., Neizhmak E. Y.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

HUMAN RESOURCES IN DIGITAL ECONOMY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract: This article is devoted to approaches to assessing the impact of digital transformation and the spread of cognitive technologies on the labor market. The purpose of the study is to form an idea of employment prospects in the digital economy. The practical significance of the study lies in the formation of up-to-date picture of automation and replacing human resources in digital economy. As a result, the main trends in the labor market under the influence of digitalization were identified.

Keywords: digitalization, digital economy, innovations, artificial intelligence, cognitive technologies, labor market, labor resources, AI.

Цифровая экономика представляет собой закономерный этап развития экономики, в которой трансформации бизнес-процессов происходят под воздействием цифровых технологий. Цифровизация проникает на все уровни: производство, сбыт, обмен, потребление. Государство со своей стороны также не обходит стороной данную тему и в 2017 г. Правительство РФ представило программу «Цифровая экономика Российской Федерации». С каждым годом менеджмент все большего количества организаций сталкивается с вопросом: актуально ли применение новых технологий, относящихся к цифровой экономике в конкретном предприятии? Внедрение таких технологий предполагает от руководства компаний внутренней готовности к переходу в новую экономическую парадигму. Однако данные технологии в полной мере отвечают новым вызовам для современных предприятий, потенциально решая проблемы повышения качества, клиентоориентированности, увеличения прибыли и оптимизации затрат. Очевидность ответа усложняется тем, что в настоящий момент экономические эффекты от составляющих цифровой экономики мало изучены. Одной из острых тем, связанных с развивающейся цифровизацией, является ситуация с трудовыми ресурсами.

Исторически инновации всегда были связаны с вытеснением человеческого труда из экономики. Для автоматизации производства было характерно сокращение низкоквалифицированного ручного труда и появление новых высококвалифицированных рабочих мест, связанных с умственным трудом. Так, в 1900 г. около 40 % американских рабочих были заняты в сельском хозяйстве, сейчас их менее 2 %. В 1950 г. около 24 % американцев были заняты на производстве, сейчас их менее 9 %. Подобные сдвиги происходят и в других развитых странах. Но сегодняшние изменения происходят шире и быстрее, чем раньше, и у людей остается значительно меньше времени на адаптацию [1].

Главным риском для занятости в цифровой экономике принято считать угрозу активного замещения технологиями не только низкоквалифицированного умственного и ручного труда, но также высококвалифицированного умственного и ручного труда. Экономист Дэрон Асемоглу и его коллеги из MIT проводили исследование, посвященное количественной оценке влияния роботизации на замещение рабочих мест. В основе проведенной ими работы были данные сферы производства США в период с 1990 по 2007 г. В результате было выявлено, что на 1 работа пришлось 6 потерянных рабочих мест или 670 000 рабочих мест за весь рассматриваемый период. Другое исследование влияния цифровизации на рынок труда проводила международная швейцарская компания Adecco, специализирующаяся на решениях в области управления персоналом. Одним из элементов работы стало выявление доли профессий в странах G20, находящихся в зоне риска, связанного с их актуальностью. Были выделены 2 группы: профессии с высоким риском автоматизации и профессии с риском значительных изменений. Самые высокие показатели по обоим группам пришлось на Германию и Италию. В Германии доля потенциально автоматизируемых профессий составила 12,2 %, доля потенциально модернизируемых — 31 %, для Италии эти значения 9,7 и 34 % соответственно. В свою очередь, наиболее низкие показатели рассматриваемых групп отмечены для Южной Кореи, где доли равны 5,9 и 18,6 % [2].

Результаты подобных исследований заставляют с настороженностью относиться к новым технологиям, постепенно внедряющимся в современную жизнь. Также различные прогнозы и отчеты зачастую говорят об исчезновении многих профессий в перспективе ближайших 10–15 лет. Но при рассмотрении ситуации под другим углом влияние цифровой экономики на рынок труда не является столь однозначным.

Глобальный институт Маккинзи также предоставлял свою оценку, что около 50 % задач, выполняемых в экономике, могут быть автоматизированы. В то же время данные 50 % лишь описывают техническую возможность того, что можно автоматизировать с помощью существующих и появляющихся технологий [3]. Количество фактически потерянных мест будет зависеть от затрат и преимуществ замены людей машинами. Однако еще более неопределенно, сколько новых рабочих мест будет создано. Какими бы разными не были оценки и прогнозы, большинство экспертов и исследователей сходятся на том, что технологический прорыв приведет к появлению новых рабочих мест или модернизации действующих. При этом в настоящее время технологии, которые могли бы существенно повлиять на экономику мало распространены. Например, искусственный интеллект, который считается одной из наиболее перспективных технологий, способный потенциально менять бизнес-модели компаний и целых индустрий, сейчас является недоступным для большинства предприятий. Несмотря на это, искусственный интеллект и другие когнитивные технологии — это то, что историки-экономисты называют технологиями общего значения. Такие изобретения, как паровой двигатель, электричество, двигатель внутреннего сгорания, изменили жизнь и работу людей. Но такие радикальные изменения предполагают, что и бизнес будет идейно перестроен, а для этого необходимы сопутствующие технологии для новых прорывов во всех отраслях экономики. Широкое применение когнитивных технологий означает переосмысление бизнеса или запуск новых бизнес-моделей. Как уже упоминалось ранее, рассмотрение подобных инноваций актуально через призму реальных выгод предприятий, а не просто возможностей самих технологий. На первый план будет выходить экономический эффект от внедрения, который может выражаться не только в сокращении затрат или росте выручки, но также в увеличении стоимости бизнеса или высвобождении неэффективно используемых ресурсов. Рассмотрим применение технологии «интернет-вещей», которая в исследовании аудиторской компании PricewaterhouseCoopers была названа наиболее инвестиционно привлекательной. Основная идея технологии заключается в оснащении все большего числа различных устройств специальными датчиками, позволяющими осуществлять сбор информации и объединять устройства в единую сеть. В качестве примера ее использования в производстве можно привести информационную систему eSOMS, установленную в 2014 г. на Смоленской АЭС. Сотрудникам отдела эксплуатации были предоставлены терминалы, которые предлагают оптимальные маршруты обхода оборудования и позволяют в режиме реального времени передавать информацию о наблюдениях в центральную информационную систему. Затем вся информация о наблюдениях объединяется и передается операторам станции вместе

с рекомендациями по дальнейшим действиям в случае выявления отклонений. Такой вариант применения технологии оказал положительное влияние: позволил сократить время на обходы в 20 раз, сократить бумажный документооборот, повысить качество наблюдений и их оценки, а также сэкономить предприятию 45 млн руб в год, что окупает затраты в течение 2,5 лет [4]. Таким образом, мы видим, что был достигнут экономический эффект в виде сокращения затрат и при этом человеческий фактор не был полностью исключен из процесса.

В 2017 г. аудиторская компания Deloitte проводила исследование среди руководителей крупных компаний о преимуществах искусственного интеллекта для бизнеса. Больше половины (51 %) руководителей отметили среди положительных сторон улучшение функционала и эффективности продуктов, 36 % респондентов также отметили оптимизацию внутренних бизнес-операций, а уменьшение количества сотрудников стал наименее популярным вариантом (22 %) [5]. Можно предположить, что наиболее востребованным вариантом для предприятий станет постепенное внедрение новых технологий, не предполагающее полной трансформации. Возвращаясь к технологии искусственного интеллекта, следует подчеркнуть, что акцент инноваций может быть сделан на расширение, а не замену человеческих навыков или делегирование роботам отдельных задач. Например, инвестиционная компания Vanguard применяет когнитивные технологии в своих процессах, чтобы автоматизировать традиционные задачи, а более сложные и креативные процессы выполняются специалистами. Специалисты работают с целями инвестиций и разрабатывают инвестиционную стратегию, в то время как когнитивные технологии генерируют финансовый план и прогнозируют его выполнение в реальном времени.

Важно отметить необходимость высокоинтеллектуального человеческого ресурса в эру технологического прогресса, для этого приведем пример с компанией Amazon. Как известно, Amazon — американская компания, крупнейшая в мире по обороту продаж товаров и услуг через интернет, один из первых сервисов, нацеленных на продажу реальных товаров массового спроса. Штаб-квартира компании располагается в Сиэтле, в недавнем времени руководство заявило о намерении открыть вторую штаб-квартиру. В связи с расширением сетевой гигант обещает предоставить до 50 000 рабочих мест и 5 млн долларов инвестиций, которые благоприятно повлияют на регион. Была информация, что локацией для новой штаб-квартиры станет Питтсбург, на что руководство заявило, что в Питтсбурге нет предложения высококвалифицированной рабочей силы, которая бы справилась с высокотехнологичной работой. Топ-менеджер компании сделал заявление: «Мы лидируем по открытию редких талантов с лидерским потенциалом, но городу (Питтсбургу) необходимо обучить население для возможности у нас работать».

Резюмируя, можно сказать, что цифровая трансформация однозначно изменит рынок занятости и подход к трудовым ресурсам. Дискуссионным вопросом является лишь до какой степени рабочий персонал может быть вытеснен из экономики. Несомненно, наблюдается растущая доля деятельности, осуществляемой в настоящее время людьми, которая будет в перспективе автоматизирована. Рутинные процессы и контроль за простыми операциями вроде ответов на однообразные вопросы или извлечение данных из бесконечного потока потенциально перераспределяются в работу машинам. Инновационные технологии не предполагают осуществление одной операции из широкого арсенала специалиста, либо же делают в принципе нечто неподвластное человеку (например, анализ big data). В то же время в существующих профессиях появляются новые виды деятельности и откроются совершенно новые возможности трудоустройства. Не следует ожидать, что основная часть рабочих мест будет заменена машинами, если люди достаточно охотно приобретают новые навыки и начинают новую деятельность. Ведь когнитивные технологии могут выполнять какой-то вид деятельности, а не всю работу за человека. Все большее значение на трудовом рынке играют soft skills: высокий социальный интеллект, коммуникабельность, ориентированность на инновации. Не стоит забывать, что использование максимального цифрового потенциала требует высоких уровней инвестиций в цифровую инфраструктуру, а также значительных усилий в области образования, чтобы позволить нынешним и будущим сотрудникам адаптироваться к требованиям цифровой рабочей среды. Недостаточный объем инвестиций в новые технологии и консерватизм в потребительском и управленческом мышлении являются одними из основных тормозящих факторов для развития цифровой экономики России. Новые технологии предполагают дополнительные вложе-

ния, которые ограничены коротким горизонтом планирования многих предприятий и неготовностью менеджмента оперативно внедрять новые технологии. В любом случае цифровизация уже сейчас формирует изменения на рынке труда, и предприятия, подготовленные к подобным переменам, получают выгодное конкурентное преимущество.

Библиографический список

1. Bain&CO Report, Labor 2030: The Collision of Demographics, Automation and Inequality. URL: <https://www.bain.com/insights/labor-2030-the-collision-of-demographics-automation-and-inequality> (дата обращения: 06.12.2018).
2. XXVIII Riunione Scientifica Annuale RSA AiLG 2017. URL: <http://www.convegnoaiig.it/2017/wp-content/files/2017/10/Bari-AiIG-2017-Ciralli.pdf> (дата обращения: 06.12.2018).
3. McKinsey Global institute solving the productivity puzzle. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/meeting%20societys%20expectations/solving%20the%20productivity%20puzzle/mg-solving-the-productivity-puzzle-report-february-2018.ashx> (дата обращения: 06.12.2018).
4. «Интернет вещей» (IoT) в России: технология будущего, доступная уже сейчас. URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/iot/IoT-inRussia-research_rus.pdf (дата обращения: 09.12.2018).
5. Deloitte Global Human Capital Trends. 2017. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/central-europe/ce-global-human-capital-trends.pdf> (дата обращения: 09.12.2018).

Болдырева Н. Б., Решетникова Л. Г.

Тюменский государственный университет,
Российская Федерация, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6
naboldyрева@yandex.ru, reshetnikova-l@yandex.ru

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Аннотация: В современных условиях формирование цифровой и финансовой грамотности населения рассматривается в качестве ключевых факторов повышения уровня его жизни. В статье обосновывается подчиненный характер цифровых компетенций потребителей финансовых услуг по отношению к их финансовым компетенциям и необходимость повышения финансовой грамотности населения с использованием цифровых финансовых технологий. Финансовые услуги для населения формируются потребностью в управлении финансами домохозяйства. Свойство финансовой услуги — неосвязаемость — определяет требования к финансовым компетенциям ее потребителя. Овладение ими формирует финансовую грамотность населения. Цифровизация оказывает влияние на технологию предоставления финансовой услуги, что предопределено ее элементным составом. В цифровой среде взаимодействие поставщика и потребителя финансовой услуги опосредуется информационно-коммуникационным посредником, который может полностью исключить финансового посредника из системы доставки. Не меняя сущности финансовой услуги, ее ментальной доступности, цифровизация трансформирует систему доставки финансовой услуги, решая проблему ее физической доступности. В условиях цифровой трансформации финансового рынка необходимо формирование у населения страны цифровых компетенций в приложении к его финансовым компетенциям.

Ключевые слова: финансовая грамотность, цифровая экономика, финансовая услуга.

Boldyreva N. B., Reshetnikova L. G.

Tyumen state University,
6, Volodarsky str., Tyumen, 625003, Russian Federation

FINANCIAL LITERACY IN THE CONTEXT OF DIGITAL COMPETENCES

Abstract: Currently, digital and financial literacy are the determinants of improving the living standards of the population. We have proved that digital competencies are subject to financial competencies. Consumers of financial services need to improve financial literacy with digital financial technologies. Household financial management creates the needs of consumers of financial services. The financial competence of the consumer depends on the intangible nature of the financial service. The digitalization is transforming technology for providing financial services. It connected with elemental composition of service. In the digital environment, an information and communication intermediary is emerging between the financial service provider and the consumer. He can rule out a financial service provider. Digitalization does not change the mental accessibility of financial services, but digitalization eliminates the problem of the physical accessibility of financial services. In the digital transformation of the financial market, people need digital competencies in the application to financial competencies.

Keywords: financial literacy, digital economy, financial service.

Современный тренд в развитии экономики страны связан с цифровизацией, которая создает условия для повышения благосостояния и качества жизни населения*. Президент РФ поставил перед Правительством РФ и органами государственной власти субъектов РФ задачу обеспечить к 2024 г. преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, включая финансовую, посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений.**

* Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 20.12.2018).

«Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» определяет цифровую экономику как хозяйственную деятельность, в которой «ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»*. Главным действующим лицом цифровой экономики выступает человек. Население сталкивается с продуктами цифровизации как в трудовой деятельности, так и в повседневной жизни. Цифровизация, изменяя средства и форматы коммуникации, требует от населения овладения новыми навыками. Ключевой цифровой компетенцией является умение коммуницировать в цифровой среде, пользоваться цифровыми коммуникациями. Одним из базовых направлений развития цифровой экономики программой «Цифровая экономика Российской Федерации» определено образование, в том числе формирование рынка труда, который должен опираться на требования цифровой экономики.

Независимо от своей основной профессиональной деятельности, образования и возраста каждый человек выступает потребителем финансовых услуг. Наряду с цифровизацией использование финансовых продуктов и услуг надлежащего качества также является условием повышения уровня и качества жизни граждан. Отметим, что сфера финансовых услуг стала объектом цифровой трансформации в первую очередь. В «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации» отмечается несоответствие финансовых знаний населения динамично меняющемуся финансовому рынку и ставится цель создания основ для формирования его финансово грамотного поведения**. В совокупности в условиях цифровизации для потребителей финансовых услуг, в первую очередь учащейся молодежи, на передний план выходит вопрос формирования (повышения) их финансовой и цифровой грамотности в рамках учебных планов основных образовательных программ всех направлений подготовки и уровней образования. Однако необходимо правильно расставить акценты, определив базовые и подчиненные компетенции.

В статье обосновывается подчиненный характер цифровых компетенций потребителей финансовых услуг по отношению к их финансовым компетенциям и необходимость повышения финансовой грамотности населения с использованием цифровых финансовых технологий.

Сам термин «финансовая услуга», рассматриваемый как производный от термина «услуга»***, можно определить как деятельность по удовлетворению финансовых потребностей. Финансовые услуги, оказываемые населению и востребованные им, определяются потребностью в управлении финансами домохозяйства. Классификация финансовых услуг для домохозяйства может быть проведена на основе бюджета домохозяйства. Бюджет домохозяйства формируется пассивными операциями — привлечением финансовых ресурсов — и активными операциями — размещением свободных денежных средств. Разнообразие этих операций и участников финансового рынка, которые их осуществляют, предопределяют типологизацию финансовых услуг. Приобретая финансовые услуги, население удовлетворяет потребности в заемном капитале, платежах, сбережениях и инвестициях, страховании, пенсионном обеспечении. Спектр фактически предоставляемых населению финансовых услуг, формирующих выделенные группы, подвержен постоянным изменениям, связанным с финансовыми инновациями в продуктовой линейке и технологиях предоставления.

* Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Отметим, что, несмотря на имеющиеся различия, наблюдается схожесть взглядов представителей академического сообщества и законодателей на понятие «услуга» — это вид деятельности, результат которой, имеющий нематериальное выражение, реализуется и потребляется в процессе осуществления данной деятельности и заключается в удовлетворении потребностей потребителя услуги.

В целом финансовый рынок, объектом сделок на котором являются финансовые услуги, выступает важнейшим институтом инклюзивного развития. Ключевыми условиями реализации этого потенциала являются финансовая грамотность населения и доступность финансовых услуг.

«Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации» определяет финансовую грамотность как результат процесса финансового образования, который проявляется в сочетании осведомленности, знаний, умений и поведенческих моделей, необходимых для принятия успешных финансовых решений и в конечном итоге для достижения финансового благосостояния. Таким образом, финансово грамотный человек отличается определенным набором качеств (уровень образования, объем знаний, умений, навыков, норм общественного поведения и пр.).

Доступность финансовой услуги предполагает ее получение потребителем в нужное время и нужном месте, ценовую доступность и соответствие конкретным потребностям клиентов, а также экономическую целесообразность, т. е. получение прибыли поставщиками данных услуг в течение длительного времени [1, с. 38–39].

В целом доступность финансовых услуг, как возможность их получения потребителем в нужное время и нужном месте, определяется двумя основными факторами: физической доступностью, достижение которой в значительной степени связано с развитием цифровых технологий и цифровой финансовой инфраструктуры, и ментальной доступностью, т. е. пониманием потребителем сути оказываемых ему услуг. Таким образом, в основе доступности финансовой услуги лежит набор качеств ее потребителя (т. е. его финансовая грамотность), дополненный цифровыми компетенциями.

Банк России сформулировал рабочее определение финансовой доступности, учитывающее международный опыт и специфику российского финансового рынка*. Под финансовой доступностью регулятор понимает состояние финансового рынка, при котором все дееспособное население страны, а также субъекты малого и среднего предпринимательства имеют полноценную возможность получения базового набора финансовых услуг. К базовому набору финансовых услуг отнесены услуги страхования, кредитования, по формированию вкладов/сбережений, а также платежные услуги**.

Выделение в качестве ключевых условий реализации потенциала финансового рынка как института инклюзивного развития финансовой грамотности населения и доступности финансовых услуг основано на особенностях, свойственных типовой услуге и специфичных для финансовой услуги [2; 3; 4; 5 и др.].

Среди них следует назвать неосвязаемость услуги, понимаемую как не только невозможность ее увидеть, ощутить до получения (физическая нематериальность), но и неспособность визуализировать, сконструировать ее четкий образ (ментальная нематериальность). Особенностью финансовой услуги является ее опосредованный характер. Ее оказание опосредовано финансовыми инструментами (денежные средства, ценные бумаги, долговые обязательства, которые не относятся к ценным бумагам, и др.). При этом большинство операций и инструментов, связанных с финансовой услугой, имеют безналичный и бездокументарный характер, следствием чего является отсутствие необходимости физического перемещения или потребления финансовых активов. Следует отметить также высокую ментальную нематериальность финансовой услуги, что обуславливает сложность ее понимания для рядового потребителя. Одним из направлений цифровизации финансовой сферы является появление цифровых финансовых продуктов (криптовалют).

* Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 годов. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/44104/str_30032018.pdf (дата обращения: 20.12.2018).

** Базовый набор финансовых услуг определен Глобальным партнерством за финансовую доступность «Группы 20» и включает в себя услуги страхования, кредитования, формирования сбережений и платежные услуги. При этом в случае необходимости базовый набор финансовых услуг может быть дополнен иными видами финансовых услуг (Определение финансовой доступности Банка России. URL: http://www.cbr.ru/finmarket/development/development_affor/determination/ (дата обращения: 20.12.2018)).

Особенностью финансовой услуги является также положение о составе любой услуги, представляющем собой систему взаимосвязанных элементов, находящихся в отношении и взаимодействии между собой. Несмотря на имеющиеся отличия, исследователи единодушны в выделении в качестве элементов оказания услуги потребителя, продавца и системы доставки, включающей технологический процесс предоставления услуги. Субъектами предоставления (продавцами) финансовой услуги выступают финансовые организации, получающие вознаграждение за содействие в заключении и осуществлении сделки. Именно система доставки финансовой услуги претерпевает коренные изменения, связанные с цифровизацией.

Таким образом, неосязаемость финансовой услуги определяет требования к финансовым компетенциям ее потребителя. Овладение ими формирует финансовую грамотность населения, в основе которой лежит прежде всего понимание потребителем сущности финансовой операции. Цифровизация оказывает влияние на технологию предоставления финансовой услуги, изменяет коммуникации поставщика и потребителя, что предопределено элементным составом финансовой услуги. В цифровой среде взаимодействие поставщика и потребителя финансовой услуги опосредуется информационно-коммуникационным посредником (технологическими компаниями, провайдерами). Отметим, что в условиях цифровизации информационно-коммуникационный посредник может полностью исключить финансового посредника из системы доставки, взяв на себя выполнение его функций (краудфандинг).

В целом для использования потенциала финансового рынка как института инклюзивного развития в условиях его цифровой трансформации необходимо формирование у населения страны финансовой грамотности с цифровыми компетенциями. Не меняя сущности финансовой услуги, ее ментальной доступности, цифровизация трансформирует систему доставки финансовой услуги, решая проблему ее физической доступности. В современных условиях финансовая грамотность предполагает способность человека принимать финансовые решения в цифровой среде.

Библиографический список

1. Демирчюч-Кунт А., Бек Т., Хонован П. 2011. Финансовые услуги для всех? Стратегии и проблемы расширения доступа. М.: Альпина Паблишерз.
2. Bateson J. 2006. Services Marketing: Concepts, Strategies & Cases. January 1st by Thomson.
3. Lovelock C. H., Wirtz J., Chew P. 2008. Essentials of Services Marketing. Prentice Hall.
4. Lovelock C., Gummesson E. 2004. Whither services marketing? In search of a new paradigm and fresh perspectives // Journal of service research. Vol. 7(1). P. 20–41.
5. Фадеева Н. В. 2012. Том 18. Свойства услуги и их пригодность для измерения качества услуговой системы // Вестник ТГТУ. Т. 4. С. 1107–1114.

Войкина Е. А., Шубенкова Е. В.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., 36
Voykina.EA@rea.ru; Shubenkova.EV@rea.ru

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПО ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация: В статье проводится анализ реализуемых образовательных программ в области цифровой экономики в Российской Федерации в различных высших учебных заведениях, в том числе Российском экономическом университете имени Г. В. Плеханова, Санкт-Петербургском государственном университете, Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации и др. Авторами установлено усиление междисциплинарной составляющей образовательных программ. В статье акцентируется внимание на усложнении содержания программ в сфере экономики и финансов с учетом необходимости формирования компетенций в области сбора, обработки, использования больших данных в целях принятия эффективных решений для оптимизации бизнес-процессов на предприятии. В исследовании представлены результаты анализа международного рынка образовательных услуг, выявлена тенденция по увеличению количества программ для подготовки кадров для цифрового рынка труда. Изучены образовательные программы в сфере цифровой экономики таких зарубежных вузов, как Венский экономический университет, Пражский экономический университет, Университет Тилбурга и др. Рассмотрены аналитические отчеты Международной организации труда и Организации экономического сотрудничества и развития для выявления существующих тенденций на международном рынке труда при переходе к цифровой экономике.

Ключевые слова: рынок труда, человеческий капитал, цифровая экономика, образовательная программа, компетенция.

Voykina E. A., Shubenkova E. V.

Plekhanov Russian University of Economics,
36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL PROGRAMS FOR TRAINING PERSONNEL FOR THE DIGITAL ECONOMY: RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract: In the paper there are analysed the educational programs implemented in the field of digital economics in the Russian Federation in various universities. The authors found an increase in the interdisciplinary component of educational programs. The paper focuses on the complication of the content of programs in the field of economics and finance, taking into account the formation of competences in the field of collecting, processing and using big data. The study presents the results of an analysis of the international educational market, reveals the increase trend in the number of programs for personnel training for the digital labour market. Educational programs in the field of digital economics of foreign universities have been studied. Analytical reports of ILO and OECD have been reviewed to identify existing trends on the international labour market in passing to a digital economy.

Keywords: labour market, human capital, digital economy, educational program, competence.

Процессы глобализации и интернационализации задают новые качественные критерии профессионального уровня выпускников. Одновременно цифровая трансформация экономики вносит свои определенные требования к компетенциям современных выпускников высших учебных заведений.

Вся социально-экономическая и технологическая сферы общества поглощены цифровой трансформацией. На федеральном уровне реализуется национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации». «Дорожная карта» реализации национального проекта включает в себя несколько направлений развития цифровой экономики, в том числе формирование кадрового потенциала цифровой экономики. Основной задачей учреждений образования яв-

ляется обеспечение цифровой экономики высококвалифицированными кадрами, при этом значительное внимание уделяется вопросу освоения базовых компетенций цифровой экономики гражданами Российской Федерации. Так, согласно представленной «дорожной карте» к 2020 г. количество выпускников системы профессионального образования с базовыми компетенциями цифровой экономики должно составить 300 тыс. человек в год, количество выпускников системы высшего образования по ИТ-специальностям — 80 тыс. человек в год [1].

РЭУ им. Г. В. Плеханова, как ведущий экономический вуз страны, принимает меры по развитию образования в России с учетом цифровизации экономики и общества в целом. Так, на факультете «Институт цифровой экономики и информационных технологий» по направлению «Информационная безопасность» реализуется профиль «Безопасность автоматизированных систем», «Информационно-аналитические системы финансового мониторинга», по направлению «Прикладная информатика» профили «Прикладная информатика в экономике», «Инжиниринг предприятий и информационных систем» и др. В магистратуре по различным направлениям представлены программы, формирующие междисциплинарные компетенции в области цифровой экономики, к примеру, направление «Финансы и кредит» программа «Управление финансовыми технологиями в цифровой экономике», направление «Юриспруденция» программа «Правовое обеспечение цифровой экономики», по направлению «Бизнес-информатика» программы «Цифровой бизнес», «Технологии цифровой экономики».

В Санкт-Петербургском государственном университете на бакалавриате реализуется образовательная программа «Социологические исследования в цифровом обществе», включающая в себя обучение по таким дисциплинам как «Анализ социальных сетей и Big data», «Социология цифровых коммуникаций». Преимуществом программы является ее направленность на передачу знаний и умений эффективного использования цифровых технологий для проведения социологических исследований. В магистратуре СПбГУ представлен значительный цикл программ в области цифровой экономики. Например, магистерская программа «Управление бизнесом в цифровой экономике», где среди преподаваемых дисциплин стоит отметить такие, как «Экономика цифрового предприятия», «Цифровая экономика: современные вызовы», «Практикум по Big data» и др. Магистерская программа «Цифровые технологии и системы» будет интересна для тех, кто желает получить практические навыки по разработке, управлению компьютерными технологиями. Также в СПбГУ представлены магистерские программы в сфере цифровой экономики в таких областях, как управление, политика и т. д.

В Российской академии народного хозяйства и государственной службы на бакалавриате по направлению «Экономика» представлены следующие профили «Фондовые рынки и цифровые технологии», «Цифровая экономика», по направлению «Государственное и муниципальное управление» профиль «Цифровое государство», по направлению «Торговое дело» профиль «Цифровые технологии в торговле». Среди магистерских программ по направлению «Прикладная информатика» представлена программа «Цифровые технологии в экономике», по направлению «Экономика» программа «Цифровая экономика», по направлению «Менеджмент» программа «Прорывные финансовые и цифровые технологии», по направлению «Государственное и муниципальное управление» программа «Цифровое государство», по направлению «Юриспруденция» программа «Юрист в сфере цифровой экономики», по направлению «Реклама» программа «Цифровые коммуникации и новые медиа».

В Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации реализуется бакалаврская программа на Финансово-экономическом факультете по направлению «Экономика», профиль «Оценка бизнеса в цифровой экономике», направленная на формирование у выпускников умений в области анализа, расчета, прогнозирования финансовых показателей с помощью информационных технологий. Отдельно стоит отметить направление «Прикладная информатика» профиль «Высокопроизводительные вычисления в цифровой экономике», обучение на котором позволяет приобрести навыки информатизации математического моделирования, финансовых вычислений. Среди магистерских программ стоит отметить программу «Управление информационными технологиями в цифровой экономике» (направление «Бизнес-информатика»), направленную на обучение студентов умениям по внедрению, модернизации и управлению ИТ-структурой предприятия. Магистерская программа «Корпоративные финансы в циф-

ровой экономике» (направление «Финансы и кредит») способствует приобретению навыков организации и управления корпоративными финансами.

Изучение международного опыта позволило выявить тенденцию диверсификации содержания магистерских программ в области экономики и управления с учетом цифровизации. В Венском экономическом университете магистерская программа «Финансовая математика» включает в себя изучение не только математики, финансовых рынков и инструментов, но и информационных технологий в области управления финансами. В Пражском экономическом университете обучение на магистерской программе «Количественные методы экономического анализа» позволяет приобрести компетенции по построению эконометрических моделей и осуществлению статистического анализа данных, в том числе с помощью знания специального программного обеспечения. В Университете Санкт-Галлена (Швейцария) реализуется уникальная магистерская программа «Количественная экономика и финансы». На сайте университета отмечается, что обучение по данной программе «готовит вас к экономике в цифровую эпоху». Выпускники этой магистерской программы смогут обрабатывать, анализировать и интерпретировать большие наборы данных с помощью различных инструментов и программ. Среди основных дисциплин: статистика больших данных, эконометрика, анализ данных и т.д. Востребованной является магистерская программа «Бизнес-аналитика» в Университете Тилбурга (Нидерланды). В рамках обучения студенты учатся объединять знания в области бизнеса, математики и статистики с передовыми методами обработки данных и их оптимизации. По окончании обучения выпускники программы умеют работать с широким кругом информационных приложений, включая управление запасами, маршрутизацию транспортных средств и планирование бизнес-процессов. Интересной, на наш взгляд, в этом же университете является магистерская программа «Наука о данных и предпринимательство». Обучение по данной программе объединяет в себе изучение моделей управления, предпринимательства и бизнеса с получением глубоких знаний в области методов обработки данных. Результатом программы является подготовка предпринимателей, ориентированных на науку о данных, которые способны создавать, разрабатывать и продавать технологии данных, осуществлять инновационные решения с использованием больших данных, развивать предпринимательские навыки в области больших данных. Среди основных дисциплин программы: интеграция и архитектура данных, сбор данных, управление бизнес-процессами, предпринимательство в области больших данных, креативное мышление и открытые инновации. В Университете Мангейма (Германия) уникальной является междисциплинарная программа «Магистр в области анализа и обработки данных». Курсы в области бизнес-информатики, социологии, политологии и математики сосредоточены на больших данных. Студенты учатся собирать, систематизировать, анализировать и визуализировать большие объемы данных, используя соответствующие инструменты и методы. Магистерская программа состоит из пяти основных направлений: основы анализа и обработки данных (0–4 кредита ECTS), управление данными (24–36 кредитов ECTS), анализ данных (30–54 кредитов ECTS), учебные курсы, семинары и исследовательские проекты (12–16 кредитов ECTS), магистерская работа (30 кредитов ECTS). Магистерская программа отличается практической направленностью учебного плана, так поддерживается тесное сотрудничество с различными международными ИТ-предприятиями и корпорациями, например с широко известной международной компанией — производителем программного обеспечения SAP. Таким образом, у студентов есть возможность написать магистерскую диссертацию в рамках исследовательского проекта или во время стажировки в компании.

Таким образом, можно отметить, что университеты диверсифицируют образовательные программы и направления подготовки в соответствии с требованиями цифровой реальности. Все большее внимание уделяется приобретению студентами навыков в области больших данных. Технологии блокчейн и тренды криптоиндустрии, управление цифровизацией бизнес-процессов: это и многое другое и есть необходимые компетенции современного специалиста.

Российский рынок труда испытывает недостаток высококвалифицированных специалистов, имеющих актуальные компетенции и навыки и готовых применить их здесь и сейчас, в том числе в области информатизации процессов управления предприятием. Так, по данным Высшей школы экономики, на август 2018 г. только 17 % организаций предпринимательского

сектора в России имели высокий и очень высокий уровень цифровизации [2]. Здесь важно отметить, что согласно Международной организации труда наблюдается дефицит достойных рабочих мест. Согласно прогнозам, показатель безработицы в 2019 г. не изменится, т. е. останется на таком же уровне, как и в 2018 г. — 5,5 %, однако количество безработных возрастет с 192,3 млн чел. в 2018 г. до 193,6 млн чел. в 2019 г., при этом в развитых странах численность безработных снизится на 0,4 млн человек [3]. Данный факт объясняется Международной организацией труда как содействие занятости населения путем экономического и технологического развития, создания высокопроизводительных рабочих мест в развитых странах. В аналитических отчетах Организации экономического сотрудничества и развития утверждается, что вырастет спрос на высококвалифицированных специалистов, владеющих навыками сбора и обработки данных, принятия решений, управления предприятиями в эпоху глобализации [4].

Как итог, российским вузам в целях поддержания конкурентоспособности российской экономики, акселерации процессов информатизации в различных видах экономической деятельности необходимо подготавливать специалистов, владеющих компетенциями цифровой экономики. Для этого необходимо постоянное обновление содержания образовательных программ, опережающая разработка новых современных образовательных курсов, внедрение новых методов обучения студентов, вложение инвестиций в обновление инфраструктуры вузов и постоянное повышение квалификации научно-педагогических работников.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-п. Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». UR: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 14.12.2018).
2. World Employment and Social Outlook: Trends 2018. 2018. International Labour Office — Geneva: ILO. P. 6. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--dgreports/--dcomm/--publ/documents/publication/wcms_615594.pdf (дата обращения: 12.12.2018).
3. Абдрахманова В. И., Ковалева Г. Г. 2018. Цифровизация бизнес-процессов // Бюллетень «Цифровая экономика». / Высшая школа экономики. Институт стратегических исследований и экономики знаний. URL: <https://issek.hse.ru/news/222541867.html> (дата обращения: 15.12.2018).
4. OECD (2017). OECD Digital Economy Outlook 2017, OECD Publishing, Paris. P. 228. URL: <https://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en> (дата обращения: 15.12.2018).

Калабина Е. Г.

Уральский государственный экономический университет,
Российская Федерация, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62
kalabina@usue.ru

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПОЛИТИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА (СЛУЧАЙ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ КОМПАНИИ)

Аннотация: В исследовании обсуждаются вопросы построения политики профессионального развития персонала как элемента архитектуры кадровой политики в организации и представлен кейс крупной промышленной компании Уральского региона. Проведено терминологическое исследование категории «политика профессионального развития персонала», обнаружены расхождения в ее трактовке и понимании. Выявлены современные условия переформатирования политики профессионального развития персонала в экономических организациях, охарактеризована взаимосвязь между моделью построения политики профессионального развития и стратегией управления человеческими ресурсами в организации. Определены общие правила построения политики профессионального развития персонала в экономических организациях. Установлено, что мейнстримом в разработке политики профессионального развития персонала становится переход от универсального контура к персонализированному и вариативному варианту профессионального развития каждого сотрудника организации, что требует использования современного инструментария оценки способностей и возможностей на основе компетентностного подхода. На примере крупной промышленной компании Уральского региона рассмотрено изменение политики профессионального развития персонала для группы ее сотрудников. Предложена программа развития сотрудников для данной компании путем диагностики и оценки имеющихся у сотрудников компетенции, а также определения пула ключевых опережающих корпоративных компетенций для управленческого персонала компании.

Ключевые слова: промышленная компания, политика профессионального развития персонала, опережающие компетенции.

Kalabina E. G.

Ural State University of Economics,
62, 8 Marta str., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation

COMPETENCE-BASED APPROACH IN THE POLICY OF PERSONNEL DEVELOPMENT (THE CASE OF LARGE INDUSTRIAL COMPANIES)

Abstract: The study discusses the key issues of building a policy of professional development of personnel as an element of the architecture of the personnel model of human resources management in the organization and presents the case of a large industrial company operating in the Ural region. Conducted terminological research in the "policy of professional development of the personnel", discovered discrepancies in its definition and understanding. The modern conditions of reformatting the policy of professional development of personnel in economic organizations are revealed, the interrelation between the model of building the policy of professional development and the strategy of human resources management in the organization is characterized. The General rules of building a policy of professional development of personnel in economic organizations are defined. It is established that the mainstream in the development of personnel professional development policy is the transition from a universal contour to a personalized and variable version of the professional development of each employee of the organization, which requires the use of modern tools for assessing abilities and capabilities based on the competence approach. On the example of a large industrial company of the Ural region, the change in the policy of professional development of personnel for a group of its employees is considered. The program of development of employees for this company diagnostics and estimates available for employees of competence, and also definition of a pool key advancing corporate competences for the administrative personnel of the company is offered in the way.

Keywords: industrial company, the policy of personnel development, advancing competences.

Профессиональное развитие сотрудников в организации неразрывно связано с возможностями повышения конкурентоспособности компаний в современных условиях. Политика профессионального развития персонала представляет собой особый подход к управлению сотрудниками в компании, направленный на достижение конкурентных преимуществ путем стратегического размещения квалифицированного и лояльного персонала, использующий совокупность организационных, управленческих, социальных, материальных и иных практик, правил и институциональных конструкций, которые конституируются в зависимости от условий институциональной среды [1; 2]. Проблема профессионального развития сотрудников в организации уже более ста лет занимает особое место в ряду актуальных направлений менеджмента. Для того чтобы быть конкурентоспособными, организации должны использовать приверженность сотрудников к обучению и их способность учиться. Одним из современных подходов к построению политики развития сотрудников в организациях становится концепция самообучающейся организации.

Концепция самообучающейся организации П. Сенге появилась в конце 1980-х годов и состоит в том, что профессиональное развитие сотрудников включает в себя два элемента — организационное и индивидуальное обучение, предварительно необходимо определить что, в каком объеме и для чего необходимо изучать, а также провести диагностику способностей сотрудников. Проходя профессиональное обучение в организации или же вне ее, каждый сотрудник приобретает новые знания, но это вовсе не означает, что данные знания приобрела сама организация, так как сотрудник в силу различных причин и обстоятельств может не воспользоваться или не захочет ими воспользоваться в данной компании. При этом индивидуальное обучение становится необходимым и достаточным условием для применения полученных знаний в организацию с целью создания нового ценностного преимущества в виде организационного знания. Индивидуальное обучение сотрудников в компании является необходимым условием, но не всегда достаточным условием для трансферта их в компанию с целью генерирования нового опыта и знаний. Те организации, которые способны создать условия для организационного обучения и профессионального развития сотрудников становятся самообучающимися и конкурентоспособными структурами в рыночной экономике [3; 4; 5]. Среди задач для данных организаций выделяются несколько наиболее значимых:

- повышение эффективности и обретение конкурентных преимуществ в конкурентной борьбе;
- содействие инновационным решениям;
- управлением изменениями и создание благоприятной среды для созидательных идей сотрудников;
- более глубокое понимание рисков и разнообразия хозяйственных ситуаций;
- улучшение отношений с клиентами, потребителями и поставщиками.

В качестве общих правил для реализации успешной политики профессионального развития сотрудников в конкурентоспособной организации можно обозначить следующие: развитие коммуникативных возможностей сотрудников между собой, социальное и активное профессиональное обучение в противоположность индивидуальному и пассивному, безопасность обучения и возможности его использования в практической деятельности, обучение на рабочих местах через создание и развитие профессиональных сообществ (проектных групп и команд), обучение навыкам общения, размышления, суждений и рефлексии, а не правилам, процедурам и бизнес-процессам, развитие интуиции.

Важно, чтобы профессиональное обучение в организации, которое позволяло бы обмениваться знаниями и опытом, осуществлялось путем диффузии знаний в отношении всех сотрудников. Однако руководители часто недооценивают роль профессионального развития своих сотрудников либо делают это, опираясь на свой жизненный опыт и здравый смысл. Хотя множество проблем, возникающих в любой организации, связаны с ошибками, допускаемыми при профессиональном развитии сотрудников в компании — отборе кандидатов для обучения, подготовке, мотивации и кадровых перемещениях сотрудников.

Вместе с тем построение политики профессионального развития сотрудников в организации в качестве первого шага предполагает проведение диагностики и оценки индивидуально-уровня развития сотрудников с позиций владения профессиональными знаниями, навыками, опытом и их личные характеристики. В практике оценки персонала сегодня применяются десятки различных оценочных методик в зависимости от целей, этапов работы сотрудников, стоимостных и временных затрат, степени надежности.

Кейсом для анализа применения компетентностного подхода в политике профессионального развития персонала послужила крупная промышленная компания, представляющая собой горно-металлургический холдинг, крупнейший производитель меди, цинка, угля и драгоценных металлов в России. Технологическая основа компании — это замкнутая технологическая цепочка по добычи и переработке меди, и на сегодняшний день в холдинге работают более 80 тыс. сотрудников.

Политика профессионального развития персонала в компании многогранна, однако особую роль в ее построении и реализации играет профессиональное обучение в виде организационного знания, которое генерируется и распространяется посредством деятельности негосударственного частного образовательного учреждения высшего образования.

В ходе проведенного анализа системы управления компанией нами был разработан и обоснован *пул ключевых опережающих корпоративных компетенций для управленческого персонала компании.*

1. Умение осуществлять информационно-аналитическую работу.
2. Планирование и организация работы.
3. Принятие решений.
4. Ориентация на результат.
5. Лидерство.
6. Работа в команде.
7. Коммуникация.
8. Стрессоустойчивость.
9. Самоанализ.

Мотивированные и квалифицированные менеджеры влияют на конкурентоспособность любой компании и ее позицию на рынке. Формирование кадрового резерва для менеджмента снижает затраты на подбор и адаптацию управленцев, помогает с инвестированием в подходящие виды деятельности и обучением персонала в компании, а также является инструментом нематериальной мотивации.

Для повышения уровня конкурентоспособности компании была разработана программа профессионального развития высшего руководства путем формирования у ее участников необходимых компетенций знаний и умений в соответствии с корпоративной моделью компетенции («ТОП-200»). В состав входили кандидаты на включение в кадровый резерв «ТОП-Резерв» с учетом результатов диагностики и оценки компетенций. В результате предполагалось создание системы по приобретению пула ключевых опережающих корпоративных компетенций для управленческого персонала компании и обмену знаниями между ним, интеграции полученных знаний в рабочие процессы, обеспечение доступа к знаниям и их поддержку. За счет роста профессионализма менеджмента организации предполагалось добиться снижения затрат, повышения конкурентоспособности компании.

Концепция политики профессионального развития сотрудников программы включала распространение «бациллы» использования современных инструментов управления для повышения эффективности деятельности предприятий, дальнейшего формирования команд эффективных (компетентных) руководителей, привлечения к обучению и профессиональному развитию участников второй волны в качестве экспертов, руководителей проектных команд, формирования проектных команд в начале обучения с целью разработки (доработки) идей, перспективных для компании.

В результате реализации разработанной программы профессионального развития в в компании первоначально была проведена детальная деловая оценка каждого кандидата. Во время проведения оценочных процедур каждый сотрудник оценивался по девяти ключевым компетенциям с помощью интервью по компетенциям и ассессмента.

Алгоритм проведения интервью по компетенциям состоял из следующих процедур. Первоначально составлялись профили должности, в которых прописывались компетенции, обязательные для конкретной должности; давалось описание каждой компетенции; составлялись соответствующие вопросы; проводилось интервью с кандидатом и фиксируются ответы; в завершение давалась оценка результата.

Оценочная шкала для определения уровня имеющихся компетенций состояла из четырех уровней:

- уровень мастерства (3) — предполагает особо высокую степень развития соответствующей компетенции.
- уровень опыта (2) — полностью освоил данную компетенцию.
- уровень развития (1) — находится в процессе освоения данной компетенции.
- уровень некомпетентности (0) — не владеет компетенцией, не понимает ее важности, не пытается ее применять и развивать.

Алгоритм проведения ассессмента состоял в следующем: определение целей ассессмент-центра; определение (формирование) группы для проведения оценки; формирование критериев оценки (моделей компетенций); формирование графика проведения мероприятий по подготовке, проведению ассессмента; выбор инструментов и методов; формирование группы (наблюдателей/экспертов), их подготовка (инструктаж/тренинг); мотивационная беседа с группой; ассессмент процедуры; отчет, рекомендации; сессия обратной связи.

В результате проведения ассессмента стало возможно принять решение о выборе и найме руководителей, специалистов, выявить потребности в обучении и профессиональном развитии персонала; сформировать кадровый резерв и решить вопросы выбора мотивационных схем.

Анализ действующей системы профессионального развития персонала в компании позволил сделать вывод о том, что оценка персонала осуществляется недостаточно дифференцировано: для разных категорий персонала применяется примерно одинаковые инструменты оценки — интервью по компетенциям и ассессмент. В связи с этим было предложено создать персонализированную модель профессионального развития персонала с ориентацией на стоимостные и временные затраты, а также в зависимости от категории персонала.

Таким образом, изменение политики профессионального развития персонала позволит осуществить дифференцирование действующей системы оценки компетенций для разных категорий персонала и установление соответствия их пулу опережающих компетенций компании, оптимизировать затраты на проведение оценки персонала, адекватные возможностям и условиям компании.

Библиографический список

1. Калабина Е. Г. 2011. Эволюция системы отношений «работник — работодатель» в экономической организации / под ред. А. Г. Шеломенцева. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.
2. Сенге П. 2004. Построение обучающихся организаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Менеджмент. Вып. 1. С. 30–34.
3. Уиддет С., Холлифорд С. 2006. Руководство по компетенциям. М.: Hippo.
4. Myers I. B., Mc Caulley M. H. 1985. Manual for the Myers-Briggs Type Indicator. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.
5. Van Hooft E. A., Van der Flier H. 2006. International Journal of Selection and Assessment. March. P. 67–81.

Креховец Е. В.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде,
Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, Б. Печерская, 25/12
ekrehovets@hse.ru

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация: По данным всероссийского мониторинга RLMS-HSE (N = 988, 2012–16 гг.) анализируется роль дружеских социальных связей молодых специалистов в процессе трудоустройства и адаптации на рынке труда. Трудоустройство через друзей и знакомых является распространенной практикой для молодых специалистов — более 40% респондентов нашли работу таким способом. При этом использование социальных связей в большей степени характерно для мужчин, чем для женщин; чем старше респонденты, тем чаще они трудоустраиваются через дружеские социальные связи. Трудоустройство через друзей и знакомых в большей степени преобладает в городах и отраслях, связанных с коммерческой деятельностью. Трудоустройство с помощью дружеских социальных связей не оказывает влияния на объективные показатели положения работника на рынке труда: заработную плату и условия труда. В тоже время молодые работники, трудоустроенные с помощью друзей и знакомых, чувствуют себя менее удовлетворенно работой, условиями труда и возможностями профессионального роста. Таким образом, трудоустройство через социальные связи негативно влияет на субъективные показатели адаптации выпускников на рынке труда.

Ключевые слова: выпускники, рынок труда, социальные связи, трудоустройство, удовлетворенность работой.

Krekhovets E. V.

National Research University, Higher School of Economics, Nizhny Novgorod,
25/12, Bolshaya Pecherskaya str., 603155 Nizhny Novgorod, Russian Federation

ADAPTATION OF GRADUATES ON THE LABOR MARKET: THE ROLE OF SOCIAL TIES

Abstract: This research considers results of the investigation of social ties of graduate's friendship in their employment and adaptation on the labor market by using data of Russian longitudinal monitoring survey (N = 988, 2012–16 years). Employment based on social ties is seems to be a common practice for students and graduates. More than 40 percent of respondents find their job by using friendship ties. Using social ties in employment are more common for men than for women and frequency of this usage increases with the getting older. Seeking the assistance of social ties more often occurs in urban areas and in the commercial industries. Employment by social ties does not influence on the objective indicators of the position of employed in the labor market. However, results of this study show that employees who had been recruitment by social ties feel themselves less satisfied by the job and career opportunity. Therefore, employment based on social ties negatively affect the subjective indicators of graduate's adaptation on the labor market.

Keywords: graduates, labor market, social ties, employment, job satisfaction.

Переход от работы к учебе является важным жизненным этапом молодого человека, ведь именно он в значительной мере определяет его дальнейшее профессиональное и социальное развитие. Сложности адаптации на рынке труда связаны как с индивидуальными характеристиками работника, так и с институциональными особенностями рынка труда. Среди аскриптивных факторов значимое влияние оказывают пол, место проживания, уровень образования индивида [1]. Институциональные проблемы адаптации молодых специалистов связаны главным образом с неэффективностью взаимодействия рынка труда и системы высшего образования [2].

Трудоустройство является приоритетной задачей для большинства выпускников, поэтому они используют все имеющиеся в их распоряжении ресурсы для ее решения. Одним из таких ресурсов является социальный капитал соискателя, выраженный в виде социальных связей [3].

В процессе трудоустройства соискатели часто обращаются за помощью к друзьям, родственникам, знакомым, то есть используют свои социальные связи при поиске вакансий. Социальные связи на рынке труда становятся важным источником распространения информации, ускоряют процесс трудоустройства и способствуют сокращению безработицы. Социальные связи не только являются эффективным каналом поиска работы, но и влияют на дальнейшее положение работника на рынке труда, в частности на его заработную плату и карьерный рост [4]. На отечественном современном рынке труда также отмечается важность социальных связей как эффективного инструмента трудоустройства, при этом особенно популярен данный способ поиска работы среди молодых соискателей [5].

В настоящем исследовании проводится эмпирический анализ роли дружеских социальных связей в процессе адаптации выпускников вузов к рынку труда. Работа основана на данных результатов мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации (RLMS-HSE)*. Мониторинг проводится ежегодно в виде общенациональных статистических репрезентативных опросов населения. В настоящем исследовании использована база данных, сформированная по информации за последние пять лет наблюдений (2012–2016 гг.). Выборка состоит из респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, которые на вопрос: «Учились ли Вы или учитесь в институте, университете, академии?» — ответили положительно и указали в качестве основного занятия работу. В результате в выборке 75 % респондентов с окончанным высшим образованием, и 25 % студентов вузов, совмещающих работу и учебу.

Основным способом трудоустройства выпускников и студентов, совмещающих работу и учебу, является обращение к друзьям или знакомым. Около 40 % опрошенных нашли работу через друзей или знакомых, то есть использовали социальные связи в процессе трудоустройства. Самым непопулярным способом трудоустройства среди молодежи является обращение в службы занятости (менее 5 %).

Трудоустройство через друзей или знакомых более характерно для мужчин; в среднем так устраиваются на работу около 44 % респондентов, тогда как для женщин этот показатель составляет 36 %. Также с возрастом характерно увеличение доли трудоустройств через социальные связи. И для мужчин, и для женщин поиск работы через друзей в старшем возрасте на 13–14 % выше, чем в 18 лет — 21 год.

Для всех регионов трудоустройство через друзей или знакомых является весьма распространенной практикой, данный способ используют от 36,4 % до 50 % выпускников, проживающих в городах. Что касается сельских жителей, то здесь наблюдается значительный разброс относительно региона. В частности, только 16,7 % сельских выпускников вузов в Дальневосточном Федеральном округе трудоустраиваются через друзей и знакомых, в то время как данный показатель в Северо-Западном федеральном округе достигает 64,7 %. В среднем трудоустраиваются через друзей или знакомых около 44 % респондентов из городов и 38 % сельских жителей.

Трудоустройство через социальные связи характерно не для всех отраслей экономики. Так, в отраслях, связанных в большей степени с государственной службой и бюджетными организациями, дружеские связи для поиска работы используются значительно реже, чем в отраслях, связанных с деятельностью коммерческих компаний. Лидером по трудоустройству через друзей или знакомых является отрасль «строительство», где таким способом нашли работу более 60 % выпускников и работающих студентов. Меньше всего работников, трудоустроенных через знакомых в сфере образования (17,6 %).

Заработная плата не зависит от способа трудоустройства. Как для работников, устроившихся через знакомых и друзей, так и для работников, получивших работу другими способами, средняя заработная плата практически одинакова. Для более чем 40 % работников средняя заработная плата составляет от 10 до 20 тыс. рублей. При этом вариация заработной платы

* «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.

в зависимости от способа трудоустройства составляет не более 2 %. Средняя заработная плата трудоустроившихся через социальные связи составляет 22 860 руб. и незначительно превышает аналогичный показатель для трудоустроившихся другим способом (21 540 руб.).

Согласно результатам эконометрической оценки многофакторной модели, способ трудоустройства не оказывает влияния на заработную плату. Для всех спецификаций модели коэффициент перед переменной «способ трудоустройства» является статистически незначимым. Наибольшее влияние на заработную плату оказывает пол работника. В целом мужчинам платят на 7764,8 рублей больше, чем женщинам. Наибольшее влияние наблюдается для отраслей, связанных с коммерческой деятельностью.

Возраст работника также влияет на уровень его заработной платы, с увеличением возраста на 1 год заработная плата растет на 809,3 рубля. Наибольшее влияние наблюдается в промышленных отраслях. Интересно отметить, что заработная плата в городах на 3132,6 рублей выше, чем селах при прочих равных условиях. Однако статистически значимое влияние типа населенного пункта отмечается только в отраслях государственной службы.

Кроме того, наблюдается статистически значимое для всех спецификаций модели влияние профессионального мастерства на заработную плату. Чем выше работник оценивает свой профессиональный уровень, тем более высокую заработную плату он получает. Увеличение оценки профессионального мастерства на единицу увеличивает заработную плату на 1030,6 рублей для всех отраслей и на 1695,9 рублей для работников промышленного производства.

В отраслях промышленности и на государственной службе статистически значимым оказался фактор количества рабочих часов. Причем в промышленности работа больше или меньше 40 часов в неделю приводит к сокращению заработной платы, а в сфере государственной службы, наоборот, к росту. Фактор официального трудоустройства оказался незначимым. Наличие или отсутствие трудового договора никак не влияет на заработную плату работника.

Различия в условиях труда в зависимости от способа трудоустройства имеют очень слабо выраженный характер. Для обеих групп работников характерно трудоустраиваться официально, с заключением трудового договора. Однако доля трудоустроенных неофициально в случае поиска работы через друзей на 3 % выше. Продолжительность рабочей недели не связана со способом трудоустройства. Стоит отметить, что вообще практически для половины работников характерна нестандартная продолжительность рабочей недели. Задолженности по заработной плате также не зависят от того, через какие каналы был трудоустроен сотрудник. Доля рабочих, перед которым у предприятия есть задолженность составляет 4 % для обеих групп. В течение года 5,3 % трудоустроенных через друзей и знакомых сокращали заработную плату или часы работы, в то время как для работников, нашедших работу другим способом, данный показатель составляет 3,5 %. Около 1 % работников были отправлены в неоплачиваемый отпуск в течение года, но статистического влияния со стороны способа трудоустройства не наблюдается. Интересно, что среди трудоустроенных через социальные связи доля работников, побывавших в отпуске в течение года на 5,6 % меньше, чем среди работников, трудоустроенных другим способом.

Распределение удовлетворенности работой в анализируемых группах (трудоустроенные через социальные связи и трудоустроенные через другие каналы поиска работы) имеет идентичную структуру. Большинство респондентов удовлетворены своей работой. Среди выпускников, получивших работу через друзей и знакомых 20 % полностью удовлетворены работой и 48,5 % скорее удовлетворены. Для второй группы выпускников данные показатели соответственно равны 23 и 53 %. Трудоустроенные не через социальные связи в большей степени удовлетворены своей работой, чем трудоустроенные с помощью друзей. Напротив, неудовлетворенность работой в большей степени выражена в группе, трудоустроившихся через социальные связи.

Анализ многофакторной модели детерминантов, влияющих на удовлетворенность работой, позволяет сделать вывод о статистически значимой взаимосвязи способа трудоустройства и удовлетворенностью работой выпускников. Переменная «способ трудоустройства» оказалась значимой во всех моделях и имеет отрицательное обратное влияние. Наибольшее влияние способ трудоустройства оказывает на удовлетворенность возможностями профессионального ро-

ста: для трудоустроенных через социальные связи удовлетворенность снижается на 0,23 пункта при прочих равных условиях.

Значимое положительное влияние на удовлетворенность работой, условиями труда и возможностями карьерного роста оказывают заработная плата и оформление трудового договора. Для удовлетворенности условиями труда имеет значение и количество рабочих часов: изменение часов рабочей недели уменьшает удовлетворенность условиями труда. Следует также отметить, что женщины больше удовлетворены условиями труда и работой в целом, в вот удовлетворенность возможностями карьерного роста не зависят от пола работника.

Для выпускников и работающих студентов трудоустройство через друзей и знакомых является широко распространенной практикой, в большей степени характерной для мужчин, чем для женщин, более распространенной в городах, чем в иных населенных пунктах, а также в отраслях, связанных с коммерческой деятельностью. Трудоустройство через социальные связи не приводит к дискриминации молодых специалистов со стороны работодателей, не оказывает значительного влияния на заработную плату работников, не приводит к таким нарушениям трудового законодательства, как отказ работнику в официальном оформлении, увеличение продолжительности рабочей недели, задолженность по заработной плате и неоплачиваемый отпуск.

Исследование показало существование взаимосвязи между субъективным отношением выпускников к работе и способом трудоустройства. Выпускники, получившие работу через социальные связи, чувствуют себя менее удовлетворенными работой, условиями труда и возможностями профессионального роста. Молодые специалисты не отличаются высокой степенью уверенности в своем завтрашнем дне: каждый второй обеспокоен возможностью потерять работу. В группе респондентов, трудоустроенных через друзей или знакомых, обеспокоенность возможной потерей работы выше (примерно на 8 %), чем среди их сверстников, получивших работу без протекции. В целом трудоустройство через социальные связи в большей степени оказывает влияние на субъективные оценки работником своих условия труда, а не на реально существующие объективные показатели.

Библиографический список

1. Варшавская Е. Я. 2016. Успешность перехода «учеба — работа»: для кого дорога легче? // Социологические исследования. № 2. С. 39–46.
2. Бондаренко Н. В. 2013. Работодатели и система высшего образования (по данным Левада-Центра) // Вопросы образования. № 2. С. 174–185.
3. Lin N. 2001. Building a Network Theory of Social Capital. In Social capital: theory and research / ed. by Ronald Burt. New York: Aldine de Gruyter. P. 3–30.
4. Mortensen T., Vishwanath T. 1994. Personal Contacts and Earnings: It is who you know! // Labour Economics. No. 1(2). P. 187–201.
5. Рощин С. Ю., Маркова К. В. 2004. Выбор каналов поиска работы на российском рынке труда. Научный доклад № 04/05.

Крылова Ю. В., Крылова В. Т.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
y.krilova@spbu.ru; krulova.viktoria@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЛОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: Вызовы, которые ставят перед современным рынком труда процессы цифровизации, оказывают влияние на деловую инфраструктуру современных городов. В результате внедрения бизнес-платформ, развития инструментов удаленной коммуникации и виртуальной реальности, электронной торговли происходит изменение процессов управления человеческими ресурсами в организации, начиная с поиска, отбора и найма персонала и заканчивая организацией работы внутри подразделений компании и условий труда. Возможности создания цифрового двойника предприятия приводит к изменению производственных процессов. Роботизация позволяет работодателю сокращать количество работников. Данные процессы находят прямое отражение на жизни современных мегаполисов, их инфраструктуре: происходит изменение транспортных потоков, трансформация функционального назначения офисных зданий, создаются новые деловые пространства, развивается телекоммуникационная инфраструктура. В статье речь пойдет об изменениях сущности и порядка взаимоотношений работника и организации, обусловленных внедрением цифровых технологий, а также о влиянии этих изменений на инфраструктуру современного города.

Ключевые слова: цифровая экономика, города будущего, удаленная работа, офисная инфраструктура.

Krylova Yu. V., Krylova V. T.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

TRANSFORMATION OF URBAN BUSINESS INFRASTRUCTURE IN A DIGITAL ECONOMY

Abstract: The challenges that face the modern labor market due to digitalization processes have an impact on the business infrastructure of modern cities. As a result of the introduction of business platforms, the development of remote communication tools and virtual reality, e-commerce, there is a change in the processes of human resource management in the organization: from recruitment processes to organization of the work process within the company's divisions. The possibility of creating a digital model of an enterprise leads to a change in production processes. Robotization allows the employer to reduce the number of employees. These processes are directly reflected in the life of modern cities, their infrastructure: there is a change in traffic flows, a transformation of the functional purpose of office buildings, new business spaces are created, and telecommunications infrastructure is being developed. The article will discuss changes in the nature of relationships between the employee and the organization, caused by the introduction of digital technologies, as well as the impact of these changes on the infrastructure of the modern city.

Keywords: digitalization, future cities, remote work, office infrastructure.

Рынок труда испытывает на себе серьезные изменения под влиянием цифровой трансформации. На наш взгляд, можно выделить три глобальных тенденции этих изменений: первая — использование ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) для поиска работы и рекрутинга; вторая — роботизация в различных отраслях и сферах деятельности; третья — переход к широкому использованию удаленной работы. Рассмотрим эти изменения более подробно.

Первая тенденция. Сложной проблемой для участников рынка труда всегда является рекрутинг и поиск работы. Традиционные биржи труда не могут предоставить работнику полноценный выбор рабочего места, так же как у работодателя существенно сужается выбор работников, если его основывать на резюме, присланных в компанию. Современным методом выбора работы и подбора персонала являются виртуальные биржи, представляющие собой бизнес-

платформы. Рынок труда является многосторонним рынком, обладающим одним феноменальным отличием от других. Главным свойством многосторонней платформы является сетевой эффект, что означает увеличение ценности платформы по мере роста пользователей. Для рынка труда также можно наблюдать сетевой эффект. Ценность платформы для компаний-рекрутеров возрастает, при увеличении количества людей, ищущих работу с использованием платформы, также она возрастает и для работников с увеличением числа компаний, использующих платформу и предлагающих вакансии. Авторы, изучающие многосторонние рынки и сетевые эффекты на них, выделяют прямой и косвенный сетевой эффект [1]. Прямой эффект наблюдается в том случае, если увеличение одной из сторон рынка, ведет к увеличению ценности платформы (например, увеличение числа пользователей социальной сети, увеличивает ее ценность для других пользователей). Косвенный эффект наблюдается, когда рост одного рынка влияет на рост другого, что, в свою очередь, снова оказывает влияние на первый (рост пользователей социальной сети расширяет и повышает качество контента, что приводит к увеличению интереса среди пользователей сети). Особенностью рынка труда является серьезная конкуренция среди всех сторон рынка и увеличение тех, кто ищет работу с использованием платформы, приводит к снижению ценности платформы для одной стороны, а увеличение рекрутеров, приводит к снижению ценности платформы для другой стороны. Таким образом, здесь можно говорить лишь о косвенных сетевых эффектах. Тем не менее ИТ платформы очень популярны, так как предоставляют всем сторонам несколько важных ценностей: большой выбор, экономию времени, экономию затрат.

На рынке труда действуют различные виды платформ: платформы полного цикла и платформы, предоставляющие только ряд услуг, государственные и частные, платные и бесплатные, работающие на отраслевых рынках и универсальные. Известная рекрутинговая платформа Talent Scan провела исследование основных сервисов, предоставляемых рекрутинговой платформой полного цикла, для того чтобы компания могла осуществить выбор платформы. Вот только некоторые из них:

- LinkedIn integration — удобный перенос профилей из LinkedIn или другой социальной сети. В России сеть LinkedIn прекратила свое существование, однако в России используют профили из социальных сетей.
- CRM — настраиваемая система отправки писем кандидатам, отслеживание ответов.
- Scorecard — настройка списка компетенций для вакансии и выставление оценки по итогам интервью.
- Customizable workflow — возможность конфигурации этапов интервью для каждой вакансии.
- Mobile app — мобильное приложение.
- Pipeline — воронка рекрутмента.
- Analytics — источники кандидатов, статистика по рекрутерам, статистика по воронке с конверсиями, активность рекрутеров.
- Bulk rejection letters — массовая отправка отказа кандидатам, которые не прошли собеседование.
- Interview guides — возможность прописать общие рекомендации менеджеру, как вести интервью.

Рекрутинговые платформы оказывают позитивное влияние на рынок труда. Например, за счет сбора информации о потребности в определенных специалистах, о требуемых компетенциях люди могут планировать свое обучение, карьеру, использовать возможности трудовой миграции. За счет использования ресурса платформ работник может существенно ускорить трудоустройство, сделав оптимальный выбор компании. В свою очередь, работодатель может быстро найти работника необходимой квалификации. Развитие современных ИТ-систем способствует появлению платформ, которые соединяют друг с другом спрос и предложение рынка труда в режиме реального времени. Таким образом повышается уровень занятости, произво-

длительность труда рекрутеров и точность соответствия компетенций работника и требования вакансии.

В России широко развивается платформа Госуслуги (www.gosuslugi.ru), на которой размещена ссылка на портал базы вакансий «Работа в России». Эта услуга удобна для граждан, поскольку создаются интуитивные интерфейсы, мобильные приложения. В 2016 г. [2], количество граждан РФ, пользующихся порталом Госуслуг удвоилось и составило 40 млн человек, это половина пользователей Интернета в нашей стране. По уровню развития цифровых государственных услуг Россия приближается к странам — лидерам цифровизации, притом что затраты на ИТ в консолидированном бюджете страны равны 0,6–0,7 %, а в одной из стран лидеров — США — 2,2 %, что специалисты объясняют высокой эффективностью развития цифровых госуслуг в России.

Вторая тенденция. Цифровизация позволяет создать цифровые двойники предприятий, позволяющие выявить узкие места в производственных процессах, заменить людей, работающих на конвейерах на роботов, физические каналы обслуживания людей заменяются цифровыми, все это приводит к сокращению востребованности работников средней квалификации, увеличению разрыва между высоко- и низкооплачиваемыми работниками. По данным института McKinsey, к 2036 г. может быть автоматизировано от 2 до 50 % работы, выраженной в человеко-часах, а к 2066 г. эта доля может достичь от 46 до 99 % [3].

Роботизация изменит профессиональную структуру рынка труда. Согласно исследованию The Future of jobs by World Economic Forum, в период с 2016 по 2026 г. будет наблюдаться смещение занятости между секторами экономики: наибольшее сокращение произойдет в количестве офисного и административного персонала (–9,8 %), а также занятости в промышленном производстве (–3,3 %) и сфере юридических услуг (–3,3 %). Рост занятости придется на интеллектуальные и творческие специализации: информационно-коммуникационные технологии (+6,4 %), дизайн и инженерии (+5,4 %) [3].

Третья тенденция. Третья тенденция изменения рынка труда под воздействием цифровых технологий возникла благодаря развитию возможностей удаленной коммуникации работников с работодателями. Все больше работников переходят на удаленную работу, частичную занятость, поскольку нет необходимости ежедневного перемещения в офис для выполнения рабочих функций, при этом для поддержания корпоративного духа, развития корпоративной культуры достаточно время от времени собирать работников на совещания, а также использовать для этого программы совместного обучения, повышения квалификации и совместное проведение свободного времени.

Еще одно направление удаленной работы — фриланс. Фрилансеры вообще не вовлечены в процессы развития коллектива какой-либо организации, они работают удаленно и могут вообще не посещать офисы компаний.

Рассмотренные тенденции изменения на рынке труда в процессе внедрения цифровых технологий, влияют на городскую среду. Можно выделить 2 основных направления этого влияния:

1. Изменения рынка офисной недвижимости.
2. Изменение транспортных потоков.

Изменение рынка офисной недвижимости. Возможности удаленных коммуникаций оказывают существенное влияние на изменение рынка офисной недвижимости. Уходит в прошлое привязка работников к рабочим местам, все больше людей выбирают формат работы из дома, из коворингов, расположенных ближе к дому. В результате в развитых мегаполисах мира заметна тенденция снижения потребности в офисной недвижимости. Так, по данным агентства Cushman & Wakefield и консалтинговой компании PwC, в период с 2010 по 2017 г. обеспеченность офисной недвижимостью на 1 занятого или оставалась стабильной — в Париже прирост за 7 лет составил лишь 3,6 %, в Барселоне — 1,2 %, в Гонконге — 1,6 %, или значительно сократилась — Чикаго (–1,8 %), Берлин (–6,2 %), Сингапур (–7,8 %), Лондон (–20,5 %). В то время как коворинг и офисшеринг вошли в топ 5 наиболее перспективных альтернативных рынков недвижимости в Европе [4].

Кроме того, происходит смещение функционального назначения офисных площадей: потребности в создании помещений и столов для работы снижается в пользу создания пространств общего пользования — переговорных помещений, конференц-залов. Так, по данным London Office Floorspace projections, отчета мэрии Лондона, в период с 1997 по 2013 г. удельная площадь офисного помещения на одного сотрудника сократилась вдвое с 18 до 9 кв. м на человека [4].

Замена ручного труда интеллектуальным и смещение структуры занятости также вносят вклад в развитие данных тенденций, поддерживая тренд на широкое использование возможности удаленной работы и фриланса. В итоге сокращаются производственные площади, снижается необходимость использования офисных помещений, происходит изменение их функционала.

Изменение транспортных потоков. Смещение территориального расположения рабочих мест, выбор в пользу удаленной работы и использования коворкингов оказывает значительное влияние на транспортные потоки города. Во-первых, удаленная работа в целом способствует снижению нагрузки на транспортную сеть города, цифровые технологии позволяют людям реализовать свои предпочтения относительно вида транспорта по перемещению на работу. Согласно исследованию консалтинговой компании PwC «Пространство города для человека», в котором изучаются тенденции в развитии крупнейших мегаполисов мира, почти 50 % жителей Москвы стремятся перемещаться к месту работы пешком, в то время как сейчас это могут себе позволить лишь 10 % горожан [4].

Таким образом, цифровизация меняет рынок труда, который, в свою очередь, со временем изменит облик современных городов.

Библиографический список

1. *Belleflamme P., Peitz M.* 2010. Industrial Organization. Markets and Strategies. USA: Cambridge University Press.
2. Цифровая Россия: новая реальность. Июль 2017 г. Digital McKinsey. С. 53.
3. URL: <https://www.talentscan.pro/ru/compare> (дата обращения: 5.12.2018).
4. PwC 2018 Пространство города для человека: исследование уровня и динамики градостроительного развития крупнейших мегаполисов мира. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/city-space/presentation-short-version-city-space.pdf> (дата обращения: 1.12.2018).

Лезина Т. А., Вьюненко Л. Ф., Иванова В. В., Стоянова О. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
t.lezina@spbu.ru

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ОСНОВА ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: Ключевым фактором успеха цифровой трансформации компании является высокий уровень цифровой культуры. В статье обсуждается содержание термина «цифровая культура», отличие цифровых компетенций как основы цифровой культуры на разных уровнях управления, проблемы формирования универсальных цифровых компетенций.

Ключевые слова: цифровые компетенции, цифровая культура, цифровая трансформация, уровни цифровой культуры.

Lezina T. A., Vyuneneko L. F., Ivanova V. V., Stoyanova O. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

DIGITAL COMPETENCE AS A BASIS FOR DIGITAL CULTURE

Abstract: a key factor in the success of the company's digital transformation is a high level of digital culture. The article discusses the content of the term "digital culture", the difference of digital competencies as the basis of digital culture at different levels of management, the problems of formation of universal digital competencies.

Keywords: digital competencies, digital culture, digital transformation, levels of digital culture.

Во многих исследованиях, связанных с цифровой трансформацией, отмечается, что ключевым фактором успеха является наличие цифровой культуры. Указанный тезис относится ко всем уровням: от уровня компании до уровня государства. При этом устоявшегося определения цифровой культуры на данный момент нет. Не говоря уже о том, что часть исследователей считает, что речь идет о культуре «в цифре» (цифровизации культурного наследия).

Уровень цифровой культуры часто характеризуют индексом DCI (Digital Civility Index), предложенным компанией Microsoft, который измеряет подверженность пользователей интернет-рискам. Тем самым содержание понятия «цифровая культура» сужается до трактовки «правильное поведение пользователя в интернете». Все интернет-риски разделены на четыре категории: поведенческие, нежелательных коммуникаций, репутационные, сексуальные.

Одна из самых распространенных трактовок понятия «цифровая культура» определяет ее через клиентоориентированность, использование данных для принятия управленческих решений (Data-driven), наличие культуры совместной работы в компании, наличие системы постоянного обучения сотрудников компании, гибкость [1].

В исследовании [2] выделяется семь аспектов цифровой культуры: клиентоориентированность, гибкость, цифровое мышление, открытая культура, сотрудничество, принятие решений на основе данных, инновации. Таким образом, предыдущая трактовка расширена аспектами «цифровое мышление» и «инновации». И если наличие аспекта «инновации» отражает практическое значение цифровой культуры, то цифровое мышление необходимо для того, чтобы инновации укоренились, стали естественными для персонала компании. Для России особенно актуально наличие выделенных аспектов, поскольку менталитет типового российского руководителя отрицает право на ошибку рядовых сотрудников. В то время как цифровая культура предполагает наличие подходов к работе, поощряющих новое мышление и экспериментирование, облегчающих коммерциализацию идей и допускающих неудачи.

В рамках настоящего исследования под цифровой культурой компании понимается среда, в которой руководители осознают роль информационных технологий для бизнеса, обеспечива-

ют доступность информации и обучают сотрудников для более комфортного и эффективного использования ими технологических инструментов в работе.

Многие компании недооценивают важность формирования цифровой культуры, а рассчитывают только на внедрение новых информационных технологий. Однако отсутствие цифровой культуры блокирует цифровую трансформацию. По результатам опроса, если в 2011 г. 55 % респондентов заявили, что культура компании является препятствием номер один для цифровой трансформации, то в последних исследованиях эта оценка выросла до 62 %. По мнению аналитиков, развитие цифровой культуры является не только ключевым фактором успеха трансформации компании, но и фактором привлечения высокопрофессиональных специалистов.

Общепризнано, что основными факторами, препятствующими формированию цифровой культуры в компаниях, являются:

- 1) непонимание содержания понятия «цифровая культура» и недооценка ее важности в деятельности компании;
- 2) консерватизм сотрудников всех уровней компании и сложность изменения устоявшейся корпоративной культуры;
- 3) разрыв в цифровой грамотности между руководством и исполнителями: рядовые сотрудники зачастую становятся более продвинутыми, чем руководство;
- 4) отсутствие мотивации у сотрудников.

Различные исследователи отмечают несогласованность между сотрудниками и руководством в толковании и оценке различных проявлений цифровой культуры. По результатам опросов можно сделать вывод, что рядовые сотрудники в основном отождествляют цифровую культуру с использованием технологий и при оценке цифровой квалификации компании в среднем ставят 5 баллов из 10. Топ-менеджмент, помимо применения технологий, в понятие цифровой культуры вкладывает умение использовать данные для принятия решения, понимание сути процесса трансформации, владение стратегическими и управленческими методиками. На этом уровне управления уровень цифровой культуры компании оценивается в среднем на 8 баллов из 10. Это объясняется тем, что рядовые сотрудники не владеют информацией о всех проектах компании, а топ-менеджмент зачастую склонен переоценивать ситуацию [3].

Уровень цифровой культуры, соответствующий требованиям цифровой трансформации, достигается в первую очередь высокими цифровыми компетенциями сотрудников. И здесь необходимо получить ответы на следующие вопросы:

- 1) Что такое цифровые компетенции и какие компетенции на разных уровнях управления необходимы для достижения целей компании?
- 2) Существуют ли универсальные цифровые компетенции?
- 3) Как формировать цифровые компетенции?

Общепринятой трактовки понятия «цифровые компетенции» в настоящее время нет. Исследования в данном направлении активно ведутся, но они более ориентированы на определение самих цифровых компетенций, а не на уточнение терминологии.

Так, службой науки и знаний Европейской комиссии разработан фреймворк DigComp 2.1: The Digital Competence Framework for Citizens [4], определяющий структуру цифровых компетенций для граждан, без разделения на сферу занятости. Выделены пять областей, для которых предложены ключевые компетенции: информация и обращение с данными (поиск и оценка информации, оценка данных, управление данными); коммуникация (технологии цифровой коммуникации, совместное использование цифровых ресурсов, совместное использование цифровых инструментов, использование цифровых государственных и частных услуг, сетевая этика); создание цифрового контента (разработка и интеграция контента, информационное право); безопасность (защита персональных данных, защита окружающей среды); поддержка (идентификация проблем, решение технических проблем, определение собственных пробелов в цифровых компетенциях, творческое развитие цифровых компетенций).

В аналитическом отчете компании KMDA «Цифровая трансформация в России (2018)» [3], отражающем результаты опроса представителей более 300 российских компаний выделены следующие группы компетенций: гибкость и обучаемость — 61 % респондентов, аналитические компетенции — 55 %, знание инновационных технологий — 53 %, понимание методов и процессов — 51 %, широкий кругозор и креативность — 47 %, понимание сути цифровой трансформации — 42 %, умение использовать большие данные — 34 %, навыки программирования — 21 %.

Эксперты Национального центра экономики МГУ им. Ломоносова предлагают считать ключевыми следующие компетенции в цифровой экономике: цифровые и технические навыки (грамотность в области компьютеров / ИКТ, использование программного обеспечения для офисов, использование технологий SMAC, использование отраслевых или корпоративных программ, цифровая связь и совместная работа по проекту, работа с технологиями IoT (Internet of Things); информационные навыки (навыки цифровой обработки информации, анализ данных, кибербезопасность, управление вниманием).

Наряду с цифровыми компетенциями выделяют понятия цифровых навыков и цифровой грамотности. В российском проекте «Цифровая грамотность» понятие трактуется как «набор знаний и умений, которые необходимы для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов интернета» и включает в себя цифровое потребление, цифровые компетенции, цифровую безопасность. К цифровым навыкам относят [5]: общие навыки использования информационно-коммуникационных технологий; профессиональные навыки для производства продуктов информационно-коммуникационных технологий; комплементарные ИКТ-навыки (complementary skills), поддерживающие выполнение задач.

Заметим, что сложно выделить универсальные цифровые компетенции из-за разницы в трактовках этого понятия, но можно определить универсальные области цифровых компетенций: управление данными (организация, извлечение, обработка, анализ); информационная безопасность; коммуникации; корпоративный цифровой контент.

Вопросам определения цифровых компетенций, а также подходов к их формированию уделяется внимание на уровнях государства, региона, отрасли, отдельных компаний.

Перейти к цифровой экономике общество способно лишь при определенном уровне цифровой грамотности. Этот посыл лежит в основе плана мероприятий по направлению «Кадры и образование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» 21 февраля 2018 г. (опубликовано на сайте правительства РФ 21 февраля 2018 г.). Основная концепция документа — необходимость разработки базовой компетентностной модели, включающей перечень ключевых компетенций цифровой экономики с учетом отраслевых особенностей (02.03.008.002); формирования модели взаимодействия работодателей и образовательных учреждений. Согласно плану мероприятий по направлению «Кадры и образование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предполагается, что доля населения, обладающего цифровыми компетенциями к 2024 г., составит примерно 40 %. В докладе «О человеческом развитии в Российской Федерации» (2018 г.), представленном аналитическим центром при Правительстве РФ, проведен анализ стандартного пакета компетенций для «цифровых» и «нецифровых» профессий. Для «нецифровых» профессий выстраивается траектория от типовых сетевых коммуникационных компетенций до углубленных информационно-аналитических при переходе от исполнительского к управленческому уровню.

Для достижения необходимого уровня компетенций государство инициирует образовательные программы как в традиционной форме обучения, так и онлайн-проекты. К последним можно отнести проект «Цифровая грамотность» (Региональная общественная организация «Центр Интернет-технологий»). Цель проекта — повышение уровня цифровой грамотности населения РФ. Примерами образовательных проектов, способствующих профессиональному развитию человека в цифровой экономике, являются онлайн-программы университета НТИ «20.35» (агентство стратегических инициатив).

На региональных уровнях при определении комплекса цифровых компетенций учитываются специфика и требования соответствующего региона. Так, для Санкт-Петербурга проект «Платформа развития человеческого капитала» — цифровая платформа, ориентированная на формирование индивидуального профессионального маршрута, организацию взаимодействия

всех заинтересованных сторон, учет изменения требований рынка труда. Для регионов, ориентированных на сельское хозяйство, запускаются проекты формирования цифровых компетенций для сельскохозяйственных отраслей (например, проект по запуску центра компетенции по ИТ АПК в Тамбове). На уровне отраслей спектр необходимых цифровых умений и навыков отличается (при наличии базовых компетенций). Лидерство в уровне цифровых компетенций, безусловно, принадлежит банковской отрасли, отраслям связи, транспорта, добычи.

Интересен пример нестандартной сферы цифровой трансформации — сельское хозяйство. На уровне сельскохозяйственных отраслей планируется развивать цифровые компетенции по владению инструментами платформы цифрового сельского хозяйства (ЦСХ). Эта платформа позволит определять параметры планируемых продуктов и будет играть роль агрегатора услуг банков, страховых и других компаний. Указанные направления развития цифровых компетенций определены проектом «Цифровое сельское хозяйство», в рамках программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Подходы и методы формирования цифровых компетенций на уровне компаний отличаются конкретными требованиями. По результатам исследования KMDA, 65,6 % руководителей осознают и планируют обучение собственных работников, около 15 % затрудняются определить направления совершенствования цифровых компетенций. Программы формирования компетенций, иницируемые компаниями, эффективны, так как ориентированы на поддержку решения определенных производственных задач. Интересен опыт формирования и закрепления цифровых компетенций, реализуемый в корпоративных университетах («СберБанк», «Росатом» и др.).

Вывод. По мнению авторов, не существует универсальных цифровых компетенций, а соответственно — универсальных программ их формирования. Содержание цифровых компетенций определяется для различных уровней, начиная от уровня государства и отрасли и до уровня компаний. Формирование цифровых компетенций требует непрерывного повышения квалификации в соответствии с указанными уровнями.

Библиографический список

1. *Friedlein A.* 2013. The Importance of a Digital Culture. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-10-30/the-importance-of-a-digital-culture> (дата обращения: 25.12. 2018).
2. *The Digital Culture Challenge: Closing the Employee-Leadership Gap.* Capgemini Digital Transformation Institute. 2017. URL: https://www.capgemini.com/wp-content/uploads/2017/12/dti_digitalculture_report.pdf (дата обращения: 25.12.2018).
3. Аналитический отчет: Цифровая трансформация в России. KMDA. 2018. URL: https://komanda-a.pro/blog/dtr_2018 (дата обращения: 25.12. 2018).
4. *Carretero G., Vuorikari R., Punie Y.* 2017. DigComp 2.1: The Digital Competence Framework for Citizens with eight proficiency levels and examples of use. Publications Office of the European Union. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/person/riina-vuorikari> (дата обращения: 24.12.2018).
5. *Куприяновский В. П., Сухомлин В. А., Добрынин А. П., Райков А. Н., Шкуров Ф. В., Дрожжинов В. И., Федорова Н. О., Намиот Д. Е.* 2017. Навыки в цифровой экономике и вызовы системы образования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/navyki-v-tsifrovoy-ekonomike-i-vyzovy-sistemy-obrazovaniya> (дата обращения: 24.12.2018).

Малаховская М. В., Кобзева Л. В.

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Российская Федерация, 634050, Томск, пр. Ленина, 36
marinatomsk1@gmail.com

УСТОЙЧИВОСТЬ ТРУДОВЫХ ПРАКТИК В ПРОЦЕССАХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: Исследования показывают, что изменение оснований вовлечения человека в производственные системы обнаруживается через преобразование позиций в производственной и социальной стратификации. Одновременное давление существенного числа факторов подрывает сложившиеся методы и инструменты процессов общественного разделения труда. Влияние искусственного интеллекта трансформирует содержание производственной деятельности.

Ключевые слова: трудовые практики, общественное разделение труда, цифровизация хозяйственной системы.

Malakhovskaya M. V., Kobzeva L. V.

National Research Tomsk State University,
36, Lenin av., Tomsk, 634050, Russian Federation

STABILITY OF LABOR PRACTICES IN THE PROCESSES OF TRANSFORMATIONS OF THE ECONOMIC SYSTEM

Abstract: Studies show that a change in the basis of human involvement in production systems is found through the transformation of positions in production and social stratification. The simultaneous pressure of a significant number of factors undermines the established methods and tools of the processes of social division of labor. The influence of artificial intelligence transforms the content of production activities.

Keywords: labor practices, social division of labor, digitalization of the economic system.

Быстрые изменения места работника в производственных системах нового этапа промышленной революции обуславливают для него жесткое (безальтернативное) требование LEGO-квалификационных навыков, обеспечивающих ему эффект кросс-функциональности и эффективность коммуникации как на рынке труда, так и на внутренних для организаций рынках карьеры. Речь даже не столько о традиционной проблематике углубления/укрупнения в разделении труда, сколько о скорости «сборки» компетенций, требуемых для надлежащего выполнения работ (самостоятельной, осуществляющейся самим работником на основании имеющихся квалификационных «заделов» или организованной работодателем через различные формы переобучения). Устойчивость отдельного работника, конкурентоспособность организации или даже национальной экономики получают новое ключевое свойство, обусловленное противоречиями универсальности/специализированности трудовых практик.

Разрывы технологических укладов, разномасштабность субъектов хозяйствования, институциональные различия (в частности, необходимость учета особенностей юрисдикций мирового или национального рынков), равно как и сохраняющаяся отраслевая специфика производственных систем, действуя центристски, «дефрагментирующе» действуют на имеющиеся профессии, должности и на сами производственные системы. В то же время сложность создаваемого продукта, нормативные требования сертификационного характера и потребность работодателя гарантировать безопасность выполнения поставленных задач для заказчика создают «центристскую» тенденцию, организующую процессы найма и персонализации производственной деятельности.

В этой связи следует констатировать происходящий подрыв макроструктуры труда (профессий, должностей, специальностей, направлений подготовки и присваиваемых квалифика-

ций), равно как подрыв микроструктуры труда, происходящий на индивидуальном уровне, затрагивающий работника и домохозяйство. Цифровая трансформация национальной экономики, ликвидируя одни профессии, вызывает к жизни иные (при отсутствии опережающей подготовки для их успешного освоения). Стремительность изменений может оказываться настолько высока, что не создается условий для сколько-нибудь устойчивой карьерной динамики внутри новых видов деятельности.

Резонанс от выводов о потенциальном нарастании армии безработных в связи с высвобождением работников рутинных видов труда или «выпадающих» из системы разделения труда профессий не привел пока к сколько-нибудь значимым попыткам трансформации систем непрерывного повышения квалификации или привлечению встроенного искусственного интеллекта (AI) при воплощении концепции *AI First*^{*}. Технологическое преобразование взаимодействия человек — машина, являющееся предметной областью промышленной революции, существенно видоизменяется под давлением нового быстродействующего инструмента подготовки и принятия тактических и стратегических решений, чем производится революция в структуре сложившегося к настоящему моменту порядка и процесса расщепления целостности содержания производственной деятельности. Изменение организации включения человека в производственные системы осложняется тем, что люди продолжают мыслить линейно, тогда как экспоненциально происходящие изменения требуют навыка обращения с *Big data* и высокой скорости освоения «текучей реальности» [1].

Выпадение из процессов активной адаптации в трудовых практиках существенного для национального рынка труда России количества «вчерашних работников» поднимает вопрос «третьего возраста» в контекстах «серебряной эффективности» или умного города, выдвигая в числе характеристик качества жизни не только широко обсуждающуюся безбарьерную доступность непрерывности профессиональной подготовки на протяжении всей жизни человека, но и требование адекватных новым трудовым практикам форм социальной стратификации [2]. Формируемые на платформах предшествующих компетенций новые профессии третьего возраста изменяют характер общественной коммуникации: усиливают вовлечение в жизнь города, позволяют легко и продуктивно ориентироваться в информационном пространстве, повышают уверенность во взаимодействии с близкими и сверстниками.

Особыми вызовами для региональных рынков труда стали высокая территориальная мобильность молодежи и трудовая миграция [3]. Поддержание целостной экономической структуры становится фактором национальной безопасности. Проекты опорных центров экономического развития России предполагают возможность обнаружения, установления и поддержания устойчивости кооперационной деятельности экономических и социальных систем регионов как во внутристрановом, так и в глобальном пространстве. Создание центров глобальной заметности основывается на концентрации не только финансового и физического, но и достаточности человеческого капитала.

Формирование новой реальности профессионально-квалификационного ландшафта и цифровых производств в ходе скачкообразного нарастания гибкости как производственных систем, так и создаваемых ими продуктов вовлекает в стандартизацию национальной образовательной системы ранее обособленных ее пользователей, обнаруживая предмет для диалога на уровнях «B2B» (headhunting), «B2G» (институционализация новейших профессий и видов экономической деятельности), «B2U» (качество и технологии образования).

Таким образом, устойчивость труда в процессах трансформации хозяйственной системы, подвержена действию вызовов общественного развития и обеспечивается в ходе решения задач устойчивости национального хозяйства к трансформациям его фундаментальных факторов.

^{*} См., например: Новое видение Microsoft: mobile-first уходит, приходит AI-first. 2017. APTRACTOR (4 августа). URL: <https://apptractor.ru/info/news/novoe-videnie-microsoft-mobile-first-uhodit-prihodit-ai-first.html> (дата обращения: 10.11.2018).

Библиографический список

1. Бауман З. 2008. Текущая современность. СПб.: Питер.
2. Петрова А. Т., Малаховская М. В., Шершова Л. В., Владимирова О. Н. 2017. Гендерные аспекты (основания) экономического регулирования рынка труда и их реализация в территориальной политике. Красноярск: Сибирский федеральный университет.
3. Урбан О. А. 2018. Набор в вузы как фактор кадровых рисков модернизации // Социологические исследования. Т. 3. С. 53–61. URL: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030054>

Маничев С. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
s.manichev@spbu.ru

СОФТ-СКИЛЛЗ: ПРОАКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЯХ ДИЗАЙНА РАБОТЫ

Аннотация: Современные тенденции в изменении дизайна работы выражаются в прежде всего в обеспечении проактивного поведения работников, а также в создании самоорганизующихся команд. Проактивное поведение выражается в участии работника в определении, переопределении и распределении рабочих задач и ролей, повышенном внимании к поиску новых решений рабочих задач, ориентации на опережение требований к разработке и производству продукта. Теоретической основой описания и анализа проактивного поведения является современная теория деятельности. Теория деятельности позволяет достаточно детально описать и «измерить» профиль проактивного поведения работника и на основе этого профиля построить модель компетенций как «софт скиллз».

Ключевые слова: проактивное поведение, дизайн работы, софт-скиллз.

Manichev S. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

SOFT SKILLS: PROACTIVE BEHAVIOR IN MODERN MODELS OF WORK DESIGN

Abstract: Current trends in the design change of work are expressed primarily in ensuring the proactive behavior of employees, as well as in the creation of self-organizing teams. Proactive behavior is expressed in the participation of the employee in the definition, redefinition and distribution of work tasks and roles, increased attention to the search for new solutions to work tasks, focus on advancing requirements for product development and production. The theoretical basis for the description and analysis of proactive behavior is the modern theory of activity. The theory of activity allows us to describe in sufficient detail and “measure” the profile of the proactive behavior of the employee and based on this profile to build a model of competencies as “soft skills”.

Keywords: proactive behavior, work design, soft skills.

В условиях цифровой, или сетевой, экономики, инновационного развития технологий меняется структура занятости и приоритеты в организации и содержании труда. Например, ближайшей перспективой является сокращение производственного персонала за счет автоматизации производства и, напротив, резкое увеличение численности команд разработчиков продуктов и технологий. Аналитика консалтинговой компании «Bersin by Deloitte LLC» (входит в группу Deloitte) показывает, однако, что увеличивается разрыв между опережающими темпами технологических изменений и отставанием в росте продуктивности организаций. Одна из причин — человеческий фактор: например, приверженность устарелым формам перформанс-менеджмента и медленный переход к новым, современным формам дизайна работы.

На практике организации становятся все более децентрализованными, изменения происходят быстро, существует потребность в инновациях, а операционная неопределенность выше, чем когда-либо; все эти тенденции предъявляют новые требования к сотрудникам: работники должны проявлять инициативу и быть проактивными. Более того, карьера становится все более безграничной, не ограничивается одной организацией, это означает, что работники должны сами брать на себя ответственность за свою карьеру [1].

Это приводит к тому, что состав рабочих ролей и задач становится переменным, а не ориентированным на жестко заданный функционал должностных позиций (дизайн работы как Job design). Современные тенденции изменений в дизайне работы по инициативе работника, на-

личие «невидимых работ», не зафиксированных нормативно, гибкость рабочих ролей привели к изменению в понимании дизайна работы, что выразилось в замене термина Job design на термин Work design. Дизайн работы (как Work design) определяется «как исследование, создание и модификация композиций, контента, структуры и среды, в рамках которой осуществляется работа и роли [2].

Можно выделить две перспективы развития новых форм дизайна работы: перспективу развития отношений работников и перспективу «работы на упреждение», или проактивную перспективу [3].

Перспектива отношений сосредоточена на том, что рабочие места, роли и задачи являются более социально интегрированными, чем когда-либо прежде, за счет увеличения взаимозависимости и взаимодействия работника с коллегами и получателями услуг. В частности, речь идет о распределенном лидерстве и самоорганизующихся командах.

Упреждающая или проактивная перспектива отражает растущую важность того, чтобы сотрудники проявляли инициативу, предвидели и создавали изменения в том, в каких условиях и как выполняется работа.

Примером нового дизайна может быть работа проектных команд, использующих технологии гибкого программирования (Agile). Дизайн работы таких команд предполагает гибкие рабочие роли и распределенное лидерство («Владелец продукта», «Скрам-мастер», «Stakeholder» — заинтересованное лицо, член рабочей команды), совместное планирование и определение и решение рабочих задач. В процессе работы все задачи выкладываются на обозрение (в единый бэклог), работа делится на понятные интервалы с точным указанием индивидуальных задач («спринты»), проводятся ежедневные обсуждения хода работ. Переход к командным организационным формам Agile предусмотрен Стратегией развития Сбербанка до 2020 года.

Негативное влияние высоких требований, предъявляемых работой (объем работы, скорость ее выполнения, сроки исполнения, умственная нагрузка, координационная нагрузка, наличие конфликтующих между собой требований и т.д.) может компенсироваться новыми формами дизайна работы и высоким уровнем контроля работником своей деятельности — такими особенностями рабочего контекста, как свобода в принятии решений, возможность действовать по собственному усмотрению, контролировать ситуацию, иметь поддержку со стороны коллег и т.д., которые позволяет работнику использовать разнообразные навыки и научиться исполнять повышенные требования. Речь идет об «активно обучающем» рабочем контексте. Широкое и свободное пространство действий и принятия решений, взаимодействие с другими работниками, наличие регулярной положительной обратной связи может оказывать мотивирующее воздействие на работника и вовлекать его в переопределение и более активное исполнение своих рабочих ролей.

Проактивная перспектива развития моделей дизайна связана с растущей важностью проактивного поведения работника. Проактивное поведение включает в себя самостоятельные, упреждающие (антиципирующие, ориентированные на рабочую ситуацию в будущем) действия, направленные на изменение ситуации или самого себя [3].

Концепт проактивного поведения охватывает целый ряд аспектов организационного поведения: принятие мер по улучшению методов работы, проактивное решение проблем, использование личной инициативы, переговоры по поводу работы, активный поиск обратной связи, высказывание работником своего мнения, принятия на себя ответственности, переопределение задач и т.д. Эти концепции представляют собой новый и иной подход к организационному поведению и исполнению работы. Более того, многие руководители сегодня утверждают, что им нужны активные участники на работе, а не пассивные исполнители приказов сверху [4].

Проактивное поведение может включать и стратегии поведения на рабочем месте, которые рассматриваются как копинги, обеспечивающие совладание с рабочей ситуацией. Эти поведенческие стратегии, направленные на редизайн работы обозначаются термином «job crafting» (изменения в работе, или «подстраивание» работы). Изменения в работе, или подстраивание работы, определяются как спонтанные изменения в требованиях и ресурсах работы, инициированные самим сотрудником, чтобы достигнуть и/или оптимизировать свои личные рабочие цели. Эти изменения могут носить массовый характер и обнаруживают «восходящее» (снизу

вверх) влияние сотрудников на рабочий и организационный контекст деятельности, которые обычно задаются решениями менеджеров сверху вниз. Сама по себе идея копинг-стратегий традиционна для теории стресса, но для теории дизайна работы стала инновацией.

В проактивном поведении центральную роль играет личная инициатива. М. Фрезе с соавторами выделяет три ключевые особенности личной инициативы как поведения: самостоятельность (самоопределение целей и задач в отличие от поставленных извне целей и задач), проактивность в узком смысле (предвидение проблем или возможностей и готовность к их немедленному решению или использованию), и настойчивость со стороны человека, проявляющего инициативу (упорство в преодолении технических барьеров и сопротивления и инертности других людей) [4].

Но если мы рассматриваем последовательность рабочих ситуаций и задач с точки зрения управления ими со стороны работника, естественным образом возникает вопрос о механизмах регуляции деятельности работником. Как подчеркнул Хаккер в своем послании 11-му Европейскому конгрессу по психологии труда и организационной психологии, теория регулирования действий — это не только инструмент описания, но и нормативное руководство по эффективной и гуманизированной работе; основа международных стандартов в дизайне работ.

Необходимо перебросить «мостик» между теорией дизайна работы и теорией регулирования действий.

Существующие модели регуляции деятельности (в западной традиции — действия, Action) имеют общую особенность: выделяются уровни регуляции, связанные с уровнем осознания ситуации и действий — от неосознанного, автоматизированного до осознанного уровня в модели регуляции операторской деятельности А. А. Обознова; от неосознаваемого уровня навыков до уровня эвристических метакогниций — как сознательного, так и автоматического использования метакогниций в организационном поведении в теории действия Фрезе; от скремблированного (пробы и ошибки) до стратегического уровня в модели Холнагеля COCOM (Contextual Control Model).

В соответствии с теорией деятельности, М. Фрезе выделяет 4 области («границы»), в которых проявляются различные формы проактивного поведения (личной инициативы): постановка цели, сбор информации и прогноз, разработка и исполнение плана, мониторинг выполнения плана и обратная связь [4]. В итоге можно достаточно детально описать и «измерить» профиль проактивного поведения работника.

Понятно, что оптимальный дизайн работы создает только возможности для проактивных действий. Реализация этих возможностей в поведении зависит от личного потенциала работника.

Личный потенциал работника как накопление и обобщение опыта работы в условиях нового дизайна работы может происходить на разных уровнях регуляции деятельности с разным уровнем осознания и экспликации рабочих событий.

В современных воззрениях на личность и поведение человека успешно совмещается когнитивный и личностный подход. Поведение и развитие личности понимается как соотношение двух сторон: во-первых, имплицитного научения и формирования скрытых когнитивных схем как некоторой субстанции личности, «мягкого знания» и компетенций (софт-скиллз), выражающейся в быстрых интуитивных решениях, и, во-вторых, усвоения эксплицитных, кодифицированных знаний, умений и навыков как основы рационального, развернутого и последовательного мышления. Эмоции, переживания при этом играют очень важную роль как маркеры ситуации и триггеры для включения систем интуитивного или рационального мышления.

Соответственно, потенциал работника в условиях нового дизайна работы включает, во-первых, хард скиллз — рационально обоснованные и эксплицитные профессиональные навыки. В условиях цифровой экономики к ним, во-вторых, добавляются digital skills — навыки в области информационных технологий.

Но ключевую роль в обеспечении двух основных областей современного дизайна работы — проактивного поведения и работы в самоорганизующихся командах — играют все-таки софт-скиллз — «мягкие», неполно описанные навыки («неполные алгоритмы»). Софт-скиллз, соб-

ственно говоря, и являются основой и инструментом проактивного поведения и, кроме того, самоорганизации рабочих команд.

Исходя из этого, можно сформулировать логику построения моделей компетенций в современных условиях: современный дизайн работы — черты проактивного поведения и работы в самоорганизующихся командах — поддерживающие эти формы поведения модели компетенций.

Например, модель компетенций Сбербанка («Компетенции 2020») включает компетенции, поддерживающие проактивное и командное поведение: решение проблем и системное мышление, управление результатом и ответственность, инновационность, клиентоцентричность, развитие команд и сотрудничество, управление собой. Аналогичную структуру имеет и фреймворк Digital компетенций граждан Европейского сообщества [5].

Библиографический список

1. Bindl U.K., Parker S.K. 2010. Proactive Work Behavior: Forward-thinking and Change-Oriented Action in Organizations // *APA Handbook of Industrial and Organizational Psychology*, American Psychological Association / ed. by S. Zedeck. Washington DC. P. 567–598.
2. Frese M., Fay D. 2001. Personal initiative (PI): An active performance concept for work in the 21st century // *Research in Organizational Behavior* / eds B.M. Staw & R.M. Sutton. Amsterdam: Elsevier Science. Vol. 23. P. 133–187.
3. Grant A.M., Sharon K., Parker S.K. 2009. Redesigning Work Design Theories: The Rise of Relational and Proactive Perspectives // *The Academy of Management Annals*. Vol. 3 (1). P. 317–375.
4. Morgeson F.P., Humphrey S.E. 2008. Job and Team Design: Toward a More Integrative Conceptualization of Work Design // *Research in Personnel and Human Resource Management* / ed. by J. Martocchio. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. P. 39–91.
5. Vuorikari R., Punie Y., Carretero Gomez S., Van den Brande G. 2016. DigComp 2.0: The Digital Competence Framework for Citizens. Update Phase 1: The Conceptual Reference Model. Luxembourg Publication Office of the European Union. EUR 27948 EN. doi:10.2791/11517

Попова О. В.

Арктический научно-исследовательский центр
Академии наук Республики Саха (Якутия),
Российская Федерация, 677000, Якутск, ул. Петровского, 1
popova_olya@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКИХ И СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

Аннотация: Современная политика Российской Федерации в Арктике нацелена на масштабное расширение ресурсной базы в регионе, модернизацию и развитие отраслей экономики. Реализация этих амбициозных проектов требует привлечения в регион значительного притока квалифицированных специалистов и обеспечения им привлекательных социально-трудовых условий. Без инициативных, организованных и высококвалифицированных людских ресурсов ни модернизация экономики, ни реализация масштабных проектов просто невозможны. При этом именно социальная сфера должна помочь обеспечить дополнительный потенциал экономического роста. В данной статье рассматривается состояние и динамика показателей социальной сферы Республики Саха (Якутия). На основе данных рейтингов инвестиционной привлекательности, индекса человеческого развития в регионах РФ и данных официальной статистики сравнивается привлекательность региона для бизнеса и привлекательность региона для населения среди регионов Дальневосточного федерального округа. Анализируются показатели Республики Саха (Якутия) в Рейтинге регионов РФ по качеству жизни — 2015, а также показатели миграции населения. Делается вывод о снижении привлекательности региона как места жительства и несоответствии уровня развития социальной инфраструктуры требованиям модернизации экономики.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), социальная сфера, социальная инфраструктура, уровень жизни, качество жизни, Арктика.

Popova O. V.

Arctic Research Center of
the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia),
1, Petrovsky str., Yakutsk, 677000, Russian Federation

SOCIAL SPHERE AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC AND NORTHERN REGIONS (ON EXAMPLE OF REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

Abstract: The current policy of the Russian Federation in the Arctic is aimed to large-scale expansion of the resource base in the region, development of economic sectors and construction of infrastructure facilities. The implementation of these ambitious projects requires recruitment of qualified labor resources to the region and attractive social and labor conditions. Without initiative, organized and highly qualified human resources, neither modernization of the economy nor implementation of large-scale projects is possible. It is the social sphere that should help to provide additional potential for economic growth. In the article the current state and dynamics of social sphere indicators of the Republic of Sakha (Yakutia) is considered. The attractiveness of the region for business and population among the regions of the Far Eastern Federal district are compared on the base of the analysis of investment attractiveness ratings, the index of human development in the regions of the Russian Federation and official statistics. Migration indicators and positions of the Republic of Sakha (Yakutia) in the Rating of regions of the Russian Federation in quality of life — 2015 are also analyzed. Conclusions concerning the degree of compliance of the social infrastructure development in the republic with the objectives of economic development and modernization are drawn.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), social sphere, social infrastructure, standard of living, quality of life, Arctic.

Современная политика Российской Федерации в Арктике нацелена на масштабное расширение ресурсной базы в регионе, развитие отраслей экономики и строительство объектов инфраструктуры. Реализация этих амбициозных проектов требует привлечения в регион ква-

лифицированных специалистов и обеспечения им привлекательных социально-трудовых условий. Без инициативных, организованных и высококвалифицированных людских ресурсов ни модернизация экономики, ни реализация масштабных проектов просто невозможны, особенно в таком суровом регионе как Арктика. Следовательно, социальная сфера региона должна соответствовать стоящим перед ней задачам и помочь обеспечить дополнительный потенциал экономического роста.

Анализ конкурентных позиций регионов ДФО в 2000–2016 гг. на базе методического подхода, учитывающего привлекательность региона как для бизнеса, так и для главного ресурса экономики знаний — человека, показал значительный и увеличивающийся разрыв между двумя его составляющими: показателями уровня жизни и показателями привлекательности региона для бизнеса. Республика демонстрирует высокие показатели инвестиционной привлекательности и индекса человеческого развития, однако из-за неразвитости социальной инфраструктуры не является притягательным местом жизни для населения, т. е. для реализации человеческого потенциала. Низкий уровень развития социальной инфраструктуры тормозит развитие конкурентоспособности республики.

По инвестиционному потенциалу, рассчитываемому одним из крупнейших российских консалтинговых агентств «Эксперт-РА», Республика Саха (Якутия) занимала в 2016 г. 2-е место и в течение всего исследуемого периода являлась лидером среди регионов ДФО. По уровню инвестиционного риска республика занимала 5-е место среди регионов ДФО в 2016 г. Следует отметить, что наиболее низкий показатель инвестиционного риска в Республика Саха (Якутия) наблюдался по социальному риску — 71-е место по РФ и предпоследнее место по ДФО [1].

По индексу человеческого развития регионов РФ, рассчитываемому Аналитическим центром при Правительстве РФ по методике ПРООН, Республика Саха (Якутия) занимала в 2016 г. 1-е место среди регионов ДФО, которое складывалось из индекса дохода — 3-е место, индекса долголетия — 1-е место, и индекса образования — 4-е место [2]. При этом показатель ВРП на душу населения был заметно выше среднероссийского значения, а ожидаемая продолжительность жизни, грамотность населения и доля учащихся в возрасте 7–24 лет — ниже средних по РФ.

С 2000 г. республика улучшила свои позиции в рейтинге человеческого развития, поднявшись с 14-го до 6-го места среди регионов РФ. В течение всего периода расчета индекса человеческого развития регионов РФ республика оставалась в числе регионов с высокоразвитым человеческим потенциалом.

Вместе с тем республика занимала последнее место среди регионов ДФО по общей площади жилых помещений в среднем на одного жителя, 8-е место по уровню безработицы. Хуже средних по ДФО были показатели дифференциации денежных доходов населения и обеспеченности населения врачами [3].

В целом период с 2000 по 2016 г. в республике характеризовался улучшением основных показателей уровня жизни населения:

- ростом номинальных и реальных среднедушевых денежных доходов населения, заработной платы и пенсий;
- снижением уровня безработицы;
- сокращением численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;
- сокращением уровня и глубины бедности (дефицит денежного дохода на душу малоимущего населения в прожиточных минимумах).

За указанный период возросли, но не превысили средних российских значений показатели дифференциации денежных доходов населения. Ряд показателей уровня жизни в республике был хуже общероссийских значений:

- соотношение среднедушевых денежных доходов и пенсий к прожиточному минимуму соответствующей социально-демографической группы населения;
- общий уровень безработицы;

- численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;
- удельный вес детей в возрасте до 16 лет в общей численности малоимущего населения [3].

Таким образом, несмотря на высокие показатели инвестиционной привлекательности, привлекательность региона как места жительства снижается. Подтверждением этому может служить миграционный отток населения из республики, и особенно растущий миграционный отток молодежи. Якутия относится к числу 20 субъектов Российской Федерации, в которых население сокращается в результате превышения миграционного оттока над естественным приростом населения. В настоящее время Якутия не достигла миллионной численности населения, которая была в последние годы существования СССР.

Рост добровольного миграционного оттока молодежи из республики наглядно показывает, насколько условия жизни в регионе соответствуют требованиям населения. Молодежь является потенциалом будущего социально-экономического развития, и растущий отток этого потенциала является угрозой устойчивому развитию региона.

Достоверность выводов о низком уровне развития социальной инфраструктуры Республики Саха (Якутия) подтверждается рейтингом регионов РФ по качеству жизни, проводимому рейтинговым агентством «РИА Рейтинг» медиахолдинга «Россия сегодня». Так, в рейтинге 2015 г. Республика Саха (Якутия) заняла по качеству жизни 72-е место, а в 2016 г. — 71-е место среди 85 регионов РФ и вошла в группу российских регионов-аутсайдеров по качеству жизни населения (70-е место и ниже), что свидетельствует об отсутствии существенных изменений в показателях качества жизни населения [4].

В 2015 г. республика вошла в число регионов, чьи позиции в рейтинге существенно понизились по сравнению с предыдущим годом (–7 мест). Отмечается, что позиции Республики Саха (Якутия) снизились по многим показателям. В группе «Уровень доходов населения» позиции республики ухудшились по показателям «Объем вкладов физических лиц в банках» и «Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума». В группе «Жилищные условия населения» — по показателю «Доля ветхого и аварийного жилья в общем жилищном фонде». На несколько позиций республика опустилась и по ряду показателей, объединенных в группу «Безопасность проживания», среди них: «Число преступлений на 100 человек населения», «Количество ДТП с пострадавшими на 100 000 единиц автомобильного транспорта», «Число травм, отравлений и некоторых других последствий воздействия внешних причин на 1000 человек населения». Также ухудшились позиции республики по выбросам в атмосферу загрязняющих веществ и некоторым другим показателям. При этом можно отметить и позитивные изменения. В частности, улучшились позиции республики по показателям «Уровень безработицы» и «Сроки поиска работы», а также «Смертность населения в трудоспособном возрасте», «Младенческая смертность» и по ряду других показателей [5, с. 14].

Низкий уровень развития социальной инфраструктуры препятствует развитию экономики республики. Невозможно представить реализацию масштабных экономических проектов, если регион не привлекателен для главного ресурса экономики — человека.

Библиографический список

1. Инвестиционные рейтинги регионов России / Рейтинговое агентство ЭкспертРА. URL: <http://raexpert.ru/ratings/regions/> (дата обращения 20.11.2018).
2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год. 2016. Под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. С. 285–287. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf>
3. Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://gks.ru>. (дата обращения 03.12.2018).
4. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2016/ РИА Рейтинг. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2016.pdf (дата обращения: 02.12.2018).
5. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2015/ РИА Рейтинг. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf (дата обращения: 02.12.2018).

Терешко Е. К., Гутман С. С.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
ektereshko@mail.ru

РАЗРАБОТКА РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация: В статье проведен анализ основных направлений развития образовательной системы территорий Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), рассмотрены такие ступени образования, как: дошкольное, общее школьное, среднее профессиональное, высшее профессиональное. Также проведен анализ нормативно-правового регулирования развития образовательной системы. Выявлено, что отдельных документов для эффективного развития образовательной системы в Арктической зоне Российской Федерации не разработано. В связи с чем предложены рекомендации по совершенствованию образовательного процесса с применением цифровых технологий. Так, для рационализации процесса дистанционного обучения, социально-экономического развития территорий, а также сокращения миграционных потоков предложена взаимосвязь «преподаватель — студент — преподаватель» в рамках дистанционного обучения, которая позволит повысить эффективность образовательного процесса. В результате предложенной взаимосвязи станет возможным: 1) увеличение темпов развития того или иного муниципалитета АЗРФ; 2) обеспечение населения дополнительными возможностями по получению образования; 3) формирование информационной системы обеспечивающей высокий уровень оказания образовательных услуг на территориях АЗРФ; 4) формирование и ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на территориях АЗРФ.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, образовательная система региона, регулирование системы образования, цифровые технологии, дистанционное обучение.

Tereshko E. K., Gutman S. S.

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29, Polytechnicheskaya str., St. Petersburg, 195251, Russian Federation*

DEVELOPMENT OF RECOMMENDATIONS FOR IMPROVING THE SYSTEM OF EDUCATION IN THE ARCTIC REGION

Abstract: The article analyzes the main points of the development of the educational system of the Arctic zone of the Russian Federation, considered such stages of education as: preschool; General school; secondary vocational; higher professional. Also, the analysis of legal regulation of the educational system. It is revealed that separate documents for effective development of educational system in the Arctic zone of the Russian Federation are not developed. In this connection, the recommendations for improving the educational process with the use of digital technologies. Thus, for the rationalization of the distance learning process, socio — economic development of territories, as well as the reduction of migration flows, the relationship “teacher — student-teacher” in the framework of distance learning, which will improve the efficiency of the educational process. As a result of the proposed relationship, it will be possible to: 1) increase the pace of development of a municipality of AZ of the Russian Federation; 2) providing the population with additional opportunities for education; 3) the formation of an information system that provides a high level of educational services in the territories of the Russian Federation; 4) the formation and accelerated development of information and communication technologies (ICT) in the territories of the Russian Federation.

Keywords: The Arctic zone of the Russian Federation, the educational system of the region, the regulation of the education system, digital technology, distance learning.

Одним из важных факторов, оказывающих влияние на развитие территорий, является уровень образования местного населения, который, в свою очередь, зависит от реализуемой системы образования и доступности данной услуги для разных возрастных групп. Поэтому совершенствование образовательного процесса — одна из основных задач региональной власти. При разработке рекомендаций по совершенствованию образовательного процесса и обеспечения населения доступным качественным образованием на территориях Арктической зоны Россий-

ской Федерации необходимо учитывать свойственные им неблагоприятные погодные условия и слабое развитие систем инфраструктурного комплекса [1; 2]. Снизить влияние данных факторов возможно за счет использования цифровых технологий при реализации процесса оказания образовательных услуг.

Целью исследования является формирование рекомендаций по совершенствованию образовательного процесса на территориях АЗРФ. В соответствии с целью исследования необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать характерные черты развития образовательной системы территорий АЗРФ; 2) провести анализ нормативно-правовой базы развития образовательной системы АЗРФ; 3) разработать рекомендации по совершенствованию процесса цифровизации системы образования АЗРФ.

Объектом исследования является образовательная система территорий АЗРФ, а предметом исследования — система отношений, возникающая в процессе формирования и развития информационно-коммуникационных технологий, используемых при оказании образовательных услуг.

Малая плотность населения и большие миграционные потоки усугубляют возможность развития системы образования в Арктическом регионе, что приводит к сокращению фондов образовательных организаций. Проведенный мониторинг образовательной системы территорий АЗРФ позволяет составить ее краткую характеристику. На территориях АЗРФ предусмотрено обучение согласно Федеральному закону об образовании РФ, в том числе в данном документе прописаны особенности электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Так, образовательный процесс в регионах АЗРФ осуществляется по четырем основным ступеням: дошкольное образование, общее школьное образование, среднее профессиональное образование (СПО), высшее профессиональное образование (ВПО).

Исходя из описанных авторами в работах [3; 4] территориального устройства народов Севера, исторического аспекта развития системы образования на Севере, можно выявить особенности и проблемы функционирования образовательной системы в соответствие с уровнем образования, а именно [5]:

- Дошкольное образование: сокращение учреждений.
- Общее школьное образование: отсутствие культурного уклона в школах стандартного типа, слабая программа подготовки школьников Севера, стресс детей при отправке в школу-интернат, сокращение учреждений.
- СПО: малое количество организаций, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих.
- ВПО: малое количество собственных учреждений, асимметрия информации при выборе вуза.
- Проблемы, присущие всем ступеням обучения: миграционные потоки, инвестиционные поступления в образовательную систему региона.

Для выявления возможностей по предотвращению или решению данных проблем необходимо проанализировать на основе каких документов, а также каким образом на территориях АЗРФ осуществляется регулирование образовательной системы органами государственной власти как ключевым механизмом поддержки и стратегического развития образования. Главным документом развития образовательной системы территорий АЗРФ выступает Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности, в которой предусмотрены некоторые направления развития образовательной системы, а именно:

- 1) развитие уровня инновационного обеспечения образовательного процесса;
- 2) развитие информатизации образовательного процесса у коренных малочисленных народов Севера (КМНС) путем реализации дистанционного обучения, как следствие развития высокого инновационного обеспечения образовательных учреждений;
- 3) модернизация объектов образовательных учреждений;

- 4) обеспечение подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов в системе высшего и среднего специального образования для работы в арктических условиях с учетом существующих и прогнозируемых потребностей Севера;
- 5) совершенствование образовательных программ в учреждениях для КМНС;
- 6) интеграция основных образовательных, научных и бизнес-единиц с целью наилучшего соответствия образовательной системы потребностям рынка труда;
- 7) развитие в учреждениях, осуществляющих подготовку высококвалифицированных кадров, специальностей, ориентированных на морскую геологию, геофизику, нефтегазовый сектор, туризм, землеустройство и др.;
- 8) повышение доступности получения ВПО КМНС;
- 9) усиление инвестиционных потоков в образование посредством привлечения спонсоров и меценатов.

Стратегия базируется на Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ и на Программе развития образования РФ. Стоит отметить, что Стратегия имеет ориентацию на Арктическую зону в целом, не рассматривая проблемы на уровне отдельной территории в сфере образования и науки. Основным механизмом реализации Стратегии выступает Программа социально-экономического развития Арктической зоны РФ, в которой прописаны стратегические положения относительно некоторых территорий Арктической зоны РФ.

Таким образом, можно сказать, что Стратегия АЗРФ содержит положения об образовательной системе регионов, но не полностью соблюдаются установленные сроки и достигаются целевые показатели, что подтверждается данными государственной статистики. Также отдельных документов для развития образовательной системы в АЗРФ не разработано.

Исходя из проведенного анализа особенностей функционирования образовательной системы территорий АЗРФ и ее нормативно-правового регулирования, можно предложить следующие рекомендации по совершенствованию образовательного процесса с применением цифровых технологий.

Так, необходимо обеспечить взаимосвязь «преподаватель — студент — преподаватель» в рамках дистанционного обучения (ДО), которая позволит снизить остроту проблем, присущих образовательной системе территорий АЗРФ. Как следствие, это может оказать положительное влияние на принятие решения местным населением при выборе места получения образования, в особенности детьми КМНС. Именно инвестиционные потоки в развитие науки, инноваций и образования сыграют важную роль, дав возможность более полно реализовать трудовой потенциал региона.

Процесс реализации ДО необходимо реализовывать в соответствии со степенью образования, создав процесс обучения со следующими взаимосвязями: «школа — ученик»; «СПО — студент»; «ВПО — студент». Для реализации образовательного процесса в форме ДО предлагается использовать: видео- и аудиоуроки; чат-занятия; веб-конференции/уроки; компьютерные телеконференции; текстовые лекции; дистанционную проектную деятельность; дистанционные олимпиады; заочные научные конференции.

Также для реализации ДО необходимо обеспечить: создание среды адаптивного ДО, т.е. разработать дистанционную платформу для каждого сегмента образования; развитие IT-специальностей в региональных вузах, развитие информационного обеспечения региона в целом и доступность информационных технологий населению.

В результате реализации предложенных рекомендаций по цифровизации образовательного процесса на территориях АЗРФ станет возможным:

- 1) формирование информационной системы, обеспечивающей высокий уровень оказания образовательных услуг;
- 2) формирование и ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ);
- 3) увеличение темпов развития того или иного муниципалитета;

- 4) обеспечение населения дополнительными возможностями по получению образования.

В заключение можно сказать, что сохранение населения и снижение миграционных потоков являются одними из основных задач реализуемой стратегии по обеспечению социально-экономического развития территорий АЗРФ. В связи с чем в рамках данной работы разработаны предложения по совершенствованию образовательного процесса посредством ДО с взаимосвязью «преподаватель — студент — преподаватель», которая позволит наладить процесс цифровой трансформации образовательной системы и поспособствует развитию территорий АЗРФ.

Библиографический список

1. *Виноградова В. В.* 2015. Природно-климатические и биоклиматические условия жизни населения Мурманской области // Известия Российской академии наук. Серия география. № 6. С. 90–99.
2. *Малиновская Н. А.* 2011. Методический подход к оценке инфраструктурного комплекса региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Экономические науки. № 4 (127). С. 83–85.
3. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. 2016. Под ред. В. А. Тишкова; авторский коллектив: В. А. Тишков, О. П. Коломиец, Е. П. Мартынова, Н. И. Новикова, Е. А. Пивнева, А. Н. Терехина; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.; СПб.: Нестор-История. 272 с.
4. *Василькова Т. Н., Евай А. В., Мартынова Е. П., Новикова Н. И.* 2011. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М.; Шадринск: ОГУП «Шадринский Дом Печати». 268 с.
5. *Козлов А. В., Терешко Е. К.* 2018. Стратегическая карта развития образовательной системы региона в условиях цифровизации экономики // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: новые вызовы: труды науч.-практ. конф. с международным участием / под ред. А. В. Бабкина. С. 199–207.

Флек М. Б.

РВПК ПАО «Роствертол» имени Б. Н. Слюсаря,
Российская Федерация, 344000, Ростов-на-Дону, ул. Новаторов, 5;
Донской государственный технический университет,
Российская Федерация, 344001, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
mikh.fleck2018@yandex.ru,

Угнич Е. А.

Донской государственный технический университет,
Российская Федерация, 344001, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
ugnich77@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЭКОСИСТЕМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: Данная работа посвящена исследованию профессионально-образовательного кластера с позиции концепции экосистем. Дается описание базовых характеристик профессионально-образовательной экосистемы, а именно: целевой ориентации, результата функционирования, разнообразия и взаимодействия участников, состояния среды, процессов самоорганизации и динамики развития. Фактором поступательного изменения профессионально-образовательной экосистемы является цифровая трансформация, требующая качественных изменений ее содержания. Показано, что удовлетворить запросы и ответить на вызовы цифровой трансформации способны устойчивые профессионально-образовательные экосистемы благодаря процессам саморазвития и самоорганизации и связанным с ними синергетическим эффектом.

Ключевые слова: концепция экосистем, образование, цифровая трансформация, предприятие, университет, человеческий капитал.

Flek M. B.

Rostvertol PLC,
Novatorov str., 5, Rostov-on-Don, 344001, Russian Federation
Don State Technical University,
1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344001, Russian Federation

Ugnich E. A.

Don State Technical University,
1, Gagarin sq., 1, Rostov-on-Don, 344001, Russian Federation

PROFESSIONAL AND EDUCATIONAL ECOSYSTEM IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract: This article is devoted to the study of the professional and educational cluster from the position of the concept of ecosystems. The article describes the basic characteristics of the professional and educational cluster as an ecosystem, namely: the target orientation, the result of functioning, diversity and interaction of participants, the state of the environment, the processes of self-organization and dynamics of development. The factor of progressive change in the vocational education ecosystem is digital transformation, which requires qualitative changes in its content. It is shown that sustainable professional and educational ecosystems are able to meet the needs and respond to the challenges of digital transformation due to the processes of self-development and self-organization and the associated synergetic effects.

Keywords: ecosystems concept, education, digital transformation, enterprise, university, human capital.

Цифровая трансформация является неотъемлемым атрибутом нового этапа научно-технического прогресса, который характеризуется слиянием технологий и стиранием граней между физическими, цифровыми и биологическими сферами. Под цифровой трансформацией понимается использование современных технологий для кардинального повышения производительности и эффективности предприятий [1]. Безусловно, субъекты реального сектора экономики должны быть готовы к цифровой трансформации. В новых условиях они будут успешно

функционировать только в случае соответствия качества задействованных человеческих ресурсов текущим и перспективным потребностям производственного процесса. Иными словами, цифровая трансформация предъявляет высокие требования к человеческому капиталу. Эффективное управление человеческим капиталом — это основа повышения конкурентоспособности любого предприятия. Цифровая же трансформация, основанная на интеллектуализации производства, усиливает необходимость постоянного повышения «качества» человеческого капитала, развития компетенций специалистов, способных работать в новых условиях. При этом важным механизмом непрерывающегося получения необходимых знаний и компетенций является обучение по принципу «образование на протяжении всей жизни». По нашему мнению, данный механизм обучения наилучшим образом реализуется в профессионально-образовательной экосистеме.

Остановимся более подробно на содержании профессионально-образовательной экосистемы. Концепцию экосистем все чаще применяют для изучения открытых систем со значительным количеством разнородных участников, имеющих разнообразные взаимосвязи. Концепция экосистем, широко распространенная в биологии, позволяет и в других отраслях знаний описать характер эволюции взаимодействия субъектов системы и их взаимоотношений со средой, в которой они функционируют.

Профессионально-образовательная экосистема представляет собой особую социально-экономическую экосистему. Саму социально-экономическую экосистему в общем виде можно представить, как динамическую систему, состоящую из взаимосвязанных элементов (организаций, образовательных учреждений и др.), которые реализуют процессы кооперации и конкуренции одновременно [2]. Производственно-образовательная экосистема — это не просто совокупность образовательных учреждений со своей периферией партнерских организаций, а сложные динамические образования, где достигаются синергетические эффекты — эффекты, когда повышается результативность системы за счет взаимодействия различных по природе ее элементов.

В настоящем исследовании рассматривается профессионально-образовательная экосистема, которая была инициирована широко известным вертолетостроительным предприятием ПАО «Роствертол» в 2002 году сначала как образовательное пространство, преобразованное в 2015 году непосредственно в кластер. Любой кластер, будь то промышленный, инновационный или образовательный, представляет собой группу географически соседствующих взаимосвязанных организаций (поставщиков, производителей и др.) и связанных с ними учреждений (органов государственного управления, инфраструктурных компаний и др.), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга. Целью профессионально-образовательного кластера является развитие интегрированной системы подготовки рабочих и специалистов для авиационной промышленности по цепочке «среднее общее образование — среднее профессиональное образование — высшее образование — дополнительное профессиональное образование» [3]. Понимание профессионально-образовательного кластера как экосистемы позволяет глубже изучить происходящие в нем реальные процессы и может способствовать разработке инструментов повышающих его эффективность для реального сектора экономики. Перенос концепции экосистем, применительно к профессионально-образовательному кластеру, призван обогатить инструментарий его исследования за счет подходов, используемых при анализе экосистемы в биологии.

Профессионально-образовательную экосистему ПАО «Роствертол» можно описать с позиций базовых экосистемных характеристик: целевой ориентации; продукта (результат функционирования); разнообразия участников и их взаимодействия; состояния среды и взаимосвязи с ней; процессов самоорганизации и динамики развития. Изложение базовых характеристик экосистемы позволит определить ее специфику, пробелы и перспективы развития.

Целью любой экосистемы является продолжение ее жизнедеятельности за счет использования ресурсов. Цель профессионально-образовательной экосистемы ПАО «Роствертол» заключается в обеспечении предприятия необходимыми кадрами авиационного профиля: от рабочего до инженера высшей квалификации.

Если в биологической экосистеме энергией обмена и *продукцией (результатом)* служит биомасса, то в профессионально-образовательной экосистеме ею является человеческий капитал. Человеческий капитал является важнейшим ресурсом для предприятия, поскольку он играет ведущую роль по отношению к физическому капиталу: именно человеческий капитал приводит его в движение, что еще более важно — генерирует инновации, создавая новые элементы физического капитала. Потребность в воспроизводстве человеческого капитала предприятия, включающего его формирование и развитие, реализуют так называемые участники профессионально-образовательной экосистемы.

В профессионально-образовательной, как и в биологической, экосистеме в качестве самостоятельных единиц, входящих в ее состав, выделяют организационных/органических «участников». В социально-экономических экосистемах — это организации, юридические и физические лица, в биологических — это организмы. В анализируемой профессионально-образовательной экосистеме среди всех ее участников можно выделить учреждения среднего общего, среднего профессионального, высшего и дополнительного профессионального образования, включая подразделения предприятия.

В некоторых исследованиях рассматривается аналогия видовой структуры биологической экосистемы со структурой банковской системы, а также инновационной экосистемы по трем уровням: растения, которыми питаются травоядные животные, которыми, в свою очередь, питаются плотоядные (хищники). В профессионально-образовательной экосистеме по аналогии с биологической можно представить следующие три уровня (в соответствии с целевой установкой функционирования):

- 1) учреждения среднего общего образования (подшефные школы предприятия в Ростове-на-Дону) формируют «основу», обеспечивают абитуриентами последующие звенья экосистемы;
- 2) учреждения среднего профессионального образования (Донской промышленно-технический колледж имени Б. Н. Слюсаря и Авиационный колледж) выпускают квалифицированных рабочих и служащих, которые могут продолжить повышать свою квалификацию в вузе, а также учреждения высшего образования (ДГТУ), обеспечивающие предприятие высококвалифицированными специалистами. Общая цель ДГТУ и ПАО «Роствертол» состоит в подготовке высококвалифицированных специалистов, востребованных предприятием и адаптированных к его работе. На пути к достижению этой цели была создана базовая кафедра «Авиастроение» — единая образовательная площадка вуза и предприятия, формирующая основу инженерных кадров предприятия, имеющих базовое авиационное образование [4].

Первые два уровня формируют человеческий капитал для предприятия в соответствии с его запросами.

Непосредственно предприятие, «потребляющее» специалистов, подготовленных учреждениями среднего профессионального и высшего образования, а также структуры дополнительного профессионального образования (подразделения ПАО «Роствертол»), обеспечивающие повышение квалификации работников предприятия, формирует новые компетенции в соответствии с запросами быстро меняющейся среды.

Таким образом, третий уровень обеспечивает развитие человеческого капитала предприятия. Причем не только в результате обучения на курсах повышения квалификации, но и в результате взаимодействия работников предприятия в процессе трудовой деятельности, путем обогащения профессиональными умениями и навыками, которые помогут повысить ее эффективность.

Сравнительная характеристика биологической и профессионально-образовательной экосистем представлена в таблице.

Необходимо заметить, что в рамках экосистемы объединяются усилия участников, формируя при этом синергетические эффекты, которые могут проявляться в качественном приращении человеческого капитала за счет получения квалификации, профессиональных компе-

Сравнительная характеристика биологической и профессионально-образовательной экосистем

Экосистема	Продукция	Первый уровень	Второй уровень	Третий уровень
Биологическая	Биомасса	Растения	Травоядные	Хищники
Профессионально-образовательная	Человеческий капитал	Учреждения среднего общего образования, «поставляющие» абитуриентов	Учреждения высшего и среднего профессионального образования, «поставляющие» специалистов	Предприятие, структуры дополнительного профессионального образования, «потребляющие» специалистов

тенций, приобретения опыта, расширения профессиональных и коммуникационных навыков. Эффективность взаимодействия участников экосистемы, ее саморегуляция зависит от уровня культуры взаимного сотрудничества.

Неотъемлемой частью экосистемы является *среда* ее функционирования. Для социально-экономических экосистем — это социально-экономические институты (регламенты), то есть инвестиционный или производственный климат, информационная, правовая среда. Целесообразно выделять в составе условий функционирования экосистемы событийную компоненту — возмущающие события, меняющие условия функционирования экосистемы. Для биологических экосистем — это могут быть резкие конъюнктурные, институциональные, политические или организационные изменения, скачки технологического прогресса, социальные революции и т. п. Так, требования к постоянному обновлению знаний и компетенций работников предприятий, вызываемые цифровой трансформацией, можно определить как возмущающее событие, меняющее условия функционирования профессионально-образовательной экосистемы.

Цифровая трансформация как новая среда предприятий несет в себе и угрозы, обусловленные проблемой цифрового неравенства, касающиеся развития человеческого капитала [5].

Профессионально-образовательные экосистемы благодаря механизмам саморазвития во многом способны ответить на вызовы формирования и развития человеческого капитала. В профессионально-образовательной экосистеме саморазвитие проявляется, например, в усилении интеграции как образовательных учреждений между собой, так и с самим предприятием, а также в совершенствовании методов и подходов к обучению. В результате этого взаимодействия возникают синергетические эффекты, то есть эффекты совместного действия элементов системы, которые способны привести к качественному изменению ее состояния под воздействием разных сил.

Возникновение синергетических эффектов окажет положительное воздействие на результативность профессионально-образовательной экосистемы только в том случае, если в ней будут тесно взаимосвязаны три обязательных компонента:

- конкретные требования к компетенциям специалистов, предъявляемые предприятием;
- необходимые и достаточные знания и умения, формируемые средними общими, средними профессиональными образовательными учреждениями и вузами;
- эффективные подходы к обучению, отвечающие требованиям цифровой трансформации.

При этом если требования к компетенциям инженеров определяют предприятия, а знания, умения и навыки, исходя из требований, формулируют вузы, то выработка эффективных подходов к обучению является результатом взаимного сотрудничества предприятий и университетов.

Библиографический список

1. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. 2014. The Nine Elements of Digital Transformation. Opinion&Analysis, January.
2. Клейнер Г.Б. 2018. Экосистема предприятия в свете системной экономической теории // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы Девятнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 10–11 апреля 2018 г. М.: ЦЭМИ РАН. Секция 1.
3. Флек М. Б., Угнич Е. А. 2018. Формирование модели инженера в условиях цифровой трансформации: взаимодействие предприятий и университетов // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. Т.4(37). С. 45–52.
4. Флек М. Б., Угнич Е. А. 2018. Роль базовой кафедры в формировании человеческого капитала предприятия. Государственное управление // Электронный вестник. Т.267. С. 292–313.
5. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. 2017. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспективы. М.: РАН.

Янгирова А. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
alsu-rf@mail.ru

Орлова Н. С.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Российская Федерация, 195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
natas-orlova@yandex.ru

РЕШЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПОВЫШЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ФИНАНСОВЫХ ПРОДУКТОВ И УСЛУГ ДЛЯ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация: Цифровые преобразования — один из главных факторов мирового экономического роста в последние десятилетия. При этом устойчивое развитие экономики зависит не только от внедрения новых технологий, но также и от способности населения к их восприятию и использованию в повседневной жизни. В этом контексте обеспечение надлежащего уровня доступности финансовых услуг, в том числе для отдельных наиболее уязвимых категорий населения, приобретает особую значимость и актуальность. В работе определены проблемы, стоящие на пути построения в Российской Федерации доступной и безбарьерной среды по предоставлению маломобильным группам населения финансовых продуктов и услуг. По результатам анализа лучших российских и мировых практик авторами представлены новые решения, направленные на совершенствование российского рынка финансовых услуг в целях обеспечения его инклюзивности.

Ключевые слова: Цифровая экономика, финансовая доступность, маломобильные группы населения, безбарьерная среда, финансовые услуги.

Yangirova A. I.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Orlova N. S.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29, Polytechnicheskaya str., St. Petersburg, 195251, Russian Federation

DECISIONS AIMED AT INCREASING THE INCLUSIVE OF FINANCIAL PRODUCTS AND SERVICES FOR THE DISABLE USER-GROUPS

Abstract: Digital transformation has become a major factor of the world economic development over the past decades. At the same time, sustainable economy development depends not only on the implementation of new technologies, but also on population ability to perceive and use them in everyday life. In that connection, ensuring the appropriate level of financial services inclusiveness, including that of the most vulnerable categories of people, is increasingly important and relevant. The challenges to the creating of inclusive and barrier-free environment to provide financial products and services for the disable user-groups in Russia were defined. As a result of the best Russian and world practices analysis, the new methods and types of existing technologies adaptation were presented by the authors. These decisions are aimed at improving the Russian financial services market in order to ensure it inclusiveness.

Keywords: Digital economy, financial inclusive, disable user-groups, barrier-free environment, financial services.

Может ли тема финансовой доступности привлечь внимание человека, который никогда не сталкивался с проблемами в получении финансовых услуг, который живет в крупном городе с хорошим качеством Интернета и мобильной связи, для которого компьютер, планшет и мобильный телефон — это неотъемлемая часть повседневной жизни, и у которого, к счастью, нет проблем со здоровьем, препятствующих полному и эффективному участию в жизни общества наравне с окружающими? Наверняка многие ответили бы на этот вопрос отрицательно.

Вместе с тем на фоне масштабного развития финансовых продуктов и услуг, которое сопровождается цифровизацией большинства процессов и внедрением новых технологий, мы, к сожалению, забываем о том, что в настоящее время в этой сфере все еще существует проблема доступности, в том числе для отдельных наиболее уязвимых категорий населения.

Согласно проведенным исследованиям Всемирного банка и Всемирной организации здравоохранения, в настоящее время более 1 млрд человек по всему миру принадлежат к категории людей с инвалидностью, а следовательно, к самому крупному по численности меньшинству, испытывающему затруднения в доступе к финансовым сервисам [1]. По данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на 01.01.2018 г. в России официально зарегистрировано более 12 млн граждан с инвалидностью [2]. Цифры отличаются от мировых, однако трудности в использовании банковских услуг в настоящее время испытывают и другие маломобильные граждане, и пожилое население страны, не говоря уже о людях, не имеющих доступа к Интернету. При этом, несмотря на существование различных физических и коммуникационных барьеров, граждане с инвалидностью проявляют заинтересованность в получении финансовых услуг, так же как и пожилые люди, находящиеся в социально активном возрасте до 70 лет [3].

Для создания максимально доступной среды при оказании финансовых услуг необходимо применение комплексного подхода, в котором нашли бы отражение как поведенческие характеристики и предпочтения социально уязвимых групп населения, так и возможности поставщиков услуг. Решение задачи по поиску наиболее подходящих методов преодоления имеющихся на российском финансовом рынке барьеров целесообразно осуществлять, исходя из следующих пяти направлений [4]:

- проблемы физической доступности;
- проблемы отношения персонала финансовых организаций;
- проблемы завышения стоимости финансовых услуг (прямого или косвенного) либо отказа в их обслуживании по причине инвалидности или в связи с возрастным ограничением;
- проблемы интерфейсов и доступа к цифровой информации;
- проблемы понимания сути финансовых услуг и рисков, возникающих при их использовании.

Проблемы физической доступности. В настоящее время существует ряд общих требований на законодательном уровне и рекомендаций по созданию доступной среды для людей с инвалидностью, в которых содержатся требования и рекомендации по оснащению входных зон учреждений, парковок и мест общественного пользования, по эргономике зон обслуживания и их освещению, а также по адаптивности интернет-сайтов, стендов с документацией и др. Результаты их имплементации достаточно просто увидеть каждому из нас, ведь в последние годы изменения в лучшую сторону в данном вопросе действительно заметны.

Однако если глубже вникать в вопрос физической доступности финансовых услуг, то становится ясно, что он не ограничивается решением только вышеупомянутых задач. Существуют также специфичные для финансовой сферы проблемы, без решения которых пожилой или маломобильный гражданин все равно не сможет получить ряд финансовых услуг.

Во-первых, это проблемы, связанные с трудностями/невозможностью ознакомления с договорами, которые могут возникнуть у лиц с нарушениями зрения или ментального характера. Другая группа проблем связана с физической доступностью устройств самообслуживания, через которые сейчас предоставляется значительное количество финансовых услуг. В том случае, если состояние здоровья человека не позволяет ему посетить финансовую организацию или воспользоваться устройством самообслуживания, в качестве решения может быть предусмотрена возможность выезда специалистов на дом для открытия банковского счета или выдачи платежной карты. Кроме того, финансовые услуги могут быть предоставлены в дистанционном режиме, что особенно актуально и реализуемо в связи с повсеместным запуском Единой биометрической системы идентификации.

Проблемы отношения персонала финансовых организаций. Безбарьерная, комфортная и дружелюбная среда при оказании финансовых услуг предполагает не только удобство с точки зрения физического доступа и технического оснащения офисов, но и адресную поддержку со стороны персонала финансовых организаций к гражданам с инвалидностью и пожилым людям.

На наш взгляд, у данной проблемы есть два направления для решения: по инициативе самих финансовых организаций путем участия в социальных проектах по созданию безбарьерной среды для пожилых граждан и лиц с инвалидностью, развития данного направления в рамках своих внутрикорпоративных стратегий, или же с помощью установления на государственном уровне требований или рекомендаций в отношении стандартов качества обслуживания таких клиентов.

Независимо от того, с какой стороны будет исходить инициатива, к числу конкретных мероприятий, которые могут реально помочь в создании дружелюбной среды при оказании финансовых услуг, относятся такие, как назначение из числа руководителей лиц, ответственных за реализацию мер по повышению доступности услуг для лиц с инвалидностью и пожилых граждан, и разработка внутренних документов по данному направлению, включение в программы повышения квалификации персонала тематик, предусматривающих изучение приемов и этики общения с данными категориями граждан, правил оказания им требуемой помощи при преодолении психологических и физиологических барьеров.

Еще один достаточно эффективный способ развития культуры общения с людьми с инвалидностью и пожилыми клиентами у персонала финансовых организаций — прием таких работников в штат. Эти работники могут быть успешно задействованы в осуществлении деятельности по предоставлению финансовых услуг соответствующим категориям клиентов, а также их присутствие может стать важным фактором, стимулирующим повышение эмпатии других членов коллектива.

Проблемы завышения стоимости финансовых услуг (прямого или косвенного) либо отказа в их обслуживании по причине инвалидности или в связи с возрастным ограничением по ряду услуг

Безусловно, адаптация офисов финансовых организаций для лиц с ограниченными возможностями и пожилых граждан, предоставление им рабочих мест и проведение специализированных тренингов с персоналом являются эффективными методами при построении безбарьерной среды. При этом отвести данной категории клиентов место в своей бизнес-стратегии, готовы далеко не многие.

Все это легко объяснимо — финансовые организации при разработке продуктов и услуг применяют риск-ориентированный подход, по итогам которого определяется стоимость продуктов и услуг для различных типов клиентов. В связи с тем, что финансовые организации, являясь юридическими лицами, вправе самостоятельно устанавливать критерии обслуживания клиентов и тарифы на предоставляемые ими услуги, зачастую граждане с инвалидностью и пожилые клиенты, относящиеся к наиболее рискованной категории, либо не могут получить ряд финансовых услуг, либо платят за это слишком большие комиссии. И если на рынке финансовых услуг в последнее время наблюдается некоторое потепление в отношении обслуживания лиц пожилого возраста, то фокус на лиц с ограниченными возможностями остается достаточно слабым.

Особенно остро это ощущается в сфере кредитования и страховых услуг, где до оказания услуги любой клиент подвергается тщательному анализу. Так, например, среди основных критериев оценки клиента при выдаче полисов страхования жизни и добровольного медицинского страхования используются возраст и состояние здоровья клиента. Для кредитных продуктов к этим критериям еще добавляются наличие постоянной работы или других источников дохода, кроме социальных выплат. При этом ни для кого не секрет, что для получения ипотеки требуется полис страхования жизни — получается замкнутый круг!

Как решать эту проблему — вопрос очень сложный. На наш взгляд, регуляторный подход здесь не особо применим. Хотя уже сейчас существуют положительные примеры законодательного регулирования финансовых услуг, например обязательная выдача полиса ОСАГО любому водителю, независимо от его профиля клиента, и обязательная выдача карты платежной систе-

мы «Мир», причем на бесплатной основе, пенсионерам и гражданам, получающим бюджетные выплаты.

Проблемы понимания сути финансовых услуг и рисков, возникающих при их использовании. В настоящее время людям становится все труднее ориентироваться в существующем многообразии финансовых услуг и принимать решения об осуществлении сбережений и инвестиций. Неверный способ подачи информации о предоставляемых продуктах и услугах может также подтолкнуть человека к неоптимальным решениям и стать причиной нарушения его прав.

В России ведется активная работа, направленная на формирование у населения общего представления о функционировании финансовой сферы, их обучение навыкам эффективного использования платежных и иных финансовых инструментов и управлением собственными денежными средствами с учетом рисков за кредитованности и мошенничества. Успешной реализации указанных мероприятий способствуют уроки по финансовому просвещению, различные информационные порталы, системы онлайн-помощников и введение единых стандартов информирования потребителей на рынке финансовых услуг. Вместе с тем, помимо расширения финансовых знаний, необходимо уделять внимание мотивации населения для безбоязненного и уверенного применения полученных навыков на практике.

Проблемы интерфейсов и доступа к цифровой информации. Интенсивное развитие современных технологий, повлекшее за собой глобальную цифровизацию, оказало значительное влияние и на сферу финансовых продуктов и услуг. В недавнее время появилось понятие «цифровая грамотность», которое отражает уровень работы с компьютером и цифровой информацией, а также умение корректно и безопасно использовать в жизни различные инновационные технологии и устройства [5].

Исследуя вопросы доступа к цифровой информации, можно отметить, что у определенных категорий населения возникают трудности при ее использовании и восприятии. Для большинства пожилого населения и людей с ограниченными возможностями работа с дистанционными каналами банковского обслуживания вызывает недоверие и страх оказаться некомпетентным пользователем. Поэтому для достижения стратегических целей по повышению финансовой доступности всему банковскому сообществу важно построить устойчивый мост между населением и цифровой информацией.

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время российские финансовые организации развиваются в направлении повышения доступности финансовых услуг для граждан с инвалидностью и пожилых людей. Этот процесс осуществляется под чутким сопровождением регулятора и с учетом мнения общественных объединений людей с ограниченными возможностями.

Хочется пожелать, чтобы финансовые организации и дальше продолжили это развитие и их действия не носили формальный характер, а были действительно полезны людям. И тогда мы будем свидетелями безбарьерной среды, в которой будет комфортно абсолютно каждому потребителю финансовых услуг.

Библиографический список

1. World Report on Disability. 2011 // Отчет, Всемирная организация здравоохранения и Всемирный банк. URL: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report.pdf (дата обращения 02.10.2018).
2. Общая численность инвалидов по группам // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gsk.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/ (дата обращения 11.10.2018).
3. Люди с инвалидностью активно пользуются финансовыми услугами. 2018 // Исследование НАФИ. URL: www.nafi.ru/analytics/lyudi-s-invalidnostyu-aktivno-polzuyutsya-finansovymi-uslugami/ (дата обращения 14.11.2018).
4. «Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 годов». Банк России.
5. Цифровая грамотность для экономики будущего. 2018 // Исследование НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost/> (дата обращения 20.11.2018).

Никитина Т. В., Дембинская В. С.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Российская федерация, Санкт-Петербург, 191023, ул. Садовая, 21
t_nikitina2004@mail.ru

РОЛЬ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ФИНАНСОВОМ ПРОСВЕЩЕНИИ

Аннотация: в данном докладе говорится об актуальности финансового просвещения, даются определения финансовой грамотности и финансового образования согласно государственной стратегии РФ, рассматриваются основные выводы нобелевских лауреатов Дэниэль Канемана и Ричарда Талера в поведенческой экономике, устанавливается связь исследования в области поведенческих финансов и стратегии повышения финансовой грамотности.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовое образование, финансовая дисциплина, поведенческие финансы, поведенческая экономика.

Nikitina T. V., Dembinskaite V. S.

Saint Petersburg State University of Economics,
21, Sadovaya str., Saint Petersburg, Russian Federation

BEHAVIORAL ECONOMICS AND FINANCIAL LITERACY

Abstract: research provides information regarding the relevance of financial education, defines financial literacy and financial education, according to the government strategy of RF, discusses the main findings of Nobel laureates Daniel Kahneman and Richard Thaler in behavioral economics, establishes a link between research in behavioral finance and the strategy of "improving financial literacy".

Keywords: financial literacy, financial education, financial discipline, behavioral finance, behavioral economics.

Актуальность финансового просвещения населения. Финансовая грамотность населения до сих пор остается нерешенной задачей на пути экономического оздоровления общества в России. Низкий уровень финансового образования препятствует развитию рынков (кредитного, фондового, страхового и т. д.), тормозит инвестиционные процессы в экономике, что в конечном итоге отрицательным образом сказывается на уровне и качестве жизни населения. Когда наши соотечественники станут обладать базовыми знаниями в вопросах финансов, они начнут лучше планировать семейный бюджет, особенно свои расходы, разумно распределять денежные средства между приоритетными целями, перестанут поддаваться панике сложных периодов в экономике и будут задумываться о механизмах обеспечения своей старости.

В настоящее время в Российской Федерации на государственном уровне* проявляется большой интерес к понятийному аппарату, включающему определение таких понятий, как «финансовая грамотность»** «финансовое образование».

В русскоязычной среде под этим понимается скорее просветительская деятельность, точнее финансовое просвещение [1].

Термин «финансовое здоровье» часто упоминается в бестселлерах Роберта Кийосаки, рекомендующего каждому индивидууму, осознанно проживающему свою жизнь, заботиться с ранних лет о своем финансовом здоровье, которое подразумевает разумное отношение к своим доходам, сбережение минимально 10 % от каждой своей заработной платы, учет позитивного остатка при разнице доходов и расходов ежемесячно, создание на протяжении продуктивных рабочих лет источников пассивного дохода, постоянное финансовое самообразование, кото-

* «О реализации проекта повышения финансовой грамотности населения Российской Федерации на 2019–2023 гг.».

** Результат процесса финансового образования, который определяется как сочетание осведомленности, знаний, умений и поведенческих моделей, необходимых для принятия успешных финансовых решений и в конечном итоге для достижения финансового благосостояния.

рое послужит эффективным ресурсом для будущего инвестирования своих денежных потоков с целью поддержания своего благосостояния.

Несмотря на очевидно полезные и жизненно утверждающие советы известного в широких кругах финансового эксперта, финансовое образование остается до сих пор мало доступным и понятным для широкого круга потребителей в нашей стране, в том смысле, чтобы оно не стало профессиональной областью изучения.

Тем временем свою финансовую безграмотность признали 46 % населения Российской Федерации, если доверять результатам исследования, проведенным Высшей школой экономики в 2017 г. (НИУ ВШЭ). Российским гражданам также не хватает финансовой дисциплины, так как более 20 % трудоспособного населения считают, что небольшая задержка во внесении платежей по кредиту не страшна, а 37 % потребителей уверены, что возвращать взятый в банке кредит необязательно. При этом 68 % опрошенных россиян отдадут по выплатам за кредит более 50 % доходов, а согласно статистическим данным, предоставленным Росстатом, средняя зарплата по всей Российской Федерации составляет сумму 42 332 руб., минимальное пособие по безработице — 1500 руб., пенсионное содержание в среднем по нашей стране составляет на 2018 г. 8726 руб. [2]. Приведенные выше систематические факторы (установленная заработная плата, государственная политика в сфере пенсионных выплат, социальные пособия, общее состояние экономики и т.д.), как правило, не поддаются контролю массового населения, то есть в краткосрочной перспективе отдельно взятый человек глобально не может повлиять на эти цифры. Тогда какие конкретно факторы в принятии финансовых решений смогут играть определенную роль в формировании чувства благополучия, благосостояния для людей? Давайте обратимся к результатам исследований в поведенческой экономике.

Влияние поведенческой экономики на финансовую грамотность. Одно из наиболее важных открытий исследования в области принятия решений известно как теория двойного процесса. Поведенческий психолог Принстонского университета Даниэль Канеман, коллега Ричарда Талера (лауреат Нобелевской премии по экономике 2017 г.) и лауреат Нобелевской премии по экономике 2002 г., изложил основные тезисы по этой теории в своей книге 2011 г. «Мышление, быстрое и медленное». Дэниель Канеман утверждал, что как часть нашего биологического наследия наш мозг разделен на две части — два разума. Эти отдельные умы используют очень разные стили принятия решений: тот, который быстр, беспомощен и основан на интуиции и эмоциях, и тот, который требует усилий, является преднамеренным и аналитическим [3]. Насколько рационально граждане будут подходить к своим тратам и совершать безопасные операции, будет зависеть в конечном счете и их собственное финансовое здоровье, то есть благосостояние людей будет зависеть от того, насколько часто и осознанно они будут тренировать свой 2-й рациональный разум по Канеману. Недостаточный уровень элементарной дисциплины и ответственность за риски, связанные с самостоятельным выбором и использованием различных финансовых услуг и инструментов — это особенность не только финансовой культуры россиян, как показывает поведенческая экономика, где исследования еще одного нобелевского лауреата, Ричарда Талера, оказали существенное влияние.

Результаты исследований Талера можно классифицировать по нескольким основным направлениям. Во-первых, это когнитивные искажения, которые сопровождают то, как люди воспринимают процесс покупки/продажи товаров и услуг. К ним можно отнести такие явления, как систему «мысленных счетов», эффект владения, а также представления о «справедливой» цене. Просто «люди» (термин Р. Талера) принимают экономические решения не из абстрактных математических формул, не из разного рода кривых, не из факторного анализа, совершают выбор вовсе не беспристрастно, а прежде всего из своих представлений о справедливости и честности, добре и зле, субъективных ощущений и предпочтений, личностных особенностей, даже иррациональных. Во-вторых, это исследования, относящиеся к парадоксам межвременных предпочтений и проблеме самоконтроля. В-третьих, это работы, посвященные тому, как можно влиять на экономический выбор людей, не применяя прямых денежных стимулов для желательного поведения или жестких ограничений для нежелательного. Это направление связано с развитием нового типа «мягкой» экономической политики, называемого либертарианским патернализмом, или политикой «подталкивания», основная цель которой заключается в том,

чтобы помочь экономическим агентам, наделенным ограниченными познавательными способностями и ограниченной силой воли, принимать решения в большей степени со своими долгосрочными интересами [4].

Таким образом, необходимость продолжения работы по повышению уровня финансовых компетенций граждан очевидна не только с точки зрения экономической науки, но и в современной тенденции влияния других наук на поведение людей при принятии решений в области экономики и финансов, как то: социология, психология, педагогика. В стремительных условиях научно-технического прогресса и постоянных изменениях на глобальных финансовых рынках, каждый экономический агент должен отличаться собственной осознанностью и инициативностью в принятии решения по развитию своего финансового интеллекта.

В сложившихся условиях глобализации (globalization) и диджитализации (digitalizing) финансовые институты, благодаря последовательной политике государства (выше упомянутая стратегия повышения финансовой грамотности населения), регулятора, а также просветительской деятельности общественных организаций и частных участников финансового рынка способны сыграть ключевую роль в обеспечении доступных — в том числе на уровне понимания и навыков использования — финансовых продуктов и услуг населению [5]. Подготовленный правительством план по улучшению финансовой грамотности должен быть направлен на помощь нашим гражданам в эффективном управлении своими финансами, снижении рисков потерь от неверных действий в области управления личными бюджетами. Данный план должен соответствовать не только требованиям, диктуемым последними трендами развития цифровых технологий, но и учитывать полученные выводы в области поведенческих финансов.

Заключение. Необходимость получения базового финансового образования, наряду с такими же навыками, как уверенное пользование ПК, поиск информации в сети Интернет, ведение социальной бизнес-страницы исходит из того, что современные социально-экономические проблемы не упрощаются, а, наоборот, становятся более сложными. Талеровская новая поведенческая экономика, основанная на интеграции экономики с другими дисциплинами, помогает не только профессиональным участникам рынков ориентироваться в этом непростом, усложняющемся мире и проводить экономическую политику с использованием принципов новой поведенческой экономики в деле принятия оптимальных финансовых решений, учитывая и иррациональные стороны человеческой природы. Знание и понимание основных выводов из исследований Талера и Канемана должны стимулировать население к взвешенному, рациональному поведению при принятии важных экономических решений, тренировать дисциплину и финансовое здоровье. Современные цифровые технологии из-за своей актуальности, доступности уже включены в процесс реализации стратегии финансового просвещения и будут в дальнейшем еще глубже интегрироваться в современное образование населения России на благо каждого человека.

Библиографический список

1. Распоряжение правительства Российской Федерации от 25.09.2017 № 2039-рз «О реализации стратегии повышения финансовой грамотности населения Российской Федерации на 2017–2023 гг.». URL: <http://static.government.ru/media/files/uQZdLRrkPLAdEVdaBsQrk505szCcL4PA.pdf> (дата обращения 23.12.2018).
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/rates/3aaf0b00420c9778bf91ff2d59c15b71 (дата обращения 23.12.2018).
3. Behavior Finance: A Nobel Cause by Worldquant. URL: <https://www.weareworldquant.com/en/thought-leadership/behavioral-finance-a-nobel-cause/> (дата обращения 22.11.2018).
4. Паниди К. А. 2017. Нобелевская премия по экономике — 2017: вклад Ричарда Талера // Экономический журнал ВШЭ. Т. 21, № 4. С. 702–720. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32244819> (дата обращения 12.12.2018).
5. Digital in 2018 in Eastern Europe. URL: <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018> (дата обращения 15.12.2018).

Евневич М. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
m.evnevich@spbu.ru

CUSTOMER CENTRIC ТРЕНДЫ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: В данной статье представлена систематизация и развитие теоретических подходов и лучших практик в области customer centric трендов в цифровой экономике. Рассматриваются тенденции развития рекламно-коммуникационного рынка в России и мире, а также современная трансформация инструментов при достижении целей маркетинга.

Ключевые слова: клиентоориентированность, цифровые технологии, цифровой маркетинг, маркетинг отношений, обращение потребителей.

Evnevich M. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

CUSTOMER CENTRIC TRENDS IN DIGITAL AGE

Abstract: The article presents the systematization and development of theoretical approaches and best practices in customer centric trends in the digital economy. The tendencies of the development of the advertising and communication market in Russia and the world, as well as the modern transformation of tools in achieving marketing goals are considered.

Keywords: customer focus, digital technologies, digital marketing, relationship marketing, consumer appeal.

В настоящее время ценовая конкуренция на многих рынках теряет свою эффективность. С одной стороны, уровень маржинальности в основных традиционных сферах деятельности постепенно снижается и дальнейшее «снижение цен» становится для компаний невыгодным, с другой стороны, эффект от снижения цен нивелируется за счет информационного пресыщения. Информация стала настолько доступной, что в интернете можно найти любой товар, сравнить его атрибуты, цены, условия приобретения и постпродажного обслуживания. Однако зачастую проведение полноценного анализа невозможно ввиду колоссального объема информации. В итоге снижение цен на товары и услуги не гарантирует увеличения объемов продаж, если не провести масштабной рекламно-информационной кампании. Ввиду такой асимметрии информации и сложности принятия решений компании вынуждены использовать новые способы привлечения клиента, формировать оптимальные каналы коммуникации, разрабатывать новые методы доставки сообщений актуальному кругу потенциальных покупателей, а также повышать лояльность за счет высокого сервиса и быстрого обслуживания.

Ввиду наличия огромного количества мест приобретения товара клиентом для компаний очень важно удерживать и увеличивать его вовлеченность посредством маркетинговых инструментов. Рассмотрим основные задачи маркетинга и применяемые для их решения цифровые технологии на примере розничных предприятий.

Удержание клиента за счет высокого уровня сервиса и быстрого реагирования на возникающие у клиента проблемы. Высокий уровень сервиса зависит в основном от компетенций сотрудников, стандартов обслуживания, корпоративной культуры и т. д. Но от цифровых технологий зависит быстрый разбор жалоб и решение проблем клиента. В отсутствие цифровых технологий обработка жалоб имела ряд проблем, таких как потеря обращений, несвоевременные ответы, решение проблем без изменения бизнес-процессов. Цифровые технологии позволили вовлекать в процесс одновременно несколько специалистов, регистрировать на каждое поступившее обращение со всех каналов связи, отслеживать процесс обработки и нормировать скорость прохождения стадий обработки обращения.

Цифровые технологии также решили вопрос систематизации большого количества источников обращений. Жалобы клиентов поступали в форме личного обращения к сотрудникам, письменного заявления, обращения по телефону и электронной почте, с помощью обратной связи на сайте, отзывам в книге жалоб, мобильных приложениях, торговых агрегаторах и социальных сетях и т. д. Электронные сервисы управления жалобами позволили отслеживать жалобы всех типов. При внедрении таких сервисов следует учитывать, что необходима регистрация каждого обращения в системе, разработка типологии жалоб, назначение ответственных лиц.

Достижение WOW-эффекта в сервисе. Предоставление «поражающе» высокого уровня сервиса в силу неожиданности заставляет клиента делиться информацией об этом со своими знакомыми в реальной жизни или друзьями и подписчиками в социальных сетях. Именно вызванная эмоциональная реакция способствует желанию «поделиться» пережитым. Вопросами достижения WOW-эффекта занимается маркетинг впечатлений. Согласно Б. Джозефу Пайну, основными областями впечатлений являются обучение, экономия, развлечение и эстетика [1]. При этом большее количество вовлекаемых областей стимулирует больший эмоциональный эффект. К традиционным мероприятиям в области обучения относятся мастер-классы, индивидуальные консультации, тематические семинары и т. д.; в области экономии — предоставление скидок, акций, купонов, сертификатов; в области развлечений — конкурсы, лотереи, игровые технологии; в области эстетики — поддержание имиджа компании, креативный дизайн офиса, современные коммуникации и другие. Данный перечень мероприятий приобретает новый окрас за счет применения цифровых технологий, увеличения количества площадок для проведения мероприятий. Например, ряд мероприятий проводится в виртуальном пространстве (особенно это касается обучения), расширяется перечень мероприятий за счет создания компьютерных игр и ведения аккаунтов в социальных сетях [2].

Цифровые технологии также способствуют более эффективному проведению этих мероприятий за счет направления их на тех клиентов, которым интересна подобная активность. Цифровые технологии позволяют проводить сегментацию не только по стандартным половозрастным, но и поведенческим признакам. Анализ поведения потребителя (используемые ресурсы, совершаемые покупки) позволяет сделать вывод о наиболее чувствительных областях.

Таким образом, цифровые технологии способствуют созданию уникальных впечатлений одновременно для больших групп пользователей. Как следствие, клиенты более расположены делиться положительным опытом и полученными эмоциями. Достигая действительно высокого уровня сервиса, клиент прочно закрепляется за одной компанией.

Увеличение среднего чека клиента для компенсации растущей стоимости привлечения. Способы увеличения среднего чека варьируются в разных отраслях. В личных продажах (туристическое агентство, например) увеличение среднего чека достигается традиционно — за счет обучения персонала технологиям расширенных продаж.

В ритейле увеличение среднего чека достигается за счет многолетних экспериментальных исследований, в основном в области мерчендайзинга. К ним можно отнести как стандартные выкладки — «золотая полка», «низкая выкладка», «торцевая выкладка», — так и более специфичные — цветовые выкладки, выкладки с «изъяном» (отсутствие упаковок в первом ряду) и другие. Роль цифровизации в подобных экспериментах заключается в отслеживании изменений в объемах продаж и в возможностях аналитических инструментов. Мерчендайзинговые программные продукты позволяют регулировать объем выкладки товаров на полке в зависимости от выручки или валового дохода от товара.

Сферой, где цифровые технологии играют ключевую роль в увеличении среднего чека, является интернет-торговля. Одной из таких технологий являются автоматические персонализированные поисковые рекомендации, к которым относятся «Пользователи, искавшие товар, также интересовались этими товарами». В случае неправильно настроенного сервиса эффект может быть противоположным: клиент будет раздражен спамом и ничего не купит. Настройка сервиса рекомендаций может быть осуществлена двумя способами. Первый — аналитический, когда товары разбиваются на основные и сопутствующие к ним. Товары классифицируются сотрудниками, а значит, велик риск ошибки, увеличивается объем ручного труда и длительность срока реализации. Второй способ — аналитический, при котором рекомендации даются

на основе прошлых корзин других клиентов. При аналитическом способе скорость реализации высока, но необходим большой объем статистических данных.

Увеличение частоты покупки без существенного роста затрат на информирование. Стандартным способом увеличения частоты покупок являются реклама. Реклама может быть как имиджевой, так и акционной (с конкретным мотивирующим предложением осуществить покупку). Как правило, реклама направлена на всех потенциальных клиентов — как новых, так и уже имевших опыт взаимодействия с компанией. В данном случае сегментирование аудитории и выбор подходящих сегментов является оптимальным способом снижения затрат на привлечение одного клиента посредством рекламы. Однако способы сегментирования и его эффективность варьируется в зависимости от канала рекламы и применяемых в данном канале цифровых технологий.

Так, сегментирование в традиционных рекламных каналах (ТВ, радио, наружная реклама, реклама в печатных изданиях) происходит по географическому и половозрастному признаку, а также по уровню доходов. Тематические СМИ дополнительно попадают в аудиторию, интересующуюся определенной темой (бизнес, футбол, автомобили). При этом наиболее точное сегментирование происходит в аудитории ТВ за счет телеметрии и цифровой обработки больших массивов информации [3]. Сегментирование аудитории в других традиционных СМИ происходит в основном на основе опросов, что ненадежно. При этом, даже после проведения сегментирования, показ рекламы именно выбранной аудитории невозможен.

В случае с интернет-рекламой все иначе: рекламное сообщение может быть доставлено только избранному кругу лиц. Классическими инструментами являются контекстная реклама, поисковая оптимизация, медийная реклама, SMM, СМС-рассылки. Однако количество инструментов интернет-маркетинга растет. Согласно исследованию Smart Insights, по итогам 2017 г. на первое место выходит контент-маркетинг (20,3 %) и Big Data (20,2 %), являющиеся важной частью современного клиентоориентированного подхода [4]. Далее идет автоматизация маркетинга (10,3 %), мобильный маркетинг (9,2 %) и SMM (8,8 %).

Индивидуализация рекламы также осуществляется посредством уже упомянутой контекстной рекламы, позволяющей показывать рекламное сообщение пользователю, который уже ввел целевой запрос в поисковую строку браузера. Например, при вводе пользователем в поисковик фразы «туры в Турцию из СПб» ему отобразятся сообщения, рекламирующие соответствующие туры. Стоит отметить, что данные показы зависят от навыков специалиста по контекстной рекламе и целей рекламодателя, так как реклама может показываться как по целевым, так и околоцелевым запросам.

Персонализация рекламы в социальных сетях происходит за счет таргетинга look alike, позволяющего отображать рекламу тем, чей профиль в социальных сетях схож с профилями постоянных покупателей.

Цифровые технологии предлагают интересные возможности при работе с клиентами, уже совершившими в компании покупку. При наличии базы данных постоянных клиентов можно осуществлять рассылку посредством СМС, почты, WhatsApp и других мессенджеров. Однако есть риск негативной реакции на спам.

Использование предиктивной (прогнозной) аналитики с применением big data позволяет на основе анкетных данных, истории покупок определить дальнейшие интересы по покупкам. Например, если неделю назад покупатель приобрел кафельную плитку и раковину, то скоро ему понадобится смеситель и шкафчик для ванной. Это позволяет экономить на информировании, отправляя только актуальные сообщения определенному кластеру потребителей. Рекламное сообщение становится более полезным, увеличивается конверсия, снижается раздражение от спама.

Также стоит упомянуть такую модель получения постоянного дохода, как подписная модель. Она позволяет не бороться за частоту покупок за счет рекламы, а автоматически списывать плату в определенный период. Зачастую в такой модели первичная покупка относительно недорогая или бесплатная, а затем снимается абонентская плата [5].

Таким образом, развитие цифровых технологий, появление новых средств коммуникаций изменили не только сферу маркетинга, но и экономический ландшафт в целом. Цифровые воз-

возможности компании в области клиентоориентированности, персонализация, совершенствование логистики, кастомизация предложения становятся факторами конкурентоспособности компаний.

Библиографический список

1. Джозеф Пайн Б., Гилмор Дж. Х. 2005. Экономика впечатлений. Работа — это театр, а каждый бизнес — сцена. М.: Вильямс. 171 с.
2. Ермолова Н. 2017. Продвижение бизнеса в социальных сетях Facebook, Twitter, Google+. Альпина Паблишер. 403 с.
3. Попова Т. В. 2016. Роль сегментации телевизионной аудитории в процессе оптимизации коммуникативного воздействия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 1–2. С. 44–46.
4. The 14 top rated digital marketing techniques for 2017 according to Smart Insights readers. URL: <http://www.smartinsights.com/managing-digital-marketing/marketing-innovation/digital-marketing-trends-2016-2017> (дата обращения: 11.09.2017).
5. Березина Е. 2017. Цены обгонят экономику. URL: <https://rg.ru/2017/03/28/po-prognozam-ekspertov-reklama-na-tv-skoro-sdast-lidiruiushchie-pozicii.html> (дата обращения: 12.09.2017).

Бабынина Л. С.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., 36
Babynina.LS@rea.ru

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОТСТАВАНИЯ СТРАНЫ

Аннотация: в статье с использованием статистических данных анализируется технологическое отставание российской обрабатывающей промышленности, динамика использования организациями персональных компьютеров, серверов, электронной почты и Интернета, специальных программных средств, а также фактические навыки населения и задачи по освоению, развитию общих и профессиональных компетенций.

Ключевые слова: основные фонды, информационно-коммуникационные технологии, навыки, компетенции, новационный труд, рынок труда.

Babynina L. S.

Plekhanov Russian University of Economics,
36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation
Babynina.LS@rea.ru

DEVELOPMENT OF DIGITAL COMPETENCE OF POPULATION FOR OVERCOMING TECHNOLOGICAL LAG

Abstract: the article analyzes the technological lag of the Russian manufacturing industry on the base of statistical data by organizations using personal computers, servers, e-mail and the Internet, special software, as well as actual skills of the population and the tasks of developing general and professional competencies.

Keywords: fixed assets, information and communication technologies, skills, competencies, novation work, labor market.

Развитые страны мира вступили в новую промышленную революцию, связанную с развитием цифровых технологий и внедрением их во все сферы экономики. Анализ мирового опыта цифровой трансформации промышленности показывает, что основными направлениями развития стали такие концепции, как Индустрия 4.0 (Industry 4.0), Умное производство (Smart Manufacturing), Цифровое производство (Digital Manufacturing), Интернет в промышленности (Internet of Manufacturing), Открытое производство (Open Manufacturing). Основные технологические тренды в цифровой трансформации промышленности базируются на массовом внедрении интеллектуальных датчиков в оборудование и производственные линии (технологии индустриального Интернета вещей); переходе на безлюдное производство и массовое внедрение роботизированных технологий; хранении информации и проведении вычислений с собственных мощностей на распределенные ресурсы («облачные» технологии); сквозной автоматизации и интеграции производственных и управленческих процессов в единую информационную систему («от оборудования до министерства»); использовании технологии «больших» данных для формирования аналитики и др. В основе практически всех технологий находятся программное и аппаратное обеспечение, ядром которых являются математическое обеспечение и микроэлектроника.

Технологическое отставание российской обрабатывающей промышленности можно проиллюстрировать статистическими данными. Так, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте в 2011 г. составляла 19,7%; в 2018 г. — 21,6%. Степень износа основных фондов в отраслях экономики, относящихся к высокотехнологич-

ным видам деятельности*, в 2017 г. составляла 45 %, а средний возраст основных фондов в обрабатывающих производствах — 11,8 лет [1].

До 1980-х годов производство станков высокой и особо высокой точности, а также станков с числовым программным управлением (ЧПУ) бурно развивалось. В конце 1980-х годов в РСФСР 23 % выпускаемых металлорежущих станков были снабжены ЧПУ, а 11 % относились к категории станков высокой и особо высокой точности. В 1990 г. в РСФСР было выпущено 16,7 тысяч станков с ЧПУ, а в период с 1996–1999 гг. выпускалось всего по 100 шт. в год. В 2009 г. Россия импортировала 87 % всего станочного парка, в том числе станки с ЧПУ импортировала из Северной Кореи, которая выпускает их по советским лицензиям! В 2015 г. в России было произведено только 19 665 металлорежущих станка и 714 станков с ЧПУ [2].

Технологическое отставание российской промышленности в сравнении с другими странами поставили перед правительством стратегические задачи развития научно-технической и инновационной сферы, связанные с цифровой трансформацией промышленности. В программе «Цифровая экономика России» определены базовые направления развития, среди которых приоритетными являются рынки и сферы деятельности, платформы и технологии, среда (условия) для эффективного взаимодействия субъектов рынков и сфер деятельности.

Доминирующими элементами развития компаний становятся использование больших объемов данных, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), искусственного интеллекта и др. Такие компании становятся точками инновационного роста экономики, обеспечивают удовлетворение потребностей населения качественными услугами и расширяют их ассортимент. Однако бизнес-практика корпоративного планирования, организационная структура, распределение рабочих обязанностей, постановка профессиональных целей и методы управления компаний отстают в процессе адаптации к новым технологиям.

Основными задачами по направлению «Кадры и образование» являются:

- создание ключевых условий для подготовки кадров цифровой экономики;
- совершенствование системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами;
- формирование рынка труда, который будет опираться на требования цифровой экономики;
- создание системы мотивации по освоению необходимых компетенций и участию кадров в развитии цифровой экономики России.

В соответствии с этими целевыми задачами необходимо увеличить выпуск студентов высшего и среднего профессионального образования с ИКТ-навыками, а также повысить цифровую грамотность населения.

Цифровые компетенции можно объединить в три группы: общие, профессиональные (специальные) и комплементарные навыки.

1. Общими навыками в области ИКТ у работников широкого спектра профессий для использования их в повседневной работе. Например, для того, чтобы получать доступ к информации в Интернете или использовать программное обеспечение для решения текущих задач.

2. Профессиональными навыками для производства продуктов и услуг ИКТ, то есть средств труда в цифровой экономике: программного обеспечения, создания веб-страниц, средств электронной коммерции, финансовых технологий, облачных данных, интернета вещей и больших данных. Такие профессиональные ИКТ-навыки должны постоянно обновляться у специалистов с навыками программирования, разработки приложений для мобильных устройств, управления данными и сетями.

3. Комплементарными ИКТ-навыками, поддерживающими выполнение новых задач, связанных с использованием ИКТ на рабочем месте. К ним относятся использование социальных

* Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; компьютеров, электронных и оптических изделий; летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования.

сетей для коммуникации с коллегами и клиентами, продвижение бренда продуктов на платформах электронной коммерции, анализ больших данных, бизнес-планирование и др. [3].

Массовое освоение всех видов ИКТ-навыков ведет к быстрому росту всей цифровой экономики, следствием ожидается высокая степень изменчивости востребованных ИКТ-навыков и их адаптивности к новым условиям работы, наращивания их функциональных возможностей. Высокая частота обновления информации в организации, ее возрастающая сложность требуют быстрой адаптации к быстро изменяющимся условиям, а также ИКТ-навыков эффективного сотрудничества между группами с горизонтальной структурой управления и виртуальными организациями, которые становятся преобладающими с развитием цифровой экономики.

Способность оценивать информацию, получаемую из нескольких источников, ее достоверность и полезность с помощью самостоятельно установленных критериев, а также умение решать задачи поиска информации, связанной с незнакомым контекстом, будут определять цифровую грамотность всего населения.

Б. М. Генкин классифицировал труд, выполняемый строго по заданной технологии или инструкции (он может быть физическим и умственным), и назвал его α -трудом (например, сборщик на конвейере с регламентированным ритмом). Труд, направленный на создание новых духовных или материальных благ, а также новых методов производства, является новационным, творческим или β -трудом (изобретатели, рационализаторы, ученые, педагоги, врачи, инженеры, предприниматели и др.) [4].

Работы, которые требуют выполнения предсказуемых повторяющихся физических операций, а также деятельность по сбору и анализу информации, автоматизируются в первую очередь. Этот процесс касается рабочих мест, требующих средней квалификации. В тех случаях, когда автоматизация представляется экономически нецелесообразной, рабочие места замещаются низкооплачиваемыми работниками. Там же, где необходимы навыки создания и применения цифровых инструментов, рабочие места будут замещаться высокооплачиваемыми работниками.

Работники новационного труда требуются сегодня в большинстве компаний, где используются современные информационные и мобильные технологии в процессе сбора и анализа данных, создания виртуального офиса — системы прямого доступа и активного взаимодействия людей, находящихся на удалении друг от друга.

Позитивная динамика развития российских организаций по использованию персональных компьютеров, серверов, электронной почты и глобальных информационных сетей, распространение использования электронных мобильных устройств населением за период с 2003 по 2017 гг. сформировали общие навыки у населения для работы на персональном компьютере. Так, в 2017 г. навыком работы с текстовым редактором владеют 59,5 % населения, передачей файлов между компьютером и периферийными устройствами — 39,2 %; работой с электронными таблицами — 32,4 %; использованием программ для редактирования (фото-, видео-, аудио-файлы) — 29,4 %; подключением и установкой новых устройств — 13,9 %; созданием электронных презентаций с использованием специальных программ — 13 %; самостоятельным написанием программного обеспечения с использованием языков программирования — 1,7 %* [5].

Среди обследованных организаций, использовавших специальные программные средства (ИКТ и производство вычислительной техники, программного обеспечения и оказания услуг в этих сферах), в 2017 г. самый большой процент по их использованию занимали специальные программы для осуществления финансовых расчетов в электронном виде (54,8 %); для решения организационных, управленческих и экономических задач (52,4 %); электронные справочно-правовые системы (51,1 %); для управления закупками товаров работ, услуг (36,2 %). Наименьший процент составляли организации, использующие CRM, ERP, SCM**-системы [1].

Приведенные статистические данные показывают, что общие ИКТ-навыки освоены половиной тех, кто использует персональный компьютер, однако профессиональными навыка-

* В % от общей численности населения, использующего персональный компьютер.

** CRM — Customer Relationship Management; ERP — Enterprise Resource Planning; SCM — Supply Chain Management.

ми владеет значительно меньшая часть. Это связано с асимметричной ситуацией рынка труда и рынка образовательных услуг, когда спрос на специалистов превышает предложение, а лучшие подготовленные специалисты часто покидают страну. Например, численность студентов, принятых в государственные образовательные учреждения высшего образования по направлению подготовки «Информатика и вычислительная техника», с 2010 г. выросла с 3 до 12 чел. (на 10 000 чел.), но при этом не все студенты заканчивают вузы.

Задачи обеспечения цифровой экономики компетентными кадрами не могут не учитывать особенности российского рынка труда. С одной стороны, рынок труда испытывает нехватку рабочей силы в силу влияния на него демографической ситуации — снижения общей численности населения трудоспособного возраста, старения населения и перемещения численности занятого населения в группы населения старших возрастов в составе рабочей силы. С другой стороны, низкий уровень знаний и навыков выпускников учебных заведений не удовлетворяет потребности работодателей.

Для преодоления технологического отставания страны необходимо освоение и развитие цифровых компетенций населения на базе образовательных учреждений и в партнерстве с работодателями. Необходимо сформировать требования к базовым компетенциям цифровой экономики для каждого уровня образования, обеспечив их преемственность: для всех выпускников и обучающихся системы общего образования, системы профессионального образования и дополнительного образования для всех специальностей и направлений подготовки; разработать или выбрать информационную систему поддержки индивидуального профиля компетенций обучающихся с использованием технологии электронного образования.

Библиографический список

1. Информационное общество. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology (дата обращения: 15.12.2018).
2. Россия стала крупнейшей страной мира по импорту станков. URL: <https://red-penza.org/2016/11/17/россия-импорт-статистика-станки> (дата обращения: 15.12.2018).
3. Бабынина Л. С. 2018. Подготовка кадров для цифровой экономики // Ломоносовские чтения — 2018. Секция экономических наук. «Цифровая экономика: человек, технологии, институты»: сборник статей. М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. С. 472–479.
4. Генкин Б. М. 2018. Организация, нормирование и оплата труда на промышленных предприятиях: учебник для вузов. М.: Изд-во Норма. С. 12.
5. Информационное общество в Российской Федерации. 2018: статистический сборник / М. А. Сабельникова, Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова и др.; Росстат; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст дан. (9 Мб). М.: НИУ ВШЭ.

Раздел 5

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ГРАНИЦЫ ОБЩЕСТВА ТРУДА

Васильева Е. А.

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС,
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43
vasilieva_ea@bk.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ТРУДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: ОТ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ К УПРАВЛЕНИЮ

Аннотация: В работе представлены результаты исследования государственных служащих Республики Саха (Якутия) и студентов Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Установлено, что в ходе административной реформы произошла трансформация общественных представлений о содержании труда государственных служащих. Закрепленное в законодательстве представление о государственной службе как администрировании в настоящее время реже разделяется чиновниками. Более распространенным становится мнение, что работники органов исполнительной власти являются полноценными субъектами государственного управления, что выдвигает новые требования к содержанию их компетенций. Среди студентов это представление также является преобладающим. При этом основным демотивирующим фактором становится разочарование в реальном объеме управленческих полномочий, которые доступны государственным служащим, так как они формируются в соответствии с традиционными функциями администрирования. Таким образом, можно констатировать, что запрос на возрастание роли управленческих функций в деятельности государственных служащих увеличивается, что соответствует общественному настроению.

Ключевые слова: государственная служба, администрирование, государственное управление, профессионализм, компетентность, содержание труда.

Vasilyeva E. A.

North-West Institute of Management, branch of RANEPA,
57/43, Sredny av. VO, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation

TRANSFORMATION OF THE CONTENTS OF PUBLIC SERVANTS' LABOR: FROM ADMINISTRATION TO GOVERNMENT

Abstract: The paper presents the results of a study of public servants of the Republic of Sakha (Yakutia) and students of the North-Eastern Federal University. It was established that in the course of administrative reform took place a transformation of public perceptions about the content of the work of public servants. Officials now less often share the idea of public service as an administration enshrined in legislation. A more common opinion is that employees of executive bodies are full-fledged subjects of government, which places new demands on the content of their competencies. Among students, this presentation is also predominant. At the same time, the main demotivating factor is disappointment in the real volume of managerial powers that are available to public servants. Thus, it can be stated that the demand for increasing the role of managerial functions in the activities of civil servants is increasing.

Keywords: public administration, directing, governance, professionalism, competence, content of labor.

Введение. В федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ определено, что государственная служба представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий органов исполнительной власти и лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Соответственно, одним из основных принципов государственной службы является профессионализм, при этом в законе отсутствует определение этого понятия. Научные работы, комментирующие это положение закона, можно разделить на три основные группы:

- работы, в которых профессионализм государственных служащих определяется как владение знаниями, умениями и навыками, необходимыми для выполнения государственных функций [1];
- работы, в которых профессионализм рассматривается как эквивалент понятию компетентность, которая понимается как степень осведомленности государственного служащего о пределах его полномочий и его представлений о том объеме знаний, который позволяет поддерживать его социальную роль в системе социального управления [2];
- работы, в которых под профессионализмом понимается продуктивность деятельности, а также отождествление себя с государственной службой как профессиональной группой и умение соотносить свои профессиональные возможности и потребности с требованиями, предъявляемыми к должностям государственной гражданской службы [3].

Однако определяющим для оценки уровня профессионализма чиновников для всех авторов является содержание их деятельности, их трудовые функции, цель, которую они преследуют в ходе выполнения своих обязанностей. При этом большинство авторов едины в том, что основная функция чиновников — это администрирование.

В последние годы возник общественный запрос на трансформацию содержания трудовой деятельности служащих, гражданами все чаще выдвигается требование по усилению роли управленческих компетенций в их деятельности. Целью нашего исследования было выявление динамики изменения представлений государственных служащих о содержании их деятельности, а также соответствия этих представлений у государственных служащих Республики Саха (Якутия) и студентов Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

Описание методики. Опрос государственных гражданских служащих Республики Саха (Якутия) проводился в три этапа: в 2015, 2017 и 2018 гг. Студенты опрашивались только на последнем этапе по аналогичному инструментарию. Содержание деятельности чиновников выявлялось в рамках вопросов: «Как Вы полагаете, что из нижеперечисленного является основной задачей органов исполнительной власти?», «К какой категории Вы отнесете государственных служащих?» и «Что, по-Вашему, привлекает людей, участвующих в конкурсах на замещение вакантных должностей в органах государственной власти?». Ответ на первый вопрос определяет содержание государственной службы как профессиональной деятельности, ответ на второй вопрос — социальный статус государственных служащих. В рамках ответа на третий вопрос определяется мотивация респондента к работе в республиканских органах исполнительной власти.

Проверочным является вопрос о предложениях по мотивации государственных служащих, в рамках которого выявляется декларируемая мотивация, опирающаяся на ожидания, определяющие удовлетворенность государственных служащих от работы.

В качестве гипотез исследования были выдвинуты следующие:

- в качестве содержания деятельности государственные служащие чаще называют административную деятельность, а студенты — выполнение управленческих функций;
- студенты чаще, чем государственные служащие, определяют статус чиновников как субъектов управленческой деятельности;
- в ходе структурной реорганизации в среде государственных служащих возрастает разочарование в доступе к управленческим функциям как мотиву продолжения работы в органах исполнительной власти.

Результаты исследования. Мы объединили варианты ответов на первый вопрос в две группы: администрирование и управление, где к администрированию относится административная работа, подготовка нормативных актов и выполнение распоряжений руководства, а к управлению — принятие управленческих решений, выполнение государственных функций и управление подведомственными организациями. Под управлением понимается целенаправленное и ценностно ориентированное воздействие управляющего субъекта для приведения управляе-

мой системы в состояние, необходимое субъекту. Администрирование определяется как руководство и контроль формальных показателей отдельных отраслей экономики.

В 2016 и 2017 г. большинство государственных служащих определяли содержание своего труда как выполнение государственных функций, что соответствует положениям законодательства (42 % опрошенных в 2016 г. и 50 % в 2017 г.). В 2018 г. доля служащих, полагающих, что их основной задачей является принятие управленческих решений в подведомственной сфере увеличилась до 25 %. Доля служащих, определяющих содержание своей деятельности как административную работу, в 2016 г. составляла 17 %. В 2017 г., после масштабной структурной реорганизации, сопровождавшейся существенным изменением функциональной нагрузки между различными структурами и соответствующим изменением численности государственных служащих, доля таких служащих увеличилась до 19,8 %, а в 2018 г. снова снизилась до 15,6 %.

Студенты также чаще определяли содержание работы чиновников как выполнение государственных функций, хотя доля подобных ответов существенно ниже, чем у государственных служащих, — только 35 %. Доля студентов, разделяющих мнение о том, что служащие занимаются администрированием, составляет 12,5 %. Интересно, что молодые государственные служащие в возрасте до 30 лет не разделяют это мнение.

Таким образом, в 2016 г. среди государственных служащих ответы распределились практически в равных долях — 54 % выбрали управление, 42,3 % администрирование. В 2018 г. после реорганизации доля служащих, полагающих, что их основной задачей является управление, увеличилась до 59,4 %. Среди студентов доля респондентов, определяющих содержание деятельности служащих как администрирование, составляет только 32,5 %.

Определяя свой статус, государственные служащие в 2016 г. чаще выбирали традиционный вариант «аппарат управления» (37,4 %), в 2017 г. — вариант «лица, осуществляющие государственное управление» (30,9 %), а в 2018 г. — вариант «профессионалы» (43,8 %). Студенты чаще выбирают вариант «лица, осуществляющие государственное управление» (42,5 %). Это позволяет констатировать, что запрос на возрастание роли управленческих функций увеличивается среди государственных служащих, что соответствует общественным ожиданиям. Несмотря на то что респонденты-чиновники при ответе на вопросы о содержании своей деятельности стремятся соответствовать установкам, сформулированным в законодательстве, они также стремятся к укреплению своего социального статуса посредством усиления управленческих функций.

Анализ мотивов, которые указываются респондентами как причина участия в конкурсе на замещение вакантной должности государственной службы, показывает, что для студентов приоритет имеют материальные стимулы и высокий социальный статус чиновников (по 25 % ответов). Для государственных служащих основными мотивирующими факторами были стабильность трудоустройства (23,8 %) и перспективы карьерного продвижения (22,2 %). Стремление повлиять на решение общественно важных вопросов в качестве мотива в 2016 г. указывали только 6,2 % государственных служащих, в 2018 г. приоритеты остались теми же, хотя доля служащих, стремящихся участвовать в управлении выросла до 18,8 %. Интересно, что этот мотив выбрали только 2,5 % студентов.

Показательна также динамика изменения мотивации в зависимости от возраста респондентов-чиновников. Молодые служащие в возрасте до 30 лет в качестве основного мотива чаще указывали стабильность трудоустройства, причем после проведения реорганизации привлекательность этого мотива возросла практически в два раза (с 27,2 % до 57,1 %). Для служащих в возрасте от 30 до 40 лет после реорганизации преобладающим становится мотив карьерного продвижения (46,2 %).

В качестве основной причины демотивации в 2016 г. государственные служащие чаще указывали низкий уровень дохода (28 % респондентов — государственных служащих) и отсутствие карьерных перспектив (24 %). В 2018 г. основной причиной начали называть высокую напряженность труда (57,1 %). Этот же мотив студенты указали в качестве основной причины непривлекательности государственной службы (46,4 % респондентов-студентов). Это может свидетельствовать о том, что в настоящее время для государственных служащих большее значение приобретает содержание работы, а не материальное вознаграждение. С учетом того,

что происходит возрастание доли чиновников, определяющих свою деятельность как государственное управление, можно предположить, что именно отсутствие реальных управленческих полномочий при наличии соответствующей ответственности вызывает разочарование государственных служащих и приводит к снижению их мотивации.

Выводы. Таким образом, можно констатировать, что первая гипотеза подтвердилась частично. Действительно, большинство опрошенных студентов полагают, что содержанием деятельности чиновников является выполнение управленческих функций. Однако доля государственных служащих, утверждающих, что содержанием их деятельности является администрирование, составляет менее половины и сокращается от опроса к опросу.

Вторая гипотеза полностью подтвердилась. Большинство опрошенных студентов указали, что рассматривают чиновников в качестве субъектов государственного управления. При этом следует отметить, что в ходе исследования самоопределение статуса государственных служащих изменялось: на первом этапе служащие чаще выбирали традиционный вариант, подразумевающий выполнение административных функций, на втором и третьем этапах большинство опрошенных выбирали вариант, указывающий на преобладание управленческих компетенций.

Третья гипотеза также подтвердилась. Возрастание потребности государственных служащих на доступ к управленческим функциям сопровождается разочарованием в содержании своего труда. Именно это разочарование становится основным демотиватором и снижает эффективность работы органов исполнительной власти.

Итак, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что в ходе административного реформирования представления о содержании труда государственных служащих претерпели изменения. В действующем законодательстве закреплено традиционное представление о государственных служащих как профессиональной группе, осуществляющей администрирование. Однако реформа, проводившаяся в соответствии с принципами нового государственного менеджмента, изменила ожидания как государственных служащих, так и общества, теперь они рассматриваются как полноценные субъекты государственного управления, что влечет возрастание не только полномочий, но и ответственности.

Библиографический список

1. Шамахов В. А. 2011. Профессионализм и компетентность государственных служащих — основные принципы российской государственной службы. Государственная служба // Вестник Координационного совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. № 2. С. 4–9.
2. Черняк Т. В. 2017. Антикоррупционная компетентность государственных служащих: содержание и способы формирования // Актуальные вопросы разработки и применения современных практик реализации государственной политики в области противодействия коррупции: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. Г. Зырянов. Челябинск. С. 215–224.
3. Дружилов С. А. 2012. Обобщенный (интегральный) подход к обеспечению становления профессионализма человека // Психологические исследования. № 1(21). С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012n1-21/621-druzhilov21.html> (дата обращения: 10.12.2018).

Войтенко С. С., Гадасина Л. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
s.voitenko@spbu.ru, l.gadasina@spbu.ru

ГИБКИЕ УМЕНИЯ (SOFTSKILLS) КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация: Приведены результаты исследования влияние владения гибкими умениями на конкурентоспособность молодых специалистов на современном рынке труда. Результаты подтверждены полевым исследованием в рамках международного проекта.

Ключевые слова: softskills, конкурентоспособность, молодые специалисты, рынок труда.

Voitenko S. S., Gadasina L. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

SOFT SKILLS AS AN ESSENTIAL FACTOR OF INCREASING THE COMPETITIVENESS OF YOUNG PROFESSIONALS IN THE MODERN LABOR MARKET

Abstract: The results of the study of the influence of possession of soft skills on competitiveness of young professionals in the modern labor market are presented. The results are confirmed by field research in the framework of an international project.

Keywords: soft skills, competitiveness, young professionals, the labor market.

Европейский центр по развитию профессионального образования CEDEFOP еще в 2012 г. отметил, что современные организации придают большую, чем в прошлом, ценность гибким умениям, таким, например, как командная работа, межличностное общение, инициатива, креативность, предпринимательство, лидерство, управление, умение демонстрировать презентации, способность учиться самостоятельно. На современном рабочем месте потребность в гибких умениях считается жизненно важной из-за глобализации, виртуальных офисов, цифровых технологий и растущего разнообразия общества (по возрасту, полу, образованию, этнической принадлежности). Это происходит не только в транснациональных и крупных корпорациях, но также в малом и среднем бизнесе. Глобальные корпорации признают решающее значение гибких умений, поскольку они охотятся за талантами во всем мире, но и представители малого и среднего бизнеса требуют владения этими умениями потому, что их успех и конкурентоспособность обусловлены правильным сочетанием жестких и гибких умений работников. Технические компетенции и профессиональная квалификация по-прежнему необходимы, однако преобразование жестких технических знаний в экономическую продукцию требует применения гибких умений, таких как самостоятельное решение проблем, гибкость и адаптивность, эффективная работа в команде.

Гибкие умения, которые человек использует для взаимодействия с социальной и физической средой, оказываются более важными для поддержания высокого уровня трудоустройства. Работодатели ищут сотрудников, которые не просто могут выполнять работу, на которую они претендуют, но тех, кто делает это лучше, чем другие. В определенном смысле гибкие умения представляют собой рабочий стиль человека (способ, которым он выполняет поставленные задачи). Это тот личный стиль, который делает любого человека уникальным, несмотря на то что он обладает такими же знаниями и квалификацией (жесткими умениями), как другие [1]. Поэтому гибкие умения также иногда называют умениями трудоустройства (или основными/ключевыми умениями). Работодатели хотят быть уверены в том, что специалисты, «подающие

заявки на работу могут применить свои знания и умения, чтобы решать проблемы, проявлять инициативу и общаться с членами команды, а не просто следовать предписанным процедурам. Эти умения не приобретаются из учебника, но могут быть приобретены с помощью качественного образования. Однако работодатели часто указывают на то, что именно этих умений и не хватает новобранцам рынка труда» [2]. В этом плане не имеющие полезных связей и наиболее востребованных работодателями гибких умений выпускники, впервые выходящие на рынок труда, относятся к наиболее уязвимым группам лиц при поиске работы (наряду с женщинами, пожилыми людьми и мигрантами).

Однако в последние 2–3 года, когда вузы и колледжи обратили внимание на развитие гибких умений, молодые выпускники стали получать за счет этого преимущества у работодателей. Свидетельство наметившейся положительной тенденции можно найти в отчетах американской некоммерческой Национальной ассоциации колледжей и работодателей (National Association of Colleges and Employers, NACE), в которую входят и небольшие фирмы, и такие гиганты, как Chevron и IBM. В исследованиях индивидуальных намерений работодателей при приеме на работу, по результатам опроса более двухсот организаций NACE Job Outlook 2017, более половины респондентов планировали сохранить свои показатели приема на работу выпускников и чуть более трети планировали увеличить их количество. В отчете NACE Job Outlook 2018 доля организаций-респондентов, планирующих увеличить количество своих сотрудников за счет выпускников, увеличилась до 43,7 %, и только менее 10 % процентов планируют сократить количество своих сотрудников. Потребность в выпускниках упоминалась в организациях, которые запускают ротационные программы, а также в организациях, которые выразили удовлетворенность предыдущим приемом на работу выпускников и поэтому стремятся привлечь их больше. Один респондент особо отметил, что у новых выпускников колледжа «новые и полные энергии перспективы» и они обладают набором умений, который «сильно отличается от умений людей с длительным пребыванием в должности» [3].

В опросе NACE Job Outlook 2018 работодателям было предложено назвать и ранжировать профессиональные умения, требующиеся для готовности к карьере в их организации. После чего для восьми первых основных профессиональных умений работодатели по 5-балльной шкале оценили свою потребность в этих умениях и реальную квалификацию новых сотрудников — выпускников вузов в рамках этих восьми умений. Оказалось, что семь из восьми востребованных профессиональных умений, кроме *цифровых технологий*, — это гибкие умения. Неудивительно, что именно в отношении сверхактуальных в цифровую эпоху *цифровых технологий* ожидания работодателей и квалификация выпускников полностью совпадают. Почти совпадают они и в оценке последней в списке *ровности в отношении к разным культурам*. Для первых трех умений в списке — *критического мышления и решения проблем, командной работы и сотрудничества, профессионализма и рабочей этики*, — оценки квалификации выпускников примерно на 20 % ниже требований работодателей и на 10 % ниже для *лидерства и управления карьерой*. В целом эти данные подтверждают удовлетворенность работодателей уровнем квалификации современных выпускников в США.

На рынке труда жесткие умения считаются необходимой предпосылкой для проведения собеседования, но, для того чтобы получить и затем сохранить работу, претендентам нужны гибкие умения. Работодатели предпочитают нанимать работников, которые будут хорошо «вписываться» в рабочие места на их предприятиях. Поэтому, когда претендент проходит собеседование, работодатель, как правило, уже проверил его технические умения через его заявку, резюме или конкретный тест. Большая часть процесса собеседования заключается в определении того, насколько хорошо он подходит для нужд организации, а это значит, что основное внимание будет уделяться его гибким умениям.

Особенно явно это проявляется при устройстве на работу в глобальных проектах, международных и иностранных компаниях, поскольку гибкие умения имеют тенденцию к культурной специфике. Претенденты, как правило, подчеркивают свои жесткие умения и продолжают развивать свои профессиональные умения (иммигранты часто даже заново получают местные степени и квалификацию), недооценивая, каким большим барьером может быть в их поисках работы недостаток мягких умений.

Работодатели используют разнообразные методы набора персонала для оценки гибких умений заявителей: от интервью до испытательных периодов, и как правило, имеют внутреннюю систему найма, которая включает в себя сочетание умений, квалификаций, опыта работы и личных качеств, составленную с учетом профессиональных компетенций и требований к работе.

Результаты исследования [4] показывают, что ключевые вопросы (в основном неявные), которые задают работодатели во время процесса найма, можно разделить на следующие три группы.

Первую группу вопросов задают для определения гибких умений кандидата. Ответы на них представляют наивысший интерес для компании: «Что вы за человек? (Расскажите о себе). Какой у вас стиль работы? Какие проблемы вы могли бы решить в нашей компании?» Вторая группа вопросов связана с выявлением жестких умений кандидата. Ответы достаточно важны для компании: «Что конкретно вы можете сделать? Какой опыт работы вы имеете? Где вы работали раньше?» Третья группа связана с определением уровня знаний и образования. Ответы наименее интересны для компании: «Что вы знаете? Какие исследования вы выполнили? Какое образование вы получили?»

Практический опыт показывает, что рекрутеры малого и среднего бизнеса (которые обычно являются предпринимателями или топ-менеджерами) в большей степени заинтересованы в вышеупомянутой первой группе вопросов, связанных с гибкими умениями. То есть гибкие умения — это реальное поле, где кандидаты действительно конкурируют за приобретение позиции. Работодатели знают, что отсутствие у сотрудников базовых гибких умений может повредить общему успеху организации. Более того, в отличие от жестких технических умений, которые часто могут быть приобретены на рабочем месте, сотрудники должны войти в организацию, уже имеющую свое сложившееся сочетание требуемых гибких умений. Кандидат с сильными жесткими умениями, но слабыми гибкими может считаться недостаточно способным быстро освоить необходимые организации профессиональные умения. Напротив, в последнее время при отборе персонала обычно предполагается, что кандидат с хорошим набором гибких умений и умственных способностей обладает достаточным потенциалом для приобретения технических умений, которых ему в данный момент не хватает.

Таким образом, именно гибкие умения на практике могут определять различия между претендентами на вакантные рабочие места. К сожалению, во время собеседования кандидаты, как правило, прилагают много усилий, чтобы рассказать о своем образовании и знаниях, что представляется наименее интересным аспектом для компаний, особенно в малом и среднем бизнесе.

Еще один важный аспект состоит в том, что рекрутинг в малом и среднем бизнесе в большей степени основан на неофициальных каналах и личных связях. Большинство компаний с менее чем 50 рабочими местами обычно используют конфиденциальную устную информацию (сарафанное радио): их основной способ отбора персонала опирается на неофициальные и профессиональные сети, т. е. на так называемые слабые связи (*weakties*). Поэтому люди, которые умеют создавать обширные социальные сети, имеют больше шансов получить приглашение на собеседование — иначе говоря, социальные сети могут играть жизненно важную роль в обеспечении занятости. Очевидно, что такого рода социальные способности подразумевают наличие высокого уровня гибких умений.

Анализ требований к сотрудникам российских работодателей, проведенный на основе мониторинга объявлений о вакансиях в области «Информационные технологии, интернет, телеком» на сайте hh.ru за ноябрь 2018 года, показал, какие из гибких умений наиболее востребованы работодателями. Например, в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге доли объявлений к общему количеству в области «Информационные технологии, интернет, телеком», содержащие требования по определенным умениям составляют:

- Москва: ответственность — 24,0 %; коммуникабельность — 11,3 %; умение работать в команде — 6,6 %; внимательность — 6,0 %; стрессоустойчивость — 6,0 %; обучаемость — 3,8 %; аналитический склад ума — 4,3 %; креативность — 3,5 %; грамотная письменная и устная речь — 3,1 %; самоорганизованность — 0,5 %; управление временем — 0,5 %; критическое мышление — 0,1 %; упорство — 0,2 %; эмоциональный интеллект — 0,1 %.

- Санкт-Петербург: ответственность — 26,8 %; коммуникабельность — 12,2 %; внимательность — 6,4 %; умение работать в команде — 5,6 %; стрессоустойчивость — 4,5 %; обучаемость — 3,9 %; аналитический склад ума — 3,5 %; креативность — 2,6 %; грамотная письменная и устная речь — 2,1 %; самоорганизованность — 0,6 %; управление временем — 0,5 %; критическое мышление — 0,1 %; эмоциональный интеллект — 0,05 %; упорство — 0,05 %.
- Екатеринбург: ответственность — 25,7 %; коммуникабельность — 15,8 %; стрессоустойчивость — 9,2 %; умение работать в команде — 6,1 %; внимательность — 5,6 %; обучаемость — 3,3 %; аналитический склад ума — 3,1 %; креативность — 2,3 %; грамотная письменная и устная речь — 2,1 %; самоорганизованность — 1,0 %; управление временем — 0,3 %; упорство — 0,3 %.

Наиболее востребованными оказались ответственность и коммуникативные умения. Также следует отметить, что с недавнего времени в объявлениях стали появляться такие новомодные гибкие умения как эмоциональный интеллект (16 объявлений в Москве, 4 — в Санкт-Петербурге и 1 — в Екатеринбурге за ноябрь 2018 г.).

Приведенные результаты показывают, что доля объявлений к общему количеству в заданной области для разных городов мало отличается и что доля объявлений, где в явном виде указаны те или иные гибкие умения, не превышает 30 %. Это, по-видимому, связано с тем, что первоначальными требованиями для российских работодателей остаются жесткие технические умения и именно они присутствуют в объявлениях, в то время как гибкие умения больше проверяются у соискателей уже на собеседованиях.

Изложенные тенденции повышения ценности гибких умений при трудоустройстве молодых специалистов на рынке труда подтверждается результатами полевых исследований на базе обучения кросс-культурной группы PhD-докторантов в области программной инженерии в рамках международного проекта «Joint Programs and Framework for Doctoral Education in Software Engineering, 2015–2018». Результаты исследований опубликованы в сборниках материалов российских и международных конференций, например в работе [5].

Библиографический список

1. Costin G. 2002. Legitimate Subjective Observation and the Evaluation of Soft Skills in the Workplace, a Concurrent Session Briefing Paper, Albury Convention, Centre and Performing Arts Centre.
2. UNESCO 2012, Youth and skills: putting education to work, EFA (Education for All), Global Monitoring Report 2012. Paris. P.30.
3. NACE Job Outlook Survey 2018. Career Services, Wayne State University.
4. Dall'mico E., Verona S. 2015. Cross-country survey on Soft Skills mostly required by companies to medium/high skilled migrants. Torino.
5. Voitenko S. S., Gadasina L. V., Sorensen L. T. 2018. The Need for Soft Skills for Ph.D. in Software Engineering. Proc. Workshop on PhD Software Engineering Education (SWEPHD2018). St. Petersburg, CEUR Workshop Procs. Vol. 2256.

Гретченко А. И.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., 36
gai51@list.ru

Гретченко А. А.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., 36
vaz21063@list.ru

РАЗВИТИЕ ТРУДОВОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ С УЧЕТОМ ТЕНДЕНЦИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ*

Аннотация: В данной статье рассмотрен круг задач, решение которых направлено на развитие высокотехнологичных предприятий и их конкурентоспособности в современных условиях с использованием комплексного подхода, заключающегося в максимально эффективном развитии и использовании трудового и технологического потенциала с учетом цифровой сферы. Разработка и внедрение комплексного инструментария управления конкурентоспособностью нового образца с учетом особенностей высокотехнологичного производства, построение бизнес-процессов направленных на максимально эффективное использование трудового потенциала предприятия с использованием цифровых технологий, позволит найти и задействовать точки роста конкурентоспособности высокотехнологичных предприятий с наибольшей отдачей и оптимизацией ресурсов. В заключительной части статьи приведены наиболее важные научные и практические результаты, которые могут быть получены в результате авторских предложений.

Ключевые слова: цифровая экономика, высокотехнологичное предприятие, трудовой и технологический потенциал, конкурентоспособность предприятия, цифровые технологии, информационное пространство.

Gretchenko A. I.

Financial University under the Government of the Russian Federation;
Plekhanov Russian University of Economics,
36, Stremyanniy lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Gretchenko A. A.

Plekhanov Russian University of Economics,
36, Stremyanniy lane, Moscow, 117997, Russian Federation

DEVELOPMENT OF LABOR AND TECHNOLOGICAL POTENTIAL OF A HIGH-TECH ENTERPRISE TAKING INTO ACCOUNT THE TRENDS OF FORMING A DIGITAL ECONOMY

Abstract: This article discusses a range of tasks, the solution of which is aimed at the development of high-tech enterprises and their competitiveness in modern conditions using an integrated approach, consisting in the most efficient development and use of labor and technological potential, taking into account the digital sphere. Development and implementation of integrated tools for managing the competitiveness of the new model, taking into account the features of high-tech production, building business processes aimed at the most efficient use of the labor potential of an enterprise using digital technologies, will allow to find and use the points of growth of competitiveness of high-tech enterprises with the greatest return and optimization of resources. The final part of the article presents the most important scientific and practical results that can be obtained as a result of the author's proposals.

Keywords: digital economy, high-tech enterprise, labor and technological potential, enterprise competitiveness, digital technologies, information space.

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 8-010-00534 «Разработка методологии, алгоритма и методики прогнозирования потребностей цифровой экономики России в квалифицированных кадрах в профессионально-квалификационном разрезе».

Многообразие и разобщенность подходов к вопросам разработки управленческого инструментария на предприятии, обеспечивающего формирование и развитие конкурентоспособности, приводят к тому, что в настоящее время отсутствует комплексный учет факторов высокотехнологичной производственной и профессиональной деятельности компании в условиях вызовов развития современной цифровой экономики. Более того, в связи с возрастающей ролью высокотехнологичного производства, повышения требований к персоналу, роста значимости цифровой составляющей требуется разработка комплексного инструментария управления, который сможет обеспечить реализацию процесса повышения конкурентоспособности нового образца. Внедрение и апробация такого инструментария с учетом особенностей именно высокотехнологичного производства, построения бизнес-процессов, направленных на максимально эффективное использование трудового потенциала предприятия с использованием цифровых технологий, позволит найти и задействовать точки роста конкурентоспособности с наибольшей отдачей и оптимизацией ресурсов.

Следует отметить, что изменения, происходящие в политической и экономической жизни России, обуславливают возрастание роли высокотехнологичного сектора промышленности в развитии экономики и осуществлении комплексной организационно-технической модернизации отраслей и отдельных предприятий. Данные изменения требуют роста и наиболее полного использования трудового потенциала, создания и использования технологических ресурсов. Важным является также учет особенностей и взаимосвязей, возникающих при возрастании роли цифровой составляющей, которая позволяет сделать управление предприятием удобным, эффективным и получить конкурентное преимущество. Для этого необходимо комплексно подходить к решению вопросов связанных с повышением конкурентоспособности, учитывать взаимовлияние сложности и постоянного развития высокотехнологичных производств и рост требований к персоналу. Использование же цифровых технологий, позволит повысить эффективность управления, обеспечить наиболее оптимальное использование ресурсов, что является чрезвычайно актуальным в современных социально-экономических условиях. Таким образом, необходимо создание, развитие и адаптация соответствующих методов, моделей и инструментов принятия и поддержки управленческих решений.

Изучение вопросов развития конкурентоспособности высокотехнологичных предприятий с учетом развития трудового и технологического потенциала и тенденций развития цифровой экономики широко представлено в зарубежной и отечественной научной литературе [1]. Рассматривая значительную научно-исследовательскую работу, проделанную зарубежными и российскими учеными в области теоретического и практического исследования различных проблем для роста конкурентоспособности предприятия, необходимо отметить, что тем не менее не обнаружено фундаментального, целостного анализа влияния факторов комплексного взаимодействия трудового и технологического потенциала на развитие конкурентоспособности высокотехнологичного предприятия.

Несмотря на многообразие подходов к выявлению содержательных особенностей повышения конкурентоспособности высокотехнологичного предприятия, ряд вопросов управления изучены недостаточно. Это касается прежде всего направлений, связанных с комплексным подходом, т. е. учетом одновременно трудового и технологического потенциала, определения показателей их оценки, влияния развивающейся цифровой экономики. В связи с этим возникает необходимость системного анализа процесса функционирования бизнес-процессов высокотехнологичного предприятия, следует выделить особенности использования трудовых и технологических ресурсов для повышения конкурентоспособности, учесть цифровую составляющую, разработать показатели оценки и предложить комплексный инструментарий для управления предприятием [2].

Авторами данной статьи в целях разработки комплексного инструментария, являющегося основой для принятия управленческих решений, способствующих повышению конкурентоспособности высокотехнологичного предприятия посредством развития трудового и технологического потенциала с учетом тенденций формирования цифровой экономики, предлагается решение следующих задач:

- определить и систематизировать факторы развития высокотехнологичных производств в современных условиях;
- разработать модель управляющих воздействий на ключевые факторы для повышения конкурентоспособности;
- разработать и апробировать показатели оценки трудового и технологического потенциала предприятия;
- выстроить схему структурно-взаимосвязанных бизнес-процессов для управления высокотехнологичным предприятием с учетом влияния цифровой экономики;
- разработать алгоритм внедрения управленческого инструментария на предприятии.

Научная идея и новизна поставленных задач состоит в том, что для развития высокотехнологичных предприятий и их конкурентоспособности в современных условиях необходим комплексный подход, который заключается в максимально эффективном развитии и использовании трудового и технологического потенциала с учетом цифровой сферы. Вместе с тем зачастую решения носят разобщенный характер, из-за чего теряются преимущества и слабеет отдача. Поэтому следует:

- обосновать необходимость комплексного подхода к созданию управленческого инструментария на основе совместного использования трудового и технологического потенциала высокотехнологичного предприятия;
- сформировать систему показателей оценки трудового и технологического потенциала предприятия, позволяющую учитывать состояние и эффективность использования ресурсов и принимаемых решений;
- создать схему бизнес-процессов высокотехнологичного предприятия с учетом цифровой составляющей для принятия управленческих решений;
- сформировать алгоритм внедрения разработанного управленческого инструментария на предприятии.

Необходимо также отметить, что все предложенные аспекты носят практический характер и направлены на комплексное решение вышеуказанных вопросов и достижение конкретного измеряемого эффекта.

Какие подходы и методы необходимо использовать для решения поставленных выше задач? На наш взгляд, следует использовать результаты исследований, которые посвящены раскрытию сущности и вопросов содержания, становления и развития высокотехнологичных предприятий — основного составляющего процесса повышения конкурентоспособности, а также исследования по вопросам развития принципов и методов взаимовлияний между трудовым и технологическим потенциалом. Особое внимание необходимо обратить на исследования и разработки, рассматривающие особенности цифровой экономики, ее становление, принципы развития и применение рассмотренных методов к исследуемой сфере деятельности предприятия [3].

Изучая вопросы управления высокотехнологичным предприятием и повышением конкурентоспособности, следует обратить внимание на различные методики оценки трудового и технологического потенциала, так как именно от качественного выбора имеющихся показателей, а также от разработки новых, с учетом выявленных особенностей, зависит определение количественных и качественных характеристик реализуемых мероприятий, их эффективности, степени реализации, выполнение планов и формирование стратегических и тактических целей по развитию предприятия.

Можно также дополнить перечисленные выше методы и подходы следующими, для более эффективного решения поставленных задач, в том числе применительно к предприятию: экономическая диагностика и мониторинг, анализ макро- и микроэкономической динамики, ситуационный, структурный и динамический анализ, концептуальное и экономико-математическое моделирование, сравнительный анализ, прогнозирование, схематическая интерпретация, табличная и графическая интерпретация эмпирической информации. Все это, в совокупности с рассмотрением исследований в области теории управления и практической направленности

использования и становления бизнес-процессов на предприятии, поможет сформировать инструментарий для обеспечения процесса повышения конкурентоспособности высокотехнологического предприятия, реализованный посредством структурирования бизнес-процессов на основе анализа трудового и технологического потенциала с учетом особенностей цифровой экономики [4].

Таким образом, комплексное использование вышеуказанных методов, объединенных общей методологией и алгоритмом исследования, обеспечит научную достоверность и надежность его результатов. Информационно-эмпирическая база исследования формируется на основе официальных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и ее региональных органов, статистических сборников, ежегодников, материалов монографических исследований отечественных и зарубежных ученых, интернет-ресурсов и собственных исследований авторов статьи.

В заключительной части статьи приведем, на наш взгляд, наиболее важные научные и практические результаты, которые могут быть получены в результате авторских предложений. К ожидаемым результатам можно отнести:

1. Выявление проблем и факторов развития высокотехнологичных производств в современных условиях.
2. Формирование модели управления конкурентоспособностью современного технологического предприятия.
3. Сравнительный анализ существующих методик оценки развития трудового и технологического потенциала.
4. Формирование комплекса показателей оценки развития трудового и технологического потенциала.
5. Анализ и выявление точек влияния цифровой составляющей на развитие конкурентоспособности высокотехнологичного предприятия.
6. Формирование схемы и описание структурно взаимосвязанных бизнес-процессов на высокотехнологичном предприятии с учетом тенденций развития цифровой экономики.
7. Разработка алгоритма внедрения управленческого инструментария на предприятии.
8. Разработка анкеты и обследование предприятия для оценки практической применимости управленческого инструментария.

Значимость ожидаемых результатов заключается, прежде всего, в практической направленности и возможной адаптации на предприятии, а также учете при разработке современных тенденций развития цифровой экономики в Российской Федерации. Научная значимость определяется новизной созданного управленческого инструментария для решения вопросов повышения конкурентоспособности высокотехнологичного предприятия за счет комплексного подхода. Важным является то, что созданный инструментарий будет иметь конкретные практические рекомендации и четкий алгоритм внедрения с учетом требований конкретного предприятия [5].

Библиографический список

1. Варфоломеев В. П. 2009. Управление высокотехнологичным производством. М.: Экономика. 366 с.
2. Гретченко А. И., Гретченко А. А., Горохова И. В. 2018. Формирование цифровой экономики в России // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. № 3 (99). С. 3–11.
3. Гретченко А. А., Бобровская К. А. 2017. Прогнозирование потребности цифровой экономики в квалифицированных кадрах // Наука и практика. № 4(28). С. 133–137.
4. Гретченко А. И., Горохова И. В., Марцелова Т. А. 2018. Цифровая экономика: вызовы и перспективы для развития Российской Федерации // Вестник НГУЭУ. № 2. С. 10–19.
5. Никулин Л. Ф., Гретченко А. И. 2018. Менеджмент: что делать? монография. М.: РУСАЙНС. 270 с.

Евсеев Е. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.evseev@spbu.ru

ДОВЕРИЕ И РИСКИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: В работе рассматривается доверие как фактор развития цифровой экономики. Недостаточный уровень доверия мешает развитию цифровой экономики, распространению новых цифровых технологий. Рассмотрены основные типы рисков, связанных с развитием цифровых технологий. Показано, что повышение уровня доверия возможно только в результате совместных усилий всех заинтересованных сторон: бизнеса, государства, граждан.

Ключевые слова: доверие, риск, цифровая экономика.

Evseev E. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

TRUST AND RISKS IN DIGITAL ECONOMY

Abstract: The paper considers trust as a factor in the development of the digital economy. The lack of trust hinders the development of the digital economy, the spread of new digital technologies. The main types of risks associated with the development of digital technologies are considered. It is shown that the increase in the level of trust is possible only as a result of the joint efforts of all stakeholders: business, government, individuals.

Keywords: trust, risk, digital economy.

Одним из ключевых факторов успешного развития экономики является наличия достаточно высокого уровня доверия. На этот факт указывают как многочисленные теоретические исследования, так и ряд эмпирических исследований, в которых отмечается статистически значимая связь между уровнем доверия и экономическим ростом. В настоящее время существуют различные подходы к понятию доверия: его рассматривают как фактор экономики, экономическую категорию, экономический институт, социальную норму и даже как часть систем организационного управления. Однако в любом случае отмечается влияние доверия на снижение транзакционных издержек экономического взаимодействия, упрощение процедур согласования интересов, уменьшение различного рода финансовых рисков. Можно сказать, что в целом доверие позитивно влияет на эффективность социально-экономических отношений.

В феномене доверия прежде всего выделяют нерациональную (психологическую, культурную) составляющую: так, П. Штомпка в рамках социокультурного подхода выделяет три измерения доверия: доверие как характеристика отношений, личностная характеристика и как атрибут культуры [1]. В рамках логико-рационального (экономического) подхода доверие основывается на оценках ожидаемых выгод от действий партнеров [2]. Но, так или иначе, обе эти стороны доверия тесно связаны с наличием рисков в деятельности субъектов экономических отношений. Доверие особенно важно в ситуациях, в которых существенны риски, возникающие в связи с неопределенностью, недостатком информации, сложной взаимозависимостью сторон экономических взаимодействий. Распространение новых цифровых технологий, особенно связанных с обработкой больших данных, формирование цифровой среды экономических взаимодействий в ходе четвертой промышленной революции не только существенно изменяют взаимоотношения во всех сферах жизни общества, делая их более эффективными, но и приносят новые риски, зачастую препятствующие внедрению инноваций. Возрастающая интеграция процессов производства и потребления в цифровой экономике делает эти риски глобальными, не зависящими от географических и государственных границ, имеющими отношение как к частному, так и государственному секторам. Для достижения успеха как бизнес,

так и его клиенты, акционеры, регулирующие и государственные органы и т. д. должны доверять не только собственно технологиям, но и их использованию своими партнерами. Не будет преувеличением сказать, что с развитием и усложнением цифровых технологий потребность в доверии только возрастает.

Понятие доверия в цифровой экономике неразрывно связано с понятиями риска и безопасности. Безопасность включает в себя создание безопасной информационной инфраструктуры, обеспечивающей приватность, безопасность персональных данных, надежность приложений и облачных сервисов, защиту от киберпреступлений, обеспечение прав. Среди основных направлений использования новых цифровых технологий в бизнесе можно выделить такие, как: использование социальных сетей в построении отношений компаний со своими клиентами, партнерами; переход на мобильные технологии, приложения и т. п.; менеджмент данных: управление на основе аналитики больших данных, систем искусственного интеллекта, информационная персонализация работы с клиентами, партнерами; облачные технологии приложений. Таким образом, эти направления и формируют основные риски в цифровой экономике.

Риски, связанные с использованием новых цифровых технологий, во многом сводятся к проблемам обеспечения безопасности и защите данных. Несмотря на перспективность новых информационных технологий в электронной коммерции, многие люди и компании в своей деятельности используют ставшими уже классическими технологии электронной почты и веб-сайтов. Сложность современных информационных технологий зачастую воспринимается как новый фактор риска. Так, по данным ОЭСР, только 57 % пользователей Интернета совершали покупки и 22 % совершали продажи онлайн [3]. Только 40 % компаний использовали цифровые технологии для закупок и около 20 % для продаж онлайн, в то время как более 90 % компаний имеют выход в Интернет и более 80 % имеют свой веб-сайт. Исследования показывают, что осознание цифровых рисков во многом сдерживает распространение новых цифровых технологий во всех сферах как экономики, так и государственного управления, причем доля респондентов, озабоченных подобными рисками растет. Одним из основных факторов такого неприятия новых технологий, наряду с образованием и профессиональными навыками, является недостаточный уровень доверия. Как индивидуальные пользователи, так и компании все чаще пересматривают свои стратегии использования цифровых технологий с точки зрения безопасности и защиты данных; так, в 2015 г. почти половина активных пользователей, по данным ОЭСР [3], отказались от определенных видов сетевой активности в экономической сфере из-за соображений недостаточной безопасности: 62 % заявили о том, что не доверяют провайдерам интернет-сервисов, а 62 % — онлайн-бизнесу.

Рост электронной коммерции сдерживается также недостаточной уверенностью индивидуальных потребителей в качестве предлагаемых товаров, достоверности предоставляемой информации, уровнем защиты своих прав, особенно при покупках за пределами своих государств. Опасения, связанные с безопасностью цифровых технологий, во многом останавливают компании от использования потенциально перспективных технологий: более 50 % компаний из Финляндии, Франции и Люксембурга не использовали все возможности мобильных технологий, хотя и осознавали их эффективность, почти 30 % всех европейских компаний не используют облачные технологии опасаясь проблем с безопасностью [3]. Потеря контроля над своими данными воспринимается компаниями как основной риск, связанный с использованием современных цифровых технологий.

Основания такого недоверия к цифровым технологиям связаны прежде всего с ожиданиями потерь в результате преступной деятельности в цифровой сфере, хотя исследования за последнее десятилетие показывают, что более половины респондентов (как индивидуальных пользователей, так и компаний) не сталкивались с проблемами безопасности своих данных. Проблемы, связанные с безопасностью доступа к данным, например кража данных или несанкционированный доступ к данным, более характерны для крупного бизнеса. В то же время для индивидуальных пользователей более характерны опасения, связанные с кражами паролей, сбором и обработкой персональных данных, в особенности технологиями BigData.

Таким образом, недоверие агентов в цифровой сфере основывается на осознании ими взаимосвязанных рисков различной природы. Повышение уровня доверия должно носить

комплексный характер и основываться на усилиях всех заинтересованных сторон: от индивидуальных пользователей и провайдеров, обеспечивающих доступ в Интернет, до компаний, осуществляющих сбор и анализ информации на основе технологий BigData. Это означает, что недостаточно, чтобы индивидуальный пользователь доверял конкретной компании, продающей ему товар в Интернете, необходимо, чтобы он доверял и провайдеру, предоставляющему доступ в Интернет, многочисленным маршрутизирующим узлам, поисковым системам, компаниям, собирающим и обрабатывающим информацию в Интернете и т.д. — в общем всем, кто так или иначе имеет доступ к данным о его поведении в сети. Таким образом, действительно можно говорить о том, что мы имеем дело с институтом цифрового доверия: совокупностью норм, одобряемых практик и правил поведения всех сторон цифровых взаимодействий.

Таким образом, доверие не возникает само по себе, его нужно поддерживать и развивать всем заинтересованным сторонам. Как показывают исследования, информированность индивидуальных пользователей о цифровых рисках только повышает безопасность их поведения в Интернете, вследствие чего они расширяют спектр используемых цифровых технологий. Компании, для того чтобы повысить доверие к своим продуктам и услугам, все более широко применяют современные механизмы шифрования и защищенные протоколы (например, SSL/TLS), в продуктах Google и Apple все более широко используется шифрование, установленное по умолчанию. Важным элементом усилий компаний по повышению доверия к их продуктам является создание инфраструктуры, в том числе и с помощью социальных сетей, обеспечения потребителей достоверной информацией (тесты, обзоры и т.п.) о деятельности компании, ее продуктах и услугах. Основной тенденцией последнего времени является широкое распространение в компаниях самого различного уровня систем управления, основанных на оценках и менеджменте цифровых рисков, что требует большого количества специалистов в этой области.

Государство играет особую роль в формировании института доверия в цифровой экономике: выработка и реализация стратегий развития цифровой экономики и цифровой безопасности прежде всего формирует необходимую правовую основу формирования системы доверия. Предусмотренные в этих стратегиях меры по развитию системы цифровых компетенций позволят создать необходимый трудовой потенциал, насытить рынок квалифицированными специалистами, что, по мнению многих исследователей, положительно сказывается на уровне доверия в сфере цифровой экономики. В настоящее время во многих странах уже созданы центры кибербезопасности, помогающие государственным органам, бизнесу и образовательным учреждениям совместно формировать новое поколение специалистов, исследователей, руководителей в сфере цифровой экономики. Особое внимание в системе мер обеспечения цифровой безопасности следует уделять малому бизнесу и стартапам, так как они играют важную роль в экономике, но очень уязвимы не только из-за финансовых потерь вследствие инцидентов с цифровой безопасностью, но и из-за потерь доверия со стороны партнеров и клиентов: по данным ОЭСР, обеспечение цифровой безопасности малому бизнесу является приоритетной задачей для 82 % стран [3].

В настоящее время спектр государственных мероприятий по стимулированию использования систем менеджмента цифровых рисков очень широк и включает в себя как информационную и техническую поддержку, так меры ограничительно характера: в некоторых странах (например, в Великобритании) от компаний, сотрудничающих с правительством, требуется получение специального сертификата по кибербезопасности для работы с персональными данными. В целом внедрение систем сертификации и связанных с ней как штрафных, так и поощрительных налоговых санкций являются популярными мерами в самых различных странах. Приоритетными направлениями в государственной политике обеспечения цифровой безопасности являются: системное обеспечение безопасности персональных данных, используемых государственными органами, защита данных при трансграничном использовании, контроль рисков, связанных с распространением новых цифровых технологий, связанных с BigData, системами искусственного интеллекта, интернетом вещей.

Уровень доверия к информационным технологиям цифровой экономики в России не слишком велик. В 2017 г. Россия занимала 10-е место по глобальному индексу кибербезопасности среди 165 стран, однако показатели «Доверие и безопасность» методики Всемирного банка по

таким факторам, как обеспечение информационной безопасности при использовании цифровых технологий, реагирование на чрезвычайные ситуации в области информационной безопасности, наличие механизмов предотвращения чрезвычайных происшествий и координации вопросов обеспечения информационной безопасности, находятся на весьма невысоком уровне. Основы национальной политики в сфере информационной безопасности достаточно полно определены в Доктрине информационной безопасности, утвержденной указом Президента РФ [4], в программе «Цифровая экономика РФ» также содержатся мероприятия по обеспечению информационной безопасности [5], однако пока еще недостаточно внимания уделяется повышению доверия к цифровым технологиям со стороны индивидуальных пользователей, созданию практических инструментов, обеспечивающих безопасное информационное взаимодействие граждан в условиях цифровой экономики.

Таким образом, развитие доверия в сфере цифровых информационных коммуникаций, цифровой экономики является сложным комплексным процессом, в котором должны участвовать все стороны: бизнес, государство, граждане. Только в этом случае возможно полноценное развитие цифровой экономики в России.

Библиографический список

1. Штомпка П. 2012. Доверие — основа общества. М.: Логос. 440 с.
2. Коулман Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 122–139.
3. OECD (2017), *OECD Digital Economy Outlook 2017*, OECD Publishing, Paris. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en>
4. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».
5. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

Олехнович Г. И.

Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, 220070, Минск, Партизанский проспект, 26
galina_f25@mail.ru

Елацков С. Ю.

Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, 220070, Минск, Партизанский проспект, 26
elatskov.s@yandex.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с внедрением в сельское хозяйство и земледелие цифровых технологий, открывающих новый этап в развитии аграрной сферы, на примере развитых стран, а также стран с транзитивной экономикой, включая Россию и Беларусь.

Ключевые слова: продовольственная безопасность страны, цифровая экономика, цифровое сельское хозяйство, цифровое земледелие, цифровое животноводство; цифровизация производственных процессов; система «Интернет вещей»; сегмент AgTech, «умное сельское хозяйство».

Olekhnovich G. I.

Belarus State Economic University,
26, Partizanski av., Minsk, 220070, Republic of Belarus

Elatskov S. Y.

Belarus State Economic University,
26, Partizanski av., Minsk, 220070, Republic of Belarus

DIGITAL TECHNOLOGIES IN AGRICULTURE: STATE AND PROSPECTS

Abstract: the article deals with issues related to the introduction of agriculture and agriculture in particular digital technologies, opening a new stage in the development of the agricultural sector. on the example of developed countries, as well as countries with a transit economy, including Russia and Belarus.

Keywords: food security of the country, digital economy, digital agriculture, digital agriculture, digital animal husbandry; digitalization of production processes; system "Internet of things"; segment AgTech, "smart agriculture".

В современном обществе, население которого растет с угрожающей быстротой (более 7 млрд чел.), важнейшей проблемой любого государства становится продовольственная безопасность страны, т.е. способность прокормить свое население, невзирая на любые климатические и прочие катаклизмы. Один из выходов — поднять урожайность земледелия путем так называемой цифровизации, т.е. новой стадии развития сельскохозяйственного производства на основе «сквозного» применения современных информационных технологий, начиная от «Интернета вещей» и заканчивая технологиями электронного управления.

Процесс цифровизации сельского хозяйства, захлестнувший практически все развитые страны мира, радикально меняет эту издавна традиционную сферу. В высокоразвитых странах сельское хозяйство стало высокотехнологичной отраслью экономики, в которой благодаря повсеместному использованию аналитических и информационных систем стало возможным детальное измерение и расчеты всех процессов на базе использования высоких технологий.

Внедрение системы «Интернета вещей» («Internet of Things», или «IoT»), т.е. умных устройств, передающих и обрабатывающих текущие параметры каждого объекта, снимает главную боль у агрономов прежде всего относительно состояния почв. Датчики в земле фиксируют показатели: достаточно ли влаги, не нуждаются ли растения в питании и т.п. Дроны (т.е. беспилотный летательный аппарат) ведут запись с неба и передают их на землю инженерам, фермерам, агрономам, консультантам. Все эти виды мобильных или онлайн-приложений при

загрузке данных о поле (координаты, площадь, тип культур, прошлая урожайность) предоставляют точные рекомендации и последовательность действий, при этом непрерывно анализируя всю получаемую информацию.

Результаты цифровизации сельского хозяйства как процесса впечатляют. Так, средняя экономия затрат при землепользовании с применением технологий GPS-навигации в развитых странах мира составляет 11–14 %, при дифференцированном внесении удобрений — 8–12 %, а благодаря системам параллельного вождения — 8–13 %. Комплексная цифровизация сельского хозяйства снижает затраты на 23 % [1]. Голландия (Нидерланды), будучи небольшой по размерам страной с очень высокой плотностью населения, и применяя в своем земледелии систему «IoT», стала одним из мировых лидеров по производству продуктов питания. Или возьмем Израиль. Кто мог ранее подумать, что страна полупустынь займет второе место после США по самой востребованной сельхозпродукции? Примеров подобных уже немало.

Рынок Европы является вторым по величине и продолжает демонстрировать прибыльные рыночные возможности. Основными игроками на рынке умного фермерства являются: John Deere (США), Trimble, Inc. (США), Raven Industries (США), AGCO Corporation (США), Ag Leader (США), Autonomous Solutions (США), CNH Industrial (Нидерланды), CLAAS (Германия) и Farmers Edge (Канада).

Внедрение в практику системы «IoT» привело к автоматизации максимального количества сельскохозяйственных процессов за счет создания виртуальной (цифровой) модели всего цикла производства и взаимосвязанной цепочки добавленной стоимости. Более того, появилась возможность с математической точностью планировать график работ, принимать экстренные меры для предотвращения потерь в случае зафиксированной угрозы, просчитывать возможную урожайность, себестоимость производства и прибыль.

Общие данные от различных участников производственной цепочки, собранные в одном месте, позволяют получать информацию нового качества, находить закономерности, создавать добавочную стоимость для всех вовлеченных участников, применять современные научные методы обработки (data science) и на их основе принимать правильные решения, минимизирующие риски, улучшающие бизнес производителей и клиентский опыт [1].

Такая программа помогает определить лучшее время для посадки семян, удобрения, увлажнения или сбора урожая, просчитать время погрузки и доставки груза до покупателя; следить за температурой в зоне хранения и транспортировки, чтобы избежать порчи и доставить свежую продукцию; прогнозировать урожай и доход и получать советы по улучшению обработки растений в сравнении с прошлыми показателями.

Если в 2010 г. в мире насчитывалось не более 20 высокотехнологичных компаний, работающих в сфере сельского хозяйства, и рынок венчурных инвестиций составлял \$400 тыс., то уже к 2016 г. было проинвестировано более 1300 новых технологических стартапов, более 500 высокотехнологичных стартапов создается ежегодно. Инвестиции в сельскохозяйственную отрасль в 2015 г. достигли \$4,6 млрд. Самые активные страны, которые привлекают инвестиции в агро-стартапы — США, Китай, Индия, Канада, Израиль [2].

Сформировался новый инвестиционный сегмент AgTech, т. е. «умное сельское хозяйство». Среди основных аргументов в пользу инвестиционной привлекательности умного сельского хозяйства можно назвать следующие: *Во-первых*, инвестиции в AgTech составляют менее 0,5 % от всего сельского хозяйства (\$7,7 трлн) и менее 3,5 % от всех мировых венчурных инвестиций (\$128,5 млрд), что крайне мало для российского сектора, который составляет 10 % мирового ВВП. Для сравнения, инвестиции в здравоохранение составляют порядка 12 % глобального ВВП и столько же (12 %) от объема венчурных инвестиций, что практически в 3 раза больше, чем инвестиции в AgTech [2].

Во-вторых, даже малая доля от всего объема венчурных инвестиций в AgTech может увеличить урожайность фермы до уровня, не сопоставимого с тем ростом, который был достигнут за всю историю сельского хозяйства с первых дней механизации.

В России разработана и действует государственная программа «Цифровое сельское хозяйство», на основе результатов работы фермерских хозяйств, которые начали использовать цифровые технологии для мониторинга сельскохозяйственных культур, домашнего скота и раз-

личных элементов сельскохозяйственного процесса. Благодаря этой программе в структуре Министерства сельского хозяйства появился аналитический центр, который занимается мониторингом состояния земель сельхозназначения, ведутся переговоры с Роскосмосом и Росгидрометом о создании единой базы снимков из космоса и климатических данных. В крупнейших аграрных вузах с прошлого года открыты кафедры цифровизации сельского хозяйства, где будут готовить квалифицированные кадры для этой области.

По прогнозам экспертов, система «IoT-решения» и цифровизация в сельском хозяйстве принесут суммарный экономический эффект в размере 4,8 трлн рублей в год или 5,6 % прироста ВВП России. При этом объем потребления информационных технологий может вырасти на 22 %, причем за счет цифровизации только одной отрасли — сельского хозяйства [3].

По оценкам аналитиков из Grand View Research, в 2017 г. рынок умного фермерства в России составлял 221,8 млн долл. США (чуть более 1,2 % от мирового рынка). Фонд развития интернет-инициатив (ФРИИ) разработал «Дорожную карту», в которой детально расписан план внедрения инновационных технологий в отечественный агропромышленный сектор до 2019 г. Планируется, что в 2019 году 30 % российских фермерских хозяйств будут активно использовать технологии системы «IoT». Основными игроками на рынке умного фермерства в России являются: компании «Сеть 868», «Стриж Телематика», ЗАО «КБ Панорама», ЗАО «ИЦ ГЕОМИР», ГК «Когнитивные технологии», «Беспилотные технологии», «Геоскан», ZALA AERO, Rightech, АО «Компонента» и ExactFarming [4].

Таким образом, «лед тронулся», преимущества цифровизации сельского хозяйства очевидны. Но не так все просто, как это кажется на первый взгляд. Умные устройства бесспорно открывают новую страницу в развитии сельскохозяйственного производства. Однако отрасли явно не хватает стандартизации, и для подключения одного умного устройства может использоваться одна технология, для другого — другая. Поэтому к внедрению новых цифровых решений нужно подходить комплексно, чтобы не получилось, что были выброшены огромные деньги, а результатом стала только головная боль и никакой оптимизации [1].

Интенсивное внедрение ИТ в сельское хозяйство обещает взрывной рост производительности, инвестиционной привлекательности отрасли, улучшение качества продукции при резком снижении расходов. Тем не менее реальное использование цифровых технологий в агросфере России пока очень скромны — не более чем 5–10 % посевных площадей [3].

В Беларуси процесс цифровизации земледелия развивается очень слабо, хотя сельское хозяйство само по себе в последнее время достаточно успешно — из страны с отрицательным торговым сальдо еще в 2009 г. Беларусь превратилась сегодня в активного экспортера с положительным торговым сальдо по агропродукции. Республика заметно повысила урожайность зерновых практически вдвое, и вышла на среднемировую в 36–38 ц/га. Прогнозы показывают, что к 2030 г. в случае внедрения цифровых технологий и точного земледелия можно устойчиво выйти на урожайность в 42–45 ц/га и обеспечивать страну зерном в 13–14 млн т, что даст мощную кормовую базу бурно развивающемуся животноводству, которое к 2030 г. способно обеспечить мяса в живом весе более 2,2 млн т. [2].

Стоит вполне достижимая цель — в 2020 г. экспортировать сельхозпродукцию на 7 млрд долл. Ставка сделана на внедрение современных цифровых технологий. Однако пока в Беларуси этот процесс внедряется очень медленно, существуют лишь отдельные примеры: так, выполнение проекта по внедрению новой технологии возделывания зерновых культур в условиях Могилевской области на базе совхоза «Доброволец» Кличевского района, конечной целью которого было снижение себестоимости зерна, позволило модернизировать на фоне традиционных технологий наиболее затратные технологические операции и определить необходимый перечень сельскохозяйственной техники и оборудования со специальными приспособлениями и программным обеспечением.

В 2013 г на базе агрокомбината «Ждановичи» (Минский район) начали внедрять элементы системы точного земледелия, экономия на семенах, удобрениях и химических препаратах составила в общей сложности около 15–20 % в год. Если раньше при подготовке почвы, посеве, уходе за растениями и сборе урожая на каждом поле площадью 1 тыс. га на 100 га работу прихо-

дилось переделывать, то теперь этого нет. Повысилась степень плодородия почвы, а подкормка удобрениями по новой технологии позволила выровнять урожайность.

В агрокомбинате «Снов» (Минская область) также начали внедрять элементы точного земледелия на операциях сева зерновых культур и внесении минеральных удобрений. Использование элементов точного земледелия позволит получить 20–30 % экономию удобрений.

Следовательно, в Беларуси уже накапливается, пусть и небольшой, опыт работ по цифровому сельскому хозяйству. Однако недостаток финансирования этих работ, отсутствие промышленного выпуска отечественными предприятиями навигационной аппаратуры для спутниковой навигации, датчиков и рабочих механизмов, а главное, практическое отсутствие подготовки специалистов сдерживают дальнейшее развитие как научных и прикладных исследований, так и конкурентное применение революционных аграрных технологий в широких масштабах.

Назрела необходимость разработки долгосрочной целевой программы развития цифрового (точного) земледелия. Надо, чтобы такая программа предусматривала основные направления в развитии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, их целевое финансирование, а также систему мер по государственной поддержке фермеров и иных хозяйствующих субъектов в их стремлении постигать и применять в своей практике новейшие результаты наукоемких технологий точного земледелия.

В то же время для эффективной отдачи инвестиций в национальную цифровую экономику и получения от нее дивидендов необходимо развивать и «аналоговые дополнения»: благоприятный деловой климат, весомый человеческий капитал, надлежащее управление. Все эти дополнения являются фундаментом экономического роста, поэтому их конкретизация в плане определения приоритетов и комплекса мероприятий, оценки требуемых инвестиций и рисков их максимальной отдачи представляет сложную и актуальную проблему для специалистов и государственных чиновников, ответственных за формирование цифрового сегмента в экономике Республики Беларусь.

Таким образом, цифровое (точное) земледелие есть земледелие нового поколения, с использованием геоинформационных систем, оборудованных сенсорными устройствами глобального позиционирования, бортовыми компьютерами и управленческими механизмами. Весь этот набор средств способен дифференцировать агротехнологии в зависимости от почвенного покрова, что является по-настоящему революционным этапом в агротехнической науке наших дней, начиная от земледелия в частности и до сельского хозяйства вообще.

Библиографический список

1. Захарова Н. В., Лабудин А. В. 2017. Мировой рынок высоких технологий: особенности и перспективы развития. М.: Прогресс.
2. Ковалев М. М., Головенчик Г. 2018. Цифровая экономика — шанс для Беларуси. Монография. Минск: Издательский центр БГУ.
3. URL: <http://amfora.livejournal.com/530954.html> (дата обращения: 04.12.2018).
4. URL: <http://www.glossary.ru> (дата обращения: 04.12.2018).

Меньшикова Г. А., Евстратчик С. В., Пруель Н. А., Савин С. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
menshikova.g.a@mail.ru, s.evstratchik@gmail.com, ssd_sav@mail.ru, pruijel@mail.ru

КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВУЮ ЖИЗНЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ УЛИЧНОГО ОПРОСА)*

Аннотация: В представленном исследовании приведен анализ восприятия коррупции жителями Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Оно было проведено на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета в 2018 году. В ходе него было опрошено 700 горожан и 600 жителей области. Форма сбора информации — уличный опрос. Похожее, но отличное по целям и методам исследование было проведено в 2017 году. Представляется, что социологические замеры коррупции углубляют представление о ее деструктивной роли, выявляют эффективность антикоррупционных правительственных мер. В данном тексте представлены оценки, характеризующие влияние коррупции на социально-трудовую сферу жителей СПб и области. Они показывают общую оценку социального благополучия населения региона и одновременно отношение людей к коррупции как фактору, на него влияющего. Оно выявило оценку государственных учреждений с точки зрения их коррумпированности, а также позволило оценить степень включенности предприятий региона в систему антикоррупционных мероприятий. В качестве одного из выводов, полученных авторами, нельзя не признать недостаточно высокий уровень гражданской культуры населения, его незнание мер противостояния коррупции, мирового опыта, накопленного по ее преодолению.

Ключевые слова: коррупция, социально-трудовая жизнь, социологическое исследование.

Menshikova G. A., Evstratchik S. S., Pruel N. A., Savin S. D.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

CORRUPTION AS A FACTOR INFLUENCING THE SOCIO-LABOR LIFE (ON THE MATERIALS OF STREET SURVEY)

Abstract: This study presents an analysis of the perception of corruption by residents of St. Petersburg and the Leningrad region. It was held at the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University in 2018. In the course of it, 700 citizens and 600 residents of the region were interviewed. The form of gathering information is a street survey. Similar but different in purpose and method, the study was conducted in 2017. It seems that sociological measurements of corruption deepen the idea of its destructive role, reveal the effectiveness of anti-corruption government measures. This text presents estimates that characterize the impact of corruption on the social and labor sphere of St. Petersburg and region's residents. They show a general assessment of the social well-being in the region and at the same time the attitude of people to corruption as a factor influencing it. It revealed the assessment of public organizations in terms of corruption, and also made it possible to assess the degree of involvement of regional enterprises in the system of anti-corruption measures. As one of the conclusions obtained by the authors, it is impossible not to recognize the low level of civic culture of the population, its ignorance of the measures of opposition to corruption, world experience gained in overcoming it.

Keywords: corruption, social and labor life, sociological survey.

Описание проблемы. Современные исследования гораздо глубже и многостороннее рассматривают феномен коррупции, выделяя в нем не только экономическую, но и социальную составляющие. Так, если первоначально основой оценивания его негативных последствий были разнообразные материальные убытки, то в настоящее время сначала западная, а сейчас уже и российская наука говорит о нематериальных потерях. При этом социальная сторона всего многообразия негативных последствий коррупции — особенно это актуально для российских

* Публикация составлена по материалам отчета по НИР «Социальные технологии формирования антикоррупционного климата в российском обществе» (AAAA-A18-118032090092-7).

исследований — остается выявленной недостаточно, т. е. виды социальных последствий не названы, не проанализированы и не оценены.

Бесспорно, именно из-за коррупции происходит раздвоение между декларируемыми и действующими ценностями, что ведет к двойным стандартам в морали и поведении. В обществе дискредитируется право и государство как важнейшие социальные институты, поддерживающие порядок и нравственные ценности. Как их конкретизацию можно назвать: высокий уровень имущественного неравенства, бюджетный кризис, дискредитацию права, организованную преступность, социальную напряженность. К этим последствиям можно отнести: неудовлетворенность работой из-за трудностей карьерного роста (1), перегруженность трудом в силу низкой оплаты труда, заставляющую работать в нескольких местах (или на одном, но получая вознаграждение по разным источникам оплаты труда) (2), отсутствие должного количества, а соответственно и дороговизна услуг предприятий малого (среднего) бизнеса (3) и др. Коррупция сомкнулась с проявлениями неэффективного функционирования российского государства и его экономической системы, став ее естественной частью. Жители не могут, что более чем естественно, понять причины своих личностных неудач в труде, постоянной загруженности на работе, усиления конфликтов в семье.

Думается, что этот срез в неменьшей мере, чем экономические потери, нуждается в изучении. Социологический (совместно с политологами) факультет СПбГУ включился в это направление. В университете уже второй год проводят мониторинг восприятия коррупции жителями Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Так, в 2017 г. был проведен телефонный опрос «Проблема коррупции в массовом сознании россиян» (опрошено 1100 человек), а в 2018 — уличный опрос **«Социальные технологии формирования антикоррупционного климата в российском обществе»**. В 2018 г. было опрошено 800 жителей города и 700 жителей области.

Укажем сразу, что целью нашего исследования было выяснение антикоррупционных настроений в Санкт-Петербурге (и Ленинградской области), но поскольку часть вопросов касалась производственной деятельности респондентов, то они и будут нами представлены. Итак, полученная информация позволяет: выявить наиболее коррумпированные виды учреждений города и области (1), оценить степень коррупции на предприятиях, где работают респонденты (2), оценить общее самочувствие жителей (3).

Не имея возможности в связи с лимитом размера публикации описать теоретическую часть проблемы, укажем, однако, на важную закономерность, выявленную зарубежными исследователями и идентифицируемую ими как «парадокс информации» [1]. Проводя, начиная с 1984 года, массовые сравнительные исследования по эффективности правительственных антикоррупционных мер, они выявили: чем более активно принимаются меры, а соответственно проблема активнее обсуждается, тем ниже CPI (индекс восприятия коррупции).

Рейтинг коррумпированности учреждений города и области. В ходе опроса респондентам был задан вопрос о том, в каких учреждениях они столкнулись с коррупционными действиями, и были предложены варианты ответа. Назовем наиболее часто встречающиеся предприятия: ГИБДД (ГАИ) — 45,1 %, больницы и поликлиники — 31,2 %, органы внутренних дел (без ГИБДД) — 9,8 %, органы региональной власти и ЖКХ — по 8,7 %, средние и высшие учебные заведения — по 8,1 %, детские сады — 5,2 %. Армия (военкоматы), суды, налоговые органы, миграционная служба, таможня практически не назывались. Самым популярным ответом был: «Все берут в равной мере». Его назвали 44,1 % горожан и 41,7 жителей области. Интересно, что ответы о коррупции в ГИБДД существенно разнились по регионам: на нарушения в Лужском районе указали 75 % респондентов, здесь проживающих.

Для сравнения приведем данные ВЦИОМ по стране в целом. В топ рейтинга наиболее коррумпированных попали: медицина (23 %), ГИБДД (ГАИ) и полиция по 16 %, сфера ЖКХ — 16 %, судебная система и прокуратура — 14 %. Четверть респондентов ВЦИОМ убеждена, что в коррупции погрязло все общество. Сравнивая результаты этих двух исследований, можно предположить, что причина больших значений фактов коррупции в регионе, чем в стране в целом, связана с более высоким уровнем жизни его населения. Люди здесь имеют возможность пусть незаконным образом, но решать свои проблемы.

Обусловленность коррупционного поведения личностными качествами в большей мере, чем отраслевой принадлежностью нарушителей, проявилась в ответе на вопрос: «Как Вы думаете, связана ли коррупция с уровнем зарплат тех, кто берет взятки?» Больше половины респондентов (61 %) ответили: «Никак не связана». Ответ жителей города и области почти полностью совпал.

Давая собственную оценку ситуации коррупционного действия, 67,6 % респондентов оценили ее как привычную, а 16,7 % — как немного волнительную для себя. Более 9 % ответивших указали, что испытывали страх, причем доля горожан и «селян» практически совпала. Интересно, что мужчины увереннее идут на нарушения, чем женщины (соответственно показатели страха: 21,9 против 28,2 %). Страх и неуверенность пусть незначительно, но доминирует у респондентов с низким уровнем образования, возможно, что и школьников (соответственно 33,3 и 28,2 %). Как абсолютную норму коррупционное поведение рассматривают высоко (очень высоко) обеспеченные респонденты: они страха и озабоченности не испытывают.

Респонденты оценили ситуации с противоправным действием следующим образом: «мне было противно это делать» — 15,2 %, «Я отказался, поскольку для меня это слишком дорого» — 19,2 %. 22,3 % ответивших принципиально не дают взятку, а 26,9 % решили пойти другим путем. Интересно, что женщины более активные противники давать взятки. В нашем исследовании их было 54,7 %, а мужчин — 42,3 %. Что касается возраста, то меньше всего противников давать взятки среди молодых и пенсионеров.

Оба наших исследования выявили общую группу заведений, работники которых склонны к правонарушениям: правоохранительные учреждения, медицина и образование. Население, что трудно объяснить, в 2018 г. гораздо менее активно обвиняло в коррумпированности органы местного самоуправления, но и горожане, и селяне указали, что не профессия, а личностные качества определяют готовность к получению взятки.

Оценка степени распространения коррупции на предприятиях, где работают респонденты. Большой блок вопросов исследования 2018 г. был посвящен коррупции на предприятии. Так, был задан вопрос: «Создан ли в организации, где Вы работаете или учитесь, антикоррупционный климат?» Было предложено три варианта ответа: «Да, скорее да», «Нет» и «Затрудняюсь ответить». Положительно ответили 42,4 % горожан и 46,5 % селян отрицательно — 16,5 и 14,1; затруднились с ответом 41,2 и 39,3 % респондентов.

На вопрос, что мешает формированию антикоррупционного климата в организации, были получены ответы: «Нет заинтересованности» (70,2 и 63,6 %), «Не знаю, как это можно реализовать» (17,7 и 6,8 %). Затруднились с ответом 14,9 и 33,3 %. На вопрос о возможности его создания на предприятиях РФ, положительно ответили 52,1 и 54,4 %, отрицательно — 18,1 и 16,4 %, затруднились с ответом 20,4 и 19,5 %. Среди мер, способствующих снижению коррупции на рабочем месте и в служебных отношениях, были названы: контроль за деятельностью чиновников (27,6 и 31,6 %), увеличение заработной платы (24,3 и 30,1 %), возможность карьерного роста для каждого (15,3 и 15,5 %), повышение информационной открытости (17,8 и 14,1 %), создание дружеской атмосферы (15,2 и 12,8 %), введение жесткого контроля (27,2 и 28,1 %), принятие этического кодекса (13,1 и 11,1 %), другое (36,5 и 33,2 %).

Полученные ответы свидетельствуют, во-первых, о проявлении общей линии на антикоррупционное поведение на предприятиях региона, во-вторых, о сохраняющемся инфантилизме населения, что выразилось в признании, что самая активная мера — ужесточение наказания. Жители мало знают о современных антикоррупционных мерах, применяемых на предприятиях, например о принятии этических или антикоррупционных стандартов, да и никто — ни СМИ, ни школа — их этому не учат.

Оценка общего социального самочувствия жителей. Приведем некоторые данные, характеризующие общее социальное самочувствие населения. На вопрос, насколько респонденты согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении, были получены следующие ответы: «Согласен» — 32,6 и 25,8 %; «Отчасти да/нет» — 32,3 и 44,5 %; «Не согласен» — 33,1 и 25,9 %; «Затрудняюсь ответить» — 3,0 и 6,0 %. При этом на общую удовлетворенность своей жизнью указали 49,4 и 43,4 %, на частичную — 35,2 и 34,9. Не удовлетворены — 14,1 и 19,8 %. Остальные (их менее 2 %) затруднились с ответом.

Приведем несколько общих выводов по ответам об уровне борьбы с коррупцией в регионе. Уровень коррупции как высокий оценивает 77,4 и 75,5 % жителей, как низкий — 2,9 и 2,0 %, Остальные (19,2 и 21,9 %) затруднились с ответом. Оценивая изменение ситуации за последние 3 года, не видит изменений почти половина респондентов (41,6 и 49,3 %), считают, что стало хуже, 15,0 и 14,0 %, а лучше — 18,6 и 13,4 %. Затруднились с ответом 24,8 и 23,4 %.

Усиление антикоррупционных мер в стране признает 14,5 и 13,5 % ответивших. Их не видит, соответственно 57,5 и 56,0 %. Затруднились с ответом — 28,1 и 30,5 %. Большинство ответивших (77,2 и 77,8) уверено, что иностранные специалисты не помогут победить коррупцию. Свыше 80 % ратуют за ужесточение уголовного наказания и нравственное воспитание

Сфера труда как поле реализации коррупции должно стать предметом особого изучения, по крайней мере среди российских исследователей, поскольку здесь она является одним из факторов, предопределяющих экономические неудачи, а также невозможность реализации трудового потенциала работников. Оно должно основываться на качественных методах, что пока трудно реализуемо. Данное исследование выявило в целом позитивное восприятие жизни респондентами. Отметив высокий уровень коррупции в стране, 40 % опрошенных указали, что на их предприятии все-таки создан антикоррупционный климат. При этом 30 % респондентов не выявили знаний того, что он из себя представляет. Думается, что это пробелы образования и следствие работы СМИ, не признающих, что воспитание навыков гражданского поведения — их главная миссия.

Опять же, учитывая указанный выше «парадокс информации», непонятно, как оценивать относительно низкий показатель восприятия коррупции — как фактор ее отсутствия или как фактор отсутствия информации, а следовательно, незнания населения о ее реальных размерах и возможностях правительства по принятию мер по противостоянию ей.

Библиографический список

1. Cole Wade. 2015. Institutionalizing a Global anti-corruption Regime: perverse effects on country outcomes, 1984–2012 // International Journal of comparative sociology. Vol. 56 (1). P. 53–80.

Забелина О. В.

Всероссийский научно-исследовательский институт труда Минтруда РФ,
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Земляной вал, 34, стр. 1
Zabelina_OV@vcot.info

Мирзабалаева Ф. И.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., 36.;
Всероссийский научно-исследовательский институт труда Минтруда РФ,
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Земляной вал, 34, стр. 1
Mirzabalaeva.FI@rea.ru

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: В данном исследовании авторы анализируют совокупность экономических, технологических, демографических, социальных и других факторов, влияющих на изменения в сфере занятости населения России. Процесс формирования постиндустриальной экономики, сопровождающийся структурными изменениями в мировой экономической системе — переливом значительной части работников из сферы промышленного производства в сферу услуг; глобализацией, усилившей конкуренцию между странами; замедлением темпов экономического роста, ведущим к поиску новых резервов роста производительности труда; старением населения, — объективно привели к формированию более гибкого рынка труда, который может эффективно реагировать на быстро меняющиеся условия экономической системы. Создание онлайн-сетей и рыночных платформ дало возможность доступа гипотетически любого «заказчика» к любому «исполнителю», обеспечивая новые возможности для их взаимодействия. В России, как и во всем мире, наряду с традиционными, стандартными формами занятости возникают ее новые формы, что происходит под воздействием совокупности факторов.

Ключевые слова: цифровизация экономики, рынок труда, новые формы занятости.

Zabelina O. V.

All-Russian Research Institute of Labor Ministry of Labor of Russia,
34, bldg.1, Zemlianoj val, Moscow, 101000, Russian Federation

Mirzabalaeva F. I.

Plekhanov Russian University of Economics,
36, Stremiany lane, Moscow, 117997, Russian Federation;
All-Russian Research Institute of Labor Ministry of Labor of Russia,
34, bldg.1, Zemlianoj val str., Moscow, 101000, Russian Federation

THE MAIN CHANGING FACTORS OF THE EMPLOYMENT SPHERE IN THE CONDITIONS OF THE RUSSIAN ECONOMY DIGITLIZATION

Abstract: In this research, the authors analyze the changes in social and labor relations under the influence of the combination of economic, technological, demographic, social and other factors. The process of formation of the post-industrial economy, followed by structural changes in the world economic system — the “leakage” of a significant part of workers from the sphere of industrial production to the services sector; globalization, increasing competition between countries; a slowdown of economic growth leading to the search for new reserves of labor productivity increasing; aging of the population — objectively led to the formation of a more flexible labor market, which can effectively react to quickly changing conditions of the economic system. The creation of online networks and market platforms gave a chance, hypothetically, for any “customer” to access any “performer”, providing new opportunities for interaction. In the Russian Federation, besides the traditional standards of employment, as well as worldwide, new forms of employment also arise, that in many respects became result of already listed above factors.

Keywords: digitalization of the economy, labor market, new forms of employment.

Глобализация рынка труда формирует новые типы занятости и социально-трудовых отношений под влиянием определенных факторов. Так, например, в докладе Всемирного экономического форума «*The Future of Jobs*» выделяются социодемографические и технологические драйверы изменений в сфере труда, среди которых [1]: изменение условий труда и гибкость в работе, формирование среднего класса в развивающихся экономиках, климатические изменения и переход к зеленой экономике, геополитическая волатильность и др. Основными технологическими факторами изменений в сфере труда являются мобильный интернет и облачные технологии, технология BigData, новые технологии в сфере энергетики, интернет вещей, краудсорсинг и онлайн-платформы для взаимодействия, роботизация и беспилотный транспорт, искусственный интеллект и машинное обучение.

Статистика Росстата свидетельствует о том, что в течение последних лет российский рынок труда не был подвержен серьезным потрясениям. В период с 2014 по 2017 г. не произошло роста безработицы, а уровень занятости населения в целом по стране оставался довольно высоким и даже рос год от года [2]. Проводимые в стране обследования рабочей силы показывали в 2014–2016 гг. тенденцию сокращения доли работающих по найму — с 92,8 % в 2014 году до 92,5 % в 2016 г. и рост доли самозанятого населения — с 5,5 до 5,8 %. Эта тенденция изменилась в 2017 г. (доля работающих по найму увеличилась до 93,4 %, доля самозанятых сократилась до 4,9 %), что может быть связано с различными причинами, в том числе и с началом реализации в России активных государственных мер, направленных на легализацию самозанятости. В 2017 г. обследование рабочей силы выявило важные (хотя и незначительные) сдвиги к росту занятости по найму на основной работе на 0,2 % на основании трудового договора на неопределенный срок и снижению занятости по срочному договору и договору гражданско-правового характера (с 0,9 до 0,88 % соответственно) на 0,02 %. Одновременно среди обследованных работников возросла занятость по трудовому договору на дистанционной работе, но масштабы остаются незначительными: наличие трудового договора о дистанционной работе отмечают в 3–4 раза меньше опрошенных, чем наличие традиционного трудового договора для работников, выполняющих работы на дому [3].

На развитие в России дистанционной занятости положительно повлияли такие технологические факторы, как «позитивная динамика развития сетевой и информационной инфраструктуры, в том числе Интернета, начало процесса укрупнения интернет-провайдеров, повышение качества мониторинга интернет-аудитории, позволяющее получать более достоверную информацию для специальных исследований, в том числе и телеработы» [4]. Однако данные статистического сборника «Индексы цифровой экономики 2018», свидетельствуют об отставании России по международному индексу цифровой экономики и общества от европейских стран, который в 2016 г. распределился следующим образом: Исландия — 0,66, Республика Корея — 0,64, Норвегия и Новая Зеландия — 0,63, Япония и США — 0,62, Китай — 0,61, Австралия — 0,6, Канада — 0,59, Ирландия — 0,52, Россия — 0,47, Китай — 0,45, Турция — 0,41, Бразилия — 0,38, Мексика — 0,34 и т. д. [5]*.

Рассмотренные процессы позволили авторам выделить несколько основных групп факторов, влияющих на изменения в сфере занятости и развитие новых форм занятости в России.

Одними из наиболее важных являются **экономические факторы**, характер влияния которых может быть выражен в сокращении спроса на труд в условиях циклических колебаний, стимулирующих работодателей снизить риски, связанные с высвобождением персонала, за счет большей гибкости найма работников (впоследствии это может приводить к снижению социальной защищенности работников); профессионально-квалификационному дисбалансу спроса и предложения рабочей силы на региональных рынках труда (может привести к неконтроли-

* Международный индекс цифровой экономики и общества (International Digital Economy and Society Index, I-DESI) рассчитан Генеральным директором коммуникационных сетей, контента и технологий Европейской Комиссии (European Commission Directorate General for Communications Networks, Content and Technology) по странам, не входящим в ЕС, в соответствии с методологией европейского индекса цифровой экономики и общества (Digital Economy and Society Index, DESI). Источник: Генеральный директорат коммуникационных сетей, контента и технологий Европейской Комиссии.

руемому привлечению работников из других регионов или сохранению занятости работников с большим использованием нестандартных форм); структурных изменениях в национальной экономике (возможно перераспределение работников из сферы промышленности в сферу торговли и услуг с более гибкими и нестандартными формами занятости). Можно предположить, что последствиями влияния экономических факторов для национального рынка труда могут стать: подстройка рынка труда к экономической конъюнктуре преимущественно за счет изменений в цене труда, а не показателей занятости и безработицы; сокращение масштабов полной занятости и увеличение использования работодателями временной занятости, занятости на режимах неполного рабочего времени, использовании труда временных работников по договорам с агентствами занятости, различных видов фриланса, дистанционной занятости; расширение масштабов вынужденной самозанятости и вторичной занятости и т. д.

Вторая группа — это **глобализационные**, под влиянием которых: российский рынок труда может стать более зависимым от мировой конъюнктуры (сформируются условия для более гибкой организации труда и трудового поведения, как работодателей, так и работников); может усилиться конкуренция между бизнес-структурами, использующими инновации в управлении персоналом (более активное использование новых форм занятости с применением ИКТ); сформируется ориентация страны на развитие наукоемкого производства, что скажется на сфере занятости, особенно в науке и промышленности. Предполагаемые последствия для национального рынка труда: рост возможностей работников в выборе форм занятости в связи с расширением сферы приложения труда (в своей стране и за ее пределами); у работодателей появится больше возможностей для найма более дешевой рабочей силы трудовых мигрантов из стран с развивающейся экономикой; возникает риск снижения качества человеческого капитала, так как иностранные мигранты и нелегальные мигранты обладают в большинстве своем низкой квалификацией; у работодателей появляется больше возможностей для привлечения талантов, требуемых специалистов из любой точки страны или мира и т. п.

Третья группа — **демографические**, выражающиеся в сокращении численности населения в трудоспособном возрасте и увеличении доли работников старших возрастных групп — ставят на повестку дня вопрос о развитии таких форм занятости, которые способствуют привлечению к труду (сохранению на рынке труда) большего числа работников. Предполагаемые последствия для национального рынка труда: повышение уровня участия на рынке труда, рост занятости в группах пенсионеров, инвалидов, женщин с малолетними детьми, учащейся молодежи; преимущественная локализация нестандартных форм занятости в возрастных группах 17–24 года и 55–65 лет и др.

Четвертая группа — **технологические факторы**, отражающие влияние современных информационно-коммуникационных технологий с их возрастающими возможностями снижения издержек (в том числе на основе искусственного интеллекта и роботизации производства) — способствуют появлению новых форм организации труда и занятости и нового типа работников, для которого характерны высокий профессионализм, большая независимость в трудовом поведении, предпринимательский подход к выбору форм реализации своего трудового потенциала. Последствиями для национального рынка труда могут стать: рост производительности труда, что может привести к постепенному высвобождению работников из традиционных сфер занятости (прежде всего в видах работ, связанных с подготовкой документации, учетом, некоторыми административными функциями, выполнением рутинных трудовых операций); увеличение поляризации специалистов по уровню квалификации (специалисты среднего уровня квалификации будут преимущественно двигаться вниз, создавая конкуренцию в нише рынка труда, занятой сегодня менее квалифицированными специалистами); изменение отраслевой структуры занятости; сокращение занятости в сфере материального производства (прежде всего в промышленности), в то время как развиваться станет занятость в области ИКТ; применение новых технологий при выполнении традиционных работ будет создавать запрос на высококвалифицированных работников (при этом цифровые технологии помогают развивать навыки и повышать квалификацию, в том числе людям, которые раньше не имели таких возможностей в силу социальных или географических ограничений); появление новых возможностей для поиска работы и трудоустройства благодаря цифровым технологиям и платформам; возрастание

спроса со стороны работодателей на мобильных, постоянно находящихся в контакте работников, способных трудиться в нестандартных условиях и условиях многозадачности.

Пятая группа — *личностно-психологические* (ценностные установки, в том числе ценность свободного времени; возможность свободно распоряжаться рабочим временем и временем отдыха; мотивационные установки и др.), которые в условиях государственной парадигмы добровольности труда все больше влияют на возникновение и распространение новых форм занятости и предпринимательства как отвечающих интересам людей. Предполагаемые последствия для национального рынка труда: развитие фриланса, особенно в молодежном сегменте; развитие сферы добровольчества (волонтерства).

Таким образом, ключевым драйвером изменений, безусловно, выступают технологические факторы, что позволяет говорить о новой технологической революции. Экономический рост в условиях новой технологической революции не трансформируется автоматически в рост занятости, что усиливает риск безработицы. Поэтому в настоящее время возрастает интерес всех субъектов социально-трудовых отношений к выработке новых концептуальных подходов к управлению занятостью, придание государственной политике занятости опережающего характера. Задача создания возможностей для достойного труда граждан России требует гибкого использования инструментов государственного регулирования для минимизации негативных последствий и максимального использования преимуществ, которые порождаются в сфере труда при расширении процессов цифровизации российской экономики.

Библиографический список

1. The Future of Jobs Report: Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution. 2016 // World Economic Forum. Женева: [б.и.]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FOJ_Executive_Summary_Jobs.pdf (дата обращения: 15.11.2018).
2. Статистический сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России» // ИИЦ «Статистика России», 2005–2016.
3. Ежеквартальный статистический бюллетень «Обследование рабочей силы» // ИИЦ «Статистика России», 2006–2018.
4. Информационное общество в Российской Федерации: статистический сборник. 2017. К. Э. Лайкам, Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова и др. М.: НИУ ВШЭ, Росстат. 328 с.
5. Индикаторы цифровой экономики: 2018: статистический сборник. 2018. Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Г. Л. Волкова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 268 с.

Кляуззе В. П.

Научно-исследовательский институт труда
Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь,
Республика Беларусь, 220004, Минск, пр. Победителей, 23, корп. 2
dspl@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ФРИЛАНСЕРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: В данном исследовании рассматриваются проблемы организации труда фрилансеров. Описывается существующая ситуация. Сделаны предложения по решению имеющихся правовых, финансовых и экономических вопросов.

Ключевые слова: фрилансер, трудовые отношения, IT-технологии, социальное обеспечение, криптовалюта.

Kliauze V. P.

Scientific Research Institute of Work,
Ministry of Labour and Social Protection of Republic of Belarus,
32/2, The Winners av., Minsk, 220004, Republic of Belarus

ENSURING SOCIAL PROTECTION OF FREELANCERS IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract: In this research the problems of labor organization of the freelancers are discussed. The Existing situation are described. Proposals to address the existing legal, financial and economic issues are made.

Keywords: freelancer, labor relations, IT-technologies, social security, digital currency.

Основным проявлением современного периода развития цивилизации является повсеместное внедрение цифровых технологий (Интернета, широкополосного мобильного доступа, облачных технологий). Одновременно одной из общих проблем рынка труда во многих странах мира стал рост доли работников, участвующих в нестандартных формах занятости, к которым можно отнести временную работу, неполный рабочий день, заемный труд, нелегальные трудовые отношения и другие формы занятости.

Это взаимосвязанные тенденции. Информатизация в качестве фактора качественного экономического роста ведет к уменьшению размеров хозяйствующих субъектов, персонализируя их и способствуя таким образом их успешной конкуренции на рынках. Персонализация трудовых отношений ведет к повышению мобильности трудовых ресурсов. Все больше людей привлекаются к удаленному труду, когда можно трудиться, не выходя из дома либо в ином удобном для него месте. Развитие и внедрение в повседневную жизнь современных IT-технологий позволяет в домашних условиях, в машине, самолете, поезде либо в любом другом удобном для работника месте осуществлять многие, в том числе интеллектуальные виды труда. Сейчас это профессии программиста, системного администратора, переводчика, дизайнера, автора по написанию различного вида работ, наборщика текста и многих других. То есть представители современных профессий. Они взаимодействуют с работодателями и подрядчиками из разных стран с разной валютой, культурой, юрисдикцией, и часто финансовые потоки нетранспортны. Естественно, что при такой организации труда обеспечение социальной защиты работающих мерами административного воздействия часто невозможны либо малорезультативны, поскольку вследствие индивидуализации трудовых правоотношений и вытекающей из этого вариативности эти вопросы уходят от государства на уровень непосредственных взаимоотношений между работодателями и работающими. Об этом же говорит и мировой опыт, свидетельствующий, что борьба не может вестись в лоб — репрессивные меры в лучшем случае бессильны. И вряд ли в качестве предупреждения тут поможет оповещение работающих о лишении возможности пользования любыми страховыми благами.

Дистанционная работа допускает большую степень свободы действий, самостоятельности работающего при значительно меньшем вмешательстве работодателя в процесс труда по сравнению с традиционной занятостью, позволяет совмещать работу с семейными и другими обязательствами. Подобная организация труда отвечает потребностям нынешнего молодого поколения, когда в приоритете свобода, пространство, личные предпочтения. Они предпочитают комфортные условия труда непосредственно в домашней обстановке, на природе в пригороде, разнообразя труд собственными увлечениями, хобби. Более того, в последнее время замечено, что офисные работники, которые работают непосредственно в административных помещениях и поэтому весь рабочий день находятся в замкнутом пространстве, испытывают симптомы клаустрофобии. Желających работать в офисе и производственных зданиях становится все меньше.

Снижается роль государства в регулировании трудовых отношений, и в обществе зреет необходимость регламентировать правовые, организационные и технические вопросы социального обеспечения работников, участвующих в нестандартных формах занятости, в новых условиях.

Для решения проблемы социальной защиты возможно несколько вариантов.

Первый. Для тех, кто работает у работодателя и имеет специфично оговоренные трудовые отношения или зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя, вопросы социального обеспечения решаются по аналогии с другими юридическими и физическими лицами. Но это отживающие формы, которые должны быть заменены новыми, прогрессивными.

Второй. Подключение к системе социального обеспечения производится фрилансерами самостоятельно, что возможно, если они сознательные, но маловероятно. Ведь общеизвестным фактом является то, что наиболее привлекательным моментом для фрилансеров как раз является то, что такой статус дает возможность не платить налоги и социальные взносы, не принимая участия в осуществлении социальных функций.

Поэтому не приходится уповать на личную ответственность работающих за свое здоровье, пенсионное обеспечение, социальное страхование и т. п. вопросы, решаемые в рамках систем социального обеспечения. Хотелось бы, чтобы это сводилось к самоконтролю и саморегулированию ими своего поведения в обществе. Это достойный тренд, но маловероятный, учитывая менталитет нашего населения. Фрилансеров не пугает отлучение от государственной медицинской системы, и типичным мнением является «в зависимости от ситуации обратимся за платными услугами либо в частную, либо в государственную клинику». С пенсионным обеспечением ситуация обстоит аналогично — «государственная пенсия все равно не покрывает потребности, поэтому стараемся делать собственные сбережения».

Третий. Решение вопросов социального обеспечения может происходить при легитимизации фрилансеров, то есть при приобретении патентов, лицензировании деятельности, сертификации и аккредитации уполномоченными государственными органами, авторитетными организациями или профессиональными сообществами, при получении вида на жительство, территориальной регистрации и т. п. Уже сейчас в некоторых странах наиболее приемлемым считается производить уплату необходимых социальных взносов во время приобретения патентов в виде фиксированного авансового платежа до начала налогового периода. Для повышения заинтересованности он, как правило, ниже, чем у индивидуальных предпринимателей. Здесь возникают этические проблемы: почему социальную защиту этих людей должны компенсировать остальные члены общества? И второе, платить страховые взносы авансом не совсем честно, ведь даже при наличии патента доходов может и не быть. Взносы должны быть адекватны доходам, чтобы не получилось аналога своеобразного налога на тунеядцев. А когда обязанность социального страхования делается неременным условием получения вида на жительство, регистрации и т. п., разве это не выглядит нарушением прав человека?

Четвертый. Социальное обеспечение фрилансеров можно осуществить через посредство введения института безусловного базового дохода. Эксперименты в этом направлении идут в Финляндии, Канаде, Нидерландах, этот пункт был включен в предвыборную программу претендента на должность президента Франции Бенуа Амона. В Финляндии в рамках эксперимента с января 2017 г. 2 тыс. человек получают 560 евро в месяц. Пока большинство населения

не принимает этого нововведения (результат референдума в Швейцарии был отрицательный, а Бенуа Амон проиграл). Возможно, в будущем все будет иначе, посмотрим на результаты нововведений в социальной сфере, осуществляемых правительством Италии.

Пятый. В условиях шеринговой экономики данные о поставщиках и потребителях услуг аккумулируются соответствующими агрегаторами. Более того, уже сейчас объемы рынков товаров и услуг определяются только размерами заинтересованного сегмента Интернета. И как результат, использование сетевых ресурсов многократно повышает востребованность на рынке труда. Поэтому фрилансеры безусловно заинтересованы в сотрудничестве. Сайт-информационный агрегатор, через который осуществляется обмен потребительской информацией, сам будет решать проблемы с соответствующими органами, учитывая налоговые и страховые выплаты в своем проценте за посредничество. Взаимоотношения с информационным агрегатором позволяют предусмотреть процедуры, при которых фрилансер по истечении какого-то периода времени либо уплачивает какие-то взносы в фиксированном размере, либо указывает, что он не смог ничего заработать. Это возможно в случае авторизации при агрегаторе. Контрольными показателями может, например, служить количество обращений заказчиков, способ оформления заказов, период отсутствия заказов и т. п. Автору нравится такой вариант. Но еще более привлекательным и наиболее «цифровизированным» представляется следующий вариант.

Шестой. В парадигме 4-й промышленной революции работающих в новых формах труда будет становиться все больше. Учитывая достигнутый уровень развития IT-технологий, возможно использование криптовалют и компьютерные фрилансеры уже сейчас могут ими активно пользоваться при условии подключения к блокчейну всех необходимых финансовых институтов. Уплату налогов и страховых платежей можно будет производить во время некоторых установленных транзакций в блокчейне.

В связи с криптовалютами обычно говорят только о их генерировании, но ведь технология блокчейн позволяет поддерживать и другие финансовые взаимоотношения между участниками распределенной сети — переводы, платежи, кредитование, покупку ценных бумаг и так далее.

Сеть позволяет каждому участнику контактировать с любым другим участником. Нас интересуют в данном случае системы социального обеспечения. И участие в них невозможно без доверия у всех участников к надежности выполнения транзакции в системе. Обеспечение сопричастности всех субъектов отношений достигается путем предоставления им возможности принять участие в решении существующих и возникающих проблем. Когда мы в централизованной сети или в децентрализованной, но с узловыми элементами, центральный контрагент заставляет производить транзакции по социальным выплатам, пользуясь предоставленной властью и опираясь на законодательную базу. Центральный агент знает все обо всех участниках данной сети, поскольку он единственный контрагент в центральной сети. Он, как правило, берет комиссию за свои услуги и за их счет компенсирует риски по системе, а также поддерживает свое существование. Анонимность транзакций сохраняется только для рядовых участников.

Если сеть распределенная, никто ни за что не отвечает. Никто не гарантирует корректность транзакций, все участники равны, нет никакой иерархии. Но в распределенной сети воздействие на участников можно производить путем введения конституциональных условий ее функционирования и, конечно, за счет репутации участников — если вы не участвуете в налоговой системе или системе соцобеспечения, то с вами никто работать не будет, поскольку вы станете «отрицательным героем». В распределенной базе данных записи о транзакциях сохраняются во всех узлах сети — все исторические транзакции, которые происходили между контрагентами в данной сети, записываются в каждом из ее узлов. Все транзакции, которые когда-либо произошли, известны всем — полная транспарентность. За счет этого злоумышленник не сможет корректировать прошлые записи и не может сказать, что платеж был, потому что вся сеть знает, что платеж не имел места быть.

В распределенной сети отпадает необходимость в посреднике и централизованных агентах. То есть исчезает иерархия, все равны. Снижаются транзакционные издержки, так как отпадает необходимость платить комиссию монопольным центральным агентам или крупным хамам. В результате затраты на риски по системе и на ее существование должны быть меньше. На практике пока еще транзакционные издержки велики в связи с тем, что блокчейн сложная

система, требующая больших вычислительных мощностей. Но с развитием технологий издержки по поддержанию энергетики всей этой сети значительно сократятся.

Соответственно, пятый и шестой варианты могут быть реализованы, к тому же, при введении налогообложения на банковские транзакции, аналогично и социальная сфера может содержаться за счет отчислений с транзакций. Идея была предложена еще в 1970-х годах американским экономистом Джеймсом Тобином и потом интенсивно лоббировалась в период финансового кризиса 2008–2010 гг. Другие налоговые вычеты при этом должны быть или исключены полностью, или сильно ограничены. Но это финансовая проблема общемирового масштаба, и вряд ли она будет разрешена в ближайшее время, хотя интенсивное введение криптовалют (пусть и имеющих на данный момент высокую волатильность) может просто заставить финансистов ускорить ее решение.

Это станет возможным, когда будет обеспечено подключение к блокчейну вместе с эмитентами и пользователями криптовалюты разнообразных финансовых институтов, таких как банки, депозитарии, налоговые органы, социальные страховые фонды. Внедрение новых принципов функционирования финансовой системы поможет эффективно бороться с уклонением фрилансеров от уплаты налогов и заставит их участвовать в системах социального обеспечения. Тогда все современные проблемы социальной защиты работающих в нестандартных формах занятости, которые сейчас кажутся неразрешимыми, будут решаться просто и легко.

Красильников О. Ю.

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
ok-russia@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Аннотация: В данном исследовании рассмотрены сдвиги в структуре спроса и предложения рабочей силы, а также рабочих мест на рынке труда, происходящие на этапе становления цифровой экономики в современной России. В результате внедрения цифровых технологий органическое строение капитала возрастает, что снижает совокупный спрос на рабочую силу. Анализируются основные изменения структуры рынка труда: создание новых высококвалифицированных рабочих мест в сфере цифровой экономики и сокращение рабочих мест в традиционных отраслях. На основе сопоставления данных тенденций автор делает вывод о существовании проблемы замещения традиционных рабочих мест инновационными и риска возникновения застойной структурной безработицы. С этой точки зрения критически оценивается предстоящая пенсионная реформа, которая может усугубить проблемы российского рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда, структурные сдвиги, рабочие места, органическое строение капитала, пенсионная реформа.

Krasilnikov O. Y.

Saratov State University,
83, Astrahanskaya str., Saratov, 410012, Russian Federation

THE PROBLEM OF CHANGES OF THE LABOUR MARKET STRUCTURE IN THE FORMATION OF THE DIGITAL ECONOMY IN RUSSIA

Abstract: This study examines the changes in the structure of demand and supply of labor, as well as the changes in the structure of places of work the labor market, occurring at the stage of formation of the digital economy in modern Russia. As a result of the introduction of digital technologies, the organic structure of capital increases; this process reduces the total demand for labor. The main changes in the structure of the labor market are analyzed: the creation of new highly skilled jobs in the digital economy and the reduction of jobs in traditional industries. On the basis of comparison of data trends, the author makes a conclusion about the existence of the problem of the substitution of traditional jobs by innovative ones and about the risk of falling into stagnation and structural unemployment. From this point of view, the upcoming pension reform, which may aggravate the problems of the Russian labor market, is critically evaluated.

Keywords: labor market, structural changes, places of work, capital organic structure, pension reform.

С развитием цифровой экономики происходят значительные структурные сдвиги на рынке труда. Данные изменения затрагивают спрос и предложение рабочей силы, а также связанные с ними сдвиги в структуре рабочих мест. С одной стороны, происходит снижение спроса на труд в традиционных отраслях экономики и его повышение в инновационных сферах, обусловленное цифровизацией национального хозяйства. С другой стороны, возникающие рабочие места не всегда могут быть заняты квалифицированными работниками по причине недостаточности их подготовки в сфере образования. Возникает вопрос: насколько выбытие рабочих мест и высвобождение работников соответствует созданию новых рабочих мест, а спрос на квалифицированную рабочую силу — ее предложению. Особенно это актуально для современной России, структура экономики которой во многом не готова к массовому внедрению цифровых технологий.

Неэффективность структурной динамики экономики России в 2005–2014 гг. объясняется тем, что добывающий сектор рос более быстрыми темпами, нежели обрабатывающие производства. Данный факт можно объяснить снижением производственной активности в инно-

вационных областях обрабатывающей промышленности. Так, только с 2012 по 2015 г. индекс производства по высокотехнологичным обрабатывающим видам экономической деятельности снизился со 113,1 % до 100,7 % [1, с. 131].

Рассмотрим основные изменения структуры рынка труда в период становления цифровой экономики в России.

1. Создание новых рабочих мест в результате внедрения цифровых технологий. Так, по заявлению Д. А. Медведева, сделанном в 2013 г., к 2020 г. в России необходимо создать и модернизировать 25 млн современных рабочих мест [2]. Однако трудовая деятельность в цифровой экономике требует высокой квалификации. Возможно ли в короткий срок подготовить или переобучить столь большое количество работников? Прошедшее время доказало декларативность некоторых слишком оптимистичных прогнозов.
2. Сокращение рабочих мест в традиционных сферах экономики. Так, в обозримой перспективе с внедрением беспилотных автомобилей наиболее значительное сокращение ожидает профессиональных водителей, в первую очередь дальнбойщиков. По данным сайта Autostat.ru на 1 июля 2016 г. в России насчитывалось 3,69 млн грузовых автомобилей. Даже если считать, что не за каждым автомобилем закреплен водитель, это огромная масса высвобождающихся работников. Затем последует сокращение среди служащих ГИБДД, придорожных кафе и так далее по цепочке. И это только одна из сфер, где цифровизация экономики будет выдавливать на рынок труда работников традиционных отраслей. Развитие Интернета вещей приведет к сокращению трудящихся в сфере услуг, ЖКХ, торговли и т. п. По оценкам специалистов, широкое внедрение цифровых технологий за 12 лет может высвободить до 12,5 млн человек. Кроме того, цифровизация способна обеспечить в российской экономике двух-трехкратный прирост производительности труда, что способствует снижению спроса на трудовые ресурсы [3].

Таким образом, в ближайшем будущем может возникнуть проблема переизбытка предложения рабочей силы. Сможет ли цифровая экономика адсорбировать высвобождающихся работников традиционных отраслей экономики? Не возникнет ли застойная структурная безработица? Насколько замещающие структурные сдвиги смогут компенсировать друг друга? К сожалению, мы вынуждены дать негативные ответы на эти вопросы. Масла в огонь подливает недалёковидная пенсионная реформа. Ожидается, что только за 2019 г. рынок труд пополнится примерно на 660 тыс. человек (далее — по нарастающей), что значительно увеличит предложение рабочей силы, которое не будет подкрепляться соответствующим предложением со стороны «работодателей-цифровиков» по причине низкой квалификации предпенсионеров [4].

Основным противоречием структуры российского рынка труда на этапе становления цифровой экономики является несоответствие спроса предложению рабочей силы по объему и квалификации. Данное противоречие отражает разнонаправленные сдвиги в структуре рабочих мест. С одной стороны, это создание инновационных рабочих мест в сфере цифровой экономики, с другой — ликвидация рабочих мест в традиционных отраслях национального хозяйства.

По нашему мнению, адекватного замещения рабочих мест не произойдет, даже если будет налажена система переобучения персонала. Для объяснения этого феномена воспользуемся марксистской методологией и рассмотрим органическое строение капитала в цифровой экономике. Органическое строение капитала — это стоимостное строение, которое определяется техническим строением капитала и отражает его изменения. Оно выражается соотношением постоянного и переменного капиталов в общем объеме капитальных ресурсов [5, с. 158]. Стоимостное строение капитала — это отношение постоянного капитала (стоимости средств производства) к переменному капиталу (стоимости рабочей силы). Соответственно, техническое строение — это соотношение указанных переменных, выраженное в физических единицах (количество зданий, сооружений, машин и оборудования, а также работников).

Существует мнение, что с развитием информационной экономики значение материально-вещественного капитала снижается. Традиционная фирма представляет собой совокупность материальных средств производства и наемных работников различной степени квалификации. Производственные фонды интеллектуальной компании во многом утрачивает материальную

основу и представляет собой прежде всего человеческий капитал. Достаточно иметь относительно недорогой компьютер, и креативный работник может оказывать целый комплекс услуг в виде программирования, интернет-продаж, финансового трейдинга и т. п.

Это верно только отчасти. Выявленная К. Марксом в XIX в. тенденция к возрастанию органического строения капитала с развитием цифровой экономики набирает еще более высокие темпы. Возьмем наш пример с беспилотными автомобилями. В подобной транспортной компании может насчитываться сотни грузовиков. При этом обслуживающий персонал будет насчитывать несколько IT-специалистов и автомехаников. Исследователями корпорации «Intel» был изучен потенциальный объем новой зарождающейся экономики, которая может возникнуть в процессе того, как водители постепенно становятся обычными пассажирами, не управляющими автомобилем. Благодаря «Intel» новая экономика получила название *экономики пассажиров*. Подобная ситуация будет складываться и в других сферах цифровой экономики. Широкое распространение Интернета вещей позволит с минимальными трудозатратами управлять огромными производственными, логистическими и агропромышленными комплексами. Так, по некоторым оценкам, из сферы торговли в течение 12 лет придется уйти более чем 3 млн работников. На втором месте по высвобождению — обрабатывающие производства: их должны будут покинуть более 2 млн работников к 2030 г. Далее следуют строительство, сельское хозяйство и транспорт: в каждой из этих сфер численность занятых сократится к 2030 г. почти на 1,2 млн человек [3].

Таким образом, основной тенденцией на этапе становления цифровой экономики будет тенденция к возрастанию органического строения капитала. При этом такой рост является показателем увеличения производительности труда высококвалифицированных работников. Вместе с тем увеличение органического строения обуславливает относительное сокращение спроса на рабочую силу. В цифровой экономике все меньшее количество живого труда будет приводить в действие все большее количество материальных ресурсов. Все это с неизбежностью приведет к росту безработицы. По мнению специалистов, только в результате осуществления непродуманной реформы по повышению пенсионного возраста уже в 2019 г. на рынке труда дополнительно появятся 172 тыс. безработных, в 2020 г. уже около 1 млн, а в 2021 г. без малого 1,5 млн человек [4].

Последствия подобных явлений предсказуемы. Навес предложения труда из безработных приведет к снижению стоимости рабочей силы, реальной заработной платы, а значит и реальных доходов населения. Усилится так называемое цифровое неравенство, когда люди, сумевшие удачно вписаться в новые реалии цифровой экономики, будут получать заведомо больший доход, чем те, кто будет продолжать трудиться в традиционных отраслях национального хозяйства. Усилится расслоение общества, возрастет социальная напряженность.

По мнению исследователей Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), если власть не успеет подготовиться к назревающим структурным переменам на рынке труда, то вскоре она окажется перед непростым выбором: допустить социальный кризис или остановить развитие из «социальных» соображений. Для того чтобы в течение десяти лет каждый год обеспечивать работой примерно по 1 млн высвободившихся занятых и столько же лиц предпенсионного возраста, надо уже сейчас создавать предпосылки для межотраслевого маневра. Необходимо внедрять программы переобучения, переезда и более активно возводить жилье — по 100–120 млн кв. м в год [3]. Задача государства — обеспечить максимально мягкий переход к инновационной цифровой экономике для конкретных граждан, теряющих работу. Государство должно действовать на опережение, не идти в фарватере общемирового институционального и структурного развития, а инициировать прогрессивные структурные сдвиги по созданию новых и цифровой трансформации старых отраслей экономики.

Библиографический список

1. Красильников О.Ю. 2017. Взаимосвязь структурных сдвигов и экономического развития России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. Т.17, вып. 2. С. 127–133.
2. Медведев: 25 миллионов рабочих мест появятся в России до 2020 года. 2013 // Российская газета. 10.12.2013. URL: <https://rg.ru/2013/12/10/medved-anons.html> (дата обращения: 06.12.2018).
3. Баишкатова А. 2018. Цифровизация ставит РФ на грань социального кризиса // Независимая газета. 06.04.2018. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-04-06/4_7206_digital.html (дата обращения: 07.12.2018).
4. «Скоро предприниматель вымрет как класс». Как пенсионная реформа ударила по бизнесу. 2018. URL: http://ekb.dk.ru/news/skoro-predprinimatel-vymret-kak-klass-kak-pensionnaya-reforma-udarila-po-biznesu-237115025?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 09.12.2018).
5. Маркс К. 1985. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, ч. 1. М.: Политиздат.

Никифорова О. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
o.nikiforova@spbu.ru

БРЕНД ПЕТЕРБУРГА В ФОРМИРОВАНИИ МОТИВОВ К АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Аннотация: В данной статье проанализированы мотивы иностранных студентов на обучение в Санкт-Петербурге. Сегодня обучение за рубежом является широко распространенной практикой благодаря болонской системе и программам академической мобильности вузов. Обычно показателем эффективности являются цифры, свидетельствующие о том, сколько иностранных студентов обучается в том или ином вузе. Автору данной работы было интересно посмотреть, что именно формирует интерес к обучению именно в Санкт-Петербурге, какую роль играет пространство города, его история, культурное наследие в формировании установок на обучение в Северной столице. Для достижения поставленной цели автором было проведено исследование мнений иностранцев, приехавших в Санкт-Петербург по программе академического обмена.

Ключевые слова: академическая мобильность, бренд города, установки молодежи.

Nikiforova O. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE BRAND OF ST. PETERSBURG IN THE FORMING OF MOTIVES FOR ACADEMIC MOBILITY

Abstract: This article analyzes the motives of foreign students to study in St. Petersburg. Today, studying abroad is a widespread practice thanks to the Bologna system and the programs of academic mobility of universities. Typically, the performance indicator is the numbers that shows how many foreign students are enrolled in a higher education institution. It was interesting for the author of this work to see what exactly generates an interest in learning specifically in St. Petersburg, what role the space of the city, its history, and cultural heritage play in shaping the attitudes to study in the Northern capital of Russia. To achieve this goal, the author conducted a study of the opinions of foreigners who came to St. Petersburg on the academic exchange program.

Keywords: academic mobility, brand of the city, youth installation.

В России на сегодняшний день активно развиваются и функционируют несколько ключевых центров академической мобильности, которые одновременно являются мегаполисами с развитой социально-экономической инфраструктурой. К таким относятся традиционно Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Нижний Новгород, Владивосток и другие.

Санкт-Петербург как особый бренд культурной столицы является показательным примером, когда ценность качественного образования и ориентация на освоение культурного пространства являются главными мотивами для иностранных студентов, выбирающих программы академического обмена.

Многие развивающиеся и расширяющиеся университеты уделяют большое внимание международным связям. Привлечение иностранных студентов является одним из критериев конкурентоспособности и успешности вуза. Во-первых, студенты из других стран лучше видят недостатки и достоинства университета, структуры и системы обучения, что является уникальным источником информации для улучшения и реорганизации работы вуза. Если проводить исследования и опросы иностранных студентов, их полезный, а иногда просто необходимый учебному заведению опыт будет учтен, что приведет к повышению качества предоставляемых вузом услуг. Во-вторых, программы обмена — это возможность сотрудничества с учебными заведениями других стран. В настоящее время такие программы интересны большинству студентов, многие из которых готовы даже остаться жить в другой стране. Наконец, иностранные

студенты повышают престижность университета, делают его более привлекательным для русских абитуриентов. Таким образом, вузу необходимо уделять внимание выяснению причин, по которым иностранцы выбирают место обучения, или критериев престижности университета.

В целях изучения данного вопроса было проведено исследование мнений студентов, приехавших в Санкт-Петербург по программе обмена из других стран. Было проведено анкетирование 137 студентов из стран: Франция, Япония, Италия, Финляндия, Нидерланды, Республика Корея, Австрия, Швейцария, Польша, Чехия, Литва, Канада, Китай. Можно заметить, что российские вузы развивают связи с иностранными учебными заведениями благодаря развитой Болонской системе, обеспечивающей сопоставимость уровней получаемого образования в разных университетах и странах. Респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся их впечатлений о России, русской культуре, Санкт-Петербурге, университете, а также их ожиданий от программы обмена. На основе данного исследования можно сделать выводы о причинах выбора конкретного университета, города и страны для обучения, выделить критерии привлекательности вуза для иностранных студентов и определить основные проблемы, мешающие успешности программ обмена.

Приезжая учиться в Петербург, иностранцы одновременно знакомятся с русской культурой и историей и находятся в пространстве европейского искусства и архитектуры. Многих европейцев привлекает то, что русская культура очень отличается от западной, их привлекает ее богатство, красивая архитектура и классическая музыка.

Одной из ключевых установок студентов, приезжающих по обмену в Северную столицу является изучение русского языка и литературы, независимо от направлений профессиональной подготовки.

Интерес к русской культуре также связан с особым складом русских людей, которых в большинстве случаев иностранцы называют дружелюбными и отзывчивыми.

Серия вопросов касалась впечатлений приезжающих о России и русской культуре — большинство отметили, что культура сильно отличается от всего, что они видели в своей стране, это дает большой потенциал для развития студенческого обмена во всех городах и университетах. Россия — неоднородная страна, в которой совмещается влияние Востока и Запада, поэтому каждый город может удивить иностранцев своей уникальной атмосферой, что является сильным привлекающим фактором, который может быть использован университетами для повышения престижности в глазах русских студентов. Приезжие студенты-иностранцы говорили об особенностях менталитета русских людей, как сильно их поведение отличается от привычного иностранцам. Данный акцент может привлекать как иностранцев в Россию, так и русских студентов, желающих понять чужую культуру, за границу. Обучение в незнакомой стране всегда помогает завести новые знакомства или переехать в другую страну с целью трудоустройства. Университет, развивающий международные связи, всегда будет престижнее остальных, так как дает большие перспективы развития и трудоустройства для своих студентов.

У большинства иностранных студентов еще до приезда в Петербург были сформированы образы города, ожидания от его посещения, которые Петербург не только оправдал, но и во многих случаях превзошел.

В качестве еще одной устойчивой характеристики, данной Петербургу недавно приехавшими молодыми людьми, можно назвать масштаб города, его протяженность и разнообразие досуга, который он предлагает. Однако первое впечатление о Петербурге у большого количества группы прибывающих студентов связано с привычной петербуржцам погодой — дождливой, ветреной, переменчивой, холодной.

Как одно из конкурентных преимуществ города, привлекающих иностранных студентов является развитая транспортная система, расположение улиц и метро, что говорит о важности данных объектов городского пространства для приезжающих людей. Дешевизна и доступность общественного транспорта также привлекает молодежь.

Таким образом, иностранные студенты являются, с одной стороны, потенциальными потребителями высшего образования, а с другой стороны, своего рода индикатором, критерием престижности университета и благоприятного социального пространства вуза и города, поэтому каждому вузу необходимо учитывать, какие возможности открывают программы обме-

на и развитие связей с иностранными учебными заведениями. В конкурентоспособности программ образования задействованы не только сотрудники университета, отвечающие за качество предоставляемых услуг и за то, чтобы программа была современной, а знания — применимыми в любой стране. Для комфортного пребывания в чужой стране необходимо организовывать помощь студентам в знакомстве с городом, его инфраструктурой, маршрутами и устройством самого университета. Каждый город России обладает уникальной культурой, которая также может быть интересна иностранцам в качестве предмета изучения и возможности познакомиться с особенностями, историей и архитектурой другой страны. При правильном акценте на эти критерии любой вуз страны может повысить уровень своей престижности и стать более привлекательным в глазах русских и иностранных студентов.

Кроме иностранцев Петербург привлекает и молодых россиян, желающих получить высшее образование в культурной столице. Стремление абитуриентов получить высшее образование в одном из лучших образовательно-культурных центров страны превращает Петербург в миграционный центр. Как показывают исследования, большинство приезжих студентов, поступающих в столичные вузы, не планируют возвращаться в регионы [1, с. 74]. При опросе школьников старших классов в одной из школ Ярославля в 2017 г., мы интересовались готовностью школьников к переезду в другой город или страну, а также готовностью оплачивать обучение в университете. В настоящее время большинство молодых людей стремятся поступить в престижные вузы крупных городов, что сокращает количество молодых специалистов в остальных населенных пунктах. Можно говорить о том, что эта тенденция сохраняется, так как по результатам опроса школьников города Ярославля 79 % респондентов готовы переехать в другой город для получения высшего образования, а 25 % готовы даже уехать из страны. На подобное решение молодежи важное влияние оказывает возможность дистанционного участия в конкурсных испытаниях при поступлении в вузы, ставшая доступной благодаря системе единого государственного экзамена. С одной стороны, это дает равные возможности абитуриентам всех регионов при поступлении в ведущие вузы страны [2], с другой стороны, анализ современных миграционных процессов в регионах России свидетельствует о проблеме «оттока талантливых абитуриентов в более престижные учебные заведения столичных городов (Москва, Санкт-Петербург)» [3].

Являясь вторым после Москвы крупнейшим образовательным центром, Петербург привлекает студентов еще и потому, что он ближе к Европе, чем любой другой крупный город в стране. Такое соседство обеспечивает более развитые возможности для академической мобильности, участия в образовательных и научных проектах соседей.

Таким образом, академическая мобильность является комплексным социально-экономическим явлением, на развитие которого оказывают влияние как внутренние факторы, такие как профессиональное самоопределение молодежи, так и внешние, например имидж города и его социальная среда.

Библиографический список

1. Рощина Т. Г., Флоринская Ю. Ф. 2005. Миграционные намерения выпускников школ малых городов России // Мониторинг общественного мнения. № 2 (74).
2. Головчин М. А., Соловьева Т. С. Создание объединенного университета как механизм решения проблем высшего образования в регионе // Проект ScientificWorld. URL: www.sworld.com.ua/konfer29/463.pdf (дата обращения: 28.05.2013).
3. Карапетян Р. В., Никифорова О. А. 2018. Молодежь на рынке труда Санкт-Петербурга: динамика основных показателей // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). № 2 (14). С. 124–131. doi: 10.25634/MIRBIS.2018.2.18.

Сошнев А. Н., Сошнева Е. Б.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.soshnev@spbu.ru, e.soshneva@spbu.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ТРИГГЕР СФЕРЫ ТРУДА

Аннотация: В данном исследовании анализируется качественно новое состояние производства и общества. Оно характеризуется изменением технологий, переходом к умному производству и быту. Изменение образа жизни человека приводит к необходимости изменения социальной структуры общества. Рынок труда в цифровой экономике переживает серьезные трансформации. Происходят изменения профессионально-квалификационной структуры. Индустрия 4.0 неизбежно порождает новые противоречия, одним из которых будет положение прекариата в общественной системе.

Ключевые слова: информация, индустрия, общество, цифровизация, профессиональная структура, труд.

Soshnev A. N., Soshneva E. B.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

DIGITALIZATION AS A TRIGGER OF THE LABOR SPHERE

Abstract: This study analyzes a qualitatively new state of production and society. It is characterized by a change in technology, a transition to smart manufacturing and everyday life. Changing a person's lifestyle leads to the need to change the social structure of society. The labor market in the digital economy is undergoing major transformations. There are changes in the vocational qualifications structure. Industry 4.0 inevitably gives rise to new contradictions, one of which will be the position of the precariat in the social system.

Keywords: information, industry, society, digitalization, professional structure, labor.

Технологическое развитие производства было и остается главным фактором, определяющим профессионально-квалификационную структуру занятого населения, составляющую базу для национального рынка труда. Проблемы труда были и остаются в центре внимания современных общественных наук. К их исследованию подходят с разных позиций. Людвиг фон Мизес рассматривает рынок труда в категориях человеческой рациональной деятельности [1]. В. Я. Ельмеев определял труд как способ бытия и развития человека [2]. Как бы ни были различными подходы в исследовании сферы труда, общим в них является то, что человек действующий образует реальные условия общественного воспроизводства, где технологическое и общественное, включающее экономическое, политическое, культурное и социальное, взаимосвязаны. Концепции нового индустриального общества, постиндустриального, информационного, цифрового отражают потребности общества в разработке прогнозов на будущие периоды. Главный постулат Индустрии 4.0 — создание умных предприятий. Их действия создают веерный эффект не только в производственных системах, но и обеспечивают прорывы на основе цифровых технологий в самых различных областях общественной и личной жизни.

Роботизация производства становится мировым трендом. По прогнозам Международной федерации робототехники (IFR), к 2019 г. во всем мире будет установлено более 1,4 млн промышленных роботов. Уровень роботизации отечественного производства остается сравнительно низким. Для сравнения, в Китае в 2017 г. было установлено 138 тыс. роботов, в Японии — 46 тыс., в США — 33 тыс., в России — 700 роботов. Лидируют в производстве промышленных роботов Япония (52 % мирового производства), Китай — более 12 %, Южная Корея — 12 %, Германия — 8 %, Россия не производит промышленных роботов.

Цифровизация принципиально меняет робототехнику, создает возможности для самообучения, самонастройки технических устройств, их применения в различных сферах и принципиального изменения сфер производства. Она формирует новый индустриальный ландшафт,

который характеризуется качественно новой структурой отраслей производства. Индустрией становится логистика на цифровой основе с применением беспилотных транспортных средств. Уже сегодня беспилотный автотранспорт становится структурным элементом логистической структуры. Разрабатываются и внедряются беспилотные системы в железнодорожной, водной и воздушной логистике.

Логистика влияет на пространственную организацию производства. Оно переходит к качественно новой кластеризации, где отраслевое единство уже не играет существенной роли. Производство все в большей мере сочетает возможности работать на индивидуального заказчика посредством облачных сервисов. Крупномасштабное производство на основе роботизации дополняется крафтовым производством с высокой долей квалифицированного ручного труда.

Современная цифровизация меняет характер производства. Использование компьютера в управлении технологическим элементом производства, например токарным станком или прокатным станом, не изменяет технологии производства. Он выполняет определенные управленческие функции, и это лишь шаг вперед на пути к цифровизации. Собственно цифровизация проявляется в разработке искусственного интеллекта для производственных систем, создание гибридных технологий. Последние, наряду с биотехнологиями и нанотехнологиями, характеризуют новый технологический уклад, который станет основой будущего общества.

Цифровизация повседневности меняет сферы торговли и услуг. Интернет-торговля — это не только и не столько организация бизнеса, это новые информационные технологии повседневности, когда онлайн-покупки совершаются с мобильных устройств. Сама торговля сегментируется по цифровым критериям, т. е. месту покупателя в цифровом пространстве.

Переход России к Индустрии 4.0 происходит в сложных условиях. Последние характеризуются как мировым, так и внутренним социально-политическими контекстами. Перестройка, распад Советского Союза создали принципиально новую структуру общественного мироустройства, в котором России было отведено место в эшелоне слаборазвитых государств с сырьевой экономикой. Промышленный потенциал фактически был уничтожен. Государство остановилось в четвертом технологическом укладе. Политические, экономические и культурные элиты страны оказались неспособными определить социальные цели общества, это в значительной степени сохраняется и сегодня.

Различные течения либерализма, демократизации, абсолютизация рыночных отношений, их противопоставление государственному регулированию привело не к развитию демократии, а к вырождению государства. Власть оказалась бесконтрольной, коррупционной, развораживающей страну. К сожалению, и сегодня еще не все проблемы взаимоотношения власти и народа должным образом разрешены, о чем свидетельствуют уголовные дела, заведенные на высокопоставленных чиновников.

В реализации модели Индустриализация 4.0 функции государства являются определяющими. Частный капитал, при всей его социальной ответственности, живет в условиях жесткой конкуренции. Только крупный капитал располагает возможностями формировать венчурные фонды. Но правила деятельности, налоговая политика, различные сборы, экологические и социальные нормы и другие требования определяют органы местной и государственной власти. Именно этими инструментами власть может и обязана регулировать социально-экономические отношения в обществе, стимулируя или санкционируя действия хозяйствующих субъектов, направляя их на достижение общественных целей. Но для этого необходимо, чтобы эти цели были выстроены властью.

У нас много целевых программ различного уровня, в их числе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации в июле 2017 г. Дополнительные расходы государственного бюджета на реализацию программы превысят триллион рублей за шесть лет. Основную часть — более 413 млрд руб. — направят на развитие информационной инфраструктуры. Все государственные учреждения будут связаны единым цифровым контуром. 282 млрд руб. будет затрачено на цифровые технологии, 226 млрд руб. — на цифровое государственное управление, 138,7 млрд руб. — на подготовку кадров для цифровой экономики. Предусматриваются средства на информационную безопасность и нормативное регулирование ИТ-сферы [3].

Переход к цифровым, интеллектуальным, производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создания систем обработки больших объемов данных, масштабного обучения и искусственного интеллекта рассматривается как одно из приоритетных направлений научно-технологического развития России. По информации директора Российской ассоциации электронных коммуникаций С. Плуготаренко, доля цифровой экономики и связанных рынков в ВВП России в 2018 г. составляет 5,1 %. Объем рынка электронной коммерции составляет 2 трлн руб., объем рынка маркетинга и рекламы — 250 млрд руб., объем рынка «больших данных» достиг 3 млрд руб. [4].

Цифровизация создает принципиально новую экономику потребления — экономику совместного потребления, включающую шеринг-рынки, онлайн-биржи фрилансеров, сервисы совместных поездок, краткосрочную аренду жилья.

Технологии Индустрии 4.0 предъявляют новые требования к профессионально-квалификационной структуре занятого населения и к организации рынка труда. Профессионально-квалификационная структура практически во всех сферах производства и сервиса сокращает простые, монотонные виды труда. Уже ушла в небытие профессия машинистки и некоторые другие. Сокращаются рабочие места операционистов в банковской сфере. Роботизация сокращает долю живого труда в производственных системах. Технологии искусственного интеллекта обеспечат компьютеризацию рабочих мест в менеджменте, бизнесе, юриспруденции, медицине и сфере услуг.

Рынок труда реализует наличный человеческий потенциал, включает людей в продуктивную деятельность в каждый данный момент времени и на конкретной территории. Цифровизация, пожалуй, впервые создает условия для экстерриториальности рынка труда. Удаленный доступ, фриланс создают прекариат как новый элемент в социальной структуре общества. Его роль и функции в социальном воспроизводстве пока слабо исследованы, но они постоянно возрастают.

Динамика наличного населения, его половозрастной состав определяются социальными условиями, в которых совершается воспроизводство общества. Цифровизация объективно повышает возраст людей, включаемых в продуктивную деятельность, поскольку необходимо увеличивать период профессионального обучения. Однако результатами цифровизации в различных сферах люди могут пользоваться с раннего возраста, что определяет характер образа жизни в цифровой повседневности.

Изменение пенсионного законодательства в Российской Федерации окажет влияние на состояние рынка труда. В него будут дополнительно включены старшие возраста. Их место в цифровом производстве — вспомогательное. Однозначного повышения продуктивности производства за счет данной инициативы ожидать трудно. Более того, оценки состояния рынка труда вызывают большие сомнения. Уровень безработицы в Санкт-Петербурге оценивается в 1,4 %, а в среднем по стране — 4,6 %. Вместе с тем в 15–17 млн человек оценивается самозанятость и теневая экономика. Скорее всего, что эти цифры условны. Нужны методики анализа рынка труда, позволяющие оценивать его состояние и динамику, включая региональные и национальные аспекты, а также миграционные ресурсы.

Умное производство предъявляет новые требования к институту образования. Учитывая то, что российское образование реформируется уже в течение двух десятилетий, можно было бы предположить его выход на самые передовые позиции. Однако реформирование проходит преимущественно внутри самого образования вне связи с его общественными функциями. Главной общественной функцией образования является культурное развитие. Она дает базовую платформу как для освоения ценностных норм, так и для жизненной ориентации.

Функция профессиональной подготовки в условиях умного производства — динамическая, постоянно реагирующая на потребности хозяйственной деятельности. Ее реализация требует соответствующих динамичных образовательных инструментов и технологий, в том числе системы онлайн-образования. При этом вузам придется менять свою традиционную структуру и ряд функций, переходить к непрерывному образованию. В настоящее время в России непрерывно обучается около 15 % трудоспособного населения, в Европе — 70–80 %.

Цифровизация, и в первую очередь развитие цифровой экономики, рассматривается ключевым звеном политики российского государства. Вместе с тем необходимо представлять противоречия цифровизации как социального явления. В их числе:

- 1) реальное состояние национального хозяйства и востребованность цифровизации;
- 2) региональные и отраслевые различия готовности к цифровизации;
- 3) мировые рынки цифровых технологий и место России;
- 4) личная и национальная безопасность в условиях технологической зависимости;
- 5) интересы личности, государства и общества в цифровом пространстве и новые формы правовых отношений.

Разрешение этих противоречий позволит создать новый технологический базис национальной экономики. В частности, одним из таких противоречий оказывается формирование креативных пространств в цифровой среде.

Индустрия 4.0 для России — будущее. Как скоро оно наступит, будет зависеть от эффективности государственной политики и активности гражданского общества. Чем продолжительнее будет этот период, тем больше опасности для нашего государства стать периферийной экономикой.

Библиографический список

1. Мизес фон Л. 2005. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. А. В. Куряева. Челябинск: Социум. С. 297–299.
2. Ельмеев В. Я. 2007. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 417–419.
3. Шадрина Т. 2018. Жизнь в цифровом качестве // Российская газета (17 октября) № 232 (7695).
4. Шадрина Т., Грейхонова А. 2018. Для государства ИТ-отрасль — один из локомотивов экономики России... // Российская газета (22 ноября) № 262 (7725).

Юссуф А. А.

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинский пр., 49
an.yussuf@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация: В статье рассмотрена специфика цифровизации в российских регионах; указана неоднородность цифровых трансформационных процессов; определены основные показатели регионального развития в соответствии с вектором цифровизации; подчеркнута необходимость организации системного и сбалансированного развития и внедрения цифровых технологий; даны рекомендации по увеличению темпов развития цифровой экономики на региональном уровне; отмечается влияние развития регионов с учетом динамичных технологических изменений на становление цифровой экономики России, обеспечение цифрового суверенитета страны.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, развитие цифровой экономики, регион, направления цифровизации, региональное развитие.

Yussuf A. A.

Financial University under the Government of Russian Federation,
49, Leningradsky av., Moscow, 125993, Russian Federation

FEATURES OF THE DIGITAL ECONOMY DEVELOPMENT AT THE REGIONAL LEVEL

Abstract: The article deals with the specifics of digitization in the Russian regions; the heterogeneity of digital transformation processes is indicated; the main indicators of regional development were determined in accordance with the digitization vector; stressed the need for the organization of a systematic and balanced development and introduction of digital technologies; made recommendations to increase the pace of development of the digital economy at the regional level; The impact of regional development, taking into account dynamic technological changes on the development of the Russian digital economy, ensuring the country's digital sovereignty is noted.

Keywords: digital economy, digitalization, digital economy development, region, areas of digitalization, regional development.

Создание цифровой экономики — одно из важнейших приоритетов государства. Предстоят масштабные перемены: организация системного развития и внедрения цифровых технологий в экономике, в предпринимательстве, социальной сфере, городском хозяйстве, в системе госуправления. Создание экономики будущего в цифровой среде — это попытка нового технологического скачка, мегапроект, успешная реализация которого позволит выйти России на новый уровень развития. Цифровизация — мегатренд современности, обусловленный необходимостью адаптации к стремительным техническим и технологическим изменениям в производственных и управленческих процессах не только на микро- и макроуровнях, но и на региональном, мезоуровне.

В настоящее время невозможно представить развитие экономики регионов без цифровизации регионального и муниципального управления, введения электронного документооборота, интеграции госведомств на базе единых цифровых платформ, создания цифровых товаров и развития IT-сектора, а также телемедицины, дистанционного образования, создания возможностей для удаленной работы, внедрения умных управленческих технологий в жилищно-коммунальном хозяйстве и т. д. Следовательно, актуальной задачей для российских регионов становится переход на путь активной цифровизации в соответствии с современными трендами.

Цифровизация в России происходит в рамках целевой программы, утвержденной в июле 2017 г. [1], цель которой — организовать системное развитие и внедрение цифровых техноло-

гий во всех областях жизни. Она предусматривает создание в стране сетей связи, цифровых платформ работы с различными данными, а также образовательной и исследовательской базы.

В настоящее время программа содержит общие разделы, необходимые для создания условий развития цифровой экономики. Согласно программе, создание умных городов, цифровизация ЖКХ и транспорта становятся перспективными сферами для развития цифровой экономики в российских регионах. Несомненно, развиваются совершенно разные отраслевые трансформационные процессы, и регионы не могут демонстрировать одинаковые результаты адаптации к новым реалиям.

Например, для Алтайского и Краснодарского края, Воронежской области — ярких представителей аграрных регионов — основной эффект от применения цифровых технологий будет проявляться в сельском хозяйстве; для промышленных регионов — в развитии умных производств, индустрии 4.0; для регионов, где есть потенциал развития цифровой инфраструктуры, — в создании центров обработки данных, развитии технологий беспроводной связи.

Развитие цифровой экономики требует мощного кадрового резерва, поэтому некоторые регионы (Свердловская и Ростовская области, Приморский край) активно реализуют образовательные проекты, направленные на подготовку IT-специалистов, формирование более специальных и глубоких компетенций, например по анализу больших данных, цифровому моделированию физических систем, проектированию геоинформационных систем, искусственному интеллекту и другим актуальным специализациям [2]. В этом направлении можно отметить активности Уральского федерального университета, Дальневосточного федерального университета, Донского государственного технического университета.

Одним из самых распространенных сегодня направлений цифровизации на региональном уровне становится внедрение новых технологий в систему ЖКХ и городской транспортной инфраструктуры. Развитием собственных проектов в этой сфере занимаются, в частности, Тюменская и Новгородская области, Республика Северная Осетия [2]. Это и внедрение умных систем контроля приборов учета коммунальных услуг, и систем информирования пассажиров о расписании движения автобусов, адаптивных светофоров, технологий создания систем интеллектуального освещения и др.

Согласно исследованиям уровня цифровизации России [3], к основным показателям регионального развития следует отнести:

- наличие нормативных правовых документов и профильных подразделений по развитию цифровой экономики на региональном и муниципальном уровнях, наличие разработанных представителями региональной власти и бизнеса дорожных карт цифровой трансформации регионов, а также экспертных площадок для регулярного обсуждения проблем цифровой трансформации на уровне руководства региона с привлечением представителей местного ИТ-бизнеса;
- возможности получения профессионального образования в учебных заведениях и подготовки специалистов по внедрению и практическому использованию цифровых технологий, наличие работающих специалистов, а также вакансий в организациях сферы цифровых технологий, проведение мероприятий, направленных на популяризацию цифровых трансформаций;
- наличие в регионах планируемых и уже реализованных проектов по созданию и развитию сквозных цифровых технологий (большие данные, искусственный интеллект, квантовые технологии, промышленный интеллект, технологии беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальностей и др.);
- развитие и внедрение в регионе сетей связи, системы центров обработки данных, цифровых платформ работы с данными для обеспечения потребностей граждан, бизнеса и власти, доступ у субъектов хозяйственной системы региона к цифровым технологиям, используемым для получения, хранения и обработки информации с целью цифровизации их деятельности;
- наличие, внедрение и использование технологий по обеспечению информационной безопасности от внутренних и внешних информационных угроз;

- объем инвестиций в развитие цифровой экономики региона, доходы региональных компаний от использования цифровых технологий, применение цифровых технологий при осуществлении платежей;
- внедрение проектов с использованием цифровых технологий, оказывающих влияние на социальную среду региона, оказание гражданам госуслуг с использованием цифровых технологий, наличие и количество в регионе исследовательских центров по цифровой экономике, наличие и количество институтов помощи и развитию стартапов в области цифровой экономики, а также количество цифровых технологий на душу населения.

Состояние процессов цифровых трансформаций в российских регионах весьма неоднородно, что подтверждают последние исследования Центра финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления «Сколково» [3].

Согласно рейтингу «Цифровая Россия», по субъектам Российской Федерации за первое полугодие 2018 г. регионами-лидерами стали Москва, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Ханты-мансийская АО — Югра, Тюменская область, ЯНАО, Московская область, Республика Башкортостан, Ленинградская область, Челябинская область.

К аутсайдерам эксперты отнесли Севастополь, Псковскую область, Республику Адыгея, Республику Северная Осетия — Алания, Чукотский автономный округ, Республику Калмыкия, Карачаево-Черкесскую Республику, Республику Тыва, Республику Ингушетия, Еврейскую автономную область. Невысокий уровень цифровизации в этих регионах обусловлен низкой экономической активностью в высокотехнологичных отраслях, недостатком финансирования и квалифицированных кадров для развития цифровой экономики. Важной задачей для регионов-аутсайдеров является устранение цифрового неравенства, активное повышение уровня вовлеченности в цифровую экономику.

Для увеличения темпов развития цифровой экономики и уменьшения существующих разрывов по уровню цифровизации между отдельными регионами представляется необходимым решить ряд проблем.

Во-первых, это повышение числа квалифицированных кадров в области внедрения и использования цифровых технологий, а также необходимость корректировок образовательных программ в соответствии с вектором цифровизации.

Во-вторых, это проблема недостатка финансирования проектов развития цифровых технологий, привлечения инвесторов в регион, развития венчурного финансирования. Регионам необходимо поддерживать взаимодействия между бизнесом и наукой, чтобы технологические заделы и исследования превращались в реальные инновации. При таких условиях бизнес будет финансировать исследовательскую деятельность не ради развития науки, а ради внедрения научных разработок в конкретные бизнес-процессы, способствующие цифровым трансформациям региональной системы хозяйствования.

В-третьих, обеспечение доступа к сети Интернет, активное массовое внедрение стандартов 4G, LTE и в будущем — пятого поколения мобильной связи.

В-четвертых, совершенствование институциональной базы, формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для создания и развития цифровых технологий.

В-пятых, создание территориальных механизмов, позволяющих информировать, учить, помогать владельцам и руководителям предприятий осуществлять цифровую трансформацию.

Трансформационные процессы становления цифровой экономики в регионах способствуют росту человеческого капитала, увеличению профессиональной мобильности, стимулируют деловую активность и развитие дистанционной занятости. Нельзя не отметить приток инвестиций в регионы-лидеры за счет быстрого разворачивания виртуальной инфраструктуры. К последствиям цифровых трансформаций можно отнести и снижение криминализации в обществе, социально-экономический рост, рост высокотехнологичного экспорта, прозрачность управления, а также рост ВРП за счет сокращения дублирующих расходов, ускорения выпуска продукции и сервисов, устранения промежуточных звеньев в цепочках поставок [4].

Развитие цифровой экономики оказывает огромное влияние на бизнес, а именно: способствует быстрому освоению новых технологий и методик, ускорению внедрения новых продуктов, сокращению цепей поставок и снижению издержек, доступу к конечному потребителю, интеграции в сетевое интеллектуальное производство [4], использованию новых информационных технологий, позволяющих автоматизировать и интегрировать производственные и управленческие процессы в единую информационную систему [5].

Представляется, что ускоренное развитие искусственного интеллекта, масштабная роботизация, развитие и внедрение инновационных цифровых технологий, создание умных городов, реализация новых цифровых инфраструктурных решений образуют фундамент для становления цифровой экономики, открывают огромные перспективы для роста и повышения конкурентоспособности не только отдельных регионов, но и страны в целом. Поэтому достижение сбалансированности процессов цифровизации на мезоуровне, разработка и повышение конкурентоспособности отечественных инновационных технологий, учет интересов и особенностей отдельных российских регионов — необходимые условия для развития цифровой экономики в масштабе всей страны [6, 7].

Библиографический список

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 03.12.2018).
2. Как российские регионы развивают цифровую экономику. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5470625> (дата обращения: 03.12.2018).
3. Индекс «Цифровая Россия», октябрь 2018. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Full_2018-10_ru.pdf (дата обращения: 16.12.2018).
4. Платформа отраслевых экосистем цифровой экономики. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/3.%20Бабаян%20Е.Б._Платформа%20отрас.%20экосистем.pdf (дата обращения: 19.01.2019).
5. Курс на цифровизацию: цифровую экономику поддержат во всех регионах России. 2018. URL: <https://www.ridus.ru/news/281141> (дата обращения: 17.12.2018).
6. Нематериальные ресурсы и инвестиционная привлекательность региона: коллективная монография. 2017. Р. Н. Федосова, Н. М. Филимонова, Н. П. Красоченкова, А. А. Юссуф, Т. В. Старикова; науч. ред. Р. Н. Федосова. М.; Владимир: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2015; Владимирский филиал РАНХиГС. 271 с.
7. Fiona Sussan, Zoltan J. 2017. AcsThedigitalentrepreneurialecosystem // Small Business Economics. June. Vol. 49, iss. 1. P. 55–73.

Токарева Г. Ф., Багаутдинова И. В.

Уфимский государственный авиационный технический университет,
Российская Федерация, 450000, Уфа, ул. Карла Маркса, 12
sapfo79@mail.ru, inna.bagautdinova@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: Развитие информационных технологий влечет за собой трансформацию всех сфер жизнедеятельности общества. Цифровое государство невозможно без цифровой экономики, формирование которой является в настоящее время одним из приоритетных направлений. В статье рассматриваются основные векторы развития цифровой экономики, а также европейские и международные инициативы по созданию справедливой налоговой системы.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые технологии, цифровые риски, налоговая система.

Tokareva G. F., Bagautdinova I. V.

Ufa state aviation technical University,
12, Karl Marx str., Ufa, 450000, Russian Federation

CURRENT TRENDS IN THE REGULATION OF THE TAXATION OF THE DIGITAL ECONOMY

Abstract: The development of information technologies entails the transformation of all spheres of society. A digital state is impossible without a digital economy, the formation of which is currently one of the priorities. The article discusses the main vectors of the digital economy, as well as European and international initiatives to create a fair tax system.

Keywords: digital economy, digital technologies, digital risks, tax system.

Цифровая экономика подрывает традиционные представления о том, как устроены предприятия, как взаимодействуют фирмы и как потребители получают услуги, информацию и товары:

- Uber, крупнейшая в мире компания такси, не имеет транспортных средств;
- Facebook, самый популярный медиа-владелец в мире, не создает контента;
- у Alibaba, самого ценного ритейлера, нет инвентаря;
- Airbnb, крупнейший в мире провайдер жилья, не владеет недвижимостью.

Таким образом, мир сталкивается с широким кругом экономических видов деятельности, которые используют оцифрованную информацию и знания в качестве ключевых факторов производства. Интернет, облачные вычисления, большие данные, финансовые технологии и другие новые цифровые технологии используются для сбора, хранения, анализа и обмена информацией в цифровом виде и преобразования социальных взаимодействий. Оцифровка экономики создает преимущества, поскольку цифровые технологии стимулируют инновации и экономический рост. Цифровая экономика также пронизывает все аспекты общества, влияя на то, как люди взаимодействуют и вызывают широкие социологические изменения.

До недавнего времени **Элементом налогообложения в цифровой экономике являлось международное правило подоходного налога**, основанного в 1920-х годах на принципе «происхождения богатства». Традиционно факторы, создающие ценность, были относительно неподвижными и требовали интенсивного использования рабочей силы и материальных активов, оправдывая в целом **налогообложение в государствах «проживания»** компании. Такой подход в международном налогообложении дополнялся **двусторонними соглашениями о налогообложении и многосторонними торговыми соглашениями**, чтобы избежать двойного налогообложения и поощрять торговлю.

Новые бизнес модели цифровой экономики основаны на современных информационно-коммуникационных технологиях и эксплуатации больших объемов данных, размывании линии между товарами и услугами. У таких бизнес-моделей есть общее: создание стоимости в значительной степени децентрализованно и отделено от «физического присутствия» компании. Политики пытались найти решения, которые обеспечат справедливое и эффективное налогообложение трансформирующейся экономики.

В докладах ОЭСР и Европейского союза впечатляюще изложены различные новые бизнес-модели, их рост, их размер и их влияние на мировую экономику, а также разница в налоговой нагрузке между компаниями, предлагающими классические трансграничные физические услуги и которые предлагают цифровые услуги. Так, в 2017 г., 9 мест из топ-20 компаний по рыночной капитализации заняли технологические компании (Apple, Alphabet, Microsoft и Amazon заняли первые четыре места; выручка пяти крупнейших ритейлеров электронной коммерции выросла за 2 года — с 2016 по 2017 — на 32 %).

Однако, учитывая все более широко распространяющийся характер цифровизации, невозможно «оградить» цифровую экономику от остальной части экономики для целей налогообложения. В связи с этим в 2015 г. ОЭСР представила окончательный пакет мер (план BEPS) для всестороннего, последовательного и согласованного реформирования международных налоговых правил, которые впоследствии были одобрены министрами финансов стран Большой двадцатки.

Ключевыми в плане BEPS являются 15 мер (actions), с помощью которых члены ОЭСР, а также другие государства могут существенно преуспеть в противодействии минимизации налогов [1].

Данная концепция в целом оказалась успешной по причинам (относительной) ясности, определенности и правоприменения. Однако в итоговом отчете было объявлено, что «работа будет по проекту BEPS продолжена» и что «доклад, отражающий результаты продолжающейся работы в отношении цифровой экономики, должен быть подготовлен к 2020 году» [2].

В 2014 г. экспертная группа комиссии по налогообложению цифровой экономики Европейского союза выступила за улучшение налоговой среды для молодых инновационных компаний, особенно цифровых, выступая против новой концепции «цифрового налогооблагаемого присутствия», отметив, что она «подробно рассмотрела этот вопрос и пришла к выводу о том, что в настоящее время нет никакого обоснованного обоснования для такого фундаментального изменения, конкретно касающегося цифровой деятельности» [3].

Призыв к новым подходам к налогообложению в цифровой экономике получил огромный политический импульс в 2016 г.: эстонское правительство поставило налоговые вопросы в отношении цифровой экономики на передний план своей налоговой повестки дня [4]. Кроме того, Франция, Германия, Италия и Испания призвали к введению уравнительного сбора на основе оборота, генерируемого в Европе цифровыми компаниями, в качестве «быстрого решения» цифровой налоговой проблемы, и еще шесть государств — членов ЕС (Австрия, Болгария, Греция, Португалия, Румыния и Словения) согласились на такой подход на неофициальном совещании Экофин (Совет Экофина состоит из министров экономики и финансов из всех государств — членов ЕС) в Таллинне 16 сентября 2017 г. [5]. На этом совещании некоторые государства — члены ЕС выразили решительное несогласие или озабоченность по поводу изменения налоговой базы для цифровой экономики, в то время как другие государства-члены предпочли стремиться к всеобъемлющему и надежному подходу к налогообложению цифровой экономики, основанному на проверенных временем правилах действующей международной системы корпоративного налогообложения [6]. На неофициальной встрече Экофин в Таллинне министры договорились «оперативно продвигать вперед налогообложение цифровой экономики и достичь общего понимания на совете Экофин в декабре 2017 г.» [6].

Между тем, 21 сентября 2017 г. комиссия Экофин опубликовала сообщение «Справедливая и эффективная налоговая система в Европейском Союзе для единого цифрового рынка» [7], в котором обсуждались общие вопросы, цели и — на довольно абстрактном уровне — различные варианты налогообложения на долгосрочную и краткосрочную перспективу. В конечном

итоге комиссия призвала «к сильной и амбициозной позиции ЕС по налогообложению цифровой экономики».

В то время как ОЭСР и Европейский Союз вместе с G20 стремятся к многостороннему разрешению проблемы налогообложения цифровых компаний, ряд государств уже приняли в одностороннем порядке меры (Краткий обзор односторонних действий, предпринятых Австралией, Израилем, Индией, Италией, Китаем, Соединенным Королевством, Францией, см. [8]). Так, с 1 апреля 2015 г. в Великобритании и Австралии появился новый налог — на перемещенную стоимость или налог на отчуждение прибыли (Diverted Profits Tax — DPT). Плательщиками налога выступают крупные транснациональные корпорации, которые осуществляют свою деятельность на территории Соединенного Королевства и заключают сделки с аффилированными лицами с целью перемещения прибыли с территории страны и избежания уплаты английских налогов. Ставка налога 25 % — применяется в случае признания постоянного представительства, если лицо от имени иностранной компании осуществляет в Великобритании деятельность, связанную с поставкой товаров или оказанием услуг британским клиентам, в то время как у такой компании нет официального представительства в Великобритании; а также на отсутствие экономической цели транзакций, в которые вовлечены компании, являющиеся налоговыми резидентами Великобритании [9].

В ноябре 2017 года Бюджетный комитет Сената Италии одобрил предложение ввести 6-процентный налог на цифровые продажи. Фиксированная ставка налога (6 %-ный налог) будет применяться к продаже цифровых услуг, таких как онлайн-реклама. Например, если итальянская компания покупает рекламу в корпорации Google, 6 % стоимости продажи будет взыскано и уплачено итальянской налоговой. Так называемый веб-налог вступит в силу с января 2019 г. [10].

Цифровизация экономики создала совершенно новые бизнес-модели и создает значительные проблемы для нынешней налоговой системы. Вызовы времени актуализировали значимость обсуждения как на политическом, так и на техническом уровне вопроса о том, каким образом налоговые системы должны реагировать на эти изменения. Представленный обзор существующих элементов налогообложения в цифровой экономике позволяет определить, несмотря на то что политики пытаются найти решения, которые позволят сформировать справедливое и эффективное налогообложение, тем не менее предпринимаемые меры (ОЭСР, ЕС и отдельными странами) носят преимущественно краткосрочный и промежуточный характер. Это обусловлено неопределенностью в достижении международного консенсуса по вопросам налогообложения в цифровой экономике. Государства не единодушно поддерживают предлагаемые меры. Отсутствие международного консенсуса в отношении налогообложения цифровой экономики создает вакуум неопределенности. Некоторые страны, как мы определили, заполняют вакуум своим собственным набором налоговых мер, который продолжает создавать неопределенность и повышает риск и сложность налогового управления для многонациональных предприятий (МНК).

Франция, в лице министра финансов Бруно Лемэр, являющегося ведущим сторонником идеи налога на цифровые доходы, вместе с Австрией, Болгарией, Испанией, Италией, Германией, Словенией, Грецией, Португалией и Румынией подписали письмо с просьбой к Комиссии изучить возможность налога на доходы от цифровых компаний. Великобритания, хотя и не подписавшая его, подчеркнула во введении к своему обновленному документу о позиции (опубликованному 13 марта 2018 г.), что она (Великобритания) «продолжает активно поддерживать» работу Комиссии в этой области.

По другую сторону забора находятся Швеция, Дания, Ирландия, Люксембург и Мальта, которые призывают проявлять осторожность в вопросах «цифрового налогообложения». Шведский МЕР Gunnar Hökmark, например, раскритиковал Комиссию за вмешательство в сферу права, которая «является единственным правом правительств государств — членов ЕС» и за неспособность провести надлежащий экономический анализ того, как реформы повлияют на налоговую базу небольших Европейских стран [11]. Комиссия, в свою очередь, усиливает политическое давление на эти несогласные страны: Ирландия, Люксембург и Мальта вместе

с Бельгией, Кипром, Венгрией и Нидерландами публично обвиняются в участии в «агрессивных структурах налогового планирования».

Позиция США по вопросам введенных «цифровых налогов» однозначна. По мнению заместителя помощника госсекретаря США по международным налоговым вопросам Чип-Хартер (Foreign Tax Affairs), цифровые компании не достаточно уникальны, чтобы пересматривать налоговое законодательство. США придерживаются мнения, что никаких изменений в сфере PE не требуется (на основе того, что крупные транснациональные корпорации меняют свои структуры, чтобы использовать локальные дистрибьюторы с низким уровнем риска). Стивен Мнучин, секретарь Казначейства США, обозначил, что цифровой налог — «избыточное бремя», препятствующее росту и в конечном итоге наносящее вред компаниям и потребителям [11]. Предложенный Комиссией ОЭСР подход к налогообложению цифровых гигантов допускает размывание налоговой базы, что, по мнению США, является недопустимым. Очевидная оппозиция США цифровым налоговым реформам вызывает серьезные сомнения в перспективах успешной реализации ОЭСР принципиальных изменений в регионе [12].

Тем не менее, несмотря на трудности в достижении международного консенсуса в отношении цифрового налогообложения, это не означает, что проблему можно игнорировать. Несмотря на кажущуюся сложность и неразрешимость проблем налогообложения в цифровой экономике, фундаментальные принципы налогообложения электронной коммерции, предложенные в ходе Конференции в Оттаве в 1998 г., представляются нам вполне достаточными для сохранения баланса интересов между государствами, а также между государством и бизнесом: нейтральность, эффективность и справедливость, гибкость, определенность и простота.

Библиографический список

1. Действие 1–157: заключительный доклад 2015 года (ОЭСР 2015), международные организации Документация IBFD, paras. 1–364.
2. Аллен М. 2016. Веб-налог и налогообложение экономики: о различных попытках и подходах, принятых в Италии // *Taxn.* 7. P. 304 et seq. (2017), журналы IBFD.
3. Бретта Г. 2016. Европейская повестка дня для совместной экономики и налогообложения // *Taxn.* 9. P. 56 (2016), журналы IBFD.
4. Бурилов В. Обзор налоговых рисков цифрового бизнеса. URL: <http://www.o2consult.com/articles/article-by-vlad-burilov> (дата обращения: 08.12.2018).
5. Баркс С. 2016. Налогообложение цифровых транзакций в Индии: новый уравнительный сбор // *Taxn.* 9. P. 543 (2016), журналы IBFD.
6. Великобритания: поправки к налоговому законодательству (борьба с уклонением от уплаты мультинациональных налогов). 2015 // Закон. № 170. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/diverted-profits-tax-guidance> (дата обращения: 08.12.2018).
7. Европейская комиссия, справедливая и эффективная налоговая система в Европейском Союзе для цифрового единого рынка. 2017 // COM. 547 final (21 сентября 2017). P. 4.
8. Информационный бюллетень Европейской комиссии, вопросы и ответы на Сообщение о справедливой и эффективной налоговой системе в ЕС для единого цифрового рынка. 2017. (21 сентября 2017). URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-17-3341_en.htm (дата обращения: 08.12.2018).
9. Клейсон М. 2018. Налоговая реформа в цифровой экономике: недавняя деятельность ОЭСР и ЕС // *TaxJornal* от 04 апреля 2018 года. URL: <https://www.taxjournal.com/articles/tax-reform-digital-economy-recent-oecd-and-ec-activity-04042018> (дата обращения: 08.12.2018).
10. ОЭСР, решение налоговых проблем цифровой экономики. 2015.
11. План BEPS. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/addressing-base-erosion-and-profit-shifting_9789264192744-en.WSLza-vyjIU page1 (дата обращения: 08.12.2018).
12. Цифровая экономика: отдельные вопросы, имеющие потенциальное значение для развития страны. 2017. (Отчет экспертов по международному сотрудничеству в налоговых вопросах ЕС) От 8 августа 2017. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=E/C.18/2017/6 (дата обращения: 08.12.2018).

Хаджаев Х. С.

Ташкентский финансовый институт,
Республика Узбекистан, 100000, Ташкент, ул. Амира Тимура, 60 А
khabibulla_1965@mail.ru

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Аннотация: в данном исследовании рассматриваются роль и значение цифровой экономики для Узбекистана, с учетом анализа ее преимуществ и недостатков, потенциала страны по использованию цифровых технологий, а также приоритеты социально-экономического развития Узбекистана на долгосрочную перспективу. Данное исследование осуществлено на основе изучения законодательных актов Республики Узбекистан и Российской Федерации, принятых за последние годы в области развития информационно-коммуникационных технологий и цифровой экономики. Кратко описано влияние цифровой экономики на рынок труда в России и Узбекистане.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровая экономика, интернет, бизнес, рынок труда, кадры.

Khadzhaev H. S.

Tashkent Institute of Finance,
60 A, Amir Timur str., Tashkent, 100000, The Republic of Uzbekistan

THE ROLE AND IMPORTANCE OF THE DIGITAL ECONOMY IN UZBEKISTAN

Abstract: this study examines the role and importance of the digital economy for Uzbekistan, taking into account the analysis of its advantages and disadvantages, the country's potential to use digital technologies, as well as the long-term socio-economic development priorities of Uzbekistan. This study was carried out on the basis of studying the legislative acts of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation, the adoption in recent years in the development of information and communication technologies and the digital economy. The impact of the digital economy on the labor market in Russia and Uzbekistan is briefly described.

Keywords: information technology, digital economy, Internet, business, labor market, personnel.

Развитие цифровой экономики является приоритетом обеспечения увеличения возможностей каждой страны. В связи с этим разрабатываются и утверждаются стратегии развития цифровой экономики, учитывающей многоотраслевой характер применения цифровых технологий и предусматривающей развитие мер государственного регулирования, способствующих снятию барьеров, мешающих к этому процессу. Развитие цифровой экономики и социальной сферы является одним из ключевых стратегических приоритетов социально-экономического развития Узбекистана на долгосрочную перспективу.

Исходя из актуальности данной проблемы, государством принимаются широкомасштабные меры по развитию цифрового сектора экономики, внедряются системы электронного документооборота, развиваются электронные платежи и совершенствуется нормативно-правовая база в сфере электронной коммерции. В соответствии с Законом Республики Узбекистан «Об электронной коммерции» электронной коммерцией является купля-продажа товаров (работ, услуг), осуществляемая в соответствии с договором, заключаемым с использованием информационных систем [1].

Все страны, прежде чем переходить к той или иной системе, оценивают их положительные и отрицательные стороны. Положительными сторонами цифровой экономики являются возможность повышения цифровой грамотности у населения, дистанционного управления работой, доступность и свобода рынка, упрощенность платежей, доступность любой отрасли экономики в данной сфере, возможность повышения уровня производительности и сокращение себестоимости, так как может быть полностью исключен бумажный документооборот и введен электронный. Отрицательные стороны цифровой экономики, с которыми могут столкнуться люди, — это нарушение безопасности конфиденциальности личных данных насе-

ления, засорение информационного пространства, дефицит высокообразованных кадров и появление большого количества безработных в результате ее внедрения [2].

Цифровая экономика может приводить к возникновению особенно необходимых для нашей страны в современных условиях так называемых умных городов, транспорта и других. Учитывая, что преимуществ цифровой экономики в современных условиях больше, чем ее недостатков, необходимо ее развивать.

В настоящее время, когда по всему миру активно и успешно развивается цифровая экономика, нашему государству необходимо активно внедрять ее в жизнь Узбекистана, для того чтобы остаться конкурентоспособным на рынке мировой экономики. Не зря Президент Республики Узбекистан своими действиями, подтверждает значимость данной сферы для Узбекистана. Его Указ «О мерах по дальнейшему совершенствованию сферы информационных технологий и коммуникаций» от 19 февраля 2018 г. является одним из примеров. В данном Указе поручено Министерству по развитию информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан обеспечить стимулирование роста цифровой экономики, в том числе за счет внедрения комплексных автоматизированных систем управления на производстве и создания благоприятных условий для развития электронной коммерции. Этим вопросом в ее структуре занимается Главное управление развития цифровой экономики. Этот Указ дал возможность субъектам предпринимательства начиная с 1 июня 2018 г. осуществлять экспорт товаров, работ (услуг), за исключением отдельных товаров по перечню, определяемому правительством, посредством электронных торговых площадок в сети интернет без заключения экспортного контракта и изъятия банковской комиссии за экспорт товара, работ (услуг). При этом оборот товаров, реализуемых субъектами предпринимательства путем использования электронной коммерции, будет считаться розничной торговлей вне зависимости от их объема [3]. Также было с его стороны подписано постановление № 3832 от 3 июля 2018 г. «О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан». В данном Постановлении определены цель и задачи развития цифровой экономики.

Основная цель — улучшение инвестиционной среды, а также реализация Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 гг. для дальнейшего совершенствования системы государственного управления, создания условий для внедрения.

Задачи развития цифровой экономики:

- внедрение и развитие деятельности в области оборота криптоактивов, включая майнинг, смарт-контракты, консалтинг, эмиссию, обмен, хранение, распределение, управление, страхование, краудфандинг, а также технологий «блокчейн» для диверсификации различных форм инвестиционной и предпринимательской деятельности;
- подготовка квалифицированных кадров в сфере разработки и использования технологий «блокчейн», обладающих практическими навыками работы с использованием современных информационно-коммуникационных технологий;
- всестороннее развитие сотрудничества с международными и зарубежными организациями в сфере деятельности по криптоактивам и технологий «блокчейн»;
- привлечение высококвалифицированных зарубежных специалистов в области разработки технологий «блокчейн» для совместной реализации проектов в цифровой экономике;
- создание необходимой правовой базы для внедрения технологий «блокчейн» с учетом передового опыта зарубежных стран;
- обеспечение тесного взаимодействия государственных органов и субъектов предпринимательства в сфере внедрения инновационных идей, технологий и разработок для дальнейшего развития цифровой экономики.

В нашей республике сформировано Национальное агентство проектного управления при Президенте Республики Узбекистан, которое является уполномоченным органом в сфере внедрения и развития цифровой экономики. Данное агентство определяет конкретные сферы дея-

тельности, в которых внедряются технологии «блокчейн», осуществляет экспертизу проектов нормативно-правовых актов, предусматривающих развитие цифровой экономики и внедрение технологий «блокчейн» [4].

Россия экспортирует цифровые товары и услуги в очень небольшом количестве. Доля такого экспорта в структуре ВВП России составляет 0,5 % от суммарного ВВП страны. Напротив, в развитых странах этот показатель достигает 5,8 % в Китае, 2,9 % в Индии, 2,5 % в странах Западной Европы. Такой низкий показатель свидетельствует о том, что российские ИКТ услуги и продукты не конкурентоспособны на мировом рынке. В российской экономике цифровая трансформация будет оказывать возрастающее влияние на разные отрасли. ВВП до 2025 г., согласно всем расчетам, должен увеличиться от 0,4 до 0,9 % в связи с внедрением цифровой экономики. Сравнение этого роста с темпами роста прогнозов российской экономики позволяет сделать вывод, что цифровизация приведет к росту ВВП с 2015–2025 гг. от 19 до 34 %. [5]

Степень развития в стране ИКТ принято оценивать такими показателями, как размеры инвестиций в процентах от ВВП в эту отрасль, доля цифровой экономики от ВВП, скорость интернета, его покрытие территории страны и доступность для использования населением.

Какова результативность мер, принимаемых для развития ИКТ и обеспечения информационной безопасности в нашей стране?

В республике уже созданы комплексные информационные системы по предоставлению интерактивных услуг в сфере государственных закупок. Основную роль в данной сфере будет играть частный бизнес с сильным предпринимательским и инновационным подходом, а государство должно создавать инфраструктуру и условия для частной инициативы. В нашей стране с 2013 г. функционирует Единый портал интерактивных государственных услуг, который предназначен для создания условий и расширения возможностей их получения заявителями. Портал обеспечивает получение 308 электронных услуг, предоставляемых 2437 государственными органами. В рамках создания необходимой инфраструктуры для развития ИКТ на территории республики в 2017 г. проложено 2300 км оптико-волоконных линий связи, более 700 предприятий зарегистрированы в качестве производителей программных продуктов. Рост доли цифровой экономики существенно зависит от наличия в стране должного уровня инфраструктуры и внедрения передовых технологий, связанных с интернетом. При этом одними из важных показателей степени технологической развитости страны являются скорость интернета и его доступность, в том числе по цене, для потребителей. По скорости интернета страны СНГ, по публикуемым рейтингам, обычно идут в следующей последовательности: Россия, Беларусь, Молдова, Украина, Армения, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и т. д. Как видно из данных, наша страна занимает только девятую позицию из 12 стран. В настоящее время скорость интернет-подключения в странах СНГ в 10 раз выше, чем в Узбекистане. В 2017 г. общая скорость интернет-соединения для провайдеров составила 65,7 Гбит/с. Несмотря на то что количество пользователей интернета в нашей стране достигло 20 миллионов человек, большая часть из них использует его только для переписки через Telegram. В 2017 г. количество пользователей мобильной связи в стране увеличилось на 7 % и достигло 22,8 млн человек.

В индексе информационно-коммуникационного развития среди 176 стран Узбекистан занимает 95-е место, и доля информационных технологий в ВВП страны составляет всего 2,2 %. По данным последней версии сайта SpeedTest на февраль 2018 г., по средней скорости интернета Узбекистан в рейтинге находится на 120-м месте с показателем 6,56 Мб/с. В России данный показатель составил 16,53 Мб/с.

Поэтому Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев поручил снизить цены на доступ в интернет и резко увеличить скорость подключения минимум в 4 раза, доведя ее к 2020 г. до уровня стран СНГ. В целях успешного развития цифровой экономики в Узбекистане образован фонд поддержки развития цифровой экономики «Цифровое доверие» в форме государственного учреждения, одной из основных задач которого является привлечение и консолидация средств инвесторов для реализации на условиях государственно-частного партнерства проектов в сфере развития цифровой экономики, в том числе с внедрением технологий «блокчейн». Этому фонду передается доля государства в уставном капитале ООО «Universal Mobile Systems» в размере 100 %.

Основную роль в цифровой экономике будет играть частный бизнес с сильным предпринимательским и инновационным подходом, а государство должно создавать инфраструктуру и условия для частной инициативы. В частности, государство может стимулировать цифровизацию экономических процессов, связывая их трудовыми отношениями. В области трудовых отношений это осуществляется посредством подготовки необходимого количества IT-специалистов и программистов, а также квалифицированных пользователей, способных использовать постоянно обновляемые цифровые технологии. Растет спрос в сфере безопасности, так как существует кибермошенничество, необходимы опытные программисты с портфолио.

Если обратить внимание на рынок труда в Узбекистане, то поиск работы посредством job-порталов становится популярнее день ото дня. Традиционно самыми востребованными на рынке труда Узбекистана стали представители профессиональной области «Продажи» (37,6 % всех предложений работы), на втором месте оказывались специалисты из профессиональной области «Медицина» (19,6 % всех предложений работы), в тройку лидеров вошла профессиональная область «Туризм, рестораны» (9,7 % всех предложений работы), ненамного отстали такие профессиональные области, как «IT, телеком» (9,2 % всех предложений работы) и «Административный персонал» (8,4 % всех предложений работы).

Как видим из краткого анализа рынка труда России и Узбекистана, значение развитости цифровой экономики оказывает существенное влияние на выбор специальности. В настоящее время и в нашей стране увеличиваются квоты на прием высшие учебные заведения, специализирующиеся в области подготовки специалистов ИКТ, для развития цифровой экономики и в решении проблем в различных сферах экономики и управления.

В заключение мне хотелось отметить то, что в нашей стране планируется создание Комиссии по координации развития цифровой экономики, которая разработает концепцию развития «Цифровой Узбекистан» до 2030 г., дальнейшему развитию телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечению населения качественной мобильной связью, широкополосным доступом в интернет. Это позволит нам в будущем внедрить современные информационные системы, программные продукты и базы данных в сферах здравоохранения, социальной защиты населения, образования, коммунального обслуживания, туризма, а также организацию «умных» и «безопасных» городов и регионов. Реализация инновационных проектов на основе государственно-частного партнерства в области цифровой экономики, ориентированных на поддержку производств современных программных продуктов, дает возможность дальнейшему расширению системы предоставления электронных государственных услуг населению и субъектам предпринимательства на основе принципов «интеллектуального правительства».

Библиографический список

1. Закон Республики Узбекистан «Об электронной коммерции» (новая редакция). № ЗРУ-385 от 22 мая 2015 г. URL: <http://www.lex.uz> (дата обращения: 14.12.2018).
2. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2018).
3. О мерах по дальнейшему совершенствованию сферы информационных технологий и коммуникаций: Указ Президента Республики Узбекистан от 19 февраля 2018 г. № 5349. URL: <http://uza.uz> (дата обращения: 14.12.2018).
4. О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан: Постановление Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 г. № 3832. URL: <http://www.lex.uz> (дата обращения: 14.12.2018).
5. Авдеева И. Л. 2017. Анализ перспектив развития цифровой экономики в России и за рубежом // Цифровая экономика и «Индустрия 4.0»: проблемы и перспективы. Труды научно-практической конференции с международным участием. С. 19–25.

Раздел 6

СТРАХОВАНИЕ И ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Базанов А. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.bazanov@spbu.ru

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИЛИ ПЕНСИОННОЕ СТРАХОВАНИЕ

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос о целесообразности использования терминов «пенсионное обеспечение» и «пенсионное страхование» для характеристики действующей в Российской Федерации пенсионной системы. Уточнены понятия «пенсионное обеспечение» и «пенсионное страхование», определены участники каждой из названных систем. Сделан вывод о необходимости более строгого подхода при использовании указанных понятий. В то же время и система пенсионного обеспечения, и система пенсионного страхования являются необходимыми элементами успешного функционирования пенсионной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионное обеспечение, пенсионное страхование, гарантированный доход, государственный пенсионный фонд, негосударственный пенсионный фонд, страховая организация.

Bazanov A. N.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

PENSION PROVISION OR PENSION INSURANCE

Abstract: The article considers the question of whether the use of the terms “pension provision” and “pension insurance” for the characteristics of operating in the Russian Federation pension system. The concepts of “pension provision” and “pension insurance” are specified, the participants of each of these systems are defined. The conclusion is made about the need for a more rigorous approach when using these concepts. At the same time, both the pension provision system and the pension insurance system are necessary elements for the successful functioning of the pension system of the Russian Federation.

Keywords: pension system, pension provision, pension insurance, guaranteed income, state pension Fund, non-state pension Fund, insurance company.

Пенсионная система, действующая в Российской Федерации, часто ассоциируется с системой пенсионного страхования. Официально принят термин «Обязательное пенсионное страхование», плательщики взносов в Государственный внебюджетный пенсионный фонд Российской Федерации (ПФ РФ) называются «страхователями», используется термин «застрахованные лица». Все эти понятия имеют прямое отношение к системе страхования, как накопительного, так и рискованного, что вносит некоторую путаницу в правильное понимание происходящих процессов. Примером такого вольного использования указанных понятий могут служить исследования Г. И. Андрющенко и О. В. Шинкаревой [1], А. П. Соколова [2]. Казалось бы, не в названиях дело, главное — суть происходящего. Но дело в том, что понимание происходящих в пенсионной системе процессов и явлений в значительной степени зависят от правильного использования специальной терминологии, а недовольство значительных слоев населения существующей пенсионной системой переносится, зачастую безосновательно, и на систему пенсионного страхования.

ПФ РФ — это государственный внебюджетный фонд, обеспечивающий выплату государственной пенсии большинству населения Российской Федерации по достижении пенсионного возраста. Аналогичные фонды существуют и успешно функционируют во многих странах

мира. Также во многих странах мира, в том числе и в России, с той или иной степенью успеха действуют и негосударственные пенсионные фонды (НПФ). Их услуги в целом аналогичны услугам государственных фондов, но не охватывают большинство населения той или иной страны, являются более гибкими и вариативными, а главное, не являются обязательными. В большинстве случаев негосударственные пенсионные фонды создаются при крупных корпорациях, в российском варианте — это крупные финансово-промышленные группы, для обеспечения социальных гарантий работникам соответствующих организаций. Примером подобных фондов в России могут служить входящие в пятерку лидеров НПФ «Алмазная осень», созданный для обеспечения достойной пенсией работников алмазодобывающего предприятия «Алроса»; «Национальный негосударственный пенсионный фонд», предназначенный для сотрудников «Татнефти»; НПФ «Роствертол», организованный для сотрудников одноименного авиастроительного предприятия в Ростове-на-Дону; НПФ «УГМК-Перспектива», обеспечивающий работников металлургических предприятий Екатеринбурга. Негосударственные ПФ во многих странах, например в Германии, играют важную социально-экономическую роль, внося свою существенную лепту в достижение социального мира в государстве. Сотрудники таких корпораций, уходя на пенсию, получают государственную пенсию из государственного ПФ и параллельно из негосударственного ПФ. Мало того, после смерти одного из супругов оставшаяся в живых вдова (или вдовец) часто получают не только свои пенсии, но и пенсию своего мужа (жены). Такой подход кажется вполне обоснованным. Ведь очень часто жена посвящает себя детям и мужу, который получает возможность уделять работе больше сил и времени, что в итоге обеспечивает получение им сравнительно большой пенсии, в то время как жена остается с небольшой государственной пенсией. Неудивительно, что многие западные пенсионерки выглядят с нашей точки зрения вполне обеспеченными на старости людьми. Вся эта деятельность как государственных, так и негосударственных ПФ регулируется действующим законодательством, которое часто имеет весьма косвенное отношение к законодательству по страхованию. Да и сами ПФ — это не страховые организации, а существенно иные финансовые институты. Поэтому представляется, что систему организации выплат пенсий из пенсионных фондов вряд ли можно и нужно называть системой пенсионного страхования, во-первых, чтобы не вводить никого в заблуждение, а во-вторых, потому, что пенсионным страхованием призваны заниматься совершенно иные финансовые институты. Гораздо больше государственной пенсионной системе, действующей в России, подходит термин «система пенсионного обеспечения».

В то же время как в России, так и во многих странах мира параллельно существует система пенсионного страхования. В той же Германии страховые организации активно предлагают неохваченному негосударственными ПФ населению услуги по пенсионному страхованию. Сотрудники малых и средних предприятий, индивидуальные предприниматели, фермеры, ремесленники, люди творческих профессий, иное самозанятое население имеют гораздо меньше возможностей воспользоваться услугами негосударственных ПФ. Но они могут получить практически такой же итоговый результат, воспользовавшись услугами пенсионных страховщиков. Заключение договора пенсионного страхования может и физическое лицо, и работодатель для своих сотрудников. Выплаты страхового возмещения по договору пенсионного страхования могут производиться в течение определенного срока, начиная с определенной договором даты, или до конца жизни застрахованного и тоже называться «пенсией». Точно так же после смерти застрахованного лица выгодоприобретателем может стать его вдова, если в договоре страхования предусмотрено такое условие. Услуги пенсионного страхования популярны на Западе, но в силу многих причин мало востребованы в современной России. Являясь одной из разновидностей накопительного страхования жизни, пенсионное страхование активно не продвигается ни государством, ни основным продавцом услуг по накопительному страхованию жизни — крупнейшими банками. Доля пенсионного страхования в общих сборах по накопительному страхованию жизни составляет примерно 1 % [3]. Таким образом, в системе пенсионного страхования задействованы страховые организации, которые за счет страховых взносов формируют соответствующие страховые резервы, страхователи, застрахованные лица и выгодоприобретатели. Продажей услуг по пенсионному страхованию занимаются страховые посредники, в том числе банки. Все названные лица осуществляют свою деятельность в рамках

законодательства, регулирующего отношения по страхованию. Все это позволяет назвать систему, охватывающую вышеописанную деятельность, системой пенсионного страхования.

Говоря о современных пенсионных системах, следует упомянуть о разрабатываемой в последние годы в некоторых странах системе безусловного гарантированного дохода. Такая система предполагает организацию выплат фиксированного ежемесячного дохода всем гражданам с рождения и до смерти. Детям обычно предлагается выплачивать суммы в два раза меньше, чем взрослым. При этом ликвидируется весь аппарат государственного ПФ, существенно сокращается служба социального обеспечения, соответственно резко снижаются государственные расходы на содержание перечисленных институтов. Отменяется выплата различных социальных пособий, в том числе по болезни, по безработице, по инвалидности. Считается, что система гарантированного дохода позволит людям найти работу, соответствующую их наклонностям и возможностям, раскрепостит работоспособное население, позволит реализовать их способности, приведет к повышению производительности труда. Пока до применения этой системы на практике дело дошло только на Аляске и в Намибии, но уже был референдум по ее применению в Швейцарии, запущена экспериментальная программа в Финляндии. Замысел, безусловно, очень интересный и перспективный, но трудно реализуемый в таких крупных странах с большим числом внешних мигрантов как США, Германия, Россия.

Подводя итог всему сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что системы пенсионного обеспечения и пенсионного страхования при всей их схожести, при зачастую одинаковом конечном результате все же принципиально разные. Использование терминов «пенсионное обеспечение» и «пенсионное страхование» требуется строго разграничить. Они регулируются разными законами, в них участвуют разные институты. В то же время система пенсионного страхования удачно дополняет и устраняет недостатки систему государственного и негосударственного пенсионного обеспечения. Их совместное активное использование, как отмечает С. А. Белозёров, характерно для многих стран ЕС [4; 5]. А для современной России пенсионное страхование — один из пока мало используемых, но очень перспективных инструментов решения проблемы достойного содержания значительной части пожилого населения.

Библиографический список

1. Андрющенко Г. И., Шинкарева О. В. 2017. Перспективы внедрения корпоративного пенсионного страхования // *Финансы*. № 4. С. 51–55.
2. Соколов А. П. 2012. Необходимость и предпосылки развития негосударственного пенсионного страхования в России // *Пути развития теории и практики современного страхования*. СПб.: ЭФ СПбГУ. С. 231–233.
3. Базанов А. Н. 2017. Подходы к определению уровня развития страхового рынка в России // *Финансы*. № 4. С. 41–45.
4. Белозёров С. А. 2017. Пенсионные системы Российской Федерации и стран ЕС: основные тенденции развития // *Страхование и управление рисками: проблемы и перспективы: монография* / под. ред. С. А. Белозёрова, Н. П. Кузнецовой. М.: Проспект. С. 232–258.
5. Белозёров С. А. 2017. Особенности национальных систем пенсионного обеспечения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Вып. 33(1). С. 051–077. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2017.104>

Домнина О. Л., Тукмакова Д. А.

Волжский государственный университет водного транспорта,
Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, ул. Нестерова, 5
o-domnina@yandex.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ: АНАЛИЗ ПРИЧИН И ВОЗМОЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Аннотация: В данном исследовании приводится анализ причин, послуживших основанием очередной пенсионной реформы. Опираясь на сложившуюся демографическую ситуацию в стране и в связи с дефицитом пенсионного фонда России, говорится об основных принятых поправках, в основном направленных на повышение пенсионного возраста. В данной работе проводится анализ последствий принятых поправок. Указывается на влияние повышения пенсионного возраста на рождаемость населения, рост безработицы как молодого, так и предпенсионного населения. Указывается на факторы, способствующие появлению этих проблем. Кроме того, в работе рассмотрены аспекты социально-экономических последствий принятых решений. В частности, анализируются рост затрат на здравоохранение, возможных выплат по безработице. Рассматривается возможное влияние повышения пенсионного возраста на фоне расслоения населения по доходам и низких доходов существенной доли населения на потребительский спрос и, как следствие, на экономику страны в целом. В заключение делается вывод о необходимости разработки комплекса мер по сокращению негативных последствий реформы.

Ключевые слова: пенсионный возраст, пенсионная реформа, обязательное пенсионное страхование, проблемы пенсионной реформы.

Domnina O. L., Tukmakova D. A.

Volga State University of Water Transport,
5, Nesterova str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

THE REFORM OF MANDATORY PENSION INSURANCE: AN ANALYSIS OF THE CAUSES AND POSSIBLE CONSEQUENCES

Abstract: Mainly aimed at raising the retirement age. In this work the analysis of the consequences of the amendments. The influence of the increase in the retirement age on the birth rate of the population, the growth of unemployment of both young and pre-retirement population is indicated. The factors contributing to the emergence of these problems are pointed out. In addition, the paper considers aspects of socio-economic consequences of decisions. In particular, the growth of health care costs and possible unemployment payments are analyzed. The possible impact of the increase in the retirement age on the background of the stratification of the population by income and low income of a significant proportion of the population on consumer demand and as a consequence on the economy as a whole is considered. In conclusion, it is concluded that it is necessary to develop a set of measures to reduce the negative consequences of the reform.

Keywords: retirement age, pension reform, compulsory pension insurance, problems of pension reform.

Вопрос, связанный с анализом последней пенсионной реформы, в настоящее время привлекает внимание не только научного сообщества, но и широкой общественности. Это связано с тем, что он затрагивает в той или иной степени значительную часть населения. Реакция на принятые изменения различается, приводится аргументация как в поддержку проводимой реформы, так и против нее. В данном докладе также сделана попытка провести анализ причин и последствий изменения законодательства в сфере обязательного пенсионного страхования.

Текущая пенсионная реформа (осуществляемая в соответствии с законом от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий») — это проект, который начнет реализовываться с 1 января 2019 года. Она затрагивает следующие основные вопросы:

- постепенное увеличение установленного пенсионного возраста, начиная с 2019 года у мужчин до 60,5 и у женщин до 55,5 лет, заканчивая 2028 г., когда этот возраст будет увеличен соответственно до 65 и 60 лет;

- соответствующее повышение возраста оформления социальной пенсии по старости;
- корректировку некоторых условий назначения льготных пенсий.

Предпосылками такого решения стали: демографическая ситуация в стране и дефицит пенсионного фонда [1; 2].

В пользу аргументов о необходимости принятия непопулярных решений говорит демографическая статистика [3]. Так, в настоящее время практически сравнялась численность получателей пенсий (43,3 млн человек) и численность работающего населения (43,5 млн человек). Кроме того, данные Росстата свидетельствовали о продолжающейся негативной тенденции роста числа пенсионеров относительно работающих [3]. Помимо сказанного, увеличение пенсионного возраста позволит уменьшить последствия демографической ямы 90-х годов, так как меняется соотношение в трудоспособном возрасте разных возрастных групп в пользу населения в возрасте 40–50 лет [1].

О необходимости изменении системы пенсионного страхования говорил и дефицит средств пенсионного фонда на выплату пенсий. Так в 2018 г. нехватка страховых взносов составила порядка 1,7 трлн руб. (прогноз взносов около 4,9 трлн руб., а выплат — порядка 6,6 трлн руб.). Этот дефицит покрывается соответствующим размером трансферта из федерального бюджета [4].

Еще одной причиной повышения пенсионного возраста, озвученной правительством, указывается рост средней продолжительности жизни населения нашей страны. Так, согласно данным Росстата, средняя продолжительность жизни мужчин выросла с 60,4 лет в 2006 г. до 67,5 лет в 2017 г., а женщин — с 73,3 лет в 2006 г. до 77,6 лет в 2017 г. Приводится и прогноз средней продолжительности жизни населения до 2035 г., выполненный Росстатом по 3 вариантам (низкий, средний и высокий). Согласно его данным, в последующие годы прогнозируется дальнейший рост средней продолжительности жизни граждан [3].

Российская пенсионная система была и остается в основном распределительной, что означает систему финансирования выплат старшему поколению за счет взносов с зарплат работающих граждан. При описанных выше тенденциях, это и привело к кризису пенсионной системы и объективной потребности ее реформирования. Вместе с тем проанализируем тот путь реформирования, который выбрало наше правительство.

Одним из подводных камней увеличения пенсионного возраста является расчет правительства на успешную возможность работы «возрастных» людей в течение дополнительных 5 лет. Но необходимо отметить, что заявленная правительством и полученная продолжительность жизни Росстатом не соответствуют реальной, так как средний рост продолжительности достигается за счет сокращения младенческой смертности. Реальная же продолжительность жизни меняется несущественно. А озвученные данные о том, что в среднем мужчины будут проживать после выхода на пенсию около 2,5 лет, а женщины чуть более 17 вызывает у населения возмущение.

Кроме того, повышение пенсионного возраста может привести к значительному росту безработицы. Причем, это коснется не только молодых людей (в силу занятости мест более возрастными категориями работников), но и людей старшего возраста. Меры к работодателям по запрещению дискриминации по возрасту, усиление контроля за ними, скорее всего, не сработают, а работодатель всегда найдет способ уволить или не взять на работу людей уже после 45–50 лет. Это связано с тем, что работодатели не готовы гарантировать занятость лицам высоких возрастных групп. У правительства реальных рычагов и механизмов контроля за регламентированными по отношению к работодателям требований нет.

Тенденции цифровизации экономики, существующие в настоящее время, еще больше усилят безработицу, так как приводят к сужению количества видов деятельности человека (большая налоговая нагрузка приводит в условиях информатизации к сокращению рабочих мест). Конечно, в этом случае для сохранения занятости в пенсионном возрасте можно рассматривать стратегии кардинальной смены места работы или профессии. Социально-психологическая, психофизиологическая нагрузка, связанная с такой переквалификацией, также, скорее всего, окажет влияние на снижение работоспособности (иногда даже в большей степени, чем физический труд).

Во-вторых, нельзя забывать о возрастных тенденциях заболеваемости взрослого населения. Рост заболеваемости может объясняться воздействием стрессовых факторов, негативными изменениями стереотипов поведения населения, наряду с низким уровнем качества предоставляемой бесплатной медицинской помощи, высокой стоимостью платной медицины и низким уровнем доходов населения. Анализ статистики обращаемости за медицинской помощью в зависимости от возраста показывает на рост заболеваемости в старших возрастных группах. Такие тенденции вызваны, помимо естественного старения организма, еще и большей по сравнению с предыдущими группами обращаемостью в результате обострений хронических заболеваний и их последствий. После 50 лет существенно возрастают обращения по поводу болезней системы кровообращения (основная масса связана с повышенным кровяным давлением и ишемической болезнью сердца), раковых заболеваний, болезней костно-мышечной системы, органов пищеварения, простудных и других заболеваний. Все эти тенденции только будут усиливаться в результате морального и физического истощения людей на работе в этом возрасте.

Необходимо отметить и то, что многие женщины ждут пенсии, чтобы уделить больше внимания семье, воспитанию внуков из-за дефицита дошкольных учреждений, отсутствия продленок в школах и других причин. Необходимость работы для них может сказаться на снижении рождаемости среди молодежи.

Та же часть населения, которая хотела бы продолжать работу в возрасте 55–60 лет, и сейчас находит такую возможность, продолжая работать.

Остановимся теперь на анализе социально-экономических аспектах реформы. В своем докладе аналитики Moody's прогнозируют, что с повышением пенсионного возраста сократятся трансферты бюджетных денег в Пенсионный фонд, что улучшит устойчивость российского бюджета. Тем не менее такой прогноз может быть осуществлен только в том случае, если полученная от повышения пенсионного возраста экономия не пойдет на повышение пенсий нынешним пенсионерам. Члены же нашего правительства обещают увеличение пенсий в среднем на 1 тысячу рублей, то есть тем самым выдвигая тезис, что реформа позволит увеличить доходы значительной части населения в преклонном возрасте.

Тем не менее данный тезис является весьма спорным.

В России низкие зарплаты (по данным Росстата, почти половина работающих получает менее 25 тыс. руб. в месяц, более 80 % — менее 50 тыс.) [3]. Страховые взносы зачастую являются сдерживающим фактором как для создания новых рабочих мест, так и роста доходов (по данным отчета PwC «Paying Taxes», по доле налоговой нагрузки, приходящейся на фонд оплаты труда, Россия входит в десять худших экономик). Одновременно в стране наблюдается постоянный рост цен на продовольственные товары, коммунальные услуги, топливо, лекарства. При этом индексация заработных плат и пенсий большинства населения отстает от роста этих цен и приводит к растущему расслоению в доходах граждан и обнищанию большинства населения.

Так, для возрастной группы, для которой пенсионный возраст повышен и продолжающих работать, пенсии были важным источником дополнительного дохода, а для неработающих — единственным. В результате реформы многие семьи лишатся этих дополнительных доходов. Часть людей старшего возраста будет вынуждена работать в серой экономике, где, как правило, более низкая производительность труда. Все сказанное затормозит и так низкий экономический рост, составляющий сейчас всего 1,5 %. В совокупности с ростом заболеваемости и дополнительными тратами на лечение это, в свою очередь, приведет к снижению потребительского спроса.

Вызывает сомнение и недопонимание, почему в основу реформы заложено только средняя ожидаемая продолжительность жизни, почему не анализируется степень утраты трудоспособности. По крайней мере, таких показателей нигде не приводится. А ведь, как видно из приведенных выше данных в работе, с возрастом увеличивается количество различных заболеваний, что может приводить при необходимости продолжения работы как росту выплат по больничным, так и к увеличению количества случаев инвалидности. В итоге люди будут быстрее умирать.

И это несмотря на то, что деньги в стране на повышение пенсий без повышения пенсионного возраста есть (это и профицитный бюджет, и увеличивающийся Фонд национального благосостояния (ФНБ), как его составная часть). И это несмотря на то, что ФНБ создавался как

механизм устойчивого пенсионного обеспечения наших граждан на длительную перспективу. Его объем многократно превышает дефицит Пенсионного фонда РФ, но почему-то используется не по своему прямому назначению, а как «подушка безопасности» для нашей элиты в условиях санкций.

Таким образом, как с точки зрения демографии, так и с точки зрения социально-экономических показателей увеличение пенсионного возраста без предоставления детальных расчетов последствий принятого решения в указанных выше вопросах может привести к росту затрат на социальные пособия и медицинское обеспечение, снижению рождаемости и росту безработицы. Такие последствия могут перекрыть положительные эффекты, получаемые от увеличения пенсионного возраста, и привести к росту социальной напряженности.

Помимо сказанного, следует отметить необходимость ухода от полностью распределительного механизма формирования пенсий. Вместо этого накопительный элемент пенсионного обеспечения заморожен правительством уже не первый год. Правительством в скором времени, вероятно, будет предложена очередная реформа, теперь уже связанная с накопительным элементом и формированием индивидуального пенсионного капитала. Проект такой реформы озвучивается периодически Центральным банком и Министерством финансов страны. Согласно этому проекту, предполагается окончательная ликвидация существовавшего ранее и замороженного накопительного элемента пенсий с переводом отчисляемой доли взносов в страховую. А формирование накопительного компонента предполагается уже сверх этих отчислений работником самостоятельно. Предлагаемые изменения также вызывают много вопросов. Во-первых, они вызывают недоверие к государству из-за постоянного изменения правил и отсутствия уверенности населения в долговечности объявляемых реформ. А во-вторых, дальнейшее увеличение налоговой нагрузки на фоне падения уровня жизни населения может привести к дальнейшей эскалации напряженности в стране.

Подытоживая все сказанное, можно утверждать, что необходимо проведение и обнародование целенаправленной системы мероприятий для нивелирования возможных негативных последствий уже объявленной и только еще планируемой пенсионных реформ. При этом особое значение для оценки обоснованности и убедительности проводимых изменений должны иметь вопросы социальной защиты граждан от бедности; распределения финансовых ресурсов между поколениями, между категориями граждан с различным уровнем доходов; финансовых возможностей и условий реализации пенсионной реформы; комплексности и обоснованности прогнозов; прозрачности работы системы.

При выполнении этих условий, доработке их отдельных пунктов предлагаемые реформы могут быть приняты населением.

Библиографический список

1. Домнина О. Л. 2015. Реформирование обязательного пенсионного страхования как возможность развития добровольного страхования жизни // *Страховое право*. № 4 (69). С. 7–11.
2. Куклин А. А., Шипицына С. Е. 2017. От теории к практике актуарного оценивания пенсионных рисков России // *Экономика региона*. Т. 13, № 3. С. 716–731.
3. Данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 13.12.2018).
4. Пенсионная реформа. Арифметика для правительства. URL: <https://topwar.ru/144633-pensionnaya-reforma-kak-nesposobnost-ili-nezhelanie-pravitelstva-reshat-v-meru-prostye-zadachi.html> (дата обращения: 13.12.2018).

Калайда С. А., Фаизова А. А., Солопенко Е. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
s.kalayda@spbu.ru; a.faizova@spbu.ru; e.solopenko@spbu.ru

ДОБРОВОЛЬНОЕ ПЕНСИОННОЕ СТРАХОВАНИЕ И НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РФ

Аннотация: Исследование посвящено вопросам негосударственного пенсионного обеспечения и добровольного пенсионного страхования. Рассмотрены основные пенсионные продукты, предлагаемые на рынке негосударственными пенсионными фондами и страховыми компаниями, выявлены их основные преимущества. Проведен анализ деятельности субъектов финансового рынка в сфере негосударственного пенсионного страхования и обеспечения.

Ключевые слова: пенсионное страхование, пенсия, негосударственный пенсионный фонд, страховая организация.

Kalayda S. A., Faizova A. A., Solopenko E. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

VOLUNTARY PENSION INSURANCE AND NON-STATE PENSION PROVISION IN RUSSIA

Abstract: Research is devoted to issues of private pension provision and voluntary pension insurance. Various pension products offered in the market by non-state pension funds and insurance companies are considered and their advantages are revealed. Analysis of the activities of financial market participants in the field of non-state pension insurance and provision has been carried out.

Keywords: pension insurance, pension, non-state pension fund, insurance company.

В условиях постоянно изменяющегося законодательства в области государственного пенсионного обеспечения в РФ и реформирования пенсионной системы возрастает актуальность использования и развития финансовых инструментов, обеспечивающих получение дополнительных доходов лицами, достигшими пенсионного возраста.

Субъектами российского финансового рынка предлагаются различные инструменты, направленные на получение дополнительных доходов гражданами. К ним можно отнести банковские депозиты в различных валютах, государственные и корпоративные облигации, акции, паи инвестиционных фондов, полисы накопительного страхования жизни и другие продукты. Однако среди такого многообразия следует выделить те финансовые инструменты, которые направлены на получение доходов именно при достижении пенсионного возраста. Такими инструментами является пенсионное страхование, предоставляемое страховыми организациями, и негосударственное пенсионное обеспечение от негосударственных пенсионных фондов (НПФ).

Негосударственное пенсионное страхование очень распространено в странах с развитым рынком, где добровольные пенсии составляют от 50 до 75 % суммарных пенсий по старости [1]. Однако в России данный сегмент развит недостаточно, даже несмотря на наблюдающийся в последние годы рост накопительного страхования жизни в целом. Причинами этого могут быть невысокие доходы населения, низкая информированность о негосударственном пенсионном обеспечении, отсутствие гарантированности выплат негосударственными пенсионными фондами и страховыми организациями и др. Это побуждает проанализировать рынок добровольного пенсионного страхования и негосударственного пенсионного обеспечения с целью уточнения основных проблем и предложения мероприятий по совершенствованию механизмов получения дополнительных источников доходов пенсионеров.

На данный момент в России страховыми организациями и НПФ реализуется достаточно широкий спектр пенсионных продуктов. Часть из них относится к корпоративному сегменту, при котором взносы по договорам добровольного пенсионного страхования и негосударственного пенсионного обеспечения за сотрудника платит работодатель, включая это в социальный пакет. Также возможно софинансирование таких договоров со стороны работника. Следует заметить, что такие корпоративные программы в развитых странах мира пользуются большим спросом. В Германии примерно 41 % компаний предоставляет дополнительное пенсионное обеспечение своим работникам, которые становятся участниками коллективного сберегательно-пенсионного контракта с работодателем в рамках программы [2].

В пенсионных продуктах, предлагаемых страховыми организациями и НПФ, есть ряд отличий. Так как пенсионное страхование является частью страхования жизни, то большинство страховых продуктов помимо выплат в случае достижения пенсионного возраста предполагают дополнительные выплаты в случае смерти застрахованного лица или наступления непредвиденных событий, связанных со здоровьем. Также в пенсионных продуктах от НПФ момент получения пенсии будет строго совпадать с моментом выхода на государственную пенсию, а в страховых продуктах момент начала выплат устанавливается по соглашению сторон в договоре страхования и в принципе не обязан совпадать с наступлением пенсионного возраста. Кроме того, страховые организации предлагают продукты двух типов: с участием страхователя в инвестиционном доходе страховщика и без такого участия. Во втором варианте договором страхования гарантирован определенный уровень доходности, то есть выплаты не будут зависеть от успешности инвестиционной политики страховой организации, НПФ такой возможности не предоставляет. Все это делает страховые пенсионные продукты более дорогими. Большинство НПФ предлагают своим клиентам программы с достаточно гибкими графиками уплаты взносов, страховые организации, как правило, не предоставляют таких возможностей без штрафных санкций.

На сегодняшний момент в РФ в целом действует единый подход к налоговому регулированию пенсионных программ, предлагаемых страховыми компаниями и НПФ*. Страховые взносы по договорам добровольного пенсионного страхования и негосударственного пенсионного обеспечения не облагаются налогом на доходы физических лиц (НДФЛ). Что касается налогообложения выплат (пенсий) по таким договорам, то оно отсутствует только в случае заключения договоров физическими лицами в свою пользу. Если же договоры со страховыми компаниями и негосударственными пенсионными фондами заключают юридические лица в отношении физических лиц (например, работодатели в пользу своих работников) или физические лица в пользу других физических лиц, то выплаты облагаются НДФЛ**. При расчете налога на прибыль страховые взносы по договорам добровольного пенсионного страхования и негосударственного пенсионного обеспечения, оплаченные работодателями в пользу своих работников, включаются в расходы на оплату труда, уменьшая налогооблагаемую базу по налогу. Это возможно при соблюдении следующих условий:

- по негосударственному пенсионному обеспечению договор должен предусматривать выплату пенсий до исчерпания средств на именном счете участника, но в течение не менее пяти лет, или пожизненно;
- по добровольному пенсионному страхованию договор предполагает выплату пенсий пожизненно.

При этом совокупная сумма взносов, которые уплачиваются по этим договорам, а также по договорам долгосрочного страхования жизни работников и в соответствии с Федеральным законом «О дополнительных страховых взносах на накопительную пенсию и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений» не должна превышать 12 % фонда оплаты труда организации. Возможно, для развития рассматриваемых финансовых инструментов этот

* Статьи 213 и 213.1 Налогового кодекса РФ.

** Исключение составляют договоры добровольного пенсионного страхования, заключенные до 01.01.2015 г., со взносов по которым был удержан НДФЛ.

норматив может быть установлен только для совокупной суммы взносов по добровольному пенсионному страхованию и негосударственному пенсионному обеспечению.

По договорам негосударственного пенсионного обеспечения и добровольного пенсионного страхования застрахованные граждане имеют право на социальные налоговые вычеты по налогу на доходы физических лиц. Следует отметить, что база для расчета налогового вычета составляет не более 120 тыс. руб. В связи с тем что в эту базу налогового вычета включаются также расходы на услуги в образовании и здравоохранении, можно говорить о незначительности суммы налогового вычета.

Анализ российского рынка добровольного пенсионного страхования, реализуемого страховыми организациями. В соответствии с Законом «Об организации страхового дела в РФ» объектом страхования жизни могут быть имущественные интересы, связанные с дожитием граждан до определенного возраста/срока либо наступлением иных событий в жизни граждан [3]. В соответствии с этим страховые организации могут осуществлять пенсионное страхование, предусматривающее выплаты как в случае дожития застрахованного лица до определенного договором страхования срока, в том числе срока возникновения пенсионных оснований в соответствии с законодательством РФ, так и в случае смерти застрахованного. Страховые выплаты, которые производятся страховыми организациями в рамках таких договоров при дожитии застрахованных, именуется выплатами пенсий. Выплаты производятся независимо от всех видов выплат, получаемых по государственному социальному страхованию и социальному обеспечению, что позволяет гражданам иметь помимо государственных пенсий дополнительные доходы при достижении пенсионного возраста — дополнительные пенсии.

Основными различиями в предлагаемых страховыми организациями программах добровольного пенсионного страхования являются:

- срок действия договора страхования. На рынке представлены программы добровольного пенсионного страхования, которые условно можно разделить на три группы: краткосрочные (сроком на 1 год), среднесрочные (сроком от 1 года до 5 лет) и долгосрочные (сроком более 5 лет);
- механизм уплаты премии. Премия по таким программам может уплачиваться единовременно или в рассрочку (ежегодно, ежеквартально или ежемесячно);
- механизм выплат. При выходе на пенсию выплата может производиться раз в квартал, полугодие, месяц и т. д., — в течение оговоренного договором срока или пожизненно;
- вариант учета инвестиционного дохода страховщика. Программы могут предусматривать участие страхователя в инвестиционном доходе страховщика или не предусматривать такого участия.

Пенсионное страхование составляет в общем объеме полученных страховыми организациями премий незначительную долю. По данным ЦБ РФ, за 9 месяцев 2018 г., объем собранных премий по этому виду страхования составил 1 168 202,45 тыс. руб., что составляет 0,11 % от всего объема премий и 0,4 % от объема премий по добровольному страхованию жизни. При этом на программы с участием в инвестиционном доходе страховщика приходится 976 695,42 тыс. руб. премий, на программы без участия в инвестиционном доходе — лишь 191 507,04 тыс. руб. На долю договоров, заключенных с физическими лицами, приходится 544 262,31 тыс. руб. премий, с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями — 623 940,15 тыс. руб.

Всего за период 9 месяцев 2018 г. страховыми организациями заключено 4165 договоров пенсионного страхования (что превышает показатели предыдущего аналогичного периода на 66 %), по которым застраховано 9792 чел. Всего на конец рассматриваемого периода страховые организации имеют 33894 действующих договоров (из которых 25 631 предполагает участие страхователя в инвестиционном доходе) и число застрахованных — 184 404 человек. При этом 25 499 договоров являются долгосрочными (т. е. они заключены на срок более 5 лет или на неопределенный срок).

Регионами РФ — лидерами по продажам пенсионных страховых договоров за 9 месяцев 2018 года являются: город Москва, Челябинская область, Нижегородская область, Новосибир-

ская область, Воронежская область, Ульяновская область, Омская область, Свердловская область, Красноярский край, Самарская область*. Регионы России перечислены здесь по мере убывания размеров полученных страховых премий. Наибольший размер премий по пенсионному страхованию обеспечивает Москва. Объем полученной премии составляет 748 327,42 тыс. руб. Всего десятка лидеров обеспечила за исследуемый период более 80 % всего объема страховых премий по виду страхования. Следует заметить, что некоторые российские регионы вообще не имеют сборов по этому виду страхования. К таким регионам, в частности, относятся Орловская область, Новгородская область, Крым, Ненецкий автономный округ, Ямало-ненецкий автономный округ, Ингушетия. В числе заключенных договоров пенсионного страхования преобладают индивидуальные договоры с физическими лицами. Число заключенных за период 9 месяцев 2018 г. коллективных договоров пенсионного страхования с индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами составляет 6 шт. с общим числом застрахованных — 5632 чел.

Всего на российском страховом рынке деятельность по добровольному страхованию жизни на 01.02.2019 г. осуществляют 34 страховые организации. Из них 29 зарегистрированы в Центральном федеральном округе (28 страховщиков в Москве и 1 в Московской области), 2 — в Приволжском федеральном округе (в республике Татарстан и Ульяновской области), 2 — в Уральском федеральном округе (в Ханты-Мансийском автономном округе) и 1 — в Дальневосточном федеральном округе (Хабаровский край). Лидерство по добровольному пенсионному страхованию делят две страховые компании, специализирующиеся на добровольном страховании жизни — Акционерное общество «Страховая компания МетЛайф» (входит в страховую группу MetLife — крупнейшую компанию по страхованию жизни в США, занимающую лидирующие позиции более чем на 20 рынках страхования в Европе, Азии, Латинской Америке и на Ближнем Востоке) и Общество с ограниченной ответственностью «ППФ Страхование жизни» (российская страховая компания со 100 % иностранным капиталом, собственником которой является PPF Group N.V., ключевая холдинговая структура международной инвестиционной компании Группы PPF, Нидерланды).

Анализ российского рынка негосударственного пенсионного обеспечения, реализуемого негосударственными пенсионными фондами. В соответствии с Законом «О негосударственных пенсионных фондах» деятельность НПФ может быть связана как с обязательным пенсионным страхованием, когда фонд управляет средствами пенсионных накоплений по государственному пенсионному обеспечению, так и с негосударственным пенсионным обеспечением [4]. Последнее означает, что вкладчик (физическое или юридическое лицо) добровольно заключает договор с НПФ, оплачивает страховые взносы, а НПФ гарантирует выплату дополнительной негосударственной пенсии участнику (физическое лицо, в пользу которого заключен договор) при достижении им пенсионного возраста, установленного законодательством РФ.

На финансовом рынке действуют 58 негосударственных пенсионных фондов, при этом деятельность по негосударственному пенсионному обеспечению в 2018 г. осуществляли 52 фонда, 37 из которых зарегистрированы в Москве, 3 — в Ханты-Мансийском автономном округе, по 2 НПФ — в Татарстане и Свердловской области, остальные — в 8 российских регионах. Количество участников фондов по состоянию на 30.09.2018 г. — 6 155 608 чел. Лидеры рынка негосударственного пенсионного обеспечения по числу застрахованных — НПФ Сбербанк и НПФ Благосостояние; по объему взносов по договорам пенсионного обеспечения — НПФ Газфонд и НПФ Благосостояние. К сожалению, отчетность НПФ отличается от отчетности страховых организаций и не позволяет, в частности, проанализировать распределение полученных взносов по регионам России.

На данный момент в России наблюдается тенденция к сокращению количества НПФ, а также консолидация рынка в руках крупных государственных и квазигосударственных фондов. Так, по данным ЦБ за 9 месяцев 2017 г. действовало 68 НПФ, 58 из которых осуществляло деятельность по негосударственному пенсионному страхованию**; таким образом, за год общее количество участников сократилось на 10, из которых 6 осуществляли деятельность в том числе

* Составлено по данным Банка России.

** Составлено по данным Банка России.

по негосударственному пенсионному обеспечению. Существенной для рынка стала сделка по объединению трех НПФ, принадлежащих ФК «Открытие» (НПФ Лукойл-Гарант, НПФ электроэнергетики, НПФ РГС), в один — НПФ «Открытие». Фактически это означает, что Банк России стал владельцем крупного НПФ.

Результаты проведенного анализа демонстрируют недостаточное развитие российского рынка добровольного пенсионного страхования и негосударственного пенсионного обеспечения, выражающееся в незначительных объемах страховых взносов и недостаточном охвате населения. Очевидна польза таких финансовых продуктов для населения, работодателей и в целом российской экономики. Физические лица приобретают возможность при использовании пенсионных программ получать дополнительный доход при достижении пенсионного возраста. Работодатели за счет участия в корпоративных программах пенсионного страхования и негосударственного пенсионного обеспечения имеют возможность дополнительной мотивации своих сотрудников и повышения имиджа и социальной ответственности своей компании. Долгосрочные вложения застрахованных в виде взносов по долгосрочным договорам страхования позволяют увеличить инвестиционный потенциал субъектов финансового рынка и обеспечить национальную экономику «длинными деньгами». Для развития этого сегмента финансового рынка, в частности, необходимо популяризовать пенсионные программы, предлагаемые негосударственными пенсионными фондами и страховыми организациями, путем адресной информированности населения и повышения финансовой грамотности. Необходимо создание механизмов, направленных на обеспечение надежности добровольных пенсионных программ, например создание гарантийных фондов, аналогичных системе страхования банковских вкладов.

Библиографический список

1. *Архипов А. П.* 2017. Финансирование социального страхования на современном этапе. Проблемы и возможные решения // Страхование и управление рисками: проблемы и перспективы: монография; под. ред. С. А. Белозёрова, Н. П. Кузнецовой. М.: Проспект. С. 210–231.
2. *Белозёров С. А.* 2017. Особенности национальных систем пенсионного обеспечения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Вып. 33(1). С. 051–077. <https://doi.org/10.21638/11701/srbu05.2017.104>.
3. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 (ред. от 28.11.2018) «Об организации страхового дела в Российской Федерации».
4. Федеральный закон «О негосударственных пенсионных фондах» от 07.05.1998 № 75-ФЗ (последняя редакция).

Козьминых О. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
umbra1@mail.ru

ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДОБРОВОЛЬНОМ МЕДИЦИНСКОМ СТРАХОВАНИИ

Аннотация: В данной статье анализируется роль медицинских организаций на страховом рынке России, а также исследуются причины оппортунистического поведения медицинских организаций, которые оказывают негативное влияние на развитие российского страхового рынка. Негативное влияние оппортунизмов со стороны медицинских организаций заключается в получении завышенных страховых выплат, что приводит в дальнейшем к увеличению страховых тарифов и делает страховой продукт добровольного страхования жизни менее доступным. Также оппортунистическое поведение медицинских организаций приводит к получению страхователями и выгодоприобретателями некачественного медицинского обслуживания, что подрывает доверие к страховым организациям и добровольному медицинскому страхованию. В статье раскрываются причины оппортунистического поведения медицинских организаций и предлагаются направления повышения надежности медицинских организаций.

Ключевые слова: страхование, медицинские организации, добровольное медицинское страхование, страховой продукт, оппортунистическое поведение.

Kozminykh O. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

OPPORTUNISTIC BEHAVIOR OF MEDICAL ORGANIZATIONS IN VOLUNTARY HEALTH INSURANCE

Abstract: In this article the role of medical organizations in Russian insurance market is analyzed, also the reasons of the opportunistic behavior of medical organizations, that have a negative impact on the development of the Russian insurance market, are researched. The negative influence of opportunism of medical organizations is obtained to get excessive insurance payments, which further leads to an increase of insurance rates and makes the insurance product of voluntary life insurance less affordable. Also opportunistic behavior of medical organizations leads to the fact that insureds and beneficiaries get bad-quality medical care, that undermines confidence to insurance companies and voluntary health insurance. The reasons of the opportunistic behavior of medical organizations are revealed in the article and directions for improving the reliability of medical organizations are proposed.

Keywords: insurance, medical organization, voluntary health insurance, insurance product, opportunistic behavior.

Цель данного исследования заключается в анализе оппортунистического поведения медицинских организаций в добровольном медицинском страховании. Данный вопрос является актуальным, потому что на сегодняшний день деятельности медицинских организаций на страховом рынке не уделялось должного теоретического осмысления в работах авторов-экономистов. Ранее тема конфликта интересов между страховщиком и поставщиком медицинских услуг затрагивалась Кеннетом Эрроу в 1963 г., однако данный вопрос не получил дальнейшего изучения [1]. Для того чтобы раскрыть причину оппортунизмов медицинскими организациями, необходимо проанализировать специфику их деятельности на страховом рынке.

Современный страховой рынок невозможно представить без медицинских организаций. Это связано с тем, что доля страховых премий, собранных по ДМС, занимает высокую долю в страховом портфеле российских страховщиков. На конец 2017 г. данный показатель составлял около 11 % и уступал доли премий, собранным по страхованию жизни (26 %), по страхованию ОСАГО (19 %) и по страхованию средств наземного транспорта (12,7 %). Доля страховых премий, собранных по другим видам страхования, ниже доли премий, собранных по ДМС. Эти

данные подтверждают, что ДМС является востребованным продуктом на российском страховом рынке и может стать одним из драйверов его развития.

Для обеспечения страхователей надежной страховой защитой страховые организации должны создать условия, при которых потребности страхователя будут удовлетворены на каждом этапе ведения страхового продукта. В случае если страхователь будет вынужден обратиться за медицинским обслуживанием, гарантированным ему по страховому полису, он должен получить качественную медицинскую услугу. Качество медицинской услуги зависит не только от страховой организации, но и от медицинского учреждения, в которое обратится застрахованное лицо. Это формирует необходимость более глубокого изучения роли медицинских организаций на страховом рынке.

Медицинские организации могут выступать на страховом рынке в двух ролях. С одной стороны, они могут выполнять функцию страхового посредника, реализуя продажу страховых полисов. В данной роли медицинские организации могут выступать исключительно на рынке добровольного медицинского страхования в соответствии с российским законодательством. С другой стороны, медицинские организации предоставляют страхователям возможность потребления страхового продукта в виде оказания медицинской услуги.

Что касается деятельности медицинских организаций в качестве независимых страховых посредников, то, как показал проведенный анализ страхового рынка России, медицинскими организациями собирается 0,13 % страховых премий по ДМС, что представляет собой малую долю посреднических продаж данного вида страхового продукта. Для сравнения, наибольшая доля страховых премий по ДМС собирается физическими лицами — страховыми агентами и составляет около 49 % премий по ДМС. Страховыми брокерами собирается 21 % страховых премий, коммерческими банками около 8 %. Это говорит о том, что роль медицинских организаций в качестве страховых посредников на сегодняшний день невелика на страховом пространстве России [2].

Гораздо больший интерес для изучения представляет роль медицинских организаций в качестве представителей страховых организаций, предоставляющих страхователям возможность получения медицинского обслуживания в случае реализации риска, застрахованного по системе медицинского страхования.

Страхователь, приобретая полис медицинского страхования, приобретает гарантию защиты своих интересов. Страховщик, после заключения договора страхования, выступает гарантом защиты интереса страхователя. В случае реализации страхового риска, связанного с нарушением здоровья страхователя, именно страховщик будет осуществлять оплату лечения застрахованного лица. Медицинская организация, в которую обратится застрахованное лицо, выступит в качестве представителя страховой организации, предоставив медицинскую услугу.

Полагаем, что данное утверждение может вызвать дискурс, связанный с тем, что медицинская организация предоставит конечную услугу страхователю. Что страхователь изначально приобретал страховой полис с целью получения медицинской помощи, в случае если у него возникнут проблемы со здоровьем. Страховщик выступил лишь продавцом данной услуги и оплатит лечение страхователя.

Такую точку зрения мы считаем неверной. Во-первых, страхователь, приобретая страховой полис, приобретает гарантию защиты своих интересов, а не медицинскую услугу. Последнюю он получает лишь в случае реализации страхового случая. То есть конечным благом, приобретаемым страхователем, выступает гарантия страховщика. Медицинская организация предоставляет услугу, через которую происходит материализация страхового продукта.

Во-вторых, страхователь может не получить полной компенсации лечения, а лишь определенную часть, которую оплатит страховая компания. В этом случае для получения полной компенсации лечения страхователь будет вынужден обратиться в медицинскую организацию за дополнительной услугой и оплатить ее самостоятельно.

Говоря о ДМС как о страховом продукте, стоит отметить, что подразумевается под данной категорией, потому что в современной российской теории страхования между авторами-экономистами нет единого мнения о правильности применения терминов «страховой продукт» и «страховая услуга».

В данной работе под страховым продуктом понимается гарантия защиты интересов страхователя от реализации страхового случая. Именно страховой продукт, на наш взгляд, является объектом купли-продажи на рынке страхования. Страховой продукт оформляется в виде набора документов, то есть договор страхования, страховой полис есть форма представления страхового продукта. Полис ДМС есть страховой продукт, представляющий собой гарантию страховщика перед страхователем покрыть расходы последнего в случае реализации риска заболевания страхователя или случая обращения за плановым медицинским обслуживанием, предусмотренным полисом ДМС.

Что касается понятия «страховая услуга» и «страховая операция», то здесь наше убеждение строится на предложении С. А. Белозёрова и О. В. Мотовилова [3]. Страховая услуга является составной частью страхового продукта и представляет собой результат действий сотрудников или представителей страховой организации, направленных на удовлетворение потребностей клиентов страховщика. Приобретая страховой продукт ДМС, страхователь приобретает гарантию на получение услуг в виде медицинского лечения.

В свою очередь, медицинское обслуживание может включать в себя отдельные операции: оплату лечения, получение обратной связи от страхователя страховщиком. Эти действия, с нашей точки зрения, представляют собой страховые операции. Страховая операция есть комплекс действий по оказанию страховой услуги.

Итак, в структуру страхового продукта ДМС интегрирована медицинская услуга, что делает медицинские организации неотъемлемой частью рынка добровольного медицинского страхования — следовательно, требует мероприятий по управлению рисками, связанными с деятельностью медицинских организаций.

К сожалению, на российском страховом рынке проблема страхового мошенничества является одной из наиболее актуальных. В том числе в области медицинского страхования. В 2016 г. представители ВСС России сделали заявление, что около 15 % страховых выплат в области ДМС являлись мошенническими [4]. Особую роль в осуществлении оппортунизмов на рынке ДМС играют медицинские учреждения. Это связано с тем, что процесс урегулирования убытков в добровольном медицинском страховании, как правило, осуществляется следующим образом. Страхователь обращается в медицинские учреждения, предусмотренное страховым полисом. После получения медицинского обслуживания, не страхователь, а медицинская организация обращается в страховую организацию за компенсацией затрат на лечение. И здесь существует несколько вариантов получения сотрудниками медицинских учреждений завышенных страховых выплат. К ним относятся: завышения стоимости оказанного медицинского обслуживания, получение денежных средств за препараты, которые достались медицинским организациям бесплатно от представителей фармацевтических компаний, получение денежных средств страховщика за назначенное без необходимости медицинское лечение.

Причины оппортунистического поведения медицинских организаций, на наш взгляд, кроются в асимметрии информации между страховщиком и страхователем. Страховая компания не может оценить, насколько страхователю или выгодоприобретателю была необходима та или иная медицинская услуга. Страхователь или выгодоприобретатель, обращаясь в медицинскую организацию, «теряет связь» со страховой компанией. В случае завышения медицинской организацией страховой выплаты, страхователь, получив лечение, не отслеживает, какую сумму выплатит страховщик за его лечение.

Более того, страхователи могут отнестись к такой практике не как к уголовному преступлению, а как к обыденному явлению. Причина тому кроется в конфликте интересов между страховой организацией и страхователем. Страхователь стремится максимизировать полезность приобретенного им страхового продукта и получить максимальную страховую выплату. Для страховой компании страховые выплаты являются главной статьей расходов, поэтому они стремятся к их снижению. В случае ДМС не страхователь получает денежную компенсацию, а медицинская организация, которая оказала ему лечение. Для страхователя позиция медицинской организации более понятна, чем позиция страховой компании, с которой у него конфликт интересов. Но нельзя забывать, что получение мошеннических выплат приводит в дальнейшем

к изменению тарифной политики страховщиков, что негативно отразится в первую очередь именно на страхователях.

Говорить о морально-нравственной стороне вопроса медицинского мошенничества в рамках данного исследования не стоит, поскольку этот вопрос относится к этике, в том числе врачебной этике, и выходит за рамки экономического исследования. Однако убытки, которые несут страховые компании, а также некачественное медицинское обслуживание, которое получает страхователь, оказывают негативное влияние на развития рынка ДМС в России.

Получение завышенных страховых выплат медицинскими учреждениями приводит к росту страховых тарифов, делая страховой продукт ДМС менее доступным. Возникает необходимость разработки методологических подходов к оценке деятельности медицинских организаций на страховом рынке, а также внедрение в страховую практику проведение более тщательной экспертизы медицинского обслуживания, которое получает страхователь по полису ДМС.

Особое внимание стоит уделить мероприятиям, направленным на предотвращение оппортунизмов со стороны медицинских организаций. Например, составлять информационные базы, в которых будут собраны данные о случаях злоупотребления медицинским персоналом своего положения с целью получения дополнительных денежных выплат. Подобная практика широко распространена в США и европейских странах.

Также рекомендуется внедрять в российскую страховую практику независимых экспертов в области медицины, которые могли бы проводить текущие проверки качества медицинских услуг, предоставляемых страхователям. С одной стороны, это требует дополнительных денежных затрат со стороны страховых компаний. Но с другой — это позволит снизить мошеннические выплаты по полисам ДМС. Работа экспертов должна быть направлена в первую очередь на предотвращение получения завышенных выплат. Для этого эксперты должны вести работу по сопровождению страхователей и выгодоприобретателей во время получения медицинского обслуживания по полису ДМС и информировать их, что любые нарушения со стороны медицинских учреждений недопустимы и направлены в конечном итоге против самих страхователей. Подобная практика, на наш взгляд, окажет положительное влияние на доверие к российским страховщикам и на качество предоставляемых медицинских услуг.

Выводы:

1. Главная функция медицинских организаций на рынке добровольного медицинского страхования заключается в предоставлении возможности страхователям потребления страхового продукта в виде получения гарантированного медицинского обслуживания. Несмотря на то что медицинские организации могут осуществлять продажу страховых полисов, то есть фактически исполнять роль страхового агента, данная их функция является второстепенной и не реализуется в полной мере на современном российском рынке страховых продуктов, что подтверждается низкой долей страховых премий, собранных через продажи, осуществляемые медицинскими организациями.
2. Были раскрыты причины оппортунистического поведения медицинских организаций на страховом рынке. К ним относятся: асимметрия информации между страховщиком, медицинской организацией и страхователем, конфликт интересов между страхователем и страховщиком, низкий уровень страховой культуры.
3. Были разработаны направления повышения надежности медицинских организаций на страховом рынке путем предотвращения оппортунизмов со стороны медицинских организаций. К данным направлениям относятся: создание единой базы данных с указанием медицинских работников и медицинских организаций, которые злоупотребляли своим положением с целью получения мошеннических страховых выплат; внедрение практики экспертов, которые бы сопровождали получение страхователем медицинского обслуживания; повышение уровня страховой культуры.

Библиографический список

1. *Kenneth J.* 1963. Arrow. Uncertainty and the welfare economics of medical care // *The American Economic Review*. № 5. P. 141–149.
2. Субъекты страхового дела. Официальный сайт Банка России. http://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_insurance/ (дата обращения: 14.12.2018).
3. *Белозёров С. А., Мотовилов О. В.* 2012. Банковское дело: учебник. М.: Проспект. 408 с.
4. Официальный сайт исследовательского центра Vademecum. URL: <https://vademec.ru/news/2017/03/28/dolya-moshennichestva-v-dms-dostigla-15> (дата обращения: 14.12.2018).

Лобанова М. Е., Ховменец В. В.

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского,
Донецкая Народная Республика, 283050, Донецк, ул. Щорса, 31
vlada3458119@mail.ru

РОЛЬ СТРАХОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ

Аннотация: В данном исследовании рассматриваются основные изменения, произошедшие в пенсионной системе в связи с проводимой в России пенсионной реформой, очередной этап которой начался 1 января 2015 г., а также трудности, возникшие в связи с реформированием пенсионной системы Российской Федерации. Выделены пенсионные страховые программы, разработанные российскими страховщиками как для корпоративного, так и индивидуального страхования, а также определены основные задачи и роль страхования в условиях реформирования пенсионной системы на данном этапе развития.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионная реформа, пенсионное страхование, пенсионные страховые программы.

Lobanova M. E., Khovmenets V. V.

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky
31, Shchors str., Donetsk, 83050, Donetsk People's Republic

THE ROLE OF INSURANCE IN THE CONDITIONS OF PENSION REFORM

Abstract: The research provides it considers the main changes in the pension system in connection with the pension reform being carried out in Russia, the next stage of which began on January 1, 2015, as well as the difficulties that have arisen in connection with the reform of the pension system of the Russian Federation. Pension insurance programs developed by Russian insurers for both corporate and individual insurance are highlighted, and the main tasks and the role of insurance in terms of reforming the pension system at this stage of development are defined.

Keywords: pension system, pension reform, pension insurance, pension insurance programs.

Конец XX столетия стал в мировой экономике периодом активного осуществления пенсионных реформ. Они происходят сегодня с большей или меньшей степенью интенсивности на всех пяти континентах планеты. Каждая реформирующаяся страна выбирает те подходы, которые ближе ей с точки зрения местных исторических, политических и финансовых условий.

Пенсионная система Российской Федерации является одним из важнейших компонентов как социальной политики, так и экономики государства в целом, ее деятельность затрагивает интересы всех слоев общества. В целях улучшения материального благополучия населения в 2015 г. начался этап реформирования пенсионной системы РФ.

Данная реформа разработана в соответствии со «Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы до 2030 года» и является продолжением институциональных реформ пенсионной системы России, обусловленных перестройкой российской экономики и социальной системы государства в соответствии с новыми рыночными условиями [1].

Пенсионная реформа направлена на изменение существующей распределительной системы начисления пенсий, дополняя ее накопительной частью и персонифицированным учетом страховых обязательств государства перед каждым гражданином.

Сущность реформы заключается в коренном изменении взаимоотношений между работником и работодателем: в повышении ответственности работников за обеспечение своей старости, а также в повышении ответственности работодателя за уплату страховых взносов за каждого работника.

Новая пенсионная модель в большей мере является страховой и учитывает пенсионные права граждан в зависимости от размеров их зарплат и уплачиваемых пенсионных взносов.

При осуществлении пенсионной реформы необходимо учитывать экономические, демографические и социальные процессы, происходящие в стране.

Основными целями проведения пенсионной реформы являются:

- 1) реализация гарантированного Конституцией Российской Федерации права граждан на пенсионное обеспечение в старости, а также в случае инвалидности, при потере кормильца и в иных установленных законом случаях;
- 2) обеспечение финансовой стабильности пенсионной системы и создание предпосылок для устойчивого развития пенсионного обеспечения на основе государственного пенсионного страхования и бюджетного финансирования;
- 3) адаптация системы пенсионного обеспечения к экономической ситуации в Российской Федерации;
- 4) создание более оптимальных условий предоставления размеров пенсий;
- 5) повышение эффективности пенсионной системы путем совершенствования системы управления пенсионным обеспечением, включая инвестиции пенсионных средств.

Исходя из заявленных выше целей, реформа основывается на следующих принципах:

- 1) каждый имеет право на государственное пенсионное обеспечение;
- 2) каждый работающий по найму подлежит обязательному государственному пенсионному страхованию;
- 3) каждый застрахованный по обязательному государственному пенсионному страхованию имеет право на трудовую пенсию в соответствии с продолжительностью страхования и заработком, с которого уплачивались страховые взносы;
- 4) финансирование государственного пенсионного обеспечения основывается на принципе солидарности, включая солидарность поколений, субъектов Российской Федерации и отраслей экономики;
- 5) средства обязательного государственного пенсионного страхования используются исключительно на пенсионное обеспечение застрахованных по правилам и нормам, установленным законом. Часть этих средств централизуется и перераспределяется в целях обеспечения пенсионных гарантий граждан независимо от их места жительства на территории Российской Федерации [2].

Пенсионное страхование представляет собой важный механизм защиты населения, достигшего пенсионного возраста. Работая в течение жизни, гражданин создает для себя своеобразную подушку безопасности на период, когда в силу возраста выполнение им трудовых функций будет затруднено.

Постоянные изменения, происходящие в пенсионной системе России, ставят под сомнение безопасность гражданина, который зачастую не успевает отслеживать изменение «правил игры» и теряет уверенность в завтрашнем дне. Это, несомненно, отрицательно сказывается как на качестве жизни гражданина, так и на его мотивации к труду.

Для более детального анализа данного вопроса рассмотрим, что представляет собой современная пенсионная система.

С 1 января 2015 года в России действует новый порядок формирования пенсионных прав граждан и расчета пенсии в системе обязательного пенсионного страхования — так называемая новая пенсионная формула.

Трудовая пенсия трансформируется в два вида пенсий: страховую и накопительную. Само же понятие «трудовая пенсия» из законодательства уходит.

Расчет страховой пенсии будет осуществляться по новой пенсионной формуле с применением пенсионных коэффициентов — баллов. Пенсии нынешних пенсионеров и пенсионные права работающих граждан при этом сохраняются и будут пересчитаны в баллы без уменьшения.

Порядок расчета накопительной пенсии не меняется. Пенсии нынешних пенсионеров не уменьшаются, а будут ежегодно повышаться. Пенсионный возраст не увеличится.

По новой формуле размер пенсии будет зависеть от продолжительности общего страхового (трудового и стажа за социально значимые периоды) стажа гражданина, размера заработной платы за каждый год, с которой работодатели уплачивали страховые взносы в систему ОПС, и возраста, в котором гражданин обратился за назначением пенсии.

Несмотря на то что страховые пенсии увеличивались на уровень фактической инфляции за прошлый год, в 2018 г. пенсии выросли выше уровня инфляции 2017 г. Уже с 1 января 2018 г., а не с февраля, как было раньше, страховые пенсии неработающих пенсионеров выросли на 3,7 %, что выше показателя прогнозной инфляции за 2017 г. Размер фиксированной выплаты после индексации составит 4 982,9 руб. в месяц, стоимость пенсионного балла — 81,49 руб. (в 2017 г. — 78,58 руб.). Среднегодовой размер страховой пенсии по старости в России в итоге вырос до 14 075 руб. [3].

Пенсионные страховые программы, разработанные российскими страховщиками как для корпоративного, так и индивидуального страхования в большинстве своем соответствуют международным стандартам и уже завоевали определенную популярность у населения. Среди наиболее популярных продуктов можно выделить:

- 1) страхование пожизненной пенсии при достижении застрахованным определенного в договоре страхования возраста;
- 2) страхование временной (выплачиваемой в течение определенного в договоре срока) пенсии при достижении застрахованным определенного в договоре страхования возраста;
- 3) страхование семейной пожизненной пенсии, выплачиваемой при дожитии застрахованного до определенного в договоре возраста, а в случае смерти — его законной супруге;
- 4) страхование пенсии по общей нетрудоспособности, произошедшей с застрахованным в результате несчастного случая, с назначением инвалидности или по любой причине с назначением инвалидности, выплачиваемой до снятия с застрахованного группы инвалидности;
- 5) страхование пенсии по общей и профессиональной нетрудоспособности с назначением инвалидности (выплачиваются застрахованному до снятия с него инвалидности);
- 6) страхование пенсии по случаю потери кормильца (смерти застрахованного), выплачиваемой выгодоприобретателю (ребенку/родителям) пожизненно либо в течение определенного в договоре страхования срока.

Эффективность деятельности страховых компаний определяется и наличием отлаженной законодательной базы. Их деятельность регламентируется Федеральным законом РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и 48-й главой Гражданского кодекса РФ.

Российские страховщики обладают большим интеллектуальным потенциалом, работающим в реальных рыночных условиях, это высококвалифицированные актуарии, юристы, специалисты по управлению активами. Возможности быстро реагировать на запросы рынка позволяют страховщикам поддерживать расходы на ведение дела на уровне 3–5 % от поступивших страховых взносов. Надежность страховых компаний подкрепляется грамотным андеррайтингом при заключении договоров страхования (оценка риска и их тарификация), эффективным размещением резервов и четкой системой перестрахования и сострахования [4].

Страховые компании активно работают с населением, имеют обширные агентские сети. Клиентами страховых компаний стали уже 7 млн человек, причем 4,5 млн заключили договоры долгосрочного страхования. За 1999 г. страховые компании собрали 96,6 млрд руб., в том числе по страхованию жизни — 44,3 млрд руб. На сегодняшний день в Пенсионном фонде РФ около 30 % составляет «непенсионная» нагрузка (различные северные пенсии, пенсии по вредным профессиям и т. п.). Страховщики обладают опытом и возможностями (в частности, через актуарные службы) точно оценивать стоимость такого страхования, гарантировать фиксированную надбавку, а также любой возраст выхода на пенсию.

Важнейший вопрос — инвестирование собранных взносов. Размещение резервов страховщиками регламентируется четкими правилами и контролируется с помощью отработанных отчетных форм. Страховщики несут полную ответственность перед застрахованными. Занижение дохода также не имеет смысла, так как чаще всего при страховании стороны заранее оговаривают размер будущей пенсии. Финансовые потоки при этом прозрачны для государства, и они вполне могут рассчитывать на долгосрочные ресурсы страховых компаний.

Практика доказала жизнеспособность страховых компаний. Даже не имея льгот и стимулов к развитию пенсионного страхования для населения, они продолжают успешно работать и завоевывают все большее доверие у россиян. Страховой рынок пережил два острейших финансовых кризиса: в 1995 и 1998 г. Страховщики доказали, что в условиях нестабильной экономики переходного периода им можно доверять. Ни одного серьезного скандала или банкротства отмечено не было.

Приведенные данные свидетельствуют о большом и в то же время плохо используемом потенциале страховых компаний при решении вопросов реформирования пенсионной системы в России, хотя развитие дополнительного пенсионного страхования через страховые компании, прежде всего путем создания благоприятных налоговых условий, было бы экономически оправданным.

При создании системы дополнительного пенсионного обеспечения принято руководствоваться определенными принципами, которые гарантируют ее успешное функционирование. Это принцип:

- 1) свободного волеизъявления, что предполагает право свободного выбора предприятиями и физическими лицами заключать договор пенсионного страхования с НПФ или страховыми компаниями;
- 2) полноценного финансового контроля со стороны государства за деятельностью страховых компаний и НПФ. Ситуация, при которой Министерство труда и социального обеспечения РФ осуществляет регулирование деятельности НПФ через Инспекцию НПФ, а Министерство финансов — страховых компаний, является не вполне понятной, поскольку речь идет о едином финансовом сегменте экономики страны. При этом в большинстве развитых стран Западной Европы логичной является ситуация, когда деятельность НПФ и страховых компаний регулируется одним контролирующим органом;
- 3) создания равных экономических и правовых условий для всех участников этого рынка.

Создание таких условий предполагает:

- 1) введение в Положение о составе затрат по производству и реализации продукции (работ, услуг), включаемых в себестоимость продукции (работ, услуг), и о порядке формирования финансовых результатов, учитываемых при налогообложении прибыли (раздел I, пункт 2, подпункт «р»), платежей по договорам долгосрочного страхования жизни (на срок более пяти лет), в том числе пенсионного страхования, заключенным со страховыми компаниями, что было уже установлено ранее для негосударственных пенсионных фондов;
- 2) в Перечне выплат, на которые не начисляются страховые взносы в Пенсионный фонд РФ, восстановить суммы платежей работодателей по договорам долгосрочного страхования жизни (на срок более пяти лет), в том числе договорам пенсионного страхования, что было уже установлено ранее для негосударственных пенсионных фондов [5].

Совместная работа представителей законодательной и исполнительной власти, НПФ и страховых компаний, а также всех остальных заинтересованных участников рынка негосударственного пенсионного обеспечения должна привести к тому, что в России наконец-то будет построена эффективная пенсионная система, способная обеспечить гражданам достойный уровень жизни в пенсионном возрасте.

Библиографический список

1. Дудко К. Ю. 2015. Проблемные вопросы пенсионной реформы, проводимой в РФ на современном этапе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. № 2. С. 141–143.
2. Соловьев А. К. 2015. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность. М.: Проспект. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392178698.html> (дата обращения: 06.12.2018).
3. Центр управления финансами. 2018 // СУФ: Пенсионная система, 2018. URL: https://gsom.spbu.ru/files/upload/library/list_of_literature.pdf (дата обращения: 12.01.2019).
4. Николенко Н. П. 2018. Роль страховых компаний в реформе пенсионной системы России // Пресса о страховании, страховых компаниях и страховом рынке. № 1. С. 12–16.
5. Персональные права. 2018 // СУФ: Пенсионная реформа в России в 2018–2019 годах. URL: <http://personright.ru/pensioner/naznachenije-pensii/264-pension-reform-russia.html> (дата обращения: 06.12.2018).

Писаренко Ж. В., Кузнецова Н. П.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
z.pisarenko@spbu.ru; n.kuznetsova@spbu.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИНВЕСТОРЫ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: В данном докладе рассматриваются вопросы формирования ответственного подхода институциональных инвесторов к экологическим, социальным темам и вопросам управления (ESG). Направление внедрения принципов устойчивого развития в практику деятельности институциональных инвесторов привлекает все большее внимание практически во всех странах мира. Пенсионные фонды и страховые компании как провайдеры социально значимых долгосрочных финансовых услуг при разработке стратегии долгосрочного инвестирования должны принимать во внимание не только возможности, но и потенциальные риски, возникающие в том числе в связи с факторами, связанными с инвестиционными проектами в области устойчивого инвестирования. Это делается прежде всего в целях защиты активов, которые они инвестируют от имени своих бенефициаров и клиентов.

Ключевые слова: институциональные инвесторы, пенсионные фонды, страховые компании, устойчивое развитие, ESG, социально ответственные инвестиции, устойчивые инвестиции.

Pisarenko Z. V., Kuznetsova N. P.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

INSTITUTIONAL INVESTORS IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract: The research discusses the formation of a responsible approach of institutional investors to environmental, social and governance issues (ESG). The direction of implementation of the principles of sustainable development in the practice of institutional investors is attracting increasing attention in almost all countries of the world. Pension funds and insurance companies as providers of socially significant long-term financial services in the development of long-term investment strategy should take into account not only the opportunities but also the potential risks arising, including factors related to investment projects in the field of sustainable investment. This is done primarily to protect the assets they invest on behalf of their beneficiaries and customers.

Keywords: institutional investors, pension funds, insurance companies, sustainable development, ESG, socially responsible investments, sustainable investments.

Глобальные инициативы международных организаций, такие как Глобальный договор ООН (United Nations Global Compact) [1], Цели ООН в области устойчивого развития (Sustainable Development Goals), Парижское соглашение по климату (The Paris Agreement), демонстрируют усиление значения принципов устойчивого развития в деятельности компаний и корпораций разных секторов экономики практически всех развитых стран мира. Все большее число институциональных инвесторов также принимают во внимание принципы социально ответственных (устойчивых) инвестиций.

Институциональные инвесторы в лице пенсионных фондов и страховых корпораций интегрируют в свою инвестиционную стратегию принципы устойчивого развития ESG (экология, социальная ответственность, корпоративное управление), направляют финансовые средства в благоприятные для окружающей среды и общества долгосрочные инвестиции, основанные на принципах ответственного инвестирования, при этом предоставляют возможность своим бенефициарам не только получить прибыль на капитал, но и внести существенный положительный вклад в развитие общества и сбережение окружающей среды. Данные инструменты имеют огромный потенциал для устойчивого развития общества, но для его использования нужен механизм финансирования подобных проектов.

Пионерами ответственного инвестирования еще в 2000-х годах стали именно пенсионные фонды, под управлением которых находились огромные средства. Глобальные пенсионные активы в 2014 г. составляли более 36 трлн долл. США. В некоторых странах, например в США, Великобритании, Австралии, Канаде, Нидерландах, Швейцарии активы пенсионных фондов превышают ВВП стран базирования. Ведущим и крупнейшим мировым лидером по величине активов ПФ остается США, на втором месте идут Великобритания и Япония. ПФ этих стран представляют совокупно 78,3 % мировых пенсионных активов. В этот период в ведущих странах мира начался активный период пенсионных реформ, приведший к трансформации пенсионного законодательства не только для граждан, но и для провайдеров пенсионных планов и пенсионного страхования [2]. По замыслу законодателей, институциональные инвесторы должны стать механизмом финансирования устойчивого экономического развития, поэтому они обязаны раскрывать степень участия в инвестиционных проектах, основанных на принципах ответственного инвестирования. Так, Государственный пенсионный фонд Норвегии обязан «избегать инвестиций, которые связаны с неприемлемым риском того, что фонд будет способствовать неэтичному поведению контрагентов... коррупции и негативному воздействию на окружающую среду» [3].

В США и ЕС активно внедряется нормативное регулирование в области устойчивых инвестиций. Уже действуют более 350 законодательных актов, большая часть которых была введена в действие в период с 2013 по 2016 г. Большинство из них фокусируются на формировании системы долгосрочной ценности, включая экологические, социальные и управленческие факторы (ESG).

Пока ни в России, ни в других развитых и быстро растущих экономиках не предложена эффективная модель ответственного инвестирования, поскольку сам процесс формирования теоретической модели и ее практического внедрения еще не завершен. В этом контексте в докладе предлагается авторская трактовка понятий «инфраструктурное инвестирование», «социально ответственное инвестирование», основанная на анализе лучших мировых практик в области устойчивого развития.

В докладе рассмотрены инструменты для оценки институциональными инвесторами компаний на соответствие целям устойчивого развития, а значит, и определения возможности осуществления ответственных инвестиций, разработки финансовых продуктов и услуг, ориентированных на устойчивые инвестиции — семейства международных индексов DJSI (Dow Jones Sustainability Indices) и серия индексов FTSE4Good.

В докладе рассматриваются основные риски и возможности, связанные с формированием нового для пенсионных фондов и страховых компаний направления инвестирования. Риски обусловлены прежде всего отсутствием единого подхода регулирующих органов к пониманию устойчивых инвестиций, недостаточной разработанностью методики оценки проектов на соответствие принципам устойчивого развития.

Отмечается, что регулирующие органы должны быть уверены в том, что институциональные инвесторы отвечают требуемым стандартам осмотрительности и предосторожности [4], когда они включают ESG решения в свои портфельные решения. В настоящем докладе рассматривается, как регуляторы различных стран и институциональные инвесторы действуют для согласования принципов социально ответственного (устойчивого) инвестирования, основанных на ESG, выходящих за рамки традиционных финансовых моделей, с пруденциальными, основанными на управлении рисками правилами.

Важным фактором также является обеспечение прибыльности операций, которая, несомненно, зависит от эффекта масштаба привлеченных ресурсов. Поскольку устойчивые инвестиции зачастую сопряжены с высокими рисками, длительным сроком реализации и высокой капиталоемкостью, институциональные инвесторы должны либо выступать как крупные индивидуальные инвесторы в партнерстве с государством, либо задействовать механизмы слияний и поглощений, создания консорциумов для сотрудничества с другими инвесторами. Это отражает способность компаний частного сектора участвовать в различных моделях кооперации для минимизации уровня капиталовложений на одного партнера и распределения рисков.

Социально ответственные (устойчивые) инвестиции могут быть особенно привлекательными при условии, что инвесторы смогут получать с неликвидных в данный момент активов выплаты в долгосрочной перспективе. Наиболее привлекательными для институциональных инвесторов становятся индивидуальные инвесторы с долгосрочным горизонтом планирования (пенсионные планы, как правило рассчитаны на 30–40 лет). При этом, как показал анализ [5], как раз все проводимые в мире пенсионные реформы нацелены на перенесение управлением риском бедности в старости с общественного на индивидуальный уровень. Иными словами, ответственность за благосостояние в старости переносится на самого индивида, который должен решать вопросы индивидуального долгосрочного инвестирования самостоятельно. Реализация такой модели возможна через разработку новых продуктов долгосрочного инвестирования с учетом трансформации пенсионной системы и существующей системы государственного и надгосударственного их регулирования.

Библиографический список

1. Making Global Goals Local Business. URL: <https://www.unglobalcompact.org/> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Sustainable investment in the Dutch pension sector. URL: https://www.dnb.nl/en/binaries/Sustainable%20investment%20in%20the%20Dutch%20pension%20sector_tcm47-346418.pdf (дата обращения: 10.12.2018).
3. Responsible investments. URL: <https://www.regjeringen.no/en/topics/the-economy/the-government-pension-fund/responsible-investments/id446948/> (дата обращения: 12.12.2018).
4. *Pisarenko Zh. V., Kuznetsova N. P.* 2012. Insurance Activities Governance: World Experience Implementation // Proceedings. International Scientific Conference “New Challenges Of Economic And Business Development-2012.” Riga, Latvia, May 10–12, 2012. Riga: University of Latvia. P. 147–154.
5. *Pisarenko Zh. V., Kuznetsova N. P.* 2016. Financial convergence analysis: implication for insurance and pension markets Verslas: Teorija ir praktika // Business: Theory and Practice. Vol. 17(2). P. 89–100. URL: <http://www.btp.vgtu.lt>

Соловьев А. К.

Пенсионный фонд Российской Федерации,
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Шаболовка, 4
Sol26@100.pfr.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЛИДАРНО-СТРАХОВЫХ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: Переход России к рыночной экономике потребовал адекватного реформирования пенсионной системы, основанной на советских принципах государственного обеспечения материальных потребностей граждан, утративших трудоспособность, из системы государственного пенсионного обеспечения в систему страхования. Пенсионная реформа — долгосрочный процесс трансформации не только социальных, но и всего комплекса макро- и микроэкономических отношений между участниками пенсионной системы: застрахованными лицами (пенсионерами) — страхователями (работодателями) — страховщиками, в том числе — государственными. Она не может и не должна проводиться шокowymi методами по типу проведенных реформ приватизации, реформы цен, образования, ЖКХ, армии и др. Переходный период трансформации пенсионной системы охватывает период жизни не менее двух поколений, чтобы обеспечить условия полной реализации накопленных пенсионных прав старшего поколения и обеспечить возможность полноценной реализации новых прав младшего поколения. В течение же самого переходного периода финансовым гарантом стабильности может быть только государственный бюджет. Ни в одной стране мира пенсионные реформы не проводились без серьезной государственной поддержки в той или иной форме.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионная реформа, демографический кризис, финансовый кризис, страховые принципы.

Solovev A. C.

Pension fund of the Russian Federation,
4, Shabolovka str., Moscow, 119991, Russian Federation

THE PROSPECTS OF REALIZATION OF SOLIDANO — THE INSURANCE PRINCIPLES OF GOSUDAR-STVENNOY OF THE PENSION SYSTEM

Abstract: Transition of Russia to market economy demanded adequate reforming of the pension system based on the Soviet principles of the state ensuring material needs of the citizens who lost working capacity of a system of the state provision of pensions in the system of insurance. Pension reform — long-term process of transformation not only social, but also all complex macro — and the micro economic relations between participants of the pension system: the insured persons (pensioners) — insurers (employers) — insurers, including — state. It cannot and should not be carried out by shock methods as the undertaken reforms of privatization, reform of the prices, education, housing and public utilities, army, etc. The transition period of transformation of the pension system covers the life period not less than 2 generations to provide conditions of full realization of the saved-up pension rights of the senior generation, on the one hand, and to provide a possibility of full realization of the new rights of younger generation. During the most transition period only the state budget can be the financial guarantor of stability. In one country of the world pension reforms were not undertaken without serious state support in this or that form.

Keywords: pension system, pension reform, demographic crisis, financial crisis, insurance principles.

Побудительным мотивом к ускорению реформы пенсионной системы на страховых принципах в России, как и во всех развитых странах, послужил демографический кризис, который создает серьезную угрозу финансовой обеспеченности государственных пенсионных обязательств. Ожидалось, что Россия почувствует всю остроту демографического кризиса к середине 2020-х годов, когда численность работающих станет меньше количества пенсионеров. Демографический кризис XXI в. заставил не только Россию, но и развитые страны мира перестраивать существующие государственные пенсионные программы различными национально адаптированными способами: путем внедрения накопительных элементов, усиления требований к продолжительности трудового стажа и к уплате страховых взносов.

При этом коэффициент замещения пенсии пропорционально сокращается для тех получателей пенсий, которые не выработали нормативно установленную продолжительность страхового стажа. Коэффициент замещения, обеспечиваемый пенсией, рассчитывается суммарно для всех компонентов пенсионной системы, причем часть его, предоставляемая из государственной пенсионной системы, как правило, составляет не более 35 %.

Несмотря на принятые меры, стабилизировать пенсионную систему даже в долгосрочной перспективе не удастся. Поэтому широкое распространение при обеспечении нормативного коэффициента замещения в условиях демографического кризиса получила дотация пенсионной системе средств государственного бюджета. В ряде стран она осуществляется как страховой взнос государства на формирование пенсионных прав работника, наряду с индивидуальными взносами и взносами работодателя.

Из многообразия способов адаптации пенсионных систем стран Запада к демографическому кризису в России пристальное внимание вызывает повышение пенсионного возраста. Странами ОЭСР реализованы различные механизмы повышения пенсионного возраста. Так, везде соблюдается критерий эквивалентности периода выплаты пенсии продолжительности трудового стажа и продолжительности жизни, т. е. условия полной реализации страховых пенсионных прав.

Трансформация нестраховой пенсионной системы в страховую в силу огромного накопленного объема старых пенсионных обязательств неизбежно требует дополнительной нагрузки на экономику и государственный бюджет, причем чем быстрее осуществляется пенсионная реформа, тем выше нагрузка. Россия не является исключением из этого правила: ни в одной стране мира пенсионные реформы не проводились без привлечения средств государственного бюджета для поддержания финансовой устойчивости пенсионной системы в переходный период [1].

Стратегической целью российской пенсионной реформы, начатой в 2002 г., является реализация страховых принципов, которые позволяют балансировать пенсионные права и обязательства в долгосрочной перспективе. При этом на каждом этапе реформы все мероприятия должны адаптироваться к макроэкономическим и демографическим условиям. Так, на первом этапе 2002 г. было предусмотрено решение следующих задач:

- обеспечение текущей финансовой устойчивости пенсионной системы;
- преодоление возросшей уравнительности пенсионных выплат и усиление персонифицированной дифференциации в непосредственной зависимости от уплаченных страховых взносов.

Страховая реформа предусматривала поэтапную реализацию отдельных принципов в строгой зависимости от текущих макроэкономических условий и с учетом рисков на долгосрочную перспективу. В частности, было намечено решение трех задач:

- обеспечение текущей финансовой устойчивости пенсионной системы;
- повышение реального размера пенсий, восстановление их страховой природы для преодоления негативных последствий финансового кризиса;
- предотвращение кризиса пенсионной системы в связи со старением населения России.

Для решения текущих задач проведена конвертация пенсионных прав в зависимости от стажа и заработка пенсионера, изменена структура пенсий, в пенсионной формуле для преодоления уравнительности и дифференциации пенсионеров по уровню пенсий стали учитывать суммы страховых взносов в ПФР и ожидаемый период выплаты пенсии, введена субсидиарная ответственность государства по обязательствам ПФР для обеспечения его финансовой устойчивости.

До налоговой реформы средства федерального бюджета на покрытия дефицита бюджета ПФР не требовались. Начиная с 2005 г. в условиях налоговой реформы, ориентированной на снижение налоговой нагрузки на бизнес и борьбу за выход экономики из тени, произошло снижение ставки ЕСН на 8 процентных пунктов по базовой части трудовой пенсии. Кроме того,

были пересмотрены границы шкалы регрессии, что увеличило объем фонда заработной платы, облагаемого тарифом страховых взносов по пониженным ставкам. Тем самым был полностью нарушен один из основополагающих принципов обязательного пенсионного страхования.

Для продолжения страховой пенсионной реформы в 2008 г. в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. (КДР-2020) были заложены целевые ориентиры развития пенсионной системы на долгосрочную перспективу:

- повышение среднего размера трудовых пенсий по старости к 2016–2020 годам до величины, обеспечивающей не менее 2,5–3 прожиточных минимумов пенсионера;
- обеспечение начиная с 2010 г. минимального уровня материального обеспечения пенсионера не ниже величины прожиточного минимума пенсионера;
- создание условий для повышения индивидуального коэффициента замещения утраченного заработка, на который начислялись страховые взносы, трудовой пенсией по старости не менее чем до 40 %.

Реформа-2010 планировалась в условиях экономического роста, хотя важнейшие для пенсионной системы макропараметры не были достигнуты. Самый главный из них — доля фонда заработной платы в ВВП — остается на уровне 23–25 %.

Однако глобальный финансовый кризис радикально изменил исходные — внешние к пенсионной системе — макроэкономические параметры: темпы роста и структуру ВВП, структуру занятости, инфляцию и размеры зарплаты и т.д., от которых непосредственно зависят собственно пенсионные характеристики: размер пенсии, темпы индексации, размеры тарифа страховых взносов и др.

В тоже время Россия, несмотря на макроэкономические риски глобального кризиса, приступила к реализации комплекса мер по дальнейшему приближению ПФР к страховым принципам.

В частности, отменен неэффективный механизм формирования доходов бюджета ПФР на основе ЕСН и восстановлены индивидуально возмездные страховые взносы на обязательное пенсионное страхование, ликвидированные в 2001 г. С 2011 г. тариф страховых взносов устанавливается на уровне 26 %, приближенном к необходимому для обеспечения финансовой самостоятельности ПФР. Устранена несправедливая дифференциация тарифа для разных категорий страхователей-работодателей, которая вела к ущемлению пенсионных прав застрахованных лиц [2].

Важно отметить, что повышение тарифа страховых взносов проведено не шоковым методом, а поэтапно в течение 5 лет. Фонду как страховщику возвращены функции по администрированию страховых взносов. Отменена экономически неоправданная регрессивная шкала и установлена верхняя граница заработка, подлежащего страхованию (415 тыс. руб.).

Главным ориентиром социальной политики Правительства в условиях финансового кризиса стала дополнительная материальная поддержка наиболее необеспеченных пенсионеров. Среди этих мер следует выделить систему социальных доплат пенсионерам, чей уровень материального обеспечения не достигает величины прожиточного минимума в регионе, а также валоризацию — перерасчет пенсионных прав лиц, имеющих трудовой стаж до 2002 г., особенно в советский период — до 1991 г. Эти социальные мероприятия обеспечиваются финансовыми ресурсами из федерального бюджета не только в период финансового кризиса, но и в течение всего периода их выплаты.

В результате финансового кризиса на федеральный бюджет легла значительно большая, чем предполагалось при планировании реформы-2010, нагрузка по поддержанию финансовой устойчивости ПФР. Кризис вызвал необходимость корректировки всех сроков достижения целевых ориентиров, поскольку и после реализации двух этапов пенсионной реформы перед пенсионной системой сохраняются проблемы:

- дефицитности бюджета ПФР и его финансовой зависимости от федерального бюджета. Финансовая самостоятельность бюджета ПФР в настоящее время не может быть достигнута по причине недостаточности тарифа страховых взносов с работодателей;

- снижения в долгосрочной перспективе коэффициента замещения пенсией заработной платы, обусловленная демографическим кризисом. Эквивалентность пенсионных прав и обязательств не обеспечивается по причине снижения темпов роста фонда заработной платы и ВВП, повышения инфляции и др.

Российская пенсионная система в силу своей всеобщности, многоукладности и сохранения большого государственного пенсионного долга по советским пенсионным обязательствам остается для экономики государства главным вызовом в XXI в.

Дефицит бюджета ПФР и сохранение низкого уровня жизни пенсионеров не могут быть полностью урегулированы внутри пенсионной системы никакими механизмами, так как являются производными от макроэкономической и демографической ситуации в стране. Поэтому государственное регулирование и субсидиарно-финансовая ответственность государства перед пенсионной системой в переходный период остается обязательным условием завершения реформы.

Актуарный анализ показывает, что дефицит бюджета ПФР не достигает критических размеров на протяжении прогнозного периода. Так, в 2010 г. он составлял менее 2,9 % ВВП по причине объективных внешних факторов: предоставление тарифных льгот отдельным видам хозяйственной деятельности и категориям работодателей, резким ухудшением макроэкономической ситуации [3].

Таким образом, дефицит бюджета ПФР вызван причинами, далекими от пенсионной системы. В частности, 75 % дефицита связано с нехваткой средств от солидарного тарифа на финансирование фиксированной выплаты, которая не в последнюю очередь обусловлена демографическим фактором: низким соотношением числа работающих и пенсионеров.

Постепенное снижение доли дефицита бюджета ПФР в ВВП (до 1,25 к 2050 г.) помимо повышения тарифа страховых взносов связано с долгосрочными результатами реализации утвержденной Правительством Концепции демографической политики Российской Федерации на период, в которой поставлены целевые ориентиры стабилизации демографической ситуации:

- увеличить ожидаемую продолжительность жизни до 75 лет;
- увеличить в 1,5 раза суммарный коэффициент рождаемости;
- снизить в 1,6 раза уровень смертности;
- обеспечить миграционный прирост и др.

В рамках реализации Концепции демографического развития России для стимулирования повышения рождаемости через ПФР начато предоставление материнского капитала за второго ребенка. Эффективной мерой государственного регулирования финансовой устойчивости пенсионной системы в краткосрочном периоде является сокращение скрытой занятости и заработной платы.

Проблемы ликвидации дефицита бюджета ПФР и поддержания коэффициента замещения по своей сути являются альтернативными, поскольку повышение коэффициента замещения неизбежно означает рост расходов, тогда как наиболее легким способом ликвидации дефицита является сокращение размеров пенсий, что ведет к уменьшению коэффициента замещения.

Решение одной из проблем путем усугубления другой неприемлемо, тем более что ни одна из них, как показали приведенные данные, не представляет серьезной угрозы для стабильности российской экономики.

Краткосрочные меры развития страховых механизмов предусматривают:

- регулирование тарифной политики путем ежегодного установления тарифов страховых взносов и верхней границы дохода, на который они начисляются;
- завершение переходного периода для работодателей в отдельных видах экономической деятельности, в который сохранялись пониженные тарифы страховых взносов в ПФР. Отказ от предоставления дополнительных компенсаций по уплате тарифа страховых взносов предприятиям и организациям различных видов деятельности;

- участие застрахованных лиц в формировании пенсионных прав путем переноса части тарифа на заработную плату работников;
- реформирование накопительной пенсии путем предоставления застрахованным лицам права выбора способа формирования этой части пенсии путем перехода на добровольной основе в НПФ либо возврата средств в распределительную составляющую.
- ограничение выплаты фиксированного базового размера пенсии работающим пенсионерам.
- усовершенствование формулы исчисления трудовой пенсии;
- уточнение механизмов индексации пенсионных прав и назначенных пенсий с учетом наличия источников для ее проведения;
- установление требований к продолжительности страхового стажа (30 лет);
- актуарная оценка государственного пенсионного долга и отражение обязательств будущих периодов в качестве составного элемента в балансе и бюджете ПФР.

Долгосрочные планы реализации страховых принципов предусматривают:

- конвертацию в течение переходного периода не менее 15 лет — досрочных (льготных) пенсий в систему профессионального пенсионного страхования,
- стимулирование продолжения трудовой деятельности после достижения общеустановленного пенсионного возраста.

Совокупность этих мер позволит обеспечить реализацию основных страховых принципов в деятельности ПФР и в конечном итоге обеспечить и поддерживать его долгосрочную финансовую устойчивость при условии одновременной реализации мер по улучшению макроэкономической и демографической ситуации.

Библиографический список

1. Соловьев А. К. 2017. Исследование влияния неформальной занятости на сбалансированность бюджета ПФР и формирование пенсионных прав работника // Проблемы теории и практики управления. С. 54–64.
2. Соловьев А. К. и др. 2018. Пенсионный возраст: актуарно-статистическое обоснование. М.: Прометей. 236 с.
3. Соловьев А. К. 2014. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность: учебное пособие. М.: Проспект. 296 с.

Цветкова Л. И.

Московский государственный институт
Международных отношений МИД России,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76
l.tsvetkova@inno.mgimo.ru

ПРЕИМУЩЕСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАХОВЫХ КОМПАНИЙ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНСТРУМЕНТА ДОБРОВОЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ

Аннотация: В исследовании выдвигается гипотеза о необходимости формирования особой атмосферы внутреннего доверия потребителей страховых услуг долгосрочного страхования жизни к избираемой ими для этого страховой компании; возникновение такого внутреннего доверия или приверженности является результатом работы страховой компании по накоплению своеобразного капитала коммуникаций, проявляющегося в ценности для страхователя не только страховой выплаты, но и в индивидуальном отношении к каждому потребителю, его узнаваемости для страховщика и особой ценности; обосновано положение об особой способности регионального бизнеса к такому накоплению коммуникационного капитала.

Ключевые слова: пенсионное страхование, приверженность, эмоциональная приверженность, рациональная приверженность, коммуникации.

Tsvetkova L. I.

MGIMO University,
76, Vernadskogo av., Moscow, 119454, Russian Federation

THE BENEFITS OF REGIONAL INSURANCE COMPANIES IN THE USE OF THE INSTRUMENT OF VOLUNTARY PENSION INSURANCE AS AN ADDITIONAL FINANCIAL SUPPORT IN TERMS OF PENSION REFORM

Abstract: The study hypothesizes the need to create a special atmosphere of internal trust of consumers of insurance services of long-term life insurance to the insurance company chosen by them for this purpose; the emergence of such internal trust or commitment is the result of the work of the insurance company to accumulate a kind of communication capital, manifested in the value for the policyholder not only the insurance payment, but also in the individual attitude to each consumer, his recognition for the insurer and special value; the article substantiates the position of the special ability of regional business to such accumulation of communication capital.

Keywords: pension insurance, commitment, emotional commitment, rational commitment, communication.

Пенсионная реформа и увеличение пенсионного возраста усилили остроту проблемы для лиц, по состоянию здоровья или ослабления трудового потенциала в силу возраста лишенных возможности привычного заработка.

При этом чем раньше страхователь примет решение о заключении договора страхования дополнительной пенсии, тем с меньшими регулярными (ежемесячными) затратами для его бюджета будет связана оплата такого страхования. Однако решению о страховании дополнительной пенсии в этом случае будет мешать длительность периода от заключения договора до начала страховых выплат, в совокупности с низким уровнем доверия страхователя институту страхования в принципе, а тем более — на длительный срок. Специалистами, изучавшими вопрос установления доверия между страховщиком и страхователем, определено, что наличие такого доверия порождается «приверженностью» страхователя страховщику как персонифицированному субъекту. То есть для заключения долгосрочных договоров страхования и множества последовательно заключаемых краткосрочных договоров страхователь должен ощущать индивидуализированность своих отношений со страховщиком, в ответ на что сам страховщик

становится для него желанным партнером с индивидуальными, удовлетворяющими именно его запросы страховыми продуктами [1].

Страховая услуга — это возмездная услуга финансового посредничества по гарантии возмещения вероятных убытков, произошедших в результате оговоренных при ее приобретении за счет аккумулированных средств всех лиц, приобретающих такую гарантию. Роль потребителей страховой услуги в страховом бизнесе уникальна, поскольку эта услуга предоставляется потребителям за счет капитала, аккумулированного из их же средств. Следовательно, качество и привлекательность приобретаемой страховой услуги определяется в том числе характером объема и качества коммуникаций, устанавливаемых между страховщиком и страхователями.

Вышесказанное заставляет остановиться на проблеме установления коммуникаций со страхователем таким образом, чтобы обеспечивать его удовлетворенность не только результатом реализации цели, ради которой они устанавливаются, но и самим процессом их установления и фактом их наличия. Иными словами, следует найти наилучшие методы установления коммуникаций с потребителями страхового рынка, способные обеспечить развитие долгосрочного пенсионного страхования как в интересах нуждающихся в нем граждан, так и в интересах страхового бизнеса.

Согласно Э.Пэйну, «генерация добавочной стоимости может происходить только при эффективном и взаимовыгодном обмене ценностями между клиентом и компанией [2]. В отношении страхования — это обмен страховой премией от страхователя взамен страховых выплат от страховщика. Этот ценностный обмен не может производиться без обмена информационного, а информационный обмен происходит по каналам коммуникаций. При этом информационные коммуникации обеспечивают как заинтересованности в последующем экономическом обмене (социальные коммуникации), так и являются каналом информации о процессе этого обмена (прагматические коммуникации).

Это делает справедливым вывод о том, что коммуникации участвуют в производстве добавочной стоимости, выполняя функции коммуникационного капитала или капитала коммуникаций. Справедливо говорить о капитале коммуникаций в случае, если они повышают стоимость страховой компании, то есть обладают свойством самовозрастания. Капитал социальных коммуникаций прямо не сводится к страховому или экономическому, однако их создание и мультипликативное приращение возможно только при наличии эффективного обмена с поставщиками ресурсов, соответствующих их формированию. Во-первых, именно способность страховщика к качественному выполнению своих обязательств, то есть достаточность экономического (собственного, гарантирующего страховые услуги в качестве маржи платежеспособности) и страхового (созданного за счет средств страхователей) капитала, является одним из условий возникновения коммуникаций с потребителями услуг страховщика. Во-вторых, страховая услуга, протяженная во времени, приобретает в глазах потребителей необходимое качество в случае сопровождения эффективными социальными информационными и прагматическими коммуникациями страховых специалистов со страхователями.

Побудительный мотив к реальному обмену является доказательством эффективности социальных информационных коммуникаций, которая является следствием положительной оценки следующих коммуникационных характеристик:

- демонстрации инициатором заинтересованности в налаживании коммуникаций;
- демонстрация его лояльности;
- однозначность подачи им информации;
- полезность полученной информации;
- достоверность информации [3].

При этом значимы не только сами полученные данные, но и эмоциональная оценка процесса этого информационного обмена. Безусловно, в коммуникациях страховщика со страхователем важнейшей характеристикой является оценка страхователем результата полученной информации как достоверной.

Момент аккумуляции полученных премий в страховой капитал для обеспечения принятых обязательств по страховому договору разделен во времени. Это разделение во времени требует создания особой атмосферы в отношениях поставщика и потребителя страховой услуги: атмосферы доверия и взаимной заинтересованности в решении возникающих проблем. То есть коммуникации страховщика и страхователя должны быть оценены страхователем как положительные. Следуя П. Бурдые, можно сказать, что капитал положительных коммуникаций является символическим, т. е. его наличие подтверждается актом узнавания [3].

Передавая свой капитал в руки страховщика, страхователь надеется на индивидуализированное отношение компании к урегулированию его убытков. Он рассчитывает, что его страховой интерес будет восприниматься как индивидуальный, а не как один из многих, не имеющих в отдельности принципиального значения. То есть страхователь желает быть узнаваемым страховщиком не в меньшей степени, чем страховщик — страхователем, ибо именно от доверия потребителя зависит начало страховых отношений. Такой индивидуальный подход, работа со страхователем с учетом характеристик его личности не может быть отменен никакими средствами автоматизации.

Положительные коммуникации страховщика с потребителями, то есть его коммуникационный капитал, реализуется в приверженности страхователей страховщику, стабильности его страхового портфеля и, как следствие, в финансовой устойчивости и высокому качеству страховых услуг.

Источники эмоциональной составляющей приверженности — это те компоненты, которые обеспечивают узнаваемость страховщика для страхователя. В их числе следующие.

1. Приверженность на основании обстоятельств, предшествующих приобретению страхового полиса, базируется на впечатлениях, связанных с деятельностью страховщика вне ситуации, порожденной страховыми интересами. Такие условия «личных знакомств» возможны в условиях небольших городов или населенных пунктов со скромной численностью населения.
2. Приверженность на основании восприятия компании в связи с личными впечатлениями о компании как о доступном и честном страховщике.
3. Приверженность на основе социального влияния связана с ассоциацией наличия страхового полиса как общепризнанного показателя успешного и цивилизованного человека. При этом сведения о наличии полиса у экономического агента должны предполагать наличие у него широкой сети знакомств и общения, что, как правило, сопровождает жизнь небольших городов и городков, тогда как в мегаполисе люди все чаще пренебрегают личными коммуникациями.

Поименованных источников формирования приверженности, выделяются ее рациональные источники [4]. К числу рационально оцениваемых обстоятельств при общении со страховщиком обстоятельств, от которых зависит приобретение страхового полиса, относятся следующие.

1. Оценка затрачиваемого времени на общение с ответственным лицом страховщика тем негативнее, чем больше времени потребуется для организации встречи с ним. Если доступ не затруднен, страхователь осознает себя как значимое, узнаваемое лицо для страховой компании.
2. Приверженность на основе анализа альтернативных предложений предполагает по крайней мере наличие спектра таких предложений. Это предполагает глубокую информированность страховщика об обстоятельствах рисков страхователя, близость к этим обстоятельствам и их понимание.
3. Приверженность на основе оценки риска, предлагаемого на страхование, обеспечивается формированием у страхователя мнения:
 - о наличии такого риска;
 - последствий его реализации;
 - приверженность на основе оценки риска, предлагаемого на страхование.

Рациональные источники приверженности страхователя позволяют ему сделать вывод о том, что страховщик знает его, он узнаваемый клиент. Информированности страхователя о предлагаемой страховой услуге также предполагают, что страховщик изучил специфику рисковых обстоятельств страхователя, а также уровень его покупательской способности.

Для борьбы за приверженность потребителей в российских регионах федеральному страховщику потребуются изучение особенностей страховых интересов региональных и социальных особенностей клиентских групп во всем множестве регионов России, в которых представлены их филиалы, что связано со значительными финансовыми и временными затратами. Кроме того, крупные федеральные страховщики в условиях любых рисковых потрясений являются наименее кризисоустойчивыми, что порождает опыт недоверия к тем из них, чьи филиалы в период кризисных потрясений обманывали ожидания своих потребителей [5].

Именно поэтому в странах Европы так развита сеть региональных страховщиков со страховым портфелем, созданным из договоров с экономическими агентами небольших городков. Так, в Германии из 2250 местных страховщиков, собирающих менее 4 % от всего объема страховых премий; на страховом рынке Франции, несмотря на традиционное жесткое государственное законодательство (дилижанс) из 650 страховых компаний 55,2 % учреждены местными инвесторами [6]. Высокий уровень приверженности страхователей «своим, местным» страховщикам страхования жизни делает чрезвычайно развитой систему страхования дополнительных пенсий, в которую потребители вступают почти с момента начала трудовой деятельности. Формирование системы коммуникаций страховой компании на основании модели «приверженности» способна обеспечить интересы всех участников страхового рынка.

Выводы. Проведенный анализ существующих коммуникаций страховщика и их роли в обеспечении роста страхового капитала позволил сделать следующие обобщения.

1. Цель установления информационных коммуникаций страховщиком — в подготовке финансового обмена между сторонами.
2. Готовность к финансовому обмену со страховщиком переводит страхователей в состав отношенческого клиентского капитала.
3. Использование клиентского капитала порождает страховой капитал, стабильный рост которого делает страховщика привлекательным для инвесторов, побуждая к установлению со страховщиком коммуникаций на рынке инвестиций.
4. Формирование коммуникационного капитала является наиболее значимым и эффективным у региональных страховщиков, наиболее полно обладающих как эмоциональными, так и рациональными их источниками.

Библиографический список

1. Бурдые П. 2005. Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3, № 5. С. 60–74.
2. Пэйн Э. 2007. Руководство по CRM: Путь к совершенствованию менеджмента клиентов. Минск: ГревцовПаблицер. 384 с.
3. Бурдые П. 2002. Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3, № 5. С. 60–74.
4. Schüller A. M. 2011. Kunden auf der Flucht? Wie Sie loyale Kunden gewinnen und halten. Zürich: Orell Füssli Verlag AG. P. 207.
5. Лайков А. Ю. Внутренние риски российской системы страхования. Информационный портал «Страхование сегодня». URL: <http://www.insur-info.ru/analysis/1113> (дата обращения: 09.12.2018).
6. Страхование в зарубежных странах (ФПГ, Франция). URL: <https://megalektsii.ru/s45143t6.html> (дата обращения: 09.11.2018).

Шипицына С. Е.

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева 15;
Институт экономики Уральского отделения РАН,
Российская Федерация, 620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29
sv-in-sure@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ*

Аннотация: В данном исследовании представлены результаты анализа предпосылок и последствий проведения пенсионной реформы и повышения пенсионного возраста в РФ в региональном аспекте. Проведена оценка демографических показателей, в частности продолжительности жизни, вероятности дожития до пенсионного возраста, дожитие предстоящей жизни на пенсии. Особое внимание уделено показателям демографической статистики по мужчинам, доказано, что существуют глубокие противоречия и различия в российских регионах. Кроме того, показано, что последствия повышения пенсионного возраста в большинстве российских регионов усугубляются неравномерным социально-экономическим развитием, низкими доходами, высокими темпами безработицы и отрицательными миграционными потоками. В статье представлены в качестве примера маргинальные регионы, где особенно высоки социальные угрозы и негативные экономические последствия от повышения пенсионного возраста.

Ключевые слова: регион, пенсионные риски, пенсионный возраст, предпенсионный возраст, продолжительность жизни при рождении, миграция, безработица, доходы.

Shipitsyna S. E.

Perm State National Research University,
15, Bukireva str., Perm, 614990, Russian Federation;
Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
29, Moskovskaya str., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation
sv-in-sure@mail.ru

SOCIO-ECONOMIC EFFECTS OF INCREASING THE PENSION AGE IN THE RUSSIAN REGIONS

Abstract: This study presents the results of an analysis of the prerequisites and consequences of pension reform and raising the retirement age in the Russian Federation in a regional perspective. An assessment of the demographic indicators, in particular, life expectancy, the probability of survival to retirement age, the survival of life in retirement. Particular attention is paid to indicators of demographic statistics on men, it is proved that there are deep contradictions and differences in the Russian regions. In addition, it has been shown that the consequences of raising the retirement age in most Russian regions are aggravated by uneven socio-economic development, low incomes, high unemployment rates and negative migration flows. The article presents, as an example, marginal regions, where social threats are particularly high and the negative economic consequences of raising the retirement age.

Keywords: region, pension risks, retirement age, pre-retirement age, life expectancy at birth, migration, unemployment, income.

Как известно, в Российской Федерации 3 октября 2018 г. был принят Федеральный закон № 350 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам назначения и выплаты пенсий». Данным законом установлен новый пенсионный возраст: для женщин — 60 лет, для мужчин — 65 лет, с переходным периодом 2019–2028 гг. Для граждан, которые должны были выйти на пенсию в 2019–2020 гг. срок выхода переносится на полгода, затем пенси-

* Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ №18-010-00493 А «Долгосрочные социально-демографические тренды в развитии регионов России: эффективность функционирования социальной сферы и ее адаптация».

онный возраст будет увеличиваться на 1 год. По новому законодательству переходный период закончится в 2028 г., нового пенсионного возраста достигнут мужчины 1963 г. рождения и женщины 1968 г. Предусматривается льготный пенсионный возраст для мужчин, имеющих страховой стаж 42 года и женщин — 37 лет, на 24 месяца ранее, но не раньше 60 и 55 лет соответственно. Также предусмотрен льготный пенсионный возраст для женщин, родивших четырех детей и более — 56 лет, трех детей — 57 лет, при наличии страхового стажа не менее 15 лет [1].

Еще одной новацией стало введение в возрастную градацию населения понятия «предпенсионного возраста» — это пятилетний период до наступления права на получение страховой пенсии по старости. В связи с этим в законодательстве предусмотрены дополнительные социальные гарантии для граждан предпенсионного возраста, а также уголовная ответственность и система штрафов для работодателей [1].

Основными мотивами для повышения пенсионного возраста со стороны Президента и Правительства РФ стали: увеличение продолжительности жизни россиян, рост числа пенсионеров и, как следствие, усиление пенсионной нагрузки для работающего населения, низкий уровень пенсий и усиливающаяся несбалансированность доходов и расходов Пенсионного фонда. Разумеется, в основу аргументации легли среднероссийские демографические и социально-экономические показатели. Отметим, что сразу пенсионную реформу, предложенную Правительством РФ, поддержали власти в 61 российском регионе и только в 12 регионах были высказаны некоторые сомнения о ее своевременности. На наш взгляд, в силу значительной географической протяженности России, а также все увеличивающейся неравномерности социально-экономического развития страны причины и последствия повышения пенсионного возраста в российских регионах не так однозначны.

По данным Росстата, средняя продолжительность жизни при рождении в целом по России на начало 2018 г. — 72,7 года, мужчины — 67,5, женщины — 77,6. Вероятность дожития до старого пенсионного возраста (60 и 55) была у городского населения мужчин — 65,47 %, у женщин — 90,37 %, в сельской местности, население которой составляет 26 % от всей численности России, эта вероятность была ниже — 61,6 % и 88,32 % соответственно. С повышением пенсионного возраста вероятность дожития до пенсии, естественно, снизится до 55,1 % у мужчин, проживающих в городах, у женщин до 86,82 %. В сельской местности только у половины мужского населения, 50,7 %, будет шанс дожить до нового пенсионного возраста, у женщин — 84,1 %*. Кроме того, в 21 российском регионе, по итогам 2017 г., продолжительность жизни мужчин составляет менее 64 лет, а в 18 регионах — до 65 лет [2]. Таким образом, почти в половине регионов России мужчины не будут доживать до пенсии — стало быть, для этих мужчин вообще исчезнет целесообразность участия в обязательном пенсионном страховании.

При оценке пенсионных рисков через показатели дожития для граждан важно оценивать не вероятность дожить до пенсионного возраста, а вероятность пожить на пенсии через показатели продолжительности предстоящей жизни после достижения пенсионного возраста. Как показал проведенный анализ зарубежного опыта (США, Великобритания, Германия, Италия, Франция, Япония), в среднем после выхода на пенсию мужчины живут 13 лет, женщины — 18 лет [3]. В Российской Федерации при старом пенсионном возрасте (60 и 55) мужчины в среднем находились на пенсии — 7,5 лет, а женщины — 22 года, что существенно превышает пребывание женщин на пенсии даже в развитых странах. С повышением пенсионного возраста в России особо усугубилось положение пенсионеров-мужчин, время пребывания их на пенсии в среднем по Российской Федерации снизится до 2,5 лет, при этом значительно сократится количество мужчин-пенсионеров. С учетом низкого варианта прогноза, представленного Росстатом, сейчас в 2018 г. соотношение пенсионеров женщин и мужчин 67 и 33 %, к 2025 г. может измениться до 80 : 20 [4].

Таким образом, анализ показателей продолжительности жизни показал, что повышение пенсионного возраста в Российской Федерации с 2019 г. является преждевременным, в первую очередь для мужчин. Демографические показатели женской статистики соответствуют

* Рассчитано по таблицам смертности (дожития) по итогам переписи населения 2010 г.

всем зарубежным аналогам, для повышения пенсионного возраста для женщин в России сложились все предпосылки. Однако, очевидно, что повышение пенсионного возраста в одностороннем порядке, только для женщин, спровоцирует рост социальной напряженности в обществе и нарушит все мыслимые принципы социальной справедливости. Следовательно, если не ухудшать условия пенсионных гарантий у мужчин и сохранить прежнюю ожидаемую продолжительность жизни на пенсии 7,5 лет, то по предложенной Правительством схеме постепенное повышение возраста должно начаться лишь с 2032 г.

Следующий показатель, по которому наблюдается глубокая дифференциация по регионам, — это уровень пенсионной нагрузки. Оценивается через оценку доли старшего поколения в общей численности населения, через оценку доли пенсионеров относительно населения занятого в экономике (рабочей силы). Так, доля старшего поколения в среднем по России в 2017 г. 29,6 %. К старшему поколению отнесем население, включая предпенсионный возраст: женщины старше 55 лет, мужчины старше 60 лет. В целом рост числа пенсионеров для России не является критическим риском, темп прироста с 2015 г. сохраняется на уровне в среднем 1 % (2015 г. — 43797 тыс., 2016 г. — 45182 тыс., 2017 г. — 45709 тыс., 2018 г. — 46071 тыс.) [4].

Проблемы старения населения и превышение над среднероссийскими показателями наблюдаются в ЦФО, Северо-Западном ФО, Приволжском и Уральском ФО. Наибольшие угрозы замечены в Республике Карелия — 38 % и в Архангельской области — 36,8 %. Самыми благоприятными по данному критерию, за счет высокой рождаемости, являются республики Северного Кавказа: в Республике Дагестан доля старшего населения — 21,2 %, в Республике Ингушетия — 21,7 %, в Кабардино-Балкарской республике — 22,8 %. Ниже среднероссийского уровня пенсионная нагрузка также в г. Москва — 24,2 % [4]. Казалось бы, проблемы диспропорций и пенсионной нагрузки должен приостановить процесс повышения пенсионного возраста, путем сокращения числа пенсионеров за счет невыхода на пенсию с 2019–2028 гг. Однако соотношение числа занятых в экономике и старшего поколения в регионах усугубляются процессами безработицы и миграции.

Самый высокий уровень безработицы зафиксирован в Республике Ингушетия — 26 % и в Республике Дагестан — 12,1 %. Высокий уровень безработицы сопровождается максимальной отрицательной миграцией населения — 12 716 чел. В вышеупомянутых регионах Республике Карелии, в Архангельской области миграционный отток населения также высокий: он составил по итогам 2017 г. 1916 чел. и 8045 чел. соответственно. Уровень безработицы намного превышает средний российский и составляет 10,2 % и 7,0 % [4]. Негативные миграционные процессы в представленных российских регионах объясняются низкой занятостью и низкими доходами по сравнению с более развитыми регионами. По данным Росстата, в ноябре 2018 г. среднемесячная номинально начисленная заработная плата по России достигла 42 595 руб., разброс составил от 101 662 руб. в Магаданской области до 24 550 руб. в Дагестане. К регионам с высокими заработными платами относятся Чукотский АО — 96 930 руб., Ямало-Ненецкий АО — 86 560 руб., г. Москва — 78 946 руб., Тюменская область — 61 937 руб. К территориям с низкими доходами причисляются все регионы Северного Кавказа, а также Тамбовская область — 26 754 руб., Орловская область — 26 834 руб., Кировская область — 27 580 руб. и др.

Следующим определяющим критерием для начала пенсионной реформы в 2019 г., по предписанию Правительства Российской Федерации, является низкий размер пенсий россиян. Как известно, с 1 января 2015 г. для расчета пенсий была введена система пенсионных баллов. Количество заработанных пенсионных баллов россиянина зависит от страхового стажа и величины страховых взносов, уплаченных за него работодателем. Теперь, кроме достижения пенсионного возраста, для выхода на пенсию необходимы наличие минимального страхового стажа — 10 лет и минимальное количество пенсионных баллов — 16,2 балл. Очевидно, что повышение пенсионного возраста будет способствовать увеличению страхового стажа и, соответственно, росту размера пенсионного обеспечения, что касается другого фактора, то он всецело зависит от уровня заработной платы. Размеры пенсий в российских регионах демонстрируют такой же разброс, как и заработная плата. По данным Росстата, средняя начисленная пенсия в РФ на 1 января 2018 г. составила, без учета единовременной выплаты, введенной с 2015 г. (в 2018 г. — 4982,9 руб., в 2019 г. — 5334,19 руб.), — 13 323,1 руб. Самые

высокие пенсии в регионах с высокими доходами: в Чукотском АО — 23 486 руб., Магаданской области — 20 666,1 руб., Ямало-Ненецком АО — 20 589,1 руб., в Мурманской области — 18 122,9 руб. Самые низкие пенсии, традиционно, в республиках Северного Кавказа; в Республике Дагестан — 10 297,5 руб., Кабардино-Балкарской Республике — 10 498,7 руб., Республике Калмыкия — 11 336,7 руб. и др. [4].

Одним из реформаторских мероприятий Правительства РФ, направленных на повышение пенсий россиян стала индексация пенсий, проведенная в январе 2019 г. По данным Пенсионного фонда России, страховые пенсии проиндексированы у 32 млн неработающих пенсионеров (73,56 % от всего числа) на 7,05 %. Индивидуальная надбавка к пенсии рассчитывалась от размера получаемой пенсии и в среднем выросла на 1000 руб. [5]. Решение простого примера показывает, что на 1000 руб. увеличились пенсии только у тех пенсионеров, у которых пенсия превышает 14 000 руб., а в подавляющем числе российских регионов она ниже. Необходимо отметить, что в регионах производятся социальные доплаты к пенсии в целях доведения уровня материального обеспечения пенсионера до величины прожиточного минимума, установленного на территории. Примечательно, что количество пенсионеров, получающих такого рода региональную социальную доплату, увеличилось: 2016 г. — 2 320 591 чел., 2017 — 2 499 196 чел., 2018 г. — 2 533 126 чел. [5]. Несомненно, данная кампания не смогла ни устранить имеющуюся дифференциацию по регионам, ни существенно повысить качество жизни пенсионеров. Очевидно, что и последующие индексации не принесут кардинальных изменений.

Являясь одной из влиятельных стран мира, Россия демонстрирует статистику по доходам своих граждан в разы ниже, чем в других развитых странах. Сегодня в литературе появилось понятие «работающая бедность», которое отражает общее положение на российском рынке труда. Такие процессы протекают в большинстве российских регионах, обостряя вопросы трудоустройства граждан не только предпенсионного возраста, а в первую очередь среднего и молодого поколения, способствуют развитию прекариата, зародившемуся в России в 90-е годы. Исключение составляют немногие регионы, такие субъекты Российской Федерации, как Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Свердловская область и ряд регионов Сибирского ФО, в этих регионах последствия повышения пенсионного возраста могут иметь даже позитивные результаты в самое ближайшее время. Однако на большинстве российских территорий последствия принятия Федерального закона №350-ФЗ будут сохранять негативный характер и по-прежнему не будет исполняться ст. 7 Конституции, в соответствии с которой всем гражданам РФ должна обеспечиваться равная государственная поддержка и социальные гарантии.

Библиографический список

1. Федеральный закон 03.10.2018 №350 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.01.2019).
2. Регионы России. 2017. Статистический сборник / Росстат. М. 379 с.
3. Россия и страны мира. 2016. Статистический сборник / Росстат. М. 379 с.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.01.2019).
5. Официальный сайт Пенсионного фонда РФ. URL: <http://www.pfrf.ru> (дата обращения: 06.01.2019).

Яковлева А. В.

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики,
Российская Федерация, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49
yeif@mail.ru

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СТРАХОВАНИЯ ОТ БЕЗРАБОТИЦЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: Проблема безработицы, ставшая актуальной в начале 1990-х годов, в настоящее время, в условиях цифровой экономики, приобретает новое значение. Это связано с тем, что в обозримом будущем может наступить высокая невостребованность обширного перечня специалистов, вызванная повсеместной автоматизацией производственных процессов, что, в свою очередь, может повлечь за собой рост риска социальной напряженности в обществе. В этой связи требуется развитие системы страхования от безработицы, призванной обеспечить приемлемые условия жизни в период наступления риска безработицы с целью поиска подходящей работы.

Ключевые слова: безработица, страхование от безработицы, социальное страхование, социальная защита, цифровая экономика.

Yakovleva A. V.

Saint Petersburg National Research University of
Information Technologies, Mechanics and Optics,
49, Kronverksky av., 197101, Saint Petersburg, Russian Federation
yeif@mail.ru

UNEMPLOYMENT INSURANCE SYSTEM IMPROVEMENT IN DIGITAL ECONOMY

Abstract: The problem of unemployment that arose in the early 1990s is taking on a new meaning in the digital economy environment. This is because global process automation can drastically affect the demand for a comprehensive range of specialists in the immediate future, which in turn can increase social tension. Therefore, the unemployment insurance system needs to be improved to provide an adequate standard of living to those searching for a suitable job in the face of unemployment.

Keywords: unemployment, unemployment insurance, social insurance, social protection, digital economy.

Тенденции последнего десятилетия, характерные для большинства стран мира, связанные с развитием цифровой экономики, побудили Россию развернуть вектор своего развития в этом же направлении. Как отмечают исследователи, без применения цифровых технологий построить успешно развивающуюся экономику невозможно. Таким образом, стратегия цифрового развития должна охватывать все субъекты экономики и вовлекать их в построение цифровых отношений [1].

В условиях развития цифровой экономики безработицу следует рассматривать как естественный продукт определенной организации труда. Несмотря на это, ряд исследователей отмечают, что одной из угроз порождаемых цифровой экономикой, в ближайшем будущем будет проблема колоссального высвобождения работников, связанная с повсеместной автоматизацией производственных процессов [2]. Безусловно, это может способствовать резкому повышению уровня безработицы и грозит высокими рисками для работающих утратить свой заработок. В этой связи требуется серьезное развитие системы страхования от безработицы, способной снизить риск для большинства участвующих в данном процессе.

Социальное страхование от безработицы представляет собой совокупность социальных, экономических, правовых отношений по формированию и использованию фондов денежных средств для обеспечения защиты трудозанятого населения от риска безработицы на обязательной, добровольной основе, или в качестве иной модели можно рассматривать создание индивидуальных накопительных (сберегательных) счетов работников. В качестве основных принципов страховой защиты от безработицы необходимо выделить следующие: всеобщность —

предполагающая под собой полный охват заинтересованных физических и юридических лиц, обязательность уплаты страховых взносов всеми страхователями; солидарность — распределение ущерба от наступления безработицы распределяется между страхователем и застрахованным; возмездность — связана с возможностью получения страховых пособий по безработице при условии уплаты страховых взносов.

В развитых странах страхование от безработицы обязательная и наиболее распространенная форма защиты дохода для безработных, предоставляемая вместе с пенсионным и медицинским страхованием как часть государственного социального страхования. Несмотря на то что страхование от безработицы возникло в XIX в., только лишь к концу 1940-х годов оно стало неотъемлемой составляющей национальных систем социальной защиты, причем при активной поддержке профсоюзов. Это отставание во многих случаях было следствием глубокой неувренности в соизмеримости безработицы и других рисков рынка рабочей силы и в возможности применения традиционных методик страхования к ситуациям временной потери работы. Рассматривая модели системы страхования от безработицы существующие на сегодняшний день, следует отметить, что в большинстве стран мира система страхования по безработице носит обязательный характер (например, США, Франция, Швейцария, Испания и т. д.), в ряде стран она осуществляется в добровольном порядке и управляется профсоюзами (Дания, Швеция) и в качестве альтернативной модели в 1970–1990-е годы в ряде стран Латинской Америки стали использовать модель страховой защиты от безработицы на основе создания индивидуальных накопительных (сберегательных) счетов работников [3].

В России на сегодняшний день отсутствует система страхования от безработицы. Однако следует отметить, что так было не всегда. В 1991 г., после перехода России к рыночным отношениям, впервые был образован Фонд занятости с целью финансирования мероприятий по содействию занятости населения. Основным источником являлись страховые взносы работодателей, размер которых до 1996 г. составлял 2 % от фонда оплаты труда, с 1996–2000 гг. — 1,5 %. Данный фонд просуществовал 10 лет, а далее был упразднен, и это несмотря на то, что 95,8 % этих поступлений составляли страховые взносы работодателей. На сегодняшний день пособие по безработице гражданам выплачивается в соответствии со статьей 33 Закона о занятости (Закон РФ от 19.04.1991 г. № 1032–1). По ней предел возмещения среднемесячного заработка установлен в зависимости от месяца (пособие выплачивается в течение 12 месяцев) от 45 до 75 %. Однако следует отметить, что п. 2 все той же статьи ежегодно Правительством РФ определяют размеры минимальной и максимальной величины пособия по безработице. На 2018 г. минимальный размер пособия составил 850 руб., а максимальный 4900 руб. (Постановление Правительства РФ от 24.11.2017 г. № 1423). Если учесть то, что с 01.05.2018 г. размер МРОТ в регионах России установлен в пределах от 11 163 руб. до 18 742 руб. (ст. 2 ФЗ от 07.03.2018 № 41-ФЗ), то минимальный размер пособия должен составлять 5023 руб., а максимальный 14 056 руб. Но как свидетельствуют представленные данные, размер пособия в разы ниже. Размер максимальной и минимальной величины пособия по безработице находятся на одном и том же уровне вот уже 10 лет с 2009–2018 гг. В свою очередь, 2019 г. следует отметить как переломный, поскольку ожидаются положительные сдвиги в этом направлении. Так, Правительством РФ 15.11.2018 г. был утвержден новый минимальный и максимальный размер пособия по безработице. Так, начиная с 2019 г. для всех категорий граждан минимальный размер будет одинаков и составит 1500 руб., тогда как максимальный размер будет различным — для лиц предпенсионного возраста он составит 11 280 руб. (размер пособия поставлен в зависимость от страхового стажа, для получения указанной суммы продолжительность страхового стажа для мужчин определена в 25 лет и для женщин 20 лет), для всех остальных граждан — 8000 руб. В целом произошло увеличение минимального размера пособий на 17,6 %, а максимального на 63,3 %. Несмотря на то что прослеживается положительная динамика, связанная с увеличением размера пособий, в целом эта нагрузка на бюджет.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, несмотря на то что в России на сегодняшний день страхование от безработицы не является приоритетным направлением развития социальной защиты населения, Закон о занятости населения (№ 1032–1, ст. 37) и Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. предусматрива-

ют предоставление дополнительных мер защиты от безработицы на страховых принципах, т. е. возмещение утраченного из-за потери работы заработка, определяемого в соответствии с периодом оплачиваемой занятости и размером страховых отчислений на добровольной основе. Несмотря на это, законодательная база, определяющая основные положения условия страхования от безработицы отсутствует. В этой связи переход к цифровой экономике требует сосредоточить внимание на разработке обязательной системы страхования от безработицы, которая станет неотъемлемым элементом социального страхования, играющей решающее значение для благополучия российских работников и процветания экономики России. При этом необходимо будет учесть, и то, что именно развитие цифровых технологий будет способствовать увеличению числа людей, задействованных в нестандартных формах занятости, так как ряд профессий не требуют постоянного, полноценного участия работника в трудовом процессе, а, как известно, именно эта категория работников остается наименее социально защищенной.

Библиографический список

1. Колодняя Г. 2018. Цифровая экономика: особенности развития в России // Экономист. Т. 4. С. 63–69.
2. Попов Е. В. Семячков К. А. 2017. Особенности управления развитием цифровой экономики. Особенности управления развитием цифровой экономики // Менеджмент в России и за рубежом. Т. 2. С. 54–61.
3. Яковлева А. В. 2015. Страхование по безработице: теория и практика: монография. М.: ИИЦ «АТИСО».

Раздел 7

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Голикова А. С.

Полесский государственный университет,
Беларусь, 225710, Пинск, ул. Днепровской Флотилии, 23
Anna.golikova@mail.ru

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ОЦЕНКИ БЮДЖЕТНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО УЧАСТИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация: В статье рассмотрены отечественный и зарубежные подходы к определению исходных данных для оценки бюджетной эффективности инвестиционных проектов с государственным финансовым участием. Выявлены особенности, которые оказывают негативное влияние на рассчитываемые показатели эффективности и интерпретацию полученных результатов. Для разделения влияния государственной финансовой поддержки и проекта (в том числе за счет изменения факторов фонда оплаты труда) на денежные потоки бюджетов и внебюджетных фондов автором был предложен алгоритм формирования исходных данных, включающий в себя три блока действий. Расчеты в соответствии с алгоритмом проводились на данных четырех бизнес-планов инвестиционных проектов, что позволило выявить дополнительное негативное влияние на изменения поступлений в бюджеты в результате реализации проекта, в том числе за счет изменения факторов фонда оплаты труда.

Ключевые слова: инвестиционный проект, государственная финансовая поддержка, бюджеты, внебюджетные фонды, денежные потоки, недополученные доходы.

Golikava H. S.

Polessky State University,
23, Dneprovskoy Flotilii str., 23, Pinsk, 225710, Belarus

SOURCE DATA FOR BUDGET EFFICIENCY ASSESSMENT OF STATE FINANCIAL INVOLVEMENT IN INVESTMENT PROJECT IMPLEMENTATION

Abstract: National and international approaches to source data formation for budget efficiency estimation of investment projects with state financial involvement are considered in the article. Features that negatively influence on indicators of efficiency and misinterpret obtained results are revealed. In order to divide the influence of state financial aid and a project (including factors of payroll) on cash flow of budgets and extra-budget funds the author propose to use the algorithm of source data formation which comprises three blocks of activities. The data of four investment projects were used to provide calculations in accordance with the proposed algorithm. It helped to reveal an additional negative impact on budget inflows as a result of project's implementation, including factors of payroll.

Keywords: investment project, state financial aid, budgets, extra-budget funds, cash flows, lost revenues.

Методика оценки бюджетной эффективности инвестиционных проектов исходит из основ инвестиционного анализа. То есть в общем виде она заключается в определении поступлений и оттоков бюджетных средств, на основании которых с применением коэффициента дисконтирования рассчитываются показатели эффективности по проекту и определяется целесообразность участия государства в проекте исходя из влияния на бюджеты и внебюджетные фонды.

Западными экономистами не акцентируется внимание на особенностях отражения поступлений и расходов из бюджетов в рамках проведения финансового анализа. В частности, экономисты Дж. П. Дженкинс (G. P. Jenkins), Ч. Я. Кьюо (C. Y. K. Kuo), А. С. Харбергер (A. C. Harberger) отмечают: «Если участие правительства состоит в получении налогов и/или предоставлении

дешевых кредитов, субсидий или грантов, то в отчете о движении денежных средств с точки зрения государства будут отражены данные транзакции» [1, р. 39]. Таким образом, при оценке бюджетной эффективности финансового участия государства в реализации инвестиционных проектов денежные потоки формируются исходя из учета уплачиваемых в бюджеты всех уровней бюджетной системы налогов, а также денежных потоков, связанных с оказанием государственной поддержки для реализации инвестиционных проектов.

В РФ среди научного сообщества не существует единого подхода к отображению бюджетных потоков. Немаловажным аспектом является и то, что большинство экономистов (например, [2, с. 111]) рассматривают вопрос определения бюджетных потоков по проекту, основываясь на различных редакциях «Методических рекомендаций...» [3]. При этом следует понимать, что «список притоков и оттоков не является исчерпывающим, а может пополняться в связи с конкретными условиями» [3, с. 59]. В общем виде поступления денежных средств в бюджеты могут быть разделены на три основные группы:

- 1) притоки от налогов, акцизов, пошлин, сборов и других обязательных платежей в бюджеты и внебюджетные фонды, установленные действующим законодательством;
- 2) платежи в бюджеты, связанные с предоставлением государственной финансовой поддержки (проценты по бюджетным займам, комиссионные платежи за сопровождение иностранных кредитов);
- 3) дополнительные поступления в бюджеты, вызванные реализацией инвестиционного проекта (экономия капитальных вложений из бюджета на выплату пособий по безработице [3, с. 59]).

Расходы бюджетов также могут быть сгруппированы следующим образом:

- 1) бюджетные ресурсы, предоставленные на реализацию инвестиционного проекта;
- 2) дополнительные выплаты из бюджетов, связанные с реализацией инвестиционного проекта (выплаты пособий для лиц, остающихся без работы в связи с осуществлением проекта [3, с. 59]).

Следует отметить, что действующими подходами не разделяется влияние на поступления в бюджеты и внебюджетные фонды реализации проекта и предоставления государственной финансовой поддержки. Например, проводимая политика организации может быть направлена на снижение налоговых и неналоговых платежей, что найдет отражение в расчете показателей бюджетной эффективности. Предоставление государственной финансовой поддержки, в особенности косвенных форм (льготы по уплате налогов, сборов пошлин, кредиты по льготной процентной ставке) также уменьшают суммы поступлений в бюджеты. Требуется дополнительных уточнений влияние на поступления в бюджеты и Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (далее — ФСЗН) изменение факторов фонда оплаты труда: списочной численности работников и размера средней заработной платы в расчете на одного работника. В настоящее время при формировании исходных данных для оценки бюджетной эффективности денежные потоки по ним не отделены, что может привести к завышению (или, наоборот, занижению) показателей.

На основании выделенных особенностей проведения оценки бюджетной эффективности инвестиционного проекта с государственным финансовым участием нами предлагается формировать исходные данные на основании алгоритма, который включает в себя три блока действий.

Исходные данные формируются на основе расчетных таблиц бизнес-плана инвестиционного проекта, а также иной имеющей отношение к проекту информации. Результатом выполненных действий по каждому из блоков является заполнение соответствующих ячеек расчетных таблиц бизнес-плана инвестиционного проекта, что будет способствовать повышению точности отражения денежных потоков.

Рассмотрим более детально каждый из представленных блоков действий по оценке бюджетной эффективности инвестиционных проектов.

1-й блок действий — определение прироста денежных потоков по налоговым и неналоговым платежам в бюджеты и внебюджетные фонды в результате реализации проекта. В рамках данного блока определяется абсолютный прирост (снижение) поступлений налогов и неналоговых платежей для бюджетов различных уровней, а также консолидированного бюджета и внебюджетных фондов (за исключением ФСЗН) в целом. Абсолютный прирост (снижение) рассчитывается посредством сравнения сумм доходов бюджетов и внебюджетных фондов с учетом и без учета реализации проекта. При проведении расчетов по данному блоку не учитывается влияние государственной финансовой поддержки на бюджетные потоки, в том числе по налоговым и неналоговым платежам, уплата которых льготирована в рамках реализации инвестиционного проекта.

Поясним последовательность этапов расчетов, проводимых в рамках данного блока.

1. Ежегодные суммы налогов, сборов, платежей, рассчитанных с учетом и без учета реализации инвестиционного проекта разделяются по уровням бюджетной системы между республиканским и местными бюджетами. Данное разделение осуществляется на основании Бюджетного кодекса Республики Беларусь и Закона о республиканском бюджете на очередной год.
2. Рассчитывается прирост (снижение) поступлений в республиканский и местные бюджеты по каждому году реализации проекта: определяется разность сумм налоговых и неналоговых платежей, уплачиваемых с учетом и без учета реализации проекта. На основании значений прироста (снижения) поступлений республиканского и местных бюджетов, а также внебюджетных фондов (за исключением ФСЗН) отражается итоговый прирост (снижение) поступлений от реализации проекта для бюджетной системы в целом.

Результаты расчетов по первому блоку позволяют оценить, как изменятся налоговые и неналоговые платежи с учетом реализации инвестиционного проекта: приведет ли это к приросту поступлений в бюджеты и внебюджетные фонды или, наоборот, к оптимизации расходов организации на исполнение бюджетных обязательств.

2-й блок действий — определение влияния государственной финансовой поддержки на бюджеты и внебюджетные фонды. В рамках данного блока определяется, какие денежные потоки либо недополученные доходы бюджетов и внебюджетных фондов должны быть отражены для оценки бюджетной эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов. В процессе выполнения действий в рамках второго блока отражение влияния будет проходить по трем основным направлениям.

1. Оттоки денежных средств из республиканского и местных бюджетов и внебюджетных фондов — сумм денежных средств, выделяемых для прямого финансирования проекта в виде субсидий, грантов, предоставления бюджетных ссуд и займов, погашения части процентов по кредитам банков, а также иных способов вложения бюджетных средств в реализацию инвестиционного проекта.
2. Притоки (поступления) денежных средств в бюджеты и внебюджетные фонды — зачисляются в данном блоке действий представлены возвратом денежных средств по некоторым формам государственной финансовой поддержки и сумм, взимаемых за оказание услуг исполнительных органов власти, связанных с реализацией инвестиционного проекта.
3. Недополученные доходы — денежные средства, которые недопоступают в бюджеты и ФСЗН от предприятия, реализующего инвестиционный проект, в результате предоставления ему форм государственной финансовой поддержки. Недополученные доходы включают в себя:
 - а) выпадающие доходы — суммы денежных средств, недопоступающие в бюджеты в виде налогов и неналоговых платежей в результате предоставления льгот по их уплате предприятию, реализующему инвестиционный проект;
 - б) потерянный дополнительный эффект — это сумма денежных средств, недополученных республиканским или местными бюджетами за период от начала реализации проекта до полного освоения мощностей. Он возникает в результате того, что

планируемая сумма налога на прибыль предприятия, которое реализует инвестиционный проект, не превышает сумму дополнительного эффекта, возникающего при предоставлении определенных форм государственной финансовой поддержки в отдельные годы его реализации. Дополнительный эффект — прирост доходов бюджетов, возникающий при реализации проекта с привлечением государственного финансового участия, в результате увеличения прибыли финансируемого субъекта за счет предоставленной финансовой поддержки.

3-й блок действий — определение влияния на бюджеты и ФСЗН изменения факторов фонда оплаты труда (списочной численности работников и размера средней заработной платы на одного работника).

Реализация инвестиционного проекта в значительной степени может оказывать влияние на списочную численность работников предприятия. Так, приобретение технологически более совершенного оборудования приведет к сокращению количества работников, задействованных в процессе производства товаров и услуг. Строительство нового предприятия, наоборот, потребует привлечения трудовых ресурсов для обслуживания станков и оборудования. Изменение данного показателя окажет влияние на изменение поступлений в бюджеты, а также ФСЗН в виде подоходного налога и отчислений на пенсионное и социальное страхование соответственно. В то же время сокращение количества работников может привести к увеличению заработной платы более высококвалифицированных кадров, что также окажет влияние на прирост поступлений в ФСЗН и бюджеты, нивелируя тем самым отрицательный эффект от снижения численности персонала. Совершенно очевидно, что для оценки бюджетной эффективности важен учет обоих факторов. По нашему мнению, влияние изменения размера средней заработной платы в расчете на одного работника и списочной численности работников может быть оценено с помощью факторной модели.

Таким образом, разбиение построений расчетов для оценки бюджетной эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов на три блока действий позволит:

- учесть прирост (снижение) налоговых и неналоговых платежей в бюджеты и внебюджетные фонды, вызванный реализацией проекта;
- отразить влияние на бюджеты и внебюджетные фонды оказываемой государственной финансовой поддержки на реализацию проекта;
- отразить влияние на бюджеты и ФСЗН прирост (снижение) поступлений, вызванное изменением факторов оплаты труда: списочной численности работников и размера средней заработной платы в расчете на одного работника.

Предложенный алгоритм был апробирован на данных бизнес-планов инвестиционных проектов четырех предприятий, для реализации которых государство привлекается в качестве участника. Полученные результаты позволили сделать вывод о наличии влияния изменения поступлений и расходов бюджетов и внебюджетных фондов не только в результате предоставления государственной поддержки, но и реализации проекта, в том числе изменения факторов фонда оплаты труда.

Библиографический список

1. Jenkins G. P., Kuo C. Y. K., Harberger A. C. 2011. The Financial Appraisal of Projects. URL: http://ayousefi.iut.ac.ir/sites/ayousefi.iut.ac.ir/files/u99/cost-benefit_analysis_for_investment_decisions.pdf (дата обращения: 13.11.2018).
2. Батищева С. М. 2011. Методологія аналізу ефективності бюджетних капітальних вкладень // Економічний вісник Донбасу. Т. 2 (24). URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/24089/18-Batischeva.pdf?sequence=1> (дата обращения: 19.08.2018).
3. Коссов В. В., Лившиц В. Н., Шахназаров А. Г. и др. 2000. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. (2-я ред.). М.: Экономика.

Гугучкин В. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
v.guguchkin@gmail.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЖИЛИЩНО-НАКОПИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация: В данной статье рассмотрены проблемы и совершенствование жилищно-накопительной системы в Казахстане. Проанализированы характерные особенности современного состояния системы ипотечного жилищного кредитования. Выявлена и обоснована необходимость обеспечения требуемой величины процентной ставки в рамках такого вида кредитной организации как жилищные кооперативы. На основе проведенного исследования автором предлагается выделить такие виды жилищных кооперативов, как: жилищно-строительные кооперативы, жилищно-накопительные кооперативы, потребительские ипотечные кооперативы, кредитные потребительские кооперативы. Показано, что на данный момент жилищными сбережениями в Казахстане занимается только Жилстройсбербанк. Это значит, что такие банки могут существовать и быть привлекательными для населения лишь при солидной государственной поддержке.

Ключевые слова: жилищные кооперативы, сеть строительных сберегательных касс, кредитные потребительские кооперативы, институты некоммерческого кредитования.

Guguchkin V. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

IMPROVEMENT OF HOUSING SAVINGS SYSTEM IN KAZAKHSTAN

Abstract: This article discusses the problems and improvement of housing savings system in Kazakhstan. The characteristic features of the current state of the mortgage lending system are analyzed. Identified and justified the need to ensure the required value of the interest rate within this type of credit institution as housing cooperatives. On the basis of the conducted research the author offers to distinguish the following types of housing cooperatives: housing cooperatives, housing savings cooperatives, consumer mortgage cooperatives, consumer cooperatives, credit consumer cooperatives. It is shown that at the moment housing savings in Kazakhstan are engaged only in Housing Construction Savings Bank. This means that such banks can exist and be attractive to the population only with solid government support.

Keywords: housing cooperatives, network of building savings banks, consumer credit cooperatives, institutions of non-commercial lending.

The analysis of the current state of the mortgage lending system has shown that it is impossible to implement in the short term a significant reduction in the rate of mortgage housing loans provided to citizens by commercial banks (commercial banks under the terms of their own profitability loans on such terms are not issued). It is possible to provide the required interest rate within the framework of another type of credit institution, with a cheaper source of resources, and a certain legislative main activity — lending to citizens for the construction and purchase of housing.

At present, when there is a shortage of “long” and “cheap” money in the country's economy, housing cooperatives (HC) can become such an institution. In contrast to the mortgage, housing estate does not impose burden on the acquired property, they simply do not give the right to issue it in the property until the completion of the payment of the share. And if, in case of a mortgage loan, an apartment costs people 50 percent more expensive than its original property, then in a cooperative the cost is no more than 20 % [1].

To date, there are several types of housing savings system (HSS):

1) Housing Cooperatives (HC) — formed within one apartment building — an option familiar from Soviet times. HC is a non-profit association of citizens for the purpose of acquiring (building) and operating a residential house in which the ownership of a residential house belongs to the cooperative,

and citizens who are members of the cooperative have the right to own and use the premises assigned to them, and in some cases the right to dispose of order, and are involved in the cost of maintaining the house. The peculiarity of the housing cooperative is that the terms of use and disposal of the property of the cooperative are determined by the charter.

In fact, the HC does not credit its members, but only ensures their participation in the construction, reconstruction and subsequent maintenance of an apartment building. In other words, all participants in housing cooperatives are in fact developers and receive housing at cost. The source of funds for the construction of the house can be, as in Soviet times, a bank loan. In this case, HC members will have the opportunity to repay their share in installments. However, a housing cooperator may have difficulty obtaining a loan, since it is not always possible for the bank to provide adequate collateral for the loan. In addition, it may be difficult to obtain land for the construction of the house and the search for building capacity. In this regard, for the revival of HC need active government support.

The creation of HC in Kazakhstan could, in our opinion, contribute to solving the problem of housing for young people. Currently, only 15 % of Kazakh youth have their own apartment, 5 % of them-purchased at the expense of their parents. According to available forecasts, by 35–40 years the main part of them will get housing and settle down. But today's schoolchildren and students will take their places in need of housing [2].

According to experts, modern HSS should be a legal entity. The first floors of residential buildings should be made available for commercial real estate to the property of members of housing cooperatives. Thus, it is proposed to solve the problem of employment of a certain part of young people and to find funds for the payment of loan funds taken by the HSS for construction.

2) Housing Cumulative Cooperative (HCC) is another way to purchase housing by installments. HCCs are cooperatives operating on the principle of mutual lending with the condition of accumulation of funds in accounts. All deferments and installment payments are completed by the time the house is commissioned. The principal difference from the mortgage is the following: after the initial payment has been accumulated, the shareholder receives not the loan, but the debt (interest-free loan) and pays it over a certain period. Until the final repayment of the debt, the HCC member has only a share that can bequeath, donate, sell.

It should be noted that currently this type of non-commercial mortgage lending is not developed in Kazakhstan. In neighboring Russia, ESCs have existed since the publication of the law “On Housing Cooperatives” (January 1, 2005). The Russian experience has shown that the advantages of this scheme are its simplicity and low interest on loans. The disadvantages include the fact that in case of untidiness or unpreparedness of the head of the loan saving cooperative, the latter can easily turn into a financial “pyramid”. Therefore, for the introduction of the HAS system, the development of relevant legislation is required.

3) The third option — Consumer Mortgage Cooperatives (CMC). Already in the title itself, it is assumed that the mortgage scheme is used here, although the accumulative mechanism is also present. The apartment according to this scheme is made in the property immediately. However, it is difficult to say on which base the CMC leadership is based — on a new HAS or Article 116 of the Civil Code of the Russian Federation.

4) Another type of cooperative is the Consumer Credit Cooperative of citizens (CCCC). Their work is based on a fairly large trust of shareholders to each other. However, the possibilities of these groups are limited: for example, to obtain a loan for the improvement of living conditions is almost impossible. Along with this, the consumer credit cooperative has a significant drawback — insufficient protection of the financial interests of its members.

In this regard, in our opinion, the development of a network of building savings banks will be more optimal. In world practice, targeted housing savings are carried out in specialized savings institutions — building savings banks (BSB). These savings are the main source of funds for the provision of housing loans to participants in this system. This allows you to create an almost closed cycle of “long-term savings — long-term loans”.

The principle of operation of the BSB is quite simple. The depositor's contract provides for a deposit of a fixed amount for a certain period (usually 2–7 years). When the accumulated amount is 30–50 percent of the cost of an apartment, the investor acquires the right to receive a loan in the amount

necessary to purchase an apartment. As a rule, loan processing takes a certain time — it depends, first of all, on whether there is the necessary money in the construction bank. The waiting period ranges from 2 to 6 months. Loans are granted for a period of 7 to 15 years.

The closeness of BSB financial flows allows setting relatively low interest rates independent of financial market fluctuations, both on deposits and on loans. Originally, BSB were private (commercial) or public (non-commercial) mutual assistance cash registers, whose members receive awards in connection with housing savings. At present, in the West, the BSB are more likely to become specialized banks. But at a time when European countries were in similar economic conditions to ours, the construction savings banks emerged as non-bank organizations supported by the state [3].

Currently, due to the low availability of mortgages in Kazakhstan, high hopes are pinned on the system of housing construction savings. At the moment, housing savings in Kazakhstan is only the responsibility of the Housing Construction Savings Bank, a state-run specialized institution that is only entitled to carry out banking operations related to the improvement of living conditions. This means that such banks can exist and be attractive to the public only with solid government support.

We believe that, in order to form a system of permanent fundraising for the issuance of long-term low-interest loans, it is necessary to develop a network of building savings banks along with the Housing Construction Savings Bank. The construction savings bank should not be a bank, but a credit consumer society that realizes the savings-ship interest interests of the shareholders. This will allow attracting long-term and relatively cheap resources from private and institutional investors — pension funds, insurance and investment companies, which ultimately will lead to the development of mass mortgages in the country.

At the same time, an important task is to attract public funds to invest in the housing sector, because today it is the only real source of extra-budgetary funding for this sector of the economy. Therefore, the state is called upon, firstly, to stimulate the population to make savings and, secondly, to create conditions under which the risk of losing accumulated funds is reduced to a minimum. Thus, the state should be objectively interested in developing financing for long-term housing construction and a system of savings, and participants in this system should enjoy its potential support.

Creation of favorable conditions for the development of investment and savings activity, in our opinion, will contribute to:

1. Development of a network of construction savings banks (NCSB).
2. Creation of a network of housing cooperatives — housing construction (HC), consumer credit cooperatives of citizens (CCCC), consumer mortgage cooperatives (CMC).

It is proposed to form non-commercial lending institutions as a single system that will allow housing problems for citizens of the country who are unable to use mortgage lending services, i. e. not having the means to pay the down payment, low income, etc.

In the course of the study, we came to the conclusion that in order to increase the attractiveness and accessibility of the housing construction savings system, the state should take a number of measures:

- to regulate prices for residential real estate in the direction of decline,
- reduce inflation, index the contributions of participants in this system,
- increase the size of the premium to depositors,
- to exempt housing and construction banks from paying corporate income tax during the first five years of operation,
- apply a special system of guaranteeing deposits in housing construction banks.

References

1. Why a cooperative, and not a mortgage loan? 2016 // Apartment row. January 18. URL: [http:// www.ipodom.ru](http://www.ipodom.ru) (accessed: 02.12.2018).
2. Pros and cons of housing cooperatives. 2017 // DOMEX — Real Estate. 8 August.
3. Apartment by installments. 2018 // M2 — Square meter. April 4th.

Канаев А. В., Канаева О. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.kanaev@spbu.ru; o.kanaeva@spbu.ru

ФИНАНСОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ «ГРУППЫ ДВАДЦАТИ» И ИНИЦИАТИВЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВЫХ ФИНАНСОВ

Аннотация: Статья посвящена пост-кризисному развитию устойчивых финансов, являющихся развивающимся феноменом современных финансовых систем. В этом процессе важную роль играют разработка политических мер стран «Большой двадцатки» и регулятивных документов ряда центральных банков. Для России опыт внедрения идей устойчивого развития в практику финансовых институтов имеет особое значение в связи с необходимостью трансформации национальной финансовой системы в интересах обеспечения устойчивого развития страны.

Ключевые слова: Группа 20, ответственные инвестиции, устойчивое развитие, устойчивый банкинг, устойчивые банки, устойчивые финансы, центральные банки.

Kanaev A. V., Kanaeva O. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

G20 FINANCIAL PRIORITIES AND INITIATIVES OF CENTRAL BANKS IN SUSTAINABLE FINANCE

Abstract: The article is devoted to the post-crisis development of sustainable finance, which is a developing phenomenon of modern financial systems. In this process, the G20 countries' policy measures and regulatory documents of a number of central banks play an important role. For Russia, the experience of integration of sustainable development ideas into the practice of financial institutions is of particular importance due to the need to transform the national financial system in order to ensure the sustainable development of the country.

Keywords: central banks, Group of Twenty, responsible investments, sustainable development, sustainable banking, sustainable banks, sustainable finance.

Введение. Пост-кризисный период отмечен возросшим интересом к проблемам глубокого реформирования национальных и мировой финансовых систем. Последнее стало важнейшей повесткой для работы лидеров «Группы двадцати» и вошло в круг практических мер по внедрению принципов устойчивого банкинга, реализуемых центральными банками для преобразования своих финансовых систем, с тем чтобы они стали способными удовлетворять долгосрочные запросы инклюзивной, экологически устойчивой экономики. В Европе разворачивается работа по разработке комплексной стратегии устойчивого финансирования для поддержания перехода к низкоуглеродной, более ресурсоэффективной и устойчивой экономике. Такое финансирование должно стать мощным инструментом для достижения в Европе целей экономического процветания, социальной инклюзивности и восстановления окружающей среды. В этих условиях для российских академического и бизнес-сообществ чрезвычайно полезным является изучение и обобщение опыта реализации важнейших инициатив данных институтов в области устойчивых финансов.

Финансовые приоритеты «Группы двадцати»: от стабильности к устойчивому развитию. Появление «Группы двадцати» в 1999 г. стало реакцией на финансовый кризис конца 1990-х годов в Юго-Восточной Азии и России, и поэтому закономерно, что в условиях развернувшегося экономического и финансового кризиса первого десятилетия XXI в. на нее были возложены функции антикризисного управления высшего уровня, призванного в первую очередь решать острые вопросы реформирования национальных финансовых систем и международных финансовых организаций. Вместе с тем постепенно в работе «Группы» наметился тренд в сторону

перехода от решения задач восстановления экономики к более масштабным проблемам обеспечения устойчивого развития и его финансирования. На саммитах был принят или одобрен целый ряд важных документов в этой области: «Принципы для инновационной финансовой доступности» (“Principles for Innovative Financial Inclusion”, 2010); «Принципы ответственных инвестиций в сельское хозяйство, которые уважают права, средства к существованию и ресурсы» (“Principles for Responsible Agricultural Investment that Respects Rights, Livelihoods and Resource”, 2010); «Принципы высокого уровня по защите потребителей финансовых услуг» (“High-level Principles on Financial Consumer Protection”, 2011); «Принципы национальных стратегий по финансовому образованию» (“Principles on National Strategies for Financial Education”, 2012); «Принципы высокого уровня «Группы двадцати»/ОЭСР по финансированию малых и средних предприятий» (“G20/OECD High-level Principles on SME Financing”, 2015); «Принципы “Группы двадцати”/ОЭСР корпоративного управления» (“G20/OECD Principles of Corporate Governance”, 2015); «Принципы высокого уровня по цифровой финансовой доступности» (“High-level Principles for Digital Financial Inclusion”, 2016).

Также были разработаны и утверждены планы, связанные с финансовой доступностью, зеленым финансированием и долгосрочными инвестициями: «План действий “Группы двадцати” по финансовой доступности» (2010, 2014, 2017); «Рабочий план “Группы двадцати” по финансированию инвестиций» (2013), «План действий “Группы двадцати” по энергетической эффективности» (2014); «План действий “Группы двадцати” по финансированию малых и средних предприятий» (2015).

Приверженность усилиям по развитию инновационной, динамичной и инклюзивной мировой экономики, для того чтобы войти в новую эру глобального роста и устойчивого развития, наиболее ярко была продемонстрирована в 2017 г. на саммите в Гамбурге, где было зафиксировано обязательство по продвижению инклюзивных и устойчивых финансовых систем, предлагающих всем домохозяйствам и компаниям доступ к соответствующим финансовым услугам и был принят обновленный «План действий “Группы двадцати” по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г.», в котором был сформулирован широкий спектр мер в области финансирования устойчивого развития — от поощрения привлечения финансовых ресурсов для осуществления перехода к снижению выбросов парниковых газов до активного внедрения цифровых инноваций, обеспечения защиты потребителей и повышения финансовой грамотности населения.

Инициативы центральных банков и финансового сообщества. Параллельно с «Двадцаткой» шла активизация деятельности центральных банков развивающихся стран, ставших в эти годы определенными локомотивами мирового финансового сообщества. В сентябре 2012 г. представителями центральных банков, финансовых регуляторов и национальных банковских ассоциаций развивающихся стран было создано объединение «Сеть устойчивого банкинга» (“Sustainable Banking Network”, SBN), целями которого стали обмен опытом и оказание поддержки банковским регуляторам в разработке нормативных документов (политик, руководящих принципов и руководств) в области управления экологическими и социальными рисками, зеленого и инклюзивного кредитования. В странах-членах внедрение регулятивных документов является обязательным или добровольным делом. Первые добровольные нормативные документы появились в 2014 г. в Турции, Монголии и Южной Африке. В 2015 г. Ассоциация банков Сингапура выпустила «Руководство по ответственному финансированию».

В Бангладеш, Бразилии, Вьетнаме, Индонезии, Китае, Марокко, Нигерии, Пакистане и Перу центральные банки и банковские регуляторы взяли на себя инициативу в разработке принципов устойчивого развития и сделали их реализацию обязательными для банков и финансовых институтов. Так, Банк Бангладеш в 2011 г. ввел в действие «Руководство по управлению экологическими рисками в Бангладеш» (“Bangladesh Environmental Risk Management Guidelines”), которыми банки должны руководствоваться при оценке кредитоспособности клиентов. В том же году банк выпустил «Руководство по политике в области зеленого банкинга» (“Policy Guidelines for Green Banking”), охватывающие вопросы управления кредитными рисками, зеленое финансирование, зеленый маркетинг и т. п. Банковский комитет центрального банка Нигерии в июле 2012 г. разработал «Нигерийские принципы устойчивого банкинга» (“Nigerian Sustain-

able Banking Principles”), реализация которых на практике предполагает включение социальных и экологических вопросов в банковские стратегии, политики, операции, процессы и процедуры, а также в отчетность по устойчивости. А в декабре 2014 г. орган финансового надзора Индонезии запустил «Дорожную карту устойчивого финансирования» (“Sustainable Finance Road Map”), содержащую план мероприятий, необходимых для совершенствования устойчивого финансирования до 2019 г., охватывающих банковскую деятельность, рынки капитала и сектор небанковских финансовых услуг и призванных решить проблемы изменения климата, включая переход к конкурентоспособной низкоуглеродной экономике.

Подготовка к саммитам «Двадцатки» и активные усилия центральных банков существенно изменили интеллектуальный климат в политических кругах и финансовом сообществе. В декабре 2014 г. в рамках UNEP для освещения политических мер, принятых в развивающихся и развитых странах для повышения эффективности финансовой системы с точки зрения мобилизации капитала для обеспечения устойчивого развития, был создан проект «Исследование по разработке устойчивой финансовой системы» (“Inquiry into of a Sustainable Financial System”). В рамках его реализации в октябре 2015 г. был опубликован доклад «Необходимая финансовая система» (“The Financial System We Need”). Его авторы констатировали, что сегодня в мире разворачивается «тихая революция» (“*quiet revolution*”), которая проявляется в том, что в ряде национальных финансовых систем в ответ на потребность в финансировании инклюзивной, процветающей и экологически ориентированной экономики начали происходить радикальные изменения, цель которых состоит в настройке финансовой системы на устойчивое развитие.

В декабре 2016 г. Европейская комиссия создала «Экспертную группу высокого уровня по устойчивому финансированию» (“High-Level Expert Group on Sustainable Finance”) для проведения консультаций и исследований по разработке комплексной стратегии ЕС по устойчивому финансированию. 31 января 2018 г. экспертная группа опубликовала заключительный отчет, содержащий стратегические рекомендации для финансовой системы, поддерживающей переход к низкоуглеродной, более ресурсоэффективной и устойчивой экономике. Авторы отчета подчеркивают, что устойчивое финансирование является мощным инструментом для достижения в Европе целей экономического процветания, социальной инклюзивности и восстановления окружающей среды [1].

Проблемы посткризисного развития устойчивых финансов. Однако данные меры и инициативы пока еще не способны существенно перестроить мировую финансовую систему и подчинить ее целям устойчивого развития. Уже во второй версии доклада «Необходимая финансовая система» (октябрь 2016 г.) отмечалось, что многие страны даже и близко не подошли к реализации цели по направлению потоков финансирования для снижения выбросов парниковых газов и экологически устойчивого развития — в странах, ставших объектом исследования, только 5–10 % банковских кредитов являются зелеными, а выпущенные зеленые облигации не превышает 1 % от общего объема облигаций [2]. А в «Отчете о прогрессе в области зеленого финансирования» за 2017 г. авторы утверждают, что в настоящее время отсутствует систематическая методология оценки прогресса в области озеленения финансовой системы, и число инициатив в этом пространстве относительно невелико [3]. В докладе европейской «Экспертной группы высокого уровня по устойчивому финансированию» (2018 г.) констатируется наличие существенного разрыва между успешными, но все еще фрагментарными, усилиями в области устойчивого финансирования и масштабными экологическими и социальными угрозами, а также необходимость привлечения значительных объемов долгосрочных инвестиций (по оценкам специалистов реализация обязательств стран ЕС по сокращению на 40 % выбросов углекислого газа к 2030 г. потребует 180 млрд. евро дополнительных ежегодных инвестиций в такие секторы экономики, как реконструкция и строительство энергоэффективных зданий, возобновляемые источники энергии и низкоуглеродный транспорт). Поэтому переход экономики ЕС к устойчивой модели и превращение устойчивого финансирования в норму по всему союзу «займет годы, если не десятилетия» [1].

На этом фоне центральным вопросом становится выявление драйверов устойчивого финансирования и выработка мер по их активизации. Последнее должно рассматриваться в единстве с решением проблемы оценки прогресса в отношении реализации принципа устойчивого

развития (принципов устойчивого банкинга) в деятельности банков разной специализации, отражающей уровень зрелости устойчивого развития (*level of sustainable development maturity*) финансовых институтов. Это существенным образом расширяет научный дискурс устойчивых финансов и устойчивого банкинга и заслуживает отдельного исследования.

Библиографический список

1. Financing A European Economy. Final report of the High-Level Expert Group on Sustainable Finance. 2018. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/180131-sustainable-finance-final-report_en.pdf (дата обращения: 10.12.2018).
2. UNEP Inquiry Report. The Financial System We Need: from Momentum to Transformation. 2016 // Inquiry: Design of a Sustainable Financial System. Geneva. UNEP. 140 p. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2016/09/The_Financial_System_We_Need_From_Momentum_to_Transformation.pdf (дата обращения: 10.12.2018).
3. Green Finance Progress Report. The Inquiry into the Design of a Sustainable Financial System. 2017. Geneva. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2017/07/Green_Finance_Progress_Report_2017.pdf (дата обращения: 10.12.2018).

Кочергин Д. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
d.kochergin@spbu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ВЫПУСКА ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

Аннотация: В данном исследовании рассматриваются вопросы, связанные с перспективами выпуска цифровых валют центральными банками. В рамках исследования рассматриваются направления влияния технологии блокчейн на финансовые услуги. Приводятся интерпретация и классификация центробанковских цифровых валют, отмечаются особенности выпуска цифровых валют для оптовых и розничных платежей. Выявляются основные характеристики центробанковских цифровых валют, влияющие на перспективы их внедрения, к числу которых относятся: анонимность, степень доступа, передаточный механизм и процентные платежи. Определяются ключевые аспекты будущего развития центробанковских денег. Делается вывод о том, что выпуск центробанковских цифровых валют является сложным процессом, в рамках которого должны быть решены правовые, технические и операционные вопросы. Тем не менее выпуск цифровых валют является инновационным направлением деятельности для ЦБ, направленным на повышение эффективности и безопасности функционирования денежно-платежной системы в XXI веке.

Ключевые слова: центральные банки, блокчейн, распределенные реестры, криптовалюты, цифровые валюты центральных банков, формы центробанковских денег.

Kochergin D. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

KEY ASPECTS OF THE ISSUE OF DIGITAL CURRENCIES CENTRAL BANKS

Abstract: The research provides to prospects of issue of central bank digital currencies (CBDC). As part of the research, problems of the influence of blockchain technology on financial services are considered. Classification of central bank digital currencies is given and the features of the issue and use of digital currencies for wholesale/retail payments are revealed. The main characteristics of central bank digital currencies that affect the prospects for their implementation are identified, include: anonymity, access method, transfer mechanism, interest payments and et. Besides, key aspects of the future development of central bank money are determined. It is concluded that the issuance of central bank digital currencies is a complex process, within which legal, technical and operational issues should be resolved. Nevertheless, issue of digital currencies is an innovative area of activity for the central banks, aimed at improving the efficiency and security of the functioning of the monetary system in the 21st century.

Keywords: central banks, blockchain, distributed ledgers, cryptocurrencies, central bank digital currencies (CBDCs), forms of central bank money.

В условиях стремительного внедрения технологии блокчейн (технологии распределенных реестров) на финансовом рынке в целом и в платежной сфере в частности вопросы выпуска цифровых валют центральными банками все активнее обсуждаются экономистами и денежно-кредитными регуляторами во всем мире.

Технология распределенных реестров способна трансформировать финансовые услуги и рынки посредством:

- 1) снижения трудоемкости;
- 2) увеличения скорости обработки информации о наличии имущественных прав и денежных средств;
- 3) уменьшения потребности в согласовании информации между несколькими учетными инфраструктурами;
- 4) повышения прозрачности и неизменности в учете транзакций;

- 5) увеличения отказоустойчивости сети за счет распределенного управления данными;
- 6) снижения операционных и финансовых рисков.

Технология блокчейн может в перспективе радикально изменить платежные, клиринговые, взаиморасчетные процедуры в платежно-расчетной сфере. Кроме того, на многих финансовых рынках технология распределенных реестров может значительно снизить традиционную зависимость от системы централизованного учета, денежного регулятора или доверенного лица для хранения и перевода денежных средств и других финансовых активов.

Сегодня ряд Центральных банков, в частности, центральные банки Японии, Канады, КНР, Швеции и других стран, в том числе и ЦБ РФ, изучают вопросы выпуска цифровых валют центральными банками. Это неудивительно, потому что в последние годы появился новый класс инструментов — цифровые финансовые активы, в числе которых особое место занимают криптовалюты, основанные на применении технологии блокчейн. Криптовалюты не номинированы в какой-либо национальной денежной единице и в перспективе могут стать распространенными средствами платежа, по крайней мере в сетевом сообществе, при условии урегулирования вопросов, связанных с их правовым статусом. В этой связи широкое использование криптовалют в платежных целях может существенно снизить спрос на фиатные деньги в качестве средства платежа.

Интерпретация и классификация цифровых валют ЦБ. В настоящее время не существует общепризнанного определения центробанковских цифровых валют вследствие разных концепций, лежащих в основе их выпуска. В общем смысле центробанковскую цифровую валюту можно определить как обязательство Центрального банка, выраженное в национальной счетной единице и выступающее как средство обмена и средство сохранения стоимости. При этом мы рассматриваем цифровые валюты центральных банков как цифровую форму денег Центрального банка, которая отличается от денежных остатков, хранимых на резервных или расчетных счетах [1].

Существуют различные функционально-технологические критерии, которыми могут характеризоваться центробанковские цифровые валюты, в том числе:

- 1) технологии эмиссии (на основе блокчейна или иной технологии хранения данных);
- 2) степень доступа (широко доступные или ограниченного доступа);
- 3) степень анонимности (от полностью анонимных до систем с полным отсутствием анонимности);
- 4) эксплуатационная доступность (в пределах финансового дня или 24 часов в день, семи дней в неделю);
- 5) процентные начисления (присутствуют или отсутствуют процентные начисления на остатки) и др.

Использование разных форм центробанковской цифровой валюты может иметь различные последствия для развития платежных систем, проведения денежно-кредитной политики, а также для стабильности финансовой системы в целом. В настоящее время можно рассматривать два основных варианта выпуска центробанковской цифровой валюты:

- для оптовых (специальных) расчетов;
- для розничных (общецелевых) платежей [2].

При этом технологически эмиссия цифровых валют может быть осуществлена в форме либо выпуска цифровых токенов, либо основываться на использовании счетов [3]. Ключевое различие между деньгами на основе токенов и счетов заключается в форме проверки, необходимой при осуществлении обменной операции. Использование денег на основе токенов зависит от способности получателя платежа проверить действительность платежного объекта (для электронных токенов — это проблема фальсифицирования и двойного расходования). Напротив, использование денег, хранимых на счетах, зависит от возможности проверки личности

владельца счета. Ключевой проблемой здесь является кража личных данных, которая позволяет злоумышленникам переводить или снимать деньги с чужих счетов.

Одно из главных преимуществ центробанковской цифровой валюты для оптовых расчетов состоит в том, что ее использование может повысить эффективность расчетов по операциям с ценными бумагами и деривативами. Существующие в настоящее время варианты осуществления оптовых платежей, разработанные в соответствии с требованиями центральных банков в отношении пропускной способности, эффективности и надежности, могут оказаться уже в ближайшие годы не соответствующими быстро меняющимся потребностям рынка.

Центробанковская цифровая валюта для розничных платежей может стать альтернативным, безопасным, надежным и удобным инструментом розничных платежей в условиях быстрого вытеснения из обращения наличных денег. Так как спрос на традиционные формы денег, предлагаемые Центральными банками (в физической форме — для общецелевых нужд домашних хозяйств и торговых точек, в цифровой форме — для коммерческих банков), уже в ближайшие годы может значительно снизиться в результате внедрения новых платежных технологий, выпуск Центральными банками цифровой валюты может стать одним из важнейших инструментов в повышении эффективности предложения центробанковских денег.

Несмотря на то что центробанковская цифровая валюта для розничных платежей может стать альтернативой наличным денежным средствам, Центральные банки в силу технологических особенностей такой системы должны будут обеспечивать соблюдение требований по борьбе с отмыванием денег и противодействию финансированию террористической деятельности, а также требований надзорного и налогового режимов [4].

Ключевые характеристики центробанковских цифровых валют. Ключевыми характеристиками цифровых валют центральных банков, влияющих на перспективы их внедрения, являются: анонимность, степень доступа, передаточный механизм и процентные платежи.

Анонимность. Центробанковская цифровая валюта на основе цифровых токенов в принципе может быть спроектирована таким образом, чтобы обеспечить различную степень анонимности, аналогичную частным цифровым токенам. Одним из ключевых решений для экономических субъектов является степень допустимой анонимности, позволяющая уравновесить риски для ЦБ, связанные с отмыванием денег, финансированием терроризма и конфиденциальностью.

Степень доступа. В настоящее время доступ к деньгам Центрального банка ограничен часами работы его подразделений, традиционно это менее 24 часов в сутки и обычно пять дней в неделю. Центробанковская цифровая валюта может быть доступна 24 часа в сутки и семь дней в неделю или только в определенное время (например, в часы работы оптовых платежных систем). Цифровая валюта, выпускаемая ЦБ, может быть доступна постоянно или на ограниченный срок (например, на внутрисуточной основе).

Передаточный механизм. Передача наличных денег осуществляется непосредственно от одного лица другому лицу, в то время как депозиты Центрального банка переводятся по счетам, где регулятор выступает в качестве посредника. Центробанковская цифровая валюта может передаваться либо непосредственно, по аналогии с наличными деньгами, либо через посредников, которыми могут быть Центральный банк, коммерческие банки или платежные агенты.

Процентные платежи. Так же как и с другими формами обязательств Центрального банка, технически возможно предусмотреть выплату процентов (положительных или отрицательных) как по цифровым токенам, так и по средствам на счетах. При этом процентная ставка по центробанковской цифровой валюте может быть установлена равной существующей ключевой процентной ставке или быть установлена на другом уровне, чтобы способствовать или препятствовать расширению спроса на цифровую валюту [5].

Выпуск центробанковской цифровой валюты, вероятно, не изменит основной механизм реализации денежно-кредитной политики ЦБ, включая использование операций на открытом рынке и регулирование ключевой процентной ставки. Однако если объемы платежей в центробанковской цифровой валюте будут расти и не будут компенсироваться соответствующим снижением в обращении наличных денег, то, например, в периоды финансового кризиса могут возникнуть проблемы, связанные с необходимостью расширения активов, которые Централь-

ный банк может держать в качестве обеспечения. Так, введение центробанковской цифровой валюты в одной стране может негативно повлиять на другие страны, которые такие валюты не используют. Поэтому для поддержания финансовой безопасности потребуется координация политики на международном уровне, в том числе с привлечением МВФ и ФАТФ.

Аспекты развития цифровых валют ЦБ:

1. Внедрение центробанковской цифровой валюты как для оптовых расчетов, так и для розничных платежей может принести ряд потенциальных выгод для платежных, клиринговых и расчетных систем. При принятии решения в отношении развития центробанковской цифровой валюты необходимо сравнить данное решение с существующими или модифицированными платежными и расчетными решениями. Также необходимо учитывать влияние, которое цифровые валюты могут оказать на компетенции ЦБ как в области осуществления денежно-кредитной политики, так и в обеспечении финансовой стабильности.

2. Одним из важных стимулов для выпуска центробанковской цифровой валюты может являться предложение безопасного и универсально используемого платежного инструмента, особенно в случае значительного снижения использования наличных денег. Хотя за последние десятилетия технологические инновации значительно повысили удобство и эффективность электронных платежных инструментов частного сектора по сравнению с наличными деньгами, однако важным исключением являются трансграничные розничные платежи. Как правило, они медленнее, менее прозрачны и дороже, чем внутренние розничные платежи. Именно в этой области использование центробанковских цифровых валют представляется наиболее перспективным.

3. Важным аспектом развития центробанковской цифровой валюты является возможность повысить с ее помощью устойчивость существующих розничных платежных систем. Так, если функционирование частной розничной платежной системы будет парализовано из-за технического сбоя или вследствие того, что банк, предоставляющий платежные сервисы, находится под санкциями, домашние хозяйства и торговые предприятия смогут совершать электронные платежи с использованием центробанковской цифровой валюты. Поэтому в данном случае центробанковские цифровые валюты могут повысить ликвидность и снизить кредитный риск в платежных системах.

4. В оптовых платежах использование центробанковских цифровых валют может быть более эффективным с точки зрения операционных издержек, ликвидности, а также может являться более безопасным в сравнении с существующими платежными средствами. Внедрение центробанковских цифровых валют для оптовых расчетов может повысить эффективность и улучшить управление рисками в межбанковских расчетах. Потенциальные выгоды от использования центробанковских цифровых валют могут еще больше возрасти, если в расчеты будут вовлечены небанковские кредитные организации за счет облегчения использования новых технологий для передачи активов, удостоверения их подлинности и управления рисками.

5. В настоящее время существует ряд правовых, технических и операционных ограничений, которые должны быть устранены, для того чтобы центробанковские цифровые валюты могли стать пригодным для широкомасштабного использования. Так, далеко не все центральные банки имеют право выпускать цифровые валюты. Кроме того, выпуск центробанковских цифровых валют может потребовать законодательных изменений, которые могут быть трудно выполнимыми в краткосрочной перспективе. В частности, необходимо будет решить вопрос о том, будут ли центробанковские цифровые валюты законным платежным средством в рамках национальных юрисдикций [5].

В заключение следует отметить, что ключевые аспекты выпуска цифровых валют центральными банками находятся лишь на начальной стадии научных исследований. Однако важность данной проблематики в условиях глобальной цифровизации экономики неизбежно возрастает. Цифровые валюты, эмитированные центральными банками, могут стать новой формой центробанковских денег, отличающейся по своей природе от резервов или расчетных балансов коммерческих банков в ЦБ, выпуск которой будет направлен на повышение эффективности и безопасности функционирования денежно-платежной системы и сохранении роли центральных банков как денежно-кредитных регуляторов.

Библиографический список

1. *Bech M., Garratt R.* 2017. Central Bank Cryptocurrencies // BIS Quarterly Review. September. P. 55–70.
2. *Mersch Y.* 2017. Digital Base Money: an Assessment from the ECB's Perspective // Speech at the Bank of Finland. 16 January.
3. *Kahn C., Roberds W.* 2009. Why pay? An introduction to payments economics // Journal of Financial Intermediation. No. 18(3), January. P. 1–23.
4. Sveriges Riksbank. 2018. E-krona Project: Report II, 26 October.
5. Committee on Payments and Market Infrastructures (CPMI). 2018. Central Bank Digital Currencies, March.

Львова Н. А., Воронова Н. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
n.lvova@spbu.ru; n.voronova@spbu.ru

ВЫЗОВЫ ФИНАНСОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ РЫНКА*

Аннотация: Исследование посвящено вызовам финансового стимулирования экономики в странах с формирующимся рынком. С этой целью, раскрыты институциональные, инструментальные и функциональные признаки формирующегося рынка как феномена финансовой экономики. Проанализированы угрозы неэффективного финансового развития стран с формирующимся рынком. Обоснованы приоритеты финансового стимулирования экономики, актуальные для стран с формирующимся финансовым рынком, включая Российскую Федерацию.

Ключевые слова: финансовое стимулирование, финансовая система, финансовая доступность, экономический рост, формирующийся рынок, формирующийся финансовый рынок, инвестиции.

Lvova N. A., Voronova N. S.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

CHELLENGES FOR FINANCIAL STIMULATION OF THE ECONOMY ON THE EMERGING MARKET

Abstract: The research focuses on the challenges of financial stimulation in the emerging market countries. To this end, the institutional, instrumental and functional features of the emerging market as a phenomenon of the financial economy are revealed. The threats of inefficient financial development of emerging market countries are analyzed. The priorities of financial stimulation of the economy being relevant for countries with the emerging financial market, including the Russian Federation, are justified.

Keywords: financial stimulating, financial system, financial access, economic growth, emerging market, emerging financial market, investments.

Глобальное замедление темпов экономического роста ставит задачу поиска действенных инструментов финансового стимулирования экономики в странах с разным уровнем социально-экономического развития. Однако оптимистичный взгляд на роль финансовой системы в экономике все чаще сменяется опасениями о финансовом пресыщении [1, с. 32], после которого дальнейшая финансиализация перестает быть фактором долгосрочного и стабильного экономического роста, способствуя неравномерному распределению ресурсов, искажая информационные сигналы о перспективных инвестициях, деформируя социальные институты и повышая риски системного экономического кризиса. В то же время ряд последних эмпирических исследований подтверждает, что окно возможностей по эффективному финансовому стимулированию экономического роста открыто для стран с достаточно высоким, но не чрезмерным финансовым развитием [1, с. 33; 2, с. 7]. В этой группе стран находятся страны с так называемым формирующимся рынком (англ. *emerging markets*), статус которого оценивается с финансовых позиций. Таким образом, актуальны исследования финансового стимулирования экономики в контексте особенностей формирующегося рынка, что определило проблематику, цель и задачи данного исследования.

Представленное исследование направлено на выявление вызовов финансового стимулирования экономики в странах с формирующимся рынком. Руководствуясь данной целью, следует раскрыть содержание и особенности формирующегося рынка как феномена современной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-010-00085.

финансовой экономики, что позволит проанализировать внешние и внутренние угрозы неэффективного финансового развития стран с формирующимся рынком, обосновав приоритеты выбора инструментов финансового стимулирования экономики. Данные вопросы имеют высокую значимость для Российской Федерации, которая по-прежнему входит в группу стран с формирующимся рынком, хотя в существенной степени ухудшила свои позиции, демонстрируя финансовую стагнацию в условиях неблагоприятной геополитической и макроэкономической конъюнктуры. Поэтому в заключение мы задаемся вопросом о том, какие шаги в области финансового стимулирования стоит предпринять, чтобы преодолеть траекторию спада экономики.

Несмотря на значительное число исследований, посвященных отдельным аспектам функционирования формирующегося рынка, отмечается недостаток работ, в которых данный феномен получал бы комплексную и подробную характеристику. Мировое инвестиционное сообщество признает самостоятельное значение формирующихся рынков, что отражается в многолетней практике публикации фондовых индексов глобального формирующегося рынка. Однако методология оценки финансового развития в этом отношении закономерно сконцентрирована на фондовом рынке, тогда как не менее важно оценивать финансовый рынок в широком смысле, то есть в масштабе сектора финансовых корпораций, что предполагает общую характеристику условий, объема и качества предоставляемых финансовых услуг. Такой широкий взгляд на природу формирующегося рынка особенно значим при обосновании системы финансового стимулирования экономики, поскольку данная система должна учитывать специфику всего сектора финансовых корпораций.

В целях исследования содержание формирующегося рынка рассматривается с финансовой точки зрения. Это важное условие анализа, поскольку в понятие формирующегося рынка может вкладываться гораздо более широкий смысл, чем в понятие формирующегося финансового рынка. Такой вывод следует из обобщения моделей страновых классификаций, согласно которым в категорию формирующихся рынков включается около 80 стран, тогда как в группе стран с формирующимся финансовым рынком оказывается немногим более 20 стран [3, с. 943]. Каковы определяющие признаки формирующегося финансового рынка? Мы считаем, что данные признаки следует представить через призму трех подходов: институционального, инструментального и функционального, что позволит раскрыть содержание формирующегося финансового рынка, избежав непоследовательности и фрагментарности.

С институциональной точки зрения, следует обратить внимание на такие особенности формирующегося финансового рынка, как относительно высокая роль депозитных институтов в финансовом развитии и в то же время ограниченный объем финансовых услуг, предоставляемых другими финансовыми посредниками. Модель финансового развития в этих странах в большей степени тяготеет к континентальному типу, в котором финансовые рынки значительно уступают по значимости финансовым институтам, и в первую очередь банкам, что в полной мере проявляется на примере российской экономики [1, с. 31].

Характерно, что к числу ключевых признаков формирующегося финансового рынка принято относить сравнительно невысокие (хотя и достаточные) уровни благосостояния и либерализации экономики. На первый взгляд, данные признаки не имеют прямого отношения к институциональным признакам формирующегося финансового рынка. Однако известно, что, по мере роста национального благосостояния модель финансового развития становится более рыночной, повышается роль рынков капитала, возрастает значимость недепозитных финансовых институтов в экономике. Верно и обратное: финансовая структура стран с недостаточно высоким уровнем национального благосостояния характеризуется преобладающей долей банковских финансовых активов.

Ориентация на банковскую модель финансового развития, в свою очередь, корреспондирует с оценкой уровня либерализации экономических систем. Высокий уровень либерализации экономики, который проявляется не только в умеренной доле государственной собственности в капитале финансовых корпораций, но и в обеспечении приемлемого уровня прав национальных и иностранных инвесторов, с одной стороны, способствует динамичному финансовому развитию, с другой — политической конкуренции. Последняя является необходимым условием

финансового развития. И напротив: в условиях политической монополии возможности финансового развития ограничены. Стремление сохранить ренту приводит к ограничению свободы движения капитала. В этих условиях лучше развиваются крупные депозитные учреждения, через которые проще контролировать движение финансовых ресурсов. Показательно, что в Российской Федерации подавляющая часть финансовых ресурсов (если не учитывать сектор государственного управления) сосредоточена в банковском секторе [4, р. 420]. В то же время еще более весомую значимость имеют нерыночные (бюджетные) механизмы перераспределения финансовых ресурсов.

Институциональные особенности формирующегося финансового рынка напрямую связаны с его *инструментальными признаками*. На этих рынках преобладают долговые инструменты с относительно короткими сроками обращения. Это обстоятельство отражается в особенностях финансовой структуры компаний нефинансового сектора. Доступ этих компаний к инструментам рынка капитала в целом ограничен, а финансовая структура носит в основном слабо диверсифицированный характер с относительно низкими долями долгосрочных источников и повышенной долей собственных средств. Отмечено, что в России наблюдается бегство компаний в краткосрочные источники финансирования, включая коммерческие кредиты [5, с. 96–97], которые, стабильно оставаясь на балансе, становятся квазидолгосрочными источниками. Такое положение негативно отражается на финансовой стабильности сектора нефинансовых корпораций и, как следствие, на устойчивости финансовой системы. Также для российского рынка капитала характерна чрезмерно высокая концентрация, снижающая доступность механизмов прямого финансирования для компаний малой и средней капитализации. Рынки производных финансовых инструментов в условиях формирующегося рынка также относительно слабо развиты, что сокращает возможности экономических агентов по управлению финансовыми рисками.

Институциональные и инструментальные особенности формирующегося финансового рынка закономерно проявляются в специфике его функционирования. С *функциональной точки зрения* специфика формирующегося финансового рынка проявляется в том, что качество выполнения финансовых функций в экономике является относительно высоким, но недостаточным по сравнению с развитыми финансовыми рынками. Эта особенность проявляется в количественных параметрах функционирования финансовых систем, которые в странах с формирующимся финансовым рынком характеризуются относительно низкой финансовой глубиной, эффективностью, доступностью и стабильностью. Так, рынки капитала в этих странах менее объемны и ликвидны, чем в странах с развитым финансовым рынком, и в то же время, как указано выше, отмечаются повышенной волатильностью, что коррелирует с высоким потенциалом, но одновременно и нестабильным статусом формирующегося финансового рынка.

Главным вызовом финансового стимулирования экономики в странах с формирующимся рынком является выбор дальнейшего пути финансового развития. Внешние угрозы неэффективного развития связаны прежде всего с тем, что формирующиеся финансовые рынки относительно невелики по объему. Снятие ограничений на движение капитала в этом случае способствует финансовому развитию, но повышает финансовую нестабильность, зависимость от спекулятивного капитала, предоставляемого иностранными инвесторами. Вместе с тем изоляция рынка, отчасти наблюдаемая на примере Российской Федерации, приводит к консервации неэффективной модели финансовой системы, не способствующей развитию финансовых услуг, что в конечном счете не позволяет использовать имманентно высокий потенциал финансового стимулирования экономики. В этом отношении необходим эффективный баланс, который требует тщательного и поэтапного выбора инструментов финансового регулирования.

Монополизация финансовых услуг, разрастание банков с государственным участием, концентрация финансовых потоков в секторе государственного управления — все то, что наблюдается сегодня в Российской Федерации, — не позволяет использовать окно возможностей по действенному финансовому стимулированию экономики. Квазирыночная модель финансового развития приводит к сжатию сектора финансовых корпораций, сокращению спектра предоставляемых финансовых услуг, делает финансовую систему более хрупкой, а следовательно, еще более зависимой от внешних и внутренних угроз. Повышение странового риска сокращает по-

токи иностранных инвестиций, однако не становится стимулом для развития национальных финансовых корпораций. В этих условиях катастрофически снижается доступность финансовых ресурсов для бизнеса, особенно для малых субъектов хозяйствования. Искажаются информационные сигналы, которые должны способствовать эффективному перераспределению капитала. Российский рынок капитала продолжает испытывать стагнацию, что, в совокупности с вышеперечисленными факторами, ставит под вопрос возможность восстановления роста экономики.

Таким образом, в выборе инструментов финансового стимулирования в странах с формирующимся рынком в целом и в Российской Федерации в частности следует руководствоваться не только и не столько кратковременным стабилизационным эффектом, который, безусловно, может быть достигнут с участием крупных банков и бюджета, но и желаемой траекторией дальнейшего финансового развития. Национальные регуляторы должны прикладывать максимум усилий, чтобы способствовать развитию рыночного сегмента финансовой экономики.

Библиографический список

1. Данилов Ю. А., Пивоваров Д. А. 2018. Финансовая структура в России: выводы для государственной политики // Вопросы экономики. Т. 3. С. 30–47.
2. Воронова Н. С., Львова Н. А., Покровская Н. В. 2018. Детерминанты финансового развития в условиях евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. Т. 1. С. 6–11.
3. Львова Н. А. 2018. Концепция финансовой диагностики публичных компаний для формирующегося финансового рынка // Экономика и предпринимательство. Т. 9. С. 940–948.
4. Rubtsov B., Annenskaya N. 2018. Factor analysis of the Russian stock market // Journal of Reviews on Global Economics. Vol. 7. P. 417–425.
5. Иванов В. В., Бушуева Н. В. 2007. Внешние источники финансирования российских предприятий: реалии и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Вып. 1. С. 96–107.

Теляк О. А.

Полесский государственный университет,
Беларусь, 225710, Пинск, ул. Днепровской Флотилии, 23
tcfm@yandex.ru

ДОЛЛАРИЗАЦИЯ В СТРАНЕ С МАЛОЙ ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКОЙ: ФАКТЫ И ВЫЗОВЫ

Аннотация: В статье характеризуется ситуация с долларизацией экономики Беларуси — страны с малой открытой экономикой. Авторы начинают с краткой характеристики феномена долларизации, затрагивают ее формы, причины и следствия, дают обзор уровня долларизации экономики в стране, предпринятых и перспективных мер государственных экономических властей в области дедолларизации экономики.

Ключевые слова: долларизация, дедолларизация, либерализация валютного рынка, инфляционные и девальвационные ожидания, финансовая система.

Tseliak A. A.

Polesky State University,
23, Dneprovskoy Flotilii str., 23, Pinsk, 225710, Belarus

DOLLARIZATION IN A COUNTRY WITH A SMALL OPEN ECONOMY: FACTS AND CHALLENGES

Abstract: The article describes the situation with the dollarization of the economy of the Republic of Belarus — a country with a small open economy. The article begins with a brief description of the phenomenon of dollarization, its forms, causes and effects, an overview of the level of dollarization of the Belarusian economy, and the measures of state-impact economic authorities in the area of de-dollarization of the economy.

Keywords: dollarization, dedollarization, currency market liberalization, inflationary and devaluation expectations, financial system.

Принимая во внимание наличие диаметрально противоположных экспертных мнений относительно воздействия долларизации на экономику суверенной страны, автор статьи поддерживает позицию о негативном характере ее влияния. Заместитель Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь С. В. Калечиц в ходе доклада на расширенном Правлении по итогам реализации денежно-кредитной политики Республики Беларусь за первое полугодие 2018 г. озвучил, что, по экспертным оценкам аналитиков Национального банка Республики Беларусь, общий расчетный размер потерь страны от долларизации можно оценить в сумме около 2–3 % ВВП ежегодно [1]. Это составляет от одного до полутора млрд долларов США (по итогам 2017 г.). По мнению представителя регулятора и экспертного сообщества, уровень долларизации экономики страны является высоким и потери страны от нее сосредоточены прежде всего в области курсовых и инфляционных рисков. С учетом значительных сумм задолженности по валютным кредитам (займам) белорусские предприятия и бюджет могут нести значительные финансовые потери [1]. Среди негативных причинно-следственных связей, сопровождающих долларизацию, можно выделить следующие: невозможность обеспечить полный финансовый суверенитет страны; отсутствие контроля за денежным обращением и денежной массой; сложности проведения суверенной монетарной политики и снижение эффективности ее инструментов; отсутствие стабильности на финансовом рынке страны; общая экономическая и монетарная нестабильность; нарастание инфляционных и девальвационных тенденций, в негативном варианте формирующихся в инфляционно-девальвационную спираль; рост теневого сектора экономики (который составляет около трети ВВП Республики Беларусь по внешним и внутренним экспертным оценкам); снижение доверия экономических агентов к проводимой государством экономической политике, финансово-банковской сфере; валютное

таргетирование (фиксированный обменный курс национальной валюты на иностранную); слабость национальных институтов и т. п.

Долларизацию в общем виде можно понимать как финансово-экономическое явление, при котором наблюдается преобладающее применение иностранной валюты во внутриэкономической деятельности суверенной страны, имеющей собственную официальную национальную валюту.

Отмечается, что долларизация есть не что иное, как проявление рационального стремления экономических субъектов застраховаться от гиперинфляции [2].

Конкретизировать этот экономический феномен можно, например, через классификацию долларизации:

- долларизация расчетов — иностранная валюта используется в качестве средства обращения и платежа на территории страны, имеющей собственную официальную денежную единицу. Отмечается, что к данному виду долларизации существует реально применимый набор снижающих инструментов, он не несет существенных финансовых угроз. Отдельной составляющей долларизации расчетов выступает такое явление, когда экономические агенты страны цены товаров и услуг, цены финансовых контрактов ментально переводят (приравнивают, пересчитывают) в иностранную валюту;
- реальная долларизация — в данном случае наблюдается привязка цен на товары и услуги в стране, установление заработных плат к иностранной валюте;
- финансовая долларизация — считается наиболее формализованной с точки зрения расчета и определения и выражается в форме кредитов и депозитов в иностранной валюте;
- официальная долларизация — обращение иностранной валюты легализовано на территории страны;
- вынужденная долларизация — ситуация, при которой иностранная валюта преобладает в обращении на территории страны не по факту ее легализации, а в результате рыночных факторов: наличия активного спроса и предложения субъектов экономики.

Проявление нескольких форм долларизации одновременно, неспособность экономических государственных властей реализовать эффективные меры по дедолларизации экономики могут привести к попаданию в «ловушку долларизации», что значительно усугубит негативные последствия данного финансово-экономического явления для экономики страны и еще больше затруднит реализацию мер по противодействию долларизации (по аналогии с инфляционно-девальвационной спиралью).

Для характеристики уровня долларизации в Республике Беларусь можно привести следующую статистику: к концу 2018 г. рублевая составляющая (M2) в составе широкой денежной массы (M3) составила всего 34,5 % (для сравнения 35 % — по итогам 2017 года, 32 % — по итогам 2016 г., 27 % — по результатам 2015 г.). В качестве выражения уровня финансовой долларизации приведем далее информацию о доле иностранной валютной составляющей в структуре кредитов и депозитов банковского сектора. Доля депозитов секторов экономики, размещенных в банках Республики Беларусь, номинированных в иностранной валюте, согласно данным Статистического бюллетеня Национального банка Республики Беларусь по состоянию на начало 2018 года, составила 67 % (70 % за 2016 г., 74 % за 2015 г.). Что касается доли кредитов банков в иностранной валюте в общей сумме кредитов, выданных банками секторам экономики, то, с учетом приостановления с 2009 г. кредитования физических лиц в иностранной валюте, к ноябрю 2018 г. она составила 48 % (51 % по результатам 2017 г., 56 % по результатам 2016 г., 57,2 % по результатам 2015 г.).

Можно констатировать достаточно волатильную ситуацию, а имеющиеся позитивные подвижки произошли в результате предпринятых регуляторами финансового рынка мер по дедолларизации: ограничение возможного перечня расчетов в иностранной валюте на территории страны; дифференциация условий налогообложения доходов физических лиц, полученных от размещения сбережений во вклады/депозиты, с акцентом на стимулирование срочных вкладов в национальной валюте; гарантирование возмещения банковских вкладов/депозитов физиче-

ских лиц в полном объеме; запрет предоставления банковских кредитов розничным клиентам в иностранной валюте с 2009 г.; снижение объемов директивного кредитования; поддержание положительных процентных ставок по депозитам в белорусских рублях в реальном выражении; увеличение норматива отчислений банков и небанковских кредитно-финансовых организаций в фонд обязательных резервов от привлеченных средств в иностранной валюте с 12,5 % в 2015 г. до 17 % в 2018 г.; заключение соглашений с рядом государств об использовании национальных валют при проведении международных расчетов; рыночный механизм курсообразования национальной денежной единицы в режиме непрерывного двойного аукциона и в целом стабилизация обменного курса белорусского рубля относительно иностранных валют; относительно эффективная денежно-кредитная политика регулятора в режиме монетарного таргетирования с ориентиром на переход к инфляционному таргетированию, повышающая доверие экономических агентов к финансово-банковской системе и т. п.

Ввиду отсутствия возможности размещения таблиц и рисунков в материале, констатируем, что основные показатели финансовой долларизации за период с начала 2000-х годов до 2009 г. имели нисходящий тренд (доля депозитов и кредитов банков секторам экономики в минимальной точке 2009 г. составляла 30 % от их общих объемов), после мирового финансового кризиса и до 2015 г. данные тенденции имели четкий восходящий тренд, который удалось несколько преломить в обратную сторону только после 2015. Авторитетные отечественные аналитики в 2015 г. полагали, что «Беларусь, вероятно уже попала в ловушку долларизации» [3]. Фиксируя сложившиеся тенденции и наличие дальнейших планов государственных экономических властей в области дедолларизации, автор выражает мнение и надежду на отсутствие угрозы нахождения страны в ловушке долларизации, присоединяясь к констатации высокого уровня долларизации национальной экономики.

Представители МВФ Эндрю Берг и Эдуардо Боренштейн, например, в своих записках «Полная долларизация: преимущества и недостатки» отмечают, что «главной привлекательной стороной полной долларизации служит устранение риска внезапной резкой девальвации валютного курса страны. Таким образом, страна может сократить премию за риск при осуществлении ею внешнего заимствования. Страны с долларизованной экономикой могут пользоваться более высоким доверием у международных инвесторов, иметь более низкий спред процентных ставок на их внешние займы, сокращать бюджетные издержки и добиваться больших инвестиций и роста». Указанные авторы также задаются вопросом о том, «могут ли эти преимущества компенсировать стране издержки, связанные с отказом от собственной валюты». Так как автор статьи присоединяется к отрицательному ответу на этот вопрос, что и попытался изложить в представленном материале, то полагает активизировать применяемые меры по дедолларизации экономики.

Представители Национального банка страны предполагают необходимым для дальнейшей дедолларизации экономики: определить исключительный узкий перечень случаев использования иностранной валюты на территории Республики Беларусь, а также в расчетах между резидентами при одновременном отказе от использования разрешительного порядка осуществления валютных операций; ограничить возможность выражения денежных обязательств в иностранной валюте только в случаях, когда валютным законодательством разрешены расчеты в ней; обеспечить номинирование налогов, сборов, пошлин, тарифов и иных платежей в белорусских рублях (с возможным использованием механизмов, альтернативных иностранной валюте) [1].

Политика дедолларизации базируется на макроэкономической стабилизации, состоящей из фискальной консолидации и жесткой денежно-кредитной политики. Фискальная консолидация включает в себя оптимизацию бюджетных расходов, проведение структурных реформ, увеличение поступлений в бюджет не только за счет поднятия налоговых ставок, но и за счет стимулирования экономики и бизнеса. Жесткая денежно-кредитная политика позволяет сдерживать совокупный спрос, в результате чего снижается уровень инфляции и повышается реальный и/или номинальный обменный курс [4].

В дополнение к положительной динамике и имеющимся предложениям будет уместно продолжать предпринимать усилия по приданию национальной денежной единице превали-

рующего положения в экономике страны наряду с общим улучшением экономического развития, повышения эффективности экономики в целом, стабилизацией финансовой системы, либерализацией валютного рынка, снижением инфляционных и девальвационных тенденций и ожиданий. Дедолларизации также будет способствовать развитию финансового рынка страны в институциональном аспекте (например, стимулирование развития фондов банковского управления, институтов коллективного инвестирования в сегменте финансовых инструментов, номинированных в белорусских рублях, активизация институтов хеджирования валютных рисков); дальнейшая либерализация валютного рынка, повышение доверия экономических агентов к проводимой финансово-экономической политике, к финансовому сектору, к белорусскому рублю; укрепления потенциала финансовой системы противостоять и абсорбировать внешние шоки.

Библиографический список

1. Калечиц С. В. 2018. Итоги реализации денежно-кредитной политики Республики Беларусь за первое полугодие 2018 г. Доклад заместителя Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь С. В. КАЛЕЧИЦА на расширенном заседании Правления // Банковский вестник. №7/660. С. 3–8. URL: <https://www.nbrb.by/bv/Arch/660.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).
2. Ize A., Yeyati E. L. 2003. Financial Dollarization // Journal of International Economics. № 59. P. 323–347.
3. Крук Д. 2015. Долларизация и дедолларизация в Беларуси: формулирование повестки дня // BEROC Policy Paper Series. No. 23. P. 1–19. URL: http://www.beroc.by/publications/policy_papers/pp23 (дата обращения: 11.01.2019).
4. Михальчук Н. А., Кузавка И. А. 2016. Политика дедолларизации в зарубежных странах // Экономика и управление. № 1 (45). С. 68–72.

Уразгалиев В. Ш.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
v.urazgaliev@spbu.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЗЕРВЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается подход Банка России к формированию международных резервов в контексте финансовой безопасности Российской Федерации. Предлагается авторская трактовка понятия «финансовая безопасность». Анализируются критерии достаточности международных резервов. Приводится методика использования международных резервов для определения расчетных курсов рубля в сравнении с официальным обменным курсом. Показаны риски и потери ЦБ РФ на курсовых разнице в процессе управления международными резервами. Отмечены положительные тенденции в дедолларизации российской экономики и наращивания доли монетарного золота в золотовалютных резервах Банка России.

Ключевые слова: финансовая безопасность, международные резервы, курс рубля, монетарное золото.

Urazgaliev V. Sh.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

INTERNATIONAL RESERVES OF RUSSIA'S FINANCIAL SECURITY

Abstract: The article discusses the Bank of Russia approach to the formation of international reserves in the context of the Russia's financial security. The author's interpretation of the concept of "financial security" is proposed. The criteria for the adequacy of international reserves are analyzed. The method of using international reserves to determine the estimated exchange rate of the ruble in comparison with the official exchange rate is given in the article. The risks and losses of the Central Bank of the Russian Federation on exchange rate differences in the process of managing international reserves are shown by the author. The author also shows positive trends in the de-dollarization of the Russian economy and in the increase of monetary gold in the gold and foreign exchange reserves of the Bank of Russia.

Keywords: financial security, international reserves, ruble exchange rate, monetary gold.

Для снятия дискуссионных вопросов при определении финансовой безопасности представляется целесообразным при ее теоретической фиксации использовать структурно-содержательный подход, в соответствии с которым финансовую безопасность можно представить в виде единства трех ее структурных субпонятий [1].

1. Финансовая безопасность как *относительно самостоятельная составляющая экономической безопасности* отражает степень и уровень защищенности функционирования и развития собственно финансовой системы как совокупности макрофинансовых показателей, характеризующих эффективность проведения в стране бюджетно-налоговой, денежно-кредитной, валютной и инвестиционной политики.
2. Финансовая безопасность как *качественная характеристика всех компонентов национальной и экономической безопасности* характеризует меру, качество и направленность своего влияния на динамику изменения основных показателей других видов национальной и экономической безопасности. При этом один из важнейших аспектов такого влияния — степень монетизации (демонетизации) различных составляющих российской экономики. Таким образом, через призму категории «финансовая безопасность» можно выявить последствия влияния степени монетизации (демонетизации) экономики на эффективность обеспечения промышленной, военной, энергетической, социальной, продовольственной и других видов национальной и экономической безопасности.

3. Финансовая безопасность как механизм ускорения развития России в контексте обеспечения ее национальной и экономической безопасности выступает в качестве системы мероприятий по созданию программно-целевой направленности по формированию защищенности финансовой системы для устойчивого и ускоренного роста экономики страны в интересах ее национальной безопасности.

В обобщенном плане можно дать следующее определение категории «финансовая безопасность».

Финансовая безопасность — способ, форма и результат постоянного разрешения и воспроизведения противоречия между ростом (падением) экономики и ее финансовой защищенностью в пользу формирования тенденции безопасного экономического роста страны.

Одним из важных и дискуссионных вопросов при анализе финансовой безопасности страны является величина ее международных резервов. Так, если на 1 января 1993 г. их величина составляла всего 4 млрд долл., то к началу 1998 г. они выросли в 4,25 раза, составив 17 млрд долл. Однако после дефолта 1998 г. они опять сократились до 12 млрд долл. в начале 1999 г. К 1 января 2002 г. резервы выросли в 3 раза до 36 млрд долл., а на начало 2006 и 2008 г. их величина составила 124 и 478 млрд долл. соответственно.

Международные резервы (резервные активы) Российской Федерации представляют собой высоколиквидные иностранные активы, имеющиеся в распоряжении органов денежно-кредитного регулирования страны — Банка России и Правительства Российской Федерации. К международным резервам страны относятся внешние активы, доступные и подконтрольные органам денежно-кредитного регулирования в целях удовлетворения потребностей в финансировании дефицита платежного баланса, проведения интервенций на валютных рынках для оказания воздействия на обменный курс валюты и в других соответствующих целях (таких как поддержание доверия к национальной валюте и экономике, а также как основа для иностранного заимствования). Насколько величина международных резервов страны соответствует критериям ее национальной безопасности? Из 60 стран включенных в рейтинг МВФ по величине достаточности международных резервов, на 1 января 2017 г. Россия заняла 8-е место [2]. Ее резервов хватало для оплаты импорта в течение 17 месяцев. Впереди нее: Саудовская Аравия — 34 месяца, Швейцария — 23, Бразилия — 22, Япония — 19, Тайвань — 18. После нее в этом рейтинге 52 страны. При этом резервов на 2 месяца импорта хватит у США, Великобритании, Германии, Франции, Испании. На 1 месяц могут рассчитывать Австрия, Греция, Финляндия, Литва, Нидерланды, Кипр, Бельгия, Мальта. Даже на несколько дней покрытия импорта нет резервов у Словении, Словакии, Эстонии, Ирландии и Люксембурга.

Банком России используется 5 различных показателей РФ [3].

1. **Финансирование трехмесячного импорта.** Трехкратная величина среднемесячного импорта товаров и услуг, исчисленного методом скользящей средней из фактических значений за предыдущие 12 месяцев.
2. **Критерий Гвидотти.** Сумма платежей по внешнему долгу страны (включая процентные платежи) в предстоящие 12 месяцев.
3. **Критерий Редди.** Сумма трехмесячного импорта и платежей по внешнему долгу в предстоящие 12 месяцев.
4. **Финансирование 20 % обязательств, включаемых в широкую денежную массу** — 20 % величины денежного агрегата M2X.
5. **Композитный индикатор МВФ (ARA EM)** предложен Международным валютным фондом (МВФ) как основа для оценки достаточности международных резервов стран с развивающимися финансовыми рынками в рамках консультаций по IV статье Устава МВФ. Рассчитывается по следующей формуле:

$$ARA\ EM = 150\ \% \times (5\ \%ЭТУ + 5\ \% M2X + 30\ \%ВД + 15\ \%ДПО),$$

где: ЭТУ — экспорт товаров и услуг за предыдущие 12 месяцев, М2Х — широкая денежная масса, ВД — платежи по внешнему долгу в предстоящие 12 месяцев, ДПО — долгосрочные портфельные обязательства.

Анализ динамики международных резервов за последние 10 лет показывает, что по всем критериям международные резервы носили избыточный характер. Например, на 1 января 2018 г. данные показатели выглядели следующим образом: первый — 81,7; второй — 136,5; третий — 218,3; четвертый — 189,8; пятый — 215,0.

Таким образом, даже по самому строгому критерию Редди международные резервы России на 1 января 2018 г., превысили норму в 1,98 раза.

Международные резервы состоят из монетарного золота, специальных прав заимствования (СДР), резервной позиции в МВФ и прочих резервных активов. В категорию прочие резервные активы входят наличная иностранная валюта; остатки средств на корреспондентских счетах; депозиты с первоначальным сроком погашения до 1 года включительно в иностранных центральных банках, в Банке международных расчетов (БМР) и кредитных организациях-нерезидентах; долговые ценные бумаги, выпущенные нерезидентами; кредиты, предоставленные в рамках сделок обратного РЕПО, и прочие финансовые требования к нерезидентам с первоначальным сроком погашения до 1 года включительно. Ценные бумаги, переданные контрагентам в рамках операций займов ценных бумаг, учитываются в составе международных резервов, в то время как ценные бумаги, служащие обеспечением по сделкам РЕПО, исключаются из резервов. Ценные бумаги, полученные в качестве обеспечения по сделкам обратного РЕПО или займов ценных бумаг (полученные в обмен на другие ценные бумаги), не включаются в состав международных резервов. Часть Резервного фонда и Фонда национального благосостояния Российской Федерации, номинированная в иностранной валюте и размещенная Правительством Российской Федерации на счетах в Банке России, которая инвестируется Банком России в иностранные финансовые активы, является составляющей международных резервов России. Финансовые требования Банка России и Правительства Российской Федерации к резидентам, выраженные в иностранной валюте, в состав международных резервов РФ не включаются.

Международные резервы можно также использовать для определения расчетного курса рубля, который следует сравнивать с официальным обменным курсом. Здесь в качестве показателя денежной массы применяются агрегаты М0 и М2. Поскольку международные резервы котируются в долларах США, то и расчетный курс рубля определяется в долларах и сравнивается с официальным долларovým курсом рубля. При таком подходе международные резервы оцениваются в качестве своеобразного варианта обеспечения национальной денежной массы.

На 1 января международные резервы составляли (млрд долл.): 1998 — 17 784; 2000 — 12 456; 2008 — 478 762; 2009 — 426 281; 2013 — 537 618; 2014 — 509 595; 2015 — 385 460; 2016 — 368 399; 2017 — 377 741.

Расчетный курс доллара США-1 (М2/международные резервы, руб./долл.) составил: 1998 — 21,04; 2000 — 57,37; 2008 — 27,72; 2009 — 31,59; 2013 — 50,53; 2014 — 61,14; 2015 — 82,02; 2016 — 95,49; 2017 — 101,79.

Расчетный курс доллара США-2 (М0/международные резервы, руб./долл.) составил: 1998 — 7,33; 2000 — 21,36; 2008 — 7,73; 2009 — 8,89; 2013 — 11,96; 2014 — 13,71; 2015 — 18,61; 2016 — 19,65; 2017 — 20,42.

Официальный обменный курс США (руб./долл.) составил: 1998 — 5,96; 2000 — 27,0; 2008 — 24,55; 2009 — 29,39; 2013 — 30,37; 2014 — 32,66; 2015 — 56,24; 2016 — 72,93; 2017 — 59,90.

Обеспечение денежной массы (М2) международными резервами (%) составило: 1998 — 28,33; 2000 — 47,06; 2008 — 88,56; 2009 — 93,04; 2013 — 60,10; 2014 — 53,42; 2015 — 68,57; 2016 — 76,37; 2017 — 58,9.

Вышеприведенные данные показывают, что: во-первых, после дефолта 1998 г. наблюдается тенденция к девальвации официального и расчетных курсов рубля; во-вторых, широко распространенная версия, что кризис 2008 г. тушили золотовалютными резервами Банка России (обычно приводится цифра порядка 200 млрд долл.), а в кризисе 2014 г. перестали «палить» резервы, не совсем соответствует действительности. Так, за 2008 г. резервы уменьшались на

58,481 млрд долл., но уже в 2009 г. они выросли на 13,169 млрд долл., а в 2010 г. — еще на 39,323 млрд и к 2011 г. превысили докризисный уровень. В то же время падение резервов началось еще в докризисный 2013 г., когда они уменьшились на 28,623 млрд долл. За 2014 г. резервов «спалили» уже на 124,135 млрд долл., за 2015 г. — еще на 17,061 млрд, т.е. в сумме за 2008–2009 гг. — на 141,196 млрд долл. В 2016 и 2017 гг. они стали расти, но даже к 1 ноября 2018 г. так и не достигли уровня начала 2014 г.; в-третьих, обеспеченность денежной массы (M2) международными резервами колеблется в диапазоне 93,04 % (на 1.01.2009 г.) до 53,42 % (на 01.01.2014).

Существуют значительные риски при управлении международными резервами. Особенно наглядно это продемонстрировали итоги 2017 г., когда сделки Банка России на международном валютном рынке привели к потерям на курсовых разнице в размере 4,5 млрд долл., о чем свидетельствуют данные Центробанка и расчеты Finanz [4].

За 2017 г. ЦБ продал почти треть всех вложений в европейскую валюту: начав год с 115,4 млрд евро (32,2 % от резервов), к его концу регулятор имел лишь 78,28 млрд (21,7 %).

Эти средства ЦБ активно конвертировал в доллар: его доля в резервах с 40,4 % выросла до рекорда в 45,8 %, сообщил регулятор в финансовом отчете за 2017 г.

Большую часть сделок по продаже евро и покупке долларов ЦБ совершил в первом квартале прошлого года, когда курс держался около минимальных за 12 лет значений — между 1,03 и 1,08 долл. за евро.

Вблизи минимумов рынка в январе-марте ЦБ конвертировал в доллар 19,5 млрд евро и сократил долю европейской валюты в резервах до 25,7 %, свидетельствует отчет регулятора об управлении ЗВР.

ЦБ сделал ставку на доллар, но рынок двинулся в противоположную сторону: во втором квартале курс евро начал рост, а к концу года прибавил 13,8 % и достиг отметки 1,2 доллара за евро.

В результате сделки ударили по размеру резервов: если бы Центробанк оставил вложения в евро нетронутыми, то курсовые разницы увеличили бы ЗВР на 2,5 млрд долл. На конец первого квартала 2018-го эта разница достигла бы 4,5 млрд долл., свидетельствуют расчеты Finanz.

Судя по всему, ЦБ избавлялся от евро из-за отрицательной доходности бумаг в европейской валюте: согласно отчету регулятора, по итогам года она составила минус 0,58 % годовых. В минусе также оказались вложения в британские ценные бумаги (–0,04 % годовых).

В условиях санкционной войны против России и угроз со стороны США отключить крупнейшие российские банки от расчетов в долларах, крайне важным является ускорение процессов дедолларизации российской экономики и наращивание доли монетарного золота в международных резервах Банка России. Здесь имеются положительные сдвиги. Так, если на 01.01.2016 г. доля доллара в структуре внешнего долга составляла 68 %, то на 01.04.2018 г. она сократилась до 53 %. В поступлении от экспорта товаров и услуг доля доллара в первом квартале 2013 г. была 81 %, а за аналогичный период 2016 г. — 71 %. В платежах за импорт товаров и услуг на доллар в первом квартале 2015 г. пришлось 44 %, а в первом квартале 2018 г. — 36 %. При этом на конец первого квартала 2018 г. доля рубля в совокупном внешнем долге России составила 27 %, в поступлениях от экспорта — 13 %, а в платежах за импорт — 31 %.

В 2017 г. в России добыли 317,66 т золота, что является историческим рекордом со времен СССР. По прогнозу в 2018 г. добыча золота составит 328 т. ЦБ РФ постоянно увеличивает закупку золота в международные резервы. Так, несмотря на падение цены, за 2017 г. доля монетарного золота в резервах составила 81,055 млрд долл. (+4,408 млрд долл. к 2016 г.), или 17,6 % от величины международных резервов. За 9 месяцев 2018 г. ЦБ приобрел 253 т, доведя свои золотые резервы до 2036 т (5-е место в мире). И совершенно неважно, сколько золото сегодня стоит. Золото — это реальная подушка безопасности. Кроме того, сейчас в мире все более активно разворачивается дискуссия о возможном возвращении (в модифицированном виде) золота в качестве основы для построения новой мировой денежной системы. Представляется, что действия Банка России, как и других Центробанков, по значительному наращиванию золотого запаса косвенно это подтверждают.

Библиографический список

1. Уразгалиев В. Ш. 2018. Экономическая безопасность: учебник и практикум для вузов. М.: Изд-во Юрайт.
2. Достаточность международных резервов отдельных стран для покрытия импорта товаров и услуг. 2017. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs_QA_Par_44617 (дата обращения: 10.12.2018).
3. Методический комментарий к показателям достаточности международных резервов РФ. URL: http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/res/adequacy_res_mk.pdf (дата обращения: 10.12.2018).
4. ЦБ проиграл \$4,5 млрд долл на Форексе. URL: [https://www.finanz.ru/novosti/valyuty/cb-proigral-\\$4-5-mlrd-na-forekse-1024142436](https://www.finanz.ru/novosti/valyuty/cb-proigral-$4-5-mlrd-na-forekse-1024142436) (дата обращения: 10.12.2018).

Белозёров С. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
s.belozеров@spbu.ru

НАЛОГОВЫЕ РИСКИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ НАЛОГООБЛОЖЕНИИ ДОХОДОВ КОРПОРАЦИЙ

Аннотация: В статье рассмотрены основные предпосылки возникновения налоговых рисков в цифровой экономике. Проанализированы ключевые факторы возникновения налоговых рисков при налогообложении доходов корпораций, обусловленные цифровизацией экономики, в частности правила определения устойчивой связи, данные, идентификация.

Ключевые слова: риск, цифровая экономика, налогообложение, налог на доход корпораций, ОЭСР, BEPS.

Belozyorov S. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

TAX RISKS IN CORPORATE INCOME TAXATION IN DIGITAL ECONOMY

Abstract: The paper determines actual backgrounds of origin of tax risks in digital economy. The key factors of tax risks, caused by digitalization of economy, in corporate income taxation, notably, nexus, data, and characterization, are analyzed.

Keywords: Risks, digital economy, taxation, corporate income tax, OECD, BEPS.

Введение. Очевидно, что развитие цифровой экономики положительно влияет на темпы экономического роста, способствует повышению уровня благосостояния населения отдельных стран. Однако цифровизация экономики является причиной возникновения принципиально новых, не существовавших ранее рисков, с которыми сталкивается государство как экономический субъект (налоговые риски цифровой экономики), что, соответственно, ставит перед национальными правительствами задачу минимизации экономических, политических, социальных и иных последствий реализации таких рисков.

Подобные риски возникают, в частности, в области национального и международного налогообложения. Меры по минимизации последствий возникновения налоговых рисков цифровой экономики, принимаемые национальными правительствами, находятся в области международного законодательства о конфиденциальности (privacy law) и защите данных, в сфере бухгалтерского учета и государственного регулирования

На протяжении десятилетий, налогообложение корпораций обеспечивало государству возможность увеличивать расходы на удовлетворение общественных потребностей, в том числе и за счет взимания налогов, иных, чем налог на доход корпораций. Речь идет о налогах на труд, экологических налогах, имущественных и земельных налогах. Развитие цифровых технологий позволяет компаниям находить различные пути сокращения либо нивелирования налоговых обязательств по таким налогам.

Предпосылки возникновения налоговых рисков в цифровой экономике. На сегодняшний день в странах ОЭСР реальная налоговая нагрузка национальных и международных компаний традиционного сектора экономики определяется исходя из средней эффективной налога на доход корпораций, 20,9 и 23,2 %, тогда как национальные эффективная средняя ставка налога национальных компаний цифрового сектора экономики составляет только 8,5 %, а компаний B2B и B2C — лишь 8,9 и 10,1 % [1].

Снижение эффективной налоговой ставки, сокращение количества налогоплательщиков, как следствие, снижение налоговых поступлений может привести к стремлению государства компенсировать потерю дохода, что, в свою очередь, приведет к росту налоговой нагрузки на

налогоплательщиков, остающихся в зоне налогообложения. Цифровизация экономики увеличивает роль таких систем налогообложения дохода и потребления, которые стимулировали бы рост и инвестиции, в то же время сокращая неравенство и устанавливая равные правила игры для экономических агентов.

Совершенствование моделей ведения бизнеса в целом и рост цифровой экономики в частности привели к тому, что компании-нерезиденты, работающие в различных юрисдикциях, сталкиваются с такой ситуацией на рынке, которая имеет принципиально новые характеристики, чем та, что существовала в период формирования действующих в настоящее время правил международного налогообложения. Например, компании нерезиденты и раньше имели определенную возможность продавать произведенные ими материальные блага или услуги в юрисдикции какой-либо страны без физического присутствия там, но сейчас развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), результаты которого характеризует, в частности, представленная в таблице динамика доли ИКТ в ВВП стран Европейского союза, существенно расширило эти возможности, а соответственно, увеличились и масштабы такой деятельности [2].

Можно привести и другой пример: традиционно корпорациям, для того чтобы укрепить свои позиции на рынке определенной страны, требовалось физическое присутствие в этой стране: цеха для производства продукции, точки ее продаж, местная сеть каналов сбыта и т. д. Следовательно, и осуществление поставок оборудования, организация складской сети, системы управления производством и сбытом продукции, налаживания системы маркетинга с учетом местной специфики, брендинга и других видов деятельности, которые обеспечивали поступление дохода, подлежащего налогообложению в данной стране. Развитие моделей бизнеса, совершенствование ИКТ, либерализация торговой политики, позволили предпринимателям управлять многими прежде требовавшими физического присутствия в стране реализации материальных благ или услуг видами деятельности корпораций.

Существующие сегодня пороговые значения для налогообложения (thresholds for taxation) определены исходя из того факта, что компания физически присутствует в стране, что, в свою очередь, обусловлено тем, что большинству традиционного бизнеса для расширения своей доли на рынке страны реализации материального блага или услуг (market jurisdiction) такое присутствие необходимо. Физическое присутствие обеспечивает правительствам административные возможности для обеспечения своих прав по взиманию налогов с компаний-нерезидентов. Значительно сократившаяся необходимость физического присутствия компании в стране для ведения бизнеса в ней является основным фактором роста уровня и количества налоговых рисков.

К росту налоговых рисков государства приводят и другие последствия развития цифровой экономики. Речь, в частности, идет о том, что рост количества новых моделей ведения бизнеса может привести к потере государственного контроля над налогообложением из-за сложностей, связанных с идентификацией денежных потоков, позволяющей облагать их налогом в той или иной юрисдикции или найти ответ на вопрос, каким налогом их облагать; с определением «первоначальных» источников полученных компаниями, в результате использования новых моделей ведения бизнеса (attribution of value) доходов; а также в результате изменения направлений и способов бизнеса и конечных потребителей произведенной продукции [3].

Кроме того, новые денежные потоки возникают и в результате использования многосторонних моделей ведения бизнеса или за счет использования больших массивов данных и высокоскоростных соединений. Их также чрезвычайно сложно идентифицировать для целей налогообложения.

И наконец, цифровые технологии упрощают проведение трансграничных транзакций, а также открывают потребителям доступ к материальным благам и услугам из любой точки мира, увеличивая риск утраты государством контроля над налогообложением и потреблением.

Факторы возникновения налоговых рисков цифровой экономики в прямом налогообложении. Основные факторы возникновения налоговых рисков в прямом налогообложении, прежде всего налогообложении доходов корпораций, обусловленные цифровизацией экономики, могут быть разделены на три основные группы:

- правила определения устойчивой связи (nexus);
- данные (data);
- идентификация (characterisation).

Рассмотрим данные факторы подробнее.

1. Правила определения устойчивой связи (для возникновения правовых последствий). Продолжающийся рост потенциала цифровых технологий и, как следствие, сокращающаяся необходимость в физическом присутствии для ведения бизнеса, в совокупности с возрастанием роли сетевых эффектов, связанных с взаимодействием потребителей, способен увеличить риски неправильного определения устойчивой связи с юрисдикцией для целей налогообложения. Это касается в частности, определения понятия «постоянного представительства» (establishment, PE) для целей налогообложения и соответствующих правил распределения прибыли. Существующими правилами международного налогообложения зафиксировано, что понятие PE характеризует не только существенное физическое присутствие корпорации в стране (substantial physical presence), но также и ситуацию, когда нерезидент ведет бизнес в данной стране при помощи зависимого агента (агента с зависимым статусом, dependent agent). При этом зависимый агент как субъект налогового права представляет собой организацию, которая действует в одном государстве от имени компании-резидента другого государства

2. Данные. Рост информационных технологий позволяет компаниям цифрового сектора собирать и использовать большие объемы информации по всему миру. Это приводит к росту рисков, связанных с отсутствием точного ответа на вопросы, какая страна должна получать налоговый доход, полученный при генерации данных (the generation of data) посредством цифровых услуг: страна, где они были сгенерированы или страна, где доход был получен? И как охарактеризовать для целей налогообложения поставки данных в рамках транзакции со стороны физического или юридического лица: например, как свободную поставку материального блага, как товарообменную операцию или каким-то другим образом.

3. Идентификация. Развитие новых цифровых продуктов либо способов их доставки создает риски неверной идентификации платежей, сделанных в рамках новых бизнес-моделей, в частности в сфере облачных вычислений (cloud computing).

Идентификация налоговых рисков цифровой экономики и их факторов делает чрезвычайно актуальным вопрос о соответствии существующих правил международного налогообложения новым условиям ведения бизнеса.

Могут ли эти правила справедливо распределить права на взимание налога между страной происхождения и страной реализации материального блага или услуги? Необходимость снижения указанных выше рисков заставляет искать ответ на вопрос, где произведено материальное благо или услуга с определением на основе анализа осуществляемых производителем функций, используемых активов, места создания стоимости. Если такие риски и вызовы создают возможности для налоговой оптимизации (double non-taxation) — неуплаты налогов, как в стране происхождения, так и в стране реализации материального блага или услуги, то это создает возможность для размывания налоговой базы и вывода доходов/прибыли из-под налогообложения (Base Erosion and Profit Shifting, BEPS) [4; 5].

Эти риски могут сочетаться друг с другом, несмотря на то что они отличаются по своему характеру. Например, определение характеристик платежа может стать источником налогообложения в той юрисдикции, где плательщик является резидентом, и таким образом пересекаться с риском неправильного определения устойчивой связи с юрисдикцией для целей налогообложения. Подобным образом сбор данных от пользователей, находящихся на территории определенной юрисдикции, может вызвать вопрос о правильности определения устойчивой связи с юрисдикцией, а также вопрос о том, может ли доход, полученный от использования таких данных, охарактеризован как доход, полученный в данной юрисдикции для целей налогообложения.

Заключение. В заключение следует отметить, что, если государство не будет принимать соответствующих мероприятий, направленных на снижение уровня налоговых рисков цифровой экономики, развитие цифровых технологий и увеличение сфер их применения может суще-

ственно ограничить возможности государственного влияния на налоговую систему в долгосрочной перспективе. При этом для оценки мероприятий по минимизации рисков могут быть использованы следующие критерии: нейтральность, эффективность, простота, надежность, справедливость, гибкость, устойчивость и соразмерность.

Библиографический список

1. OECD: Comments to tax challenges of digitalization (BEPS Action 1). 2017. KMPG.
2. Implementing OECD/G20 BEPS Package in Developing Countries. 2018. IFBD, Bonn.
3. *Brauner Y., Pistone P.* 2018. Some Comments on the Attribution of Profits to the Digital Permanent Establishment // *Bulletin for International Taxation*. Vol. 72 (4a). Special Issue.
4. Addressing the Tax Challenges of the Digital Economy, Action 1 — 2015 Final Report. 2015. OECD, Paris.
5. Tax Challenges Arising from Digitalisation — Interim Report 2018: Inclusive Framework on BEPS. 2018. OECD, Paris.

Вишневский В. П.

Институт экономики промышленности НАН Украины,
Украина, 03057, Киев, ул. М. Капнист, 2
vvishn@gmail.com

Вишневская Е. Н.

Донецкий национальный технический университет,
83001, Донецк, ул. Артема, 58
vishn.elena@gmail.com

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В НАЛОГООБЛОЖЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация: В исследовании обосновано, что можно выделить два подхода к трансформации системы налогов в целом и налогов на труд в частности, обусловленных влиянием четвертой промышленной революции. Первый подход — совершенствование нынешней централизованной налоговой системы с использованием новых возможностей, которые открывают новые киберфизические технологии. Он связан с переходом от налогов на труд к налогам на стоимость, созданную с использованием роботизированных производственных процессов, цифровых платформ, облачных вычислений и др. Второй — формирование принципиально новой децентрализованной налоговой системы на принципах блокчейн, лучше соответствующей условиям новой киберфизической нормальности. Результатом может стать автоматизированная, беспристрастная, не требующая проверок распределенная налоговая система, находящаяся под контролем парламента, устанавливающего базовые принципы эффективности и справедливости в этой сфере.

Ключевые слова: налогообложение, налоговая система, налоги на труд, промышленная революция, киберфизическая система, блокчейн.

Vishnevsky V. P.

Institute of industrial Economics of NAS of Ukraine,
2, M. Kapnist str., Kiev, 03057, Ukraine

Vishnevskaya E. N.

Donetsk national technical University,
58, Artema str., Donetsk, 83001

NEW TRENDS IN TAXATION IN THE CONTEXT OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

Abstract: the study proves that there are two approaches to the transformation of the tax system in general and labour taxes in particular, due to the influence of the fourth industrial revolution. The first approach is to improve the current centralized tax system by using new opportunities offered by new cyber-physical technologies. It is associated with the transition from taxes on labour to taxes on the value created using robotic processes automation, digital platforms, cloud computing, etc. The second one is the formation of a fundamentally new decentralized tax system on the principles of blockchain, better suited to the conditions of the new cyber-physical normality. The result could be automated, impartial, not requiring a verification distributed tax system under the control of Parliament, which establishes the basic principles of efficiency and fairness in this area.

Keywords: taxation, tax system, labour taxes, industrial revolution, cyber-physical system, blockchain.

Четвертая промышленная революция кардинально меняет способы производства и потребления, а также системы экономических и социальных отношений. Один из главных ее трендов — опережающее развитие децентрализованных сетей киберфизических устройств, способ-

ных к самообучению и принятию самостоятельных решений в рамках безлюдного производства (смарт-индустрия, Индустрия 4.0).

В историческом контексте техника и производственные технологии определяют технологии финансовые (фискальные). Но пока еще ситуация такова, что технологии в сфере налогообложения существенно отстают.

Можно выделить два подхода к адаптации налоговых систем в контексте современных трансформаций способов производства и потребления.

Первый подход — это совершенствование налоговой системы с использованием новых возможностей, связанных с развитием киберфизических систем, внедрением продвинутой робототехники, технологий искусственного интеллекта и др., которые вытесняют и трансформируют человеческий труд.

Уже сейчас в наиболее развитых странах (Японии, Германии, Сингапуре, Корее) плотность установленных промышленных роботов превышает 300 ед./10 тыс. чел., занятых в обрабатывающей промышленности (в среднем в мире — 76 ед., в РФ — 3 ед.) [1].

По оценкам McKinsey Global Institute, примерно 60 % всех профессий в мире включают не менее 30 % видов профессиональной деятельности, которые могут быть автоматизированы. Общее число работников, которых вероятно заменят машины, к 2030 г. может составить в мире порядка 400 млн чел. [2, p. ii]. Машины вытесняют людей прежде всего в тех видах профессиональной деятельности, которые связаны с алгоритмизируемым физическим и умственным трудом. При этом одновременно растет спрос на работу в профессиях, связанных с творчеством, познанием окружающего мира, управлением людьми и заботой о людях, взаимодействием людей с машинами.

Современные роботы, вытесняющие людей, — это уже не просто технические устройства, управляемые человеком, а машины с искусственным интеллектом (ИИ), способные обучаться на опыте, приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям и выполнять человеческие задачи, в том числе принимать самостоятельные решения, ведущие к разным последствиям. Например, использование в США беспилотных «робомобилей», оборудованных системой автоматического управления, уже привело к несчастным случаям, которые стали предметом судебных разбирательств [3].

В этой связи, помимо морально-этических аспектов проблемы, неизбежно возникают вопросы ответственности (материальной, административной, уголовной и др.). И не только в результате несчастных случаев. Поскольку роботы вытесняют людей, то это создает также проблемы с занятостью населения и жизнеспособностью традиционных систем социального обеспечения.

Один из возможных путей решения этой проблемы состоит в налогообложении роботов с предоставлением «...конкретного правового статуса роботам, так что по крайней мере самые сложные автономные роботы могут быть установлены, как обладающие статусом электронных лиц с конкретными правами и обязанностями» [4, p. 12].

Обычное возражение на такого рода предложения состоит в том, что роботы, это, в конечном счете, не более чем технические инструменты, а только люди могут быть обладать правами и нести ответственность. Однако здесь не все так однозначно, принимая во внимание, что роботы могут обладать собственной логикой принятия решений, если разработаны таким образом, что ни один человек не может понимать или контролировать, что они делают. Когда «инструмент» (робот), действует по собственному усмотрению согласно логике, недоступной для человеческого понимания, то возникает непростой вопрос о том, кто несет ответственность за результат действий, особенно в том случае, если сам этот робот спроектирован ИИ. Кроме того, «...если полностью искусственные и созданные человеком сущности, такие, как Google или IBM, являются юридическими лицами, связанными социальной ответственностью, то, по-видимому, можно было бы распространить те же моральные и юридические аспекты на ИИ или на роботов, таких как DeepMind от компании Google или Watson от IBM. Важно отметить, что вопрос заключается не в том, являются или могут быть эти механизмы “физическими лицами”, обладающими “подлинным” моральным статусом; вопрос в том, имеет ли смысл и целесообразно ли с юридической и моральной точек зрения относиться к этим механизмам как к лич-

ностям, так же как мы сейчас относимся к корпорациям, организациям и другим человеческим артефактам» [5, p. 10].

Такие соображения позволяют по-новому взглянуть на проблему налогообложения роботов, наделения их (по аналогии с юридическими лицами) имуществом, а также в целом формирования новой системы налогообложения, связанной с переходом от налогов на труд к налогам на стоимость, созданную с использованием роботизированных производственных процессов, цифровых платформ, облачных вычислений и др., лучше отвечающим требованиям киберфизического этапа цифровой революции.

Второй подход — формирование принципиально новой децентрализованной налоговой системы на принципах технологий блокчейн и больших данных.

В сфере налогообложения труда это может быть сделано на основе внедрения трудовых смарт-контрактов, оформленных в виде программных кодов, которые позволяют однозначно идентифицировать все условия договора. Эти программные коды вносятся в реестр, автоматически дублируемый на всех компьютерах, участвующих в блокчейне. При этом с целью налогообложения выполняются следующие шаги:

- 1) работодатель вводит информацию о заработной плате в систему блокчейн, участие в которой, помимо налогоплательщиков, ограничено налоговой администрацией, банками и другими нужными сторонами;
- 2) налоговые данные сопоставляются с информацией об оплате труда в смарт-контрактах, на основании чего определяются суммы удержаний и начислений на заработную плату;
- 3) «чистая» зарплата автоматически переводится на счета сотрудников, а рассчитанные налоги — правительству.

Главное в этой технологии — принцип децентрализации государства и общественного сектора экономики. По сути, речь идет о формировании безлюдной и беспристрастной налоговой системы, находящейся под нормативным контролем парламента, призванного устанавливать базовые принципы эффективности и справедливости в этой сфере. На первых этапах она может выглядеть как непубличная национальная (действующая в рамках национального законодательства) система налогового блокчейн с добровольным участием хозяйствующих субъектов. При этом налоговый орган будет выступать в качестве одного из пиров (англ. *peer*), не имеющего прямого доступа к личности и бухгалтерии экономического субъекта, а только проверяющего платежи на предмет соответствия требованиям закона и автоматически получающего налоги от псевдонимных плательщиков.

В дальнейшем можно будет ставить вопрос о перестройке всей системы национального налогообложения на принципах децентрализации с использованием технологии распределенных реестров. Можно, например, представить себе налоговую систему с единым внутренним налогом — НДС, но без налога на прибыль предприятий, подоходных налогов с граждан, начислений на заработную плату и др., с распределением поступающих доходов в соответствии с потребностями людей и территорий, отсканированными с помощью технологий больших данных.

Такая налоговая система будет лучше соответствовать принципам оптимального налогообложения, поскольку будет обеспечивать минимум искажающих воздействий на поведение хозяйствующих субъектов со стороны центрального налогового администратора и его аппарата, а также норм налогового законодательства.

Но, очевидно, что функционировать такая система может только в комплексе с децентрализацией бюджетных расходов. Принцип их выделения будет таким, что каждый индивид, сканируемый с помощью технологии «больших данных», сможет претендовать на получение от государства именно тех сумм денег и на те цели, которые составляют его реальные потребности (по принципу китайской системы социального кредита). Кроме того, каждая территориальная община, как совокупность индивидов сможет претендовать именно на то, что ей нужно. Это во многом снимет проблемы фискального федерализма, благодаря сдвигу от принудительной единой модели «во благо всех», практикуемой в настоящее время, к более гибкой, основанной на технологии блокчейн и подстраиваемой под конкретные нужды граждан.

Разумеется, однако, что на практике внедрение налогового блокчейн связано с рядом сложных проблем, к числу которых можно отнести:

- 1) *технические* — проблемы скорости обработки данных (пока еще очень низкой в технологии блокчейн), рисков их фальсификации, обеспечения безопасности и анонимности;
- 2) *институциональные* — проблемы радикальной трансформации законодательства, неприятия правовых новшеств со стороны людей и организаций;
- 3) *бюджетно-экономические* — проблемы перехода к новой системе доходов с трудно предсказуемыми последствиями, в том числе для территориальных бюджетов;
- 4) *национально-экономические* — проблемы вступления и взаимодействия национальных и зарубежных предприятий в национальных налоговых системах блокчейн;
- 5) *глобально-экономические* — проблемы взаимодействия национальных систем блокчейн; риски зависимости национальных систем доходов и расходов (политически мотивированных) от неподконтрольных глобальных цифровых процедур, глобальных реестров и умных контрактов.

Все это свидетельствует о том, что перестроить налоговую систему на принципах блокчейн будет очень непросто. Но стратегически это, по-видимому, правильный путь. В конце концов, государственные (публичные) технологии предоставления общественных услуг — это тоже технологии, и они не смогут избежать общего тренда.

Библиографический список

1. International Federation of Robotics. 2018. Robot density rises globally. IFR Press Releases. Frankfurt, Feb 07.
2. McKinsey Global Institute. 2017. Jobs lost, jobs gained: workforce transitions in a time of automation. Executive Summary. McKinsey & Company, January.
3. Bogost I. 2018. Can You Sue a Robocar? The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/03/can-you-sue-a-robocar/556007> (дата обращения: 21.01.2019).
4. Delvaux M. 2016. Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). European Parliament, Committee on Legal Affairs, 31.5.2016.
5. Van der Woerdt S., Haselager P. 2017. When robots appear to have a mind: The human perception of machine agency and responsibility. New Ideas in Psychology, November.

Иванов Ю. Б.

Научно-исследовательский центр индустриальных
проблем развития Национальной академии наук Украины,
1-А, пер. Инженерный, Харьков, 61166, Украина
yuriy.ivanov.ua@gmail.com

РЕГУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЛОГОВ НА ТРУД В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: В докладе рассмотрены особенности налогового регулирования рынка труда и эволюции налогов на труд в условиях формирования цифровой экономики. Рассмотрены тенденции изменения характера труда и размывания налоговых баз в контексте цифровизации экономики. Проанализированы перспективные направления применения цифровых методов идентификации налоговых баз в связи с изменением характера труда. Рассмотрены возможности налоговой поддержки становления и развития цифровой экономики при помощи налогов на труд, а также иных налогов, связанных с развитием и использованием человеческого капитала.

Ключевые слова: инструментарий, налоги на труд, налоговое регулирование, регулятивный потенциал, цифровая экономика, цифровизация.

Ivanov Yu. B.

Research Center for Industrial Problems of Development
of National Academy of Sciences of Ukraine,
1-A, Inzhenernyi lane, Kharkiv, 61166, Ukraine

REGULATIVE POTENTIAL OF LABOUR TAXES IN DIGITAL ECONOMY

Abstract: the features of the tax adjusting of labour-market and evolution of taxes on labour in the conditions of forming of digital economy are considered in this research. The tendencies of change of character of labour and washing out of tax bases are considered in the context of economy digitalization. Perspective directions of application of digital methods of authentication of tax bases are analysed in connection with the change of character of labour. Possibilities of tax support of becoming and development of digital economy are considered through taxes on labour, and also another taxes related to development and use of human capital.

Keywords: tool, labour taxes, tax adjusting, regulative potential, digital economy, digitalization.

Становление и развитие цифровой экономики оказывает непосредственное влияние на процессы налогообложения, структуру налоговой системы, специфику конкретных налогов, методы налогового администрирования и контроля. При этом цифровизация вносит новые специфические черты в реализацию основных функций налогов — фискальной и регулирующей — и, что представляется вполне очевидным, изменяет инструментарий налоговой политики.

Важнейшим аспектом влияния цифровой экономики на налогообложение является изменение структуры налоговой системы, что приводит и к изменению фискальной значимости и регулятивного потенциала различных налогов и сборов. Развитие цифровых технологий и интернета оказывает безусловно позитивное влияние на экономический рост и социально-экономическое развитие, в том числе и на повышения качества жизни населения. Следствием таких процессов является и наращивание налоговых баз по основным группам налогов: на капитал, потребление и трудовых налогов.

Вместе с тем характер роста налоговых баз неодинаков по различным группам налогов, что обусловлено разным воздействием на них отдельных аспектов цифровизации экономики. Так, по мнению М. Пианты, «технологии являются двигателем неравенства, прибыль прирастает больше, чем заработная плата, а неравенство в оплате труда увеличивается» [1]. Отмеченная диспропорция в темпах роста налоговых баз по корпоративным и индивидуальным подоходным налогам не является единственной.

Другая диспропорция как следствие развития цифровой экономики возникает в налоговых базах по имущественным налогам. Так, интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий способствует структурным сдвигам в налоговых базах по имущественным налогам, в пользу опережающего роста удельного веса нематериальных активов при относительном сокращении доли недвижимого имущества. Налоговые последствия такого процесса определяются соотношением потенциальных темпов роста налоговых поступлений вследствие объективного увеличения совокупной стоимости имущества, как результата экономического роста, и тем, насколько темп прироста нематериальных активов опережает прирост общей стоимости имущества. Последнее связано с традиционно более мягким режимом налогообложения нематериальных активов и роялти как в международной практике (большинство договоров об устранении двойного налогообложения устанавливают пониженную ставку корпоративного налога на роялти и дивиденды), так и в национальных налоговых системах.

Другим фактором цифровизации, влияние которого на налоговые процессы весьма значительно, является интенсивный (особенно в последние десятилетия) рост электронной коммерции, и в особенности интернет-продаж товаров и услуг. Так, по данным E-commerce Foundation, прирост годового оборота электронной коммерции в мире в 2015 г. составил 19,9%, причем удельный вес интернет торговли товарами в этом объеме занимает 62%, а интернет-покупателями являются 26% жителей Земли старше 15 лет [2]. В 2018 г. доля онлайн-продаж в общем рынке ритейла увеличилась до 11,5%, что на 4,7% (абс.) превысило уровень 2015 г. [3]. Вместе с тем влияние этого процесса на общие налоговые поступления и структуру налогов в национальных налоговых системах также не может оцениваться однозначно. Нарращивание масштабов электронной коммерции при увеличении покупательной способности населения в общем случае способствует росту доли налогов на потребление в налоговых поступлениях, что при прочих равных условиях приводит и к увеличению имплицитной ставки этих налогов. Вместе с тем темпы реформирования налоговых систем не всегда успевают за стремительным ростом электронной торговли, что пока не позволяет обеспечить полное налогообложение этих операций. Вместе с тем последнее обстоятельство носит временный характер. Как показывает практика, в последнее время многие страны, в том числе и Российская Федерация и Украина, существенно ужесточили налогообложение почтовых операций в части снижения порога налогообложения для импортной пошлины, НДС и акцизного налога, что позволяет уменьшить возможности для ухода от налогов в сфере электронной торговли.

Влияние цифровизации на сферу трудовых отношений влечет за собой передачу искусственному интеллекту профессий, характеризующихся рутинным характером труда, что ведет к высвобождению трудовых ресурсов (причем по некоторым оценкам, весьма существенному) и соответствующему сокращению налоговых поступлений от индивидуальных подоходных налогов, в первую очередь в низкодоходном сегменте. По мнению некоторых исследователей, с развитием цифровизации возрастает угроза роста безработицы и неравенства [4]. Высвобождение рабочей силы вследствие роботизации рабочих мест приводит к усилению конкуренции на рынке труда, в особенности в сегментах, не требующих высокой квалификации, что усиливает тенденцию неравенства доходов, причем уменьшаются доходы в первую очередь у тех групп населения, на которые при плоской шкале налогообложения доходов физических лиц приходится наибольшая налоговая нагрузка. Поэтому при такой конструкции индивидуальных подоходных налогов усиление неравенства по доходам приводит к сокращению налоговых поступлений по трудовым налогам.

К позитивным последствиям цифровизации, без сомнения, следует отнести новые возможности администрирования и налогового контроля, связанные с внедрением электронного администрирования и использования цифровых технологий для оперативного накопительного контроля формирования налоговых баз и итогового налогового контроля плательщиков. Развитие электронного администрирования позволяет как сократить время, затрачиваемое налогоплательщиком на исполнение налоговой обязанности (по данным рейтинга Paying taxes 2019, среднемировое значение этого показателя составляло 237 час, в странах ОЭСР с высоким доходом — 159,4 час, а по странам Европы и Центральной Азии, куда входит и Россия и Украина — 214,8 час [5]), так и снизить коррупционные риски. Второе направление в перспективе

может изменить и существенные характеристики трудовых налогов, в частности заменить подачу декларации или расчета по индивидуальным подоходным налогам и социальным налогам (сборам, взносам) на автоматическое исчисление налоговых обязательств контролирующими органами.

Структурные изменения в налоговых системах определяют не только фискальную эффективность отдельных налогов и их групп, но и оказывают непосредственное влияние на потенциал налогового регулирования, заключенный в той или иной группе налогов. Кроме того, цифровизация приводит и к необходимости пересмотра как направлений налогового стимулирования и налоговой поддержки, так и инструментария налогового регулирования по отдельным налогам и сборам, и особенно в связи со смещением акцентов налогового стимулирования и их фокусированием на проблемах цифровизации.

Библиографический список

1. *Pianta M.* 2018. Technology and Employment: Twelve Stylised Facts for the Digital Age // *The Indian Journal of Labour Economics*. June. Vol. 61, iss. 2. P. 189–225. doi: 10.1007/s41027-018-0124-5.
2. *Global B2C E-commerce Report 2016: Facts, figures, Infographics & Trends of 2015 and the 2016 Forecast of the Global B2C E-commerce Market of Goods and Services.* URL: http://www.akit.ru/wp-content/uploads/2016/11/Global_B2C_Ecommerce_Report_2016_Light_version.compressed-1.pdf (дата обращения: 14.12.2018).
3. Тренды электронной коммерции 2017. URL: <https://www.ecwid.ru/blog/ecommerce-trends-infographic.html> (дата обращения: 16.12.2018).
4. *Curran D.* 2018. Risk, innovation, and democracy in the digital economy // *European Journal of Social Theory*. Vol. 21, iss. 2, 1 May. P. 207–226. DOI: 10.1177/1368431017710907.
5. *Paying taxes 2019.* URL: <https://www.pwc.com/gx/en/paying-taxes/pdf/pwc-paying-taxes-2019.pdf> (дата обращения: 12.01.2019).

Колесов А. С.

Петрозаводский государственный университет,
Российская Федерация, 1805610, Петрозаводск, ул. Ломоносова, 65
askolesov@psu.karelia.ru

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МЕСТНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация: В работе анализируется налоговая политика на региональном и местном уровнях. Выявляются актуальные, по мнению автора, проблемы ее развития. Рассматриваются возможные варианты их решения и, следовательно, предлагаются пути совершенствования фискальной политики.

Ключевые слова: налоговая политика, налоговая политика субъектов РФ, налоговая политика местного самоуправления.

Kolesov A. S.

Petrozavodsk State University,
65, Lomonosova str., Petrozavodsk, 185610, Russian Federation

TAX POLICY: REGIONAL AND LOCAL ASPECTS

Abstract: in article the tax policy at the regional and local levels are analyzed. The most relevant, according to the author, the problems of development are identified. Possible variants of their consistent solution are considered and, therefore, ways of improving fiscal policy are proposed.

Keywords: tax policy, tax policy of subjects of the Russian Federation, tax policy of local government.

Стабильность и развитие Российской Федерации (РФ) во многом зависит от проводимой финансовой политики (ФП). Под ФП мы понимаем деятельность, включающую в себя: определение ее целей, аккумулирование необходимых средств, построение алгоритма их достижения и реализацию сформированного плана. Финансовая политика государства включает в себя несколько направлений (бюджетное, банковское (кредитно-денежное), налоговое (фискальное), страховое, фондовое и таможенное). Вопросами изучения различных аспектов налоговой политики (НП) занимались и занимаются многие исследователи. Однако практически во всех работах рассматриваются различные вопросы ее разработки и реализации в основном только на федеральном уровне. Тогда как в Налоговом кодексе РФ [1] имеются 14 статья «Региональные налоги» и статья 15 «Местные налоги и сборы». Первые включают: налог на имущество организаций, налог на игорный бизнес и транспортный налог. К числу вторых относятся: земельный налог, налог на имущество физических лиц и торговый сбор. По этим двум составляющим общего перечня источников пополнения доходной части консолидированного бюджета РФ ведется определенная работа, которая предполагает ее анализ и поиски путей совершенствования.

Между тем собираемость этих налогов является серьезной проблемой. Так, по данным Федеральной налоговой службы (ФНС) [2], в 2017 г. в консолидированный бюджет РФ поступило 17 194,2 млрд руб. налогов и сборов, в том числе федеральных — 15 419,2 млрд руб. (или 89,7 % от общей суммы), региональных — 1012,4 млрд рублей (5,9 %) и местных — 246,4 млрд руб. (1,4 %). Общая недоимка по налогам в консолидированный бюджет РФ составила 812,6 млрд руб., в том числе по федеральным налогам — 481,3 млрд руб. (59,2 %), по региональным — 176,1 млрд руб. (21,7 %) и по местным — 10,8 млрд руб. (10,8 %). Общая сумма недоимки по отношению к величине всех поступлений доходов в консолидированный бюджет составила 4,7 %. По федеральным платежам это соотношение уже равно 3,1 %, по региональным — 17,4 %, по местным — 35,6 %. Из приведенных данных видно, что:

- во-первых, доля региональных и местных налогов в доходах консолидированного бюджета является весьма незначительной;
- во-вторых, собираемость региональных и местных налогов значительно ниже, чем федеральных;

- в-третьих, недоимка в сборе налогов в полном объеме для региональных и местных бюджетов имеет большее значение, чем аналогичная ситуация с федеральными налогами.

Несложно подсчитать, что при условии, если недоимка по региональным налогам была бы не 17,4 %, а 3,1 % как и по федеральным, то региональные бюджеты получили бы дополнительно 144,8 млрд руб. А по местным налогам и сборам повышение их собираемости до федерального уровня принесло бы доходов примерно 80,1 млрд руб. Видно, что резервы очень значительны, и особенно для субъектов РФ и органов местного самоуправления. К примеру, их бы хватило для строительства современных онкологических клиник в каждом административном центре республик, краев и областей страны. А местные органы власти смогли бы значительно модернизировать школы, часть из которых еще не отвечает современным требованиям.

Кратко проанализируем, каким образом предполагается решать эту и другие проблемы при дальнейшем совершенствовании налоговой политики. Свое отражение эти вопросы в той или иной степени находят в нескольких программных документах федеральных органов власти, в том числе в Государственной программе «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и местными финансами» [3].

Кроме того, многие нововведения, намечаемые в сфере ФП, излагается в различных материалах и решениях Министерства финансов РФ, к числу которых относятся опубликованные в июле 2018 г. на сайте министерства «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 гг.» [4].

Практически во всех документах весьма лаконично освещаются вопросы бюджетной политики на уровне субъектов РФ, а особенности других направлений финансовой политики на этом уровне и на уровне местного самоуправления практически не затрагиваются.

Более того, проблемы финансовой политики на муниципальном уровне вообще пока остаются за рамками рассмотрения. Но ведь именно в районах, в городах и в небольших поселениях должно происходить достижение главных национальных целей и решение стратегических задач государства [5], заключающихся в повышении качества жизни населения, увеличении рождаемости и продолжительности жизни, улучшении функционирования здравоохранения, образования, культуры и сферы социальной защиты граждан с низкими доходами. Формально сегодня ни федеральные, ни региональные органы власти не отвечают за итоги финансовой деятельности органов местного самоуправления. Однако формирование и доходной, и расходной частей муниципальных бюджетов практически полностью зависит в основном от решений, принимаемых на федеральном уровне (принятие ставок налогов, их расщепление между уровнями власти, установление и корректировка расходных полномочий и целый ряд других важнейших вопросов формирования финансовой политики). Почему же на федеральном уровне заранее не просчитывать последствия тех или иных своих решений и для местных органов власти? Поэтому считаем, что во всех программных документах, посвященных совершенствованию финансовой политики государства, в том числе налоговой, необходимо выделить место для анализа и решения ее проблем на уровне местного самоуправления. Передача этих вопросов только на уровень регионов, по нашему мнению, не дает и не может дать желаемых положительных результатов.

В качестве подтверждения своей мысли продолжим рассмотрение конкретного примера о низком уровне собираемости региональных и местных налогов. По нашему мнению, суть проблемы заключается в фундаментальном противоречии, которое содержится в Налоговом кодексе РФ: все налоги и сборы делятся на три группы (федеральные, региональные и местные), а система сбора налогов только федеральная — ФНС. Отсюда и получаемый уже скоро двадцать лет отрицательный результат. До тех пор, пока этот парадокс будет существовать, до тех пор финансовая система будет терять доходы по региональным и местным налогам. В этой связи мы считаем, что деление налогов на три уровня не имеет разумного объяснения и какого-либо серьезного обоснования. Действительно, почему тот или иной налог является только федеральным, а другой — региональным и т. д.? Поэтому требуется скорейшее решение данного

противоречия путем отмены действующего деления налогов на три уровня, но это возможно сделать только на федеральном уровне.

Краткий вывод как бы сам вытекает из наших рассуждений: все три уровня налоговой политики находятся в единстве: по объектам налогообложения, по механизму сбора налогов через систему органов ФНС и по направлению собранных налогов в консолидированный бюджет РФ. Поэтому вся НП должна быть общегосударственной, включая разработку и реализацию всех документов по ее дальнейшему совершенствованию одновременно на трех уровнях управления (федеральном, региональном и местном).

Библиографический список

1. Налоговый кодекс РФ — Федеральный закон № 146-ФЗ от 31.07.1998 г. (ред.03.08.2018 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671 (дата обращения: 12.01.2019).
2. Федеральная налоговая служба // Официальный сайт Федеральной налоговой службы.
3. Постановление Правительства РФ № 445 от 18.05.2016 г. «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и местными финансами» // Официальный портал Правительства Российской Федерации.
4. «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации.
5. Указ Президента РФ № 204 от 7.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на плановый период до 2024 года» // Официальный сайт Президента Российской Федерации.

Кольцова А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.a.koltsova@spbu.ru

НЕОБХОДИМОСТЬ НАЛОГОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНЫХ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация: В данном исследовании предпринята попытка доказать необходимость налогового стимулирования частных индивидуальных вложений в образование путем увеличения общей суммы НДФЛ, подлежащей возврату из бюджета по декларациям. Основная доказательная база строится на данных официальной статистики по рынку труда и данных ФНС.

Ключевые слова: частные инвестиции в образование, повышение квалификации, налоговое стимулирование, вычеты по НДФЛ.

Koltsova A. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE NEED OF TAX STIMULATION PRIVATE INDIVIDUAL INVESTMENT IN THE EDUCATION

Abstract: in this research has been undertaken attempt of proving need of tax stimulation private individual investment in the education by increasing the sum of personal income tax, which is refundable from the budget on declarations. The main evidence base is based on the data of official statistics on the labor market and data of the Federal tax service.

Keywords: private investment in education, training, tax incentives, personal income tax deductions.

Планируемое формирование цифровой экономики в современных российских реалиях требует значительных изменений в образовательном компоненте рабочей силы. Необходима не только подготовка специалистов для развивающихся информационных секторов (возникновение новых межпредметных сфер профессиональной деятельности), но и постоянное стимулирование метапредметных компетенций в основных образовательных программах всех уровней, в части построения продолжительной траектории человека на самообразование. Все это требует масштабных государственных и частных (индивидуальных и организационных) инвестиций в образование. В рамках данного исследования акцентируем внимание на необходимости налогового стимулирования индивидуальных частных вложений, которые, в силу действия ряда факторов, являются малопривлекательными для населения. В качестве информационной базы используем данные официальной статистики по рынку труда и доходам населения.

Обучение на протяжении всей трудовой активности — ключевое требование, предъявляемое к работнику в условиях цифровой, динамично меняющейся социально-экономической системы, основной параметр его конкурентоспособности на рынке труда. Такое обучение может быть реализовано в следующих формах: освоение программ повышения квалификации и переподготовки, прохождение стажировок, тренинговых программ, самообразование с привлечением различных информационных источников (ЭБС, порталов открытого образования). Обучение в формате дополнительного профессионального образования важно проводить по инициативе самого работника и с привлечением его денежных средств. Согласно положениям теории человеческого капитала, работодатели при принятии решения об обучении сотрудников прежде всего ориентированы на специальную подготовку, предоставляющую отдачу только по данному месту работы и мало повышающую общую стоимость человеческого капитала работников. Финансирование общей подготовки, приносящей отдачу по другим вариантам занятости человека, не представляет интереса организации, так как характеризуется высокой

степенью риска. Работник получает возможность увеличения общего уровня заработной платы и смены места деятельности.

Профессиональное самосовершенствование требует значительных вложений: времени, усилий, денежных средств. При прохождении любых дополнительных образовательных программ помимо явных затрат возникают неявные издержки: потеря свободного времени и, как следствие, снижение трудовой активности; возможные потери в заработке по основному месту работы, связанные с переориентацией усилий на обучение. С позиции отдельного человека такие затраты будут оправданны и будут позиционироваться как инвестиции в случае получения в будущем полноценной отдачи в виде возрастающего потока доходов.

Согласно статистическим данным Росстата, по средней начисленной заработной плате работников по уровню образования [1, табл. 21] сегодня сложилась крайне дестимулирующая система начисления заработной платы с позиции расширения частных индивидуальных вложений в повышение образовательного уровня. Средняя начисленная заработная плата лиц с высшим образованием составила в октябре 2017 г. 51 316 руб., что только в 1,7 раза больше заработной платы работников, не имеющих основного общего образования (30 917 руб.). У работников со средним профессиональным образованием заработная плата меньше, чем у не имеющих основного общего — 30 777 руб. Если нет высокого разрыва по группам, сложно предположить и серьезные различия в заработках внутри групп (с учетом отдачи от повышения квалификации). Выявленная проблема диспропорции заработков частично компенсируется для занятых в бюджетном секторе при установлении параметров эффективного контракта и применяемой моделью начисления заработной платы, с учетом уровня квалификации и обязательным повышением образования (ст. 144 ТК РФ). Доля занятых в бюджетном секторе составляет, по официальным данным и оценкам ряда экспертов, — 39 %. Для всех остальных работников, даже по таким приближенным оценкам, не видно прямого экономического стимула к осуществлению вложений в образование. При этом стоит отметить сложный, не до конца проработанный механизм оценки отдачи от частных инвестиций в образование [2, с. 126–128].

Статистические данные о дифференциации средней начисленной заработной платы работников по видам экономической деятельности, за октябрь 2017 г., демонстрируют значительное превышение среднего уровня (38 609 руб.) у работников по 3 видам деятельности: рекламная и исследования конъюнктуры рынка (149 858 руб.), воздушный и космический транспорт (86 318 руб.) и производство табачных изделий (85 120 руб.) [1, табл. 01–03]. Работники предприятий указанных видов экономической деятельности способны осуществлять самостоятельное финансирование дополнительных профессиональных программ обучения, но, очевидно, что это не может являться драйвером развития человеческих ресурсов в условиях цифровой экономики. Сопоставим данные о величине среднемесячной заработной платы с данными по численности работников, прошедших обучение за рассматриваемый период: те отрасли, по которым отмечено превышение среднемесячной заработной платы над средней, как правило, демонстрируют и высокий уровень освоения различных образовательных программ. Программы повышения квалификации были востребованы в 2016 г. (41 % от всех вариантов обучения), при этом наблюдается значительная отраслевая дифференциация: высокие показатели представлены на предприятиях, деятельность которых связана с добычей и переработкой полезных ископаемых, в транспортной промышленности (в том числе авиационно-космической), в энергетике [3, с. 198]. Минимальные данные — по строительству, финансовой деятельности, гостиницам и ресторанам.

Сопоставим размер средней начисленной заработной платы работников со средней стоимостью программ повышения квалификации (программы профессиональной переподготовки более продолжительны и затратны). Общий уровень цен по программам повышения квалификации в частном секторе представим по данным компании ЦНПИ Прогресс (компания действует более 20 лет, является крупнейшим представителем на рынке постдипломного образования). По направлению, наиболее ориентированному на обучение в цифровой экономике, «Курсы по информационным технологиям» стоимостные параметры следующие: от 33 500 рублей до 39 000 руб. за 3–4 учебных дня (все данные есть на сайте организации). Как правило, программы повышения квалификации, реализуемые вузами, меньше по стоимости. Так, по

данным СПбГУ, сопоставимая по направлению и продолжительности подготовки программа «Профессиональная работа с электронными таблицами» потребует вложений в 18 000 руб. (контактная работа 28 часов). Следовательно, работник, получающий средний по экономике размер заработной платы и повышающий свою квалификацию раз в год, должен потратить на это, примерно половину или весь месячный заработок. Что при низкой вероятности отдачи в повышении заработной платы является очень затратным и не перспективным.

Динамика статистических данных о безработных по уровню образования позволяет предположить наличие внешнего фактора, стимулирующего повышение образовательного уровня. Так в период с 2005 по 2016 г. основная часть безработных граждан представлена лицами со средним общим и средним профессиональным образованием (по 2016 г. 29,8 и 40,4 % соответственно). Безработных с высшим образованием в 2016 г. — 20,5 %. Важно отметить, что с 2005 по 2016 г. доля безработных с высшим образованием увеличилась на 7,4 % [3, с. 79]. Сложившаяся структура безработных по возрастным группам свидетельствует о значительном превышении доли безработных в возрасте 30–39 лет (24 % от общей численности безработных) и 20–24 лет (19,1 %), что является проявлением структурной безработицы [3, с. 77]. Выпускники вузов имеют проблемы с трудоустройством чаще по причинам низкой востребованности полученной профессии на рынке труда и отсутствия опыта работы, практических навыков. Высокий процент безработных в средней возрастной группе может быть принят как сигнал о «выработке» отдачи от имеющегося образования и необходимости расширения подготовки и повышения квалификации.

В целом формируется следующая ситуация:

1. При построении цифровой экономики необходимо постоянное обновление и наращивание образовательного уровня работников. Важно, чтобы трудовые ресурсы были заинтересованы в полном или частичном финансировании своего обучения. Именно тогда будут достигнуты необходимые уровни подготовки и профессиональной мобильности.
2. Действующая сегодня система начисления заработной платы не стимулирует частные индивидуальные вложения в образование. Частично эта проблема компенсируется запросом рынка труда на высокий квалификационный уровень работников. При отсутствии внутреннего стимула включается внешний.

Очевидно, необходимо дополнительное внешнее влияние, значительное участие государства в регулировании сложившейся ситуации.

Отдельные специалисты отстаивают переход на прогрессивную шкалу налогообложения по НДФЛ, с выделением величины дохода необлагаемого налогом, при этом ожидают увеличение реальных доходов малоимущих слоев населения и среднего класса [4, с. 134]. Представляется маловероятным, что это высвобождение денежных средств, во-первых, будет значительным (при высокой доле малообеспеченных и растущем коэффициенте Джини), во-вторых, будет явно ориентировано в реализацию программ дополнительного профессионального образования.

Другие эксперты определяют значение налоговой поддержки частных инвестиций в человеческий капитал посредством действующего выведения из-под налогообложения отдельных видов доходов и расширения социальных вычетов, уменьшающих налогооблагаемую базу [5, с. 148]. Они приходят к выводам о низкой результативности данных льгот. Действительно, при существующих параметрах подоходного налогообложения серьезного воздействия на расширение вложений в образования нет.

Сегодня налоговое стимулирование частных индивидуальных вложений в образование осуществляется посредством предоставления социального вычета по НДФЛ. Согласно положениям статьи 219, ч. 2 НК РФ, налогоплательщик имеет право на возврат суммы НДФЛ при осуществлении следующих социально значимых расходов: пожертвования религиозным, некоммерческим или благотворительным организациям, плата за собственное обучение (также за обучение на очной основе детей и сестер/братьев в возрасте до 24 лет), расходы на свое лечение (лечение супруга, родителей, детей до 18 лет), добровольное пенсионное страхование и страхование жизни, а также затрат на проведение независимой оценки квалификации. Общая сум-

марная величина, подлежащая возврату из бюджета не может превышать 120 000 рублей по всем указанным направлениям. Следовательно, максимальная величина социального вычета составляет 15 600 руб. в год ($120\,000 \times 0,13$). При сложившемся на рынке дополнительного профессионального образования уровне цен данная компенсация не покрывает средних расходов даже по программам повышения квалификации. Возможным вариантом усиления стимулирующего воздействия может стать следующее:

1. Выделение расходов на собственное образование и проведение независимой оценки квалификации в отдельную подгруппу социальных налоговых вычетов.
2. Утверждение общей суммы НДФЛ, подлежащей возврату из бюджета, при подтверждении расходов в данной подгруппе — 230 000 руб. (максимальный вычет составит 29 900).

Мы получим стимулирующее целевое налоговое воздействие, без которого создать условия для формирования высококвалифицированных трудовых ресурсов цифровой экономики достаточно сложно. Безусловно, важно провести детальную оценку величин выпадающих доходов бюджета при реализации данного решения, и это определяет направление дальнейших исследований по данной теме.

Библиографический список

1. Сведения о заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам работников за октябрь 2017 г. Статистический бюллетень. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs (дата обращения: 12.12. 2018).
2. Дружинина С. В., Кольцова А. А., Яковлева Т. В. 2017. Особенности инвестиционной деятельности в образовании // Стратегии и инструменты управления экономикой: отраслевой и региональный аспект. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 10–12 мая 2017 г. / под общ. ред. проф. В. Л. Василенка. Т. 1. СПб.: Изд-во университета ИТМО. 229 с.
3. Труд и занятость в России. 2017: стат. сб. / Росстат. М. 261 с.
4. Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И. 2015. НДФЛ: две стороны одной медали // Экономические науки. № 7. С. 128–135.
5. Пьянова М. В., Лавник Р. В. 2016. Международный научный журнал «Символ науки». № 11. С. 145–150.

Погорлецкий А. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.pogorletskiy@spbu.ru

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация: В данном исследовании раскрываются особенности международного сотрудничества в сфере налогового администрирования и налогового контроля в условиях цифровизации системы мирохозяйственных связей, характеризуется институциональная и нормативно-правовая база соответствующего налогового регулирования, отмечаются уже достигнутые результаты и вновь намеченные к реализации меры воздействия на налоговое поведение субъектов внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: налогообложение, налоговая политика, налоговое администрирование, налоговое регулирование, налоговый контроль, цифровизация, План BEPS.

Pogorletskiy A. I.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL TAX CONTROL IN DIGITAL EPOCH

Abstract: This study reveals the specifics of international cooperation in tax administration and tax control in the conditions of digitalization of the system of world economic relations, characterizes the institutional and regulatory framework of the relevant tax regulation, already shows the results achieved and revisits the measures to influence tax behavior of foreign economic entities.

Keywords: taxation, tax policy, tax administration, tax regulation, tax control, digitalization, Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting (BEPS).

В современном мире, для которого характерны растущая взаимозависимость стран и взаимообусловленность национальных стратегий и политик развития, согласованность действий национальных налоговых органов в части контроля активности налогоплательщиков, занимающихся внешнеэкономическими операциями, приобретает важное значение. Международное сотрудничество в области налогового контроля деятельности глобальных хозяйствующих субъектов (транснациональных компаний и физических лиц) способствует решению проблемы уклонений от уплаты налогов, а также помогает добросовестным налогоплательщикам рассчитывать на облегчение бремени двойного юридического налогообложения путем применения по отношению к ним методов его устранения, требующих сверки декларируемых и фактически полученных зарубежных доходов.

Вплоть до конца XX в. как правовые, так и технические механизмы налогового контроля на межгосударственном уровне оставляли желать лучшего, а сотрудничество стран в налоговой области развивалось преимущественно на двусторонней основе. Имеющаяся нормативно-правовая основа (ею стали двусторонние соглашения об избежании двойного налогообложения, основанные на Модельной налоговой конвенции ОЭСР и Типовом налоговом соглашении ООН, а также двусторонние соглашения по административно-правовому сотрудничеству стран) и «аналоговые» технологии учета, контроля и обмена данными в налоговой сфере не позволяли налоговым органам быть столь же оперативными и гибкими, как «исчезающие налогоплательщики». Соответственно, налоговый контроль и учет доходов от внешнеэкономической деятельности на межгосударственном уровне в доцифровую эпоху был выборочный и носил своеобразный демонстрационный эффект, распространяясь на находившихся на виду компании — лидеров бизнеса и на медийных состоятельных физических лиц.

Современная информационная эпоха и присущие ей цифровые технологии поначалу открыли новые возможности налогоплательщикам, в том числе и для избежания налогов и уклонения от их уплаты, особенно в виртуальной сфере финансов и электронной коммерции. Для противодействия соответствующим информационным технологиям налоговой оптимизации ТНК и физических лиц — субъектов международного бизнеса под эгидой ОЭСР были разработаны правила классификации доходов от электронной коммерции и меры воздействия на некооперативные низконалоговые юрисдикции, побуждающие их к информационному обмену с ведущими странами мира. Кроме того, возникшую в сфере налогового контроля цифровую брешь, особенно в условиях развития финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг., достаточно оперативно ликвидировали заинтересованные страны, бюджеты которых пострадали от заметно снизившихся налоговых поступлений. Поскольку спекулятивная финансовая активность низконалоговых юрисдикций была названа в качестве одной из причин кризиса, после жестких заявлений в отношении возможных мер противодействия губительной налоговой практике низконалоговых юрисдикций с 2009 г. в мире не осталось ни одной страны, не практикующей международный обмен информацией в налоговых целях.

В период, последовавший за кризисом 2008–2009 гг., благодаря деятельности двух крупных межправительственных институтов налогового регулирования, таких как ОЭСР и Группа 20 (G20), были развиты правовые основы сотрудничества в международных налоговых вопросах, а также разработаны новые технические инструменты межстранового обмена налоговой информацией. И если до 2010-х годов международное налоговое сотрудничество, включая обмен информацией по налоговым вопросам, развивалось в основном на базе двухстороннего «аналогового» взаимодействия стран (как правило, с использованием соглашений об избежании двойного налогообложения), то к настоящему времени межгосударственное налоговое регулирование приобрело многосторонний характер. При этом налоговый контроль включает применение современных цифровых технологий, таких как анализ больших баз данных и алгоритмы выявления недобросовестных налогоплательщиков.

В рамках развития многостороннего сотрудничества в деле налогового контроля в 2010 г. была подписана Конвенция ОЭСР о взаимной административной помощи в налоговых вопросах, направленная на предотвращение международного уклонения от уплаты налогов и налогового мошенничества. Это устранило пробелы в правовой базе международного налогового регулирования, которые ранее позволяли недобросовестным налогоплательщикам скрываться от преследования национальных налоговых и судебных органов на территории так называемых государств — налоговых убежищ. Примечательно, что участниками данной Конвенции являются не только государства — члены ОЭСР, но и все заинтересованные страны, участвующие в деятельности различных налоговых органов ОЭСР, таких как Комитет ОЭСР по налоговым вопросам, Форум по налоговому администрированию и Глобальный форум по прозрачности и обмену информацией для целей налогообложения, в качестве стран-наблюдателей, в том числе Россия. Многосторонность налогового сотрудничества создает предпосылки к прозрачности налоговых отношений в современном цифровом мире, что очень важно для положительной репутации как налогоплательщиков, так и национальных налоговых администраций.

В 2013 г. под эгидой G20 при активном участии ОЭСР был запущен еще один очень важный для международного налогового сотрудничества процесс — План BEPS, направленный на противодействие размыванию налоговой базы и переводу прибыли в низконалоговые юрисдикции. Данный план нацелен на предотвращение агрессивного налогового планирования ТНК и состоятельных физических лиц, использующих низконалоговые юрисдикции для сокрытия своих доходов от налогообложения в странах налогового резидентства. Согласно оценкам ОЭСР, озвученным в конце 2018 г., национальные бюджеты теряют 100–240 млрд долл. поступлений в год из-за того, что ТНК переносят, используя механизмы налогового планирования, свою прибыль в низконалоговые юрисдикции. Это составляет 4–10 % глобальных поступлений налога на прибыль, часть потерь которого предполагается компенсировать благодаря Плану BEPS [1]. Современное агрессивное налоговое планирование, в свою очередь, также было основано на применении цифровых технологий быстрого перевода активов между странами, использования налогового арбитража и гибридных финансовых инструментов.

Основными способами, нейтрализующими применение схем уклонения от уплаты налогов цифровой эпохи являются: единые меры, направленные на борьбу со злоупотреблениями в трансфертном ценообразовании (в том числе на услуги и нематериальные активы); противодействие использованию контролируемых иностранных корпораций и гибридных бизнес-структур, зарегистрированных в низконалоговых юрисдикциях и управляемых дистанционно; ограничение так называемой недостаточной капитализации, проявляющейся в искусственном создании долговых обязательств перед дочерними и ассоциированными структурами; недопустимость использования налоговых соглашений для международных транзитных операций с распределяемой прибылью; предотвращение так называемой губительной налоговой конкуренции; ограничение возможностей трансграничной электронной коммерции для обхода налогов.

Инициатива BEPS поддержана более ста странами мира, как развитыми, так и развивающимися. Она осуществляется на базе многостороннего взаимодействия в налоговой сфере на межгосударственном уровне. План BEPS уже принес вовлеченным в его реализацию странам материальную выгоду: к июню 2018 г. в государственные бюджеты было возвращено свыше 100 млрд долл. в виде налогов, пеней и штрафов, которые заплатили ТНК, резко снизившие масштабы агрессивного налогового планирования [1].

В 2014 г. ОЭСР опубликовала Общий стандарт отчетности (CRS) для автоматического обмена информацией о финансовых счетах. С тех пор свыше ста юрисдикций обязались внедрить такой стандарт и начать обмен информацией в целях налогообложения зарубежных доходов своих резидентов. CRS обязывает национальные налоговые администрации по всему миру автоматически обмениваться информацией о налогоплательщиках — субъектах внешнеэкономической деятельности, получая необходимую информацию от кредитных и иных финансовых учреждений. Механизм подобного обмена основан на анализе больших баз данных передаваемой налогоплательщиками и финансовыми институтами информации и работе цифровых платформ — виртуальных каналов связи. Сотрудничество в рамках CRS осуществляется на основе соглашений об избежании двойного налогообложения, а также Конвенции ОЭСР о взаимной административной помощи в налоговых вопросах.

Данные многосторонние инструменты налогового регулирования (MLI) призваны предотвращать как уклонение от уплаты налогов, так и чрезмерную оптимизацию налогообложения субъектами внешнеэкономической деятельности. Например, в сфере внешнеторговых сделок будет крайне сложно использовать исключительно для целей налогообложения трансфертное ценообразование, а репатриация инвестиционных доходов в виде дивидендов или процентов потребует четкого соблюдения концепции бенефициарного собственника, что сделает невозможным использование пониженных ставок налоговых соглашений в заведомо неправомерной ситуации. В свою очередь, для международных кредитных операций должны быть установлены лимиты недостаточной капитализации (существенное превышение заемного капитала над собственными активами для целей налогообложения) с целью предотвращения соответствующих налоговых злоупотреблений. Цифровые технологии подобного контроля позволяют вести мониторинг трансграничных торговых и инвестиционных операций в режиме реального времени.

Международная система налогового контроля на базе уже внедренных регуляторных механизмов ставит все трансграничные торговые и инвестиционные операции на контроль их соответствия международным стандартам налоговой прозрачности. Любая страна — участник этой системы может использовать не только механизмы национального налогового администрирования и контроля, но и получает доступ к налоговому контролю за деятельность своих резидентов за рубежом. В итоге глобальная система налогового регулирования, контуры которой уже очевидны, контролирует и существенно ограничивает незаконные операции в сфере международной торговли и трансграничных инвестиций, повышает налоговую прозрачность торговых и инвестиционных операций и оказывает положительное влияние на экономическое развитие за счет минимизации теневого сектора внешнеэкономической деятельности, связанного с противозаконными офшорными операциями. В том числе благодаря внедренным методам цифрового налогового контроля, содействующим декриминализации внешнеторговой и трансграничной инвестиционной активности, зарубежные эксперты прогнозируют сжатие

теневому сектору мировой экономики с 23 % совокупного глобального ВВП сейчас до 21 % к 2025 г. [2]. Международное сотрудничество в сфере налогового контроля — отличный пример развития кооперации всех стран мира в цифровую эпоху на фоне обостряющихся геополитических конфликтов, санкций и торговых войн.

Следует также упомянуть новую инициативу ОЭСР, опубликованную 29 января 2019 г., — проект общемировой реформы налогообложения компаний с учетом вызовов цифровизации [3]. Предполагается, что «страны и юрисдикции, участвующие в международной инициативе о противодействии размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (BEPS), будут энергичнее работать над достижением решения, как наилучшим образом облагать налогами транснациональные предприятия в условиях быстрой цифровизации экономики» [4]. Несомненно, это потребует усиления международного сотрудничества стран в области контроля деятельности ТНК на основе применения цифровых технологий налогового администрирования.

Библиографический список

1. Холявко А. 2018. План ОЭСР принес странам 93 млрд евро // Ведомости (3 декабря). URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/12/03/788257-plan-oesr> (дата обращения: 14.01.2019).
2. ACCA. 2017. Emerging from the shadows. The shadow economy to 2025 // ACCA (June 2017). URL: https://www.accaglobal.com/content/dam/ACCA_Global/Technical/Future/pi-shadow-economy.pdf (дата обращения: 14.01.2019).
3. OECD. 2019. International community makes important progress on the tax challenges of digitalisation // OECD (29 January). URL: <http://www.oecd.org/newsroom/international-community-makes-important-progress-on-the-tax-challenges-of-digitalisation.htm> (дата обращения: 02.02.2019).
4. Финмаркет. 2019. ОЭСР настаивает на мировой реформе налогообложения компаний в условиях быстрой дигитализации экономики // Финмаркет (30 января). URL: <http://www.finmarket.ru/database/news/4931998> (дата обращения: 03.02.2019).

Соколовская Е. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.sokolovskaya@spbu.ru

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КОМПАНИЙ ЦИФРОВОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Аннотация: В данном исследовании рассмотрены современные направления налогового регулирования деятельности компаний цифрового сектора экономики. Проанализированы тенденции налогообложения доходов корпораций («цифровой налог ЕС») и налогообложения продаж в рамках электронной торговли. Определено, что корректировка существующих норм и правил налогообложения в развитых странах мира направлена прежде всего на обеспечение равных условий в части налогообложения продаж, добавленной стоимости и дохода для компаний традиционного и цифрового секторов экономики.

Ключевые слова: налогообложение, налоговое регулирование, цифровая экономика, налог на доход корпораций, НДС, развитые страны.

Sokolovska O. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

TAX TREATMENT OF DIGITAL COMPANIES

Abstract: The paper analyzes current developments in tax treatment of digital companies. The trends both in corporate taxation ("EU digital tax") and sales taxes in e-commerce are examined. We determine that tax adjustment in developed countries is directed primarily to reach the equal level of playing field for taxation of sales, value added and income for both brick-and-mortar and digital companies.

Keywords: Taxation, tax adjustment, digital economy, corporate income tax, VAT, developed countries.

Введение. На сегодняшний день развитие цифровой экономики становится одним из важнейших драйверов инноваций и экономического роста. Цифровая экономика включает в себя те сегменты рынка, где добавленная стоимость создается с помощью цифровых (информационных) технологий. Цифровизация меняет природу обмена, стирая границы между товарами и услугами, трансформируя товары в их цифровой облик. Это, в свою очередь, приводит к необходимости адаптации существующих и формирования новых моделей ведения бизнеса.

Помимо этого, цифровизация экономики выступает как акселератор и стимул трансграничной торговли. Рост объемов международной онлайн-торговли приводит к сокращению цен и возникновению новых возможностей, в частности более оперативного реагирования на спрос. Негативным последствием такого роста является фрагментация торговли, которая проявляется во встраивании в глобальные цепочки стоимости компаний, которые не всегда выполняют свои налоговые обязательства, законным или незаконным способом минимизируя их суммы.

Промышленный разрыв (industrial disruption) между цифровой и традиционной экономикой, связанный с ростом влияния новых компаний (disrupters) в глобальном масштабе, а также новыми возможностями для оппортунистического поведения со стороны ТНК, обуславливает необходимость корректировки налогового регулирования деятельности экономических агентов.

На сегодняшний день основной целью такой корректировки признается обеспечение равных правил игры (playing field) для компаний традиционного и цифрового секторов экономики.

Налогообложение компаний цифрового сектора в экономике. Как и традиционная экономика, цифровая экономика подвергается воздействию различных налогов на различных этапах цепочки создания стоимости. Наиболее часто при налоговом регулировании деятельности

цифровых компаний правительства применяют налог на доход корпораций и налоги на добавленную стоимость. Также именно на корректировке существующих норм и правил взимания и администрирования данных налогов сосредоточено основное внимание и в глобальном масштабе [1].

Регулирование налогообложения доходов корпораций цифрового сектора. На сегодняшний день ТНК, осуществляющие свою деятельность в цифровом секторе, используют схемы налоговой оптимизации, направленные на сокращение своих налоговых обязательств, прежде всего путем размещения своих филиалов в странах с низким уровнем налогообложения. Стратегия, которая использует различие налоговых режимов в различных юрисдикциях, известна как размывание налоговой базы и вывод доходов/прибыли из-под налогообложения (base erosion and profit shifting, BEPS). Согласно оценкам ОЭСР, в глобальном масштабе от 4 до 10 % поступлений от взимания налога на доход корпораций теряется за счет использования схем BEPS со стороны ТНК, включая большинство провайдеров онлайн-услуг [2].

Все вышесказанное приводит к существенному разрыву в эффективных ставках налога на доход корпораций для компаний традиционного и цифрового сектора экономики. Так, согласно оценкам экспертов ЕС, в 2016 г. эффективная средняя ставка налога на доход корпораций для компаний, осуществляющих свою деятельность в странах ЕС, составляет 20,9 и 23,2 % для национальных и международных компаний традиционного сектора экономики соответственно, тогда как для национальных компаний цифрового сектора этот показатель составляет 8,5 %. Для международных цифровых B2C и B2B компаний средняя ставка налога составляет 10,1 и 8,9 % соответственно. В это же время показатель рыночной капитализации таких компаний растет быстро. В 2008–2016 гг. доход топ-5 компаний электронной розничной торговли увеличивался в среднем на 32 % в год, тогда как доход сектора розничной торговли в целом по ЕС рос в среднем на 1 % в год за этот же период. Подобные тенденции привели к необходимости разработки мер, направленных на противодействие размыванию базы налога на доход корпораций стран — членов ЕС, в рамках стратегии BEPS.

Цифровой налог ЕС (EU Digital Tax). В марте 2018 г. Европейская Комиссия представила два проекта, связанные с кратко- и среднесрочными мерами, направленными на становление эффективной налоговой системы в ЕС для единого цифрового рынка (digital single market).

Первый проект касается реформирования в целом налогообложения дохода компаний, работающих в цифровом секторе экономики. Он основан на идее значимого присутствия в информационном цифровом пространстве («significant digital presence»). Компания считается таковой, если она удовлетворяет как минимум одному из следующих условий:

- размер общих доходов от продажи цифровых услуг пользователям, находящимся на территории ЕС, превышает €7 млн;
- количество пользователей, находящихся на территории ЕС, превышает 100 тыс.;
- количество контрактов на поставку цифровых услуг, заключенных в налоговом периоде с пользователями, находящимися на территории ЕС, превышает 3000 [3].

Второй проект касается введения промежуточного налога (interim tax) по ставке 3 % на определенные виды дохода, получаемые от цифровой деятельности, и рассматривается только как временная мера.

Проект предусматривает налогообложение следующих видов дохода: доход от продажи рекламных площадок онлайн, доход от посреднических услуг онлайн, доход от операций, связанных со сбором и передачей данных о пользователях. При этом компания, доход которой подлежит налогообложению, должна удовлетворять двум условиям (за соответствующий финансовый год):

- размер дохода, полученного в странах мира, превышает €750 млн, и
- размер налогооблагаемого дохода, полученного в странах ЕС, превышает €50 млн. Согласно оценкам, введение такого налога обеспечит поступление €5 млрд. доходов в год [4].

Косвенные налоги в контексте электронной торговли (e-commerce). Рост объемов международной электронной торговли привел к обсуждению целесообразности взимания налогов с онлайн-продаж.

Основные аргументы, связанные с необходимостью налогообложения электронной торговли, заключаются в следующем:

- рост объемов продаж онлайн является важным источником обеспечения доходов правительства;
- освобождение от уплаты налогов в секторе онлайн-торговли приводит к неравным конкурентным условиям для нецифровых компаний, особенно, небольших, у которых нет возможности для развития и обслуживания собственных технологических платформ;
- соблюдение принципа справедливости в налогообложении для менее обеспеченных слоев населения: электронная торговля превалирует (как минимум на начальных этапах), среди более обеспеченного населения, которое и без того способно уплатить налоги с продаж.

Аргументы против налогообложения электронной торговли включают:

- сложность обеспечения соблюдения налогового законодательства, контроля и мониторинга при условии различий в ставках, наличия налоговых льгот, нахождения поставщика и потребителя в различных юрисдикциях;
- нарушение приватности потребителя товаров и услуг: сложность определения места нахождения конечного потребления обуславливает необходимость запросов налоговых органов к компаниям-эмитентам кредитных карт о предоставлении информации о потребителях и их покупательной активности.

В рамках бизнес-модели B2B экспортируемые услуги освобождаются от уплаты НДС в стране происхождения и налоговые обязательства возникают в юрисдикции, где услуга используется потребителем. В современных условиях существует два подхода для налогообложения НДС таких операций. Первый подход, который определяет налогообложение в соответствии с размещением потребителя, рекомендуется ОЭСР как основное правило для обложения НДС поставок услуг в рамках модели B2B. Ключевым преимуществом такого подхода является то, что он не требует возмещения НДС при проведении трансграничных сделок для экономических агентов, которые приобрели услуги за рубежом. Подобное возмещение зачастую приводит к росту административных издержек и издержек соблюдения налогового законодательства как для налоговых органов, так и для бизнеса. Однако на практике многие страны используют второй подход, при котором услуги облагаются с учетом места размещения поставщика, с целью прежде всего минимизации рисков мошенничества с незаконным возмещением НДС при экспорте услуг.

Указанные два подхода в целом соответствуют требованиям принципа места назначения для моделей B2B, однако ситуация усложняется, когда речь идет о поставках в рамках моделей B2C. Зачастую применение принципа места назначения и надежда на эффективность самообложения потребителем в юрисдикции, где он является резидентом, на практике приводит к отсутствию налогообложения таких поставок НДС в принципе. Поэтому большинство стран выбирают налогообложение услуг, получаемых частными потребителями, в юрисдикции, резидентом которой является поставщик [5].

По состоянию на 2018 г. свыше 50 юрисдикций, в том числе большинство стран ОЭСР и страны G20, на законодательном уровне приняли правила, связанные с режимом налогообложения НДС для B2C сделок, связанных с поставкой услуг и нематериальных товаров иностранными поставщиками в соответствии с правилами ОЭСР. Результаты применения таких мер достаточно многообещающие. Например, в ЮАР, налоговый доход, полученный в результате применения рекомендуемых принципов, вырос за 2016–2017 гг. в 1,3 раза. В странах ЕС доход от НДС, полученный вследствие применения упрощенного режима уплаты НДС для субъектов малого и среднего бизнеса (simplified compliance regime) за первый год действия (2015 г.), пре-

высил €3 млрд. Этот режим охватывает около 70 % всех трансграничных В2С поставок услуг и нематериальных активов. Также это позволило существенно сократить время, затрачиваемое экономическими агентами на уплату налога — по различным оценкам экономия составила до 95 % [2].

В целом, современные тенденции налогового регулирования электронной торговли в странах мира включают распространение косвенного налогообложения, применяемого к компаниям традиционного сектора экономики, на цифровой сектор.

Заключение. На сегодняшний день в странах мира существует два противоположных направления налогового регулирования цифровой экономики: первое — это максимизация налоговых доходов на основе растущих цифровых потоков, второе — сокращение налогов, прежде всего с целью расширения объемов предоставления цифровых услуг. В рамках первой тенденции правительства стран признают, что увеличение объемов цифровых сделок становится критическим в обеспечении роста правительственных доходов и внедряют различные механизмы для повышения уровня собираемости налогов. С другой стороны, страны принимают во внимание, что сокращение налогов на цифровой сектор в экономике запускает другие механизмы, имеющие положительное влияние, которое компенсирует либо превышает утраченный налоговый доход.

В современных условиях мероприятия, связанные с налоговым регулированием деятельности цифровой экономики способны только упростить взаимодействие между компаниями и правительством; оптимальный режим налогообложения операций в цифровом секторе и дохода от них отсутствует. Тем не менее между странами существует широкий консенсус о важности поддержания целостности и согласованности правил международного налогообложения при корректировке национального законодательства, для того чтобы обеспечить равные условия при налогообложении продаж, добавленной стоимости и дохода для компаний традиционного и цифрового секторов экономики.

Библиографический список

1. *Prado-Wagner C.* 2018. Taxation in the digital ecosystem. Regulatory & Market Environment, Telecommunication Development Bureau (BDT).
2. Tax Challenges Arising from Digitalisation — Interim Report 2018: Inclusive Framework on BEPS // OECD.
3. Proposals for a Council Directive laying down rules relating to the corporate taxation of a significant digital presence. 2018 // COM (2018) 147 final. European Commission. Brussels.
4. Proposal for a Council Directive on the common system of a digital services tax on revenues resulting from the provision of certain digital services. 2018 // COM (2018) 148 final. European Commission Brussels.
5. *Соколовская Е. В.* 2017. Косвенное налогообложение трансграничных сделок в электронной торговле // Экономика и управление. Т. 8(142). С. 37–47.

Коцอฟана Т. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
t.kotsofana@spbu.ru

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ФУНКЦИЙ ЦЕНЫ И МНОГОФАКТОРНАЯ ПРИРОДА ИНФЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: В данном исследовании проанализированы природа инфляции и ее воздействия на экономическое развитие с точки зрения функций, выполняемых ценами в современной экономике; высказано предположение о том, что если цены выполняют в экономике множество функций, то на их изменение должно влиять множество факторов; показана важная роль перераспределительной функции цены и ее действие в экономике России как сегодня, так и в советское время; привлечено внимание к необходимости учета в анализе инфляции неэкономических и околоэкономических факторов (воздействия внутренних и внешних политических условий, криминальные факторы и т. п.) Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ (проект 19-010-00751\19).

Ключевые слова: цена, инфляция, перераспределение, заработная плата, диспаритет цен.

Kotcofana T. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

VARIETY OF PRICE FUNCTIONS AND MULTIFACTORAL NATURE OF INFLATION IN MODERN ECONOMY

Abstract: The research provides the nature of inflation and its impact on economic development from the point of view of the functions performed by prices in the modern economy. The assumption is made that if the prices perform many functions in the economy, their change should be influenced by many factors. The important role of the redistributive function of price and its action in the Russian economy, both today and in Soviet times, is demonstrated. Attention is drawn to the need to take into account in the analysis of inflation non-economic and near-economic factors (the impact of internal and external political conditions, criminal factors, etc.) The report was prepared with the financial support of RFBR (project 19–010-00751\19).

Keywords: price, inflation, redistribution, wages, price disparity.

Анализ проблематики экономического роста неразрывно связан с вопросами инфляционного изменения цен (см., например, [1]), при этом по поводу характера этой взаимосвязи среди экономистов до сегодняшнего дня нет согласия, как и по поводу природы и причин инфляции в современной экономике. Нам представляется небезынтересным проанализировать природу инфляции и ее воздействие на экономическое развитие с той точки зрения, что основным вектором приложения инфляционного воздействия становятся цены, точнее их динамика. Несмотря на то что категория инфляции ни в коем случае не тождественна «росту общего уровня цен», основным ее проявлением выступает именно удорожание жизни. Если исходить из этого, интересно проанализировать, как инфляционные процессы и их причины связаны с теми функциями, которые в современной экономике выполняют цены, ибо логично предположить, что если цены выполняют в экономике множество функций, то на их изменение должно влиять множество факторов.

В соответствии с теорией ценообразования, цена выполняет следующие основные функции: измерительную, учетную, информационную, стимулирующую, регулирующую (балансирующую) и распределительную.

Первые две функции цены проявляются прежде всего на двух стадиях воспроизводственного процесса: на стадиях обмена и распределения ресурсов, когда цена, с одной стороны, служит показателем ценности данных ресурсов, и более производительные ресурсы (товары с большей потребительной ценностью, если речь идет о потребительском рынке) приобретают те покупатели, которые способны найти им наиболее эффективное применение, с другой — цена

выступает как денежное выражение общественно признанных затрат труда и его полезности. Являясь носителем важнейшей экономической информации, цена выступает как важный инструмент анализа, прогнозирования, планирования всех показателей в денежном выражении и занимает ключевое место в системе хозяйственного механизма управления как предприятия, региона, так и национальной экономики в целом.

Рыночное ценообразование создает возможности для альтернативного выбора при принятии хозяйственных решений, что способствует повышению эффективности производства. Стимулирующее воздействие цены заключается в том, что ее уровень служит стимулом к применению наиболее экономичных методов производства и наиболее полному использованию ресурсов, а также к производству тех видов продукции, которые пользуются повышенным спросом на рынке и на которые соответственно можно устанавливать повышенные цены по сравнению с затратами на их производство.

В своей регулирующей функции цена выступает как инструмент регулирования экономических процессов: уравнивает спрос и предложение, увязывая их с денежно-платежной способностью производителя и потребителя. Механизм ее действия заключается в том, что изменение цены с одной стороны стимулирует изменение потребления, с другой — изменение производства товара или услуги.

На рынках с разной степенью монополизации как на стороне предложения, так и на стороне спроса, производители и потребители могут оказывать непосредственное влияние на формирование и движение цены. Так, производитель-монополист в случае затоваривания может не снижать цену (как это было бы в случае совершенной конкуренции), а пойти на изменение предложения товара (снизить его), сохранив прежнюю цену. В случае дефицита товара он может не увеличивать предложение, а повышать цену. В итоге цена теряет свое балансирующее значение как результат действия стихийных сил спроса и предложения. Ее уровень в значительной степени определяется элементами регулирования со стороны монополий, либо государства.

Суть распределительной, или перераспределительной функции связана с распределением и перераспределением доходов посредством цен. С помощью цен осуществляется перераспределение вновь созданной стоимости между отраслями, секторами национальной экономики, районами страны, социальными группами и тем самым происходит регулирование доходов отраслей, предприятий, населения. Перераспределение доходов через цены осуществляется через уровень цен, их структуру, соотношения цен на различные виды продукции добывающих и обрабатывающих отраслей, продукции сельского хозяйства и промышленности. Это может достигаться через включение/невключение в цену налогов (НДС, акцизов и т. п.), путем ценовой дискриминации (установление различных уровней цен на одну и ту же продукцию для разных групп потребителей).

Перераспределительная функция цены сходна со стимулирующей, так как обе предполагают дифференциацию чистого дохода в цене. Различие заключается в том, что если стимулирующая функция цены поощряет дополнительные усилия предприятия на повышение качества, увеличение объемов производства, снижение издержек и т. п., призвана учесть в цене товара интересы как производителя, так и потребителя, то перераспределительная функция связана либо с государственным воздействием на уровень и структуру цен, либо с действиями монополий или олигополий, когда те с помощью цен регулируют свои доходы и перспективу. В результате существования монополистических структур происходит присвоение ими чужих прибылей. Если государство регулирует с помощью цен накопления отдельных отраслей экономики, оно влияет на темпы их развития, подчиняя интересы предприятия национальным интересам. При этом перераспределение накоплений из одних отраслей в другие через систему цен не всегда экономически обосновано и социально приемлемо при государственном регулировании, так как может создавать преимущества одним экономическим субъектам по сравнению с другими.

В российской экономической истории можно найти множество примеров перераспределения общественного дохода с помощью цен. Особенно сильно было влияние цен на экономику союзных республик до распада СССР. Россия финансировала другие республики примерно до 50 млрд долл. в год в виде льготных цен. Россия продавала нефть на мировых рынках по 140 долл. за тонну, а союзным республикам по 2–3 долл. за тонну. Это была колоссальная суб-

сидия. Для Казахстана она составляла примерно 11 млрд. долл. в год, Украины — примерно 6, Беларуси — 3, Грузии — примерно 3,5 млрд долл. Приведенный пример показывает, что в перераспределительной функции цены в большой мере находят отражение политическая составляющая. Ножницы цен на товары промышленности и сельского хозяйства в начале 20-х годов XX в. также были вызваны не столько экономическими факторами, сколько политическими решениями. И инфляция в советской экономике первой половины XX в. в известном смысле приветствовалась, ибо позволяла перераспределять доходы в пользу финансирования индустриализации. Перераспределение национального дохода в социалистической экономике на основе использования механизма цен производилось, во-первых, путем более высоких темпов повышения оптовых цен на промышленную продукцию, поставляемую колхозам, по сравнению с темпами повышения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, продаваемую колхозами государству; во-вторых, путем снижения темпов роста или стабилизации реальной заработной платы и других денежных доходов населения при росте розничных цен.

После начала рыночных реформ тенденция перераспределения финансовых ресурсов из сельского хозяйства и от населения (на сей раз в финансовый и торговый сектор) продолжила свое существование. За 1992–1998 гг. в результате диспаритета цен на сельскохозяйственную продукцию из агропромышленного комплекса было выкачано более 300 трлн руб. (в масштабе цен 1997 г.) [2]. Падение реальных доходов населения (означающее не что иное, как перераспределение национального дохода от населения другим экономическим субъектам) вообще не нуждается в специальных комментариях. За первое десятилетие реформ реальная заработная плата населения упала более чем в три раза (потребительские цены в январе 2000 г. были более чем в 7000 раз выше, чем в декабре 1991 г., а заработная плата за этот же период выросла менее чем в 2000 раз) и вернулась на уровень 1991 г. только в 2007 г. Начиная с 2014 г., реальная заработная плата вновь начала снижаться, причем ее отрицательная динамика существенно превышала темпы падения реального ВВП. То есть инфляция продолжает служить инструментом перераспределения общественного дохода, выполняя не только экономические, но и политические функции.

Множественность функций цен не может не влечь за собой множественности факторов, влияющих на абсолютные и относительные их уровни. Если цена выполняет не только экономические функции, логично предположить, что на ее уровень влияют не только экономические факторы. Что касается политических факторов инфляции, они мало кем оспариваются, хотя их влияние крайне сложно оценить количественно, поэтому при анализе инфляции указание на их действие чаще всего имеет общий характер. Но их существование признается практически всеми исследователями. Существует даже точка зрения, в соответствии с которой одна из основных причин появления инфляции — положительная разница между расходами общества и его экономики на «обслуживание» государственного аппарата (как на содержание структуры власти, так и на финансовую поддержку неоправданных политических решений) и отдачей от функционирования власти [3].

Влияние внешнеэкономических (тесно связанных с внешнеполитическими) факторов инфляции обусловлено внешней открытостью национальных экономик и зависимостью их от мирового хозяйства. В последние два-три десятилетия, в связи с возрастающим влиянием глобализации, значение их учета в экономической политике государства с точки зрения роли и поддержания принципиально меняется, возрастает.

Один из примеров новейшей российской истории воздействия внешнеэкономического фактора на внутренние цены — давление в 1990-е годы западных партнеров на российское правительство по поводу необходимости повышения внутренних цен на энергоносители. Суть претензий к России была проста: энергоносители продавались внутри страны по ценам намного ниже мировых, что якобы создавало преимущества российским производителям промышленной продукции. Упреки в недобросовестной конкуренции не учитывали некоторых факторов, в частности высокую энергоемкость наших производств, низкий уровень жизни населения (почему-то низкая зарплата не рассматривалась и не рассматривается западными партнерами как способ недобросовестной конкуренции), огромные масштабы территории, объективно повышающие долю транспортных затрат в цене конечного продукта. Более близкий по времени

пример — политический кризис 2014 г., повлекший за собой обострение отношений России со многими западными странами и спровоцировавший негативные изменения в российской экономике, в том числе и в плане динамики цен.

В российской экономике действует еще одна группа причин инфляции, истинный вес которых в этом смысле крайне затруднительно измерить, но о которых нельзя не сказать. Это высокая степень криминализации экономики России и связанные с этим явления, о которых, наверное, нет нужды долго рассказывать. «Прокрутка денег» в банковской сфере, коррупция, прямое воровство, отток денег за границу — пороки российской действительности последних десятилетий, которые столь известны и очевидны, что, видимо, не нуждаются ни в каких специальных комментариях. Огромный вклад в развитие инфляции вносит монопольное взвинчивание цен посредническими, порой мафиозными, структурами.

У нас пока нет представления о том, как можно количественно оценить истинную величину влияния политических, криминальных и других внеэкономических факторов на характер протекания российской инфляции. Но они, безусловно, существуют, и этого нельзя не учитывать при анализе инфляционных процессов в российской экономике.

Библиографический список

1. Куприянов А. 2018. Экономика нулевого роста. Как ее измерить? // Общество и экономика. Т. 1. С. 22–46.
2. Чуплыгина Г. В. 2009. Пути решения проблемы диспаритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию // Вестник Чувашского университета. Т. 1. С. 551–555.
3. Гусейнов А. О. 1998. Экзогенные факторы российской инфляции во второй половине XX в. СПб.

Протасов А. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.protasov@spbu.ru

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФЛЯЦИИ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация: В данном исследовании на основе дескриптивного анализа продемонстрированы межвременные циклические замещения механизмов инфляции спроса и инфляции издержек в российской экономике в период с начала 1990-х годов до 2018 г. Проведено сопоставление выявленных периодов преобладания инфляции спроса и инфляции издержек с режимами денежно-кредитной политики, реализованной Банком России в период с 2000 по 2018 г. Дана оценка эффективности денежно-кредитного регулирования инфляции Банка России.

Ключевые слова: инфляция, денежно-кредитная политика, инфляционное таргетирование, валютный курс, процентные ставки, денежная база.

Protasov A. J.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE MONETARY REGULATION OF INFLATION IN RUSSIA: OPTIONS AND LIMITATIONS

Abstract: in this study, on the basis of a descriptive analysis, intertemporal cyclical substitutions of the mechanisms of demand inflation and cost inflation in the Russian economy in the period from the early 1990s to 2018 are demonstrated. The comparison of the identified periods of prevalence of demand inflation and cost inflation with the monetary policy regimes implemented by the Bank of Russia in the period from 2000 to 2018 is carried out. The efficiency of monetary regulation of inflation of the Bank of Russia is estimated.

Keywords: inflation, monetary policy, inflation targeting, exchange rate, interest rate, monetary base.

Введение. Инфляция в России, несмотря на ее существенное замедление в 2016–2017 гг., остается важной темой для дискуссий среди российских ученых-экономистов и политиков. В условиях беспрецедентного роста цен в последнее десятилетие XX в. главный вопрос в споре об инфляции в России был вопрос о ее природе (денежной или неденежной). В начале XXI в. по мере последовательного снижения темпов роста цен с 18,6 % в 2001 г. до 2,5 % в 2017 г. акценты в обсуждении проблем инфляции сместились в сторону вопроса о выборе приоритетных целей макроэкономической политики — либо неуклонное снижение инфляции и поддержание ее на самых низких уровнях, либо переориентации экономической политики с обуздания инфляции на монетарное стимулирование экономического роста с применением различных вариантов мягкой денежно-кредитной политики в сочетании с проведением активной промышленной и неоиндустриальной политики.

Учитывая важность для развития российской экономики выбора направления экономической политики в условиях беспрецедентного для страны замедления индекса потребительских цен, целью настоящего исследования является анализ динамики инфляции в сопоставлении с проводимой Банком России денежно-кредитной политикой, на основе которого можно будет оценить эффективность управления инфляционными процессами в современной российской экономике.

Анализ динамики инфляции в российской экономике. С начала 1990-х годов в динамике инфляции выделяется четыре цикла ее ускорения. Первый цикл ускорения инфляции совпал с трансформационным кризисом, в который попала экономика России в следствие крушения СССР и проведения радикальных рыночных реформ. В это период инфляция протекала

в форме stagflation. Второй цикл ускорения инфляции наблюдался в 1998 г. и совпал с валютно-финансовым кризисом в российской экономике и кризисом государственных финансов, выразившемся в дефолте. Третий цикл инфляционного роста цен российская экономика пережила в период мирового финансового кризиса в 2007–2008 гг. Четвертый цикл наблюдался в 2014–2015 гг. и был связан с комплексом факторов — резким ослаблением курса российского рубля по отношению к иностранным валютам, стремительным снижением мировых цен на нефть, введением экономических санкций.

Исследование нелинейной динамики инфляции показало, что она обусловлена в том числе циклическими процессами межвременного замещения ее монетарных и немонетарных факторов, которые, в свою очередь, связаны с циклическим чередованием механизмов инфляции спроса и инфляции издержек. При *инфляции спроса* общей причиной повышения цен является увеличение совокупного спроса, основными компонентами которого являются личные потребительские расходы, частные внутренние инвестиции предприятий и организаций, расходы государства на закупку товаров и услуг и расходы на чистый экспорт. Все эти компоненты расходов прямо зависят от располагаемых доходов домохозяйств, склонности частных компаний к инвестированию, состояния государственного бюджета и обменного курса. В конечном счете такие расходы (хотя и не все из них) выступают на стороне монетарных факторов инфляции, так как связаны с относительно избыточной денежной массой в обращении. В основе механизма *инфляции издержек* лежит рост издержек производства и падение совокупного предложения. Как правило, рост издержек связан с производственно-технологическими и институциональными особенностями функционирования предприятий и организаций реального сектора экономики, которые воздействуют на инфляцию *не* через рост денежной массы в обращении, а через непосредственный рост цен на производимую ими продукцию или услуги, поэтому можно с определенной долей условности отнести эти факторы в разряд немонетарных.

Для выявления механизмов инфляции спроса и инфляции издержек был положен подход, предложенный Малкиной М. Ю. [1], суть которого сводится к процедуре сравнения динамики индексов цен производителей и индексов потребительских цен. В случае если индекс потребительских цен превышает индекс цен производителей, то это может свидетельствовать о росте денежного спроса на товары и услуги в результате повышения доходов населения, инфляционных ожиданий или мягких бюджетных ограничений. Если, наоборот, индекс цен производителей будет превышать индекс потребительских цен, то это может свидетельствовать о росте издержек производства, который ведет к развитию инфляционного процесса в соответствии с логикой работы механизма издержек в котором преобладают немонетарные факторы инфляции.

В процессе исследования были произведены расчеты соотношения индекса потребительских цен и индекса цен производителей, на основании которых в динамике российской инфляции с 1992 до 2018 г. удалось выявить периоды инфляции спроса и инфляции издержек. Инфляция спроса наблюдалась в 1991–1992 гг., 1997–1998 гг., 2001 г., 2008 г., 2012–2015 гг. Инфляция издержек была зафиксирована в 1993–1996 гг., 1999–2000 гг., 2002–2007 гг., 2009–2011 гг., 2016–2018 гг. Таким образом, в течение 27 лет (с 1991 по 2017 г.) на инфляцию спроса пришлось 10 лет, а на инфляцию издержек соответственно 17 лет. Эти наблюдения подтверждают тезис о том, что в российской экономике преобладает инфляция издержек. При этом обнаруживается интересная закономерность — все указанные выше четыре цикла ускорения инфляции совпали с периодами преобладания в инфляционном процессе механизма инфляции спроса.

Такое совпадение не случайно и может быть объяснено тем, что инфляция спроса играет роль объективного механизма, ускоряющего инфляционный процесс. В частности, ускорения инфляции связаны с разрешением нарастающих противоречий экономического развития и накоплением инфляционного потенциала, которые она, инфляция спроса, проявляющаяся в открытом росте потребительских цен, снимает, обеспечивая новые равновесные ситуации. В тоже время инфляция издержек, вызванная главным образом немонетарными факторами, создает предпосылки для накопления инфляционного потенциала, который снимается в очередном циклическом замещении ее механизма механизмом инфляции спроса.

Дискуссии о денежно-кредитной политике в России. В экспертном сообществе ведется активная дискуссия об адекватности применяемых банком России методов и инструментов де-

нежно-кредитной политики (ДКП) по регулированию инфляции. В частности, в развернувшейся полемике по поводу перехода в конце 2014 г. Центрального банка России к инфляционному таргетированию, количественным параметром которого объявлен уровень годовой инфляции в 4 %, высказываются мнения, что более эффективной альтернативой такой политики является мягкое (или гибридное) таргетирование, при котором предусматриваются не только достижение цели по обеспечению устойчивости рубля посредством поддержания ценовой стабильности, но и создание необходимых условий для стабилизации экономики в краткосрочном периоде и обеспечения соответствующей поддержки для ее роста в среднесрочной перспективе. Выделяется три главных критических замечания к проводимой Банком России политики на протяжении всех 2000-х годов. Во-первых, это чрезмерно жесткая монетарная политика, направленная на борьбу с инфляцией и угнетающе действующая на темпы экономического роста за счет необоснованно высокой ключевой ставки процента. Во-вторых, обвинения Банка России в игнорировании цели стабильного функционирования и развития финансовой системы страны, что прямо противоречит его мандату. В-третьих, нетранспарентность при принятии решений по проведению монетарной политики [2]. Сторонники жесткой ДКП, наоборот, выступают в защиту действий Банка России, аргументируя это тем, что, стремясь к достижению ценовой стабильности, он не только поддерживает устойчивость рубля, как требует того мандат регулятора, но и вносит свой вклад в восстановление и ускорение экономического роста [3].

Оценки результативности денежно-кредитного регулирования инфляции в России. Для выявления влияния ДКП на инфляцию в России были проанализированы основные и операционные цели и задачи, которые ставил перед собой Банк России и применяемые им инструменты денежно-кредитного регулирования, которые затем были сопоставлены с выявленными в ходе исследования периодами межвременного замещения инфляции спроса инфляцией издержек и наоборот.

На основе анализа отчетов Банка России «Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики» за период с 2000 по 2017 г. выделяется три временных периода, в рамках которых Банк России изменял формулировку целевых приоритетов ДКП. В 2000–2001 гг. конечной целью ДКП было поддержание финансовой стабильности и формирование предпосылок для обеспечения устойчивого неинфляционного роста экономики, в 2002–2013 гг. — снижение инфляции и в 2014–2018 гг. — обеспечение ценовой стабильности за счет достижения целевых ориентиров по инфляции (инфляционное таргетирование). В качестве промежуточных целей и объектов денежно-кредитного регулирования Банка России за анализируемый период выступали денежная база, обменный курс рубля и процентная ставка (ставка МБК), а инструментами денежно-кредитного регулирования — операции на открытом рынке, валютные интервенции, установление нормативов обязательных резервов коммерческих банков, установление ставок процента по кредитным и депозитным операциям Банка России и регулирование уровня ликвидности банков.

Для оценки результативности денежно-кредитного регулирования инфляции в России в исследование были включены результаты анализа А. Пестовой [4], которая выделила четыре модели ДКП, реализованные Банком России: модель ДКП на основе управления денежной базой и краткосрочными колебаниями рубля (2000–2003 гг.); модель ДКП на основе управления трендом и краткосрочными колебаниями курса рубля (2004–2008 гг.); модель ДКП на основе управления краткосрочными колебаниями курса рубля и процентными ставками (2009–2014 гг.); модель ДКП на основе управления процентными ставками (с 2015 г.).

Сопоставление периодов, которым соответствовали конечные цели, декларируемые Банком России и режимы ДКП с периодами инфляции спроса и инфляции издержек, а также сравнение заявленных целей по инфляции с фактическими данными по инфляции показало недостаточную результативность проводимой Банком России ДКП. Так, в течение с 2000 по 2017 г. банку России удалось достичь заявленной цели по инфляции только лишь в пяти случаях — в 2003, 2010, 2011, 2016 и 2017 гг. Это можно объяснить, во-первых, несоответствием применяемого инструментария и неадекватного выбора объекта денежно-кредитного регулирования и, во-вторых, достаточно жесткой денежно-кредитной политикой, направленной на подавление монетарных факторов инфляции, в то время как в течении последних 17 лет она носила пре-

имущественно немонетарный характер. К сожалению, в опубликованном на сайте Банка России докладе «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и на период 2020 и 2021 годов» выбранная модель денежно-кредитной политики остается на ближайшие три года неизменной, а ориентация Банка России на высокие процентные ставки ставит под угрозу не только стимулирование экономического роста, но и декларируемые Правительством страны шаги в сторону структурных реформ.

Заключение. Переход Банка России на модель ДКП с упором на инфляционное таргетирование, привел к возникновению в российской экономике различных шоков монетарной политики. Во-первых, ужесточение ДКП в 2009–2016 гг. на основе установления высоких процентных ставок оказывает крайне негативное воздействие на внутреннее производство и не обнаруживает статистически значимого сдерживающего воздействия на инфляцию. Во-вторых, высокие процентные ставки стимулируют не снижение, а повышение уровня цен производителей, что во многом напоминает посткейнсианскую идею Х. Мински о финансовой хрупкости, которая была использована нами ранее в объяснении инфляционных циклов во второй половине XX в. [5]. В-третьих, дезинфляция 2016–2017 гг. была не результатом жесткой монетарной политики, а следствием циклического замещения инфляции спроса инфляцией издержек. Учитывая особенности инфляции в России, следует ожидать в обозримой перспективе 2–3 лет ее ускорения, несмотря на жесткую монетарную политику, проводимую Банком России. Преодолеть этот порочный круг возможно при переключении ДКП в режим гибридного инфляционного таргетирования.

Библиографический список

1. Малкина М. Ю. 2006. Инфляция и управление инфляционными процессами в российской и зарубежной экономике. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета.
2. Апокин А., Белоусов Д., Голощапова И., Ипатова И., Солнцев О. 2014. О фундаментальных недостатках современной денежно-кредитной политики // Вопросы экономики. № 12.
3. Бадасен П., Исаков А., Хазанов А. 2015. Современная денежно-кредитная политика: обоснованная критика или типичные заблуждения экспертного сообщества // Вопросы экономики. № 6.
4. Пестова А. 2017. Режимы денежно-кредитной политики Банка России: рекомендации для количественных исследований // Вопросы экономики. № 4.
5. Протасов А. Ю. 2013. Циклические закономерности инфляционных процессов: мировой опыт и отечественная практика. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.

Раздел 8

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО, ИННОВАЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ТРУДА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Артемова Д. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
d.artemova@spbu.ru

ИННОВАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация: В статье обосновывается необходимость совершенствования инновационной инфраструктуры современных университетов в связи с изменением их роли в обществе. Уже в ближайшем будущем университеты будут призваны стать одним из базовых элементов тройной спирали, наряду с органами государственной власти и коммерческими компаниями. Данное изменение стало причиной появления понятия предпринимательского университета, т. е. университета, активно коммерциализирующего имеющиеся у него результаты интеллектуальной деятельности, или, другими словами, осуществляющего академическое предпринимательство. Последнее может принимать различные формы, например: создание малых инновационных предприятий, совместные НИОКР, реализация лицензий на университетские технологии. В статье предложен механизм совершенствования инновационной инфраструктуры на базе проведения бенчмаркинга и разработки идеальной модели.

Ключевые слова: предпринимательский университет; академическое предпринимательство; инновационная инфраструктура университета.

Artemova D. I.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

MODERN UNIVERSITY'S INNOVATION INFRASTRUCTURE

Abstract: The article substantiates the need to improve the innovation infrastructure of modern universities in connection with the change in universities' role in society. In the near future, universities will have to become one of the basic elements of the triple helix, along with government agencies and business. This change was the reason for the emergence of the concept of entrepreneurial university, i.e. a university that actively commercializes its intellectual property or, in other words, carries out academic entrepreneurship. The latter can take various forms, for example, the creation of small innovative enterprises, joint R&D, university technologies licensing. The article proposes a mechanism for improving the innovation infrastructure based on benchmarking and the development of an ideal model.

Keywords: entrepreneurial university; academic entrepreneurship; university's innovation infrastructure.

В связи с происходящими глобальными изменениями в экономическом и технологическом укладе идет активное переосмысление и роли высших учебных заведений в формировании общества и экономики, основанных на знаниях и технологических инновациях. Считается, что процесс трансформации деятельности университетов получил новый импульс для развития в конце 1970-х годов в США в связи с нарастающей конкуренцией со стороны японских технологий. В последние годы данная тенденция усиливается и происходящей цифровизацией экономики.

Одной из наиболее актуальных концепций, определяющих роль университета в обществе будущего, является концепция «тройной спирали» (Triple Helix) Г.Ицковица и Л.Лейдесдорфа. В рамках этой модели ключевым условием для развития инноваций в обществе, основанном на знаниях, является взаимоотношения в системе «университет (наука) — бизнес — государ-

ство» [1]. При этом каждый компонент вносит свой вклад в общее развитие: промышленность производит продукцию, государство обеспечивает стабильность экономической среды, а университеты и научные организации являются источником новых знаний и технологий. Взаимодействие этих трех институтов оказывает прямое влияние на экономическое развитие региона. Именно они создают инфраструктуру и определяют направление развития общества, основанного на знаниях [2].

Формой участия университетов в тройной спирали выступает так называемое академическое предпринимательство. Анализируя определения данного термина в различных источниках, можно сделать вывод, что исследователи трактуют его достаточно широко. Это и 1) предпринимательская активность сотрудников университета, и 2) реализация студентами и выпускниками своих бизнес-идей, и 3) коммерциализация объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих вузу. Другими словами, это особый тип предпринимательства, источником возникновения которого являются исследовательская и обучающая деятельность университетов.

Если говорить о русскоязычной научной литературе, то близким по значению распространенным термином является «инновационная деятельность». Основное отличие состоит в том, что инновационная деятельность может осуществляться различными субъектами: предприятиями, организациями, регионами и странами в целом. В то время как академическое предпринимательство всегда относится именно к деятельности, которую реализуют учреждения высшего образования.

В связи с исследованиями форм и видов академического предпринимательства была разработана концепция предпринимательского университета, а именно такого учреждения высшего образования, которое в качестве одной из важнейших своих функций, наряду с подготовкой кадров и проведением НИОКР, признает осуществление академического предпринимательства.

Переход вуза к модели предпринимательского университета требует особой трансформации его внутренней среды. Этот переход, в частности, выражается в том, что при планировании развития университета в числе стратегических целей обязательно разрабатываются цели в области академического предпринимательства; при управлении научными исследованиями ставится вопрос о воплощении их результатов в объектах интеллектуальной собственности, которые в последующем могли бы быть коммерциализированы; в образовательной деятельности имеются специальные учебные дисциплины, посвященные развитию навыков предпринимательства студентов и сотрудников; университет стремится участвовать в коллаборации с другими университетами, коммерческими и государственными организациями и т. п.

Данный переход выражается в реализации двух принципов. Прежде всего, на каждом уровне управления университета должно сформироваться понимание необходимости доведения части научных результатов до стадии, когда они могут стать основой для конкретных инноваций на рынке. Вторым важным условием является создание соответствующей внутренней части структуры, которая была бы нацелена на оценку мировых тенденций развития технологий и на непосредственную поддержку процесса коммерциализации результатов НИОКР (другими словами академического предпринимательства) [3], а именно создание инновационной инфраструктуры университета.

Среди научного сообщества в настоящее время идет активное обсуждение того, что собой представляет инфраструктура поддержки академического предпринимательства и какой именно она должна быть. Данная подсистема может быть представлена в виде совокупности элементов (систем), которые в результате своего взаимодействия способствуют инновационной деятельности университета. В научной литературе, однако, можно проследить тенденцию рассматривать инновационную инфраструктуру сугубо с институциональной точки зрения. Хотя отдельные исследователи включают в ее состав и деятельность в области формирования и развития предпринимательских навыков.

Молчанов Н. Н. с соавторами рассматривают инновационную инфраструктуру университета как часть инновационного потенциала вуза и включают в ее состав следующие элементы [4]:

- проблемно ориентированные малые инновационные фирмы, решающие научно-производственные задачи;

- инновационные структуры, решающие задачи коммерциализации НТП (служба маркетинговых исследований, рекламы, патентно-лицензионные и другие);
- инкубатор малых фирм;
- систему подготовки менеджеров НТП.

На состав инновационной инфраструктуры в вузе может влиять множество факторов, таких как размеры университета, накопленный опыт научных исследований и разработок, специализация университета, уже имеющиеся связи с бизнес-сообществом и т. д. При этом представление о необходимых элементах такой инфраструктуры в университете, как и о ее целях и задачах, подвержено развитию во времени. На ранних этапах развития теории и практики элементы включали в себя такие, которые способствовали бы распространению лицензий на университетские технологии и созданию МИП. Как правило, эти функции реализовывались при помощи отделов трансфера технологий (ОТТ) и/или отделов патентования и лицензирования.

В связи с расширением понятия академического предпринимательства, происходящим в настоящее время, потребуются и новые составляющие развития инновационной инфраструктуры, а именно [5]:

- развитие инкубаторов и акселераторов бизнеса, научных / технологических / исследовательских парков для поддержки трансфера технологий;
- существенный рост количества учебных курсов и программ в области предпринимательства;
- учреждение и развитие центров предпринимательства;
- рост числа «суррогатных» предпринимателей для стимулирования создания стартапов;
- активная поддержка со стороны выпускников в развитии предпринимательской экосистемы университета (фонды, конкурсы бизнес-планов и т. п.).

Проведя анализ публикаций, исследующих возможный перечень структурных элементов, поддерживающих развитие академического предпринимательства в университете, мы выделили следующие блоки и элементы:

1. **Образование и кадры:** кафедры и образовательные программы / курсы, занимающиеся инновациями и предпринимательством; система подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов инфраструктуры и др.;
2. **Научно-производственные мощности:** центры коллективного пользования оборудованием; центр прототипирования; лабораторные комплексы (университетские, а также совместно созданные с крупными компаниями); инновационно-промышленные комплексы; технологические центры; бизнес-инкубаторы; технопарки (последние не являются внутренними элементами университета, но университет может стать центральным ядром, обеспечивающим их формирование);
3. **Поддержка инновационной деятельности:** экспертно-консалтинговая группа; отдел (центр) трансфера технологий; центр разработки трендов развития технологий (центр технологического форсайта); центр разработки концепций; центр управления интеллектуальной собственностью; посевной фонд вуза и др.;
4. **Управление инновационной инфраструктурой:** центр развития инновационной деятельности, центр управления проектной деятельностью вуза и др.;
5. **Связи с внешней средой:** центр сбыта инновационной продукции; информационные (статистические) центры; финансовая группа и др.

Перечисленные элементы должны активно сотрудничать друг с другом и с внешней средой вуза, распределять получаемую информацию и возникающие задачи между собой. Инновационные проекты, последовательно проходя стадии своей реализации, взаимодействуют с выше-

перечисленными элементами и таким образом все больше и больше раскрывают коммерческий потенциал РИД, лежащих в их основе.

Представленные выше элементы отражают максимально развитую инновационную инфраструктуру университета. Однако это не означает, что для эффективной поддержки академического предпринимательства университету необходимы абсолютно все перечисленные элементы. Администрации университета следует осуществлять постепенное развитие инновационной инфраструктуры в соответствии со стратегическими целями самого вуза, региона и страны.

Другими словами, управление инновационной инфраструктурой университета заключается в последовательности действий, направленных на достижение поставленных целей, посредством создания и трансформации элементов инновационной инфраструктуры, а также процессов, осуществляемых ими в рамках поддержки академического предпринимательства. Для определения последовательности этих действий требуется разработка и реализация соответствующей программы действий. Основой для разработки указанной программы может выступать проведение бенчмаркинга.

Алгоритм разработки программы действий включает следующие стадии:

1. Определение целей развития инновационной инфраструктуры, элементов, которые будут вовлечены в данный процесс, а также сроков достижения указанных целей;
2. Выбор вузов, которые будут выступать в качестве эталонных образцов для бенчмаркинга;
3. Разработка идеальной модели инновационной инфраструктуры посредством анализа деятельности вузов-эталонов и отбора показателей, характеризующих уровень развития инновационной инфраструктуры;
4. Расчет показателя, отражающего текущее состояние инновационной инфраструктуры университета по отношению к идеальной модели (для целей дальнейшего мониторинга);
5. Определение последовательности конкретных мероприятий, направленных на совершенствование инновационной инфраструктуры и достижения запланированных значений показателей.

Подход к управлению инновационной инфраструктурой на базе проведения бенчмаркинга позволяет внедрить в деятельность университета лучшие практики, реализованные в других вузах. При этом университет может выбрать в качестве эталонов как мировых лидеров в области академического предпринимательства, так и своих партнеров по научно-техническому сотрудничеству.

В заключение следует отметить, что управление инновационной деятельностью университета, включающее развитие его инновационной инфраструктуры, является одним из необходимых условий для перехода к модели общества, основанного на знаниях.

Библиографический список

1. *Etzkowitz H.* 2003. Innovation in innovation: the Triple Helix of university-industry-government relations // *Social Science Information*. No. 42(3). P. 293–337.
2. *Etzkowitz H.* 2013. Mistaking dawn for dusk: quantophrenia and the cult of numerology in technology transfer analysis // *Scientometrics*. No. 97. P. 913–925.
3. *Clark Burton R.* 1998. The Entrepreneurial University: Demand and Response // *Tertiary Education and Management*. Vol. 4, no. 1. P. 5–16.
4. *Валдайцев С. В., Молчанов Н. Н., Пецольт К.* 2013. Малое инновационное предпринимательство: учебное пособие. СПб.: Проспект. С. 506.
5. *Siegel D. S., Wright M.* 2015. Academic Entrepreneurship: Time for a Rethink? // *British Journal of Management*. Vol. 26, iss. 4. October. P. 582–595.

Галай Н. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
galay_o.m@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ В РАЗРЕЗЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

Аннотация: Последние исследования мозга подтвердили идею психоанализа о существовании подсознания. В этом контексте актуальным вопросом является систематизация получаемых данных поведенческой экономики для разработки научно обоснованной банковской стратегии.

Ключевые слова: поведенческая экономика, банковские продукты и услуги, банковский депозит, поведение потребителя.

Galai N. I.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

MODERN APPROACHES TO BEHAVIORAL ECONOMICS UNDER THE USE OF BANKING SERVICES

Abstract: Recent brain research has confirmed the idea of psychoanalysis about the existence of the subconscious. In this context, the topical issue is the systematization of the obtained data of behavioral economics for the development of a scientifically based banking strategy.

Keywords: behavioral economics, banking products and services, bank deposit, consumer behavior.

Маркетинг коммерческих банков имеет общие характеристики маркетинговой деятельности в целом и специфику, характеризующую банковские услуги. Перечень задач банковского маркетинга согласуется с традиционным подходом к планированию объемов продаж и продвижению товаров, однако система методов и инструментов корректируется в зависимости от особенностей банковских продуктов и услуг. В данном параграфе рассмотрены основные отличия банковских услуг, а также функции и задачи маркетинга в коммерческих банках.

Специфику банковских услуг можно охарактеризовать следующими основными аспектами:

1. Банковские услуги являются нематериальными и неосязаемыми, однако в некоторых случаях сопровождаются предоставлением материального банковского продукта: банковской карты, договора, банковской ячейки. При этом фактическую ценность для потребителя имеет банковская услуга, так как посредством нее удовлетворяется потребность клиента, а банковский продукт является вспомогательным элементом, опосредующим обслуживание клиента.
2. Процесс потребления банковской услуги производится непосредственно в офисе банка или дистанционно: через интернет-сайты, банкоматы, мобильные приложения. В результате этого при потреблении банковской услуги клиент контактирует с элементами банковского маркетинга: логотипом, слоганом, цветовым разрешением банковского бренда.
3. Банковские услуги не приспособлены для хранения: все временные характеристики банковских услуг, такие как отсрочки платежа, график начисления процентов, фиксирование ставки, являются рисками и включаются в стоимость банковской услуги. Таким образом, банковские услуги характеризуются гибким ценовым предложением и постоянным изменением стоимостных и временных параметров услуг.

Как и в отношении других товаров и услуг, выбор банковского вклада определяется его полезностью для потребителя. Полезность банковского вклада определяется объективными и субъективными факторами. К объективным факторам относятся измеримые показатели,

определяющие рациональное поведение потребителя (процентная ставка, срок вклада, наличие страхования вкладов и др.) К субъективным факторам относятся факторы, зависящие непосредственно от потребителя: уровня экономических знаний, психологических предпочтений, убеждений [1].

Динамика полезности потребителя банковских услуг может быть описана теорией полезности и теорией перспектив.

Теория полезности описывает общие тенденции потребления любых продуктов. Базовая формулировка теории подразумевает построение зависимости между объемом потребляемых благ и полезностью, выраженной в гипотетических единицах, ютилах. При адаптации теории полезности для банковских вкладов можно сформулировать зависимость между объемом инвестированных денежных единиц в различные банковские вклады и полезностью для потребителя.

Теория полезности описывает общие тенденции потребления любых продуктов. Базовая формулировка теории подразумевает построение зависимости между объемом потребляемых благ и полезностью, выраженной в гипотетических единицах, ютилах. При адаптации теории полезности для банковских вкладов можно сформулировать зависимость между объемом инвестированных денежных единиц в различные банковские вклады и полезностью для потребителя.

Полезность финансовых услуг отличается от других товаров тем, что принципиальным образом зависит не от потребительской ценности, а от приносимых доходов. Убывающая предельная полезность банковского вклада может объясняться следующими условиями:

1. Наличие альтернатив. Полезность банковского вклада как в одном, так и во многих банках снижается при условии возможности диверсифицировать портфель активов, сделав его менее рискованным и более доходным;
2. Ограниченность бюджета потребителя. Бюджет потребителя распределяется между потреблением и сбережением в соответствии с предельной нормой сбережения. Дополнительное увеличение сбережений сократит потребление, которое также имеет определенную полезность. Увеличение сбережений сверх бюджета потребителя потребует использования кредита, что в конечном итоге делает полезность вклада нулевой.

Таким образом, при стабильной доходности банковского вклада образуется эффект снижающейся предельной полезности за счет невозможности клиента неограниченно увеличивать сбережения. Полезность банковского вклада также определяет альтернативная доходность, которую может получить потребитель.

Теория полезности не предполагает отрицательной полезности, так как у потребителя отсутствует возможность приобрести отрицательное количество благ или инвестировать отрицательную сумму денежных средств. Одновременно с этим отсутствует отдельный учет для закрытия банковского депозита или потери средств по причине закрытия вклада.

Теория перспектив сформулирована Д. Канеманом и А. Тверски по результатам проведения серии экспериментов, где респондентам в форме игры предлагалось сделать выбор между различными предложениями при заданном выигрыше (потерях) события и вероятности события. Для российского рынка банковских услуг банковский депозит также можно представить как игру с заданным выигрышем (процентами по депозиту) и надежностью банка (вероятностью банкротства). Рассмотрение банковских депозитов с данной точки зрения теряет актуальность в стабильной среде, где вероятность банкротства банков стремится к нулю. Однако российский финансовый рынок демонстрирует существенные колебания, в результате чего надежность банка является одним из ключевых критериев принятия решений [2].

Банковский вклад можно представить как игру с двумя исходами: 1) вкладчик «выигрывает» процентный доход, обещанный условиями контракта; 2) вкладчик теряет средства в результате банкротства банка за вычетом суммы, застрахованной агентством страхования вкладов (АСВ).

Теория перспектив является гипотетической моделью, график которой может смещаться в зависимости от психологических характеристик потребителя. Построение графика основывается на трех основных выводах о поведении потребителя [3]:

1. Эффект избегания риска. Возникает при увеличивающемся желании потребителя снизить риск при наличии гарантированного дохода. В игровых условиях: если потребитель в качестве альтернативы к игре гарантированно получит доход, то желание рисковать и участвовать в игре снижается. В банковской сфере: наличие дефляции в экономике сокращает желание потребителей рисковые использовать банковские продукты. Данное условие встречается редко, так как дефляция наблюдается в странах со стабильной, низко рискованной банковской системой [4].
2. Эффект неприятия потерь. В игровых условиях: если потребитель в качестве альтернативы к игре гарантированно получит убыток, то желание рисковать и участвовать в игре повышается, даже если игра не предполагает выигрышного исхода. В банковской сфере: осознание потребителем наличия инфляции побуждает использовать банковский вклад для того, чтобы сохранить средства.
3. Точка отсчета является субъективной для каждого потребителя и зависит от осознаваемых условий статуса-кво (альтернативных условий отказу от игры).

График психологической ценности теории перспектив, так же как и график общей полезности теории полезности являются гипотетическими, так как отражают только теоретические особенности потребления без числовых зависимостей. Параллельное смещение графика относительно оси психологической ценности зависит от экономических условий и знаний отдельного потребителя. Наклон графика зависит от психологических особенностей потребителя и его приоритетов инвестирования средств. Таким образом, графики Теории полезности и Теории перспектив являются индивидуальными для каждого потребителя, что не позволяет численно охарактеризовать зависимости между полезностью и объемам банковских вкладов.

Банковский вклад отличается от других банковских услуг широкой доступностью для населения. Полезность банковского вклада будет снижаться с повышением финансовой грамотности и увеличения доступности более доходных финансовых инструментов. В условиях низкой финансовой грамотности и высокого риска банковской системы, как в России, основным альтернативным сценарием является сохранение средств в рублях или валюте. Таким образом, в зависимости от цели исследования и от исследуемой аудитории необходимо включать различные альтернативы, доступные населению и оправданные с точки зрения риска.

Рассмотрим модель, которую можно рассматривать для прогноза поведения потребителей — теория ожидаемой полезности. Данная теория основывается на тезисе о том, что поведение человека является рациональным, если процесс принятия решений является рациональным вне зависимости от достигнутого результата. Теория рациональных ожиданий построена на расчете математического ожидания всех альтернативных исходов и выбора оптимального варианта.

В общем виде расчет математического ожидания можно рассчитать по формуле [5]

$$EX = \sum_{i=1}^2 X_i * p_i, \quad (1)$$

где X_i — результат i -го исхода; p_i — вероятность i -го исхода.

Дерево событий банковского вклада состоит из двух событий. Для принятия решения об открытии депозита необходимо сравнить полученное математическое ожидание с альтернативным исходом в соответствии с формулой

$$U = EX(D) - EX(Q), \quad (2)$$

где $EX(D)$ — математическое ожидание дохода при использовании банковского вклада; $EX(Q)$ — математическое ожидание доходов по альтернативному исходу.

Альтернативные возможности вкладчика зависят от уровня развития финансового рынка. Как правило, банковский кредит является самой доступной формой инвестиций для физиче-

ских лиц, поэтому альтернативой является потеря (приобретение) средств в результате инфляции (дефляции). При расширении финансовых возможностей потребителя альтернативными возможностями могут быть более доходные и рискованные инструменты: дивиденды от владения акциями, спекулятивная деятельность с ценными бумагами, участие в инвестиционных проектах.

Теория рациональных ожиданий неоднократно подвергалась критике за счет того, что в ней не учитываются субъективные факторы. Модель не учитывает субъективные характеристики потребления банковских вкладов, учитываемых в теории полезности и теории перспектив [2]:

- 1) приоритетов потребления, в результате которого достигается эффект предельной полезности;
- 2) различие в чувствительности потерь и выигрышей;
- 3) предпочтений в различных условиях банковского обслуживания;
- 4) отсутствия экономической информации или знаний у потребителя;
- 5) ограниченной рациональности потребителей и ошибок в расчетах.

Перечисленные факторы можно отнести к субъективным, то есть зависящим от личности потребителя банковских услуг. Учет влияния перечисленных факторов может быть оценен при сопоставлении рациональным и фактическим выбором потребителя.

В результате этого предсказательная ценность теории снижается. Однако данная математическая модель удобна для сравнения потребительского выбора с выбором рационального агента и выявления отклонений фактического выбора от прогноза данной модели. При рассмотрении зависимости математического ожидания (полезности) от суммы вклада выявление случайных ошибок не свидетельствует о низком качестве модели, а выявление систематических ошибок позволяет сформировать заключение о поведенческих эффектах потребления банковских услуг.

Независимо от фактических экономических трендов потребитель формирует свое отношение к банковскому предложению на основе сложившихся убеждений. В связи с этим логично рассчитывать полезность вклада для потребителя в системе координат, заданной убеждениями потребителя. Раздельный учет рациональности процесса оценки банковского предложения и рациональности выбора вклада позволяет одновременно решить две задачи. Во-первых, выявить этап, на котором совершают ошибки потребители. Во вторых, объяснить, является ли нерациональное поведение потребителей следствием недостатка знания экономической конъюнктуры или недостаточной скорости мышления для быстрого подсчета математического ожидания исходов.

Библиографический список

1. Галай Н.И. 2016. Оценка места нейромаркетинга в системе инструментов маркетинга будущего // Материалы XXII международной конференции молодых ученых-экономистов «Предпринимательство и реформы в России».
2. Kahneman D., Tversky A. 1979. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. Vol. 47. P. 111–132.
3. Ariely D., Loewenstein G., Prelec D. 2000. Coherent Arbitrariness: Duration-sensitive Pricing of Hedonic Stimuli Around an Arbitrary Anchor. P. 39.
4. Саймон Г. 1993. Рациональность как процесс и продукт мышления // *THESIS* Вып. 3. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/629/779/1217/3_1_2simon.pdf (дата обращения: 03.12.2018).
5. Нейман Дж, Моргенштерн О. 1970. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука. 707 с.

Давыденко Е. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.davydenko@spbu.ru

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ ДИДЖИТАЛ-ПЛАТФОРМЫ БРЕНДА И МОДЕЛИ АНАЛИЗА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности потребительского поведения в цифровой среде. Определены основные функции системы идентификации бренда. В статье раскрываются преимущества использования модели ZMOT (Zero Moment of Truth), позволяющей связать потребителя с брендом в цифровой среде. Автор раскрывает ключевые характеристики потребительского поведения в России, влияющие на потребительское поведение в цифровой среде, и объясняет особенности проектирования платформы бренда с учетом диджитал среды. Автор предлагает модель бренд-платформы, предназначенную для цифровой среды, которая является модифицированной моделью бренд-платформы, известной как Brand Key Unilever. Также автор дает рекомендации компаниям в плане маркетинговых действий, основывающиеся на оценке потребительского опыта. Для корректировки маркетинговой стратегии предлагается модифицированная модель анализа потребительского поведения.

Ключевые слова: бренд, цифровая экономика, платформа бренда, потребитель, Интернет, идентичность бренда.

Davydenko E.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

DESIGNING A MODEL OF A DIGITAL BRAND PLATFORM AND A MODEL OF ANALYSIS OF CONSUMER BEHAVIOR

Abstract: The article discusses the features of consumer behavior in a digital environment. The author identifies the main functions of the brand identity system. The article reveals advantages of using the ZMOT (Zero Moment of Truth) model which allows connecting consumer to brand in a digital environment. The author discovers the key characteristics of consumer behavior in Russia which influence consumer behavior in digital environments, and explains the reasons of designing the brand platform while taking into account features of a digital environment. The author further develops a model of a brand platform designed for a digital environment which is a modified model of a brand platform known as Brand Key Unilever. Also the author gives recommendations to the companies for their marketing actions on the basis of consumer experience evaluation. To correct marketing strategy the author proposes a modified Model of Analysis of Consumer Behavior.

Keywords: brand, digital environment, brand platform, consumer, internet, brand identity.

Введение. Сегодня, брендинг в цифровой среде становится необходимым условием для компании. Такие цифровые технологии, как блоги, вирусная реклама, социальные сети и др., позволяют повысить прибыльность и узнаваемость компании, а также создавать и поддерживать желаемый имидж брендов и компании в целом. В связи с этими глобальными изменениями в технологиях и потребительском поведении компаниям необходимо принять новые подходы к управлению брендами.

За последние три года частота одновременного использования потребителями нескольких устройств возросла в несколько раз, при этом 90 % пользователей Интернета решают такие задачи, как шопинг, планирование поездки или просто просмотр чего-либо с помощью гаджетов. Мобильная коммерция в России становится все более популярной. В 2017 г. 63 % потребителей регулярно пользовались смартфонами для покупок (в 2015 г. — 44 %). Особенно эта тенденция характерна для возрастной категории потребителей 25–44 лет [1].

Увеличение доли проникновения смартфонов в розничную торговлю подчеркивает возрастающую роль цифровых технологий. Потребители стали активнее использовать социальные

сети и приложения для мобильных телефонов. Более трети респондентов в России отметили, что социальные сети (например, Facebook и VKontakte) и мобильные приложения играют важную роль в мотивации совершения покупки. Почти треть опрошенных отметили влияние на совершение покупки программных приложений для обмена фотографиями, таких как Instagram. Значительное влияние на решение о покупке оказывают и сайты, на которых сравниваются цены на продукцию, хотя молодые россияне пользуются ими реже, чем покупатели в возрасте 45–64 лет [1].

Потребители в условиях цифровизации высоко ценят отзывы других покупателей на сайтах ритейлеров, поэтому продавцы должны не только предоставлять функционал для оставления отзыва, но и поощрять посетителей сайта к отзывам и рейтингам. Поведение покупателей меняется — теперь они ищут моментального удовлетворения: как только у них появляется желание купить какой-то товар, они хотят сразу же его заказать, а не думать о нем до следующей поездки в магазин. И это касается даже продуктовых магазинов, последнего оплота традиционного формата ритейла. 42 % опрошенных в России в 2018 г. готовы покупать продукты питания в Интернете [1].

Модель ZMOT и ключевые моменты потребительского поведения. Однако стоит обратить внимание на такой термин, как ключевые моменты потребительского поведения. В 2015 г. Google провел специальное исследование, чтобы выявить такие ключевые моменты для россиян. По итогам исследования 62 % интернет-пользователей обращаются к Интернету, когда их что-то заинтересовало, 45 % — при возникшей потребности (например, нужны товары для ремонта), 52 % — при возникшей неожиданной проблеме, 66 % ищут информацию о бренде или продукте, 45 % — при необходимости что-то купить. Эти ключевые моменты связаны с моделью ZMOT (Zero Moment of Truth), разработанной Google. Google определяет такой термин как «нулевая точка истины» или «ключевая точка». Это момент, когда бренд предоставляет информацию, а потребители делают выбор.

Как показывает опыт брендингового агентства Milberry, в эпоху цифровизации потребительский опыт оказывается важнее, чем уникальные свойства продукта. Потребитель уже не способен понять и принять слишком сложные предложения: он не видит в них ценности. Сегодня бренды должны сосредоточиться на формировании потребительского опыта, а не на усложнении характеристик товара. Решив инвестировать в уникальный потребительский опыт, компании необходимо трансформировать существующую бизнес-модель, поскольку она адаптирована к свойствам продукта. Для реализации современных концепций необходимо изменить корпоративную структуру и сформировать кросс-функциональные команды, способные наблюдать, анализировать, развиваться и работать над решением широкого спектра задач [2].

Инновационные компании создают новые рынки через инновационные бизнес-модели, и самые прогрессивные из них объединяют несколько таких моделей, которые делают потребительский опыт максимально целостным и позитивным. Онлайн и офлайн коммуникации бренда больше не независимы друг от друга. Примером такой бизнес-модели является медицинская платформа *Philips Healthcare*. Приложение получает персональные данные не только от трекеров и электронных медицинских устройств, но и от обследований и данных от лечащего врача.

Модификация модели Brand Key Unilever. Основным и фундаментальным этапом брендинга является построение системы идентичности бренда, или платформы бренда, которая выполняет следующие функции:

1. Идентификация: четкое и точное узнавание бренда потребителями в реальных условиях на любом рынке.
2. Дифференциация: существенные отличия от конкурирующих брендов и уникальность.
3. Влияние на поведение потребителей: сохранение существующих и отслеживание потенциальных клиентов.

Исходя из индивидуальных особенностей бренда, закреплённых в платформе бренда, коммуникация с потребителем строится через внешние и внутренние идентификаторы, а также через рекламные сообщения в офлайн и онлайн среде, с целью достижения максимального совпадения разработанного и воспринимаемого имиджа бренда.

Важной составляющей в построении отношений бренда с целевой аудиторией является выявление и учет потребительского *инсайта* в продукте и в коммуникациях. *Инсайт* (от insight — понимание) — многозначный термин, описывающий сложный интеллектуальный феномен, суть которого заключается в неожиданном прорыве к пониманию скрытой проблемы и «внезапном» нахождении ее решения [3]. Также, при разработке бренд-платформы необходимо понимать, как ведет себя потребитель в цифровом пространстве.

Нами предлагается взять за основу наиболее популярную в практике брендинга *модель платформы Brand Key Unilever*. По сути, он сочетает в себе факторный и процедурный подходы к построению бренда: основу построения бренда, ориентацию на целевую аудиторию, с одной стороны, и анализ конкурентной среды — с другой. Учитывая особенности потребительского поведения в цифровой среде, мы разработали модифицированную модель бренд-платформы, которая включает внутренние и внешние элементы. К внутренним элементам относятся выгоды, ценности, отличительная черта и причина доверия, объединяемые тем, что называется *сущностью бренда*. К внешним элементам относятся ключевые моменты, потребительский инсайт и целевая аудитория [4]. Рассмотрим элементы модели подробнее. *Сущность бренда* — это основная идея бренда, которую можно выразить в двух-трех словах. *Ценности бренда* — это важнейшие потребительские качества, поддерживаемые брендом, и характер бренда, описанные в категориях личностных качеств. *Выгоды* — это различные функциональные, эмоциональные и символичные преимущества бренда, посредством использования которых потребитель может решить свои проблемы или улучшить свое положение. *Отличительная черта* — это единственная наиболее привлекательная и весомая причина выбора бренда. Этот параметр показывает, чем бренд отличается от конкурентов. *Причина доверия* — доказательства, помогающие убедить покупателя в достижимости обещаний бренда. Компания объясняет, почему ее продукт является лучшим для целевой аудитории. *Потребительский инсайт* основан на ответах на следующие вопросы: «Что мотивирует покупателя? Каковы потребности покупателя? Что люди думают и делают? Почему они это делают?» *Ключевые моменты* — это моменты, когда у потенциального покупателя есть потребность, намерение или проблема, на которые он ищет ответ или решение в Интернете. Ключевые моменты позволяют связать бренд с потребителями в цифровой среде. При таком подходе бренд имеет возможность всегда в нужное время донести нужное сообщение до своей целевой аудитории. С точки зрения намерений ключевыми моментами являются желание что-то увидеть или сделать, а также необходимость что-то найти или купить. Ключевые моменты очень важны для брендов, потому что именно в эти моменты принимаются решения и формируются предпочтения — и именно тогда потребитель хочет немедленной реализации своих желаний и потребностей.

Модификация модели анализа потребительского поведения. Нами также предлагается модель анализа потребительского поведения на рынке, которая нацелена на то, чтобы помочь компаниям выстроить план действий в области маркетинга. Мы взяли за основу модель, разработанную В. Е. Хруцким [5], и модифицировали ее.

В разработанной нами модели компания начинает процесс анализа с анализа потребителя, а именно его мотивов, чувств, запросов и предпочтений, восприятия бренда и целевых ориентиров потребителя. Затем, после анализа потребителей, компания должна начать анализ процесса *сбора информации и принятия решений*. Важно выяснить, как сделать информацию о продуктах и услугах компании максимально доступной для потребителей, и определить, какие изменения необходимо внести в информационные каналы, чтобы сделать их более привлекательными, а также более доступными для пользователей. Компания должна определить, что еще необходимо сделать, чтобы потребителю было удобно иметь дело с этой компанией (наличие товара, гарантийное и сервисное обслуживание, удобство расчетов и платежей);

На этапе *обратной связи* компании важно выяснить, почему потребители снова покупают ее продукцию, определить, кто этого избегает и почему, устранить причины отказа. Также необходимо проверить, имеют ли соответствующие службы компании быстрый и эффективный доступ к информации о реакции потребителей на продукцию компании.

Выводы. Предложенная модифицированная модель платформы бренда может быть использована как при формировании идентичности нового бренда, так и при ребрендинге уже

существующего бренда. Для успешного управления брендами в цифровой экономике необходимо ориентироваться на целевую аудиторию, а именно: знать ее предпочтения, ценности, ориентиры, а также особенности ее поведения в цифровом пространстве.

Предлагаемая модифицированная модель анализа поведения потребителей позволяет руководству компании разработать план действий в области маркетинга и скорректировать стратегию маркетинга с учетом специфики хозяйственной деятельности компании в диджитал-среде.

Библиографический список

1. Питерс М. 2018. Цифровая революция определяет потребительские привычки (исследование потребительского поведения в России в 2018 году). URL: <https://www.pwc.ru/ru/industries/retail-consumer/consumer-insights-survey-2018.html> (дата обращения: 13.11.2018).
2. Бериев О. 2017. В эпоху digital меняется сама стратегия построения бренда. URL: <https://www.cossa.ru> — 10/04/2017 (дата обращения: 25.11.2018).
3. Круговая Е. Г. 2015. Проблемы формирования инсайта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные изменения. № 5. С. 167–171.
4. Давыденко Е. А., Лебедев В. А. 2016. Разработка digital-платформы бренда // Маркетинг Менеджмент в цифровой экономике. № 2. С. 4–15.
5. Хруцкий В. Е. 2017. Как предсказать потребности потребителей и спрос при помощи модели анализа потребительского поведения. URL: <http://www.elitarium.ru> — 17/07/2017 (дата обращения: 05.12.2018).

Заболоцкая В. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
zvicky90@gmail.com

ЛУЧШИЕ МИРОВЫЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Аннотация: В связи экономическими санкциями, препятствующими росту предпринимательства в России, и переходом на инновационный путь экономического развития, возникает проблема адаптации государственной поддержки инновационных малых и средних предприятий (МСП), что требует систематизации изменений в мировых моделях финансирования инноваций и адаптации лучшей мировой практики организации государственных программ поддержки МСП при формализации нового методологического подхода по стимулированию инноваций и приоритетных направлений развития МСП в России.

Ключевые слова: малые и средние предприятия, модель финансовой поддержки развития инновационной активности МСП, государственные институты поддержки и развития инноваций.

Zabolotskaya V. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE BEST WORLD MODELS OF STATE FINANCIAL SUPPORT TO INNOVATION ACTIVITIES OF SMES: THE VIEW FROM RUSSIA

Abstract: In connection with economic sanctions that hinder the growth of entrepreneurship in Russia and the transition to innovative economic development, there is a problem in adapting state support for innovative small and medium-sized enterprises (SMEs) which requires to systemize the recent changes of world models for financing innovations and adaptation of the best international practices in organizing state support programs for SMEs in the process of formalizing a new methodological approach to stimulate innovation and priority areas of the SME development in the Russia.

Keywords: small and medium-sized enterprises, model of financial support for the development of innovative activity by SMEs, state institutions for supporting and developing innovations.

The current stage in the development of the World Economy is characterized by an increase in the intensity of innovation activities and the acceleration of scientific and technical progress between countries. In the conditions of global economic competition, countries which are able to provide the most favorable climate for implementation innovation activities will gain a significant benefit.

World practice indicates the absence of a universal model of innovation support to SMEs, which could be effectively applied to all countries. Each country has its individual approach to develop the innovation economy. There are currently the 5 world models of financial support and stimulation of innovation activities by SMEs: Scandinavian, European, Anglo-Saxon, Asian and Hindustan. Among them the world best are the Scandinavian and the Asian models.

The experience of leading countries in innovative development confidently demonstrates that strengthening the functions of the state in the field of science and innovation became an important impetus in the second half of the 20th century. The SME sector has become the main generator of new technologies and innovations. In USA, Japan, EU, Israel, South Korea the share of new or improved technologies, equipment and products containing new knowledge or solutions achieved of 70–85 % of GDP. Such a high level of innovative development in these countries only became possible thanks to large-scale financing for education and science integrated into priority sectors of the economy. Rankings of the 5 top leaders in the innovations and their position in % of GDP state expenditures on innovations for SMEs in 2016 are showing: the 1st place Israel (4,25 %), the 2nd — South Korea (4,23 %), the 3rd — Switzerland (3,42 %), the 4th — Japan (3,29 %), the 5th — Sweden (3,28 %) [1].

According to analysis of Bloomberg Innovation Index (2017–2018), The Global Competitiveness Report (2016–2018), Global Innovation Index (2017–2018) the Scandinavian model (Switzerland, Sweden, Denmark, Finland Norway, Netherlands) is the most successful and the approaches of these countries can be considered the most advanced. Scandinavian countries pay particular attention to innovation and technological development through integration of education and research by financing the fundamental science at universities, academies of science and research institutes.

Since 2009 Switzerland is a leader of the Scandinavian model and number one in R&D and innovations in the World [1]. The basis of the Swiss economy is micro, small and medium-sized enterprises (MSMEs) with 99 % contribution to the country's GDP. MSMEs are accelerating in regions and are actively expanding to the world market. Switzerland is the 1st in the world in knowledge transfer, the 2nd best in effectiveness of state entrepreneurship education programs. In Switzerland for SMEs are formalized measures to obtain loans direct or loans through the SME guarantee system, the Swiss Hotel Credit Company or the Technology Fund.

In Switzerland the main organization to support innovation is the Federal Agency for Innovation (Innosuisse). Innosuisse operates to encourage the development of start-ups and innovative SMEs and their projects, international cooperation.

Swiss online system for SMEs — EasyGov — is simply unique. EasyGov is a totally secure online information platform that provides electronic processing of the registration procedure for new companies, assistance in conducting business, search facilities for necessary information and various organizations of state infrastructure, as well as social insurance and taxation (in particular VAT) 24 hours/7days on a single site. In 2016 41 329 enterprises were registered using EasyGov [2].

Venture Kick is an independent organization whose structure and management are designed to accelerate innovation. It can provide financial support using the resources of 13 private partners, foundations, individuals and corporations. Since 2007 it has financed 530 start-ups with an initial capital of 22.25 mln USD, which has generated new innovations and technologies with subsequent financing of more than 1.86 bln USD and has created 5000 new jobs.

The key characteristic of the Swiss model is supporting only the best enterprises. It shows a high level of targeted (addressed) support systems, i.e. each program provides financial sources to no more than ten selected enterprises or innovators.

The Asian model (South Korea, Singapore, China, Taiwan, (since 2011 not including Japan)), is based on the principle of further improving borrowed foreign innovations and oriented on exports with active use of foreign capital and technologies at an early stage.

The Asian model is the 2nd best in the world and is in constant competition with the Scandinavian model. In this model the financial support of SMEs are provided by major diversified private corporations. State infrastructure institutions provide long-term financing to SMEs through the banking sector. Such a rational approach has allowed the countries to make a technological and industrial breakthrough in a relatively short time.

South Korea is a leader of the Asian model. According to Bloomberg's Innovation Index 2018 South Korea is ranked as number one. South Korea is the 15th largest economy in the world, the 9th largest trading country, with a trading volume of over 1 trillion USD [3]. South Korea has become the leader in the field of world innovation over the past 5 years as a result of the active cash flows of Samsung Electronics Co. It is the 6th largest corporation in terms of market capitalization in the world, making huge investments in R&D. The presence of large conglomerates as Samsung, LG, Hyundai, etc. has become the driving force of innovations [4].

The SME sector in South Korea is focused on the production market and start-ups and is a relatively new segment of the national economy. The Ministry for SMEs and Start-ups (MSS) of South Korea was established with the key mission to promote business growth, develop and establish new business start-ups and to support microenterprises. The Government is trying to provide comprehensive support to SMEs, including in the field of R&D, thereby contributing to their dynamic development.

Summarizing the analysis presented above, the following patterns of formalizing the best world models of state support for innovative SMEs can be distinguished:

1. Most of the countries in the world models consider financial support and stimulation of innovative SMEs to be the foundation of state economic policy, constantly improving the basic programs and

initiating new incentives adapted to the changing needs of innovators and changes in the international innovation market. A key feature of the models — the development and application of integrated instruments for financial, lending, information and consulting support, and facilitating exports on the basis of specialized clusters or integrated business centers for innovative development brought together into a single network.

2. In many developed countries, regulation and stimulation of innovation activities mainly carried out in the following forms: national research programs, various forms of delegated state organs at all levels. The key functions of state infrastructure institutions in the scientific, technical and innovation spheres are: assistance in conducting and commercializing R&D, scientific and technological achievements; stimulation of cooperation and coaching in the innovation process, including at international level.

3. The main objectives of state programs for financing and strategic development of SMEs: development a favorable climate for expanding the share of innovative MSMEs; creating new jobs, especially among the young and talented inventors; development of new technologies; growth of competitiveness of innovative products in world market; the development of priority (or lagging) regions and industries, as well as increasing entrepreneurial qualities among the population.

4. State financial policy for supporting SMEs is primarily intended to create optimal operating conditions and easy access to external borrowing resources (primarily through implementation of loan guarantee programs and insurance programs), as special measures with preferential terms to support the SME sector such as targeted loans (for example, to develop innovations).

5. As part of the study of the experience Switzerland and South Korea it was determined that improvements to state support is carried out on an ongoing basis and is constantly adapting to changes in the external and internal business environment. State regulation of innovative work by SMEs in these countries is mainly carried out through instruments and norms of direct action; authorized state bodies apply measures to curb unfair competition and in developing addressed forms of support and stimulation of the best innovators.

6. The countries of the Asian model are constantly competing strongly with representatives of the Scandinavian model for the leading position in the world. This proves the effectiveness of their systems of state regulation in the R&D sphere and all the changes in the financial support programs.

The Russian model of state support and stimulation of innovative activities by SMEs on the modern stage can not be attributed purely to any one of the world models. In Russia, as in the experience of the Asian model, a trend is observed of adopting foreign technologies, but unlike Singapore, South Korea, China there have been no significant achievements in this area. Russia should focus on the best practices of Asian countries in terms of organizing programs and processes of public-private infrastructural, financial, information, consulting support and accelerated commercialization of new developments by SMEs, as well as the introduction of insurance mechanisms and loan guarantee schemes, especially in attracting venture capital from venture funds and business angels.

From the Scandinavian model Russia can adopt the advanced technology of selecting and supporting the best innovators in the country, providing them with opportunities for international internships and practical experience in the world's leading R&D centers, and at the federal level to formulate a procedure for identifying and selecting bona fide private and foreign investors.

The main strategic tasks for Russia is to modernize the existing model of inertial development of the national economy, change fuel and raw materials orientation in favor of innovative development and growth of international specialization. Resolving these issues will require strengthening the role of state infrastructure institutions and carrying out new economic reforms. Expanding Russia's participation in the process of globalizing international economic ties by activating the country's scientific and technical potential implies a further increase in the openness of the national economy, rather than its isolation. It is extremely important to create an advanced platform to assist in developing research and business structures in international scientific and technological cooperation, and on the other hand to ensure protection of Russian interests on world market.

References

1. World Development Indicators: last updated 25.07.2018. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=World-Development-Indicators> (accessed: 13.08.2018).
2. Switzerland Global Enterprise. Available at: <https://www.s-ge.com/sites/default/files/cserver/publication/free/factsheet-company-foundation-s-ge-201709-ru.pdf> (accessed: 23.02.2018).
3. Ministry for SMEs and Start-ups of South Korea. Available at: <http://www.mss.go.kr/site/eng/02/10204000000002016111504.jsp> (accessed: 10.09.2018).
4. *Jamrisko M., Weil Lu.* 2018. The U.S. drops out of the top 10 in innovation ranking. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-22/south-korea-tops-global-innovation-ranking-again-as-u-s-falls> (accessed: 03.09.2018).

Капусткина Е. В., Меньшикова Г. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
kapustkina.63@mail.ru, menshikova.g.a@mail.ru

СТРАТЕГИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОМ БИЗНЕСЕ

Аннотация: В статье представлено описание новой стратегии мирового управления — «цели устойчивого развития (ЦУР)». Она отражает новые возможности развития цивилизации, воплощенные в социальном конструировании целей и направлений развития стран мира. Реализация подхода возможна на государственном (региональном) уровне. Особую важность представляет его внедрение в практику управления фирмами, для которых решение экологических и социальных задач не совпадает с традиционными целями — прибылью и развитием бизнеса. В статье описан ход процесса разработки и внедрения ЦУР на российских предприятиях. Инициатором процесса стал РСПП. Он организовал систему рейтинга компаний по степени внедрения ЦУР, проводит обучающие семинары и социологические исследования. Результаты последнего (2018 г.) также описаны.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, готовность российского бизнеса, результаты социологического исследования.

Kapustrkina H. V., Menshikova G. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

STRATEGY TO ACHIEVE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS IN RUSSIAN BUSINESS

Abstract: The article presents a description of the new global governance strategy — the “Sustainable Development Goals (SDGs)”. It reflects the new opportunities for the development of civilization, embodied in the social design of the goals and directions of development of the countries. The implementation of the approach is possible at the state or regional level. Of particular importance is its introduction into the practice of managing firms for which the solution of environmental and social problems does not coincide with traditional goals — profit and business development. The article describes the course of the development and implementation of the SDGs, The initiator of the process has become and remains RSPP. He organized a system of rating companies for the degree of implementation of the LRC, conducts training seminars and case studies. The results of the latter (2018) survey are also described.

Keywords: Sustainable Development Goals, the readiness of Russian business for a new course, sociological survey

Постановка проблемы. Цели устойчивого развития (ЦУР) — название нового стратегического курса, проводимого международными организациями в сфере регулирования экономической и социальной политики стран мира. Как дальнейшее развитие рассматривается его воплощение в практику управления предприятиями. Это означает, что и государства и предприятия (параллельно и практически независимо один от другого) строят свою деятельность не только в соответствии с экономическими интересами, но и с учетом экологических перспектив, соблюдая права человека и стандарты этики.

На сегодняшний момент ЦУР в соответствии с принятой всеми странами — участницами ООН декларацией («Agenda») реализовано в постановке 17 целей, которые должны стать ориентирами в их деятельности. При этом каждое государство может и реализует на практике собственное понимание курса, ранжируя цели по-своему, учитывая возможности и необходимость. Так, РФ в качестве целей развития страны на период с 2000 по 2015 г. выбрала следующие 8: ликвидацию бедности и борьба с голодом, обеспечение доступности образования, гендерное равенство и улучшение положения женщин, снижение материнской смертности и смертности детей до 5 лет, борьбу с ВИЧ, туберкулезом и другими заболеваниями, обеспечение экологиче-

ской устойчивости, участие в глобальном сотрудничестве, отвечающем национальным интересам [1].

Теоретический задел для решения поставленной задачи. Анализируя теории, которые лежат в основе внедрения практик ЦУР, дадим краткую характеристику одному блоку — проблемам их внедрения на фирмах. При этом нельзя не отметить многочисленности зарубежной литературы по теме и ее мультидисциплинарной направленности.

Палитра зарубежных исследователей ЦУП применительно к деятельности предприятий представлена работами, разнообразными по методам проведения. Это: институциональный подход и case-study, описывающие конфликты, возникающие между покупателями, производителями, стейкхолдерами и персоналом при внедрении ЦУП. Популярны исследования, описывающие особенности процесса в разных странах, включая развивающиеся. Конкретизировать это утверждение в рамках тезисов невозможно.

Осознавая сложность преобразований, которые должны произойти при переводе фирм на новые ценностные установки, ученые разработали вспомогательные инструменты: матрицы ЦУР, компас и online-платформы. Так, ими разработаны несколько типов матриц, например матрица инвентаризации, которая служит способом выявления социальных проблем и возможностей объекта перехода на ЦУР; матрица показателей — набор отобранных экспертами индикаторов, оценивающих направления; матрица достижений (показателей, по которым объекты сравниваются). Последняя, как правило, представлена в форме Excel-таблиц, куда вносятся данные фирм.

Компас ЦУР это методическая разработка, составленная из инструментов и сведений, которые помогают при переводе бизнеса на новые цели. В его основе — выделение 5 этапов, дающих возможность вариативного подхода к выработке новой стратегии. Они включают в себя: понимание и внутреннее принятие ценностей ЦУР; определение приоритетов; установление собственных целей; интеграцию и распространение своих целей среди партнеров; отчетность и коммуникацию. Как обязательные условия, достаточные для вхождения в Глобальный договор, компас рассматривает соблюдение требований национального законодательства и прав человека, а также уважение минимальных международных стандартов. Ученые разработали перечень показателей для предприятий, релевантных 17 целям, что облегчает сопоставление фирм и конкретизирует индикаторы для годовых отчетов.

Внедрение принципов ЦУР российскими фирмами: технологии и проблемы. Зарубежный опыт выявил два метода, используемых для инициации внедрения ЦУР на предприятиях. Первый — создание online-платформ, типа «Business for piece» («Бизнес ради мира»), второй — организация рейтинга компаний. Платформа «Бизнес ради мира» функционирует с 2013 г. и сейчас в нее входят 150 участников из 39 стран, которые охватывают бизнес-ассоциации, крупные корпорации, а также небольшие компании. Она имеет национальные филиалы — порталы-сети в 21 стране. Ее цель — организовывать взаимодействие между компаниями, создавать условия для обмена опытом с помощью регулярно проводимых вебинаров и ежегодных семинаров, выявлять лучших по итогам года. Единственная компания из России, которая входит в ее состав, — семейная фирма «Свирин» (сфера торговли). С 2015 г. ООН запустила вторую платформу — «Sustainable Development Knowledge Platform», которая направлена на распространение новостей и информации о процессе. Для контроля за процессом в российском бизнесе планируется запустить (до конца 2018 г.) национальную платформу, пока же информацией можно обмениваться на UN business action Hub или на сайте РСПП.

Второе направление составляют многочисленные рейтинги и рэнкинги. Трудно переоценить их популярность: они важны как для соревнующихся участников, так и общественности. Рейтинги формируют публичную арену реализации социальных проблем, ее обсуждения, выявляют передовой опыт и успехи. Применительно к оцениванию ЦУР и корпоративной ответственности популярными являются рейтинги Форбс, Corporate Responsibility magazine (выявляет и публикует список Топ-100), Corporate Watch (осуществляет наблюдение за крупными корпорациями с целью выявления ими противоправных действий), CSRWire Rating and Awards, Ethisphere magazine (составляет список самых этичных компаний — Worlds most ethical Com-

panies), «Corporate Knights» — адвокатская контора из Торонто составляет список топ-100 компаний по ЦУР.

В нашей стране развитие движения по внедрению ЦУР осуществляется под эгидой РСПП, что нашло отражение в ряде публикаций этой ассоциации [2; 3]. Начиная с 2013 г. она формирует и составляет рейтинг российских фирм по открытости и ответственности. Учитывая относительную закрытость российского бизнеса, важнейшей составной частью и предпосылкой внедрения принципов ЦУР становится публикация итоговых годовых отчетов. С этой целью начиная с 2013 проводится конкурс годовых отчетов. По его итогам за 2017 г. [4] были не только выявлены лучшие компании страны, но и составлен проект закона РФ «О публичной нефинансовой отчетности». В конкурсе участвовало 93 фирмы. Главным преимуществом при оценивании считалась открытость рыночных позиций, выявление зон риска и обозначение путей их преодоления. Эксперты высшее место («пять звезд») присудили 22 компаниям, среди которых Алроса, Атомредмедзолото, Банки: ВТБ и Сбербанк и др. Число предприятий, отнесенных к кластеру лучших, увеличилось, по сравнению с 2016, достигнув 23 % вместо 19,35. В отраслевом разрезе лидируют представители энергетики, включая атомную. В конкурсе участвовали и НКО, представившие в отчетах многообразие благотворительных практик, включая участие в образовательной деятельности.

Формирование новых установок. Приведем некоторые данные социологического опроса, проведенного Агентством Эс Джи Эм (под руководством Долгих Е. И.) [5]. Его авторы обозначили три цели: установить уровень осведомленности руководителей компаний о ЦУР, оценить готовность предприятий к переходу, а также выявить цели, рассматриваемые ими как приоритетные. Исследование проводилось как методом опроса руководителей предприятий (бизнеса и НКО) (опрошено 200 крупных компаний, членов РСПП), так и с помощью анализа отчетности компаний (проанализировано 66 отчетов). Параллельно проводился интернет-опрос, в ходе которого были получены ответы по 78 анкетам из 400, отправленных с приглашением к заполнению. Среди опрошенных доминируют представители: металлургических и строительных компаний (по 12 %), телекоммуникации и финансового сектора (9 %), нефтегазовых компаний и электроэнергетики (8 %), пищевой промышленности и транспорта (6 %), лесной отрасли (5 %), розничной торговли и химической промышленности (по 4 %), а также прочих — 10 %. 53 % фирм представляют частные компании, 24 — филиалы международных и 23 % — государственных (с государственным участием).

Представим полученные результаты в соответствии с поставленными задачами. Для 32 % руководителей тренды ЦУР хорошо известны, другим 32 % — только в общих чертах, 20 % знают цели, но не представляют возможности их реализации на своем предприятии, 9 % — мало знакомы, а 7 % — представили другие ответы. Для большинства респондентов источником информации послужили мероприятия, проводимые РСПП (82 %) и другими бизнес объединениями (64 %). При этом 66 % респондентов подтвердили, что идеи ЦУР знакомы высшему руководству их фирм.

По второй задаче — о степени внедрения стратегий ЦУР в практику — были получены следующие ответы: 50 % фирм начали внедрять элементы ЦУР, еще 47 % — разрабатывают политику их внедрения. При этом 11 % фирм все 17 целей увязали с конкретными программами предприятия, 52 % выявили релевантные для себя ориентиры и отчитываются за их достижение, 18 % — лишь упоминают их в итоговом отчете, а остальные (18 %) — не упоминают. 56 % компаний закрепили ответственность за ее движение к ЦУР за конкретным руководителем, а 31 % создали особое подразделение (либо включив его в дополнительную обязанность уже действующих служб: экологии (45 %), управления персоналом (37 %), отдела корпоративных отношений (26 %)).

По степени приоритетности 17 целей устойчивого развития доминируют: поступательный экономический рост и полная занятость, рациональная модель производства и потребления и достижение глобального партнерства. Наименее релевантными политике компании были признаны: борьба с бедностью и голодом, сокращение неравенства внутри страны и между странами, а также сохранение и использование океанов и морей.

Респонденты следующим образом оценили причины готовности фирмы к переходу на новую стратегию: она раскрывает новые возможности роста бизнеса (47 %), способствует росту репутации и бренда (45 %), обеспечивает требования международных стандартов (37 %), повышает эффективность управления рисками (32 %), гарантирует получение конкурентных преимуществ (28 %). В качестве барьеров были названы: отсутствие соответствующей государственной политики, четкого понимания целей и выгод. В качестве эффективных мер, предлагаемых данной стратегией, были названы: внедрение передовых инновационных технологий (56 %), учет ЦУР в отчетных документах (35 %), совершенствование товаров и услуг в соответствии со стандартами ЦУР (31 %).

Подводя итог, хочется отметить, что в целом компании России начинают разделять идеи ЦУР и готовы их внедрять по возможности. РСПП много делает, чтобы консолидировать российский бизнес в целом и применительно к данной проблеме. При этом при более активной роли правительства страны эта работа могла бы быть более успешной.

Библиографический список

1. Мониторинг показателей целей устойчивого развития на глобальном и национальных уровнях. 2017 / сост. Н. В. Игнатова. М.: Росстат.
2. Российский бизнес и ЦУР. РСПП: сборник корпоративных практик. 2018.
3. Лидеры российского бизнеса: динамика и ответственность. 2017. М.
4. Обзор годовых отчетов за 2017 г.: на пороге перемен, Аналитические материалы RAEX и рейтингового агентства «Аналитика». URL: <https://raex-a.ru/project/report/2018/analytics> (дата обращения: 15.12.2018).
5. Устойчивое развитие. Роль России. Результаты опроса российских компаний, ноябрь 2018. URL: <http://www.globalcompact.ru/upload/iblock/58d/Dolgikh-E.I.-Ustoychivoe-razvitie.-Rol-Rossii.pdf> (дата обращения: 13.12.2018).

Киварина М. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Российская Федерация, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41
mariya.kivarina@novsu.ru

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: С развитием цифровой экономики происходит существенное изменение парадигмы хозяйствования людей и компаний. Поддержка программы цифровой экономики на государственном уровне свидетельствует о несомненной актуальности данной темы для России. В существующих реалиях встал вопрос стимулирования населения и компаний к скорейшему переходу в эпоху цифровой экономики. В статье раскрывается сущность процесса социализации бизнес-структур под влиянием информационных технологий. Исследуются различные виды социализации (виртуальная, информационная и другие), а также влияние информационно-коммуникационной среды на формирование и развитие социализированного института предпринимательства. Цель статьи — на основе компаративного анализа традиционных социопарадигм выявить проблемы социализации института предпринимательства в России в условиях цифровизации экономики и обозначить основные пути их решения.

Ключевые слова: социализация, цифровая экономика, бизнес-структуры, информационные технологии, информационно-коммуникационная среда, институт предпринимательства.

Kivarina M. V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya str., Veliky Novgorod, 173003,
Russian Federation

SOCIALIZATION OF THE INSTITUTE OF ENTREPRENEURSHIP IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY

Abstract: With the development of the digital economy, there is a significant change in the paradigm of managing people and companies. The support of the digital economy program at the state level indicates the undoubted relevance of this topic for Russia. In the existing realities, there was a question of stimulating the population and companies to the earliest transition to the era of the digital economy. The article reveals the essence of the process of socialization of business structures under the influence of information technology. Various types of socialization (virtual, information and others), as well as the influence of the information and communication environment on the formation and development of a socialized institution of entrepreneurship, are explored. The purpose of the article is to identify, on the basis of a comparative analysis of traditional socioparadigms, the problems of socialization of the institution of entrepreneurship in Russia in the conditions of digitalization of the economy and to identify the main ways to solve them.

Keywords: socialization, digital economy, business structures, information technologies, information and communication environment, entrepreneurship institute.

Современное российское общество сталкивается с новыми угрозами и вызовами, предъявляющими высокие требования к инновационным и адаптивным способностям экономических субъектов, а также к социализации их институтов. Одна из главных угроз — техническая и технологическая отсталость — во многом обусловлена низкой информационной культурой и недостаточно эффективными процессами социализации в обществе.

Эта проблема весьма актуальна в России, где наблюдается высокая неравномерность интеграции бизнес-структур в информационное пространство; многочисленные экономические субъекты сегодня не имеют возможности и мотивации к формированию информационной культуры. Отсутствие интереса к знаниям и возможностям информационно-коммуникационных технологий (или ограничение данного интереса различного рода рамками) снижает инновационный и творческий потенциал предпринимательства и, как следствие, его экономическую и социальную активность. В условиях нарастающего переизбытка информации и подвижности всех социальных институтов такие бизнес-структуры не могут формировать адекватные,

успешные модели хозяйствования и становятся все более не защищенными от конкурентных выпадов и угроз.

Таким образом, существует противоречие между потребностями российского бизнеса интегрироваться в глобальное информационное пространство и недостатком информационно грамотных бизнес-структур, что порождает цифровую бедность и создает социализационные проблемы в предпринимательской среде.

Глобальные информационные процессы накладывают свой отпечаток на все социальные явления и события, в том числе, и на процессы социализации института предпринимательства. Масштабность такой трансформации в условиях информационного пространства вынуждает некоторых авторов говорить о социализации виртуальной (С. В. Бондаренко, А. В. Чистяков), информационной (А. В. Авдеева, Е. П. Белинская), медиасоциализации (А. В. Петрунько, Л. А. Найденова, Л. Г. Черная), киберсоциализации (О. И. Воинова, В. А. Плешаков, Н. В. Угольников), интернет-социализации (А. И. Лучинкина, М. И. Середа, В. А. Петренко).

Виртуальная социализация рассматривается как процесс вхождения бизнес-структуры в социокультурную среду локальных сообществ посредством освоения технологий коммуникации, информационной культуры, навигации, а также социальных норм и ценностей [1].

Инфосоциализация — это результат усвоения, а также готовность к воспроизведению и анализу актуальной составляющей информационного опыта современного общества, включающего навыки бизнес-структуры работы с информацией и информационно-коммуникационными технологиями [2]. Процесс инфосоциализации протекает поэтапно и включает в себя инфоадаптацию (приспособление к информационному пространству, требованиям и законам функционирования информационных потоков), инфоинтеграцию (включенность и самостоятельные интеракции бизнеса в информационном пространстве) и инфоактивность (способность бизнеса вносить перемены в информационное пространство, когда в этом есть необходимость и целесообразность).

Медиасоциализация (социализация под влиянием средств массовой информации) заключается в приобретении бизнес-структурами опыта хозяйствования преимущественно на основе искусственных медиарепрезентаций, в первую очередь посредством механизмов копирования и подражания.

Киберсоциализация (социализация бизнеса в киберпространстве) рассматривается как процесс качественных изменений бизнес-структуры и потребностно-мотивационной сферы предпринимательства, происходящий под влиянием и в результате использования бизнесом современных информационно-коммуникационных, компьютерных и цифровых технологий [3].

Интернет-социализация — это процесс расширения социального опыта предпринимательства при вхождении в социокультурную среду Интернета, который происходит посредством усвоения информационных технологий, информационной культуры [4].

В центре авторского подхода к исследованию социализации института предпринимательства лежит *эффект коммуникативной блокировки*. Прогресс информационно-коммуникационных технологий приводит к ситуации, когда знания и опыт, накопленные на прежних этапах хозяйствования, не могут быть эффективно использованы современным бизнесом, так как вследствие быстро развивающихся процессов трансформации утрачивают свою значимость, а процесс социализации предпринимательства в этих условиях выглядит весьма сложным и противоречивым.

Успешность социализации института предпринимательства можно оценить по трем основным показателям:

- а) бизнес-структура реагирует на других хозяйствующих субъектов, как на равных партнеров, взаимодействие с которыми способно принести дополнительные выгоды в результате действия так называемого синергетического эффекта;
- б) бизнес-структура признает существование конкретных норм и правил поведения в отношениях, как между партнерами, так и среди конкурентов;
- в) бизнес-структура признает при наличии определенной автономии существование относительной зависимости от других субъектов хозяйствования, то есть между параметрами «независимый» и «зависимый» существует определенная гармония.

Ключевым критерием успешной социализации института предпринимательства является способность бизнес-структур осуществлять хозяйственную деятельность в условиях современных социально-экономических норм, в системе «бизнес — социум». Однако в российской действительности встретить компании, отвечающие данным требованиям, можно не часто. Этот факт позволяет заключить, что в современных условиях цифровизации экономики социализация института предпринимательства затруднена. Социализация как общественное явление определяется характером самого общества, его свойствами и потребностями [5]. В условиях постепенного перехода от одной социокультурной реальности к другой, изменяются критерии и нормы хозяйственной деятельности, а также условия для реализации творческих и передовых инициатив. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование всего комплекса изменений, которыми характеризуется процесс социализации института предпринимательства, выявление конкретных факторов, условий и социальных противоречий, которые определяют становление нового типа бизнеса: во-первых, как субъекта социальных преобразований, а во-вторых, как нового способа социально-экономической деятельности, соединяющим в себе социальное назначение бизнес-структур с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости.

Процесс социализации института предпринимательства в современной России идет по двум параллельным направлениям. С одной стороны, усиливается составляющая ответственного поведения предпринимательских структур: все шире и активнее внедряются в практику хозяйствования принципы и нормы социально-ответственного ведения бизнеса. С другой стороны, бизнес постепенно становится полноправным участником гражданского общества, ведущим активную деятельность по внедрению и масштабированию социальных преобразований. В условиях цифровой экономики и быстро меняющейся информационно-коммуникационной среды данные процессы ускоряются и поглощают все большее число российских предпринимательских структур.

Для повышения эффективности социализации института предпринимательства необходимо проводить следующие мероприятия:

- 1) внедрять программы социальной и экономической ориентации бизнес-структур на достижение не только личных целей хозяйствования, но и роста общественного благосостояния;
- 2) реализовывать программы профессионального обучения топ-менеджеров и управленцев среднего звена в как можно более тесном единстве с программами социальной ориентации предпринимательства;
- 3) проводить оценку результативности предпринимательской деятельности, с целью как можно большего усиления и расширения обратной связи с бизнес-средой, функционирующей в новых условиях цифровой экономики;
- 4) исследовать, выявлять и предлагать бизнесу новые идеи для развития, содержащие в себе вызов или актуальные социальные проблемы, с целью стимулирования предпринимательских инициатив и более полного раскрытия инновационного потенциала российской бизнес-среды.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что одним из важнейших универсальных аспектов современной хозяйственной деятельности является социализация. Термин «социализация» обозначает совокупность всех социальных процессов, благодаря которым бизнес-структуры усваивают и воспроизводят определенную систему экономических знаний, норм и ценностей, позволяющих им функционировать в качестве полноправного члена гражданского общества.

Итак, социализация — это процесс, посредством которого предпринимательская среда становится особым участником социума, усваивая его нормы и ценности, овладевая теми или иными социально-экономическими ролями и функциями. Реализация долгосрочной государственной стратегии развития Российской Федерации выявляет проблему расхождения интересов предпринимательского сектора экономики с приоритетами общественного развития.

Особенно заметной эта проблема становится в условия цифровой модернизации экономики. Необходимость своевременного разрешения указанной проблемы порождает потребность в формировании сбалансированной системы мер, ориентированной на сближение институтов предпринимательства с институтами гражданского общества. Внедрение и распространение практик социально ответственного поведения и социального предпринимательства в российской бизнес-среде является одним из ключевых инструментов в данной системе, что делает тематику статьи актуальной и востребованной как с точки зрения науки, так и практики.

Библиографический список

1. *Иванов Д. В.* 2000. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение. 96 с.
2. *Авдеева А. В., Жилкин В. В., Юрина И. А.* 2012. Влияние информационно-коммуникационных технологий на процесс социализации // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Т. 18, № 3. С. 771–776.
3. *Плешаков В. А.* 2009. Киберсоциализация человека в информационном пространстве // Информация и образование: границы коммуникаций INFO'2010: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. ГорноАлтайск.: РИО ГАГУ. С. 51–52.
4. *Лучинкина А. И.* 2016. Особенности социализации интернет-пользователей // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. № 2(4). С. 137–140.
5. *Макаревич А. Н.* 2016. Государство, бизнес, общество: трансформация экономических отношений в условиях социализации экономики России // Экономика и предпринимательство. № 6. С. 57–61.

Куклина Е. А.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43
kuklina-ea@ranepa.ru

УЧАСТИЕ В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ СТОИМОСТИ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ПОВЫШЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Аннотация: В данном исследовании рассматривается участие в глобальных цепочках стоимости как один из факторов социально-экономического развития. Приводятся аргументы в пользу участие в глобальных цепочках создания добавленной стоимости (стимулирование роста ВВП, стимулирование роста производственных мощностей и повышения квалификации работников, рост занятости), а также возникающие риски. Аргументация в пользу участия в глобальных цепочках стоимости подразумевает высокую эластичность экспорта по цене и, не уменьшение занятости населения вследствие замещения отечественных поставщиков товаров и услуг иностранными поставщиками. Существенный риск связан с тем, что принимающие экономики могут столкнуться с вероятностью для национальных компаний «застрять» на низкотехнологичных стадиях производственного процесса с небольшой внутренней добавленной стоимостью и не суметь продвинуться по цепочке с целью увеличения производимой в стране внутренней добавленной стоимости. Делается вывод о том, что инновационный вектор развития России должен быть нацелен на постепенное перемещение глубины переработки вверх по цепочкам создания добавленной стоимости на базе использования природных факторов производства. Стратегия встраивания в глобальные цепочки добавленной стоимости должна быть прагматична и направлена на максимизацию добавленной стоимости, что позволит создать предпосылки экономического роста и повышения занятости населения.

Ключевые слова: добавленная стоимость, глобальные цепочки добавленной стоимости, риски, экономический рост, занятость

Kuklina E. A.

The North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
57/43, Sredniy av. V. O, St. Petersburg, 199178, Russian Federation

PARTICIPATION IN THE GLOBAL VALUE CHAINS AS A FACTOR OF ECONOMIC GROWTH AND INCREASE OF EMPLOYMENT OF THE POPULATION OF RUSSIA

Abstract: In the present study, participation in global value chains is examined as one of the factors of socio-economic development. Arguments are made in favor of participating in global value chains, such as growth stimulation of GDP, growth stimulation in production capacity and staff training, growth of employment; emerging risks are considered, too. The argument in favor of participating in global value chains implies a high elasticity of exports as to price and decreasing employment due to the replacement of domestic suppliers of goods and services with foreign ones. A significant risk is due to the fact that host economies may face the probability for domestic companies to “get stuck” at low technological stages of the production process with low internal value added, and to fail in advancement along the chain in order to increase domestic value added in the country. It is concluded that the innovative vector of development of Russia should be aimed at gradually moving the depth of processing upwards, following the value added chains based on the use of natural production factors. A strategy of embedding in global value chains should be pragmatic and be aimed at maximizing value added, what will allow to create the prerequisites for economic growth and employment increase.

Keywords: value added, global value chains, the economic growth, employment.

В современных условиях функционирования мировой экономической системы ни одна национальная экономика не может развиваться без активного участия в мирохозяйственных процессах. В связи с этим экономическая деятельность предприятий разного масштаба и отраслевой принадлежности становится почти невозможной без выхода на мировой рынок, что, безусловно, актуализирует исследования процессов встраивания государств в глобальные це-

почки добавленной стоимости. Сегодня объем международной торговли составляет более 96 % мирового ВВП, при этом свыше 50 % приходится не на конечные товары, а на сырье и комплектующие для их производства, что является ключевым фактором развития глобальных цепочек.

В настоящее время многие исследователи, а также аналитические подразделения международных организаций считают, что участие в глобальных цепочках создания добавленной стоимости положительным образом сказывается на уровне социально-экономического развития стран, предприятия которых встраиваются в международное разделение труда в этой форме.

Так, например, в докладах ОЭСР, ВТО и ЮНКТАД приводятся следующие аргументы в их пользу: стимулирование роста ВВП; рост занятости за счет участия в глобальных цепочках добавленной стоимости; стимулирование роста производственных мощностей и повышения квалификации работников [1].

Помимо этого, в странах — участницах глобальных цепочек увеличивается ресурсная база, растет прибыль от осуществления торговых операций, сокращаются торговые издержки, увеличивается степень открытости рынков, осуществляется стимулирование сектора услуг, взаимных инвестиций и инвестиционной деятельности в целом, формирования благоприятного инвестиционного климата и отказа от непродуктивной конкуренции.

В докладах ОЭСР приводятся примеры успешного встраивания стран в глобальные цепочки, при этом анализируются отдельные глобальные цепочки (сельское хозяйство и производство пищевых продуктов, продукция химической промышленности, автомобильное производство, электроника и вычислительная техника, услуги для бизнеса, финансовые услуги и др.). В аналитических материалах Всемирного Банка также исследуются конкретные примеры цепочек, сложившихся в тех или иных отраслях и положительный опыт разных стран мира, участвующих в этих цепочках в проекции на уровень благосостояния стран. Так, например, анализируется опыт Бразилии в сельском хозяйстве и производстве продуктов питания, стран Юго-Восточной Азии — в производстве резины и изделий из нее, Мексики — в производстве химической продукции, стран Африки — в производстве одежды, а также примеры развития международных компаний в области здравоохранения, производства электроники и др. [2]

Для экономики современной Мексики главным рычагом экономического роста стали макиладорас — экспортно-производственные зоны с льготным режимом предпринимательства, положительный опыт создания и функционирования которых успешно используется и другими странами Латинской Америки. На макиладорас Мексики создается 14 % ВПП, около 25 % продукции обрабатывающей промышленности, 45 % всего экспорта и более 50 % промышленного экспорта страны.

Основной фактор роста эффективности аграрного сектора Бразилии и реструктуризации экспорта аграрной продукции — инвестиции в аграрные инновации. Сельское хозяйство современной Бразилии является в настоящее время одной из самых конкурентоспособных отраслей экономики даже при более низком уровне поддержки аграрных предпринимателей, чем в ряде развитых стран, отсутствии прямого финансирования аграриев со стороны бразильского правительства. Приблизиться к решению проблемы голода, а также стать крупнейшим мировым производителем и экспортером целого ряда видов сырья и продовольствия (от традиционных сахара и кофе до биоэтанола и соевых бобов) Бразилия смогла вследствие успешной деятельности созданной государством в 1973 г. Бразильской корпорации исследований в области земледелия и животноводства «Embrapa». Как государственная компания «Embrapa» финансируется федеральным правительством Бразилии и входит в систему Министерства сельского хозяйства и продовольствия. В ее структуре 46 специализированных центров на территории Бразилии, имеются также исследовательские лаборатории и за рубежом (в США, Великобритании, Франции, Голландии, Китае, Республике Корея); несколько лет назад такие лаборатории были открыты в соседних странах Латинской Америки (Венесуэла) и в Африке (Нигерия). Успех деятельности центров во многом обеспечен тем, что они обладают финансовой автономией и работают по принципу государственно-частного партнерства, привлекая значительные объемы внешних инвестиций — от фондов и правительств зарубежных стран, национальных и иностранных компаний агробизнеса до независимых агропроизводителей. К работе на контрактной и проектной основе привлекаются как бразильские (в основном преподаватели и сту-

денты университетов), так и иностранные специалисты — в качестве ведущих исследователей на приоритетных направлениях.

Снижение транспортных издержек, возможность разбиения процесса производства на отдельные стадии и размещения подобных узкоспециализированных производств в разных странах приводит к усилению конкуренции, повышению эффективности производства, снижению общих издержек, и, соответственно, способствует ускорению экономического роста государства и повышению благосостояния населения.

Представляется необходимым отметить тот факт, что помимо преимуществ участия в глобальных цепочках стоимости, имеются и недостатки такого участия, а также формируются новые риски, сопровождающие это участие. Аргументация в пользу участия в глобальных цепочках стоимости подразумевает, во-первых, высокую эластичность экспорта по цене и, во-вторых, не уменьшение занятости населения следствии замещения отечественных поставщиков товаров и услуг иностранными поставщиками. Оба предположения могут не выполняться для развивающихся стран, которые в основном экспортируют сырье или природные ресурсы.

С получением безусловных выигрышей от сотрудничества в рамках создания глобальных цепочек добавленной стоимости, в принимающих экономиках для национальных компаний не исключена вероятность «застрясть» на низкотехнологичных стадиях производственного процесса с небольшой внутренней добавленной стоимостью, что не позволит им продвинуться по цепочке с целью увеличения производимой в стране внутренней добавленной стоимости, которая определяется рыночной стоимостью конечного продукта за вычетом стоимости импортных факторов производства, использованных при его выпуске.

Сравнительные конкурентные преимущества Российской Федерации имеют четко выраженную низкотехнологичную специфику и представлены продукцией отраслей, эксплуатирующих природные ресурсы (добыча природного сырья и продуктов низкой степени его переработки), т.е. обусловлены естественным конкурентным преимуществом. Наибольший индекс Балассы в горнодобывающей промышленности России (4,08), в том числе по таким категориям товаров, как продукты нефтепереработки, кокс и ядерное топливо (3,3) [3].

Этот вывод подтверждает оценка участия России в глобальных цепочках стоимости: более чем на 86 % наше участие здесь характеризуется связями восходящего типа [4]. Так, поданным ФТС России, основой российского экспорта в 2017 г. традиционно являлись топливно-энергетические товары, доля которых в товарной структуре экспорта в страны дальнего зарубежья превысила 63 %; на втором месте доля металлов и изделий из них (более 10 %) [5].

Это является достаточно уязвимым обстоятельством для России как великой державы; в данном контексте представляется оправданным намеренный государством переход к ресурсно-инновационной модели экспорта посредством повышения технологической интенсивности добычи и переработки сырья. Этот продуктовый сегмент включает в себя: экспорт сырья и первичных материалов; экспорт продуктов глубокой переработки сырья и материалов; экспорт готовой продукции с использованием новых материалов и компонентов с улучшенными свойствами.

Существенным препятствием реализации выгоды от участия в цепочках добавленной стоимости для развивающихся стран являются ограничения на рынках факторов производства, приводящие к ограничениям роста экспортно ориентированных отраслей. В такой ситуации эффект сокращения производства (и занятости), вызванный использованием импортных товаров, может быть сильнее, чем увеличение выпуска (и занятости) в экспортно ориентированной отрасли.

Учитывая естественное конкурентное преимущество России, инновационный вектор развития страны должен быть нацелен на постепенное перемещение глубины переработки вверх по цепочкам создания добавленной стоимости на базе использования природных факторов производства. Стратегия встраивания в глобальные цепочки добавленной стоимости должна быть прагматична и направлена на максимизацию добавленной стоимости.

Библиографический список

1. Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации Минэкономразвития России. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/economic__organization/russiaj20j8/doc20131205_7 (дата обращения: 06.01.2019).
2. World Economic Forum, 2013, «Enabling Trade Valuing Growth Opportunities». URL: <http://www.weforum.org/reports/enabling-trade-valuing-growth-opportunities> (дата обращения: 24.12.2018).
3. Куклина Е. А., Стафеева Н. П. 2018. Реализация инновационных проектов в таможенно-логистической сфере как фактор встраивания России в глобальные цепочки добавленной стоимости // Евразийская интеграция: экономика, 2018, право, политика. Международный научно-аналитический журнал. № 2 (24). С. 44–51.
4. Мешкова Т., Моисеичев Е. 2016. Анализ глобальных цепочек создания стоимости: возможности Форсайт-исследований // Форсайт. Т. 10, № 1. С. 69–82.
5. Экспорт-импорт важнейших товаров за январь-декабрь 2017 года. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=26258 (дата обращения: 24.12.2018).

Кухто Ю. Ю., Грузд М. Ю.

Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, 220070, Минск, пр. Партизанский, 26
misha.gruzd@gmail.com

ТЕХНОЛОГИИ «БЛОКЧЕЙН» И «СМАРТ КОНТРАКТ» КАК НОВЫЙ ЭТАП ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Аннотация: В статье определены особенности технологий блокчейн и смарт-контракт. Рассматриваются вопросы их развития и использования в учетно-аналитических системах. Авторы также анализируют особенности применения, основные преимущества и проблемы использования данных технологий.

Ключевые слова: блокчейн, смарт-контракт, криптовалюта, биткойн.

Kuhto Ju. Ju., Gruzd M. Ju.

Belarus State Economic University,
26, Partizanski av., Minsk, 220070, Republic of Belarus

BLOCKCHAIN AND SMART CONTRACT AS A NEW STAGE OF ACCOUNTING SYSTEMS DEVELOPMENT

Abstract: The article identifies the features of the blockchain and smart contracts. The development and use of blockchain technology in the economic system are considered. The authors shows the features of the application, the main advantages and problems of using this technologies in the accounting systems.

Keywords: blockchain, smart contract, cryptocurrency, bitcoin.

В настоящее время значительный интерес вызывает технология блокчейн, которая лежит в основе криптовалют и биткойна в частности. Блокчейн был создан как нишевый продукт на второстепенных рынках, однако в последнее время эта технология привлекает к себе внимание экспертов из разных отраслей, а также вызывает повышенный интерес со стороны средств массовой информации. Тем не менее многие руководители, например в организациях сектора финансовых услуг, не уверены, какие меры им следует принять с учетом этой тенденции. Многие специалисты считают блокчейн лучшим инструментом нынешнего десятилетия, в то время как остальные по-прежнему не понимают эту технологию до конца и не знают, в чем причина проблем, стоящих на пути ее окончательного успеха. Технология блокчейна может менять правила игры: меньше централизации, меньше власти, больше разделения. Таким образом, блокчейн несет в себе инфраструктуру распределенного алгоритмического доверия. Именно благодаря этим свойственным инфраструктуре аспектам многочисленные наблюдатели сравнивали блокчейн с Интернетом, но в результате пришли к выводу, что он превзойдет Интернет.

Блокчейн — это особая технология, на которой основаны платформы для проведения операций между равноправными участниками, действующими без посредников, и в которой применяется децентрализованное хранение информации для отражения всех данных об операциях. Это абсолютно новое, децентрализованное, безопасное и прозрачное решение, позволяющее хранить информацию, обмениваться ею, определять ее подлинность и проверять ее, причем цена всех этих действий достаточно невысока.

Одна из причин, почему блокчейн так стремительно набирает популярность, опережая все предыдущие прорывные технологии, заключается в том, что ее появление пришлось на эпоху цифровой трансформации, которая уже коснулась большинства секторов мировой экономики.

Впервые технология «блокчейн» была использована в финансовом секторе, где она послужила основой для создания криптовалюты «биткойн». В последнее время появляется все больше приложений, расширяющих ключевую функцию этой технологии — децентрализованное хранение данных о транзакциях — за счет интеграции механизмов, позволяющих децентра-

лизованно проводить реальные сделки. Данные механизмы, получившие название *умных контрактов*, работают на основе правил, установленных в индивидуальном порядке, например, конкретные требования в отношении количества, качества, цены и позволяющих в автоматическом режиме подбирать потенциальных потребителей для поставщиков и наоборот.

Блокчейн — это технология организации базы данных, опирающаяся на Интернет и полностью использующая все его достоинства, включающая открытый протокол и способность к расчетам и шифрованию. Эту распределенную базу данных транзакций можно сравнить с бухгалтерской книгой, в которой каждая новая транзакция записывается следом за предыдущими без возможности изменить или уничтожить предшествующие записи [1].

По сути, блокчейн представляет собой цифровой контракт, разрешающий конкретному лицу напрямую в рамках сети осуществить транзакцию с другим лицом и выставить ему счет. Согласно концепции сети, объединяющей равноправных участников, информация обо всех транзакциях хранится в компьютерной сети, включающей компьютеры поставщика и покупателя, участвующих в транзакции, а также компьютеры многих других участников сети. Традиционные посредники, например банк, в данной модели уже не требуются, поскольку другие участники сети выступают в роли свидетелей каждой транзакции между поставщиком и покупателем, а следовательно, могут впоследствии предоставить подтверждение деталей транзакции, так как соответствующая информация передается в сеть и хранится локально на компьютерах всех участников. Если поставщик и покупатель договорились осуществить транзакцию, они определяют переменные величины данной транзакции, указав получателя, отправителя и сумму транзакции, а также другую информацию. Вся информация, относящаяся к конкретной транзакции, затем объединяется с подробной информацией по другим транзакциям, проведенным в течение того же периода времени, для создания нового блока данных. Блокчейн отличается тем, что данный процесс относится к одной стандартизированной транзакции. Информация по каждой транзакции зашифровывается и передается на большое число персональных компьютеров участников сети, на каждом из которых осуществляется локальное хранение данных.

Подтверждение данных, хранящихся в блоках, проводится с использованием алгоритмов, которые присваивают каждому блоку уникальный код. Каждый такой код представляет собой последовательность цифр и букв. Если какая-либо информация, относящаяся к той или иной транзакции, в дальнейшем будет изменена в результате несанкционированного вмешательства или из-за ошибок передачи данных, например точная сумма операции, то алгоритм, примененный к измененному блоку, уже не даст правильного кода, а сообщит об ошибке.

Все комбинации цифр и букв постоянно проверяются на предмет их корректности, и из отдельных блоков данных формируется цепочка блоков данных, то есть блокчейн. Благодаря тому, что эти комбинации цифр и букв последовательно связаны друг с другом, целостность информации, хранящейся в цепочке блоков данных, невозможно нарушить.

Процесс верификации гарантирует, что все участники могут пополнить цепочку блоков, но при этом последующее внесение изменений в записи невозможно. Это позволяет осуществлять операции в сети напрямую между лицами или организациями, которым ранее обычно требовались услуги посредника для того, чтобы на законных основаниях отразить свои операции.

В последнее время появляется все больше приложений, расширяющих ключевую функцию этой технологии — децентрализованное хранение данных о транзакциях — за счет интеграции механизмов, позволяющих децентрализованно проводить реальные сделки. Данные механизмы, получившие название *умных контрактов*, работают на основе правил, установленных в индивидуальном порядке (например, конкретные требования в отношении количества, качества, цены) и позволяющих в автоматическом режиме подбирать потенциальных потребителей для поставщиков.

Существующие сегодня блокчейн приложения можно разделить на три большие категории в зависимости от уровня разработки, а именно: блокчейн-приложения версий 1.0; 2.0 и 3.0. Категория «Блокчейн 1.0» охватывает такие виртуальные валюты, как биткойн, которые могут быть использованы в качестве альтернативы реальным валютам. До настоящего момента бит-

койн остается приложением, которое наиболее хорошо знакомо широкой публике и популярность которого продолжает расти. Однако, несмотря на то что у этой валюты появляется все большее число пользователей и объемы торговли в ней растут, доля операций с биткойнами на международных биржевых рынках в абсолютном выражении все еще остается минимальной. В настоящее время ничто не указывает на то, что биткойн сможет когда-либо хотя бы приблизиться к уровню других мировых валют.

Цель следующего этапа разработки — внедрить модели умных контрактов, которые совместно называются «Блокчейн 2.0». Умный контракт представляет собой цифровой протокол, автоматически исполняющий заранее предопределенные процессы транзакции и не требующий участия третьей стороны.

Технология блокчейна следующего поколения, которая называется «Блокчейн 3.0», пока еще существует только на уровне концепции. Блокчейн 3.0 — это этап развития технологии, на котором осуществляется дальнейшая проработка концепции умного контракта с целью создания децентрализованных, автономных организационных единиц, которые руководствуются собственными законами и действуют практически автономно.

Зачем люди вообще заключают контракты? Основная причина кроется в недоверии к выполнению партнером взятых на себя обязательств и способах разрешить выполнение этих обязательств.

Безусловное преимущество смарт-контрактов — это автоматическое обеспечение безопасности выполнения сделки, что исключает привлечение третьих лиц к сделке. Получается, что смарт-контракт не только передает информацию, но и одновременно является гарантом выполнения условий сделки всеми сторонами — за несоблюдение условий сделки он может в автоматическом режиме наложить санкции на нарушителя, например, в виде штрафа.

Смарт-контракт — это информация, прошедшая криптографию, или попросту зашифрованная, которая может передаваться в сети блокчейна [2].

Первые идеи умных контрактов были вынесены на обсуждение Ником Сабо еще в 1994 г. Особо широкого применения они не нашли в основном из-за централизованности, так как в то время их реализация была возможна только таким образом — только путем централизованного контроля.

Смарт-контракты представляют повышенный интерес со стороны банков и государственных структур, благодаря тому, что умные контракты значительно превосходят стандартные системы в скорости и безопасности. Благодаря децентрализованной системе и криптографии, исключается возможность мошенничества. Программный код подтверждает совершение сделки и далее автоматически определяет, как поступить с указанным активом: послать участнику сделки, вернуть хозяину или что-то посложнее. Во время проведения сделки в реестре находится копия этого контракта, что предоставляет достоверность и защищенность и не дает ни одной из сторон поменять уже оговоренные условия.

Смарт-контракты обладают рядом преимуществ. Полная автономность: пользователь, использующий умный контракт может заключать сделки безопасно, избегая услуг таких посредников, как юристы, брокеры или любого другого гаранта. Смарт-контракты, исключая посредника, защищают пользователя от их манипуляций благодаря тому, что исполнение контракта происходит автоматически. Получается, что смарт-контракт не только передает информацию, но и одновременно является гарантом выполнения условий сделки всеми сторонами — за несоблюдение условий сделки он может в автоматическом режиме наложить санкции на нарушителя, например в виде штрафа. При использовании умного контракта данные и документы пользователя хорошо зашифрованы и хранятся в децентрализованном реестре. Исключается вариант кражи, потери или утраты документа третьими лицами. Также смарт-контракт позволяет экономить ресурсы. Так как пользователю для совершения сделки, используя смарт-контракт, больше не нужны посредники, отпадает оплата некоторых услуг, например, услуг нотариуса для заверения договора между сторонами. Все происходит в автоматическом режиме, исключая бумажную рутинную работу и высвобождая денежные и временные ресурсы. Стандартные системы используют ручной ввод и заполнение множества различных форм, отчетов, что, в свою очередь, ведет к ошибкам

и торможению процесса. В смарт-контрактах, благодаря автоматизации, все происходит значительно быстрее и намного дешевле, исключая возможность ошибок.

Какие недостатки есть у смарт-контракта? Умные контракты используют для своей работы криптовалюты, правовой статус которых в качестве финансового инструмента на сегодня определен далеко не в каждой стране. Смарт-контракты надо записывать без ошибок и учитывать мельчайшие условия и детали сделки. Если с человеком еще можно договориться, то программа будет беспристрастно выполнять свой алгоритм. Чем сложнее процесс сделки, тем труднее будет создать для нее умный контракт. Еще одной проблемой является отсутствие руководства. Это вызывает опасения в связи с отсутствием центрального руководства или посредников — какое агентство будет устанавливать стандарты и регламенты для этой отрасли? Ведущие технологическим компаниям необходимо уже сейчас начинать думать о том, как будут выглядеть их продукты и услуги в мире, где правит блокчейн. В противном случае они не смогут достаточно быстро адаптироваться, чтобы сохранить способность конкурировать с теми, кто сделает это.

Блокчейн относится к тем технологиям, внедрение которых может запустить цепную реакцию изменений в бизнес-моделях и процессах, цепочках поставок и отношениях компаний с клиентами во всех секторах мировой экономики. За неполные пять лет блокчейн прошла путь от никому не известной до перспективной технологии, в которую уже вложен венчурный капитал в размере более 1,1 млрд долларов США. Работающие в отрасли технологий компании отреагировали на появление блокчейн запуском масштабных пилотных проектов в различных областях, таких как сфера финансовых услуг, энергетика, сельское хозяйство.

То, что начиналось как биткойн, игрушечная криптовалюта, которая захватила наше воображение, теперь привела к множеству основанных на блокчейне бизнесов и имплементаций. Продвигаясь вперед, это превращается в нечто большее: криптотехническую экономику с беспрецедентными возможностями создания глобальных ценностей, мало чем отличающуюся от собственной экономики сети [3].

Даже несмотря на то, что многое еще предстоит сделать, ни бизнес, ни государственные структуры не могут позволить себе игнорировать потенциал блокчейна, а технологические компании уже практически закончили формирование цифровой инфраструктуры, необходимой для реализации ее концепции.

Библиографический список

1. Лоран Л. 2018. Блокчейн от А до Я. Все о технологии десятилетия. М.: Эксмо.
2. Акст Р. 2017. Что такое смарт-контракт. или Ethereum за час. М.: Издательские решения.
3. Могайар М. 2017. Блокчейн для бизнеса. М.: Эксмо.

Лукашов В. Н., Лукашов Н. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
v.lukashov@spbu.ru, n.lukashov@spbu.ru

ПОСТРОЕНИЕ АДЕКВАТНОГО РИСКАМ РЕЗЕРВНОГО ФОНДА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СМЕТЫ ЗАТРАТ НА ЭТАПЕ ПОИСКОВЫХ НИР В РАМКАХ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА ПОЛНОГО ЦИКЛА

Аннотация: В современной экономической ситуации в развитых странах мира создание стратегических инноваций, т. е. инноваций, внедрение которых носит упреждающий характер с целью получения конкурентных преимуществ в перспективе, является базой и фундаментом развития наиболее успешных международных IT и R&D компаний. Подобные инновации создаются путем реализации инновационных проектов полного цикла, что означает проведение в рамках бюджета проекта, в том числе и поисковых исследований. В этой ситуации для компаний, не обладающих повышенными финансовыми возможностями, крайне важным становится определение величины адекватного рискам резервного фонда, который должен обеспечить научно-технический успех проекта на стадии получения новых знаний. Именно этому аспекту инвестиционного проектирования и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: поисковые исследования, инновационные проекты полного цикла, рисковый резервный фонд, цена рисков.

Lukashov V. N., Lukashov N. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation

BUILDING A RISKY RESERVE FUND IN THE FORMATION OF COST ESTIMATES AT THE STAGE OF EXPLORATORY RESEARCH IN THE FRAMEWORK OF FULL INNOVATIVE PROJECTS

Abstract: In the current economic situation in the developed countries, the creation of strategic innovations, i.e. innovations, the introduction of which is proactive in order to gain competitive advantages in the long term, is the basis and foundation for the development of the most successful international IT and R & D companies. Such innovations are created by implementing a full cycle of innovative projects, which means conducting a project within the budget, including exploratory research. In this situation, for companies that do not have increased financial capabilities, it becomes extremely important to determine the reserve fund adequate to the risks, which should ensure the scientific and technical success of the project at the stage of obtaining new knowledge. This article is devoted to this aspect of investment design.

Keywords: exploratory research, innovative projects of a full cycle, risky reserve fund, cost of risk.

Введение. Инновационный проект полного цикла, или полный инновационный проект, как комплекс научно-технических и организационно-экономических мероприятий направленный на создание и коммерциализацию инноваций и включающий в себя поисковые исследования (ПИ), опытно-конструкторские работы (ОКР), инвестиционное проектирование и коммерциализацию разработанного новшества, сегодня это фундаментальная основа появления базисных, отраслеформирующих, а значит прорывных во всех смыслах этого понятия, инноваций [1].

Очевидно, что неполные инновационные проекты, т. е. проекты, в рамках которых не предполагается проведение ПИ, претендовать на создание стратегических инноваций, внедрение которых носит упреждающий характер с целью получения конкурентных преимуществ в перспективе, практически не могут, так как проведение ОКР на базе достигнутых кем-то ранее научных результатов сможет обеспечить лишь некоторую реакцию на нововведения, осуществляемые конкурентами.

Разумеется, предпосылка оценки полных инновационных проектов лишь с точки зрения узкой парадигмы коммерческого эффекта является ущербной позицией, так как новые знания,

полученные в рамках ПИ, и без создания на их основе новшества с последующей его коммерциализацией, лежат в основе обретения компанией-инициатором инновационного проекта конкурентного преимущества, достигаемого за счет получения неосязаемых ресурсов, т.е. ресурсов невидимых, неподдающиеся однозначной финансовой или иной оценке, и по этим причинам не понимаемых и не повторяемых конкурентами. Новые знания, созданные в рамках инновационных проектов полного цикла, как ценные промежуточные результаты, могут послужить основой для других инновационных проектов компании, но уже неполного цикла, значит более дешевых и однозначно оцениваемых.

Если в цепочке создания инновации в рамках полного проекта, т.е., во-первых, создание новых знаний (ПИ), во-вторых, формирование новшества (ОКР), и, в-третьих, коммерциализация новых знаний (инвестиционное проектирование и подготовка к промышленному производству), неудачи по второму и третьему этапу не являются фатальными для всего проекта, так как требуют лишь планирования организационно-управленческих изменений, то недостижение запланированных на этапе ПИ результатов подорвет сам фундамент инновационного проекта.

Естественно, что практическим выходом из данного положения является возможность, при необходимости научной доработки ПИ, докапитализировать бюджет соответствующего этапа полного инновационного проекта через увеличение сметы этапа, так сказать, *post factum*. Следовательно, капиталовложения в ПИ обладают характеристикой численной неопределенности и за счет этого выпадают из финансового планирования проекта в целом. Считается, что полезный результат, достигнутый на первом этапе полного инновационного проекта, в любом случае себя капитализирует, если не сейчас, так потом. Однако в условиях финансовой недостаточности отечественные компании не могут себе позволить подобных решений — хозяйствующим субъектом, преследующим коммерческие цели в основной деятельности, инновационный проект полного цикла, при полном понимании всех плюсов и возможностей, порождаемых его реализацией, будет профинансирован, если проект коммерчески будет неубыточен, и это минимальное требование.

Данное положение автоматически предполагает жесткое организационно-экономическое, а значит и финансовое планирование.

Следовательно, научный результат ПИ должен быть организационно достижим в соответствии с планируемыми сметными расходами. Таким образом, и резервы для преодоления последствий возможных проектных рисков данного этапа, хоть и носящих научный характер, должны быть четко детерминированы и должны носить минимально-достаточный финансовый объем, т.е. с экономической точки зрения они должны быть адекватны рискам.

Разработка модели определения величины адекватного рискам резервного фонда на этапе поисковых исследований инновационного проекта полного цикла. Как правило, в инвестиционной практике, величину рискового резервного фонда за какой-либо временной период отождествляют с расчетной величиной так называемой цены рисков. При этом цену рисков определяют как стоимость потерь, в том числе и упущенной выгоды, соответствующая вероятности нежелательного исхода (события), с которым связывается определенный выявленный фактор риска [2].

Следовательно, цены рисков в общем смысле следует понимать как разность между планируемой (максимальной, без учета рисков) прибылью от проекта и вероятной с учетом выявленных факторов рисков:

$$ЦР = П - П^*, \quad (1)$$

где $П$ — планируемая без учета рисков прибыль от проекта, $П^*$ — вероятная прибыль по проекту при условии реализации рисков.

Прибыль же при условии реализации рисков ($П^*$) рассчитывается следующим образом:

$$П^* = П \times (1 - P) - C \times i \times P, \quad (2)$$

где P — вероятность конкретного фактора риска либо общего риска нереализации проекта (непродажи продукции по проекту) определяемая экспертно, C — себестоимость продукции по

проекту, i — выставленная владельцами проекта стоимость принадлежащих им ресурсов, т. е. ставка дисконтирования по проекту [2].

Первое слагаемое формулы прибыли с учетом рисков — отражение явных, другими словами — бухгалтерских, издержек по проекту в случае реализации прогнозируемых рисков. Второе слагаемое отражает издержки альтернативные, т. е. упущенную выгоду, возможный потерянный доход владельцев от альтернативного проекту вложения в случае реализации прогнозируемых рисков.

Модель расчета адекватной величины рискового резервного фонда по проекту через определение цены рисков активно применяется в инвестиционной практике, как в ее классическом виде, представленном выше, так и в модифицированном с показателя «прибыли» на показатель «денежных потоков» виде:

$$ЦР = FCF - FCF^*, \quad (3)$$

где FCF — плановый бездолговой денежный поток по проекту за период реализации проекта; FCF^* — бездолговой денежный поток по проекту за конкретный период при условии реализации рисков.

При этом бездолговой денежный поток по проекту с учетом проектных рисков должен иметь следующий вид:

$$FCF^* = FCF \times (1 - P) - \text{Отток} \times i \times P, \quad (4)$$

где «Отток» — плановый суммарный отток денежных средств за период от операционной и инвестиционной деятельности по проекту [3].

Однако модель расчета адекватной величины рискового резервного фонда по проекту через определение цены рисков применима лишь на заключительном этапе инновационного проекта полного цикла, т. е. на этапе коммерциализации новых знаний.

Дело в том, что ни этап получения новых знаний, ни этап создания новшества (ПИ и ОКР) не подразумевают притоков от операционной либо инвестиционной деятельности.

Даже если расширенно взглянуть на формирование резервов и постулировать возможность их формирования из притоков от финансовой деятельности фирмы, созданной под реализацию инновационного проекта, то в любом случае величина плановых притоков от финансовой деятельности напрямую зависит от планируемой величины резервных фондов по проекту, так как направление средств в эти фонды — отток от инвестиционной деятельности. Образуется замкнутый круг, разорвать который можно лишь путем модификации самой модели определения цены рисков.

Если исходить из той же посылки, из которой исходит базовая модель определения цены рисков: цена проектных рисков складывается из разницы финансовой ситуации по проекту в случае проявления предвидимых факторов рисков и без такового проявления. Очевидно, что если факторы научных рисков на этапе ПИ полного инновационного проекта проявятся, то уменьшится бездолговой денежный поток по проекту и так состоящий из одних оттоков по инвестиционной деятельности. Следовательно, уменьшение денежного потока правомерно вести к увеличению оттоков, или увеличению затрат на достижение запланированного результата (получение новых знаний) по первому этапу проекта.

Таким образом, суммарные затраты на ПИ за конкретный период при условии реализации рисков будут иметь следующий вид:

$$З_{ПИ}^* = З_{ПИ} \times (1 + P) + З_{ПИ} \times P \times i, \quad (5)$$

где $З_{ПИ}$ — планируемые сметные затраты на ПИ в рамках первого этапа инновационного проекта полного цикла, P — общая вероятность предвидимых на этапе ПИ факторов научных рисков, i — ставка дисконтирования по проекту.

Первое слагаемое формулы суммарных затрат на ПИ за конкретный период при условии реализации научных рисков — это отражение бухгалтерских издержек по проекту в случае реализации прогнозируемых научных рисков: затраты увеличиваются кратно прогнозируемой

вероятности рисков. Второе слагаемое отражает упущенную выгоду владельцев проекта от альтернативного вложения в случае реализации научных рисков.

Расчет величины общих прогнозно-достаточных, а значит, адекватных рискам резервов сводится к следующей модели:

$$ЦР_{\text{научных}} = РезФ_{\text{ПИ}} = -З_{\text{ПИ}} + З_{\text{ПИ}} \times (1 + P) + З_{\text{ПИ}} \times P \times i, \quad (6)$$

где $ЦР_{\text{научных}}$ — цена научных рисков на стадии получения новых знаний; $РезФ_{\text{ПИ}}$ — величина адекватного предвидимым научным рискам резервного фонда на этапе ПИ инновационного проекта полного цикла.

Математически упростив приведенную формулу, получим базовую модель определения величины адекватного предвидимым научным рискам резервного фонда на этапе ПИ инновационного проекта полного цикла:

$$РезФ_{\text{ПИ}} = З_{\text{ПИ}} \times P \times (1 + i), \quad (7)$$

где $З_{\text{ПИ}}$ — планируемые сметные затраты на ПИ в рамках первого этапа инновационного проекта полного цикла, P — общая вероятность предвидимых на этапе ПИ факторов научных рисков, i — ставка дисконтирования по проекту.

Заключение. В заключении авторы хотели бы обозначить основные выводы, по итогам исследования, легшего в основу данной статьи:

- во-первых, проведение инновационных проектов полного цикла вполне правомерно считать основой инновационного развития, как отдельных хозяйствующих субъектов, так и экономики страны в целом;
- во-вторых, капиталовложения в поисковые исследования на первом этапе инновационных проектов полного цикла обладают характеристикой численной неопределенности по причине воздействия на них проектных рисков научного характера, что должно выводить эту стадию проекта коммерциализации новшества из процесса финансового планирования;
- в-третьих, острый недостаток финансовых ресурсов у отечественных инновационно активных компаний не позволяет выводить из процесса инвестиционного планирования какие-либо этапы инновационных проектов и требует определение адекватных рисковых резервных фондов на всех проектных стадиях;
- в-четвертых, для применения классической модели расчета адекватной величины рискового резервного фонда по проекту через определение цены рисков сама модель требует необходимой модификации;
- в-пятых, авторами предложена базовая модель определения величины адекватного предвидимым научным рискам резервного фонда на этапе поисковых исследований инновационного проекта полного цикла, которая позволяет устранить выявленные выше противоречия.

Библиографический список

1. Основы инновационного менеджмента. Теория и практика. 2004 / под ред. А.К.Казанцева, Л.Э.Миндели. 2-е изд., перераб. и доп. М. С. 444.
2. Валдайцев С.В. 2001. Управление инновационным бизнесом. М.: ЮНИТИ-ДАНА. С. 205–206.
3. Поляков Н.А., Мотовилов О.В., Лукашов Н.В. 2017. Управление инновационными проектами. М.: Юрайт. С. 214.

Молчанов Н. Н., Рыбакова Ю. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
n.molchanovv@spbu.ru; rbk1331@gmail.com

КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННЫЕ ИННОВАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ СОВМЕСТНОГО СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ

Аннотация: В статье рассмотрен процесс генезиса концепции совместного создания ценности с точки зрения инноваций. Отслеживаются такие этапы процесса, как появление внешних венчуров; формирование теории открытых инноваций и инструментов их поддержки технопарков и акселераторов; клиентоориентированные инновации и инструменты, помогающие их разрабатывать — краудсорсинг и краудфандинг. Приводятся результаты анализа практики ведущих высокотехнологичных компаний в области разработки инноваций на базе концепции совместного создания ценности. Представлены результаты полевого исследования по практике применения инструментария концепции совместного создания ценности в деятельности российских инновационно ориентированных компаний. Исследуется методика QFD (структурирование качества) как базовый инструмент разработки конкурентоспособных инкрементальных инноваций. Авторами предлагается модифицированный алгоритм методики QFD, позволяющий учитывать готовность клиента к сопроизводству товара. Модифицируется и основной организационный механизм разработки конкурентоспособных инноваций — бригады маркетингового действия. В состав бригады вводится представитель заказчика.

Ключевые слова: инновации, маркетинговые исследования покупателя, концепция совместного создания ценности, сопроизводство.

Molchanov N. N., Rybakova Y. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

CUSTOMER-ORIENTED INNOVATIONS IN THE CONCEPT OF VALUE CO-CREATION

Abstract: The genesis process of the concept of joint value creation is described in this article in terms of innovation. The following process steps are monitored: creating of external ventures; the formation of the open innovation theory and tools to support technology parks and accelerators; customer-oriented innovations and tools helping to develop them — crowdsourcing and crowdfunding. The results of the analysis of the practice of leading high-tech companies in the development of innovations based on the concept of value co-creation are presented. There are shown the results of the field research about the practice of applying the tools of the concept of value co-creation in the activities of Russian innovative companies. The QFD technique (quality structuring development) as a basic tool for developing competitive incremental innovations was studied. The authors present a modified algorithm for the QFD technique (quality structuring development), which allows to take into account the client's readiness to produce goods. The main organizational mechanism for developing competitive innovations of the marketing team is also being modified. A representative of the customer is entered into the brigade.

Keywords: innovation, customer research, the concept of joint value creation, coproduction.

Рассмотрим процесс генезиса концепции совместного создания ценности с точки зрения инноваций. Первоначально крупные высокотехнологичные компании столкнулись с явлением обращения сторонних лиц за финансовой поддержкой для разработки продукта или технологии, связанных с профилем конкретной фирмы. Если идея нового продукта представлялась руководству фирмы перспективной — сторонний инициатор технологической идеи получал предложение открыть новую малую компанию для проведения работ по созданию инновации. Малая инновационная компания получала финансовую помощь от крупной фирмы, крупная фирма становилась обладателем пакета акций малой компании на сумму оказанной финансовой поддержки. В случае удаchi проекта крупная фирма создавала новое продуктовое отделение на базе малой венчурной компании. Данное явление получило название внешний венчур

или спинн-офф [1]. С ростом масштабов данного явления появился термин открытые инновации [1]. Появление модели открытых инноваций стало ответом на изменения подхода крупного бизнеса к исследованиям и разработкам из-за роста конкуренции [2]. Если раньше инновации создавались, что называется *in-house*, то есть силами внутренних подразделений компаний, то со временем требования к скорости вывода новых продуктов на рынок возросли. Корпорации стали активно выходить за периметр собственной корпоративной структуры в поисках новых идей под конкретную задачу и команд для доработки собственных идей до прототипов и готовых продуктов. Так, в зависимости от типа взаимодействия с внешней средой появились термины — закрытые и открытые инновации [2]. Модель открытых инноваций может применяться с использованием разнообразной палитры инструментов — корпоративных венчурных фондов, бизнес-инкубаторов, технопарков [1]. Одно из самых доступных ее воплощений — так называемые акселераторы. Акселерация призвана помочь в сжатые сроки протестировать технологию извне, доработать ее до нужной стадии и интегрировать ее уже в производственную цепочку компании. Классическая программа акселератора включает в себя образовательные мероприятия, на которых стартапы интенсивно работают с менторами, получают практические навыки доработки идеи до готового продукта и доступ к инфраструктуре компании и первичным инвестициям. Сотрудничество компании со стартапами, доказавшими в результате акселерации свою жизнеспособность, реализуются по одному из типовых сценариев: выкуп доли в стартапе, интеграция команды стартапа в бизнес — структуру либо запуск совместного проекта. Компании заинтересованы в работе с теми стартапами, которые создают продукты на их технологической платформе. Далее крупные высокотехнологичные компании стали искать инструменты для быстрого поиска новых идей по совершенствованию собственного товара для того, чтобы он максимально отвечал потребностям целевых групп покупателей. Ответом на эту потребность стала концепция совместного создания ценности и ее важнейший инструмент краудсорсинг. Совместное создание ценности с потребителями — это процесс создания, разработки товара или услуги, в котором клиент выполняет активную роль, формируя предложение или даже создавая продукт самостоятельно, исходя из своих текущих потребностей, предпочтений, целей и задач. Выделим несколько уровней вовлечения потребителей в процесс совместного создания ценности (англ. *co-creation*) или совместного производства (англ. *co-production*). Первый уровень — самообслуживание, когда часть производственного процесса передается потребителю, который, при этом, положительно расценивает такой шаг (например, клиент из предоставленных блоков и узлов собирает желаемую конфигурацию компьютера). Одним из лучших примеров в области разработки и производства мебели является шведская компания ИКЕА. Многие новые модели мебели были предложены самими покупателями. Фирма активно продвигает идею самообслуживания, самостоятельной доставки, самостоятельной сборки мебели и т.д. Второй уровень — самостоятельный выбор потребителем опций, предусмотренных производителем для решения определенной проблемы (например, выбор опций покупателем легкового автомобиля или колл-центр крупного банка, где потребители работают с автоматизированной системой). Третий уровень — участие потребителя в создании (разработке) продукта (например, непосредственный заказ опций (параметров), необходимых потребителю или адаптация предоставляемой услуги в режиме реального времени). Наиболее полно данный уровень реализован в методике «Структурирование функции качества» (Quality Function Deployment, QFD) [3].

Инструментом концепции совместного создания ценности является краудсорсинг. Считается, что термин «краудсорсинг» впервые был использован Джеффом Хауи в статье «The Rise of Crowdsourcing» для журнала «Wired» в 2006 году. «Краудсорсинг — технология, позволяющая найти точки соприкосновения с широким кругом представителей внешней аудитории, не имеющей прямого отношения к деятельности субъекта». Лапшова О. А. в статье «Краудсорсинг бизнес-процессов — одна из стратегий современной концепции маркетинга» дает следующее определение понятию «краудсорсинг» — «вовлечение из социума, из массы людей в совместную работу тех, кому это интересно, и кто хочет проявить себя» [4]. От аутсорсинга краудсорсинг как раз и отличается тем, что в первом случае приглашаются к совместной работе профессионалы, а во втором — любители. А также аутсорсинг предполагает наличие договоров и обязан-

ностей, а краудсорсинг — лишь добровольное участие и возможность поощрения. «Краудсорсинг — это привлечение к решению той или иной проблемы мнений огромного количества самых разных людей, а дальше эти мнения анализируются, выбираются наиболее значимые и на их основе принимается решение... Краудсорсинг опирается на инициативу и интеллект сотен, тысяч, а иногда и сотен тысяч участников. При краудсорсинге можно не только вовлечь в этот процесс тысячи человек, но и создать «коллективный разум» национального масштаба. Результатами мозгового штурма «сетевой толпы» могут стать, к примеру, дизайнерские решения для футболок, способы сокращения бюджета, слоган для новой марки пива, решение сложной математической задачи» [4]. В качестве одного из основных примеров краудсорсинга очень часто приводят «Википедию». Краудсорсинг не требует больших затрат и может использоваться даже для развития разного рода бизнес-процессов. «Помощь толпы» обойдется дешевле (и эффективнее во многом) проведения маркетинговых исследований и привлечения бизнес-консультантов. Например, в 2011 г. Сбербанк решил использовать краудсорсинг в качестве новой управленческой технологии. Проект привлек более сотни тысяч человек. В основу был заложен интеллектуальный краудсорсинг, то есть поиск множества лучшей людей и идей.

На современном этапе можно говорить о совместных инновациях фирмы с потребителями и другими участниками кооперации по созданию продукта для конечного потребителя [5]. Совместные инновации — это результат совместной разработки новых решений фирмы с потребителями и несколькими компаниями-партнерами. При этом краудсорсинговая платформа рассматривается как основа налаживания такого взаимодействия. Практика показывает, что совместные инновации все чаще являются результатом сопроизводства и сотворчества компании и ее покупателей или результатом интеграции партнеров и покупателей в инновационный процесс. Это обосновывает правомерность термина — «клиентоориентированные совместные инновации», который отражает тренд интеграции покупателей в разработку инноваций.

Клиентоориентированные инновации — это инновации всех видов и типов, полученные в результате интеграции потребителя в инновационный процесс на любых стадиях инновационного цикла на основе использования разнообразных инструментов (потребительских платформ, ПО и т. п.), что определяет их тип — инновации, полученные в результате сопроизводства или сотворчества ценности с потребителем. Клиентоориентированные инновации чаще всего являются инкрементными, то есть только улучшают текущие технологии или продукты. Радикальные же инновации, как правило, получаются в результате взаимодействия профессионалов — центров НИОКР партнеров, конкурентов и т. п. Переход к клиентоориентированным инновациям трансформирует маркетинговые модели компаний, в которых процесс вовлечения покупателей в сотворчество становится ключевым. Рост доли соинноваций трансформирует сущность маркетинговой деятельности по поддержке инноваций [5]. Маркетинг в таких условиях играет роль не только передатчика потребительских желаний техническим специалистам компании для превращения их в готовый продукт, но стратегического инструмента управления вовлечением и интеграцией партнеров и потребителей в инновационный процесс на самых ранних стадиях для минимизации рыночных рисков и обеспечения персонализации покупательских решений.

Компетенция по интеграции покупателей и партнеров в инновационный процесс в качестве сотворцов ценности растет с приближением к холистической модели маркетинга, когда маркетинг воспринимается как часть общей бизнес-модели компании.

Таким образом, спецификой маркетинговых моделей поддержки инновационной активности является создание эффективных механизмов взаимодействия с партнерами и покупателями и их интеграции в инновационный процесс для генерирования новых и обмена уже имеющимися знаниями и снижения рыночных рисков.

Библиографический список

1. Валдайцев С. В. 2011. Открытая модель финансирования инновационных стартапов // Инновации. № 11 (157). С. 47–52.

2. Chesbrough H., Appleyard M. M. 2007. Open innovation and strategy // California Management Review. Vol. 50, iss. 1. P. 57–76.
3. Kogure M., Akae Y. 1983. Quality Function Deployment and Company Wide Quality Control in Japan: a strategy for assuring that quality is built into products // Quality Progress. October. P. 25–29.
4. Ланишова О. А. 2012. Краудсорсинг бизнес-процессов — одна из стратегий современной концепции маркетинга // Проблемы экономики и менеджмента. № 4 (8). С. 53.
5. Трефилова И. Н. 2017. Маркетинговые модели поддержки инноваций: монография. СПб.: ИПЦ ООО «Политехника-принт».

Молчанов Н. Н., Муравьева О. С., Макарова М. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
n.molchanov@spbu.ru, o.muraveva@spbu.ru, makarova3204@yandex.ru

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ИНСТРУМЕНТОВ ЦИФРОВОГО МАРКЕТИНГА (НА ОСНОВЕ ИХ САМООЦЕНКИ)

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу отношения и информированности потребителей к таким инструментам цифрового маркетинга как мобильный маркетинг; e-mail маркетинг; influence маркетинг; маркетинг в социальных сетях. Приводится определение цифрового маркетинга и его основных инструментов, а также представлены результаты оценки информированности потребителей о его основных принципах и влиянии различных маркетинговых мероприятий на принятие решения о покупке потребителем.

Ключевые слова: цифровой маркетинг, мобильный маркетинг; e-mail маркетинг; influence маркетинг; маркетинг в социальных сетях.

Molchanov N. N., Muraveva O. S., Makarova M. S.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

ANALYSIS OF INFLUENCE OF DIGITAL MARKETING'S TOOLS ON CUSTOMERS (BASED ON THEIR SELF-ASSESSMENT)

Abstract: This research is devoted to analysis of the attitude and awareness of consumers to digital marketing tools such as mobile marketing; e-mail marketing; influence marketing; social media marketing. The definition of digital marketing and its main tools is presented in the paper, and the results of consumer awareness assessment of its basic principles and the impact of various marketing activities on making a consumer purchase are introduced.

Keywords: digital marketing, mobile marketing; e-mail marketing; influence marketing; social media marketing.

Процесс цифровизации в современном мире требует от бизнеса полного пересмотра основ своей работы независимо от того, в каком секторе функционирует компания и на выпуске какой продукции она специализируется. Зачастую изменения в бизнес-процессах и подходах работы с потребителями диктуют сами клиенты: они становятся более мобильными, информированными, требовательными к качеству продукта и обслуживания. Понятие цифровой экономики понимают как в широком, глобальном значении, так и выделяют внутри нее более узкие области, к которым, в частности, можно отнести цифровой маркетинг [1, 2].

Целью данного исследования явилась оценка информированности и отношения потребителей к основным инструментам цифрового маркетинга. Для этого авторами было проведено полевое исследование методом адресной раздачи анкет студентам экономического факультета СПбГУ. Всего было опрошено около 100 респондентов.

Задачи исследования в контексте поставленной цели были определены следующие:

- оценить уровень информированности потребителей о цифровом маркетинге и его основных инструментах;
- оценить уровень информированности потребителей об основных принципах цифрового маркетинга, а также отношение к нему;
- оценить уровень влияния различных маркетинговых мероприятий на принятие решений о покупке потребителем;
- оценить поведение потребителей, а также их отношение к различным инструментам цифрового маркетинга.

Цифровая перестройка и изменения в поведении потребителей привели к изменениям в маркетинге. В результате возник и развивается digital-маркетинг (цифровой маркетинг, диджитал-маркетинг), под которым в данном исследовании понимается комплексный подход к продвижению компании, ее продуктов и услуг, основанный на применении цифровых технологий и использующий для продвижения как онлайн-, так и офлайн-каналы.

Digital-маркетинг, в отличие от интернет-маркетинга, активно использует не только интернет-каналы, но и каналы, не имеющие непосредственной связи с интернетом.

Основой диджитал-маркетинга является клиентоориентированный подход и нацеленность на построение и улучшение отношений с потребителями. Первое достигается за счет персонализации, т.е. более детального понимания намерений, желаний и потребностей клиента. Но чтобы добиться его лояльности, компании необходимо не только изучить целевую аудиторию, но и поддерживать с ней общение. Для этого на начальном этапе цифровизации маркетинга компании смещают свою стратегию в сторону «типичного потребителя», целевой аудитории. Маркетинговая стратегия выстраивается так, чтобы клиент прошел через все обозначенные компанией этапы «потребительского пути» (customer journey).

Следует отметить, что digital — это не отдельный канал коммуникации, а среда, представляющая собой совокупность из множества каналов и инструментов (медиасоставляющая digital-маркетинга).

Главной ценностью digital маркетинга для бизнеса является не возможность применять как онлайн, так и оффлайн каналы продвижения, а его *управляемость и измеримость*. В цифровом маркетинге активно используются новейшие инструменты, позволяющие:

- обеспечить подсчет и прогнозирование дохода;
- найти индивидуальный подход к потребителю;
- обеспечить постоянную качественную двустороннюю связь между рекламодателем и конечным потребителем продукта;
- измерить результат;
- получить полный анализ эффективности использованных каналов и возможность оптимизировать их.

В современном мире существует большое разнообразие цифровых каналов и инструментов, которые часто пересекаются друг с другом и взаимодополняются. Среди них: SMM, поисковая и баннерная реклама, e-mail-маркетинг, контент-маркетинг, нативная реклама, influence маркетинг, партнерский и мобильный маркетинг, цифровая наружная реклама. Авторы провели исследование потребителей, которые являются непосредственными субъектами воздействия на них цифрового маркетинга.

В ходе анкетирования были опрошены молодые люди обоих полов в возрасте от 18–25 лет со средним уровнем дохода, большая часть которых имеет законченное либо неполное экономическое образование.

Особенностями данной группы являются гибкость, современность; возможность получения новых знаний; доступ к многочисленным социальным медиа (интернет и социальные сети), их активное и регулярное использование. Также данная категория физических лиц составляют кадровый потенциал страны. Осведомленность и отношение данной группы людей к цифровому маркетингу оказывает влияние на их поведение не только как потребителей, но и как потенциальных работников. Результаты опроса среди данных респондентов могут не совпадать с мнением усредненного в масштабах страны потребителя, с одной стороны, но с другой — справедливо отражать мнение экономически грамотного населения Санкт-Петербурга.

Обозначим основные области исследования в ходе полевого исследования и некоторые его результаты.

Информированность потребителей о цифровом маркетинге и его основных инструментах. Для оценки информированности респондентов о цифровом маркетинге и его основных инструментах требовалось ответить об их уровне согласия со следующими утверждениями:

- Ранее не встречал терминов «цифровой маркетинг», «digital маркетинг».

- Знаю о существовании цифрового маркетинга, но не знаю его особенностей и отличий от обычного маркетинга.
- Знаю о существовании цифрового маркетинга, но не знаю его особенностей и отличий от интернет-маркетинга.
- Использую инструментарий digital маркетинга в своей работе.

По результатам исследования наблюдается довольно высокий уровень информированности респондентов о digital маркетинге, однако немногие из них могут отличить цифровой маркетинг от обычного маркетинга, и крайне низкое количество опрошенных знают отличия от интернет-маркетинга. Инструментарий digital маркетинга имеет низкий уровень распространения в практике респондентов. Вероятнее всего, это связано с тем, что большая часть респондентов — обучающиеся университета, которые либо не имеют постоянной работы, либо она не связана с маркетингом.

Таким образом, респонденты хорошо информированы о существовании цифрового маркетинга и его инструментарии, однако большинство не знает его сущности, особенностях и основных отличиях от обычного и в особенности интернет-маркетинга. Респонденты не соотносят между собой данные понятия и не могут определить, какое из них является более широким и емким.

Полученные результаты можно объяснить масштабной цифровизацией, проходящей в стране и находящейся на слуху у людей. Они часто слышат термины «цифровая экономика», «цифровизация» и, вероятно, «цифровой маркетинг», однако не стремятся получить дополнительную информацию об этом и узнать особенности нового этапа развития маркетинга.

Информированность потребителей об основных принципах цифрового маркетинга, а также отношение к нему. Респондентам были предложены следующие утверждения:

- Современная реклама только информирует покупателя, решение он принимает самостоятельно.
- Современная реклама может оказывать влияние только при покупке относительно недорогих продуктов. Покупка дорогих предметов (квартира, автомобиль) в большей степени зависит от сознательного выбора потребителя.
- Современные компании используют инструментарий цифрового маркетинга для воздействия на выбор потребителя.
- Современная реклама слишком навязчива и буквально преследует потребителя как в онлайн-, так и в офлайн-мире.
- Современные рекламные предложения имеют персонализированный характер.

Большая часть респондентов полагает, что реклама осуществляет не только информирование покупателей, она влияет на их потребительский выбор. Потребители осознают тот факт, что их решение не является исключительно рациональным и независимым от воздействия рекламы. Реклама дорогих товаров и услуг оказывает не меньшее влияние на потребительский выбор, чем реклама бюджетных продуктов. Это достигается благодаря использованию эмоциональных стимулов, создающих ощущение престижности продукции. Отмечается уверенность респондентов в использовании компаниями многообразных рекламных каналов и инструментов, в том числе относящихся к цифровому маркетингу, связана с определенным уровнем недоверия и подозрительности к представителям бизнеса, а также обилием рекламных материалов, окружающим потребителей. У опрошенных сложилось единое мнение о том, что современная реклама слишком навязчива и буквально преследует их как в онлайн-, так и в офлайн-мире. Негативное восприятие рекламы потребителями может быть связано с ее выходом за границы традиционных каналов продвижения и распространением таргетированной рекламы, привлекающей большее внимание потребителя.

Уровень влияния различных маркетинговых мероприятий на принятие решений о покупке потребителем. Оценивалось влияние таких маркетинговых мероприятий, как телевизионная реклама и радио реклама; наружная реклама и реклама на транспорте; реклама в точках

продаж; интернет-реклама; программы лояльности, скидки, акции, подарки потребителям; воздействие на органы чувств потребителя; логотип бренда, слоган, отличительные черты бренда; качество товара и сервиса.

Потребители считают, что на их выбор в большей степени влияют факторы, с которыми они контактируют при покупке товара, при этом выше оцениваются факторы, непосредственно связанные с продуктом. В данной тенденции проявляется склонность потребителей к совершению более рационального и финансово выгодного выбора, совершенного не под воздействием органов чувств и эмоций.

Поведение потребителей, а также их отношение к различным инструментам цифрового маркетинга. С помощью данного вопроса оценивалось поведение потребителей, а также их отношение к различным инструментам цифрового маркетинга, таким как мобильный маркетинг; e-mail маркетинг; influence маркетинг; маркетинг в социальных сетях. Также исследовалось восприятие традиционных инструментов — наружной рекламы и рекламы на транспорте;

Авторы пришли к следующим выводам о влиянии на потребителей различных инструментов цифрового и нецифрового маркетинга:

- а) в части наружной рекламы и рекламы на транспорте: она оказывает влияние только на небольшую часть аудитории, не вызывает положительных эмоций к продукту, бренду и компании.
- б) в части мобильного маркетинга: среди потребителей популярны мобильные приложения, в то время как СМС-оповещения остаются без внимания. Также у российского потребителя еще не сложилась привычка считывать QR-коды.
- в) в части поисковой рекламы: более эффективной является реклама, грамотно настроенная на целевую аудиторию продукта или компании, ненавязчивая и органично вписывающаяся в контекст или ситуацию. Поэтому более полезной и актуальной для потребителей является поисковая (контекстная) реклама, расположенная вверху страницы выдачи результатов запросов, среди органической выдачи. Контекстная реклама справа от естественной выдачи привлекает больше внимания потребителей и при этом отталкивает их.
- г) в части e-mail маркетинга: e-mail маркетинг позитивно воспринимается потребителями, однако на то, до какой стадии воронки продаж пройдет каждый адресат электронного письма, влияет множество факторов. Для компании e-mail маркетинг — доступный и действенный инструмент продвижения и формирования имиджа бренда.
- д) в части influence маркетинга: данный инструмент маркетинга имеет воздействие на небольшую долю потребителей, однако influence маркетинг имеет большой потенциал за счет приобщения людей, не знакомых с ним или не сложивших определенного мнения.
- е) в части маркетинга в социальных сетях: сообщества в социальных сетях не привлекают значительной доли потребителей к взаимодействию и общению, однако розыгрыши пользуются популярностью среди покупателей. Особенности настройки и многообразие видов рекламы, представленной в социальных сетях, делает ее эффективным инструментом маркетинга для привлечения потенциальных клиентов.

Библиографический список

1. Молчанов Н. Н., Муравьева О. С., Макарова М. С. 2018. Роль затрат на маркетинг в цифровых и нецифровых отраслях экономики (на примере компаний США) // Вестник Удмуртского университета: Экономика и право. Т. 28, вып. 5. С. 647–660.
2. Макарова М. С., Муравьева О. С. 2018. Анализ эффективности затрат на маркетинг в отраслях цифровой экономики // Первая международная конференция «Управление бизнесом в цифровой экономике»: сборник тезисов выступлений, 22–23 марта 2018 года, Санкт-Петербург / отв. ред. М. К. Ценжарик, И. А. Аренков. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. С. 346–349.

Полюга М. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
www.masha-11.94@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: В данном исследовании уделяется внимание особенностям цифровизации экономики в Калининградской области. Рассмотрено развитие цифровой экономики в различных секторах исходя из выгодного географического положения региона и имеющихся льгот для осуществления инвестиционной деятельности. Выявлены перспективы и проблемы реализации и дальнейшего развития цифровизации экономики Калининградской области.

Ключевые слова: цифровая экономика, Калининградская область, особая экономическая зона, IT-сектор, здравоохранение, умный город, центр электронного декларирования, телемедицина.

Poliuga M. S.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE FEATURES OF THE ECONOMY IN THE KALININGRAD REGION

Abstract: This study focuses on the features of digitalization of the economy in the Kaliningrad region. The development of the digital economy in various sectors, based on the favorable geographical location of the region and the available benefits for investment. Prospects and problems of realization and further development of digitalization of economy of the Kaliningrad region are revealed.

Keywords: digital economy, Kaliningrad region, special economic zone, IT-sector, health care, smart city, e-Declaration center, telemedicine.

Современное развитие мировой экономики невозможно представить без информационных технологий. Они охватывают все сферы жизнедеятельности, тем самым играя в жизни государства и общества важную роль. В настоящее время можно наблюдать различные процессы, связанные с обработкой данных, хранением и передачей различного объема информации. Полученная информация лежит в основе любого экономического анализа, который исследует закономерности функционирования современных социально-экономических систем [1].

В 2017 г. Правительством Российской Федерации была разработана и утверждена программа перехода страны к цифровой экономике до 2030 г. [2]. Под цифровой экономикой понимают совокупность экономических, социальных и культурных отношений, которые основаны на применении цифровых информационно-коммуникационных технологий. Благоприятной средой для реализации данной программы являются территории особых экономических зон (ОЭЗ) РФ, которые предоставляют различные льготы для инвесторов, определенный режим налогообложения, торговые привилегии, сравнительно дешевые и доступные земельные участки, инфраструктуру, упрощенные таможенные процедуры. Одной из таких ОЭЗ является Калининградская область, функционирующая на основе ФЗ от 10.01.2006 N 16-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2018). Актуальность темы исследования обусловлена уникальными возможностями региона в реализации программы «Цифровая экономика».

Калининградская область ввиду своего географического положения является самым западным субъектом Российской Федерации. По сравнению с другими регионами, «Янтарный» край граничит со странами Европейского союза (ЕС) и имеет выход к незамерзающим портам Балтийского моря, что делает его привлекательным для инвесторов. Развитая инфраструктура, наличие двойной колеи: национальной и европейской, динамичное развитие бизнес-процес-

сов способствует запуску в ускоренном режиме пилотных проектов дорожной карты цифровой экономики. Опыт Калининградской области будет являться основой для перехода Российской Федерации к цифровой экономике.

Рассмотрим подробнее несколько приоритетных направлений для осуществления цифровизации экономики региона.

Во-первых, развитие IT-сектора. Калининградская область имеет ряд особенностей по предоставлению льгот в период реализации IT-проектов. Являясь особой экономической зоной, регион упрощает въезд на территорию высококвалифицированным специалистам, и иностранным резидентам. Резиденты имеют следующие льготы: налог на прибыль — 0 % в течение первых 6 лет с года получения прибыли, далее, в течение следующих 6 лет — 10 %, налог на имущество — 0 % в течение первых 6 лет, далее, в течение следующих 6 лет — 1,1 %, страховые взносы — 7,6 % до 2028 г. Если сравнивать область с другими регионами, которые имеют схожий статус ОЭЗ, то прослеживается ее явное преимущество. Так, Казань, Ульяновск, Челябинск, Новосибирск, Пенза имеют ставку налога на прибыль, равную 15,5 %, Тюмень — 14 %, Крым — 2 % в течение трех лет. Ставка по страховым отчислениям в Казани, Тюмени, Ульяновске, Челябинске, Новосибирске, Пензе составляет 14 %, в Крыму — 7,6 %. Минимальное количество человек в IT-компаниях в Казани, Тюмени, Ульяновске, Челябинске, Новосибирске, Пензе, Крыму должно быть не менее 7 человек. При этом, в Калининградской области нет никаких ограничений по количеству официально трудоустроенных человек в компании. Стоит отметить, что Калининградская область не имеет также ограничения по направлениям развития IT-сектора, в отличие, от Казани. Единственное условие: проект должен относиться к кодам 62–63 ОКВЭД, то есть к группам: «Деятельность воздушного транспорта», «Вспомогательная и дополнительная транспортная деятельность».

Немаловажным является тот факт, что для страховых отчислений с заработной платы, все IT-компании должны иметь свидетельство о государственной аккредитации Минкомсвязи. Это условие распространяется на всю территорию РФ, кроме Калининградской области. Помимо всего, с 1 января 2018 г. в регионе действуют сниженные тарифы страховых взносов для новых резидентов и снижающие планку инвестиций для инвестпроектов в IT-секторе до 1 млн руб. и до 10 млн руб. для проектов в сфере здравоохранения. В конце 2017 г. в едином реестре было зафиксировано около 140 инвестиционных проектов, имеющих общую стоимость более 100 млрд руб. В начале 2018 г. статус резидента Калининградской области получили более 30 компаний. Общая сумма их инвестиционных проектов составила около 10 млрд руб. [3]. Благодаря им в регионе должны появиться более трех тысяч рабочих мест.

Во-вторых, создание «умных» городов. Под умными городами понимается совокупность коммуникативных и информационных технологий с интернетом вещей, то есть автоматизированная работа приборов и систем, за счет их подключения к беспроводной сети, которая значительно упрощает управление внутренними процессами города и благоприятствует улучшению качества жизни людей [4]. В настоящее время Калининградская область ведет деятельность по созданию одного «умного» города — города Гусев. Еще в 2010 г. Правительством Калининградской области было подписано Соглашение об осуществлении инвестиционного проекта с холдингом GS Group (ранее General Satellite). За прошедшее время в чертах Гусева работает шесть новых заводов, центр обработки данных (ЦОД), жилые районы для сотрудников. Технополис GS имеет высокотехнологичное производство корпусирования микропроцессов — GS Nanotech. Также осуществляется сборка приемников для «Триколора» на заводе «Цифровых телевизионных систем». Стоит отметить, что холдинг уже несколько лет назад заложил первые шаги к цифровизации жизни населения региона. Так, абонентам «Триколор» был предложен планшет, не имеющий доступ к домашнему интернету, который показывал все телеканалы, доступные в тарифе. В перспективе GS Group планирует разработать систему управления «умными» домами через подобные планшеты. К примеру, разработать беспроводной выключатель света, с помощью которого можно будет управлять электроэнергией в доме, или умное распределение ресурсов энергосети в помещении.

В-третьих, создание Центра электронного декларирования (ЦЭД). Ввиду своего особенно географического положения, формирование подобного центра, безусловно, актуально. Работать Калининградский ЦЭД начал с 1 октября 2018 г.. С этого момента все декларации на

товары в электронной форме подаются только через Калининградский ЦЭД. Важно отметить, что все товары размещаются на таможенных постах фактического контроля Калининградской области. При этом, в операциях отсутствует взаимодействие декларанта и должного лица таможенного органа. Стоит отметить, что общая доля деклараций на товары, которые были зарегистрированы в Калининградском ЦЭДе в начале 2018 г. составляла около 36 %, в сентябре 2018 г. — уже 57 % от общего декларируемого массива таможенным органом [5].

В-четвертых, развитие «цифрового» здравоохранения. Калининградская область в 2017 г. заняла седьмое место среди регионов РФ по информации здравоохранения. С декабря 2017 г. в регионе начала работу Единая диспетчерская служба скорой медицинской помощи. Весь автотранспорт имеет бортовые комплексы ГЛОНАСС/GPS, которая интегрирована с системой «112». Также действует интерактивное мобильное приложение для врачей. С 2018 г. введена в эксплуатацию новая информационная система льготного лекарственного обеспечения (АСУЛОН), благодаря которой происходит автоматизация всех процессов, начиная с момента составления заявки учреждения здравоохранения и расчетов необходимой потребности в препаратах до распределительной логистики и управления запасами. Помимо всего прочего, такая система организует оперативный контроль при выписке рецептов. На данный момент с помощью системы выписано около 250 тыс. рецептов для 45 льготников. В дальнейшем планируется разработка региональной системы мониторинга тяжелого цифрового оборудования, к которой должны быть подключены все аппараты в регионе, а информация будет располагаться в центральном архиве медицинских изображений. Такой шаг должен послужить началом формирования и развития телемедицины в Калининградской области.

В-пятых, развитие цифровой социальной сферы региона. Помимо развития телемедицины, планируется развитие дистанционного образования, удаленной работы, дистанционное управление жилищно-коммунальными услугами. Стоит отметить, что Калининградская область с 2018 г. выступает пилотным проектом для ПАО «Сбербанк» в рамках реализации программы «Безналичный Калининград» (аналогичная программа «Безналичный Татарстан»). В частности, предполагается развитие бесконтактных платежей в торгово-сетевых точках, а также обеспечение населения специальными социальными картами, в которых будут включены такие услуги, как социальные, медицинские и транспортные.

Безусловно, реализация и дальнейшее развитие проектов цифровизации экономики сталкивается с рядом проблем:

1. Отсутствие четко сформулированной нормативно-правовой базы. К примеру, до сих пор отсутствует закон, регулирующий сбор и обработку данных обучающихся в общеобразовательных учреждениях. Если говорить о развитии системы дистанционного общего и дополнительного образования, то немаловажную роль играют данные о каждом ученике.
2. Нехватка высококвалифицированных кадров в IT-секторе, а также в производстве высокотехнологичных продуктов.
3. Отсутствие образованности и информированности большей части населения региона в области цифровизации экономики, а также нежелание, к примеру, отказываться от привычных методов оплаты жилищно-коммунальных услуг, походов в медицинские учреждения за рецептами, управления государственными и муниципальными услугами.
4. Финансовая нагрузка на региональные бюджеты. Развитие цифровизации экономики Калининградской области потребует дополнительных финансовых расходов. Здесь важна поддержка Правительства РФ в осуществлении проекта. Согласно паспорту программы, планируется расходовать около 17 млрд руб. [3].

Таким образом, несмотря на ряд проблем, Калининградская область имеет все шансы носить статус «цифрового» региона Российской Федерации. Благодаря своему выгодному географическому положению и ряду вытекающих особенностей по осуществлению внешнеэкономической деятельности, область является привлекательным объектом как для национальных, так и зарубежных инвесторов в рамках реализации проектов высокотехнического производства

и IT-технологий. Стоит отметить, что переход к цифровизации экономики региона начался еще до утверждения Федеральной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В настоящее время отмечается положительная динамика ВРП региона. Так, в 2017 г. рост составил 2 % по сравнению с 2016 г. Благодаря цифровой экономике ожидается сокращение расходов на оказание услуг населению, появление новых возможностей для развития человеческого капитала, улучшение качества и уровня жизни и, как следствие, продолжительности жизни населения. Опыт Калининградской области послужит примером дальнейшей реализации цифровой экономики в стране.

Библиографический список

1. Андреева Г. Н., Бадаляниц С. В., Богатырева Т. Г. и др. 2018. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: монография. Нижний Новгород: Профессиональная наука.
2. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 10.12.2018).
3. Официальный сайт Администрации Особой экономической зоны Калининградской зоны. Инвестируй в Калининградскую область. URL: <https://investinkaliningrad.ru/invest/osboaya-ekonomicheskaya-zona/> (дата обращения: 10.12.2018).
4. Козлова А. С., Нестеренко Е. А. 2018. Направления развития цифровой экономики и цифровых технологий в России // Экономическая безопасность и качество. Т. 2(31). С. 9–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/napravleniya-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki-i-tsifrovyyh-tehnologiy-v-rossii> (дата обращения: 10.12.2018).
5. Официальный сайт Федеральной таможенной службы Калининградской области. Центр электронного декларирования в Калининграде приступил к работе на новом месте и в полном объеме. URL: http://koblt.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=21235:2018-10-01-04-55-14&catid=4:news&Itemid=17 (дата обращения: 10.12.2018).

Смирнов С. А., Дудин К. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
sergej-smir@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ НАДЕЖНОСТЬЮ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК

Аннотация: В статье рассматриваются проблематика управления цепями поставок. Авторы формулируют современные цели управления цепями поставок, выделяют ключевые показатели эффективности функционирования цепей поставок и делают акцент на надежности функционирования цепей. В целях определения оптимальных параметров цепей поставок авторы предлагают использовать методы дискретно-событийного имитационного моделирования. Данные методы активно используются на практике, достаточно изучены в зарубежной литературе, однако в российской практике не завоевали популярности. Данная статья выполнена по материалам диплома, включающего в себя имитационную модель конкретной цепочки поставок.

Ключевые слова: надежные цепочки поставок, управление цепями поставок, надежность цепей поставок, имитационное моделирование цепей поставок, оптимизационный эксперимент.

Smirnov S. A., Dudin K. I.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE ISSUES OF RELIABILITY MANAGEMENT IN SUPPLY CHAINS

Abstract: The paper is devoted to problems of supply chain management. The authors formulated and discussed the main objectives of contemporary supply chain management. Besides, those key performance indicators of supply chains were introduced, and the accent was made on the metrics of supply chains reliability. To define the optimal supply chains parameters the to explore the discrete-event simulation (DES). These methods are well discussed in scientific literature and even widespread in practice. At the same time, they continue to advance and still not in domestic literature and practice. The paper is developed on the base of diploma paper that is included the simulation model of the retail supply chain.

Keywords: reliable supply chain, supply chain management, supply chains reliability, supply chains simulation, optimization experiment.

Современная бизнес-среда стала намного сложнее, чем в момент зарождения теории SCM, более тяжелой стала и конкурентная борьба. В таких условиях все больше компаний встают на путь развития взаимоотношений с партнерами в рамках цепей поставок. В основном это обусловлено отсутствием у многих компаний компетенций, необходимых для удовлетворения потребностей клиентов. Взаимоотношения налаживаются, например, посредством аутсорсинга некоторых операций либо при помощи тесного сотрудничества с другими предприятиями (в рамках цепей поставок это Supply Chain Collaboration — SCC). В процессе сотрудничества, по мере развития и увеличения конкурентоспособности, компании-партнеры выходят за пределы своих организационных границ и максимально интегрируют процессы в некую единую систему.

Так были основаны интернациональные (XX в.) и глобальные (XXI в.) корпорации, широкое распространение получила международная специализация и кооперация производства, что привело к активному развитию методологии SCC: по данным исследования [1] с 2006 г. наблюдается резкий рост количества публикаций в области SCC. Пик пришелся на 2014 г. — в 7 раз больше публикаций по сравнению с 2005 г.

Активизация исследований, на наш взгляд, произошла из-за сопровождающих SC проблем: одновременная зависимость от нескольких поставщиков, неспособность быстро реагировать на неопределенности, сложность выбора оптимального канала для выполнения транзакций между участниками SC. В дополнение к вышеупомянутому, цепочки поставок также подвержены воздействию других факторов риска, таких как стихийные бедствия, несанкционированный

доступ к управлению цепями поставок с целью имущественного ущерба, ошибки в управлении, также сюда относят возможные трудовые споры, перегруженность транспортной инфраструктуры, задержки воздушного сообщения — все это может привести к серьезным нарушениям в локальной и глобальной торговле. В более широком плане эти проблемы усложняют процесс администрирования SC.

В тематическом отчете «Supply Chain Resilience Report», подготовленном Business Continuity Institute [2] за 2017 г. указывается, что по результатам исследования 75 % предприятий каждый год испытывают как минимум одно нарушение в работе цепочки поставок (причем авторы предполагают, что фактически это значение выше): 22 % из них сообщили о совокупных годовых убытках в размере более чем 1.000.000 \$, а еще 34 % — о годовых убытках более 270.000 \$. Кроме того, 55 % заявили о снижении производительности, 34 % — об ухудшении уровня обслуживания, и 32 % — о потере дохода. Эти тенденции привели к смещению акцента исследований с эффективности цепочки поставок на надежность и устойчивость SC [3], что обуславливает актуальность нашей работы.

Начиная рассмотрение надежности в SC, следует обратить внимание на то, что в целом теория сформирована на достаточно проработанном уровне, однако на сегодняшний день отсутствует единство понятийного аппарата. Как следствие, нами было получено многогранное видение проблемы. В целях унификации рассматриваемой в рамках работы терминологии, под надежностью будем понимать свойство, присущее SC, отражающее способность цепи поставок находиться в состоянии безукоризненной работоспособности, т. е. реализовывать все функции, взятые на себя по договорам между ее участниками, при условии поддержания в допустимых (установленных) пределах значений всех своих характеристик (адаптивности, защищенности, безотказности, быстроты реакции, восстанавливаемости, исправности и робастности).

В современной научной практике есть множество подходов к тому, как оценить надежность цепей поставок. Среди них различают: поведенческие, концептуальные, качественные, симуляции/моделирования. Наиболее популярными являются: процессный подход, оценка качества логистического сервиса на основе показателя «совершенный заказ», метод «оценки риска и смягчения последствий для нарушения цепи поставок».

В данной работе рассмотрим несколько методов, которые составляют основу при построении имитационной модели. Первый метод, являющийся фундаментом модели, — процессный подход, который представлен специально адаптированной под управление цепями поставок SCOR-моделью (Supply Chain Operations Reference-model), разработанной в течение последних двух десятилетий Американским обществом по контролю за производством и запасами (APICS). Создание модели было связано со стремлением понять и оценить процессы, составляющие основу управления SCM, а также с созданием методик моделирования этих процессов [4].

Структура SCOR-модели насчитывает четыре уровня, но, учитывая специфику выбранной темы, мы рассматриваем три из них. Первый (глобальный) уровень — выделение основных, принципиальным образом отличных друг от друга бизнес-процессов. Второй (уровень конфигурации) — описание основных процессов первого уровня, заключающееся в подборе показателей, основным образом объясняющих состояние определенного бизнес-процесса, принятие операционной стратегии. На третьем уровне компания убеждается в правильности (или корректирует) операционную стратегию, которая была принята на предыдущем уровне.

Модель SCOR позволяет добиться максимального взаимопонимания между партнерами при помощи наглядного представления бизнес-процессов. Достигается такое представление за счет определения процессов в SC на оперативном уровне, документируются оперативные базовые показатели, а также логическая и временная последовательность циклов производства, связанных с конкретным заказом.

Надежность в SCOR-модели, как и отклик, гибкость SC, издержки и эффективность управления SC — параметры функционирования цепей поставок, каждый из которых имеет свой показатель. Основываясь на этих показателях дают комплексную оценку эффективности SCM.

Следующим подходом к оценке надежности является метод «оценки риска и смягчения последствий для нарушения цепи поставок» [5] с использованием сетевых структур, который опирается на теорию надежности сети и описывает процесс оценки и смягчения рисков.

Метод не требует опыта сложного математического или компьютерного программирования, опирается на базовые знания теории вероятностей.

Под надежностью SC здесь понимается вероятность того, что система не потеряет свою способность оставаться функциональной. Надежность сети вычисляется для данной надежности каждого компонента в системе. Авторы метода выделяют различные показатели надежности компонентов, например, надежность подключения, надежность связи и пр. Для вычисления надежности каждого компонента авторы предлагают описывать структуру системы в блок-схеме надежности (Reliability Block Diagram — RBD) — это схема событий, обозначающая, какие элементы системы необходимы для выполнения требуемой функции и какие из них могут завершиться неудачей, не влияя на работоспособность всей SC. В контексте цепочки поставок элементами являются поставщики.

Пусть X — возможность изготовления некоторого продукта. При его производстве используются два вида комплектующих a и b . Причем часть b тоже состоит из двух c и d . Составляющая d может быть поставлена двумя поставщиками — $d1$ и $d2$. Операции ветвления между различными частями (a и b , c и d) в древовидной диаграмме описываются как связи в серии. Объясняется это тем, что система отказывает, если хотя бы один из компонентов терпит неудачу. Аналогично, операция ветвления между одинаковыми частями ($d1$ и $d2$) в спецификации описывается как связи в параллельном режиме, так как система отказывает только в случае, если все эти компоненты терпят неудачу.

После того как система описана в виде RBD, необходимо обозначить состояние каждого из входящих в нее элементов. Опишем сначала логику, используемую в теории надежности — если элемент работоспособный, $x_a = 1$, в противном случае $x_a = 0$.

$$x_a = \begin{cases} 1, & \text{если элемент } a \text{ функционирует} \\ 0, & \text{в противном случае} \end{cases} \quad (1)$$

Далее путем составления функции работоспособности определяем состояние системы в целом — если система работает, $f(x) = 1$, иначе $f(x) = 0$.

$$f(x) = \frac{\sum_{i=1}^n x_i}{n}, \quad (2)$$

где x_i — состояние i -го элемента, n — количество элементов в системе.

Перенесем изложенную логику на определение надежности SC. Как мы упоминали ранее, надежность здесь представлена в виде вероятности. Так, r_i — вероятность, что i -й элемент (поставщик) надежен (выполнит все обязательства в срок, в полном объеме и т.д.). Рассмотрим в контексте двух вариантов связи элементов в системе: серия и параллель.

Если поставщики составлены в системе серии в RBD, есть только один путь от начала до конца цепочки поставок. В этом случае надежность сети R вычисляется по формуле

$$R = \prod_{i=1}^n r_i, \quad (3)$$

где r_i — надежность i -го элемента, n — количество элементов в системе.

Если поставщики составлены в параллельной системе в RBD, есть два и более (в зависимости от количества поставщиков в параллели) пути от начала до конца цепочки поставок. В этом случае надежность сети R вычисляется по формуле

$$R = 1 - \prod_{i=1}^n (1 - r_{d_i}). \quad (4)$$

Если в сети присутствуют оба типа связей, используя формулы (3) и (4), определяется общая надежность системы (цепи поставок).

$$R = \prod_{i=1}^n r_i \times \left[1 - \prod_{i=1}^n (1 - r_{d_i}) \right]. \quad (5)$$

Значит, риск нарушения цепочки поставок определяется по формуле

$$Disruption = (1 - R). \quad (6)$$

Таким образом, с помощью данного метода можно вычислить надежность SC. Единственной сложностью при использовании модели является неопределенность в присвоении составляющим систему элементам оценок их надежности.

Рассмотренные методы легли в основу моделирования логистической цепи в рамках работы. Модель представлена в сетевом виде, каждому элементу присвоены специфические показатели надежности, отражающие способность элементов безотказно выполнять принятые обязательства и поставленные задачи.

В ходе работы мы установили, что модель необходимо строить на среднем (тактическом) уровне абстракции, который соответствует бизнес-процессам, в том числе логистическим и представлен в науке парадигмой дискретно-событийного моделирования. В рамках данной парадигмы упомянутый ранее сетевой вид модели сводится к потоковым диаграммам, а показатели надежности становятся свойствами объектов.

Для достижения заданного уровня надежности цепи поставок используется метод оптимизации — оптимизационный эксперимент. С его помощью путем проведения множества итерационных циклов с работоспособной имитационной моделью определяются оптимальные параметры для каждого объекта, что в дальнейшем может быть полезным при принятии управленческих решений, например, выбор новых контрагентов и условия взаимодействия с ними.

Заключение. В статье к докладу на конференции представлена проблематика управления цепями поставок. В работе дискутируются аспекты управления надежностью цепочек поставок. Рассмотрены методы управления надежностью, предложены основные формулы, которые в дальнейшем будут использоваться в имитационном моделировании конкретной цепочки поставок и оптимизационных экспериментах. В статье сформулированы общие принципы построения имитационной модели цепочки поставок. Авторы предлагают более активно использовать методы имитационного моделирования цепей поставки на практике, так как они уже широко развиты в зарубежной литературе и в бизнесе.

Библиографический список

1. Ke Ma, Rudrajeet Pal & Eva Gustafsson. 2018. What modelling research on supply chain collaboration informs us? Identifying key themes and future directions through a literature review // International Journal of Production Research.
2. Alcantara P., Riglietti G., Aguada L. 2017. BCI Supply Chain Resilience Report. Tech Rep. 1–52.
3. Perera S.S., Bell M.G.H., Bliemer M.C.J. 2015. Modelling Supply Chains as Complex Networks for Investigating Resilience: An Improved Methodological Framework // Australasian Transport Research Forum (ATRF). P. 1–16.
4. Леонтьев В. 1997. Система информационного обеспечения принятия стратегических решений в современной экономике. Межотраслевая экономика М: Экономика. 227 с.
5. Ohmori S., Yoshimoto K. 2013. A framework of managing supply chain disruption risks using network reliability // Industrial engineering and management systems. Vol. 12 (no. 2). P. 103–111.

Федорова И. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
irina.fedorova@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БАНКА: ОСОБЕННОСТИ НОВОЙ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В данном исследовании изучаются вопросы фундаментальных преобразований банковской деятельности, связанных с дигитализацией, и необходимости формирования новой корпоративной культуры банка для реализации стратегии цифровой трансформации, основанной на концепции клиентоцентричности. Автор рассматриваются особенности новой банковской корпоративной культуры, которая вместе с персоналом должны стать основным активом и конкурентным преимуществом, обеспечивая банку устойчивое развитие в цифровой век. Автор выделяет новые подходы в системе организации труда посредством внедрения agile-методологии, заимствованной у высокотехнологических компаний, и развитие новых цифровых компетенций у банковских работников, которые в совокупности будут способствовать формированию новой корпоративной культуры, отвечающей требованиям цифровой экономики.

Ключевые слова: дигитализация, цифровая трансформация, цифровая стратегия банка, клиентоцентричность, корпоративная культура, agile-методология, цифровые компетенции, цифровая экономика.

Fedorova I. S.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

BANK'S DIGITAL TRANSFORMATION: FEATURES OF NEW CORPORATE CULTURE

Abstract: The research studies the issues related to profound transformations in banking, induced by digitalization, and a necessity to shape a bank's new corporate culture to implement digital transformation strategy, based on customer-centricity concept. The author examines features of the new corporate culture that along with personnel should become a key asset and competitive advantage, ensuring a sustainable development to the bank for a digital age. The author singles out new approaches in labour organization through applying agile-methodology adopted from high-technological companies, and new digital competences development for bank employees that would in conjunction contribute to shaping the new corporate culture to meet the digital economy requirements.

Keywords: digitalization, digital transformation, digital bank strategy, customer-centricity, corporate culture, agile methodology, digital competence, digital economy.

Цифровая трансформация в банковской отрасли и вызовы времени. Современный этап развития банковской отрасли неразрывно связан с цифровой революцией и характеризуется ускоренным развитием и внедрением банками инновационных цифровых технологий: Big Data, искусственный интеллект, роботизация, Интернет вещей, облачные технологии, кибербезопасность и др., и переходом к цифровому банкингу, при котором формируются новые бизнес-модели и обеспечиваются новые возможности для создания ценности и получения новых источников доходов, что получило название *дигитализация* [1].

Процессы дигитализации сопровождаются фундаментальными по масштабу и глубине преобразованиями, которые затрагивают самые основы функционирования банков и условия труда работников, существенно меняя их менталитет. По сути, это и есть *цифровая трансформация*, которая в отношении банка как организации, представляет собой глубокое и ускоренное преобразование банковской деятельности, бизнес-процессов, компетенций и бизнес-моделей, осуществляемое на основе наиболее полного использования многообразия и возможностей цифровых технологий с целью предоставления клиентам банка улучшенного пользовательского опыта и удовлетворения их индивидуальных потребностей.

В новой экономической реальности консервативным банкам брошен вызов. Цифровые технологии, снизив барьеры для входа на рынок финансовых услуг, привели к появлению новых участников — это финтех-компании, которые нацелились на сегменты, недостаточно освоенные традиционными банками, и стали предлагать более инновационные и привлекательные услуги. Это создало новую конкурентную среду на рынке финансовых услуг, где началась серьезная борьба за каждого целевого клиента. Потребительское поведение и предпочтения клиентов значительно изменились, так как пользователи смартфонов, планшетов и мобильных приложений получили новый опыт взаимодействия с клиентом, благодаря стандартам, заданным высокотехнологичными гигантами Google, Apple, Facebook и Amazon, которые предлагают более простые, удобные, гибкие и эффективные решения. Такого же подхода клиенты стали ожидать и от банков.

В цифровой век потребители и их предпочтения вышли на первый план, поэтому главным приоритетом стратегии должна стать *концепция клиентоцентричности*, которая предполагает всестороннее понимание клиента на основе глубокого анализа его текущих и будущих потребностей и создание персонализированного ценностного предложения. Эта концепция должна быть заложена в основу цифровой стратегии банка и реализована, прежде всего, в новой корпоративной культуре, которая одновременно должна отвечать требованиям цифровой экономики.

Корпоративная культура как важный элемент цифровой стратегии. Персонал и корпоративная культура являются важными элементами цифровой стратегии банка. Под *корпоративной, или организационной, культурой* понимается система отношений внутри организации, которая содержит в себе философию, имидж, стандарты и нормы поведения, традиции и ценности, принятые в организации, которая обязательна для исполнения всеми ее сотрудниками. Она подразумевает образ мышления и способы действия (методы и подходы), которые должны усваиваться и в целом разделяться всеми сотрудниками и передаваться новым членам коллектива. Корпоративная культура должна способствовать эффективному взаимодействию и согласованным действиям сотрудников всех подразделений и управления банка для достижения его стратегических целей. Ключевую роль в формировании и распространении корпоративной культуры на все уровни банка играет высшее руководство и руководители подразделений.

Принимая концепцию клиентоцентричности в качестве основы цифровой стратегии, банк ставит перед собой цель преобразоваться из традиционного банка в высоко клиентоориентированного, инновационного и динамичного участника рынка финансовых услуг.

На идее клиентоцентричности должна формироваться и новая корпоративная культура банка, при которой клиентоориентированный подход должен быть всецело принят высшим руководством и распространиться сквозь все уровни организации. Это обеспечивается:

- постановкой четких целей стратегии клиентоцентричности и системой мер для всех бизнес-единиц, при которой финансовые результаты и вознаграждение должны быть приведены в соответствие с клиентоориентированным поведением работника;
- вовлечением всех бизнес-подразделений, включая Обеспечение, ИТ, HR и Финансы, которые должны принять клиентоориентированный подход при исполнении своих функций;
- поощрением правильного поведения сотрудников банка;
- принятием работниками банка на себя полной ответственности за проблемы клиента, достигая их разрешения;
- расширением полномочий сотрудников фронт-офиса для оперативного решения вопросов клиентов в месте их возникновения без участия руководства;
- созданием среди сотрудников общего корпоративного духа и имиджа клиентоориентированного банка, основанного на тесном взаимодействии между всеми подразделениями банка, которые все вместе действуют в интересах клиента.

Банки хранят огромные массивы данных, которые в цифровой век стали новым активом за счет их альтернативной ценности. Применение для их обработки новейших цифровых технологий требует от работников новых компетенций. Поэтому кадровая политика банка должна

быть направлена на поиск, привлечение и удержание сотрудников, которые прежде всего обладают цифровыми компетенциями и способны эффективно работать в цифровой среде.

Новые подходы в системе организации труда и компетенции сотрудников банка при реализации цифровой стратегии. Направление развития современной банковской отрасли задано высокотехнологичными компаниями, поэтому банки для цифровой трансформации должны позаимствовать те новые для себя подходы и методы, которые используют компании-разработчики ПО, — это «гибкая методология» или *agile-методология*, scrum-метод, бета-тестирование, экспериментальный метод «проб и ошибок» и др.

Гибкие способы работы предполагают следование сквозному принципу и работу в многодисциплинарных командах, в которые входят специалисты по маркетингу, по продукту и продажам, дизайнеры-проектировщики пользовательского опыта, аналитики по информации и ИТ-инженеры, которые все вместе сосредоточены на решении вопросов, связанных с потребностями клиентов и объединены общей идеей достижения успешного результата. DevOps-подход (интеграция функций разработки продукта и ИТ) позволит запускать новые программные релизы намного чаще — раз в несколько недель, а не месяцев как раньше, тем самым стимулируя развитие инновационных свойств нового продукта и рост числа инноваций в банке в целом. Применяя эти подходы, банк сможет быстро реагировать на любые изменения внешней среды, а гибкость будет процессом постоянных улучшений, как в отношении продуктов и услуг, так и его внутренних процессов, значительно сокращая время вывода новых продуктов на рынок. Бета-тестирование позволяет вовлекать клиентов как конечных пользователей в разработку продуктов и оперативно получать от них обратную связь, что будет не только служить основой для постоянного улучшения процессов, но и способствовать развитию более глубоких доверительных отношений банка с клиентами, что является одной из главных целей клиентоцентричной стратегии.

Корпоративная культура традиционного банка, базирующаяся на власти иерархии и бизнес-подразделениях, которые конкурируют за ресурсы, во многом является прямо противоположной новой корпоративной культуре, создаваемой в условиях цифровой экономики, которая делает упор на сотрудничестве, гибкости и скорости решения задач. Применение новых подходов потребует изменений и в организационной структуре, поскольку исторически сложившаяся иерархическая структура банка будет препятствовать развитию его маневренности.

Информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) совершенно изменили набор качеств, требуемых от работников для выполнения их функций. В цифровой век работники должны обладать *цифровыми компетенциями*, под которыми понимаются знания, умения и навыки человека, необходимые ему для использования цифровых технологий в процессе создания и формирования новых знаний.

В условиях глобализации и дигитализации мира для поддержания инклюзивных рынков труда и стимулирования развития инноваций, производительности труда и роста требуется несколько типов навыков:

- технические и профессиональные, которые включают навыки ИКТ-специалистов для работников, которые продвигают инновации и способствуют развитию цифровых инфраструктур и функционированию цифровых экосистем;
- общие навыки работы с ИКТ для работников и граждан, одинаково способных использовать цифровые технологии;
- дополнительные навыки — личностные качества работников: лидерство, навыки коммуникации и командной работы, необходимые для растущего числа возможностей совместной работы на основе ИКТ [2].

ИКТ-специалисты, занятые в банке, обеспечивают всю цифровую инфраструктуру и выступают драйверами технологических инноваций. К ним предъявляются особые профессиональные требования: знание цифровых технологий, умение кодировать и разрабатывать программы и приложения, умение управлять корпоративными сетями, умение анализировать и управлять супермассивами данных и т. д. Перечень компетенций для ИКТ-специалистов, например, приводится в документе «Общие европейские основы для ИКТ-профессионалов всех отраслей» [3].

Сотрудники банка, которые не связаны с обслуживанием цифровой инфраструктуры, должны обладать общими цифровыми компетенциями, которые могут быть применимы для работника любой организации. Например, в ЕС были приняты «Основы цифровых компетенций для граждан», где представлено описание общих цифровых компетенций для восьми уровней квалификации по пяти направлениям: информационная и цифровая грамотность, коммуникации и сотрудничество, создание цифрового контента, безопасность и решение проблем [4].

Процессы трансформации банка из традиционного в динамичный и инновационный должны выработать у работников умение адаптироваться к постоянным изменениям и побудить их становиться активными участниками этих изменений. Они должны обладать ключевыми компетенциями информационного общества: лидерство и креативность, способность к критическому мышлению и принятию разумного риска, умение работать автономно и в командах, способность к постоянному образованию (самообразованию).

Таким образом, клиентоцентричная стратегия, выбранная для цифровой трансформации банка, может быть успешно реализована только при условии создания новой корпоративной культуры, которая предусматривает внедрение новых, более гибких методов и подходов в организации труда и развитие у сотрудников новых компетенций: клиентоцентричность, умение работать с информацией и цифровыми технологиями, способность к коммуникациям, умение работать самостоятельно и сотрудничать в команде и др. Тогда новая корпоративная культура и сотрудники могут стать ключевым активом и конкурентным преимуществом, обеспечивая банку устойчивое развитие в цифровой век.

Библиографический список

1. Федорова И. С. 2017. Цифровая трансформация банков — новый этап в развитии глобальной банковской отрасли // Материалы Международной конференции молодых ученых-экономистов. 20 апреля 2017 г. «Развитие современной экономики России». СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
2. Skills for a Digital World. 2016. OECD. URL: <http://www.oecd.org/els/emp/Skills-for-a-Digital-World.pdf> (дата обращения: 10.12.2018).
3. A Common European Framework for ICT Professionals in all industry sectors. 2014. European Committee for Standardization. URL: <http://www.ecompetences.eu> (дата обращения: 10.12.2018).
4. Carretero S., Vuorikari R., Punie Y. 2017. DigComp 2.1: The Digital Competence Framework for Citizens with eight proficiency levels and examples of use, EUR 28558 EN, doi:10.2760/38842

Анохина Е. М., Мелякова Е. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.anokhina@spbu.ru, e.melyakova@spbu.ru

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРЫ БИЗНЕСА И ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ДЕПРЕССИВНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ*

Аннотация: В статье выявлены особенности развития комплекса предприятий, включая предприятия крупного, среднего и малого бизнеса, как важнейшего фактора роста в депрессивных регионах России. В исследовании использованы методы анализа и синтеза, сравнительного и статистического анализа, систематизации, расчета интегрального индексного показателя. Сформулированы четыре гипотезы, из которых две доказаны, а две опровергнуты. Выявлено, что структура крупного, среднего и малого бизнеса влияет на уровень экономического развития регионов, развитые и депрессивные регионы имеют разную структуру бизнеса. Доказано, что в депрессивных регионах развитие крупного бизнеса по эффективности управленческих технологий не отличается от развития крупного бизнеса в развитых регионах России и не имеет прямой зависимости от уровня социально-экономического развития региона. Определены перспективные направления использования предложенных подходов к анализу деятельности предприятий для регулирования регионального развития, определения стратегических направлений пространственного развития России.

Ключевые слова: предприятие, депрессивный регион, крупный, средний и малый бизнес, индекс стратегической устойчивости предприятий, управленческие технологии, производительность труда, регулирование регионального развития.

Anokhina E. M., Melyakova E. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

INFLUENCE OF BUSINESS STRUCTURE AND EFFICIENCY OF MANAGEMENT TECHNOLOGIES ON THE DEVELOPMENT OF DEPRESSIVE REGIONS OF RUSSIA

Abstract: The article reveals the features of the development of a complex of enterprises, including enterprises of large, medium and small businesses, as the most important growth factor in depressed regions of Russia. The study used the methods of analysis and synthesis, comparative and statistical analysis, systematization, calculation of the integral index index. Four hypotheses are formulated, of which two are proved, and two are refuted. It was revealed that the structure of large, medium and small businesses affects the level of economic development of regions, developed and depressed regions have different business structures. It has been proved that in depressed regions, the development of large business in terms of the effectiveness of management technologies does not differ from the development of large business in the developed regions of Russia and does not directly depend on the level of socio-economic development of the region. The promising areas for the use of the proposed approaches to the analysis of the activities of enterprises to regulate regional development and determine the strategic directions for the spatial development of Russia have been identified.

Keywords: enterprise, depressed region, large, medium and small business, Enterprise Strategic Sustainability Index, management technologies, labor productivity, regulation of regional development.

Введение. В Российской Федерации сохраняется значительная дифференциация регионов по показателям экономического и социального развития: наряду с регионами, имеющими доходы валового регионального продукта (ВРП) на 1 жителя на уровне средних показателей по странам Европы, есть группа регионов, которые в течение длительного времени сохраняют более чем двукратное отставание от среднего по России уровня доходов на душу населения. Такие регионы, по мнению ряда исследователей, можно отнести к депрессивным, поскольку

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 18-010-01204 «Оценка стратегической устойчивости предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах России (на примере Псковской области»)).

их отличительной характеристикой является «сильное и устойчивое отставание от других регионов» [1, с. 2].

Авторы выделяют разные причины отставания регионов по экономическому и социальному развитию, в том числе анализируется фактор наличия на их территории предприятий крупного бизнеса [2]. Расчеты на основе данных рейтингового агентства «Эксперт РА» и Росстата показали, что в 2017 г. объем реализации продукции 600 крупнейших компаний России составил 82 % от стоимости российского валового внутреннего продукта, однако крупнейшие компании располагались на территории только 43 субъектов Федерации. Для проверки влияния этого фактора на развитие депрессивных регионов, необходимо рассмотреть структуру крупного, среднего и малого (КСМ) бизнеса в регионах России, а также проанализировать эффективность управленческих технологий крупного бизнеса.

Постановка исследовательских задач, формулировка гипотез и методы исследования. Для изучения влияния КСМ бизнеса на развитие депрессивных регионов были поставлены две исследовательские задачи. Первая — проанализировать влияние структуры КСМ бизнеса региона на уровень его экономического развития. Были сформулированы две гипотезы:

1. Структура КСМ бизнеса влияет на уровень экономического развития регионов, развитые и депрессивные регионы имеют разную структуру КСМ бизнеса.
2. Структура КСМ бизнеса не влияет на уровень экономического развития регионов, развитые и депрессивные регионы имеют одинаковую структуру КСМ бизнеса.

Вторая исследовательская задача включала проведение анализа эффективности управленческих технологий крупного бизнеса на территории депрессивных регионов России. Были также сформулированы 2 гипотезы:

1. В депрессивных регионах крупный бизнес развивается неэффективно и зависит от уровня социально-экономического развития региона.
2. В депрессивных регионах развитие крупного бизнеса по эффективности не отличается от развития крупного бизнеса в развитых регионах России и не имеет прямой зависимости от уровня социально-экономического развития региона.

Для проведения исследований и проверки гипотез были использованы методы анализа и синтеза, сравнительного и статистического анализа, систематизации (построение группировок), корреляционного анализа (расчет коэффициентов корреляции Пирсона и Спирмена, множественных корреляционных матриц), индексный метод исследования (расчет индекса стратегической устойчивости предприятий региона), метод анализа экономических и финансовых показателей деятельности предприятий.

Исследование основано на использовании данных Федеральной службы государственной статистики, системы профессионального анализа рынков и компаний агентства «Интерфакс» — СПАРК — Интерфакс, рейтингового агентства «Эксперт РА» за 2016 и 2017 г.

Методика и результаты исследования влияния КСМ бизнеса на развитие депрессивных регионов. Для анализа деятельности предприятий в регионах было выбрано 26 показателей, которые были объединены в группы, анализирующие численность и производительность предприятий КСМ бизнеса, демографию и финансовые результаты их деятельности, инновационную активность и уплату налога на прибыль предприятий.

Исследование было проведено для 82 субъектов Федерации (Ненецкий, Ямало- Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа учитывались в составе субъектов Федерации, на территории которых они находятся)

Сравнительный анализ показателей развития предприятий в субъектах Федерации позволил выявить существенные различия в деятельности предприятий крупного, среднего и малого бизнеса депрессивных и развитых регионов. Предприятия депрессивных регионов отличаются низкими показателями стоимости валового регионального продукта на 1 предприятие, выручки в расчете на одно предприятие и на одного занятого в экономике. Во многих депрессивных

районах ниже, чем в среднем по России доля предприятий среднего и малого бизнеса (без микропредприятий) от общего количества предприятий, в то время как доля микропредприятий превышает общероссийский показатель. Отличаются в худшую сторону от средних значений по России и показатели по налогам на прибыль предприятий и другие проанализированные показатели.

По каждому из 26 показателей развития предприятий регионов РФ было рассмотрено их влияние на душевое потребление ВРП, привлечение инвестиций и выявлена достаточно высокая взаимосвязь.

Для регионов РФ на основе нормализации и суммирования показателей был рассчитан индекс стратегической устойчивости предприятий. На основе расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена была выявлена сильная зависимость душевого потребления ВРП регионов РФ и уровня стратегической устойчивости предприятий ($r_s = 0,72$).

Проведенный анализ подтвердил первую гипотезу первой исследовательской задачи о том, что комплекс предприятий в депрессивных субъектах Федерации развивается менее эффективно, чем условный среднероссийский комплекс предприятий.

Методика и результаты анализа эффективности управленческих технологий крупного бизнеса в депрессивных регионах России. Для анализа эффективности управленческого труда был выбран показатель производительности труда, который рассчитывается как отношение оборота предприятий к численности занятых на предприятии. Выбор этого показателя основан на том, что по результатам исследований 60 % роста производительности обосновывается используемыми управленческими и организационными технологиями [3]. Принятая в 2018 г. приоритетная программа «Повышение производительности труда и поддержка занятости», предусматривает повышение производительности труда именно за счет совершенствования управленческих технологий.

Среднероссийский показатель оборота организаций в 2016 г. составил 2,2 млн руб. По субъектам Федерации этот показатель существенно различался: наибольший показатель в 2016 г. был у Ямало-Ненецкого автономного округа — свыше 6 млн руб. на 1 занятого, наименьший — у Республики Ингушетия — 0,12 млн руб. на 1 занятого. Наиболее многочисленными по количеству регионов оказались группы с доходами от 0,5 до 1 млн руб. и от 1 до 1,5 млн руб. Депрессивные регионы находились в группе с доходами от 0,5 до 1 млн руб. и менее 0,5 млн руб. Результаты подтверждают, что депрессивные регионы в целом имеют более низкий уровень производительности, чем развитые. В Псковской области на одного занятого приходится 961 тыс. руб. оборота организаций в 2016 г. и 1,2 млн руб. в 2017 г. (по данным Псковстата) — таким образом, этот показатель вдвое ниже среднего показателя по РФ.

Сравнительный анализ производительности крупнейших компаний Псковской области и компаний-лидеров российского бизнеса (по рейтингу RAEX-600) показал, что отставание компаний Псковской области по этому показателю от общероссийских лидеров не столь существенно, и показатели 15 из 30 крупнейших компаний Псковской области находятся на уровне компаний-лидеров по РФ.

В рамках исследования был проведен сравнительный анализ производительности труда в компаниях крупного, среднего и малого бизнеса депрессивных регионов (Псковской и Ивановской областей) и успешно развивающихся регионов (Воронежской области и Республики Татарстан). Целью исследования было установить, существуют ли выраженные различия в производительности труда компаний депрессивных и развитых регионов по компаниям крупного, среднего и малого бизнеса. В рамках исследования было проанализировано 6190 предприятий Псковской области, 2616 предприятий Ивановской области, 6002 предприятия Воронежской области и 8421 предприятие Республики Татарстан.

Анализ показал, что показатель выручки на 1 работника крупных предприятий в Псковской области составляет 8,3 млн руб., в Ивановской 9,6 млн руб., в Республике Татарстан 8,9 млн руб., в Воронежской области — 6,7 млн руб., что опровергает гипотезу о том, что в депрессивных регионах производительность труда крупных компаний ниже.

Это подтверждает гипотезу номер два, поставленную во второй исследовательской задаче и доказывает, что в депрессивных регионах развитие крупного бизнеса по эффективности не

отличается от развития крупного бизнеса в развитых регионах России и не имеет прямой зависимости от уровня социально-экономического развития региона. Более того, по крупным компаниям показатель выручки на 1 работника в депрессивных регионах даже выше, что можно объяснить тем, что при сравнительно малом количестве крупных предприятий в депрессивных регионах, многие из них работают весьма эффективно.

Анализ также показал, что показатели выручки на 1 работника существенно зависят от размера предприятия. Средняя выручка на 1 работника крупного предприятия варьируется в диапазоне 6,7–9,6 млн руб., по средним предприятиям 2,4–4,6 млн руб., по малым — 2,6–3,8 млн руб., по микропредприятиям 1,2–1,8 млн руб. Эта зависимость четко прослеживается во всех четырех анализируемых областях, как в депрессивных, так и в более успешных. Именно за счет того, что крупных предприятий в депрессивных регионах существенно меньше, чем в более развитых, средние показатели производительности труда по всем компаниям в депрессивных регионах существенно уступают общероссийским, что позволяет также судить и об эффективности используемых управленческих технологий.

Выводы и рекомендации. Анализ развития предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в регионах России позволил выявить значимую зависимость уровня экономического развития субъектов Федерации от структуры бизнеса. Для депрессивных регионов характерно преобладание малых и микропредприятий, а также значительно меньшая доля крупных предприятий в структуре бизнеса.

Постоянное отставание депрессивных регионов по уровню экономического развития не имеет прямой зависимости от уровня развития крупного бизнеса, так как предприятия крупного бизнеса депрессивных и развитых регионов имеют близкие показатели по производительности труда.

Поскольку развитие крупного бизнеса имеет большое значение для развития экономики России, для депрессивных регионов он должен стать драйвером перехода к устойчивой траектории социально-экономического развития. При этом важным является как факт его существования, выражающийся в количестве предприятий, их обороте, так и в результативности его деятельности. Для регионов, имеющих развитый крупный бизнес, важной задачей является регулирование его финансовой устойчивости, а для депрессивных регионов, характер развития которых, связан в том числе с недостаточностью предприятий крупного бизнеса, одними из ключевых становятся инструменты государственной поддержки, стимулирующие создание и развитие крупного бизнеса, открытие на территории региона филиалов и представительств крупных российских и зарубежных компаний.

Корректировка выявленных диспропорций будет способствовать более эффективному регулированию развития крупных, средних и малых предприятий, что позволит значительно увеличить вклад комплекса предприятий в повышение темпов экономического роста депрессивных регионов. Результаты проведенного исследования могут быть использованы федеральными органами власти для принятия решений о приоритетных направлениях регулирования развития бизнеса, а также органами власти субъектов Федерации при определении приоритетных направлений развития регионов

Библиографический список

1. Мазоль О. 2015. Депрессивные регионы // BEROС Policy Paper Series, PP No.33. 19 с. URL: http://belaruspolicy.com/sites/default/files/articles/04.01.2016/pp_no.33.pdf (дата обращения: 12.10.2018).
2. Кузнецова О. В., Кузнецов А. В., Туровский Р. Ф., Четверикова А. С. 2017. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
3. Ульянов Н. 2018. Нам важно продолжать движение // Эксперт 37 (1088). URL: <http://expert.ru/expert/2018/37/nam-vazhno-prodolzhat-dvizhenie/> (дата обращения: 23.10.2018).

Жигалов В. М.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
v.zhigalov@spbu.ru

КАЧЕСТВО УПРАВЛЕНИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ*

Аннотация: статья посвящена анализу результатов оценки влияния качества управления в регионах России на отдельные параметры устойчивости регионов. Сделан вывод, что оценка качества управления на основе рейтинга управленческого риска агентства Эксперт РА не дает значимых результатов, определяющих влияние управленческого фактора на региональную устойчивость. При этом обуславливается необходимость формирования подхода к оценке качества управления в регионе на основе трех ключевых аспектов: использование современных концепций и методологии государственного управления; акцент на системный и стратегический подход и развитие инноваций и использование возможностей цифровой экономики. Формирование системы индикаторов, отражающих качество управления по данным направлениям, позволит не только провести оценку, но и разработать рекомендации в данной сфере, нацеленные в конечном счете на устойчивое развитие регионов России.

Ключевые слова: качество управления, устойчивость, устойчивое развитие региона, государственное стратегическое управление.

Zhigalov V. M.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

QUALITY OF GOVERNANCE AS STRATEGIC FACTOR OF RUSSIAN REGIONS SUSTAINABILITY

Abstract: The article contains the analysis of the impact of governance quality in Russian regions on parameters of regions sustainability. The author concludes that governance quality evaluation based on managerial risk rating by rating agency Expert does not give statistically significant result measured governance quality impact on region sustainability. After that the author argues the necessity of a new approach to governance quality evaluation in a region based on three main aspects: application of contemporary concepts and instruments of governance, accent on system and strategic approach and innovativeness and digitalization. Forming indicators system covered all above mentioned aspects is an important step not only for governance evaluation, but also for recommendations of governance quality improvement as a factor of regional sustainability growth.

Keywords: quality of governance, sustainability, sustainable development of a region, strategic governance.

Среди наиболее острых проблем социально-экономического развития России продолжается оставаться проблема неравномерности, неустойчивости, несбалансированности развития регионов. Действительно, по объему валового регионального продукта на душу населения 66 из 85 регионов России отставали от среднего значения по регионам, из них 44 региона — более чем в два раза (оценка проведена на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Национальные счета). Более того, многие регионы имеют столь низкое значение данного показателя в течение длительного периода времени, что позволяет отнести их к группе депрессивных регионов (см., например, [1]), задачей которых является поиск источников для выхода на траекторию устойчивого социально-экономического развития.

Одним из важных направлений исследований в данной сфере является идентификация факторов, влияющих на отдельные направления и показатели устойчивости регионов. В частности, в работах участников исследовательской лаборатории СПбГУ «Эффективность эконо-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01204 «Оценка стратегической устойчивости предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах России (на примере Псковской области)».

мики и окружающая среда» (например, [2]) проводится анализ факторов, определяющих уровень энергоемкости и степень воздействия на климат в регионах, в исследовании Ю. В. Кузнецова с соавторами [1] предлагается подход к интегральной оценке устойчивости предприятий регионов, в работе Е. В. Меляковой [3] проводится анализ подходов к выявлению депрессивных регионов.

В исследованиях факторов, влияющих на устойчивость регионов, проводится оценка экономических, социальных, экологических, климатических, пространственных и иных компонентов, однако крайне мало исследований уделяет внимание такому важному фактору как качество управления в регионе — так называемый, управленческий фактор. Качество управления включает в себя как непосредственно человеческий капитал — квалификацию и компетенции государственных и муниципальных менеджеров, так и качество разрабатываемых стратегий, программ развития, использования современных достижений и методологии в области управления, степень реализации ключевых целей и направлений развития. Именно повышение эффективности и качества управления может рассматриваться как один резервов для устойчивого развития в условиях политических и экономических проблем.

Одним из наиболее комплексных и авторитетных исследований качества управления в регионах России следует признать методику рейтингового агентства Эксперт РА, которое на основе анализа большого объема информации, включающей как объективные показатели, так и экспертные мнения руководителей крупнейших российских организаций ежегодно публикует рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России. Одним из шести субиндексов в рамках данной методики является управленческий риск, при этом авторы методики подчеркивают роль именно данного индикатора: «Постепенное размывание понятного набора рычагов воздействия на экономический рост требует от региональных властей усложнения управленческого инструментария».

Исследование влияния управленческого фактора на основные показатели устойчивости регионов проводилось, в частности, на примере показателей энергоемкости ВРП и интенсивности выбросов загрязняющих веществ [2], однако результаты не позволили сделать вывод о значимом влиянии позиции региона в рейтинге управленческого риска на уровень энергоемкости экономики и интенсивности выбросов основных загрязнителей. Другие факторы (экономические, пространственные, климатические) определили неравенство регионов по данным показателям. Хотя гипотеза о значении управленческого фактора обосновывалась в том числе Министерством энергетики РФ, которое среди ключевых проблем, препятствующих внедрению энергоэффективных технологий, выделяло недостаток мотивации, контроля, организационные аспекты, иными словами, управленческие проблемы. Анализ влияния места региона в рейтинге управленческого риска на другие важные индикаторы устойчивости региона так же не позволил сделать значимые выводы.

В качестве возможных причин таких результатов можно отметить, во-первых, необходимость простетствия определенного периода времени, прежде чем управленческие решения в виде стратегий, программ, иных инструментов начали давать результат, связанный с повышением устойчивости региона. Во-вторых, показатель места региона в рейтинге управленческого риска не является достаточно подходящим для целей указанных исследований, поскольку, исходя из общей методики его определения, является достаточно закрытым и субъективным, а также, возможно, не учитывает некоторые современные аспекты качества управления, которые должны выходить в настоящее время на первый план. К данным аспектам относятся: использование современных концепций и инструментов государственного управления; использование системного и стратегического подхода в управлении; акцент на инновации, в частности использование возможностей цифровой экономики.

Акцент на современные концепции государственного управления и использование управленческих инноваций в государственном управлении связан с начатыми в 2004 г. и проводимыми в настоящее время реформами системы государственного управления, основой которых стала концепция нового государственного менеджмента (New Public Management), основная идея которой заключается в применении опыта лучшей практики корпоративного управления в государственной сфере, ориентации на рыночные методы, маркетинговые подходы, клиенто-

ориентированность в сфере предоставления государственных услуг и других особенностях (см. подробнее: [4]). Таким образом, в данный блок оценки качества управления могут включаться показатели качества и результативности стратегий и программ, степень использования управленческих технологий (управление по результатам, бенчмаркинг, управление рисками и др.), стимулирования успешных пилотных проектов и лучших практик управления и ряд других.

Использование системного и стратегического подхода означает не только оценку качества и результативности стратегий в регионе, но и оценку ключевых элементов системы стратегического управления: организационной структуры и квалификации кадров, используемых методов, технологий, качество процессов, развитие нормативно-правовой основы, взаимодействие с внешней средой, основными стейкхолдерами и ряд других аспектов (см. подробнее: [5]). Стратегический подход в настоящее время реализуется в регионах России в связи с принятием в 2014 г. закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и активно продолжающиеся с связи с этим процессы актуализации региональных стратегий и в целом становления систем стратегического управления в регионах.

Инновации и использование возможностей цифровой экономики означают, в первую очередь организацию эффективно функционирующего электронного правительства и информационного общества, позволяющего на качественном уровне организовать межведомственное взаимодействие, взаимодействие с гражданами и представителями бизнеса, обеспечить доступ к информации, предоставлять возможности для использования программного обеспечения и технологий населением и другие возможности. Кроме этого, в данном контексте необходима оценка качества развития, стимулирования инноваций, цифровизации экономики, цифровой трансформации бизнеса как драйверов не только технологического, но и экономического и социального развития.

Проведение комплексной оценки качества управления в регионе, основанной на указанных в данном исследовании факторов, позволит не только идентифицировать взаимосвязь между повышением качества управления и уровнем устойчивости региона, но и включить в стратегии повышения устойчивости цели и задачи, связанные с повышением качества отдельных, проблемных аспектов управления, в том числе, на основе использования опыта успешных регионов.

Библиографический список

1. Кузнецов Ю. В., Анохина Е. М., Мелякова Е. В. 2018. Подходы к оценке деятельности предприятий в регионах Российской Федерации // Экономика и управление. № 9 (155).
2. Жигалов В. М., Подкорытова О. А., Пахомова Н. В., Малова А. С. 2018. Взаимосвязь энергетической и климатической политики: экономико-математическое обоснование рекомендаций для регулятора // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 34, вып. 3. С. 345–368.
3. Мелякова Е. В. 2018. Методические подходы к выделению депрессивных регионов // Международный экономический симпозиум — 2018: материалы международных научных конференций 19–21 апреля 2018 г. С. 244. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/9366/1/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%83%D0%BC-2018.pdf> (дата обращения: 15.12.2018).
4. Кузнецов Ю. В. (ред.). 2014. Государственное стратегическое управление. Монография. СПб.: Питер. 320 с.
5. Анохина Е. М., Жигалов В. М. 2016. Формирование стратегического подхода к управлению энергосбережением и повышением энергоэффективности в регионах России // Российские регионы в фокусе перемен: сборник материалов X международной конференции. Екатеринбург, Изд-во УМЦ УПИ. С. 824–833.

Кульчицкая Е. В., Маслова Е. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.kulchitskaya@spbu.ru; e.maslova@spbu.ru

УПРАВЛЕНИЕ ТАЛАНТАМИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: В статье рассматриваются возможности для применения цифровых технологий в управлении талантами. Приводятся подходы к определению понятия «управление талантами», аргументируется актуальность выбранной темы. В статье уточняются и описываются основные направления деятельности по управлению талантами и приводится характеристика методов управления человеческими ресурсами, связанных с развитием цифровых технологий: роботизация, диджитализация, ERP-систематизация и нейроинструментарий.

Ключевые слова: управление талантами, цифровая экономика, HR-диджитализация.

Kulchitskaya E. V., Maslova E. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

TALENT MANAGEMENT IN DIGITAL ECONOMY

Abstract: In the article the possibilities for use of digital technologies in talent management are considered. There are approaches to definition of the concept "management of talents", the relevance of the chosen subject is reasoned. In the article the main activities on talent management are specified and described and characteristic of the methods of human resource management connected with development of digital technologies is given: robotization, digitalization, ERP systematization and neurotools.

Keywords: talent management, digital economy, HR-digitalization.

Цифровизация экономики предоставляет много новых возможностей для бизнеса с точки зрения использования новых технологий в интересах производства, персонала и т. п. Процессы HR-диджитализации на сегодняшний день идут полным ходом, и возможности цифровой экономики в аспекте реализации инструментов управления человеческими ресурсами развиваются и будут развиваться в будущем. Особое внимание HR-специалисты и эксперты, в контексте цифровизации экономики, уделяют управлению талантами. С одной стороны, в меняющихся условиях, роль талантливых, высококвалифицированных сотрудников становится первостепенной. Именно они создают устойчивые конкурентные преимущества современных организаций, генерируют и реализуют инновационные идеи, позволяют организации идти в ногу со временем и соответствовать динамике рынка. А с другой стороны, цифровая экономика создает новые технологические возможности для HR организаций управлять талантами, оценивать сотрудников на предмет их квалификации, консолидировать и хранить информацию о сотрудниках, управлять их мотивацией и степенью лояльности и т. д. Таким образом, перед системой управления талантами цифровая экономика открывает множество новых возможностей и путей развития.

Прежде всего, следует определить, что авторы подразумевают под термином «Управление талантами». М. Армстронг дает следующее определение этому понятию: «применение интегрированной совокупности видов деятельности, направленных на то, чтобы организация привлекала, удерживала, мотивировала и продвигала талантливых сотрудников, в которых она нуждается сейчас и в будущем» [1, с. 374]. В книге «Война за таланты» предлагается иной подход к определению данного понятия: «**Управление талантами** — это область HR-менеджмента, которая занимается привлечением квалифицированных работников, интеграцией новых сотрудников, а также удержанием персонала для удовлетворения текущих и будущих целей бизнеса» [2, р. 26]. Следует отметить, что взгляд М. Армстронга на концепцию управления талантами шире и в большей степени стратегически ориентирован. В то время как множество со-

временных теоретиков и практиков HR-консалтинга рассматривают управление талантами как отдельную область управления человеческими ресурсами, по мнению автора, данную концепцию, напротив, необходимо рассматривать как стратегическую основу всей системы кадрового менеджмента в организации: набора персонала, управления карьерой, развития персонала, оценки персонала, HR-брендинга и т. д.

Современные компании применяют два подхода к управлению талантами в организации. Первый заключается в формировании кадрового резерва для заблаговременной подготовки квалифицированных сотрудников на конкретные освобождающиеся позиции. А второй подход основан на формировании так называемого пула талантливых сотрудников, которые готовятся для реализации будущих задач и проектов в организации. Некоторые компании применяют оба подхода сразу, ориентируясь, таким образом, и на текущие, и на потенциальные задачи.

Консалтинговая компания PwC в России в 2016 г. провела крупное исследование по вопросам управления талантами и построения системы управления талантами среди СЕО российских компаний, в результате которого выяснилось, что 79 % опрошенных менеджеров среди ключевых потребностей бизнеса на первое место ставят именно высококвалифицированный персонал. Второе место в опросе заняла успешно функционирующая налоговая система, третье место — развитая инфраструктура. Это говорит о важности поставленного вопроса — бизнес нуждается в талантах как в ключевом факторе сохранения конкурентоспособности. В контексте сокращения численности трудоспособного населения этот вопрос стоит особенно остро. Поэтому результат опроса по теме целей управления талантами в организациях показал приоритетность для компаний таких ориентиров как удержание ключевых сотрудников, повышение результативности сотрудников и обеспечение компании персоналом требуемой квалификации [3].

Система управления талантами в организации включает в себя взаимосвязь факторов и инструментов, влияющих на процессы управления человеческими ресурсами, непосредственно блоки процедур управления талантами и выходы системы, то есть результаты деятельности по управлению талантами. В системе управления талантами факторами, оказывающими влияние, являются как внешние факторы (состояние рынка труда, социо-культурные и экономические аспекты), так и внутренние факторы: организационная составляющая, структура и культура организации, особенности системы управления человеческими ресурсами в целом. Данные факторы лежат в основе реализации инструментов управления человеческими ресурсами: планирования персонала, найма, адаптации, обучения, мотивации, карьерного развития, оценки персонала, и других. Непосредственно блоки управления талантами в системе представлены четырьмя разделами: привлечение талантливых сотрудников, организация труда талантливых сотрудников, удержание талантливых сотрудников и формирование высококвалифицированного кадрового резерва. Пристальное внимание автора уделяется именно этим блокам, поскольку они в своей совокупности и представляют собой процедуры управления талантами. Результат эффективного управления талантами являет собой с одной стороны, формирование устойчивой конкурентоспособности организации во внешней среде, ввиду тех уникальных преимуществ, которые предоставляют организации высококвалифицированные сотрудники; а с другой стороны — формирование высокой деловой репутации организации и как работодателя, и как экономического субъекта.

В рамках деятельности по управлению человеческими ресурсами наиболее валидными являются такие возможности цифровизации, как роботизация, диджитализация, ERP-систематизация и нейро-инструментарий.

Роботизация предполагает применение HR-ботов и роботов для реализации простейших процедур по управлению человеческими ресурсами. Наиболее распространенным является применение роботизации в процессах рекрутинга. В программе выставляется задача, которую необходимо решить роботу: на какие вопросы получить ответы, сколько кандидатов на вакантные места опросить. На этом этапе управления талантами с помощью HR-ботов и роботов можно определить уровень и направление образования кандидатов, способность отвечать на сформулированные вопросы. Также есть возможность запрограммировать более сложные вопросы и кейсы, связанные с определением уровня IQ у кандидатов для расширения возмож-

ностей HR-роботизации. Необходимо отметить, что боты и роботы на сегодняшний день проводят только первичные интервью, освобождая таким образом время специалистов для других задач. Те, кто проходит первый этап собеседования, на остальных этапах отбора общаются с сотрудниками и менеджерами компании.

В рамках реализации привлечения талантливых сотрудников, помимо роботизации процедур найма, возможно успешное применение ERP-систем с целью централизованного хранения информации о кандидатах на вакантные места. Этот инструмент также является очень эффективной основой для формирования пула талантливых сотрудников и резерва высококвалифицированных специалистов для замещения будущих вакансий.

Нейромаркетинг в современном предпринимательстве применяется для решения большого числа задач, связанных с маркетинговыми коммуникациями и продажами. HR-нейромаркетинг — это новый взгляд на возможности применения нейро-инструментов в управлении. Под HR-нейромаркетингом авторами понимается комплекс стратегических действий по применению методов нейромаркетинга в управлении человеческими ресурсами, с целью максимизации эффективности HR-менеджмента в современных организациях. Другими словами, HR-нейромаркетинг — это междисциплинарное направление в науке на пересечении нейрофизиологии, психологии, маркетинга и менеджмента, которое на основе сенсомоторных, когнитивных и эмоциональных реакций людей исследует особенности трудового поведения [4, с. 36]. В рамках привлечения талантливых сотрудников необходимо сформировать такую репутацию организации на рынке труда, чтобы самые выдающиеся специалисты предложили организации свои услуги. А далее важнейшей задачей системы HR является правильная идентификация талантливых сотрудников, корректная оценка их способностей, знаний и навыков. Авторами предлагается использовать метод электроэнцефалографии в качестве информационно-исследовательской основы, а также использовать уже наработанные мозго-ориентированные методики нейромаркетинга. Электроэнцефалограмма (ЭЭГ) — график электрической активности головного мозга, образующийся посредством наложения электродов на волосистую часть головы и отражающий функциональное состояние коры, подкорковых структур мозга, а также сложные корково-подкорковые взаимодействия. Метод основан на неинвазивной регистрации электрической ритмической активности нейронов мозга, называемой еще мозговыми волнами или ритмами мозговой активности. Эти ритмы определенной амплитуды и частоты соотносятся с изменением состояния человека (свидетельствуют об изменениях уровня внимания, бодрствования, эмоционального состояния). Данный метод обладает высоким временным разрешением и позволяет регистрировать быстрые изменения, что соответствует высокой скорости обработки информации мозгом. Изменения в параметрах частоты сердечных сокращений и вариабельности сердечного ритма, артериального давления, тонуса сосудов могут свидетельствовать о смене уровня концентрации внимания, а также эмоционального состояния испытуемого.

На сегодняшний день очень активно многими компаниями применяются различные форматы ERP-систем, адаптированных под потребности управления человеческими ресурсами. Например, SAP успешно реализует платформу «Human Capital Management» для реализации обширного числа HR задач, таких как хранение информации, электронное адаптивное обучение, управление профессиональной карьерой сотрудников, разработка профиля успешного сотрудника и многие другие. Очень значимым для управления талантливыми сотрудниками также является соответствие развивающейся концепции «Счастье сотрудников» на фоне общего тренда HR-консьюмеризации. Одним из драйверов применения цифровизации в HR стал Сбербанк, в котором протестировали устройство, которое позволяет оценивать эмоциональное состояние персонала (инкассаторов, сотрудников кол-центров и других). Гаджет выглядит как бейдж и фиксирует, с кем человек общается, тональность его голоса, учащается ли сердцебиение и т. д. Также именно в Сбербанке был внедрен продукт под названием «Team». Члены правления установили специальное приложение и регулярно давали друг другу обратную связь по принципу светофора: красный, желтый, зеленый. Эти оценки позволяют контролировать информацию о конфликтах и особенностях командной работы. Заместитель председателя правления, руководитель блоков «Стратегия и развитие» и «HR» Юлия Чупина прокомментировала

эти цифровые нововведения следующим образом: «Мы расширили функционал системы и распространили эту практику как минимум на половину руководителей Сбербанка. Планируем встроить ее в SF. Наша цель — обратная связь в режиме реального времени» [5].

Талантливые сотрудники — это не просто «кадры» организации, а основа ее существования в условиях глобальной цифровизации бизнеса и экономики. Новые возможности для бизнеса, связанные с развитием технологий, необходимо направлять в том числе и на эффективное ведение кадровой политики. Именно высококвалифицированные, ценные, образованные, креативные и инициативные сотрудники будут стоять во главе изменений, которые происходят в экономике в эпоху цифровизации.

Библиографический список

1. Армстронг М. 2010. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. / пер. с англ. под. ред. С. К. Мордовина. СПб.: Питер. С. 374.
2. Michaels E. J., Handfield-Jones H., Axelrod B. 2009. The War for Talent Placed on Hold // *Hotels Magazine*, March 1.
3. Официальный сайт компании «PwC Россия». Ю. Левичев, Е. Ворогушин «Управление талантами в России и мире: цифры и тренды». URL: <https://www.pwc.ru/ru/hr-consulting/assets/talent-management-shtat.pdf> (дата обращения: 10.11.2018).
4. Родионова Е. А., Кульчицкая Е. В. 2018. Возможности интеграции нейромаркетинга в управлении человеческими ресурсами // *Экономика и управление*. № 5 (151). С. 36.
5. Фуколова Ю. Кадры под цифрой // *Harward Business Review*. URL: <https://hbr-russia.ru/management/upravlenie-personalom/776169> (дата обращения: 28.11.2018).

Маленков Ю. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
y.malenkov@spbu.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ НА ФУНКЦИИ УПРАВЛЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА*

Аннотация: поставлена и рассмотрена новая проблема влияния цифровизации экономики на функции управления, их возможные положительные и отрицательные последствия. Обоснована необходимость комплексного подхода к цифровизации управления. Предложено расширение компетенций магистрантов и управленческого персонала в области цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, функции управления, компетенции, магистерская программа.

Malenkov Yu. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

IMPACT OF ECONOMY DIGITALIZATION ON MANAGEMENT FUNCTIONS AND CHANGE OF MANAGERIAL PERSONNEL COMPETENCES

Abstract: a new problem of impact of economy digitalization on management functions and their possible positive and negative effects is considered. The necessity of an integrated approach to digitalization of management is substantiated. The expansion of the competencies of the master degree students and managerial personnel in the field of digital economy is proposed.

Keywords: digital economy, management functions, competences, master program, managerial personnel.

Сущность проблемы. Переход к цифровой экономике существенно влияет на функции и содержание современного управленческого труда. Программа «Цифровая экономика РФ» концентрирует внимание на положительных результатах цифровизации экономики [1]. Ряд специалистов оценивает их также без возможных негативных последствий. Например, отмечается перестроение секторов экономики в направлении автоматизации, цифровизации, усиление роли информационных технологии в большинстве отраслей, что упростит процедуры внедрения и разработки новых продуктов, увеличит скорость хозяйственных операций [2].

Однако цифровизация экономики — это волны глобальных инноваций, а мировой опыт показывает, что их результаты всегда неоднозначны, в том числе в области изменения функций и содержания управленческого труда.

Проблема изменения функций управления в условиях цифровизации экономики сегодня практически не изучена. В то же время она может оказать существенное влияние на экономики регионов и экономику страны в целом.

Изменение функций управления в результате цифровизации экономики и управленческих процессов. В 60–70-е годы прошлого столетия проводилась широкая автоматизация управленческих процессов (АСУТП, АСУП, ОАСУ, АСУ). Предполагалось, что автоматизация поможет решить главные проблемы подъема экономики народного хозяйства СССР. За рубежом ожидалось, что она устранил глубокие рыночные противоречия и кризисы. Интенсивно создавались мощные автоматизированные системы, системы управления базами данных, осуществлялась переподготовка персонала. Но, несмотря на огромные затраты ресурсов, поставленные цели не были достигнуты. Сегодня теоретически возможно повторение ошибок прошлого на базе уже новых и более мощных информационных технологий.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-010-01204).

Сегодня необходимо учесть опыт неудачных попыток автоматизации управленческого труда в СССР, чтобы избежать их повторения.

Анализ влияния цифровизации экономики на функции управления с учетом опыта прошлых десятилетий и современных результатов показал, что следует готовиться как к положительным, так и отрицательным последствиям при реализации функций управления.

Ожидаемые положительные изменения функций управления. *Планирование и прогнозирование:* повышение точности, обоснованности и сбалансированности планов. Развитие сценарного планирования и возможности учета множества факторов. Повышение точности прогнозов. Переход к объективным количественным критериям вместо субъективных.

Контроль: появление систем объективного контроля, не зависящих от субъективных установок и личных симпатий и антипатий руководителей. Возможность охвата контролем всех сфер управленческой деятельности. Качественно новый уровень реакции систем управления на отклонения от планов.

Организация: оптимизация структур управления, их регламентов, распределения прав и обязанностей, разделения и кооперации труда.

Мотивация и стимулирование: переход к объективным системам мотивации и стимулирования, исключающим вмешательство бюрократии в процессы перераспределения ее ресурсов организаций.

Коммуникации и координация: рост коммуникационной мобильности персонала. Качественно новый уровень координация персонала и подразделений. Возможность создания систем независимых каналов коммуникаций, неконтролируемых бюрократией.

Руководство: создание прозрачных систем принятия управленческих решений, формирования целей и стратегии руководства. Открытость всех действий, решений, планов и стратегий руководства.

Возможные отрицательные изменения функций управления. *Планирование и прогнозирование:* быстрый рост цифровой бюрократии в планировании. Хаос, множество противоречивых, постоянно изменяющихся, несбалансированных планов. Появление псевдоуправленческих математических моделей, имитирующих цифровые методы. Информационная перегрузка управленческого персонала множеством показателей, целей, форм. Снижение эффективности систем управления и производительности труда, рост непроизводительных потерь рабочего времени. Перегрузка управленческого персонала

Контроль: подмена рационального контроля его видимостью на основе применения множества показателей, создающих видимость контроля, но скрывающих истинное положение дел.

Организация: создание избыточных управленческих псевдоструктур. Диспропорциональный рост управленческого персонала для управления цифровизацией. Конфликты между подразделениями, персоналом, регионами. Замена ситуационного подхода шаблонными бюрократическими процедурами.

Мотивация и стимулирование: создание конгломератов псевдоцифровых показателей, имитирующих процессы мотивации и стимулирования и дезориентирующих персонал. Безличность и формализм в управлении, нацеленном только на краткосрочные количественные показатели. Снижение производительности труда и ухудшение стратегических результатов, зависящих от качественных характеристик управления.

Коммуникации и координация: развитие избыточных коммуникаций. Перегрузка персонала множеством ненужных и избыточных данных, форм, таблиц, баз данных, что наблюдается уже сегодня во всех сферах экономики. Рост конфликтов внутри систем. Бюрократизация каналов коммуникаций, их полная централизация, подавляющая инновации и скрывающая истинные проблемы.

Руководство: появление нового деструктивного фактора — «цифровой бюрократии» и нового типа бюрократии в обществе, сосредоточенной только на цифровых манипуляциях. Полная закрытость руководства и ряда сфер управления под предлогом защиты информации.

Возможные отрицательные последствия изменения функций управления являются важнейшим вызовом цифровизации экономики. Ряд их действовал в прошлом и проявляется се-

годня, а в будущем они могут усилиться. Возможным путем преодоления этого является изменение управленческих компетенций, в том числе в области подготовки магистров.

Проблема влияния цифровизации на управленческие компетенции. Программа «Цифровая экономика РФ» предъявляет ряд новых требований к знаниям, навыкам и умениям будущих выпускников, что определяет необходимость расширения их компетенций в данной сфере. В настоящее время специалистами проводится работа по формированию перечня компетенций цифровой экономике на основе различных подходов. Для управленческих работников в РФ и за рубежом предлагается ориентация на «Hard skills — профессиональные навыки, Soft skills — навыки XXI века, это креативность, коллаборативность, критическое мышление, когнитивная гибкость и Digital skills — основы программирования, компьютерной грамматики» [3]. При этом важное значение в управлении, по мнению специалистов, имеют так называемые мягкие навыки Андреева Л. Ю., Джемаев О. Т. (2017) «Для работодателей в настоящее время среди молодых специалистов становятся приоритетными так называемые «мягкие навыки» (soft skills): личные качества и социальные навыки, например, умение работать в команде, любознательность, инициативность, критическое мышление, способность решать сложные задачи, взаимодействовать с разными людьми и правильно расставлять приоритеты. При этом, как отмечают некоторые руководители крупных организаций, роль формальных дипломов и сертификатов об образовании значительно снизилась... Развитие цифровой экономики и новых технологий будет способствовать появлению новых секторов, компаний и рабочих мест, а также исчезновению профессий, связанных с низкоквалифицированным трудом. Также прогнозируется высокая потребность в узкоспециализированных кадрах» [2].

Как показывают исследования специалистов усилия организаций и руководителей главным образом сосредоточены на цифровизации обработки документов. Так, анализ данных направлений проектов по внедрению цифровых технологий [4], показывает, что доминируют электронные системы внутреннего документооборота (60 % компаний), системы автоматизированного управления жизненным циклом продукта использует всего 23 % компаний. Инновационный элемент в целом в направлениях цифровизации выражен, что можно объяснить бюрократизацией управления и недостаточной компетенцией управленческих работников, обеднением содержания их труда, сведением основной загрузки к отчетности, составлению сложных документов.

Важным фактором повышения эффективности управленческого труда может стать методология и научные принципы эффективной цифровизации управленческих функций различного уровня, включая создание эффективных типовых систем управления базами данных (СУБД), которые сегодня практически не развиты.

Для снижения негативных последствий цифровизации:

- *рекомендуется* дифференцировать и фокусировать формирование расширенных компетенций в области менеджмента и экономики с учетом специфики управленческих функций. При этом следует избегать их чрезмерного расширения. Так в сфере работы с персоналом нужен акцент на формирование и управление базами данных персонала, комплексных систем оценки персонала. В сфере планирования и контроля ввести компетенции в областях моделирования, создания эффективных систем планирования, работы с большими данными, применения элементов искусственного интеллекта;
- *предлагается* с учетом изменений содержания и характера управленческого труда и специфики управленческих функций ввести ряд новых цифровых компетенций в области подготовки магистратуры и в профессиональные стандарты управленческого персонала с учетом применения СУБД (систем управления базами данных) и сбалансированного сочетания жестких и мягких компонентов управления:

1. Профессиональные компетенции в области знаний и применения основных цифровых технологий в управлении организациями (Hardskills) — способен на основе знаний современных технологий управления (информационная безопасность, беспроводные коммуникации, Big Data, блокчейн, элементы искусственного интеллекта, компьютерные сети) проводить ана-

лиз и планирование в цифровой среде, стратегический и оперативный контроль экономических результатов и экономической эффективности.

2. Профессиональные управленческие компетенции в цифровой среде (Softskills) — способен осуществлять процессы эффективного стратегического и оперативного управления развитием организацией в цифровой среде, обеспечивать трансфер знаний и навыков цифрового управления в организациях, формировать новую цифровую культуру управления, разрабатывать цифровые модели развития организаций.

3. Профессиональные управленческие компетенции в области разработки и применения современных цифровых технологий для автоматизации процессов управления и управленческих расчетов (Digitalskills) — способен работать в автоматизированных системах управления организациями, применять основы программирования VBA (Visual Basic для приложений) для автоматизации экономических и управленческих расчетов, разрабатывать цифровые процессы и модели управления.

В настоящее время указанные компетенции частично формируются в различных дисциплинах магистерской программы СПбГУ «Управление развитием организаций». Представляется целесообразным расширить и ввести в подготовку магистрантов новую дисциплину «Цифровые технологии, моделирование и пакеты прикладных программ», которая обеспечит одновременное формирование hard, soft и digital skills.

Цифровизация экономики может оказать различное влияние на качество управления и конечные результаты. Использование ее положительных результатов и сведение к минимуму отрицательных особо важно для депрессивных регионов, так как для них характерно отсутствие механизмов создания эффективных инновационных и объективных управленческих решений, отставание в области развития управленческих коммуникаций, слабая связь с инновационными достижениями других регионов и отраслей, что сдерживает подъем их экономик.

Библиографический список

1. Программа «Цифровая экономика РФ» утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 08.09.18).
2. Андреева Л. Ю., Джемаев О. Т. 2017. Влияние цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда. Государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС.
3. Орлянская А. В. Цифровая экономика. Какие компетенции нужны чиновникам? URL: <http://sevkavportal.ru/news/pub/intervyu/item/34793-anna-orlyanskaya-tsifrovaya-ekonomika-kakie-kompetentsii-nuzhny-chinovnikam.html> (дата обращения: 12.11.18).
4. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса. URL: <https://imi.hse.ru/data/2017/10/06/1159517769/Цифровая%20экономика%20-%20глобальные%20тренды%20и%20практика%20российского%20бизнеса.pdf> (дата обращения: 18.12.18).

Минина В. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
v.minina@spbu.ru

Зубенко Н. С.

ООО «Газпромнефть-Центр»,
Российская Федерация, 117246, Москва, Научный проезд, 17, этаж 12
nzubenko@yandex.ru

КОМПЕТЕНЦИИ ЭФФЕКТИВНОГО ЛИНЕЙНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Аннотация: В статье обсуждается проблема компетенций эффективного руководителя низового звена управления. Опираясь на результаты исследования компетенций линейного руководителя и их влияния на показатели текучести персонала, а также бизнес-результаты подразделения в двух российских компаниях, авторы приходят к выводу, что используемые в практике управления профили компетенций линейного руководителя избыточны, т.е. включают требования, которые не связаны непосредственно с моделью поведения эффективного руководителя. В результате проведенного исследования удалось выявить набор компетенций, характеризующих эффективного линейного руководителя. Полученные результаты нуждаются в тестировании на примере других компаний, занятых в сфере розничных продаж, а также компаний из других сфер деятельности.

Ключевые слова: лидерство, линейный руководитель, компетенции, профиль эффективного руководителя.

Minina V. N.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Zubenko N. S.

Gazpromneft-Center LLC,
floor, 12, 17, Nauchny dr., Moscow, 117246, Russian Federation

COMPETENCIES OF EFFECTIVE LINE MANAGER

Abstract: The article discusses the issues on the competencies of an effective line manager. Based on the research of the line manager's competencies and their impact on personnel turnover rates, as well as on the business results of the divisions in two Russian companies, the authors conclude that the line manager's competence profiles are redundant, i.e. include requirements that don't match an effective leader's behavior model. A set of competencies that characterize an effective line manager was revealed. The results of the study need to be tested in another retail companies as well as companies from other economic areas.

Keywords: leadership, line manager, competencies, profile of effective leader.

Введение. Эффективность работы персонала, удовлетворенность трудом, желание сотрудников работать в организации во многом зависят от деятельности линейного руководителя, в зону ответственности которого входит достижение бизнес показателей, организация жизнеобеспечения подразделения и работа с персоналом. Руководитель находится в непосредственном контакте и имеет влияние на большую часть штата компании. Особенность положения линейного руководителя в том, что он находится между топ-менеджментом и рядовыми сотрудниками организации. С одной стороны, он отвечает за выполнения поставленных задач, с другой — целиком зависит от дисциплины, лояльности и желания сотрудников эти задачи выполнять. Линейные руководители практически полностью исключены из процесса принятия стратегических решений, хотя они могут привлекаться для участия в фокус-группах, рабочих встречах, нацеленных на поиск новых решений, связанных с занятостью, производством, организацией труда. Основными их функциями являются выполнение планов производства, поддержание качества производимой продукции и контроль операционных расходов. По словам П. Друкера, линейный

менеджер себе не принадлежит, он «пленник своей организации». Все могут пользоваться его временем, и все так поступают. А руководитель никак не может этому воспрепятствовать [1].

От линейного руководителя требуется умение сочетать решение производственных задач с поддержанием социально-психологического климата, способствующего эффективной работе сотрудников. Однако анализ выходных интервью с увольняющимися сотрудниками показывает, что в число основных причин увольнения входят несложившиеся отношения с непосредственным руководителем, отсутствие эффективных коммуникаций, непонимание собственных задач и ожиданий руководителя, недостаток признания и похвалы. Непосредственное наблюдение за работой линейных руководителей наводит на мысль о дефиците у них лидерских компетенций, о неумении выстраивать эффективную коммуникацию с сотрудниками, равномерно распределять нагрузку и создавать карьерные перспективы.

Какими же компетенциями должен обладать линейный руководитель, чтобы успешно решать производственные задачи и при этом поддерживать интерес подчиненных к результативной работе и сотрудничеству?

Для ответа на поставленный вопрос было проведено эмпирическое исследование в технике кейс-стади. Объектами исследования выступали две крупные организации: первая — финансовый институт, вторая — сеть автозаправочных станций. Предметом исследования выступали компетенции линейного руководителя. Цель исследования — выявление компетенций, которыми должен обладать эффективный линейный руководитель.

Гипотезы и методы сбора данных. Были выдвинуты следующие гипотезы: корпоративная модель компетенций линейного руководителя не адекватна сфере его фактических полномочий; внутренняя структура корпоративной модели компетенций линейного руководителя не отражает модель поведения эффективного руководителя.

Основные методы сбора первичной информации: анализ данных оценки руководителей компании, данных о текучести персонала и результатах работы подразделения, структурированное наблюдение, анкетный опрос, экспертное интервью.

Первая часть исследования проведена на базе филиала крупного коммерческого розничного банка с численностью более 1500 человек, вторая — на площадке крупной федеральной сети автозаправочных станций с численностью более 10 000 сотрудников. В первом случае изучались компетенции управляющих дополнительным офисом банка, списочная численность которых 40 человек, во втором — более 200 управляющих автозаправочными станциями. На момент проведения исследования в обеих организациях были утверждены матрицы компетенций, проранжированные по значимости.

Результаты исследования линейных руководителей коммерческого банка. Матрица компетенций сотрудников банка включает: ответственность; ориентацию на результат; клиентоориентированность; инициативность; стрессоустойчивость; лидерство. При этом наиболее важными для линейных руководителей считаются ориентация на результат; клиентоориентированность и лидерство. В организации утверждены следующие индикаторы компетенций: ориентация на результат — готовность к действиям для выполнения особо сложных задач, ориентация на достижение цели, упорство в достижении нужного результата, видение решения в достижении результата, а не в способе исполнения; клиентоориентированность — оптимистичный настрой, умение заряжать окружающих энергией, вдохновлять и дарить хорошее настроение, искренняя заинтересованность в собеседнике. Лидерство — способность влиять на членов команды, умение брать на себя ответственность за принятые решения. Нетрудно заметить, что ни одна из перечисленных компетенций не отвечает за наличие коммуникативных навыков у линейных руководителей. Отсутствие компетенции, отвечающей за взаимодействие между сотрудниками, может оказывать негативное влияние на выстраивание отношений между руководителем и подчиненными.

В филиале банка проведен опрос руководителей среднего звена, цель которого — оценка уровня владения внутрикорпоративными компетенциями управляющими дополнительными офисами. Результаты исследования показали, что компетенции «ориентация на результат» и «инициативность» наиболее хорошо развиты у линейных менеджеров, при этом компетенция «лидерство» редко демонстрируется в работе. Наличие сильно развитой компетенции «инициа-

тивность» у линейных менеджеров может оказывать как положительный, так и отрицательный эффект на достижение бизнес-результатов, поскольку строгое следование установленным процедурам и правилам сопряжено с потерей инициативы, важной в нестандартных бизнес ситуациях.

Подчиненные также были вовлечены в оценку компетенций линейных руководителей. Сотрудникам было предложено ответить на следующие вопросы:

- Что вы больше всего цените во взаимодействии со своим руководителем?
- Чего вам не хватает во взаимодействии?
- Что мешает взаимодействию?

Результаты опроса показали, что сотрудники ценят совместную работу по генерации путей решения рабочих задач, проработку новой информации о продуктах, тарифах и т. п., нематериальное вознаграждение, профессиональное и карьерное развитие, а также поддержку и помощь в трудных рабочих ситуациях. При этом сотрудники отмечали, что руководители часто демонстрируют негативные эмоции, периодически используют чрезмерный прессинг, не интересуются обратной связью.

Также было проведено интервью с первым лицом филиала банка, который низко оценил качество работы линейных менеджеров и указал на необходимость пересмотра модели компетенций. Со слов топ-менеджера, ни один из обследованных руководителей не демонстрирует модель эффективного руководителя и не достигает необходимого бизнес-результата. Бизнес-план выполняется в среднем на 85 из 100 %, при этом проходным значением для получения ежемесячной премии является показатель 91 %.

Результаты исследования линейных руководителей сети автозаправочных станций. В исследовании линейных руководителей сети автозаправочных станций данные о компетенциях линейных руководителей получены с использованием метода 360 градусов. В качестве респондентов выступали: руководители розничной сети, среднее управленческое звено, представители служб, с которыми оцениваемые линейные руководители находятся в постоянном взаимодействии, а также непосредственные подчиненные.

На момент проведения оценки в компании была утверждена матрица компетенций, состоящая из следующих блоков: решение бизнес задач; управление рабочим процессом; взаимодействие; личностный потенциал. Наиболее значимыми для линейных руководителей являются управление рабочим процессом и взаимодействие. Уровень владения ими должен быть не ниже 2 баллов при действующей 3-балльной системе, что соответствует уровню «освоена полностью». Компетенции «решение бизнес-задач» и «личностный потенциал» определены как менее значимые для линейных менеджеров, ожидаемый уровень владения ими не выше 1 балла, что соответствует уровню «освоены не полностью».

В ходе исследования проанализированы результаты оценки, бизнес показатели, процент укомплектованности подразделения за 1 квартал 2018 г. Анализ полученных данных подтвердил высокую значимость компетенции «взаимодействие» у линейного менеджмента. Руководители с уровнем развития компетенции «взаимодействие» 3 балла демонстрируют высокий уровень среднего значения процента укомплектованности штата (более 98 %) и выполнения бизнес показателей более 96 %. При этом руководители с уровнем развития компетенции «взаимодействие» 2 балла демонстрируют средний процент укомплектованности штата (не ниже 95 %) и уровень выполнения бизнес-показателей 90 %; при уровне развития данной компетенции равной 1 балл руководители удерживают уровень укомплектованности штата в среднем на 92 %, а показатель выполнения бизнес-показателей на 80 %, при этом линейные менеджеры, у которых данная компетенция не развита, демонстрируют средний процент укомплектованности 69 % и уровень выполнения бизнес-задач 76 %.

Проведенный анализ позволил выявить зависимость между компетенциями «взаимодействие» и «управление рабочим процессом». Сотрудники с высоким уровнем владения компетенциями «взаимодействие» демонстрируют и высокий уровень развития навыка «управление рабочим процессом», и наоборот. При этом не было выявлено зависимости между уровнем вла-

дения компетенцией «решение бизнес-задач» и показателями бизнес результатов, процентом укомплектованности штата и показателями депремирования сотрудников. На основании этого сделан вывод, что наличие данного навыка у линейного менеджера не обязательно. Аналогичный вывод сделан по компетенции «личностный потенциал», наличие которой не отражается на выполнении показателей, что подтвердило первую гипотезу исследования.

Итак, какими же компетенциями должен обладать эффективный линейный руководитель?

Профиль компетенций эффективного линейного руководителя. Г. Минцберг условно разделил профессиональные компетенции руководителя на две группы [2]. Первая группа — это выполнение профессиональной работы управленца, что включает в себя: умение обосновывать и принимать решения в ситуациях неопределенности, информированность в вопросах профильной отрасли, навыки управления вверенными ресурсами и использования современных средств коммуникации. Вторая группа требований связана с умением менеджеров работать с людьми и управлять самим собой. Линейные руководители должны иметь личностные качества, которые усиливают доверие и уважение со стороны других. В данную группу входят: высокое чувство долга и преданность делу, честность в отношении с людьми и доверие к партнерам, высокий уровень коммуникаций, уважительное отношение к людям вне зависимости от их положения в организационной иерархии и высокий уровень эмоционального интеллекта.

В нашем исследовании в качестве личностных особенностей, которые помогают в работе, были отмечены: гибкость, способность к саморазвитию, доверительные отношения с коллегами и умение заинтересовать подчиненных работать в команде для достижения целей бизнеса. Также подчеркивалась значимость коммуникаций: *«все решают коммуникации»*. Результаты исследования показали высокую значимость компетенций «взаимодействие» и «управления рабочим процессом» для достижения бизнес-показателей и снижения текучести кадров. Высокий уровень владения компетенцией «взаимодействие» означает, что линейный руководитель не просто способен, но и фактически создает благоприятный социально-психологический климат в своем подразделении.

Библиографический список

1. Друкер П. Ф. 2013. Эффективный руководитель. М., СПб., Киев: Издательский дом «Вильямс».
2. Минцберг Г. 2012. Структура в кулаке // Школа современного бизнеса. М. Т. 12.

Михеева Д. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
d.mikheeva@spbu.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТЕЛЕВЕЩАНИЯ

Аннотация: в статье рассмотрены характеристики телевидения, на которые оказывают влияние цифровые технологии; обозначены основные характеристики и причины возникновения цифровой аудитории; рассмотрены новые формы распространения телевизионного контента и новые формы организации медийного пространства; обозначены источники финансирования телевизионных каналов на современном этапе развития.

Ключевые слова: телевидение, телевизионные каналы, телевизионное финансирование, технологии, цифровая экономика.

Mikheeva D. G.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034,
Russian Federation

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF TELEVISION BROADCASTING

Abstract: the article describes the characteristics of television broadcasting, which are influenced by digital technology; identifies the main characteristics and causes of a digital audience; reviewed new forms of distribution of television content and new forms of organization of the media space; sources of financing of television channels at the present stage of development are indicated.

Keywords: television broadcasting, television channels, television financing, technology, digital economy.

Медийное пространство на современном этапе развития подвергается преобразованию за счет влияния развитых цифровых технологий. Технологические параметры телевидения определяют уровень технологического развития, который в свою очередь будет формировать определенный уровень качества вещания, качества изображения на экранах телевизоров, количество предоставляемых каналов. Рассмотрим за счет каких процессов и структурных изменений цифровые технологии становятся мощным фактором развития телевидения.

В условиях перехода к цифровой экономике происходит расширение и совершенствование систем телевидения. Помимо стандартных систем телевидения, таких как кабельное, наземное, спутниковое, появляется цифровое телевидение, интернет-телевидение.

Интернет-телевидение (или on-line TV, телевидение межсетевого протокола) — телевидение, осуществляемое посредством двусторонней цифровой передаче телевизионного сигнала через интернет с помощью широкополосного подключения. Помимо просмотра телевизионных каналов в рамках онлайн вещания, просмотр передач можно осуществлять в любое время. Интернет-телевидение реализуется посредством интеграции цифровых технологий в современные модели телевизоров («Smart TV»). Телевизор, имеющий опцию «Smart TV», помимо возможности телевидения, также может быть использован как компьютер, в большей или меньшей степени, в зависимости от модели устройства. Благодаря опции «Smart TV» становятся доступны интернет-ресурсы для просмотра телевизионных передач, которые теряют непосредственную связь с конкретным каналом вещания и их популярность становится менее зависимой от времени показа. Распространение современных интернет-технологий в телевидение спровоцировало развитие разработок интерактивных приложений. На российском рынке наиболее популярны VoD, Okko, LOOK, Play Family, ivi.ru и другие [1].

Телевизионный контент в условиях цифровой среды становится доступен, во-первых, на официальных сайтах телевизионных каналов, во-вторых, на специализированных сайтах, ком-

понующих телепроекты по различным признакам (по тематике, по году выпуска, по участникам и т. д.). Примерами таких сайтов могут быть Youtube, Zoomby, Ivi и другие. Также распространение телевизионных проектов возможно и с помощью социальных сетей, таких как Facebook, Twitter, Вконтакте и других.

Таким образом, появляется потоковая система организации медийного пространства, которая является более удобной для потребителя, нежели сайтовая. Структуризация потока новостей с развитием социальных сетей возможна благодаря аккумулярованию в ленте новостей подписчиков необходимой информации. Сайтовая система характеризуется объединением информационных потоков по темам в сайты, тогда как потоковая система позволяет просматривать в ленте новостей ту информацию, которая заранее определена аудиторией путем подписки на группу социальных сетей, или отдельную медийную личность, предприятие, новостной канал, или другой контент.

Для анализа влияния цифровых технологий на телевидение в первую очередь следует отметить изменение запросов потребителей и формы взаимодействия потребителей и получаемой информации. На современном уровне развития медиа технологий возникает новый формат (вид) потребителей медиа продуктов — цифровая аудитория. Цифровая аудитория — это аудитория, получающая львиную долю информационного контента благодаря различным гаджетам [2].

По результатам отчетов о глобальном цифровом рынке Global Digital 2018 Аналитического агентства We Are Social и крупнейшей SMM-платформа Hootsuite, более 4 миллиардов человек на современном этапе развития являются пользователями всемирной сети, около четверти миллиарда пользователей интернета впервые вышли в сеть в 2017 г., за 2017 г. более 200 млн человек впервые стали владельцами мобильных устройств. Рост цифровой аудитории связан с тем, что указанный период характеризуется повышением доступности смартфонов и снижением цены на мобильный интернет. Количество пользователей социальных сетей увеличивалось ежедневно почти на 1 миллион. Важной характеристикой цифровой аудитории является то, что 9 из 10 пользователей заходит в сеть с помощью смартфона. В целом смартфонами в 2018 г. пользуются более 5 млрд человек, что на 4 % больше, чем в 2017 г. [3].

По результатам исследований Global Digital Future in Focus в США 62 % аудитории используют три вида устройств: ПК, планшет и смартфон; 23 % — используют только компьютер, 15 % — только смартфон. Всего было исследовано 30 стран, в которых 45 % аудитории имеют привычку работы со всеми видами устройств. Отметим, что в России 60 % выходов в интернет осуществляется с мобильных устройств [2].

За 2016 г. объем оборота Рунета составил более 1,5 трлн руб., что соответствует примерно 3 % ВВП. Не мало важным фактом является то, что доля смежных отраслей экономики, которые не могут развиваться без интернета, превысила 19 % ВВП страны и достигла 10 трлн руб.

В этой связи правительством РФ инициирована программа развития цифровой экономики с горизонтом до 2025 г. Помимо развития самих технологий, одним из направлений должно быть обеспечение безопасности участников цифровой экономики, а одним из ключевых результатов — обеспечение доступности интернета. Заместитель начальника Экспертного управления президента РФ Леонид Осипов отметил, что «должен быть обеспечен доступ граждан и бизнеса к интернету, устранение цифрового неравенства. Есть такая интересная концепция, некий образ — интернет как электричество, в каждом доме, в каждой семье, в каждом хозяйстве, на каждом предприятии без ограничений доступ к высокоскоростному интернету» [4].

Таким образом, формируется новая модель взаимодействия аудитории и производителей медиа услуг, в данном формате взаимодействия в странах с активно развивающейся цифровой экономикой часть аудитории приобретает статус «цифровой», причем прослеживается тенденция ее увеличения.

Цифровая аудитория отличается следующими характеристиками. Во-первых, у цифровых потребителей утрачена, в той или иной степени, привычка просмотра определенных телепередач по каналу телевидения. Во-вторых, существуют устойчивые привычки использования цифровых носителей для получения информационного контента. В-третьих, определяющим фактором выбора формы потребления является не канал, а скорость и качество передачи ин-

формации. В-четвертых, изменяющаяся привязанность в использовании тех или иных форматов, изменяющиеся показатели длины и глубины сессий потребления.

Однако цифровую аудиторию можно разделить на профессиональную и любительскую. Профессиональная аудитория характеризуется целенаправленным изучением достоверной информации. В этом случае представители цифровой аудитории могут оформлять платные подписки. Тогда как любительская аудитория может быть вполне удовлетворена потоком информации и прочего контента, получаемого из социальных сетей [2].

В этой связи развитие цифровой экономики оказало существенное влияние на финансирование телепроектов. На современном этапе развития российской телевизионной индустрии финансирование каналов осуществляется за счет трех основных источников. Во-первых, источником финансирования является денежные средства, получаемые в счет оплаты услуг телевидения. Речь идет об абонентской плате, взимаемой за пользование каналами. По сути, только этот вид финансирования отражает экономические отношения между каналами и зрителями. То есть данный вид дохода телевизионного канала непосредственно связан с предоставлением основного вида услуг. Как ни странно, именно это вид финансирования является наименее распространенным. Доходы, получаемые за счет подписок, составляют всего лишь 3 %, тогда как доходы от рекламы 77 %. Второй источник финансирования — это государственные средства. Примерами такого вида финансирования являются субсидии. В основном государство оказывает поддержку социально значимых программ и телеканалов.

Наконец, основным источником финансирования является реклама. По своей сути реклама как источник финансирования телеканала выражает стоимостную форму продвижения товаров и услуг. Реклама предоставляет некую информацию о продуктах и услугах, поэтому является информационной услугой. Но, так как для зрителя целью просмотра канала не является получение данной информации, то услуга является косвенной, получаемой случайным образом.

Помимо перечисленных выше трех основных источников финансирования, существуют также и другие, но поступления от них очень незначительны. Примерами таких источников финансирования могут быть доходы от телемагазинов, распространение мобильного контента (sms-активность), интерактивные телеигры и другие.

Телевизионные каналы с одной стороны вынуждены использовать элементы цифровой экономики, в целях поддержания оптимального уровня конкурентоспособности, с другой стороны, сами создают условия для развития этих элементов, также с целью повышения и поддержания уровня конкурентоспособности, формирования новых видов предоставления услуг, завоевания новых рынков. Таким образом, современная телеиндустрия характеризуется следующими критериями соответствия цифровой экономики: использование инновационных цифровых стандартов связи; использование онлайн-коммуникаций в работе и в предоставлении товаров и услуг; создание условий для обеспечения информационной безопасности; поиск новых методов управления информационными потоками и знаниями в цифровых системах.

Уровень соответствия этим критериям определяет экономический потенциал телевизионного канала. Рассмотрим влияние элементов цифровой экономики на телевизионные каналы.

Анализ существующих телепродуктов по типам инноваций выявляет следующие типы телепроектов: во-первых, креативный проект — создание новой программной единицы или телепродукта. Речь идет о большинстве постановочных и телеигровых программ; публицистики, использующая тематику событийного характера или основанная на преобладающем ресурсе творческих идей и реальных исполнителей, за исключением, наверное, чисто информационно-аналитических проектов. Пожалуй, самым действенным методом защиты прав автора по использованию ноу-хау является лицензирование. В основном все телеигры и телешоу можно классифицировать как инновации, а покупка инновации, как правило, осуществляется на условиях приобретения прав на постановку с безотлагательной выплатой.

Благодаря широкому прогрессу технических средств, в том числе и мультимедийных, все более нарастает число проектов креативно-технических, с созданием телепродукта и использованием новых цифровых технологий типа «захват движений» («Motion Capture») или других виртуальных образов (например, «Тушите свет» и «Академия ошибок»).

Отдельное место среди телепроектов могут занимать организационно-технические — создание телепродукта с преобладающими затратами на приобретение прав на эфир и создание интерактивных или иных форматов, как все вариации «Времечка» или реалити-шоу типа программы «За стеклом», имеющие не только телевизионное, но и онлайн-обеспечение.

Более масштабным является тип организационного проекта — создание информационных служб или телеканалов с преобладанием вещательных функций. Здесь коммерческой основой является привлечение рекламных сообщений и лицензионный прокат любого телематериала.

Несмотря на то что интернет-технологии приобретают все более весомое значение в индустрии распространения и обмена информацией, телевидение на современном этапе все еще остается достаточно мощным коммуникативным средством с большим функциональным спектром использования. Телевизионные каналы являются одни из основных средств отображения и предоставления информации. Кроме того, телеканалы являются средством воздействия на общественное мнение и настроения аудитории, однако влияние цифровых форм взаимодействия с потребителями становятся важными факторами развития телевидения.

Библиографический список

1. Телевидение. 2016. Экспоцентр. URL: <http://www.sviaz-expo.ru/ru/articles/2016/televeshhanie/> (дата обращения: 13.12.2018).
2. Медиа составляющая цифровой экономики. 2018 // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. URL: <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2018/4/mediasostavlyayushchaya-tsifrovoy-ekonomiki/> (дата обращения: 13.12.2018).
3. Интернет 2017–2018 в мире и в России: статистика и тренды. WebCanape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 13.12.2018).
4. Программа развития цифровой экономики в РФ будет рассчитана до 2025 г. 2017. Тасс. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4052876> (дата обращения: 13.12.2018).

Омельянович Л. А.

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»,
Донецкая Народная Республика, 83050, Донецк, ул. Щорса, 31
prorect@donnuet.education

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ РАБОТОДАТЕЛЯМИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: В статье освещены вопросы взаимодействия образовательных организаций высшего профессионального образования с работодателями в рамках социального партнерства. Обращено внимание на создание Совета по социальному партнерству в образовании, содержание его деятельности, показаны направления интеграции образования и практики работы предприятий, организаций, учреждений. Среди них выделены такие, как создание и функционирование филиалов выпускающих кафедр, согласование учебно-методического обеспечения прохождения производственной практики с предприятиями-базами практики. Подчеркнуты роль и значение участия руководителей и специалистов от практики в разработке Государственных стандартов высшего профессионального образования. Уделено внимание целевому приему и целевой подготовке специалистов для государственных служб. Освещены другие мероприятия: «День карьеры», научно-практические конференции, играющие свою роль в улучшении практической подготовки и трудоустройстве выпускников.

Ключевые слова: социальное партнерство, производственная практика, трудоустройство, целевой прием, целевая подготовка.

Omelyanovich L. A.

Donetsk National University of Economics and Commerce
named after Mikhail Tugan-Baranovsky,
31, Shchors str., Donetsk city, 83050, Donetsk Public Republic

INTERACTION BETWEEN EMPLOYERS AND EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

Abstract: The article highlights the issues of interaction of educational institutions of higher professional education with employers in the framework of social partnership. Attention is paid to the creation of the Council for Social Partnership in Education, the content of its activities, showing the directions of integration of education and practice of enterprises, organizations and institutions. Among them are highlighted such as the creation and operation of branches of graduating departments, the coordination of teaching and methodological support of practical training with enterprises-bases of practice. The role and importance of the participation of managers and specialists from the practice in the development of State standards of higher professional education are emphasized. Attention is paid to target reception and target training of specialists for public services. Other events are highlighted: "Career Day", scientific and practical conferences that play a role in improving the practical training and employment of graduates.

Keywords: social partnership, work experience, employment, targeted admission, targeted training.

Цель доклада — поделиться опытом взаимосвязей и взаимодействия образовательных организаций высшего профессионального образования Донецкой Народной Республики, ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» и работодателей по подготовке и трудоустройству выпускников.

Системная работа по налаживанию тесного взаимодействия между работодателями и образовательными организациями высшего профессионального образования в Донецкой Народной Республике ведется как на уровне Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики, так и образовательными организациями (учреждениями) высшего профессионального образования.

Для организации взаимодействия между работодателями и образовательными организациями высшего и среднего профессионального образования приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 08 июля 2016 г. № 741 создан Совет по социаль-

ному партнерству в образовании при Министерстве образования и науки Донецкой Народной Республики.

Следует отметить широкий представительский состав Совета. Членами Совета являются представители министерств, ведомств, учреждений, образовательных организаций (учреждений) высшего и среднего профессионального образования, предприятий, организаций-работодателей Донецкой Народной Республики.

На заседаниях Совета по социальному партнерству при Министерстве образования и науки (далее — Совет) рассматриваются важнейшие вопросы, связанные с практической подготовкой студентов и трудоустройством выпускников [1]. Среди них:

- взаимной ответственности системы высшего профессионального образования, работодателей, органов государственной власти по подготовке кадров для экономики Донецкой Народной Республики;
- опережающее практико-ориентированное обучение, внедрение компетентностного подхода для обеспечения высокого качества подготовки специалистов, востребованных рынком труда Донецкой Народной Республики;
- формирование партнерских отношений образовательных организаций высшего профессионального образования с работодателями на основании долгосрочных договоров на прохождение производственной практики;
- изучение опыта работы государственных образовательных организаций среднего и высшего профессионального образования с субъектами рынка труда, органами государственной власти и местного самоуправления по вопросам производственной практики студентов, практики (стажировок) магистрантов, стажировок педагогических и научно-педагогических работников и формирование предложений Министерству образования и науки;
- использование информационной и технической базы при сборе, обработке, хранении информации о возможностях прохождения производственной практики студентов, стажировок магистрантов, педагогических и научно-педагогических работников в Донецкой Народной Республике;
- разработка механизма организации социального партнерства в сфере образования и др.

Также систематически членами Совета по социальному партнерству поднимаются вопросы наставничества, необходимости прохождения стажировки и организации практики обучающихся на предприятиях, в организациях, учреждениях Донецкой Народной Республики.

Сотрудничество между работодателями и образовательными организациями системы высшего профессионального образования, прежде всего, проявляется в интеграции теоретического обучения и экономической практики Донецкой Народной Республики. Интеграционные процессы обеспечиваются путем:

- прохождения студентами производственной практики на предприятиях, в организациях и учреждениях;
- создания филиалов выпускающих кафедр на предприятиях, в организациях и учреждениях;
- стажировки обучающихся;
- проведения с работодателями совместных мероприятий, направленных на усовершенствование практической подготовки и благоприятствие в трудоустройстве выпускников;
- подготовки специалистов по заказу предприятий-работодателей (целевой прием и обучение);
- формирования кадрового резерва для работы в органах государственной власти, министерствах и ведомствах Донецкой Народной Республики;

- повышения квалификации научно-педагогических кадров в ведущих предприятиях бизнеса;
- приглашения специалистов-практиков для проведения лекционных, практических занятий, для работы в качестве председателей государственной аттестационной комиссии по защите выпускных квалификационных работ;
- разработки кейсов на основе реальных проблем и экономической практики Донецкой Народной Республики.

Анализ показал, что в период производственной практики происходит социализация обучающихся, развитие профессиональных компетенций, умений решать реальные производственные задачи [2].

В качестве руководителей практики выступают, как правило, опытные наставники, что дает свои результаты по итогам прохождения практики в образовательных организациях Донецкой Народной Республики*. Многие выпускники университетов Донецкой Народной Республики стали сотрудниками базовых предприятий — работодателей и одновременно выступают руководителями практики студентов.

Ценно, что программы прохождения всех видов производственной практики в обязательном порядке согласовываются с предприятиями, организациями — базами практики. Это позволяет учесть реальные условия профессиональной деятельности будущего выпускника, почувствовать студенту особенности своей будущей профессии; найти наилучшие подходы к решению тех или иных проблем.

Также следует отметить, что обучающиеся и сами имеют возможность самостоятельно подобрать базу практики в соответствии с потребностями и особенностями направления подготовки, специальности. Это может быть предприятие, на котором студент подрабатывает в свободное от учебы время и которое ходатайствует перед университетом о возможности прохождения производственной практики с последующим трудоустройством выпускника.

Практика социально-экономической жизни Донецкой Народной Республики свидетельствует о том, что в период обучения 30–60 % студентов работает. Это объясняется взрослением студента, желанием приобрести практический опыт и улучшить материальное состояние семейного бюджета, обеспечить нормальные условия жизни и учебы (получения квалификации). Все это подтверждает большую роль и значение тесного взаимодействия между работодателями и образовательными организациями высшего профессионального образования.

Большое значение имеет целевой прием и обучение. В качестве примера можно привести ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» (далее — университет), в котором ведется целевая подготовка специалистов для системы Пенсионного фонда еще с 2003 г. За этот период было выпущено более 200 специалистов для системы Пенсионного Фонда [3].

Это большой комплексный процесс. В результате изучения потребностей и выстраивания взаимоотношений между университетом и центральным органом исполнительной власти был заключен договор между Пенсионным фондом (ПФ) и университетом.

Создан филиал выпускающей кафедры финансов на базе Пенсионного фонда в Донецкой Народной Республике, разработан учебный план по профилю «финансы и кредит», «пенсионный фонд», разработаны специальные учебные дисциплины по тематике пенсионных отношений, подготовлены и опубликованы учебные пособия, методические рекомендации, программы практики в системе Пенсионного фонда, разработана тематика дипломных работ, магистерских диссертаций, привлечены ведущие специалисты Пенсионного фонда к учебному процессу

* Справочно: в Донецкой Народной Республике функционируют 18 образовательных организаций (учреждений) высшего профессионального образования. Весьма важным является участие организаций, предприятий, учреждений (потенциальных работодателей) в разработке Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. Образовательные организации (учреждения) изучают потребности рынка труда и развивают профили направлений подготовки и специализации по конкретным специальностям.

(чтение лекций, проведение семинарских занятий), организованы практика в подразделениях Пенсионного фонда, выполнение на базе Пенсионного фонда дипломных работ, магистерских диссертаций, проводятся выездные заседания Государственных аттестационных комиссий непосредственно в Государственной службе Пенсионного фонда. Все выпускники данного профиля после окончания обучения получают первое рабочее место в системе Пенсионного фонда.

К числу специальных учебных дисциплин по тематике пенсионных отношений относятся:

- Пенсионное дело;
- Управление бюджетными ресурсами Пенсионного фонда;
- Пенсионная система;
- Пенсионное обеспечение;
- Финансовая деятельность негосударственных пенсионных фондов;
- Социальная защита.

Все эти учебные дисциплины включены в вариативную составляющую учебного плана.

Целевая подготовка финансистов для системы Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики продолжается и в настоящее время с учетом трансформации договорных отношений и содержания образовательного процесса.

Весьма полезным и результативным мероприятием является Республиканский «День карьеры». Суть его состоит в организации встречи работодателей с выпускниками. В качестве работодателей на Дне карьеры выступают учреждения государственных служб, производственные предприятия, торговые предприятия, сфера услуг, гостинично-ресторанного и туристического бизнеса, предприятиями перерабатывающих и пищевых производств и др.

Начиная с 2006 г. Государственная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» ежегодно являлась площадкой для проведения Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы трудоустройства выпускников образовательных организаций высшего профессионального образования». Результатом этой конференции является разработка и принятие рекомендаций, направленных на улучшение практической подготовки студентов, трудоустройство выпускников и формирование кадрового потенциала Донецкой Народной Республики.

Выводы. Функционирование Совета по социальному партнерству в образовании при Министерстве образования и науки Донецкой Народной Республики способствует интеграции учебного процесса и экономической практики Донецкой Народной Республики, объединяет интересы образовательных организаций (учреждений) и предприятий, организаций-работодателей, способствует повышению качества подготовки специалистов для экономики Донецкой Народной Республики.

Эффективность взаимодействия между образованием и практикой будет достигнута тогда, когда работодатели (стратегические партнеры образовательных организаций) будут заинтересованными участниками образовательного процесса, содействующими привитию студентам профессиональных компетенций, отвечающим требованиям современного рынка труда Донецкой Народной Республики.

Систему устойчивого взаимодействия институтов власти, образовательных организаций и работодателей необходимо сформировать в рамках социального партнерства.

Библиографический список

1. Материалы X Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы трудоустройства выпускников высших учебных заведений». 2015. Донецк: ДонНУЭТ. 121 с.
2. Материалы XI научно-практической конференции «Проблемы и перспективы трудоустройства выпускников». 2016. Донецк: ДонНУЭТ. 160 с.
3. Материалы I Международной конференции «Актуальные проблемы и перспективы трудоустройства выпускников образовательных организаций высшего профессионального образования». 2017. Донецк: ДонНУЭТ. 303 с.

Сотников Н. З.

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Российская Федерация, 630090, Новосибирск, ул Каменская, 56
n.z.sotnikov@edu.nsuem.ru

ФОРМАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДЕЛОВОЙ КАРЬЕРЫ В СООТВЕТСТВИИ С МЕТОДОЛОГИЕЙ BALANCED SCORECARD (BSC)

Аннотация: В статье рассматривается подход к формализации стратегии деловой карьеры на основе концепции сбалансированных показателей (BSC). Сформировано понятие сбалансированной системы показателей карьеры. Дана авторская трактовка понятия «перспективы формализации стратегии деловой карьеры», приводится интерпретация их содержания. Рассмотрены этапы формализации стратегии деловой карьеры. Обоснована необходимость формирования стратегических карт построения деловой карьеры.

Ключевые слова: управление карьерой, стратегия деловой карьеры, система сбалансированных показателей, перспективы системы сбалансированных показателей, стратегическая карта, этапы формализации стратегии.

Sotnikov N. Z.

Novosibirsk state university of economy and management,
56, Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

METHODOLOGICAL APPROACH TO FORMALIZATION OF STRATEGY OF BUSINESS CAREER BY BALANCED SCORECARD (BSC)

Abstract: In the article, considered approach to formalization of strategy of business career on the basis of the concept of the balanced scorecards (BSC) is considered. The concept of balanced scorecards of career is created. The author's interpretation of a concept of "the prospect of formalization of strategy of business career", interpretation of their contents is given. Stages of formalization of strategy of business career are considered. Needs of formation of strategic cards of creation of business career is proved.

Keywords: management of career, strategy of business career, system of the balanced scorecards, prospects of a system of the balanced scorecards, strategic card, strategy formalization stages.

Осознание стратегической ценности человеческих ресурсов в условиях турбулентности и, соответственно, непредсказуемости факторов внешней среды способствует выдвиганию в качестве задачи деловой карьеры обеспечение такого взаимодействия экономических субъектов (работника, домохозяйства, организации, страны) со средой, которое позволяло бы им поддерживать свою конкурентоспособность на рынке труда на уровне, необходимом для достижения карьерных целей, и тем самым давало бы им возможность выживать в долгосрочной перспективе.

Система управления карьерой является элементом более крупных систем [1; 2] (системы управления организацией и персоналом) и отражает концептуальные положения, принципы систем более общего порядка. По этой причине существует объективная необходимость интеграции управления карьерой персонала в организационный стратегический план.

В качестве методического подхода к интеграции управления карьерой со стратегическим управлением возможен подход, основанный на использовании сбалансированной системы показателей карьеры (Balanced ScoreCard of Career, далее — BSCC).

Система BSCC — это сбалансированная система оптимально подобранных показателей оценки эффективности стратегической деловой карьеры, отражающих все аспекты личностно-профессионального и служебно-должностного позиционирования экономического субъекта на рынке труда — как финансовые, так и нефинансовые. Данная система призвана обеспечить равновесие между краткосрочными и долгосрочными целями, финансовыми и нефинансовыми показателями, основными и вспомогательными параметрами, а также внешними

и внутренними факторами деятельности. Система сбалансированных показателей базируется на следующих принципах: 1) принцип измеримости; 2) принцип комплексности; 3) принцип причинно-следственной связи; 4) принцип локализации ответственности». Данный подход позволяет рассматривать управление карьерой с позиций максимизации стоимости (капитализации) бизнеса.

Управление карьерой на основе BSCC — это рациональный и линейный процесс, способствующий пониманию и разделению целей субъектов управления карьерой, их каскадированию по всей вертикали управления, оценке их достижения. BSCC как инструмент представления процесса реализации стратегии в понимаемой форме способствует переводу миссии и стратегии карьеры в набор оперативных целей и показателей оценки результативности управления карьерой. «Перевод стратегии на операционный уровень реализуется через определение причинно-следственных связей между целями и задачами, создание стратегической карты, определение показателей и их целевых значений» [3; 4, с. 138]. Управление карьерой на основе BSCC предусматривает реализацию следующих этапов.

Целью первого этапа внедрения BSCC «Подготовка к построению BSCC» является обоснование перспектив BSCC на основе формализации стратегии карьеры. Для формализации стратегии карьеры применима концепция, предложенная американскими экономистами Р. Капланом и Д. Нортоном [3].

В качестве четырех перспектив формализации стратегии деловой карьеры целесообразно использование следующих:

- перспектива «Инфраструктура», т. е. каковы должны быть ресурсы карьеры, чтобы быть конкурентным на рынке;
- перспектива «Технология», т. е. каким образом достичь устойчивой конкурентоспособности экономического субъекта на рынке труда, чтобы улучшить качество трудовой жизни;
- перспектива «Стейкхолдеры», т. е. какая конкурентоспособность экономического субъекта на рынке труда способствует улучшению качества трудовой жизни;
- перспектива «Финансы» т. е. какое устойчивое качество трудовой жизни необходимо создать в сознании экономического субъекта на рынке труда, чтобы обеспечить капитализацию карьеры.

Для каждой перспективы предполагается определение цели, показателей, инициатив для максимизации стоимости бизнеса. Затем топ-менеджмент распространяет стратегию на более низкие, децентрализованные уровни управления.

Целью второго этапа «Построение BSC карьеры» является построение стратегической карты карьеры, позволяющей сделать понятными и близкими каждому сотруднику организации стратегические цели и задачи управления карьерой, пути их достижения и решения, сформулировать и отобразить то, как можно конкурентно позиционировать персонал на рынке труда, согласовывая стратегические цели управления карьерой через цепь причинно-следственных связей.

Стратегическая карта сбалансированной системы показателей карьеры представляет собой модель, демонстрирующую, как стратегия объединяет карьерное позиционирование и формирование конкурентоспособности на рынке труда. Стратегические карты предназначены для определения и наглядного описания стратегических целей, задач и показателей, а также путей их достижения и решения. Стратегические карты позволяют донести до отдельных подразделений и сотрудников предприятия их роль в реализации стратегий.

Стратегическая карта карьеры, представляя причинно-следственное отображение целей в процессе внедрения стратегии, позволяет увидеть, как достижение карьерных целей отдельными работниками и их группами способствует достижению их конкурентоспособности на рынке труда, добиваться требуемых показателей в труде, удовлетворению потребительских запросов работодателей в труде и в итоге получать желаемые финансовые результаты. BSC включает в себя следующие элементы: (1) стратегическую карту организации и самостоятельных структурных

подразделений, которая визуализирует стратегию карьеры по целям и основным направлениям деятельности, объединенным между собой причинно-следственными связями; (2) систему сбалансированных финансовых и нефинансовых ключевых показателей эффективности, характеризующих стратегические карьерные цели организации; (3) портфель стратегических инициатив, необходимых для реализации стратегии карьеры; (4) стратегический бюджет организации, являющийся составной частью организационного бюджета и включающий затраты на реализацию программ и проектов по управлению карьерой в организации, направленных на достижение стратегических целей.

Наиболее распространенной формой при разработке стратегических карт развития организации является матричная, когда по вертикали располагаются в определенной последовательности основные группы показателей, характеризующих деятельность организации, а по горизонтали — наиболее важные этапы реализации стратегического управления в организации. Стратегические карты могут использоваться на разных иерархических уровнях системы управления карьерой в организации. В этом случае для каждого субъекта разрабатываются индивидуальные стратегические цели, ключевые факторы успеха, стратегические планы, ключевые индикаторы исполнения. В ряде случаев созданию стратегических карт предшествует определение стратегических зон, требующих особого внимания при стратегическом управлении карьерой.

Преимущество стратегической карты над словесным описанием стратегии заключается в изображении того, как каждый элемент управления карьерой создает вклад в общий успех стратегии карьеры посредством причинно-следственных связей. Стратегическая карта описывает контекст системы сбалансированных показателей, оценивающих основные сферы деятельности предприятия. Таким образом, эта карта объединяет разрозненные задачи и цели управления карьерой внутри банка.

Целью третьего этапа «Каскадирование BSC карьеры» является разработка стратегических карт бизнес-единиц и подразделений, а также отдельных работников. Разработка функциональных и индивидуальных стратегических карт предполагает тем самым деагригирование организационной BSC карьеры до функциональной и линейной BSC карьеры подразделений, а затем до индивидуальных BSC работников. Этот процесс идет сверху вниз. Но одновременно, если это отвечает общей управленческой политике организации, должен быть предусмотрен процесс встречного планирования (т. е. инициативного планирования снизу вверх). При этом в централизованной структуре цели более высокого порядка определяются изначально и последовательно деагригируются, поэтому возможности для их изменения и корректировки минимальны.

Деагригирование позволяет, во-первых, провести сравнительный анализ целевых функций и задач различных подразделений и сотрудников. Во-вторых, выявить степень участия различных подразделений и сотрудников в осуществлении некоторой конкретной функции управления. В-третьих, фиксировать как отношения между линейными и функциональными подразделениями, так и внутри их. В-четвертых, ранжировать целевые функции каждого подразделения и сотрудников по значимости и качеству работы.

Цель четвертого этапа «Контроль выполнения стратегии управления карьерой» — определить степень и характер соответствия реализуемой карьерной стратегии состоянию внешней и внутренней среды; наметить динамику карьеры для стратегического планирования, формулирования альтернативных карьерных стратегий. Это выполнение триединой задачи. Первой — контроль состояния систем стратегического управления карьерой и управления карьерой. Второй — контроль соответствия карьерной стратегии состоянию внешней среды. Третьей — контроль соответствия карьерной стратегии состоянию внутренней среды производственно-коммерческой деятельности.

Контроль карьерной стратегии — это сложный и многоплановый процесс, в котором сочетаются организационно-экономический, организационно-технологический, социально-психологический и экономический аспекты.

Контроль в организационно-экономическом аспекте предусматривает проверку документации и анализ показателей, свидетельствующих о легитимности и эффективности управления карьерой в организации. Оценка показателей заключается прежде всего в том, чтобы понять

возможность расчета фактического значения показателя на основе данных отчетного периода. Кроме того, необходимо проводить сравнения план-факт по значениям выработанных показателей с выяснением причин отклонений. Такой анализ сопровождается либо корректировкой целевого значения показателя, либо разработкой корректирующих мероприятий, направленных на достижение установленного ранее целевого значения. BSC нижнего уровня всегда должна оцениваться на предмет содействия достижению целей верхнего уровня. Кроме того, целесообразно прогнозировать целевые значения показателей на длительный период времени.

Контроль в организационно-технологическом аспекте предполагает проверку документации и анализ показателей, свидетельствующих о легитимности и эффективности техники управления карьерой в организации. Пригодны ли выбранные показатели для оценки степени достижения выработанных целей? Насколько прост расчет значений показателей? Соблюдение принципов каскадирования. Оказание влияния на цели. Приемлемое количество целей и показателей. Соответствующие нормы. Полное освещение всех целей. Сочетание опережающих и запаздывающих индикаторов. Каскадированные системы показателей должны содержать в себе не одни только запаздывающие или опережающие индикаторы, а быть основанными на надежном сочетании этих двух видов параметров, которые в комплексе способствуют достижению целей хозяйственного подразделения.

Контроль в социально-психологическом аспекте представляет учет и оценку удовлетворенности как работодателя уровнем конкурентоспособности персонала, так и наемного работника своей конкурентоспособностью. Контроль включает наряду с изучением документации, проведение самостоятельных опросов, анкетирования, индивидуальных и коллективных бесед, интервью с работодателями, наемными работниками.

Контроль в экономическом аспекте позволяет определить издержки управления карьерой. Их подсчитать можно путем суммирования прямых и косвенных организационных затрат на формирование и функционирование системы управления карьерой. Достигло ли структурное подразделение целевых значений выработанных показателей? Достигнуты ли целевые значения показателей вышестоящих подразделений? Какой вклад вносит рассматриваемое структурное подразделение в достижение целей верхних уровней?

Итак, использование предлагаемого методического подхода к управлению карьерой на основе BSC карьеры позволит наиболее точно оценить значимость отдельных целей организации для ее структурных подразделений, выявить степень значимости их достижения для конкретных должностных единиц, разработать более адекватную систему стимулирования работников на достижение генеральных целей организации и реализацию ее стратегии.

Библиографический список

1. Сотникова С., Осипов В. 2008. Карьерная логистика // Кадровик. № 5–2. С. 30–38.
2. Сотникова С. И. 2014. Управление карьерой персонала в системе менеджмента современной организации // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. № 3. С. 60–67.
3. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей: От стратегии к действию. URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/141077/Kaplan,_Norton_-_Sbalansirovannaya_sistema_poskazatelei.pdf (дата обращения: 21.12.2018).
4. Сотников Н. З. 2014. Карьера специалистов как объект стратегического управления в банке // Управление человеческими ресурсами в условиях реформирования системы образования: монография / под ред. С. И. Сотниковой. Новосибирск: НГУЭУ. 199 с.

Сотникова С. И.

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»,
Российская Федерация, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56
s.i.sotnikova@nsuem.ru

СМЕНА ПАРАДИГМЫ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: В исследовании рассматриваются факторы, способствующие наполнению парадигмы эффективности использования рабочего времени новым социально-экономическим содержанием. Современная парадигма сделала невозможным расчет традиционных показателей оценки использования рабочего времени и обусловила необходимость исследования термина «посещаемость работы». Использование в отечественной литературе термина «посещаемость работы» характеризуется высокой теоретико-методологической и методической неопределенностью. На основе анализа и обобщения имеющегося отечественного и зарубежного опыта дается авторская трактовка понятия «посещаемость работы», интерпретация его социально-экономического содержания, сущности, факторов.

Ключевые слова: рабочее время, присутствие на работе, посещаемость работы, цифровизация экономики.

Sotnikova S. I.

Novosibirsk State University of Economy and Management,
56, Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

THE PARADIGM SHIFT OF WORKING TIME: CHALLENGES OF THE DIGITAL ECONOMY

Abstract: The study examines the factors contributing to filling the paradigm of the efficiency of working time with new socio-economic content. The modern paradigm made it impossible to calculate traditional indicators for estimating the use of working time and necessitated the study of the term "attendance of work". The use of the term "attendance" in the domestic literature is characterized by a high theoretical, methodological and methodological uncertainty. Based on the analysis and generalization of the existing domestic and foreign experience, the author's interpretation of the concept of "attendance of work", the interpretation of its socio-economic content, essence, and factors is given.

Keywords: working time, presence at work, attendance, digitalization of the economy.

По мере развития информатизации и цифровизации экономики происходит расширение виртуального пространства в социально-трудовой сфере — распространяется виртуализация трудовых процессов, увеличивается спектр виртуальных рабочих мест, образующих виртуальные отделы в виртуальных организациях, повышается роль информационных компьютерных технологий. Как следствие, изменяются институты поиска контрагентов и сбора информации об использовании рабочего времени, механизмы государственного регулирования рынка труда.

Виртуализация бизнес-деятельности тесно связана с использованием интеллектуального потенциала работника. Ресурсы личности (в частности, конкурентные преимущества) дают возможность работнику выполнять проекты, задания для нескольких работодателей в конкретный промежуток времени без своего физического присутствия в организации, не связывая себя с ней нормами трудового законодательства. В условиях демократизации требований службы государственной статистики к ведению статистической и первичной отчетности по труду в организациях, изменения практики ведения учета и контроля рабочего времени, отказа многих организаций от разработки балансов рабочего времени у работников растет количество отвлечений при выполнении работы, отсутствий на рабочем месте и т. п.

От работников требуется выполнение большего объема работ при меньшем объеме ресурсов, в первую очередь, времени. Это вызывает необходимость экономии времени за счет дебюрократизации организации труда.

На смену парадигме научной организации труда приходит парадигма самоорганизации труда, при которой работнику определяют стратегическое направление бизнеса, выделяют ресурсы и вводят критерии контроля. Это обеспечивает большую свободу в достижении целей трудовых заданий. «Так, самоорганизация труда базируется на самостоятельности в реализации работником своих способностей и навыков, компетенций, связанных с самоуправлением в рамках своего трудового процесса, с самопланированием выполнения трудовых функций в их определенной последовательности и во времени, с саморегулированием и самообслуживанием, с самоучетом результатом труда и самоограничением по условиям кооперации, с самонормированием и самоконтролем, с самокритикой и моральным самостимулированием» [1, с. 66].

В конечном счете это создает условия для перехода от стандартных режимов труда и отдыха к режимам гибкого рабочего времени. Гибкое рабочее время как форма его организации для отдельного работника и их коллективов допускает (в определенных пределах) саморегулирование начала, окончания и общей продолжительности рабочего дня. Иначе говоря, появляется легальная возможность самостоятельно регламентировать (устанавливать) индивидуальный режим: передвигать время прихода и ухода с работы, с обеденного перерыва; укорачивать или удлинять рабочий день в соответствии с собственными потребностями и производственной необходимостью. При этом обязательна, конечно, полная отработка установленного законом суммарного количества рабочих часов в течение принятого учетного периода (дня, недели, месяца) [2, ст. 102].

Распространение гибких режимов работы позволяет работодателю повысить, с одной стороны, экономическую эффективность бизнес-деятельности за счет сокращения потерь из-за опозданий на работу и кратковременного отсутствия исполнителей на работе с разрешения администрации, рационального использования «мертвого» времени между деловыми встречами вне организации и, как следствие, существенной экономии и сокращения сроков выполнения заказов, обслуживания большего количества клиентов. С другой — социальную эффективность бизнес-деятельности за счет более полного использования личностных ресурсов каждого работника на основе учета работоспособности в течение дня, удовлетворения его социальных потребностей благодаря оптимальному сочетанию времени работы и времени выполнения личных дел, воспитания детей, учебы и т. п.

В современных условиях, согласно принципам самоорганизации труда, работники сами планируют не только начало, окончание и продолжительность работы, но и место выполнения работы. Гибкое размещение рабочего места имеет ряд преимуществ перед стационарным. Так следует признать, что стационарное рабочее место в организации не всегда способствует сосредоточенной работе над выполнением трудовых заданий, поскольку другие вопросы и работники могут отвлекать внимание и тормозить оперативное выполнение задачи. В то время как гибкое размещение рабочего места зачастую стимулирует выполнение трудовых заданий точно к назначенной дате и качественнее. Наличие мобильной связи позволяет работнику в случае необходимости получать доступ к требуемой информации, и, в свою очередь, он сам может своевременно предоставлять материалы.

Конкурентная среда бизнеса заставляет работников быть все ближе к потенциальным партнерам, встречаясь с ними в регионах. Как следствие, на смену организационным структурам, ориентированным на достижение синергии деятельности всех работников, приходят структуры, организационно поддерживающие работу и результаты труда отдельного работника (адвокатские конторы, медицинские клиники, фирмы консультантов, ремесленные мастерски и т. п.). Растет численность удаленных сотрудников в бизнесе.

В условиях дебюрократизации организации труда для руководителя неважно, где в настоящий момент находится работник. Главное, чтобы выполнялись трудовые задания. Происходит перераспределение центров ответственности, делегирование все больших прав нижестоящим звеньям, которые становятся автономнее. Это требует от руководителя навыков управления и умения делегировать полномочия. А от работника — умения работать без жесткого контроля.

Итак, современные российские организации, получив новые возможности в использовании рабочего времени, столкнулись с многочисленными трудностями, связанными с необходимостью более технологичного сбора и обработки информации о рабочем времени, нежели тра-

диционный жесткий почасовой контроль за работником, табельный учет присутствия работников на рабочем месте, онлайн-мониторинг, анализ информации о посещаемых ими сайтах и интернет-трафике, контроль электронной почты, др. Назрела объективная необходимость перехода от жесткого контроля присутствия на работе к гармонизации интересов экономических субъектов относительно отсутствия наемных работников на рабочем месте (в пределах установленной нормы трудовым законодательством), от отношений подчинения к отношениям партнерства «работодатель — работник», от регистрации времени прихода-ухода на работу к управлению посещаемостью.

Концепция оценки использования рабочего времени, наполняясь в рыночных условиях новым социально-экономическим содержанием, предполагает новый тип мышления, новый, гораздо более высокий уровень экономико-управленческой культуры всех работников.

Управление посещаемостью работы — это процесс управления рисками, связанными с отсутствием работников на рабочем месте, для обеспечения непрерывности бизнеса. Этот процесс ориентирован на поддержание трудовой деятельности работников благодаря обеспечению возможностями доступа их к механизмам сотрудничества и коммуникационной поддержки управления эффективностью работы, гибкого рабочего времени, стимулирования выполнения функциональных обязанностей. Главное в этом процессе — соблюсти баланс между уважением и доверием к работникам, с одной стороны, и четким контролем выполнения ими функциональных обязанностей в их отсутствие — с другой.

Обращение к понятию «управление посещаемостью работы» не сводится к терминологической «перелицовке» сложившегося понятия «управление присутствием на работе», а предполагает, внутреннюю методологическую переориентацию ее организационно-экономической сущности, позволяющую придать рассматриваемому явлению новый качественный уровень, характерный для современного этапа развития общества.

Если понятие «присутствие на работе» делает акцент на физическое нахождение, личное пребывание на рабочем месте, то «посещаемость работы» предполагает как физическое пребывание на рабочем месте, так и виртуальное, т. е. реальное выполнение работы и без физического присутствия работника на рабочем месте в организации. Работник решает реальные проблемы бизнес-деятельности, при этом руководство организации может находиться в другом городе, регионе, стране. Иначе говоря, факт посещаемости делает необходимым и достаточным аутентификацию и авторизацию в корпоративной системе контроля доступа любым способом: с помощью электронных карт, биометрии, паролей, web-приложения, занесение записи охранником в бумажный журнал, т. п.

К факторам, плодотворно влияющим на управление посещаемостью работников, следует отнести:

- четкое формулирование организационной философии управления посещаемостью работников;
- выстраивание позитивной культуры посещаемости, поощряя взаимные обязательства и доверия наемных работников и работодателя;
- формирование развитой системы коммуникаций и обеспечение документально подтвержденной точной, реальной информации о посещаемости каждой работы;
- наличие у работников ясных целей деятельности, понимание времени и средств, необходимых для достижения высокого результата, критериев оценки исполнения работы;
- стимулирование ответственности работников за результаты своей деятельности на основе регулярной максимально прозрачной обратной связи, оценки деятельности работников;
- наличие у работников мотивации к обновлению знаний, постоянное накопление ими профессиональной компетентности;
- поручение работникам трудовых заданий, позволяющих им использовать свои возрастающие способности и предоставляющих возможности для их самовыражения в профессиональном труде;

- предоставление возможности самостоятельно работать, сбалансированность власти и ответственности, стимулирование самодисциплины работников;
- ответственность работников за сохранение собственного здоровья и благополучия.

Управление посещаемостью, таким образом, представляет собой совокупность приемов и методов целенаправленного воздействия на выполнение функциональных обязанностей работниками при возникновении реального и/или виртуального их отсутствия на рабочем месте. Предметом управления посещаемостью выступают отношения между работодателем и наемными работниками по поводу отсутствия последних на работе в процессе достижения целей производственно-коммерческой системы.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что залогом эффективного использования рабочего времени является диалектическая гармония интересов наемных работников и работодателей. Эффективное его использование — это постоянный и целенаправленный процесс, создающий возможности для уменьшения влияния стохастических факторов, определяющих трудовые затраты для достижения организационных целей, ритмичность производственно-коммерческой деятельности, качество труда, себестоимость, прибыль. Рабочее время становится одним из главных нематериальных активов экономики, средством достижения высоких социально-экономических результатов.

Библиографический список

1. Сотникова С. И. 2013. Труд и инновации: коллективная монография. Новосибирск: НГУЭУ.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 05.02.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683

Раздел 9

ПРИМЕНЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ МЕТОДОВ В ЭКОНОМИКЕ

Алипов А. С.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.alipov@spbu.ru*

НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ЭКОНОМИКЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: в данном исследовании обосновывается актуальность применения математических методов для решения проблем современной России, лежащих в сфере экономики природопользования. Приведены примеры подобных проблем, рассмотрены возможные направления применения математических методов. Кроме того, проведен анализ признанных на сегодняшний день математических подходов к описываемым проблемам в зарубежной практике на примере конкретной работы.

Ключевые слова: экономика природопользования, математические методы в экономике, природные ресурсы.

Alipov A. S.

*Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation*

UNRESOLVED PROBLEMS OF MATHEMATICAL METHODS APPLICATION TO ENVIRONMENTAL ECONOMICS IN MODERN RUSSIA

Abstract: The research justifies the relevance of the use of mathematical methods to solve the environmental economics problems of modern Russia. Examples of such problems are given, possible directions of application of mathematical methods are considered. In addition, the analysis of currently avowed mathematical approaches to the described problems in foreign practice was carried out on the example of a certain textbook.

Keywords: environmental economics, математические методы в экономике, природные ресурсы.

Одним из необходимых условий для устойчивого экономического развития России является рациональная и эффективная государственная политика в отношении использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. Тем не менее в начале XXI в. экономические проблемы России, лежащие в сфере природопользования, не только остаются нерешенными, но во многом даже обострились. Часть из них связаны с предотвращением загрязнения окружающей среды или же с ликвидацией его последствий. Источником другого комплекса проблем является нерациональное и неэффективное использование природных ресурсов. Для решения этих проблем требуется междисциплинарный подход, предполагающий, в частности, и применение экономико-математических методов. Для наглядной иллюстрации выделим три конкретные проблемы.

К их числу относится проблема обращения с отходами, являющаяся общей практически для всех отраслей. По данным проекта Greenologia.ru [1], в глобальном масштабе реально перерабатывается лишь около трети общего объема отходов. Для России же этот показатель оценивается в 4 %, при этом переработка промышленных отходов находится на уровне 35 %, а быто-

вых — на уровне 3 % [1]. Вследствие этого увеличение общей площади свалок, согласно прогнозам, составит к 2026 г. 4 млн га, то есть она вырастет практически вдвое (по сравнению с 2016 г.).

Данная проблема связана с использованием устаревших технологий утилизации и переработки отходов. Это, в свою очередь, является результатом как отсутствия свободного мирового рынка технологий, соответствующих Шестому технологическому укладу, так и иллюзии того, что в России проблема обращения с отходами имеет низкий приоритет в силу территориально-го потенциала страны. Последнее провоцирует применение для ее решения самых неэффективных способов, например, захоронения отходов на специальных полигонах. Кроме того, особую остроту указанной проблеме придают массовые нарушения действующего природоохранного законодательства как предприятиями, так и местными органами власти и безответственное отношение к ней со стороны рядовых граждан. А это объясняется низкими экологической культурой и технологической дисциплиной.

Хотя полная и абсолютная переработка отходов на сегодняшний день невозможна в принципе, а существующие технологии решают эту проблему лишь частично, этот вопрос должен являться важной частью общей экологической политики государства. Комплексный характер возникающей в этой связи в экономической сфере задачи обусловлен, во-первых, разнообразием существующих технологий утилизации отходов, необходимостью адекватного и точного учета их преимуществ и недостатков. Во-вторых, важно определить оптимальный набор инструментов экологической политики. В-третьих, долгосрочный характер проблемы предъявляет особенно высокие требования к ответственному целеполаганию и поиску адекватных критериев эффективности принимаемых решений. Наконец, в-четвертых, проводимая в настоящее время в данной сфере реформа уже вызвала ряд протестов, связанных, в первую очередь, с отсутствием централизованного подхода и прозрачного обоснования конкретных сроков и тарифов. Все это приводит к постановке вопроса о перспективности применения в этой сфере подхода, связанного с использованием математического моделирования.

Перейдем теперь к рассмотрению двух комплексных проблем, связанных с рациональным использованием природных ресурсов. В качестве первого примера выступает управление ресурсами лесного фонда России, земли которого на 2016 г. занимали почти 1,2 млрд га. Приоритетными задачами при выполнении данных работ являются как расширенное воспроизводство лесных ресурсов, так и борьба против неадекватного категориального деления, самовольного изменения целевого назначения, а также незаконного присвоения или захвата. Решение проблемы еще больше усложняется тем, что на землях лесного фонда в силу объективных причин располагается немалое количество линейных объектов (линий электропередачи, автомобильных и железных дорог).

На заседании президиума Государственного совета «О повышении эффективности лесного комплекса Российской Федерации» (11 апреля 2013 г.) Президентом Российской Федерации и прочими участниками в том числе было отмечено, что охрана, защита и воспроизводство леса имеют ключевое значение, однако с 2015 г., после вступления в силу поправок к Лесному кодексу, решение конкретных вопросов в данной сфере было, по сути, передано на региональный уровень (как и в случае с предыдущей проблемой). Такое положение порождает целое множество вопросов различного характера. В частности, выработка единой стратегической политики управления лесными ресурсами требует обоснования оптимального размера расчетной лесосеки, что, в свою очередь, зависит от решения вопроса с информационным обеспечением, в том числе выполнением кадастровых работ на землях лесного фонда, с наложением границ земельных участков при их постановке на государственный кадастровый учет, а также с регистрацией прав на лесные участки. В настоящее время этот процесс далек от завершения. Так, по данным Ассоциации «Саморегулируемая организация кадастровых инженеров», на 2015 г. на кадастровый учет было поставлено не более 20 % площадей земель лесного фонда; согласно другому источнику, на 2009 г. всего 16 % лесных участков были учтены в Государственном лесном реестре, остальные же не поставлены на кадастровый учет и не имели учетных границ [2]. В то же самое время уже существующие базы данных не просто неполны, а зачастую и ошибочны. Поэтому требуется пересмотр самих принципов их формирования, в частности для взаимной совместимости сведений, находящихся в распоряжении государственного кадастра недвижимости,

государственного лесного реестра и Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним. При этом планирование мероприятий, способных исправить данную ситуацию и требующих индивидуального подхода к реализации, в силу их затратности и трудоемкости, вполне может быть осуществлено посредством применения методов математической экономики.

Другим примером проблем, связанных с рациональным использованием природных ресурсов, является все возрастающая потребность в чистой питьевой воде. По мере развития урбанизации, роста населения, увеличения промышленных потребностей в воде и ускорения глобальных изменений климата, ведущих к опустыниванию и снижению водообеспеченности, ситуация будет только усугубляться. В перспективе это может привести к дальнейшему развитию и обострению уже существующих глобальных проблем, в том числе и политических, поскольку распределение питьевой воды по континентам и по странам мира носит крайне неравномерный характер. При этом загрязнение воды существенно снижает и существующие запасы.

Несмотря на то что Россия находится на втором месте в мире по запасам пресной воды, уступая лишь Бразилии, и могла бы использовать эти возможности для извлечения выгоды из своего положения, в настоящий момент наиболее действенно работают в данном направлении как раз страны с дефицитом пресной воды — Египет, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Катар. Более того, в Российской Федерации на сегодняшний день также наблюдается нехватка воды во многих регионах в силу ее неравномерного распределения между ними. Решение данной проблемы предполагает возможность применения экономико-математических методов для:

- формирования экономического механизма водопользования с финансированием водного сектора за счет различных источников, а также обеспечением адресной социальной защищенности населения;
- широкого привлечения частного предпринимательства к решению проблем водного сектора, сопровождаемому государственной поддержкой производителей соответствующих материальных ресурсов и собственников систем водоснабжения и санитарии путем дотаций, субвенций, льготных кредитов, таможенных и налоговых льгот;
- образовательной деятельности в отношении современных инновационных экологических технологий;
- разработки как внутренних, так и международных донорских программ, которые будут вкладывать капитал в развитие человеческого потенциала и оказание помощи нуждающимся в пресной воде.

На сегодняшний день в отечественной науке существует серьезный задел, связанный с разработкой и использованием математических методов в экономике природопользования, которые могли бы быть применены для решения описанных выше проблем. Это, в первую очередь, модели оценки экологических благ и услуг; модели определения оптимального режима использования природных ресурсов; наконец, модели обоснования набора и очередности осуществления природоохранных мероприятий. Тем не менее в научном сообществе нет единой точки зрения на применение математических и, в частности, оптимизационных методов, как применительно к приведенным выше задачам, так и в сфере экономики природопользования в целом. В связи с их дискуссионным характером мы уже приводили в качестве примера (см. [3]) позицию известного экономиста-математика и общественного деятеля (экс-министра охраны окружающей среды и природных ресурсов и экс-председателя Госкомитета РФ по охране окружающей среды) В. И. Данилова-Данильяна, посвященную вопросам природной ренты и управления использованием природных ресурсов [4], где подвергается сомнению возможность использования оптимизационных подходов для расчета экономических оценок природных ресурсов. По его мнению, их использование наталкивается на принципиальные трудности экономического, информационного, математического и вычислительного характера. Не отвергая данную критику оптимизационных методов полностью, в том числе и потому, что невозможно представить такую ситуацию, когда эти трудности будут целиком устранены (поскольку в этом случае роль

экономиста-математика неизбежно сведется к техническим расчетам при помощи компьютера), мы утверждаем, что даже частичное устранение этих недостатков как раз и невозможно без использования систем экономико-математических моделей. Тем не менее даже в данной статье В. И. Данилов-Данильян делает исключение для случаев земельных и лесных ресурсов.

В данной работе уместно обратиться к критическому осмыслению зарубежного опыта, связанного не только с практическим использованием, но и с преподаванием математических методов в экономике природопользования. С точки зрения определения конкретных методов, внедренных и успешно применяемых в современной западной практике, нам представляется весьма полезным анализ материалов выдержавшего одиннадцать переизданий авторитетного учебника **Environmental and natural resource economics** [5].

В первую очередь, хочется отметить, что применяемый автором учебника математический инструментарий не сосредоточен в какой-то отдельной главе или разделе, а неразрывно связан с самыми различными предметными областями. Так, для освещения различных вопросов используется метод предельного анализа. При этом рассматриваемые модели носят межвременной характер и предполагают сравнение между собой различных видов природных ресурсов. Кроме того, присутствует отказ от предпосылки о линейности предельных функций, что приводит к необходимости вычисления интегралов.

Отметим также применение динамических методов оценки эффективности инвестиций, в первую очередь, основывающихся на известном показателе NPV, но при этом предполагающих в том числе и стохастический характер денежных потоков, а также некий фиксированный межвременной объем запаса ограниченного ресурса.

Кроме того, заслуживает внимания использование анализа «затраты — выпуск», например, применительно к случаю рассмотрения ресурсов-субститутов. Для динамического случая применяется подход, аналогичный получению полных издержек в простейшей модели межотраслевого баланса на основе вычисления суммы бесконечного числового ряда. Для адекватного отражения непрерывных процессов, связанных с изменением ценности природных ресурсов и доходов от их использования, задействован дифференциальный анализ (кстати, именно для случая эксплуатации лесных ресурсов).

Задачи, связанные с минимизацией объема загрязнений, предполагают оптимизацию на основе построения экстремальных задач. Для наиболее адекватного отражения процесса изменения цен представляется перспективным используемый авторами учебника корреляционно-регрессионный подход, при этом предлагается модель квадратичной регрессии.

Наконец, несмотря на известную критику в свой адрес, продолжает использоваться концепция полной экономической ценности, трансформированная в показатель TWP — *totalwillingnesstopay*.

Библиографический список

1. Сайт проекта «Greenologia.ru». URL: <http://greenologia.ru/othody/utilizaciya-i-pererabotka/problema-sovremennosti.html> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Быковский В. К. 2009. Использование лесов в Российской Федерации: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер. 62 с.
3. Шалабин Г. В., Алипов А. С. 2012. Л. В. Канторович и проблемы использования и экономической оценки природных ресурсов // Применение математики в экономике. Вып. 19: сб. статей / под ред. Д. Н. Колесова. СПб.: «Нестор-история». С. 140–146.
4. Данилов-Данильян В. И. 2004. Природная рента и управление использованием природных ресурсов // Экономика и математические методы. Т. XL, вып. 3. С. 3–15.
5. Tietenberg Th. H., Lewis L. Y. 2018. *Environmental and Natural Resource Economics*. 11th ed. Routledge.

Воронцовский А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.vorontsovskii@spbu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Аннотация: В данном исследовании рассматриваются современные проблемы развития теоретических основ моделирования макроэкономики, обращено внимание на изменение парадигмы постановки и анализа макроэкономических моделей в рамках развития «новой теории роста». Выделены четыре класса моделей роста в рамках данного подхода; обращено внимание на роль и значение человеческого капитала, сектора знаний, в том числе и исследований и разработок, как важнейших факторов развития экономики. Показана специфика и особенности постановки и анализа стохастических моделей экономического роста.

Ключевые слова: моделирование макроэкономики, новая теория роста, сектор знаний, случайные процессы, стохастические модели экономического роста.

Vorontsovskiy A. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

MODERN DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF MACROECONOMICS MODELING

Abstract: This study examines the current problems of the development of the theoretical foundations of macroeconomic modeling, draws attention to the changing paradigm of the formulation and analysis of macroeconomic models in the framework of the development of the “new growth theory”. Four classes of growth models are identified within this approach; attention is paid to the role and importance of human capital, the knowledge sector, including research and development, as the most important factors of economic development. The specificity and features of the formulation and analysis of stochastic models of economic growth are shown.

Keywords: macroeconomic modeling, new growth theory, knowledge sector, random processes, stochastic model of economic growth.

В настоящее время на развитие теории и моделирования экономического роста существенное влияние оказывают процессы, проходящие в современной мировой экономике. Речь идет о трансформации экономики наиболее развитых стран в направлении экономики инновационного типа, о развитии процессов глобализации, оказывающих большое влияние на развитие экономики отдельных стран и целых регионов, а также на специфику анализа макроэкономики и основных форм моделирования экономического роста. Оба этих процесса взаимно обуславливают друг друга, могут оказывать ускоряющее или замедляющее воздействие на процессы развития экономики, и в конечном итоге приводят к усилению влияния факторов неопределенности и риска на основные результаты экономической деятельности на макроуровне и требуют их учета при макроэкономическом моделировании [1, с. 133–149].

До настоящего времени экономический рост означал, что в каждый рассматриваемый период времени в какой-то степени удастся в той или иной форме преодолеть существующую ограниченность имеющихся ресурсов, обеспечить увеличение объемов производства и удовлетворение более широкого круга потребностей человека, а также достигать количественного и качественного изменения результатов производства и производительности его факторов. Свое выражение экономический рост находил в увеличении потенциального и реального валового внутреннего продукта (ВВП), в возрастании экономической мощи нации, страны, региона. Это увеличение можно измерить двумя взаимосвязанными показателями: ростом за определенный период времени реального ВВП или ростом ВВП на душу населения. В теории различали долго-

срочный и краткосрочный экономический рост. Первый характеризуется устойчивой тенденцией роста размера ВВП или его значения на душу населения. Он поддерживается в течение достаточно длительного периода времени, в пределах которого основные факторы роста оказывают позитивное влияние на рост объемов производства. Краткосрочный экономический рост рассматривается на относительно коротких периодах времени, при этом темпы роста имеют тенденцию к колебанию, в зависимости от того, переживает ли рассматриваемая страна период подъема экономики или наоборот — замедления или спада в зависимости от фазы делового цикла. В современных условиях идея циклического развития экономического роста получила свое воплощение в моделях реального бизнес-цикла (англ. RealBusinessCycle-RBC) или моделях RBC. В настоящее время, особенно после мирового экономического кризиса 2008, средние темпы роста стали гораздо меньше. При этом в краткосрочном периоде смена подъема и спада происходит гораздо чаще и не связана напрямую с экономическим циклом. Эта перемена тенденций осуществляется под влиянием указанных выше факторов гораздо чаще, и носит все в большей степени случайный или неопределенный характер.

Все это поменяло и сам подход к анализу и моделированию экономических процессов. Используемое ранее достаточно широко понятие «экономический рост», все больше и больше заменяется понятием «экономическое развитие», которое и предполагает анализ и прогнозирование общей тенденции развития экономики страны с учетом возможных колебаний соответствующих макроэкономических показателей.

Учитывая воздействие указанных выше факторов, стали говорить о новой теории роста, что вызвало развитие нового поколения моделей экономического роста [2]. Это было связано с тем, что, во-первых, необходимо было учесть те аспекты развития экономики, которые не рассматривались в рамках неоклассической теории роста; во-вторых, требовалось отразить те явления и процессы, которые возникали в экономике, прежде всего инновации, накопление знаний и человеческий капитал, и более содержательно объяснять различия в темпах роста в разных странах; в-третьих, требовалось отразить новые инструменты макроэкономического анализа и моделирования при объяснении процессов роста. Используя новые модели, исследователи пытаются объяснить долгосрочные темпы роста как эндогенный результат стремления агентов к рациональной оптимизации, отражающий структурные характеристики экономики, такие как технология и предпочтения, а также макроэкономическую политику. По этой причине их стали называть эндогенными моделями роста.

Новая теория роста связана с четырьмя главными направлениями теоретической мысли, делающих акцент на разных источниках экономического роста или экономического развития. Первый класс моделей роста, ближайший к неоклассической теории роста, подчеркивает роль и значение накопления частного капитала как фундаментального источника экономического роста. В простейшей такой модели, в которой единственным фактором производства является капитал, наличие постоянной отдачи от масштаба требует, чтобы производственная функция была линейной для физического капитала и имела вид $Y = AK$. Этот метод стал известным под названием «АК-модели». Постановки подобных однофакторных моделей предполагают широкую интерпретацию капитала, принимая то, что он включает как человеческий, так и материальный капитал. Р. Барро и Х. Сала-и-Мартин отмечают, что отсутствие убывающей отдачи капитала, т.е. предположение о том, что каждая дополнительная единица капитала обеспечивает возрастающий прирост выпуска продукции, опирается на существенно расширенное понимание капитала как фактора или переменной производственной функции. При этом подходе к определению капитала необходимо учитывать не только его чисто материально-вещественную составляющую, но и включать человеческий капитал, знания, общественную инфраструктуру и т.п. [3, с. 270].

Вместе с тем в современных условиях интерес к постановке и анализу АК-модели, как формы производственной функции и важнейшего компонента моделей экономического роста, существенно возрос. Это определяется двумя обстоятельствами: Во-первых, в настоящее время развитие современного технического прогресса привело к тому, что определяющим фактором производственного развития и, соответственно, роста объемов производства становится капитал в его расширительном толковании, включающим как материально-вещественную составля-

ющую, так и человеческий капитал, знания и т. п. факторы. Трудовые ресурсы как таковые пре-
стают быть лимитирующим фактором производства, как по причине усложнения и повышения
эффективности материально-вещественной составляющей капитала, требующей привлечения
относительно меньшего объема трудовых ресурсов; так и вследствие того, что носителями
современных знаний и умений становится все более узкий круг высококвалифицированных
специалистов. Относительный же недостаток трудовых ресурсов в той или иной стране может
быть легко компенсирован в процессе миграции, которая в условиях глобализации охватыва-
ет практически все регионы земного шара. Во-вторых, следует отметить, что использование
АК-модели при постановке агентских моделей экономического роста существенно упрощает
формальный анализ соответствующих моделей, и позволяет получать вполне содержательные
выводы и результаты.

Второй класс моделей подчеркивает эндогенный характер учета человеческого капитала,
или в более узком смысле, сектора знаний при моделировании, а также рассматривает исследо-
вания и разработки как инструмент или фактор роста. Продукт «производства» человеческого
капитала может быть альтернативой техническим улучшениям в процессе материального про-
изводства в том смысле, что он способен вызывать долгосрочный экономический рост. Необхо-
димо, однако, выделить некоторые особенности макроэкономического развития, при которых
накопление человеческого капитала отличается от создания технических и технологических
новшеств и нововведений, которые далее материализуются в форме технического прогресса
и оказывают большое влияние на материальные факторы производства и увеличение выпуска
продукции.

Третья группа моделей связана с учетом социальной инфраструктуры, под которой по-
нимают институты и проводимую политику, которые поощряют инвестиции и производство
в противовес непроеизводственной деятельности потреблению. Учет социальной инфраструк-
туры при постановке моделей предполагает две группы условий. Во-первых, вложения ресурсов
в увеличение физического и человеческого капитала увеличивает будущий выпуск, в то время
как использование этих ресурсов для производства товаров и услуг для текущего потребления
будущий выпуск не увеличивает. Во-вторых, речь идет о разграничении производительной и не
производительной деятельности. Производительная деятельность увеличивает выпуск про-
дукции в определенный период времени, а непроеизводительная деятельность только перерас-
пределяет имеющийся объем выпускаемой продукции, но не создает его.

Четвертую группу моделей образуют стохастические модели экономического роста, ос-
новная особенность которых состоит в том, что при их постановке пытаются неопределен-
ность будущих макроэкономических результатов учесть моделируя факторы, порождающие
эту неопределенность в форме случайных процессов. Основные современные идеи в области
дальнейшего развития теории моделирования экономического роста, в той или иной степени
опираются на использование случайных процессов для моделирования изменения различных
экономических показателей или параметров. Построение моделей роста подобного вида су-
щественно базируется на предположении о том, что определенная часть макроэкономических
показателей имеет случайный характер, который можно моделировать с помощью различных
вариантов случайных процессов. Речь идет об использовании стохастических дифференциаль-
ных уравнений при построении непрерывных моделей экономического роста как формы, по-
зволяющей учесть влияние факторов неопределенности и риска на экономический рост.

Стохастическое поведение выпуска продукции связывают с краткосрочными колебаниями
ВВП и других показателей, хотя влияние случайных факторов может проявляться в форме пер-
манентных шоков, оказывающих существенное длительное воздействие на колебания выпуска,
и преходящих шоков, оказывающих относительно короткое воздействие на выпуск и имеющих
преходящий характер. Д. Ромер, рассматривая возможности анализа потребления, приводит
вывод о том, что динамика потребления представляет собой процесс случайного блуждания
и приводит два теста гипотезы случайного блуждания [4, с. 453–457]. Но одновременно он же
отмечает, что «моделирование случайности в техническом прогрессе мало обогатило бы наше
понимание» [4, с. 142], ссылаясь на необходимость моделирования экономики на длительном
периоде. Однако развитие современного научно-технического прогресса характеризуется су-

щественной неустойчивостью, сочетая определенные периоды успешного развития во второй половине XX в. с существенным застоем во втором десятилетии XXI в. Предположение о том, что на длительном периоде технический прогресс сохраняет устойчивое развитие, не вполне соответствует реальной действительности.

В рамках постановки подобных макроэкономических моделей динамика рассматриваемых макроэкономических показателей описывается с использованием стохастических процессов, а сами траектории экономического развития имеют случайный характер. Экономический смысл и содержание понятия равновесия в подобных моделях в настоящее время не носит окончательно установленного характера, поскольку выполняемый формальный анализ стохастических моделей экономического роста приводит к определенным системам формальных соотношений, которые включают случайные переменные и их параметры. Но в какой степени можно утверждать, что достигается или не достигается при этом баланс спроса и предложения на соответствующих рынках или выполняются другие полученные условия и соотношения между агентами с учетом случайных процессов, требует дальнейшего теоретического исследования, как с точки зрения описания возможностей экономического развития с помощью стохастических траекторий, так и содержательной интерпретации полученных условий и соотношений. Современные подходы, призванные учесть факторы риска и существенно расширить класс моделей экономического роста, связаны с построением непрерывных во времени стохастических моделей экономического роста для малой открытой и закрытой экономики [5].

Рассмотрение моделей экономического роста с учетом случайных процессов принципиально меняет общий подход или парадигму постановки и анализа макроэкономических моделей. Отмеченный выше поход к моделированию экономического роста на основе использования случайных процессов с теоретической точки зрения опирается на предположение о неустойчивости и колебаниях макроэкономических показателей и предполагает дополнительный анализ и обоснование состояния равновесия в системе подобных моделей

Библиографический список

1. Воронцовский А.В., Дикарев А.Ю., Ахобадзе Т.Д., Дмитриев А.Д., Шеров-Игнатьев В.Г. 2011. Моделирование экономического роста в условиях современной экономики. СПб.: Изд-во С.Петербургского университета.
2. Уикенс М. 2015. Макроэкономическая теория: подход динамического общего равновесия / пер. с англ. М.: Издательский дом «Дело».
3. Барро Р.Дж., Сала-и-Мартин Х. 2010. Экономический рост / пер. с англ. М.: БИНОМ; Лаборатория знаний.
4. Ромер Д. 2015. Высшая макроэкономика / пер. с англ. 2-е изд. М.: Издательский Дом ВШЭ.
5. Turnovsky St. J. 2000. Methods of Macroeconomic Dynamics. Sec. ed. Cambridge, MA: MIT Press.

Вымятнина Ю. В., Антонова Д. В., Артемова М. В.

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1, лит. А
yv@eu.spb.ru; dantonova@eu.spb.ru; martemova@eu.spb.ru

ФИНАНСОВЫЕ ЦИКЛЫ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Аннотация: В работе исследуются финансовые циклы трех крупнейших стран Евразийского экономического союза. Мы используем как наиболее широко используемые в литературе меры финансового цикла, так и предлагаем собственные меры, учитывающие специфику этих стран (зависимость от экспорта природных ресурсов и важность госсектора в экономике). Для проверки получаемых результатов на робастность используются различные фильтры и методы выявления пиков циклов, как отдельные индикаторы, так и их комбинации с разными весами, меняется длина выборки. Наиболее распространенная мера финансового цикла — комбинация кредита частному сектору, его отношения к ВВП и индекса цен на недвижимость — дает наиболее робастные результаты и может с успехом применяться и к рассматриваемым странам. Для России и Казахстана, финансовый сектор которых зависит от цен на нефть, включение в меру финансового цикла сальдо счета текущих операций дает опережающий показатель пиков финансового цикла.

Ключевые слова: финансовые циклы, Россия, Казахстан, Беларусь, ЕАЭС.

Vymyatnina Yu. V., Antonova D. V., Artemova M. V.

European University at St. Petersburg,
6/1, lit. A, Gagarinskaya str., St. Petersburg, Russian Federation

FINANCIAL CYCLES IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Abstract: the paper studies financial cycles of the three largest countries of the Eurasian Economic Union. We use both widely used in the literature measures of financial cycle and suggest our own measures accounting for the specificities of these countries (resource dependence and a large role of the government sector in the economy). To check results for robustness we use different filtering methods, different methods of locating peaks and troughs, consider individual indicators and their combinations with varying weights, as well as change sample size. We have established that the most widely used measure of financial cycle — combination of private sector credit, its ratio to GDP and property price index — delivers the most robust results and can be used for the countries in question. For Russia and Kazakhstan, where financial sector depends on oil prices, inclusion of current account balance in the measure of financial cycle produces a potential early warning indicator of the future financial cycle booms.

Keywords: financial cycles, Russia, Kazakhstan, Belarus, EAEU.

Кризис 2007–2009 гг. показал, что все типы экономик чувствительны к доступности финансирования. Кроме того, в результате кризиса стало понятно, что в настоящий момент экономики всех стран существенно зависят друг от друга не только в торговой, но и в финансовой плоскости. Это означает, что проблемы одной крупной экономики (или нескольких стран, представляющих собой большую долю общемирового ВВП) угрожают стабильности и развитию всей мировой экономики в целом. Более того, стало понятно, что чрезмерное развитие финансовой системы может приводить к дестабилизации экономического развития страны. Стабильное функционирование финансовой системы еще более важно для развивающихся стран. В частности, чрезмерное увлечение внешними кредитами может приводить к так называемым «неожиданным остановкам» — случаям резкого превращения страны из кредитора в дебитора на международном финансовом рынке, сопровождаемым серьезными рецессиями в развивающихся экономиках. Возможно, еще более важна роль финансового сектора в ресурсозависимых странах, где правительства и частный сектор часто заимствуют больше, чем нужно, в периоды благоприятной ценовой конъюнктуры (см., например, [1]).

Также в последние годы эмпирические исследования и соответствующие теоретические объяснения показали, что рост кредитования и связанный с ним рост нестабильности финансовой системы является «заразным» и распространяется от одной страны к другой в силу различных причин. Основные объяснения, встречающиеся в литературе (см. [1]), сводятся к следующему: «стадное поведение» (связано с информационными ограничениями, наблюдаемым поведением других агентов, издержками нахождения в рамках определенной сети), торговые связи (зависимость состояния страны от макроэкономической политики и общего макроэкономического состояния ее крупных торговых партнеров), и финансовые связи (внешний кредит, потоки капитала, возможные спекулятивные атаки). Две последних причины — торговые и финансовые связи — особенно важны для стран, которые входят в некоторую форму экономического союза, поскольку первыми и наиболее прочными связями оказываются именно торговые и финансовые.

Вопрос о взаимосвязи экономик крайне важен и для стран, образующих недавно созданный Евразийский экономический союз, наследник Общего экономического пространства. В настоящее время в ЕврАзЭС входят Россия, Казахстан, Беларусь, Кыргызстан и Армения. ЕврАзЭС ставит перед собой амбициозные цели, среди которых следует отметить создание общего рынка для товаров, услуг, капитала, трудовых ресурсов, разработка объединенной экономической политики (в частности — налоговой, денежно-кредитной, торговой, таможенной и пр.). Известно, что развитие экономической интеграции такого рода должно быть постепенным и принимать во внимание взаимосвязи между странами и возможные побочные эффекты от внедрения интеграционных мер. Три крупнейшие экономики ЕврАзЭС демонстрируют высокий уровень экономической взаимозависимости с точки зрения синхронизации бизнес-циклов (см. [2]), что может негативно сказаться на перспективах стабильности в рамках данного союза, несмотря на потенциал для развития дальнейшей экономической интеграции. Две крупнейшие экономики союза — Россия и Казахстан — представляют собой ресурсозависимые экономики, что также является возможным источником проблем для стабильности ЕврАзЭС в целом. В этом смысле анализ финансовых взаимозависимостей стран союза представляется важным с точки зрения выработки практических рекомендаций. В данной работе мы сфокусировались на анализе финансовых циклов в трех крупнейших экономиках ЕврАзЭС с учетом специфических особенностей этих стран.

Мы фокусируемся именно на трех крупнейших экономиках данного объединения по нескольким причинам. Во-первых, для Кыргызстана и Армении некоторые необходимые данные (прежде всего, индексы цен на недвижимость) либо отсутствуют, либо представлены за очень короткий период времени, что делает анализ бессмысленным. Во-вторых, предыдущие исследования позволяют сформулировать некоторые гипотезы относительно схожести и различия финансовых циклов в трех крупнейших странах. Поскольку предыдущие исследования (см., например, [2]) показали, что у России и Казахстана очень похожи бизнес-циклы, можно предположить, что аналогичное сходство будет наблюдаться и для финансовых циклов и что Беларусь будет наименее связана с другими странами союза с точки зрения фазы финансового цикла. В-третьих, сравнительная важность Армении и Кыргызстана в рамках ЕврАзЭС крайне невелика (их совместная доля в распределении таможенных платежей составляет менее 3 %), а их индексы финансового развития низки по сравнению с тремя крупнейшими странами союза. Это позволяет нам предположить, что Армения и Кыргызстан не могут нанести существенный урон финансовой стабильности других членов ЕврАзЭС.

Проанализировав различные показатели, включаемые в определения финансовых циклов, мы решили остановиться на наиболее экономном с точки зрения требуемых данных определении, данном в работе [3]. Это определение включает показатели кредита и цен на недвижимость. Мы намеренно исключаем из рассмотрения показатели фондового рынка для этих стран, поскольку эти страны отличаются низким уровнем развития и высокой волатильностью фондового рынка, поэтому соответствующие показатели могут внести лишний «шум» в определение финансового цикла. Мы также учитываем, что две из трех рассматриваемых стран (Россия и Казахстан) являются ресурсозависимыми, а все три страны в целом характеризуются высокой долей государственного участия в экономике. Зависимость от экспорта природных

ресурсов означает, что цены на данный ресурс (в данном случае нефть) влияют на общую макроэкономическую конъюнктуру, включая состояние платежного баланса и динамику кредитных индикаторов. Эти соображения привели нас к тому, что желательно включить в определение финансового цикла показатель состояния счета текущих операций. Мы намеренно сделали выбор в пользу счета текущих операций, а не операций с капиталом, поскольку счет текущих операций позволяет учесть также и любые интервенции Центробанка с целью поддержания номинального обменного курса, что являлось важной частью денежно-кредитной политики во всех трех странах на протяжении многих лет. Дополнительно мы рассматриваем не только кредит частному сектору, но и кредит компаниям государственного сектора и различным уровням государственного бюджета. Это позволяет нам учесть, что в рассматриваемых нами странах государство играет существенную роль в экономике.

Мы использовали квартальные данные за период 2000–2017 для России, Казахстана и Беларуси по следующим показателям: общий кредит в экономике, кредит частному сектору, кредит государственному сектору, отношение различных типов кредита к ВВП, сальдо счета текущих операций, цены на недвижимость (приведенные к индексной форме), ИПЦ. Основная часть данных была получена с сайтов Центробанков и статистических агентств соответствующих стран. В случае необходимости данные были очищены от сезонности (процедура CensusX-12), а затем скорректированы на инфляцию. При комбинировании отдельных индикаторов в композитный показатель финансового цикла все ряды брались в логарифмах (данные по сальдо счета текущих операций были скорректированы на произвольно большую величину, чтобы получить неотрицательные величины при сохранении общей динамики).

В литературе в настоящее время присутствует два основных подхода к определению финансовых циклов. Первый подход использует методы из обширной литературы по анализу бизнес-циклов и полагается на использование статистических фильтров для разделения ряда на трендовую и циклическую составляющие (см., например, [3; 4]). Этот подход позволяет не только изучать динамику отдельных компонентов финансового цикла (общий кредит, отношение кредита к ВВП, цены на недвижимость), но также строить агрегированные показатели, поскольку фильтрация рядов с одинаковой частотой делает результирующие циклические компоненты аддитивными. Второй подход работает с данными без дополнительной статистической обработки, используя алгоритм поворотных точек для выявления локальных минимумов и максимумов рассматриваемых рядов (см., например, [5]). В нашей работе мы используем преимущественно первый метод, поскольку полагаем, что построение композитных индексов представляет большой интерес с точки зрения развития системы индикаторов раннего предупреждения. Более того, именно первый подход получил на данный момент наибольшее распространение в литературе.

В случае применения фильтров важно выбрать наиболее подходящий из имеющихся. Наиболее часто используемым является фильтр Ходрика-Прескотта (НР), поскольку он не обрезает данные в выборке. Однако имеется целый ряд аргументов против использования НР-фильтра: он приводит к выявлению ложных динамических соотношений между рядами, по-разному фильтрует данные в середине и на концах выборки, наконец, выбор параметра сглаживания является произвольным. Альтернативой НР-фильтру являются полосовые фильтры (например, Бакстера-Кинга (БК) или Кристиано-Фитцджеральда (CF)). В общем случае разницы между результатами применения ВК или CF-фильтра нет, однако в нашем случае результаты в случае среднесрочных циклов были различны. Мы отдели предпочтение CF-фильтру, поскольку его результаты лучше согласуются с результатами НР-фильтра и альтернативной процедурой, предложенной Гамильтоном. Для CF-фильтра мы использовали период от 16 до 120 кварталов для поиска среднесрочных циклов. Это меньше, чем принято в литературе, однако известно, что для развивающихся экономик все циклы в экономике короче, чем в развитых странах. Более того, это согласуется с результатами, полученными для развивающихся экономик с использованием другой методологии выявления циклов [5].

После фильтрации для выявления пиковых моментов фаз спада и подъема мы используем пороговый метод, предложенный в [1]. Обозначим стандартное отклонение циклической компоненты ряда через $\sigma(l_i)$, выберем некоторое пороговое значение φ . Тогда если мы наблюдаем

в какой-то период (или несколько периодов), что $l_{it} \geq \varphi\sigma(l_i)$, мы можем говорить о том, что мы наблюдаем пиковое значение фазы подъема (для фазы спада — аналогично). Мы используем принятые в литературе [1] пороговые значения (1.5, 1.75 и 2), чтобы проверить результаты на устойчивость. В дополнение к пороговому методу мы также используем метод поворотных точек [5], примененный к циклическим компонентам рассматриваемых рядов, чтобы дополнительно проверить устойчивость получаемых результатов. Поскольку результаты применения фильтров зависят от статистических свойств данных всей выборки, мы также проверяем полученные результаты на более короткой выборке (по 2012 г. включительно).

Мы рассматриваем для каждой страны 6 индикаторов финансового цикла: кредит частному сектору, его отношение к ВВП, общий кредит (включая кредит государственному сектору), его отношение к ВВП, цены на недвижимость и сальдо счета текущих операций. Мы используем коэффициент конкордации (см., например, [4]) как меру связанности финансовых циклов отдельных стран. Мы также строим несколько композитных индикаторов финансового цикла: CF1 (общий кредит, его отношение к ВВП), CF2 (CF1 плюс цены на недвижимость), CF3 (CF2 плюс сальдо счет текущих операций), CF4 (кредит частному сектору, его отношение к ВВП), CF5 (CF4 плюс цены на недвижимость), CF6 (CF5 плюс сальдо счет текущих операций). При построении композитных индексов мы использовали разные подходы к определению весов — равные веса, веса, обратно пропорциональные волатильности циклической компоненты рядов, перебор весов с шагом 0.05. Все выводы, обсуждаемые ниже, устойчивы к изменению метода фильтрации, выбору веса для композитных рядов, изменению размера выборки.

Наиболее широко используемые на данный момент в литературе композитные индикаторы финансового цикла — кредит частному сектору, его отношение к ВВП и индекс цен на недвижимость (CF5 в наших обозначениях) демонстрируют наиболее устойчивые результаты и для всех стран в нашей выборке. Для Казахстана и Беларуси результаты для мер, включающих общий кредит, и мер, основанных только на кредите частному сектору, являются очень похожими, тогда как для России показатели общего кредита имеют существенно иную динамику по сравнению с показателями кредита частному сектору.

Результаты для Казахстана наиболее устойчивы к использованному индикатору финансового цикла (за исключением индикаторов, включающих сальдо счета текущих операций). Для Беларуси результаты менее устойчивы к изменению размера выборки — при сокращении выборки не определяются некоторые пиковые значения на границе новой выборки, что означает, что предложенные показатели плохо подходят на роль индикаторов раннего предупреждения. Для России и Казахстана добавление в финансовый цикл сальдо счета текущих операций указывает на возможные проблемы к концу выборки, что, по-видимому, объясняется динамикой цен на нефть. Предварительный анализ прогностических возможностей этого показателя дает оптимистические результаты, однако по этому поводу нужно провести дополнительное исследование.

Основной вывод нашего исследования состоит в том, что наиболее распространенная в литературе мера финансового цикла хорошо описывает финансовый цикл в трех крупнейших экономиках ЕвразЭС. Для Казахстана и Беларуси нет большой разницы в том, использован ли показатель общего кредита или только кредита частному сектору, тогда как для России эти показатели приводят к различным определениям фаз финансового цикла. Для России и Казахстана представляется осмысленным рассматривать финансовый цикл с учетом сальдо счета текущих операций, в том числе с учетом прогностических возможностей данного показателя. Последнее, однако, требует дополнительных исследований, равно как и неожиданно высокий коэффициент конкордации финансовых циклов Беларуси и Казахстана (а не Казахстана и России, как можно было предположить, исходя из предыдущих исследований).

Библиографический список

1. Mendoza E. G., Terrones M. E. 2012. An Anatomy of Credits Booms and their Demise // *Journal Economía Chilena* (The Chilean Economy), Central Bank of Chile. Vol. 15(2). P. 4–32.

2. *Vymyatnina Yu., Antonova D.* 2014. Creating a Eurasian Union: Economic Integration of the Former Soviet Republics. Palgrave Macmillan.
3. *Drehmann M., Borio C., Tsatsaronis K.* 2012. Characterising the Financial Cycle: Don't Lose Sight of the Medium Term! BIS Working Papers, 380.
4. *Borio C.* 2014. The Financial Cycle and Macroeconomics: What Have We Learnt? // Journal of Banking and Finance. Vol. 45. P. 182–198.
5. *Claessens S., Kose M. A., Terrones M. E.* 2011. Financial Cycles: What? How? When? // NBER International Seminar on Macroeconomics, University of Chicago Press. Vol. 7(1). P. 303–344.

Дружинин П. В.

Институт экономики КарНЦ РАН, ФИЦ «Карельский научный центр РАН»,
Российская Федерация, 185030, Петрозаводск, пр. Невского, 50
pdruzhinin@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА СОСТОЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Аннотация: В докладе на примере данных России и ЕС оценивается влияние основных факторов, определяющих динамику загрязнения окружающей среды. Для оценки влияния развития экономики на окружающую среду используются функции загрязнения, которые позволяют анализировать различные варианты распределения инвестиций, оценивать влияние изменения структуры экономики и учитывать влияние экологической политики, рассматривая динамику инвестиций и затрат, связанных с охраной окружающей среды. Показано, что улучшение экологической ситуации в РФ, как и в странах ЕС, связано с модернизацией экономики и активными структурными сдвигами, влияние природоохранных инвестиций менее существенно. В результате быстрый рост экономики в 2000-х годах происходил при некотором снижении загрязнений атмосферного воздуха и поверхностных водоемов, а спад экономики в 2010-х годах сопровождался еще большим снижением загрязнений оксидом углерода, твердых веществ, азота и оксида серы. В РФ для большинства загрязняющих воздух и воду веществ основное влияние на изменение их тенденций оказали изменения экономической политики. Экологическое законодательство менялось слабо, а реализация решений, которые могли заметно повлиять на деятельность предприятий, отодвигалась на будущее.

Ключевые слова: экономический рост, модернизация, структурные сдвиги, загрязнение окружающей среды, экологическая кривая Кузнеця.

Druzhinin P. V.

Institute of Economics of Karelian Research Centre of the RAS,
50, Nevskogo av., Petrozavodsk, 185030, Russian Federation

MODELING IMPACT OF ECONOMIC DEVELOPMENT ON THE ENVIRONMENT

Abstract: The report uses the example of data from Russia and the EU to assess the impact of the main factors determining the dynamics of environmental pollution. Pollution functions are used to assess the impact of economic development on the environment. They allow analyzing various investment distribution options, assessing the impact of changes in the structure of the economy, and taking into account the impact of environmental policies. The function takes into account the dynamics of investment and costs associated with the protection of the environment. It is shown that the improvement of the ecological situation in the Russian Federation, as well as in the EU countries, is associated with the modernization of the economy and active structural changes. The impact of environmental investments is less significant. As a result, the rapid growth of the economy in the 2000s took place with a certain decrease in pollution of the atmospheric air and surface water bodies. The economic downturn in the 10s was accompanied by an even greater decrease in pollution with carbon monoxide, solids, nitrogen and sulfur oxide. In the Russian Federation, for the majority of substances polluting the air and water, the main influence on the change in their trends was made by changes in economic policy. Environmental legislation has changed little, and the implementation of decisions that could significantly affect the activities of enterprises, was postponed for the future.

Keywords: economic growth, modernization, structural shifts, environmental pollution, environmental Kuznets curve.

Развитие экономики обычно ведет к ухудшению состояния окружающей среды, к увеличению загрязнения атмосферы и водоемов. Но, в то же время активная экологическая политика, вводимые ограничения на загрязнения, изменение законодательства могут заставить предприятия выделять значительные средства на переход к более современным технологиям, и увеличение производства может сопровождаться снижением нагрузки на окружающую среду. Взаимосвязь экономических и экологических показателей может описываться в таком случае экологической кривой Кузнеця (ЭКК), когда до определенного уровня объемов производства при росте экономики загрязнение окружающей среды растет, а затем убывает [1]. В докладе на

примере данных России и ЕС оценивается влияние основных факторов, определяющих динамику загрязнения окружающей среды. Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект «Исследование влияния развития экономики российских регионов на окружающую среду» №17-02-00449-ОГН.

В конце XX века были предложены модели, которые позволили оценивать влияние развития экономики на окружающую среду [2, 3]. Первоначально рассматривались три фактора — численность населения, валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения и технологический уровень. Модель СТИРПАТ позволила расширить количество исследуемых факторов. Исследования факторов, влияющих на загрязнение окружающей среды, проводились в основном на пространственных и панельных данных, сравнивались различные страны. Обычно исследовалось влияние факторов, связанных с ростом экономики, структурой экономики, населением, технологическим уровнем экономики и другими факторами.

Было показано, что для многих загрязняющих веществ определяющее влияние на динамику их выбросов оказали изменение объемов производства и технический прогресс, который связан с изменением технологий и структурными сдвигами в экономике. В зависимости от особенностей экономики страны в уравнение СТИРПАТ вводились различные факторы, соответственно уравнение усложнялось.

Основной проблемой функции СТИРПАТ было то, что она не учитывает явно политики, осуществляемой органами власти, прежде всего экологической, а также инвестиционной. Динамика и структура инвестиций является важнейшим показателем, определяющим динамику экономики, ее структуру и степень модернизации производства, что особенно важно для построения различных сценариев развития экономики страны и ее регионов.

В развитие существующих моделей были предложены функции загрязнения, которые позволяют анализировать различные варианты распределения инвестиций, оценивать влияние изменения структуры экономики и учитывать влияние экологической политики, рассматривая динамику инвестиций и затрат, связанных с охраной окружающей среды. На основе предложенных функций загрязнения, связывающих экономические и экологические показатели, были проведены расчеты по различным регионам РФ и отдельным странам [4]:

$$E(t) = A(t) \times X_1^\mu(t) \times X_2^{-\eta}(t), \quad (1)$$

$$E(t) = A(t) \times X_1^\mu(t) \times X_2^{-\eta}(t) \times X_3^\nu(t), \quad (2)$$

где $E(t)$ — исследуемый экологический показатель (выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, концентрация загрязняющих веществ); $X_1(t)$ — фактор, отражающий развитие экономики и, как правило, отрицательно влияющий на окружающую среду (инвестиции в экономику, инвестиции в новое строительство, ВВП, основные фонды и другие показатели); $X_2(t)$ — фактор, отражающий природоохранную деятельность и положительно влияющий на окружающую среду (инвестиции в охрану окружающей среды, текущие затраты на охрану окружающей среды и другие показатели); $X_3(t)$ — фактор, отражающий развитие экономики, который может влиять и положительно, и отрицательно на окружающую среду в зависимости от осуществляемой эколого-экономической политики (инвестиции в модернизацию экономики, структурные сдвиги в экономике); $A(t)$ — нейтральный экологический прогресс (снижение уровня загрязнения за счет других факторов, прежде всего структурных сдвигов); μ, η, ν — постоянные параметры (факторные эластичности); t — год.

Кроме мультипликативных функций (1) и (2) использовались и более сложные зависимости [4]. Расчеты проводились на основе стандартных пакетов методом наименьших квадратов. Нейтральный экологический прогресс при отсутствии данных по структуре экономики определяется через экспоненту показателем p : $A(t) = A_1 \times \exp(p \times t)$. При наличии данных по секторам экономики нейтральный экологический прогресс определяется через изменение доли секторов с разным уровнем загрязнения, например, для двухфакторной функции (1)

$$p = \sum_i p_i \times \frac{E_i(t)}{E(t)} + \varepsilon_0, \quad (3)$$

$$\varepsilon_0 = \sum_i (\varepsilon_{1,i} \times (I_{1,i} - I_1) + \varepsilon_{2,i} \times (I_{2,i} - I_2) \times \frac{E_i(t)}{E(t)}),$$

где $E(t)$ — исследуемый экологический показатель, I_1 — логарифмическая производная экономического показателя, I_2 — логарифмическая производная природоохранного показателя, t — год, i — сектор.

Выбор вида зависимости определялся в ходе предварительного анализа данных и построения графиков, которые позволяли выявить существующие связи показателей или их характеристик. Анализировалось наличие лагов изменения показателей, что особенно важно для инвестиций. Выбор факторов также зависел от доступности данных, возможности получить достаточно длинные временные ряды, вместо некоторых факторов приходилось использовать близкие по смыслу — в частности, сложно получить статистические данные по стоимости природоохранных фондов по видам в сопоставимых ценах, особенно в разрезе отраслей. В таком случае использовались кумулятивные инвестиции.

Построенные функции позволяют исследовать, как изменяются экологические показатели при различной экономической политике при оценке динамики выпуска продукции на основе производственных функций при различных сценарных условиях. Также можно оценить влияние изменения экологической политики задавая различную динамику природоохранных инвестиций и затрат на природоохранную деятельность. Динамику природоохранных затрат можно связать с изменениями экологического законодательства.

Данные для расчетов по РФ брались из статистических справочников ФСГС и сайта ФСГС, также использовались данные Росгидромета. Статистика выбросов от стационарных источников в РФ доступна с 1990 г., от передвижных — с 2000 г. Среди загрязняющих веществ выделяются следующие — оксид углерода, диоксид серы, оксиды азота, летучие органические соединения и твердые вещества. Модели строятся для выбросов в целом, также расчеты часто проводятся по выбросам оксида углерода, диоксида серы и оксидов азота. Большинство работ зарубежных ученых посвящено исследованию влияния развития экономики на выбросы парниковых газов.

Росгидромет собирает информацию о средней концентрации загрязняющих веществ и количестве городов с превышением предельно допустимых концентраций (ПДК). Доступна информация с 2000 г. по различным веществам, наибольший интерес представляют оксид углерода СО, диоксид серы, оксиды азота и взвешенные (твердые) вещества.

Развитие экономики характеризуют следующие показатели: инвестиции в экономику, инвестиции в новое строительство, инвестиции в модернизацию, ВВП, основные фонды и другие показатели. Природоохранную деятельность характеризуют следующие показатели — инвестиции в охрану атмосферного воздуха, текущие затраты на охрану атмосферного воздуха и другие показатели.

Аналогичная информация собиралась по ЕС и Финляндии. Использовались статистические справочники и информация на сайтах Евростата и Управления статистики Финляндии.

Для средней концентрации оксида углерода рост производства на 1 % ведет к росту концентрации оксида углерода на 0,39 %, рост кумулятивных инвестиций в охрану воздуха на 1 % ведет к уменьшению концентрации на 0,18 %, а структурные сдвиги в экономике и модернизация производства ежегодно способствуют уменьшению концентрации на 3 %. Для выбросов в атмосферу оксида углерода рост производства на 1 % ведет к росту выбросов оксида углерода на 0,49 %, а структурные сдвиги в экономике и модернизация производства ежегодно способствуют уменьшению выбросов на 1,1 % с 2006 г. Для средней концентрации взвешенных веществ рост производства на 1 % ведет к росту концентрации взвешенных веществ на 0,37 %, рост кумулятивных инвестиций в охрану воздуха на 1 % ведет к уменьшению концентрации на 0,01 %, а структурные сдвиги в экономике и модернизация производства ежегодно способствуют уменьшению концентрации на 2,3 %. Для выбросов в атмосферу твердых веществ рост производства на 1 % ведет к росту выбросов в атмосферу твердых веществ на 0,67 %, рост кумулятивных инвестиций в охрану воздуха на 1 % ведет к уменьшению выбросов на 0,01 %, а структурные сдвиги в экономике и модернизация производства ежегодно способствуют уменьшению выбросов на 5,5 %.

Расчеты по выбросам парниковых газов в РФ и Финляндии показали, что определяющее влияние на снижение выбросов с 1999 г. в РФ и Финляндии имеют модернизация экономики и структурные сдвиги [4]. Анализ данных по РФ показал, что для большинства загрязняющих воздух и воду веществ основное влияние на изменение их тенденций оказали изменения экономической политики. Экологическое законодательство менялось слабо, а реализация решений, которые могли заметно повлиять на деятельность предприятий, отодвигалась на будущее.

Расчеты сбросов загрязненных сточных вод в РФ и Финляндии показали, что динамика экологических показателей в РФ и Финляндии близка, хотя уровень загрязнений на единицу ВВП сильно различается. Факторы, определяющие динамику загрязнений, почти совпадают, но степень их влияния заметно отличается. Наиболее важным оказался рост вложений в машины и оборудование, который связан с активной модернизацией экономики, этот фактор оказался значим для сбросов азота и SO_2 , как для Финляндии, так и для РФ.

Было показано, что для РФ определяющее влияние оказали структурные сдвиги, развитие российской экономики в XXI в. происходило на новой технологической основе, росла доля новых секторов экономики. В результате быстрый рост экономики в 2000-х годах происходил при некотором снижении загрязнений атмосферного воздуха, а спад экономики в 2010-х годах сопровождался еще большим снижением загрязнений оксидом углерода и твердых веществ. В то же время надо отметить, что в целом для выбросов в атмосферу загрязняющих веществ за 25 лет влияние природоохранных инвестиций значимо, как и для выбросов парниковых газов.

В результате можно сделать вывод, что предложенные функции позволяют учесть влияние факторов, связанных с развитием экономики и изменением ее структуры, на экологические показатели. Использование предложенных формул позволяет оценить влияние факторов в ретроспективе, построить прогнозы экономического развития на перспективу и выявить пути снижения нагрузки на окружающую среду через стимулирование инвестиционной и структурной политики в определенных направлениях.

Библиографический список

1. Galeotti M., Lanza A., Pauli F. 2006. Reassessing the environmental Kuznets curve for CO_2 emissions: A robustness exercise // *Ecological Economics*. Vol. 57. P. 152–163.
2. Holdren J., Ehrlich P. 1974. Human population and the global environment // *American Scientist*. Vol. 62. P. 282–292.
3. Dietz T., Rosa E. A. 1994. Rethinking the environmental impact of population, affluence and technology // *Human Ecology Review*. Vol. 1. P. 277–300.
4. Дружинин П. В., Шкиперова Г. Т., Поташева О. В. 2018. Оценка влияния развития экономики на состояние окружающей среды и выбросы парниковых газов // *Друкеровский вестник*. Т. 2. С. 203–215.

Козловская Н. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
n.kozlovskaya@spbu.ru

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАСАМИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ТОВАРА, СОСТОЯЩЕГО ИЗ МОДУЛЕЙ

Аннотация: Исследуемый подход к моделированию обобщает целый класс различных моделей, касающихся различных аспектов производства, управления запасами новой и восстановленной продукции. Приводится полное решение в виде теоремы для общего класса моделей. В статье показано, как эта теорема может быть применена к одной из опубликованных моделей. Предполагается, что спрос на новые товары отличается от спроса на восстановленные товары, что приводит к потерянными продажам. В своей работе авторы приводят процедуру решения в виде алгоритма и не дают полного явного решения задачи. В данной статье найдено решение задачи в явном виде.

Ключевые слова: возвратная логистика, управление запасами, расширенная ответственность производителя, исследование операций.

Kozlovskaya N. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

AN EOQ INVENTORY MODEL FOR ITEMS CONSISTING OF COMPONENTS

Abstract: Our modelling approach generalizes a whole class of various models that draw attention to different aspects of production, inventory, and recovery. A complete solution in the form of a theorem for that general model class is provided. Furthermore, the paper illustrates how that theorem can be applied to one of the mentioned models from the literature. The paper extends along this line of research and assumes that demand for manufactured items is different from that for remanufactured (repaired) ones. This assumption results in lost sales situations where there are stock-out periods for Manufactured and remanufactured items. However, in their paper the authors provide solution procedure in the form of algorithm and did not provide the complete explicit solution to this complex problem. We provide the solution in this paper.

Keywords: reverse logistics, inventory control, extended producer responsibility, operations research.

Introduction. In recent years, reverse logistics has received increasing attention from both academia and industry. There is increasing recognition that careful management can bring both environmental protection and lower costs: environmental and economic considerations have led to manufacturers taking their products back at the end of their lifetimes. As a result, the reverse logistics process is now considered as a basis for generating real economic value as well as supporting environmental concerns.

A latest actual survey of mathematical inventory models for reverse logistics can be found in Bazan et al., 2016. An extensive survey of research related to quantitative modeling for inventory and production planning in a closed-loop supply chain was provided by [1]. According to [1] inventory models are divided into two main categories: deterministic and stochastic, according to the modelling of demand and return processes.

The subject of this paper is deterministic inventory models with constant demand and return. The economic order quantity model (EOQ model), which was derived by Ford W. Harris in 1913, became the basis for many reverse logistics models because of its simplicity and intelligibility.

Our paper is organized in the following way: in the second section, the solution of the general model is presented; in the third section the production, remanufacture and waste disposal model with lost sales [2] and additionally switching costs is solved using general approach and the forth section contains our conclusions.

Solution of the general model. The general production and recovery model was considered in the paper [3]. Consider the following two-dimensional nonlinear integer optimization problem:

$$\min_{(x_1, x_2, \dots, x_n)} K(x_1, x_2, \dots, x_n) = \min_{(x_1, x_2, \dots, x_n)} (b_0 + \sum_{i=1}^i b_i x_i) \cdot (a_0 + \sum_{i=1}^n \frac{a_i}{x_i}),$$

$$x_i \in \{1, 2, \dots\}, i = 1, 2, \dots, n.$$
(1)

First, let us consider the following continuous auxiliary problem:

$$\min_{(x_1, x_2, \dots, x_n)} K(x_1, x_2, \dots, x_n) = \min_{(x_1, x_2, \dots, x_n)} (b_0 + \sum_{i=1}^i b_i x_i) \cdot (a_0 + \sum_{i=1}^n \frac{a_i}{x_i}),$$

$$x_i \geq 1, i = 1, 2, \dots, n.$$
(2)

We denote:

$$B_i(j) = \frac{a_i(b_0 + \sum_{k=1}^j b_k)}{b_i(a_0 + \sum_{k=1}^j a_k)}, i = 1, 2, \dots, n.$$
(3)

Then the optimal solution for the continuous problem (1) is provided by the following theorem.

Theorem. *The optimal solution to the problem (1) has the following structure depending on the value of the parameters $A_i, B_i(j)$:*

If $A_i \geq 1, i = 1, 2, \dots, n$, then $x_i = \sqrt{A_i}, i = 1, 2, \dots, n$.

If $A_1 < 1$, then consider $B_2(1), B_3(2), \dots, B_j(j-1), \dots, B_n(n-1)$; if and $B_{j+1}(j) \geq 1$ then

$x_i = 1, i = 1, \dots, j, x_i = \sqrt{B_i(j)}, i = j+1, \dots, n$.

If $B_n(n-1) < 1$, then $x_i = 1, i = 1, \dots, n$.

The more detailed analysis of the general model can be found in Kozlovskaya et al., 2017. The theorem can be used for the solution of more complicated models, with more activities and more stock points. In the next section, the application of the theorem will be demonstrated for the model [2].

Formulation of the Production, Remanufacture and Waste Disposal Model with Lost Sales. In this section, the above discussed methodology is applied to the model [2].

Assumptions

1. A single product case with two different qualities.
2. Production and recovery rates are instantaneous.
3. Demand rates for produced and remanufactured items are known, constant and of different values.
4. Collection rates for previously produced and remanufactured items are known, constant and of different values.
5. Lead time is assumed to be zero.
6. Inventory stock-out occurs with unsatisfied demand (newly produced items or used/repaired items) lost.
7. Unlimited storage capacity is available.
8. Planning horizon is infinite.

Notations

Decision variables:

n — number of production cycles in an interval of length T .

m — number of remanufacturing cycles in an interval of length T .

γ_p — collection percentage of available returns of newly produced items ($0 < \gamma_p < 1$).

γ_r — collection percentage of available returns of previously remanufactured items ($0 < \gamma_r < 1$).

Input parameters:

D_p — demand rate for newly produced items (units/ unit of time).

D_r — demand rate for remanufactured items (units/ unit of time), where D_r is not necessarily equal to D_p .

P — total switching cost for a production and a remanufacturing cycle (\$).

S_p — setup cost for a production cycle (\$).

S_r — setup cost for a remanufacturing cycle (\$).

h_p — holding cost per unit per unit of time of a produced item (\$/unit/unit of time).

h_r — holding cost per unit per unit of time of a remanufactured item (\$/unit/unit of time).

h_u — holding cost per unit per unit of time of a used item (\$/unit/unit of time).

c_p — cost per unit of a lost demand for a produced item (\$/unit).

c_r — cost per unit of a lost demand for a remanufactured item (\$/unit).

β_p — percentage of available returns from the primary market for produced items.

β_r — percentage of available returns from the secondary market for remanufactured items ($0 < \beta_r \leq \beta_p < 1$). Note that $1 - \beta_r$ and $1 - \beta_p$ are the waste disposal rates.

Decision variables dependent parameters:

x_2 — lot size quantity (in units) to be remanufactured/ repaired in an interval of length T .

x_1 — lot size quantity (in units) to be produced in an interval of length T .

T_p — length of a production interval (units of time), where $T_p = x_1 / D_p$.

Problem statement. The paper [2] considers the Richter's model [4] except for the assumption that remanufactured (repaired) items are not perceived by customers to be of the same quality as newly produced items. There are therefore a primary market and a secondary market for produced and remanufactured items respectively. In an interval of length T , there are two sub-intervals representing remanufacturing and production of lengths T_r and T_p , respectively. Each repair interval consists of m remanufactured batches of size x_2 / m each, while a production interval consists of production batches of size x_1 / n each. The total remanufactured and production quantities per interval T are determined respectively as $x_2 = D_r T_r$ and $x_1 = D_p T_p$. Used items are collected at rates $\gamma_r \beta_r$ over T_r and $\gamma_p \beta_p$ over T_p accumulating $x_2 = D_r T_r = \gamma_r \beta_r D_r T_r + \gamma_p \beta_p D_p T_p$ units. Accordingly, $x_1 / x_2 = (1 - \gamma_r \beta_r) / (\gamma_p \beta_p)$, where x_1 / x_2 is the ratio of produced to remanufactured units. In the paper Jaber and Saadany, 2009 the algorithm for solution was proposed for solution of this model, but strict formulas weren't derived. Consider the first model — total lost sales case. The mathematical programming problem was derived Jaber and Saadany, 2009:

$$\begin{aligned} \min \psi(n, m) &= A(2\sqrt{(mS_r + nS_p)H(n, m)} + C_{pr}), \\ m, n &\geq 1 \end{aligned} \quad (4)$$

where

$$\begin{aligned}
 A &= \frac{1}{\frac{1-\gamma_r\beta_r}{\gamma_p\beta_p D_p} + \frac{1}{D_r}} \\
 H(n, m) &= \frac{h_r}{2mD_r} + \frac{h_p}{2nD_p} \left(\frac{1-\gamma_r\beta_r}{\gamma_p\beta_p} \right)^2 + \\
 &+ h_u \left[\frac{m(\gamma_r\beta_r - 1) + 1}{2mD_r} + \frac{\gamma_p\beta_p}{2D_p} \left(\frac{1-\gamma_r\beta_r}{\gamma_p\beta_p} \right)^2 + \left(\frac{\gamma_r\beta_r}{mD_p} + \frac{\gamma_p\beta_p(m-1)}{mD_r} \right) \left(\frac{1-\gamma_r\beta_r}{\gamma_p\beta_p} \right) \right] \\
 C_{pr} &= \frac{c_r D_r}{D_p} \left(\frac{1-\gamma_r\beta_r}{\gamma_p\beta_p} \right) + \frac{c_p D_p}{D_r}
 \end{aligned} \tag{5}$$

Problem solution. The minimum value of the function (6) could be found using Theorem. We obtain the coefficients of the model in the following form:

$$\begin{aligned}
 b_2 &= S_p, b_1 = S_r, b_0 = 0, \\
 a_0 &= \frac{1}{2} h_u (1 - \gamma_r \beta_r) \left(\frac{1}{D_p} \frac{1 - \gamma_r \beta_r}{\gamma_p \beta_p} + \frac{1}{D_r} \right) \\
 a_1 &= \frac{h_r - h_u}{2D_r} + h_u \gamma_r \beta_r \left(\frac{1}{D_r} + \frac{1 - \gamma_r \beta_r}{\gamma_p \beta_p} \frac{1}{D_p} \right) \\
 a_2 &= \frac{h_p}{2D_p} \left(\frac{1 - \gamma_r \beta_r}{\gamma_p \beta_p} \right)^2
 \end{aligned} \tag{8}$$

From the theorem follows that the solution has the form: (m, 1), if $C = \frac{a_1(b_0 + b_2)}{b_1(a_0 + a_2)} \geq 1$ or (n, 1), if $D = \frac{a_2(b_0 + b_1)}{b_2(a_0 + a_1)} \geq 1$, or (1, 1), if both $C < 1$ and $D < 1$, where $m = \lceil \sqrt{C} \rceil$, $n = \lceil \sqrt{D} \rceil$.

In this section, we consider more general cases of policies, taking into account switching costs. When shifting from producing (performing) one product (job) to another in the same facility, the facility may incur additional costs, referred to as switching costs, when alternating between production and repair runs. Suppose that switching costs are positive: $P > 0$. Then the mathematical programming problem (6) has the following form:

$$\begin{aligned}
 \min \psi(n, m) &= A(2\sqrt{(P + mS_r + nS_p)H(n, m)} + C_{pr}), \\
 m, n &\geq 1
 \end{aligned}$$

with $b_0 = P$ and $A_1 \neq 0$, $A_2 \neq 0$.

Without loss of generality let $0 < A_1 < A_2$. In this case the solution can have different structure. If $1 < A_1 < A_2$, the solution has the form (m, n), where $m = \lceil \sqrt{A_1} \rceil$, $n = \lceil \sqrt{A_2} \rceil$. If $A_1 \leq 1 < A_2$, then consider $B_2(1) \dots$ If $B_2(1) > 1$, the solution has the form (1, n), where $n = \lceil \sqrt{B_2(1)} \rceil$. If $B_2(1) \leq 1$, the solution has the form (1, 1). The case $0 < A_2 < A_1$ can be solved by the same way.

The impact of the switching cost becomes apparent for sufficiently high values. In this case the optimal numbers (m, n) can both be greater than one. It is illustrated in the next section.

Conclusion. Faster generation of waste leads to rise of collecting and remanufacturing cores to extend their useable lives and thus reduce waste. Economical incentives enticed and later governmental

legislations compelled companies to initiate product recovery programs. European waste legislation currently gives a global framework for the implementation of extended producer responsibility in Europe. Inventory and production planning focuses on the effective utilization of existing inventories and production resources, therefore managing inventory in reverse logistics represents an important problem. The focus of this paper is on the mathematical modeling of inventory with return flows that were developed on the base EOQ. The general objective of the inventory management models is to control product orders, inventory levels, and recovery processes to minimize total costs.

Our modeling approach generalizes a whole class of various models that draw attention to different aspects of production, inventory, and recovery. A complete solution in the form of a theorem for that general model class is provided. Furthermore, the paper illustrates how that theorem can be applied to one of the mentioned models from the literature [2]. In their paper, the authors provide solution procedure in the form of algorithm and did not provide the complete explicit solution to this complex problem. We provide the solution in this paper. We found the optimal policy $P(m; n)$ for the problem, it can have a different structure depending on the value of the parameters. The impact of the switching cost becomes apparent for sufficiently high values. In this case the optimal numbers (m, n) can both be greater than one. This was illustrated by the numerical analysis.

References

1. Akçalı E., Çetinkaya S. 2011. Quantitative models for inventory and production planning in closed-loop supply chains // *International Journal of Production Research*. Vol. 49 (8). P. 2373–2407.
2. Jaber M. Y., El Saadany A. M. A. 2009/ The production, remanufacture and waste disposal model with lost sales // *International Journal of Production Economics*. Vol. 120, no. 1. P. 115–124.
3. Kozlovskaya N., Pakhomova N., Richter K. 2017. A note on “The EOQ repair and waste disposal model with switching costs” // *Computers & Industrial Engineering*. Vol. 103. January. P. 310–315.
4. Richter K. 1996. The eoq repair and waste disposal model with variable setup numbers // *European Journal of Operational Research*. Vol. 95. P. 313–324.

Колесов Д. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
d.kolesov@spbu.ru

ВЛИЯНИЕ ИНФЛЯЦИИ И ПРОЦЕНТНЫХ СТАВОК НА РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Аннотация: Негативное влияние инфляции по-разному проявляется в разных секторах экономики. В статье проведено сравнение негативного влияния инфляции, номинальных и реальных ставок на разные сектора в зависимости от их роли на финансовом рынке. Особое внимание уделено реальным процентным ставкам для поставщиков капитала, потребителей капитала и финансовых институтов как посредников на финансовом рынке. Высокие процентные ставки для реального сектора означают высокую цену финансовых ресурсов и теоретически должны препятствовать развитию реального сектора. На примере анализа разных этапов развития российской экономики обосновывается вывод, что роль процентных ставок оказывается менее значимой, чем политические и институциональные факторы.

Ключевые слова: инфляция, процентные ставки, финансовый рынок, экономический рост, реальный сектор экономики.

Kolesov D. N.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

INFLUENCE OF INFLATION AND INTEREST RATES ON THE REAL ECONOMY

Abstract: The negative impact of inflation is manifested in different ways in different sectors of the economy. The article compares the negative impact of inflation, nominal and real rates on different sectors depending on their role in the financial market. Particular attention is paid to real interest rates for capital providers, capital consumers and financial institutions, as intermediaries in the financial market. High interest rates for the real sector mean the high price of financial resources and theoretically should impede the development of the real sector. Using the example of analyzing different stages in the development of the Russian economy, the conclusion is substantiated that the role of interest rates is less important than political and institutional factors.

Keywords: inflation, interest rates, financial market, economic growth, real economy.

Исторический опыт России конца XX и начала XXI в., связанный с высокой инфляцией и стремлением снизить ее, привел к широко распространенному мнению о негативном факторе инфляции, препятствующим успешному экономическому развитию. Но общая оценка нуждается в уточнении эффекта инфляции для разных групп экономических субъектов. В рамках данной статьи акцент будет сделан на влияние инфляции и процентных ставок на реальный сектор экономики.

Реальный сектор будем понимать в широком смысле, включая в него не только промышленное производство, строительство, но и торговлю, связь, услуги и другие виды бизнеса, кроме финансовых институтов. Разделение реального сектора и финансовых институтов обусловлено их различной ролью на финансовом рынке. Финансовый рынок, как и другие виды рынков, формируется в итоге соотношения спроса и предложения. Реальный сектор предъявляет спрос на капитал в форме привлечения заемных средств (банковские, облигационные и другие займы) и эмиссии акций. Некоторая часть источников финансирования формируется за счет нераспределенной прибыли. Производственные компании также участвуют в предложении капитала на финансовом рынке, размещая на нем временно свободные средства и приобретая акции других компаний в целях вертикальной интеграции. Но объем спроса на капитал со стороны реального сектора существенно превышает их предложение, и поэтому реальный сектор является в целом потребителем капитала с финансового рынка.

Финансовые институты, предъявляя большой спрос на капитал, одновременно формируют предложение капитала и в целом выступают посредниками на финансовом рынке, получая капитал от одних участников и предоставляя его другим. Поэтому коммерческие банки, инвестиционные компании и другие финансовые институты можно считать условно нейтральными с точки зрения формирования спроса и предложения. Одно компенсирует другое. Центральный банк при этом рассматривается не как участник рынка, а как регулятор рынка, имеющий свои цели, отличные от целей поставщиков и потребителей капитала на финансовом рынке.

В длительной перспективе поставщиком капитала оказываются домашние хозяйства, размещающие свои средства в банках, фондах и других финансовых институтах, а также приобретая долговые и долевые ценные бумаги на финансовом рынке. При этом не имеет значения, приобретаются ли ценные бумаги у эмитентов или у финансовых посредников. Домашние хозяйства, получая разные виды кредитов, участвуют в формировании спроса на капитал, но общий объем предложения капитала с их стороны существенно превышает объем спроса, и в общем балансе предложения и спроса домашние хозяйства оказываются поставщиками капитала на финансовом рынке. Можно отметить роль государства в формировании спроса на капитал (в виде эмиссии облигаций), но это выходит рамки нашего исследования.

Инфляция проявляется не только в росте цен на товары и услуги, но и в росте процентных ставок на финансовом рынке. Как правило, высокая инфляция сопровождается высокими процентными ставками, а низкая инфляция сопровождается низкими или невысокими процентными ставками.

Специфика влияния инфляции на разные сектора экономики зависит от их роли на финансовом рынке. Реальный сектор экономики является нетто потребителем капитала с финансового рынка и высокие процентные ставки оказывают негативное влияние на компании реального сектора, для которых источники финансирования становятся слишком дорогими. Но влияние инфляции носит сложный опосредованный характер. Само по себе повышение цен не так сильно ухудшает положение компаний реального сектора, растут затраты на сырье, зарплату и другие издержки, но одновременно с этим растут цены и на их продукцию. В качестве негативного фактора можно отметить так называемый инфляционный налог, когда прибыль компании вырастает за счет инфляционного повышения цен на продукцию и компания вынуждена платить налог с этой прибыли. Но влияние этого фактора оказывается незначительным. Намного важнее для компаний цена источников финансирования не в номинальном, а в реальном выражении.

Влияние реальных ставок на реальный сектор оказывается более существенным. Реальные ставки определяют цену финансовых ресурсов. Высокая цена капитала допустима только для компаний с высокой эффективностью, что могут обеспечить далеко не все компании реального сектора. Так при высокой цене заемного капитала многие компании резко сокращают заимствования и сворачивают свой бизнес.

Такое влияние обусловлено ролью производственных компаний на финансовом рынке, как получателя капитала. Для участников финансового рынка, которые являются поставщиками капитала, т. е. инвесторов, домашних хозяйств, эффект является обратным. Для них отрицательная реальная ставка означает потерю капитала при его номинальном росте, а при положительной реальной ставке их капитал растет не только номинально, но и реально. Исторический опыт России в 1990-е годы оказался связан с высокой инфляцией, отрицательным значением реальной ставки, обесценением вкладов населения в банках, падением реальной зарплаты и доходов населения, поэтому сформировалось резко негативное отношение к инфляции. Для посредников финансового рынка, которые одновременно предъявляют спрос на капитал и предлагают капитал на финансовый рынок, влияние реальной ставки оказывается индифферентным.

Теоретически соотношение номинальных ставок, инфляции и реальных ставок отражается формулой Фишера

$$r = \frac{k - i}{1 + i},$$

где k — номинальная ставка, i — инфляция, r — реальная ставка при невысокой инфляции можно пользоваться упрощенной формулой $r = k - i$, но в российских условиях инфляция остается высокой и надо пользоваться точной формулой.

Чтобы определить исторические данные по реальной ставке для российской экономики, нужны данные по инфляции и номинальной процентной ставке. В первом приближении в качестве инфляции можно взять данные Росстата по индексу потребительских цен [1], а в качестве номинальной процентной ставки взять ставку рефинансирования Банка России (с 2013 г. — ключевую ставку) [2]. Более точная оценка получится, если для реального сектора экономики инфляцию оценивать не по ИПЦ, а по индексу цен производителей, но он различается по видам деятельности и возникает проблема агрегирования. Ставка рефинансирования тоже плохо отражает цену финансовых ресурсов для реального сектора, лучше было бы взять среднюю ставку кредитования в реальном секторе и при этом учесть налоговый эффект от использования компаниями заемных средств. К сожалению, такие расчеты отдаляются от первичных статистических данных, носят экспертный характер и не являются общепризнанными.

Еще одной проблемой является выбор временного периода для оценки (помесячные, квартальные или годовые данные). Наш опыт использования помесечных и даже квартальных данных по инфляции и номинальным ставкам показывает, что в них попадают шоковые выбросы, и их нежелательно учитывать при долгосрочной оценке развития экономики. Такие шоковые выбросы были в 1990-е годы становления рыночной экономики в России, во время кризиса 2008 г., санкционных последствий 2014 г.

Если взять сглаженные российские данные с 1992 г. по 2018 г., то можно выделить периоды: 1992–1994; 1995–1997; 1998–1999; 2000–2004; 2005; 2006–2007; 2008–2009; 2010–2013; 2014–2015; 2016–2018.

Можно ожидать, что в периоды низкой реальной ставки, а тем более отрицательного значения 1992–1994; 1998–1999; 2005; 2008–2009; 2014–2015 реальный сектор получает комфортные финансовые условия и двигает экономику вперед, а в периоды высокой реальной ставки испытывает трудности с финансированием и снижает темпы роста. В стабильной рыночной экономике отрицательная реальная ставка являлась бы благом для компаний реального сектора. Такая ситуация плоха для инвесторов, поставщиков капитала на финансовый рынок, но хороша для потребителей капитала. Получая капитал с финансового рынка по номинальной ставке ниже инфляции, компания даже не производя продукцию, только купив сырье, за счет роста его в цене может легко рассчитаться за взятый кредит и оказаться в выигрыше. А с учетом производства и продажи продукции по выросшим ценам она может хорошо развиваться.

Но анализ этих теоретически благоприятных периодов показывает, что чаще в эти периоды происходил не рост, а снижение темпов развития реального сектора.

Периоды высокой реальной ставки также не всегда сопровождаются снижением экономического роста. Наиболее ярким примером, когда высокая реальная ставка действительно привела к снижению ВВП, является период 1995–1997 гг. В эти годы происходило резкое сокращение заимствований производственными компаниями с финансового рынка. Высокая прибыльность операций с государственными ценными бумагами оттягивала финансовые ресурсы из реального сектора экономики в финансовый сектор. Одновременно с этим продолжалась жесткая денежная политика, сопровождаемая невыполнением обязательств по госзаказу и перед бюджетными организациями. Нехватка денег (при наличии финансового рынка) способствовала расцвету бартерных схем, выплаты зарплаты продукцией предприятия. Наряду с продолжающимся переделом собственности, в том числе через залоговые аукционы, высокая реальная ставка способствовала сокращению производства во многих отраслях. Некоторые отрасли, такие как легкая промышленность, пострадали очень сильно. Некоторые отрасли, например торговля, смогли избежать падения, но в целом ВВП России в эти годы продолжал снижаться.

Также ярким примером является период 1992–1994 гг. с отрицательной реальной ставкой. В эти годы в России проходила приватизация (малая и ваучерная). В условиях передела собственности и одновременно выкачивания средств в офшорные зоны производственные компании не смогли воспользоваться благоприятными финансовыми условиями. Кредитование предприятий в условиях передела собственности несет дополнительные риски, которые сдер-

живали получение дешевых источников финансирования. В целом негативные факторы перешили благоприятные условия финансового рынка, и в этот период происходило значительное снижение реального сектора и всего ВВП.

В период 2000–2007 гг. положительное значение реальной ставки сопровождалось высокими темпами роста экономики. Произошедшее до этого снижение курса рубля запустило экономический механизм импортозамещения. Конкурентоспособность российских товаров в условиях нового валютного курса способствовала росту реального сектора. Позитивные изменения в макроэкономической политике и благоприятная внешняя среда (включая цены на энергоносители) также способствовали росту. Положительная реальная ставка несильно сдерживала этот рост, и ВВП России начал с этого времени расти.

Современный период характеризуется невысокой реальной ставкой, но продолжающиеся санкционные ограничения сдерживают экономический рост. Эта ситуация также подтверждает, что значение реальной ставки уступает по значимости другим факторам.

Выводы. Анализ влияния инфляции на реальный сектор экономики в 1992–2018 годы показывает, что абсолютные показатели инфляции несильно влияют на экономический рост. Инфляция имеет негативные социальные последствия, но даже высокая стабильная инфляция вполне может сопровождаться экономическим ростом. Реальные ставки играют более важную роль, высокое значение реальных ставок тормозит, а низкое значение способствует экономическому росту.

Тем не менее влияние реальных ставок оказывается менее значимым, чем внешние факторы и институциональная среда. Исторический опыт показывает примеры снижения ВВП при отрицательных значениях и роста ВВП при положительных значениях реальной ставки.

Библиографический список

1. Таблицы месячной и годовой инфляции в России. URL: <https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation-tables> (дата обращения: 10.01.2019).
2. Процентная ставка рефинансирования (учетная ставка), установленная Банком России. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12453/c8144b5ee23295f6ecdf3da3a09ec81f707aac3c/ (дата обращения: 10.01.2019).

Кучаков Р. К.

Институт проблем правоприменения
при Европейском университете в Санкт-Петербурге,
Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1, А
rkuchakov@eu.spb.ru

Раскина Ю. В.

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1, А
raskina@eu.spb.ru

Подкорытова О. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
o.podkorytova@spbu.ru

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ САМООЦЕНОК ЗДОРОВЬЯ РОССИЯН

Аннотация: Одной из наиболее часто используемых мер здоровья в исследованиях по темам экономики здоровья и здравоохранения является самооценка здоровья. Они являются значимым предиктором использования медицинских услуг и смертности. Однако различия в нормах и ожиданиях людей в отношении собственного здоровья могут приводить к систематическому смещению самооценок здоровья у различных групп населения. Мы используем метод якорных виньеток и иерархическую модель упорядоченного выбора для выявления и коррекции систематического смещения в самооценках здоровья. В качестве данных была взята российская подвыборка опроса SAGE.

Ключевые слова: гетерогенность ответов, здоровье, HOPIT, Россия.

Kuchakov R. K.

The Institute for the Rule of Law at the European University at Saint Petersburg,
6/1A, Gagarinskaya str., 191187, St. Petersburg, Russian Federation

Raskina Yu. V.

European University at Saint Petersburg,
6/1A, Gagarinskaya str., 191187, St. Petersburg, Russian Federation

Podkorytova O. A.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., 199034, Saint Petersburg, Russian Federation

HETEROGENEITY OF HEALTH SELF-ASSESSMENT IN RUSSIA

Abstract: One of the most commonly used health measure are self-assessment of health. They are a significant predictor of medical services and mortality. However, differences in the norms and expectations of people regarding their own health can lead to a systematic bias in health self-assessments among different groups of the population. We use the method of anchoring vignettes and a hierarchical model of an ordered choice to identify and correct a systematic bias in the self-assessments of health. The data from the SAGE survey were used.

Keywords: heterogeneity of answers, health, HOPIT, Russia.

Введение. Самооценка здоровья, пожалуй, является наиболее часто используемой мерой здоровья в исследованиях по темам экономики здоровья и здравоохранения, использующих данные для домохозяйств и индивидов. Данные о самооценке здоровья собираются в крупных международных (Всемирный обзор ценностей, Исследование по измерению уровня жизни Всемирного банка) и национальных (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата) обследованиях населения.

Все большее распространение находит класс самооценок здоровья, учитывающих отдельные нюансы здоровья. Они требуют оценки функционирования индивида, а не общей самооценки здоровья, то есть более объективны. Всемирная организация здравоохранения, аргументируя, что функционирование и комбинация отдельных аспектов функционирования являются операционализацией, наилучшим образом отражающей наше представление о здоровье, разработала для Всемирного обследования состояния здоровья (World Health Survey) инструмент, состоящий из вопросов о самооценке по восьми аспектам (domain) здоровья — мобильность, возможность самообслуживания, боль и дискомфорт, концентрация и память, межличностные взаимодействия, зрение, сон и энергия, аффект. Примерами таких вопросов являются:

«В целом за последние 30 дней

- В какой степени вы испытываете скованность или боли в теле?
- Испытываете ли вы проблемы с концентрацией или запоминанием вещей?
- Испытываете трудности при ходьбе на 100 метров / подъеме на третий этаж?»

При этом каждый вопрос сопровождается порядковой шкалой ранжирования.

Простота и невысокая стоимость получения самооценок здоровья порождает спрос на их использование, поэтому возникает вопрос о достоверности выводов, полученных при использовании этой меры. В литературе показано, что самооценки здоровья имеют сильную и статистически значимую корреляцию с объективными показателями здоровья, и что они являются статистически значимым предиктором как использования медицинских услуг, так и последующей смертности.

Однако использование самооценок здоровья как меры истинного здоровья несет в себе потенциальную проблему. Многочисленные исследования демонстрируют, что различия в нормах и ожиданиях людей в отношении собственного здоровья могут приводить к систематическому смещению самооценок здоровья у различных групп населения. Представители разных групп могут иметь разную интерпретацию того, что означает «плохое» или «отличное» здоровье. В англоязычной литературе для обозначения подобного смещения используются различные термины: reporting heterogeneity bias [1; 2], state-dependent reporting errors, scale of reference bias, response category cut-point shift, differential item functioning [3]. В русскоязычной литературе предложено использовать термин «гетерогенность самооценки здоровья» [4; 5], именно его мы и будем использовать. Подчеркнем, что гетерогенность самооценок становится проблемой тогда, когда она не случайна, то есть если представители разных групп населения систематически формируют свое мнение о состоянии здоровья по-разному. В этом случае различия в уровне здоровья, измеренные с использованием самооценок здоровья, могут быть оценены неверно.

Постановка задачи. Обозначим латентную переменную, описывающую состояние здоровья респондента с номером i через H_i^* . Предполагается, что H_i^* зависит от характеристик респондента как

$$H_i^* = X_i \beta + \varepsilon_i, \varepsilon_i \sim N(0, \sigma^2). \quad (*)$$

Во время опроса респондент соотносит состояние здоровья с набором своих пороговых значений $\tau_1^{(i)} < \tau_2^{(i)} < \dots < \tau_{K-1}^{(i)}$ и для оценки здоровья H_i выбирает один из вариантов ответов $1, \dots, K$ согласно правилу

$$H_i = \begin{cases} 1, & \text{если } H_i^* < \tau_1 \\ 2, & \text{если } \tau_1 \leq H_i^* < \tau_2 \\ \vdots \\ K-1, & \text{если } \tau_{K-1} \leq H_i^* < \tau_{K-1} \\ K, & \text{если } H_i^* > \tau_{K-1} \end{cases} \quad (**)$$

В отличие от H_i^* , величина H_i является наблюдаемой. Наша задача — оценить коэффициенты β и пороговые значения τ . Казалось бы, мы имеем стандартную модель упорядоченного выбора. К сожалению, в общем случае наборы пороговых точек $\tau_1^{(i)} < \tau_2^{(i)} < \dots < \tau_{K-1}^{(i)}$ у респондентов могут отличаться. Предположим, что мы хотим оценить такой аспект здоровья, как боль и скованность в теле, и сравнить две группы населения по этому аспекту. Респонденты дают ответ на вопрос: «За последние 30 дней в какой степени вы испытываете скованность или боли в теле?» по пятибалльной шкале ответов «нет трудностей», «незначительные», «умеренные», «сильные», «очень сложно / не могу этого сделать». При одном и том же уровне истинной испытываемой боли H^* , респонденты, принадлежащие к группам, имеющим разные нормы и ожидания, могут оценить свои проблемы в этом аспекте здоровья по разному, например, респонденты из группы 1 оценят свои проблемы как «незначительные», а респонденты из группы 2 — как «умеренные». Основываясь только на самооценках уровня проблем со здоровьем, мы сделаем вывод, что $H_1 > H_2$, то есть респонденты из первой группы испытывают меньше болей и скованности в теле. Это происходит потому, что пороговые значения шкалы ответов у групп 1 и 2 не совпадают, например $\tau_1^{(2)} < \tau_1^{(1)} < \tau_2^{(2)} < \tau_2^{(1)}$, так как представители этих групп используют шкалы здоровья по разному.

Если у нас нет прямой информации об истинном здоровье H^* или о пороговых значениях, то у нас нет возможности узнать из ответов, действительно ли они испытывают разные уровни боли в теле, или же имеет место гетерогенность ответов, вызванная тем, что представители двух групп имеют разную интерпретацию того, что означает иметь умеренные и незначительные боли, или не иметь их вовсе.

Предыдущие исследования свидетельствуют, что систематическая гетерогенность при самооценке здоровья существует между странами, между людьми с разными доходами, между людьми с разными уровнями образования, разного пола, разного возраста. Недавно опубликованное исследование [5] тестирует наличие систематической гетерогенности самооценки здоровья россиян. Результаты этого исследования свидетельствуют, что такая гетерогенность существует и зависит от пола, семейного положения, образования, места проживания и возраста.

Выявление и коррекция гетерогенности самооценок здоровья: метод якорных виньеток. Якорная виньетка — это описание специфических состояний здоровья гипотетического индивида. При помощи якорных виньеток фиксируется уровни истинного здоровья и все систематические изменения рейтингов виньеток в зависимости от отдельных характеристик респондентов объясняются систематической разницей в формировании мнения о состоянии здоровья, систематической гетерогенностью ответов. Самооценка здоровья в случае выявления систематического смещения ответов может быть от нее очищена.

Метод якорных виньеток использует описания нескольких уровней здоровья гипотетических индивидов для того, чтобы создать «якорь», позволяющий исследовать существование таких различий. Использование этой дополнительной информации позволяет выявить (а при необходимости и скорректировать) гетерогенность самооценок здоровья для корректных сопоставлений уровней здоровья между различными группами населения.

Продemonстрируем метод на условном примере. Дадим респондентам описание разного уровня проблем боли у гипотетических людей:

V1. [Надежда] не помнит, когда она в последний раз испытывала боль, поскольку этого не происходило в течение последних нескольких лет. Она не испытывает боли даже после тяжелого физического труда или физических упражнений.

V2. [Сергей] испытывает головную боль один раз в месяц, которая проходит через час после приема таблетки. Во время головной боли он может продолжать свои повседневные дела.

V3. У [Марии] постоянно болит правая рука и запястье во время ее работы. Эта боль немного отпускает по вечерам, когда она больше не работает на своем компьютере.

V4. [Максим] почти все время чувствует боль в коленях, локтях, запястьях и пальцах. В первой половине дня ситуация ухудшается. Хотя лекарство помогает, он чувствует себя некомфортно двигаясь, поднимая вещи и держа их в руках.

V5. [Степан] испытывает боль в шее и верхней части спины, отдающую в руки, которые не освобождаются никакими лекарствами или другим лечением. Боль является острой и не дает

уснуть ему почти всю ночь. В течение дня боль делает его полностью недееспособным. Это состояние вынуждает его почти весь день проводить в кровати, он часто думает о том, чтобы свести счеты с жизнью.

Эти описания и называются якорными виньетками, мы будем обозначать их буквой $V(k)$, $k = 1, \dots, 5$. Отметим, что виньетки «появляются» перед индивидом в произвольном порядке. В дополнение к самооценке здоровья, респондентов просят оценить, какие сложности со здоровьем (ломота в теле или острая боль) испытывал гипотетический индивид.

Заметим, что независимо от того, к какой группе относится респондент, оценивающий сложности гипотетического индивида, сам гипотетический индивид, описанный виньеткой $V(k)$, имеет одни и те же проблемы со здоровьем, один и тот же уровень истинного здоровья $HV^*(k)$. Виньетки создавались так, что ожидаемый ответ на виньетку $V(k)$ есть k . Естественно предположить, что воспринимаемый i -м респондентом уровень здоровья виньетки $V(k)$ есть $HV_i(k) = k + u_{ik}$, $u_{ik} \sim N(0,1)$. Во время опроса респондент соотносит состояние здоровья с набором своих пороговых значений $\mu_1^{(i)} < \mu_2^{(i)} < \dots < \mu_{K-1}^{(i)}$ и для оценки здоровья $HV_i(k)$ выбирает один из вариантов ответов $1, \dots, K$ согласно правилу

$$HV_i(k) = \begin{cases} 1, \text{ если } HV_i^*(k) < \mu_1 \\ 2, \text{ если } \mu_1 \leq HV_i^*(k) < \mu_2 \\ \vdots \\ K-1, \text{ если } \mu_{K-1} \leq HV_i^*(k) < \mu_{K-1} \\ K, \text{ если } HV_i^*(k) > \mu_{K-1} \end{cases}, \quad \mu_i(k) = Z_i \gamma(k). \quad (***)$$

Важно, что пороговые значения могут зависеть от характеристик респондента*. Используя обобщенную упорядоченную пробит-модель, мы можем оценить коэффициенты γ и вычислить $\hat{\mu}_i(k) = Z_i \hat{\gamma}(k)$. Сравнивая пороговые значения для двух групп (например, мужчин и женщин), мы можем выявить наличие гетерогенности самооценок здоровья. Если гетерогенность существует, мы можем с помощью интервальной регрессии и заменой порогов τ на $\hat{\mu}$ корректно оценить модель (**).

Результаты исследования. В этой работе мы применили метод якорных виньеток здоровья к данным российской выборки Исследования проблем глобального старения и здоровья взрослых людей (SAGE), проводимого Всемирной организацией здравоохранения.

Мы сосредоточились на таком аспекте как боль и поставили перед собой две цели: а) выявить, существует ли систематическое смещение самооценок здоровья россиян в зависимости от их социально-экономических и демографических характеристик, б) при необходимости скорректировать это смещение.

Для оценивания мы использовали параметрический подход, а именно, иерархическую модель упорядоченного выбора [3]**. Зависимой переменной выступала оценка боли (0–4). В качестве регрессоров мы рассмотрели такие факторы, как пол (мужчина или женщина), возраст (годы), семейный статус (в браке или нет), наивысший достигнутый уровень образования (0–4), место жительства (село или город), квантиль переменной «перманентный доход» (0–5), курение и потребление алкоголя. В работе используются данные 1-й волны, собранные в 2007–2008 гг. Объем выборки равен 6063 человек.

Тесты на гетерогенность выявили, что смещение пороговых значений шкалы ответов происходит, но только по одну фактору — городские и сельские жители по разному оценивают боль (горожане более чувствительны). Скорректированная модель показывает, что женщины чаще сообщают о трудностях, связанных с болью. С увеличением возраста проблемы с болью также возрастают. Семейный статус оказался незначим. У более образованных и более богатых людей проблемы не столь сильные. Потребление алкоголя также снижает самооценку уровня болей, а курение — увеличивает ее. Коэффициент при фиктивной переменной для городских

* Списки регрессоров Z из модели (***) и X из модели (*) могут пересекаться.

** НОРПТ — hierarchical ordered probit.

жителей значим и отрицателен, то есть горожане в среднем испытывают меньше трудностей с болью.

Библиографический список

1. *Bagod'Uva T., O'Donnell O., van Doorslaer E.* 2008. Differential Health Reporting by EducationLevel and its Impact on the Measurement of Health Inequalities Among Older Europeans // *International Journal of Epidemiology*. Vol. 37(6). P. 1375–1383.
2. *Bago d'Uva T., Van Doorslaer E., Lindeboom M., O'Donnell O.* 2008. Does Reporting Heterogeneity Bias the Measurement of Health Disparities? // *Health Economics*. Vol. 17 (3). P. 351–375.
3. *King G., Murray C., Salomon J., Tandon A.* 2004. Enhancing the Validity and Cross-Cultural Comparability of Measurement in Survey Research // *American Political Science Review*. Vol. 98 (1). P. 191–207.
4. *Герри К.Д., Байдин В.М.* 2017. Источники искажений в самооценке здоровья. *Фармакоэкономика // Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология*. Vol. 10 (4). P. 31–36.
5. *Канева М.А., Байдин В.М.* 2018. Гетерогенность ответов при самооценке здоровья россиян // *Прикладная Эконометрика*. Т. 51. С. 102–25.

Смирнов Р. О.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
r.smirnov@spbu.ru

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ

Аннотация: В статье исследуются вопросы практического использования рассматриваемого подхода к моделированию прогрессивной шкалы подоходного налога применительно к оценке налоговых поступлений в бюджет. Решена задача построения модельной функции распределения доходов. По статистическим данным была осуществлена проверка различных гипотез о законе распределения доходов граждан. В итоге была принята гипотеза о логнормальном распределении. Проведенные расчеты показывают, что в случае введения в России оптимальной прогрессивной шкалы подоходного налога поступления в бюджет должны вырасти приблизительно в полтора раза.

Ключевые слова: прогрессивный подоходный налог, налоговые поступления, функция распределения доходов.

Smirnov R. O.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

CONSTRUCTION THE MODEL FUNCTION OF INCOME DISTRIBUTION

Abstract: The article examines the practical use of the approach to modeling the progressive income tax schedule in relation to the assessment of tax revenues to the budget. The problem of constructing a model income distribution function has been solved. According to statistics, various hypotheses were tested on the law of the distribution of citizens' incomes. As a result, the hypothesis of a lognormal distribution was adopted. The calculations show that, in the case of using the optimal progressive income tax schedule in Russia, revenues should increase by approximately one and a half times.

Keywords: the progressive income tax, tax revenues, the income distribution function.

В статье исследуются вопросы практического использования авторского подхода к моделированию прогрессивной шкалы индивидуального подоходного налога (в России он носит название «налог на доходы физических лиц») применительно к оценке налоговых поступлений в бюджет.

Первоначально рассматриваемый подход был описан нами совместно с С. В. Чистяковым для выбора прогрессивной шкалы средних ставок налога на прибыль в виде вариационной модели [1]. Несколько позже в рамках данного подхода С. В. Чистяков предложил систему из двух экономико-математических моделей выбора прогрессивной шкалы подоходного налога [2]. Первая (основная) модель представляет собой теоретико-игровую модель построения шкалы средних ставок подоходного налога и является модификацией и развитием первоначальной вариационной модели. Для практического использования данной модели нами была разработана методика выбора ее входных параметров [3]. Методологические основы разработки интерактивной системы выбора входных параметров модели на основе данной методики и первый вариант данной системы были описаны в [4].

Вторая модель в рамках обсуждаемого подхода является оптимизационной моделью построения шкалы предельных ставок подоходного налога по найденной шкале средних ставок и представляет собой определенную задачу о наилучшем приближении. Данная задача была исследована нами в [5].

Теперь остановимся на анализе критерия оптимальности в основной модели.

Поскольку одной из важнейших функций налогов является фискальная функция, то в качестве критерия оптимальности при выборе прогрессивной шкалы подоходного налога рассматривалась задача на максимум функционала, описывающего суммарный объем налоговых поступлений в государственный бюджет. Отметим, что сама прогрессивная форма налога, как

общеизвестно, реализует перераспределительную функцию налогов, а выбор входных параметров модели позволяет достичь стимулирующей функции. Как показано в [2, с. 8–13], указанный функционал имеет вид

$$T(y, f) = \int_0^{+\infty} y(x) df(x), y \in Y, f \in F, \quad (1)$$

где функция $f: (0, +\infty) \rightarrow (0, +\infty)$ — это модельная функция распределения доходов, значение которой $f(x)$ в точке $x \in (0, +\infty)$ представляет собой суммарный доход всех тех налогоплательщиков, чей личный доход не превышает x ; F — множество допустимых функций распределения доходов граждан $f = f(x)$; Y — множество всех абсолютно непрерывных функций $y = y(x) \in (0, 1)$, $x \in (0, +\infty)$, которые почти всюду на заданном отрезке $[x_-, x_+]$ удовлетворяют дифференциальным неравенствам

$$0 < \frac{dy}{dx} < \frac{1-y}{x} \quad (2)$$

и являются постоянными на каждом из промежутков $(0, x_-]$ и $[x_+, +\infty)$, а именно

$$y(x) = 0, \quad \forall x \in (0, x_-], \quad (3)$$

$$y(x) = y_+, \quad \forall x \in [x_+, +\infty), \quad (4)$$

где x — суммарный доход физического лица, x_- — необлагаемый налогом минимум дохода, а x_+ — пороговый уровень дохода, начиная с которого налог взимается по максимальной средней ставке y_+ .

Левое из неравенств (2), как известно, является достаточным условием возрастания функции $y(x)$ на отрезке $[x_-, x_+]$, т. е. означает, что шкала является прогрессивной*. В свою очередь, правое из этих неравенств гарантирует, что на том же промежутке возрастает и функция располагаемого дохода $D(x) = [1 - y(x)]x$.

Далее в теоретико-игровой модели вместо условий (2) рассматривались более сильные условия, налагаемые на выбор функции $y = y(x)$:

$$\delta \frac{1-y}{x} \leq \frac{dy}{dx} \leq \sigma \frac{1-y}{x}, \quad (0 < \delta < \sigma < 1), \quad (5)$$

где δ и σ представляют собой соответственно минимальное и максимальное значения эластичности налоговой шкалы $y = y(x)$ по доходу x (на отрезке $[x_-, x_+]$).

Переход к замкнутому множеству ограничений (5) от открытого множества (2) обеспечивает существование доминирующей стратегии в обсуждаемой теоретико-игровой модели, т. е. функции $y_{opt}(x)$, задающей оптимальную прогрессивную шкалу средних ставок подоходного налога. Искомая функция имеет вид [2, с. 14–31]

$$y_{opt}(x) = \begin{cases} 0, & 0 \leq x < x_- \\ 1 - \left(\frac{x_-}{x}\right)^\sigma, & x_- \leq x < x_0, \\ 1 - (1 - y_+) \left(\frac{x_+}{x}\right)^\delta, & x_0 \leq x \leq x_+, \\ y_+, & x > x_+, \end{cases}$$

* Как известно, в теории оптимального подоходного налогообложения прогрессивным называется налог, средняя ставка которого возрастает при увеличении дохода.

где

$$x_0 = \left((1 - y_+) \frac{x_+^\delta}{x_-^\sigma} \right)^{\frac{1}{\delta - \sigma}}, \quad (0 < \delta < \sigma < 1),$$

Таким образом, искомая функция $y_{opt}(x)$ определяется пятью входными параметрами модели: x_- , x_+ , y_+ , δ и σ . Это означает, что полученное решение представляет собой параметрическое семейство функций, задающих оптимальную налоговую шкалу. Разработанная методика выбора указанных параметров основана на том, что вместо δ и σ выбираются производные от них параметры x_0 и y_0 [3]. Показано, что параметр y_0 должен выбираться исходя из ограничений

$$1 - (1 - y_+)^{\frac{\ln x_- - \ln x_0}{\ln x_- - \ln x_+}} < y_0 < \min \left\{ y_+, 1 - \frac{x_-}{x_0} \right\}.$$

Поскольку ставки подоходного налога на практике устанавливаются в процентах, то последнее ограничение дает конечное множество значений ставки y_0 . Перебирая конечное множество значений ставки y_0 , необходимо выбрать то, для которого функция $y_{opt}(x)$ доставляет максимум функционала (1).

При подстановке в критерий оптимальности (1) искомой функции $y_{opt}(x)$ при заданной функции распределения доходов, получаем интеграл Стильеса—Римана. Для вычисления данного интеграла необходимо решить задачу построения модельной функции распределения доходов граждан $f = f(x)$.

Утверждение: Суммарный доход всех тех налогоплательщиков, чей личный доход не превышает x , описывается функцией

$$f(x) = \int_0^x m t dF(t), \quad (6)$$

где функция $F(x)$ — статистическая функция распределения доходов, m — численность занятых.

Доказательство данного утверждения мы опускаем в силу ограничений на объем статьи.

Подставив полученный явный вид (6) функции $f = f(x)$ и искомую функцию $y_{opt}(x)$ в функционал (1), получим следующий интеграл Стильеса—Римана

$$\int_0^{+\infty} y_{opt}(x) m x dF(x). \quad (7)$$

Если функция $F(x)$ является дифференцируемой, то интеграл Стильеса—Римана (7) сводится к интегралу Римана

$$\int_0^{+\infty} y_{opt}(x) m x \rho(x) dx, \quad (8)$$

где функция $\rho(x) = F'(x)$ — статистическая функция плотности распределения доходов.

По статистическим данным Росстата РФ была осуществлена проверка различных гипотез о законе распределения доходов граждан. В итоге была принята гипотеза о логнормальном распределении. Поскольку функция логнормального распределения является дифференцируемой, то суммарный объем налоговых поступлений в государственный бюджет в этом случае рассчитывается по формуле (8).

Проведенные расчеты показывают, что, в случае введения в России полученной прогрессивной шкалы подоходного налога $y_{opt}(x)$, поступления в бюджет должны вырасти приблизительно в полтора раза. Однако в расчетах невозможно смоделировать возможную реакцию налогоплательщиков на изменение системы подоходного налогообложения, что, безусловно,

снижает достоверность прогноза объема налоговых поступлений. Здесь возникает проблема, связанная с тем, что статистическая функция распределения доходов $F(x)$, а следовательно, и модельная функция распределения доходов $f = f(x)$ зависят от выбора налоговой шкалы $y_{opt}(x)$. Однако в аналитическом виде данная зависимость не может быть определена в силу чрезвычайной сложности соответствующего явления.

Библиографический список

1. Смирнов Р. О., Чистяков С. В. 1993. О ставках налогообложения как инструменте государственного регулирования // Экономика и мат. методы. Т. 29, вып. 2. С. 268–274.
2. Чистяков С. В., Ишханова М. В. 1998. Математические модели выбора налоговых шкал: учебное пособие. СПб.
3. Смирнов Р. О. 2011. Моделирование выбора параметров шкалы подоходного налога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Вып. 4. С. 141–148.
4. Андерсен А. А., Чистяков С. В. 2013. Методологические основы разработки интерактивной системы построения шкалы ставок подоходного налога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 10. Вып. 3. С. 9–19.
5. Смирнов Р. О. 2016. Моделирование выбора прогрессивной шкалы подоходного налога // Финансы и бизнес. № 4. С. 22–34.

Соколов М. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
m.v.sokolov@spbu.ru

КАК ИЗМЕРИТЬ СРЕДНИЙ ТЕМП РОСТА?

Аннотация: Исследование посвящено аксиоматическому обоснованию функционального вида индекса, измеряющего средний темп роста (среднюю скорость изменения) какого-либо экономического показателя. Характеризуемые индексы обобщают некоторые традиционные индикаторы, используемые в экономической статистике, на случай показателей с произвольной связной областью значений. Продемонстрирована связь рассматриваемой задачи с теорией межвременного выбора. В частности, показано, что любой такой индекс может быть описан посредством семейства отношений межвременного выбора, проиндексированного параметром, интерпретируемым как субъективная норма дисконта.

Ключевые слова: средний темп роста, межвременные предпочтения, коэффициент дисконтирования.

Sokolov M. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

HOW TO MEASURE AVERAGE RATE OF CHANGE?

Abstract: This paper contributes to the theory of average rate of change (ARC) measurement. The contribution is twofold. First, it relates ARC measurement and intertemporal choice. We show that a measure of ARC can be identified with the discount rate under which an economic agent is indifferent between initial and final temporal states of the variable considered. That is, there is a correspondence between ARC measures and one-parametric families of time preferences over the “prize-time” space indexed by a parameter representing the discount rate. Second, we derive ARC measures that correspond to some basic time preference models and provide axiomatic foundations for them. The obtained axiomatizations can be considered as characterizations of either the advocated ARC measures or the underlying families of time preferences.

Keywords: average rate of change, time preference, discounting

Введение. Работа посвящена показателям, измеряющим средний темп роста (среднюю скорость изменения) переменной с произвольной связной областью значений (связное топологическое пространство). Речь идет об инфляции, если рассматриваемая переменная представляет собой вектор цен на товары и услуги в стране, темпах экономического роста, если рассматриваемая переменная — ВВП страны, доходности портфеля активов, если рассматриваемая переменная — стоимость портфеля, темпе роста благосостояния экономического агента, если рассматриваемая переменная — доход агента и вектор цен на товары и услуги, и т. п. Основная цель работы — предложить характеристику показателя, измеряющего средний темп роста, на основе аксиом, отражающих лишь основные свойства, ожидаемые от подобного рода показателей и не учитывающие природу переменной, темп роста которой измеряется. В работе обобщены некоторые результаты, полученные в [1].

Постановка задачи измерения среднего темпа роста и ее связь с межвременным выбором. Пусть S — связное топологическое пространство. Множество S будем интерпретировать как область значений (состояний) переменной, темп роста которой измеряется. Рассмотрим пространство $V = \{(s, t; s', t') \in (S \times \mathbb{R})^2 : t < t'\}$ с топологией, индуцированной топологией прямого произведения на $(S \times \mathbb{R})^2$, где \mathbb{R} — множество действительных чисел со стандартной топологией. Положим $\mathbb{R}_{<}^2 = \{(t, t') \in \mathbb{R}^2 : t < t'\}$. Любой элемент $(s, t; s', t')$ множества V , в дальнейшем называемый *ситуацией*, представляет собой упорядоченную пару наблюдений за переменной в моменты времени t и t' . Сравнение темпов роста осуществляется посредством полного тран-

зитивного бинарного отношения (полного предпорядка) \succ на V , называемого в дальнейшем *отношением темпа роста* (ОТР). Так запись $(s, t; s', t') \succ (r, \tau; r', \tau')$ означает, что средний темп роста за период с t по t' в ситуации $(s, t; s', t')$ не ниже, чем средний темп роста за период с τ по τ' в ситуации $(r, \tau; r', \tau')$. Далее \sim и \succ — симметричная и асимметричная части отношения \succ , соответственно. Функция $I: V \rightarrow \mathbb{R}$ называется числовым представлением отношения \succ , если $v \succ v' \Leftrightarrow I(v) \geq I(v')$.

Понятие ОТР тесно связано с семействами отношений межвременного выбора на множестве $S \times \mathbb{R}$ датированных значений переменной. Семейство бинарных отношений $\{\succeq_d, d \in D \subseteq \mathbb{R}\}$ на $S \times \mathbb{R}$ (далее \sim_d и \triangleright_d — симметричная и асимметричная части \succeq_d) называется *семейством отношений межвременного выбора* (COMB), если выполнены следующие три условия:

1. *Полнота*: $\forall d \in D \succeq_d$ — полное отношение.
2. *Монотонность*: $(s, t) \succeq_d (s', t'), t < t' \Rightarrow (s, t) \triangleright_{d'} (s', t') \forall d' > d$.
3. *Разрешимость*: $\forall (s, t), (s', t'), t \neq t' \exists d \in D: (s, t) \sim_d (s', t')$.

Свойства 1–3 допускают простую экономическую интерпретацию. Так, согласно 1, любые два элемента множества $S \times \mathbb{R}$ сравнимы. В силу свойства 2, с ростом параметра d более позднее из датированных значений (s, t) и (s', t') становится менее предпочтительным. Это позволяет интерпретировать параметр d как (субъективную) норму дисконта. Свойства 2 и 3 гарантируют существование для любых (s, t) и $(s', t'), t \neq t'$ единственной нормы дисконта d , при которой датированные значения (s, t) и (s', t') безразличны для экономического агента. Проводя аналогию с показателями оценки эффективности инвестиций, данную норму дисконта естественно назвать «внутренней нормой доходности» (internal rate of return, IRR).

Всякое COMB порождает ОТР с числовым представлением $(s, t; s', t') \mapsto d: (s, t) \sim_d (s', t')$. Как показывает следующая лемма, данный способ получения ОТР универсален.

Лемма 1.

Для ОТР \succ следующие утверждения эквивалентны:

- (a) \succ допускает числовое представление;
- (b) \succ порождено некоторым COMB.

Лемму 1 проиллюстрируем несколькими примерами.

Рассмотрим COMB $\{\succeq_d, d \in \mathbb{R}\}$ с экспоненциальным дисконтированием,

$$(s, t) \succeq_d (s', t') \Leftrightarrow e^{-dt} u(s) \geq e^{-dt'} u(s'),$$

где u — непрерывное сюръективное отображение множества S на множество положительных действительных чисел \mathbb{R}_{++} , интерпретируемое как функция полезности, описывающая неменяющуюся со временем систему предпочтений агента на множестве S . Данное COMB порождает ОТР с числовым представлением

$$(s, t; s', t') \mapsto \frac{\tilde{u}(s') - \tilde{u}(s)}{t' - t}, \quad (*)$$

где $\tilde{u} = \ln u$. Числовое представление $(*)$ допускает простую интерпретацию — оно измеряет средний темп роста полезности агента в единицу времени.

Другим важным примером, непосредственно обобщающим предыдущий, служит COMB $\{\succeq_d, d \in \mathbb{R}\}$ с линейно-мультипликативным дисконтированием,

$$(s, t) \succeq_d (s', t') \Leftrightarrow u(s)g(t)^d \geq u(s')g(t')^d,$$

где u обладает перечисленными выше свойствами, а функция $g: \mathbb{R} \rightarrow \mathbb{R}_{++}$ непрерывна и строго убывает. Здесь $t \mapsto g(t)^d$ описывает дисконтирующую функцию, соответствующую норме

дисконта d . Выбор названия семейства мотивирован тем, что мгновенная ставка дисконтирования, $-d g'(t)/g(t)$, существует почти всюду и линейно зависит от параметра d . Данное COMB порождает ОТР с числовым представлением

$$(s, t; s', t') \mapsto \frac{\tilde{u}(s') - \tilde{u}(s)}{\tilde{g}(t') - \tilde{g}(t)},$$

где $\tilde{g} = -\ln g$.

Дальнейшим обобщением является COMB $\{\succeq_d, d \in \mathbb{R}\}$ с мультипликативным дисконтированием,

$$(s, t) \succeq_d (s', t') \Leftrightarrow u(s)g(d, t) \geq u(s')g(d, t'),$$

где функция $g: \mathbb{R}^2 \rightarrow \mathbb{R}_{++}$ непрерывна и для любых фиксированных $(t, t') \in \mathbb{R}_<^2$ функция $d \mapsto g(d, t)/g(d, t')$ строго возрастает и сюръективно отображает \mathbb{R} на \mathbb{R}_{++} . Не умаляя общности, функция g может быть выбрана таким образом, что $g(\cdot, t_0) \equiv 1$, где t_0 — произвольный фиксированный момент времени. При выбранной нормировке $g(d, t)$ представляет собой коэффициент дисконтирования, соответствующий моменту времени t и норме дисконта d , при этом приведение осуществляется к моменту времени t_0 .

Наконец, примером, обобщающим все предыдущие, является COMB $\{\succeq_d, d \in \mathbb{R}\}$ с относительным дисконтированием [2],

$$(s, t) \succeq_d (s', t') \Leftrightarrow u(s)h(d, t, t') \geq u(s'),$$

где функция $h: \mathbb{R}^3 \rightarrow \mathbb{R}_{++}$ обладает следующими свойствами: $h(d, t', t) = 1/h(d, t, t')$, для любых фиксированных $(t, t') \in \mathbb{R}_<^2$ функция $h(\cdot, t, t')$ строго возрастает и сюръективно отображает \mathbb{R} на \mathbb{R}_{++} , сужение h на $\mathbb{R} \times \mathbb{R}_<^2$ непрерывно. Число $h(d, t, t')$ интерпретируется как коэффициент дисконтирования, соответствующий моменту времени t , норме дисконта d и дате приведения t' . В отличие от [2], мы не требуем непрерывности функции $h(d, \cdot, \cdot)$ на диагонали, допуская тем самым возможность так называемого эффекта present bias. Данный эффект проявляется в повышенной оценке агентом текущего потребления по сравнению с отложенным и может моделироваться, например, используя квазигиперболическую дисконтирующую функцию, $h(d, t, t') = \exp(-d(t - t') - \beta \operatorname{sgn}(t - t'))$, $\beta > 0$, терпящую разрыв в точках $t = t'$. Элементы данного COMB в общем случае нетранзитивны.

Аксиомы и основные результаты. В данном разделе показано, что ОТР, порождаемые введенными в предыдущем разделе примерами COMB, могут быть характеризованы посредством нескольких легко интерпретируемых свойств, перечисленных ниже.

- 0°. *Невырожденность*: $\succ \neq V \times V$.
- 1°. *Непрерывность*: множество \succ замкнуто в топологии прямого произведения на $V \times V$.
- 2°. *Монотонность*: $(s, t; s', t') \succ (r, t; r', t')$ и $(s', t'; s'', t'') \succ (r', t'; r'', t'')$ влечет $(s, t; s'', t'') \succ (r, t; r'', t'')$, причем, если хотя бы одно из неравенств строгое, то таково же и следствие.
- 3°. *Нейтральность*: $(s, t; s, t') \sim (r, t; r, t')$.
- 4°. *Неограниченность*: для любых $t < t' < t''$ и $s, s' \in S$ (соответственно, $s', s'' \in S$) найдется $s'' \in S$ (соответственно, $s \in S$), такое, что $(s, t; s', t') \sim (s', t'; s'', t'')$.
- 5°. *Усредняемость*: $(s, t; s', t') \sim (s', t'; s'', t'')$ влечет $(s, t; s', t') \sim (s, t; s'', t'')$.
- 6°. *Сепарабельность*: если $(s, t; s', t') \not\sim (s, t; s, t')$, то $(s, t; s', t') \sim (s, \tau; s', \tau')$ влечет $(r, t; r', t') \sim (r, \tau; r', \tau')$ для любых $r, r' \in S$.
- 7°. *Инвариантность относительно сдвига времени*: $(s, t; s', t') \sim (s, t + \tau; s', t' + \tau) \forall \tau \in \mathbb{R}$.
- 8°. *Ковариантность относительно выбора единицы измерения времени*: $(s, t; s', t') \succ (s, \tau; s', \tau')$ влечет $(s, a + b; s', a\tau' + b) \succ (s, a\tau + b; s', a\tau' + b) \forall a > 0, b$.

Можно показать, что если пространство S не является псевдокомпактным (то есть на S существует неограниченная непрерывная вещественная функция), что мы далее и будем предполагать, то системы аксиом/свойств $(0^\circ-6^\circ)$, $(0^\circ-5^\circ, 7^\circ)$ и $(0^\circ-5^\circ, 8^\circ)$ независимы (любые шесть из них не влекут пятую). В противном случае они несовместны. Свойства $0^\circ-8^\circ$ допускают естественную интерпретацию. Так, свойство 0° делает задачу измерения среднего темпа роста нетривиальной. Свойство 1° является стандартным техническим предположением. В соответствии с ним, малые изменения характеристик ситуации не приводят к значительным изменениям в упорядочивании их по средним темпам роста. Для интерпретации свойства 2° проведем синхронные наблюдения за двумя однотипными переменными. Тогда, согласно свойству 2° , если средний темп роста одной из них за каждый из двух последовательных подпериодов был не ниже среднего темпа роста другой, то тоже соотношение должно быть выполнено и для их средних темпов роста за объединенный период. Свойство 3° представляет собой ординальную формулировку требования, согласно которому средний темп роста равен нулю, если значение переменной не изменилось за рассматриваемый промежуток времени. Заметим, что свойства 2° и 3° хорошо известны в области измерения изменений (сдвига) и аксиоматической кардинальной полезности [3; 4, глава 4]. В силу свойства 4° , переменная может расти/снижаться с одним и тем же темпом роста на протяжении неограниченного промежутка времени. Согласно свойству 5° , если средние темпы роста за два последовательных промежутка времени равны, таким же будет и средний темп роста за объединенный период. В силу свойства 6° , средний темп роста представляет собой композицию двух эффектов, отвечающих за изменение переменной и изменение времени. Согласно свойству 7° , зависимость среднего темпа роста в ситуации $(s, t; s', t')$ от моментов времени t и t' проявляется через их разность. Наконец, в силу свойства 8° , упорядочивание ситуаций по средним темпам роста не зависит от выбора единицы измерения времени.

Всякому ОТР и моментам времени $t < t'$ может быть сопоставлено полное транзитивное бинарное отношение $\succ_{t,t'}$ на множестве S^2 согласно правилу $(s, s') \succ_{t,t'} (r, r') \Leftrightarrow (s, t; s', t') \succ (r, t; r', t')$. Данное отношение измеряет эффект, получаемый агентом в связи с переходом переменной из одного состояния в другое. Как показывает следующая лемма, при справедливости свойств $1^\circ-3^\circ$ данное отношение не зависит от моментов времени t, t' и допускает разностное числовое представление, $(s, s') \succ_{t,t'} (r, r') \Leftrightarrow \tilde{u}(s') - \tilde{u}(s) \geq \tilde{u}(r') - \tilde{u}(r)$, являющееся общепринятым в области измерения изменений и аксиоматической кардинальной полезности [3; 4, глава 4].

Лемма2.

Для ОТР \succ следующие утверждения эквивалентны:

- ОТР обладает свойствами $1^\circ-3^\circ$;
- найдутся непрерывные функции $\tilde{u} : S \rightarrow \mathbb{R}$ и $I : \{\tilde{u}(s') - \tilde{u}(s) \mid s, s' \in S\} \times \mathbb{R}_+^2 \rightarrow \mathbb{R}$ такие, что I строго возрастает по первому аргументу и $(s, t; s', t') \mapsto I(\tilde{u}(s') - \tilde{u}(s), t, t')$ является числовым представлением \succ .

Следующее утверждение составляет основной результат работы. Оно, совместно с леммой 1, устанавливает взаимосвязь ОТР, обладающих рядом естественных свойств (аксиом), с несколькими классическими моделями межвременного выбора.

Утверждение1.

- ОТР обладает свойствами $0^\circ-4^\circ$ тогда и только тогда, когда оно порождено COMB с относительным дисконтированием.
- ОТР обладает свойствами $0^\circ-5^\circ$ тогда и только тогда, когда оно порождено COMB с мультипликативным дисконтированием.
- ОТР обладает свойствами $0^\circ-6^\circ$ тогда и только тогда, когда оно порождено COMB с линейно-мультипликативным дисконтированием.

- (d) Системы аксиом/свойств $(0^\circ-5^\circ, 7^\circ)$ и $(0^\circ-5^\circ, 8^\circ)$ эквивалентны. ОТР обладает данными свойствами тогда и только тогда, когда оно порождено СОВБ с экспоненциальным дисконтированием.

Утверждение 1 может рассматриваться двояко, либо как характеристика соответствующих ОТР, либо как аксиоматизация порождающих их семейств отношений межвременного выбора.

Заключение. В работе предложен унифицированный подход к измерению среднего темпа роста переменной с произвольной связной областью значений. В рамках рассматриваемого подхода справедливы следующие выводы:

- функциональный вид показателя среднего темпа роста должен определяться, среди прочего, предпочтениями экономического агента, ассоциированного с задачей (функцией полезности агента на множестве значений переменной S);
- показатели среднего темпа роста допускают дуальное представление посредством семейств отношений межвременного выбора;
- средний темп роста представляет собой «внутреннюю норму доходности», то есть ставку дисконта, при которой агент безразличен между начальным и конечным датированными состояниями переменной;
- показатели среднего темпа роста, соответствующие некоторым важным семействам отношений межвременного выбора, могут быть характеризованы посредством небольшого числа легко интерпретируемых свойств/аксиом;
- если зависимость от дат наблюдений проявляется через их разность или же упорядочивание по средним темпам роста не зависит от выбора единицы измерения времени, то (с точностью до строго возрастающего преобразования) единственно разумный показатель среднего темпа роста имеет вид (*).

Библиографический список

1. Alexeev A. G., Sokolov M. V. 2014. A theory of average growth rate indices // *Mathematical Social Sciences*. Vol. 71. P. 101–115.
2. Ok E. A., Masatlioglu Y. 2007. A theory of (relative) discounting // *Journal of Economic Theory*. Vol. 137(1). P. 214–245.
3. Köbberling V. 2006. Strength of preferences and cardinal utility // *Economic Theory*. Vol. 27. P. 375–391.
4. Krantz D. H., Luce R. D., Suppes P., Tversky A. 1971. *Foundations of measurement* (Vol. 1). New York: Academic Press.

Цыбатов В. А.

Самарский государственный экономический университет,
Российская Федерация, 443090, Самара, ул. Советской Армии, 141
tva82@yandex.ru

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА: МОДЕЛИ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация: Целью настоящего исследования является разработка методического инструментария и информационных технологий макроэкономического моделирования и стратегического планирования энергоэффективного развития субъекта Российской Федерации. Задача энергоэффективного развития субъекта РФ сведена к поиску согласованных сценариев развития экономики региона и топливно-энергетического комплекса (ТЭК), при которых достигается максимальное приближение к целевым значениям энергоиндикаторов, характеризующим региональное развитие как энергоэффективное. Разработана динамическая многоотраслевая модель экономики и энергетики (ТЭК), которая описывает процессы производства, переработки, транспортировки и использования всех видов топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) в регионе во взаимосвязи с социально-экономическими процессами. Предложена методология прогнозирования сбалансированного развития экономики и ТЭК, в рамках которой обеспечивается сведение и итеративное согласование прогнозов энергопотребления и производства энергоресурсов на основе формирования регионального топливно-энергетического баланса (ТЭБ). На основе представленных в статье методов и моделей реализованы информационные технологии ситуационного прогнозирования и стратегического планирования в виде прогнозно-аналитического комплекса «Экономика-Энергетика», нацеленного на поддержку управленческих решений органов региональной власти в задачах повышения энергоэффективности и энергобезопасности субъекта РФ.

Ключевые слова: регион, энергоэффективное развитие, энергетические индикаторы, моделирование, прогнозирование, стратегическое планирование.

Tsybatov V. A.

Samara State University of Economics,
Russian Federation, 443090, Samara, Sovetskoi Armii str., 141

ENERGY EFFICIENT DEVELOPMENT OF THE REGION: MODELS AND INFORMATION TECHNOLOGIES

Abstract: The main purpose of this article is to develop methodological tools and information technologies for macroeconomic modeling and strategic planning of energy-efficient development of the Russian Federation region. The task of energy-efficient development of the region of the Russian Federation is reduced to the search for agreed scenarios of development of fuel and energy complex and the region's economy, for which is achieved maximum approximation to the stated goals for the set of energy indicators. The author developed a model of the fuel and energy complex (FEC) of the region as a dynamic CGE-model in the composition of model of the economy of the region. This model represents the interrelated processes of production, processing, transportation and use of all types of fuel and energy resources in the region. The forecasting methodology balanced development of the economy and fuel and energy complex is proposed. This methodology provides iterative negotiation of forecasts of consumption and production of energy based on regional energy balance (TEB) calculated in natural and monetary form. Based on the developed methods and models are implemented information technology of situational forecasting and strategic planning in the form of a predictive-analytical complex «Economy-Energy» with is aimed to support managerial decisions of regional authorities in the task of improving energy-efficiency and energy-security of the region.

Keywords: region, energy efficient development, energy indicators, modeling, forecasting, strategic planning.

Энергоэффективность и принцип «energy efficiency first» лежат в основе энергетической стратегии Европейского Союза. Европейская комиссия по энергетике определила содержание и цели энергоэффективного развития ЕС на 2020 и 2030-е годы (European Commission, 2018).

Предполагается повысить энергоэффективность на всех этапах энергетической цепи, от генерации до конечного потребления. При этом выгоды от энергоэффективности должны перевесить затраты, поэтому меры ЕС сосредоточены на секторах, где потенциал сбережений является наибольшим, например, на уменьшении затрат на отопление и охлаждение жилых и производственных зданий, которые составляют половину потребления энергии ЕС.

Несколько другие принципы положены в основу проекта Энергетической стратегии России на период до 2035 г. [1], где под энергоэффективным развитием региона понимается создание устойчивой и способной к саморегулированию системы обеспечения региональной энергетической безопасности с учетом оптимизации территориальной структуры производства и потребления топливно-энергетических ресурсов (ТЭР). Целевые энергоиндикаторы стратегии предполагают: снижение удельных расходов на производство ТЭР, увеличение производства основных энергоресурсов, увеличение объемов экспорта первичной энергии, снижение удельных показателей выбросов загрязняющих веществ, снижение уровня эмиссии парниковых газов, снижение удельной энергоемкости и электроемкости валового регионального продукта (ВРП).

Заметим, что целевые ориентиры для энергоиндикаторов могут противоречить целям региональной экономики в целом, например, требование снижения энергоемкости ВРП может противоречить решению развивать энергоемкие отрасли, или экспортоориентированное развитие может снижать энергобезопасность региона. Поэтому целевые установки энергоэффективного развития субъекта РФ должны быть сбалансированы с целевыми установками социально-экономического развития региона. То есть эффективность энергетических решений необходимо увязывать с общеэкономической эффективностью регионального развития.

В связи с этим задачу энергоэффективного развития региона целесообразно свести к поиску согласованных сценариев развития экономики региона и ТЭК, при которых достигается максимальное приближение выбранной системы экономических и энергетических индикаторов к целям, характеризующим развитие региональной экономики как эффективное. При этом экономически эффективное развитие (рост благосостояния населения) балансируется с ростом энергоэффективности процессов производства, преобразования, распределения и конечного потребления всех видов ТЭР.

Для решения поставленной задачи необходимы прогнозно-аналитические комплексы и информационные технологии, которые позволяли бы региональным органам власти осуществлять научно обоснованные прогнозы последствий принимаемых управленческих решений, формировать сбалансированные системы целевых ориентиров энергоэффективного развития региона и оценивать их достижимость.

В литературе описано большое количество систем поддержки управленческих решений в энергетике — от систем, область применения которых ограничивается управлением отдельными энергоносителями, до сложных систем, рассматривающих энергетику в целом как неотъемлемую часть экономики, обзоры которых даны в [2; 3]. Однако наибольший прагматический интерес представляют российские исследования в сфере моделирования и прогнозирования энергетики, поскольку в них в большей степени учитываются особенности национальных институтов управления и статистического описания объектов моделирования. Наиболее продвинутая технология прогнозирования энергетического развития разработана в Институте энергетических исследований РАН (ИНЭИ РАН) [4]. Эта технология уже много лет используется для прогнозирования российской энергетики. Главной особенностью этой технологии является формирование непротиворечивой и взаимосогласованной системы прогнозов объемов потребления энергоресурсов экономикой страны и объемов производства основных видов топлива и энергии отраслями ТЭК. Анализ литературных источников показывает, что систем, подобных разработанной в ИНЭИ РАН, на региональном уровне на настоящий момент нет, а близкие по сути зарубежные разработки не учитывают важные особенности российской региональной энергетики и не имеют адекватной информации в необходимой детализации.

Целью настоящего исследования являлась разработка методов, моделей и информационных технологий для поддержки управленческих решений органов региональной власти в задачах повышения энергоэффективности и энергобезопасности региональной экономики. Раз-

работанные методы и информационные технологии оформлены в виде прогнозно-аналитического комплекса «Энергетика-Экономика», нацеленного на прогнозирование и стратегическое планирование энергоэффективного развития региона.

Формальная постановка задачи. Задача энергоэффективного развития региона сводится к поиску согласованных сценариев развития ТЭК и экономики региона, при которых достигается максимальное приближение индикаторов регионального развития к целям, характеризующим развитие региональной экономики как *энергоэффективное* с точки зрения эффективности процессов производства, преобразования, распределения и конечного потребления всех видов ТЭР.

Обозначим индикаторы регионального развития $E(t) = [E_{econ}(t), E_{ener}(t)]^T$, где E_{econ} — вектор индикаторов, характеризующий социально-экономическое развитие региона (уровень благосостояния населения и потенциал региональной экономики), а E_{ener} — вектор энергоиндикаторов, характеризующий развитие региональной экономики с точки зрения энергоэффективности. Обозначим $E^0(t) = [E_{econ}^0(t), E_{ener}^0(t)]^T$ — вектор целевых значений, установленных для индикаторов развития на горизонте стратегирования $[0, t_T]$ в точках $t = t_1, t_2, \dots, t_T$, причем, вектор целевых установок для энергоиндикаторов $E_{ener}^0(t)$ имеет смысл целевого плана на энергоэффективного развития.

Формально задачу энергоэффективного развития региона (субъекта РФ) можно свести к следующей задаче многокритериальной оптимизации:

$$\|E(U, t) - E^0(t)\| \rightarrow \min_{U(t) \in D_U}; \quad t = t_1, t_2, \dots, t_T; \quad (1)$$

$$E(U, t) = M_E(R, U, t); \quad (2)$$

$$dR(t)/dt = M_R(R, U, t); \quad (3)$$

$$R(t) \in D_R(U, t). \quad (4)$$

Здесь: $M_E(U, t)$ — модель наблюдения, позволяющая рассчитывать оценки значений индикаторов $E(t)$ для того или иного сценария развития региональной экономики и ТЭК:

$$U(t) = [U_{econ}(t), U_{FEC}(t)]^T, \quad U(t) \in D_U, \quad (5)$$

где $U_{econ}(t)$ — вектор сценарных параметров развития региональной экономики; $U_{FEC}(t)$ — вектор сценарных параметров развития ТЭК; D_U — пространство управленческих решений; $R = [r_1, r_2, \dots, r_m]^T$ — вектор ресурсов региона; $M_R(R, U, t)$ — модель региона; $D_R(U, t)$ — ресурсные ограничения.

Модели и методы решения. Решение задачи (1) — (4) во многом зависит от выбранной системы индикаторов $E(t)$ и целевых установок для них $E^0(t)$, которые должны ответить на вопрос, какое экономическое развитие рассматривается как энергоэффективное с точки зрения эффективности процессов производства, преобразования, распределения и конечного потребления ТЭР. При формировании системы экономических индикаторов E_{econ} автор опирался на предложения комиссии Стиглица—Сена—Фитусси, в которых предлагается выделять следующие компоненты благосостояния: материальные условия жизни (экономическое благосостояние), качество жизни (немонетарная характеристика благосостояния) и воспроизводственный потенциал экономики.

При формировании системы энергоиндикаторов E_{ener} использовались нормативно-правовые документы, определяющие понятия «энергоемкость», «энергоэффективность», «энергобезопасность» и «энергосбережение» (ГОСТ 31607-2012; ГОСТ 31532-2012), а также материалы Европейской комиссии по энергетике. При подборе энергоиндикаторов учитывались требования полноты, непротиворечивости, а также статистической измеримости индикаторов, то есть чтобы используемые индикаторы рассчитывались региональной статистикой.

Поскольку ТЭК региона тесно связан с другими секторами экономики и сторонами жизни общества, то модель ТЭК разрабатывалась в составе модели социально-экономической деятельности региона в целом. За основу взята модель субъекта РФ, разработанная автором в классе CGE-моделей [5]. В основу модели ТЭК положен региональный топливно-энергетический баланс (ТЭБ), связывающий воедино процессы производства, преобразования и конечного потребления всех видов ТЭР, используемых в регионе. При формировании регионального ТЭБ использовалась официальная методология составления ТЭБ субъектов РФ (Министерство энергетики РФ. Приказ от 14 декабря 2011 г. № 600) и Российской Федерации (Федеральная служба государственной статистики. Приказ от 4 апреля 2014 г. № 229), а также рекомендации МЭА и Евростата.

Автором разработана информационная технология прогнозирования сбалансированного развития экономики и ТЭК, в рамках которой обеспечивается сведение и итеративное согласование прогнозов энергопотребления и производства энергоресурсов на основе формирования регионального ТЭБ. Новизной этой методологии является то, что ТЭБ, формируемый в рамках модели ТЭК, является частью общего регионального продуктово-секторного баланса, формируемого для региона в целом и играющего роль «баланса балансов», что позволяет через межбалансовые связи моделировать взаимовлияние ТЭК и остальной экономики. Поиск оптимального решения проводится методом итераций с помощью специально разработанного решателя [5]. Разработанная технология апробирована при прогнозировании развития Самарской области по сценариям Энергетической стратегии России на период до 2035, адаптированным для субъекта РФ.

Стратегическое планирование энергоэффективного развития субъекта РФ сведено к поиску согласованных сценариев развития ТЭК и экономики региона, при которых достигается максимальное приближение к целевым установкам для предложенной системы экономических и энергетических индикаторов.

Введем критерий Φ , характеризующий суммарное относительное отклонение вектора индикаторов $E(t) = [E_{econ}(t), E_{ener}(t)]^T = [e_1(t), e_2(t), \dots, e_N(t)]^T$ от целевых траекторий $E^0(t) = [E_{econ}^0(t), E_{ener}^0(t)]^T = [e_1^0(t), e_2^0(t), \dots, e_N^0(t)]^T$ в точках измерения $t \in [t_1, t_2, \dots, t_T]$:

$$\Phi(U, t) = \left\{ \sum_{i=1}^N \left\{ g_i \sum_{k=1}^T \left| \frac{e_i(U(t_k))}{e_i^0(t_k)} - 1 \right| \right\} \right\}. \quad (6)$$

Здесь N — общее количество индикаторов (экономических и энергетических); g_i — значимость (вес) i -го индикатора; T — количество точек на интервале стратегирования.

Задача поиска энергоэффективного варианта развития сведется к следующей задаче оптимизации: найти допустимый сценарий развития экономики региона и ТЭК $U(t)$, минимизирующий общую «неудовлетворенность» от недостижения целей $E^0(t)$, установленных для общей системы индикаторов $E(t)$ в точках $t = t_1, t_2, \dots, t_T$ на горизонте стратегирования:

$$\min_{U(t) \in D_U} \Phi(U(t)) = \min_{U(t) \in D_U} \left\{ \sum_{i=1}^N \left\{ g_i \sum_{k=1}^T \left| \frac{e_i(U(t_k))}{e_i^0(t_k)} - 1 \right| \right\} \right\}. \quad (7)$$

Здесь индикаторы $e_1(U(t), e_2(U(t), \dots, e_N(U(t))$ рассчитываются на модели региона $M_E(U, t)$ при решении прямой задачи сценарного прогнозирования (2)–(4) для сценария развития $U(t)$, принадлежащего пространству управленческих решений D_U , заданному в виде допустимых интервалов регулирования сценарных параметров.

В [5] предложен эффективный матричный метод решения задачи (7) для многих десятков целей (N), сотен управляющих переменных и глубоких горизонтов прогнозирования (T). Разработанный на основе матричного метода решатель автоматически формирует сценарии развития, при которых значения индикаторов $E(t)$ максимально близко приближаются к уста-

новленным целям $E^0(t)$ с учетом значимости этих индикаторов (весов g_i) и ресурсных ограничений на управляющие воздействия $U(t)$.

Благодарность. Доклад подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ №26.4131.2017/ПЧ, проект «Разработка методов и информационных технологий макроэкономического моделирования и стратегического планирования энергоэффективного развития топливно-энергетического комплекса субъекта Российской Федерации».

Библиографический список

1. Проект Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года. 1 февр. 2017 г. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1920> (дата обращения: 10.03.2017).
2. Borges A. R., Antunes C. H. 2003. A fuzzy multiple objective support model for energy-economy planning // European Journal of Operational Research. No. 145. P.304–316.
3. Jebaraj S., Iniyan S. 2006. A review of energy models // Renewable and Sustainable Energy Reviews. No. 10. P.281–311.
4. Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России. 2015 / под ред. А. А. Макарова, Л. М. Григорьева, Т. А. Митровой. М.: ИНЭИ РАН-АЦ при Правительстве РФ. 400 с.
5. Цыбатов В. А. 2016. Макроэкономическое моделирование, прогнозирование и планирование регионального развития. Самара: Изд-во Самарск. гос. экон. ун-та. 316 с.

Халин В. Г., Чернова Г. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
v.halin@spbu.ru; g.chernova@spbu.ru

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: Современным трендом мирового развития экономики и общества, который пришел на смену информатизации и компьютеризации, является цифровизация. Ключевым фактором успешного развития цифровой экономики в России является своевременная подготовка высококвалифицированных кадров, способных создать современную информационно-коммуникационную инфраструктуру в нашей стране. В контексте подготовки кадров для цифровой экономики в докладе представлен анализ современного состояния российской высшей школы, а также рассмотрены соответствующие вызовы, угрозы и риски цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая экономика; высшая школа; высококвалифицированные кадры; угрозы и риски.

Khalin V. G., Chernova G. V.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

PREPARING PROFESSIONALS FOR THE DIGITAL ECONOMY OF RUSSIA: STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract: The modern trend of the world economy and society development, which has replaced informatization and computerization, is digitalization. A key factor in the successful development of the digital economy in Russia is the timely preparation of highly qualified personnel capable of creating a modern information and communication infrastructure in our country. In the context of training for the digital economy, the report presents an analysis of the current state of Russian higher education, as well as the relevant challenges, threats and risks of digitalization.

Keywords: digitalization; digital economy; higher school; highly qualified personnel; threats and risks.

Введение. Особенностью современного тренда развития мировой экономики и общества — цифровизации, является то, что она основана на цифровом преобразовании информации. Последнее означает резкое возрастание роли информации как важнейшего ресурса современного функционирования и развития любой национальной и всей мировой экономики и общества.

В последнее время на государственном уровне были приняты ряд ключевых решений и документов, которые зафиксировали стратегические цели формирования в России цифровой экономики. Среди них можно назвать следующие:

Указ Президента России от 7 мая 2017 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»;

Указ Президента России от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 — 2030 годы»;

Распоряжение Правительства России от 28 июля 2017 г. № 1632-р Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»;

Распоряжение Правительства России от 6 января 2015 г. № 7-р «О Перечне специальностей и направлений подготовки высшего образования, соответствующих приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики»;

Президиум Совета при Президенте России по модернизации и инновационному развитию экономики 24 октября 2018 г. утвердил национальный проект «Цифровая экономика», его паспорт на 2018–2024 гг. и бюджет проекта в размере 2,79 трлн руб. При этом национальный проект «Цифровая экономика» состоит из шести самостоятельных федеральных

проектов: «Информационная инфраструктура» с бюджетом 2,11 трлн руб.; «Нормативное регулирование цифровой среды» с бюджетом 1,85 млрд руб.; «Цифровое госуправление» с бюджетом 352 млрд руб.; «Кадры для цифровой экономики» с бюджетом 143 млрд руб.; «Цифровые технологии и проекты» с бюджетом 130 млрд руб.;

«Информационная безопасность» с бюджетом 29,5 млрд рублей.

Анализ приведенный выше документов позволяет утверждать, что подготовка высококвалифицированных кадров для цифровой экономики является одним из приоритетов в реализации государственной образовательной политики в России.

Высшая школа России и ее роль в подготовке кадров для цифровой экономики. Существенным фактором цифровизации и развития цифровой экономики являются знания, которыми обладают как специалисты по информационным технологиям, так и их реальные и потенциальные пользователи. Передать эти знания, привить определенные навыки работы в новых условиях и с современными цифровыми технологиями, прежде всего, должна российская высшая школа. Именно поэтому перед российской системой высшего образования цифровизация выдвигает задачи, требующие скорейшего решения. В настоящее время в российской экономике пока не хватает специалистов, обладающих знаниями, компетенциями и навыками, которые необходимы для цифровой трансформации. Так, потребность в подготовке специалистов по аналитической и творческой работе, способных к созданию новых знаний и технологий в сфере цифровизации и по их внедрению, к 2025 г. оценивается специалистами TheBostonConsultingGroup, World-Skills Russia и GlobalEducationFutures «Россия-2025: от кадров к талантам» в размере около 10 млн человек. У людей, работающих в разных сферах экономики, также пока нет четкого понимания сущности цифровизации и ее необходимости. Но так как общеэкономическим современным трендом, обеспечивающим повышение эффективности современного производства и повышения качества жизни, является цифровизация, изменение и совершенствование системы подготовки кадров для цифровой экономики становится неизбежным [1].

В целом необходимость учета тренда цифровизации в подготовке кадров в российской высшей школе определяет решение следующих основных задач:

- подготовку научных кадров высшей квалификации в области цифровизации, которые реально смогут создавать новые знания и прорывные технологии, а также обеспечат успешное создание в нашей стране информационной и коммуникационной инфраструктуры экономики будущего;
- подготовку высококвалифицированных специалистов для любых других отраслей и сфер деятельности российской экономики, включающую предоставление им новых знаний и навыков, обусловленных процессами цифровизации. Это, в частности, позволит им (специалистам) понимать и применять современные информационные технологии, обусловленные теми процессами цифровизации, которые происходят в их профессиональной деятельности;
- подготовку квалифицированных кадров (учителей, консультантов, тьюторов, наставников, экспертов) по распространению знаний по цифровой трансформации и обучению населения способам и методам применения цифровых технологий в обычной жизни. Понятно, что такие специалисты, прежде всего, должны обладать знаниями о различных цифровых технологиях, используемых населением, умением применять их самим и учить этому других. Ярким примером является вовлеченность всех граждан России в операции финансового рынка, обеспечивающие каждому человеку нормальный ритм и образ жизни. Активное присутствие граждан на финансовом рынке должно учитывать, во-первых, изменение под воздействием цифровизации самого финансового рынка и, во-вторых, возможность и обязательность освоения и использования на нем новых информационных технологий.

Внедрение цифровых технологий в любые области профессиональной деятельности и в повседневную жизнь граждан сталкивается, прежде всего, со следующими двумя проблемами, связанными с передачей и получением соответствующих знаний. Во-первых, высококлассные

специалисты по информационным технологиям имеют глубокие фундаментальные и профессиональные знания о возможностях цифровизации, но они могут не знать специфики ее приложения и применения в других сферах и областях. В то же время потребители — высококвалифицированные специалисты в других сферах деятельности, не всегда даже представляют себе, как их профессиональные знания могут им помочь при сотрудничестве со специалистами по ИТ-технологиям при решении вопросов улучшения их производственно-хозяйственной деятельности на основе цифровизации. Во-вторых, все знания, в частности связанные с цифровой трансформацией, можно разделить на явные и неявные. Под явными знаниями обычно понимается то, что может быть легко осознано, формализовано и поэтому передано другим. К неявным знаниям обычно относят те, которые связаны с получением умений и навыков, которые, как правило, не относятся к сугубо профессиональным компетенциям специалистов, а характеризуют личные качества и зачастую являются трудно осознаваемыми и поэтому тяжело формализуемыми и удобными для их передачи другим. К неявным знаниям, например, можно отнести следующие навыки: умение работать в команде, ответственность, коммуникабельность, стрессоустойчивость, обучаемость, аналитический склад ума, коммуникабельность, самоорганизованность и др. [2]. В этом контексте в подготовке высококвалифицированных ИТ-специалистов, помимо фундаментальных знаний, особое внимание должно быть уделено развитию творческого подхода и умения решать изобретательские задачи, а также освоение и получение за время обучения в вузе неявных знаний и навыков.

Заметим, что если подготовка высококвалифицированных специалистов в сфере цифровизации предполагает их заинтересованность в получении профессиональных знаний и навыков по цифровизации, то подготовка возможных профессиональных и обычных пользователей продуктов цифровизации дополнительно должна быть направлена на воспитание активных пользователей, сторонников информационной культуры труда и быта, желающих быть эффективными, и не мыслящих себя вне «цифрового» мира.

Особую роль в подготовке профессионалов для других сфер деятельности, активно воспринимающих цифровую трансформацию, приобретает получение ими знаний по основам цифровизации — в первую очередь по новым цифровым технологиям и их возможностям, а также приобретение ими как будущими пользователями определенных навыков работы с некоторыми из них. Знание специфики тех или иных цифровых технологий в высокой степени способствует возможной цифровой трансформации различных аспектов производственно-хозяйственной деятельности для самых разных субъектов экономики.

К сожалению, на пути решения обозначенных выше задач подготовки кадров для цифровой экономики, стоит целый ряд существенных проблем функционирования российской высшей школы, среди которых можно назвать следующие: сложившуюся в последнее время систему подготовки кадров, способных решать в основном стандартные, а не творческие задачи; неудовлетворительное качество управления на всех уровнях, а также недостойная система оплаты труда профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников в российских вузах. Оплата труда научно-педагогических работников в российских вузах помимо абсолютно низкого уровня, совершенно не учитывает дифференциацию сложного, творческого труда и труда простого, содержанием которого являются типовые умения и навыки. Так, например, в Германии денежное вознаграждение сложного труда по сравнению с простым составляет 174 %, в США — 261 %, в то время как в России — не более 20 %.

Влияние цифровизации на управление высшей школы России. Важным условием повышения эффективности функционирования и развития российской высшей школы в условиях перехода к цифровой экономике является решение вопросов влияния цифровизации на управление высшим образованием, так как именно через него (управление) можно воздействовать на существенные проявления цифровизации в отношении системы высшего образования — на преимущества, которые она дает, а также на вызовы, угрозы и риски, сопутствующие ей. Любые вызовы и угрозы, обусловленные влиянием цифровизации на российскую высшую школу, могут быть представлены как риски, описываемые параметрами «размер возможного отрицательного результата» и «вероятность наступления отрицательного результата» [3]. Помимо из-

вестных рисков управления высшей школой [4], под воздействием цифровизации появляются новые риски, конкретизирующие соответствующие вызовы и угрозы.

К числу дополнительных рисков управления высшей школой России, обусловленных влиянием на нее тренда цифровизации, можно отнести следующие:

- риски недостаточности участия государства в управлении высшей школой в условиях цифровизации;
- риски несовершенства, неподготовленности нормативно-правовой базы, сопровождающей процессы цифровизации в управлении высшей школой;
- риски нехватки высококвалифицированных кадров — управленцев высшим образованием, в условиях перехода к цифровой экономике;
- риски нехватки квалифицированных кадров в сфере ИКТ;
- риски практического применения в управлении высшей школой новых ИКТ и бизнес-моделей, основанных на цифровизации;
- риски неучета особенностей подготовки специалистов, реализующих цифровизацию, а также подготовки кадров для всех других сфер экономики — пользователей новых информационных и цифровых технологий;
- риски недопонимания проблемы значимости приобретения населением страны навыков использования информационных технологий в обычной жизни;
- сопутствующие риски, обусловленные изменением на основе цифровизации существующих ранее технологий управления и т. д.

В целях повышения эффективности и качества управления вся совокупность рисков, обусловленных влиянием цифровизации на управление высшей школой, может быть разбита на разные группы, например, на группы рисков, обусловленные: вызовами тренда цифровизации; возможными угрозами, обусловленными этими вызовами; сложностями перехода к новым цифровым технологиям; проблемами практического применения новых цифровых технологий в управлении высшей школой и т. д. Возможные отрицательные последствия, обусловленные реализацией рисков, отвечающих вызовам и угрозам цифровизации управлению высшей школой, по возможности должны быть минимизированы, по крайней мере в такой степени, когда возможные положительные последствия и преимущества цифровизации перекрывают потери, связанные с вызовами и угрозами. Только в этом случае можно говорить, что цифровизация будет способствовать эффективному управлению российской высшей школы в современных условиях ее развития. В целом, цифровизация на управление высшей школой России оказывает различное влияние. Она открывает новые возможности и преимущества развития высшего образования и управления им, но в то же время высвечивает определенные вызовы и угрозы, описываемые через риски. Для того чтобы цифровизация обеспечивала повышение эффективности и качества управления высшей школой, необходимо выявление всех групп рисков, обусловленных вызовами и угрозами цифровизации российской высшей школе и такое управление ими, которое снижало бы возможные отрицательные последствия и в целом способствовало повышению эффективности управления российским высшим образованием.

Заключение. Подготовка кадров для цифровой экономики является ключевым направлением деятельности российской высшей школы. Вместе с тем для достижения стратегических целей функционирования российской высшей школы по подготовке кадров для цифровой экономики необходимо решить такие ключевые проблемы, как подготовка и воспитание творческих и талантливых специалистов; отказ от сугубо административных методов управления; формирование благоприятных условий [5] для привлечения и удержаний высококвалифицированных преподавателей, профессоров и исследователей.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16-06-00221 «Математические методы исследования конкурентоспособности российских вузов на основе интеллектуального анализа данных».

Библиографический список

1. Халин В. Г., Чернова Г. В. 2018. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. № 10(118). С. 46–63.
2. Gadasina L. V., Voitenko S. S. 2017. Soft Skills of Developers in Software Engineering: View from the PhD Students' Side // InnoCSE 2017 — Proceedings of the 1st International Workshop on Innovative Approaches in Computer Science within Higher Education. P. 1–20.
3. Анохина Е. М., Бойко И. П., Болдырева Н. Б. и др. 2018. Глобальная конкурентоспособность ведущих университетов: модели и методы ее оценки и прогнозирования: монография / под общ. ред. В. Г. Халина. М.: Проспект. 544 с.
4. Анохина Е. М., Косов Ю. В., Халин В. Г., Чернова Г. В. 2016. Системные риски управления при реализации государственной политики в области образования и науки: анализ проблемной ситуации, риски и их идентификация // Управленческое консультирование. № 10(94). С. 8–26.
5. Создание университетов мирового класса. 2009 / Джамил Салми; пер. с англ. М.: Весь Мир. 132 с.

Кузнецова А. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.s.kuznetsova@spbu.ru

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: развитие информационных технологий дало импульс внедрению новых методик в образовательной деятельности. Поиск подходов к оценке их влияния на качество получаемых компетенций является предметом данного исследования.

Ключевые слова: высшее образование; онлайн-образование; оценка качества образования.

Kuznetsova A. S.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

EVALUATION OF THE IMPACT OF INFORMATION TECHNOLOGIES ON THE QUALITY OF EDUCATION

Abstract: The development of information technologies has given impetus to the introduction of new methods in the educational process. The research of assessing their impact on the quality of the obtained competencies is the subject of this article.

Keywords: higher education; on-line education; education quality assessment.

Экономика Российской Федерации на современном этапе характеризуется повсеместным распространением сети интернет интегрированием информационных технологий (IT, Information Technologies) во все сферы деятельности, в том числе образование. Использование компьютеров и специализированного программного обеспечения для хранения, обработки и передачи информации в учебном процессе все больше становится неотъемлемой частью системы образования. Эта тенденция начала распространяться на начальное и среднее образование, но в настоящее время наиболее выражена на уровне высшего образования.

Развитие информационных технологий дало импульс появлению и внедрению новых методик в образовательной деятельности, например, онлайн (on-line) обучение, которое может как дополнять, так и полностью заменять очное обучение. Новые образовательные технологии обладают большим потенциалом, влияющим на преподавание. Они мотивируют и вовлекают студентов в обучение, помогают расширить навыки, необходимые на рабочих местах в XXI в., тем самым подготавливая обучающихся к вызовам рынка труда. Информационно-коммуникативные технологии дают возможности обучающимся исследовать, открывать, создавать, эффективно и свободно общаться с преподавателями, получать и выполнять задания и получать обратную связь онлайн, инициировать и участвовать в онлайн-дискуссиях. Это облегчает преподавание, соединяет образовательную среду с внешним миром. Сотрудничество через коммуникацию, опосредованную технологиями, позволяет расширить границы и вовлечь в совместные исследования более широкое число участников, например, коллег из смежных направлений или других образовательных учреждений. Электронные формы взаимодействия поддерживают также развитие навыков, необходимых обществу, ориентированному на устойчивое экономическое развитие и социальные преобразования: навыки управления большими объемами информации, удаленного общения и сотрудничества, а также способность создавать и творчески применять новые технологии для решения поставленных задач.

Выстраивание образовательной модели с применением IT-технологий является одной из задач в образовательном процессе и заслуживает отдельного внимания. Поиск оптимального соотношения между цифровыми и традиционными каналами передачи информации — это то, с чем сталкивается система образования на современном этапе.

Большое значение для оценки воздействия ИТ технологий имеют такие вопросы, как: доступность цифровых технологий в среде, в которой осуществляется преподавание и обучение, уровень интеграции технологий, квалификация обучающихся и преподавателей в области ИТ-технологий, их отношение к ИТ, методология преподавания и обучения. Исследователи должны сосредоточиться на каждой из этих проблем, чтобы определить, дает ли внедрение технологий в преподавание и обучение желаемый и максимальный эффект, или иначе какие факторы препятствуют реализации ожидаемых результатов. Специалисты по управлению определяют, какие ИТ-ресурсы использовать для улучшения качества освоения компетенций и удовлетворения потребностей общества в высококвалифицированных специалистах. Это могут быть, например, как уже ставшие традиционными учебные системы типа Moodle или Blackboard, так и социальные медиаприложения, такие как Вконтакте, Facebook, Twitter, и YouTube, которые очень популярны среди обучающихся [1]. Или же платформы дистанционного образования типа Coursera.

С одной стороны, при внедрении ИТ-технологий наблюдается облегчение общения и обмена материалами между преподавателем и обучающимися. С другой стороны, отмечается негативное влияние на посещаемость занятий и, как следствие, риск снижения качества освоения компетенций. Здесь можно сделать предположение о том, что направленность влияния ИТ определяется тем, каким образом происходит совмещение традиционных и онлайн-технологий. Являются ли последние дублирующими очный процесс, то есть замещающими, или же дополняют его?

Каково же должно быть соотношение ИТ и традиционных технологий? Должно ли это соотношение регулироваться на государственном уровне, уровне образовательной организации или же преподаватель самостоятельно может устанавливать границы применения различных технологий? Очевидно, что однозначного ответа дать нельзя. Для разных направлений подготовки это соотношение будет различным. Для одних может быть полное замещение очного обучения на онлайн, для других — возможно только очное, для третьих — приемлемы комбинированные методы. Несомненно, одним из критериев при принятии решения является качество формирования компетенции той или иной технологией. Именно сформированные компетенции, с одной стороны, показывают качество обучения и применяемых технологий, с другой стороны, определяют востребованность выпускника на рынке труда. Оценка влияния ИТ-технологий в обучении требует проведения отдельных исследований и разработки специализированного инструментария.

Исследование сравнительного влияния различных информационных технологий в образовании имеет ряд проблем, связанных с неразвитостью методик оценивания в этой сфере. В первую очередь возникает задача разработки математического инструментария, дающего возможность сделать количественные выводы относительно эффективности применяемой технологии со стороны качества формирования компетенции. Получение объективной оценки особенно важно для определения направлений развития сферы высшего образования в долгосрочной перспективе [2].

В основу решения поставленной задачи возможно положить байесовские методы [3]. Данная концепция заключается в том, что первоначально выделяется некоторое событие и задается его вероятность. Например, «применяемая технология является «хорошей», «применяемая технология успешно формирует заявленную компетенцию».

По статистике предыдущих периодов может быть оценена условная вероятность того, что применяемая технология, сформировавшая компетенцию, является «хорошей». И наоборот, на основе классической формулы Байеса можно рассчитать условную вероятность того, что технология является «хорошей», если она сформировала компетенцию. Полученное значение вероятности можно интерпретировать как характеристику качества компетенции. Чем ближе значение к единице, тем лучше компетенция выделяет «хорошие» технологии, позволяющие ее успешно сформировать, из общей массы проверяемых, и представления исследователей о доли «хороших» технологий близки к реальности.

По формуле полной вероятности можно определить вероятность того, что компетенция будет сформирована независимо от типа технологии. Сопоставление полученного значения

с эмпирическими оценками, которые могут быть апостериорно получены после проведения контрольно-тестовых мероприятий как доли сформировавших компетенцию технология к их общей численности, является прямой практической проверкой предлагаемой методики оценивания.

Получение предварительных оценок применяемых технологий является несомненным преимуществом предлагаемого подхода и дает возможности определения стратегических направлений развития образовательной организации. В исследованиях, оценивающих влияние технологий, возможно использовать также комбинацию количественных и качественных методов, что позволит компенсировать слабые стороны одного метода сильными сторонами другого, тем самым получая подробный и заслуживающий доверия результат.

Следующим шагом после получения предварительных оценок является интеграция «эффективных» ИТ-технологий в обучение. Здесь необходимо решение вопроса о том, какие стимулы могли бы мотивировать преподавателей и обучающихся эффективно интегрироваться во внедрение приоритетных ИТ, для того чтобы улучшить качество заявленных в обучении компетенций. Это могут быть, например, дополнительное обучение преподавателей, удобство доступа к технологическим средствам, простота использования средств и совместимость с иными технологиями. Уровень навыков владения ИТ как обучающихся, так и преподавателей также является фактором, определяющим расширение полноценного внедрения ИТ [4].

Несомненно, какие бы технологии не были выбраны приоритетными, применение ИТ для академических целей является неотъемлемой частью современного образовательного процесса.

Библиографический список

1. Rueda L., Benitezb J., Braojos J. 2017. From traditional education technologies to student satisfaction in Management education // A theory of the role of social media applications, Information & Management. Vol. 54. P. 1059–1071.
2. Конюховский П. В., Ольховик А. О., Кузнецова А. С. 2016. Экономико-математическое моделирование рынка высшего образования в условиях экономического спада // Государственное управление. Электронный вестник. № 58. С. 340–358.
3. Конюховский П. В., Алипов А. С., Ольховик А. О., Кузнецова А. С. 2018. Применение байесовского подхода к оценке качества учебного процесса // Международный экономический симпозиум — 2018: материалы междунар. науч. конф. СПбГУ.
4. Furneaux C. 2004. How does Information Technology impact the methods, potential and purpose of education? // ETL Conference. LoganCampus, GriffithUniversity.

Михайлов М. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
m.mihailov@spbu.ru

К ВОПРОСУ ИЗМЕРЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: Измерение качества учебной работы — важный элемент успешного развития системы высшего профессионального образования. В докладе рассматриваются некоторые проблемы оценивания качества учебной работы и пути их преодоления, на примере практической реализации иерархической модели многокритериального оценивания с применением метода рандомизированных сводных показателей.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, оценка качества обучения, человеческий капитал, метод рандомизированных сводных показателей.

MihailovMihail

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

QUALITY OF TRAINING IN HIGHER EDUCATION

Abstract: Measuring the quality of training is an important element in the higher professional education system. This paper discusses some of the problems to measure quality of training and ways to overcome them. We use randomized summary indicators method in a hierarchical model of measurement.

Keywords: human capital, higher education, quality evaluation.

Для оценивания качества обучения используются различные формы и методы: зачеты, экзамены, защиты курсовых, дипломных, выпускных квалификационных работ, коллоквиумы, лабораторные работы, прохождение практики и т.д. В качестве экспертов используется профессорско-преподавательский состав как по месту обучения студентов, так и других образовательных институтов. Могут привлекаться ведущие сотрудники научно-исследовательских организаций, предприятий отраслей хозяйства. В практической деятельности оценивания используются самые различные шкалы, призванные увеличить точность и достоверность получаемых оценок. В последнее время широко внедряются компьютерные технологии, которые позволяют автоматизировать процесс контроля качества обучения, уменьшить человеческий субъективный фактор в этом важном и ответственном процессе.

Экзаменационная отметка (балл, оценка) по отдельному учебному курсу по своей природе является сложной агрегированной оценкой знаний и навыков, полученных в процессе обучения. Этот показатель призван оценить все стороны уровня подготовки специалиста по конкретному учебному курсу. Каждый преподаватель использует ту иную форму (утвержденную, неутвержденную) текущего контроля, результатом которого является множество числовых и (или) нечисловых оценок. Даже в случае отсутствия формального текущего контроля качества обучения преподаватель в процессе личного контакта со студентами имеет возможность получить свое неформальное представление о качестве подготовки отдельных студентов. Полученной информации вполне достаточно для формирования итоговой оценки еще до формальной процедуры экзаменационного оценивания. Как правило, эти оценки совпадают за некоторым исключением.

Подготовка специалиста в системе высшего профессионального образования является сложным многосторонним процессом, в котором необходимо учитывать множество элементов учебной работы даже при аттестационном оценивании по отдельной учебной дисциплине. В случае когда студент успешно выполняет учебную работу по всем ее элементам, проведение аттестационного оценивания не вызывает сомнений. Но в общем случае отдельный студент

неравномерно усваивает учебный материал, и, как следствие, по разным элементам учебной работы студент получает разные (не высшие) оценки, возникает неопределенность в назначении аттестационной оценки. Часто используют среднее арифметическое значение оценок по всем элементам учебной работы. Это простейшая форма синтезирующей функции, которая используется для оценивания качества подготовки студента по учебной дисциплине. Она может быть реализована, например, как сумма баллов элементам учебной работы, когда совпадают максимальные значения баллов по всем элементам учебной работы. В противном случае, когда максимальные значения баллов по разным элементам учебной работы не совпадают, предполагается разная значимость отдельных элементов учебной работы. Эта одна из реализаций другой вида среднего — среднего взвешенного, когда в синтезирующей функции в качестве параметров используются не только числовые оценки по всем элементам учебной работы, но и числовые оценки весовых коэффициентов, при помощи которых задается значимость отдельных элементов учебной работы в общей сводной агрегированной оценке качества учебной работы. Процесс выбора значений весовых коэффициентов достаточно сложен с методологической точки зрения и зависит от поставленной задачи, сущности учебной работы, от субъекта учебного процесса, принимающего решение. Существует неопределенность и дефицит информации при выборе весовых коэффициентов, которые необходимо учитывать при оценивании качества учебной работы.

В работе [1] предлагается метод рандомизированных сводных показателей, который позволяет строить показатели оценивания качества учебной работы в условиях неопределенности, когда задать точные числовые значения весовых коэффициентов для оценок всех элементов учебной работы с практической точки зрения не представляется возможным, вызывает споры в экспертной среде. Числовые оценки весовых коэффициентов, используемые при получении агрегированной оценки учебной работы студента, определяется в лучшем случае с точностью до непустого множества. Это множество векторов весовых коэффициентов, каждый из которых может быть использован для получения агрегированной оценки учебной работы отдельного студента. Элементы этого множества удовлетворяют естественным ограничениям положительности значений элементов вектора весовых коэффициентов и в сумме составляют единицу. На это множество векторов весовых коэффициентов могут быть наложены дополнительные ограничения в соответствии со спецификой оценивания учебной работы студента по конкретной учебной дисциплине. Эти ограничения должны быть общепринятыми, хотя бы в среде экспертного сообщества, принимающего участие в методологическом обеспечении процесса оценивания. Ограничения могут быть в форме точной числовой информации. Как правило, на практике такие оценки могут вызвать значительные споры и разногласия. Но многие преподаватели единолично оценивают учебную работу студента и назначают точные числовые значения весовых коэффициентов всех оцениваемых элементов учебной работы в соответствии со своей парадигмой образования. Наиболее частой формой задания значимости отдельных элементов учебной работы является набор максимального количества баллов по всем элементам учебной работы: работа на семинарских занятиях (40), индивидуальная работа (10), выполнение экзаменационных заданий (50). Здесь значения весовых коэффициентов уже заложены в оценках отдельных элементов учебной работы. Часто оппоненты предлагают 38+11+51, указывая на отсутствие существенных обоснований в выборе того или иного варианта, хотя в некоторых случаях это существенно при выставлении итоговой оценки в зачетную книжку отдельного студента.

С методологической точки зрения меньше претензий со стороны экспертного сообщества вызывает числовая неточная информация, когда задаются интервалы возможных значений весовых коэффициентов отдельных элементов учебной работы. Например, значимость индивидуальной работы в общей оценке учебной работы не превышает 15 %, а экзаменационные задания — не меньше 45 %. Следует отметить, что при расчете средневзвешенной оценки учебной работы необходимо использовать оценки отдельных элементов учебной работы по единой шкале оценивания, либо привести к ней, например, использовать нормированные значения. Приведенные здесь числовые характеристики неточной числовой информации также могут

вызвать претензии со стороны отдельных экспертов, но существенно меньше, чем точные числовые оценки.

Ординальная информация не содержит числовых характеристик. Используя ординальную информацию, эксперты могут быстрее прийти к единому мнению о свойствах выставляемых оценок учебной работы. Практически любой эксперт согласится с информацией о том, что результаты студента на экзаменационных мероприятиях более значимы, чем учебная работа студента (присутствие) на лекциях, или результаты текущего тестирования более значимы, чем учебная работа на семинарах.

Информация о свойствах рассчитываемых оценок учебной работы зависит от поставленных целей учебной работы, формы проведения учебной работы, состава выделяемых элементов учебной работы, преподавателей, проводящих учебную работу, экспертов, оценивающих учебную работу, от конкретной учебной дисциплины. Результатом использования этой дополнительной информации является множество допустимых векторов весовых коэффициентов. Чем больше дополнительной информации, чем она существеннее, тем меньше множество допустимых векторов весовых коэффициентов, тем меньше неопределенность в выборе, тем точнее получаемые оценки учебной работы.

В общем случае значимость элементов учебной работы определяется с точностью до множества допустимых векторов весовых коэффициентов, содержащее более одного элемента. В качестве решения проблемы выбора единственного вектора весовых коэффициентов может быть предложен случайный, рандомный выбор. Любой вектор весовых коэффициентов из множества, сформированного на основе применения дополнительной информации, является допустимым и может быть применен для расчета оценки учебной работы. Нет никаких предпочтений в выборе того или иного вектора из множества допустимых векторов весовых коэффициентов. Можно предположить о равной вероятности в выборе любого вектора из этого множества. Многократный выбор вектора весовых коэффициентов позволяет получить множество оценок учебной работы, среднее значение которых можно использовать в качестве модельной оценки учебной работы. Это неточное приближенное значение. Для оценки точности этого значения можно использовать среднее значений отклонений получаемых оценок от среднего.

Учебная работа по учебной дисциплине состоит из отдельных элементов, оценки по которым являются исходными данными для расчета оценки учебной работы. Эти оценки могут получены не только экспертным путем или выборкой из статистических данных. Отдельный элемент учебной работы может состоять из отдельных частей, по каждой из которых имеются оценки, использование которых позволяет сформировать оценку этого отдельного элемента учебной работы. Учебная работа в общем случае представляет собой иерархическую систему оценивания с несколькими уровнями иерархии.

Автор в течение многих лет применяет иерархическую модель [2] рандомизированных сводных показателей для расчета оценки качества подготовки студентов по многим учебным курсам. Для разных учебных курсов используются разные модели. Опыт применения этих моделей [3], обсуждения результатов применения с коллегами [4] и со студентами на показах экзаменационных работ показывает, что моделируемые оценки достаточно объективно отражают качество подготовки отдельных студентов по отношению к другим. В течение учебного процесса у преподавателя формируется определенное мнение об успеваемости отдельных студентов. В студенческой среде также есть информация о том, кто лучше учится, кто хуже. Эта информация практически полностью соответствует числовым модельным оценкам.

Модельные числовые оценки представляют собой относительные показатели оценивания, оценки в сравнении со студентом с максимальными значениями по всем показателям оценивания. Достижение максимальных результатов связано не только со способностями студентов, но и с характером и особенностями поставленных задач обучения по отдельным элементам учебного процесса. Последнее является важным при сравнении качества подготовки в разные годы.

В процессе преподавания учебной дисциплины в ее состав и в методику ее преподавания вносятся определенные изменения, возможно не имеющие революционного характера, но имеющие целью совершенствование преподавания, повышение качества обучения. В каждом по-

вом учебном году по сравнению с предыдущими любой учебный курс имеет изменения, которые не всегда находят свое отражение в учебных планах, в количестве часов, количестве лекций, семинаров, контрольных работ, тестов, но имеющих существенное значение для преподавания учебного курса. Например, изменяется состав и формулировка вопросов, применяемых при опросах на семинарах, пересматривается и изменяется набор задач, применяемых в тестах, генерируется новый пул вопросов и задач, используемых в промежуточных аттестациях. Это может оказывать существенное влияние на характеристики лучшего студента, с которым сравниваются результаты всех обучающихся в данный учебный период студентов. Это влияет на формальные показатели успеваемости студентов. Условно условия обучения студентов в разные учебные годы можно разделить на «попроще» и «посложнее».

Преподаватель учебного курса обладает необходимой информацией о сравнительной сложности учебного курса за разные годы. Но, как правило, это нечисловая информация или в лучшем случае неточная числовая информация. Ее использование важно при сравнении качества подготовки специалистов в разные годы.

Учет «сложности» целей обучения возможен уже на этапе построения модели оценивания качества подготовки студентов в текущем году, задавая необходимые числовые значения параметров модели, например, число задач, которые необходимо решить правильно на семинарском занятии. При более сложных задачах уменьшать их число, при менее сложных увеличивать. В общем случае, когда необходимо сравнить качество подготовки за периоды, за которые имеется только результаты промежуточной аттестации и полная необходимая информация отсутствует, возможно построение динамической модели рандомизированных сводных показателей, целью которой является построение числовых оценок сравнительной значимости.

Предлагаемый инструмент может быть применен не только к отдельным учебным курсам, но и для сравнения качества подготовки студентов разных специальностей, разных факультетов, разных институтов высшего профессионального образования.

Использование иерархической модели рандомизированных сводных показателей позволяет на основе данных, собранных в процессе обучения, получить числовую информацию о качестве подготовки студентов, которая позволяет сгенерировать объективные значения оценок промежуточной аттестации в принятой в университете системе оценивания.

Библиографический список

1. Хованов Н. В. 1996. Анализ и синтез показателей при информационном дефиците. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
2. Михайлов М. В. 2010. Принятие решения в иерархических системах оценивания финансово-экономических объектов. СПб.: Изд-во ОЦЭиМ.
3. Михайлов М. В. 2012. Модель измерения образовательного компонента человеческого капитала в системе высшего профессионального образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Экономика. Вып. 1. С. 182–192.
4. Михайлов М. В. 2018. Проблемы измерения социального капитала в условиях неопределенности и недостатка числовой информации // II международная конференция «Социальный капитал современного общества». СПбГУ. СПб.: Скифия-принт. С. 208–216.

Егорова И. Е.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
i.egorova@spbu.ru

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧИХ ГРУПП НА ОСНОВЕ ИХ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ ПО СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ КРИТЕРИЯМ

Аннотация: Для реальных задач бизнеса и производства, как правило, не существует четких алгоритмов решения. Однако в последнее время, все больше возрастает роль вычислительной техники и математических методов, способных справиться с экономическими задачами. Проблема оптимального формирования рабочих команд, помимо области экономики и управления, затрагивает также сферу социологии и психологии, знания которых еще сложнее структурировать. Чтобы найти оптимальный вариант решения задачи формирования рабочих групп, необходимо спрогнозировать эффективность их будущего функционирования. В данной работе предлагается комплексная оценка, основанная на учете профессиональных знаний, умений и навыков членов рабочих групп и психологическом климате, который может сложиться в процессе их взаимодействия при решении поставленных перед ними задач.

Ключевые слова: теория принятия решений, рабочая группа, профессиональные компетенции.

Egorova I. E.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

THE TECHNIQUE OF FORMING WORKING GROUPS BASED ON THEIR COMPLEX EVALUATION BY SOCIAL-PSYCHOLOGICAL AND PROFESSIONAL CRITERIA

Abstract: For real business and production tasks, as a rule, there are no clear solution algorithms. However, recently, the role of computers and mathematical methods that can cope with economic tasks is growing. The problem of the optimal formation of working teams, in addition to the field of economics and management, also affects the sphere of sociology and psychology, whose knowledge is even more difficult to structure. In order to find the optimal solution to the problem of forming working groups, it is necessary to predict the effectiveness of their future functioning. This paper proposes a comprehensive assessment based on the consideration of professional knowledge, skills and abilities of the members of the working groups and the psychological climate that may arise in the process of their interaction in solving their tasks.

Keywords: decision theory, working group, professional competencies.

Команды сотрудников должны решать важные проблемы, достигать результаты выше среднего уровня, выполнять работу быстрее и лучше, чем отдельные исполнители. Для этого они должны обладать взаимодополняющими знаниями, умениями, навыками и их усилия должны быть сконцентрированы на общей задаче. Кроме того, всякое взаимодействие между людьми порождает различные социально-психологические связи, позитивные и негативные. Существуют методики, позволяющие на основе личностных характеристик людей спрогнозировать их психологическую совместимость и то, какой психологический климат сложится в группе. Это либо тестирование, либо беседа с профессиональным психологом, наличие которого в крупной организации и на предприятии сейчас уже является необходимостью. Таким образом, получение подобной информации не составляет труда.

В конечном итоге в команде должны комбинироваться все способности и навыки, которые необходимы для решения поставленной задачи. При этом требуются знания, умения и навыки различного типа. Это прежде всего чисто технические и функциональные знания, умения и навыки, т. е. первичные профессиональные предпосылки для решения задачи. Необходимо также умение методически правильно построить работу, что помогает команде анализировать проблемы, генерировать идеи, принимать решения, организовать рабочие процессы и соответствующим

щим образом представлять результаты вовне. Третья группа знаний, умений и навыков лежит в сфере социальной компетенции, т. е. члены команды должны уметь общаться друг с другом, уметь найти взвешенный баланс между способностью критиковать и готовностью помочь.

Чтобы найти оптимальный вариант решения задачи формирования рабочих групп, необходимо спрогнозировать эффективность их будущего функционирования. Сделать это предлагается на основе комплексной оценки, использующей в качестве оценочных критериев следующие:

- профессиональные знания, умения и навыки;
- профессионально-ролевые типы;
- уровень ценностно-ориентационного единства.

Сначала рассмотрим социально-психологическую составляющую нашей комплексной оценки, опирающуюся на понятие психологического климата. Психологический климат — это состояние межличностных и групповых связей в коллективе, отражающее деловой настрой, трудовую мотивацию и степень социального оптимизма персонала организации. Это суммарный эффект от многих факторов, влияющих на персонал организации и в конечном счете определяющих стремление работников к полезной деятельности, творческой инициативе, сотрудничеству и сплоченности с другими.

Одним из условий создания благоприятного психологического климата в коллективе является обеспечение групповой сплоченности на основе социально-психологической совместимости. Оценить эту совместимость можно на основе ценностно-ориентационного единства группы и профессионально-ролевых типов входящих в группу сотрудников.

Профессионально-ролевые типы. Выделение профессионально-ролевых типов сотрудников опирается на те особенности их поведения и взаимодействия, которые проявляются в процессе исполнения ими профессиональной деятельности и влияют на ее эффективность. Специфика профессионально-ролевой идентификации позволяет прогнозировать возможные проявления позитивных и негативных личных качеств сотрудников в процессе их профессионального взаимодействия, что крайне важно учитывать при формировании проектных групп, замкнутых производственных коллективов, распределении полномочий и ответственности в рамках выполнения коллективного задания, особенно в сжатые сроки или в условиях неопределенности.

В качестве примера рассмотрим одну из самых популярных классификаций — функциональные роли по Р.М.Белбину [1]. В этом подходе рассматриваются возможности взаимодополняющего и компенсирующего взаимодействия в группе сотрудников, основанные на диагностике профессионально значимых черт личности сотрудников, присущих им достоинств (положительных качеств) и приемлемых недостатков. Предполагается, что наличие в управленческой команде сотрудников всех описанных ниже типов обеспечивает реальные возможности высокоэффективной деятельности:

Реализатор. Реализаторам присущи практический здравый смысл и хорошее чувство самоконтроля и дисциплины. Они любят тяжелую работу и преодоление проблем в системном режиме.

Координатор. Отличительной чертой координаторов является способность заставлять других работать над распределенными целями.

Творец. Это люди с высоким уровнем мотивации, неисчерпаемой энергией и великой жадой достижений.

Генератор идей. Генераторы идей являются инноваторами и изобретателями, могут быть очень креативными.

Исследователь. Они умеют общаться с людьми в компании и за ее пределами. Они рождены для ведения переговоров, исследования новых возможностей и налаживания контактов.

Эксперт. Это очень серьезные и предусмотрительные люди с врожденным иммунитетом против чрезмерного энтузиазма. Они способны критически мыслить.

Дипломат. Это люди, пользующиеся наибольшей поддержкой команды. Они очень вежливы, обходительны и общительны. Они умеют быть гибкими и адаптироваться к любой ситуации и разным людям.

Исполнитель. Обладают огромной способностью доводить дело до завершения и обращать внимание на детали. Они никогда не начинают то, что не могут довести до конца.

Специалист. Их приоритетами являются предоставление профессиональных услуг, содействие и продвижение в своей сфере деятельности.

При подборе команды непременно следует включать в нее людей, личностные характеристики которых охватывают диапазон качеств, необходимых для того, чтобы все роли могли быть реализованы. Это не означает, что группа должна состоять непременно из девяти человек, кто-то из работников может совмещать психологические роли, главное, чтобы все функции выполнялись.

Количество m и состав ролей R_j определяются исходя из целей и задач создания рабочей группы. Для каждого из n претендентов в команду оцениваются его профессионально-ролевые типы.

Оценка профессионально-ролевого разнообразия производится по формуле

$$K_R = [1 - k_R \times (NR_{max} - NR_{min}) / NR_{max}] \times (R / m) \times 100 \%, \quad 0 \leq k_R \leq 1, \quad (1)$$

где R — количество ролей, присутствующих в выбранной комбинации состава команды; m — общее число ролей; NR_{max} и NR_{min} — соответственно, максимальное и минимальное количество человек, относящихся к различным типам ролей; k_R — коэффициент учета разницы между ролями, набравшими максимальное и минимальное количество человек. При значениях k_R , близких к нулю, возможна ситуация доминирования некоторых ролей над другими. В обратной ситуации, при $k_R = 1$, отсутствие в команде одной из ролей обнуляет всю оценку профессионально-ролевого разнообразия.

Ценностно-ориентационное единство. Ценностно-ориентационное единство в качестве показателя групповой сплоченности выступает как интегральная характеристика системы внутригрупповых связей, показывающая степень совпадения мнений, оценок, установок и позиций членов группы по отношению к объектам, наиболее значимым для осуществления целей деятельности группы и реализации в этой деятельности ее ценностных ориентации. Определяется методами наблюдения и опроса. Подсчитывается количество одинаковых выборов целей и ценностей, которые предъявляются членам группы поодиночке.

Для оценки уровня $Цое$ можно применить методику Р.С.Немова (Вайсмана) [2]. Суть ее состоит в том, что членам коллектива предлагают набор качеств личности и каждый должен выбрать из него пять таких, которые считает наиболее ценными для успешной деятельности. Уровень $Цое$ в % устанавливается по формуле

$$Цое = K_C = (NC_{max} - NC_{min}) / N \times 100 \%, \quad (2)$$

где NC_{max} — сумма выборов, приходящихся на пять качеств, получивших в данной группе (текущем варианте состава команды) максимальное предпочтение; NC_{min} — сумма выборов, приходящихся на пять качеств, получивших в данной группе минимальное число выборов; N — общее число выборов, сделанных членами данной группы.

Количество m и состав качеств личности или ценностей C_j определяются инициаторами создания рабочей группы совместно с психологами и специалистами по работе с персоналом.

Профессиональные знания, умения и навыки. Требования к знаниям, умениям и навыкам членов рабочей группы, т.е. их количество m и состав P_j , определяется исходя из целей и задач создания этой группы. В качестве примера можно привести набор профессиональных умений, которыми должны обладать специалисты по созданию и сопровождению информационных систем, согласно соответствующему профессиональному стандарту [3]:

- разрабатывать регламентную документацию;
- проводить переговоры;
- проводить рабочие и формальные согласования;

- анализировать входные данные;
- управлять персоналом в проекте;
- распределять работы и выделять ресурсы;
- контролировать выполнение поручений;
- планировать работы в проектах;
- устанавливать права доступа и т. д.

Как и в случае с профессионально-ролевыми типами, в команде должны присутствовать люди, профессиональные знания, умения и навыки которых охватывают весь необходимый диапазон компетенций.

Оценка профессиональной компетентности рабочей группы производится по формуле

$$K_P = [1 - (NP_{max} - NP_{min}) / NP_{max}] \times 100 \%, \quad (3)$$

где NP_{max} и NP_{min} — соответственно, максимальное и минимальное количество человек, обладающих различным профессиональными знаниями, умениями и навыками. Если какой-либо из P_j отсутствует в данной комбинации команды, т. е. $NP_{min} = 0$, она не может считаться достаточно компетентной для выполнения стоящих перед ней задач.

Комплексная оценка. Для альтернативных вариантов составов рабочих групп имеются их численные оценки для всех трех критериев (формулы 1–3). Оценка варианта решения по многим критериям означает, что мы преследуем более чем одну цель, и эти цели могут иметь разную степень важности. Обычно, когда мы руководствуемся более чем одним показателем качества принимаемого решения, одновременное достижение цели задачи по всем локальным критериям невозможно, и решение состоит в нахождении некоторого компромисса в достижении этой цели.

Для получения комплексной оценки будем использовать метод обобщенного критерия [4], при котором каждому критерию назначается весовой коэффициент, или уровень значимости α_j . Так как все оценки альтернатив по критериям представлены в единообразном виде, а также результирующую оценку мы хотим получить в такой же форме, сделаем весовые коэффициенты нормализованными, т. е. $\alpha_R + \alpha_C + \alpha_P = 1$.

Весовые коэффициенты задаются людьми, принимающими решение по составу рабочей группы. Можно предположить, что в условиях дефицита кадров большее предпочтение будет уделяться профессиональным компетенциям сотрудников.

В результате получаем оценку K , позволяющую спрогнозировать эффективность функционирования будущей рабочей группы:

$$K = \alpha_R \times K_R + \alpha_C \times K_C + \alpha_P \times K_P,$$

где K_R, K_C, K_P — оценки социально-психологических и профессиональных критериев (формулы 1–3), $\alpha_R, \alpha_C, \alpha_P$ — их весовые коэффициенты.

Библиографический список

1. Белбин Р. М. 2004. Типы ролей в командах менеджеров. М.: Дело.
2. Немов (Вайсман) Р. С., Янотовская Ю. В. 1977. Методика изучения ценностно-ориентационного единства по качествам, значимым для личности в коллективе // Вопросы психологии личности: межвузовский сборник.
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по информационным системам» (06.015) от 18.11.2014 г., № 896н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 24.12.2014, N 35361).
4. Андрейчиков А. В., Егорова И. Е., Андрейчикова О. Н. 2008. Интеллектуальная система на основе генетических алгоритмов, методов анализа иерархий и морфологического синтеза для оптимизации состава организационных структур: монография. ВолгГТУ, Волгоград.